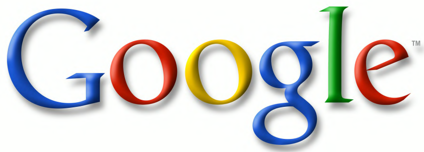
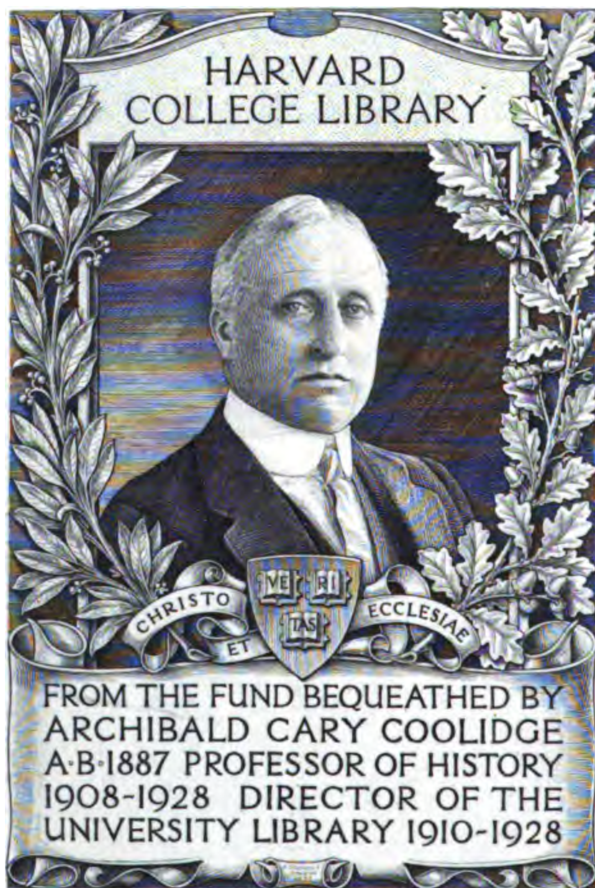

HARVARD
COLLEGE LIBRARY
VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

ТОМЪ XXXII

№ 1140

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XXXII

1888

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1888

СОДЕРЖАНІЕ ТРИДЦАТЬ ВТОРОГО ТОМА.

(АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

В. П. ГАЕВСКІЙ.

(Некрологъ).

2-го марта, въ 6 часовъ вечера, послѣ долгихъ и тяжкихъ страданій, скончался Викторъ Павловичъ Гаевскій — одинъ изъ учредителей «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ», много разъ бывшій предсѣдателемъ этого Общества, извѣстный знатокъ Пушкинскаго періода нашей литературы, другъ Тургенева, Некрасова, Григоровича, Полонскаго и всей плеяды нашихъ лучшихъ писателей блестящаго періода 60-хъ годовъ. Покойный В. П. Гаевскій, при жизни пользовавшійся почетною извѣстностью въ выдающихся петербургскихъ литературныхъ и художественныхъ кружкахъ, былъ въ то же время весьма почтеннымъ общественнымъ дѣятелемъ и вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы мы помянули его здѣсь добрымъ словомъ.

Покойный родился 22-го января 1826 года, въ С.-Петербургѣ, гдѣ его отецъ, Павелъ Ивановичъ Гаевскій (человѣкъ умный и образованный), служилъ по министерству народнаго просвѣщенія и долгое время былъ директоромъ департамента при Уваровѣ и его ближайшихъ преемникахъ. Получивъ хорошую домашнюю подготовку, Викторъ Павловичъ поступилъ сначала въ Ларинскую гимназію, гдѣ и пробылъ до IV класса; а изъ этого класса, за отличіе (какъ это водилось прежде) былъ переведенъ на казенный счетъ въ Императорскій Александровскій лицей, гдѣ и окончилъ курсъ, въ числѣ первыхъ воспитанниковъ, въ 1845 году.

II

Опредѣлившись на службу въ бывшую Комиссію Прошеній, В. П. обратилъ на себя вниманіе своими способностями и замѣчательною въ молодомъ человѣкѣ дѣловитостью, и пошелъ по службѣ чрезвычайно быстро:—черезъ десять-двѣнадцать лѣтъ службы онъ былъ уже дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ. Всѣ пророчили ему блестящую служебную карьеру, и она дѣйствительно ему предстояла въ будущемъ; но... судьба рѣшила иначе, и указала Виктору Павловичу иную дорогу.

По выходѣ изъ лицея, онъ страстно предался занятіямъ литературнымъ и имъ посвящалъ все свободное отъ службы время. При отличномъ знаніи иностранныхъ языковъ, постоянно работая надъ пополненіемъ своего образованія, Викторъ Павловичъ ревностно слѣдилъ за современною европейскою литературою и сильно увлекался тѣми общественными идеалами Запада, на которыхъ воспитались и выросли наши русскіе люди сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ. Принадлежа къ кружку «Современника», отъ времени до времени онъ помѣщалъ въ немъ свои литературные и критическіе опыты и, между прочимъ, напечаталъ свои прекрасныя статьи о Дельвигѣ и его отношеніяхъ къ Пушкину. Дѣятельно работая въ журналѣ, Викторъ Павловичъ вполнѣ раздѣлялъ и тѣ увлеченія кружка, которыя привели журналъ къ печальной развязкѣ въ началѣ 60-хъ годовъ. Вѣря въ возможность быстраго перерожденія Россіи при помощи пересажденныхъ на русскую почву западныхъ учрежденій и общественнаго устройства, Викторъ Павловичъ увлекался и дѣятельностью Герцена, и былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что произведенія вольной лондонской типографіи должны были принести огромную пользу молодой, нарождающейся Россіи. На этомъ основаніи онъ, наравнѣ съ множествомъ другихъ своихъ современниковъ, вошелъ въ сношенія съ Герценомъ, переписывался съ нимъ и помѣщалъ на страницахъ его журнала статьи и литературные матерьялы.

Когда, въ началѣ 60-хъ годовъ, началась извѣстная реакція и русское общество, послѣ урока, даннаго ему поляками, стало нѣсколько трезвѣе относиться къ современной жизни—для Виктора Павловича наступило горькое разочарованіе. По сдѣланному на него доносу, Викторъ Павловичъ былъ привлеченъ къ отвѣту, и хотя доносъ оказался несправедливымъ, но сношенія съ Герценомъ (очевидность которыхъ была несомнѣнна) настолько повредили Гаевскому, что онъ долженъ былъ оста-

вить службу и обратиться къ частной дѣятельности. Онъ перенесъ этотъ тяжелый ударъ съ замѣчательною твердостью, и какъ разъ въ то время, когда у насъ введены были въ дѣйствіе новые судебные уставы и открыты окружные суды— Гаевскій выступилъ въ рядахъ небольшого кружка нашихъ первыхъ адвокатовъ, имѣвшихъ мало общаго съ послѣдующимъ поколѣніемъ этого сословія.

Занимаясь адвокатурою въ теченіе двадцати лѣтъ, Гаевскій съумѣлъ составить себѣ извѣстность человѣка, который ни за что не покривитъ душою и ни за какія деньги не приметъ на себя защиту грязнаго дѣла. Но адвокатура была для него неболѣе, какъ обязанностью, службою, неизбѣжнымъ заработкомъ... Всѣ досуги свои Гаевскій продолжалъ съ любовью посвящать искусству, литературѣ и библіографическимъ работамъ по Пушкинскому періоду, который онъ зналъ превосходно, по которому всю жизнь собиралъ матерьялы и готовился современемъ издать обширную монографію. Но досуги были рѣдки и кратки при необходимости посвящать все свое время адвокатурѣ — и это препятствовало литературнымъ работамъ Гаевскаго. Только уже покинувъ адвокатскую дѣятельность и заработавъ себѣ возможность спокойно трудиться въ свѣжей и бодрой старости, Гаевскій снова вернулся къ своимъ любимымъ занятіямъ, принялъ на себя редакцію отдѣла «лицейскихъ стихотвореній» Пушкина въ изданіи Литературнаго фонда и сталъ помѣщать нѣкоторыя литературныя работы въ «Вѣстникѣ Европы».

Но ни отдохнуть, ни поработать на досугѣ надъ любимымъ отдѣломъ литературы ему уже не пришлось... Грозный недугъ, давно овладѣвшій тѣломъ, начиналъ овладѣвать и духомъ этого человѣка, обладавшаго желѣзною волею и очень сурово относившагося къ себѣ. Въ октябрѣ 1887 года, Гаевскій окончательно слегъ въ постель—и никакія усилія медицинскихъ знаменитостей, слишкомъ поздно призванныхъ на помощь, уже не могли его спасти. Въ бреду онъ еще говорилъ женѣ: «Давай заниматься библіографіей! Я ее собиралъ двадцать лѣтъ... Ты не найдешь въ ней ни одной ошибки!..» Мысль все еще обращалась къ любимымъ неоконченнымъ трудамъ, когда тѣло уже отказывалось служить... Чувствуя приближеніе смерти, онъ поручилъ женѣ отвезти въ Публичную Библіотеку сундучекъ, въ который сложилъ всѣ свои литературныя работы, замѣтки и выписки, а наверху положилъ свой весьма обширный дневникъ. Къ сундучку приложено

было письмо, въ которомъ онъ просилъ начальство Библіотеки вскрыть его дневникъ и записки не ранѣе, какъ черезъ 50 лѣтъ послѣ его смерти.

Двѣ недѣли спустя, онъ скончался, оплакиваемый многими, какъ честный и видный представитель того поколѣнія русскихъ западниковъ, которое страдало крупными недостатками, но за то и отличалось такими достоинствами, которыя — увы! — не повторяются въ нарождающемся литературномъ поколѣніи. Отличительною чертою русскихъ людей этого поколѣнія, кромѣ утонченной образованности, любви къ литературѣ, къ искусству и ко всему изящному, была чрезвычайная отзывчивость на всѣ явленія общественной жизни, на всѣ проявленія гражданственности. Покойный Викторъ Павловичъ былъ однимъ изъ весьма энергическихъ представителей этого поколѣнія и, не смотря на очень тяжелую работу, которая отнимала у него большую часть времени, онъ никогда не отказывался отъ службы на пользу общества и отдавался ей съ большимъ самоотверженіемъ, не жалѣя ни трудовъ, ни денегъ. Въ особенности, въ званіи предсѣдателя Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, онъ неоднократно оказывалъ этому учрежденію незабвенныя услуги, и оставилъ видный, неизгладимый слѣдъ въ лѣтописяхъ Общества. Онъ умѣлъ дѣлать добро незамѣтно, стараясь казаться сухимъ и холоднымъ, и не разсчитывая ни на чью благодарность... Миръ его праху!

ВИКТОРЪ ПАВЛОВИЧЪ ГАЕВСКІЙ.

Дозв. ценз. Спб., 26 марта 1888 г.

АРАКЧЕЕВСКІЙ СЫНОКЪ[1].

XIII.

ѢЙСТВОВАТЬ! Не унывать! Дерзость всемогуща!..

Она его еще не любитъ... Она не стала бы лгать... Она сказала... «Не знаю, не думаю». Это искренно, правдиво, прелестно сказано! Она быть можетъ способна полюбить его. Но теперь еще не любитъ. Меня не любитъ и говоритъ, что не можетъ любить... Теперь?! Да. Увидимъ, что будетъ, когда я возьму ее... Но надо дѣйствовать...

Вотъ что̀ думалъ и бормоталъ Шумскій, ворочаясь домой. Едва только вступилъ онъ въ свою квартиру, какъ приказалъ позвать мамку къ себѣ въ спальню.

— Ну, Авдотья... то̀ бишь Дотюшка. Совсѣмъ пора тебѣ орудовать. Иди къ Пашутѣ въ гости. Скажись, что пріѣзжая изъ Гру̀зина и тебя къ ней пустятъ. Готова ли ты свое это... страшное слово-то говорить...

— Чтожъ... На то видно воля Божья!—вздохнула Авдотья.— Думала во вѣки никогда не сказывать. А вотъ стало быть надо... Вѣдь, сказываете, вся жисть твоя отъ барышни этой въ тоску обратилась. А все сказываете отъ Пашуты зависитъ. Ну, а на Пашуту я только одно слово знаю... Ничѣмъ ее другимъ не возьмешь... Стало быть, что же мнѣ-то дѣлать... Волей неволей—а мое это слово выронить надо...

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXI, стр. 521.

— Выронить?!

— Вѣстимо... Душу выкладывать на ладонь—опасливо... Я бы во вѣки не стала... Твой указъ...

Авдотья произнесла это не весело, вздыхая и какъ бы оправдываясь...

— Да ты не винись,—улыбаясь замѣтилъ Шумскій.—Подумаешь со стороны, что я тебя охуждаю... Ей Богу!.. И хорошее дѣло, что у тебя есть на Пашуту такая острастка. А то бы чистая бѣда была. Смерть чистая была бы мнѣ.

— Вѣрю. Я не винюся, а такъ стало быть...

— Сегодня передъ вечеромъ и отправляйся къ своей фокусницѣ. Помни, что ты г. Андреева не знаешь. А про графа, про Грузино и про флигель-адъютанта Шумскаго говори барышнѣ, что хочешь. Пашуткѣ скажешь, что это мое послѣднее слово. Или она будетъ мнѣ слугой, или Настасья Өедоровна немедля вытребуетъ ее въ Грузино. Если же она тогда въ отместку, уходя и прощаясь съ баронессой, откроетъ ей кто я такой, то пойдетъ въ Сибирь на поселеніе. Если исполнитъ всѣ мои приказанія, то получитъ вольную. Впрочемъ, она, каналья, все это давно знаетъ... И ломается!—прибавилъ Шумскій почти печально.

Въ сумерки Авдотья нѣсколько волнуясь собралась и въ сопровожденіи Копчика поѣхала на Васильевскій островъ.

За послѣдніе два дня Копчикъ ходилъ пасмурный, глядѣлъ на пріѣзжую мамку изъ подлобья. Онъ будто чуялъ, что названая мать его сестры Пашуты пріѣхала въ Петербургъ ей на горе, а не на радость.

Лакей сгоряча предложившій Авдотьѣ Лукьяновнѣ повидаться тайно отъ барина съ Пашутой—тотчасъ же раскаялся. Женщина не просила его объ этомъ, вслѣдствіе запрещенья своего питомца, а Копчикъ не повторялъ предложенья и молчалъ, ибо начиналъ бояться мамки.

Малый зналъ, что Авдотья любитъ его сестру какъ родную дочь, что Пашута тоже привязана къ ней всѣмъ сердцемъ, какъ къ своей спасительницѣ и второй матери.

«Но давненько обѣ онѣ не видѣлись», думалъ Васька. «Много воды утекло... Да и любви всякой предѣлъ бываетъ»... Кромѣ того, Васька видѣлъ и зналъ, что какъ бы Авдотья Лукьяновна ни любила Пашуту, все-таки ей ея питомецъ-баринъ много дороже. Ему она и Пашуту предастъ.

Теперь же ей приходилось—Васька зналъ и понималъ это хорошо—выбирать между пріемышемъ и питомцемъ. На чью сторону склонится женщина—было ясно заранѣе.

«Чтой-то изъ всего этого выйдетъ? Помилуй Богъ мою Пашутку»!—думалъ Васька, провожая женщину въ домъ барона Нейд-

шильда. Ужъ лучше бы Пашутѣ уступить нашему затѣвателю... А то пропасть можетъ...

И Васька вплоть до дома барона молчалъ какъ убитый. Авдотья тоже была задумчива, изрѣдка вздыхала тяжело и не сказала ни слова своему спутнику.

— Ну, вотъ-съ, Авдотья Лукьяновна... выговорилъ, наконецъ, Копчикъ, указывая на домъ.—Пріѣхали. Увидите вы не ту Пашуту, что знавали... Жаль мнѣ нельзя съ вами!

И молодой малый презрительно улыбнулся при мысли, что онъ, изрѣдка бывающій тайно у сестры въ гостяхъ, теперь не можетъ войти въ домъ, такъ какъ баринъ это узнаетъ отъ мамки. Просить ее позволить ему войти съ ней къ Пашутѣ и ничего не сказывать барину—напрасный трудъ.

Такимъ образомъ, Авдотья случайно съ перваго шага въ Петербургѣ становилась какъ бы во враждебныя отношенія съ нимъ, Васькой, и съ его сестрой.

Женщина вошла во дворъ дома, а Копчикъ вернулся обратно и доложилъ барину, что доставилъ мамку.

Вечеромъ квартира Шумскаго была противъ обыкновенія совершенно темна, а людямъ было велѣно отказывать всѣмъ, кто бы ни пріѣхалъ.

Самъ хозяинъ сидѣлъ одинъ въ спальнѣ, въ халатѣ, не раздражительный и угрюмый какъ бывало часто за послѣднее время, а просто задумчивый и печальный.

Его пылкая натура будто начинала уступать гнету обстоятельствъ, дерзость и самонадѣянность временно уступили мѣсто тихой грусти.

— Что дѣлать?! Что?!—безъ конца повторялъ онъ и мысленно и вслухъ.— Храбриться можно, да толку мало.

Изрѣдка онъ прислушивался къ шуму на улицѣ и въ домѣ, какъ бы ожидая кого-то... Дѣйствительно, онъ нетерпѣливо ждалъ съ часу на часъ пріятеля Квашнина, за которымъ послалъ Копчика. За чѣмъ онъ звалъ пріятеля, онъ самъ не зналъ. Казалось просто затѣмъ, чтобы поговорить откровенно, душу отвести и пожалуй посовѣтоваться.

Наконецъ, раздались шаги въ сосѣдней комнатѣ. Шумскій привсталъ на встрѣчу, но никто не входилъ.

— Кто тамъ? Квашнинъ, ты? Иди сюда!—крикнулъ онъ громко.

Дверь отворилась и появилась маленькая и худенькая фигурка чрезвычайно не казистая на видъ. Затворивъ тихонько дверь, фигурка какъ-то съежилась и поклонилась подобострастно.

— А... Вотъ кто! Ну, что?—холодно произнесъ Шумскій, снова садясь.

Въ комнатѣ появился, уже нѣсколько дней отсутствовавшій, Лепорелло Шваньскій.

— Пріѣхалъ-съ, Михаилъ Андреевичъ, — доложилъ Шваньскій улыбаясь.

— Неужели?

— Да-съ... Пріѣхалъ сейчасъ.

— Вижу. Не слѣпой. Привезъ?

— Привезъ-съ?

— Не обманъ?

— Какъ можно-съ. Я съ тѣмъ бралъ, что если обманъ, то мы подъ судъ отдадимъ, въ Сибирь сошлемъ.

— У кого досталъ...

— Ѣздилъ за сто тридцать три версты-съ отъ Новгорода-съ. Около Старой Руссы сказали мнѣ-съ... Живетъ человѣкъ такой, не то знахарь, не то колдунъ. Во всей губерніи ему почетъ... Да и боятся его всѣ страсть какъ... Вотъ я изъ Руссы, сказавшись подъячимъ изъ Москвы...

— Ну, ладно... Перестань... Это не любопытно. Давай сюда...

Шваньскій растегнулъ сюртукъ, бережно досталъ изъ бокового кармана что-то небольшое въ бумажкѣ и подалъ молодому человѣку.

— Что такое?

— Пузыречекъ-съ...

Шумскій развернулъ бумагу и, вынувъ маленькую скляницу съ мутно желтой жидкостью, сталъ смотрѣть на нее...

— Ну, а если это ядовито?—пробормоталъ онъ какъ бы самъ себѣ...

— Какъ можно-съ,—усмѣхнулся Шнальскій.—Онъ сказывалъ, божился предъ образами, что самое пустое средство. Только пріятный сонъ даетъ. И очень крѣпкій. Хоть, говоритъ, пори человѣка розгами—не проснется ранѣе положеннаго срока.

— Какого срока? Насколько часовъ дѣйствуетъ.

— На двѣнадцать-съ.

— Все это выпить? Заразъ?

— Нѣтъ. Тутъ на три раза. По ложечкѣ. Въ водѣ или въ чаѣ принимать. А все если дать сразу, то, говоритъ, будетъ человѣкъ сутокъ двое безъ просыпу и безъ всякого дыханія валяться, на подобіе мертваго. Даже весь похолодѣетъ, и посинѣетъ. Очень онъ просилъ всего не давать заразъ.

— Очень?—расхохотался вдругъ Шумскій.

— Да-съ.

— Просилъ?

— Да-съ...

— Ахъ, мерзавцы!.. Чѣмъ торгуютъ... А?.. Сколько же ты заплатилъ.

— Сто рублей-съ.

По голосу Шваньского можно было догадаться, что онъ лжетъ

Какъ ни хитеръ и ни подлъ былъ онъ, но голосъ его лгать не умѣлъ.

— Ну, Богъ съ тобой... Рублей 75 нажилъ...

— Ей Богу-съ... Михаилъ Андреевичъ... Помилуйте.

— Не помилую. Но и не жалѣю. А вотъ что ты мнѣ скажи: Если это ядовито?.. А?

— Онъ мнѣ божился... Только пріятный сонъ-съ.

— Божился? Вотъ доказательство хорошее нашелъ дуракъ. Да ты-то развѣ сейчасъ не побожился, что сто рублей отдалъ. Вотъ что, другъ, Иванъ Андреевичъ, я еще слава Богу съ ума не сходилъ, чтобы не опробовавши эту дрянь — дать выпить женщинѣ, которую обожаю... Стало быть, найди мнѣ на комъ испробовать.

— Мудрено-съ. На комъ же?

— Да ты скажи, крѣпко вѣришь ты, что это средство безопасное и хорошее, только крѣпкій да еще пріятный сонъ даетъ. Вѣришь ты самъ-то?!.

— Вѣрю-съ. Вѣстимо... Совершенно-съ.

— Всѣмъ сердцемъ и всѣмъ разумѣніемъ?..

— Точно такъ-съ.

— Ну такъ и выпей ложечку...

— То-ись это какъ же-съ?..

И Шваньскій разинулъ ротъ.

— Въ чаѣ или въ кофеѣ. Въ чемъ тебѣ пріятнѣе.

— Я то-ись не объ этомъ... А какже помилуйте я вдругъ пить буду... Зачѣмъ же-съ.

— Ради пробы, другъ сердечный.

— Что вы, Михаилъ Андреевичъ, шутите?!.. Ну, а на грѣхъ, если...

— А-а? — прооралъ Шумскій на весь домъ. — На грѣхъ, если подохну, молъ! Да! То-то, голубчикъ. Такъ снадобье-то для баронессы — ничего. Только пріятный сонъ дастъ. А ты подохнуть можешь...

Шваньскій кисло улыбаясь развелъ руками.

— Ну, убирайся. Я и безъ тебя найду на комъ испробовать.

Шваньскій вышелъ, бережно затворилъ за собой дверь и, двигаясь въ другой комнатѣ ощупью въ темнотѣ, покачалъ головой и пробормоталъ:

— Самъ на себѣ испробовалъ бы. Чего вѣрнѣе? А то вишь я розыщи, я привези, да я же и пей всякую пакость.

— Какую пакость пить? — раздался голосъ въ противуположныхъ дверяхъ.

Это былъ Копчикъ.

— Ахъ, это ты, Василій, — встрепенулся Шваньскій. — Я такъ про себя. Ты откуда?..

— Ѣздилъ по приказу, — рѣзко отозвался Копчикъ.

— Къ кому?

— Вамъ-то что же... Дѣло поручено было.

И Копчикъ, пройдя мимо Шваньскаго, вошелъ къ барину.

— Ну?—встрѣтилъ его Шумскій.

— Не могутъ быть. Хвораютъ. Просятъ, если нужно, васъ самихъ пожаловать.

— Что у него?..

— Грудь заложило, сказывали,—усмѣхнулся Васька.—А люди говорятъ, что у нихъ одна ихняя барыня была днемъ и они очень шибко повздорили. Она въ Петра Сергѣевича шандаломъ пустила и ушибла ихъ въ лицо. Можетъ отъ того и не ѣдутъ.

— О-го... Рожу разбила.

— Да-съ. На лбу синякъ малость видать. Шишка.

— И здоровая?!.

— Средственная-съ.

Шумскій усмѣхнулся и, бросивъ трубку, снялъ халатъ и началъ одѣваться. Чрезъ нѣсколько минутъ, онъ былъ уже на улицѣ и, взявъ перваго попавшагося на встрѣчу извозчика, приказалъ ѣхать въ Галерную.

XIV.

Квашнинъ жилъ въ небольшомъ домикѣ въ самомъ концѣ Галерной. Напрасно пріятели убѣждали его переѣхать ближе къ Невскому или къ казармамъ полка. Квашнинъ увѣрялъ, что ему жаль бросить квартиру ради очень порядочнаго садика, въ которомъ онъ постоянно копался, ухаживая за цвѣтами.

Въ дѣйствительности причины были совершенно другія, извѣстныя лишь немногимъ и хорошо извѣстныя Шумскому.

Преображенецъ Петръ Сергѣевичъ Квашнинъ былъ добрый, скромный, на видъ простоватый, но очень не глупый малый, золотой человѣкъ какъ товарищъ, исполнительный и примѣрный офицеръ, любимецъ начальства, товарищей и солдатъ.

У Квашнина не было на свѣтѣ ни единаго врага, да и быть не могло при его мягкости во всемъ, какъ въ словѣ и въ движеньи, такъ и въ поведеніи, въ обращеньи со всѣми.

Онъ былъ высокій, стройный и красивый блондинъ на видъ лѣтъ 25-ти, но собственно уже лѣтъ на десять старше Шумскаго.

Въ личности Квашнина было два совершенно разныхъ человѣка. Одинъ былъ порядливый и усердный служака, первый на ученьи, смотрахъ и парадахъ, отличный фронтовикъ и хорошій стрѣлокъ. Кромѣ того, онъ былъ «ученый» офицеръ, знавшій какъ «Отче нашъ» такія книжки, какъ «Ротное ученье», писавшій самъ уже нѣсколько лѣтъ маленькое сочиненіе подъ названьемъ «Значенье каре въ бою, со временъ Карла XII и до нашего времени». Къ

этому сочиненію товарищи его относились, однако, очень жестокосердо. Однажды на заглавномъ листѣ, чисто переписанной рукописи, Квашнинъ нашелъ заглавіе зачеркнутымъ и надпись: «Злоключенья квашнинскаго карè отъ праотца Адама и до будущаго пришествія Мессіи».

Такъ какъ это сочиненіе писалось офицеромъ уже лѣтъ шесть и конца писанія онъ самъ не предвидѣлъ, то добродушно сносилъ всѣ шутки и прибаутки товарищей.

Но помимо службы, тамъ, гдѣ кончался, такъ сказать, преображенецъ-офицеръ и гдѣ начиналась частная жизнь молодого человѣка,—все было оригинально. Если по службѣ Квашнинъ копировалъ нѣкоторыхъ фронтовиковъ-солдафоновъ, вышедшихъ въ люди и даже въ сановники шагистикой и ружейными пріемами, то въ частной жизни онъ не копировалъ никого. Если онъ, быть можетъ, и началъ съ подражательства, то давно опередилъ и далеко оставилъ за собой оригиналъ и пересталъ быть копіей съ кого-либо.

Квашнинъ былъ, какъ его звали товарищи, «любовныхъ дѣлъ мастеромъ», но не такимъ, какіе могли быть въ царствованіе Екатерины Великой и не такими, которые могли явиться впослѣдствіи въ видѣ Печориныхъ.

У Квашнина бывало за разъ по три и по четыре «предмета», и всѣ эти предметы чередовались быстро. Все свободное отъ службы время онъ посвящалъ поискамъ красивыхъ женщинъ изъ какой бы то ни было среды, ухаживанью за ними и стараньямъ достигнуть цѣли, т. е. побѣдить и вписать въ число своихъ метрессъ. Не проходило недѣли, чтобы у Квашнина не появлялось новой знакомки, барыни, мѣщанки, горничной, русской, нѣмки, шведки. Не проходило недѣли, чтобъ онъ не разошелся съ какой-либо прежней побѣдой...

По вечерамъ онъ никого изъ товарищей къ себѣ не пускалъ, такъ какъ вечера предназначались для его «подругъ» и посвящались дамскому обществу... Часто случалось, и это особенно забавляло его, что у него случайно встрѣчались соперницы, сами того не подозрѣвая. Каждая въ свою очередь считала себя предметомъ красиваго преображенца, а собесѣдницу свою просто гостьей или родственницей офицера. Когда обманъ обнаруживался—случались шумные разговоры, бывали иногда и легкія стычки, въ которыхъ примирителю тоже доставалось.

Ближайшимъ товарищамъ Квашнина было хорошо извѣстно одно сраженіе, происшедшее въ квартирѣ офицера съ годъ назадъ. У Квашнина съѣхались, совершенно случайно, три «предмета»—ревельская бѣлобрысая нѣмочка, цыганка изъ Московскаго хора гостившаго въ Петербургѣ, и сосѣдка по квартирѣ, молоденькая дьяконица... Квашнинъ сплоховалъ, гостьи поняли, что онѣ всѣ три не простыя гостьи... Нѣмочка осторожно спаслась бѣг-

ствомъ, но цыганка, шустрая, и молодецъ на всѣ руки, сочла долгомъ удовлетворить свое оскорбленное самолюбіе, а дьяконица храбро встрѣтила врага. И не смотря на красворѣчивыя увѣщанія Квашнина, произошло такое побоище, что пришлось послѣ него ремонтировать квартиру, исправить мебель, стекла въ рамахъ и купить новую чайную посуду...

Но главная бѣда—огласка—случилась по другой причинѣ.

Къ довершенію всѣхъ золъ, дьяконица, ушедшая домой въ плачевномъ видѣ, не съумѣла или не смогла скрыть отъ мужа этого своего несчастнаго вида и объяснила мужу все происшедшее съ ней совершенно иначе. На другой же день отецъ дьяконъ отправился къ командиру полка, обвиняя господина поручика Квашнина въ томъ, что онъ встрѣтилъ его жену на улицѣ и, будучи не въ трезвомъ видѣ, исколотилъ ее безъ всякаго повода.

Разумѣется, дѣло окончилось благополучно, такъ какъ Квашнину пришлось покаяться въ истинной правдѣ.

Главная характерная черта въ похожденіяхъ этого Невскаго Донъ-Жуана своего времени заключалась въ томъ, что всѣ его предметы не только ничего ему не стоили деньгами, но всѣ бывали имъ же обложены податями и налогами.

У офицера не было почти никакого состоянія, а денегъ бывало всегда довольно. Кромѣ того, почти все, что онъ имѣлъ въ квартирѣ, явилось и являлось въ видѣ подарковъ и подношеній «вѣрному другу» отъ побѣжденной имъ прелестницы.

Не говоря уже объ массѣ вышитыхъ подушекъ, вязаныхъ одѣялъ, шитыхъ туфель, трубокъ и кисетовъ, халатовъ, ермолокъ, галстуковъ,—все бѣлье своеобразнаго Донъ-Жуана никогда не бывало куплено, а всегда шилось «дорогими ручками». Счета портного и сапожника, равно магазинъ офицерскихъ вещей, иногда и булочникъ,—все уплачивалось тѣми изъ жертвъ неотразимаго покорителя сердецъ, у которыхъ были средства. Наконецъ, даже квартира Квашнина уплачивалась домохозяйкѣ-вдовѣ сердечной привязанностью, а не деньгами.

Въ этомъ отношеніи Квашнинъ былъ лишь подражателемъ молодежи иной поры, боярской, временъ Екатерины Великой. Тогда молоденькіе и небогатые офицеры гвардіи открыто хвастались существованьемъ насчетъ своихъ покровительницъ. Это было въ обычаѣ. Теперь нравы измѣнились и хотя было еще почти тоже, но уже нѣсколько скрывалось отъ постороннихъ, если не отъ товарищей.

Разумѣется, Квашнинъ ни разу не былъ ни влюбленъ, ни даже просто заинтересованъ кѣмъ-либо. Все это было или шалостью, ради забавы, или необходимостью, ради прямой выгоды.

Но одновременно, и уже съ незапамятныхъ временъ, Квашнинъ носилъ на груди, не снимая и никогда не скрывая ни отъ кого,

иногда надѣвая даже поверхъ халата, большой золотой медальонъ съ черныиъ эмальированнымъ крестомъ.

Въ одной половинѣ медальона были русые волосы, а въ другой—акварельный портретъ молодой женщины не очень красивой, но съ «томнымъ» взглядомъ.

Квашнинъ говорилъ друзьямъ серьезнымъ голосомъ:

— Эта одна была для меня все!

И всегда самъ подшучивая надъ всѣми своими предметами, Квашнинъ насчетъ этого медальона шутокъ не любилъ, становился мраченъ, глядѣлъ обиженно на неосторожнаго шутника и даже иногда прекращалъ за это знакомство.

— Шутите надо всѣмъ! Я и самъ не прочь пошутить,—говорилъ онъ.—А «это» оставьте! Это другое совсѣмъ. «Оно» вотъ гдѣ!..—показывалъ онъ на сердце.—Все это тутъ кровью написано... И теперь еще вспомнить тяжело. А говорить объ этомъ еще тяжелѣе.

И случалось Квашнинъ измѣнялся въ лицѣ говоря «объ ней». Товарищи смутно знали кой-что, знали, что «она» была полька, варшавянка, что она бѣжала отъ мужа, и кончила романически,—утопилась... И ежегодно аккуратно, 4-го мая, Квашнинъ ходилъ въ церковь, заказывалъ обѣдню за упокой Маріи, молился горячо и затѣмъ весь день проводилъ дома, никого не видя, кромѣ самыхъ близкихъ друзей.

Роковое квашнинское 4-е мая было извѣстно не только въ преображенскомъ полку, но и въ другихъ полкахъ. Предполагали, конечно, всѣ, что именно въ этотъ день варшавянка Марія покончила свои счеты съ жизнью. Самъ же Квашнинъ объ этомъ никогда ни единымъ словомъ не обмолвился.

У образовъ въ кіотѣ висѣлъ шелковый розовый платочекъ. И хотя Квашнинъ тоже никогда не сказалъ никому, что̀ это за платокъ, но всѣ товарищи тоже знали, или передавали другъ другу общую догадку, что это платокъ утопленницы, найденный на мѣстѣ ея насильственной смерти.

Таинственная и трагическая исторія прошлаго Квашнина, медальонъ и платочекъ, 4-е мая и заупокойная обѣдня, сдержанность и обидчивость молодого офицера по отношенію къ этому грустному воспоминанію,—все это было давно и очень многимъ извѣстно, но смутно, по догадкамъ, и въ противурѣчивыхъ подробностяхъ.

Была лишь одна личность на свѣтѣ, знавшая близко и хорошо всю исторію варшавянки Маріи. Это была старшая сестра Квашнина, замужняя женщина уже лѣтъ сорока и мать многочисленнаго семейства, которая пріѣзжала изъ провинціи разъ въ годъ повидаться и погостить мѣсяцъ у брата. Она одна знала всю правду. И ей, каждый почти разъ, Квашнинъ говорилъ, показывая на медальонъ или на платокъ:

— Смотри, Аннушка, не проговорись кому изъ товарищей объ этомъ.

— Будь спокоенъ. Я же не забыла и не безумная какая,—отвѣчала сестра добродушно.

— Это, Аннушка, для меня великая тайна ото всѣхъ... Ты меня зарѣжешь безъ ножа.

— Знаю. Знаю. Будь покоенъ.

Но тайна, которую знали они двое, братъ съ сестрой, была особая, не та, о которой догадывались товарищи-офицеры.

Сестра Квашнина знала, что медальонъ этотъ купленъ братомъ на ея глазахъ при распродажѣ выморочнаго имущества послѣ нѣкоей одиноко-умершей помѣщицы ихъ губернскаго города. Чей былъ этотъ портретъ русой женщины, конечно, никто не зналъ. Равнымъ образомъ, откуда былъ платочекъ, повѣшенный теперь въ кіотѣ, ни Квашнинъ, ни сестра, хорошо не помнили. Кажется, это была находка Квашнина при разъѣздѣ съ какого-то бала, которая вдругъ стала драгоцѣнностью.

А тайна все-таки была! И не простая!.. Тайна характера добродушнаго, правдиваго и честнаго во всякомъ словѣ Квашнина. Считая ни во что̀, свои, чуть не ежедневныя, побѣды, относясь совершенно равнодушно или шутливо ко всѣмъ живымъ женщинамъ, которыя въ него влюблялись, иногда очень серьезно, онъ обожалъ, лелѣялъ, боготворилъ одну женщину, никогда для него не жившую, призракъ, предъ которымъ онъ привыкъ на словахъ, а затѣмъ и мысленно, преклоняться. Его кумиромъ была утопившаяся варшавянка Марія, которая была выдумана и никогда на свѣтѣ не существовала.

Портретъ и волосы принадлежали кумиру-призраку, уже болѣе десяти лѣтъ живущему въ воображеньи офицера. Однако, этотъ призракъ становился для него въ силу привычки какъ бы фактомъ прошлаго, и онъ, казалось, иногда уже почти вѣрилъ самъ въ свое измышленье.

Всякій, кто узналъ бы правду про Марію, медальонъ и платочекъ въ кіотѣ—объяснилъ бы дѣло просто—глупымъ хвастовствомъ, часто встрѣчаемымъ въ мужчинахъ. Но это сужденье было бы полной ошибкой. Надо было искать объясненье гораздо глубже...

Почему же Квашнинъ не хвастался сотнями побѣдъ и подсмѣивался надъ ними. Въ числѣ этихъ женщинъ были двѣ, жизнь которыхъ была, дѣйствительно, отравлена имъ, какъ говорится, разбита.

Года два назадъ, одна еще молодая женщина, покинутая имъ въ то время, когда она надѣялась на бракъ съ нимъ, отъ нежданнаго удара вдругъ заболѣла и долго была при смерти. Другая, послѣ большихъ усилій снова сойтись съ Квашнинымъ и полной неудачи, съ горя постриглась въ монахини около Москвы.

Квашнинъ все это тщательно скрывалъ отъ товарищей и не-находилъ возможнымъ или нужнымъ хвастатся этимъ, а наоборотъ мысленно подшучивалъ надъ «новой монашкой своего издѣлія».

Почему же онъ хвасталъ предъ товарищами измышленной варшавянкой Маріей, грѣшилъ, заказывая по ней заупокойныя обѣдни и носилъ, не снимая ни днемъ, ни ночью, портретъ и волосы какой-то невѣдомой женщины. Кого же онъ обожалъ въ ней? Женщину отвлеченную! Понятіе о женщинѣ?.. «Многое есть на свѣтѣ, другъ Гораціо, чего и не снилось мудрецамъ».

XV.

— Никакой пташки не спугнулъ я? Не помѣшалъ?—говорилъ Шумскій, входя въ квартиру пріятеля.

— Помилуй, тебя жду!—весело отозвался Квашнинъ, встрѣчая гостя.

— Можетъ у тебя собирались чай пить твои какія пріятельницы!—усмѣхнулся Шумскій.

— Нѣтъ. Ужъ были... На вотъ!..

И Квашнинъ, смѣясь, нагнулся, приподнялъ волосы на лбу и показалъ здоровую шишку.

— Шандаломъ!—кратко прибавилъ онъ.

— Были и били!—сострилъ Шумскій.—Ну, не въ первый разъ. До свадьбы заживетъ! А я хотѣлъ тебя повидать ради дѣла. Совѣта попросить.

— Чтобы ему не послѣдовать,—усмѣхнулся Квашнинъ.—Чтожъ изволь. Я все-таки добрый совѣтъ другу дамъ.

Шумскій усѣлся на диванъ; хозяинъ опустился тоже на кресло и придвинулся ближе. Послѣ недолгой паузы, Шумскій заговорилъ просто, тихо, но какимъ-то неестественно-спокойнымъ голосомъ. Онъ сталъ разсказывать все то, чего еще пріятель не зналъ. Онъ объявилъ о прибытіи мамки, о доставленномъ Шваньскимъ снадобьѣ отъ знахаря и, наконецъ, передалъ почти подробно свое роковое объясненье съ возлюбленной.

Послѣ всего, Шумскій кратко объявилъ про свое, принятое безповоротно, рѣшенье, и, наконецъ, смолкъ и вздохнулъ.

— Опоить дурманомъ, пролѣзть тайкомъ въ домъ и воровски взять?—проговорилъ Квашнинъ, оттягивая слова.—Все та же затѣя, что и прежде сказывалъ мнѣ. Такъ ли другъ? Три преступленья вмѣстѣ, въ одномъ.

Шумскій пожалъ плечами, какъ бы говоря: «разумѣется! понятно!»

Наступило молчанье.

Квашнинъ всталъ и заходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ. Онъ былъ видимо взволнованъ.

— И это рѣшеное дѣло. Безповоротно?—спросилъ онъ, останавливаясь предъ сидящимъ другомъ.

— На дняхъ будетъ сдѣлано!—равнодушно отозвался Шумскій, закуривая трубку, которую взялъ съ подстановки.

— Да вѣдь это безуміе...

— Можетъ быть. Но вѣдь я безъ ума и люблю...

— Слышалъ еще въ прошлый разъ. Ну, а если узнается и откроется, что ты былъ...

— Былъ не Шумскій, а Андреевъ. Ищи въ Питерѣ Андреева, а Шумскій уѣдетъ въ Грузино. Я на дняхъ назначенъ состоять при особѣ графа Аракчеева по военнымъ поселеніямъ и могу безвыѣздно жить въ Грузинѣ хоть сто лѣтъ.

— А если узнается именно, что это дѣло Шумскаго. Это вѣдь лишеніе флигель-адъютантскаго званія и ссылка въ гарнизонъ какой-нибудь. А то и хуже... Разжалованье въ солдаты!

— Пускай...

— Потеря всего. Положенья, честнаго имени, наконецъ, потеря... возможности жить въ обществѣ и въ столицѣ. Ты умрешь съ тоски въ какой-нибудь трущобѣ...

— Ахъ, милый другъ. Пойми, что мнѣ на все наплевать. У меня одно желаніе и одно мечтанье, чтобы женщина, которую я полюбилъ, была моею. Цѣной всего остального.

— Да вѣдь это гадость!—вдругъ закричалъ Квашнинъ, какъ бы не утерпѣвъ. — Вѣдь это преступленье и гадкое, мерзкое...

— Разумѣется, — тихо отозвался Шумскій.

— И тебѣ все равно... У тебя хватаетъ на него духу.

— Стало быть.

— Ты дурной человѣкъ, Михаилъ Андреевичъ.

— Отвратительный... по вашему! — усмѣхнулся Шумскій. — Да, по вашему, а не по моему... Пойми ты, что я тò, чтò я есть... Убить, зарѣзать кого, я не могу. Украсть даже не могу... Духу не хватитъ. А эдакое дѣло мнѣ ничего... Совѣсть молчитъ... Вотъ и разсуди.

— Нужды не было! — тихо произнесъ Квашнинъ. — А будетъ нужда, зарѣжешь и украдешь. Это все одно и то же. Ты тутъ крадешь честь и этимъ убиваешь дѣвушку. Можетъ быть, она... съ ума сойдетъ, зачахнетъ, умретъ, а то съ собой покончитъ... То же убійство...

— Она спать будетъ!.. — рѣзко и грубовато выговорилъ Шумскій.—Проснется и ничего знать не будетъ...

Квашнинъ закрылъ лицо руками и выговорилъ:

— Охъ, гадко!.. Охъ, какъ гадко!.. Не дурачишь ли ты меня? Мнѣ что-то и не вѣрится. Ужъ очень богомерзко. Дурачишь что ли?

Шумскій молчалъ...

Квашнинъ сѣлъ снова и въ комнатѣ водворилась мертвая тишина.

— Что же тебѣ отъ меня нужно. Какого совѣта?—выговорилъ, наконецъ, Квашнинъ другимъ голосомъ, сухо и почти непріязненно.

— Да собственно ничего... Сказать хотѣлъ!.. А совѣтъ твой я вѣстимо исполнять не стану... Да это и не совѣтъ, сказать человѣку не дѣлай, молъ, того, что рѣшилъ сдѣлать. Это, молъ, погубленіе себя. Знаю! Потеря своего положенія! Знаю. Дурной поступокъ. Знаю. Противузаконіе. Знаю... Ну, чтожъ мнѣ удавиться что ли. Застрѣлиться. Такъ я лучше это послѣ сдѣлаю. Это всегда успѣть можно.

— Женись! — вдругъ воскликнулъ Квашнинъ. — Вѣдь она дворянка. Кто они такіе я не знаю. Ты фамиліи ихъ не сказываешь, но ты сказывалъ, она на придворныхъ балахъ бываетъ... Семья, стало быть, изъ высшаго круга! Такъ женись...

— Хотѣлъ...

— Ну, а теперь... Расхотѣлъ чтоль... Опомнись! Что ты!

— Она за меня не пойдетъ, — рѣзко выговорилъ Шумскій. — Отецъ не захочетъ отдать, да и сама она любитъ другого. Почти любитъ. Что? Молчишь? Видишь иного исхода нѣтъ. Одинъ исходъ.

— Преступленье законовъ. Хорошъ исходъ!

— Вашихъ...

— Какихъ это нашихъ... Про тебя они, стало быть, не писаны. Или всѣ писаны про другихъ.

— Конечно, не про меня. Я ихъ не признаю. Ихъ вы сочинили. Вы люди-человѣки, такіе же какъ и я. Это не Божескіе законы.

— Какъ не Божескіе. Что ты! Это заповѣди «Не укради! Не прелюбы сотвори!» Еще Моисеевы заповѣди!—вскрикнулъ Квашнинъ.

— То-то Моисеевы! — спокойно отозвался Шумскій.

— Господомъ Богомъ данныя ему.

— Ладно!.. Меня при этомъ не было. А съ чужихъ словъ пѣть я не охотникъ.

— Что ты, Михаилъ Андреевичъ... Такъ ты бы ужъ свои заповѣди или законы сочинилъ, новые...

— Я и сочинилъ! — усмѣхнулся Шумскій. — Первая моя заповѣдь: Добродѣтель есть мать всѣхъ пороковъ. Законъ писанъ умницей для дураковъ. Faites ce que je dis, et ne faites pas ce que je fais. Надо, братецъ мой, Петръ Сергѣевичъ, больше мыслями раскидывать, во всякой вещи до корня доходить, все глупое и негодное къ чорту отбрасывать. Надо жить на свой образецъ, а не такъ какъ тебѣ дурень какой сказываетъ... На свѣтѣ одно вѣрно: рожденіе, мученіе и смерть... Остальное люди выдумали...

— Такъ вѣдь эдакъ все стало быть... все... все...—Квашнинъ развелъ руками и запнулся на мгновенье. — Эдакъ у тебя все къ чорту пойдетъ... Все пустяки, да трынъ-трава, что̀ ни есть на свѣтѣ. Это Вольтеровщина, да только не на словахъ, а на дѣлѣ. Госпо-

динъ Вольтеръ писалъ всякое такое въ книжкахъ, а самъ-то жилъ законно и порядливо, и кончилъ-то жизнь не въ крѣпости и не въ ссылкѣ, а въ собственномъ богатомъ домѣ, говорятъ, чуть не во дворцѣ. А ты по его писаніямъ дѣйствовать хочешь. Ну и пропадешь. Чтожъ больше-то?

— И пропаду... Мнѣ себя не жаль. Мнѣ все въ ней. Хочу я ее... Она мнѣ — все... А все остальное — ничего.

— Ну, такъ пропадай... Чтожъ я скажу. Видно тебѣ такъ на роду написано. Баловала, баловала тебя судьба. Дала тебѣ все какъ есть! И фигуру, и деньги, и важное положеніе, и отличья, и все... все... Тебѣ мало всего этого... Подавай чего нельзя. Такъ видно и случиться долженствовало... По крайности всѣ твои завистники перестанутъ тебѣ завидовать, когда услышатъ, какъ ты кончилъ.

— Ну, а если все обойдется счастливо! Тогда что скажешь?— вдругъ вымолвилъ Шумскій веселѣе и даже улыбаясь.

— Скажу: счастливъ твой Богъ. Подивлюся. Но все-таки скажу, что ты...

— Что...

— Что ты не хорошо поступилъ, т. е. извини, подло, мерзко. Не подворянски, а похолопски.

— А твоя Марія изъ-за чего утопилась? Варшавянка?—произнесъ вдругъ Шумскій.—А позапрошлый годъ та, что постриглась въ монастырь...

— Это совсѣмъ иное дѣло. Я шутилъ, а она полюбила сильнѣй, думала женюся... Ну и пошла въ монастырь. Но я ее не дурманомъ и не силой...

— А Марія вотъ эта, что вѣкъ на груди носишь...

— Это совсѣмъ другое дѣло. Тутъ, какъ честный человѣкъ говорю, я былъ ни при чемъ. Это не примѣръ. Вотъ тебѣ честное слово, не примѣръ. Тутъ не было преступленья законовъ.

— Заладилъ! Законъ — пугало огородное для воробьевъ, — раздражительно и капризно заговорилъ Шумскій. — Нельзя жить по законамъ, если жить съ ними нельзя. Хороши всѣ эти законы тогда, когда въ нихъ человѣку нужды нѣтъ. Исполняй законъ, если онъ не становится у тебя поперекъ дороги, а который душитъ, давитъ, мертвитъ, жить не даетъ — чортъ съ нимъ, по боку его, въ дребезги его. И его, и все, и всѣхъ, что помѣха! Зачѣмъ я на свѣтъ родился. Мучиться, что ли, какъ всѣ. Нѣтъ, братъ, шалишь. Не за этимъ. А затѣмъ, чтобы брать и взять все, что захочется!

— Да если всѣ эдакъ заговорятъ, то вѣдь міръ-то Божій кверху ногами станетъ!

— Всѣ такъ не могутъ заговорить, на десятокъ людей всегда есть девять остолоповъ, которые съ охотой рады, какъ волы, подъ всякое ярмо шеи подставлять. А еслибы этотъ міръ и перевернулся кверху ногами, то почему ты рѣшилъ, что тогда будетъ хуже. Я

думаю наоборотъ. Хуже того, какъ теперь живется людямъ—нельзя ничего и выдумать. А все отчего? Отъ выдумокъ людскихъ. Сами они себя связали по рукамъ и ногамъ всякими путами. А умный человѣкъ, зная, что всякій законъ, обычай, правило, и все эдакое мѣняются совершенно чуть не съ каждымъ столѣтьемъ—не можетъ уважать всѣ эти перчатки людскія...

— Перчатки?—повторилъ Квашнинъ, думая, что ослышался.

— Вѣстимо дѣло: перчатки... Даже вѣры и религіи человѣческія перчатки. Придетъ такое время, что и религій никакихъ не будетъ. Придетъ!

— Да вѣдь и Антихристъ тоже придетъ! — вымолвилъ Квашнинъ, хотя смутно понималъ то, что говорилъ Шумскій.

— Антихристъ, — усмѣхнулся Шумскій. — Конечно, онъ придетъ. Но придетъ не какъ врагъ людской, а какъ просвѣтитель народовъ, какъ истинный законодатель разумныхъ и не стѣснительныхъ законовъ, которые можно будетъ исполнять не становясь отъ этого несчастнымъ!—проговорилъ Шумскій оживясь.

— Вотъ надымилъ-то!— произнесъ тихо Квашнинъ.— Вѣдь это хуже еще Вольтеровщины! Это какое-то масонство. Ты масонъ что ли, Михаилъ Андреевичъ.

— Избави Богъ!— разсмѣялся Шумскій презрительно.

— Да порешь ты масонскую ахинею!

— Похоже...

— Похоже... Да. Они богоотступники.

— Нѣтъ, Петръ Сергѣевичъ. Я не масонъ. Масоны — дурни. Глупѣе ихъ нѣтъ! Они говорятъ надо всѣхъ людей любить какъ братьевъ. А я всѣмъ сердцемъ мать свою презираю и отца ненавижу... Сестеръ и братьевъ не имѣлъ, а еслибы имѣлъ, то чую тоже не любилъ бы. Я никого никогда не любилъ и теперь никого не люблю, кромѣ «ея». Но себя я еще больше чѣмъ ее — люблю. Оттого я ею для себя и пожертвую. Все это просто, и ничего проще нѣтъ, какъ дважды два—четыре. Прощай. Домой пора. Мамка моя Авдотья ждетъ меня съ свѣжими вѣстями отъ баронессы Нейдшильдъ!

— Какъ?! Что?!—вскричалъ Квашнинъ, вскакивая со стула.

— Ну да. Вотъ кто! Знай!

Шумскій вышелъ въ переднюю, а Квашнинъ остался на мѣстѣ, какъ вкопанный!

XVI.

Въ тотъ же самый вечеръ въ домѣ барона Нейдшильда было темно и тихо.

Баронъ съ дочерью былъ въ гостяхъ. Только въ крайнемъ окнѣ дома виднѣлся свѣтъ, такъ какъ тутъ была комната любимой горничной баронессы. А у нея уже давно была дорогая гостья, которую она всячески угостила.

Въ тѣ самыя минуты когда Шумскій сидѣлъ у друга, Авдотья Лукьяновна, сытно поѣвъ и напившись чаю, сидѣла у пріемыша, дивилась на свою Пашуту.

Когда мамка вошла въ домъ барона, то, не называя себя, велѣла доложить барышниной горничной, что къ ней пришла одна женщина повидаться.

Вскорѣ къ Авдотьѣ въ переднею вышла какая-то барышня и, въ полусумракѣ комнаты остановясь на порогѣ, холодно спросила:

— Кто ты такая?.. Откуда?

— Къ Прасковьѣ я...

— Отъ кого? Что тебѣ нужно?

И въ то же мгновенье барышня эта присмотрѣвшись къ пришедшей ахнула и всплеснула руками.

— Авдотья Лукьяновна! Господи! Какими судьбами?!.

Но Авдотья въ полусумракѣ, да еще отъ природы близорукая— не узнала все-таки, кто къ ней бросился на шею, только голосъ кинувшейся къ ней барышни былъ положительно очень знакомъ.

— Да я же вѣдь Пашута. Богъ съ вами. Подумаешь, вы годъ не видали меня.

Но Авдотья въ себя не могла прійти и стояла вытаращивъ глаза.

Изъ Грузина еще очень недавно уѣхала горничная Прасковья, черноволосая, румяная, пригожая лицомъ съ гладко зачесанными назадъ волосами и съ длинной косой, ходившая въ ситцевыхъ платьяхъ, которыхъ было у нея три. Одно пестрое будничное, другое темно-сѣрое и третье розовое для праздниковъ.

А теперь предъ мамкой стояла барышня въ шелковомъ голубомъ платьѣ и въ какой-то мантильи. Волосы были обрѣзаны и разсыпались правильными локонами кругомъ головы. Въ ушахъ блестѣли серьги, на рукѣ сіялъ браслетъ... Это была не пригожая горничная, а красавица барышня, генеральская дочка или что-либо подобное... Даже букли и локоны ея пахнущіе душистой помадой показались Авдотьѣ много чернѣе, глаза ея много больше и быстрѣе, ростъ много выше, стройнѣе... Весь видъ другой...

— Да чтожъ это? — выговорила, наконецъ, мамка и чуть не прибавила:—Наше мѣсто свято.

Но эта барышня уже давно повисла на шеѣ Авдотьи и цѣловала ее...

Затѣмъ она расплакалась и молча потащила свою названную мать за руку чрезъ всѣ комнаты.

Усадивъ Авдотью на диванчикъ, она стала предъ ней на колѣни и выговорила:

— Прежде всего, Авдотья Лукьяновна, говорите: на горе или на радость вижу я васъ. Хорошую вѣсточку или дурную привезли вы.

— Не пойму я тебя,—отозвалась женщина.

— Неужели вы за мной, волочить меня въ Грўзино...

— Нѣтъ. Меня выписалъ Михаилъ Андреевичъ.

— Зачѣмъ?

— А вотъ... Вотъ все по порядку... Погоди. Дай себя оглядѣть. Чтожъ это ты? Вѣдь ты совсѣмъ... Богъ тебя знаетъ... Тебя и признать нельзя. Барышня какъ есть...

Пашута улыбнулась, но не весело.

— Стало хорошо живется. Любитъ тебя твоя... баронесса чтоль... Одѣваетъ... Холитъ...

— Баронесса во мнѣ души не чаетъ. А я ее боготворю. На нее молиться можно. Она святая какъ есть...

— Ну-у?.. Что ты грѣшишь-то...

— Такой другой на свѣтѣ нѣтъ, Авдотья Лукьяновна. Увидите, узнаете, сами тоже скажете.

— Зачѣмъ же ты обстрижена-то. Не въ наказанье.

Пашута разсмѣялась.

— Это въ Грўзинѣ Настасья наша стрижетъ дѣвушекъ ради посрамленья ихъ. А баронесса меня остригла ради того, что ей такъ нравится и мнѣ больше къ лицу. Красивѣе, говоритъ. У меня цѣлый шкафъ платьевъ. Глядите. А вотъ комодъ. Полонъ бѣлья... А вещей-то, вещей—все мое вѣдь. Все...

— Да развѣ это твое все...

— Это моя горница.

— Твоя?! Я чаяла мы въ ея горницѣ сидимъ эта? Твоя! И все это твое... Ну-у!..

Авдотья Лукьяновна развела руками.

Разспросивъ любимицу еще подробнѣе, женщина узнала, что баронесса, вѣроятно, дѣйствительно обожаетъ свою горничную, потому что обращается съ ней скорѣе какъ съ сестрой нежели съ прислугой. Она уже выучила Пашуту читать и писать порусски, хотя русскій языкъ ей и самой не родной. Но вмѣстѣ съ тѣмъ та же самая Пашута уже очень изрядно выучилась говорить и на родномъ языкѣ своей барышни.

— Это по чухонскому-то?—ахнула Авдотья.

Похваставъ своей барышней и ея привязанностью, затѣмъ своимъ имуществомъ и новыми познаньями, Пашута еще болѣе удивила Авдотью своей властью въ домѣ. Желая угостить названную мать, Пашута приказала подать къ себѣ въ горницу цѣлый «господскій» обѣдъ. Авдотья дивовалось, но вмѣстѣ съ тѣмъ и покушала не спѣша и плотно. Затѣмъ, женщина и дѣвушка сѣли за самоваръ и Пашута снова начала разсказывать про свое житье-бытье. Она передала Авдотьѣ, что могла бы быть безмѣрно счастлива и на всю жизнь, а между тѣмъ, плачетъ всякій день. Причина была простая. Баронъ писалъ графу Аракчееву, что желалъ бы выку-

пить на волю дѣвушку дочери, но графъ даже не отвѣтилъ. Чрезъ брата своего Василія она знала, что Настасья Ѳедоровна писала сыну объ этомъ, говоря, что графъ не желаетъ ее отпустить на волю. Вмѣстѣ съ тѣмъ, молодой баринъ, поставивъ ее на мѣсто къ баронессѣ, имѣлъ свои тайные виды и теперь ей одно остается — опять топиться какъ въ дѣтствѣ.

Пашута, сидя противъ Авдотьи, начала плакать. Она достала изъ кармана платочекъ съ красивымъ вензелемъ и утирала имъ слезы. И вензель замѣтила Авдотья, и опять невольно выговорила:

— Барышня какъ есть!

Дѣйствительно, никто бы не повѣрилъ, что эта молодая дѣвушка, простая дворовая, ходившая въ ситцевыхъ платьяхъ еще недавно. Смуглый цвѣтъ лица, почти южнаго типа, черные какъ смоль волосы, круто завитые въ мелкія колечки. Тонкія прямыя брови и поникіе черные глаза. Даже сухой овалъ лица, носъ съ горбиной и острый подбородокъ — все заставляло Пашуту смахивать не на русскую дѣвушку. А ея изысканный туалетъ, хорошо сшитое дорогое платье, плотно облегавшее красивыя формы полнаго тѣла, прибавляли обману. Это могла быть гувернантка француженка, итальянка, но никакъ не русская дворовая дѣвушка изъ-подъ Новгорода.

Одно только выдало бы Пашуту опытному глазу. Красноватыя кисти рукъ, шероховатая кожа ихъ, и толстые, короткіе пальцы. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ-подъ платья виднѣлись очень большія ступни ногъ, плоскія и широкія, которыя, казалось невольно, едва умѣщаются въ башмакахъ. На такихъ ногахъ и новая обувь кажетъ сношенной и разбитой.

Но эти красноватыя руки и толстыя ступни выкупались стройностью тѣла, легкостью и мягкостью всѣхъ движеній и, наконецъ, дѣйствительно красивымъ профилемъ съ блестящими умными глазами, съ живостью во всѣхъ чертахъ лица и почти дерзостью въ улыбкѣ тонкихъ губъ.

Если Пашута и прежде казалась пригожей въ своемъ пестромъ ситцевомъ платьишкѣ и считалась въ Грузинѣ самой красивой изъ всѣхъ, то теперь, конечно, она могла по праву назваться красавицей.

Баронъ однажды въ бесѣдѣ съ Шумскимъ, сравнивъ Пашуту съ красивымъ чертенкомъ — былъ только отчасти не правъ. Дѣвушка была нѣсколько полна для такого лестнаго наименованія.

XVII.

Было уже поздно, а женщина не собиралась домой. Умная Авдотья, выпытавъ и прослушавъ внимательно все, что ей передала ея любимица, снова глядѣла на нее во всѣ глаза и путалась мысленно... Эта Пашута, помимо лица и фигуры, какъ-то измѣнилась

и въ иномъ отношеніи. А въ чемъ, Авдотья не могла уловить и догадаться. Говорить ли дѣвушка стала иначе, выражаться и произносить слова, или держится она иначе, ходитъ и сидитъ не такъ какъ въ Грузинѣ.. А давно ли?.. Давно ли она оттуда уѣхала?.. Да и говоритъ-то она все дѣло. Права она, а Мишенька ея не правъ выходитъ. Красно говоритъ.

— Чудно! Диву дашься, хочешь не хочешь... произнесла, наконецъ, Авдотья въ полголоса и прибавила громче.—Вонъ оно что, Пашута, въ столицѣ да въ холѣ пожить... Добрѣетъ человѣкъ... Вотъ какъ сытый, да отскобленный скребницей конь не ходитъ шагомъ, а все въ прискакъ, труситъ, да ноги поджимаетъ. У насъ на графскомъ конномъ заводѣ такъ-то. Я завсегда дивовалась на этихъ коней. Вотъ и ты Пашута эдакъ же... Отчистили тебя. Отхолили. Ну играть бы тебѣ. А ты вотъ плакать третій разъ принимаешься!

— Вы стало быть, Авдотья Лукьяновна, ничего не знаете или на свой ладъ все понимаете. Зачѣмъ меня Михаилъ Андреевичъ сюда выписалъ и къ баронессѣ опредѣлилъ. А теперь зачѣмъ васъ выписалъ тоже. Зачѣмъ онъ сюда подъ прозвищемъ маляра Андреева ходитъ. Что онъ замыслилъ, а мнѣ приказываетъ помогать себѣ. Знаете вы все или ничего не знаете?!.

— Знаю. За этимъ я и привезена сюда, чтобы тебя глупую усовѣстить. Тебя мой Мишенька облагодѣтельствовалъ, а ты вотъ благо дворянкой одѣлась, грубіанствовать стала и его не слушаешься, противничаешь...

— Ахъ, Авдотья Лукьяновна!—воскликнула Пашута отчаянно.—Да вы поймите, могу ли я предать какъ Іуда какой мою барышню, которая меня любитъ такъ, какъ ни вы, никто другой никогда не любили.

И Пашута сразу рѣшилась все прямо открыть женщинѣ, безъ утайки. Дѣвушка горячо, страстно и съ малѣйшими подробностями передала Авдотьѣ всѣ свои прежнія совѣщанія съ Шумскимъ, ихъ уговоръ, его обѣщанья и, наконецъ, его требованье участвовать въ преступномъ замыслѣ.

— Посудите сами, могу ли я мою барышню съ головой предать и погубить. Могу ли я ему въ срамномъ и преступномъ дѣлѣ помогать и губить баронессу за всю ея ласку, любовь и благодѣянія. Сатана этого не сдѣлалъ бы, если бы его тѣмъ добромъ взяли, какимъ баронесса меня взяла и къ себѣ приворожила.

Авдотья нѣсколько разъ принималась нерѣшительно уговаривать любимицу повиноваться во всемъ приказаніямъ своего питомца, но вдругъ подъ вліяніемъ страстныхъ и убѣдительныхъ рѣчей Пашуты — сама начала сомнѣваться и путаться, наконецъ, совсѣмъ сбитая съ толку, она глубоко вздохнула и заплакала.

— Чтожъ тутъ дѣлать-то! — выговорила она, утирая кулакомъ набѣгавшія слезы.

Женщинѣ почудилось, что она съ питомцемъ своимъ и съ Пашутой попала какъ бы въ какой-то омутъ, въ которомъ ни оставаться, ни выбраться благополучно нельзя. Ей приходилось совѣтывать или приказывать дѣвушкѣ идти на всякое безсовѣстное и грѣшное... Или же, ставъ на сторону Пашуты, измѣнить своему питомцу.

Между тѣмъ, время прошло много и среди паузы наступившей въ ихъ горькой бесѣдѣ, среди полной тишины въ комнатахъ, раздался звонокъ у подъѣзда и рѣзко огласилъ весь домъ.

Авдотья вздрогнула всѣмъ тѣломъ и невольно вскочила.

— Господа, — сказала Пашута. — Вотъ сейчасъ увидите моего ангела. Ужъ, именно ангела и душой, да и видомъ.

Авдотья, все еще не исполнившая собственно самаго главнаго, зачѣмъ пришла на свиданіе — засуетилась и не знала что дѣлать, оставаться еще немного или уходить тотчасъ.

— Я уйду лучше. А завтра приду опять и мы съ тобой потолкуемъ порядкомъ. Я тебѣ скажу. Я все тебѣ скажу!.. Можетъ тогда ты перемѣнишь мысли свои и послушаешься Михаила-то Андреевича. А теперь я лучше уйду.

— Нѣтъ. Нѣтъ! Какъ можно!—воскликнула Пашута.—Все-таки посмотрите на нее. Увидите какая она. А завтра съ утра приходите. Опять поговоримъ... Какъ мнѣ себя упасти... Я сейчасъ. Обождите.

Пашута вышла изъ горницы... Авдотья стала прислушиваться въ растворенную дверь и до нея долетѣлъ мужской голосъ слегка хрипливый, но мѣрный и мягкій. Словъ рѣчи она не понимала... Затѣмъ ближе, въ сосѣдней комнатѣ послышался другой голосъ и онъ показался Авдотьѣ какимъ-то особеннымъ.

«Поетъ — говоритъ»! — подумала женщина. — «Не вижу, а вотъ чую что эта она самая, Пашутина барбанеса... Какъ сладко говоритъ. Тихая, добрая... Видать, что ну вотъ совсѣмъ добрѣющая»...

Послышалось шуршанье платья по ковру, дверь отворилась совсѣмъ и на порогѣ появилась бѣлая фигура. Авдотья невольно попятилась и отъ чувства уваженія къ хозяйкѣ дома и отъ иного чувства, которое сразу овладѣло женщиной какъ бы врасплохъ.

«Чтожъ это, Господи Батюшка», чуть не прошептала Авдотья вслухъ, раскрывая глаза, раскрывая и ротъ отъ удивленія.

Въ комнату вошла Ева и остановилась у дверей, глядя на женщину. Она что-то сказала, но Авдотья не разслышала вся обратившись въ зрѣніе.

Эта Пашутина барышня, носившая такое странное наименованіе, какого Авдотья еще ни разу не слыхала — была и впрямь не простая барышня. А именно, что-то особое, чу́дное.

— Впрямь барбанеса!—мысленно повторяла женщина, оглядывая вошедшую.

Предъ ней стояла высокая и стройная женщина вся въ бѣломъ платьѣ изъ серебристой ткани, съ обнаженными плечами и руками такой бѣлизны, какой Авдотья никогда не видывала и не предпологала даже возможной. Большіе голубые глаза подъ свѣтлыми серебрящимися бровями, глянули ей прямо будто въ душу. Даже жутко ей стало отъ этихъ глазъ. А голова вся въ сіяньи! Вотъ какъ лики пишутъ на образахъ. Сіянье это отъ свѣтло-сѣроватыхъ серебряныхъ волосъ, что гладко приглажены на головѣ. Вся эта диковинная барышня съ головы до ногъ будто та серебряная царевна, которую Иванушка-дурачекъ въ Серебряномъ Царствѣ повстрѣчалъ. Сама бѣла какъ снѣгъ, а платье и волосы свѣтятся, искрятся и сіяютъ.

— Господи Іисусе. Вонъ что такое барбанесой-то быть. Однако, Авдотья, женщина не глупая, скоро сообразила, что предъ ней свѣтло-бѣлокурая и очень красивая барышня въ богатомъ серебристомъ платьѣ, что этотъ туалетъ очень искусно придуманный, къ ней чрезвычайно идетъ. И не только Авдотья, а часомъ ранѣе цѣлое блестящее общество приходило въ восторгъ отъ красавицы баронессы Евы.

Женщина быстро оправилась, а когда увидѣла и услыхала Пашуту, то совсѣмъ пришла въ себя.

— Хороша моя барышня? Видали вы много такихъ! — весело старалась произнести Пашута, но въ голосѣ ея еще были слезы.

— Я очень рада васъ видѣть,—заговорила Ева.—Пашута васъ любитъ и часто мнѣ объ васъ говорила. Вы у насъ остановились?

— Нѣтъ.

— Жаль. Такъ приходите чаще къ Пашутѣ.—И нѣсколько медленная, мягко звучная рѣчь баронессы съ особымъ акцентомъ тоже удивила Авдотью. Не случалось еще ей слышать такой голосъ и такую рѣчь. Баронесса тихо вышла, и Авдотьѣ показалось, что въ горницѣ сразу стало темнѣе, точно будто дѣвушка освѣщала ее собой. Благодаря серебристому искрящимуся платью—оно было отчасти и правдой.

— Вотъ отъ какой барышни зачахъ мой Мишенька!—подумала Авдотья.—Да... Розыскалъ! Поди-ко, найди другую такую. Да. Тяжко ему. Понятное дѣло, что молодецъ отъ эдакой ума рѣшиться можетъ.

Авдотья глубоко взволновалась. Все въ ней было настолько смущено подъ вліяніемъ впечатлѣнія произведеннаго баронессой, что она почти не сознавая, что дѣлаетъ, разсѣянно простилась съ пришедшей къ ней Пашутой. Выйдя изъ дому барона, какъ бы слегка опьяненная, она тихо шла и качала головой.

— Красавица. Заморское диво. Наши русскія такими не бываютъ. Волосики-то сѣрые, а не сѣдые какъ у старухъ. А сама-то бѣла, бѣла. Вонъ онъ какую выискалъ себѣ въ любовь. Чтожъ те-

перь тутъ дѣлать. Дѣлать-то что?! Пропадать! Или Пашутѣ или Мишенькѣ... А грѣхъ-то? Вѣдь грѣхъ онъ задумалъ?! Омутъ. Одно слово омутъ. Карабкаешься и пуще вязнешь!..

XVIII.

Вернувшись домой, Шумскій съ нетерпѣніемъ ждалъ возвращенія мамки отъ Пашуты и не понималъ отчего она запаздываетъ. Усѣвшись въ спальнѣ, конечно, въ халатѣ и съ трубкой—какъ бывало всегда, Шумскій началъ было снова обдумывать и передумывать въ тысячный разъ, все ту же свою дикую и опасную затѣю.

— Нѣтъ. Будетъ! Голова трещитъ!—воскликнулъ онъ.—Надо развлечься. А то эдакъ съ ума спятишь.

Развлечься—былъ одинъ лишь способъ, ѣхать къ кому-либо изъ пріятелей и поигравъ въ карты, напиться. Но подобное времяпрепровожденіе стало теперь ему окончательно противно и гадко. Ѣхать въ гости въ порядочный домъ, на вечеръ—было невозможно. Онъ такъ разошелся съ разными семействами, гдѣ бывалъ прежде, что теперь не могъ появиться внезапно какъ снѣгъ на голову.

— Почитать что-нибудь? Есть тутъ гдѣ-то новый альманахъ. Говорятъ стихи въ немъ не дурны. Да вѣдь ихъ на полчаса чтенія хватитъ.

Но вдругъ Шумскій ахнулъ, вспомнивъ, что у него есть одно рукописное французское сочиненіе, ходившее по рукамъ въ городѣ въ нѣсколькихъ копіяхъ. Когда-то онъ началъ читать его, но встрѣтивъ въ церкви Еву—бросилъ и забылъ, какъ и многое другое.

Шумскій сталъ всюду искать и шарить и, наконецъ, на подоконникѣ подъ кучей «Сенатскихъ Вѣдомостей» нашелъ тетрадь. Рукопись была озаглавлена: «La science d'aimer, et l'art de plaire». Хотя сочиненіе было написано изящнымъ французскимъ языкомъ, но сочинитель былъ русскій, скрывшійся подъ псевдонимомъ Prince Nevsky.

Въ столицѣ было извѣстно, что авторъ русскій князь Темниковскаго происхожденія по отцу и балтіецъ по матери. Это былъ пожилой уже дипломатъ, долго состоявшій въ качествѣ attaché при посольствахъ во Франціи и въ Австріи, человѣкъ очень образованный и остроумный, страстный поклонникъ и побѣдитель прекраснаго пола. Въ то же время онъ считался большимъ другомъ извѣстнаго вѣнскаго посла князя Андрея Кирилловича Разумовскаго, тоже знаменитаго «beau и mangeur de coeur». Многіе увѣряли, но безъ малѣйшаго, конечно, основанія, что сочиненіе это написано самимъ княземъ Разумовскимъ.

Авторъ очень остроумно развивалъ и доказывалъ тезисъ, что истинно прекрасная женщина, поэтичная и неотразимо плѣнительная для мужчинъ, должна непремѣнно имѣть основной чертой сво-

его нравственнаго облика—малый разумъ, даже неразуміе, по просту сказать, должна быть—дурой.

Идеальная женственность и твердый умъ — это огонь и вода. Одно другое исключаетъ или уничтожаетъ. Женщина родится исключительно для любви. А при возникновеніи любви, сердце женское всегда вскипятитъ разумъ и доведетъ до окончательнаго испаренія. Или разумъ, руководя женской природой въ дѣлѣ любви, затушитъ чудный и теплый пламень ея сердца и останется одна гарь и одинъ чадъ.

Всѣ чудныя женщины въ исторіи всѣхъ народовъ, прославившіяся любовью—были женщины простыя, недальновидныя, легкомысленныя, пагубно не осмотрительныя, довѣрчивыя, безхитростныя и слѣдовательно—глупыя. Ихъ судьба была почти всегда трагическая. А вѣнецъ мученицы во имя любви и ореолъ жертвы своей любви—всегда были женщинѣ лучшимъ украшеніемъ и много возвышали ее въ глазахъ современниковъ и потомства.

Всѣ женщины въ великихъ созданіяхъ геніальныхъ поэтовъ всего міра и всѣхъ временъ—воплощеніе плѣнительнаго неразумія. Онѣ восхищаютъ и увлекаютъ людей своей дѣтской наивностью и ангельской простотой... Не даромъ русская пословица гласитъ: гдѣ просто—тамъ ангеловъ со сто, гдѣ мудрено—тамъ ни одного. Возможность походить на ангела, есть преимущество женщины предъ мужчиной. А умныхъ ангеловъ—былъ только одинъ, да и тотъ пересталъ имъ быть и низвергнутый сталъ синонимомъ уродства нравственнаго и физическаго.

Кто были, каково жили и какъ кончили свое земное поприще, дѣйствительныя или воображаемыя, въ исторіи или въ фантазіи поэтовъ, всѣ чудныя женщины...

Начиная сочиненіе съ наивной и простоватой Леды, побѣжденной лебедемъ и ея дочери Елены Прекрасной, смутившей весь современный ей міръ, своимъ легкомысліемъ, авторъ чрезъ всѣ вѣка доходилъ до XIX столѣтія. Разсказавъ подробно исторію многихъ женщинъ въ родѣ Маріи Стюартъ, онъ кончалъ разсказомъ объ одной плѣнительной женщинѣ, которая во дни императрицы Екатерины, смутила всю столицу своей красотой, неразуміемъ и трагическимъ концомъ.

Переходя къ такимъ идеальнымъ и чарующимъ женскимъ обликамъ какъ Шекспировскія Офелія, Юлія и Десдемона, Маргарита Гетевская, и т. п. авторъ спрашивалъ: есть ли хотя малая доля разума и разсудительности въ ихъ поведеніи?.. Можно ли было поступить наивнѣе и поэтому безразсуднѣе, т. е. глупѣе... А между тѣмъ, заставь поэтъ каждое изъ этихъ свѣтлыхъ созданій дѣйствовать умно, дальновидно, хитро или холодно разсчетливо, что же сталось бы съ ними, что осталось бы отъ волшебной прелести ихъ очаровательныхъ образовъ.

Самый цѣнный камень въ коронѣ женщины, властительницы нашей—наивность!..

Что бы стоило Дездемонѣ искусно и тонко обмануть и провести Яго и предать съ головой кровожадному мавру.

Что бы стоило Маргаритѣ предложить Фаусту дождаться возвращенія ея брата съ войны и сдѣлать ей формальное предложеніе руки и сердца, при чемъ даже пожалуй пригласить въ шафера своего друга, г. Мефистофеля...

Все бы кончилось посрамленіемъ сатаны, богомольная жена Фауста замолила бы его грѣхъ и спасла его душу.

Но Маргарита—супруга и мать многочисленнаго семейства—не Маргарита.

А опрометчивость Маріи Стюартъ, стоившая ей жизни. А почти всѣ жены Генриха VIII и Іоанна Грознаго, уступавшія или погибавшія какъ ягнята, наивно покорно безъ малѣйшей хитрости, безъ тѣни борьбы, безъ всякой простой попытки на бѣгство и спасеніе себя.

Не разуміе и женственность синонимы. Всѣ замѣчательныя красавицы были всѣ простоваты. А всѣ женщины, извѣстныя своимъ умомъ, были не красивы или дурны. И чѣмъ умнѣе, тѣмъ дурнѣе. Если и были умныя женщины, которыхъ современники прославили какъ красавицъ—то это плодъ лжи или плодъ лести уму, или самообманъ, потому что мужчины, ищущіе или цѣнящіе въ женщинѣ умъ, не судьи въ красотѣ.

Было много замѣчательныхъ красавицъ, слывшихъ очень умными и это понятная ложь потому, что мужчины въ награду за красоту несутъ дань обожанія и боготворенія, а нѣтъ того свойства, которымъ бы человѣкъ охотно не одарилъ своего божества. Даже каменнымъ идоламъ приписывалось всемогущество.

Одинъ великій человѣкъ, геній прошлаго столѣтія, сдѣлавъ замѣчательное для человѣчества открытіе въ области науки, явившееся плодомъ его ума и многолѣтнихъ трудовъ, клялся, что все было сдѣлано не имъ, а совершенно случайно, его горничной, замѣчательно красивой дѣвушкой.

Венера, богиня красоты, самая популярная изъ обитательницъ Олимпа, долго боготворимая на землѣ и особенно почитаемая людьми до сихъ поръ, отличалась чрезвычайной наивностью и простоватостью. Иначе невозможно объяснить многіе ея легкомысленные поступки и мило предосудительное поведеніе, приводившее въ соблазнъ весь сонмъ олимпійскихъ боговъ, которые сами были не безъ грѣха.

Pour en finir — говорилъ авторъ: воплощеніемъ идеальной женщины было бы то существо, которое сочетало бы въ себѣ красоту лица и тѣла, отсутствіе мыслительной способности и наивно нѣжное сердце.

Шумскій читалъ долго и внимательно, затѣмъ бросилъ тетрадь на столъ и началъ ходить взадъ и впередъ по своей комнатѣ...

— Какъ это диковинно!—произнесъ онъ въ полголоса.—Именно теперь попалось мнѣ это сочиненіе. Теперь, когда я какъ дуракъ будто попрекаю себя въ томъ, что влюбился страстно въ куклу... Да, она кукла. По просту сказать, она дура. Свѣтская и благовоспитанная дѣвушка, умѣющая очень умно говорить глупости. Или умѣющая отвѣчать иногда такъ, что вдругъ покажется сдуру и умной.

И онъ вспомнилъ, какъ Ева сказала ему:

«Нѣтъ. Я васъ не понимаю. Еслибъ я васъ поняла, то я бы сейчасъ вышла изъ горницы».

— Это очень мило, будто даже умно... А это свѣтскій фортель, что называютъ французы «жаргонъ» благовоспитаннаго общества. Да, Ева дура, красавица и дура... И да здравствуютъ всѣ красавицы-дуры и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ!.. А мнѣ, должно быть, стыдно самого себя, что я удивлялся-было, какъ могъ влюбиться въ куклу. Влюбляются люди испоконъ вѣку въ красоту, а не въ умъ... Этакъ можно бы пойти еще дальше, влюбляться въ свойства ума. Начать женщину обожать за необыкновенную память, за быстрое соображеніе, за остроуміе и чортъ знаетъ еще за что... За математическія способности!.. Нѣтъ! Богиня красоты и любви была дура. Въ наукѣ миѳологіи,—какъ сказывалъ мнѣ этотъ шутъ гороховый фонъ-Энзе,—все имѣетъ свое особое значеніе. Если Венера была самая красивая изъ богинь, но и самая простоватая и легкомысленная, то, стало быть, такъ и быть слѣдуетъ. Всякая красавица будь глупа, а умная будь дурнорожа. Только одно еще я бы отъ себя прибавилъ. Въ сотвореніи міра есть ошибка большая, маху далъ Творецъ. Надо бы сотворить мужчину и красавицу женщину, а не красивую женщину сдѣлать третьимъ существомъ, безъ пола. Такъ себѣ, ни то ни сё... Существо годное только для сравненья, чтобы женщина около него еще красивѣе казалась. Какъ день хорошъ—тѣмъ, что ночь есть.

XIX.

Перебирая всякій вздоръ, который лѣзъ ему въ голову, подъ вліяніемъ прочтеннаго сочиненія, Шумскій, однако, нетерпѣливо поглядывалъ на часы и начиналъ уже тревожиться. Былъ почти уже часъ ночи, а мамка еще не воротилась отъ Нейдшильдовъ.

Шумскій кликнулъ лакея.

— Эй! Копчикъ! Авдотья вернулась!

Малый прибѣжалъ на зовъ барина сонный, но опрометью, и заявилъ, что женщины еще нѣтъ.

— Чтожъ это такое?

— Не могу знать-съ.

— Не можетъ она тамъ сидѣть до этихъ поръ. Они спать ложатся до полуночи.

— Не заплуталась ли Авдотья Лукьяновна въ городѣ. Въ первый разъ очутившись въ Петербургѣ, могла сбиться.

— Да ты ей дорогу-то велѣлъ запомнить...

— Какъ же-съ. Ѣхали, я ей все показывалъ, — солгалъ Копчикъ.—Гдѣ какой куда поворотъ, гдѣ домъ какой особый, гдѣ церковь... Для памяти...

Прошелъ еще цѣлый часъ въ ожиданіи и Шумскій началъ уже усмѣхаться. Приключеніе съ мамкой его невольно забавляло.

— Копчикъ! — крикнулъ онъ опять лакея. — Что ты скажешь? А? Ну, какъ мамку-то въ Питерѣ ограбили да ухлопали? Вотъ штука-то будетъ!..

И Шумскій невольно расхохотался звонкимъ смѣхомъ. Копчикъ улыбнулся ради приличія, но самъ тоже невольно думалъ:

— Хорошъ ты! Неча сказать. А она еще его обожаетъ, какъ андела какого.

— Ухлопалъ ее непремѣнно какой-нибудь жуликъ ночной. Вотъ будетъ оказія-то... Какъ въ романахъ описуется... Приключеніе нежданное ради развязки исторіи.

Копчикъ снова ушелъ къ себѣ въ уголъ, легъ зѣвая на ларь и сталъ размышлять о томъ, «какія господа бываютъ свиньи безжалостныя».

Черезъ нѣсколько минутъ наружная дверь со двора растворилась и въ прихожей послышался шорохъ и шаги.

Копчикъ привсталъ и окликнулъ.

— Я... Я...— отозвался голосъ Авдотьи.

Копчикъ выскочилъ въ прихожую...

— Что съ вами. Гдѣ вы пропали. Второй часъ.

— Я верстъ двадцать, оглашенный человѣкъ, исходила. А то и всѣ двадцать пять.

— Заплутались?

— Нѣтъ! Гуляла! Вѣстимо, запуталась. Оттуда пошла какъ слѣдуетъ. И рѣчку вашу прошла по мосту, какъ слѣдуетъ.

— Какую рѣчку... Неву...

— Вѣстимо... Ну, и пошла прямо, ища васъ... И пришла въ Лавру...

— Невскую Лавру!! Съ Васильевскаго-то острова?

— А оттута назадъ. Шла, шла, шла. И говорятъ мнѣ въ Коломну я пришла. Все не туда!..

— Ахтительно. Вамъ бы ужъ оттуда на Охту... Ради любопытствія. Чтожъ вы не спрашивали дорогу-то у прохожихъ.

— Опрашивала, кто попадался... Да не знаю, какъ улицу-то назвать. Куда мнѣ идти-то не знаю! Понялъ? Оглашенный чело-

вѣкъ! Вѣдь не дура же я. А вы дураки! Иванъ Андреичъ привезъ, а ты вывезъ. Да и пустили! А гдѣ вы живете, какъ званье мѣсту — никто изъ васъ мнѣ не сказалъ. Такъ бы и осталась на улицѣ до утра. Да и днемъ бы не знала, куда идти. Просто хоть домой въ Новгородъ иди пѣшкомъ. Спасибо, попался солдатъ, да спросилъ, у кого живу. Я сказала. Онъ Михаила Андреевича знаетъ. Нашъ былъ, говоритъ, антилерецъ. Ну, и провелъ прямо сюда... Да, ужъ оглашенные вы оба съ Иваномъ-то Андреичемъ.

И Авдотья, сильно угрюмая и раздраженная, усѣлась на стулъ, не снимая своей кацавейки и платка съ головы.

— Ноги-то гудутъ! Просто гудутъ! — вымолвила она сердито. — Оглашенные. Одинъ привезъ въ домъ, а другой вывезъ изъ дому. И хоть бы слово сказали, какъ званье вашему жительству. Прокаженные! Ей-Богу!

Шумскій вышелъ на голосъ мамки и, узнавъ въ чемъ дѣло, не разсмѣялся, а разсердился тоже на Копчика.

Если убійство мамки жуликами показалось ему забавнымъ, то плутанье ея было слишкомъ простымъ и не любопытнымъ случаемъ, который только замедлилъ полученіе вѣстей о Пашутѣ и баронессѣ.

Шумскій позвалъ женщину къ себѣ въ спальню и сталъ разспрашивать. Авдотья, все еще угрюмая, а отчасти сильно утомленная, отвѣчала кратко и глядѣла сонными глазами.

— Ну, до завтра... Ты теперь загонялась очень, — вымолвилъ Шумскій. — Завтра все разскажешь. А теперь скажи только, будетъ Пашута тебя слушаться... Рада была тебѣ очень...

— Еще бы не радой быть.

— Будетъ слушаться...

— Будетъ... — выговорила Авдотья, чувствуя, что лжетъ отъ усталости и готовая на всякую хитрость, только бы отпустили ее спать...

— Пашута какова показалась тебѣ. Барышня?

— Барышня...

— Баронессу не видала?

— Видѣла.

— Видѣла! Близко?

— Близко.

— Хороша она. А?

— Охъ, Михаилъ Андреевичъ. Смерть моя! — воскликнула Авдотья. — Отпусти меня. Завтра я вамъ все... Всю подноготную выложу. Умаялась. Не могу. Все во мнѣ такъ и гудётъ, будто колокольный трезвонъ въ нутрѣ.. Все помовается и трясется.

— Ну, иди, Богъ съ тобой.

Авдотья прошла въ гардеробную, гдѣ ей было назначено спать бариномъ-питомцемъ и, какъ дѣлала всякую ночь, разослала на полу

свою шубку, а вмѣсто подушки положила узелъ... Ей вспомнилась ея постель въ Грузинѣ и она вздохнула.

— Чтобы ему придти глянуть, какъ мамка спитъ по-собачьи. Э-эхъ, молодые люди. Все по себѣ старыхъ мѣряютъ. А старыя кости на полу ноютъ да жалятся... Хоть бы кваску дали испить. Въ горлѣ пересохло.

И ворча себѣ подъ носъ, мамка улеглась на полъ и тотчасъ же захрапѣла на весь домъ.

Но не прошло полныхъ четырехъ часовъ времени, какъ въ квартирѣ Шумскаго снова задвигалось.

Около шести часовъ утра кто-то стучалъ въ дверь задняго крыльца. Копчикъ проснулся, удивился и, бранясь себѣ подъ носъ, пошелъ отворять... Впустивъ въ домъ ранняго посѣтителя въ солдатской формѣ, и переговоривъ, малый побѣжалъ будить барина безъ всякаго опасенія, какъ бывало всегда.

— Михаилъ Андреевичъ! Михаилъ Андреевичъ! — храбро и громко повторилъ онъ разъ съ десятокъ, покуда Шумскій не пришелъ въ себя.

— Что такое?—воскликнулъ тотъ отчасти тревожно, понявъ съ первой секунды пробужденья, что Васька не станетъ и не смѣетъ его будить безъ важнаго повода.

— Михаилъ Андреевичъ. Вѣстовой прискакалъ. Графъ пріѣхали и требуютъ васъ къ себѣ, къ восьми часамъ. Во дворецъ прямо...

— Это еще что за новости?

Васька молчалъ.

— Вѣстовой? И приказалъ тебѣ меня будить?

— Точно такъ-съ.

— А который часъ?

— Должно, шесть, седьмой...

— Чтожъ они тамъ бѣлены объѣлись? Черти.

Копчикъ двинулся-было изъ горницы, но баринъ остановилъ его и приказалъ разбудить себя черезъ часъ.

Лакей вышелъ, а Шумскій заворчалъ.

— Дуболомъ! Самъ встаетъ съ пѣтухами и другимъ спать не даетъ! Стало быть, въ ночь пріѣхалъ. И почему же во дворецъ? Говорилъ, что больше тамъ останавливаться не будетъ. Все новости и все глупости. Дуболомъ!

Шумскій сталъ стараться заснуть, но именно эти старанья и легкая досада—прогнали сонъ окончательно...

Полежавъ полчаса съ открытыми глазами, онъ крикнулъ лакея.

— Трубку!..— И Шумскій прибавилъ тише: —Черти!

Но слово это было сказано во множественномъ числѣ ради присутствія Васьки, который, однако, хотя и не зналъ грамматики, но, разумѣется, отлично понималъ, что слово это сказано не правильно.

Чрезъ полчаса, молодой человѣкъ былъ уже одѣтъ и принялся за кофе и за третью трубку.

— Позови Авдотью, — приказалъ онъ, совершенно забывъ, который часъ.

— Они еще не просыпались... — замѣтилъ Васька.

— Что ты? Очумѣлъ? А? — крикнулъ Шумскій, и лакей выскочилъ изъ горницы, боясь, что чубукъ доскажетъ у него на головѣ то, чего баринъ не считалъ даже нужнымъ объяснять.

Не скоро Копчикъ добудился мамки. Авдотья, сильно уставшая, долго не приходила въ себя и только мычала безсмысленно.

Наконецъ, понявъ, въ чемъ дѣло, Авдотья поднялась и, оправившись, пришла. Едва только она вошла, какъ увидѣла, что ея питомецъ сильно не въ духѣ.

— Ну, очухалась... Говори, объ чемъ у васъ была вчера бесѣда съ Пашутой, — произнесъ онъ сухо.

Авдотья, стоя у дверей, начала свой разсказъ, изрѣдка прерывая его отчаянными зѣвками, которые скрыть было невозможно. Разсказавъ почти все, Авдотья уже собиралась начать восторженное описаніе «андельскаго лика барбанесы», но Шумскій перебилъ мамку вопросомъ:

— Ну, что же Пашутка твоего страшнаго слова испугалась...

— Какъ то-ись?

— Да вѣдь ты говорила, что у тебя есть на нее страшное слово...

— Я, соколикъ мой, его ей не говорила... И времени не было, и боязно было.

— Что-о? — протянулъ Шумскій, вставая изъ-за столика, гдѣ пилъ кофе.

Авдотья тихо и виновато стала объяснять, почему она свое «страшное слово» Пашутѣ не сказала.

— Да что ты, очумѣла чтоль? — вскрикнулъ Шумскій. — Когдажъ этой канители конецъ будетъ. Что вы всѣ — сговорились что ли меня бѣсить. Да я васъ всѣхъ въ одинъ мѣшокъ, да въ...

Молодой человѣкъ запнулся и продолжалъ спокойнѣе:

— Ну, слушай, Авдотья. Не блажи и меня не серди! Я вотъ поѣду къ батюшкѣ во дворецъ, и, надо думать, скоро и назадъ буду. Ты напейся чаю, и маршъ къ Пашутѣ. Спитъ, вели разбудить, не важная барыня. Объяснись съ ней, усовѣсти и прикажи тотчасъ идти сюда за моими приказаніями. Послушается она тебя или не послушается — все равно мнѣ. Я знаю, что съ ней дѣлать. А мнѣ, главное дѣло, конецъ этой канители. Не послушается, то я ее... Ну, это мое дѣло!

— Какъ можно, соколикъ. Она безпремѣнно послушается. Мое слово вѣдь такое... Именно, страшное слово!

— Такъ и говори его! — прокричалъ Шумскій на всю квартиру, снова взбѣсившись сразу...

— Скажу!—чуть слышно, но обидчиво отозвалась Авдотья.

— Страшное, да страшное, да такое, да сякое... А сама съ этими своими словами, какъ дурень съ писаной торбой... Вѣдь ты, прости меня, — чудесница! То бѣгала Богу молилась и у Царя Небеснаго совѣтовъ просила, а теперь опять всякіе сборы пошли... Вѣдь это глупо. Подумаешь, тебѣ приходится въ какомъ преступленьи уголовномъ сознаваться, да каяться, да въ каторгу...

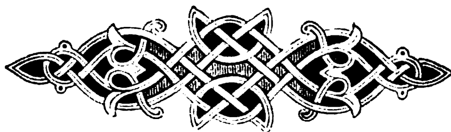
И Шумскій, смотрѣвшій, говоря это, въ лицо своей мамкѣ, невольно запнулся.

Лицо Авдотьи сильно и сразу измѣнилось и какъ-то потемнѣло.

— Ну, вотъ и здравствуйте! — подумалъ молодой человѣкъ, но тотчасъ двинулся, прибавивъ вслухъ:—Однако, мнѣ пора къ моему... чудеснику.

Графъ Е. Саліасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ [1].

XIII.

Минувшихъ дней очарованье,
Ужель опять воскресло ты?
Кто разбудилъ воспоминанье
И замолчавшія мечты?
Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалый,
Душѣ блеснулъ знакомый взоръ;
И зримо ей въ минуту стало
Незримое съ давнишнихъ поръ...

Жуковскій.

ЕРГѢЙ Львовичъ и Надежда Осиповна успокоились, наконецъ, получивъ письмо отъ Александра Сергѣевича изъ Тифлиса, куда онъ заѣзжалъ на обратномъ пути въ Петербургъ.

«Слава Богу»,—пишетъ бабка изъ Тригорскаго,—«томленія мои объ Александрѣ, милая моя и добрая Ольга, кончились: посылаю тебѣ копію письма, которое онъ переслалъ мнѣ черезъ Дадіана. Дадіанъ пріѣхалъ курьеромъ въ Петербургъ съ извѣстіемъ о новой побѣдѣ, и отправилъ письмо твоего брата сюда. Въ Зуево [2]) Дадіанъ не завернулъ, а завернуть ему ничего не стоило, такъ какъ онъ не скоро поѣдетъ назадъ; разстояніе отъ Петербурга къ намъ небольшое. Помнишь его матушку, нашу кузину, какъ она тебя

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXI, стр. 538.

[2]) Михайловское тожъ.

маленькую любила, а когда вышла замужъ и уѣхала въ Грузію, съ тѣхъ поръ не писала. Богъ съ ней (Que le bon Dieu la conserve en sa Sainte garde)!

«Пишетъ мнѣ Розенъ о Леонѣ; Лелька живъ и здоровъ (Lolka est sain et sauf et se porte comme le pont neuf); представленъ въ капитаны за храбрость, чему Сашка — говоритъ Розенъ — обрадовался не меньше Леона. Вѣдь Александръ Лелькой очарованъ (Alexandre est entiché de Lolka).

«Розенъ, сообщая о моемъ младшемъ (mon cadet), не говоритъ ни слова о «Тифлисской газетѣ», напечатавшей что-то объ Александрѣ [1]). А изъ письма Сашки увидишь, что взятіемъ Эрзерума кампанія далеко не оканчивается. Сердце сжимается, какъ подумаю о Лелькѣ: разсказываютъ, будто бы его полкъ опять былъ въ дѣлѣ. Жду не дождусь моихъ бѣдныхъ дѣтей. Во всякомъ случаѣ Александра увижу раньше».

«Прибавляю къ письму мама»,—пишетъ Сергѣй Львовичъ,—«что Леонъ не только будетъ на дняхъ капитаномъ, но не смотря на теперешній свой маленькій чинъ, получилъ уже два мѣсяца тому назадъ,—чтобы ты думала—Анну на шею за храбрость. Вотъ ужъ правду говорятъ русскіе: малъ золотникъ да дорогъ, а меня, родного отца, не нашелъ нужнымъ порадовать. Экій шутъ! (En voilà un bouffon)! Но и Александръ отличается: тоже видѣлъ, какъ Эрзерумъ брали; вѣроятно вдохновился и музой въ придачу (de pair et compagnie). Воображаю его верхомъ при саблѣ, во фракѣ и боливарѣ на головѣ. Тоже оригиналъ порядочный (un franc original). О Сашѣ я сильно безпокоился до полученія письма, да и теперь безпокоюсь, потому что видѣлъ сегодня во снѣ, будто бы онъ женится; разсказалъ я мой сонъ Никитѣ, (камердинеру, автору баллады о «Соловьѣ разбойникѣ», о которомъ уже упомянуто мною)—а этотъ старый хрѣнъ (ce vieux raifort): «Батюшка, ясное солнышко ты Сергѣй Львовичъ! Сонъ вѣдь твой не къ ладу»! Знаешь манеру нашего Никитки утѣшать!

«Не можешь ли растолковать этотъ сонъ? Вѣдь ты у меня на-

---

[1]) Тифлисская газета отъ 28 іюня 1829 г. въ № 29 напечатала: «Пушкинъ посѣтилъ Грузію. Онъ недолго былъ въ Тифлисѣ: желая видѣть войну, онъ испросилъ позволенія находиться въ походѣ при дѣйствующихъ войскахъ, и 16 іюня прибылъ въ лагерь при Исканъ-Су. Первоклассный поэтъ нашъ пребываніе свое въ разныхъ краяхъ Россіи означилъ произведеніями славнаго его пера: съ Кавказа далъ онъ намъ «Кавказскаго плѣнника», въ Крыму «Бахчисарайскій фонтанъ», въ Бессарабіи «Цыганъ», во внутреннихъ провинціяхъ писалъ онъ прелестныя картины «Онѣгина». Теперь публика наша соединяетъ самыя пріятныя надежды съ пребываніемъ А. Пушкина въ станѣ кавказскихъ войскъ и вопрошаетъ: чѣмъ любимый поэтъ нашъ, свидѣтель кровавыхъ битвъ, подаритъ насъ изъ стана военнаго? Подобно Горацію, поручавшему друга своего опасной стихіи моря, мы просимъ судьбу сохранить нашего поэта среди ужасовъ брани».

стоящая Сивилла! Сердце все изныло въ разлукѣ съ Александромъ, Леономъ, и тобою, мой ангелъ»! «Мы не греки и не римляне, какъ пишетъ гдѣ-то Карамзинъ—кажется въ «Ильѣ Муромцѣ»— и мнѣ очень желательно быть увѣреннымъ въ томъ, что мои дѣти дѣйствительно здоровы.

«Впрочемъ, скоро увижу моего старшаго, такъ какъ по газетамъ, «Александръ Пушкинъ проѣхалъ въ Астрахань черезъ Кавказъ». А тамъ, надѣюсь, и мой младшій (mon cadet) пріѣдетъ въ отпускъ.

«Кстати: вообрази, Ольга, стѣны гостепріимнаго Тригорскаго огласились пѣсней Земфиры изъ «Цыганъ» Сашки: «Старый мужъ, грозный мужъ, рѣжь меня, жги меня»!! Пѣсню поютъ и у Осиповой, и у Креницыныхъ, а музыку сочинилъ самъ Веніаминъ Петровичъ[1]). Выходитъ очень хорошо. А еще скажу, что всѣ очарованы всякими стихами Александра; всѣ учатъ ихъ наизусть, даже восьмилѣтній Темировъ. Еще того лучше: рыжій цирульникъ, горькій пьяница Прохоръ—его ты видѣла,—его же беретъ всегда на охоту Веніаминъ Петровичъ подымать подстрѣленую дичь,—вообрази себѣ, и тотъ, вынимая изъ ягдташа, и показывая охотникамъ тетеревей, рябчиковъ, дикихъ утокъ, куропатокъ и дроздовъ—запѣлъ публикѣ изъ «Братьевъ-разбойниковъ»:

«Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
«Племенъ, нарѣчій, состояній»...
. . . .

О той же популярности Александра Сергѣевича, Сергѣй Львовичъ, въ другомъ письмѣ къ моей матери, разсказываетъ:

«....Ганнибалы пріютили къ себѣ въ качествѣ судомойки 14-ти или 15-тилѣтнюю Глашку, дочь,—извини за выраженіе (passe moi l'exprèssion)—свинопаса Гаврюшки изъ Опочки. Кругла она какъ шарикъ, носитъ толстую красную рожу съ плоскимъ носомъ и калмыцкими глазами (elle porte une grosse trogne rouge avec un nez épaté, et des yeux calmouks), и не совсѣмъ чистоплотна. Представь себѣ, Ольга: это сверхъестественное созданіе (cette créature surnaturelle) выучила наизусть съ начала до конца «Бахчисарайскій фонтанъ», а вчера мы всѣ хохотали до упаду: Веніаминъ Петровичъ вызвалъ ее изъ кухни насъ потѣшать декламаціей изъ «Евгенія Онѣгина». Глашка встала въ третью позицію, и закричала во все горло (à gorge déployée):

«Толпою нимфъ окружена
«Стоитъ Истомина; она
«Одной ногой касаясь пола (Глашка встаетъ на цыпочки),
«Другою медленно кружитъ (Глашка поворачивается).
«И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ,
«Летитъ какъ пухъ изъ устъ Эола»...

---

[1]) Ганнибалъ, сынъ Петра Ибрагимовича.

«(Глашка тутъ прыгаетъ, кружится, дѣлаетъ на воздухѣ какое-то антраша, и падаетъ невзначай на полъ. Расквасивъ себѣ носъ, громко ревётъ, и опрометью въ кухню. Ей стыдно, всѣ хохочутъ).

«Вотъ тебѣ Ольга и нацарапалъ я картину, въ разсчетѣ, что ты если не посмѣешься, то на худой конецъ улыбнешься»...

. . . .

Дѣдъ мой и бабка любили дѣтей, но любили ихъ «по своему», эгоистически, лишь бы дѣти находились недалеко отъ нихъ. Александръ Сергѣевичъ, никогда не принимая ихъ нѣжныя письма за чистую монету, отвѣчалъ на посланія родителей очень рѣдко и отнюдь съ ними не откровенничалъ; отлучки же его, о которыхъ предупреждать родителей не видѣлъ надобности, были всегда для Сергѣя Львовича и Надежды Осиповны сюрпризами, какъ напримѣръ и внезапная его поѣздка въ 1833 году въ Оренбургскій край, съ цѣлію собирать матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта.

Ольга Сергѣевна относилась не такъ философски, какъ ея братъ, къ письменнымъ изліяніямъ дѣда и бабки; эти изліянія,—исполненныя повидимому самыхъ восторженныхъ чувствъ родительской любви, и къ тому же построенныя по всѣмъ правиламъ французской стилистики,—трогали мать мою до слезъ.

Но—на повѣрку—если бы чувства Надежды Осиповны дѣйствительно согласовались съ ея изящнымъ мелкимъ французскимъ почеркомъ, то почему эта во всѣхъ отношеніяхъ оригинальная креолка, распинаясь въ звонкихъ фразахъ, ни разу—вплоть до 1834 года—не упоминаетъ ни въ одной строчкѣ объ отцѣ моемъ, совершенно не заботясь обрадовать больную дочь, требовавшую утѣшенія? А радость могла вылѣчить Ольгу Сергѣевну гораздо вѣрнѣе латинской кухни докторовъ. Кромѣ того, является по малой мѣрѣ страннымъ и малодушіе въ этомъ отношеніи моего дѣда; отецъ мой сказалъ довольно мѣтко въ письмѣ къ Луизѣ Матвѣевнѣ, что Сергѣй Львовичъ обрѣтается у своей жены «подъ пантуфлей»; и въ самомъ дѣлѣ: Сергѣй Львовичъ, въ своихъ письмахъ къ дочери, упоминаетъ о зятѣ два или три раза—да и то вскользь. Вѣроятно Надежда Осиповна наложила на своего супруга интердиктъ. Посланія стариковъ къ моей матери писались на листахъ весьма почтеннаго размѣра, и на этихъ листахъ послѣ строкъ бабки начинаются непосредственно строки дѣда, и наоборотъ; по всему видно, что жена запрещала мужу,—точно такъ же какъ и Александру Сергѣевичу—заикаться о зятѣ.

Привожу еще слѣдующія выдержки изъ ея писемъ къ моей матери:

«Вотъ мы и въ Тригорскомъ»,—пишетъ бабка отъ 10-го іюля того же 1829 года,—«и слава Богу: пробудемъ въ деревнѣ до сентября, пока ты, мой ангелъ Ольга, въ Ораніенбаумѣ.

«Поѣздка наша не обошлась безъ непріятностей: папа (такъ бабка

всегда называла своего мужа) разстался на вѣки, недалеко отъ Новоржева, съ своей лорнеткой, безъ которой зги не видить, а гдѣ такую здѣсь купишь? Кромѣ того, папа, не знаю какимъ образомъ, растерялъ три ночныхъ колпака, а въ придачу (par dessus le marché) и свою подорожную, которую, клянется всѣми большими своими богами (en jurant tous ses grands dieux), засунулъ будто бы въ боковой карманъ. Да, впрочемъ, и я не лучше его: совершенно забыла напомнить Мариторнѣ [1]) Грушкѣ положить въ чемоданъ башмаки, которые подарилъ мнѣ, уѣзжая на Кавказъ, Александръ, а Грушка разиня (cette bégueule de Грушка) тому и рада, лишь бы намъ насолить. Я ее бранить, а она знать не знаю, были ли у васъ башмаки, сударыня, или не были. Какова! что съ нея послѣ этого возьмешь? Все-таки я очень рада подышать чистымъ воздухомъ и любоваться очаровательными видами Тригорскаго, гдѣ все тебя мнѣ напоминаетъ, всякая скамеечка, всякая бесѣдочка, всякій кусточекъ! А давно, давно ли, Боже мой, мы были вмѣстѣ? О тебѣ, Леонѣ и Александрѣ не могу вспоминать безъ слезъ. Гдѣ-то они, мои милыя дѣти? Сашку видѣлъ Дадіанъ въ Тифлисѣ, и говоритъ, что онъ очень худъ и желтъ; не боленъ ли? а что съ Лелькой— про то, Боже сохрани,—не сегодня-завтра узнаютъ пули турецкія. Боже, Боже мой! но никто какъ Богъ! По крайней мѣрѣ, меня утѣшаетъ мысль, что ты не дышешь вреднымъ петербургскимъ зловоннымъ воздухомъ, и надѣешься купаться въ морѣ, хотя это море и не море, и не мать, а лужа [2]) (quoique cette mer n'est ni mer ni mère mais une mâre).

«Береги себя, особенно во время купанья. Очень рада, что Шерингъ къ тебѣ въ Ораніенбаумъ пріѣзжаетъ слѣдить за лѣченьемъ. Видно Александръ нагналъ на него страха. Да благословитъ тебя Богъ, и не сомнѣвайся въ моемъ материнскомъ, любящемъ тебя сердцѣ. Твое здоровье—мое здоровье, твое счастье—мое счастье.

«Завтра день твоихъ имянинъ. Какъ мнѣ горько, что не могу въ этотъ день прижать тебя къ моему сердцу!»

«Новость, что Адріанополь занятъ Дибичемъ», — пишетъ Надежда Осиповна въ сентябрѣ того же года,—«возвела бы меня, какъ истую русскую патріотку на седьмое небо (m'aurait transportée au septième ciel), если бы получила другую, еще болѣе радостную новость о твоемъ выздоровленіи. Мысль, что страждешь, не даетъ мнѣ покоя, отравляетъ мнѣ жизнь, а твои послѣднія письма, ангелъ Ольга, огорчили меня какъ нельзя болѣе. Сердце мое отъ нихъ раздирается (j'en ai le coeur navré). Но зачѣмъ предаешься мрач-

---

[1]) Мариторна — воспѣтая Сервантесомъ въ Донъ-Кихотѣ далеко некрасивая служанка гостинницы, куда заѣхалъ странствующій рыцарь «печальнаго образа». Л. П.

[2]) Тутъ игра словъ, утрачивающая значеніе въ русскомъ переводѣ. Л. П.

нымъ предчувствіямъ? Не прибавится отъ нихъ здоровье, а убавится. Не отчаявайся, ради Бога, вооружись терпѣніемъ и слушай Шеринга.

«Александръ, наконецъ, удостоилъ насъ письмомъ; обнадеживаетъ насъ своимъ пріѣздомъ; о тебѣ же говоритъ, что твоя болѣзнь, о которой онъ разсказывалъ какому-то армянину-доктору, совсѣмъ не происходитъ отъ разстройства печени, а отъ нервовъ; отъ нихъ и головокруженія. Сашка пишетъ, что если застанетъ тебя не поправившейся, то приведетъ еще одного доктора, его знакомаго, который только нервами и занимается; фамиліи его не называетъ. А пока Александръ совѣтуетъ тебѣ спокойствіе; это самое главное».

Дѣйствительно, Ольга Сергѣевна не чувствовала до октября улучшенія; она воображала себѣ, что ея болѣзни и конца не будетъ, не видя никакого благополучнаго исхода ужасныхъ головокруженій.

— «Хорошо моей матери»,— сказала она Николаю Ивановичу, по полученіи приведеннаго мной письма,—«совѣтывать мнѣ бросить черныя мысли! «Чужую бѣду руками разведу, а къ своей ума не приложу», гласитъ пословица; спокойствіе не продается, не покупается. Гораздо лучше, вмѣсто совѣтовъ, послать тебѣ хоть поклонъ. Я бы обрадовалась, и мнѣ сдѣлалось бы отъ этого не въ примѣръ легче»...

Старики Пушкины пробыли въ деревнѣ до глубокой осени, вовсе не заботясь о благоустройствѣ имѣнія: дѣдъ занялся усердно чтеніемъ, едва ли не въ сотый разъ, Мольера и Вольтера, и сочиненіемъ эпитафіи въ честь кончившей тогда жизненный путь древней своей собаки Руслана, о чемъ скажу ниже, а бабка — свиданіями съ сосѣдями, сообщеніемъ и собираніемъ всевозможныхъ новостей, бостономъ, писаніемъ вышеприведенныхъ, яко бы искреннихъ посланій, — вотъ и все.

Правда, Сергѣй Львовичъ упоминаетъ въ этомъ году о хозяйствѣ, но упоминаетъ всего лишь одинъ разъ въ письмѣ къ дочери, ограничиваясь разсказомъ, какъ управлявшій тогда имѣніемъ, нѣмецъ Дрейеръ, исправилъ къ пріѣзду владѣльцевъ наружный видъ господскаго дома, украсилъ садъ, выстроилъ новый амбаръ да хлѣвъ, расчистилъ въ саду дорожки, посадилъ цвѣты, привелъ въ порядокъ оранжерею, да остригъ деревья à l'anglaise. Отъ всѣхъ этихъ распоряженій старикъ Пушкинъ былъ въ восторгѣ; но Дрейеръ, заботившійся, повидимому, о внѣшнемъ благообразіи Ганнибаловской вотчины, вскорѣ умеръ; мѣсто его занялъ, въ качествѣ управляющаго нѣкто Р. (фамилія его въ перепискѣ моего отца съ дядей цѣликомъ не обозначена), а его помощникомъ сдѣлался крѣпостной человѣкъ Михайло (фамиліи тоже отецъ не выставилъ), плутъ далеко не малой руки. Этотъ Михайло немедленно приступилъ къ систематическому обманыванью и обиранью Сергѣя Львовича, и

прохозяйничалъ, такимъ образомъ, до лѣта 1836 года, когда отецъ мой, разоблачивъ его дѣйствія передъ Александромъ Сергѣевичемъ, смѣнилъ его[1]); но Михайло успѣлъ уже составить себѣ довольно кругленькій капиталецъ. Одинъ изъ сыновей Михайлы Гаврила—прозванный Сергѣемъ Львовичемъ le beau Gabriel,—пошелъ по стопамъ своего достойнаго родителя: будучи безотлучнымъ камердинеромъ Сергѣя Львовича, очаровательный Габріель, въ свою очередь, набилъ себѣ мошну и, по кончинѣ моего дѣда, устроился какъ нельзя лучше: снялъ башмачный магазинъ.

Старики Пушкины, какъ сказалъ я выше, пріѣхавъ на лѣто и осень 1829 года въ Тригорское и Михайловское, занялись не благоустройствомъ отчины, а тѣмъ, что имъ приходилось болѣе на руку. Они смотрѣли на жизнь, по-нѣмецкому выраженію ins Blaue hinein, не обращая никакого вниманія на практическую ея сторону; челядь задалась цѣлію обирать, обсчитывать, надувать господъ, а господа, съ своей стороны, порѣшили отлучаться по цѣлымъ недѣлямъ искать развлеченій въ обществѣ гостепріимныхъ сосѣдей. Съ образомъ этой послѣдней дѣятельности Пушкиныхъ всего лучше можно познакомиться при чтеніи слѣдующихъ писемъ Сергѣя Львовича и жены его къ моей матери:

«Вотъ уже недѣля, какъ ты не получала отъ насъ извѣстій»,—пишетъ Надежда Осиповна,—«и не удивляйся. Насъ въ Тригорскомъ не было; не было и въ Михайловскомъ. Да что въ Михайловскомъ намъ было дѣлать? Скука невыносимая (on s'y ennuit à périr). Итакъ мы рѣшились объѣздить всѣхъ нашихъ добрыхъ знакомыхъ. Начали съ Рокотовыхъ. Можешь себѣ представить, какъ этотъ добрый забавникъ Иванъ Матвѣевичъ (ce bon plaisant Jean fils de Matthieu) намъ обрадовался! Не зналъ отъ радости, куда насъ посадить, чѣмъ угостить, и что дѣлать съ своей особой, повторяя безпрестанно вѣчную свою поговорку: «Pardonnez ma franchise» (простите мою откровенность). Въ этомъ восторгѣ продержали мы его четыре дня, а лучше сказать, онъ насъ продержалъ. Нагрянули къ Рокотовымъ и Шушерины и Креницыны, и кузены мои Павелъ и Семенъ Исаковичи». (Ганнибалы). «Добродушный Jean fils de Matthieu устроилъ танцы, катанья на лодкѣ, угощалъ насъ до невозможнаго (il nous a hébergé jusqu'à l'impossible), и, наконецъ, самъ навязался переслать тебѣ письмо, которое выхватилъ у меня изъ рукъ, а потому боюсь, что до тебя не дойдетъ. Знаешь его разсѣянность: положитъ письмо въ разорванный карманъ сюртука и обронитъ; онъ на это вѣдь мастеръ; не даромъ Александръ до сихъ поръ называетъ его le jeune écérvelé, а какой же онъ

---

[1]) См. приложеніе къ «Семейной хроникѣ» въ Февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

младенецъ [1])? Саша не можетъ простить многіе случаи разсѣянности этого вертопраха (de ce volage) и его болтливости. [2])

«Какъ бы ни было, съ Рокотовымъ не соскучишься, а чтобы Jean fils de Matthieu совершенно осчастливить, я его посадила съ собой въ коляску, когда мы вмѣстѣ съ нимъ и со всей компаніей отправились къ Шушеринымъ, опять на четыре дня по ихъ приглашенію. Рокотовъ постоянно твердилъ свое «excusez ma franchise», расточая всевозможныя похвалы Уваровой и Зыбиной, и такъ занялъ меня болтовней, что я и не почувствовала, какъ мы мчались во всю прыть (ventre à terre) по дорогѣ очень плохой, рискуя очутиться во рву, къ большому ужасу папà; онъ слѣдовалъ за нами въ коляскѣ, а въ прочихъ экипажахъ ѣхали остальные mesdames и messieurs.

«У Шушериныхъ пробыли,—какъ я и думала,—четыре дня въ весьма любезномъ обществѣ. Пріѣхали и Е—на съ дочерью и И—ская съ замужней сестрой, а ихъ дражайшія половины (leurs chères moitiés) появились послѣ нихъ уже на другой день, вернувшись съ охоты; въ ожиданіи этихъ господъ, мы все утро и весь день проиграли въ вистъ. Знаешь, люблю карты, но все же не такъ, чтобы сидѣть за ними днемъ, и играть не вставая восемь часовъ сряду. На этотъ разъ вистъ мнѣ совсѣмъ опротивѣлъ.

«Г-жа Е—на крикушка, въ родѣ кузины папаши Чичериной, захотѣла польстить моему материнскому самолюбію и продекламировала мнѣ во все горло стихи Сашки: «Ты вянешь и молчишь, печаль тебя снѣдаетъ», [3]) да его испанскую «Ночной зефиръ струитъ эѳиръ», которую наизусть знаю; мочи нѣтъ какъ надоѣла [4]), по мѣткому выраженію Александра.

«Вся эта компанія съ утра до вечера кричитъ, шумитъ, пляшетъ и закусываетъ. Тутъ же вертится черномазый и чернобородый юный эскулапъ, т. е. докторъ Б—дъ; хотя и жидъ, но очень любезенъ и веселъ, а потому видѣть и имѣть его (le voir et l'avoir) въ провинціи чрезвычайно пріятно; израильское произношеніе очень къ нему идетъ, а его жена, бѣлокурая полька, тоже вздумала произносить намъ на распѣвъ стихи Мицкевича, не смотря на то, что

---

[1]) Объ Иванѣ Матвѣевичѣ Рокотовѣ А. С. Пушкинъ пишетъ, между прочимъ, своему брату слѣдующее:

«Съ Рокотовымъ я писалъ къ тебѣ—получи это письмо непремѣнно. Тутъ я по глупости лѣтъ прислалъ тебѣ святочную пѣсенку (Noel). Вѣтренный юноша Рокотовъ можетъ письмо затерять, а ничуть не забавно мнѣ попасть въ крѣпость pour des chansons». (См. т. VIII, стр. 124, соч. Пушкина, изд. Суворина 1887 г.).

[2]) Вѣроятно бабка намекаетъ о сообщеніи Осиповой Рокотовымъ писемъ Льва Сергѣевича, о чемъ говоритъ и дядя Александръ. (Тамъ же стр. 123).

[3]) Подражаніе А. Шенье (съ эпиграфомъ: «Jeune fille, ton coeur avec nous veut se taire»). См. т. III, стр. 126, соч. Пушкина, изд. Суворина, 1887 г.

[4]) Эту подчеркнутую фразу бабка написала порусски.

изъ насъ попольски никто ни бельмеса (pas un briu). Впрочемъ, она меня и Александромъ, т. е. отрывкомъ изъ его «Братьевъ разбойниковъ» поподчивала, и—тоже надоѣла».

Сергѣй Львовичъ, описывая въ слѣдующемъ своемъ длинномъ посланіи дальнѣйшія странствованія по сосѣдямъ, между прочимъ, разсказываетъ:

«Отъ Шушериныхъ мы съ Рокотовымъ и съ тою же компаніею двинулись (nous nous sommes embarqués) къ Креницынымъ на три дня, а потомъ съѣздили къ Темировымъ. Рокотовъ сдѣлался задумчивъ, и о чудо! всего только пятнадцать разъ въ теченіе сутокъ проговорилъ: «Excusez ma franchise»! Недоумѣваю, чтобы это предвѣщало: не свѣта ли преставленіе? Впрочемъ, «мамà»[1]) другого мнѣнія, думая, что Jean fils de Matthieu разрѣшаетъ свою трудную задачу (est en train de résoudre son problème difficile), какъ подчинить излюбленному его гомеопатическому лѣченію борзыхъ и шавокъ (ses levriers et ses roquets).

«Вообрази, вся наша компанія назвалась къ намъ на завтра, въ воскресенье, въ числѣ двѣнадцати человѣкъ. Вотъ безъ ошибки нашествіе двунадесяти языкъ[2]), но право не знаю, какъ расквартировать эту—хотя и не Наполеоновскую — но все же «великую» армію. Нечего дѣлать: переберемся на ночлегъ въ полуразвалившуюся баню, а домъ отдадимъ въ распоряженіе милыхъ нашихъ друзей. Самъ же я предупреждалъ этихъ messieurs и mesdames или mesdames и messieurs—все равно,—что они очутятся въ положеніи сельдей въ боченкѣ; слушать не хотятъ. Впрочемъ, да будетъ воля неба! (Au reste que la volonté du ciel soit faite)».

«Погода у насъ перемѣнилась»,—пишетъ на другой день бабка,— «дождь льетъ, какъ изъ ведра, и право не знаю, пріѣдутъ ли наши, а все для нихъ приготовлено. Пишу второпяхъ, и скажу, что вчера страшно перепугалась: около дома появилось десять штукъ волковъ; они напали на Прохора и Андрюшку; къ счастію Прохоръ—у него было ружье—отправилъ на тотъ свѣтъ двухъ изъ этихъ господъ (deux de ces messieurs); остальные бросились къ убитымъ, чѣмъ воспользовались наши удальцы и дали тягу. Вчера же взбѣсилась и собака, но и ту Ѳедькѣ удалось застрѣлить».

Здѣсь будетъ кстати сказать нѣсколько словъ и о четвероногомъ дѣдушкинѣ любимцѣ Русланѣ. Эту собаку подарилъ когда-то Сергѣю Львовичу Александръ Сергѣевичъ, давшій псу первоначальную кличку не «Русланъ», а «Руслё», въ честь—какъ онъ выразился—«окаянной памяти» своего тирана, француза-гувернера. (см. первую часть этой хроники). Сергѣй же Львовичъ и Надежда Осиповна, продолжая питать почему-то совершенно непонятную

---

[1]) Надежда Осиповна.

[2]) Подчеркнутыя слова писаны порусски. Л. П.

нѣжность къ давно уже исчезнувшему съ пушкинскаго горизонта самодуру, разсудили превратить собаку «Руслё» въ одного изъ героевъ поэмъ дяди. Когда Русланъ околѣлъ отъ дряхлости и непомѣрно изобильнаго корма, Сергѣй Львовичъ слѣдующимъ оригинальнымъ письмомъ сообщилъ моей матери объ этомъ событіи:

«Какъ изобразить тебѣ, моя безцѣнная Ольга, постигшее меня горе? Лишился я друга, и друга такого, какого едва ли найду! Бѣдный, бѣдный мой Русланъ! Не ходитъ болѣе по землѣ, которая,—какъ говорится по латыни—да будетъ надъ нимъ легка! Да, незамѣнимый мой Русланъ! Хотя и былъ онъ лишь безотвѣтнымъ четвероногимъ, но въ моихъ глазахъ стоялъ гораздо выше многихъ и многихъ двуногихъ. (Quoi qu'il n'était rien de plus qu'un quadrupède, mais à mes yeux il etait bien au dessus de beaucoup et beaucoup de bipèdes): мой Русланъ не воровалъ, не разбойничалъ, не сплетничалъ, взятокъ не бралъ, интригъ по службѣ не устраивалъ, сплетенъ и ссоръ не заводилъ. Умеръ отъ долговременной болѣзни, а послѣднее время все спалъ. Я его похоронилъ въ саду, подъ большой березой; тамъ пусть лежитъ себѣ спокойно. Хочу этому вѣрному другу воздвигнуть мавзолей, но боюсь: сейчасъ мои безсмысленные мужланы—вотъ кто настоящія животныя—запишутъ меня въ язычники (Tout de suite mes imbeciles de manants—voilà les vrais animaux—m'inscriront sur la liste des païens). Чтобы меня утѣшить, Веніаминъ Петровичъ, правда, подарилъ мнѣ другую собачку—совершенный портретъ Руслана: ходитъ на заднихъ лапахъ, поноску носитъ, посягаетъ на цѣлость моихъ панталонъ — особенно же носовыхъ платковъ,—но все же не Русланъ, тысячу разъ не Русланъ. Съ горя сочинилъ я эпитафію пофранцузски и порусски. Вотъ французская:

«Ci-gît Rouslan, mon compagnon fidèle,
«Des vrais amis il fut le vrai modèle,
«Il m'aima pour moi seul, jamais n'exigea rien,
«Passe sans t'étonner: Rouslan n'était qu'un chien!

А вотъ и русская:

«Лежитъ здѣсь мой Русланъ, мой другъ, мой вѣрный песъ!
«Былъ честности для всѣхъ разительнымъ примѣромъ,
«Жилъ только для меня, со смертью же унесъ
«Всѣ чувства добрыя: онъ не былъ лицемѣромъ,
«Ни воромъ, пьяницей, развратнымъ тожъ гулякой;
«И чтожъ мудренаго? былъ только онъ собакой»!

Тоска дѣда по Русланѣ доходила въ самомъ дѣлѣ до смѣшного. Надежда Осиповна жалуется вслѣдъ затѣмъ дочери, что Сергѣй Львовичъ проплакалъ о смерти Руслана двѣ недѣли, не стѣснялся плакать и при гостяхъ, лишился сна, апетита. «Такъ только—Богъ меня прости и сохрани васъ Онъ на многая лѣта—дѣтей оплакиваютъ»,—писала бабка.

Привожу послѣднія письма стариковъ за 1829 годъ, объ отсутствующихъ сыновьяхъ:

«Слава Богу», — сообщаетъ Сергѣй Львовичъ въ началѣ октября (числа не выставлено),—«могу тебѣ сказать, что оба твои брата здоровы. Хотя до меня дошли свѣдѣнія и запоздалыя, но все же я покойнѣе. Отъ Леона получилъ разомъ два письма.

«Послѣ взятія Эрзерума Лелька опять былъ въ весьма горячемъ дѣлѣ (Lolka s'est trouvé de nouveau dans une affaire bien chaude) и,—представь себѣ—когда писалъ мнѣ первое письмо?! Ни болѣе ни менѣе, какъ наканунѣ боя, на барабанѣ, въ ту минуту, когда забывать о письмахъ отнюдь не предосудительно! За то для нашего успокоенія отправилъ намъ второе письмо сейчасъ же послѣ сраженія. Описываетъ весь ходъ боя, и проситъ вынуть часть за его бабку Марью Алексѣевну; тебѣ вѣроятно Леонъ сказывалъ, что передъ опредѣленіемъ на службу онъ видѣлъ тѣнь grand'maman. Тѣнь его благословила, а потому и думаетъ, что всякое сраженіе обходится для него благополучно. Говоритъ, что былъ въ жестокомъ огнѣ, и потеря въ людяхъ очень и очень значительна; разумѣется турки кончили тѣмъ, что возложили упованіе на свои ноги (ils ont filé la venelle).

«Похвалить долженъ и Александра: онъ также намъ пишетъ; пересылаю его письмо въ копіи—тоже очень запоздалое. Въ перепискѣ онъ и съ Плетневымъ, которому говоритъ, что очарованъ путешествіемъ, разсказывая своему другу всѣ прелести лагернаго быта. Письмо Сашки Плетневъ тоже намъ переслалъ; я хотѣлъ присоединить его къ тебѣ, то есть копію, но не знаю куда засунулъ подлинникъ, который долженъ возвратить Петру Александровичу. Сашка разъѣзжалъ въ мусульманскомъ краѣ на казацкой лошади съ нагайкой въ рукѣ, а—что еще того лучше — обѣщается Плетневу и намъ очень скоро быть въ сѣверной столицѣ. Que la volonté du ciel soit faite»!

Надежда Осиповна, съ своей стороны, на томъ же листѣ прибавляетъ:

«Я въ восторгѣ отъ пріѣзда Александра. Поразскажетъ и обо Львѣ, а кто знаетъ,—не пріѣдутъ ли вмѣстѣ? Очень бы, однако, хотѣла еще разъ ему написать. Но куда? «That ist the question»! Александръ,—какъ говоритъ Прасковья Александровна Осипова,— исчезаетъ именно тогда, когда всего меньше ожидаешь. Надѣюсь, на этотъ разъ исчезъ, чтобы съ нами соединиться.

«Свиданіе съ вами, дорогія мои дѣти, исцѣлило бы всѣ наши скорби. Война разлучила насъ съ твоими братьями, а твоя болѣзнь— съ тобою, мой ангелъ! Да соединитъ же насъ прочный миръ, и не менѣе прочное твое здоровье.

«Баронъ Дельвигъ—можешь за меня его обнять—пишетъ твоему папа, что посѣтилъ тебя въ Ораніенбаумѣ; собирается въ Москву

нарочно встрѣтить Леона и Александра; желаю и я туда же вмѣстѣ съ нимъ отправиться, чѣмъ выигралось бы время (cela serait autant de temps de gagné). Надо ловить въ нашей гадкой жизни столь рѣдкія, отрадныя мгновенія. Прижать къ сердцу Сашку и Лельку составляетъ теперь всю мою мечту. О тебѣ уже и не говорю: ты мой первенецъ (tu es ma première née). Боже! какъ мучительна разлука съ вами!»

Впрочемъ, выраженное Надеждой Осиповной желаніе встрѣтить сыновей въ Москвѣ такъ и осталось фразой, пущенной ради придачи письму риторическаго оборота. Изъ писемъ, хранящихся у меня, не видно, пріѣхалъ ли въ концѣ 1829 года Левъ Сергѣевичъ. Братъ же его Александръ Сергѣевичъ прибылъ въ Петербургъ въ первой половинѣ ноября, не заѣзжая въ Михайловское.

XIV.

Только незадолго передъ возвращеніемъ Александра Сергѣевича въ Петербургъ, мои родители возвратились изъ Ораніенбаума въ городъ,—на прежнюю квартиру,—такъ какъ осень 1829 года выдалась теплая и сухая, а свѣжій воздухъ оказался для моей матери гораздо полезнѣе всякихъ микстуръ и докторскихъ посѣщеній: головокруженія случались рѣже—это было главное; съ ихъ уменьшеніемъ появился и сонъ, укрѣпившій нервную систему больной. Въ городѣ она могла уже посѣщать своихъ родителей и знакомыхъ.

Отецъ былъ очень ободренъ такимъ ходомъ исцѣленія, а потому и могъ уже посвящать себя всецѣло служебной дѣятельности и литературнымъ занятіямъ, которыя становились для него сущею потребностью. Продолжая службу въ бывшей иностранной коллегіи по экспедиціи переводовъ, и будучи откомандированъ вице-канцлеромъ Нессельроде въ учрежденную при сенатѣ слѣдственную коммиссію надъ поляками,—скомпрометированными въ 1825 году — отецъ весьма удачно выполнилъ возложенное на него порученіе, за что̀ и былъ награжденъ окладомъ годового жалованья. Похвальные же отзывы тогдашнихъ повременныхъ изданій—въ особенности же отзывы «Сѣверной Пчелы» о его прекрасномъ переводѣ на русскій языкъ романовъ Фонъ-деръ-Фельда (біографическій очеркъ котораго онъ помѣстилъ затѣмъ въ «Литературной газетѣ» барона Дельвига)—поощрили его къ дальнѣйшимъ литературнымъ занятіямъ.

При свиданіи моей матери съ братомъ Александромъ Сергѣевичемъ, она нашла, что онъ очень осунулся, пожелтѣлъ и постарѣлъ такъ, что на видъ ему казалось не 30 лѣтъ, а гораздо больше.

— Александръ!—удивилась она,—что съ тобою? На тебѣ лица нѣтъ. Видно климатъ Кавказа и Турціи для тебя хуже всякаго Петербурга; напрасно ѣздилъ поправляться. А я надѣялась, что по-

полнѣешь, помолодѣешь. А можетъ быть военные походы тебѣ повредили? Здоровъ ли ты, скажи мнѣ!..

— Напрасно тревожишься,—отвѣчалъ дядя,—военные походы мнѣ полезны; чувствую себя какъ нельзя лучше; многое видѣлъ, многое испыталъ, и описаніе принесу тебѣ завтра. Сколько я почерпнулъ истинной поэзіи, сколько испыталъ разныхъ впечатлѣній! Очаровательный край! А на мою худобу и кажущуюся старость не гляди: просто похудѣлъ отъ усталости. Выѣзжая изъ Тифлиса, я съ грустью говорилъ: «прощай волшебный край», а какъ очутился опять въ вашемъ или нашемъ чухонскомъ болотѣ, выругался разумѣется: «петербургской грязи и вони мое нижайшее, чортъ возьми, почтенье»!

Дядя нашелъ сестру очень поправившейся, и приписалъ это улучшеніе своей мысли нанять для нея дачу въ Ораніенбаумѣ.

На другой день послѣ первой встрѣчи, Александръ Сергѣевичъ сдержалъ данное сестрѣ слово. Онъ зашелъ къ ней, и принесъ толстую рукопись.

— «Вотъ мои путевыя впечатлѣнія и разсказы обо всемъ, что со мной было; прочти ихъ. Зайду за ними послѣ, а теперь читать ихъ и разсиживаться некогда. Прощай»!

Оставленная Пушкинымъ у сестры рукопись была ничто иное, какъ тотъ «Дневникъ», начатый въ Георгіевскѣ, который дядя впослѣдствіи привелъ въ порядокъ, и напечаталъ уже гораздо позднѣе въ «Современникѣ»—именно въ 1836 году,—давъ ему заглавіе: «Путешествіе въ Арзрумъ во время похода 1829 года».

Ольга Сергѣевна, пораженная изнуреннымъ видомъ брата, вызвала его при слѣдующемъ затѣмъ свиданіи на откровенность.

Привожу ихъ довольно интересную бесѣду, о которой слышалъ отъ нея неоднократно. Мать очень любила повторять ее, и я уже давно записалъ эту бесѣду съ малѣйшими подробностями.

Дядя сознался, что будучи здоровъ физически, страдаетъ морально; по его словамъ, тоска стала одолѣвать его съ той минуты, какъ онъ выѣхалъ изъ Тифлиса въ обратный путь.

— Пріѣхавъ въ Петербургъ,—говорилъ онъ,—я очутился, какъ будто въ карцерѣ, съ которымъ нѣсколько разъ былъ знакомъ въ лицеѣ. Меня что-то давитъ, душитъ, когда засиживаюсь долго на одномъ мѣстѣ. Ѣздить хочу, мѣнять мѣста пребыванія хочу. Не даромъ на дняхъ я сочинилъ:

«Не въ наслѣдственной берлогѣ,
«Не средь отческихъ долинъ,
«На большой мнѣ, знать, дорогѣ
«Умереть Господь судилъ».

— А знаешь что, Ольга,—прибавилъ дядя,—чѣмъ чортъ не шутитъ? Скажу тебѣ по секрету, видишь что: изъѣздилъ я Бессарабію, и Крымъ, и Кавказъ, былъ и въ Турціи. Съѣздить за границу въ

Европу всегда успѣю, а теперь хочу—только не пугайся—провѣдать тотъ странный край, гдѣ не только душистый померанецъ, но и чай душистый зрѣетъ. Kennst du das Land? какъ воспѣваетъ, кажется, Гете. Такой, Ольга, край, что просто мое почтенье; страна чудесъ! Узнаю совершенно иной міръ, посмотрю на совсѣмъ другихъ людей; не увижу тамъ ни Красовскихъ, ни Хвостовыхъ, ни какъ его... Каченовскаго,—заключилъ Пушкинъ шутя,—то-то погуляю!

— Ужъ не къ богдыхану ли въ гости? — всплеснула руками Ольга Сергѣевна.

— Bien touché—разсмѣялся дядя.

— Да ты не бредишь ли?

— Ничуть. Чего въ Европѣ не видалъ, а въ чухонскомъ болотѣ мнѣ киснуть нечего. Только смотри, не проболтайся папашѣ; расплачется, не утерпитъ, чтобы не пересказать матери, а та протрезвонитъ всякимъ Архаровымъ, Карамзинымъ, да Ноденамъ, и пошла гулять новость по всѣмъ околоткамъ; тогда и моя idée lumineuse (великолѣпная мысль) фью!

Дядя присвиснулъ.

— Да говори же, Александръ, толкомъ. Шутишь или говоришь серьезно?

— Разумѣется очень серьезно, и дѣло просто: въ Пекинѣ учреждается русская миссія. Тамъ и отецъ Іакинфъ Бичуринъ[1]). Я его встрѣчалъ здѣсь передъ отъѣздомъ туда; стало быть буду имѣть и знакомаго. Пристроиться же мнѣ къ миссіи легко: попрошусь у кого слѣдуетъ, и дѣло въ шляпѣ.

— Полно дурачиться, Александръ; пустыя бредни и больше ничего!

— Сама увидишь, что не пустыя бредни.

Прежде чѣмъ продолжать изложеніе не лишеннаго интереса разговора между матерью и дядей, упомяну, что Пушкинъ дѣйствительно въ началѣ 1830 года обратился къ Нессельроде съ ходатайствомъ записать его въ число чиновниковъ отправлявшихся въ Китай, но просьба его запоздала: желающихъ оказалось гораздо больше, чѣмъ дядя предполагалъ, а потому его мечта увидѣть жителей Срединной имперіи такъ и осталась мечтою. Просьбу возвратили назадъ, положивъ резолюцію: «Съ удовольствіемъ опредѣлилъ бы, но комплектъ лицъ, уже назначенныхъ, полный».

Возвращаюсь къ прерванному разговору.

— Какъ себѣ хочешь, Ольга,—продолжалъ Пушкинъ,—здѣсь, въ Петербургѣ, мнѣ не житье, а прозябаніе (ici je n'existe pas, mais je végéte). Тоска, понимаешь, тоска меня ѣстъ.

— Слушай Александръ! Сознаться въ причинѣ тоски ты самъ не желаешь, а причину-то я вижу насквозь.

---

[1]) Извѣстный ученый и русскій миссіонеръ въ Китаѣ.

— Но...

— Безъ всякихъ «но». Просто-нàпросто, тебѣ тридцать лѣтъ стукнуло. Человѣкъ для одиночества не созданъ. «Il n'est pas bon que l'homme reste seul»—это и въ Писаніи сказано: не довлѣетъ человѣку единому быти. Скажу безъ обиняковъ: жениться пора, вотъ что!

— Жениться? Боже сохрани и избави! Могу ли я, въ состояніи ли я, осчастливить женщину? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ—ни матеріально, ни нравственно. Если за меня бы и вышли, то, спрашивается, по какимъ причинамъ? По расчету? На это скажу, что карманъ мой очень не великъ. Изъ-за моей литературной извѣстности, ну, положимъ даже, литературной славы? И на это опять-таки скажу, что русскія барышни и вдовушки ставятъ не только стихи, но и прозу ни въ грошъ, а требуютъ состоянія, или, по крайней мѣрѣ, такой служебной карьеры, которая приносила бы прочныя, вещественныя выгоды, а не супъ изъ незабудокъ. Наконецъ, статься можетъ, изъ-за моей наружности? (Тутъ дядя, какъ говорила мнѣ мать, засмѣялся непріятнымъ, принужденнымъ смѣхомъ—il s'est mis à rire, mais d'un rire désagréable et forcé), но стóитъ мнѣ подойти къ зеркалу,—прибавилъ онъ порусски,—самъ увижу чего стою,—извини за глупую остроту, да прочитай мое посланіе въ честь Александры Алексѣевны [1]). Не Богъ знаетъ сколько верстъ отъ орангутанга уѣхалъ. Наконецъ, положимъ, найдется несчастная и выйдетъ за меня. (Enfin mettons: il se trouvera une malheureuse, qui m'epousera). Но что же я, я то ей принесу? А вотъ что: сердце состарѣвшееся не по лѣтамъ, сердце какъ нельзя болѣе увядшее (un coeur surанné, un coeur on ne peut plus fâné), испытавшее много, слишкомъ много... Чувствую, Ольга, я перевалилъ въ полномъ смыслѣ за полдень жизни, а кстати, помнишь мои стихи «Телѣга жизни»?

Тутъ Александръ Сергѣевичъ прочелъ наизусть слѣдующую выдержку:

«Съ утра садимся мы въ телѣгу;
«Мы рады голову сломать,
«И, презирая лѣнь и нѣгу,
«Кричимъ: «пошелъ, не разсуждать!»
«Но въ полдень нѣтъ ужъ той отваги—
«Порастрясло насъ, намъ страшнѣй
«И косогоры, и овраги,
«Кричимъ: «полегче, дуралей...»

---

[1]) To Dawe esq-r, посвященное А. А. Олениной, начинается такъ:

«Зачѣмъ твой дивный карандашъ
«Рисуетъ мой арабскій профиль?
«Хоть ты вѣкамъ его предашь,
«Его освищетъ Мефистофель».

— И какъ же рѣшиться на подобный шагъ, или лучше на подобный скачекъ? Тутъ уже не ямщику, а самъ себѣ закричу—«полегче, дуралей», если не захочу разбить себѣ голову, или, какъ говорятъ татары—«Се-кимъ или ке-симъ башка», поговорку, которую я недавно слышалъ.

— Ты все преувеличиваешь, Александръ, и хандришь, а увидишь, женишься раньше, нежели думаешь [1]), и какъ еще можешь быть счастливъ!! Вспомни этотъ разговоръ, и запиши мое предсказаніе; ты знаешь, что папа не даромъ прозвалъ меня Сивиллой. А хочешь, скажу тебѣ еще: не можешь до сихъ поръ, не смотря на то, что восхищаешься многими, а всѣ эти восхищенія не истинная любовь, а именно восхищенія, капризы (des caprices), не можешь, говорю, забыть твою бѣдную Ризничъ, и будешь по ней, слова нѣтъ, тосковать, пока опять не влюбишься такъ же, какъ и въ нее. Вотъ и все.

Ольга Сергѣевна, какъ говорятъ французы, а touché le vrai point. Дядя опѣшилъ.

— Твоя правда,—подтвердилъ онъ послѣ краткаго молчанія.—Никогда мнѣ кажется, я не въ состояніи забыть мою поэтическую любовь къ этой прелестной одесской итальянкѣ... Бѣдная Ризничъ! Никого такъ я не ревновалъ какъ ее, когда въ моемъ присутствіи, что̀ мнѣ было хуже ножа, она кокетничала съ другимъ [2]), а разъ, если никого такъ сильно не ревновалъ, то и никого такъ сильно не любилъ. Любовь, по моему, измѣряется ревностью. А ревновалъ я ее, быть можетъ, и неосновательно. Никого, никого такъ искренно до сихъ поръ не любилъ...

— Все это, Александръ, прекрасно и хорошо (tout cela est bel et bon). Но твоя Ризничъ уѣхала въ чужіе края, а потомъ умерла. Слѣдовательно, любовь твоя—любовь къ привидѣнію, любовь къ мечтѣ, и утратила свой «raison d'être»,—это во-первыхъ; а во-вторыхъ, самъ же ты сію секунду открылъ мнѣ слабую сторону твоего аргумента: говоришь «до сихъ поръ никого такъ не любилъ», значитъ, можно вывести изъ такихъ словъ (on peut tirer conséquence de ces paroles), что не отчаяваешься найти другую, которую полюбишь столько же, если не больше. Вотъ, милый другъ мой, до чего ты, наконецъ, договорился!..

Александръ Сергѣевичъ, чувствуя, что и тутъ потерялъ подъ собою почву, опять опѣшилъ, и, какъ всѣ люди нервные, у которыхъ зачастую не хватаетъ пороху на немедленное возраженіе, особенно когда ихъ задѣваютъ, что̀ называется, за живое, въ первую минуту растерялся и сказалъ, опять помолчавъ немного:

---

[1]) Разговоръ этотъ происходилъ въ декабрѣ 1829 года, слѣдовательно за годъ и два мѣсяца до женитьбы дяди—18 февраля 1831 года.

[2]) Кто былъ этотъ другой—дядя не называлъ. Имени и фамиліи его соперника не знаю.

— Что тамъ ни говори, сестра, безъ глубокой печали не могу вспоминать о бѣдной Ризничъ... [1]).

— Слушай, Александръ. Прежде нежели дѣлать визитъ китайскому богдыхану или индѣйскому набабу,—все равно,—положи-ка горесть и печаль въ карманъ (mets les dans la poche). Что прошло, то пропало! Будь господиномъ твоихъ порывовъ (sois maître de tes élans), не предавайся ни печали, ни гнѣву. Если будешь поддаваться скорби и гнѣву, познакомишься и со спутницей этихъ страстей—нуждой. La colère enfante la misère (скорбь рождаетъ нужду). Вспомни молитву, которую слышимъ въ церкви: «О избавитися намъ отъ всякія скорби, гнѣва и нужды». Вѣрь, никто изъ твоихъ хваленыхъ друзей, въ сущности, бо̀льшею частію твоихъ бывшихъ партнеровъ на зеленомъ полѣ, и бывшихъ собутыльниковъ (tes ci-devant compagnons de jeu et de bouteille) не любятъ тебя такъ какъ я, а потому не сердись, и вѣрь моимъ добрымъ совѣтамъ (ne te fâche pas, et fie-toi aux bons conseils, que je te donne).

— Ты, Ольга, мѣтишь въ проповѣдницы, или на худой конецъ (au pis aller) въ послѣдовательницы покойной Madame Campan [2]) (госпожи Кампанъ). Моей тоской никому зла не дѣлаю, а господиномъ моего гнѣва,—радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ,—быть больше не могу. Меня окончательно выводятъ изъ терпѣнья добрые люди, которые именно въ настоящемъ христіанскомъ правилѣ «любить ближняго какъ самаго себя» не смыслятъ не бельмеса (pas un brin). Не даютъ эти, такъ называемые «добрые люди», а по моему—шайка зоиловъ и завистниковъ,—прохода твоему брату, котораго ты увѣщеваешь. Но я самъ спуску не дамъ, и опять повторяю: или попотчую ихъ подъ горячій часъ плюхами, или посчитаю имъ ребра моей палкой!

Дядя при этомъ возвысилъ голосъ.

— Посмотри-ка лучше, что я вчера написалъ на этихъ животныхъ (à l'adresse de ces animaux),—прибавилъ дядя, и, вынувъ изъ кармана листъ бумаги, прочелъ [3]):

«О муза пламенной сатиры!
«Приди на мой призывный кличъ!
«Не нужно мнѣ гремящей лиры,

---

[1]) Пушкинъ посвятилъ памяти г-жи Ризничъ два прекрасныя стихотворенія. Одно изъ нихъ начинается такъ:

«Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
«Она томилась, увядала». . . .

А другое:

«Для береговъ отчизны дальной
«Ты покидала край чужой...»

[2]) Извѣстная французская писательница; скончалась въ 1829 г.

[3]) Нижеприводимые стихи появились въ свѣтъ черезъ полгода послѣ этого разговора, именно въ 1830 году. (См. Полное собраніе сочиненій А. С. Пушкина изданныхъ подъ редакцій Г. Н. Геннади въ 1870 г., т. I, стр. 436).

«Вручи мнѣ Ювеналовъ бичъ!
«Не подражателямъ холоднымъ,
«Не переводчикамъ голоднымъ,
«И не поэтамъ мирныхъ дамъ,
«Готовлю язву эпиграммъ.
«Миръ вамъ, смиренные поэты,
«Миръ вамъ, несчастные глупцы!
«А вы, ребята-подлецы,
«Впередъ! всю вашу сволочь буду
«Я мучить казнію стыда!
«А если же кого забуду —
«Прошу напомнить, господа!
«О сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
«О сколько лбовъ широко-мѣдныхъ
«Готовы отъ меня принять
«Неизгладимую печать!»
. . . .

Выслушавъ эту жёлчную выходку, Ольга Сергѣевна сказала:

— Не сердись, если замѣчу тебѣ, что эти воинственные стихи пахнутъ именно солдатомъ за версту (cela sent son soldat d'une lieu). Что за выраженія: «ребята-подлецы впередъ!» Умилосердись! Ни дать, ни взять, когда на гарнизонномъ ученьѣ фельдфебель съ нафабренными усами, причесанный «виски впередъ», кричитъ во все горло: «спасибо ребята-молодцы!» и тутъ же: «Правая, лѣвая, лѣвая, правая, подлецы!» Наконецъ, твое выраженіе **сволочь!** Mais quelle est, au nom du ciel, cette expression? Въ разговорѣ «ребята-подлецы», «сволочь», «дрянь», еще проѣдутъ, но въ печати ругательства не позволительны. Просто поанглійски выходитъ «**шокингъ**». И подобныя выраженія употребляетъ авторъ «Кавказскаго плѣнника»! Ну, посуди самъ, какъ же это можно?

— Ты неисправима, Ольга: проповѣдница à la madame **Campan**, но стихи, воля твоя, напечатаю.

— Печатай, батюшка! «не мой конь, не мой возъ»,—разсердилась въ свою очередь и сказала порусски Ольга Сергѣевна,—но этимъ самъ себя скомпрометируешь, и докажешь, что придаешь, какъ самъ ты же говоришь, «**сволочи**» значеніе, котораго «**сволочь**» или «**ребята-подлецы**» совсѣмъ не заслуживаютъ. Исправишь ли ихъ?—Нисколько. Сволочь сволочью и останется. Приведу тебѣ и поговорку:

«Хоть ты ведро воды на эѳіопа лей,
«Не станетъ онъ бѣлѣй»,

а можетъ выйти и еще хуже. Такъ тебѣ насолятъ, что жизни радъ не будешь...

— Опять-таки, madame Campan, чистая madame Campan! Mais je ne suis pas une bûche de bois, et je saurai décharger ma colère par ecrit et par voie de fait sur cette légion de la plus lâche canaille de l'univers, puissent tous les diables l'emporter! Et je le repète: je claquemurerai la bouche à ces insolents! (Но я не бревно, и съумѣю

выместить мой гнѣвъ и письменно, и дѣйствіемъ, на этомъ легіонѣ подлѣйшей канальи вселенной, чтобы ее всѣ черти взяли! Повторяю: замажу глотку нахаламъ!)

При такомъ нервномъ возбужденіи брата, Ольга Сергѣевна сочла нужнымъ уступить.

— Ну, полно,—сказала она ему своимъ симпатичнымъ, звучнымъ голосомъ,—умѣрь твои африканскія страсти (modére tes passions africaines). Не забудь: тебѣ не девятнадцать, а цѣлыхъ тридцать лѣтъ. Успокойся, мой бѣдный Александръ!

Она подошла къ нему, поцѣловала крѣпко въ лобъ, и погладила его курчавую голову—обычная ласка моей покойной, незабвенной матери.

Дядя, въ припадкѣ волновавшихъ его самыхъ разнообразныхъ душевныхъ волненій, былъ какъ нельзя болѣе тронутъ и этими немногими словами, и этой безъискусственной, такъ много сказавшей озлобленной душѣ его, лаской, и... заплакалъ, осыпая руку сестры нѣжными поцѣлуями. Потомъ улыбнулся и сказалъ:

— Eh bien, n'en parlons plus. Que le diable emporte toute cette racaille! (Довольно, не будемъ говорить больше. Чортъ побери всю эту ракалью!) Поговоримъ лучше о твоемъ здоровьѣ.

Перемѣнивъ разговоръ, дядя, между прочимъ, сказалъ моей матери:

— Хотѣлъ привести тебѣ еще одного доктора-спеціалиста по нервамъ, но слишкомъ много поваровъ кушанье портятъ (trop de cuisiniers gâtent la cuisine). Держись Молчанова; уважаю его за то, что лѣкарствами не пичкаетъ!..

Разсказавъ затѣмъ кое-что о домашнихъ обстоятельствахъ и о продажѣ своихъ сочиненій, дядя, нѣсколько успокоенный, простился, говоря что очень былъ радъ отвести у сестры душу и излить передъ ней все, что накипѣло въ этой злополучной душѣ.

Нѣсколько времени спустя послѣ описанной мною замѣчательной бесѣды, дядя встрѣтилъ Ольгу Сергѣевну у своихъ родителей (отца моего тамъ, на прежнемъ основаніи не было), и говорилъ ей:

— Ты нашла, милая моя Ольга, неудобными мои выраженія «ребята-подлецы» да «сволочь». Но эти выраженія просѣятся сквозь цензурное рѣшето, не сомнѣваюсь; въ нихъ, по моему, ничего нѣтъ неприличнаго. Между тѣмъ, подлость моихъ зоиловъ-завистниковъ дошла уже до того, что они стали приписывать моей дѣвственной музѣ,—какъ я узналъ отъ Дельвига на дняхъ,—именно всякія неприличія; нашлись между «подлецами-ребятами»—извини, это выраженіе тебѣ не нравится, а мнѣ нравится—такіе, которые себѣ позволили злоупотреблять моимъ именемъ, и навязывать мнѣ, что̀ мнѣ и въ голову не приходило. Мнимыя мои сочиненьица (mes élucubrations postiches) ходятъ въ рукописяхъ по городу, а что̀ всего хуже—съ моей подписью. Мерзавцы! (Les coquins!) Хотятъ

меня уронить передъ людьми достойными всякаго почтенья (estimables sous tous les rapports), да и разсовываютъ, гдѣ только могутъ, сочиненныя не мною, а ими же пошлости. Конечно, ни Дельвигъ, ни Плетневъ, гнуснымъ клеветамъ на мою музу не повѣрятъ; они очень хорошо знаютъ, что я ее не оскверню стихами, которые и канальѣ Баркову не по плечу. Я же не Барковъ, а подавно не маркизъ де Садъ [1]). (Ils savent parfaitement bien, que je ne salirai pas cette muse par des vers, qui ne sont pas même de la taille de cette canaille de Барковъ. Quand à moi, je ne suis pas un Барковъ, et à plus forte raison un marquis de Sade). Ну какъ же послѣ этого не приколотить «ребятъ-подлецовъ» палкой, ну какъ же не надавать имъ плюхъ?

Кстати замѣчу, что Пушкинъ считалъ не только произведенія Баркова, но даже и фамилію сего скальда явленіемъ совершенно неприличнымъ, что̀ и выразилъ въ эпиграммѣ, которую написалъ по случаю просьбы однофамильца знаменитаго порнографа. Этотъ однофамилецъ писалъ водевильныя пьесы, и просилъ Анну Петровну Кернъ ходатайствовать у Пушкина перевести его стихи порусски.

Вотъ эпиграмма:

«Не смѣю вамъ стихи Баркова
«Благопристойно перевесть,
«И даже имени такова
«Не смѣю громко произнесть».

Сообщеніе моего дяди было сущей правдой: въ Петербургѣ, во время его отлучки, стали ходить ни на чемъ не основанные слухи, будто бы онъ авторъ появившихся тогда многихъ совсѣмъ неудобныхъ поэмъ, называемыхъ теперь порнографическими. Въ описываемое мною время, именно въ 1829 году, лира Баркова и его послѣдователей пользовалась весьма радушнымъ гостепріимствомъ среди недорослей, прожигавшихъ жизнь, и среди дряхлыхъ шалуновъ. Стихи Баркова распѣвались преимущественно подъ пьяную руку на холостыхъ вечеринкахъ, при чемъ любители воображали, что это произведенія Пушкина, и восхваляли ихъ.

Александру Сергѣевичу,—знавшему объ этихъ вакханаліяхъ,—было до крайности непріятно.

— Mon nom est profané par toute cette drogue (мое имя оскверняется всей этой дрянью),—говаривалъ онъ и сестрѣ и моему отцу,—вотъ до чего дошли козни моихъ пріятелей!

---

[1]) Извѣстный безбожникъ и циникъ временъ французской революціи. Консулъ Бонапарте—впослѣдствіи императоръ Наполеонъ,—распорядился сжечь публично, на площади, рукою палача, ужасные романы Сада: «Dorothée ou les dangers de la Vertu» и «Juliette, ou la prospérité du vice». Покойный Ф. Ф. Вигель показывалъ мнѣ одинъ изъ уцѣлѣвшихъ экземпляровъ. Откуда онъ его досталъ—этого мнѣ не сказывалъ.

Считаю долгомъ повторить: всѣ занесенные въ мою «Семейную хронику» факты и разговоры основаны на разсказахъ и письмахъ моего отца и матери, — Николая Ивановича и Ольги Сергѣевны Павлищевыхъ,—на разсказахъ лицъ, стоявшихъ очень близко къ моимъ обоимъ дядямъ,—Александру и Льву Пушкинымъ, и, наконецъ, на имѣющихся у меня письмахъ дѣда и бабки — Сергѣя Львовича и Надежды Осиповны. Отъ себя я здѣсь ничего не прибавляю; долголѣтнія же мои воспоминанія, которыя я вовсе не думалъ до настоящаго времени предавать гласности, даже и въ извлеченіяхъ, я велъ для себя же, слѣдовательно относился къ фактамъ вполнѣ безпристрастно, а не pro domo sua.

Сдѣлавъ эту оговорку, замѣчу, что Пушкинъ — опять-таки говорю со словъ моихъ родителей — написалъ только двѣ поэмы и всего не болѣе десятка мелкихъ стихотвореній легкаго содержанія— капля въ морѣ его безчисленныхъ произведеній. Долгъ безпристрастнаго хроникера налагаетъ на меня обязанность, упомянувъ и о нихъ, вывести многихъ изъ заблужденія.

Первую поэму, лишенную, по словамъ его же, Александра Сергѣевича, здраваго смысла,—«Гавриліаду»,—онъ сочинилъ, будучи еще очень молодымъ. Вспоминая объ этой, какъ онъ выражался «непростительной глупости», Пушкинъ всегда раскаявался что не уничтожилъ ее, а далъ переписать одному изъ своихъ товарищей—кому именно, не помню; этотъ же товарищъ и пустилъ ее гулять по бѣлому свѣту.

Вторую поэму—«Царь Никита»—дядя считалъ тоже величайшей глупостью.

Наконецъ, къ числу собственно его немногихъ мелкихъ стихотвореній въ легкомъ родѣ относится пародія на пѣсню Беранже: «T'en souviens tu, disait un capitaine au vétéran, qui mendiait son pain». (Ты помнишь ли, ахъ ваше благородье! Мусью французъ (такой-то) капитанъ?). Эту шутку—написанную, впрочемъ, не столько въ «порнографическомъ», сколько въ «ругательномъ» вкусѣ, дядя набросалъ 19 октября 1828 года на лицейскомъ праздникѣ, и остался очень ею доволенъ: часто произносилъ ее въ кругу друзей, заливаясь громкимъ смѣхомъ [1]). Вотъ и вся его «порнографія», отъ которой Пушкинъ и не отказывался.

Всѣ же прочія подобныя стихотворенія, приписываемыя, къ сожалѣнію, весьма многими Пушкину,—стихотворенія, нашедшія себѣ мѣсто въ заграничныхъ изданіяхъ якобы его сочиненій, состряпаны другими, между прочимъ, и извѣстная «Первая ночь». Напраслина по этому поводу, взведенная на дядю, нашла себѣ такую вѣру въ тогдашнемъ, а также и въ позднѣйшемъ обществѣ, что даже и нѣкото-

---

[1]) Эта шутка, впрочемъ, напечатана съ пропусками и въ Геннадіевскомъ и въ Суворинскомъ изданіяхъ сочиненій покойнаго дяди.

рые литераторы, усматривая въ распространенной рукописи пушкинскій слогъ, излюбленный размѣръ, игривую манеру, никакъ не уступали моимъ возраженіямъ, что Александръ Сергѣевичъ тутъ не при чемъ; между тѣмъ, мои возраженія основаны на разговорѣ Пушкина съ моимъ отцомъ, во время ихъ послѣдней встрѣчи весною 1836 года, въ Петербургѣ, куда этотъ послѣдній пріѣзжалъ, вытребованный изъ Варшавы умиравшей его тещей, Надеждой Осиповной.

Привожу этотъ разговоръ, сообщенный мнѣ отцомъ.

— Моя фамилія,— заявилъ дядя,— кажется и у васъ, въ Варшавѣ, сдѣлалась притчей во языцѣхъ. «Monsieur Pouchkine у васъ par ci, monsieur Pouchkine у васъ par là.

— Не только въ Варшавѣ, но кажется и во всей Европѣ, Пушкинъ par ci, Пушкинъ par là,—возразилъ отецъ.

— Не въ томъ собственно дѣло,— отвѣчалъ дядя,—а въ томъ, что до меня дошли слухи, будто бы въ варшавскомъ обществѣ военныхъ и гражданскихъ русскихъ чиновниковъ ходитъ по рукамъ рукопись моего мнимаго сочиненія «Первая ночь». Когда вернетесь въ Варшаву, попросите моего милѣйшаго «кунака», Давида Осиповича (такъ называлъ дядя князя Бебутова, съ которымъ сошелся на Кавказѣ),—а у него вѣдь всякій день собирается посмѣяться за обѣдомъ офицерство — оповѣстить всѣмъ и каждому, что воспѣвать «Первую ночь» никогда я и не думалъ; чистосердечіе мое знаете, и вѣрьте, что если бы я эти стихи написалъ, то и не утаивалъ бы.

Я не стану увѣрять, что Пушкинъ былъ святымъ человѣкомъ, но что онъ не былъ особеннымъ поклонникомъ Киприды и Вахуса, въ этомъ я совершенно вѣрю моей матери, передъ которой Александръ Сергѣевичъ нисколько не скрывалъ своихъ шалостей. Кто же лучше ея могъ знать Александра Сергѣевича? По ея словамъ, дядя, будучи и холостымъ, проводилъ свое время почти всегда слѣдующимъ образомъ въ Петербургѣ:

Вставалъ во всякое время года—лѣтомъ и зимой безразлично—очень рано, часовъ въ шесть, самое бо́льшее въ семь часовъ утра; послѣ утренней прогулки и утренняго чая работалъ безъ остановки до часу. Затѣмъ слѣдовалъ легкій завтракъ съ небольшой рюмкой хереса или мадеры, вторичная прогулка, ради моціона, и по возвращеніи—поправки написаннаго утромъ. Послѣ этой второй, по его словамъ особенно трудной работы, слѣдовалъ въ 5 или 6 часовъ обѣдъ у знакомыхъ, или въ клубѣ съ полубутылкой бордо, рѣдко съ бокаломъ шампанскаго «Аи». Вечеромъ, не особенно часто, театръ, и преимущественно дружескія бесѣды съ Ольгою Сергѣевной или съ П. А. Плетневымъ, княземъ П. А. Вяземскимъ, барономъ А. А. Дельвигомъ, порою же съ В. А. Жуковскимъ и Е. А. Баратынскимъ. Связующимъ звеномъ между Пушкинымъ и этими

друзьями, расположеніе которыхъ поэтъ цѣнилъ, была не карточная игра съ солнечнаго заката до утреннихъ пѣтуховъ, не кутежи и вакханаліи, а любовь ко всему изящному, ко всему прекрасному, поэтическія вдохновенія, выражавшіяся въ истинномъ, а не въ ложномъ служеніи живому русскому слову, и, наконецъ, тѣ **чувства добрыя, которыя Пушкинъ пробуждалъ своей лирой**[1]).

Послѣ всего здѣсь сказаннаго, инсинуаціи противъ Пушкина, какъ частнаго человѣка, должны бы, мнѣ кажется, навсегда умолкнуть. Прискорбно, что инсинуаціи эти были пущены въ обращеніе даже такими почтенными и заслуженными людьми, какъ графъ М. А. Корфъ, который, руководясь исключительно чувствомъ личной непріязни къ Пушкину, своему бывшему лицейскому товарищу, постарался изобразить его самыми черными красками въ запискѣ, напечатанной въ брошюрѣ князя П. А. Вяземскаго «А. С. Пушкинъ въ 1816—1825 годахъ, по документамъ Остафьевскаго архива». Пристрастное, несправедливое отношеніе Корфа къ моему дядѣ достаточно разоблачено княземъ П. А. Вяземскимъ и Я. К. Гротомъ, а потому считаю излишнимъ распространяться объ этомъ предметѣ.

Высказанная дядей Ольгѣ Сергѣевнѣ досада, что на него взваливаютъ произведенія достойныя Баркова, перепугала мать не на шутку. Не имѣя о Барковѣ и его музѣ ни малѣйшаго, само собою разумѣется, понятія, Ольга Сергѣевна вообразила, что Барковъ какой-то политическій вольнодумецъ, котораго упекли за стихи туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ, и что если стихи въ революціонномъ духѣ Баркова приписали Александру Сергѣевичу, то и дядѣ готовится подобная же участь. Успокоивая, по своему обыкновенію, дядю, Ольга Сергѣевна не спросила у него, что такое собственно Барковъ, а сообщила о своемъ безпокойствѣ пріѣхавшему къ ней другу брата, Сергѣю Александровичу Соболевскому. Привожу и эту бесѣду со словъ матери.

— «На Александра опять сплетни и поклёпы»,—встрѣтила она Соболевскаго. — «Гнусные поклёпы. Можетъ кончиться ссылкой»!

Гость въ свою очередь перепугался.

— «Что случилось»?

— «Развѣ вамъ онъ не говорилъ»?

— «Ровно ничего не говорилъ».

— «Такъ я вамъ скажу; вѣроятно отъ васъ скрываетъ. Нашлись подлецы, которые распустили сплетню, будто Александръ Сергѣевичъ сочинилъ стихи во вкусѣ Баркова... Баркова... Вы знаете этого господина? Никогда о немъ не слыхала, въ глаза не видала... не декабристъ ли»?

---

[1]) Стихотвореніе дяди: «Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный». О происхожденіи этихъ стиховъ и разговорѣ Пушкина о нихъ съ его сестрою скажу въ своемъ мѣстѣ.

Соболевскій фыркнулъ со смѣху.

— «Что̀ вы о Барковѣ не слыхали—это понятно, потому что фамиліи его въ порядочномъ обществѣ не произносятъ; что въ глаза его не видали — тоже простая штука: онъ умеръ когда васъ еще и на свѣтѣ не было, а если и были, то не могли его и помнить; наконецъ, въ третьихъ... декабристъ... ой, не могу»...

Сергѣй Александровичъ еще сильнѣе расхохотался.

Смѣхъ, какъ извѣстно, заразителенъ. Мать тоже разсмѣялась.

— «Да что же онъ такое писалъ? Почему, какъ говорите, даже и въ обществѣ его не вспоминаютъ, да и говорить о немъ запретили»?

— «Все будете знать, скоро состарѣетесь, а теперь успокойтесь. Барковъ никогда не думалъ ни о какихъ революціяхъ, а сочинялъ стихи, оскорбляющіе приличія, понимаете, писалъ скабрёзности, и писалъ такъ усердно, что самая фамилія его сдѣлалась неприличной».

— «Только-то? ну и слава Богу!»—успокоилась собесѣдница, сознавая, впрочемъ, что тревога и гнѣвъ Александра Сергѣевича совершенно основательны.

— «Разумѣется основательны», — подтвердилъ Соболевскій, — «если на автора «Евгенія Онѣгина» возводятъ такія клеветы. Знаю, что Александру приписали и мои стихи на Вигеля:

«Въ Петербургѣ ль, въ Пензѣ ль, въ Ригѣ ль,
«Всѣ твердятъ твои друзья:
«Другъ Филиппъ Филиппычъ Вигель
«Жалкая судьба твоя»...

— «Но и то вашему брату какъ нельзя болѣе было не по сердцу, хотя въ моей сатирѣ нѣтъ ничего неприличнаго. Онъ опасался, что стихи дойдутъ до Вигеля, который къ нему отъ души расположенъ; Александръ тоже очень любитъ Вигеля».

Затѣмъ Соболевскій сообщилъ Ольгѣ Сергѣевнѣ, какъ, узнавъ объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ, и считая неблагороднымъ прятаться за ширмы, онъ, Соболевскій, первый сталъ говорить всѣмъ и каждому, что не Пушкинъ, а онъ воспѣлъ жёлчнаго Филипа Филиповича.

Сказавъ это, неподражаемый комикъ поцѣловалъ, ради смѣха, свою собственную руку съ обѣихъ сторонъ, и заключилъ бесѣду слѣдующей тирадой:

— «Это я, милѣйшій я, безцѣнный я, виноватъ, а нисколько не Александръ, и неудивительно, что Александръ разсердился за сатиру на Вигеля. Шалить вашему брату риѳмами, какъ шалитъ милѣйшій я, не приходится. Онъ Пушкинъ, онъ долженъ высоко держать свое знамя, а я, какъ меня обозвали, mylord qu'importe, пишу что въ голову взбредетъ. Если станутъ вашему брату приписывать стихи въ родѣ стиховъ Баркова, онъ сочтетъ это для себя стыдомъ и срамомъ, а припишутъ мнѣ — съ гуся вода. О чемъ тутъ мнѣ

плакать? что же мнѣ отъ этого въ самомъ дѣлѣ? Ей-Богу ровно ничего. Барковъ такъ Барковъ, Соболевскій такъ Соболевскій!.. Экая важность»!

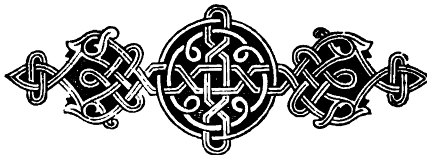
Закончивъ это поученіе, Сергѣй Александровичъ всталъ, возгласилъ, обращаясь самъ къ себѣ, «а теперь ступай-ка домой, милѣйшій я», вторично поцѣловалъ себѣ руку съ обѣихъ сторонъ, отвѣсилъ Ольгѣ Сергѣевнѣ низкій поклонъ, и вышелъ.

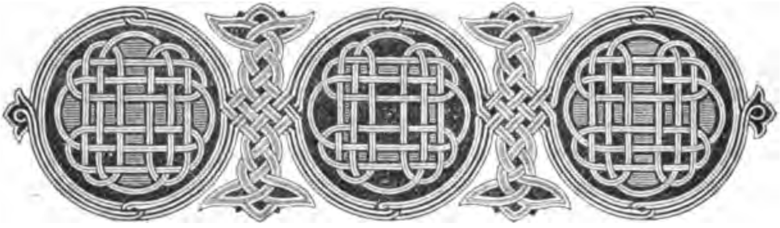
О Сергѣѣ Александровичѣ Соболевскомъ, искреннемъ другѣ обоихъ моихъ дядей и Ольги Сергѣевны, а затѣмъ и о дальнѣйшихъ событіяхъ конца 1829 года и начала 1830 буду говорить въ слѣдующихъ главахъ воспоминаній. Теперь же ограничусь тѣмъ, что Сергѣй Александровичъ, послѣ приведенной бесѣды, тотчасъ поѣхалъ къ Пушкину, чтобы разсказать ему, какъ Ольга Сергѣевна причислила къ декабристамъ русскаго Рабле.

Александръ Сергѣевичъ, котораго Соболевскій всегда умѣлъ своимъ неподдѣльнымъ юморомъ выводить изъ меланхоліи, привѣтствовалъ, какъ на то Сергѣй Александровичъ и разсчитывалъ, искреннимъ смѣхомъ забавный разсказъ своего друга.

Левъ Павлищевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВСТРѢЧИ НА ЖИЗНЕННОМЪ ПУТИ[1]).

III.

Александръ Андреевичъ Ивановъ.

Ъ СОРОКОВЫХЪ годахъ, Россія въ первый разъ узнала, изъ знаменитаго письма Гоголя, о существованіи картины Иванова: «Явленіе Христа народу». Перу великаго писателя суждено было вызвать безпримѣрный интересъ къ кисти художника, заявившаго до тѣхъ поръ свою силу превосходною по выразительности (экспрессіи) головою Магдалины передъ Христомъ. Равнодушное, обыкновенно, къ явленіямъ родного искусства, русское общество вдругъ исполнилось вниманія и нетерпѣнія. Первый вопросъ пріѣзжавшаго въ Римъ былъ: «какъ бы увидѣть картину Иванова?» Первый вопросъ вернувшемуся изъ Рима: «а что̀ картина Иванова?» Письма къ проживающимъ въ Римѣ художникамъ и любителямъ были наполнены разспросами о картинѣ.

Десять лѣтъ на все это былъ одинъ отвѣтъ: запертая дверь мастерской художника. Досада неудовлетворяемыхъ ожиданій, какъ всякая досада, начала искать себѣ облегченія въ клеветѣ и выдумкахъ, смѣшныхъ или обидныхъ. Нашлись такія изобрѣтательныя досады, которыя и самое существованіе картины подвергали сомнѣнію. Большіе холсты тѣмъ временемъ вывозились изъ Рима, а ав-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXI, стр. 561.

торы ихъ, не безгрѣшные въ позаимствованіяхъ изъ сомнительной картины, обогащались и чтились... Затворникъ студіи «Viccolo del Vantaggio» [1]), съ крикомъ вызываемый Россіею, оставался попрежнему одинокъ, бѣденъ и заточенъ въ своей келіи...

Послѣ двухъ зимъ въ Римѣ (1854—1856 гг.), мнѣ довелось совершенно случайно,—можно сказать, противъ его воли,—войти въ сношенія съ Ивановымъ. Довести его до этого добровольно было также невозможно, какъ и проникнуть въ его мастерскую. То было время его вящаго мизантропизма: онъ ужъ совсѣмъ спрятался отъ любопытства своихъ соотечественниковъ за двойною дверью студіи и повѣсилъ на нее тяжелый замокъ. Отъ домовладѣльца, къ которому приходилось обращаться за свѣдѣніями, — когда его жилецъ бываетъ дома,—не было другого отвѣта, кромѣ отрицательнаго покачиванья пальцемъ, съ прибавкою: «Э! сьоръ питторе никогда дома не бываетъ!»

Но родственнику Гоголя, издававшему переписку послѣдняго съ друзьями, вздумалось поручить мнѣ достать отъ Иванова Гоголевскія письма. Тутъ ужъ я нѣсколько смѣлѣе постучался въ двери. Покачиванье пальца и отрицательный отвѣтъ встрѣтили меня на порогѣ.

— Когда же, однако, можно видѣть сьора питторе?—спрашиваю.

— Сьора питторе нельзя никогда видѣть...

— Когда и дѣло есть, нельзя видѣть?

— Э! когда и дѣло есть, нельзя!

— Да, можетъ, вы не знаете?

— Э! еще бы мнѣ не знать! то и дѣло спрашиваютъ. Только сьоръ Алессандро...

И хозяинъ пощелкалъ языкомъ, для пущаго усиленія отрицанія.

Дѣлать было нечего: я написалъ Иванову, зачѣмъ мнѣ его нужно видѣть. Черезъ два дня, онъ явился самъ, вечеромъ, съ пучкомъ писемъ. Это былъ человѣкъ одичалый, вздрагивавшій при появленіи всякаго новаго лица, раскланивавшійся очень усердно съ прислугою, которую принималъ за хозяевъ,—человѣкъ съ движеніями живыми и глазами бѣгавшими, хотя постоянно потупленными въ землю, съ частою просѣдью въ густыхъ, нѣсколько всклоченныхъ, волосахъ и такой же бородѣ, широкоплечій, средняго роста, плотно сколоченный, съ умнымъ, мускулистымъ, истинно-русскимъ лицомъ.

Разговоръ начался, какъ водится, о Римѣ. Говорилъ Ивановъ тихо, съ частымъ прибавленіемъ частицы «съ» и съ покачиваньемъ головою.

— Вы, вѣроятно-съ, видѣли уже все замѣчательное? — спросилъ онъ.

---

[1]) Переулокъ, въ которомъ помѣщалась студія Иванова.

— Самаго замѣчательнаго мы не видѣли.

— Чего же это-съ: Ватикана?

— Вашей картины.

Онъ заметался на стулѣ, принялся смѣяться, какъ смѣются люди, смущенные неожиданнымъ оборотомъ разговора.

— Ахъ, помилуйте-съ! Чтòжъ это такое-съ? Этого никакъ нельзя-съ говорить! Какъ это возможно-съ!

Онъ очень настаивалъ на важности картинъ въ Ватиканѣ и особенно Рафаэлевыхъ. Но прямого мнѣнія о Рафаэлѣ не хотѣлъ высказать и увѣрялъ, что ему гораздо было бы любопытнѣе знать о томъ сужденіе дамъ.

— Онѣ иногда весьма интересно отзываются,—говорилъ онъ.

Въ заключеніе, Ивановъ приглашалъ непремѣнно побывать у Овербека, говоря, что онъ замѣчательное явленіе въ искусствѣ, и высказался, наконецъ, на счетъ Рафаэля, который, по его словамъ, стоялъ весьма высоко, какъ школа. Онъ былъ готовъ, повидимому, разговориться, но первый намекъ на картину такъ и столкнулъ его со стула.

— Да отчего вы не хотите ее показать?—приставали къ нему дамы, зная уже его расположеніе къ ихъ вкусу.

— Да оттого-съ, что она этого не стòитъ... Николай Васильевичъ (Гоголь) сдѣлалъ мнѣ много вреда похвалами: послѣ его словъ я не въ правѣ выставить свою картину... Съ меня слишкомъ много спросится-съ.

— Вы предоставьте судить другимъ...

— Извольте ѣхать-съ къ Овербеку!—перебилъ, откланиваясь Ивановъ,—а обо мнѣ и говорить не стòитъ-съ...

Уходя, онъ пообѣщалъ бывать часто.

Прошла зима—онъ ни разу не былъ. Надо было отсылать Гоголевскія письма, а нѣкоторыхъ нельзя было напечатать, не предваривъ Иванова. Но покачивающійся палецъ хозяина не открывалъ къ тому никакихъ путей.

Случайно я столкнулся съ Ивановымъ на выставкѣ piazza del Popolo. Мы вмѣстѣ обошли картины: вниманіе его особенно останавливалось на тѣхъ, которыя носили на себѣ слѣды какого-либо изученія; онъ прощалъ самыя бездарныя между ними, говоря, что онѣ болѣе могутъ принести пользы искусству, нежели хорошенькія сценки (жанръ), ничего не прибавляющія для дѣла. Наконецъ, мы остановились у картины русскаго художника-пансіонера. Онъ долго и внимательно ее разсматривалъ; произносилъ повременамъ отрывистые: «а! вотъ что-съ! угу»!.. и тому подобное; на всѣ мои вопросы не далъ ни одного отвѣта; былъ углубленъ во что-то, и только пройдя нѣсколько улицъ, замѣтилъ, что «надо полагать, весьма, однако, трудно было получить золотую медаль такому-то» (онъ назвалъ пансіонера).

Къ отсылкѣ писемъ Гоголя въ Россію, Ивановъ оказался совершенно равнодушенъ, и на замѣчаніе мое, что нѣкоторыя изъ нихъ слишкомъ близко касаются его лично, отвѣтилъ:

— Я полагаю-съ, это ничего не значитъ!

Замѣчательная черта въ человѣкѣ, который прятался и бѣгалъ отъ публичности.

На первый годъ наше знакомство тѣмъ и кончилось. На второй—оно, быть можетъ, не возобновилось бы вовсе, еслибъ пребываніе въ Римѣ вдовы императора Николая I не открыло двери недоступной студіи.

Лучше всякихъ объявленій въ газетахъ и рекламъ, безъ которыхъ не обходятся иностранные художники въ Римѣ, молва въ тратторіяхъ и на улицахъ разнесла вѣсть объ этомъ событіи по Риму. Онъ тоже ожидалъ его. Неслыханная популярность иностранца въ странѣ, гдѣ на пришельца смотрятъ въ искусствѣ, какъ на врага и хищника. Тутъ я опять увидалъ Иванова — уже отцомъ лелѣямаго имъ дѣтища, уже передъ этимъ великимъ дѣтищемъ, — но все такого же сосредоточеннаго, съежившагося ипохондрика, боязливо-встрѣчавшаго посѣтителей на порогѣ и провожавшаго ихъ безъ всякой надобности до самой лѣстницы.

Какой-то художникъ-французъ, пораженный картиною, не хотѣлъ вѣрить, чтобы этотъ пробирающійся на цыпочкахъ человѣкъ былъ ея авторъ.

— Mais il faut avoir de la modestie pour cent,—говорилъ онъ, и уже поражался авторомъ, а не картиною.

Двери мастерской открылись по мгновенному побужденію Иванова. (Кажется, братъ его, архитекторъ, не мало способствовалъ этому побужденію). Еще наканунѣ никто бы не повѣрилъ, что картина, о которой иные уже говорили, какъ о пустомъ холстѣ, предстанетъ утромъ во всеоружіи передъ глазами... — Что-то картина?—думалъ каждый, ускоряя шагъ къ Vicolo del Vantaggio. Ну, какъ Овербековская? — приходило вдругъ въ голову: — Ивановъ такъ хвалилъ Овербека!

Не скрою, что я взялся за щеколду двери съ замираніемъ сердца: шутка ли! мнѣ предстояло вдругъ увидѣть плодъ цѣлой половины жизни человѣка, его убѣжденіе, цѣль, общество, семью, счастье — все, все! Ну, какъ все это была только ошибка! А похвалы Гоголя? Неужто и онѣ ошибка? А если — да?..

Первый взглядъ на картину (надо быть искреннимъ) былъ не въ ея пользу: испытывалось нѣчто въ родѣ колебанія... «Гобленовскій коверъ изъ Ватикана!» даже вырвалось у меня невольно; а Ивановъ, смотрю, стоитъ подлѣ и прислушивается однимъ ухомъ [1]).

---

[1]) Въ Ватиканѣ есть цѣлая зала съ полинялыми коврами, вытканными по картонамъ Рафаэля.

— Весьма любопытно слышать сужденіе, — сказалъ онъ, когда я его замѣтилъ, и мы сѣли.

Обаяніе сюжета, сила экспрессіи и поразительная смѣлость въ сочиненіи, правда и движеніе въ группахъ, жизненность фигуръ, доходящая до обмана, не замѣтно и съ каждою минутою превращали коверъ въ живую дѣйствительность. Великій мигъ, застывшій на полотнѣ, вставалъ во всемъ величіи передъ глазами, и скоро студія, успѣвшая наполниться, вся замерла... Казалось, восторгъ крестящихся во Іорданѣ сообщился зрителямъ, и они, задержавъ дыханіе, слѣдили вмѣстѣ съ ними за приближавшимся Мессіей...

Русскіе художники всѣ были налицо: одни сидѣли блѣдные, взволнованные могуществомъ искусства; другіе — углубленные въ подробности картины, такъ что, найди они къ чему придраться, имъ бы стало легче; нѣкоторые просто недоумѣвали: видѣнное имъ было не по силамъ... Будущіе хулители, рѣшительные и непреклонные, поглядывали бокомъ... Ивановъ былъ и самъ, какъ мнѣ казалось, несовсѣмъ спокоенъ, былъ возбужденъ и, можетъ, потому именно говорилъ болѣе. Онъ разсказалъ мнѣ, между прочимъ, путь, которымъ шла его картина—и колебанье, испытываемое зрителемъ, сразу объяснилось.

Разставленные, развѣшанные и разложенные вокругъ эскизы, этюды, копіи и рисунки служили оправдательными документами.

Ивановъ попалъ въ Римъ въ то время, когда школа нѣмецкой живописи была во всей силѣ; что̀ дѣлали не нѣмцы, отвергалось; нѣмцы предписывали законы; Корнеліусъ съ Овербекомъ управляли вкусомъ. Робкій Ивановъ не смѣлъ ихъ не признать за силу. Между тѣмъ, Ватиканъ и Рафаэль привлекали его строгостью и прелестью линій, чистотою стиля... Съ другой стороны, Тиціанъ— этотъ царь красокъ, дѣйствовалъ на молодое сердце еще соблазнительнѣй. «Что̀ мнѣ было дѣлать, — я рѣшительно не зналъ!» — говорилъ Ивановъ, разорванный на части и авторитетами, и колебаніями въ разныя стороны. Мнительный отъ природы, недовѣрчивый къ своимъ собственнымъ средствамъ, онъ сознавалъ возможность стать на ноги, только опираясь на кого-нибудь изъ силачей искусства... Первоначальная мысль картины, имъ набросанная, его не удовлетворяла, и, надо сказать правду, въ сравненіи съ настоящимъ мотивомъ, этотъ первый отзывался отчасти академіей. Ивановъ уступилъ влеченію сердца и кинулся въ Венецію испробовать себя подъ вліяніемъ манеры Тиціана: отсюда вытекъ второй эскизъ — съ темно-синимъ, зеленоватымъ небомъ и бурымъ деревомъ, какъ на извѣстной картинѣ Тиціана (убіеніе Петра въ церкви S. Giovanni e Paolo)... Но уже своеобразный мотивъ сочиненія является тутъ въ общихъ чертахъ такимъ, какъ мы его и теперь видимъ; измѣненъ же онъ впослѣдствіи только въ распредѣленіи второстепенныхъ группъ и драпировокъ, да въ краскахъ.

— Когда я вернулся въ Римъ, — продолжалъ Ивановъ, — мнѣ показалось, что пріемъ Рафаэля ближе къ правдѣ; я принялся прилежно ходить въ Ватиканъ, дѣлалъ копіи и остановился на этомъ...

— Нѣмцы, значитъ, васъ не одолѣли?—спросилъ я.

— Нѣтъ-съ, какъ же это возможно! Нѣмцы тогда все значили; не было спасенія безъ нѣмцевъ!.. Я много обязанъ Овербеку: онъ мнѣ весьма помогъ совѣтами...

— Такъ онъ совѣтуетъ, должно быть, лучше другимъ, чѣмъ себѣ...

Ивановъ улыбался и качалъ головой.

— Какъ это, однакожъ, вы зло говорите! — бормоталъ онъ, — чрезвычайно зло...

И онъ принялся похваливать Овербековскаго «Іоанна Крестителя».

— Я и помышлять не смѣлъ написать такого Іоанна, — говорилъ онъ.

— И хорошо сдѣлали, — оттого-то вы и написали вашего Іоанна.

— Ай-ай-ай-съ!! — замоталъ головою Ивановъ.

И такъ, онъ приступилъ къ работѣ нерѣшительно, не вѣруя въ себя, хватаясь за оплоты людей съ именами.

Велика же должна быть самобытность художника, чтобы, заслонивъ и врожденную робость характера, и воспитанное въ умѣ поклоненіе авторитетамъ, вывести на полотно картину, которая показала, что искусству можно еще шагать впередъ, оставляя позади авторитеты... Нерѣшительный Ивановъ, ищущій образцовъ, когда начинаетъ работу, и Ивановъ — совершитель этой работы, — какъ совмѣстить такую слабость и такую силу въ одномъ человѣкѣ?.. Оверберкъ, имѣвшій дѣло съ робкимъ начинателемъ, проводитъ нѣсколько часовъ передъ оконченнымъ произведеніемъ и только въ состояніи произносить: «кто могъ бы думать? Ивановъ насъ надулъ!»

Самъ доживающій восьмидесятые свои годы Корнеліусъ, въ полномъ расколѣ съ правдою въ искусствѣ, и тотъ, послѣ оговорокъ, что картина грѣшитъ противъ стиля, то-есть ничѣмъ не подходитъ къ хлыстовщинѣ старовѣровъ, пожимаетъ руку Иванова и твердитъ: «вы большой мастеръ» (un valoroso maestro!), а нѣмцамъ, думавшимъ угодить ему хулою, приказываетъ строго, чтобъ они пошли да поучились... Нѣмцы поджимаютъ хвостъ и плетутся въ Vicolo del Vantaggio.

Не стану передавать дальнѣйшихъ подробностей этого разговора и послѣдующихъ бесѣдъ съ Ивановымъ передъ его картиной; скажу только, что изъ нихъ узналъ я, какъ ошибочно вкоренившееся мнѣніе, будто Ивановъ писалъ двадцать лѣтъ свою картину. Писалъ онъ ее семь лѣтъ, и то при безпрестанныхъ разъѣздахъ за отыскиваньемъ

типовъ, которыхъ въ Римѣ онъ не находилъ по своему желанію (бóльшая часть изъ нихъ найдена между евреями Ливорно), при перерывахъ отъ болѣзни и находившихъ на него припадковъ ипохондріи, разочарованія въ своемъ трудѣ, въ своихъ силахъ, при боязни за завтрашній день, за насущный кусокъ хлѣба... Тѣ 30,000 рублей, которые выданы ему въ теченіе тридцати лѣтъ, получались по мелочамъ, были каждый разъ выпрашиваемы трудно, и за нихъ никто не могъ поручиться. Много времени отдано усиленному чтенію, изученіямъ древне-еврейскаго быта и подготовкѣ матеріаловъ на задуманное изображеніе всей жизни Христа въ эскизахъ.

Продолжительность работы особенно поставляется на видъ, когда желаютъ уменьшить достоинство картины. Заговорите только объ ея высокихъ качествахъ: «еще бы! въ двадцать лѣтъ можно было добиться до этого»! Упомяни кто-либо о недостаткахъ: «а писалъ двадцать лѣтъ»! закричатъ хоромъ.

Пусть будетъ двадцать лѣтъ! Да еслибъ каждыя двадцать лѣтъ выводили на свѣтъ изъ мастерской не только одного—всѣхъ, взятыхъ вмѣстѣ художниковъ, подобную картину: сколько бы прибавилось истинно-дорогихъ вкладовъ въ скудный ковчегъ живописи, переполненный поддѣльною монетою!..

Считаютъ одну картину? А причтите-ка къ ней другую—меньшаго размѣра, вполнѣ оконченную [1]), да четыре эскиза, да этюды, которые надо считать сотнями (кажется, болѣе 300), этюдъ каждой головы, части тѣла, всего тѣла, въ одномъ поворотѣ, потомъ въ другомъ; ландшафтные этюды, этюды драпировокъ; копіи, картоны, рисунки, чертежи: и вы получите цѣлую академію, по которой ученикъ можетъ выучиться быть художникомъ.

Вотъ въ какомъ видѣ только двадцатилѣтній трудъ Иванова (хоть онъ даже и не двадцатилѣтній, какъ мы видѣли) получаетъ все свое значеніе и становится памятникомъ. Вотъ въ какомъ видѣ академія должна была пріобрѣсти его, а не допускать, чтобъ разорвали по страницамъ великую его исторію... Но допущено не только это; не только эскизы, рисунки, этюды распроданы порознь въ частныя руки, но и самая картина сослана въ Москву, какъ когда-то сенаторы поплоше назначались въ московскій сенатъ.

Но возвратимся въ Vicolo del Vantaggio.

Горячее мартовское солнце опускалось къ куполу Петра, и былъ седьмой часъ вечера, когда мастерская начала пустѣть. Вечернія сходки въ кофейняхъ и траторіяхъ, пренія, толки, пересуды, разнесли по Риму вѣсть о показывающейся картинѣ. На другой день уже и мастеровой съ инструментомъ, шедшій на работу, и факинъ, тащившій на головѣ глину сосѣднему скульптору, и аббатъ въ

[1]) На ней художникъ испытывалъ общее и каждую фигуру отдѣльно, и потомъ уже, удовлетворяясь пробой, наносилъ на большой холстъ.

очкахъ, и хорошенькая натурщица, и капуцинъ съ толстымъ животомъ, и англичанинъ, и восьмидесятилѣтній Корнеліусъ (Овербекъ въ первые дни былъ боленъ), и всѣ нѣмцы,—потомъ архіереи, купцы, граждане, князья—все потянулось вереницей къ безлюдной нѣсколько лѣтъ студіи... Десять дней она наполнялась черезъ край, и на одинадцатый, когда толпа нашла ея двери запертыми, надо было согласиться открыть ихъ еще на день, чтобъ избѣжать неудовольствій...

Сужденія начали слагаться, дѣлиться на оттѣнки, судьи — на лагери, и уже можно было составить себѣ сводъ оцѣнки картины.

Чтобъ придержаться истины, надо сказать, что первоначальныя впечатлѣнія многихъ, особенно людей, взглянувшихъ мелькомъ на картину, не были ей благопріятны. Но тѣ же люди, вернувшись случайно, или вслѣдствіе спора, въ мастерскую, скоро мѣняли свое сужденіе и по большей части уже просиживали цѣлое утро передъ картиною. Конечно, были исключительные приверженцы извѣстныхъ школъ и направленій, которые старались остаться равнодушными, во что бы ни стало; нашлись съ перваго же дня враги (особенно между привыкшими къ успѣху нѣмцами—колористами), задѣтые за живое такимъ успѣхомъ не колоритнаго произведенія въ Римѣ. Римляне оцѣнили инстинктомъ ту внутреннюю мощь, которая сидѣла подъ неблистательными красками, и, неизбалованные колоритомъ на Рафаэлѣ, пропустили мимо эту слабую сторону картины. Воззрѣніе чисто католическое не могло, конечно, примириться съ такимъ жизненнымъ воспроизведеніемъ событія священной исторіи Спаситель міра отъ подгнившихъ, за старостью, учрежденій, несущій въ себѣ сѣмя новаго будущаго, Богъ духомъ и человѣкъ тѣломъ, завидѣнный издали Іоанномъ и готовый на подвигъ, чего бы онъ ни стоилъ, истощенный постомъ, весь негодованіе къ неправдѣ и весь любовь къ истинѣ, подвигается спокойнымъ и твердымъ шагомъ по горѣ... Онъ еще едва видѣнъ, его уста еще не заговорили, а уже все встрепенулось; люди давно его ждали. Что-то онъ скажетъ? На большомъ холстѣ онъ меньше всѣхъ занимаетъ мѣста. Отчегожъ мутятся глаза при одномъ взглядѣ на эту небольшую, далеко поставленную фигуру? Въ этомъ, по моему, главное значеніе всего мотива картины: съ горы уже вѣетъ новой жизнью; ея воплощенная идея подвигается особо отъ толпы, спокойная, строгая и ясная, какъ правда. Толпа привѣтствуетъ ее издали; сомнѣніе немногихъ только дѣлаетъ то, что толпа остается толпою, а не переходитъ въ идеалъ несуществующаго человѣческаго общества. Сразу ничему всѣ не повѣрятъ... Рутинерамъ не могло нравиться, что первое мѣсто и первый размѣръ фигуры принадлежитъ не главному виновнику картины, что онъ, напротивъ, удаленъ на задній планъ: воззрѣніе, отъ котораго Ивановъ отдѣлился бездной! Дикая красота восторженнаго крестителя, вдохновенно увлекающая толпу, и это смиреніе наглядное, какимъ

красуется идущій,—только поразительнѣе выдвигають внутреннюю силу того, кому не достоинъ развязать ремень сапога его властительный предтеча.

Наши художники не избѣжали, въ свою очередь, распаденія на партіи: даровитѣйшіе изъ нихъ и наиболѣе развитые, фанатики Брюллова и его направленія, первые стали фанатиками Иванова и громко сознавались, что если первый талантливѣе второго, то второй, какъ школа, поучительнѣе. И точно, по Брюллову, учиться трудно: все, что имъ сдѣлано, не есть плодъ труда усидчиваго, добиравшагося, искавшаго,—но дѣло вдохновенія, которое загоралось вдругъ и потухало только съ послѣднимъ ударомъ кисти. Брюлловъ подходилъ совсѣмъ готовый къ полотну; онъ, какъ и Ивановъ, учился въ свое время тоже усидчиво и много, но не надъ большими картинами; онъ выучился сразу и уже потомъ всю жизнь не думалъ о пріемѣ: техника и форма всегда были у него на послугахъ, а содержаніе ему не представлялось въ тѣхъ размѣрахъ, какихъ стремился достигать Ивановъ. Вотъ почему у Брюллова позаимствоваться творчествомъ нельзя. За процессомъ же Ивановскаго творчества можно слѣдить, какъ за постепеннымъ ходомъ созрѣванія: поэтому-то отъ него и больше пользы для учащихся, чѣмъ отъ Брюллова.

Партію противную составили художники, которымъ, какъ основательно полагалъ Ивановъ, «трудно было получить золотую медаль». Они просто не понимали картины! Привыкшіе видѣть въ живописи только красивые мазки и условный колоритъ извѣстныхъ мастеровъ Петербурга, Мюнхена и Рима, они не видѣли въ новой картинѣ ничего, потому что не видѣли именно этого...

Общество русскихъ (а оно было многочисленно) болѣе прислушивалось къ отзывамъ художниковъ, или людей признанныхъ по разнымъ причинамъ за тонкихъ цѣнителей искусства. Отсюда и раздѣленіе общества на два лагеря, уже придаточные къ двумъ предыдущимъ.

Народъ, il popolo, говорилъ, выходя изъ студіи: «живые люди!» perbacco! proprio vivi! (чортъ возьми! просто живые!).

Начали заботиться за Иванова объ его судьбѣ и о судьбѣ его картины: звали его въ Петербургъ, сулили ему большія деньги, выходъ изъ стѣсненій цѣлой жизни, обѣщали славу на родинѣ... Бѣдный Ивановъ! Онъ слушалъ, понуривъ голову, но и слышать не хотѣлъ о поѣздкѣ въ Россію: у него одна поѣздка была на умѣ,—поѣздка, о которой онъ мечталъ двадцать лѣтъ, какъ юноша мечтаетъ о свиданіи съ недостижимой красавицей — его неосуществимый сонъ — поѣздка въ Палестину, и, слушая золотыя обѣщанія, онъ, можетъ быть, думалъ: настаетъ время осуществленія!..

Ѣхать въ Петербургъ онъ какъ-то суевѣрно боялся: ему, казалось, съ этимъ кончится его художническая жизнь. Казалось ли

ему, что и вся она съ этимъ кончится? Но настоянія были такія вліятельныя, онъ такъ всего боялся, даже и того, что совсѣмъ не было вліятельно,—и вотъ онъ мало-по-малу начиналъ склоняться; онъ рѣшался отослать картину безъ себя, а самъ, надѣясь получить хоть часть ея цѣны, думалъ отправиться въ Берлинъ, посовѣтоваться о своихъ больныхъ глазахъ съ врачами, полѣчиться, и потомъ ѣхать въ Палестину. Ему представили необходимость оцѣнки картины академическимъ совѣтомъ, въ Петербургѣ. Оцѣнки онъ не боялся, но боялся петербургской оцѣнки—и на этотъ разъ боялся основательно.

— Пусть соберутъ совѣтъ изъ лучшихъ художниковъ разныхъ націй, какіе есть въ Римѣ,—говорилъ Ивановъ,—я согласенъ и на это, только бы не ѣхать въ Петербургъ...

Было отказано!

Многіе совѣтовали Иванову ѣхать съ картиною въ Парижъ и Лондонъ—показывать ее за деньги. Душа такого жреца искусства, какъ онъ, возмущалась при одномъ помышленіи о томъ, что можно торговать публично трудомъ своей одинокой жизни, который былъ его святыней.

— Пусть купятъ картину и сами везутъ, куда хотятъ,—говорилъ онъ,—это другое дѣло: тогда она ужъ не моя; пока она считается моею, я никуда ее не повезу-съ.

Такимъ и остался Ивановъ въ моемъ воспоминаніи: твердымъ въ своей слабости (если можно такъ выразиться), суевѣрнымъ въ отношеніи къ Петербургу. Рѣшимость ѣхать туда посѣтила его уже безъ меня, и я узналъ о томъ черезъ годъ, въ Тосканѣ. А два года спустя, мнѣ суждено было увидѣть честимую и дорогую на чужбинѣ картину, скупо оцѣненную дома, осиротѣлую, лишившуюся семьи своихъ эскизовъ и этюдовъ, въ глубинѣ узкой и неудобной, холодной залы петербургской академіи, подъ освѣщеніемъ февральской мглы. А на кладбищѣ сторожъ указалъ на сугробъ снѣга и прибавилъ:

— Это, должно и есть самый этотъ Ивановъ.

Но возвратимся къ живому Иванову, собирающемуся ѣхать изъ Рима лѣчиться у нѣмцевъ отъ больныхъ глазъ.

Въ началѣ мая, вечеромъ, онъ забѣжалъ (буквально) ко мнѣ проститься, весь сѣрый съ ногъ до головы, озабоченный и остриженный: онъ отправлялся въ Берлинъ. Уже за мѣсяцъ онъ толковалъ объ этомъ со всѣми и разспрашивалъ каждаго о дорогѣ, по которой лучше ѣхать, о докторахъ съ которыми лучше совѣтоваться, и, переслушавъ всѣхъ съ равнымъ вниманіемъ, никого не послушался, поѣхалъ по-своему и видѣлся съ докторами, какихъ самъ выбралъ. Вывѣдывать мнѣнія было его слабостью, и онъ всѣ ихъ принималъ къ свѣдѣнію, но никогда не къ исполненію.

— До Петербурга?—спрашивалъ я его, прощаясь.

— Какъ это возможно-съ помилуйте!

Онъ еще не допускалъ тогда подобнаго самоубійства.

— Стало быть, навсегда?—сказалъ я.

Однакожъ намъ удалось еще встрѣтиться и тѣмъ же лѣтомъ.

Въ одномъ изъ лучшихъ уголковъ Швейцаріи, въ Интерлакенѣ, я былъ однажды вызванъ изъ-за завтрака къ спрашивавшему меня русскому путешественнику. Выхожу: Ивановъ, все такой же сѣрый съ ногъ до головы, но пополнѣвшій и живой, кидается ко мнѣ, гораздо рѣшительнѣе прежняго, съ открытыми объятіями.

— Александръ Андреичъ!—какими судьбами?—откуда?

— Изъ Берлина-съ, пить сыворотку... А какого вы мнѣнія о сывороткѣ?

— Такого, что она способна доставлять самыя пріятныя неожиданности, какъ, напримѣръ, васъ видѣть...

Ивановъ разсмѣялся.

— Это ужъ, выходитъ, комплименты-съ!

— Взяли ли вы комнату?

Оказалось, что онъ взялъ, но въ другомъ трактирѣ. Я принялся его уговаривать перебраться, и онъ, къ совершенному моему удивленію, тотчасъ согласился. Старая плѣсень затворничества съ него видимо свалилась; онъ даже глазами глядѣлъ уже менѣе внизъ и очень радовался, что доктора не нашли въ нихъ органическаго поврежденія. Мѣсяцъ, проведенный въ Интерлакенѣ съ утра до ночи подъ орѣшниками, сильное движеніе, сыворотка, да къ тому же беззаботность жизни, разговоры на распашку и смѣхъ въ дружномъ кружкѣ русскихъ, надежды, бодрившія старика въ скоромъ будущемъ — все сдѣлало изъ него неузнаваемаго человѣка. Что еще дѣтски радовало художническую душу этого наивнаго человѣка, мало пріученнаго къ популярности, это подаренный мной ему отдѣльный оттискъ моей статьи изъ Рима объ его картинѣ и № бельгійскаго «Nord», гдѣ статья появилась во французскомъ переводѣ. Онъ не разлучался съ ними, постоянно носилъ ихъ въ боковомъ карманѣ сюртука, то и дѣло перечитывалъ и совсѣмъ протеръ на сгибахъ. Почти никогда нежившій — сперва ученикъ, а послѣ труженикъ—Ивановъ точно начиналъ только теперь жить. И чтò за институтскія были его воззрѣнія и на людей, и на общество! Петербургъ, и смолоду ему мало знакомый, представлялся его воображенію какъ-то особенно превратно; о людяхъ и дѣятеляхъ на разныхъ поприщахъ онъ составлялъ себѣ вовсе несбыточныя понятія: исполнялся неодолимаго страха къ тѣмъ изъ нихъ, которые были совершенно безопасны, и видѣлъ силу тамъ, гдѣ была только слабость.

Ясно было ужъ отсюда, что попади только Ивановъ въ этотъ жёрновъ, онъ выйдетъ изъ-подъ него пылью.

Монахъ въ жизни, онъ причастился ея только теперь и насла-

ждался каждымъ глоткомъ ея. Откровенный разговоръ, острая выходка, споръ съ заносчивостью и увлеченіемъ, даже сказанная кѣмъ-либо глупость,—все ему звучало ново, почти назидательно, и онъ, когда всѣ умолкали, удалялся подъ густое дерево и что-то записывалъ мелко и часто въ крошечной книженкѣ, которую всегда носилъ въ карманѣ.

— Весьма много любопытнаго почерпнулъ сегодня,—говорилъ онъ потомъ вечеромъ и покачивалъ съ довольствомъ головой.

Придетъ ли хоръ альпійскихъ трубачей, или дѣвушки съ Бріенскаго озера затянутъ свои пѣсни съ завываніемъ, онъ ко всему прислушивается: приложитъ за ухо ладонь и стоитъ около, покуда тѣ не уймутся.

— Нравится вамъ, Александръ Андреичъ?—спрашивали его.

— Чрезвычайно любопытно; весьма многое можно почерпнуть!—отвѣчалъ онъ и задумывался.

Самая осторожность его въ высказываніи собственнаго мнѣнія уступала напору общей откровенности, и часто, увлеченный горячимъ споромъ, онъ невольно высказывался...

Такимъ образомъ, удавалось вызывать его на отзывъ о томъ или другомъ изъ знаменитыхъ художниковъ той или другой школы живописи и ваянія.

Старымъ художникамъ онъ придавалъ большое, не безсознательное, но историческое значеніе, и въ этомъ случаѣ Чемабуа и и Джіотто по праву имѣли его уваженіе. Въ Жамъ-Белино онъ восхищался наивностью колорита, но особенно цѣнилъ Леонардо-да-Винчи, и даже ѣздилъ нарочно въ какой-то нѣмецкій городокъ, гдѣ были два его рисунка. Рафаэля онъ превозносилъ за чистоту стиля, прелесть рисунка и проч. «Это школа»,—говорилъ онъ обыкновенно. Въ Микель-Анджело Буонаротти онъ видѣлъ, прежде всего, творца купола св. Петра, и, сдѣлай Буонаротти только куполъ (прибавлялъ Ивановъ), великое имя его было бы еще больше. О статуяхъ, кромѣ миѳологическихъ, и картинахъ его онъ избѣгалъ говорить. Но однажды, пойманный врасплохъ, высказался о нѣкоторыхъ изъ нихъ, и чрезвычайно самобытно.

— Чтò вы думаете о святомъ семействѣ Буонаротти, во Флоренціи, въ трибунѣ?—спросилъ я его, когда онъ никакъ не могъ ожидать этого вопроса.

— Ахъ, какая скука-съ!

— А его Моисей?

— Тоже прескучная статуя-съ!

Онъ даже зѣвнулъ, сказавши это.

Способность самобытно выражаться была врожденная у Иванова.

— Кàкъ вы нашли такихъ-то?—спросили его про одно русское семейство, гдѣ затѣвались въ назначенные вечера болѣе наивныя, чѣмъ остроумныя забавы.

— Одинъ разъ побывать весьма любопытно, — отвѣчалъ Ивановъ.

Показываютъ ему портретъ, работы моднаго художника. Онъ долго смотритъ и говоритъ:—«Правдоподобія-съ мало!»

О современной живописи и современныхъ художникахъ Ивановъ говорилъ довольно охотно. Высоко въ ряду мастеровъ послѣдняго времени онъ ставилъ Брюллова.

— Брюлловъ произвелъ революцію-съ! — говаривалъ онъ.

За Брюлловымъ слѣдовалъ Поль-де-Ларошъ.

Ко всѣмъ родамъ живописи, кромѣ строго-исторической, Ивановъ питалъ болѣе чѣмъ равнодушіе: онъ считалъ ихъ вредными, говоря, что они превращаютъ искусство въ одну пустую забаву глазъ, и не даютъ художнику развиться въ историческаго, единственно истиннаго, по его мнѣнію, художника... Особенно враждовалъ онъ противъ сценъ изъ вседневной жизни (жанра), которыя зналъ болѣе по фламандскимъ рабскимъ копіямъ съ натуры, лишеннымъ всякаго содержанія.

— Вы не видѣли сценъ Ѳедотова!—говорилъ я ему,—а то вы судили бы не такъ: Ѳедотовъ—это Гоголь въ краскахъ.

Я до того договорился о Ѳедотовѣ, что, упоминая о жанристахъ онъ ужъ всегда дѣлалъ оговорку: «кромѣ Ѳедотова-съ».

Но что̀ вызывало у Иванова горькіе потоки рѣчей, такъ это то византійское направленіе, къ которому ведутъ архитектуру и живопись въ Россіи. Ивановъ выкладывалъ по этому поводу безцѣнные запасы данныхъ, разбивавшихъ на̀-голову его противниковъ, и всякій разъ оканчивалъ тѣмъ, что «вы извольте доказывать работами съ вашей стороны, а мы будемъ работать съ своей»...

Никакъ, однакожъ, Иванову не удалось привыкнуть къ своему кругу до того, чтобы рѣшительные отзывы не озадачивали его.

Я не забуду никогда Иванова, какъ, на вопросъ его объ одномъ общемъ знакомомъ: «что̀ онъ за человѣкъ»? ему отвѣтили — дуракъ.

— Ахъ, какъ это рѣшительно!—воскликнулъ Ивановъ, и даже подскочилъ на стулѣ, — чрезвычайно-съ рѣшительно! — повторялъ онъ, покачивая головой.

Все шло какъ нельзя лучше, покуда совершенно непредвидѣнное обстоятельство не возмутило его спокойствіе духа.

Въ одну изъ вечернихъ прогулокъ, онъ отсталъ отъ нашего общества и долго не показывался на дорогѣ. Я вернулся, и нашелъ его блѣднаго, встревоженнаго, прислонившагося спиною къ большому камню. За обѣдомъ онъ много ѣлъ земляники, простокваши, въ перемежку со всякой всячиной.

— Что̀ съ вами, Александръ Андреичъ? — спрашиваю, — вамъ нездоровится?

— О, ничего-съ особеннаго — старый знакомый-съ,— отвѣчаетъ онъ какъ-то иронически.

— Какой старый знакомый?

— Ядъ-съ... Оттого и тошнота и все, что слѣдуетъ-съ... Я къ этому привыкъ-съ — старый знакомый!

Сперва намёкомъ, а потомъ ужъ и совсѣмъ опредѣленно и подробно, онъ разсказалъ, какъ его, десять лѣтъ сряду, отравляютъ. Въ словахъ и въ голосѣ звучала самая твердая увѣренность въ этомъ.

— Да какая же польза и кому васъ отравлять?—рѣшился я спросить поласковѣй, чтобъ не показать, что онъ бредитъ. — Можетъ быть, вы обременили желудокъ?

— Десять лѣтъ-съ! десять лѣтъ подрядъ-съ, — твердилъ онъ мрачно.—Я полагалъ, съ Римомъ это кончится, — только нѣтъ-съ, ошибся: и здѣсь доискались...

— Ктòжъ это доискивается? и за что отравляютъ васъ, дорогой Александръ Андреичъ?

— Многіе мнѣ желаютъ зла, весьма многіе-съ: Корнеліусъ, Оверберкъ-съ... очень много ихъ, очень-съ...

— Ну, положимъ; но вѣдь то въ Римѣ; а здѣсь васъ вѣдь не знаютъ.

— Телеграфъ-съ. На что же телеграфъ? Черезъ него все узнаютъ-съ... Никуда не убѣжишь.

— Такъ на кого же вы, наконецъ, думаете: на меня, на другого, на третьяго?

— На васъ я не думаю-съ. Но трактирщикъ... О, это преопасный человѣкъ! И блюда подаетъ самъ-съ за столомъ... Нѣтъ-съ, мнѣ ужъ видно не жить...

— Хотите мѣняться кушаньями за столомъ? Меня вѣдь не отравляютъ,—въ этомъ вы можете быть увѣрены.

— Къ чему же, помилуйте-съ!

Однако, съ этихъ поръ, я ему постоянно передавалъ то тарелку, то чашку, соль, хлѣбъ, сахаръ, и онъ поспѣшно бралъ, повторяя:— Помилуйте! къ чему же это-съ?

Мнительность Иванова пошла рости. Онъ собрался и уѣхалъ въ Лондонъ — спросить Герцена: какъ тотъ смотритъ на евангельскіе сюжеты («весьма важно-съ мнѣніе Александра Ивановича!»). Герценъ его нѣсколько ободрилъ. Въ Остъ-Энде я его встрѣтилъ уже менѣе похожаго на римскаго; но въ Парижѣ онъ опять ходилъ дикимъ и, между прочимъ, былъ глубоко обиженъ, что сторожъ въ Jardin des plantes не повѣрилъ его званію художника, даже по предъявленіи ему всемогущихъ лоскутковъ «Nord», и не позволилъ срисовать верблюда.

— Вы это сдѣлаете въ Пизѣ, — успокоилъ я его, — тамъ ихъ сколько хотите въ кашинахъ.

— Вы это точно знаете-съ?

— Точно. На нихъ тамъ развозятъ сѣно.

Онъ вынулъ свою микроскопическую книжечку и микроскопическими буквами записалъ: «верблюды въ Пизѣ», покачивая головою и твердя: «Весьма важное свѣдѣніе! весьма-съ!»

Напоминаніе объ Италіи его оживило. Она уже начинала его звать къ себѣ, какъ мать; о ней онъ вспоминалъ и въ Швейцаріи, и холодно смотрѣлъ на дерзкія громады Альповъ, казавшіяся ему грубыми послѣ изнѣженныхъ итальянскихъ линій горъ...

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Иванова осенью, въ Парижѣ. Онъ былъ въ большихъ суетахъ: накупилъ себѣ двѣнадцать манкеновъ и подбиралъ къ нимъ драпировки, никакъ не находя матерій, потому что искалъ старинныхъ, а въ Парижѣ въ августѣ іюньская матерія уже старинная, и ея не сыщешь. Моя жена взялась отыскать ему что надо, и онъ пришелъ въ совершенный восторгъ отъ глубины ея познаній по этой части.

— Весьма затруднительную задачу рѣшила ваша супруга, очень затруднительную-съ...

Манкены не выходили у него изъ головы.

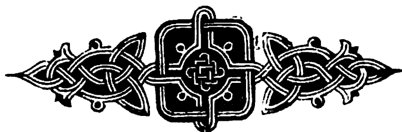
— Это будутъ двѣнадцать апостоловъ, — говорилъ Ивановъ, и глаза его блестѣли дѣтской радостью, — я ихъ буду ставить въ группы. Съѣзжу-съ въ Палестину и исполню всю жизнь Христа въ эскизахъ... Раздѣлю ихъ надвое—ученье и миѳологія-съ. У меня давно все подготовлено. Только бы скорѣе получить деньги за картину...

— Гдѣ-то теперь увидимся? — спросилъ я его, провожая на улицу.

— Только не въ Петербургѣ-съ!—отвѣчалъ онъ весело.

И точно, мы не увидѣлись въ Петербургѣ!

П. Ковалевскій.

ЛАКЕЙСКАЯ СТОЛИЦА[1].

VIII.

ЫЛО ДЕСЯТЬ часовъ, когда я пришелъ къ дому, гдѣ живетъ исправникъ и спросилъ можно ли мнѣ его видѣть? Необыкновенно добродушнаго вида солдатъ отвѣчалъ, что его теперь навѣрно можно видѣть, потому что онъ проснулся и пьетъ чай. Я поднялся по деревянной лѣстницѣ на верхъ, до его квартиры, и попросилъ доложить о себѣ. Тутъ представьте себѣ мое удивленіе, когда ко мнѣ вышелъ, въ полномъ смыслѣ слова, двойникъ покойнаго М. П. Розенгейма — лицо, борода, ростъ, манеры, голосъ и въ довершеніе всего даже и то же имя Михаилъ Павловичъ. Я невольно улыбнулся и, здороваясь съ нимъ, сказалъ ему о причинѣ моей улыбки и моего невольнаго удивленія.

— Да, ужъ это мнѣ нѣсколько разъ говорили, — добродушно отвѣтилъ онъ.

Я сказалъ ему, что мнѣ рекомендовалъ навѣстить его А. В. Селивановъ, который ему кланяется и скоро у него будетъ.

— Это почтенный труженикъ науки,—отвѣтилъ мнѣ Михаилъ Павловичъ,—и я его за это очень люблю. Я жалѣю только, что ничѣмъ не могу удовлетворить его любознательность.

Я молчалъ и слушалъ его.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXI, стр. 571.

— У насъ мало попадается интересныхъ историческихъ находокъ,—какъ бы въ объясненіе своей мысли, сказалъ онъ.

— Все расхищено?

— Нѣтъ. Зря, такъ все распропало. Ну, что найдешь, увидишь гдѣ, разумѣется, сохранишь.

— Я видѣлъ ваше приношеніе у него въ кабинетѣ рѣдкостей.

— Ахъ, это голову, т. е. черепъ бегемота?

— Да, носорога.

— Или, да носорога. А мнѣ вотъ теперь попала рѣдкая вещица, — представьте, не разберу никакъ, что это такое—зубы это мамонта или просто камень какой.

И онъ съ легкостью юноши вскочилъ и побѣжалъ куда-то. Я слышалъ только, какъ онъ посылалъ дежурнаго пожарнаго сбѣгать въ участокъ и принести оттуда «находку».

— Вотъ увидите,—говорилъ онъ, возвратясь,—оригинальная вещица. Такъ возьмешь — какъ будто зубы мамонта, эдакъ — камень простой.

Въ ожиданіи, когда принесутъ находку, мы начали говорить о современномъ состояніи города, о татарахъ, составляющихъ главную и самую любопытную для меня часть его населенія.

— Вообще говоря, очень хорошій народъ, — говорилъ исправникъ.—Очень трудолюбивый, честный народъ... Хотя, конечно, есть исключенія... И, добродушно улыбаясь, добавилъ: — не рѣдкость, если найдете въ одномъ домѣ ложку отъ Донона, салфетку отъ Дюссо, вилку отъ Бореля и проч.

— Ахъ это преоригинально!—воскликнулъ я.

— Да, это у насъ не рѣдкость.

— И эти находки вѣроятно чаще у васъ встрѣчаются... чѣмъ вотъ головы носороговъ, зубы мамонтовъ?!..—сказалъ я.

Онъ залился смѣхомъ и отвѣтилъ:

— О, да!

— Такъ что если бы эти находки собирать?..

— Ха, ха, ха!..

Мы заговорили о домашнемъ, семейномъ бытѣ татаръ.

— Отлично, дружно всѣ живутъ.

— У богатыхъ есть гаремы?—спросилъ я.

— Гаремы?—что вы. У всѣхъ по одной женѣ?

— Да?

— Да-а... И еще я вамъ что скажу, чему вы тоже можетъ удивитесь.

— Что такое?

— Разводовъ у нихъ никогда не бываетъ. Развестись у нихъ, вѣдь плёвое дѣло ничего не стоитъ, а тѣмъ неменѣе разводовъ нѣтъ.

— Чѣмъ же вы это объясняете?

— Патріархальнымъ бытомъ. И потомъ, не видятъ въ этомъ запрещенія—ихъ и не соблазняетъ.

— Отъ русскихъ—живутъ особнякомъ?

— Кто? Татары? Нѣтъ. Ходятъ другъ къ другу въ гости. Да какъ особнякомъ-то тутъ жить? Нѣтъ.

— Нѣтъ, все-таки болѣе или менѣе замкнутой жизнью. Въ сравненіи съ русскими-то?

— Какъ вамъ сказать? Нѣтъ... т. е. они, конечно, женъ своихъ не выпускаютъ, когда вы придете; но и то не всѣ. Въ богатыхъ здѣшнихъ татарскихъ домахъ рояли ужъ есть. Этого вы у татаръ нигдѣ не встрѣтите, а у нашихъ ужъ есть.

— Ну, а это вы чѣмъ же объясняете?

— Дюссо, Борель, Дононъ!—воскликнулъ онъ,—ничего больше... Они же привыкли тамъ, въ кабинетахъ. Cabinets partiqulliers... француженки... шампанское... А какъ тамъ теперь въ Петербургѣ—не кутятъ ужъ такъ? Я ужъ тамъ давно не былъ!—вдругъ, неожиданно совсѣмъ спросилъ онъ.

И, я замѣтилъ, онъ не безъ оттѣнка сожалѣнія о прошломъ, быть можетъ, счастливомъ и веселомъ, вздохнулъ и замолчалъ.

— Зимой пріѣзжайте къ намъ—отыщите меня тогда, всюду мы съ вами побываемъ, вспомнимъ старое,—сказалъ я.

— Благодарю васъ, я вотъ и то собираюсь, да все какъ-то откладываю съ года на годъ.

— А вы не откладывайте—соберитесь вдругъ да и поѣзжайте.

— Необходимо освѣжиться, необходимо,—повторилъ онъ въ раздумьи нѣсколько разъ.—Вѣдь вы не можете себѣ представить всей скуки, какая здѣсь, особенно зимою. Лѣтомъ еще по Окѣ пароходъ ходитъ—можете куда угодно поѣхать, а извольте-ка зимой. На чемъ вы поѣдете? Желѣзной дороги нѣтъ. Вонъ она гдѣ—надо до нея еще двое-трое сутокъ на лошадяхъ ѣхать.

— Вы вотъ сейчасъ сказали, что этотъ прогрессъ въ ихъ жизни, эти рояли, шампанское и проч. результаты ихъ жизни въ французскихъ ресторанахъ, у Дюссо, Бореля, Донона, Дорота и проч. Но вѣдь это все бѣднѣйшее сословіе татаръ тамъ живетъ—это все вѣдь прислуга. А какъ живутъ потомки хановъ, царей касимовскихъ?

Онъ улыбнулся и пожалъ плечами.

— А какъ же вы это разберете?—сказалъ онъ,—кто изъ нихъ потомокъ простыхъ татаръ, а кто царей? Развѣ есть возможность разобрать это?

— Кто у васъ предводитель?—спросилъ я.

— Алѣевъ.

— Ну, вотъ видите, вѣдь это несомнѣнно татаринъ. Отъ кого онъ происходитъ?

— Не могу вамъ сказать; но, конечно, цари или ханы, царевичи,

вообще татары ихней царской крови, вѣроятно, впослѣдствіи принявъ христіанство, поженились на русскихъ—иначе какъ же вы объясните происхожденіе всѣхъ этихъ князей съ татарскими фамиліями: Ингалычевыхъ, Кудашевыхъ, Колончаковыхъ, Кугушевыхъ и т. д., и т. д. до безконечности. Конечно, это все татары; но они ли именно царской татарской крови, т. е. всѣ ли они, такъ сказать, разобрали эту царскую кровь и подѣлили ее между собою, или остались нѣкоторые потомки и не признанными въ своемъ высокомъ происхожденіи и теперь влачатъ жизнь у Борелей, Донововъ и проч...

Мы нашли имъ, этимъ послѣднимъ, утѣшеніе только въ томъ, что по нынѣшнимъ плохимъ въ денежномъ отношеніи временамъ имъ нечего особенно завидовать своимъ титулованнымъ родичамъ.

— Это вы правду сказали,—замѣтилъ онъ.—Дѣйствительно, кого ни спроси, всѣ здѣсь жалуются на то, что дѣла у нихъ идутъ плохо. И очень многіе изъ пріѣзжающихъ изъ Петербурга татаръ тамошнихъ простыхъ лакеевъ гораздо въ этомъ отношеніи веселѣй...

Но мнѣ все-таки хотѣлось узнать отъ него, нѣтъ ли здѣсь хоть какого бы нибудь одного, хотя и ошибочно и неосновательно считающаго себя потомкомъ касимовскаго царя, татарина, но непремѣнно не крещенаго; татарско-крещенные князья всѣ считаютъ себя потомками царей и хановъ.

— Нѣтъ!..—подумавъ, отвѣтилъ онъ.

— И ахунъ ихъ не знаетъ?

— Нѣ-ѣ-ѣтъ, не думаю... т. е. тамъ, можетъ, по книгамъ ихъ, у нихъ кто-нибудь и считается потомкомъ такимъ, вотъ какой вамъ нуженъ; но у насъ, оффиціально, по крайней мѣрѣ, никто изъ нихъ таковымъ не значится.

Въ это время на порогѣ, изъ залы въ гостиную появился околодочный со сверткомъ въ рукахъ.

— А!—воскликнулъ исправникъ,—ну вотъ, принесли... Давайте-ка сюда.

Онъ взялъ изъ рукъ околодочнаго свертокъ, развернулъ его и я увидалъ два булыжника, испещренные какими-то рубцами.

— Вотъ,—сказалъ онъ, подавая мнѣ одинъ изъ нихъ,—ну, какъ вы думаете, что это такое?

— Чортъ его знаетъ—эта рыбья голова какая-то,—сказалъ я, вертя въ рукахъ булыжникъ.

— А эти рубцы?

— Что же это по вашему?

— А развѣ это не напоминаетъ зубы травояднаго? Мамонты вѣдь были травоядные.

Булыжникъ, если посмотрѣть на него съ этой мыслію, могъ быть и зубами (но очень стертыми) травояднаго.

— И это была одна челюсть,—продолжалъ исправникъ, складывая оба куска,—вотъ видите.

— Но можетъ это была и челюсть слона?—сказалъ я.—Вѣдь если въ здѣшнихъ мѣстахъ прежде водились мамонты, то могли водиться и слоны.

— Конечно.

— А можетъ это челюсть какого-нибудь птеродактеля или ихтіозавра или плезіозавра—такъ кажется, были такія ископаемыя?

— Были, были—поспѣшно сказалъ онъ, но сейчасъ же оговорился,—т. е. я не знаю, конечно, водились ли они въ здѣшнихъ мѣстахъ.

Мы повертѣли еще нѣкоторое время эту находку и отдали ее околодочному, который завернулъ ее опять въ бумагу и спросилъ:

— Отнести ее опять въ участокъ или здѣсь оставить?

— Нѣтъ, оставьте здѣсь,—отвѣчалъ ему исправникъ.—Я надняхъ поѣду въ Рязань представляться новому губернатору и кстати захвачу и ее съ собой.

Околодочный ушелъ, мы остались опять одни.

— Да-съ, такъ вотъ мы тутъ и живемъ,—сказалъ Михаилъ Павловичъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ покорности судьбѣ въ голосѣ,—вдали отъ свѣта, отъ шума...

Я посидѣлъ у него еще немного, еще разъ вернулись къ Петербургу, что-то онъ спросилъ меня, что-то я отвѣтилъ ему. Я взялся за шапку и хотѣлъ уходить.

— Вы долго пробудите у насъ?

— Нѣтъ, завтра уѣду.

— Но вечеромъ, значитъ, все-таки будете еще здѣсь?

— Да.

— Пріѣзжайте въ театръ, т. е. въ клубъ, изъ Орла пріѣхала замѣчательная труппа. Будутъ играть «Каширскую Старину».

Я поблагодарилъ его за вниманіе, за любезность, съ которыми онъ мнѣ сообщилъ интересующія меня историческія свѣдѣнія о Касимовѣ и обѣщалъ быть въ театрѣ вечеромъ.

IX.

— Вотъ что, голубчикъ, какъ бы намъ къ ахуну пробраться, ты знаешь гдѣ онъ живетъ?—спрашивалъ я извозчика, который откуда-то вывернулся и ловко подскакалъ къ подъѣзду исправникова дома.

— Пожалуйте-съ.

Я сѣлъ.

— Вамъ какого же ахуна нужно будетъ—стараго или молодого?—оборачиваясь ко мнѣ, спросилъ извозчикъ, когда мы съ нимъ порядочно-таки ужъ отъѣхали.

— Какъ стараго или молодого? Да вѣдь тутъ одинъ ахунъ.

— Одинъ. Но только есть старый и есть молодой.

Я ничего не понималъ, что онъ говоритъ.

Объяснилось это недоразумѣніе тѣмъ, что старый ахунъ еще живъ, хотя онъ ужъ и не у дѣлъ теперь.

— Къ молодому, конечно,—сказалъ я.

— И третій еще есть ахунъ—отецъ молодого. Только этотъ уже теперь не встаетъ. Лежитъ. Старъ ужъ очень,—разсказывалъ извозчикъ.

Мы ѣхали по какимъ-то страннаго вида улицамъ. Точно будто кто-то купилъ себѣ этотъ старый уѣздный городъ въ свою личную собственность и теперь понемногу рѣшилъ выстроить, реставрировать городъ вновь. Представьте себѣ длинныя, довольно, впрочемъ, прямыя улицы развалившихся домиковъ и, между ними, черезъ два, черезъ три, совершенно новенькіе, чистенькіе, съ прочными тесовыми воротами, на которыхъ, на воротахъ, ярко блестятъ на солнцѣ посеребренные стеклянные бѣлые шары, точь въ точь такіе, какіе выставляютъ у насъ въ полисадникахъ, на бесѣдкахъ. Эти новенькіе, чистенькіе домики съ шарами правильно тянутся вдоль всѣхъ улицъ. Эти домики — татарскіе; старые, развалившіеся — русскіе.

— Что это за домики?—невольно спросилъ я извозчика.

— Какіе?

— А вотъ эти, новенькіе?

— Татарскіе,—отвѣтилъ онъ.

— А эти старые?

— Русскіе,—отвѣтилъ онъ, обернулся ко мнѣ и осклабился.

— И тебѣ это смѣшно?

Онъ осклабился еще больше.

Мы проѣхали двѣ, три такихъ улицъ и остановились у новенькаго, чистенькаго, нѣсколько бо̀льшихъ размѣровъ домика съ посеребреными бѣлыми шарами, тоже нѣсколько бо̀льшихъ размѣровъ.

— Тутъ?

— Тутъ. Вы постучитесь.

Во дворѣ лаяла собака. Я постучался. Прошло съ минуту. Я постучался опять. Наконецъ, я услыхалъ шаги и мальчикъ лѣтъ десяти-двѣнадцати въ зеленомъ шелковомъ халатикѣ, въ пестренькой ермолочкѣ, пріотворилъ мнѣ дверь и спросилъ кого мнѣ нужно.

— Ахунъ здѣсь живетъ?

— Здѣсь.

— Можно его видѣть?

Мальчикъ ничего не отвѣтилъ, захлопнулъ калитку и исчезъ. Я остался ждать. Минуты черезъ двѣ, черезъ три, онъ опять отворилъ калитку и сказалъ мнѣ:

— Войдите.

Я пригнулся и вошелъ въ калитку. Онъ пошелъ впередъ меня, я за нимъ. Дворъ чистый, новенькій, какъ съ иголочки. Прямо противъ воротъ съ улицы, въ которыя мы вошли, подъ тесовымъ навѣсомъ стоялъ въ такомъ же точно коротком зеленомъ шелковомъ халатѣ и въ ермолкѣ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти-шести. Мальчикъ обернулся ко мнѣ и сказалъ:—вотъ ахунъ. Я подошелъ къ нему и раскланялся.

Ахунъ выслушалъ меня, и когда я назвалъ фамилію Селиванова и сказалъ, что пришелъ къ нему по его рекомендаціи, блѣдное и очень симпатичное лицо его оживилось нѣсколько, и онъ произнесъ совершенно правильно, чистымъ русскимъ языкомъ, съ маленькимъ акцентомъ:

— А-а... Очень пріятно,—и протянулъ мнѣ руку.

— Вы меня приводите въ удивленіе. Я ожидалъ встрѣтить старика съ бородой, сѣдого,—отвѣтилъ я ему.

— У насъ это все равно,—сказалъ онъ.—Я, впрочемъ, недавно ахуномъ.

Было часовъ двѣнадцать. Солнце такъ и пекло. Жара была ужасная. Въ воздухѣ стояла тишина. Надвигались тучки и парило не милосердно.

— Милости просимъ, зайдите ко мнѣ,—указалъ онъ мнѣ рукою на дверь, которая со двора вела въ его домъ.

Я пошелъ, а онъ, нѣсколько отставъ отъ меня, что-то говорилъ мальчику.

— Пожалуйте, пожалуйте,—сказали они оба, когда я пріостановился въ дверяхъ.

Я сталъ подниматься по чистенькой, деревянной лѣстницѣ наверхъ—мальчикъ обогналъ меня и побѣжалъ внутрь.

Наверху лѣстницы площадка, вся уставленная по бокамъ сундуками, обитыми жестью и покрытыми сверху коврами. Съ площадки—прямо ведетъ куда-то корридоръ, а направо—дверь. Эту дверь опередившій нас мальчикъ теперь держалъ открытою настежъ и, смотря на меня, улыбался и показывалъ рукою,—дескать, войди. Я вошелъ. Чистенькая передняя. Опять сундуки, обитые жестью и покрытые кубинскими и персидскими коврами, шкафчикъ съ посудой; маленькій, страннаго фасона самоваръ, два-три стула.

— Давайте,—сказалъ мнѣ мальчикъ и потащилъ съ меня пальто.

На мальчишку, я замѣтилъ, почему-то я произвелъ хорошее и пріятное впечатлѣніе, и онъ все всматривался и потомъ улыбался, глядя на меня.

Ахунъ показалъ мнѣ рукой дальше, на слѣдующую дверь, и проговорилъ опять:

— Пожалуйста!

Въ эту слѣдующую комнату я вступилъ и невольно остано-

вился. Направо отъ входа, вдоль стѣны, на диванѣ, лежалъ, въ бѣлой, полотняной рубашкѣ, высокій, очень высокаго роста, совершенно сѣдой старикъ съ типическимъ, худымъ, старческимъ, даже какимъ-то древнимъ, лицомъ. Такія лица встрѣчаются на старинныхъ картинахъ, на образахъ древняго письма. Чѣмъ-то не живымъ, не отъ міра сего ужъ вѣяло отъ него. Исхудалыя, какъ остовъ, руки лежали скрещенныя поверхъ рубашки. Глубокіе, черные глаза смотрѣли на меня не злобно, но холодно, серьезно и точно спрашивали, требовали, чтобъ я немедленно объявилъ, зачѣмъ я пришелъ сюда?

— Мой батюшка,—отвѣтилъ ахунъ мнѣ на мое удивленіе и на мою нерѣшительность идти дальше.

Я поклонился; старикъ сдѣлалъ усиліе подняться, сѣлъ на диванѣ и протянулъ мнѣ руку. Она была холодна, какъ у мертваго, не смотря на то, что въ комнатѣ была удушающая, ужасная жара.

— Боленъ, вотъ ужъ сколько времени не встаетъ, — сказалъ мнѣ ахунъ.

— Что такое?

— Старость,—отвѣчалъ онъ съ легкой улыбкой.

Въ комнатахъ пахло старыми книгами, долголежалыми матеріями. Всѣ окна были затворены и мнѣ показалось, что они были сдѣланы (т. е. рамы въ нихъ) такъ, что ихъ и отворить нельзя. На дворѣ, между тѣмъ, пошелъ дождь, сдѣлалось вдругъ темно. Ахунъ подошелъ къ окну и, смотря на крупный, вдругъ хлынувшій дождикъ, весело улыбался и радостно сказалъ мнѣ:

— Это первый дождикъ у насъ. Вы счастливый.

Между тѣмъ, мальчикъ собиралъ намъ чай, ставилъ подносъ на столъ, чашки, принесъ сахаръ, лимонъ и какія - то печенья, въ родѣ сладкаго пирога, что дѣлаютъ съ молокомъ, только безъ начинки. И всякій разъ, принесетъ, поставитъ что-нибудь на столъ, посмотритъ на меня и улыбнется. Когда онъ разъ какъ-то проходилъ возлѣ меня близко и тоже улыбался, глядя на меня, я взялъ его за щеку и шутя ущипнулъ его. Онъ ухватился за мою руку и расхохотался.

Ахунъ посмотрѣлъ на него, покачалъ головой и улыбаясь сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Это мой племянникъ.

— А у васъ нѣтъ развѣ дѣтей?—спросилъ я.

— Нѣтъ,—отрицательно покачавъ головой, отвѣтилъ ахунъ.

Мальчикъ принесъ самоваръ, поставилъ его на столъ передъ ахуномъ и сѣлъ на стулъ возлѣ меня. Онъ все смотрѣлъ на меня и улыбался—видно, я былъ рѣдкій гость у нихъ. И, кромѣ этого, все показывало, что жизнь здѣсь замкнутая, такая же запертая на всѣ замки и задвижки, какъ и ихъ дворъ, въ который надо проникать послѣ опроса, черезъ калитку... Я забылъ сказать, что ко-

гда я проходилъ дворомъ, какія-то двѣ женщины показались у входа, на лѣстницѣ, по которой мы потомъ поднялись въ квартиру, и сейчасъ же исчезли куда-то.

— Много у васъ занятій?—спросилъ я ахуна.

— Да. Вотъ служба, школа,—проговорилъ онъ.

— Вы учите и въ школѣ?

— Каждый день.

— А служба?

— И служба каждый день, два раза. Только вѣдь у насъ коротенькая служба — минутъ двадцать, четверть часа. Однѣ молитвы,—отвѣчалъ онъ.

— А это не обезпокоитъ васъ, не доставитъ никому никакой непріятности, не помѣшаетъ никому,—началъ я,—если бы мнѣ посмотрѣть на вашу службу. Я никогда не бывалъ въ мечетяхъ во время службы въ нихъ.

— Сдѣлайте одолженіе, нисколько, мы очень рады. Вы только, разумѣется...—И онъ запнулся что-то.

— Вы меня научите, что мнѣ дѣлать, какъ стать.

— Придете въ мечеть — снимите калоши внизу и больше ничего.

— Вы приходите передъ заходомъ солнца, такъ часовъ въ семь, я тамъ буду,—сказалъ мальчикъ.—Я васъ проведу. Вы знаете, гдѣ мечеть?..

— Да извозчикъ вѣдь знаетъ, онъ довезетъ.

— Конечно, знаетъ! Здѣсь всѣ знаютъ, гдѣ мечеть! — вскричалъ онъ.

Ахунъ опять покачалъ на него головой:

— Необыкновенно бойкій мальчикъ, — сказалъ онъ мнѣ, какъ бы въ оправданіе свое.

Я началъ разспрашивать о древностяхъ, какія имѣются въ Касимовѣ, о гробницахъ, о преданіяхъ, которыя, быть можетъ, живутъ еще среди мусульманъ-татаръ. О ихъ бытѣ, о числѣ, о ихъ промыслахъ, торговлѣ.

Ахунъ отвѣчалъ на все очень охотно, но сразу же можно было замѣтить, что все это очень мало его интересуетъ, да и есть ли еще здѣсь человѣкъ, котораго бы все это интересовало. Изъ этихъ же разговоровъ я замѣтилъ, что это, можетъ быть, и очень хорошій и добрый человѣкъ, но очень мало, да и то странно какъ-то развитой. О Коранѣ и о догматахъ ихъ я, разумѣется, не могъ съ нимъ говорить, но за то обо всемъ остальномъ онъ имѣлъ какія-то необыкновенно узенькія и, въ то же время, совершенно готовыя и законченныя представленія и мнѣнія. Онъ говорилъ, точно высказывая не свои мнѣнія, а цитируя какую-то книгу для руководства въ домашнемъ и общественномъ обиходѣ. Я до сихъ поръ еще не встрѣчалъ такихъ людей. Необыкновенно странное что-то. Все тек-

сты. И думаетъ, и говоритъ все текстами. И ничего отъ себя. Скажетъ текстъ и помолчитъ немного. Потомъ припомнитъ и опять скажетъ другой афоризмъ—текстъ. Удивительно странное получается отъ этого впечатлѣніе. Это что-то и ограниченное, ужасно ограниченное, и, въ то же время, отвлеченное, созерцательное, что-то вдумчивое и задумчивое, дѣтски-наивное, вѣрующее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, закованное въ готовомъ рѣшеніи, въ неподвижной формѣ... Повторяю, удивительно странное, совсѣмъ непривычное для меня, оригинальное произвелъ онъ впечатлѣніе...

Старикъ съ своего дивана слушалъ насъ и смотрѣлъ, казалось, наблюдалъ за тѣмъ впечатлѣніемъ, которое я выносилъ изъ всего этого нашего разговора.

Одинъ мальчикъ только былъ живой. Тихій, кроткій, смиренный повидимому; но жизнь била въ немъ ключемъ, и онъ едва сдерживался, чтобъ не начать мнѣ чего-нибудь разсказывать, чтобъ не позвать меня, показать мнѣ что-нибудь. Я замѣчалъ это ясно и, поглядывая на него, раза два подмигнулъ ему, и спросилъ:

— А что теперь вамъ хотѣлось бы въ рощу, вотъ гдѣ, вашъ дядюшка говоритъ, у васъ кладбище? Хотите, поѣдемте? Тамъ отлично теперь, прохладно... зелень, цвѣты, соловьи...

Но ахунъ-дядя сказалъ ему что-то по своему и потомъ, обращаясь ко мнѣ, какъ бы перевелъ то, что сказалъ ему:

— «Онъ плохо занимался вчера, ему сегодня учиться надо»...

Но я думаю, что онъ не то совсѣмъ ему сказалъ. Я убѣжденъ, что онъ просто боялся, чтобы онъ не проболталъ мнѣ чего-нибудь, чего я не долженъ знать былъ, по его мнѣнію...

— Я васъ самъ провожу,—сказалъ онъ мнѣ,—и все, если хотите, вамъ покажу.

Я улыбнулся и поблагодарилъ.

— Вѣдь вамъ что,—продолжалъ онъ,—вамъ мечеть надо показать, гробницу Али-Хана, наше кладбище...

— А больше ничего?

— Да что же еще?

— Мнѣ бы хотѣлось познакомиться хоть немножко и съ живыми. Свѣдѣнія объ умершихъ знаменитыхъ людяхъ, конечно, любопытны и поучительны, но, какъ живого, меня все-таки тянетъ больше къ живымъ... Тѣмъ болѣе, — добавилъ я, — что быта и образа жизни этихъ живыхъ, т. е. вотъ татаръ, въ данномъ случаѣ я совершенно не знаю.

Онъ прослушалъ меня все время серьезно и внимательно, и когда я кончилъ, опустилъ какъ бы въ раздумьи голову на грудь, помолчалъ немного, развелъ руками и сказалъ:

— Не знаю... Какъ же это сдѣлать?

— Объ этомъ-то вотъ я васъ и прошу.

— Да вѣдь ничего, я вамъ скажу, любопытнаго нѣтъ,—вдругъ

изъ задумчиваго дѣлаясь веселымъ, сказалъ онъ мнѣ. — Увѣряю васъ, такіе же точно люди, какъ и всѣ. Конечно, можно поѣхать въ одинъ домъ, въ другой. Насъ вездѣ встрѣтятъ, спросятъ что намъ надо. Мы скажемъ, что пріѣхали посмотрѣть, какъ они живутъ. Насъ будутъ угощать вотъ также чаемъ, этимъ же печеньемъ,—говорилъ, онъ, указывая руками на чашки съ чаемъ и на тарелочки съ сладкими печеньями...—Вездѣ одно и то же. За это я вамъ могу ручаться...

И мальчикъ, и старикъ, оба все время несводившіе глазъ ни съ меня, ни съ него, теперь улыбнулись и всѣ втроемъ вдругъ заговорили о чемъ-то потатарски.

— Вотъ что,—сказалъ ахунъ, обращаясь ко мнѣ и опять какъ бы переводя мнѣ свой разговоръ:—Вотъ ужо въ 6 часовъ вы приходите въ мечеть, тамъ вы всѣхъ истинныхъ, самыхъ настоящихъ—вотъ какихъ вамъ нужно-то, мусульманъ увидите.

— Ну, и чтожъ?

— Ну, и познакомитесь съ ними, если хотите...

Когда я сталъ прощаться, чтобы уходить отъ него, онъ началъ просить меня, чтобы я опять, когда буду въ Касимовѣ, заѣхалъ къ нимъ, что они рады сообщить мнѣ всѣ свѣдѣнія, какія мнѣ нужны отъ нихъ будутъ.

— А въ мечеть ужо вечеромъ вы придете? — спросилъ меня мальчикъ.

— Какъ же приду, непремѣнно.

— Вы приходите пораньше, въ шесть часовъ, до начала молитвы. Тамъ садъ есть, могилы.

Ахунъ и мальчикъ опять проводили меня по той же лѣстницѣ съ площадкой, уставленной сундуками, обитыми жестью. Когда мы теперь проходили по этой площадкѣ, два сундука были открыты и я увидѣлъ въ нихъ разную домашнюю рухлядь—мѣха̀, подушки, платки и проч. Вдали, въ глубинѣ корридора стояли закутанныя двѣ женщины. Онѣ, очевидно, разбирали что-то въ этихъ сундукахъ, но при нашемъ приближеніи бросили свое занятіе и удалились обождать, когда я уйду.

Ахунъ вышелъ со мною на улицу, гдѣ стоялъ мой извозчикъ и, прощаясь со мною, сказалъ:

— До ужотка, до свиданія.

X.

Отъ ахуна я поѣхалъ къ себѣ въ гостинницу позавтракать.

— Самое лучшее, — сказалъ мнѣ лакей, — принести что-нибудь изъ «Татарской».

Я заказалъ котлетку, еще что-то, и когда онъ мнѣ все это принесъ, я задумался надъ этими блюдами и долго не рѣшался

дотронуться до нихъ... Замѣчательная вещь. Эту «Татарскую» гостинницу содержатъ татары, видавшіе въ Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ они прежде служили въ лучшихъ ресторанахъ, и чистоту, и сервировку, и кухню, въ смыслѣ порядочнаго приготовленія кушанья изъ свѣжей и хорошей провизіи, — все это они видѣли и ничего этого у себя не завели. Невозможно разсказать, что такое мнѣ принесли. Проголодавшись, я, разумѣется, рѣшился отвѣдать, но ѣсть было положительно невозможно.

— Лучше нѣть-съ у насъ. Лучше «Татарской» нигдѣ не готовятъ, — объявилъ лакей.

Нечего дѣлать, пошелъ, купилъ себѣ коробочку сардинокъ, какихъ-то колбасъ, сыру, велѣлъ поставить опять самоваръ и этимъ напитался до вечера, когда разсчитывалъ поужинать въ клубѣ, куда рѣшилъ непремѣнно поѣхать, чтобы не ложиться ужъ спать до утра въ гостинницѣ, а прямо оттуда, изъ клуба, на пароходъ.

Теперь, часа въ два, въ городѣ былъ послѣобѣденный сонъ и на улицахъ была совершенно такая же точно тишина, какъ и утромъ до шести часовъ. Даже собаки, увѣренныя, что ихъ никто не потревожитъ, опять улеглись по середи улицъ спать. Дождикъ, бывшій утромъ, до обѣда, прибилъ пыль и освѣжилъ воздухъ. Я взялъ въ руки, на всякій случай, зонтикъ и отправился опять бродить по городу. Утромъ, проѣзжая по какой-то улицѣ, по дорогѣ къ ахуну, я замѣтилъ влѣво, на краю города, свѣжую зеленую небольшую рощицу. Извозчикъ мнѣ сказалъ, что это татарское кладбище. Я отправился теперь туда. Сквозь зелень виднѣлись бѣлые стволы березокъ и между ними такіе же бѣлые поставленные стоймя камни. Это гробницы, т. е. собственно памятники на могилахъ.

Кладбище-роща окопано со всѣхъ сторонъ довольно глубокой канавой. Въ одномъ мѣстѣ черезъ канаву сдѣланъ помостъ и тутъ, я видѣль издали, кто-то сидѣлъ. Когда я подошелъ ближе, сидѣвшій, къ удивленію моему, оказался «черкесомъ». Онъ полулежалъ, полусидѣлъ и держалъ въ рукахъ какую-то старую книгу съ замусленными и изорванными листами.

— М-м-м!..—промычалъ онъ и отрицательно покачалъ головой, давая мнѣ этимъ понять, чтобы я не входилъ на кладбище..

— Это почему? — спросилъ я его.

— М-м-м!.. — И опять онъ покачалъ головой.

— Вздоръ,—сказалъ я и хотѣлъ пройти все-таки, не обращая на него вниманія.

Но онъ всталъ передо мною, лицомъ ко мнѣ, и, широко разставивъ руки, показывалъ, что пропустить меня туда не можетъ.

— Да отчего?—Безпомощно и совершенно напрасно спрашивалъ я его порусски.

— М-м-м!..

Изъ глубины рощи, изъ-за могилъ и каменьевъ, поднялось еще нѣсколько человѣкъ такихъ же оборванцевъ-кавказцевъ въ огромныхъ мохнатыхъ шапкахъ, изорванныхъ въ клочья, и медленно, лѣниво, одинъ по одному приближались и подходили къ намъ.

— Отчего къ вамъ нельзя туда? — спросилъ я ихъ, когда они подошли ужъ вплотную и уставились на меня.

Отвѣта никакого — смотрятъ большими, недоумѣвающими, черными глазами и отрицательно покачиваютъ головами.

Откуда они здѣсь, думалъ я, и неужели ни одинъ не понимаетъ порусски? Живутъ тутъ съ русскими и не понимаютъ?

Я присѣлъ передъ ними на насыпь канавы, вынулъ портсигаръ, спичечницу и показалъ имъ видъ, что хочу здѣсь курить.

Они утвердительно покачали головами.

— Можно, значитъ?.. А хотите?

Я предложилъ одному изъ нихъ сигару. Онъ улыбнулся, что-то проговорилъ своимъ товарищамъ и протянулъ ко мнѣ руку за сигарой. Одинъ по одному они всѣ усѣлись вокругъ меня и моя сигарка заходила у нихъ изо рта въ ротъ. Одинъ какой-то изъ нихъ вынулъ кисетъ и свою трубочку и закурилъ ее. Всѣхъ ихъ было тутъ человѣкъ пять или шесть; но въ глубинѣ рощи виднѣлось еще нѣсколько человѣкъ, оставшихся тамъ лежать, непришедшихъ къ намъ.

— И чтожъ, такъ-таки ни одинъ изъ васъ и не говоритъ порусски?—продолжалъ я ихъ спрашивать.

— М-м... Нѣтъ.

— Значитъ, все-таки понимаете?

Отвѣтившій «м-м... нѣтъ»... показалъ на кончикъ мизинца.

— Не много понимаете?

Онъ утвердительно кивнулъ головой.

— А давно вы здѣсь?

Онъ поднялъ три пальца.

— Три года и не выучиться говорить?

Возлѣ рощи, гдѣ кладбище и гдѣ мы вотъ сидѣли теперь, еще есть другая роща. Оттуда вышелъ и пошелъ къ намъ, пробираясь черезъ дорогу съ лужами, выбоинами, камнями, канавками и колеями, какой-то человѣкъ въ синей чуйкѣ и въ картузѣ съ блестящимъ козырькомъ, какіе обыкновенно носятъ въ Тамбовской и Рязанской губерніяхъ мѣщане и торгующіе въ деревняхъ купцы, кабатчики, трактирщики. Замѣтивъ насъ, онъ пріостановился, посмотрѣлъ и, убавивъ шагу, какъ бы въ раздумьи, чтобы это такое значило наше засѣданіе, тихонько приближался къ намъ. Подойдя къ мостику, черезъ канаву, за которой мы сидѣли и не переходя его, онъ остановился и сталъ смотрѣть на насъ. Я не обращалъ на него вниманія и продолжалъ разспрашивать моихъ собесѣдниковъ. Тѣ

отвѣчали мнѣ кивкомъ головы, покачиваніемъ ея, жестами. Вдругъ онъ, очевидно, обращаясь ко мнѣ, крикнулъ черезъ канаву:

— Не вѣрьте, все понимаютъ, врутъ, что не понимаютъ, притворяются только...

Черкесы посмотрѣли на него и такъ какъ онъ ничего не говорилъ больше, то опять отвернулись.

А онъ постоялъ немного и опять сказалъ:

— Это у насъ первые мошенники въ городѣ. И за чѣмъ ихъ только прислали сюда? Первые воры и обидчики... Ножы—кинжалы, по ихнему—вотъ только у нихъ отняли, а то бы они народъ еще тутъ начали рѣзать.

Онъ, очевидно, адресовался все ко мнѣ, но я не подавалъ и виду, что принимаю это къ себѣ, потому что было не менѣе очевидно, что онъ пьянъ и ему хочется затѣять, пользуясь тѣмъ, что онъ не одинъ здѣсь, а еще и я, скандалъ съ ними.

Онъ постоялъ еще нѣсколько времени, наконецъ, выбранилъ ихъ, какъ только могъ хуже, и пошелъ своей дорогой.

— Кто это?—спросилъ я осетина или мингрела (потому что на немъ была бурая баранья шапка), которому я далъ сигару и который показался мнѣ, что былъ самый догадливый и понятливый изъ всѣхъ изъ нихъ.

— Нѣтъ...—отвѣтилъ онъ. Потомъ, грустно покачалъ головой и проговорилъ:—русскій...

Когда, посидѣвъ еще немного съ ними, я всталъ, чтобы уходить, они всѣ дружно поднялись и встали передо мной, совсѣмъ не съ своей обычной восточной медленностью и лѣнью.

— Ну, прощайте, Богъ съ вами, что вы меня не пустили посмотрѣть ваше кладбище,—сказалъ я.

Они—одни взялись за шапки, другіе приложили къ груди руки—попрощались со мною и сейчасъ же опять всѣ сѣли, гдѣ кто изъ нихъ сидѣлъ.

Я пошелъ черезъ дорогу въ другую рощу, вотъ въ ту, изъ которой приходилъ человѣкъ. Эта была обнесена заборомъ, тесовымъ, низенькимъ, грязнымъ, полуразвалившимся, и сгнившимъ. На углу, у входа въ нее, изба не изба, домъ не домъ. Въ дверяхъ стояла грязная, прегрязная баба съ огромнымъ животомъ и на этомъ животѣ держала худыми, костлявыми руками ребенка лѣтъ двухъ или двухъ съ половиной. Ребенокъ кричалъ во все горло, а она его унимала, вся поглощенная любопытствомъ, что это, дескать, за баринъ идетъ—подходитъ къ ней.

— Что это, тетенька, за роща здѣсь у васъ?—спросилъ я ее.

— А это обчественный садъ будетъ.

— Это?!—удивился я.

— Этотъ самый.

— Стало быть можно въ него.

— Можно.

— Да тамъ никого нѣтъ, кажется? — сказалъ я, раздумывая, взойти ли въ него.

— Нѣтъ, тамъ вонъ ужъ три дѣвки гуляютъ,—кивнула она по направленію въ глубь сада.

Я посмотрѣлъ на нее. Она какъ-то странно это сказала.

— Теперь они скоро начнутъ набираться,—опять сказала она.

— Кто?

— Дѣвки.

— Какія?

— Городскія, наши... гулящія... Татары тоже набираться станутъ...

Къ воротамъ подошли еще двѣ нарумяненыхъ «дѣвицы» и, не безъ любопытства окинувъ меня, необычнаго посѣтителя, съ ногъ до головы, прошли въ «садъ». Вдали виднѣлось что-то въ родѣ пруда или какого-то озера, стояли полуразвалившіяся скамейки. Я тоже прошелъ въ садъ и сѣлъ у пруда на такую скамейку. Дѣвицы между тѣмъ начинали собираться и довольно дружно. То и дѣло входили по одной, по двѣ, по три. Начали немного погодя являться сюда и татары и степенно ходили по двое. по трое вмѣстѣ, посматривая на «дѣвицъ». «Дѣвицы», наломавши себѣ вѣтокъ молодыхъ березокъ, проходили между ними и этими березовыми вѣтками задѣвали ихъ. Татары ухмылялись и что-то отвѣчали имъ.

Было ужъ пять часовъ, мнѣ надо было поспѣть еще на молитву въ мечеть.

Проходя мимо бабы, теперь ужъ сидѣвшей на какомъ-то обрубкѣ у воротъ, я спросилъ ее:

— И это каждый день такъ?

— Каждый.

— И кромѣ «ихъ» никого тутъ не бываетъ?

— Никого,—отвѣтила она, утирая носъ ребенку.

XI.

Мечеть, минаретъ и гробница Али-Хана, находятся всѣ недалеко другъ отъ друга на высокомъ, крутомъ берегу Оки. Берегъ теперь застроенъ какими-то лачужками, развалившимися домиками, заборами, тутъ ростутъ изломанныя, исковерканныя ветлы, стоитъ какое-то полуразрушенное зданіе; но когда-то, вѣроятно, этого ничего тутъ не было, видъ должно быть отсюда былъ великолѣпный на Оку и на далеко растилающійся противуположный, низменный, луговой его берегъ. Широкая рѣка далеко ослѣпительно блестѣла подъ солнцемъ. Тянулись суда по ней, сплавлялся какой-то плотъ или лѣсъ,

на немъ виднѣлись красныя рубахи рабочихъ и на высокомъ шестѣ-мачтѣ вился узенькій длинный бѣлый флагъ.

Возлѣ мечети—высокаго двухъэтажнаго дома съ окнами въ два яруса и съ рѣшетками въ нихъ—разбитъ небольшой садикъ, обнесенный рѣшеткой. Было еще только половина шестого и никого еще изъ пришедшихъ молиться около мечети не было. Я походилъ кругомъ и присѣлъ недалеко на камень подъ огромной, безобразно-расщепленной бурей ветлой. Печать унынія, скуки и запустѣнія должно быть давно легла здѣсь на все. Тишина была мертвая кругомъ. Впереди площадь, обстроенная домами, и на этой площади ни души. Точно выморочный или брошенный жителями городъ... Я просидѣлъ такъ съ полчаса и наконецъ-то съ разныхъ сторонъ показались одинокія, медленно приближавшіяся фигуры мусульманъ въ бѣлыхъ чалмахъ и въ зеленыхъ халатахъ. Вскорѣ ими, однако, рѣдко усѣялась вся площадь и дорога къ мечети. Но ихъ было всего человѣкъ сорокъ—когда я ихъ пересчиталъ—такъ обманываютъ на видъ странныя одѣянія людей и ихъ яркіе цвѣта.

Между шедшими впереди всѣхъ я узналъ ахуна и рядомъ съ нимъ мальчика, его племянника. Когда они приблизились, они оба подошли ко мнѣ, и мы поздоровались за руки.

— Давно вы ужъ здѣсь?—тихимъ голосомъ спросилъ ахунъ.

Я сказалъ. Мальчикъ рѣзво повернулся на каблукахъ, т. е. на пяткахъ гладкихъ своихъ зеленыхъ сафьянныхъ сапоговъ. Ахунъ его остановилъ и что-то серьезно сказалъ ему. Подошедшіе, между тѣмъ, мусульмане-татары—всѣ въ зеленыхъ халатахъ и бѣлыхъ чалмахъ—съ любопытствомъ посматривали на меня, что-то говорили по своему между собою, а нѣкоторые изъ нихъ что-то спросили у ахуна.

— Вы скажите, пожалуйста,—сказалъ я ему,—если непріятно можетъ быть кому-нибудь, что я буду при молитвѣ въ мечети, или это почему-нибудь вообще считается у васъ нежелательнымъ,—я не пойду, я не желаю изъ простого любопытства кому бы то ни было мѣшать.

— Нѣтъ, нисколько,—спокойно отвѣтилъ ахунъ.

— Но можетъ есть такіе фанатики,—какъ у насъ, такъ и у васъ они есть,—которымъ это будетъ непріятно, что я, христіанинъ, присутствую, когда они молятся.

— Нѣтъ, нѣтъ,—успокоивая меня, повторилъ ахунъ.—Я бы вамъ сказалъ. Нѣтъ, мы ничего не имѣемъ... Ну-съ, пойдемте,—заключилъ онъ.

Мы вошли въ мечеть, мальчикъ, племянникъ ахуна, шелъ возлѣ меня. Онъ положительно полюбилъ меня, какъ это бываетъ съ дѣтьми, безъ всякой причины.

— Вотъ тутъ,—сказалъ онъ, указывая на мѣсто, гдѣ стояли какіе-то башмаки,—оставьте ваши калоши.

— А сапоги какъ же?

— Да вѣдь вы верхнюю обувь уже оставили. Вѣдь и они—онъ указалъ на мусульманъ—не съ босыми же, вы видите, ногами, чулки вѣдь все равно обувь, а они идутъ же въ нихъ.

— Вы скажите, вѣдь я не знаю, предупредите меня, что дѣлать.

— Идите, идите,—забѣгая по лѣстницѣ впереди меня, говорилъ онъ.

Мы поднялись во второй этажъ мечети. Полъ весь устланъ зеленымъ сукномъ. На сукнѣ сверхъ того лежитъ еще, порядкомъ-таки ужъ изношенный и истрепанный, выцвѣвшій старый персидскій коверъ. Эта—первая комната и довольно обширная. Изъ нея направо дверь въ слѣдующую, еще болѣе обширную. Я остановился у дверей, не входя въ нихъ.

— Тутъ вотъ и стойте,—сказалъ мнѣ шопотомъ мальчикъ.

Я сталъ у дверей, а онъ опустился возлѣ меня на колѣни.

— Можетъ и мнѣ надо стать на колѣни?—также шопотомъ спросилъ я его.

Онъ молча, отрицательно покачалъ головой, сдѣлалъ поклонъ въ землю и оттуда скосилъ глаза и взглянулъ на меня. Ему очевидно хотѣлось болтать, но... что дѣлать?..

Двое, трое мусульманъ остались почему-то въ этой же первой комнатѣ, опустились на колѣни и молились, а остальные всѣ прошли дальше, въ слѣдующую комнату съ бѣлыми подъ мраморъ оштукатуренными стѣнами и бѣлой мраморной нишей, передъ которой на колѣняхъ стоялъ ахунъ, а они тоже на колѣняхъ стали всѣ въ одинъ общій рядъ направо и налѣво отъ него. Прошло минутъ пять—полная тишина, безмолвіе, только шелестъ шелковыхъ зеленыхъ халатовъ, когда молящіеся клали поклоны и опять поднимались и садились на пятки, оставаясь все время стоять на колѣняхъ. Входившіе вновь, оставались на время въ первой комнатѣ, молились въ ней, тоже стоя на колѣняхъ, потомъ вставали и шли въ слѣдующую, гдѣ молились всѣ съ ахуномъ. Я стоялъ съ серьезнымъ лицомъ и посматривалъ на ряды молящихся: ихъ теперь было уже два ряда. Вдругъ, позади себя, я услыхалъ по мягкому полу крупные шаги вновь вошедшаго, невольно оглянулся и у меня въ головѣ мелькнуло сомнѣніе, что вотъ именно не такой ли это фанатикъ вошелъ, которыхъ смущать мнѣ не хотѣлось, и я вовсе не хотѣлъ, чтобы вышелъ изъ-за меня какой-нибудь скандалъ.

Вошедшій былъ громаднаго, колоссальнаго роста татаринъ лѣтъ тридцати съ рябымъ лицомъ, жиденькой бородкой и огромными черными глазами съ бѣлыми бѣлками, которыми онъ страшно вращалъ, глядя на меня. Онъ стоялъ, не проходилъ въ слѣдующую комнату и не опускался и здѣсь на колѣни.

«Самое лучшее отвернуться отъ него... А ну, если онъ кинется на меня?»—подумалъ я.

Но я все-таки отвернулся отъ него и сталъ смотрѣть впередъ, туда, гдѣ рядами стояли на колѣняхъ правовѣрные и, тихо покачиваясь, время отъ времени клали продолжительные земные поклоны. Наконецъ, онъ быстро, топая голыми пятками прошелъ мимо меня, черезъ плечо какъ-то смѣривъ всего меня съ головы до ногъ. Прошелъ и сталъ въ углу, на колѣняхъ. Пятки и подошвы грязныхъ босыхъ ногъ были колоссальны. Онъ постоялъ немного на колѣняхъ и тоже припалъ головой къ полу.

Вдругъ раздался какой-то общій, мучительный, тяжкій—тяжкій стонъ: «Алла—Алла—Алла!» Стоналъ ахунъ, а за нимъ всѣ молящіеся. Потомъ опять все стихло. Черезъ минуту снова стонъ—удручающе тяжелый, мучительный: «Алла—Алла—Алла!..» поклоны и снова тишина. Такъ продолжалось разъ пять или шесть. Потомъ ахунъ всталъ, постоялъ немного передъ нишей или каѳедрой—странно какъ-то это что-то у нихъ устроено—и затѣмъ пошелъ ко мнѣ. Остальные тоже встали вскорѣ и тоже стали выходить.

Я поклонился ахуну и сталъ его благодарить, что онъ мнѣ доставилъ случай видѣть ихъ молитву.

— Ну, вотъ вы видѣли теперь—это и все. Разумѣется, кромѣ нѣкоторыхъ обрядовъ, которые есть тоже у насъ, но ежедневная наша молитва—въ этомъ вотъ вся и заключается.

Молившіеся начали уходить, и такъ какъ мы стояли съ ахуномъ и мальчикомъ, его племянникомъ, въ дверяхъ первой комнаты, то всѣ они и проходили мимо насъ. Дошла очередь и до того огромнаго колоссальнаго татарина съ босыми ногами, который такъ смутилъ меня. Теперь проходя мимо насъ, онъ опять такъ же страшно, свирѣпо поводя бѣлками, посмотрѣлъ на меня. Но я ужъ, стоя рядомъ съ ахуномъ и дружески бесѣдуя съ нимъ, не боялся его.

— Кто это страшный такой? спросилъ я ахуна.—Я испугался даже его, когда онъ вошелъ.

— Отчего? о нѣтъ,—кротко улыбаясь, сказалъ ахунъ.—Это у него только видъ такой строгій.

— А не фанатикъ онъ какой у васъ?

Ахунъ только махнулъ рукой.

XII.

Мы вышли изъ мечети,—я не видалъ, заперъ ли ее кто послѣ насъ,—большая часть молившихся пошли по домамъ, а нѣсколько человѣкъ—я увидалъ ихъ ужъ на крышѣ—поднялись на минаретъ и оттуда смотрѣли на насъ.

— Вотъ-съ,—сказалъ мнѣ ахунъ, указывая на четыреугольное, сложенное изъ плитняка, зданіе съ круглой крышей, съ дверью безъ дверецъ, съ окномъ въ которое отсюда. снаружи, ничего не было видно внутрь—это и есть гробница Али-Хана.

Я былъ уже и раньше, одинъ, возлѣ этого домика, и теперь мы опять подошли къ нему.

— Тамъ внутри—да жаль что вотъ ключей нѣтъ—плита лежитъ съ надписями, вотъ въ окно можетъ быть видно,—сказалъ ахунъ.

Но мы посмотрѣли и ничего не увидали. Зданіе было почти въ разрушеніи и въ полномъ смыслѣ слова въ заброшенномъ видѣ.

— А вотъ-съ отсюда,—продолжалъ ахунъ, входя въ помѣщеніе, въ которомъ ханъ когда-то жилъ, или отдыхалъ, по крайней мѣрѣ, въ жаркое время.

Мы вошли въ домикъ съ другой стороны. Здѣсь была дверь, но разломанная и исковерканая. Ахунъ отворилъ ее, спустившись на нѣсколько ступень внизъ, и остановился. Я заглянулъ и тоже остановился.

— Святой отецъ, сказалъ я, что же это?!. Вѣдь ужъ это ваша вина.

Дѣло было въ томъ, что жилое помѣщеніе хана, т. е. полъ его, былъ буквально покрытъ нечистотами, мусоромъ какимъ-то, бумажками и среди всего этого уголья, головешки—потухшій костеръ.

— Чтожъ я подѣлаю?--безпомощно развелъ руками ахунъ.

— Да кто же долженъ за этимъ смотрѣть? Вѣдь сторожъ у васъ есть?

— Есть, да какіе это сторожа... Я обращался и къ городу и къ правительству—тутъ всего-то какихъ-нибудь двѣсти-триста рублей нужно, чтобы привести это все въ порядокъ, а вѣдь это историческій памятникъ.

— Позвольте, сказалъ я, да при чемъ же тутъ правительство? Тутъ, мнѣ кажется, ближе всего вашимъ же прихожанамъ-мусульманамъ позаботиться объ этомъ. Вѣдь мнѣ говорили, между здѣшними татарами, да я и самъ знаю, есть люди очень богатые, чуть не милліонеры.

Онъ безпомощно пожалъ плечами:

— Экіе негодяи, экіе свиньи,—повторялъ онъ, смотря на разбросанныя нечистоты на полу, на мусоръ.

— Кто же этимъ занимается? заводитъ здѣсь эту грязь?—спросилъ я его.

— Да кто? черкесы все,—отвѣтилъ онъ.

— Какіе? это вотъ что тамъ? на кладбищѣ?!—воскликнулъ я.

— Да, эти самые. Они сосланы сюда за какія-то мошенничества, разбои, и вотъ продолжаютъ и тутъ вести себя также.

— А чтожъ они у васъ на кладбищѣ дѣлаютъ?

— Да ничего. Они никогда ничего не дѣлаютъ.

— А не то, чтобы они караулили тамъ?

— Нѣтъ. А вы развѣ были тамъ?—полюбытствовалъ ахунъ.

Я разсказалъ ему, что они меня туда не пустили.

Онъ улыбнулся и покачалъ головой:—«странно дескать, не понимаю».

— Ну, а сюда-то они зачѣмъ же приходятъ?—сказалъ я.

— Да вотъ видите... Вотъ эти угли—это они значатъ ночью индюшекъ тутъ жарили. Какъ ночь, такъ они индюшекъ воровать. Зарѣжутъ, принесутъ сюда, разведутъ здѣсь костеръ, изжарятъ ихъ и съѣдятъ. Тѣмъ и живутъ...

— Да какъ же такъ имъ позволяютъ?

— Чтожъ вы съ ними подѣлаете?

— И много ихъ?

— Много. Человѣкъ десять кажется.

— И всѣ такіе?

Онъ махнулъ рукой.

Мы постояли сколько-то и пошли назадъ въ городъ.

— А вотъ, что я васъ хотѣлъ спросить,—сказалъ я.—Отчего это всѣ, кто былъ въ мечети, были въ зеленыхъ халатахъ. Ни одного не было въ обыкновенномъ платьѣ, въ которомъ всѣ, ваши же татары, здѣсь по улицамъ ходятъ?

Онъ пожалъ плечами.

— Да много ли и всѣхъ-то, въ халатахъ-то было?—и добавилъ: нѣтъ, это такъ случилось, приходятъ и въ разноцвѣтныхъ платьяхъ, и въ черныхъ, и въ синихъ—на это закона никакого нѣтъ. Все дѣло въ томъ, что въ мечеть все вѣдь только старики ходятъ молиться. Какъ у васъ, добавилъ онъ, въ обыкновенную заутреню или вечерню кого вы встрѣтите—старухъ однѣхъ да стариковъ. Такъ и у насъ.

— А теперь вотъ, святой отецъ, (я не зналъ какъ его называть), еще одинъ вопросъ: съ кладбища вашего, передъ тѣмъ какъ идти сюда, въ мечеть, я попалъ въ какого-то страннаго назначенія садъ, гдѣ, кромѣ извѣстнаго сорта женщинъ и татаръ, никого нѣтъ и никого, говорятъ, не бываетъ. Что это такое?

— Да вы видѣли?—останавливаясь на ходу, сказалъ ахунъ.

— Видѣлъ,—отвѣтилъ я.

Онъ молчалъ и смотрѣлъ на меня.

— Что же это? Учрежденіе это такое?—повторилъ я свой вопросъ.

— Должно быть учрежденіе,—отвѣтилъ онъ.

— Да вы-то развѣ не знаете?

— Я не знаю, какъ это мѣсто у васъ называется. Вѣдь и у васъ такія же «мѣста» есть. Я не знаю, что это у васъ считается учрежденіями или какъ они тамъ?..

Онъ это очень ядовито все вывелъ и проговорилъ. Я улыбнулся.

— Ну-съ, очень вамъ благодаренъ за все,—сказалъ я—ему дорога была идти направо къ себѣ, мнѣ налѣво,—когда слѣдующій разъ буду въ Касимовѣ, позвольте опять къ вамъ пріѣхать.

Онъ очень любезно нѣсколько разъ повторялъ приглашеніе, спросилъ, увижу ли я г. Селиванова, чтобы я ему кланялся и сказалъ, что онъ ждетъ его.

— Онъ говорилъ мнѣ, что хочетъ раскопки какія-то дѣлать,— сказалъ я.

— Да, это очень любопытно.

— Но тутъ вотъ, кромѣ того, что я видѣлъ, ничего нѣтъ оставшагося отъ старины?—ужъ такъ для очистки совѣсти еще разъ спросилъ я.

— Нѣтъ. Вотъ все, что вы видѣли.

— Это все, что осталось отъ касимовскаго царства?..

Онъ молча опустилъ голову.

Я попрощался съ нимъ, съ симпатичнымъ его мальчикомъ-племянникомъ, и мы разстались.

Когда я сѣлъ на дрожки и извозчикъ поѣхалъ, я оглянулся еще разъ, чтобы еще разъ раскланяться съ нимъ. Ахунъ шелъ къ себѣ не оглядываясь, а мальчикъ нѣсколько разъ часто-часто кивнулъ мнѣ головой.

XIII.

Есть преданіе, что касимовская мечеть построена царевичемъ Касимомъ. Но это едва ли такъ. По крайней мѣрѣ теперешняя мечеть зданіе архитектуры позднѣйшей. Можетъ быть, на этомъ мѣстѣ была раньше другая мечеть, и она вотъ и была построена Касимомъ — только ужъ никакъ не теперешняя. О теперешней есть даже весьма точное извѣстіе: во-первыхъ, въ мечети, надъ дверью вдѣланъ камень, выкрашенный зеленой краской, съ надписью: «(1768) года эту мечеть въ мѣсяцѣ рабиэль—авванѣ (іюнь—іюль) соорудили: Бектемиръ-Сеидъ, Бурханъ-Сеидъ, Ибрагимъ-Мурза-Чанышевъ, Абдулла-Мурза, Муси-Өеидъ, Мустафа-Сеидъ, Сулейманъ-Мурза, Темиръ-Булатъ-Сеидъ, Юсуфъ-Мурза-Чанышевъ, Муртаза-Сеидъ, Мухаммедъ-Сеидъ, Ибрагимъ-Мурза-Максютовъ, Якубъ-Мурза, Мусъ-Мурза-Деллетъ-Гальдѣевъ, Юсуфъ-Мурза, Ибрагимъ-Мурза-Максютовы, Мустафа-Мурза, Темиръ-Булатъ-Сеидъ-Шакуловъ». А во-вторыхъ, сохранился и документъ, изъ котораго видно, когда и кому разрѣшено было эту мечеть построить: «Указъ ея императорскаго величества самодержицы всероссійской изъ касимовской воеводской канцеляріи города Касимова татарской слободы сотнику Сеидъ-Бектемирову, сыну Шакулову.—Сего 1768 года февраля 13 дня въ присланномъ отъ его высокопревосходительства г. генералъ-маіора и кавалера и Воронежской губерніи губернатора Алексѣя Михаиловича Маслова въ касимовскую воеводскую канцелярію предложеніи написано: ея императорское величество имяннымъ изустнымъ ему указомъ сего мѣсяца 18 числа, высочайше повелѣть соизволила, по прошенію города Касимова, Мурза-Ибрагима-Чанышева, Бурхана-Шакулова, построить въ томъ городѣ татарамъ для молитвы ихъ мечеть; объявя сіе ея императорскаго ве-

личества повелѣніе, касимовской воеводской канцеляріи рекомендуетъ во исполненіе онаго, города Касимова татарамъ ту мечеть строить позволить и препятствія въ томъ имъ не чинить; и во исполненіе онаго предложенія въ касимовской воеводской канцеляріи опредѣлено: съ прописаніемъ онаго къ тебѣ, Шакулову, послать указомъ объявить, что онаго города Касимова татарамъ ту мечеть строить дозволяется, и тебѣ, Шакулову, учинить о томъ по сему ея императорскаго величества указу. Апрѣля 9-го дня 1768 года. На подлинномъ подписано: секундъ-маіоръ Николай Балбоковъ и поручикъ князь Василій Тонкачеевъ. Секретарь Иванъ Лопухинъ. Канцеляристъ Федоръ Поповъ». Годъ и имена надписи на камнѣ въ мечети совершенно совпадаютъ съ именами и годомъ указа. Значитъ, мечеть эта строена не Касимомъ; но, какъ сказано, Касимъ могъ быть строителемъ другой мечети, бывшей ранѣе этой и построенной на этомъ же самомъ мѣстѣ. На это есть указаніе у Палласа, бывшаго въ Касимовѣ какъ разъ въ томъ же 1768 году, когда строилась Шакуловымъ новая, теперешняя мечеть. Говоря о старинномъ минаретѣ (который цѣлъ до сихъ поръ), онъ замѣчаетъ, что это остатки отъ старой «разоренной мечети, которая нынѣ съ высочайшаго позволенія опять строится». Онъ упоминаетъ даже о кирпичахъ, изъ которыхъ эта старая мечеть была выстроена, «длиною они были 13 дюймовъ».

По преданію, Касимомъ же былъ построенъ и ханскій дворецъ. Но отъ него ужъ ничего не осталось. И объ немъ упоминаетъ Палласъ: «изъ такого же известковаго камня (какъ и тотъ, изъ котораго построенъ сохранившійся до сихъ поръ минаретъ) состоятъ и прочіе татарскаго строенія остатки близь мечети въ саду находящіеся и заборомъ обнесенные. Кажется, что на семъ мѣстѣ былъ дѣйствительно дворецъ здѣшнихъ хановъ, и отъ прежняго каменнаго строенія пребыли до новѣйшихъ временъ большія со многими готскими фигурами и арабскими надписями украшенныя ворота, также продолговатый четыреугольный домъ, и такимъ же образомъ обнесенное кладбище знатныхъ татаръ, отъ коего недалеко находится и кладбище простолюдинцевъ. Для нѣкоторыхъ причинъ недавно сломаны помянутыя ворота, и по большей части употреблены на жженіе извести, такъ что я могъ еще видѣть только остатки, а особливо кровельные рѣзные подзоры и перемочки. Ханскій домъ тоже сломали и оставили только основаніе футовъ на пять вышиною, для построенія на ономъ деревянныхъ жилыхъ покоевъ. Сіе строеніе было отъ сѣвера къ югу, было въ длину нѣсколько больше 32 аршинъ, а въ ширину больше осьми аршинъ съ половиною. На каждомъ концѣ пристроена узкая часть длиною въ 16 футовъ. Въ сѣверной пристройкѣ есть ходъ въ сдѣланный съ уступами на узкой подземный и подъ всѣмъ строеніемъ простирающійся съ толстыми сводами погребъ, въ которомъ отъ проходящей сквозь

сводъ воды, рождаются окаменѣлыя малыя изъ капель сосульки съ водяными концами, или такъ называемый сталактитъ».

Лучше всего сохранилась отъ дальнихъ лѣтъ въ Касимовѣ текія (мавзолей) Шахъ-Али, любимца и сподвижника Ивана Грознаго, о которомъ выше было сказано ужъ. Объ этой текіи въ «Изслѣдованіи о Касимовскихъ царяхъ и царевичахъ» (Труды восточнаго отдѣленія императорскаго археологическаго Общества) В. В. Вельяминова-Зернова имѣется чуть ли не цѣлый рефератъ. Вообще, чрезвычайно добросовѣстный и обстоятельный изслѣдователь, удивляющій своимъ терпѣніемъ при разборѣ и сличеніи не только надписей на камняхъ, но въ подборѣ даже кусочковъ, обломковъ, осколковъ этихъ камней, — называетъ текію Шахъ-Али замѣчательнымъ памятникомъ. Онъ придаетъ ему большое значеніе и потому съ особеннымъ вниманіемъ и тщательностью собралъ все, что только могъ найти гдѣ-нибудь объ этомъ памятникѣ. Самое древнее описаніе текіи сдѣлано Палласомъ. «Въ юговосточную сторону отъ сего строенія (т. е. отъ остатковъ дворца Касимовскихъ хановъ) находится ханское кладбище въ саду хозяина (теперь я ужъ никакого сада тамъ не нашелъ, исключая маленькаго садика вокругъ самой мечети. Текія стоитъ окруженная выбоинами, ямами, наполненными мусоромъ и въ такомъ вотъ порядкѣ, какъ я говорю) и понынѣ еще не разрушена. При ономъ ничего не видно готскаго; но состоитъ только изъ продолговатыхъ четвероугольныхъ толстыхъ, кромѣ простого карниза никакого украшенія неимѣющихъ, стѣнъ, складенныхъ изъ гладко отесанныхъ камней. На западномъ концѣ онаго находится небольшой пустой, приватный для моленія по магометанскому обычаю назначенный покой со входомъ при западной стѣнѣ, и съ малымъ окномъ на сѣверной сторонѣ; а оный покой устланъ неотесаннымъ дикимъ камнемъ. Прочую часть занимаетъ сводъ или погребъ, въ которомъ находятся надгробные камни. Поверхъ сводовъ пустая часть засыпана землею, на которой нынѣ ростетъ калина (и калина теперь ужъ не ростетъ!..). Все строеніе отъ востока къ западу длиною больше 20, шириною больше 11, а вышиною до 7 аршинъ. Внутри малаго погреба, считая отъ востока къ западу, немного шире четырехъ аршинъ съ половиною. Въ большой погребъ сдѣланъ входъ съ южной стороны почти въ срединѣ всего строенія и, слѣдовательно, безъ простѣнка между погребами. Помянутый входъ снаружи до полутора, а извнутри больше двухъ аршинъ шириною, и сдѣланъ на подобіе воротъ, но не видно слѣдовъ, чтобы прежде были крючья, на которыя навѣшиваютъ двери».

«Въ текіи со двора надъ дверью вмазана каменная доска, на которой красивымъ арабскимъ почеркомъ вырѣзана слѣдующая надпись: «Строитель и собственникъ этого зданія Шахъ-Али-Ханъ, сынъ Шейхъ-Ауляръ-Султана, 21-го числа мѣсяца рамазана 962 г. (т. е. 9-го августа 1555 г.). Богъ; нѣтъ Бога кромѣ Него, Бога

живого и Бога сущаго. Имъ не овладѣваютъ ни дремота, ни сонъ. Ему принадлежитъ все, что на небесахъ, и все, что на землѣ. Кто можетъ быть предъ Нимъ заступникомъ, иначе какъ съ Его разрѣшенія? Онъ знаетъ будущее и прошедшее, и люди изъ того, что онъ вѣдаетъ, постигаютъ только то, что Онъ самъ захотѣлъ открыть имъ. Престолъ его простирается надъ небомъ и землею, и Ему ничего не стоитъ оберегать ихъ. Онъ всевышній и великій».

«Внутри комнаты (описаніе, сдѣланное Хуссейномъ-Феизъ-хановымъ, ѣздившимъ нарочно въ Касимовъ, въ 1860 г., по порученію императорскаго археологическаго Общества) посрединѣ, сдѣланы изъ земли и щебня три продолговатыхъ возвышенія, каждое съ обоихъ боковъ о двухъ ступеняхъ. Возвышенія эти обращены длиннымъ фасомъ къ двери. Въ головахъ и въ ногахъ каждаго изъ нихъ стоитъ по камню. Камни эти различной величины; цѣльныхъ между ними нѣтъ, а всѣ они либо обломки, либо смазаны изъ нѣсколькихъ кусковъ. Еще три высокихъ смазанныхъ камня стоятъ просто у правой стѣны комнаты. Всѣ камни, числомъ 9, исчерчены украшеніями и надгробными надписями арабскими и татарскими. Возвышенія, очевидно, изображаютъ гробницы, а камни служатъ надгробными памятниками». Камни эти всѣ перебиты, между возвышеніями валяются во множествѣ осколки отъ нихъ. Впослѣдствіи кто-то смазывалъ эти камни и сдѣлалъ это неряшливо, даже безграмотно: смазаны куски отъ разныхъ совершенно камней. «Какъ бы нехотя, говорится у Хуссейна, приходишь къ тому заключенію, что комната, гдѣ стоятъ гробницы, была въ старину устроена иначе чѣмъ теперь, и что чья-то рука, и вдобавокъ рука человѣка не знающаго, коснулась ея».

«Въ подвалѣ текіи ничего нѣтъ. На полу въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны продушины величиною въ кирпичъ. Думать должно, что подъ поломъ находится еще другой подвалъ. Мѣстные жители утверждаютъ, что этотъ нижній подвалъ дѣйствительно существуетъ и что изъ него ведетъ подземный ходъ въ мечеть».

Въ текіи восемь гробницъ—Шахъ-Али-Хана и его родственниковъ и родственницъ. Оригинальны надписи на нихъ, переведенныя муллою Хусеиномъ. Вотъ надпись на камнѣ, надъ гробницей Шахъ-Али-Хана: «Сказалъ Господь преблагословенный и всевышній: Предъ Богомъ Іисусъ тоже, что Адамъ. Адама Онъ создалъ изъ праха, потомъ сказалъ ему: будь и тотъ былъ. Сказалъ Господь преславный и всевышній: Все что ни есть въ мірѣ, то должно погибнуть; вѣчно одно лицо Господа твоего, полное величія и славы. Сказалъ Господь преславный и всевышній: Всякая душа должна вкусить смерти; затѣмъ къ нимъ возвратитесь. Сказалъ Господь преславный и всевышній: Не вѣдаетъ никто въ какой странѣ онъ умретъ. Сказалъ пророкъ: Да будетъ надъ нами миръ: Міръ сей—падаль, а ищущіе его—собаки. Сказалъ пророкъ: Да будетъ надъ

нами миръ. Жизнь человѣческая скоропреходяща; употребляй ее на дѣла угодныя Богу. Сказалъ пророкъ: Да будетъ надъ нами миръ: Міръ сей есть поле, на которомъ сѣются сѣмена для будущей жизни. Въ 974 году случилось то, что сынъ Шейхъ-Ауліаръ-Султана, Шахъ-Али-Ханъ, 61 года отъ рожденія, мѣсяца шевлаля въ 10-й день (20-го апрѣля 1567 г.) въ понедѣльникъ, переселился изъ сего міра въ жизнь вѣчную». На оборотной сторонѣ: «Памятникъ этотъ юджунъ Магъ-султанъ-ханика для своего баба Шахъ-Али-Хана, памятникъ этотъ поставилъ».

Всѣ эти изреченія частью или полностью съ маленькими варіантами повторяются на всѣхъ надгробныхъ камняхъ не только въ Шахъ-Аліевой текіи, но и вообще на касимовскихъ надгробныхъ татарскихъ плитахъ. Такъ на плитѣ, находящейся на старопосадскомъ кладбищѣ надъ могилой хана Уразъ-Мухамеда, убитаго въ Калугѣ, самозванцемъ лже-Димитріемъ вторымъ, котораго въ свою очередь въ отмѣстку за хана убилъ Урусовъ, оно повторяется почти буквально. Памятникъ этой, разбитой на два куска, плиты валяется посреди кладбища.

XIV.

Солнце сѣло. Быстро набѣгали сумерки. Пока я съѣздилъ домой, въ гостинницу, уложилъ и завязалъ распакованный чемоданъ, стало ужъ совсѣмъ темно. Въ восемь часовъ я поѣхалъ въ клубъ.

Это очень просторное для такого захолустнаго уѣзднаго городка, какъ Касимовъ, помѣщеніе. Въ сѣняхъ былъ поставленъ столикъ, за которомъ неучаствующіе въ спектаклѣ артисты труппы продавали билеты на сегодняшнее представленіе. На лѣстницѣ, что вела изъ сѣней на верхъ, уже толпилась, въ ожиданіи начала, взявшая билеты и пропущенная публика.

— Сэргэй Ныколаевичъ!—вдругъ услыхалъ я позади себя.

Я оглянулся — Ахметка отъ Дюссо.

— Какъ изволыли къ намъ въ Касымовъ попасть?—весело, почти радостно улыбаясь, спрашивалъ давнишній знакомый лакей-татаринъ.

Я сказалъ, какъ попалъ къ нимъ.

— И утромъ уэзжаетэ?—Чтожъ такъ мало погостили у насъ?

— Да чтожъ у васъ больше дѣлать?

Немного поднявшись еще наверхъ, я встрѣтилъ еще знакомаго татарина отъ Бореля. Опять тотъ же вопросъ высказанный съ такимъ же радостнымъ удивленіемъ...

— Вы чтожъ, члены здѣсь въ клубѣ?—спросилъ я этого.

— Нэту, Сэргэй Ныколаевичъ, а такъ какъ мы тутъ на побывкѣ, и сами изволите видѣть, скука здѣсь у насъ какая, то и пришли посмотрѣть на представленіе.

И такимъ образомъ я встрѣтилъ тутъ человѣкъ пять или шесть лакеевъ изъ хорошихъ петербургскихъ ресторановъ. Они всѣ пріѣхали сюда на побывку и пришли съ женами смотрѣть въ клубѣ спектакль.

— А какъ же, это ничего, что вы съ женами тутъ? — спросилъ я.

— А что же такое?

— А если ахунъ узнаетъ?

— Чтожъ онъ можетъ съ нами подѣлать?

— Да ужъ я не знаю. Развѣ это у васъ разрѣшено?..

— Это все, Сэргэй Ныколаевичъ, глупости, одно невѣжество,— отвѣчалъ очень разсудительно Абдулка или Ахметка какой-то.

Несомнѣнный прогрессъ, которому такъ радовался утромъ въ разговорѣ со мною исправникъ...

Публика сибиралась все сѣренькая—купцы, чиновники, чиновницы; нѣсколько татаръ въ чуйкахъ и въ ермолкахъ, очевидно, здѣшніе, туземцы, а не пріѣзжіе откуда-нибудь лакеи. Чиновники и чиновницы очень внимательно и съ видимымъ недоумѣніемъ осматривали меня—новое лицо, откуда я попалъ къ нимъ?

Спектакль не начинался и даже по всему можно было заключить, что онъ начнется еще не скоро, а между тѣмъ, было уже девять часовъ. Наконецъ, явился Михаилъ Павловичъ—исправникъ съ женой и еще какой-то дамой...

— Позвольте васъ представить женѣ?—сказалъ онъ и представилъ меня.

— Ну что осмотрѣли вы все, были въ мечети? познакомились съ ахуномъ?

— Какъ же-съ, все видѣлъ.

— Видѣли гробницу Али-Хана?

— Видѣлъ.

— Это замѣчательно древній памятникъ. Это рѣдко какой такъ хорошо сохранился.

«Сказать ему, подумалъ я, какъ онъ у нихъ сохраняется»,—и сказалъ.

— Ахъ, эти негодяи черкесы!—Вы не повѣрите, что съ ними возни!

— Да отчего вы имъ дѣла никакого не дадите?

— А что они умѣютъ дѣлать?

— Ну, да мало ли что? Ну, сидѣли бы да чулки вязали, помните, какъ прежде, бывало, старые дворовые ихъ вязали?

Онъ расхохотался и, взявъ меня подъ руку, повелъ въ залъ.

— Много съ ними возни и самый все негодящій народъ,—продолжалъ онъ.

Въ залѣ—мы говорили въ комнатѣ передъ заломъ—послышался колокольчикъ.

— А! — звонятъ. Сейчасъ начинается, — сказалъ исправникъ.

Въ залѣ вся публика ужъ сидѣла на своихъ мѣстахъ и ожидала, когда поднимутъ занавѣсъ. Колоссальныхъ размѣровъ афишки были почти у каждаго въ рукахъ и всѣ читали ихъ, точно старались выучить наизусть всѣ имена дѣйствующихъ лицъ и актеровъ труппы.

— Вотъ тутъ одна, — шепнулъ мнѣ исправникъ, — которая будетъ играть «Марьицу», замѣчательная артистка — эта не испортила бы и столичной сцены.

Наконецъ занавѣсъ подняли и начался спектакль... Съ каждой четвертью часа въ залѣ становилось все душнѣе и душнѣе. Изъ смежной съ заломъ комнаты доносился запахъ невозможнаго табаку. Обливаясь потомъ, артисты играли съ замѣчательнымъ усердіемъ, и публика цѣнила ихъ игру, награждая ихъ то и дѣло аплодисментами. Насталъ, наконецъ, антрактъ.

— Ну, что? Какъ ихъ находите? — кивая на сцену, спросилъ меня исправникъ.

— Хорошо. Сцена только мала, не гдѣ имъ развернуться, — отвѣчалъ я.

— Ну, батюшка, хорошо, что и эдакая-то есть. Гдѣ тутъ претендовать на сцену.

Я не обѣдалъ, цѣлый день съ утра ничего не ѣлъ, кромѣ какой-то сухой, невѣроятно соленой колбасы и сардинокъ, и теперь намѣревался воспользоваться тѣмъ, что попалъ въ клубъ, чтобы хорошенько поплотнѣе поужинать...

— Пожалуйста, — пройдя въ буфетъ, спросилъ я у буфетчика, стоявшаго за прилавкомъ передъ графинами водки, бутербродами и печеными, облупленными яйцами, — дайте мнѣ карточку кушаній.

Онъ посмотрѣлъ на меня и, кротко улыбаясь, склонивъ нѣсколько голову на бокъ, отвѣчалъ:

— У насъ кухни нѣтъ-съ.

— Какъ? въ клубѣ?

— Нѣтъ-съ... Не стоитъ-съ и держать. Трехъ порцій въ день ни спросятъ. Вотъ это идетъ, — онъ указалъ рукой на водку и закуски, — а кушаній никто и не спрашиваетъ...

Я стоялъ передъ нимъ нѣсколько въ неловкомъ положеніи: «что-жъ, думалъ я, я буду дѣлать теперь? Опять бутерброды развѣ и яйца?..» И спросилъ:

— Такъ дайте пожалуйста вотъ яичекъ этихъ да вотъ этихъ бутербродовъ.

— И вѣдь-съ какіе здѣсь господа члены строгіе — вотъ-съ вы, я вижу, пріѣзжій, не здѣшній — такъ не повѣрите, можетъ быть: только возьми у нихъ кто держать буфетъ, возьми попробуй, и начнутъ штрафовать да штрафовать, — говорилъ, подавая самъ мнѣ яйца и бутерброды, буфетчикъ.

— Да какъ же васъ не штрафовать, когда у васъ ничего нѣтъ?—отвѣчалъ я ему съ досадой.

— Нѣ-ѣтъ-съ, меня-то имъ нельзя штрафовать, я вѣдь не такой, не на такого они наскочили! я кухню-то у нихъ не снялъ, а я снялъ только буфетъ одинъ—водки, закуски,—какъ бы въ успокоеніе мнѣ говорилъ онъ,—нѣтъ-съ, я вѣдь это тоже знаю-съ!..

Проходившій мимо меня Ахметка отъ Бореля или Абдулка отъ Дюссо, увидавъ, что я ѣмъ яйца и бутерброды, остановился передо мной, и, въ качествѣ публики, фамильярно-участливо сказалъ:

— Проголодаться изволили, Сэргэй Ныколаевичъ, кушать захотѣли?..

— Какъ вамъ не стыдно,—отвѣчалъ я,—всю жизнь вы всѣ у такого дѣла, у ѣды, а сами не можете завести у себя порядочной гостинницы въ городѣ.

— Это точно-съ. Только для кого? Кому здѣсь? Развѣ это такой городъ, какъ вотъ другіе есть города, къ примѣру...

За Абдулкой подошелъ Атаулка, за Атаулкой Ахметка и они всѣ опять собрались передо мною.

— Вѣдь и это? Вѣдь, изволите видѣть, развѣ эдакое яйцо,—указывая рукой на поданныя мнѣ яйца, говорилъ Ахметка,—оно наполовину пустое—можно господамъ въ Петербургѣ подать?

— Господъ тутъ почти нѣтъ.

— Какіе здѣсь господа? одинъ за другимъ говорилъ Абдулка' Атаулка.

— Да вѣдь есть же люди, живутъ же здѣсь люди, которые привыкли хоть свѣжее-то ѣсть?

— А эти дома всѣ питаются.

Я наѣлся яицъ, бутербродовъ и спросилъ себѣ стаканъ чаю. Ко мнѣ подошелъ исправникъ.

— Закусили?—спросилъ онъ.

— Закусилъ-съ,—отвѣчалъ я.

— Хорошо идетъ. Вы вотъ этого дѣйствія не смотрѣли, а замѣчательно шло...

Меня взяла удручающая скука. Вонь, грязь, дымъ, какое-то жалкое ломанье на сценѣ. «Я поѣду, подумалъ я, на пароходъ тамъ и буду ночевать». Но сейчасъ же вспомнилъ, что пароходъ придетъ только еще въ три часа утра, а до той поры не куда дѣваться, если не хочу ѣхать къ себѣ въ номеръ, въ гостинницу, еще болѣе грязную и вонючую, чѣмъ этотъ клубъ. Я посмотрѣлъ на часы—было около двѣнадцати.

— Тутъ рано у васъ кончается?—спросилъ я кого-то.

— Нѣтъ-съ, поздно. Часа въ два сегодня кончится не раньше.

Я рѣшился дожидаться и даже былъ доволенъ, что могу досидѣть здѣсь до прихода парохода.

И безъ того длинная пьеса—«Каширская Старина»—тянулась

здѣсь ужасно, антракты безбожные, по получасу и болѣе. Я ужъ и ходилъ пьесу смотрѣть, и въ «библіотекѣ» сидѣлъ — получается нѣсколько журналовъ и газетъ, и все еще было много времени впереди. Спектакль и потомъ какой-то еще дивертисементъ съ танцами и пѣніемъ затянулись до половины третьяго. Наконецъ, все кончилось. Всѣ начали уходить. На крыльцѣ, прощаясь ужъ совсѣмъ съ исправникомъ, я услыхалъ длинный и продолжительный свистокъ гдѣ-то тамъ, вдали.

— Вашъ пароходъ подходитъ, на которомъ вы поѣдете, — сказалъ онъ мнѣ.

Ночь была темная — темная, на небѣ ни одной звѣздочки, въ воздухѣ пахло дождемъ. Я взялъ извозчика и поѣхалъ за чемоданомъ въ гостинницу, а оттуда ужъ прямо на пароходъ — спать.

«Царство было, думалъ я, спускаясь по косогору къ пристани, и что отъ него осталось, что такое оно теперь—разсадникъ лакеевъ для московскихъ и петербургскихъ французскихъ ресторановъ... Уѣздный городъ Касимовъ»...

Небо начало съ одного края бѣлѣть. Накрапывалъ мелкій, тихій дождикъ. Я посмотрѣлъ съ парохода на городъ, на высокую гору—кручь, на которой онъ стоитъ, и пошелъ внизъ, въ каюту къ себѣ спать.

С. Терпигоревъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I И ПРУССКІЙ ДВОРЪ.[1]

V.

Ольмюцкая капитуляція.

ОДОЛѢВЪ революцію, король Фридрихъ-Вильгельмъ, однако, и не думалъ о возвращеніи къ до-революціонному порядку. Онъ даровалъ странѣ конституцію весьма либеральную и присягнулъ ей на вѣрность. Причину такого поведенія слѣдуетъ искать въ зародившемся въ немъ честолюбивомъ замыслѣ: воспользоваться состояніемъ броженія, въ коемъ находилась Германія, а также внутреннимъ замѣшательствомъ Австріи, чтобы осуществить идею нѣмецкаго единства подъ главенствомъ Пруссіи. Король хотя и не принялъ императорской короны, предложенной ему франкфуртскимъ собраніемъ, но вступилъ въ переговоры съ второстепенными германскими правительствами объ учрежденіи такъ называемой «Уніи», или союзнаго государства, въ коемъ исполнительная власть принадлежала бы Пруссіи. Онъ какъ бы считалъ себя уже полнымъ хозяиномъ въ Германіи. Одна часть прусскихъ войскъ подавляла республиканскія вспышки въ Саксоніи, въ Баденѣ, въ Палатинатѣ; другая возобновляла войну съ Даніей, съ цѣлью отторженія отъ нея Голштиніи и Шлезвига, во имя народнаго нѣмецкаго начала.

Такая политика не могла быть одобрена императоромъ Николаемъ. Уже раннею весною 1849 года онъ высказалъ свой взглядъ

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXI, стр. 607.

на нее чрезъ возвращавшагося въ Берлинъ генерала Рауха, много лѣтъ бывшаго прусскимъ военнымъ уполномоченнымъ въ Петербургѣ и до такой степени пользовавшагося довѣріемъ и расположеніемъ государя, что нашъ посланникъ при берлинскомъ дворѣ баронъ Мейендорфъ, прозвалъ его «ангеломъ хранителемъ короля предъ престоломъ русскаго императора». Рауху поручено было напомнить прусскимъ министрамъ, что Россія не допуститъ измѣненія въ отношеніяхъ эльбскихъ герцогствъ къ датской монархіи, признавая таковое за нарушеніе договоровъ 1815 года. Одновременно наши военные корабли появились въ виду Киля, и тогда, во второй разъ, прусскія войска очистили Ютландію и даже Шлезвигъ. Въ маѣ, государь въ собственноручномъ письмѣ выставилъ на видъ королю непослѣдовательность его дѣйствій, доказывая, что нельзя въ одно и то же время подавлять революцію въ сосѣднихъ нѣмецкихъ государствахъ и пользоваться ея услугами для доставленія Пруссіи преобладающаго положенія въ Германіи. Осенью императорскій кабинетъ объявилъ берлинскому, что Россія ни въ какомъ случаѣ не допуститъ исключенія Австріи изъ Германіи, что для насъ постановленія Вѣнскаго конгреса не потеряли своей обязательной силы и что мы считаемъ союзный сеймъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ установленъ заключительнымъ актомъ означеннаго конгресса, единственнымъ законнымъ представителемъ Германскаго Союза. Увѣряютъ, будто энергическія представленія русскаго двора до того раздражили Фридриха-Вильгельма, что онъ въ порывѣ досады воскликнулъ: «я покажу императору на что способенъ король прусскій и что Германія въ силахъ сама распоряжаться собою».

Понятно, что и государь, въ свою очередь, все болѣе и болѣе возстановлялся противъ своего зятя, котораго въ довѣрительной бесѣдѣ съ англійскимъ посломъ называлъ «фантазёромъ выводящимъ его изъ терпѣнія». При извѣстной слабохарактерности Фридриха-Вильгельма, онъ перемѣну происшедшую въ направленіи его политики приписывалъ окружающимъ его «бандитамъ», разумѣя подъ этимъ именемъ Радовица, Бунзена и другихъ прусскихъ поборниковъ германской національной идеи. Въ великодушіи своемъ, онъ не допускалъ возможности борьбы между двумя своими ближайшими союзниками, считая ее братоубійственною. «На полѣ сраженія», говорилъ онъ, «на которомъ сойдутся Австрія и Пруссія въ видѣ противниковъ, появлюсь и я со своею арміею и стану между ними. Я посмотрю въ состояніи ли я воспрепятствовать этой истинно нѣмецкой ссорѣ (querelle allemande)». Въ маѣ 1850 года онъ призвалъ обѣ стороны на судъ къ себѣ, въ Варшаву. Представителемъ Австріи явился туда первый министръ, князь Шварценбергъ, Пруссіи—принцъ Вильгельмъ. Государь былъ непріятно пораженъ жаромъ, съ которымъ послѣдній защищалъ передъ нимъ

«народное германское дѣло», т. е. единство Германіи. Оказалось, что со времени пребыванія въ Англіи, весною 1848 года, въ образѣ мыслей принца прусскаго произошла совершенная перемѣна. Подъ вліяніемъ Альберта Кобургскаго, мужа королевы Викторіи, а также и Бунзена, принцъ Вильгельмъ рѣшительно перешелъ на сторону приверженцевъ конституціонной свободы внутри Пруссіи и народной объединительной политики извнѣ. По возвращеніи въ Берлинъ, онъ принялъ выборъ въ депутаты и занялъ мѣсто въ учредительномъ ландтагѣ. Онъ совѣтовалъ брату своему не отказываться отъ императорской короны, поднесенной франкфуртскимъ парламентомъ[1]); а когда возникъ проектъ о созданіи «Уніи», то сдѣлался горячимъ его сторонникомъ и защитникомъ.

Варшавскія совѣщанія не привели къ примиренію противниковъ. Отношенія между ними обострялись съ каждымъ днемъ и грозили перейти въ открытую борьбу. Составитель проекта «Уніи», генералъ Радовицъ, назначенъ былъ прусскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и принялся усердно проводить свои политическіе планы. Австрія, покончивъ благодаря русской помощи со своими затрудненіями въ Венгріи и Италіи, не была расположена долѣе терпѣть посягательства Пруссіи на ея преобладающее положеніе въ Германіи. Войска обѣихъ сторонъ уже стояли другъ противъ друга въ Гессенъ-Касселѣ, гдѣ Пруссія вступилась за народное собраніе, Австрія же отстаивала державныя права курфирста. Императоръ Николай сдѣлалъ послѣднюю попытку мирно разрѣшить споръ. Въ октябрѣ, онъ снова пригласилъ въ Варшаву представителей дворовъ вѣнскаго и берлинскаго. Король хотѣлъ было послать туда Радовица, но русскій посланникъ отстранилъ этотъ выборъ, прямо заявивъ, что министръ иностранныхъ дѣлъ не пользуется довѣріемъ «его императорскаго величества» и прусскимъ уполномоченнымъ назначенъ былъ предсѣдатель совѣта министровъ генералъ графъ Бранденбургъ. Государь откровенно высказался предъ нимъ и австрійскимъ представителемъ княземъ Шварценбергомъ. Онъ поддержалъ требованія послѣдняго, не ради пристрастія къ Австріи, а потому что вѣнскій дворъ стоялъ на почвѣ договоровъ 1815 года, тогда какъ Пруссія добивалась ихъ измѣненія въ свою пользу и при томъ революціонными средствами. Такъ она открыто покровительствовала въ Гессенъ-Касселѣ и Шлезвиго-Голштиніи подданнымъ, воставшимъ противъ своихъ государей и заслуживавшимъ, чтобы съ ними обошлись какъ съ мятежниками, по всей строгости закона. Принципъ народнаго представительства при германскомъ союзномъ сеймѣ былъ также противенъ трактатамъ, какъ

---

[1]) Объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельство Генриха Гагерна, писавшаго Бунзену отъ 2-го (14) февраля 1849 года: «принцъ прусскій стоитъ за насъ рѣшительно и твердо».

и притязаніе Пруссіи на дозволеніе ей вступать въ частные союзы съ нѣмецкими государствами или раздѣлить съ Австріею предсѣдательство въ сеймѣ. Въ заключеніе государь обѣщалъ австрійскому правительству въ гессенъ-кассельскомъ дѣлѣ свое нравственное содѣйствіе, а въ шлезвиго-голштинскомъ и матеріальную помощь.

Пруссія вынуждена была смириться. Въ чрезвычайномъ совѣтѣ, созванномъ королемъ, одинъ принцъ прусскій настаивалъ на необходимости сопротивленія. Всѣ прочіе министры высказались въ пользу уступокъ. Со слезами на глазахъ, уволилъ Фридрихъ-Вильгельмъ генерала Радовица отъ завѣдыванія иностранными дѣлами, и убѣдясь, что не найдетъ поддержки ни въ одной изъ великихъ державъ, не исключая и Англіи, на которую онъ особенно расчитывалъ—далъ свое согласіе на австрійскій ультиматумъ. Конвенція, заключенная въ Ольмюцѣ между княземъ Шварценбергомъ и барономъ Мантейфелемъ, при посредничествѣ переведеннаго изъ Берлина въ Вѣну русскаго посланника барона Мейендорфа, запечатлѣла отреченіе Пруссіи отъ стремленія къ преобладанію въ Германіи и полное возвращеніе Германскаго Союза къ порядку, установленному договорами 1815 года.

Въ другомъ мѣстѣ мы разсказали взрывъ негодованія, встрѣтившій извѣстіе объ ольмюцской «капитуляціи» во всей Германіи и въ особенности въ Пруссіи, не исключая и высшихъ правительственыхъ и дипломатическихъ круговъ. Тамъ же изложили мы и программу отмщенія, измышленную прусскими націоналами и либералами, отмщенія Австріи, но еще болѣе чѣмъ Австріи, Россіи, которую едва ли не одну обвиняли они во всѣхъ бѣдахъ, обрушившихся на ихъ головы[1]). Замѣчательно, что и до сего времени не изгладилась злоба историковъ и публицистовъ этого лагеря на насъ за искреннія усилія императора Николая предупредить междоусобную войну въ Германіи. «Россія»,—утверждаютъ они,—«шла далѣе по пути, на который вступила, съ наглостью, неиспытанною нами современъ грубаго корсиканскаго императора, и коей мы тщетно старались бы подыскать примѣръ въ новѣйшей исторіи европейскихъ государствъ»[2]). При этомъ они умышленно упускаютъ изъ виду, что вся дѣятельность Наполеона была исключительно направлена къ ниспроверженію законнаго международнаго порядка, основаннаго на историческомъ правѣ и договорахъ, т. е. того именно, для поддержанія и утвержденія чего въ Европѣ напрягалъ всѣ свои силы императоръ Николай.

Но спѣшимъ оговориться, что король Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ иного мнѣнія. Революція и ея послѣдствія были для него

---

[1]) См. книгу мою: «Внѣшняя политика императора Николая I», стр. 117 и слѣд.
[2]) См. упомянутую выше книжку «Berlin und Petersburg», стр. 29 и 30.

тяжкимъ испытаніемъ и строгимъ урокомъ. Онъ глубоко скорбѣлъ о проявленной имъ слабости и повидимому вполнѣ и искренно раскаялся въ своихъ политическихъ заблужденіяхъ. При такихъ условіяхъ примиреніе его съ державнымъ зятемъ не могло замедлиться, тѣмъ болѣе, что нѣжною и попечительною посредницею между нимъ и государемъ выступила императрица Александра Ѳеодоровна.

Примиреніе состоялось въ маѣ 1851 года, шесть мѣсяцевъ послѣ Ольмюца. Прусскій король посѣтилъ русскую императорскую чету въ Варшавѣ. Императоръ Николай выѣхалъ къ нему на встрѣчу на границу, въ Мысловицы. Свиданіе ихъ было трогательно. Они не видѣлись цѣлые семь лѣтъ и столько событій величайшей важности совершилось въ этотъ промежутокъ времени! Къ прежнимъ родственнымъ чувствамъ, питаемымъ королемъ къ государю, присоединилось чувство глубокаго уваженія къ единственному изъ европейскихъ монарховъ не только устоявшему предъ революціею, но и поборовшему, «задавившему» ее, какъ любилъ выражаться государь.

Одновременно съ прусскимъ королемъ гостями императора и императрицы были великая герцогиня Мекленбургъ-Шверинская, сестра государыни, принцесса Агнеса Ангальтъ-Дессауская, принцъ Фридрихъ прусскій и герцогъ Вильгельмъ Мекленбургскій. Изъ членовъ императорской фамиліи, августѣйшихъ родителей сопровождали великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи. Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ Варшавѣ, гдѣ празднества завершились народнымъ гуляньемъ съ иллюминаціею и великолѣпнымъ фейерверкомъ сожженнымъ въ Лазенковскомъ паркѣ, дворъ переѣхалъ въ Скерневицы. Желая доставить зятю своему обычное и любимое его развлеченіе, государь вызвалъ изъ Берлина придворнаго чтеца, Шнейдера [1]), который въ продолженіе двухъ вечеровъ читалъ въ присутствіи высочайшихъ особъ лучшіе разсказы изъ своего обширнаго репертуара. Въ честь короля состоялся также большой парадъ войскамъ, расположеннымъ лагеремъ близъ Ловича и состоявшимъ изъ 2-го пѣхотнаго корпуса и легкой кавалерійской дивизіи, или 48 баталіоновъ пѣхоты, 1 стрѣлковаго баталіона, и 32 эскадроновъ при 160 орудіяхъ, всего 47,630 человѣкъ, подъ общимъ начальствомъ командира 2-го корпуса генералъ-адъютанта Панютина, одного изъ героевъ венгерскаго похода. Въ день парада, вечеромъ, въ Скерневицкомъ театрѣ состоялся и балетный спектакль, въ которомъ, вмѣстѣ съ варшавскими артистами, исполнившими ба-

---

[1]) Шнейдеръ изъ актеровъ придворной драматической труппы успѣлъ достигнуть званія королевскаго чтеца и чина надворнаго совѣтника. Онъ извѣстенъ также какъ издатель періодическаго журнала для нижнихъ чиновъ арміи подъ названіемъ: «Другъ солдата».

летъ: «Свадьба въ Ойцовѣ», танцовала и знаменитая Тальони. На слѣдующій день, государь отправлявшійся на австрійскіе маневры въ Ольмюцъ выѣхалъ вмѣстѣ съ королемъ и, проводивъ его до границы, остался ночевать тамъ, а его прусское величество провелъ ночь въ Мысловицахъ. На другое утро, 16-го (28) мая, императоръ снова съѣхался съ королемъ въ Мысловицахъ и продолжалъ путешествіе съ нимъ по желѣзной дорогѣ до Аннаберга, въ Силезіи, гдѣ оба монарха разстались: государь поѣхалъ въ Ольмюцъ, король—въ Берлинъ.

Что примиреніе было полное, вполнѣ искреннее, безъ всякой задней мысли, доказалъ пріемъ, сдѣланный русскимъ императору и императрицѣ, когда они, весною 1852 года, послѣ долгаго перерыва, снова посѣтили столицу Пруссіи. Ихъ величества переѣхали прусскую границу 24-го апрѣля (6 мая. Король встрѣтилъ ихъ въ Мысловицахъ. Государь передалъ ему на руки императрицу, а самъ чрезъ Одербергъ поѣхалъ въ Вѣну, на свиданіе съ австрійскимъ императоромъ. Здоровье ея величества было крайне разстроено и для отдыха ея потребовалось провести два дня въ Бреславлѣ. Лишь 26-го (8-го), король привезъ императрицу въ Потсдамъ. Цѣлую недѣлю она провела тамъ безвыѣздно, не покидая даже своей комнаты и единственнымъ развлеченіемъ ей служило, по вечерамъ, чтеніе упомянутаго выше Шнейдера. 4-го (16-го) мая вечеромъ прибылъ въ Потсдамъ изъ Вѣны, чрезъ Веймаръ, и императоръ Николай. Передъ дворцомъ собраны были всѣ офицеры гарнизона, а также его кирасирскаго полка. Выйдя изъ коляски, государь протянулъ руку старшему изъ присутствовавшихъ, командиру 1-го гвардейскаго пѣхотнаго полка, полковнику графу Блюменталю и, пожавъ ее, обратился къ офицерамъ со слѣдующими словами: «Я очень радъ, что, наконецъ, снова очутился среди васъ. Вамъ извѣстны мои убѣжденія, а также, что я всегда былъ вамъ вѣрнымъ товарищемъ. Въ тяжкое время душа моя была съ вами. Вы поддержали честь свою, остались вѣрными, какими были всегда. Я прихожу къ вамъ, прежній къ прежнимъ. Мы всегда останемся добрыми друзьями и, какъ подобаетъ товарищамъ, будемъ крѣпко стоять другъ за друга». Оглушительныя восклицанія служили отвѣтомъ на милостивую рѣчь государя.

Король не отсталъ отъ своего зятя въ выраженіи своихъ восторженныхъ чувствъ къ нему. На торжественномъ обѣдѣ, данномъ 9-го (21) въ бѣлой залѣ берлинскаго замка, онъ тостъ свой за государя заключилъ такъ: «Отъ имени моего, моего войска и всѣхъ моихъ вѣрныхъ прусскихъ сердецъ, провозглашаю здоровье его величества императора всероссійскаго. Да сохранитъ его Богъ той части свѣта, которую Богъ далъ ему въ наслѣдственную часть и которая обойтись безъ него не можетъ».

Въ кратковременное пребываніе свое въ Берлинѣ, императоръ

Николай усердно посѣщалъ, кромѣ военныхъ учрежденій, общественныя зданія, музеи, театры. Онъ остался очень доволенъ настроеніемъ столичнаго населенія, и нашелъ, что революція не оставила на немъ никакихъ слѣдовъ. Изъ Берлина государь возвратился въ Россію, а императрица поѣхала въ Шлангенбадъ для пользованія водами, въ обществѣ женъ своихъ двухъ братьевъ, Вильгельма и Карла, принцессъ Августы и Маріи. Ко дню рожденія ея величества, 1-го (13) іюля, императоръ и императрица снова съѣхались въ Потсдамѣ. Государь привезъ съ собою двухъ младшихъ сыновей своихъ, великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей. Прусская королевская семья была въ полномъ сборѣ Для принятія участія въ семейномъ праздникѣ прибыли и обѣ сестры государыни, великая герцогиня Александрина изъ Шверина и принцесса Луиза изъ Гаги, со своими мужьями.

Праздникъ былъ отпразднованъ съ особенною торжественностью. Высшее потсдамское общество устроило на прилегающихъ къ городу озерахъ водяное корсо въ честь русской императрицы. Пароходъ, на которомъ находились царственные гости былъ встрѣченъ дождемъ цвѣтовъ, посыпавшихся на него изъ безчисленныхъ лодокъ, покрывавшихъ озеро. Къ вечеру дворъ вышелъ на берегъ на Павлинномъ островѣ, гдѣ ожидало его высокое художественное наслажденіе. Знаменитая Рашель приглашена была продекламировать лучшія мѣста изъ своихъ ролей предъ высокимъ собраніемъ.

Заимствуемъ объ этомъ вечерѣ нѣсколько любопытныхъ подробностей изъ разсказа, занесеннаго въ свои «Записки» чтецомъ короля Шнейдеромъ, о которомъ мы уже дважды упоминали выше.

Король приказалъ Шнейдеру встрѣтить Рашель на желѣзно-дорожной станціи въ Потсдамѣ и проводить ее на Павлинный островъ. Она прибыла туда изъ Берлина около шести часовъ вечера, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Феликсомъ, который долженъ былъ давать ей реплики. Шнейдеръ съ безпокойствомъ замѣтилъ, что артистка явилась вся въ черномъ. Онъ тотчасъ же предупредилъ ее, что при дворѣ неумѣстенъ трауръ, особенно въ праздничный день. Рѣшили поѣхать въ Глинеке, близъ лежащій замокъ, принадлежавшій принцу Карлу, и тамъ, съ помощью придворныхъ дамъ принцессы, преобразили траурный костюмъ Рашели въ народный испанскій. Яркая роза украсила ея волосы, на руки надѣты были свѣтлыя перчатки, кружевная мантилья накинута на голову. Рашель была взволнована, при мысли, что ей придется въ первый разъ играть предъ русскимъ императоромъ. Она забросала Шнейдера вопросами о немъ: «Правда ли, что онъ такъ хорошъ собою? что онъ выше головою всѣхъ лицъ его окружающихъ? Любезенъ ли онъ съ дамами?» и т. п.

Къ 8 часамъ вечера Шнейдеръ и оба его спутника прибыли на Павлинный островъ. Здѣсь Рашель узнала, что ей придется де-

кламировать подъ открытымъ небомъ, посреди дорожки сада, безъ всякихъ приспособленій, т. е. безъ сцены, кулисъ, освѣщенія и проч. Она вышла изъ себя и воскликнула, обращаясь къ Шнейдеру: «Какъ? подъ открытымъ небомъ? Развѣ вы меня считаете за канатную плясунью?» Она объявила, что играть не будетъ и сейчасъ же возвратится въ Берлинъ. Шнейдеръ, самъ бывшій актеръ, пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, чтобы умилостивить разгнѣванную артистку. Онъ замѣтилъ ей, что для всякой другой, отсутствіе обстановки, конечно, было бы крайне неудобно, но что талантъ ея все превозможетъ и только выкажется во всей своей силѣ и красотѣ. Слова эти не подѣйствовали. Тогда Шнейдеръ воззвалъ къ самолюбію артистки, обративъ ея вниманіе на то, что отсутствіе сцены дѣлаетъ изъ нея не актрису, приглашенную дать представленіе, а какъ бы гостью короля и королевы, которая, сидя съ ними вмѣстѣ за чайнымъ столомъ, изъ любезности тутъ же согласится очаровать ихъ и все общество проявленіемъ своего могучаго таланта.

— Подумали ли вы,—прибавилъ Шнейдеръ,—что сегодняшній вечеръ можетъ принести вамъ по меньшей мѣрѣ 300.000 франковъ? Если русскій императоръ не увидитъ васъ сегодня, а я донесу о причинѣ вашего отказа играть, то Россія будетъ вамъ закрыта навсегда, а вы сами же мнѣ сказали, что ваше живѣйшее желаніе выступить на сценѣ въ Петербургѣ. Скажутъ, что вы не понравились ея величеству императрицѣ [1]), и если вамъ нельзя будетъ ѣхать въ Россію, то восторжествуютъ ваши враги.

— Правда! но...

— Въ желаніи видѣть васъ и наслаждаться вами безъ обычныхъ театральныхъ вспомогательныхъ средствъ, — продолжалъ Шнейдеръ,—заключается признаніе того, что вашъ необъятный талантъ вовсе не нуждается въ такой внѣшней обстановкѣ, что съ вами хотятъ обращаться не какъ съ актрисой, а какъ со свѣтскою женщиною.

— Вы думаете? Хорошо! я буду играть.

Вскорѣ подошелъ пароходъ и высадилъ короля и гостей его на берегъ. Рашель была представлена сначала королю, потомъ императору. Началась декламація.

Продолжаемъ разсказъ собственными словами Шнейдера.

«Сумерки уже наступили и уже черезъ четверть часа должно было окончательно стемнѣть. Такъ какъ г. Рафаэль, воплощенное «начальное слово», былъ вынужденъ читать свои реплики, тогда какъ сестра его декламировала наизусть, то необходимымъ оказалось какое-нибудь освѣщеніе. Но какъ могли обыкновенныя восковыя свѣчи горѣть на открытомъ воздухѣ? или какъ возможно было

---

[1]) За нѣсколько дней передъ тѣмъ государыня присутствовала при представленіи Рашели въ театрѣ замка Сансуси.

поставить на травѣ стѣнныя лампы изъ комнатъ замка? Къ счастію, нашлись стеклянные колпаки, приведенные на-скоро въ порядокъ и бывшіе наготовѣ. Скоро пришлось ихъ потребовать, ибо быстро настала такая темнота, что не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы различать черты лица. Тогда поставили восковыя свѣчи, прикрытыя стеклянными колпаками у ногъ артистки на пескѣ, а г. Рафаэль давалъ свои реплики въ роли Тезея со свѣчею подъ колпакомъ въ лѣвой рукѣ и съ книгою въ правой, такъ какъ онъ зналъ наизусть лишь роль Ипполита.

«Въ такой обстановкѣ цѣлое представляло въ высшей степени своеобразное зрѣлище. Подъ самыми окнами замка сидѣли за накрытымъ еще длиннымъ чайнымъ столомъ дамы. Возлѣ стояли монархи, отдѣленные одною посыпанною пескомъ дорожкою отъ театра подъ открытымъ небомъ. Кулисами и заднимъ занавѣсомъ служилъ этой сценѣ тѣсный кругъ генераловъ, дипломатовъ, министровъ, придворныхъ; позади ихъ журчали садовые фонтаны и посреди всего этого, черная фигура артистки, во всемъ экстазѣ ея трагической мощи, совершенно независимой отъ почти комической помощи ея брата, который со свѣчею въ рукѣ читалъ промежуточныя рѣчи. Въ движеніяхъ своихъ, то она ярко освѣщалась трепещущимъ отъ вѣтра пламенемъ свѣчей, то лицо ея исчезало въ миракѣ, когда она выступала за предѣлъ, до котораго достигали радіусы свѣта. Собраніе было также безмолвно, какъ и многочисленно и оживленно. Притаивъ дыханіе внимало оно Федрѣ, Виргиніи, Адріеннѣ Лёкуврёръ, — изъ этихъ трехъ драматическихъ произведеній были выбраны отрывки для декламаціи,—въ тѣ страстные моменты, когда Рашель являлась ихъ совершенною выразительницею. Дѣйствительно, она торжествовала тріумфъ, который и ей, конечно, остался незабвеннымъ. То, что я измыслилъ для ея убѣжденія осуществилось во очію. Никто не замѣтилъ отсутствія обстановки, которое, напротивъ, придало всему рѣдкому зрѣлищу невыразимую прелесть.

«Представленіе продолжалось около трехъ четвертей часа и могло бы продолжаться гораздо долѣе, такъ какъ никто не испытывалъ усталости. Но непрерывное напряженіе силъ артистки стало, наконецъ, замѣтно и побудило его величество короля выразить ей полное удовольствіе свое по поводу ея искусства, дѣйствительно, достойнаго удивленія. Императоръ заговорилъ съ нею и всячески отличилъ ее. Императрица, ея величество королева и всѣ принцессы обратились къ ней съ любезными и почетными словами. Кругъ сомкнулся вокругъ чествуемой артистки, а меня озабочивалъ вопросъ о возвратномъ пути. Было уже слишкомъ поздно для того, чтобы добраться до станціи желѣзной дороги въ Потсдамѣ до отхода въ Берлинъ послѣдняго поѣзда, а потому я испросилъ приказанія и согласно имъ послалъ впередъ нарочнаго верхомъ заказать въ полночь экстренный поѣздъ и ужинъ въ ресторанѣ вокзала.

Мы видѣли какъ дворъ отплылъ въ Потсдамъ на разноцвѣтно-иллюминованномъ пароходѣ, и затѣмъ также покинули островъ» [1]).

Подъ непосредственнымъ высоко художественнымъ впечатлѣніемъ этого вечера ихъ всероссійскія императорскія величества оставили Берлинъ. Послѣдствіемъ было прибытіе Рашели въ Петербургъ и появленіе ея тамъ на сценѣ Михайловскаго театра, по личному приглашенію государя. Передъ отъѣздомъ его величество пожаловалъ орденъ св. Андрея Первозваннаго оберъ-камергеру прусскаго двора графу Штольбергу. Предсѣдатель совѣта министровъ баронъ Мантейфель и генералъ Врангель получили Александровскія ленты.

VI.

Въ Крымскую войну.

Полгода спустя по описанномъ нами праздникѣ, въ послѣдній разъ соединившемъ въ Потсдамѣ русскую и прусскую царственныя семьи, взвился занавѣсъ надъ всемірно-исторической драмой, извѣстной подъ названіемъ Крымской или, вѣрнѣе, Севастопольской войны. Незавидную, жалкую роль разыграла Пруссія въ этой драмѣ, постоянно колеблясь между двумя противными сторонами и тѣмъ навлекая на себя неудовольствіе обѣихъ. Одна изъ главныхъ тому причинъ была, конечно, тяжкая болѣзнь уже зародившаяся въ Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV и вскорѣ окончательно омрачившая его разсудокъ.

У насъ принято считать за вполнѣ доказанную истину, что въ противность Австріи, Пруссія, во все продолженіе дипломатическихъ замѣшательствъ предшествовавшихъ войнѣ, или сопровождавшихъ ее, оставалась намъ вѣрною союзницею и если и не соединилась съ нами противъ остальной Европы, то, по крайней мѣрѣ, оказывала намъ нравственную поддержку. Въ этомъ единогласно увѣряли насъ прусскіе публицисты, историки, политики, и мы повѣрили имъ на слово. Между тѣмъ, основательное ознакомленіе съ историческими документами, въ большомъ числѣ обнародованными объ этой достопамятной эпохѣ, не говоря уже о неизданныхъ архивныхъ источникахъ, приводитъ къ совершенно иному заключенію. Впрочемъ, выясненіе противорѣчія между ходячимъ мнѣніемъ и нашими собственными изслѣдованіями увлекло бы насъ далеко за предѣлы настоящаго очерка. Къ тому же насъ занимаютъ здѣсь не политическія сношенія кабинетовъ, а взаимныя отношенія государей, а потому, мы ограничимся бѣглымъ изложеніемъ личныхъ воззрѣній короля Фридриха-Вильгельма IV на русско-турецкую распрю и тѣхъ мѣропріятій, иниціатива коихъ принадлежала ему самому.

---

[1]) Louis Schneider: «Am meinem Leben», II, стр. 377 и слѣд.

Возбуждая вопросъ объ обезпеченіи новымъ договоромъ вѣковыхъ правъ и преимуществъ единовѣрцевъ нашихъ на Востокѣ, императоръ Николай не сомнѣвался въ содѣйствіи союзныхъ намъ дворовъ вѣнскаго и берлинскаго. Въ извѣстной бесѣдѣ своей съ сэръ Гамильтономъ Сеймуромъ, выставивъ на видъ полное единомысліе съ нимъ Австріи по Восточнымъ дѣламъ, онъ даже и не упомянулъ о Пруссіи, ибо согласіе ея разумѣлось само собою. Ожиданія эти не оправдались. Когда требованія, предъявленныя княземъ Меншиковымъ въ Константинополѣ, получили огласку въ европейскихъ столицахъ, прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Мантейфель, высказался противъ нихъ, заявивъ англійскому послу, что, по мнѣнію его, Порта не можетъ подчиниться имъ безъ потери своей независимости[1]). Король раздѣлялъ этотъ взглядъ, но только до извѣстной степени. Онъ находилъ, что то, въ чемъ Порта отказала Россіи, можетъ быть уступлено ею въ совокупности великихъ державъ, а именно: полное уравненіе правъ ея христіанскихъ подданныхъ съ мусульманскими подъ гарантіей Европы. Король поручалъ своему представителю въ Лондонѣ предложить англійскому правительству дѣйствовать въ этомъ смыслѣ на турокъ. «Это»,—писалъ онъ ему,—«моя политика въ настоящую минуту. Я вполнѣ честно извѣстилъ въ Петербургѣ о скромной роли, за которую берусь, присовокупивъ, что надѣюсь предупредить такимъ образомъ желанія императора: во-первыхъ, потому, что этимъ путемъ императоръ дѣйствительно достигнетъ «желаемаго договора»; во-вторыхъ, потому, что обезпеченіе всѣхъ христіанскихъ исповѣданій въ турецкой имперіи можетъ лишь благопріятно подѣйствовать на собственное его чувство какъ христіанина; въ-третьихъ, потому, что если чрезъ содѣйствіе его и прочихъ великихъ державъ состоится этотъ сенедъ, то будетъ несомнѣнно достигнута главная цѣль его: обезпеченіе Европы отъ спора изъ-за турецкаго наслѣдства»[2]). Проектъ свой король очень близко принималъ къ сердцу и черезъ нѣсколько дней развивалъ его въ другомъ письмѣ къ Бунзену въ такихъ словахъ: «Мое мнѣніе, болѣе того, мое формальное предложеніе, въ настоящую минуту уже извѣстное обоимъ императорамъ, заключается въ слѣдующей рѣчи, обращенной къ зятю Николаю: «Любезный зять! Ты **вполнѣ правъ** со своей стороны, ограждая обязательнымъ способомъ наиболѣе близко стоящихъ къ тебѣ христіанъ отъ турецкаго произвола. Ты до такой степени правъ, что намъ стыдно, что ты обогналъ насъ въ этой несомнѣнной христіанской обязанности: но лучше поздно, чѣмъ никогда. Нынѣ мы пришли къ сознанію нашего христіанскаго долга и объявляемъ тебѣ нашу общую волю: то, что ты требуешь для одной секты, потребовать для всего под-

---

[1]) Лордъ Блумфельдъ лорду Кларендону, 18 (30) мая 1853 г.

[2]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV барону Бунзену, 22 мая (3 іюня) 1853 г.

чиненнаго полумѣсяцу христіанства. И такъ, мы знаемъ, что то, что тебѣ не удалось и чего ты (благодаря Богу и Страдфорду) не въ состояніи достигнуть,—мы побѣдоносно осуществимъ, тѣмъ болѣе, что Порта уже выразила свою готовность въ этомъ смыслѣ. И такъ, любезный зять, тотъ сенедъ, на полученіе коего ты уже потерялъ всякую надежду, всё мы добьемся его, какъ для тебя, такъ и для насъ несомнѣнно. Благодари же насъ и радуйся, что мы помогли тебѣ одержать побѣду» [1]).

Короля очень огорчилъ отказъ сентъ-джемскаго двора принять его предложеніе и онъ поспѣшилъ объявить, что въ такомъ случаѣ онъ не послѣдуетъ за Англіею, а будетъ «искать спасенія Пруссіи» въ безусловномъ нейтралитетѣ [2]). Онъ очевидно не понималъ, что обѣ морскія державы, а также и Австрія, въ сущности весьма равнодушны къ судьбѣ восточныхъ христіанъ, но что для нихъ важно установить право вмѣшательства Европы въ отношенія Россіи къ Турціи. Когда, не смотря на нашъ протестъ, въ Вѣнѣ собралась европейская конференція, въ ней принялъ участіе и представитель Пруссіи. Извѣстна судьба выработанной этою конференціею примирительной ноты, именуемой вѣнскою. Она была принята нами, отвергнута Турціею и тогда оставлена самими ея составителями. Ясно было, что Россіи нечего ожидать справедливости отъ соединенной Европы.

При такомъ положеніи дѣлъ императоръ Николай счелъ необходимымъ лично объясниться со своими ближайшими союзниками. Король прусскій не присутствовалъ при состоявшемся въ половинѣ сентября 1853 года свиданіи его въ Ольмюцѣ съ императоромъ австрійскимъ [3]). На приглашеніе самому прибыть въ Варшаву, король отвѣчалъ сначала отказомъ, ссылаясь на опасность вызвать неудовольствіе Англіи и Франціи воскресеніемъ «призрака Священнаго Союза» и увѣряя, что при полной свободѣ дѣйствій онъ намъ будетъ болѣе полезенъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Но въ послѣднюю минуту, чувство взяло верхъ надъ политическимъ расчетомъ и онъ поскакалъ въ Варшаву, гдѣ уже находились императоры русскій

---

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV барону Бунзену, 4 (16) іюня 1853 г. Бывшій дипломатъ (баронъ А. Г. Жомини) ошибается, приписывая англійское происхожденіе проекту о подчиненіи турецкихъ христіанъ совокупному протекторату великихъ державъ. Какъ видно изъ приведенныхъ нами писемъ, иниціатива его принадлежитъ не Бунзену, а самому королю. См. «Etude diplomatique sur la guerre de Crimée», II, стр. 210.

[2]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV барону Бунзену, 16 (28) іюня 1853 г.

[3]) Баронъ А. Г. Жомини въ своемъ изслѣдованіи о Крымской войнѣ несогласенъ самъ съ собою относительно причинъ не принятія королемъ прусскимъ участія въ Ольмюцкомъ свиданіи. На стр. 404, т. I онъ увѣряетъ, что король самъ отказался пріѣхать въ Ольмюцъ, а на стр. 217, т. II, что его туда не пригласили, чѣмъ онъ былъ крайне оскорбленъ. Къ сожалѣнію, подобныя противорѣчія часто встрѣчаются въ почтенномъ трудѣ «бывшаго дипломата».

и австрійскій. Тамъ императоръ Францъ-Іосифъ самъ предложилъ Фридриху-Вильгельму заключить съ нимъ договоръ о нейтралитетѣ, на случай войны между Россіею съ одной стороны, морскими державами и Турціею—съ другой. Предложеніе это вполнѣ отвѣчало нашимъ требованіямъ, но король отклонилъ его, а государь не настаивалъ, ибо не потерялъ еще надежды на мирный исходъ. 25-го сентября (8-го октября) онъ самъ посѣтилъ своего зятя въ Берлинѣ. То было послѣднее посѣщеніе имъ прусской столицы.

Между тѣмъ, дѣла принимали все болѣе и болѣе грозный оборотъ. Порта объявила намъ войну, военныя дѣйствія начались въ Княжествахъ и за Кавказомъ, турецкій флотъ былъ уничтоженъ при Синопѣ, англо-французская эскадра вошла въ Черное море. Разрывъ нашъ съ морскими державами представлялся неминуемымъ, но король вѣрилъ еще въ возможность избѣжать войну. Онъ писалъ посланнику своему въ Лондонѣ: «Я въ жизни и смерти сохраняю убѣжденіе, что политика нынѣшняго англійскаго кабинета вдохновляется истинною, справедливою, конечно, правильною мыслью, а именно, не давать Россіи пріобрѣсти преобладаніе на Востокѣ, господствуя надъ турецкою имперіею или поглотивъ ее. Что послѣдняго, а именно поглощенія, императоръ Николай самъ воистинну болѣе боится, чѣмъ Англія, Франція, и Австрія—это сюда не относится, тѣмъ болѣе, что Англія давно потеряла возможность правильно судить о дѣйствіяхъ единственнаго сильнаго, разсудительнаго, правдиваго и (выражаясь почеловѣчески) всемогущаго у себя дома, благороднѣйшаго мужа и характера!!! Но вотъ что должна бы признать Англія: средства къ коимъ она нынѣ прибѣгаетъ, дабы осуществить свою «правильную» мысль, прямо, естественно и необходимо ведутъ къ противоположному результату. Всякая непосредственная помощь, оказанная Англіею оружіемъ, людьми и судами въ нехристіанской глупости Исламу противъ христіанъ, не будетъ имѣть (независимо отъ Божьей кары и суда [слушайте! слушайте!]) иного успѣха, какъ лишь нѣсколько позднѣйшій переходъ нынѣшнихъ турецкихъ земель подъ русское господство» [1]).

Пока король изливалъ такимъ образомъ свои чувства, правительство его готовилось прямо перейти на сторону враговъ нашихъ. Большинство прусскихъ государственныхъ людей, находившихся въ то время у власти, было противъ насъ. Во главѣ ихъ стоялъ никто иной, какъ принцъ прусскій, наслѣдникъ престола [2]). Ярымъ

---

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV барону Бунзену, 8-го (20) ноября 1853 года.

[2]) Принцъ самъ сознался въ этомъ послѣ войны въ откровенной бесѣдѣ съ графомъ П. Д. Киселевымъ, занимавшимъ тогда постъ нашего посла въ Парижѣ. См. «Etude diplomatique» II, стр. 211.

нашимъ противникомъ былъ покровительствуемый имъ военный министръ генералъ Бонинъ. Вялаго и безцвѣтнаго Мантейфеля увлекалъ на путь враждебныхъ намъ мѣръ пылкій графъ Пурталесъ, по отозваніи изъ Константинополя занявшій важную должность въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ. Въ довершеніе всего дѣятельно интриговалъ противъ насъ въ Лондонѣ прусскій посланникъ при тамошнемъ дворѣ Бунзенъ. О настроеніи послѣдняго мы имѣемъ свидѣтельство самого короля, писавшаго о немъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя королевѣ Викторіи: «Нашъ добрый Бунзенъ совсѣмъ съ ума сошелъ, изъ-за ненависти своей къ Николаю и моего миролюбія; онъ формально и торжественно отказалъ въ повиновеніи, и хотѣлъ доставить мнѣ хорошій бакчишъ за войну» [1]). Неудивительно, что при такихъ обстоятельствахъ прусскій уполномоченный на вѣнской конференціи приложилъ свою подпись къ протоколу ея, коимъ цѣлость и независимость Турціи провозглашались «необходимымъ условіемъ равновѣсія Европы» [2]).

Но въ Берлинѣ пошли еще далѣе, замысливъ воспользоваться удобнымъ случаемъ для возвращенія къ той самой политикѣ, отъ которой Пруссія вынуждена была отречься въ Ольмюцѣ, за три года передъ тѣмъ: рѣшились на новую попытку достигнуть преобладающаго положенія въ Германіи. Такова была цѣль, изложенная въ составленной графомъ Пурталесомъ и одобренной королемъ запискѣ. Средствомъ долженъ былъ служить тѣсный союзъ съ Англіею. Пурталесъ исходилъ изъ предположенія, что въ предстоящемъ столкновеніи морскихъ державъ съ Россіею, Австрія приметъ сторону послѣдней. Тогда Пруссіи необходимо будетъ соединиться съ Англіею и Франціею, на слѣдующихъ условіяхъ: морскія державы гарантируютъ территоріальную цѣлость Германіи и обяжутся не вводить въ нѣмецкія земли французской арміи, а также предоставятъ Пруссіи полную свободу преобразовать германскій союзъ въ союзное государство подъ своимъ главенствомъ. Не смотря на поддержку принца Альберта и расположенной имъ въ пользу прусскаго предложенія королевы, оно было отвергнуто англійскими министрами несравненно болѣе дорожившими союзомъ Австріи, чѣмъ Пруссіи [3]).

Отказъ этотъ былъ уже извѣстенъ королю, когда, одновременно съ отправленіемъ графа А. Ѳ. Орлова въ Вѣну, посланникъ нашъ при прусскомъ дворѣ баронъ Будбергъ вручилъ ему собственноручное письмо государя съ приглашеніемъ подписать съ нами и съ

---

[1]) Этотъ отрывокъ изъ письма Фридриха-Вильгельма IV къ королевѣ Викторіи приведенъ у Гефкена въ его книгѣ: «Zur Geschichte des Orientalischen Krieges 1853—1856», стр. 92.

[2]) Протоколъ вѣнской конференціи, 23-го ноября (5 декабря) 1853 года.

[3]) О миссіи Пурталеса въ Лондонъ см. донесенія Бунзена, отъ 17-го (29) и 19-го (31) декабря 1853 г. въ «Bunsen's Leben», III, стр. 318—324.

Австріею протоколъ о нейтральности, на время войны между Россіею и морскими державами. Императоръ Николай взывалъ къ чувствамъ своихъ союзниковъ, къ общности ихъ политическихъ началъ и интересовъ, къ воспоминаніямъ о великихъ подвигахъ, совершенныхъ ихъ арміями совмѣстно съ нашею въ эпоху войнъ за освобожденіе Европы. Онъ не требовалъ отъ нихъ вооруженной помощи въ предстоящей борьбѣ и вполнѣ довольствовался ихъ нейтралитетомъ, подъ условіемъ, чтобы таковой не былъ «ни нерѣшительнымъ, ни колеблющимся», а истекалъ изъ положительнаго обязательства. Въ случаѣ, если бы рѣшеніе это вовлекло Австрію и Пруссію въ войну съ Англіею и Франціею, государь обязывался защищать ихъ всѣми своими силами, а также не заключать мира безъ предварительнаго соглашенія съ ними [1]).

Уже министръ Мантейфель объявилъ нашему посланнику, что предложенный нами протоколъ безполезенъ и можетъ только раздражить Англію и Францію. Король привелъ другую причину отказа. Онъ признался, что обѣщалъ Англіи не вступать ни въ какія обязательства, если та поручится ему за цѣлость владѣній Германскаго Союза, предупредивъ ее въ то же время, что не дастъ вовлечь себя и въ союзъ противъ Россіи. Послѣднюю случайность король прямо назвалъ низостью (infamie). Напрасно баронъ Будбергъ убѣждалъ его, что цѣль нашего предложенія и состоитъ именно въ обезпеченіи Пруссіи и Австріи возможности поддержать свой нейтралитетъ. Король остался непреклоненъ. Въ оффиціальной депешѣ, Мантейфель мотивировалъ отказъ соображеніемъ, что Пруссія какъ участница вѣнской конференціи, не можетъ отдѣлиться отъ прочихъ державъ, входящихъ въ составъ ея, будучи связана съ ними общими рѣшеніями [2]).

Въ томъ же смыслѣ высказался король и въ отвѣтномъ письмѣ къ императору Николаю. «Нейтралитетъ мой»,—писалъ онъ,—«будетъ ни нерѣшительнымъ, ни колеблющимся, а державнымъ!» Переписку свою съ зятемъ онъ сообщилъ австрійскому императору, также отклонившему русскія предложенія, заявленныя графомъ Орловымъ. Король выразилъ при этомъ «своему императорскому племяннику» надежду, что между Пруссіею и Австріею установится полное соглашеніе, «но безъ договора, ибо нѣмецкая союзная вѣрность и общіе интересы и опасности достаточно обязательно предписываютъ намъ путь, по коему мы должны слѣдовать». Въ то же время онъ извѣщалъ своего представителя въ Лондонѣ, что бу-

---

[1]) Собственноручныя письма императора Николая къ императору Францу-Іосифу и королю Фридриху-Вильгельму, проектъ протокола и объяснительная депеша графа Нессельроде баронамъ Мейендорфу и Будбергу.

[2]) Баронъ Мантейфель генералу Рохову 19-го (31) января 1854 г. Ср. также «Etude diplomatique», II, стр. 225—230.

детъ строго соблюдать свой «державный нейтралитетъ, и стараться ударить того, кто его за то захотѣлъ бы ударить». «Квинтъ-эссенцію» своего отношенія къ Англіи онъ опредѣлялъ слѣдующимъ образомъ: «Я требую, въ видѣ платы за мой истинный и самостоятельный нейтралитетъ, за услугу оказанную имъ Англіи въ ея несчастномъ разрывѣ съ Россіею и христіанскими преданіями: ручательства за настоящее распредѣленіе владѣній въ Европѣ, за неприкосновенность территоріи Германскаго Союза и святое обѣщаніе—это уже было совершенно неожиданно и явно обличало ненормальность умственнаго состоянія Фридриха-Вильгельма—послѣ мира, имъ и чрезъ него, вновь доставить мнѣ, безъ всякихъ условій, мой вѣрный Невшатель. Если же во время или посредствомъ кровосмѣшенія Англіи съ Франціей на меня будетъ произведено нападеніе; если онѣ выпустятъ на волю революцію въ качествѣ своей союзницы, то я соединюсь съ Россіею не на животъ, а на смерть. Я знаю, что дѣлаю, въ чемъ состоитъ мой долгъ» [1]).

Между тѣмъ, въ Лондонѣ рѣчь шла вовсе не о Невшателѣ, а о томъ, какъ бы не пропустить случая силами европейской коалиціи не только лишить Россію преобладающаго положенія, занимаемаго ею на Востокѣ, но, вообще, ее ослабить, унизить, отнявъ у нея всѣ завоеванія, совершенныя ею со временъ Петра Великаго. Мысли эти англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Кларендонъ, открыто высказалъ въ рѣчи, произнесенной въ палатѣ лордовъ [2]). Три дня спустя Англія и Франція послали намъ свой ультиматумъ съ требованіемъ немедленнаго очищенія Дунайскихъ Княжествъ [3]). Въ случаѣ нашего отказа подчиниться ему, противъ насъ воздвигалась грозная коалиція, состоявшая изъ всѣхъ безъ исключенія великихъ державъ. Испуганная заискиваніями Пруссіей англійскаго союза, Австрія объявила о готовности своей дѣйствовать заодно съ дворами лондонскимъ и парижскимъ. Цѣли коалиціи съ необыкновенною откровенностью изложилъ Бунзенъ въ довѣрительной запискѣ представленной имъ королю. Изъ нея мы узнаемъ, что рѣшено было поднять на насъ всю Европу и подѣлить наши окраины между нашими сосѣдями, заключивъ Россію въ ея «естественныя» границы. Такъ, предполагалось отдать Финляндію и Аландскіе острова Швеціи; Крымъ, Бессарабію и весь Новороссійскій край, а также Дунайскія Княжества—Австріи, которая за это переуступитъ Ломбардію Сардиніи и откажется отъ Галиціи. Послѣднее необходимо-де для полнаго возстановленія Польши въ гра-

---

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV барону Бунзену, 28-го января (9 февраля а не января какъ у Ранке «Briefwechsel Fr. W. IV mit Bunsen», стр. 206) 1854 года.

[2]) Рѣчь лорда Кларендона въ палатѣ лордовъ, 12-го (24) февраля 1854 года.

[3]) Лордъ Кларендонъ и Друэнъ де Льюисъ графу Нессельроде, 15-го (27) февраля 1854 года.

ницахъ 1772 года, съ предоставленіемъ польскаго престола саксонской династіи, при чемъ, разумѣется, Саксонія должна была отойти къ Пруссіи, которая сверхъ того получала отъ Австріи Моравію и австрійскую Силезію, и становилась во главѣ Германіи, обращенной подъ ея властью въ «союзное государство». Убѣждая короля согласиться на этотъ планъ, Бунзенъ писалъ ему: «Отъ того, будете ли ваше величество, или не будете дѣйствовать въ настоящую минуту, зависитъ оцѣнка ваша въ исторіи, счастіе и слава вашего правленія въ будущемъ, и положеніе вашего престола и монархіи» [1]).

Одновременно былъ представленъ на утвержденіе короля и выработанный вѣнскою конференціею проектъ договора между Австріею, Англіею, Франціею и Пруссіею. Цѣлью ихъ союза объявлялось возстановленіе мира между Россіею и Турціею на условіяхъ совмѣстныхъ съ общими интересами Европы и согласованныхъ съ выраженнымъ султаномъ намѣреніемъ соблюдать религіозныя и гражданскія права своихъ христіанскихъ подданныхъ. Принципъ территоріальной цѣлости Оттоманской имперіи провозглашался conditio sine qua non будущаго мира и основою союза четырехъ державъ, которыя обязывались условиться о наиболѣе дѣйствительныхъ мѣрахъ для очищенія отъ русскихъ войскъ турецкихъ областей, занятыхъ послѣдними. Договоръ 1841 года о проливахъ подлежалъ бы пересмотру съ тѣмъ, чтобы связать существованіе Порты съ общимъ равновѣсіемъ Европы. Конференція изъ уполномоченныхъ союзныхъ дворовъ имѣла заняться изысканіемъ и обсужденіемъ наиболѣе пригодныхъ средствъ для достиженія ихъ цѣлей. Наконецъ договаривающіяся стороны обѣщали не вступать съ русскимъ дворомъ въ переговоры и соглашеніе иначе, какъ сообща [2]).

Договоръ этотъ призванъ былъ узаконить коалицію четырехъ великихъ державъ противъ Россіи. По требованію прусскаго посланника, англійскій совѣтъ министровъ рѣшилъ, что какъ только состоится подписаніе договора, первымъ дѣломъ четырехъ уполномоченныхъ будетъ гласно заявить, что цѣль войны состоитъ въ уничтоженіи преобладанія Россіи, а также что вся Европа солидарна съ интересомъ Пруссіи имѣть обезпеченную съ сѣвера и съ востока границу [3]).

---

[1]) Письмо Бунзена къ королю и секретный меморандумъ, оба отъ 17-го февраля (1 марта) 1854 г. Замѣчательно, что въ «Bunsen's Leben» меморандумъ напечатанъ не вполнѣ, а именно пропущено все, что относится къ возстановленію Польши и присоединенію Саксоніи и австрійскихъ областей къ Пруссіи, а также къ предоставленію послѣдней главенства въ Германіи (III, стр. 337—344). Возстановленіемъ этого пробѣла мы обязаны Морицу Бушу, обнародовавшему пропущенныя мѣста въ книгѣ своей: «Unser Reichskauzler», II, стр. 204—подстрочное примѣчаніе.

[2]) Австрійскій посланникъ въ Берлинѣ графъ Тунъ барону Мантейфелю, 16-го (28) февраля 1854 года.

[3]) Телеграмма барона Бунзена барону Мантейфелю, 20-го февраля (4 марта) 1854 года.

Вопросъ о предложенномъ Австріею договорѣ обсуждался на совѣтѣ, созванномъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ 20-го февраля (4-го марта) 1854 года. Большинство присутствовавшихъ склонялось въ пользу его, въ особенности принцъ прусскій и министръ иностранныхъ дѣлъ, и военный. Но совѣсть заговорила въ королѣ. Онъ понялъ, что приступленіе его къ коалиціи было бы поступкомъ безчестнымъ по отношенію къ Россіи, которой Пруссія столько разъ была обязана своимъ существованіемъ, и наотрѣзъ отказался принять договоръ. Принцъ Вильгельмъ попытался повліять на него, указавъ въ письмѣ на опасность, которая проистечетъ для Пруссіи отъ одинокаго положенія въ Европѣ, отъ «затмѣнія» ея политики. Король отвѣчалъ ему, также письменно: «Вотъ признаніе, одно, разъ навсегда. Великая держава отличается отъ Бюкебурга и Лихтенштейна тѣмъ, что она самостоятельна, а не увлекается теченіемъ. Послѣдняя случайность можетъ, смотря по обстоятельствамъ, основываться и на весьма здравой политикѣ. Но нежеланіе плыть по теченію, называть «затмѣніемъ», это ужъ черезчуръ сильно. Австрію справедливо упрекаютъ въ отсутствіи самостоятельности по отношенію къ морскимъ державамъ. Я ставлю ей въ упрекъ слѣпоту, что съ 700,000 человѣкъ она не держитъ себя твердо и рѣшительно. При извѣстныхъ условіяхъ, я согласенъ участвовать въ требованіи (объ очищеніи княжествъ), если будетъ потребована взаимность и отъ западныхъ державъ; не то, оно становится насмѣшкою, на которую я, на мѣстѣ Николая, отвѣчалъ бы пушечными выстрѣлами. Все по чести, любезный Вильгельмъ»[1]).

Соотвѣтственно принятому королемъ рѣшенію, былъ сдѣланъ цѣлый рядъ распоряженій. Графъ Пурталесъ удаленъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Бунзенъ отозванъ изъ Лондона, даже военный министръ, генералъ Бонинъ, уволенъ въ отставку. «Время дипломатовъ прошло», сказалъ Фридрихъ-Вильгельмъ, «теперь пора королямъ исполнить свой долгъ». Онъ немедленно отправилъ чрезвычайныхъ посланцевъ проповѣдовать необходимость примиренія: принца Гогенцоллерна въ Парижъ, генерала фонъ-деръ-Грёбена въ Лондонъ, полковника Мантейфеля въ Вѣну, генерала Линдгейма въ Петербургъ. Въ собственноручномъ письмѣ онъ писалъ королевѣ Викторіи: «Война будетъ нынѣ въ полномъ смыслѣ слова войною тенденціозною. Хотятъ сломить преобладаніе Россіи! Прекрасно! Но я, сосѣдъ ея, никогда не испыталъ этого преобладанія и никогда ему не подчинялся. А Англія, по истинѣ, испытала его еще менѣе меня. Война эта подвергнетъ опасности равновѣсіе Европы, ибо величайшія державы въ мірѣ будутъ ослаблены ею. Но прежде всего позвольте мнѣ спросить: «Божественный законъ оправдыва-

---

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV принцу прусскому, 21-го февраля (5-го марта) 1854 года.

етъ ли тенденціозную войну?» Послѣднее соображеніе побуждаетъ пишущаго умолять ваше величество, ради Князя Мира, не отвергать русскихъ предложеній... Прикажите изслѣдовать ихъ отъ начала до конца, и вы увидите, что внушены они желаніемъ мира. Пусть то, что можетъ быть принято, отдѣлятъ отъ того, что возбуждаетъ сомнѣніе и начните переговоры на этомъ основаніи. Я знаю, что русскій императоръ страстно желаетъ мира. Пусть ваше величество проложитъ мостъ для принципа всей его жизни — его императорской чести! Онъ перейдетъ черезъ него, хваля и славя Богá. Я ручаюсь за это. Въ заключеніе, ваше величество, позвольте мнѣ сказать одно слово за Пруссію и за меня самого? Я рѣшился остаться въ положеніи полнаго нейтралитета, и къ сему я присовокупляю съ гордымъ одушевленіемъ, народъ мой пребываетъ въ единомысліи со мною. Онъ требуетъ отъ меня безусловнаго нейтралитета. Онъ говоритъ (и я говорю): какое намъ дѣло до турокъ?.. Пострадали турки, а не мы, но у турокъ множество добрыхъ друзей, а императоръ благородный человѣкъ и не сдѣлалъ намъ никакого зла»[1]). Краснорѣчивыя убѣжденія короля, разумѣется, остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. 16-го (28-го) марта состоялось объявленіе намъ войны морскими державами, а 28-го марта (9-го апрѣля) уполномоченные вѣнской конференціи, въ числѣ ихъ и прусскій представитель, подписали протоколъ, почти слово въ слово повторявшій условія того самаго договора, который Фридрихъ-Вильгельмъ IV такъ торжественно отказался утвердить всего только за мѣсяцъ передъ тѣмъ.

Мы бы увлеклись слишкомъ далеко за предѣлы, намѣченные нашему очерку, еслибъ стали излагать въ подробности дальнѣйшій ходъ политики берлинскаго двора въ Восточномъ вопросѣ. Достаточно напомнить, что съ одной стороны онъ заключилъ съ Австріею оборонительный и наступательный договоръ, коимъ обязался всѣми силами своими защищать Австрійскія владѣнія отъ нападенія Россіи; съ другой — поддерживалъ въ Петербургѣ всѣ предъявленныя намъ требованія Австріи, съ цѣлью побудить насъ къ уступкамъ, тотчасъ же вызывавшимъ новыя, все болѣе и болѣе унизительныя для насъ требованія нашихъ противниковъ. Достигнувъ, такимъ образомъ, согласія нашего сначала на выводъ русскихъ войскъ изъ Дунайскихъ Княжествъ, затѣмъ на принятіе извѣстныхъ четырехъ статей за основаніе мирныхъ переговоровъ, прусское правительство, вслѣдъ за тѣмъ, не поколебалось подписать дополнительную статью къ своему договору съ Австріею, коею обѣщало считать за casus foederis нападеніе наше на австрійскія войска не только въ предѣ-

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV королевѣ Викторіи, 25-го февраля (9-го марта) 1854 года.

лахъ Австріи, но и на территоріи Дунайскихъ Княжествъ. Эта новая уступка вѣнскому двору была объяснена намъ берлинскимъ кабинетомъ необходимостью удержать Австрію отъ сближенія съ Англіею и Франціею. Но шесть дней спустя, вѣнскій дворъ подписалъ съ обѣими морскими державами, даже не предупредивъ о томъ Пруссію, трактатъ, обязывавшій его принять въ союзѣ съ ними участіе въ войнѣ противъ Россіи, если въ продолженіе 1854 года не будетъ заключенъ всеобщій миръ.

Король Фридрихъ-Вильгельмъ пришелъ въ негодованіе отъ такого вѣроломства Австріи и отказался приступить къ сообщенному ему договору ея съ Англіею и Франціею. Отвѣтомъ Австріи и ея новыхъ союзницъ было исключеніе Пруссіи изъ конференціи, имѣвшей собраться въ Вѣнѣ для переговоровъ о мирѣ. Король не устоялъ противъ этого новаго удара, нанесеннаго его самолюбію. Онъ рѣшился, минуя Австрію, вступить въ непосредственные переговоры съ дворами лондонскимъ и парижскимъ, съ цѣлью заключить съ ними самостоятельный, «аналогическій» трактатъ, т. е. подобный тому обязательству, которое связывало ихъ съ вѣнскимъ кабинетомъ.

Проектъ такого трактата былъ составленъ графомъ Узедомомъ, одобренъ и утвержденъ королемъ. За допущеніе свое въ среду вѣнской конференціи, Пруссія выражала готовность, въ случаѣ отказа Россіи подчиниться условленнымъ сообща четыремъ основаніямъ мира, принудить ее къ тому силою, вмѣстѣ съ своими союзниками, другими словами, принять участіе въ войнѣ противъ нея. Забыты были положительныя увѣренія, данныя намъ и словесно, и письменно въ томъ, что Пруссія никогда не подниметъ на насъ оружія, забыты послѣ того, какъ мы удовлетворили всѣмъ ея желаніямъ, разсѣяли всѣ опасенія, дали всѣ потребованныя отъ насъ ручательства.

Для веденія переговоровъ по этому предмету посланы были: въ Лондонъ графъ Узедомъ, въ Парижъ генералъ Ведель. Отъ насъ, разумѣется, скрыли сущность возложенныхъ на нихъ порученій, предупредивъ, что первый имѣетъ условиться съ Англіею объ обезпеченіи протестантскихъ интересовъ, которымъ-де угрожаетъ сближеніе двухъ великихъ католическихъ державъ, второму же приказано убѣдить французское правительство не вводить своихъ войскъ въ Германію и не возстановлять Польшу! Такъ, по крайней мѣрѣ, доносилъ императорскому кабинету посланникъ нашъ въ Берлинѣ. Переговоры уже были въ полномъ ходу, когда разнеслась по Европѣ неожиданная вѣсть о кончинѣ русскаго императора.

Въ послѣдній годъ жизни императора Николая, отношенія его къ королю Фридриху-Вильгельму, пострадавшія было вслѣдствіе отказа послѣдняго подписать предложенный нами протоколъ о нейтралитетѣ, снова улучшились послѣ отверженія имъ договора, опол-

чавшаго на насъ всѣ великія державы, и перемѣнъ, произведенныхъ въ личномъ составѣ прусской дипломатіи. Государь былъ благодаренъ зятю за сочувствіе, выражаемое имъ на словахъ или на письмѣ, если не на дѣлѣ. Онъ вѣрилъ его обѣщанію: никогда не соединяться съ морскими державами противъ Россіи, и великодушную рѣшимость эту цѣнилъ тѣмъ болѣе, что она, повидимому, ярко контраствовала съ коварнымъ и предательскимъ поведеніемъ облагодѣтельствованной нами Австріи. Вотъ почему на смертномъ одрѣ своемъ, ничего не подозрѣвая о новой измѣнѣ Пруссіи, онъ съ признательностью вспомнилъ о королѣ. За нѣсколько минутъ до кончины, онъ промолвилъ, обращаясь къ императрицѣ: «Скажи Фрицу, чтобы онъ всегда оставался прежнимъ по отношенію къ Россіи и не забывалъ послѣднихъ словъ папа»!

Болѣзненно долженъ былъ откликнуться этотъ замогильный привѣтъ въ душѣ Фридриха-Вильгельма. Король не могъ не сознавать себя кругомъ виноватымъ предъ почившимъ зятемъ и другомъ. Совѣсть свою онъ искалъ успокоить слѣдующимъ отзывомъ о немъ въ письмѣ къ бывшему своему совѣтнику и любимцу Бунзену:

«Вы и не подозрѣвали, дорогой другъ, что, быть можетъ, въ ту самую минуту, когда вы мнѣ писали, одинъ изъ благороднѣйшихъ людей, одно изъ прекраснѣйшихъ явленій въ исторіи, одно изъ вѣрнѣйшихъ сердецъ и, въ то же время, одинъ изъ величественныхъ государей этого убогаго міра былъ отозванъ отъ вѣры къ созерцанію. Я на колѣняхъ благодарю Бога, что онъ сподобилъ меня при извѣстіи о смерти императора Николая испытать глубокое огорченіе, что онъ меня сподобилъ быть его другомъ въ лучшемъ значеніи этого слова и таковымъ остаться въ вѣрности. Вы, любезный Бунзенъ, иначе помышляли о немъ и нынѣ съ трудомъ признаетесь въ томъ предъ собственною совѣстью. Всего же труднѣе будетъ вамъ признаться въ истинѣ (которую, къ сожалѣнію, всѣ ваши письма за послѣднее тяжелое время высказывали мнѣ слишкомъ рѣзко), что вы его ненавидѣли! Вы ненавидѣли его не какъ человѣка, ибо въ этомъ качествѣ онъ былъ вамъ совершенно безразличенъ, но какъ представителя принципа дѣянія силы. Когда вы, однажды (подобно ему), будете спасены простою вѣрою въ кровь Христову и встрѣтите его въ жилищѣ вѣчнаго мира, то вспомните о томъ, что я вамъ пишу сегодня: вы будете просить у него прощенія. Пусть еще здѣсь на землѣ, любимый другъ, выпадетъ вамъ на долю блаженство раскаянія!» [1]).

Прочувствованные эти строки могъ начертать только человѣкъ, самъ искавшій въ раскаяніи—утѣшенія!

С. Татищевъ.

---

[1]) Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV барону Бунзену, 20-го февраля (4-го марта) 1855 года.

ВОСПОМИНАНІЯ М. А. КРЕТЧМЕРА [1].

V.

Назначеніе меня капральнымъ ефрейторомъ.—Переводъ меня во вторую роту.—Фельдфебель второй роты Иванъ Антоновичъ Комаровъ.—Его вліяніе на меня.—Мое капральство.—Инспекторскій смотръ.—Ординарцы и вѣстовые.—Забавный случай. — Добрый инспекторъ. — Смотръ генерала Клейнмихеля. — Его послѣдствія.—Уничтоженіе кантонистами овражковъ.—Кантонистъ Филенко и дрессированный имъ овражка. — Мое заступничество за Филенку. — Гибельный для меня результатъ заступничества.—Жестокая расправа надо мной.—Пребываніе въ больницѣ.—Штабъ-лѣкарь.—Прощаніе съ Ив. Ант. Комаровымъ.—Переводъ меня въ первую роту.

РОПУСКАЮ слишкомъ годъ, въ теченіе котораго не произошло ничего особеннаго, за исключеніемъ развѣ того, что я прямо изъ «учебныхъ» попалъ въ капральные ефрейторы; «учебными» назывались тѣ, которые учили другихъ, послѣ чего поступали въ десяточные ефрейторы, и не ранѣе какъ черезъ годъ производились въ капральные; а я сдѣлалъ шагъ не бывалый; причина тому, могу сказать по совѣсти, была та, что я выдѣлялся изъ среды товарищей во всѣхъ отношеніяхъ и, сравнительно съ другими, былъ развитъ не по лѣтамъ своимъ.

Теперь продолжаю мой разсказъ съ того времени, когда я былъ переведенъ уже во вторую роту и съ меня, въ видѣ исключенія, не только не спороли двухъ нашивокъ съ погоновъ, а, напротивъ,

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXI, стр. 631.

прибавили еще третью, означавшую, что я числюсь однимъ изъ первыхъ и достойнѣйшихъ; хотя нашивки ни на волосъ не гарантировали отъ розогъ, но все-таки давали большой почетъ. Въ этой ротѣ былъ фельдфебель, не задолго до моего перевода въ нее поступившій изъ гвардіи и шевронистъ, т. е. отказавшійся отъ офицерскаго чина, въ замѣнъ котораго получалъ двѣ трети прапорщичьяго жалованья, имѣлъ на тесакѣ серебрянный темлякъ и на лѣвомъ рукавѣ серебряную нашивку, что избавляло его отъ тѣлеснаго наказанія. Этотъ фельдфебель, Иванъ Антоновичъ Комаровъ, велъ себя совершенно не такъ, какъ вели себя другіе фельдфебели и унтеръ-офицеры. Онъ ни съ кѣмъ не знался, все свободное время посвящалъ чтенію Евангелія и Библіи, водки совсѣмъ не пилъ, съ кантонистами обращался, какъ съ дѣтьми своими. Меня онъ полюбилъ больше всѣхъ, началъ зазывать къ себѣ въ комнату, поилъ чаемъ и постоянно кормилъ чѣмъ-нибудь сытнымъ, затѣмъ давалъ мнѣ читать Евангеліе и чего я не понималъ, то объяснялъ мнѣ толково. Я къ нему привязался всею моею юношеской душой, и онъ мнѣ платилъ тѣмъ же. Изъ привязанности ли ко мнѣ или, быть можетъ, оттого, что ему не съ кѣмъ было отводить душу, онъ разсказывалъ мнѣ такія вещи, подъ секретомъ, какихъ бы мнѣ тогда вовсе не слѣдовало знать; напримѣръ, онъ доказывалъ, что офицеры нашего баталіона, не офицеры, а чортъ знаетъ что, набитые дураки и кровопійцы, а есть настоящіе офицеры, только въ гвардіи; всѣ тамъ люди умные, солдатъ не сѣкутъ, а, напротивъ, жалѣютъ, и стараются, если можно скрыть ихъ провинности; а наши, что за офицеры? Колбасники проклятые, нѣмчура! И дѣйствительно, большая половина нашихъ офицеровъ были нѣмцы, отличавшіеся жестокостью и тупоуміемъ; остальные офицеры были хотя и православные, но большею частью изъ фельдфебелей, которые, конечно, мало превосходили нѣмцевъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ умственномъ отношеніяхъ. Я и прежде не былъ высокаго мнѣнія объ офицерахъ нашего баталіона, а когда Иванъ Антоновичъ началъ выставлять мнѣ ихъ пороки, о которыхъ я не зналъ, то подобно ему и я началъ презирать ихъ (конечно, въ душѣ). Много добрыхъ совѣтовъ и наставленій выслушалъ я отъ Ивана Антоновича; больше же всего онъ внушалъ мнѣ, что когда я буду офицеромъ, то чтобы не сѣкъ солдатъ, при чемъ приводилъ слова Спасителя, сказанные имъ, что должно прощать 777 разъ; хвалилъ меня за то, что я горою стоялъ всегда за свое капральство и говорилъ: «Ты думаешь, что я не вижу, что ты всѣми правдами и не правдами защищаешь свое капральство, я все вижу и за это то я тебя такъ сильно полюбилъ, да и капральство твое всегда въ примѣръ ставятъ». И, дѣйствительно, мое капральство было примѣрное. Любили меня всѣ безъ исключенія, не какъ начальника, а какъ друга, и при этомъ уважали, хотя я этого не требовалъ.

Слѣдовательно, не только въ настоящее время, но и полвѣка тому назадъ, легко можно было обходиться безъ розогъ, и результаты выходили бы гораздо лучшіе.

Каждое лѣто, во время лагерей, бывали у насъ инспекторскіе смотры, но кромѣ Клейнмихеля, бывшаго впослѣдствіи министромъ путей сообщенія, не припомню фамилій другихъ генераловъ, пріѣзжихъ для смотра, хотя къ каждому изъ нихъ я постоянно назначался на ординарцы. Если Клейнмихель уцѣлѣлъ въ моей памяти, то по особенному случаю, о которомъ сейчасъ скажу, но прежде нѣсколько словъ объ ординарцахъ и вѣстовыхъ. Въ ординарцы и вѣстовые отъ каждой роты выбирались самые расторопные, красивые и стройные кантонисты. За двѣ недѣли до смотра, насъ отдѣляли отъ ротъ подъ команду особеннаго офицера, считавшагося докой въ шагистикѣ, кормили насъ точно на убой, борщъ съ говядиной и каша гречневая съ масломъ давались вволю, и при томъ насъ не торопили ѣсть; куртки и панталоны для насъ шились изъ особеннаго сукна, сапоги выростковые, такъ что въ общемъ мы представляли красивыхъ молодцевъ, въ особенности послѣ двухъ недѣльной кормешки. Въ первый разъ я являлся на ординарцы, когда еще былъ въ третьей ротѣ. Фамиліи генерала не помню, но помню его наружность и то, что онъ былъ предобрѣйшій человѣкъ. Почему-то вышло такъ, что онъ ускорилъ свой пріѣздъ къ намъ на два дня раньше; мы только-что отлично пообѣдали, какъ закричали: «ординарцы, живо умываться и одѣваться». Когда мы были готовы и осмотрѣны, насъ усадили въ два нѣмецкихъ шарабана и почти въ карьеръ помчали къ дому губернатора, гдѣ остановился пріѣзжій генералъ. Насъ ввели въ большую комнату, вѣроятно, залъ, гдѣ уже находилась вся губернская знать въ полной парадной формѣ. Настала наша очередь представляться. Все шло хорошо; я подошелъ бойко (хотя въ первый разъ являлся ординарцемъ) отрапортовалъ, получилъ отъ генерала «молодецъ»—гаркнулъ «радъ стараться ваше превосходительство» и отошелъ въ сторону ординарцевъ, уже являвшихся. Въ это время началъ подходить къ моей парѣ вѣстовой и, сдѣлавъ послѣдній шагъ лѣвою ногою, а правою пристукнувъ къ ней, внезапно совершилъ вмѣстѣ съ этимъ еще одинъ темпъ, вовсе не полагавшійся по военнымъ артикуламъ, и при томъ такъ громко, что даже эхо раздалось по залѣ. Онъ растерялся и не рапортуетъ. Генералъ, безъ сомнѣнія, чтобы его ободрить, сказалъ: «Ты это, братецъ, вѣроятно, отъ большого усердія»? — «Точно такъ ваше превосходительство». Занявшись ординарцами, генералъ не могъ замѣтить, какъ сзади его изъ другихъ комнатъ вошли нѣсколько дамъ, съ любопытствомъ смотрѣвшихъ на ординарцевъ первой роты, которые были въ полномъ смыслѣ красавцы и не моложе 18 лѣтъ. Когда Рашковъ (фамилія вѣстового) удралъ такую штуку, всѣ дамы бросились бѣжать изъ залы.

Въ это время генералъ обернулся и, увидавъ бѣгущихъ дамъ, сконфузился, потому что былъ далеко не старъ; онъ не сталъ принимать другихъ ординарцевъ и всѣхъ насъ распустилъ. Въ обратный путь насъ уже не везли, а шли мы пѣшкомъ вмѣстѣ съ нашими ротными командирами, которые всю дорогу ахали о такомъ выходящемъ изъ ряду вонъ случаѣ; въ особенности горевалъ нашъ ротный командиръ и всю дорогу твердилъ: «я тебѣ, Рашковъ, задамъ перцу»; но не доходя еще до лагеря, насъ нагналъ на дрожкахъ адъютантъ генерала, остановилъ, далъ всѣмъ, не исключая и Рашкова, отъ имени генерала, по 80 коп. ассиг. и, обратившись къ ротнымъ командирамъ, сказалъ: «генералъ приказалъ мнѣ передать вамъ и баталіонному командиру, чтобы того кантониста, съ которымъ произошелъ случай, отнюдь не наказывать, потому что это можетъ случиться съ каждымъ изъ насъ». На другой день генералъ смотрѣлъ нашъ баталіонъ, остался очень доволенъ и до того насъ всѣхъ хвалилъ и благодарилъ, что мы даже удивлялись его добротѣ, потому что другіе генералы при смотрахъ, хотя и благодарили, но въ концѣ всегда приказывали сѣчь насъ побольше.

Объ остальныхъ смотрахъ я не буду говорить, потому что они ничѣмъ не разнились одинъ отъ другого, а перейду къ смотру Клейнмихеля. Въ 1835 г. получается приказъ, что инспекторскій смотръ будетъ производить генералъ Клейнмихель, который въ то время завѣдывалъ всѣми низшими военными учебными заведеніями. При такомъ извѣстіи, на всѣхъ насъ, въ особенности на нашихъ начальниковъ, напалъ страхъ. Хотя никто никогда въ глаза не видѣлъ Клейнмихеля, но о немъ такъ много ходило разсказовъ не въ его пользу, что каждый, самъ не зная чего, трусилъ. Насъ принялись муштровать съ исключительнымъ рвеніемъ, отдыха не было и одного часа; муштра кончится, берутся за артикулы, а этихъ артикуловъ было чортъ знаетъ сколько; при томъ нужно было знать не только имя, отчество, фамилію, чинъ, всѣхъ командующихъ войсками, но даже кто изъ нихъ и какіе имѣлъ ордена. Къ чему намъ это было знать, про то Аллахъ вѣдаетъ, а сколько порки было, если кто ошибался!

Какъ на зло Клейнмихель долго не ѣхалъ. Назначенный срокъ давно уже прошелъ, а его все нѣтъ. Наконецъ, въ одну прекрасную ночь онъ пріѣхалъ; насъ, то есть ординарцевъ, не принялъ, и на другой же день началъ смотръ. Противъ всякихъ ожиданій, онъ остался всѣмъ доволенъ. Въ заключеніе, какъ и послѣ каждаго смотра, были вызваны впередъ мы, то есть дворяне и оберъ-офицерскіе дѣти. Мы полагали, что его превосходительство начнетъ насъ экзаменовать изъ военныхъ артикуловъ, какъ это дѣлали другіе генералы при смотрахъ; но ошиблись. Клейнмихель не спросилъ ни одного артикула, а началъ спрашивать, кто были наши отцы, какіе они имѣли чины? Спросъ этотъ начался съ праваго фланга,

съ потомственныхъ дворянъ, и намъ, стоявшимъ по росту къ лѣвому флангу, не слышно было о чемъ шла рѣчь; мы удивлялись, почему тамъ выкрикиваютъ: «радъ стараться, ваше превосходительство!» Наконецъ, Клейнмихель сталъ приближаться къ намъ, и мы уже ясно могли слышать:

— Кто твой отецъ?

— Подполковникъ азовскаго пѣхотнаго полка.

— Живъ?

— Никакъ нѣтъ, давно умеръ.

— Хорошо.

— Радъ стараться, ваше превосходительство.

— А твой кто былъ отецъ?

— Полковникъ и командиръ перваго баталіона великолуцкаго пѣхотнаго полка.

— Живъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, давно умеръ.

— Хорошо.

— Радъ стараться, ваше превосходительство.

Неизвѣстно, къ чему относилось «хорошо» его превосходительства, къ тому ли, что командиръ перваго баталіона великолуцкаго пѣхотнаго полка давно умеръ, или къ тому, что спрашиваемый отвѣчалъ бойко. Повидимому, допросъ скоро наскучилъ генералу, онъ началъ пропускать по нѣскольку человѣкъ и, наконецъ, остановился противъ меня.

— А твой кто былъ отецъ?

— Не могу знать, ваше превосходительство!

Генералъ весь побагровѣлъ, точно незнаніемъ своего отца я нанесъ ему личную обиду и крикнулъ громовымъ голосомъ:

— Высѣчь его, каналью! потомственный дворянинъ и ефрейторъ, а не знаетъ кто былъ его отецъ!

Затѣмъ онъ уже никого болѣе ни о чемъ не спрашивалъ. Всѣ офицеры баталіона, имѣя во главѣ баталіоннаго командира, шли гурьбой за генераломъ, и онъ, оборачиваясь къ нимъ, повторялъ еще нѣсколько разъ: «сѣките ихъ всѣхъ, канальевъ, это главное и необходимое», на что офицеры, взявъ подъ козырки, униженно кланялись, какъ бы говоря «будьте благонадежны, ваше превосходительство, будемъ отлично сѣчь, да мы же больше ничего не дѣлаемъ». Затѣмъ генералъ уѣхалъ.

Пораженный словами Клейнмихеля, я стоялъ, какъ говорится, ни живъ, ни мертвъ, предполагая, что послѣ смотра сейчасъ же начнется сѣкуція; но ротные командиры, объявивъ намъ двухдневный отдыхъ, разошлись по домамъ и пять дней никто изъ нихъ не являлся къ намъ въ лагерь. Говорили, что они, на радостяхъ, въ ожиданіи наградъ, кутили. Было радостно и весело цѣлому баталіону; мучился и плакалъ только я одинъ, въ ожиданіи

сѣкуціи; я потерялъ даже аппетитъ и пересталъ ходить въ столовую. Напрасно Иванъ Антоновичъ утѣшалъ меня, говоря, что выпроситъ мнѣ помилованіе у ротнаго командира; я этому не вѣрилъ, а тутъ, какъ на зло, приключилось и другое горе. Иванъ Антоновичъ началъ меня допрашивать:

— Какъ же это въ самомъ дѣлѣ, братецъ, ты не знаешь, кто былъ твой отецъ?

— Да почемъ же мнѣ знать,—отвѣчалъ я,—когда никто и никогда не говорилъ мнѣ, кто былъ мой отецъ, послѣ котораго я отстался всего одного года отъ рожденія, а вотъ отчима я помню хорошо.

— Ну, ты бы и валялъ его и сошло бы отлично, а то не могу знать; однако, я завтра пойду къ старшему писарю, я съ нимъ знакомъ, узнаю, кто былъ твой отецъ. Я полагаю, что онъ былъ генералъ, потому что ты, умница.

Иванъ Антоновичъ былъ убѣжденъ, что дѣти полковниковъ и генераловъ должны быть непременно умны; меня также очень заинтересовалъ вопросъ о томъ, кто былъ мой отецъ; я началъ мечтать, что, можетъ быть, онъ былъ корпусный командиръ, что, безъ сомнѣнія дѣтей корпусныхъ командировъ сѣчь нельзя, а потому и меня не высѣкутъ. На другой день, я съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда Иванъ Антоновичъ вернется изъ баталіонной канцеляріи. Увидя его, я бросился бѣгомъ къ нему на встрѣчу, и, не замѣчая, что онъ не въ духѣ, спросилъ: «а что узнали, Иванъ Антоновичъ, кто былъ мой отецъ?»—«Узналъ»,—отвѣчаетъ онъ лаконически. Я опять спрашиваю. «Кто же?» «Чортъ знаетъ кто! Пойдемъ въ мою комнату, тамъ скажу, а то какъ услышитъ школа, то тебѣ проходу не дастъ, будетъ смѣяться, потому что и писаря до слезъ смѣялись надъ чиномъ твоего отца». Услышавъ такія нерадостныя вѣсти, я совсѣмъ растерялся и вошелъ въ комнату, какъ истуканъ. Иванъ Антоновичъ вынулъ изъ-за обшлага четвертушку бумаги и, подавая ее мнѣ, сказалъ:— «На, читай!» Я развернулъ. Тамъ было четко написано: «Кантонистъ М. А. К. значится изъ потомственныхъ дворянъ, отецъ котораго былъ въ Дубенскомъ уѣздномъ судѣ посудкомъ.» Когда я прочелъ это, то еще больше растерялся отъ стыда, а Иванъ Антоновичъ ходитъ по комнатѣ, и твердитъ:—«Посудокъ! посудокъ! Чтобы тебя чортъ взялъ съ твоимъ дурацкимъ чиномъ!» при этомъ онъ даже плюнулъ нѣсколько разъ. Наконецъ, онъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ: «Нѣтъ, братецъ, твой отецъ должно быть страшная дрянь и дуракъ—посудокъ!» и опять плюнулъ. Хотя я не питалъ къ покойному отцу ровно никакого чувства, но тутъ мнѣ почему-то стало его жаль, и я началъ его защищать, доказывая, что быть можетъ отецъ не виноватъ, что ему дали такой дурацкій чинъ, при томъ же отецъ давно умеръ; но Иванъ Антоновичъ не унимался.—«Умеръ, ну, и чортъ съ нимъ, что умеръ! а все-таки

онъ дуракъ, что согласился принять такой дурацкій чинъ, «посудокъ!» Вошедшій дежурный унтеръ-офицеръ прекратилъ нашъ разговоръ.

Съ замираніемъ сердца я каждый день ожидалъ появленія ротнаго командира; пять дней неявки его показались мнѣ цѣлымъ вѣкомъ; наконецъ, онъ явился. Поздоровавшись съ нами, онъ вмѣсто того, чтобы производить ученіе, началъ благодарить всѣхъ за смотръ, говоря, что мы всѣ были молодцами, за что ротныхъ командировъ велѣно представить къ наградѣ; но при этомъ онъ не забылъ напомнить намъ приказаніе его превосходительства сѣчь насъ побольше. При послѣднихъ словахъ я думалъ, что онъ сейчасъ же вызоветъ меня впередъ и начнетъ пороть; но, къ удивленію моему, да и цѣлаго капральства, которое принимало живѣйшее участіе во мнѣ, ничего подобнаго не случилось; ротный командиръ распустилъ роту. Долго я еще сомнѣвался въ совершившемся надо мною чудѣ, самъ не зная откуда оно послѣдовало, такъ какъ невозможно было допустить и мысли, чтобы ротный командиръ забылъ исполнить приказаніе его превосходительства. Затѣмъ, все пошло своимъ прежнимъ чередомъ. Черезъ нѣсколько времени многіе офицеры и ротные командиры, дѣйствительно, получили награды: одни кресты, другіе повышеніе въ чинѣ, и какъ бы въ знакъ благодарности за такую милость Клейнмихеля начали съ особенной энергіей приводить въ исполненіе приказаніе, отданное имъ при окончаніи смотра: сѣчь насъ побольше. И, дѣйствительно, насъ стали пороть почти вдвое больше, чѣмъ пороли до полученія наградъ.

До сентября мѣсяца ничего особеннаго не случилось; при томъ же если описывать всѣ мелочи, то во-первыхъ можно наскучить читателю, а во-вторыхъ многіе не повѣрятъ моимъ разсказамъ, до такой степени они покажутся неправдоподобными въ настоящее время. Для примѣра, приведу одинъ изъ множества такихъ неправдоподобныхъ эпизодовъ.

Недавно, земство одного изъ уѣздовъ, Екатеринославской губерніи, земство, кажется, Новомосковское, уплатило, какъ это значится въ отчетахъ, 26,300 руб. сер. за уничтоженіе овражковъ. Нашъ же баталіонъ получилъ болѣе 30,000, но не рублей, а розогъ за то, что ловилъ и уничтожалъ овражковъ. Читатель, можетъ быть, спроситъ: съ какою же цѣлью наше начальство такъ усердно покровительствовало овражкамъ, въ то время когда даже не существовало Общества покровительства животнымъ? Отвѣтъ на это очень короткій: «для удовольствія сѣчь, придираясь ко всякому удобному случаю».

Во время квартированія по деревнямъ, въ праздничные дни, кантонисты уходили на охоту за овражками въ поле, гдѣ были заливы съ Днѣпра. Не имѣя посуды, кантонисты таскали воду сапогами, отчего, конечно, сапоги портились, а потому намъ строго

было приказано не смѣть трогать овражковъ и не ловить ихъ никакими изобрѣтеніями нашими; а изобрѣтеній мы ухитрялись выдумывать много: ставили петли, дѣлали пружинки изъ прутьевъ и т. п., ловили даже на крючки, какъ рыбу. Нѣкоторыхъ овражковъ, наиболѣе умныхъ, по нашему мнѣнію, мы дрессировали. За чтожъ казалось бы сѣчь, да еще такъ жестоко, за развлеченіе чисто дѣтское и при томъ полезное? Но у нашего начальства на первомъ планѣ стояло,—сбереженіе сапоговъ и чѣмъ усерднѣе мы ловили овражковъ, тѣмъ усерднѣе насъ пороли.

Теперь приступаю къ описанію весьма горестнаго для меня лично событія. Одинъ изъ лучшихъ кантонистовъ моего капральства, Филенко, имѣлъ подъ нарами дрессированнаго овражку, который вырылъ себѣ норку и былъ на привязи. Овражка этотъ умѣлъ служить на заднихъ лапкахъ, какъ собачка, и носилъ поноску. Мы всѣ любили этого звѣрька, хотя каждый изъ насъ имѣлъ своего и даже нѣсколькихъ, но наши овражки жили на привязи въ полѣ, гдѣ мы ихъ дрессировали и кормили. Въ роковой для меня день мы, какъ всегда, были съ семи часовъ утра на ученіи; но пошелъ сильный дождь, и насъ распустили. Отъ нечего дѣлать, ротный командиръ началъ осматривать наши постели. Я, какъ должностное лицо, ходилъ за нимъ. Фельдфебель, Иванъ Антоновичъ, съ самаго утра былъ усланъ въ отдѣленіе по дѣламъ службы. Когда мы подходили къ постели Филенки, проклятый овражка сталъ на заднія лапки и свистнулъ, чего прежде никогда не дѣлалъ. Ротный командиръ нагнулся подъ нары, но овражка, какъ нарочно, не только не испугался подобно намъ его благородія, а напротивъ свистнулъ еще нѣсколько разъ, какъ бы доказывая этимъ свою самостоятельность. Тогда ротный командиръ, вытянувшись во весь ростъ, который и безъ того былъ громадный, спросилъ:

— Чей этотъ овражка?

Тутъ уже ни скрывать, ни защищать, не было никакой возможности, и самъ Филенко отвѣтилъ:

— Мой, ваше благородіе!

— Какъ же ты смѣлъ, такой-сякой каналья, держать овражку, когда вамъ строго приказано не ловить ихъ.

— Я, ваше благородіе, учу его служить.

— А вотъ я тебя поучу, какъ служить! Эй, барабанщики, розогъ!

Тѣ уже были готовы, зная что за овражку прощенія не будетъ. Державщиковъ явилось много, но всѣ они были изъ другихъ капральствъ. Ротный командиръ крикнулъ: «На воздухъ его шельмеца, растяните вотъ такъ». Барабанщики въ свою очередь кричали:—«подобрать рубашку и панталоны къ голенищамъ»,—и по командѣ «валяй», дѣйствительно, стали валять съ адскимъ своимъ усердіемъ. Несчастному Филенкѣ дали 200 розогъ; вѣроятно, онъ

получилъ бы гораздо больше, еслибы ротный командиръ не былъ потребованъ по какому-то экстренному дѣлу въ первую роту.

Мнѣ чрезвычайно было жаль Филенка и вмѣстѣ съ этимъ я былъ крѣпко золъ на ротнаго за его вопіющую несправедливость. Я излилъ всю свою жёлчь на тѣхъ кантонистовъ, которые явились изъ другихъ капральствъ для того, чтобы растянуть бѣднаго Филенка. Я забылъ упомянуть, что всегда презиралъ охотниковъ держать истязаемую жертву и удивлялся, какое они находили въ этомъ удовольствіе. Я успѣлъ убѣдить свое капральство не выскакивать для подобной работы, а идти лишь по приказанію. Когда я началъ бранить державщиковъ Филенка за ихъ усердіе, за нихъ вступились ефрейторы другихъ капральствъ, которые питали ко мнѣ злобу и зависть за то, что ко мнѣ благоволилъ фельдфебель, а главное за то, что онъ не давалъ чаю не только ни одному изъ нихъ, но даже и унтеръ-офицерамъ. Десяточные ефрейторы моего капральства начали меня защищать. Отъ всего этого произошелъ большой шумъ. Дежурный унтеръ-офицеръ крикнулъ намъ: «замолчите, а то я доложу ротному командиру»; но не успѣлъ онъ окончить фразы, какъ ротный уже предсталъ предъ нами самолично, спрашивая: «что здѣсь за шумъ? поди сюда, дежурный! ты о чемъ хотѣлъ мнѣ докладывать?» — «Да вотъ Кретчмеръ спорилъ съ другими ефрейторами, что не слѣдуетъ держать, когда сѣкутъ». — «Какъ это не держать, не понимаю, поди сюда всѣ ефрейторы, говори, что тутъ было!» Тѣ сказали, что я ругалъ кантонистовъ, которые держали Филенка, и при этомъ пояснили, что я запретилъ своему капральству держать при сѣченіи. Тогда ротный командиръ грозно сказалъ мнѣ: «Какъ же ты смѣлъ запрещать! что же, мнѣ самому держать, говори!» Я объяснилъ, что отнюдь не запрещалъ, когда велятъ, но чтобы сами не бѣжали.—«Ага! такъ ты вольнодумецъ!» Хотя я совершенно не понималъ, что такое вольнодумецъ, но инстинктивно угадывалъ, что это что-то не хорошее, а потому и протестовалъ.— «Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, я не вольнодумецъ!»—«Врешь»— и, обратившись къ унтеръ-офицеру, спросилъ, не замѣчено ли еще чего-нибудь за мною вольнодумнаго. Тотъ, подумавъ, отвѣтилъ, что я чай пью у фельдфебеля.—«Такъ ты и чай пьешь, говори!—«Пью, ваше благородіе, когда даютъ».—«Какъ же это ты такъ пьешь?— «Въ прикуску, ваше благородіе!»—«Да я не о томъ тебя спрашиваю, мерзавецъ, въ прикуску или въ накладку ты пьешь; а зачѣмъ пьешь ты чай у фельдфебеля? это все вольнодумство; барабанщики, розогъ!» Напрасно я клялся, что я не вольнодумецъ, и что не буду совсѣмъ пить чай; все было напрасно; растянули меня, какъ лягушку, вызванные ефрейторы, завистники мои, и начали драть. Послѣ нѣсколькихъ или многихъ ударовъ, не помню, я закричалъ: «Иванъ Антоновичъ, спасите меня!» забывъ, что его и въ лагеряхъ не было, да если бы онъ и находился здѣсь, то чѣмъ же могъ по-

мочь мнѣ? Моимъ же неумѣстнымъ воззваніемъ я только больше себя губилъ, потому что ротный командиръ отъ злости превратился въ скота и началъ кричать: «валяйте его, ракалію, онъ вольнодумецъ, у него фельдфебель старше меня, задавай ему жару, задавай!» И, дѣйствительно, задавали до тѣхъ поръ, пока я не пересталъ дышать. Мнѣ разсказывали послѣ, что когда держальщики закричали: «умеръ, ваше благородіе», то экзекуторъ мой струсилъ, не того, что меня засѣкъ (засѣкалъ онъ сотни кантонистовъ), но полагалось такъ засѣкать, чтобы засѣченный могъ прожить хоть недѣлю въ лазаретѣ; тогда лѣкаря отмѣчали несчастнаго умершимъ отъ какой-нибудь болѣзни, напр. горячки, воспаленія и т. п. Эти подробности я узналъ отъ фельдшеровъ въ лазаретѣ, въ которомъ я послѣ инквизиціи пролежалъ около четырехъ мѣсяцевъ. Мнѣ говорили, что когда меня на одѣялѣ принесли въ лазаретъ, то я не показывалъ никакихъ признаковъ жизни. Я очнулся лишь тогда, когда мнѣ пустили кровь изъ обѣихъ рукъ, послѣ чего я проспалъ болѣе сутокъ; проснувшись, я не могъ пошевельнуться,—я былъ какъ бы закованный въ панцырь. Рубашка, присохшая къ израненному тѣлу, доставила мнѣ новую пытку: фельдшеръ, не давая времени намоченной рубашкѣ отстать отъ ранъ, отрывалъ ее съ кусками тѣла. Этотъ народъ привыкъ къ подобнымъ операціямъ, да и некогда было фельдшеру надъ одной операціей долго возиться, такъ какъ подобныхъ операцій было много, а фельдшеровъ недостаточно.

Дня черезъ два обходилъ палаты больныхъ штабъ-лѣкарь; подойдя къ моей кровати, онъ взглянулъ на мою дощечку, на которой надпись гласила мое званіе, фамилію и названіе моей болѣзни «utizis ber suliozum», что означало бугорчатую чахотку. Штабъ-лѣкарь велѣлъ поворотить меня на спину, посмотрѣлъ и сказалъ понѣмецки своему коллегѣ ординатору: «ничего, хороша чахотка», затѣмъ спросилъ меня, за что я наказанъ, откуда и кто были мои родные; все это спрашивалъ онъ меня понѣмецки, и я, хотя плохо, но все-таки отвѣчалъ ему на томъ же діалектѣ. Штабъ-лѣкарь; къ крайнему изумленію моему, далъ мнѣ 50 коп. ассигн. и утѣшалъ, что я буду здоровъ; онъ велѣлъ ординатору прописывать мнѣ самыя лучшія порціи, какія только полагались въ лазаретѣ и въ тотъ же день прислалъ мнѣ тонкую простыню, которую чѣмъ-то намазали и заворотили меня, потому что, начиная отъ шеи и до икръ, я весь былъ изсѣченъ какъ котлета. Черезъ нѣсколько времени тѣло мое превратилось въ одну сплошную рану; но натура и молодость взяли свое,—я вылѣчился и только не могъ ходить болѣе мѣсяца, вслѣдствіе того, что свело жилы.

Фельдшера, видя расположеніе ко мнѣ главнаго доктора и узнавъ, что я боюсь возвращаться въ свою роту, посовѣтовали мнѣ, чтобы я попросилъ его о переводѣ меня въ первую роту, съ командиромъ

которой онъ былъ очень друженъ и состоялъ въ родствѣ. Къ переходу въ другую роту я имѣлъ много причинъ; фельдфебеля Ивана Антоновича уже не было; онъ меня посѣщалъ въ лазаретѣ часто и всегда приносилъ овощи и лакомства; но это продолжалось не долго; въ послѣдній разъ онъ пришелъ ко мнѣ и далъ 2 руб. ас., объявивъ по секрету, что хотя идетъ въ отпускъ на два мѣсяца, но больше въ наше отдѣленіе не вернется, а выхлопочетъ себѣ переводъ; если же это ему не удастся, то выйдетъ въ отставку:— «не могу, братецъ, выносить безбожія», прибавилъ онъ. Я плакалъ неутѣшно; прощаясь, Иванъ Антоновичъ смѣшалъ и свою слезу съ моими; и это плакалъ усачъ, солдатъ, о долѣ сироты, дѣлясь съ нимъ своими скудными крохами, не надѣясь и не имѣя въ виду никакой благодарности отъ меня. Миръ праху твоему, Иванъ Антоновичъ, душевную мою благодарность къ тебѣ я унесу и за предѣлы гроба! Посѣщали меня также многіе кантонисты; но это продолжалось не долго, потому что въ половинѣ октября всѣ выступили изъ лагеря по деревнямъ. Просьба моя штабъ-лѣкаремъ была уважена, и я былъ переведенъ въ первую роту. Выздоровѣвъ совершенно передъ Рождествомъ, я явился въ означенную роту, въ которой, до конца моего пребыванія въ ней, никто меня пальцемъ не тронулъ, благодаря штабъ-лѣкарю.

VI.

Вражда кантонистовъ съ фабричными нѣмцами.—Воровство.—Выносливость нѣкоторыхъ кантонистовъ.—Бѣглые.—Евреи.—Преподаваніе.—Составъ офицеровъ.—Нѣмецъ-офицеръ съ кошачьими инстинктами.—Ветхость лагерныхъ построекъ.—Эпидимическая болѣзнь глазъ.—Распространеніе слѣпоты между кантонистами.—Доносъ.—Пріѣздъ изъ Петербурга генерала.—Осмотръ имъ больныхъ.—Его энергическія распоряженія.—Уничтоженіе нашего баталіона и переводъ насъ въ Харьковское военное поселеніе.—Выступленіе въ походъ.

Не знаю почему, но всѣ кантонисты терпѣть не могли фабричныхъ нѣмцевъ; вражда эта была сильная, обоюдная и установилась съ незапамятныхъ временъ. Отъ зданія Сиротскаго отдѣленія тянулась къ городу улица, по обѣимъ сторонамъ которой находились исключительно одни двухъ-этажныя, суконныя фабрики, принадлежавшія казнѣ и на которыхъ работали исключительно одни нѣмцы, выписанные изъ-за границы еще при Потемкинѣ. Нѣмцы эти нисколько не оклиматизировались въ Россіи и никто изъ нихъ, а тѣмъ болѣе ихъ жены и дѣти, не умѣли и не хотѣли говорить порусски. Кантонисты били нѣмцевъ при каждомъ удобномъ и не удобномъ случаѣ и нѣмцы платили имъ тѣмъ же; но такія торжества доставались имъ очень рѣдко, и какъ бы нѣмцы не поколотили кантонистовъ, но послѣдніе никогда не жаловались начальству,

считая большимъ для себя стыдомъ, что нѣмецъ поколотилъ русскаго; нѣмцы же, наоборотъ, всегда приносили жалобы, и тогда виновныхъ, а часто совершенно безвинныхъ, по ошибочному указанію нѣмцевъ, пороли безъ всякой пощады, въ особенности если экзекуторъ былъ нѣмецъ.

Среди кантонистовъ были и воры, и при томъ замѣчательные, особенно отличался одинъ изъ нихъ, по фамиліи Цыбулька. Хотя и говорится, что нѣтъ совершенства въ мірѣ, но въ этомъ случаѣ Цыбулька былъ исключеніе, потому что въ искусствѣ воровать онъ достигъ полнаго совершенства. Его не могъ уберечься ни одинъ лавочникъ, и онъ, постоянно воруя, ни одного разу не попался. Были также среди кантонистовъ натуры баснословной выносливости, оказываемой при сѣченіи: сколько бы экзекуторъ ни сѣкъ, подобный субъектъ никогда не произносилъ ни одного слова, не просилъ о помилованіи и не кричалъ. Экзекуторъ приходилъ отъ этого въ ярость и кричалъ барабанщикамъ: «повороти корешками, валяй крѣпче», но ничто не помогало,—истязуемый оставался нѣмъ и когда экзекуція кончалась, хладнокровно, даже флегматично, одѣвался и шелъ, не торопясь, на свое мѣсто во фронтъ, какъ будто бы съ нимъ ничего особеннаго не случилось. Былъ еще сортъ кантонистовъ, которые при сѣченіи просили помилованія, но, не получая его, начинали бранить экзекутора, кто бы онъ ни былъ: «жри, подлецъ, мое мясо, жри»! и вслѣдъ затѣмъ сыпали бранью вполнѣ солдатскою; послѣ этого они снова принимались просить о помилованіи и опять начинали ругаться, такъ что въ продолженіе инквизіи они разъ двадцать просили о помилованіи и столько же разъ ругали экзекутора самыми отборными словами.

Не помнящихъ въ каждой ротѣ было много; почти всѣ они принадлежали къ кантонистамъ другихъ баталіоновъ и, спасаясь отъ розогъ, бѣжали. Пойманные и посаженные въ острогъ, они научались у арестантовъ сказываться не помнящими родства и не говорить, гдѣ жили до поимки. Разумѣется, начальство знало, что они бѣглые кантонисты и такъ какъ, большею частью, это были дѣти 10 или 11 лѣтъ, то ихъ препровождали въ ближайшее отдѣленіе военныхъ кантонистовъ. По пріемѣ въ баталіонъ, этихъ не помнящихъ обязательно тотчасъ же сѣкли, такъ сказать, на всякій случай; на другой же день, они чистосердечно разсказывали намъ, кто они и почему бѣжали. Изъ разсказовъ ихъ оказывалось, что и въ другихъ баталіонахъ такъ же сѣкли, какъ у насъ, но они говорили, что ихъ розги были милосерднѣе, потому что были березовыя.

Евреевъ кантонистовъ также было много, но всѣ они поступали въ мастеровые: портные, сапожники, столяры, красильщики. У насъ въ баталіонѣ все работалось своими мастеровыми. Всѣ евреи принимали христіанство, за исключеніемъ тѣхъ, родители которыхъ жили въ томъ же городѣ. Мѣняли религію они съ коммерческою

цѣлью: въ то время каждому крещеному еврею казна выдавала 25 руб. ассиг., а это былъ капиталъ, съ которымъ можно было начинать какую-нибудь комерцію, или ростовщичество.

Науки у насъ преподавались довольно удовлетворительно, по-крайней мѣрѣ для кантонистовъ. Нашъ послѣдній классъ равнялся теперешнему четвертому классу гимназіи, кромѣ языковъ, которыхъ совсѣмъ не преподавали. Въ то время немногіе офицеры въ арміи знали то, что зналъ кантонистъ, окончившій старшій классъ, и странное дѣло, ни одинъ изъ высшихъ нашихъ начальниковъ не только не испытывалъ насъ въ знаніи, но даже никогда не былъ въ классахъ; ихъ занимала одна лишь муштра; свое же начальство положительство меньше знало, чѣмъ многіе изъ насъ. Между кантонистами встрѣчались люди съ дарованіями и при томъ не дюжинными; были самоучки, дѣлавшіе художественно разныя модели изъ воску, крейды и даже хлѣба, безъ всякихъ инструментовъ, однимъ перочиннымъ ножичкомъ. Были самоучки архитекторы и живописцы, но на нихъ никто изъ начальства не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, хотя не только видѣли ихъ произведенія, но даже заставляли дѣлать что-нибудь для себя.

Составъ офицеровъ, какъ я уже говорилъ раньше, отличался своей грубостью, невѣжествомъ, жестокостью. Напримѣръ, былъ у насъ офицеръ, нѣмецъ, по своимъ инстинктамъ очень походившій на кошку. Извѣстно, что кошка, въ особенности если она не голодна, поймавъ мышь, прежде всего наиграется ею вдоволь, а потомъ уже съѣстъ; таковъ былъ и нашъ нѣмецъ: попавшуюся въ его лапы жертву, сперва непремѣнно томилъ и глумился надъ нею.— «Послушай, голубчикъ»! — обыкновенно говорилъ онъ, — «какъ ты желаешь, чтобы я тебя высѣкъ? Дать ли тебѣ 150 розогъ или только 50, съ условіемъ чтобы ты самъ считалъ безъ перерыву, а если перестанешь считать, то счетъ долженъ начаться съизнова. Чтожъ ты молчишь, говори, голубчикъ, какъ хочешь»?—«Да я, ваше благородіе, никакъ не желаю, помилуйте! Клянусь Богомъ, я не виноватъ».—«Ну, ужъ, братецъ, этого не говори, а ты лучше подумай, что тебѣ выгоднѣе, получить ли 50 со счетомъ или 150 безъ твоего счету, я даю тебѣ время. Видишь, какой я добрый»! Но несчастная жертва знала по примѣру другихъ, что, согласившійся самъ считать, не выдерживалъ и получалъ, вмѣсто 50 розогъ, 200 и даже 300, а потому не знала на что рѣшиться; тогда котъ-нѣмецъ начиналъ уговаривать самымъ слащавымъ голосомъ:—«Соглашайся, голубчикъ, на 50, попробуй, я тебѣ по дружбѣ совѣтую»! Этотъ постыдный договоръ продолжался полчаса не болѣе; наконецъ, несчастный соглашается на 50 розогъ и самому считать. Начинается потѣха для нѣмца; первые удары жертва считаетъ, но, не досчитавъ и до десяти, начинаетъ кричать и просить о помилованіи; нѣмецъ хохочетъ до-упаду и заставляетъ считать съизнова; повторяется то же самое и тотъ же адскій смѣхъ нѣмца.

По прибытіи моемъ въ первую роту, капральства мнѣ уже не дали, чему я отъ души былъ радъ; но нашивокъ съ погоновъ не спороли, а зачислили меня запаснымъ капральнымъ ефрейторомъ. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля (1836 г.) нашъ баталіонъ опять былъ весь въ сборѣ и въ тѣхъ же лагеряхъ, то есть сараяхъ, которые и прежде были очень плохи, а теперь пришли въ совершенную ветхость: крыши сгнили и такъ какъ потолковъ не было, то дождь свободно пробирался на наши нары, гдѣ мы спали; стѣны сараевъ, частію отъ гнилости, частію отъ того, что доски разсохлись, просвѣчивали большими щелями, а весна стояла очень холодная и бурная, спать было очень холодно, сильные вѣтры не унимались, песокъ несло въ изобиліи со всѣхъ сторонъ, и онъ на четверть засыпалъ наши постели, попадалъ въ глаза, ротъ, уши. Не смотря на такія невзгоды, начальство наше ни за что не хотѣло оставить, даже на время, муштру, а, наоборотъ, принялось за нее со всѣмъ усердіемъ. Стоятъ бѣдные кантонисты во фронтѣ, а изъ глазъ у нихъ вода бѣжитъ и отъ песку, и отъ солнца; скоро очень многіе начали болѣть глазами; но начальство не обращало на это обстоятельство ни малѣйшаго вниманія, знай себѣ муштруетъ и муштруетъ. Между тѣмъ, больныхъ глазами не куда уже дѣвать, лазареты и гдѣ только можно было помѣстить, все занято, а потому вновь заболѣвавшихъ оставляли въ лагеряхъ. Невниманіе начальства простиралось до того, что больныхъ не позаботились положить отдѣльно отъ здоровыхъ, отъ чего глазныя болѣзни приняли эпидемическій характеръ. Въ числѣ другихъ больныхъ лежалъ и я съ опухшими глазами. Лѣкарей мы не видѣли, — ихъ было не достаточно и для тѣхъ, которые лежали въ лазаретахъ. Фельдшера появлялись и то не всякій день; лѣченіе ограничивалось прижиганіемъ ляписомъ и синимъ камнемъ; никакихъ примочекъ, или платковъ для обтиранія глазъ не было; давалось одно полотенце человѣкъ на пятьдесятъ, которое, конечно, лишь усиливало распространеніе болѣзни. Начали появляться на глазахъ бѣльмы, а затѣмъ кантонисты стали слѣпнуть. Обѣдать и ужинать намъ носили въ лагерь ушатами, отъ чего пища сдѣлалась еще хуже, но начальство наше и въ усъ себѣ не дуло. Вдругъ пронеслась молва, что кто-то сдѣлалъ доносъ, но не Клейнмихелю, какъ главному нашему начальнику, а прямо государю Николаю Павловичу. Одни говорили, что доносъ сдѣланъ былъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ, другіе утверждали, что вольно-практикующимъ докторомъ, что вѣрнѣе, не знаю: не прошло недѣли послѣ появленія такого слуха, какъ нагрянулъ изъ Петербурга генералъ, фамиліи котораго не помню, для производства слѣдствія. По пріѣздѣ, онъ тотчасъ осмотрѣлъ прежде всего лазареты; что тамъ было говорено, я не слышалъ, а передавали, что генералъ выходилъ изъ себя и бранилъ наше начальство, какъ простыхъ солдатъ, говорилъ имъ,

что они взялись не за свое дѣло, что имъ приличнѣе было бы дѣлать колбасы, нежели воспитывать дѣтей. Послѣ обѣда, генералъ явился въ нашъ лагерь. Начальство ожидало его и всѣ, не исключая баталіоннаго командира, растерялись. Вмѣсто того, чтобы принять какіе-нибудь мѣры къ улучшенію нашего положенія, они только ходили взадъ и впередъ кучкой и о чемъ-то спорили. Генералъ началъ свой осмотръ съ четвертой роты, то есть съ малолѣтокъ. Наконецъ, пришелъ въ нашу роту; мы всѣ стояли каждый около своей постели въ старыхъ, оборванныхъ шинеляхъ, понуривъ головы, и въ общемъ представляли картину крайне жалкую, и не красивую. Генералъ съ сумрачнымъ видомъ обходилъ насъ, не здороваясь, не произнося ни одного слова. Наконецъ, остановился около одного кантониста, у котораго было большое нагноеніе и спросилъ:

— Почему ты глаза не промоешь?

— Воды нѣтъ, ваше превосходительство!

— Вытри платочкомъ.

— Платочка нѣтъ, ваше превосходительство!

— Чѣмъ тебя лѣчатъ?

— Жгутъ глаза ляписомъ и синимъ камнемъ.

Этотъ отвѣтъ генералъ слышалъ уже въ сотый разъ, но не сказалъ больше ни одного слова никому; на дворѣ онъ потребовалъ фельдфебелей и, не дождавшись ихъ, уѣхалъ, велѣвъ имъ явиться къ себѣ на квартиру. Вѣроятно, генералъ имѣлъ большія полномочія, потому что все дѣлалось какъ бы по щучьему велѣнію. На другой же день намъ розданы были не по одному, а по два платка, хотя не подрубленныхъ; явились городскіе доктора и фельдшера, компрессы, піявки и всевозможныя примочки и въ изобиліи; все это точно съ неба падало, какъ дождь. Съ фабрикъ прогнали нѣмцевъ, станки ихъ выбросили на дворъ, и насъ всѣхъ перевели туда съ нашими постелями; хотя кроватей не было, и мы всѣ лежали на полу, но было просторно, сухо, а главное не было вѣтру, а съ нимъ и песку засыпавшаго глаза. Пища была отличная: говядина не только на обѣдъ, но и на ужинъ. Дня черезъ три роздали намъ зеленые на проволокѣ зонтики и не только больнымъ, а выдали платочки и зонтики еще не успѣвшимъ заразиться. Съ каждымъ днемъ прибывали новые лѣкаря и фельдшера; откуда ихъ брали и въ такомъ количествѣ, Богъ знаетъ. Всѣ мы ожили; лѣченіе началось правильное и всего было даже въ излишествѣ; не зараженныхъ услали въ ближайшую деревню Одіевку, не разбирая кто какой роты, а всѣхъ вмѣстѣ. Благодаря энергичному образу дѣйствій генерала, у многихъ уцѣлѣли глаза, въ томъ числѣ и у меня; но тѣ кантонисты, которые заболѣли прежде, тѣмъ помочь было не возможно, и всѣ они ослѣпли, счастливцами считались имѣвшіе лишь бѣльмы. Въ сентябрѣ начали формироваться роты по своимъ

деревнямъ; выздоравливавшіе отправлялись въ свои роты, въ числѣ прочихъ и я прибылъ въ свою роту уже совершенно здоровымъ. Узнаю, что ученій никакихъ нѣтъ, въ классы не ходятъ, ротный командиръ новый и пальцемъ никого не тронулъ!

Въ первыхъ числахъ октября послѣдовалъ высочайшій указъ объ уничтоженіи нашего баталіона, оффиціально называвшагося «Сиротскимъ отдѣленіемъ военныхъ кантонистовъ», а насъ всѣхъ (кромѣ ослѣпшихъ, которыхъ отправили по всѣмъ богодѣльнямъ) велѣно перевести въ военное поселеніе, въ Харьковскую губернію, въ г. Чугуевъ.

Уничтожить этотъ адъ было необходимо; изъ того, что я сказалъ, читатели могутъ видѣть, что это былъ за вертепъ, а, между тѣмъ, я не сказалъ и сотой доли, что здѣсь творилось; но меня удивляетъ, для чего все это было сдѣлано съ такой поспѣшностью; насъ торопили къ выступленію, точно на пажаръ. Получилось предписаніе изъ штаба прислать немедленно изъ нашей роты одного капральнаго, четырехъ десяточныхъ ефрейторовъ и двухъ барабанщиковъ; такъ какъ я былъ запаснымъ, то меня и назначили.

Въ штабѣ мнѣ вручили списокъ партіи, назначенной на завтра къ отправкѣ, нужно было разбить партію на десятки. Партіонный унтеръ-офицеръ былъ не грамотный, а нужно было принимать на всю партію новыя куртки, рубашки, сапоги, портянки и фуражки. Такъ какъ въ партіи было 250 человѣкъ, то пріемка продолжалась за полночь, при фонаряхъ; полученныя вещи зашивались въ тюки и клались на подводы. Все это дѣлалось ночью, и чуть-свѣтъ подводы были усланы впередъ.

Что сталось съ нашими офицерами, я и по настоящее время не знаю; говорили, что многихъ разжаловали, но насколько это вѣрно, не знаю; пусть лучше скажетъ объ этомъ архивъ. Достовѣрно лишь то, что генералъ, устроивъ насъ больныхъ, уѣхалъ, а вмѣсто него былъ присланъ слѣдователь, полковникъ, по фамиліи, кажется, Морозовъ; вѣрно также и то, что передъ выступленіемъ послѣдней партіи кантонистовъ, кому-то понадобилось, чтобы баталіонная канцелярія сгорѣла и такъ умно, что не вытащено ни одного лоскутка бумаги.

Всю ночь передъ походомъ я и подчиненные мнѣ ефрейторы не спали. Еще до свѣта были подняты дѣти, отправлявшіеся въ походъ. Съ восходомъ солнца данъ былъ завтракъ: каша въ жидкомъ видѣ съ говядиной, а на дорогу по ломтю хлѣба, затѣмъ самыхъ маленькихъ, отъ восьми и до десяти лѣтъ, усадили на обывательскія подводы, по шести на каждую.

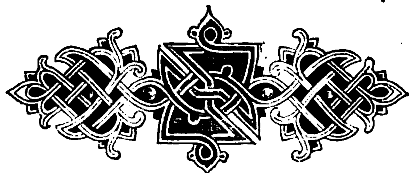
Какъ ни рано мы выступили, но смотрѣть насъ, словно какое диво, собралось многое множество народу; однихъ фабричныхъ нѣмцевъ и нѣмокъ было, я думаю, тысячъ до пяти. Физіономіи ихъ доказывали, что они въ восторгѣ, избавляясь отъ вѣковыхъ своихъ

враговъ; провожали насъ съ рыданіемъ и непритворнымъ сожалѣніемъ однѣ только солдатки, торговки пирожками и бубликами, которыя только и подерживали свое существованіе отъ нашего баталіона. На прощанье, онѣ каждаго кантониста цѣловали, крестили и давали по бублику или пирожку безденежно.

Когда маленькихъ кантонистовъ разсадили по подводамъ, старшихъ возрастомъ, 11-ти и 12-ти лѣтъ, выстроили; ударили въ барабаны, скомандовали «по отдѣленіямъ направо скорымъ шагомъ маршъ, прямо». По слову «прямо» всѣ кантонисты мгновенно, какъ бы по командѣ, сняли фуражки и набожно перекрестились. Бѣдные, бѣдные дѣти! ни одному изъ васъ не могло даже присниться, какое горе васъ постигнетъ на-яву, чрезъ нѣсколько дней!

М. Кретчмеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗНАЧЕНІЕ МАЛОЙ АЗІИ ДЛЯ РОССІИ.

ИЗЪ ВСѢХЪ странъ Азіи, прилегающихъ къ нашимъ предѣламъ, всего болѣе Малая Азія должна интересовать русскихъ не только по своему географическому положенію, но и потому значенію, которое она можетъ имѣть для Россіи. Къ сожалѣнію, какъ и во многомъ другомъ, о странѣ, лежащей рядомъ съ нами, мы знаемъ всего менѣе, тогда какъ англичане, французы и даже нѣмцы и американцы изучили ее вдоль и поперекъ. Если при Наполеонѣ III Сирія и Палестина были близки къ тому, чтобы подпасть совершенно подъ протекторатъ Франціи, то Анатоліи въ настоящее время грозитъ значительная опасность стать ареною дѣятельности англичанъ и нѣмцевъ. Соревнуя другъ къ другу, и тѣ, и другіе безпрестанно предлагаютъ султану проекты разнообразныхъ желѣзнодорожныхъ сѣтей, съ помощью которыхъ они могли бы эксплуатировать Малую Азію—единственно въ своихъ личныхъ интересахъ. Отъ успѣха тѣхъ или другихъ ходатайствъ и выполненія одного изъ проектовъ зависитъ отчасти и близкое будущее этой прекрасной страны. Англичане серьезно думаютъ о ней, какъ о новомъ буферѣ противъ возростающаго могущества Россіи въ Азіи, тогда какъ завистливые германцы и теперь мечтаютъ о ней, какъ о будущемъ новомъ фатерландѣ для возрощенія не столько культуртрегерскихъ, сколько политическихъ колоній. Одни мы, русскіе, не обращали никакого вниманія на то, что у насъ лежитъ подъ руками, и за всѣ 50 лѣтъ близкаго сосѣдства съ Малой Азіей заботились о ней менѣе чѣмъ Италія объ Абиссиніи, а Испанія—о пресловутомъ Марокко. А вопросъ Малоазійскій уже и теперь

стоитъ на очереди; будущее Восточнаго вопроса разрѣшится по всѣмъ даннымъ не на поляхъ Болгаріи и Балканахъ, а на классической почвѣ Малой Азіи. Пойдетъ ли русскій солдатъ для разрѣшенія наболѣвшаго Восточнаго вопроса своими пѣхотными ногами прямо къ Босфору и Дарданелламъ, или будетъ пробираться въ глубь Арменіи и Курдистана, освобождая христіанъ Востока, сказать пока трудно, ибо это зависитъ отъ числа нашихъ враговъ и крѣпости нашей позиціи на Черномъ морѣ, но все-таки слѣдующій ударъ, который при настоящихъ условіяхъ мы можемъ нанести Турціи, упадетъ на нее со стороны Анатоліи. Мы ничего не дѣлаемъ для облегченія этой трудной задачи, а, между тѣмъ, обстоятельства не ждутъ, и мы можемъ оказаться завтра же наканунѣ роковой необходимости—двинуться съ Кавказа въ горы и долины Анатоліи. Сами турки уже давно насъ ждутъ со стороны Кавказа, и въ послѣднюю мою поѣздку поперекъ Малой Азіи я вполнѣ убѣдился въ этомъ.

Не говоря уже о христіанскомъ населеніи Малой Азіи и особенно объ армянахъ, ждущихъ, какъ манны небесной, когда придетъ съ сѣвера сердобольный московъ освобождать своею горячею кровью христіанъ Анатоліи, забывъ о неблагодарныхъ христіанахъ Балканскаго полуострова, сами турки увѣрены въ скоромъ появленіи нашихъ знаменъ не только на границѣ, но и въ самомъ сердцѣ Анатоліи. Даже въ Харпутѣ, не говоря уже объ Эрзерумѣ, Ванѣ и Эрзингіанѣ, многіе истые турки не совѣтуютъ не только покупать новыхъ земель, но и возводить богатыхъ сооруженій, такъ какъ все равно это добро попадетъ въ руки москову или «ирмени (армянамъ)», которымъ передастъ земли османовъ великій Бѣлый Падишахъ. Таково убѣжденіе турокъ, увѣрившихся окончательно послѣ послѣдней войны, что Аллахъ предаетъ въ руки невѣрныхъ урусовъ даже исконныя турецкія земли. Въ связи съ этимъ убѣжденіемъ, такъ же какъ и съ прекрасными впечатлѣніями, вынесенными сотнями тысячъ плѣнныхъ турецкой арміи изъ хлѣбосольной Московіи, и является тотъ интересный для насъ, русскихъ, фактъ, что въ настоящее время въ самой турецкой арміи ростетъ уже убѣжденіе—невозможности противиться «урусу». «Если будетъ новая война съ русскими», говорилъ мнѣ одинъ почтенный полковникъ изъ Малатіи—истый османъ родомъ, «мы не будемъ уже также храбро сражаться съ вами, многіе бросятъ свои ружья и сабли, потому что все равно Аллахъ предаетъ Турцію въ руки москова; нашъ султанъ продалъ Турцію невѣрнымъ франкамъ, а Пророкъ уже отвернулся отъ насъ. Мы голодаемъ, не имѣемъ ни платья, ни хлѣба, ни хорошаго жилища для своей семьи, а плохой тотъ солдатъ, которому нечего ѣсть; московъ Падишахъ добръ и честенъ; онъ даже намъ,—плѣннымъ собакамъ для него, давалъ хлѣбъ, одежду и бакшишъ такъ же какъ и своимъ аскерамъ. Всякій человѣкъ

служить тому, кто даетъ ему кусокъ хлѣба, а нашъ султанъ забылъ свои вѣрныя войска... Плохо они по неволѣ будутъ драться за него и его интересы... Иншаллахъ—такъ Богу угодно»! Таковы разсужденія не одного полковника изъ Малатіи; они распространены даже въ тѣхъ войскахъ, которыя стоятъ далеко отъ русской границы и чужды всякихъ либеральныхъ вѣяній, приходящихъ и въ Турцію, какъ и по всюду, извнѣ...

Если такъ смотрятъ сами турки на близкое будущее Малой Азіи, то нечего и намъ пугаться, какъ грознаго призрака или несбыточной мечты, нашего болѣе или менѣе близкаго похода къ центру Анатоліи. Всѣмъ, кто знаетъ современное соціальное, экономическое и политическое положеніе послѣдней, не покажется вовсе удивительнымъ, что мы смотримъ на него исключительно съ практической и удобовыполнимой стороны. Національная рознь, достигшая въ послѣднее время въ Анатоліи высокаго развитія, крайнее истощеніе страны постоянными усиленными наборами, рядъ экономическихъ кризисовъ, слѣдовавшихъ за войною, все это, вмѣстѣ съ сильнымъ паденіемъ престижа турецкой власти, ослабляетъ и безъ того не крѣпкую позицію османовъ въ сѣверо-восточной Анатоліи. Мы не будемъ скрывать того, что, какъ стратегическій театръ, особенно съ топографической точки зрѣнія, Арменія, какъ и Понтъ, и Курдистанъ, представляютъ прекрасныя базы для защиты противъ нашествія внѣшняго врага, но не надо забывать и того, что мы можемъ легко завладѣть главными узлами страны, если будемъ имѣть прочную опору за собою на Кавказѣ. Припомнимъ, что орографически Кавказъ совершенно составляетъ одно цѣлое съ массивами Арменіи, и если долины Аракса, Чороха и другихъ болѣе мелкихъ рѣкъ, какъ и верхнихъ притоковъ Ефрата, можно считать перерывами въ горныхъ дебряхъ, то эти послѣднія служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ — и дорогами въ самую глубь страны. Корпусный командиръ 4-го турецкаго армейскаго корпуса считаетъ не только вполнѣ возможнымъ, но и вѣроятнымъ наступленіе русскихъ черезъ небольшія рѣчныя долинки Арменіи по направленію къ ряду рѣчныхъ долинъ верхняго Ефрата, слѣдуя теченію котораго можно легко прійти, какъ къ Мушу, такъ и къ Малатіи и Харпуту, откуда идутъ уже болѣе или менѣе удобные пути сообщенія во всѣ части Малой Азіи.

Я не буду останавливаться долѣе на разсмотрѣніи этого интереснаго вопроса, надъ которымъ мнѣ пришлось не мало поработать въ послѣднее свое путешествіе поперекъ Малой Азіи, когда я отыскивалъ прямой путь отъ русской кавказской границы къ предѣламъ Палестины, я коснулся его лишь настолько, насколько вызвалъ меня недавній интересный докладъ г. Джурича въ Обществѣ содѣйствія Русской торговлѣ и промышленности, тѣмъ болѣе что почтенный референтъ счелъ необходимымъ выдвинуть его по поводу

проекта о заселеніи Черноморскаго побережья Кавказа казаками. Г. Дукмасовъ въ своихъ прочувствованныхъ статьяхъ, печатавшихся въ «Русскомъ Вѣстникѣ», первый указалъ на важность казачества въ качествѣ основного элемента для русской колонизаціи на Кавказѣ, который далъ бы твердую опору нашему владычеству въ Передней Азіи. Того же самаго касался и я въ своемъ недавнемъ сообщеніи въ томъ же Обществѣ, вызванномъ докладомъ г. Джурича.

Роль казаковъ не только въ качествѣ воиновъ, но и колонизаторовъ въ будущемъ и возможномъ нашемъ походѣ въ Анатолію, дѣйствительно, представляется не изъ послѣднихъ уже потому одному, что казакамъ не впервые приходится побывать въ Малой Азіи. Еще отцы и дѣды ихъ во времена удалого казачества, переплывая на своихъ утлыхъ челнахъ Черное море, грабили прибрежные города Анатоліи и заходили даже довольно далеко въ глубь страны, чему остались нѣкоторыя историческія указанія. Извѣстный восточный писатель XVI или XVII вѣка Эвлія-эффенди говоритъ объ отрядѣ казаковъ, истребленномъ туземцами и дикими звѣрями въ самомъ центрѣ Анатоліи, а въ преданіяхъ горцевъ Антитавра, какъ и горъ Кебанъ-Маадена, до сихъ поръ сохраняются воспоминанія о набѣгахъ морскихъ людей, приходившихъ съ береговъ далекой Московіи. О дѣяніяхъ казаковъ во всѣ наши войны въ Азіатской Турціи нечего и говорить, и если прекрасная, такъ льстившая русскому самолюбію легенда о десяткахъ тысячъ вольныхъ казаковъ, скрывающихся гдѣ-то въ Арменіи и Курдистанѣ, и должна считаться, какъ я доказалъ въ свое послѣднее путешествіе, миѳомъ, то это не исключаетъ вовсе возможности существованія казачьихъ выселковъ изъ знаменитаго Майноса даже въ самой серединѣ Малой Азіи, какъ, напримѣръ, на среднемъ Ефратѣ, не говоря уже о рыбачьихъ казачьихъ поселкахъ по берегамъ Анатоліи. Казакъ, такимъ образомъ, первымъ изъ русскихъ людей пришелъ въ Малую Азію тогда, когда въ Россіи еле знали о самомъ существованіи ея. Казаками, поэтому, надо будетъ воспользоваться и при дальнѣйшемъ нашемъ движеніи въ глубь серединной страны. Если въ настоящее время казаки двухъ кавказскихъ казачьихъ дивизій занимаютъ кордонныя линіи по границамъ Персіи и Азіатской Турціи, то они также легко могутъ выдвинуться и далѣе, не замѣчая ощутительной разницы ни въ климатическихъ, ни въ бытовыхъ условіяхъ. Казака Закавказья и теперь можно двинуть, какъ угодно, далеко въ глубину Анатоліи, не рискуя его поставить въ такія неблагопріятныя санитарныя условія, которыя бы отразились роковымъ образомъ на его могучемъ, уже приспособившемся вполнѣ къ условіямъ подобнаго существованія организмѣ.

Но, какъ ни много мы можемъ надѣяться на казацкую силу, какъ на могучій рычагъ, которымъ можемъ распахивать дѣвствен-

ныя поля азіатскихъ странъ и народовъ, надо позаботиться прежде всего о томъ, чтобы точка приложенія этого рычага была прочна и вѣрна. Рычагъ казацкой силы дѣйствуетъ вѣрно и хорошо лишь въ томъ случаѣ, если почва подъ нимъ устойчива и крѣпка, если рукоять его держится прочно и сильною рукою, если онъ можетъ упереться о могучую казацкую же грудь. Вотъ почему, прежде чѣмъ неразсчетливо двигать впередъ казацкія дружины, надо обезпечить ихъ тылъ, дать имъ опору въ казацкомъ же войскѣ и землѣ. Припомнимъ изъ нашей исторіи, какъ съ помощью вольной казацкой дружины ширилась и раздвигалась на счетъ азіатчины русская земля. Казакъ никогда не шелъ, не обезпечивъ себѣ тыла, не поставивъ своихъ устоевъ въ заранѣе пройденной имъ землѣ. Казацкая палатка и избушка были первыми зернами русской колонизаціи во всѣхъ занимаемыхъ вновь земляхъ. Припомнимъ, что старая, до-петровская Русь, какъ и много лѣтъ потомъ, въ періодъ нашей новой исторіи, со стороны Азіи, со всего юга, югозапада, юговостока и даже востока, какъ живою стѣною огорожалась казацкими землями и свободными казацкими полками. Лишь только эти послѣдніе чувствовали подъ собою крѣпкую почву, лишь только казакъ понималъ, что земля, занятая имъ, сдѣлалась родною, будучи полита кровью и пòтомъ его земляковъ, онъ уже не только не уступалъ ее никакому ворогу, но, напротивъ, самъ двигался далѣе, словно для того, чтобы ширить предѣлы и безъ того безпредѣльной родной земли. Такъ было въ Сибири, въ Средней Азіи, такъ было и на Кавказѣ, хотя тамъ это не такъ замѣтно. За живою казацкою стѣною уже крѣпко и прочно чувствовала себя и гражданская, и политическая власть, устанавливались сами собою законный порядокъ и водвореніе гражданственности и права, скоро начинались и претвореніе инородческаго элемента, и возможное сливаніе его съ русскимъ. Можно было бы привести десятки примѣровъ этого интереснаго этнографическаго вліянія казацкой силы, но уже одного того обстоятельства, что казакъ не гнушался принимать въ свою среду даже инородца, достаточно для того, чтобы объяснить огромное вліяніе казацкой силы на границахъ Россіи въ качествѣ обрусѣвающаго элемента. И башкиръ, и калмыкъ, и татаринъ, и полякъ, и всякій другой инородецъ, будь то якутъ или бурятъ, вошли или входили незамѣтно для самихъ себя въ живую казацкую среду, становясь настоящими казаками, претворяясь невиднымъ образомъ въ носителей идеи казацкой вольности и свободы и вмѣстѣ съ тѣмъ носителей русской государственной идеи. О прочности такой русской живой стѣны намъ не приходится вовсе распространяться, потому что за ея крѣпостью собралось и укрѣпилось государство русское. Установленіе такой казацкой стѣны на всѣхъ русскихъ малоазіатскихъ, какъ и среднеазіатскихъ границахъ крайне желательно не только въ видахъ политическихъ, но и

этнографическихъ. Чтобы ни говорили о невозможности и излишествѣ русскаго движенія далѣе въ глубину Анатоліи или Мессопотаміи, по направленію къ воротамъ океана, Персидскому заливу или Средиземному морю, но едва ли это постепенное движеніе русскихъ въ глубину Азіи можно отрицать; вопросъ болѣе или менѣе близкаго будущаго составляютъ и серьезныя волненія христіанъ въ Передней Азіи, могущія вызвать вмѣшательство и со стороны Россіи. Припомнимъ только слова одного изъ умнѣйшихъ турецкихъ государственныхъ людей Фуада-паши, что «черезъ 100 лѣтъ Россія немыслима безъ Босфора и выхода въ Индѣйскій океанъ» — и то роковое тяготѣніе Россіи къ югу, проходящее черезъ всю ея исторію, для того, чтобы предугадывать отчасти недалекое будущее. Помимо всеобщаго ожиданія насъ въ Малой Азіи туземцами, о чемъ мы уже говорили выше, Западная Европа давно увѣрена въ безповоротности нашего движенія въ глубину Анатоліи и въ подчиненіи нашему вліянію всей Передней Азіи. Какъ ни старалась Англія вырвать изъ сферы русскаго вліянія Персію, Афганистанъ и всю Центральную Азію, ей не удалось это вовсе, не смотря даже на то, что мы не только дѣлали рядъ ошибокъ, но не пошевельнули и перстомъ для завоеванія себѣ болѣе или менѣе прочнаго положенія въ этихъ историческихъ странахъ. Еще менѣе, пожалуй, для будущаго русскаго дѣла мы сдѣлали въ Анатоліи, хотя наши кавказскія границы острымъ клиномъ давно врѣзываются въ Малую Азію и поддерживаютъ надежды въ христіанскомъ населеніи Арменіи и Курдистана. Снующіе взадъ и впередъ между Кавказомъ и Анатоліею армяне и греки, отчасти и ансаріи, служатъ живою связью между народностями двухъ пограничныхъ странъ, и не одинъ армянинъ Великой Арменіи считаетъ только вопросомъ времени сліяніе всѣхъ армянъ въ одно, если не политическое, то культурное и этнографическое цѣлое. Присутствіе въ пограничныхъ областяхъ народностей, принадлежащихъ двумъ государствамъ, не могущимъ никогда слиться между собою или образовать болѣе или менѣе естественнаго союза, какъ учитъ насъ исторія, всегда служитъ причиною пограничныхъ распрей, кончающихся объединеніемъ лишь политически раздѣленныхъ, но этнографически цѣлыхъ единицъ подъ властью сильнѣйшаго изъ соперничествующихъ сосѣдей. То же самое, разумѣется, въ силу исторической необходимости случится и на кавказской нашей границѣ. Представляя, поэтому, съ извѣстной точки зрѣнія, обстоятельство весьма благопріятное для государства сильнаго, присутствіе на самой отдаленной окраинѣ народностей, принадлежащихъ двумъ или тремъ государствамъ (на Кавказѣ армяне, курды), не можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не внушать и значительныхъ опасеній съ политической точки зрѣнія; въ виду этого воздвиженіе такой прочной живой стѣны, какъ казацкое заселеніе въ пограничныхъ областяхъ Кавказа съ Персіей

и особенно съ Малой Азіей, является крайне полезнымъ дѣломъ въ смыслѣ обезопасенія этой окраины и приготовленія изъ нея твердаго оплота, на который можно будетъ опереться смѣло при возможныхъ операціяхъ въ Анатоліи. Чтобы нѣсколько освѣтить сущность постепенно назрѣвающаго Малоазійскаго вопроса, я позволю себѣ сперва сдѣлать краткій географическій обзоръ этой страны, а затѣмъ остановиться на прошломъ Малой Азіи и на значеніи ея въ исторіи человѣчества; на основаніи данныхъ этой послѣдней можно попытаться начертить въ общихъ чертахъ и недалекое будущее этой серединной страны. Это близкое будущее ни въ какомъ случаѣ не должно быть чуждымъ для Россіи, и игнорировать его, какъ мы игнорируемъ многое другое на Востокѣ, было бы новою непростительною ошибкою.

Подобно своему сосѣду, удивительному микрокозму—Греціи, вмѣстившей на ничтожномъ клочкѣ пространства всѣ формы земельной поверхности въ поразительно гармоническомъ сочетаніи, Малая Азія представляетъ также великія горы и равнины, водообильныя рѣки и пустыни, прекрасно развитую береговую линію и большія изолированныя плато; вмѣстѣ съ этимъ разнообразіемъ рельефа, она обладаетъ и великимъ разнообразіемъ климатовъ, а слѣдовательно—и флоры и фауны. Припомнимъ только прекрасныя слова Мальтбрюна, такъ характеризовавшаго природу Малой Азіи: «Здѣсь мѣсто рандеву Сибири съ Сахарой, ибо такъ не далекъ переходъ отъ снѣжныхъ Таврскихъ и Ливанскихъ вершинъ къ раскаленнымъ за-Евфратскимъ и Сирійскимъ пустынямъ, здѣсь одно и то же дуновеніе вѣтра колеблетъ и финиковую пальму на Мессопотамскихъ равнинахъ, и сѣверную сосну на Курдистанскихъ горахъ. Здѣсь реву Евфратскаго льва отвѣчаетъ ревъ медвѣдя на горной Арменіи».

Какъ географическая индивидуальность, полуостровъ Малой Азіи расположенъ такъ выгодно, какъ ни одна страна въ мірѣ. Распространяясь между тремя частями Свѣта, связываясь съ ними широкими перешейками: Суецкимъ, Кавказскимъ и Персидскимъ, она въ самомъ дѣлѣ заслуживаетъ названіе «серединной земли». Самой природой этой послѣдней предназначено служить интересамъ трехъ частей Свѣта и представлять естественный мостъ между пятью морями, ведущими во всѣ концы міра и имѣющими на своихъ берегахъ великое разнообразіе физическихъ и культурныхъ условій. Это разнообразіе всего болѣе замѣтно въ западной части этой прекрасной страны.

Западная часть Малой Азіи съ своими прекрасно разсѣченными на подобіе пальцевъ прибрежіями, съ массою небольшихъ полуострововъ и островковъ и съ неглубокими рѣчными долинами вплоть

до горъ и плоскогорій внутренности страны вовсе не имѣетъ азіатскаго характера; она принадлежитъ географически такъ же, какъ и исторически, къ Европѣ[1]), составляя почти одно цѣлое съ берегами прекрасной Эллады, не отдѣляемой, а соединяемой съ Анатоліею посредствомъ Эгейскаго моря и естественнаго моста, перекинутаго черезъ десятки острововъ Архипелага. Точно также одно цѣлое, родственное съ ближайшими частями Европы, представляетъ и Понтійское побережье Анатоліи, составляющее какъ бы естественное продолженіе кавказскаго берега отъ Пицунды и Сухумъ-Кале. Высокія плоскогорія Арменіи и Курдистана родственны возвышенностямъ южнаго Кавказа, такъ же какъ и прилегающимъ частямъ Иранскаго плато. Только внутреннія части Анатоліи, самая сплоченная часть Малоазійскаго плоскогорія, составленная изъ ряда болѣе или менѣе обособленныхъ плато, не имѣютъ ничего общаго съ Европою и носятъ характеръ большихъ плоскихъ возвышенностей, столь свойственныхъ огромному материку Азіи. Если прибрежная полоса Киликіи, Сиріи и Палестины по своему общему характеру еще имѣетъ нѣкоторое сходство съ ближайшими частями южныхъ европейскихъ полуострововъ, то внутреннія ихъ части, какъ и вся Мессопотамія, лежатъ всецѣло въ поясѣ великихъ пустынь, тянущихся черезъ весь Старый Свѣтъ отъ Атлантическаго до Великаго океана и представляющихъ на огромномъ пространствѣ болѣе или менѣе одинаковыя флору и фауну пустынь.

Великое разнообразіе рельефа, характеризующее эту серединную страну, порождаетъ и красоту ландшафта; «тутъ можно видѣть все разнообразіе формъ сѣвера и юга, горъ и равнинъ, плодоносныхъ полей и безжизненныхъ пустынь; лучшія по красотѣ мѣстности Европы повторяются въ Малой Азіи; Тавръ представляетъ лучшіе виды, чѣмъ Тироль и Швейцарія, Пиринеи и Апеннины; долины Ерменека, Меандра и Ириса—красивѣе долинъ Швейцаріи, Испаніи и Сициліи; берега Пафлагоніи и Понта, Ликіи и Киликіи еще живописнѣе береговъ Адріатики; долины Бруссы, Афіумъ-Кара-гиссара и Исбарта, не хуже знаменитой Vega di Grenada или равнинъ Ломбардіи, а берега заливовъ западной части Анатоліи— не уступаютъ прославленному заливу Неаполя... Прибавьте къ этому еще вѣчно голубое небо и почти тропическую растительность во многихъ мѣстахъ...» (Чихачевъ, l. c.). Тотъ же самый много потрудившійся авторъ характеризуетъ гидрографію Анатоліи немногими, но весьма рельефными замѣчаніями. «Всѣ главныя рѣки этой страны не глубоки, неудобны для судоходства и дѣлаютъ массу извилинъ противъ прямой линіи; всѣ онѣ поражаютъ своими дугами, развитыми, какъ рѣдко гдѣ-нибудь въ мірѣ, всѣ согнуты и переломаны, какъ будто для того, чтобы занять поменѣе простран-

[1]) Реклю. Всеобщая Географія, IX, p. 397.

ства. Начала всѣхъ рѣкъ расположены очень высоко, а потому разница между устьемъ и истокомъ велика, что обусловливаетъ и крутость спуска. Самое распредѣленіе рѣкъ Малой Азіи неравномѣрно; большія плато Ликаоніи, Галатіи, Фригіи и Каппадокіи лишены почти совершенно текучей воды. Ликаонія еще въ древности называлась axylon (безлѣсная, пустынная), такъ же какъ Фригія, Исаурія и Писидія — terra deserta, invia, inhabitabilis et inaquosa, какъ писали средневѣковые географы. Быстрота рѣкъ вмѣстѣ съ ихъ незначительною шириною очень характерная для всей Передней Азіи обусловливаетъ засореніе русла массою обломковъ, что подтверждается и исторіею; нѣкоторыя рѣки засорились совершенно, другія даже исчезли, тогда какъ третьи свернули съ прямого направленія; многія рѣки, бывшія судоходными въ древности—navigabiles, теперь совершенно неспособны носить даже небольшія суда». Другой авторъ[1]), хорошо знакомый съ географіею Малой Азіи, говоритъ, что «рѣки ея, приближаясь къ берегу, идутъ по глубокимъ, почти недоступнымъ ущельямъ или по открытымъ равнинамъ; въ центральной и южной части Анатоліи ручьи не достигаютъ моря; одни изъ нихъ теряются въ соленыхъ озерахъ, другіе питаютъ озера прѣсной воды и, протекши подъ Тавромъ, выбиваются въ видѣ обильныхъ родниковъ и питаютъ рѣки южнаго берега». Съ своей стороны я добавлю для характеристики гидрографіи Малой Азіи, что рѣки ея довольно рельефно выказываютъ характеръ свойственный вообще азіатскимъ рѣкамъ: «онѣ текутъ лучеобразно по разнымъ направленіямъ, начинаясь почти всѣ изъ глубочайшихъ странъ континента, изъ середины его плоскогорій и горныхъ цѣпей и, такимъ образомъ, проходятъ глубоко въ центрѣ материка[2]).

Великое разнообразіе рельефа Малой Азіи порождаетъ и великія климатическія различія; приведенное изреченіе Мальтбрюна довольно мѣтко характеризуетъ его. Въ то время, какъ на нижнемъ теченіи Тигра и Ефрата и на склонахъ Киликійскихъ горъ и Ливана мы встрѣчаемъ чуть не тропическую растительность, на многихъ высокихъ плоскогоріяхъ Курдистана и Арменіи флора до того бѣдна, что съ нею можетъ соперничать чуть не флора полярныхъ странъ. Уильсонъ сравниваетъ климатъ Малоазіатскихъ плоскогорій съ климатомъ Новой Англіи (въ Сѣверной Америкѣ), мы же можемъ сравнить его съ тѣмъ, что наблюдается на южныхъ отрогахъ Урала и горъ южной Сибирской окраины. На сѣверномъ Понтійскомъ берегу, куда приносятся черезъ Черное море холодные сѣверные вѣтры, зима суровая съ обильными дождями и снѣгами, тогда какъ на южномъ Килійкійскомъ берегу—это одно изъ пріятнѣйшихъ временъ года. «Такъ какъ Анатолія, говоритъ Уиль-

---

[1]) Уильсонъ. Замѣтки по физической географіи Малой Азіи.

[2]) А. В. Елисѣевъ. Раціональная географія, р. 64.

сонъ (l. c.), съ трехъ сторонъ окружена водою, то лѣтомъ съ береговъ дуютъ морскіе вѣтры съ трехъ сторонъ. Эти противуположныя теченія, интерферируясь, образуютъ въ центрѣ плато поясъ безвѣтрія, гдѣ сильный зной умѣряется лишь еженедѣльными грозами. Центральныя части Арменіи, поэтому, удаленныя отъ моря, страдаютъ попеременно отъ сильныхъ холодовъ и страшнаго лѣтняго зноя; разность температуръ дня достигаетъ до 35° на плато Курдистана».

Въ то время, какъ Лазистанъ есть отечество всевозможныхъ фруктовъ, а окрестности Трапезунта одѣты сплошною лентою садовъ, внутреннія части Арменіи почти лишены древесной растительности, какъ и огромныя пространства центральныхъ Анатолійскихъ плато и пустынь Мессопотаміи. Климатъ этой послѣдней, обусловливаемый тремя факторами—центральными пустынями, удаленными отъ моря, круговою оградою горныхъ массивовъ, окружающихъ ее съ трехъ сторонъ, и двумя великими рѣками, представляетъ «переходный поясъ, гдѣ перекрещиваются метеорологическія явленія сосѣднихъ странъ, и гдѣ встрѣчаются флоры и фауны, принадлежащія различнымъ областямъ». Благодаря этому, въ то время какъ на сѣверѣ и на востокѣ склоны Курдистанскихъ и Иранскихъ горъ покрываются по веснамъ душистою зеленью прекрасныхъ нагорныхъ пастбищъ, среднія части Мессопотаміи представляютъ даже раннею весною полувыжженныя пустыни; лишь на нижнемъ теченіи Шатъ-эл-Араба встрѣчаются цѣлыя рощи прекрасныхъ финиковыхъ пальмъ, смягчающія унылый ландшафтъ пустыни. Въ противуположность климату огромной Мессопотамской равнины климаты небольшихъ рѣчныхъ и горныхъ долинъ центральной части Анатоліи представляютъ самое поразительное разнообразіе, смотря по условіямъ рельефа. Отъ райскихъ уголковъ рѣчныхъ долинъ Менандра до суровыхъ дебрей Саккалъ-тутанской тѣснины можно указать на цѣлыя тысячи всевозможныхъ климатическихъ переходовъ. «Разсматриваемая въ цѣломъ, говоритъ Реклю, Малая Азія имѣетъ все-таки болѣе холодный климатъ нежели полуострова Европы подъ тою же широтой, и температуры въ ней отличаются большими крайностями». Она имѣетъ свои знойные очаги въ пустыняхъ Сиріи, Петры и Мессопотаміи, и на Конійскомъ плато, но за то съ трехъ сторонъ въ нее дуютъ освѣжающіе вѣтры четырехъ морей, дышущіе съ сѣвера холодомъ и зимою; небольшіе ледники этой прекрасной страны столпились болѣе на востокѣ и на Киликійскомъ побережьѣ, а отдѣльныя разбросанныя по всей Анатоліи возвышенности служатъ отличными охладителями, сближая дѣйствительно нерѣдко Сахару съ Сибирью на протяженіи немногихъ верстъ. Нельзя не согласиться, поэтому, съ Чихачевымъ, что Малая Азія, «обладая всѣми прелестями живописной горной страны, даже лишенная ореола древности, все-таки прекраснѣе лучшихъ странъ Европы...»

Не даромъ, поэтому, преданія древнѣйшихъ народовъ отыскивали рай въ этой чудной странѣ, орошенной двумя великими рѣками-близнецами, не даромъ она окружена ореоломъ чудныхъ преданій, не даромъ, поэтому, она и впослѣдствіи стала страною, гдѣ «сама почва—исторія».

Страна, легшая по рединѣ міра, соединившая три части Свѣта и отразившая ихъ характеръ на самой себѣ,—страна разнообразнѣйшаго рельефа, полная разнообразныхъ даровъ природы, совмѣстившая на маломъ пространствѣ всѣ формы земной поверхности, составляющая естественное продолженіе всѣхъ культурнѣйшихъ странъ древняго міра, облегавшихъ ее, богатая всѣми формами проявленія жизни и красотою своихъ ландшафтовъ, территорія съ прекрасно-развитыми орографическою и гидрографическою сѣтью, вносящими великое разнообразіе въ каждый ея уголокъ, и склоняющаяся къ пяти средиземнымъ морямъ, представляетъ единственное въ мірѣ сочетаніе всевозможныхъ условій, благопріятствующихъ не только первичному ея заселенію, но и высшему развитію человѣческихъ культуръ. При той вложенной, отчасти инстинктивно, въ человѣчество склонности къ переселенію и разселенію, обусловливаемой часто борьбою за существованіе, Малая Азія, какъ единственный перешеекъ между морями различныхъ народностей, должна была необходимо стать не только огромнымъ воспріемникомъ разнообразныхъ населеній, но и тѣмъ горниломъ, въ которомъ могли переработаться всѣ разнообразнѣйшія особенности ихъ. Страна, гдѣ цѣлыми тысячелѣтіями сталкивались Востокъ съ Западомъ, Сѣверъ съ Югомъ, не только съ физической точки зрѣнія, но и въ лицѣ многочисленныхъ пришельцевъ, отовсюду нахлынувшихъ сюда, страна, гдѣ жили рядомъ морякъ и горецъ, номадъ и земледѣлецъ, обитатель лѣсовъ и вольный сынъ пустыни, гдѣ сошлись лицомъ къ лицу мудрый египтянинъ и хитроумный грекъ, мореплаватель финикіецъ и исконный хлѣбопашецъ Аріи, живой горячій пышущій огнемъ пустыни семитъ, и холодный разсудительный халдей,—страна, гдѣ столкнулся скиѳъ съ персомъ, житель Ливіи съ обитателемъ Турана, а Европа въ лицѣ Рима и Эллады со всѣми этими разнообразными элементами,—такая только страна и могла возростить то здоровое растеніе культуры, на которомъ скоро распустился такой чудный цвѣтокъ.

Сложите вмѣстѣ все огромное разнообразіе внутренняго содержанія и внѣшняго міросерцанія каждаго изъ многочисленныхъ народовъ Малой Азіи, всю опытность, знаніе и умѣнье, накопявшіяся въ каждомъ изъ нихъ тысячелѣтіями до общаго соединенія въ серединной странѣ, сопоставьте рядомъ разнообразные культы, отразившіе природу разныхъ уголковъ міра, разнообразныя потребности и стремленія, помѣстите все это въ условія самой оже-

сточенной борьбы за существованіе и за обладаніе такими райскими мѣстами, какія во многихъ частяхъ представляетъ Малая Азія, соединенная и раздѣленная вмѣстѣ съ тѣмъ морями, пустынями и группами горъ,—и тогда понятны будутъ тѣ главныя причины, которыя сдѣлали эту страну священною землею, колыбелью нашего просвѣщенія, мѣсторожденіемъ перваго человѣка и его райскимъ обиталищемъ, какъ говорятъ легенды Ирана, Халдеи и Палестины. Слишкомъ много элементовъ разнообразныхъ, собранныхъ отовсюду, вошло и расплавилось въ великомъ горнилѣ Малой Азіи, и нѣтъ ничего мудренаго, что изъ нихъ выплавился драгоцѣнный сплавъ новой культуры, свободной цивилизаціи не міра природы, а міра человѣческой души. Очищенный отъ грубыхъ примѣсей дальняго Востока, Сѣвера и Ливіи этотъ драгоцѣнный чистый сплавъ, проникнутый греческимъ геніемъ, и былъ для человѣчества тѣмъ давно искомымъ философскимъ камнемъ, который поднялъ и оживилъ древній міръ, падавшій отъ борьбы съ внутреннимъ разладомъ и культомъ природы, не удовлетворявшимъ его.

Окидывая общимъ взглядомъ всю исторію цивилизацій древняго, средняго и новаго міра, мы можемъ отмѣтить для Малой Азіи, какъ серединной страны, три великихъ эпохи, характеризующіяся по преимуществу тѣмъ или другимъ направленіемъ, по которому слѣдовали движенія народовъ и культуръ. Въ первомъ, древнемъ періодѣ «ось вращенія Стараго Свѣта въ отношеніи торговыхъ сношеній и въ смыслѣ распространенія идей склоняется отъ юго-востока къ сѣверо-западу; въ этомъ же направленіи идетъ и поясъ наибольшей жизненности историческихъ народовъ». Въ слѣдующій періодъ, характеризующійся по преимуществу движеніемъ народовъ съ Востока на Западъ, направленіе исторіи, торговыхъ сношеній и распространенія разнообразныхъ идей совпадаетъ съ линіею переселеній, хотя и совершается въ обѣ стороны съ преобладаніемъ однако движеній съ Запада на Востокъ. Въ періодъ новѣйшій, въ которомъ находится и доселѣ вся Малая Азія, эта послѣдняя постепенно засыпала, теряла свое значеніе и дошла, наконецъ, до того, что на большемъ пространствѣ заглохла, омертвѣла и превратилась въ пустыню, усѣянную лишь, какъ кладбище, останками нѣкогда великихъ и многолюдныхъ городовъ. Вавилонъ и Ниневія, Сарды и Милетъ, Баальбекъ и Пальмира, Петра и Іерусалимъ, Антіохія и Дамаскъ, Троя и Ефесъ, Селевкія и Эдесса, Никомидія и Трапезунтъ—все это лишь великія громкія имена, представляющія или груду развалинъ, или блѣдную тѣнь того, чѣмъ была и могла быть страна. Носительница великаго прошлаго, страна, давшая міру религію, науку и культуру, теперь сама жаждетъ обновленія отъ тѣхъ, кому она отдала все, куда отлетѣлъ геній Халдеи, куда эллины внесли новую жизнь и гдѣ сохранились вдохновенные завѣты Христа.

Но что же обусловило эту гибель великой страны, хроническое вѣковое ея страданіе, близкую къ смерти политической агонію. Могли, казалось, измѣниться народы, но страна, источавшая медъ и млеко, должна была и донынѣ остаться тѣмъ эллизіумомъ, какимъ она была въ древности, и попрежнему источать свои дары. Безъ сомнѣнія, въ этомъ упадкѣ, не имѣющемъ ничего подобнаго во всемъ мірѣ, помимо природы должны быть виноваты и люди, которые одни перемѣнились въ этой чудной странѣ.

Многіе авторы распространялись не мало о вліяніи природы и рельефа на человѣка-обитателя данной страны, но они часто умалчивали объ обратномъ воздѣйствіи человѣка на природу и страну, тогда какъ объ этомъ послѣднемъ не надо никогда забывать. «Вліяніе внѣшнихъ условій на человѣка, говоритъ одинъ изъ выдающихъ географовъ, не болѣе человѣческаго воздѣйствія на внѣшній міръ. Правда, человѣкъ не можетъ создать силы, какъ и вещества, но онъ искусно пользуется естественными силами для того, чтобы подчинить себѣ природу» и мало-по-малу одолѣваетъ ее. Трудъ человѣка, собравшагося въ большія сообщества, представляетъ уже огромную силу, которая не можетъ оставаться безъ вліянія на любой клочекъ земли, разъ она была приложена на этомъ послѣднемъ. Если ничтожный дождевой червь, какъ доказалъ знаменитый Дарвинъ, способенъ преобразовать внѣшніе пласты всей земной поверхности, то, безъ сомнѣнія, коллективная сила всего человѣчества представляетъ элементъ, могущій еще болѣе и глубже воздѣйствовать на природу. Трудъ человѣка, вѣчно видоизмѣняющійся, сообщилъ земной поверхности величайшее разнообразіе видовъ; благодаря земледѣлію, понимаемому въ обширномъ смыслѣ, огромныя территоріи на землѣ совершенно утратили свою первоначальную физіономію. Воздѣлывая почву, человѣкъ видоизмѣняетъ самый физическій и химическій ея составъ; удобряя безплодную, орошая сухую, дренажируя болотную, размельчая на кусочки, иногда твердую, какъ камень, почву, укрѣпляя и засѣивая песчанную, человѣкъ становится настоящимъ царемъ верхней оболочки земли [1]). Воздѣлываніе этой послѣдней и видоизмѣненіе ея вліяетъ, разумѣется, и на климатъ, а слѣдовательно на флору и фауну, на которыхъ особенно сильно сказывается могущество человѣка.

Вліяя такимъ кореннымъ и глубокимъ образомъ на землю, человѣкъ каждой мѣстности становится ея хозяиномъ, своего рода художникомъ и лѣпщикомъ. Отъ искусства этого послѣдняго зависитъ и степень, и характеръ тѣхъ измѣненій, которыя онъ въ силахъ и въ желаніи произвести. У добраго хозяина, экономизирующаго каждую каплю, эксплуатирующаго каждый уголочекъ почвы, сберегающаго каждую травинку, каждый кусточекъ на пользу и бла-

---

[1]) А. В. Елисѣевъ. Раціональная Географія (l. c.).

горазумное распоряженіе, все хозяйство идетъ хорошо, и доходы превосходятъ расходъ; у хозяина не умѣлаго, растрачивающаго безполезно матеріальныя и экономическія силы своего даже обширнаго хозяйства, это послѣднее падаетъ не замѣтно, не успѣвая доходами пополнить расхода. Отъ хозяевъ Малой Азіи въ многомъ очень зависитъ причина упадка ея благосостоянія не только въ настоящее, но и прошедшія времена. Мудрые обитатели Вавилоніи, не смотря на все неизмѣримое богатство своей территоріи, не расходовали напрасно ея огромныхъ производительныхъ силъ, они любили землю, какъ свою кормилицу, и умѣли воздѣлывать и благоразумно эксплуатировать ее. Еще въ библіотекахъ Аккада есть цѣлыя сочиненія, трактующія о земледѣліи, объ уходѣ за полями, за способами обработки земли, объ употребленіи орудій и истребленіи дурныхъ травъ. Точно такими же раціональными хозяевами были и первичные обитатели Сиріи и другихъ уголковъ Азіи; даже гористая Арменія издревле славилась высокою степенью своей агрикультуры. Рядъ народовъ, владѣвшихъ Малою Азіею до временъ римлянъ, подчинившихъ себѣ всю Переднюю Азію, тоже велъ, повидимому, раціональное хозяйство, которое въ блестящемъ состояніи унаслѣдовали собственники Рима. И вотъ, съ переходомъ земель Малой Азіи въ руки латинскихъ хозяевъ начинается періодъ упадка въ обработываніи и эксплуатированіи земли, продолженныя наслѣдниками Рима. Не зная и не желая знать законовъ природы, управляющихъ полевымъ хозяйствомъ, такъ же какъ и экономіею всего міра, цивилизованный и варварскій вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ началъ съ насилія надъ природой. «Послѣ не вѣдѣнія законовъ природы, войнъ и другихъ потрясеній мирнаго благосостоянія странъ, главный источникъ, causa causarum дѣйствій и небреженій, сдѣлавшихъ безплодною лучшую часть имперіи цезарей, есть во-первыхъ варварскій и разрушительный деспотизмъ самого Рима, а потомъ тѣ свѣтскія и духовныя тиранніи, которыя послѣ паденія Рима, какъ предсмертное проклятіе, тяготѣли надъ всѣми его обширными владѣніями [1])». Благодаря насилію надъ природой, обезображенію ея нелѣпо понимаемыми декараціями, крайне не разумно веденному хозяйству и неумѣнію блюсти экономію производительныхъ силъ страны, эта послѣдняя стала постепенно замирать. Началось дѣло, какъ и вездѣ, съ истребленія лѣсовъ; еще императоръ Адріанъ въ своемъ походѣ на персовъ спалилъ цѣлые лѣса на Ефратѣ, которые съ тѣхъ поръ не могли уже отрости. «Разъ огромные лѣса, продолжаетъ тотъ же авторъ, исчезли съ горныхъ откосовъ и вершинъ, перегной листьевъ и пней, а также плодородная почва нагорныхъ полей—все это было смыто водой; тамъ, гдѣ были роскошные поёмные луга, теперь стали без-

[1]) Маршъ, «Человѣкъ и Природа», р. 4.

плодныя равнины, потому что не существуютъ уже болѣе водоемы и резевуары, снабжавшіе водой древніе каналы и, наконецъ, изсякли даже самые ключи; рѣки знаменитыя въ исторіи, прославленныя въ пѣсняхъ, обратились въ ничтожные ручьи; исчезли ивы, служившія нѣкогда охраненіемъ и украшеніемъ плотинъ водныхъ вмѣстилищъ, и рѣчки, никогда не пересыхавшія, начали пересыхать, потому что небольшое количество воды, продолжающее еще течь по старому руслу, или испаряется отъ лѣтняго зноя, или поглощается пересохшей землей, прежде чѣмъ успѣетъ достичь низменныхъ мѣстъ; рѣчныя русла превратились въ широкія полосы песку и кремня; песчаныя мели заградили входъ въ судоходныя рѣки; гавани, нѣкогда бывшія рынкомъ обширной торговли, обмелѣли отъ наносовъ рѣкъ, при устьяхъ которыхъ лежатъ; возвышеніе дна лимановъ и происшедшее вслѣдствіе этого уменьшеніе быстроты теченія водъ, въ нихъ вливающихся, были причиною того, что огромное пространство мелкихъ водъ и плодородныхъ нѣкогда земель превратилось въ непроизводительныя болота съ зловредными испареніями» или высохли совершенно и превратились въ пустыню. Мы нарочно привели длинную цитату Марша, такъ живописно и картинно рисующую постепенное развитіе упадка данной страны вслѣдствіе не разумнаго вмѣшательства человѣка въ жизнь и экономію даннаго клочка земли, потому что она всего лучше примѣняется къ Малой Азіи.

Но не прошли и человѣку даромъ это насиліе надъ природой, невѣдѣніе ея законовъ, обезображеніе ея нелѣпыми понятіями о красотѣ, не разумная трата ея производительныхъ силъ, не раціональное веденіе хозяйства и варварское вторженіе въ экономію страны. «Развитіе человѣчества, говоритъ Реклю, тѣсно связано съ окружающею его природою. Между землею и народами, которыхъ она кормитъ, устанавливается тайная гармонія, и человѣческія общества, которыя позволятъ себѣ занести руку на то, что составляетъ красоту ихъ территоріи, всегда рано или поздно раскаиваются въ своемъ безрасудномъ поступкѣ. Гдѣ природа обезображена, гдѣ пейзажъ утратилъ всякую поэзію, тамъ гаснетъ воображеніе, блѣднѣетъ умъ, рутина и раболѣпство закрадываются въ душу людей и располагаютъ ихъ къ апатіи и смерти». Чудныя, прекрасныя слова, всего лучше примѣняемыя къ Малой Азіи—этому лучшему самоцвѣту Востока.

Разумѣется, разъ начатое еще во времена Рима дѣло разрушенія пошло crescendo при такихъ варварахъ-хозяевахъ, какими явились въ Малой Азіи наслѣдники Византіи и особнно турки, совершенно умертвившіе страну. Правда, армяне на сѣверо-востокѣ и арабы на югѣ еще успѣшно воздѣлываютъ почву, нѣкогда служившую житницей древняго міра, а теперь еле прокармливающую свое собственное населеніе, правда, еще не совсѣмъ забылось древ-

нее искусство сирійцевъ и вавилонянъ устраивать замысловатыя системы орошенія, и даже горные курды до сихъ поръ умѣютъ искусно проводить воду въ своихъ каменныхъ дебряхъ, но все это не можетъ вокресить страны. Она ждетъ иной жизни, и дождется многого, но никогда не дастъ прежней Мессопотаміи, древней Сиріи или Лидіи, какими намъ рисуетъ ихъ исторія. Теперь сама природа стала противъ этой нѣкогда чудной страны и дополняетъ дѣло разрушенія, впервые начатое человѣкомъ и съ такимъ успѣхомъ продолжаемое имъ уже много столѣтій до послѣдней поры.

Безъ сомнѣнія, къ двумъ разрушительнымъ элементамъ, подорвавшимъ благосостояніе Малой Азіи и ея историческое значеніе—истощенію почвы, обусловленному не раціональнымъ хозяйствомъ, и опустошительнымъ войнамъ, скашивавшимъ не разъ не только все населеніе, но и самую культуру страны, надо прибавить еще третью болѣе роковую причину—это постепенное изсушеніе страны. Не особенно быстро изъ годъ въ году, мало-по-малу, но все-таки очень замѣтно сохнетъ и мертвѣетъ сама по себѣ Малая Азія; высыхаютъ ея многочисленныя озера, мелѣютъ рѣки и гавани, поднимаются берега, море отходитъ отъ нихъ, словно какая-то роковая сила дѣйствуетъ ежечасно на всемъ пространствѣ серединной страны, выпиваетъ ея влагу, сушитъ почву и превращаетъ ее въ камень. Этотъ печальный фактъ замѣтили еще великіе наблюдатели древности, его константируютъ и современные обитатели страны, на глазахъ которыхъ изсушается ихъ кормилица-земля. Двѣ космическія причины дѣйствуютъ одновременно и согласно въ одномъ направленіи, и какъ результатъ ихъ сложенныхъ силъ, является роковое изсушеніе Малой Азіи и сопредѣльныхъ съ него странъ. Первая причина на видъ мало замѣтная—это постепенное поднятіе почвы, увеличеніе ея на счетъ моря и отступленіе послѣдняго отъ береговъ. Малая Азія лежитъ въ области поднятія почвы такъ же какъ и берега Финикійской Африки (область древняго Карѳагена), Греціи, Сициліи, Сардиніи и др. Благодаря этому геологическому явленію, отмѣченному ясно на берегахъ Малой Азіи, эта послѣдняя «уже въ историческую эпоху увеличилась значительнымъ поясомъ прибрежія въ ущербъ Эгейскому морю»; приращеніе берега идетъ на столько значительно, что западное побережье Анатоліи въ какія-нибудь двѣ тысячи лѣтъ увеличилось почти на 200 квадр. верстъ. Этимъ и объясняется тотъ всѣмъ извѣстный фактъ, что многія древнія гавани обмелѣли, а города, лежавшіе при нихъ, ушли подалѣе отъ моря; такъ отступили отъ берега развалины Милета, Галикарнаса, Ефеса, Смирны, Магнезіи, Трои и др., многіе острова Архипелага, прежде обособленные, соединились, слились между собою или съ сосѣднимъ берегомъ и прилипли, такъ сказать, къ побережьямъ Анатоліи, увеличивъ ея бахромчатость и величину береговой линіи. Объ этомъ отступленіи моря, увеличеніи береговъ и сліяніи съ

сушею островов говорятъ Плиній, Страбонъ, Павзаній и др. То же самое явленіе замѣчается и на берегахъ Понта, и на Киликійскомъ побережьѣ. Разумѣется, разъ страна повышается надъ моремъ, экономія водъ ея измѣняется чрезвычайно, рѣки начинаютъ скорѣе отливать свои воды въ море, мелѣть неравномѣрно, что также можно принимать для Малой Азіи, гдѣ, по выраженію Павзанія, «все измѣнчиво».

Другая причина изсушенія страны, такъ сказать, метеорологическая и сводится, главнымъ образомъ, къ сильно континентальному климату ея. Роковые по своей сухости вѣтры дуютъ постоянно въ странѣ, перекрещиваются, производятъ нерѣдкія вращательныя движенія воздуха и буквально, можно сказать, пьютъ воду. Господствующіе вѣтры Малой Азіи — сѣверный, сѣверо-восточный и юго-западный должны пройти многія тысячи верстъ по континентальнымъ странамъ, прежде чѣмъ достигнуть поверхности Малой Азіи, не принеся часто и одного процента влажности, выпитой по дорогѣ сухимъ воздухомъ континентальныхъ странъ. При дѣйствіи такихъ сильныхъ атмосферическихъ насосовъ, работающихъ цѣлыя тысячи лѣтъ, не мудрено, что выпивается влага и безъ того не обильная во всей Передней Азіи, и страны, нѣкогда плодородныя, обращаются въ ненаселенныя глиняныя и песчанныя пустыни. Надо замѣтить при этомъ, что всѣ пустыни міра имѣютъ наклонность двигаться впередъ въ сторону обитаемыхъ и культивируемыхъ странъ, онѣ словно сторожатъ каждый шагъ человѣка въ дѣлѣ воздѣлыванія почвы и постоянно грозятъ при малѣйшей оплошности вторгнуться въ его область съ песками, смертью и самумомъ; малѣйшее нарушеніе равновѣсія въ экономіи странъ, сопредѣльныхъ съ пустынею, особенно въ гидрографическомъ отношеніи, влечетъ за собою роковую месть; пески идутъ вслѣдъ за изсушеніемъ почвы, засыпая постепенно нѣкогда высоко-культивированныя страны. Великолѣпныя развалины городовъ пустыни: Баальбека, Пальмиры, Петры, Сузы, Эбоды, Элузы и др. показываютъ намъ рельефно, что воцареніе песковъ, засыпающихъ ихъ развалины, совершилось уже во времена историческія.

И вотъ, благодаря всѣмъ этимъ, отчасти роковымъ, космическимъ, отчасти поправимымъ, обусловливаемымъ самимъ человѣкомъ причинамъ, захудѣла и захирѣла страна, вмѣщавшая нѣкогда земной рай, текшая медомъ и млекомъ, и возрастившая культуры древняго міра. Вслѣдъ за страной, отражая въ себѣ общій характеръ и складъ ея, захирѣлъ и принизился и самый, нѣкогда гордый обитатель ея. Только народы, оставшіеся еще вѣрными земледѣлію, полагавшіе всю свою силу въ землѣ и производительной силѣ ея, еще существуютъ, множатся и живутъ, надѣясь на болѣе лучшія и счастливыя времена, тогда какъ другія народности, всегда съ пренебреженіемъ относившіяся къ воздѣлыванію земли, ма-

лятся, вырождаются и вымираютъ такъ быстро, что можно предвидѣть ихъ полную политическую смерть. Если разобрать статику и динамику всѣхъ народовъ, населяющихъ Малую Азію, то можно, по біологическимъ условіямъ ихъ существованія, нарисовать не только будущее этихъ самыхъ народовъ, но и тѣ этнологическія измѣненія, которыя въ недалекомъ будущемъ отразятся на судьбахъ интересующей насъ страны. Въ то время, какъ господствующая раса турокъ и полукочевая нація курдовъ малятся и вымираютъ, живые дѣятельные народы: греки, арабы и армяне ростутъ, множатся, крѣпятся и идутъ на завоеваніе своего древняго наслѣдія. «Овымъ подобаетъ роститися, овымъ же малитися»—въ этнологіи Малой Азіи это евангельское положеніе проходитъ красною нитью черезъ всѣ народы и вѣка.

Хотя и замерла и заглохла въ сравненіи съ прошлымъ великимъ страна, но она не заснула на вѣки. Теперь уже она начинаетъ пробуждаться и первымъ своимъ движеніемъ пытается сбросить съ себя налегшаго на нее тяжелымъ кошмаромъ османа. Пробужденіе ея равносильно паденію власти турокъ на всемъ пространствѣ великой страны; оживленіе Малой Азіи—это—возрожденіе трехъ жизнеспособныхъ національностей ея на счетъ двухъ другихъ — малодѣятельныхъ и малоспособныхъ. Малая Азія ждетъ себѣ новаго хозяина, чтобы оживиться, зацвѣсти и стать снова въ прежнее положеніе, хотя и не такое блестящее, какъ въ древности—служить живою органическою связью между тремя соприкасающимися въ ней частями Свѣта. Кто будетъ новымъ энергичнымъ хозяиномъ, который подниметъ хозяйство и экономію этой страны и вернетъ ей снова то положеніе, которое она по праву должна занимать, сказать пока трудно,—но ни одна изъ трехъ силящихся играть первую роль въ Малой Азіи національностей—грековъ, арабовъ и армянъ, не обладаетъ такою мощью, чтобы слить то, что было раздѣлено тысячелѣтіями, воскресить то, что спало вѣками, толкнуть то, что коснѣло со временъ паденія Рима и Византіи. Безъ сомнѣнія, всѣмъ этимъ тремъ народамъ предстоитъ блестящая роль — служить къ обновленію страны, бывшей издревле полемъ ихъ широкой дѣятельности, но имъ однимъ не подъ силу такая великая задача, такъ какъ они сами получаютъ свою силу, образованіе и культуру не изъ Азіи, которая въ послѣднее время только мертвила ихъ, а изъ той же далекой и близкой, вмѣстѣ съ тѣмъ, Европы, куда изъ Азіи перенесли эллины искру божественнаго свѣта, которую они съумѣли раздуть въ пламень, и доселѣ озаряющій міръ. Изъ Европы должно прійти и возрожденіе страны, послужившей нѣкогда колыбелью человѣческой цивилизаціи. Недаромъ Азія протянула руку къ Европѣ; прежде она сама давала этой послѣдней свои обильные дары,—а теперь проситъ помощи, ко-

торая досел҇ѣ приходила лишь въ лицѣ однихъ и тѣхъ же юркихъ эллиновъ, шмыгающихъ и теперь, какъ и во времена процвѣтанія Іоніи, между Азіею и Европой, словно не зная, гдѣ ихъ родина— въ прекрасной ли Элладѣ или чу́дной Іоніи.

Понемногу, очень понемногу цивилизуется Малая Азія; мы, разумѣется, не считаемъ за цивилизацію ту показную форму, въ которой она является у младо-турокъ, старающихся обезьянничать и подражать Европѣ, перемѣняя лишь одежду и оставляя въ своемъ внутреннемъ содержаніи непроходное варварство, еще болѣе гнусное, чѣмъ во времена янычаръ. Греки, со стороны Потнійскихъ и Средиземныхъ береговъ, несутъ въ Малую Азію уже довольно глубоко тѣ принципы, которые исходятъ изъ свободной Эллады, и ту науку, что вливаютъ въ греческую націю факультеты Стамбула и Аѳинъ; съ востока, богатые жизненнымъ опытомъ, трудолюбивые, отстоявшіе свою національность и религію входятъ все глубже и глубже въ Анатолію армяне, уже теперь являющіеся «европейцами центральныхъ частей полуострова». Американскіе миссіонеры уже покрыли всю Арменію, Курдистанъ и Анатолію частою сѣтью своихъ школъ, воспитывающихъ цѣлыя тысячи молодыхъ армянъ, въ которыхъ не безъ основанія многіе видятъ задатокъ обновленія страны; центральныя коллегіи въ Харпутѣ, Айнтабѣ, Діарбекирѣ, медицинская школа Айнтаба, большія миссіонерскія учрежденія для мальчиковъ и дѣвочекъ въ бассейнѣ Вана и въ самой Хеккаріи—все это искорки свѣта, которымъ озарится рано или поздно Анатолія. Еще сильнѣе и быстрѣе двигается культура въ Сиріи и Палестинѣ, гдѣ насчитываются цѣлыя сотни миссіонерскихъ учрежденій и школъ. Бейрутъ со своими двумя арабскими университетами является уже и теперь новымъ Каиромъ и Багдадомъ для феллаховъ Сиріи, которые тутъ получаютъ высшее образованіе, имѣютъ огромное количество всевозможныхъ школъ, арабскія типографіи и арабскій медицинскій факультетъ.

Но помимо этихъ трехъ передовыхъ націй Малой Азіи, вносящихъ въ ея горы, дебри и пустыни свѣтъ европейской цивилизаціи, такъ сказать, самымъ естественнымъ путемъ, Европа и сама придвигается ближе къ колыбели своей цивилизаціи, связывая съ нею не только торговый, но и политическій интересъ. Уже давно на всѣхъ побережьяхъ Анатоліи снуютъ пароходы первенствующихъ народовъ Европы, конкурирующихъ тутъ на аренѣ мирныхъ завоеваній и торговли; десятки торговыхъ компаній пробрались въ самую глубь Анатоліи, пробуждая къ дѣятельности ея огромныя производительныя силы. Составляются уже всевозможные проекты желѣзныхъ дорогъ поперекъ Малой Азіи, рельсовыхъ путей для соединенія Босфора съ берегами Индѣйскаго океана и каналовъ для оживленія судоходныхъ рѣкъ. Спорятъ только о направленіи дорогъ, которыя должны въ скоромъ времени соединить Босфоръ, Кавказъ и Сирію съ Индіею, вопросомъ времени счи-

тается и полное экономическое завоеваніе страны, для котораго Regie Imperiale Ottomane, монополизировавшее весь табакъ Турціи, сдѣлало первый, но достаточно серьезный, шагъ. Уже есть готовые проекты нѣмецкихъ колоній въ Анатоліи, которыя давно существуютъ въ Сиріи и Палестинѣ, есть европейскіе купцы, рѣшающіеся пробираться въ самую глубь Анатоліи. И такъ, пріобщеніе Малой Азіи къ европейской культурѣ и европейскимъ интересамъ представляется только вопросомъ времени, честь выполненія котораго греки и армяне стараются напрасно пріурочить къ себѣ и своему ближайшему потомству. Гордые своею жизнеспособностью, они и не думаютъ, что сами будутъ смяты тою Европою, что надвигается на Малую Азію теперь; европейская культура скорѣе, чѣмъ тысячелѣтнее иго, варварство, насилія и восточныя цивилизаціи, затушитъ искру національности, которая горитъ еще и въ грекѣ, армянинѣ, и арабѣ, и превратитъ ихъ въ международныя націи, вполнѣ пригодныя для того, чтобы жить и процвѣтать въ такой же международной странѣ. Левантинцы—временной продуктъ интернаціональности и вырождающагося Востока скоро отживутъ свой вѣкъ, уступивъ свое мѣсто цивилизующимся туземцамъ, выше поднимутъ голову тогда эти послѣдніе, но ни курду, ни осману, ни бедуину пустыни это новое будущее не обѣщаетъ ничего. Роковое «иди!» погонитъ ихъ и изъ насиженныхъ вѣками мѣстъ, но такъ какъ дѣваться будетъ некуда отъ бичей европейской культуры, передъ которой никогда не согнется османъ, то роковое вырожденіе очиститъ отъ него мѣсто для новыхъ народовъ, имѣющихъ прійти съ запада въ Сирію, Арменію, Анатолію и Халдею.

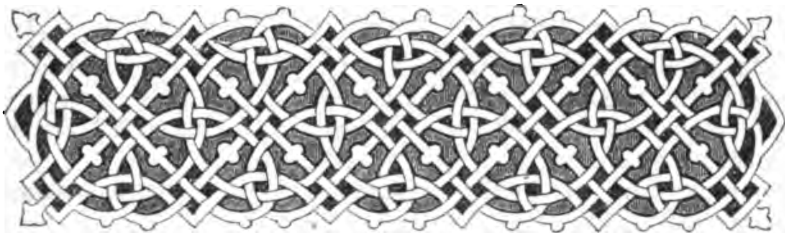
Уже тяжелымъ Дамокловымъ мечемъ надъ Азіатскою Турціей нависла съ грознаго сѣвера Россія, которая въ будущей восточной войнѣ, не имѣя европейскаго театра дѣйствій, всею силою своею ударитъ со стороны Азіи; уже не далеки отъ кавказской границы истоки Тигра и Ефрата, два раза русскіе занимали Эрзерумъ, три раза наши отряды двигались на Ванъ. Лучше прочихъ турки понимаютъ роковую опасность съ этой стороны и, какъ палліативъ противъ нея, не строютъ даже порядочныхъ дорогъ ближе къ кавказской границѣ, чтобы не облегчить дороги русскому солдату, собирающемуся, по ихъ понятіямъ, пойти пѣшкомъ и захватить Константинополь и Босфоръ. Жадными глазами смотритъ на Малую Азію и Германія, пытающаяся забрать въ свои руки всѣ экономическія силы страны, и уже теперь настоявшая на назначеніи изъ нѣмцевъ всѣхъ вице-губернаторовъ Анатоліи; французы, американцы и итальянцы дѣйствуютъ болѣе честно, давая сотни тружениковъ, часто безкорыстныхъ, на пользу туземцамъ и странѣ; за всѣми этими націями ревнивымъ окомъ смотритъ Англія, оберегающая сухопутную дорогу въ ея дорогую Индію; захвативши Египетъ и Кипръ, она все еще не спокойна за Малую Азію, и только рус-

скіе посты, зашедшіе далеко въ центральной Азіи, мѣшаютъ ей попрежнему рѣшительно поступать на Востокѣ.

И такъ, страна, манящая всѣ великіе народы Европы, стоящая на распутіи главнѣйшихъ дорогъ Стараго Свѣта, ведущая къ спящей красавицѣ Индіи, служащая цѣлью самыхъ разнородныхъ вождѣленій и могущая еще воскреснуть для новой жизни, должна въ скоромъ времени стать театромъ великихъ событій, которыя подымутъ и оживятъ ее опять. Быть можетъ, и сбудутся когда-нибудь мечтанія сановнаго турка о свободномъ городѣ Константинополѣ и о свободной территоріи Малой Азіи, быть можетъ, не въ далекомъ будущемъ пойдутъ срочные пароходы по Ефрату, а рельсовый путь пройдетъ черезъ земли дикихъ курдовъ, поклонниковъ дьявола—іезидовъ и свободныхъ сыновъ пустыни. Этимъ и закончится на время тысячелѣтняя эволюція страны.

Надо только, чтобы въ этой великой эволюціи серединной страны мы, русскіе, не съиграли бы послѣдней роли, выпустивъ изъ своихъ рукъ то, что само бѣжитъ въ наши объятія. Подобное упущеніе будетъ уже роковою ошибкою, которую придется исправлять вѣками, если только еще возможно будетъ ее исправлять... Почти 1,000 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Олегъ повѣсилъ свой щитъ на вратахъ Цареграда, и до сего дня ворота Стамбула не доступны для насъ. Почти 400 лѣтъ прошло и съ тѣхъ поръ, какъ берега Анатоліи увидѣли первые казацкіе набѣги, и до сихъ поръ мы далеко не подвинулись въ глубину Малой Азіи, и кромѣ Батума, не имѣемъ ни одного Анатолійскаго порта. Припомнимъ только, что казачествомъ придвинулась Русь къ Черному морю, и что казачество спасло ея первые робкіе шаги на югъ, въ сердце туретчины, и стерло послѣдніе слѣды тюрко-татарскихъ племенъ — потомковъ историческихъ половцевъ и печенѣговъ въ плодородныхъ южно-русскихъ степяхъ. Казачество пошло первымъ и къ подножьямъ Кавказа, и первымъ послѣ дружинъ Святослава воевало потомковъ ясовъ и касоговъ; послѣдніе русскіе, стоящіе и нынѣ по границѣ Персіи и Азіатской Турціи, суть казаки, всегда привыкшіе стоять лицомъ къ лицу къ врагу своей родины, кто бы онъ ни былъ, и гдѣ бы не стоялъ. Не задерживать, поэтому, а поощрять всѣми возможными способами нужно казачество, давая ему возможность развертывать всѣ свои силы на пользу родной страны. Какъ и въ завоеваніи Кавказа, Средней Азіи, такъ и въ будущихъ походахъ нашихъ въ Малую Азію, мы не обойдемся безъ казаковъ. Пусть только они поставятъ крѣпкіе устои свои въ Закавказьѣ и Черноморьѣ, какъ поставили на Дону, Уралѣ, Терекѣ и Кубани. Черноморье для насъ теперь важнѣе Терека и Кубани, и не мудрено, поэтому, что самихъ казаковъ съ раздолія тихой Кубани тянетъ къ бурнымъ берегамъ Чернаго моря, откуда нѣкогда воевали Анатолію ихъ смѣлые дѣды и отцы.

А. Елисѣевъ.

ДНЕВНИКЪ Н. А. ПОЛЕВОГО [1].

(1838—1845).

ъ ПРОШЛОЙ статьѣ, посвященной дневнику Н. А. Полевого, мы указали на то, что дневникъ сохранился и дошелъ до насъ не за всѣ годы послѣдняго, петербургскаго періода его жизни и дѣятельности. Самый большой перерывъ въ дневникѣ— перерывъ четырехъ-лѣтній—выпадаетъ, къ сожалѣнію, на 1839, 1840, 1841, 1842 гг., въ теченіе которыхъ Николай Алексѣевичъ, еще полный силъ, надеждъ и энергіи, творилъ, созидалъ, изобрѣталъ, увлекался новыми планами и новыми своими литературными опытами [2]).

Мы знаемъ, однакожъ, что дневники существовали и за эти годы: на это ясно указываютъ ссылки и соображенія, которыя встрѣчаемъ въ записяхъ 1843 и послѣдующихъ годовъ. Четырехъ-лѣтній перерывъ ясно сказывается на дневникѣ 1843 года, особенно по сравненію

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. XXXI, стр. 654.

[2]) За періодъ времени, протекшій между 1838 и 1843 гг. Н. А. Полевой успѣлъ написать для театра еще нѣсколько пьесъ, изъ которыхъ «Честь или смерть», «Елена Глинская» и «Ломоносовъ» — имѣли значительный успѣхъ на сценѣ, а «Параша Сибирячка», поставленная въ 1840 году, была принята публикою съ восторгомъ. Въ началѣ 1839 года, Полевой выдалъ въ свѣтъ два тома своихъ критическихъ статей, подъ заглавіемъ—«Очерки русской литературы». Съ того же года онъ сталъ постоянно помѣщать свои драматическія сочиненія въ «Репертуарѣ» и лишь изрѣдка въ «Сынѣ Отечествѣ», отъ котораго совсѣмъ отстранился лѣтомъ 1840 года. Въ 1841 году Н. А. нѣкоторое время принималъ участіе въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и опять возобновилъ сношенія съ «Сѣверной Пчелой», въ которой принялъ на себя отдѣлъ библіографическій.

съ дневникомъ 1838 года! Четыре года тяжелой петербургской литературной и журнальной карьеры сильно подѣйствовали даже на такого неутомимаго бойца, какъ Николай Алексѣевичъ. Онъ видимо осѣлъ, утомился, опустилъ крылья... Мы не видимъ въ немъ ни прежняго огня, ни прежней бодрости духа: онъ чаще прежняго переживаетъ минуты слабости, впадаетъ въ отчаяніе, теряется... Онъ, видимо, чувствуетъ, что у него нѣтъ почвы подъ ногами—и это его терзаетъ, мучитъ, приводитъ чаще и чаще къ недовольству самимъ собою. Даже и театральные успѣхи, на которыхъ онъ прежде такъ охотно отдыхалъ отъ трудовъ—теперь утратили для него всю прелесть, перестали увлекать его. Послѣ смерти прелестной, обворожительной «Вареньки» Асенковой, съ которою Н. А. былъ связанъ самою тѣсною дружбою,—александринская сцена, съ ея интригами и расчетами, опостылѣла ему. Къ тому же, горькая нужда заставляла постоянно приниматься за работы, убійственныя для таланта,—за редактированье чужихъ и плохихъ сочиненій [1]), за выправленіе безграмотныхъ рукописей, за составленіе книгъ по такимъ отраслямъ знанія (напримѣръ по статистикѣ), которыя были совершенно чужды и характеру, и таланту Н. А—ча, или представляли собою сборники компилятивнаго свойства.

Съ этой именно стороны «Дневникъ» 1843 года производитъ на насъ болѣе тяжелое впечатлѣніе, нежели «Дневникъ» 1838; но за то онъ даетъ намъ возможность глубже заглянуть въ чистую и прекрасную душу страдальца, который здѣсь говоритъ о себѣ подробнѣе, высказывается полнѣе и откровеннѣе, чѣмъ въ дневникахъ всѣхъ остальныхъ годовъ. Потребность высказываться, потребность провѣрять каждый свой шагъ и отдавать себѣ отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ какъ будто возростаетъ въ немъ по мѣрѣ того, какъ прежняя самоувѣренность и твердое упованіе въ свои силы—начинаютъ покидать Николая Алексѣевича...

1843 годъ. Май [2]).

15-го. Возвратился изъ Москвы.

16-го. Планы. Къ Булгарину, Ольхину и Ратькову. Вечеромъ Лукьяновичъ. Булгаринъ и Песоцкій вчера дрались у Ольхина.

---

[1]) Такъ напр., въ теченіе 1843 г., Н. А. убивалъ массу времени на редактированье многотомнаго сочиненія капитана Лукьяновича («Описаніе Турецкой войны 1828 и 1829 гг.». Четыре тома. Спб. 1844 г.), которое было имъ почти сплошь написано заново, тѣмъ болѣе, что Михайловскій-Данилевскій, авторъ извѣстныхъ сочиненій по военной исторіи, въ качествѣ военнаго цензора и лица властнаго, всѣми силами старался замедлить выходъ въ свѣтъ этого сочиненія. Изъ указаній дневника видимъ, какъ много лишней работы доставляли Н. А—чу прихоти этого цензора-чудака. Въ довершеніе всего, за тѣ уступки, которыя Михайловскій-Данилевскій дѣлалъ Лукьяновичу, расплачивался опять-таки трудомъ своимъ Н. А—чъ, которому Данилевскій навязывалъ, между дѣломъ выправку своихъ сочиненій!

[2]) Отъ 1-го января по 15-е мая дневникъ утраченъ.

17-го. Дождь. Письмо къ брату. Семененко о поручительствѣ и невозможность помочь ему.—Прощальный обѣдъ Гречу у Сенъ-Жоржа [1]), гдѣ были: Шубертъ, Полововъ, Граббе, Рикордъ, Скобелевъ, Мятлевъ, Игнатьевъ, Кандалинцевъ, Булгаринъ, Муральдъ Беръ, Якоби, Муравьевъ (Пав. Матв.), Алексѣй Гречъ.—Французъ пѣвшій пѣсни—чудо! Много смѣха. Speechs.—Ссора Булгарина съ Гречемъ. Вечеръ у Булгарина. Письмо Бенкендорфа о запискахъ Вильбуа.

18-го. Ѣздилъ къ Бенкендорфу. Объясненіе. (...)[2]) Къ Ольхину. Плюшаръ.—Къ Кукольнику—онъ ѣдетъ въ Парголово. Къ Соловьеву—о деньгахъ. Вечеромъ чудакъ, что проектъ храма дѣлалъ. Корректура Суворова.

19-го. Безденежье и досады. Записка о дѣлѣ Ксенофонта. Исторія несчастной Шиттъ. — Семененко и Богомолецъ. — Вечеромъ переписывалъ записку.

20-го. Переписалъ. Провожалъ Греча на пароходъ—увидимся ли, и когда? Онъ ѣдетъ на три года! Къ Данилевскому—бѣдственная ссора его съ дѣтьми; онъ убитъ. Мысль о мирѣ его съ Кандалинцовымъ [3]).—Къ Лукьяновичу. Дѣти у церкви Покровской.—Началъ Исторію отъ Петра. Господи благослови!—Вечеромъ Лукьяновичъ и Песоцкій.—Сегодня Вознесенье. День прекрасный, вечеромъ дождь.

21-го. Дождь съ утра. Парадъ отмѣнили. Мучили: Яковлевъ, Богомолецъ и другіе. (...) Исправлялъ Суворова. Обѣдалъ у Кандалинцова, гдѣ М. Е. Храповицкій, Мясоѣдовъ, Рикордъ и проч. Устрицы.—Домой въ 10 часовъ.

22-го. День прелесть. Рукопись Суворова. Чудакъ съ проектомъ, что Асенкова отдаетъ за полцѣны мой вексель!!! [4]) О стыдъ!!! Бенкендорфъ прислалъ 5 рублей сер. за экз. «Петра Великаго»—я расхохотался! Торжественно присланъ былъ ко мнѣ чиновникъ взять этотъ экземпляръ, а я ужъ думалъ—Богъ знаетъ, что будетъ! О!.. О!.. Но все это въ порядкѣ вещей.—Приходилъ Семененко—въ отчаяніи—Шлиттъ давалъ женѣ его цѣлковый!!! Соловьевъ, отыскавшій Кошихина, сошелъ съ ума.—Вчера получилъ отъ Ефимовича нѣмецкій переводъ «Честь или Смерть»!—Вечеромъ корректура Суворова и выписки для Исторіи Ксенофонта [5]). Сегодня парадъ—день прелестный.

---

[1]) Извѣстный ресторанъ того времени.

[2]) Напоминаемъ о томъ, что точки въ скобкахъ (...) стоятъ на мѣстѣ такихъ замѣтокъ дневника, которыя не имѣютъ общаго интереса.

[3]) Кандалинцевъ былъ зять Данилевскаго.

[4]) Т. е. Асенкова-мать. Въ поясненіе этого упоминанія слѣдуетъ замѣтить, что В. Н. Асенкова, незадолго до смерти, ссудила Н. А—ча небольшою суммою, на которую Н. А. упросилъ ее взять вексель. Этотъ-то вексель и достался ея матери, послѣ смерти Варвары Николаевны.

[5]) Т. е. «Русской Исторіи для юношества», которую Н. А. обязался написать для брата своего Ксенофонта.

23-го. Утромъ къ князю А. Ѳ. Голицыну о просьбѣ Ксенофонта. Бесѣда съ нимъ (...). Вечеромъ Пушкаревъ [1]) съ книгою и Лукьяновичъ.

24-го. Понедѣльникъ. Письмо къ брату. Къ Корсакову—разговоръ съ нимъ о магнетизмѣ и приглашеніе вечеромъ. — Послѣ обѣда Жемчужинъ и Ефимовичъ. Онъ переводитъ «Исторію Петра Великаго».—Вечеромъ съ 8 час. къ Корсакову, гдѣ узналъ сестру его Катерину Александровну и Пашкова. Изумительное явленіе, дивное, непостижимое умомъ таинство!

25-го. Вторникъ. (...) Начались мученія—(...) отовсюду тянутъ денегъ.—Лукьяновичъ отказалъ мнѣ въ 800 рубляхъ! Къ Булгарину не съ чѣмъ показаться! Требуютъ рукописей Жернаковъ и Богомолецъ! Сосницкая съ бенефисомъ! Поутру объясненіе съ Ратьковымъ—и грусть смертельная послѣ того!—День пасмурный. Писалъ Жернакову «Петра Великаго».

26-го. Среда. День прекрасный. Мученья продолжаются.—(...)—Кончилъ «Петра» Жернакову. Вечеромъ для «Пчелы».

27-го. Четвергъ. Для «Пчелы». Къ Булгарину—онъ завтра ѣдетъ. Къ Ольхину. Книги. Бурнашева энциклопедія. Вечеромъ Лукьяновичъ. Жаръ пѐкла!

28-го. Пятница. Для «Пчелы». Провожалъ Булгарина въ Дерптъ. Ларошфуко и французъ съ бородою. Гречи, Тиммъ, etc. Цынскій пріѣхалъ и заѣзжалъ ко мнѣ.—Жаръ смертельный.

29-го. Суббота. Поручился за Семененку. Къ Цынскому.—Въ комиссію (прошеній) къ Шредерсу.—Фроловъ. Къ Ольхину.—Данилевскій. Получилъ деньжонокъ. Домой въ 5 часовъ. Вечеромъ къ Данилевскому и просидѣлъ до 5 часовъ. Извѣстіе о кончинѣ А. М. Красовскаго въ Кіевѣ.—Бумаги отъ графини Зубовой.

30-го. Воскресенье. Троицынъ день. Проснулся поздно. Писалъ Суворова. Мимо насъ гулянье въ Екатерингофѣ. Непріятная встрѣча Данилевскаго, Лукьяновича, Бранта и Макса.

31-го. Понедѣльникъ. Духовъ день. Писалъ Суворова. Богомолецъ! Жаръ страшный!—Розбергъ пріѣхалъ. Вечеромъ Лукьяновичъ и Демонъ.—Извѣстіе о кончинѣ Витгенштейна!

Іюнь.

1-го. Вторникъ. Перевозка на дачу. Былъ Лыткинъ; ѣдетъ на Печеру. Завидую!!!—Сестра и просьба ея въ цензуру о Бурнашевѣ.—Писалъ Суворова.

2-го. Среда. Кончилъ Суворова. Вечеромъ Безобразовъ, Лукьяновичъ, сестра и Розбергъ (...).

---

[1]) Извѣстный И. М. Пушкаревъ, авторъ «Исторіи Гвардіи» (Спб. 1844 г.) и «Описаніе Санктпетербурга». Въ 1843 г., онъ приготовлялъ къ изданію Статистическія описанія отдѣльныхъ губерній. Кстати, не мѣшаетъ добавить, что И. М. Пушкаревъ состоялъ на службѣ въ III отдѣленіи...

3-го. Четвергъ. День прекрасный.—Переписалъ Суворова.— Книга Лукьяновича.—«Пчела».—Глупое посѣщеніе Щировскаго.— Къ Корсакову отнесъ рукопись Суворова.—Для «Пчелы» писалъ.— Вечеромъ перебиралъ Исторію Русск. народа.—Была Сосницкая.

4-го. Пятница. Письмо къ брату.—Сестра съ предисловіемъ— денегъ у меня только 5 рублей! Ходилъ къ Лукьяновичу. Онъ и не догадывается, и—кто догадается! Одно спасеніе — романъ [1]) Булгарина! Принялся за него.—Смертная тоска и не пишется!—Вечеромъ Жернаковъ о рукописи.—Досмотрѣлъ Суворова переписанную XV главу—чертилъ ее безъ жалости, съ досады.

5-го. Суббота. Писалъ романъ. Едва окончилъ листъ и поскакалъ къ Ольхину—100 рублей! Есть хлѣбъ—купилъ овса, вина, чаю, сахару.—(...).—Романъ Сологуба.—Ковалевскаго странствователь—виверъ. — Поѣхалъ къ Данилевскому. — На пароходѣ.—Знакомство съ Шильдеромъ. — Прогулка, обѣдъ. — Петергофъ — князь Багратіонъ, князь Кантакузинъ, Поливановъ, Олсуфьевъ — возвращеніе бумаги о Барклаѣ. — Домой поздно.

6-го. Воскресенье. Дурная голова, всталъ поздно. — Лукьяновичъ и Ефимовичъ. — Додѣлалъ Суворова. — Вечеромъ Дюмонъ-Дюрвиль. — Соображаю и трепещу!

7-го. Понедѣльникъ. Тремъ билетамъ срокъ былъ уже 21-го марта! Надобно 70 рублей. (...) Данилевскій проситъ писать о Барклаѣ — нечего дѣлать! Писалъ до обѣда. — Ренгильдъ! Мыслей ни капли!! Господи! Помилуй!! Корсаковъ прислалъ записку Пашкова. — Вечеромъ былъ на сеансѣ. Она писала въ сомнамбулизмѣ [2]). Сиверсъ, Эбелингъ, Матюшкинъ. Домой въ 12 часовъ.

8-го. Вторникъ. Семененко.—(...) Каратыгинъ—о театрѣ и бенефисахъ — Морской офицеръ. — Писалъ Данилевскому о Барклаѣ. Въ ценз. ком. о просьбѣ сестры. Неудовольствія — споръ съ Куторгой. Волконскій. Данилевскому отвезъ начало о Барклаѣ. Обѣдалъ у него. При мнѣ подписали раздѣльную запись. — Зедделеры.—Левенштернъ.—Семененко, Багратіонъ.—Взялъ записки Балашева, Бестужева-Рюмина, Скуруты и Ермолова.—Корсаковъ прислалъ Зап. Катер. Алекс. [3]). Семененко ночевалъ у меня.—Грустныя соображенія.

9-го. Среда. Весьма глупый день! Поутру рѣшился работать и ничего не сдѣлалъ! Письмо къ князю Ал. Ѳед. Голицыну, съ Ломоносовымъ, и новая просьба сестрѣ въ ценз. комитетъ, да пол-

---

[1]) Романъ, подъ заглавіемъ: «Счастье лучше богатырства»,—который Н. А. обязался писать въ сотрудничествѣ съ Булгаринымъ. Романъ печатался въ «Библ. для Чтенія».

[2]) Эти магнетическіе сеансы, происходившіе у Корсакова, всегда очень занимали Н. А—ча.

[3]) Т. е. «Записки о Сибири»—извѣстную книгу Ек. Ал. Авдѣевой (сестры Н. А—ча).

листа романа Булгарину; вечеромъ корректура Суворова!!—Были, поутру, Говоровъ, спасшійся съ Ингерманланда [1]) (о рукописи его), а вечеромъ—Войтъ, Брандтъ, Лукьяновичъ.

10-го. Четвергъ. Тоже бездѣйствіе ума и души. Писалъ, однако же, романъ изрядно. Вечеромъ были Богомолецъ и Розбергъ—ночевалъ. Вспоминали старое—уменъ. Слова его объ отзывѣ Уварова. Лукьяновичъ заходилъ. Сосницкая получила Эспаньолетто. День прекрасный. Приглашенія отъ Шильдера и Данилевскаго.

11-го. Пятница. Думая, что Ренгильдъ [2]) ѣдетъ завтра, какъ одурѣлый спѣшилъ я писать романъ. Шильдеръ заѣхалъ ко мнѣ самъ, говоря, что готовъ обѣдъ, музыка. Въ 5 часу бросаюсь съ рукописью къ Ольхину—не застаю—въ горѣ, спѣшу къ Ренгильду—онъ милъ и ѣдетъ черезъ недѣлю—отдыхаю, ѣду къ Данилевскому, и на пароходъ — онъ отплылъ на сажень отъ пристани! (...). Досадно и грустно было.

12-го. Суббота. Сколько могъ писалъ романъ—послалъ съ Вольдемаромъ (...). Для Жернакова Шереметевъ [3]). —(...) Масальскій сидѣлъ до 5 часовъ. О Сперанскомъ и Меншиковѣ. Вольдемаръ привезъ деньги. Вечеромъ для «Пчелы».—Письмо отъ брата. Извѣстіе отъ Семененки о бѣдствіи его—жена родила—чтожъ я-то сдѣлаю! О Боже! Если бы могъ. (...)

13-го. Воскресенье. Читалъ журналъ Ясновидящей. Корректура Суворова—IV глава.—Вчера корректура Градскаго головы. Писалъ Жернакову Шереметева. Обѣдалъ Званцовъ. Вечеромъ сестра и Розбергъ. День жаркій.

14-го. Понедѣльникъ. Изрядно писалъ Жернакову Шереметева, и отослалъ. Вечеромъ для «Пчелы». (...) Громъ, дождичекъ, день прелестный.

15-го. Вторникъ. Для «Пчелы». Началъ Ксенофонту Указатель къ Петру Великому. Поѣхалъ въ ценз. комитетъ — никого нѣтъ; (...).—Къ Ольхину—Очкинъ, Жернаковъ, о повѣсти.—О Семененкѣ. Встрѣтилъ о. Іакинѳа, больного. Вечеромъ Указатель. (...)

16-го. Среда. Кончилъ и послалъ Ратькову Указатель. Вечеромъ Д. Дюрвиль. Корректуры Суворова.—Послѣ ужина пріѣхала Наташа [4]) (...).

17-го. Четвергъ. До обѣда писалъ повѣсть Ольхину. Проектъ. Написалъ листъ. Письмо Половцева.—Ѣздилъ съ Наташею къ нашему ангелу Алексѣю на Волково. (...)

---

[1]) Съ корабля «Ингерманландъ», погибшаго во время бури въ Нѣмецкомъ морѣ.

[2]) Инспекторъ Петропавловской нѣмецкой школы, у котораго на полномъ пансіонѣ жили три старшихъ сына Н. А.

[3]) Всѣ эти біографіи, упоминаемыя при имени Жернакова,—назначались въ книгу: «Двѣнадцать русскихъ полководцевъ», запроданную Жернакову.

[4]) Супруга Н. А—ча, жившая съ семействомъ на дачѣ.

18-го. Пятница. Писалъ, сколько моихъ силъ доставало. Въ домѣ — 1 р. 40 к., ни сахару, ни чаю. (...) Послѣ обѣда Наташа отправилась на пароходъ, а я къ Ольхину. Онъ спалъ—жду; просыпается—(...)! Беретъ рукопись—прошу 350 рублей—отказъ чистый! Мнѣ стало жарко и холодно. Къ Соловьеву — нѣтъ его. Къ Ратькову! Кое-какъ лажу... И въ грусти и тоскѣ сидѣлъ вечеръ дома. (...) Съ горя вечеромъ началъ писать оперу Львову.

19-го. Суббота. Дождь цѣлый день. Послалъ Вольдемара обработывать дѣло, и измучился, ожидая его до 3-хъ часовъ. Но онъ успѣлъ взять у Ратькова 200 р. и отдать Ренгильду, и привезти отъ Ольхина 100 р.—Сергѣй переведенъ въ Gross-terzia. Рѣшился ѣхать въ колонію къ мальчику[1]). Вечеромъ письмо къ брату.

20-го. Воскресенье. Туманно и облачно.—На Шильдеровомъ параходѣ. Въ Петергофѣ шарабанъ.—Дождь цѣлый день, но я отдыхалъ, ничего не дѣлалъ—мальчикъ и прочіе.

21-го. Понедѣльникъ. Поутру статья въ «Пчелу» о Данилевскомъ. Отдыхалъ. Послѣ обѣда ясно. Колонисты. — Видъ на море. Разсказы—смѣхъ—толпа. Какъ мало надобно для счастья человѣку!

22-го. Вторникъ. Сегодня мнѣ 47 лѣтъ ровно. Что? Писалъ оперу и кончилъ 1-й актъ. День прелестный. Послѣ обѣда поѣхали на шарабанѣ въ Рамбовъ[2]). (...) Мальчикъ мой ангелъ! (...) Домой въ 12 часовъ. Безъ меня были: Горголи (о Витгенштейнѣ), Пушкаревъ, Подберезскій, Іакинѳъ. (...)

23-го. Среда. 48-й годъ. Коррекура Суворова. Для «Пчелы». Сосницкая приходила мучать пьесою!! Принужденъ обѣщать... Пошелъ къ Горголи—разговоры о Витгенштейнѣ. Образъ Спасителя—портретъ Рибаса. Семененко съ глупостями ждалъ меня. Послѣ обѣда Лукьяновичъ и Пушкаревъ съ Гедеоновымъ и разными предложеніями. Сидѣли до 12 часовъ. День плящій.

24-го. Четвергъ. Поспѣшилъ къ Ольхину. Семененко сказалъ, что онъ ѣдетъ сегодня—все вздоръ! Къ Ратькову—онъ деньги уже получилъ. (...) Домой и для «Пчелы». Гедеоновъ и Лукьяновичъ съ неудачею у Данилевскаго. Сосницкая. Вечеромъ Соболевскій, Побѣдоносцевъ (изъ Новгорода) и Розбергъ. Простились. День жаркій.

25-го. Пятница. Послалъ въ Рамбовъ деньжонокъ. Писалъ Рикорду о Говоровѣ. Для «Пчелы». Ольхину Проектъ. Вечеромъ послѣдняя корректура, вчернѣ, Суворова. День жаркій. Рукопись «Исторія гвардіи» Пушкарева—глупость!

26-го. Суббота. Заглавіе и оглавленіе Суворова. Ольхину Проектъ. Плохо! Богомолецъ. Читаю «Исторію Русскаго Народа»—

---

[1]) Т. е. къ семейству своему, въ которомъ младшимъ членомъ былъ сынъ Петръ (онъ же и мальчикъ).

[2]) Народное названіе Ораніенбаума, заштатнаго города Петергофскаго уѣзда.

вечеромъ Максъ [1]), сидѣлъ до 12 час. Пошелъ въ Сенатъ. День пѣкла. Сосницкая мучитъ.

27-го. Воскресенье. Полтавская побѣда. Напрасно старался я писать Ольхину—билъ себя въ лобъ, ходилъ... Писалъ и мало, и глупо... Думалъ вечеромъ... Пришелъ Корсаковъ, потомъ Лукьяновичъ — толковали до 11 час., съ первымъ о цензурѣ и альманахѣ; другой съ книгою своею и расчетами объ ней, которые я составилъ. Поспѣшилъ лечь... Тревожно провелъ ночь... И день прошелъ! Боже!

28-го. Понедѣльникъ. Проснулся въ 3 часа—зубная боль. Въ 5 часовъ сѣлъ и до часу написалъ листъ Булгарину, и изрядно. (...) Послѣ обѣда поѣхалъ къ Ольхину, получилъ 100 р.—онъ самъ въ Москвѣ. Купилъ разныхъ вещей. Вечеромъ «Тимона» [2]) переводилъ. День пекла.

29-го. Вторникъ. Петровъ день. Поутру для «Пчелы». Послѣ обѣда въ Петергофѣ. Полонъ пароходъ—все весело и богато! Я съ зубной болью сидѣлъ въ углу. На пристани ждали меня—мальчикъ, Сергѣй, Наташа, Гыза, Ябедцо [3]) —гуляли. Музыка. Зоря. Видѣли царицу. Мальчикъ у Самсона; встрѣтили Гавр. Степ. Попова. Онъ ѣдетъ въ Крымъ. На шарабанѣ въ колонію. Ужинъ — смѣялись! (...).

30-го. Среда. Для «Пчелы». Послѣ обѣда мальчикъ проводилъ до дачи Дондукова. Оттуда Наташа, Гыза, Анета и Ябедцо пѣшкомъ въ Рамбовъ. На шарабанѣ въ Петергофъ. На пароходѣ человѣка три. Голофеева старуха. Шильдеръ. Читалъ ему и говорили. Домой въ 11 часовъ. Въ Петергофѣ тьма народа.

Іюль мѣсяцъ.

1-го. День пѣкла. Работалъ худо. Повѣсть Ольхину. Статьи въ «Пчелу». Приходилъ въ отчаянье, что не могу писать!! А пишу?! Пушкаревъ съ предложеніями—кажется, вздоръ. Вечеромъ Лукьяновичъ. (...).

2-го. Пятница. Дождичекъ. Не на что купить овса лошадямъ! (...) Отослалъ въ «Пчелу»,—приходилъ Алексѣй Гречъ. Кончилъ Ольхину—весьма глупая статья вышла! Письмо отъ брата. Вечеромъ къ Данилевскому,—онъ какой-то сумасшедшій—его записки о 1818 г. Де-Ламбертъ умеръ. Домой въ 2 часа.

3-го. Суббота. Какъ безумный писалъ романъ Булгарина, и написалъ цѣлый листъ. Пріѣзжалъ Гедеоновъ, и привезъ каталогъ Вихманна. Послѣ обѣда отвезъ листъ, взялъ денегъ, купилъ овса

---

[1]) Максимъ Карловичъ Цеймернъ—товарищъ молодости Ник. Ал. Впослѣдствіи сенаторъ.

[2]) «Тимонъ»—извѣстная пьеса Шекспира.

[3]) Шуточныя названія старшихъ дочерей Н. А—ча.

и вина—безъ того ѣсть нечего было бы. (...) Журналы—мерзость! Глупости Галахова съ Шевыревымъ,—въ «Пчелѣ» статья о пароходѣ. Вечеромъ Лукьяновичъ. Дождичекъ. Перебиралъ «Исторію Русскаго Народа». (...)—100 лѣтъ, какъ родился Державинъ.

4-го. Воскресенье. (...) Ничего не могъ дѣлать! Писалъ статью объ Витгенштейнѣ—плохо. (...)

5-го. Понедѣльникъ. (...) Принялся за романъ—больше полулиста не написалось! Была Сосницкая—отсрочила до 20 сентября бенефисъ. Вечеромъ увлекся въ «Исторію» для брата—рѣшился писать. Гедеоновъ привезъ Бюшинга.[1]) Ратьковъ отнялъ вечеръ. Пріѣхала Наташа, и вмѣстѣ ужинали.

6-го. Вторникъ. Дописалъ листъ романа, и пошелъ съ Вольдемаромъ. Исторію брата началъ, но больше соображалъ. Тожъ и вечеромъ. Читалъ Бюшинга и Дюмурье. Приглашеніе отъ Шильдера. (...)

7-го. Среда. Отправился на пароходѣ. (...) Маневры отмѣнили, и мы поѣхали въ Петергофъ обратно. Шильдеръ, Данилевскій, Пановъ (туркоѣдъ), Вронченко, Очкинъ, Шенингъ, Зассъ, Цеймернъ, Балугіянскій, Атрѣшковъ, Любимовъ etc. Зашелъ къ Данилевскому. Читалъ о возмущеніи славянъ въ 1812 году. Зубы—домой. Исторія брата—плохо. Лукьяновичъ вечеромъ съ горемъ и жалобами.

8-го. Четвергъ. Наташа уѣхала. Романъ Булгарина. Поллиста только! Былъ Подберезскій. (...) Ночевалъ Семененко.

Пятница, 9-го. Поллиста романа Булгарина. Отослалъ съ Вольдемаромъ, получилъ деньги и послалъ къ Наташѣ и проч. Пушкаревъ и Семененко—о гвардіи вышелъ вздоръ. Я предвидѣлъ. Поѣхали обѣдать къ Масальскому на Карповку, толковать о журналѣ. Вмѣсто того, попали на тоню—промокли и ночью домой. (...)

(10, 11, 12, 13 ...) 14-го. Среда. Кончилъ листъ романа Булгарина и отослалъ,—уже оставался съ 5 рублями. Сестра; Корсаковъ—о Низарѣ. Лукьяновичъ съ жалобами. Описаніе Кремля Вельтманово. Послѣ обѣда поѣхалъ къ Шрейдерсу, къ Висковатому, къ Сухонину—никого не видалъ. Алексѣю Гречу отдалъ статьи—видѣлъ Клота. У Данилевскаго читалъ о Витгенштейнѣ и сидѣлъ долго. О Лук. говорили.

15-го. Четвергъ. Письмо къ Сухонину, о Говоровѣ. Переписывалъ цѣлый день Витгенштейна. Посылалъ узнать у Шредерса о дѣлѣ брата. (...) Былъ Жернаковъ и мучилъ біографіями полководцевъ, а Ильинъ деньгами; но что эти мученья, противъ того, что ждетъ меня!! Боже, помоги мнѣ, милосердый! Статья Булгарина въ «Пчелѣ» о дѣлѣ брата. Что она сдѣлаетъ? (...)

16-го. Пятница. Письмо для Лукьяновича. Послалъ Витген-

---

[1]) Извѣстное изданіе «Bütching's Magazin», — важное, какъ источникъ для русской исторіи.

штейна статью къ А. Гречу. Горголи прислалъ мнѣ портретъ Витгенштейна. Принялся за романъ и написалъ треть листа. Пришелъ какой-то мерзавецъ отъ Бѣгичева и Жемчужникова за долгомъ!! Послѣ обѣда, вечеромъ, явились Семененко, Старцовъ, Навроцкій, Великопольскій, и глупо убили вечеръ.

14-го. Суббота. Дописалъ 2/3 листа и отправилъ съ Вольдем. Уже не было дровъ и оставалось всего 4 гривенника. Приходилъ Яковлевъ—я не сказался! Приходилъ Смирдинъ!.. Грустно—требуетъ! Ильину далъ денегъ 35 рубля. Алексѣевъ пришелъ съ предложеніемъ о Державина біографіи за 500 р.—согласился. Письмо отъ брата. Послалъ Максу отъ Безроднаго записку о дѣлѣ съ Ширяевымъ. Лукьяновичъ съ неудачею. Вечеромъ писалъ Миниха для Жернакова. (...)

18. Воскресенье. Наступаетъ dies nefas—деньги 4000 рублей двумъ женщинамъ - извергамъ — Бѣгичевъ — безденежье... Такъ грустно; бѣдный братъ! Кругомъ долги — что-то дѣлаютъ мои изгнанники въ Ораніенбаумѣ! Асенкова прислала письмо, напоминая о срокѣ (...) — Писалъ Миниха Жернакову — изрядно. Приходилъ Сухонинъ о рукописи Говорова. Былъ Корсаковъ (...).

19-го. Понедѣльникъ. Дождь и грусть ужасная.—А что еще будетъ!! Судьба то улыбается, то гнетъ. Когда я писалъ листъ Булгарину, пришелъ Алексѣевъ и далъ задатокъ 150 рублей за біографію Державина. Послалъ Наташѣ 50 рублей, приготовилъ Ильину 40 рублей. Сухонинъ привезъ рукопись Говорова. Ефимовичъ пріѣзжалъ сказать о непропускѣ нѣм. пер. «Смерть или честь!» Вечеромъ Лукьяновичъ. Писалъ Жернакову. Анекдотъ Ефимовича.

20-го. Вторникъ. Ильинъ день. Перечитывалъ Жернакову «Полководцевъ» и писалъ «Миниха» ему. Алексѣевъ отъ него. Корсаковъ о своей повѣсти (давалъ читать ее). Онъ ѣдетъ въ деревню. Всѣ отдыхаютъ,—а я? Но хоть бы безъ отдыха, но только не терзали фуріи. Вечеромъ къ Данил., о Лукьяновичѣ; просидѣлъ до 3-хъ часовъ утра, и взялъ рукопись Лукьянов. и его рукопись о 1818 годѣ. Работы, работы,—а время? Голова моя!! День рожденія брата Ксенофонта—ему 42 года!

28-го. Среда. Корректура «Градскаго головы», и «Минихъ» для Жернакова. (...). Ѣздилъ къ Райковскому на Смол. кладбище, съ рукописью П. В., [1]) и говорить о Вольдемарѣ. Кладбище — надпись надъ П. Д. Маркеловымъ: «Онъ дикій камень мой обдѣлывать старался, чтобы спасенья знакъ на немъ изображался!» Памятникъ Вареньки Асенковой. За чаемъ Богомолецъ съ политипажами. (...).

22-го. Четвергъ. Корректура Витгенштейна въ «Пчелу» — послалъ Данилевскому и рукопись его. Писалъ романъ Булгарину, но худо; пріѣхалъ Меркурьевъ съ векселями Кутулы, и мучилъ!

[1]) Вѣроятно, для цензурованія рукописи «Петра Великаго».

Обѣдалъ у Жернакова на дачѣ—Краевскій, Ольхинъ, Ратьковъ, много гостей, и — Максъ Цеймернъ! Домой съ Ратьковымъ — отъ Данил. рукопись 1816 г. и рукоп. Гедеонова о Монголахъ.

23-го. Пятница. Корр. Витгенштейна. Началъ романъ Булгарина, но плохо. Выправлялъ Лукьянов. и Говорова. (...). За чаемъ Алексѣй Гречъ, Корсаковъ и Лукьяновичъ (...).

24-го. Суббота. Отослалъ послѣднюю корректуру Витг. въ «Пчелу» — сколько работы съ этой статьей! Въ «Пчелѣ» статья о Суворовѣ. Приходилъ Яковлевъ — помучить; но что это противъ будущаго — Масёръ, [1]) Асенкова, Кутула!! Былъ Горголи, были отъ Сосницкой. Дописалъ листъ и послалъ съ Вольд., купилъ фланели и на сюртукъ. Послѣ обѣда къ Ратькову—о Меркурьевѣ; къ Ольхину—трепещу—онъ ѣдетъ!! Вечеромъ—Ист. брата.

25-го. Воскрес. Собираюсь къ мальчику. Происшествіе на пароходѣ. Переходъ къ Берду. Конст. Васил. Мокеевъ и ссора его съ Корсаковымъ. Мальчикъ встрѣтилъ меня на шарабанѣ у колоніи. Всѣ здоровы. Обѣдалъ и спалъ, какъ убитый (...).

26-го. Понедѣльникъ. День ясный. Поутру выправлялъ Лукьяновича и Говорова. Сошелъ внизъ и расположился въ садикѣ. Послѣ обѣда спалъ и отдыхалъ тѣломъ и душею. Мальчикъ — ангелъ настоящій. (...).

27-го. Вторникъ. Съ 4 часовъ работалъ въ садикѣ до обѣда. Лук. и Говоровъ (...). Пароходъ. Петербургъ! Безъ меня были Семен., Пушкаревъ и Половцевъ. Данилевскій прислалъ вина. Письмо Брянцева—и онъ!

28-го. Среда. Три дня отдохнулъ я. Считаюсь и — трепещу! Господу надежду мою, но августъ можетъ быть ужасенъ! Всемогущій! Защити! Иду къ Ольхину—съ 9 до 12 часовъ ждалъ я жида этого; онъ грабитъ меня, но, по крайней мѣрѣ, соглашается помочь — пусть осудитъ меня тотъ, кто смѣетъ! Съ полугоремъ пошелъ въ Комиссію Прошеній, и тамъ ожидало меня горестное извѣстіе—брату отказано! И вотъ наши Дюпены! Долго сидѣлъ на Адмиралтейскомъ бульварѣ и грустно размышлялъ. Жаръ плящій. Принялся кое-что дѣлать, и не могъ—грусть одолѣла меня! Послѣ обѣда, вечеромъ, поѣхалъ къ Данилевскому—не засталъ. Пѣшкомъ домой — усталъ до смерти. Занялся Исторіею брата. Въ «Пчелѣ» статья о Витгенштейнѣ.

29. Четвергъ. Жаръ плящій! Грусть одолѣваетъ. Развернулъ Библію и прочелъ Исаію, глава LI, 9—18 [2]). Господь! храни меня!

---

[1]) Такъ называлъ Н. А. одну родственницу-кредиторшу.

[2]) Это мѣсто, по отношенію къ горестямъ, удручавшимъ Николая Алексѣевича, очень замѣчательно; приводимъ здѣсь часть вышеуказанной цитаты (стихъ 12—15): «Я, Я Самъ—Утѣшитель вашъ; кто ты, что боишься человѣка, который умираетъ, и сына человѣческаго, который тоже, что трава, и забываешь Господа, Творца своего, распростершаго небеса и основавшаго землю; и непрестанно,

Какъ написать брату?—Принялся за его Исторію. Писалъ изрядно до самаго обѣда. Вечеромъ былъ Пушкаревъ. Письмо Марьи Ѳеодоровны (Императрицы) и бумаги Семеновскаго полка (...).

30-го. Пятница. Побрелъ къ Ольхину. Жаръ плящій. Получилъ билеты — обѣщалъ вексель черезъ три дня. Къ Ратькову — Меркульевъ. Неумолимъ. Домой. Еле живъ отъ усталости. Принялся за Исторію брата. Худо. Вечеромъ. Гедеоновъ былъ и Исторія брата — плохо.

31-го. Суббота. Проснулся въ 5 часовъ и съ горестью размышлялъ о дѣлахъ. Убійственно! Нищета, горесть, бѣдный братъ! Асенкова, Меркульевъ, Масёръ, мелкіе долги безъ счета—въ домѣ ни гроша! Писалъ отчаянно романъ Булгарину, написалъ листъ и послалъ съ Вольдемаромъ. Поѣхалъ къ Масальскому на Карповку. День ясный. Обѣдали въ саду. Навроцкій. Толковали о журналѣ съ Мас. и Семен. — все вздоръ. Пѣшкомъ до Троицкаго моста. Домой во 2-мъ часу.

Августъ.

1-го. Воскресенье. Усердно молился Богу. Письмо къ Наташѣ, письмо къ Каратыгиной. Въ 12-мъ часу къ Данил. и съ нимъ, съ Антониной и дѣтьми осматривали дворецъ и Эрмитажъ. Долго были въ генеральской галлереѣ—Фельдмаршальская, Петровская, Георгіевская, Царскія пріемныя—портреты. Робинсонъ. Старики-инвалиды. Сокровища. Картины Гор. Вернета. Усталъ до смерти. Домой въ 5-мъ часу. Послѣ обѣда Богомолецъ — ѣдетъ въ Москву; вечеромъ Лукьяновичъ — все прежнее.

2-го. Понедѣльникъ. Жернакову изъясненія картинокъ (...). Богомольцу письма. Переборъ книги Лукьяновича, до обѣда и вечеромъ. Былъ Алексѣевъ; вечеромъ говорили — о Витгенштейнѣ. Вольд. ходилъ на экзаменъ [1]). Говоритъ, что изрядно (...).

3-го. Вторникъ. Съ утра до обѣда и даже послѣ обѣда перечитывалъ книгу Лукьяновича и вечеромъ повезъ къ Данилевскому, измучился, читая съ нимъ. Домой въ три часа утра. Скоро ли кончится это несносное дѣло! Вольдемаръ былъ на экзаменѣ. Логика у Рождественскаго (...).

4-го. Среда. Проснулся въ 8 часовъ (...). Правилъ книгу Лукьяновича, носилъ къ нему и ходили съ нимъ. Возвратясь, Исторія брата. Вечеромъ треть листа романа Булгарина. Жаръ плящій.

5-го. Четвергъ. Съ утра романъ. Еще записка Асенковой!!! (...). Явился Яковлевъ.—До 12 часовъ утра дописалъ листъ

всякій день страшишься ярости притѣснителя, какъ бы онъ готовъ былъ истребить. Но гдѣ ярость притѣснителя? Скоро освобожденъ будетъ плѣнный, и не умретъ въ ямѣ, и не будетъ нуждаться въ хлѣбѣ».

[1]) Онъ держалъ вступительный экзаменъ въ университетъ.

романа. Послалъ съ Вольдемаромъ. Лукьян., принесъ книгу свою. Повезъ къ Данилевскому. Онъ оставилъ обѣдать—сидѣли на балконѣ — видъ кругомъ. Толки о войнѣ 1828 и 1829 гг.; взялъ его французскія записки о 1812 годѣ. Домой—Лукьяновичъ. Смѣялись. Вольдемаръ привезъ журналы, не привезши денегъ. Читалъ вечеръ цѣлый «Отечественныя Записки» и «Библіотеку». Какія мерзости! Что за мнѣнія и что за брань! Герценова статья—дичь! Ругательства на Хомякова и брань съ Шевыревымъ!

6-го. Пятница. Преображенье. Какъ помню я этотъ день! Онъ какъ-то остался въ памяти дѣтства моего. Въ 1808 году, я въ первый разъ говѣлъ. Цѣлый день дома (...). Писалъ письмо къ брату; уже цѣлый мѣсяцъ молчалъ я — надобно же говорить? А какъ тяжко и грустно, что руки не шевелятся! Выборки изъ Архива для «Исторіи». Письмо къ Булгарину въ Дерптъ, о романѣ и о прочемъ. Записку Данилевскому о достопамятностяхъ Москвы. Лукьянов. привезъ книгу, и я отослалъ ее къ Данилевскому. День прежаркій. Что̀, измѣнится ли въ день Преображенія судьба? Или готовится... Боже! Помоги, спаси и помилуй!

7-го. Суббота. Рано утромъ, Сергѣй ушелъ въ школу, Вольдемаръ—на экзаменъ (...), а я отправился къ Ольхину—мерзавецъ, уѣхалъ, и векселя не прислалъ! Въ го̀рѣ къ Ратькову—что дѣлать? Домой. Сосницкая мучить пришла—принялся за водевиль! (...). Вечеромъ записку Данилевскому, о Москвѣ.

8-го. День плящій. Водевиль Сосницкой — время теперь писать его!! Поѣхалъ къ Данилевскому, и засталъ его и Антонину больными. Просидѣлъ до 3-хъ часовъ. Странная болѣзнь его. Описаніе битвы при Треббіи. Планы (...).

9-го. Понедѣльникъ. Расположился писать Сосницкой, отправя Сергѣя въ школу, когда пріѣхалъ Данилевскій и увезъ въ Красное село: дорога, пыль—80,000 войска. Царь, царица, дочери ихъ и женихи, Литке, Волконскій, Чернышевъ, Бенкендорфъ, графъ Бретейль—Бальзакъ. Закуска. Свиданіе въ трактирѣ съ Бальзакомъ. Разговоры. Усталый домой. Письмо отъ Корсакова. Послалъ къ Ратькову и — со страхомъ услышалъ отвѣтъ (...). Безобразовъ съ толками о всякой всячинѣ. Привезъ франц. переводъ Страленберга.

10-го. Вторникъ. Готовлюсь на позоръ, и — помоги мнѣ, Господи, не отвергни упованія моего! Отправился къ Ратькову—письмо къ Ольхину. Взялъ деньжонки за «Пчелу»—даже совѣстно—такъ мало; но есть ли время? Сосницкая присылала; Асенкова — два раза—явился Руссо! Хозяинъ за квартиру! (...). Приходилъ Алексѣевъ съ пробами литеръ, Лукьяновичъ съ жалобами — еще не поспѣла книга его! Это ужъ становится несносно. День плящій! И какой... Но я ожидалъ еще страшнѣе—благодарю Бога!

11-го. Среда. Въ безнадежности, и съ утра боленъ. Дѣлалъ

Сосницкой — плохо. Явился Скрыпинъ — вексель Брянцева. Отъ Ратькова ничего. Корректуры «Русскаго Вѣстника» и Говорова книги (...).

12-го. Четвергъ. Ничего дѣлать не могу! Хозяинъ требуетъ денегъ за квартиру. Ренгильдъ пріѣхалъ. Но Господь помощь мнѣ—что-то братъ, бѣдняга? Вольд. вчера кончилъ экзамены. Утромъ все читалъ корр. и рукопись Говорова, а вечеромъ кончилъ ее. Поѣхалъ къ Данил. Онъ какъ съумасшедшій. Принужденъ былъ сидѣть до 5-ти часовъ (утра) и кончилъ объ Лукьяновичѣ. Обѣдалъ въ 6-мъ часу (...). Ратьковъ получилъ вексель (...). Вечеромъ Лукьяновичъ, и въ восторгѣ.

13-го. Пятница. Тяжкій день—меня мучили—а я долженъ былъ, между тѣмъ, писать водевиль Сосницкой, которая два раза въ день присылаетъ, а я—не только писать, но и думать ничего не въ состояніи. Утромъ явился Скрыпинъ съ маклеромъ и векселями Брянцева — подписалъ!! (...). Вечеромъ Лук. съ извѣстіемъ объ успѣхѣ, да когда еще это!! Не одурѣть бы? Семененко пробылъ у меня полдня, съѣлъ и выпилъ, что могъ, взялъ съ собой вина, и надоѣлъ до-нельзя! Все грустно и тяжко. Войтъ пріѣзжалъ звать меня. Отправилъ рукопись Говорова, а вечеромъ корректура статьи Половцова въ «Русск. Вѣстникѣ». Какая глупость!

14-го. Суббота. Самъ не знаю, что дѣлаю. Хотѣлъ бросить начатую пьесу Сосн., но она держитъ меня за горло — пишу, видя, что глупо! Но не пишется... Принялся за корректуры «Русск. Вѣстн». Руссо отъ Асенковой приходилъ—два раза! Посылалъ два раза къ Ратькову — и 200 рублей не даетъ, а сегодня срокъ послѣдній билетамъ (...). Простудился, сидя въ рубашкѣ,—кашель и и насморкъ. Голова болитъ—дѣлà и жизнь, а дни летятъ въ нелѣпости и глупости...

15-го. Воскресенье. Усп. день. Ничего не дѣлается, боленъ, пишу Сосницкой. Были: Пушкаревъ со вздорами, Лукьяновичъ и Липранди привезъ мнѣ прочитать бумагу о статистикѣ. Ни то, ни сё до обѣда. Вечеромъ для «Пчелы». (...) Видѣлъ сонъ, будто меня избрали въ московскіе городскіе головы—что за дичь!

16-го. Понедѣльникъ. Въ 8 часовъ поѣхалъ къ Ратькову о деньгахъ—Ксенофонтъ! Онъ пріѣхалъ ночью... Не говорю о радости. (...) Вечеромъ сестра. Ратьковъ обѣдалъ. Сосницкая была.

17-го. Вторникъ. Братъ ушелъ по дѣламъ (...), а я сѣлъ за водевиль Сосницкой. Чувствую, что глупо, и тò не пишется! Писалъ, а что писалъ—не знаю! Два раза присылала! (...) Недоразумѣніе и посѣщеніе Данилевскаго; назначилъ онъ завтра, а потомъ отложилъ. Послѣ обѣда Ксенофонтъ къ Ратькову, а я вечеромъ для «Пчелы». Глупѣе дня я давно не помню. Разсказъ Ксенофонта о разстройствѣ дѣлъ Воронина—изумительно! Vanité des vanités!

18-го. Среда. (...) Дописалъ Сосницкой—очень глупо! Семененко, и остался на три дня—куда не кстати! (...)

(19-го, 20-го, 21-го ... Вольдемаръ студентъ... 22-го, 23-го, 24-го ...)

25-го. Среда. (...) Дописалъ Сосницкой, но отдѣлался ли? Едва ли?! Для «Пчелы». Вечеромъ аудиторы и Богомолецъ изъ Москвы. Корректуры Говорова. (...) Письмо Наташи—денегъ и денегъ! У меня три цѣлковыхъ, а туда надобно послать 350 рублей!..

26-го. Четвергъ. Бородино. Письмо къ Наташѣ, къ Сухотину, къ Данилевскому. Корректура Говорова. Данилевскій прислалъ за мною Антонину. Принужденъ ѣхать. Лидія. [1]) Кутузовъ. Боюсь за старика. Обѣдали—сегодня день его рожденія. Онъ сойдетъ съ ума? Лидія очень мила. Въ 7-мъ часу оттуда зашелъ къ Гречу. Черноглазовъ—Филиппонъ. Вечеромъ читалъ «Mémoires de la Garde» и дремалъ. Можно ли проводить дни глупѣе? Сосницкая приходила сказать, что пьесы не пропустятъ. Да я и зналъ это? И писалъ? Я дѣлаю только глупости.

27-го. Пятница. (...) Началъ листъ Булгарину. Послѣ того Лукьяновичъ: привезъ свою книгу. Разодралъ ее на листы, и выдралъ карты. (...) Дѣлаю для «Пчелы». (...)

28-го. Суббота. День мрачный, а ночь лунная. Дописалъ листъ Булгарина, послалъ съ Вольдемаромъ, дѣлалъ для «Пчелы». Все глупо и нелѣпо. Были Яковлевъ, Рикордъ и Ильинъ. Боюсь за моихъ въ Рамбовѣ. Сестра принесла свою тетрадь. Письмо Рейнгольда... Знаю о чемъ!..

29-го. Воскресенье. Поутру ѣздилъ для Лукьяновича къ Пишо, къ Працу и къ нему. Потомъ для «Пчелы». Грустное письмо отъ Наташи, что у нихъ холодъ и сырость. Послѣ обѣда Лукьяновичъ и Брандтъ. (...)

30-го. Понедѣльникъ. Спокойно принялся за работу для «Пчелы», когда пришли съ запиской отъ квартальнаго—Меркурьевъ подалъ вексель Кутулы! Къ Ратькову и съ нимъ къ извергу Меркурьеву—ограбилъ и отсрочилъ. Домой въ 12 часу. Письмо Мишо въ «Пчелу». Въ 3 часа къ Данилевскому. Онъ именинникъ. Лидія и Антонина. Старику сегодня лучше. Разсказъ о наслѣдникѣ, о митрополитѣ. Былъ Лукьяновичъ на минуту, и что завтра деньги. Домой въ 11 часу. День погибъ!

31-го. Вторникъ. Съ 8 часовъ отправилъ къ Меркурьеву за бумагой, Сергѣя въ школу, а Вольдемара въ университетъ. Сегодня пріемъ. Отнесъ бумагу къ квартальному. Лукьяновичъ привезъ деньги. Распорядился. Нанялъ карету привезти ангела моего мальчика. Отдыхаю. Послѣ обѣда Вольдемаръ опять въ университетъ и къ Полю—купилъ онъ винца. Ильинъ вымучилъ цѣлко-

---

[1]) Лидія, Антонина—дочери Михайловскаго-Данилевскаго (фрейлина).

вый. Посылалъ къ Данилевскому о Мишо, и получилъ обратно. Къ чаю Алексѣевъ, о біографіяхъ. Вечеромъ пришли и болтали Пушкаревъ съ Гедеоновымъ. Раскладывалъ деньги. День хорошій.

Сентябрь.

Благословиши вѣнецъ лѣта благости твоея, Господи!

1-го. Среда. Дѣтски доволенъ. Въ $5^1/_2$ час. утра Н.[1]) поѣхалъ въ Рамбовъ и повезъ деньги—350 руб. мальчику. 100 руб. Сафоновой. Въ 8 час. Вольдемаръ поѣхалъ на 1-ю лекцію, повезъ 50 руб. въ университетъ и 200 руб. Ренгильду. Въ 9 час. отправился я—день прелестный—къ Полю, къ Працу и выкупилъ мои часы изъ ломбарда.

Неужели они начнутъ бить перемѣну? Или только минутная улыбка судьбы, и еще страшнѣе все ляжетъ на меня? Въ прошломъ году также три первые дня сентября я былъ счастливъ.—Часы завелъ дорогою у часовщика Фихтера, на Мѣщанской, ибо ключика не было. Буди, Господи, милость твоя на насъ, яко мы уповаемъ на тя!

Пересмотрѣлъ статьи въ «Пчелу» и отослалъ. Были Межевичъ и Песоцкій. Вечеромъ пріѣхалъ мальчикъ и всѣ. Благодарю Господа!—Былъ Плюшаръ о сказкѣ и сестра о книжкѣ-Потаскушкѣ. День прекрасный. Еслибы много такихъ...

2-го. Четвергъ. Рѣшилъ принять систему въ работѣ и трудиться неутомимо. Господи! подкрѣпи меня! Стану отдавать отчетъ ежедневно. Въ прошломъ году, въ 26 дней, съ 1-го сентября, я написалъ десять разсказовъ для Исторіи Петра Великаго.

И первымъ днемъ я ужъ недоволенъ, успѣвши только послать статью о Мишо въ «Пчелу» и прочитать 50 страницъ Лукьяновича и отослать ихъ къ Працу. Вечеромъ былъ Лукьяновичъ и сидѣлъ до 11 час. Я читалъ ему Малую исторію брата. Надобно утро и вечеръ на побочныя работы, вставать въ 5 часовъ, а днемъ писать настоящее. Впрочемъ, я былъ развлеченъ и жестоко болѣли зубы. Попробую завтра.

Письмо отъ брата.—Была Сосницкая. Вольдемаръ на 2-й лекціи. День прелестный, ночь лунная.

3-го. Пятница. Также недоволенъ. Всталъ довольно рано, читалъ Лукьяновича и послалъ Працу, но надобно бы больше. Переводилъ Тимона, изрядно. Вечеромъ зубы болѣли опять. Прочелъ корректуру «Русск. Вѣстника». (...) Вообще изрядно.

4-го. Суббота. Всталъ въ 6-мъ часу. Пришелъ Ильинъ—отдалъ ему. Корректуры «Русск. Вѣстн.» и Лукьяновича положилъ читать

---

[1]) Второй сынъ Н. А—ча.

по 25 страницъ — болѣе нельзя. Готовилъ Жернакову — и ничего не сдѣлалъ.

Очень недоволенъ! 4-й день, и что же далѣе?

Вечеромъ Ратьковъ—тоска и глупости.—Что за dies nefas! (...)

5-го. Воскресенье. Въ 6 часовъ, ибо боленъ. 25 стран. Лукьяновича. — (...) — Рикордъ зоветъ къ Грейгу, и отказать нельзя. Працъ съ корректурами Лукьяновича. Отъ Межевича корректура моей глупой пьесы.—Зубы.—Около акта Тимона перевелъ.—Лукьяновичъ былъ.

Недоволенъ,—и зачѣмъ гублю день завтра? Мнѣ ли гулять?!.

6-го. Понедѣльникъ. Туманъ. Корректуры Межевичу. Заѣхалъ Рикордъ и поѣхали къ Корсакову. Тутъ Мятлевъ, Балкъ, Никитинъ, Джунковскій, Ковинъ. На пароходѣ—Мятлева стихи и пирогъ.— Всеволожскій, Буцкой, Фишеръ съ женою (бывш. Данилевскою). Остановились у Рамбова и на телѣжкѣ. Грейгъ, жена его, Папа Христи, Полина Петровна, Лазаревъ и жена его. Коробко, Карауловъ, Дурасовъ, Адодуровъ, Жадимiровскій, Скрыпинъ докторъ, Капельмейстеръ, Г. П. Поповъ и проч. Музыка, обѣдъ, чай, танцы etc. до 2-хъ часовъ. Ночевалъ съ Джунковскимъ.

7-го. Вторникъ. Встали въ 8 часовъ. Поѣхали въ 12 часовъ, прiѣхали въ 3 часа. Обѣдъ, спалъ и вечеромъ правилъ статью Ратькову и Лукьяновичемъ занялся. И—

Два дня погибли!!

День прелестный, лѣто.

8-го. Среда. День прелестный. — Корректуру Межевичу. Поѣхалъ къ Ольхину—деньги за «Пчелу», и стыдно за что̀ беру!!— Къ Ратькову — у него адъ!!! Чаю, вина купилъ. Лукьяновичу и Жернакову — очень мало! Вечеромъ Пушкаревъ, Лукьяновичъ и Висковатовъ, А. В.—болѣзнь армянскаго патрiарха. — Пушкаревъ 5,000 жалованья!! Привезъ свою глупую статистику. (...)

9-го. Четвергъ. Поутру Никольскій — дурной знакъ! Алексѣевъ. Принялся Жернакову. Отослалъ къ Працу. Повѣстка отъ квартальнаго — ходилъ и не засталъ... Что такое? Есть ли возможность дѣлать что-нибудь?! Господи, пощади меня!!

Открылось, что это взысканiе по векселю Сафоновой! Пошелъ и упросилъ до вторника. Ужасная грусть—а она спокойно прiѣхала вечеромъ къ намъ и у меня же проситъ 40 рублей на дилижансъ!! (...) Жернакову почти кончилъ Румянцева. Нѣтъ! Ужасенъ сентябрь — не прошлогоднiй!!

10-го. Пятница. Смирился и написалъ письмо Гурьянову; упрашивалъ Сафонову объ отсрочкѣ по векселю—обѣщала. (...) За чаемъ былъ Плюшаръ о Сказкѣ — обѣщалъ. (...)

11-го. Суббота. И ужъ десять дней сентября. Много народу: сестра (о рукописи), Половцевъ (о грамматикѣ), Макаровъ (о Дубкахъ), Сосницкая (о бенефисѣ), Бюлеръ (о портретѣ—гдѣ дѣлъ его

Шевченко!)—(...)—Дѣлалъ хорошо сказку Плюшару.—(...) Къ вечеру мнѣ веселѣе—на Господа печаль моя!

12-го. Воскресенье. Кончилъ Плюшару сказку. Онъ пріѣзжалъ взять ее и отдалъ деньги. Былъ курьеръ Макарова о Сестребекѣ. Былъ Липранди и очень милъ. Былъ Лукьяновичъ—обѣщаетъ 15 числа. Заѣзжалъ Булгаринъ съ рукописью романа. Вечеромъ читалъ его и кончилъ Румянцева Жернакову, хоть и боленъ. Отдыхать ли?

13-го. Понедѣльникъ. Читалъ рукопись Булгарина. Повезъ къ нему—толковали. Въ департаментѣ, о дѣяніяхъ Петра Великаго. Къ Ратькову—не засталъ. У Ольхина взялъ романы Булгарина и повѣсти Ганъ. (...) Ангелъ мальчикъ боленъ. Дождь до ночи. Пушкаревъ прислалъ портеру. Переписалъ Румянцева. Корректура послѣдняя, Говорова.

(14, 15, 16, 17, 18...) 19-го. Воскресенье. Ист. брату. На репетиціи «Боченка» и комедіи—Каратыгинъ, Дюрова, Вѣра Самойлова. Безъ меня Булгаринъ, и вечеромъ опять—совѣстно. Дождь и мрачно.—Была Антонина.

20-го. Понед. Боленъ, грустенъ. Не надѣясь успѣха, не поѣхалъ въ театръ, гдѣ играли «Боченокъ» и комедію. Писалъ брату Исторію и Плюшару сказку. Денегъ нѣтъ! Вечеромъ Половцовъ и сидѣлъ до 12 часовъ. Пришелъ квартальный — о 60-ти рубляхъ извергу Меркурьеву, и что Гурьяновъ не отсрочилъ—грусть. Неожиданный успѣхъ въ театрѣ. Молился Господу, и не поѣхалъ къ Сосницкой.

21-го. Вторникъ. Рѣшился доставать денегъ (...). У Ольхина—Песоцкій, Межевичъ и Плюшаръ—далъ денегъ немного за «Пчелу»—стыдно!!! (...). О Пушкаревѣ думаю, и читаю его глупость.

22-го. Среда. (...). Всѣ эти дни, особливо понед. и вторникъ—тяжело. Что стану дѣлать? Отослалъ 60 рублей къ квартальному. Вечеромъ онъ *являлся* (...) [1]).

23-го. Четвергъ. Лукьяновича корректура. Принялся за романъ и кончилъ пересмотромъ трехъ главъ. Мысль о гибельномъ состояніи такъ овладѣла мною, что едва не упадаю въ отчаяніе. Спаси, Боже! Молился! Письмо Евсея — онъ проситъ помощи!! Вечеромъ немного «Тимона». День мрачный... Да!.. былъ Рикордъ.

24-го. Пятница. Поѣхалъ къ Лукьяновичу, Пушкареву, Булгарину, Ольхину... Только Булгаринъ утѣшилъ участіемъ... Спасибо ему!.. Ольхину не смѣлъ говорить. Ратьковъ молчитъ! Другихъ не засталъ. Дождь. Отдалъ Булгарину начало романа. Что завтра? День Сергія и Евфросиніи (радости, веселья!). Статья о сочиненіяхъ Зенеиды Р—вой въ «Пчелу». Вечеромъ былъ Лукья-

---

[1]) *Являлся*—курсивъ и въ подлинникѣ; кажется, это намекъ на то, что квартальный являлся за благостыней.

новичъ—вздоры! Пушкаревъ и Гедеоновъ, и я съ ними цѣлый вечеръ, о рукописи и сказать не смѣлъ—просилъ заѣхать завтра (...).

25-го. Суббота. (...). Сегодня Богоматери Утоли моя печали! Пушкаревъ пріѣхалъ, я со страхомъ и краснѣя говорилъ ему о ссудѣ мнѣ... Ни то, ни се!.. Сижу, перечитываю рукопись Булгарина, и—жду трепеща... Добрый Булгаринъ явился съ предложеніями (...). Вечеромъ явились Гедеоновъ и Пушкаревъ, обѣщали и положилъ съ ними писать Статистику. За чаемъ пріѣзжалъ Лебедевъ отъ Каратыгина, почему я не явился читать «Тимона» — до того мнѣ! Ночью дождь. Читалъ Выжигина (...).

26-го. Воскресенье. (...). Рукопись Булгарина. Былъ квартальный... Сосницкая подарила часы Вольдемару (...). Вечеромъ Исторія брата. Положилъ себѣ работы: вставать въ 5, до 8—Исторія. Потомъ до 2-хъ—работы насущныя, до 3-хъ—дрянь всякая. Вечеромъ, по усмотрѣнію.

27-го. Исполнилъ по утру такъ, что съ 5-ти до 8 часовъ писалъ Исторію—помоги мнѣ, Господи! Но до 2-хъ писать Булгарину не могъ, и читалъ корректуры Лукьяновича и рукопись его. Изрядно. (...). Вечеромъ опять Исторію. Былъ вечеромъ квартальный...

28-го. Вторникъ. До 8 час. съ 5-ти — Исторія брата. Потомъ Булгарину. Тоска отнимаетъ силы. Вечеромъ Гед. и Пушкаревъ привезли мнѣ 1,000 рублей (...). Работалъ изрядно.

29-го. Среда. Исторія брата и Булгаринъ. Отдалъ 1,000 рублей квартальному. Работалъ изрядно, но вечеромъ помѣшалъ Иваницкій, что черезъ Гедеонова давалъ мнѣ рукопись о татарахъ.

30-го. Четвергъ. Пересмотрѣлъ рукопись Булгарина 1-ю часть. Исторію брата довелъ до смерти Петра II-го. Поѣхалъ къ Меркурьеву просить объ отсрочкѣ—до вторника согласился. Къ Булгарину—отдалъ рукопись 1-й части. Тутъ Ольхинъ. Къ Ратькову—ни гроша въ долгъ (...). Вечеромъ переводилъ «Тимона»—пришелъ квартальный... (...).

Октябрь.

1-го. Пятница. Какъ тяжко встрѣтилъ я любимый праздникъ мой—Покровъ! Лошади безъ сѣна—въ домѣ ни копѣйки. Явился квартальный, и еще новая бумага — явиться въ Палату, по духовной Mutter. Поѣхалъ къ Ратькову—онъ не могъ дать мнѣ копѣйки. Далъ ему записку — получить отъ Ольхина за проектъ, сегодня напечатанный въ «Б. для Чт.»; но книжка еще не выходила. Возвратясь работалъ Потемкина Жернакову. Былъ Рикордъ и звалъ къ себѣ. Греческая конституція. Вечеромъ Войтъ и Лукьяновичъ съ балясами. Послѣ обѣда Ратьк. прислалъ 150 рублей, полученныхъ отъ Ольхина.

2-го. Суббота. Два раза квартальный. Отсрочилъ до понедѣльника. Читалъ рукопись и корректуру Лукьяновича цѣлый

день и вечеръ. Боленъ — спазмы, голова... Если продолжится... Я издохну. Кругомъ безнадежность—работы тьма, ничто не кончено, и силъ нѣтъ...

На этомъ мѣстѣ «Дневника» мы прекращаемъ сплошныя выписки изъ него до самаго конца 1843 года, и даемъ только нѣсколько наиболѣе характерныхъ отрывковъ.

Мы прибѣгаемъ къ этому способу изложенія потому, что уже съ половины октября дневникъ Н. А—ча превращается въ одинъ непрерывный вопль человѣка, котораго, при постоянной, безъисходной нуждѣ, при нескончаемой и непосильной работѣ, еще терзаютъ нѣсколько завзятыхъ ростовщиковъ, забравшихъ его въ руки и дѣйствующихъ съ тонкимъ, варварскимъ разсчетомъ. Эти «изверги» и «страшилища», какъ ихъ называетъ Н. А., отсрочиваютъ ему векселя не далѣе, какъ на десять дней, затѣмъ передаютъ ихъ ко взысканію, берутъ страшные проценты за отсрочку и вновь переписываютъ свои документы на 10 дней. Напрасно бросался Н. А. во всѣ стороны: помощь не приходила ни откуда! Всѣ тѣ люди, которые такъ навойливо надоѣдали ему, торопя его выполненіемъ своихъ работъ (напр., Лукьяновичъ и Межевичъ), не только отказывали ему даже въ ничтожной ссудѣ, но еще старались извлечь для себя пользу изъ несчастнаго положенія Полевого, производя съ нимъ разсчеты по особому, сокращенному способу. Лучше другихъ, въ эти трудныя минуты, оказываются Булгаринъ и Ольхинъ—послѣдній, впрочемъ, можетъ быть, потому, что хочетъ завлечь Н. А. къ участію въ «Библіотекѣ для Чтенія»[1]). Весь «Дневникъ» за эти мѣсяцы переполненъ молитвенными возгласами, обращеніями къ Богу и отрывочными фразами, въ родѣ: «Кто не мучилъ, что̀ не мучило меня?»... «Терзанье и тоска»... «Молился и плакалъ»... «Для чего замѣчаю глупые дни?.. «Бездна открыта». Подъ 24-мъ октября находимъ и такую запись: «Судьба смѣется, шалитъ! Булгаринъ тузитъ письмами о романѣ, а гдѣ силы? Я едва живъ». Подъ 7-мъ ноября: «Всѣ эти дни перепpавлялъ Исторію брата и писалъ для «Пчелы». Все остальное лежитъ. Бездна кругомъ. Бѣдная голова моя! Бѣдный братъ — дѣти! Господи!» И далѣе, подъ 8-мъ ноября: «Молитва, скорбь. Мысль объявить себя несостоятельнымъ. Мысль просить пособія у государя»...

Ко всѣмъ этимъ бѣдствіямъ привязалась болѣзнь, которая почти не покидала Н. А—ча до самаго конца года, хотя онъ и продолжалъ работать и убивать себя надъ трудомъ. Страшный образчикъ того, что въ теченіе этого времени приходилось переживать Н. А—чу, мы видимъ въ слѣдующей выпискѣ изъ его «Дневника»:

[1]) Этого ему потомъ удалось достигнуть; подъ 7 декабря мы находимъ въ «Дневникѣ» упоминаніе о «письмѣ Сенковскому», а въ концѣ декабря, Н. А. ужъ работаетъ въ теченіе цѣлой недѣли библіографію для «Библіотеки для Чтен.», и передаетъ статью Ольхину 19-го декабря.

«14-го ноября. Воскресенье. Все казалось погибшимъ[1]). Квартальный—ни откуда! (...). Рѣшился послать Н. къ Л. В. [2])—просить 500 рублей!! Пришелъ частный лѣкарь — свидѣтельствовать меня! Благородный человѣкъ! — Ломанъ — безъ того, тащить меня въ управу! Два дня ничего уже я не дѣлалъ—хотѣлъ поутру, но голова закружилась... (...). Я ѣлъ только габеръ-супъ, и думалъ, что не встану — лежалъ и мысленно проходилъ всю странную жизнь мою... Когда легъ послѣ обѣда—явился Ольхинъ: дѣло съ «Библіотекой» рѣшено! Попросилъ денегъ,—200 рублей! А въ домѣ не было уже ни копѣйки! (...). Едва сообщилъ я Наташѣ извѣстіе — отъ Л. В. съ деньгами—о Боже! Да, не забуду никогда этой минуты!!! (...). Дѣлать ничего я не могъ... Проспалъ спокойно ночь, и чувствовалъ, что печаль многорѣчива, а радость молчитъ»...

Не смотря на то, что эта временная небольшая удача оживила на мгновеніе угасавшую энергію Николая Алексѣевича, и онъ на другой день еще записываетъ въ «Дневникѣ» своемъ благодареніе Богу,—недугъ его не оставлялъ, силы не возвращались, и онъ самъ о концѣ ноября пишетъ: «Остальные дни ноября—дни истомы, болѣзни, лѣченья, ибо позвалъ Франка» [3]).

Не смотря на всѣ эти невзгоды и недуги, Николай Алексѣевичъ нетолько продолжалъ всѣ прежнія, уже начатыя работы, но еще улучилъ время для того, чтобы написать для Каратыгина бенефисную пьесу («Морякъ»), ради которой этотъ ловкій трагикъ, въ послѣдніе мѣсяцы 1843 года, сталъ опять весьма усердно навѣщать добродушнаго драматурга. Мало того, въ послѣдніе 12 дней декабря, Николай Алексѣевичъ обратился къ Ольхину съ новымъ предложеніемъ — написать «Исторію Наполеона», и хотя хитрый книгопродавецъ-издатель и высказалъ на первыхъ порахъ «нерѣшительность», однако же, потомъ, вѣроятно, сообразилъ, что это новое предпріятіе обѣщаетъ хорошіе барыши, и выразилъ желаніе войти съ Н. А—чемъ въ нѣкоторое соглашеніе, относительно будущаго труда. По крайней мѣрѣ, мы видимъ въ «Дневникѣ» помѣту: «Планъ «Исторіи Наполеона» дѣлалъ 25-го, 26-го, 27-го (декабря)»... Но, вѣроятно, этотъ новый планъ уже не утѣшалъ Николая Алексѣевича, не льстилъ его никакою надеждою въ будущемъ, не увлекалъ его ни къ какимъ мечтамъ объ улучшеніи его участи, потому что «Дневникъ» 1843 года заканчивается словами:

«Годъ заключилъ грустно,. сидя съ дѣтьми за ужиномъ. Плакать хотѣлось».

«Господи, да будетъ воля Твоя!»

П. Полевой.

---

[1]) Послѣ всякихъ отсрочекъ, кредиторы подали ко взысканію и настаивали на объявленіи Полевого несостоятельнымъ.

[2]) Къ Леонтію Вас. Дуббельту.

[3]) Извѣстный въ то время врачъ, постоянно лѣчившій въ домѣ Николая Алексѣевича.

ШУТЫ И СКОМОРОХИ ВЪ ДРЕВНОСТИ И ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ[1].

VIII.

Французская народная комедія.— Полишинель и его товарищи.— Перерожденіе Полишинеля въ дѣтскую кукольную комедію.—Труппа комедіантовъ въ «Hôtel de Bourgogne».— Табарэнъ.

О ФРАНЦІИ, точно такъ же, какъ и въ Италіи, мы видимъ, начиная съ конца XVI вѣка, двухъ Полишинелей, совершенно различныхъ и по нравамъ, и по характеру своего шутовского комизма, но одинаково пользовавшихся вниманіемъ площадной публики. Одинъ изъ этихъ типовъ—чистѣйшій неаполитанскій Пульчинелло, завезенный во Францію итальянскою балаганною труппою. Во главѣ этой труппы, въ 1685 году, выступилъ въ роли Пульчинелля нѣкто Микель-Анджело де-Фракасоло, обратившій на себя всеобщее вниманіе; онъ появлялся на подмосткахъ то въ бѣломъ, холщевомъ костюмѣ, то въ костюмѣ различныхъ цвѣтовъ, въ маскѣ, съ горбомъ и большимъ носомъ. Въ этомъ костюмѣ видимъ его изображеніе на многихъ старыхъ гравюрахъ.

Рядомъ съ этимъ чистокровнымъ итальянцемъ и прямымъ потомкомъ Маккуса изъ комедіи Ателлановъ, явился, почти одновременно, въ Парижѣ, чисто-національный типъ Полишинеля-француза—живого, легкаго, веселаго, игриваго и остроумнаго. Неизбѣжною принадлежностью и этого Полишинеля были два горба—

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXI, стр. 688.

одинъ спереди, другой сзади, и весь его костюмъ былъ довольно вѣрнымъ сколкомъ съ современнаго французскаго костюма и сообразовался съ модами XVII вѣка.

Уже въ 1630 году, роль Полишинеля, которая до этого времени постоянно выполнялась живымъ дѣйствующимъ лицомъ, перешла съ подмостковъ площаднаго балагана на сцену театра маріонетокъ. Въ этомъ новомъ положеніи, Полишинель сдѣлался нетолько любимцемъ публики, но чуть ли не получилъ значеніе политическаго дѣятеля. Знаменитые, въ свое время, содержатели перваго въ Парижѣ театра маріонетокъ, братья Бріошэ, обратили сво-

Пульчинелло, 1685.

Майе, по рис. Ксавье (каррикатура Карла X).

его Полишинеля въ выразителя мнѣній оппозиціи противъ знаменитаго кардинала Мазарини, и въ 1649 году заставили его декламировать со сцены очень ѣдкія мазаринады. Эти смѣлыя выходки придали маріонеткамъ Бріошэ огромное значеніе, которымъ онѣ и продолжали пользоваться до конца XVII вѣка. Самъ Буало, въ своемъ посланіи къ Расину, написанномъ въ 1667 году, говорилъ о братьяхъ Бріошэ и ихъ театрѣ.

Успѣхъ Полишинеля, какъ типа народнаго шута, былъ еще весьма значителенъ и въ XVIII вѣкѣ, когда ему еще было разрѣшено все говорить и все пѣть на своей крошечной сценкѣ—даже осмѣивать общественные скандалы и подтрунивать надъ придворными интригами. Революція въ сильнѣйшей степени поколебала

славу Полишинеля. На нѣкоторое время, въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго вѣка, Полишинель даже уступилъ мѣсто чисто-политической каррикатурѣ, которая явилась на сценѣ театра маріонетокъ во время Іюльской монархіи и была, главнымъ образомъ, направлена противъ Карла X. Эту каррикатуру олицетворили въ типѣ Майё (le Mayeux)—безобразнаго горбуна воど фракѣ, короткихъ штанахъ, чулкахъ и башмакахъ — жаднаго, упрямаго, большого охотника до выпивки и другихъ излишествъ. Въ лицѣ Майё выступалъ на сцену мелкій буржуа, крикливый и хвастливый, непримиримый врагъ невыгодныхъ для него порядковъ, очень гордый тѣмъ, что и онъ тоже способствовалъ, по мѣрѣ силъ, важнымъ общественнымъ переворотамъ... укрываясь въ своемъ погребѣ, тогда какъ другіе подставляли свой лобъ подъ пули. Типъ Майё былъ много разъ воспроизведенъ талантливѣйшими изъ французскихъ каррикатуристовъ, которые очень ловко умѣли придать этому модному шуту черты лица и фигуры короля Карла X.

Но политическая каррикатура, съ теченіемъ времени, потеряла всю свою прелесть, и типъ Майё сошелъ со сцены, не замѣнивъ прежняго Полишинеля, который, съ половины нынѣшняго вѣка, сталъ исключительнымъ дѣятелемъ сцены дѣтскаго кукольнаго театра, который собираетъ около себя толпу дѣтей и нянекъ въ боковыхъ аллеяхъ Елисейскихъ полей и на всѣхъ ярмаркахъ въ самомъ Парижѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ.

Рядомъ съ арлекинадой, внесенной во Францію изъ Италіи, на подмосткахъ ярмарочныхъ театровъ и площадныхъ балагановъ во Франціи изстари процвѣталъ фарсъ, т. е. такая пьеса, въ которой актеръ бывалъ, большею частью, и авторомъ той немудреной сцены, которую онъ разъигрывалъ, внося въ нее очень много совсѣмъ не аттической соли, и стараясь смѣшить своихъ зрителей нетолько кривляньями и гримасами, но и тѣмъ, что онъ выражался на одномъ изъ грубѣйшихъ провинціальныхъ говоровъ. Духовенство и предержащія власти уже изстари не взлюбили фарсъ и его исполнителей, и неоднократно воспрещали представленія фарсовъ на торговыхъ площадяхъ и ярмаркахъ, что, однако же, нетолько не помѣшало фарсу преблагополучно дожить до XVI вѣка, но даже многимъ изъ скомороховъ, выступавшимъ на сцену для исполненія фарса, пріобрѣсти весьма громкую извѣстность. Въ началѣ XVI вѣка, когда уже появилось въ Парижѣ нѣсколько постоянныхъ сценъ, на которыхъ подвизались различныя братства и труппы актеровъ, разъигрывая то пьесы религіозно-нравственнаго содержанія (moralités), то пьесы духовнаго содержанія (мистеріи)—фарсу, очевидно, угрожала гибель... Но постоянная сцена зарождающагося французскаго театра приняла фарсъ подъ свое покровительство и отвела ему видное мѣсто, рядомъ съ трагедіей и драмой. Вотъ какъ это произошло.

Когда, въ 1629 году, еще одна постоянная труппа актеровъ стала въ Парижѣ давать представленія въ «Hôtel de Bourgogne», построенномъ на мѣстѣ прежнихъ древнихъ палатъ бургундскихъ герцоговъ, у этой труппы явилась неожиданная и весьма непріятная конкурренція. Почти рядомъ съ «Hôtel de Bourgogne», въ одномъ изъ сосѣднихъ старыхъ зданій, на дрянной переносной сценѣ стали давать свои представленія три замѣчательныхъ скомороха: Толстый-Гильомъ, Готье-Гаргилль и Тюрлюпэнъ. Первый изъ нихъ пользовался наибольшею извѣстностью. Онъ былъ сначала булочникомъ, а потомъ почувствовалъ влеченіе къ подмосткамъ и вы-

Готье-Гаргилль.

Толстый Гильомъ.

ступилъ на нихъ въ роли добродушнаго толстяка, весельчака и горькаго пьяницы. Онъ никогда не надѣвалъ маски, а только посыпалъ себѣ лицо мукою, но и широкая, плоская физіономія его, и толстая фигура, обхваченная двумя поясами, словно бочка обручами, вызывали общій, неудержимый хохотъ при каждомъ появленіи Толстаго-Гильома на сценѣ.

Рядомъ съ нимъ, какъ олицетворенная противоположность, дѣйствовалъ на сценѣ Готье-Гаргилль, — тощій, сухой, на длинныхъ, тонкихъ ногахъ, въ маскѣ съ острымъ, крючковатымъ носомъ и жиденькими усиками. Онъ исполнялъ роли комическихъ стариковъ.

Эти двѣ сценическія противоположности дополнялись фигурою Тюрлюпэна,—очень красиваго и виднаго мужчины, прекрасно сложеннаго и ловкаго. Онъ игралъ роли плутоватаго слуги.

Эти три скомороха, составившіе тѣсный сценическій тріумвиратъ, взимали самую ничтожную плату за входъ на свои представленія и неутомимо потѣшали публику, играя и утромъ, и вечеромъ. Публика шла къ нимъ такъ охотно, что актеры труппы, игравшей въ «Hôtel de Bourgogne», увидѣли себя вынужденными подать жалобу кардиналу Ришельё на то, что эти поселившіеся по сосѣдству три шута отбиваютъ у нихъ хлѣбъ. Суровый кардиналъ,

Тюрлюпэнъ.

нелюбившій никакихъ шутокъ и фарсовъ, насупилъ брови и приказалъ этимъ шутамъ явиться къ нему, предъ его грозныя очи. Когда они явились, онъ пожелалъ самъ убѣдиться въ степени ихъ талантливости, а потому приказалъ съиграть въ его присутствіи одинъ изъ ихъ фарсовъ. Товарищи-шуты поспѣшили немедленно исполнить волю всемогущаго кардинала. Готье-Гаргилль принялъ на себя роль жестокаго, кровожаднаго мужа, который собирается убить жену свою за какія-то невѣдомыя провинности и гоняется за нею по сценѣ съ обнаженною шпагою. Толстый-Гильомъ принялъ на себя роль жены, которая удивительно живо трепетала передъ грознымъ супругомъ и, то убѣгая отъ него, то падая на

колѣни умоляла его пощадить ее... «Нѣтъ тебѣ пощады!»—ревѣлъ разсвирѣпѣвшій мужъ.—«Погибни, несчастная!» Тогда жена прибѣгаетъ къ послѣднему средству, чтобы спастись, и восклицаетъ, со слезами въ голосѣ: «О, дорогой мой мужъ, умоляю васъ пощадить меня, хотя бы ради того супа, который я вамъ сварила вчера, и который вамъ такъ понравился!!» Эта, очевидно, неожиданная выходка озадачила мужа, который вдругъ размягчился, смѣнилъ гнѣвъ на милость и не могъ не произнести съ нѣкоторой досадой: «Ишь, проклятая! знала, чѣмъ меня донять, и отыскала-таки мою слабую струнку»!..

Докто́ръ (арлекинады).

Гильо-Горжю.

Карди́налъ, который отъ души смѣялся во все время представленія, еще громче расхохотался при послѣдней выходкѣ Толстаго-Гильома, и, вмѣсто всякихъ мѣръ строгости противъ товарищей-шутовъ, посовѣтовалъ актерамъ, игравшимъ на сценѣ «Hôtel de Bourgogne»—принять Тюрлюпэна, Гаргилля и Толстаго-Гильома въ свою труппу. Такъ они и поступили, и этимъ много способствовали процвѣтанію своей сцены.

Съ легкой руки этихъ трехъ талантливыхъ шутовъ-товарищей, фарсъ занялъ почетное мѣсто на сценѣ театровъ «Hôtel de Bourgogne», который принялъ, послѣдовательно, въ ряды своей труппы еще очень многихъ балаганныхъ скомороховъ, составившихъ себѣ громкую сценическую извѣстность. Нѣкоторыя изъ этихъ лично-

стей заслуживають упоминанія. Одинъ изъ нихъ, Гильо-Горжю, началъ свою карьеру съ того, что былъ нѣкоторое время на медицинскомъ факультетѣ въ Монпелье; затѣмъ, въ этомъ же городѣ держалъ аптеку; потомъ пустился странствовать съ шарлатанами по ярмаркамъ и, наконецъ, въ 1634 году, дебютировалъ въ роли шута на сценѣ въ «Hôtel de Bourgogne». Онъ отличался необыкновеннымъ умѣньемъ играть роли докторовъ, что, конечно, неудивительно, такъ какъ онъ самъ когда-то обучался медицинѣ. Память у него была изумительная. Съ необычайною легкостью, быстрѣйшею скороговоркою онъ перечислялъ названія цѣлебныхъ

Капитанъ Матаморъ.

травъ, микстуръ и различныхъ медикаментовъ. По свидѣтельству современниковъ, это былъ высокій, худощавый брюнетъ, очень некрасивый собою. Маска была ему не нужна, при его безобразіи, но, тѣмъ не менѣе, его энергическая и подвижная физіономія чрезвычайно нравилась зрителямъ, когда онъ въ своей длинной, черной докторской мантіи и черномъ беретѣ появлялся на подмосткахъ. Въ такомъ именно видѣ и представляютъ намъ его современныя гравюры, на которыхъ внизу припечатаны стихотворные отрывки изъ лучшихъ ролей Горжю.

Рядомъ съ Горжю, на той же сценѣ, игралъ Жоделэ, прославившійся превосходнымъ исполненіемъ шутовской роли слугъ, глупыхъ и вмѣстѣ наивныхъ, и послужившій прототипомъ многихъ

слугъ въ комедіяхъ Мольера. Труппу фарса дополняли «капитанъ Матаморъ» (или Метаморъ), типъ хвастуна и труса, храбраго и страшнаго только на словахъ; Бригеллъ, замѣстившій Тюрлюпэна въ роляхъ плутоватыхъ слугъ; Жакмэнъ-Жадо, принимавшій на себя роли болтуновъ-резонеровъ; Гандолэнъ, занимавшійся исполненіемъ роли воровъ и разбойниковъ; наконецъ, Стентерелло, игравшій заносчивыхъ глупцовъ, проникнутыхъ сознаніемъ собственнаго достоинства.

Труппа, игравшая въ «Hôtel de Bourgogne», должна была, однако же, уступить пальму первенства труппѣ Мольера, когда та,

Бригеллъ.

въ 1659 году, явилась основаться въ Парижѣ. Извѣстно, что обѣ труппы, послѣ нѣкоторыхъ колебаній и борьбы, слились въ одну въ 1680 году, и основали въ нынѣшней улицѣ «Старой Комедіи» (Rue de l'Ancienne Comédie) тотъ театръ, изъ котораго впослѣдствіи произошла сцена нынѣшней «Французской комедіи»—одна изъ первыхъ въ Европѣ по достоинству игры актеровъ.

Не мѣшаетъ, однако же, припомнить здѣсь, что Мольеръ оцѣнилъ значеніе фарса и не только не пренебрегъ этимъ дѣтищемъ балаганныхъ подмостокъ, но даже старался примѣнить фарсъ къ сценическимъ условіямъ и закрѣпить его на сценѣ. Онъ не только допускалъ шутовскія сценки и пьески на своей сценѣ, но даже и самъ писалъ фарсы, о которыхъ съ великимъ негодованіемъ гово-

рили его почитатели. «Ревность перепачканнаго», «Летающій докторъ», «Женитьба противъ воли», и, въ особенности, «Плутни Скапена»—были не болѣе, какъ шутовскіе фарсы, набросанные талантливою рукою...

Но этимъ сліяніемъ площадныхъ шутовъ съ настоящими актерами еще не былъ исчерпанъ весь запасъ живыхъ силъ, подвизавшихся передъ глазами толпы на балаганныхъ подмосткахъ ярмарокъ и базаровъ. Въ то самое время, когда постоянная сцена начинала притягивать къ себѣ съ площади лучшихъ представителей «веселой братіи», изъ общей массы ея постоянныхъ дѣятелей вы-

Жакмэнъ-Жадо.

Гандолэнъ.

дѣлился человѣкъ, который, не покидая подмостковъ своего подвижнаго, наскоро сколоченнаго, балагана, съумѣлъ поддержать, почти въ теченіе двадцати лѣтъ, интересъ къ своимъ шутовскимъ продѣлкамъ, кривляньямъ, импровизаціямъ и неподдѣльному остроумію. Этотъ, прославленный современниками скоморохъ XVII вѣка, былъ Табарэнъ, въ правленіе Людовика XIII явившійся съ небольшою труппою такихъ же балаганныхъ шутовъ, какъ онъ самъ, на Новомъ-Мосту, въ Парижѣ. Здѣсь занялъ онъ небольшой уголокъ, устроилъ въ немъ животрепещущіе подмостки, и съ этихъ подмостковъ сталъ продавать публикѣ разныя снадобья, лѣкарства и косметическія средства. Продажею собственно занимался его сотоварищъ по ремеслу, Мондоръ, а самъ Табарэнъ только привле-

калъ публику своими гримасами, кривляньями, забавными остротами и шутливыми экспромтами. Впослѣдствіи, кромѣ Таборэна и Мондора, на подмосткахъ являлись и музыканты, аккомпанировавшіе пѣнію Таборэна и два-три другихъ, второстепенныхъ актера, съ которыми Табарэнъ разъигрывалъ коротенькія сценки, къ вящшему удовольствію постоянно толпившейся около подмостковъ публики. Таборэнъ, судя по недавно отысканному медальону, былъ высокій и стройный малый, носилъ усы и маленькую бородку, и костюмъ временъ Генриха IV, состоявшій изъ коротенькаго казакина и небольшого плаща, прикрывавшаго его правую руку. Очень важ-

Стентерелло.

Таборэнъ.

ною частью въ костюмѣ Табарэна оказывалась его войлочная шляпа, съ высокой тульей и широчайшими полями, которой онъ умѣлъ придавать самыя разнообразныя формы [1]). Огромный успѣхъ Таборэна отчасти основывался на томъ, что онъ привлекалъ толпу къ своимъ подпосткамъ даровыми представленіями, и ни съ кого изъ зрителей не взималъ никакой платы; платили только тѣ, кто желалъ пріобрѣсти лѣкарства или косметики. Есть основаніе пред-

[1]) Въ одномъ изъ своихъ произведеній, въ «Шутовскомъ завѣщаніи», Таборэнъ отказывалъ свою шляпу придворнымъ, «которымъ она можетъ быть полезна, именно потому, что ей можно придать всѣ формы и всѣ направленія».

полагать, что онъ и товарищъ его Мондоръ были люди свѣдущіе въ приготовленіи этой медицинской кухни, потому что покупателями его были не одни только простолюдины, но и люди высшихъ классовъ, достаточные и образованные. Съ 1633 года, всякія извѣстія и свѣдѣнія о Таборэнѣ прекращаются; предполагаютъ, что около этого времени онъ или умеръ, или нажился настолько, что могъ покинуть свои подмостки и удалиться въ купленное имѣніе, въ которомъ и дожилъ остатокъ дней своихъ въ довольствѣ и покоѣ.

Нельзя сказать, чтобы Таборэнъ былъ послѣднимъ въ ряду шутовъ и шарлатановъ, которыхъ родъ непрерывно тянется, какъ мы видѣли, изъ глубокой древности—на забаву и потѣху человѣчества.

Театръ Таборэна и Мондора на Новомъ мосту.

Современная намъ жизнь богата шарлатанствомъ всякаго рода, а ярмарки и провинціальныя захолустья до сихъ поръ еще служатъ поприщемъ дѣйствія для разнаго рода шутовъ и скомороховъ. Мало того, на шумныхъ улицахъ Парижа, среди пестрой и вѣчно движущейся толпы, и въ новѣйшее время появлялись нерѣдко то веселые и забавные шуты, въ родѣ Жокрисса, то серьезные и сумрачные, въ родѣ Шодрюкъ-Дюкло, вѣчно бродившаго по улицамъ Парижа въ живописныхъ лохмотьяхъ и сандаліяхъ на босу-ногу. Да едва ли и настанетъ когда-нибудь такое время, когда различный уровень образованности и разнообразныя условія жизни вполнѣ приравняются въ обществѣ и приведутъ людей къ одному знамена-

Жокриссъ.

телю, исключающему возможность отступленій отъ обязательнаго и для всѣхъ одинаковаго теченія жизни!.. Тогда нечему будетъ смѣяться, не надъ чѣмъ не окажется возможности изощрять свое остро-

Шодрюкъ-Дюкло въ Палэ-Рояллѣ.

уміе... А до тѣхъ поръ, живое и мѣткое слово, легкій каламбуръ, быстрая находчивость—всегда будутъ привлекать людей, и нерѣдко будутъ олицетворяться, какъ и во всѣ времена, въ образѣ шута и скомороха.

IX.

Шуты наемные и должностные.—Шутовскія общины.—«Общество шутовъ» въ г. Клэвъ.—«Мать шутовъ»—въ Дижонѣ.

Во всѣхъ предшествующихъ главахъ мы говорили о шутахъ домашнихъ, состоявшихъ на службѣ при дворахъ владѣтельныхъ особъ и вельможъ, а затѣмъ—о шутахъ народныхъ, потѣшавшихъ толпу на перекресткахъ улицъ, на базарныхъ площадяхъ и ярмаркахъ. Намъ остается упомянуть еще объ одномъ разрядѣ шутовъ, о такъ называемыхъ шутахъ городскихъ, которые, съ одобренія или даже по спеціальному порученію мѣстныхъ властей, за опредѣленное вознагражденіе и хорошее угощеніе, принимали на себя роль шутовъ оффиціальныхъ, какъ бы состоящихъ на службѣ городовъ или корпорацій.

Въ Лиллѣ, процессіи, обходившей городъ въ праздникъ «Тѣла Христова», обязательно предшествовалъ шутъ, который даже носилъ названіе «шута городскаго», такъ какъ городъ платилъ ему ежегодное жалованье. «Онъ и одѣтъ былъ сообразно своей должности»,—разсказываетъ одинъ изъ мѣстныхъ археологовъ,—«и въ рукахъ держалъ шутовскій жезлъ, которымъ заигрывалъ съ толпою зрителей, позволяя себѣ всякія дурачества; иногда даже обливая толпу водой»... «Мнѣ случалось видѣть эту процессію много лѣтъ сряду, и я близко зналъ то лицо, которое принимало на себя выполненіе роли шута—это былъ человѣкъ весьма зажиточный, занимавшійся банковыми операціями. У него сынъ былъ каноникомъ въ одной изъ главныхъ церквей города, а онъ все же несъ на себѣ выполненіе добровольно принятой имъ обязанности, тѣмъ болѣе, что народъ не допускалъ даже возможности процессіи безъ обычно-сопровождавшаго ее шута».

Изъ другихъ источниковъ узнаемъ, что должность шута въ городѣ Лиллѣ считалась почти почетною; по понятіямъ городскихъ властей, онъ былъ «первымъ слугою города» (le premier valet de la ville). Онъ являлся въ странной одеждѣ, скроенной изъ матерій различныхъ цвѣтовъ, съ нашитыми на ней погремушками. Въ рукахъ у него былъ обычный шутовской жезлъ. Въ такой одеждѣ являлся онъ при церемоніяхъ. По преданію, образцемъ для цвѣтовъ и покроя этой одежды шута послужилъ нарядъ слугъ въ свитѣ Филиппа Добраго, герцога Бургонскаго; этотъ нарядъ и былъ пе-

ренять гражданами города Лилля и, въ угоду герцогу, данъ «первому слугѣ города». Не слѣдуетъ забывать, что всѣ эти свѣдѣнія о шутѣ города Лилля относятся къ эпохѣ весьма неотдаленной, а именно къ 1724 году.

Случалось, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ у города не было оффиціальнаго или постояннаго шута, что городъ нанималъ такого шута на время извѣстнаго празднества для увеселенія участвовавшей въ немъ толпы. Такъ, напримѣръ, въ городѣ Діеппѣ, ежегодно праздновалось, въ прежніе годы, торжественнымъ богослуженіемъ, въ церкви св. Іакова, и особыми процессіями воспоминаніе о побѣдѣ, одержанной подъ стѣнами города надъ англичанами, 14-го августа 1443 года. Это народное празднество сливалось съ празд-

Шутъ.

никомъ Успенія, что придавало ему еще болѣе значенія и блеска. И вотъ, въ этотъ день, необходимымъ участникомъ процессій являлся наемный шутъ, потѣшавшій присутствующихъ не совсѣмъ приличными шутками и продѣлками: онъ то прикидывался мертвымъ, то показывалъ, будто онъ воскресаетъ изъ мертвыхъ, то обращался къ Богу, къ Пресвятой Дѣвѣ, или къ святымъ съ шутливыми прошеніями и возгласами, возбуждавшими громкій хохотъ толпы. Эти процессіи были воспрещены не ранѣе, какъ въ половинѣ XVII вѣка.

Обычай, по которому шуты должны были обязательно принимать видную долю участія въ церковныхъ и народныхъ празднествахъ, не вывелся еще изъ употребленія, даже и въ наши дни, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бельгіи и Люксанбурга. И донынѣ еще,

въ день приходскаго праздника, молодые люди, въ нѣкоторыхъ деревняхъ, выбираютъ изъ своей среды шута, которому дозволяются всякія шалости и дурачества на потѣху и увеселеніе односельчанъ.

Городскіе шуты были особенно распространены въ Германіи. Тамъ они также являлись обязательнымъ украшеніемъ и дополненіемъ всѣхъ празднествъ городскихъ и семейныхъ. На простонародныхъ свадьбахъ видимъ этихъ шутовъ въ качествѣ обязательныхъ ораторовъ, выступавшихъ въ своей роли за свадебнымъ столомъ. Едва гости усаживались за столъ, шутъ (Spruchsprecher) приступалъ къ исполненію своихъ обязанностей. Въ пестромъ костюмѣ, увѣшанный медалями, держа въ рукахъ жезлъ, также обвѣшанный серебряными монетами, шутъ обращался къ жениху и невѣстѣ съ шутливымъ привѣтствіемъ и пожеланіемъ всѣхъ возможныхъ благъ, а затѣмъ въ цвѣтистой прозѣ, со всякими шутками и прибаутками восхвалялъ и новобрачныхъ, и ихъ родню. Когда онъ оканчивалъ эту длинную рацею, каждый изъ присутствующихъ имѣлъ право задать шуту вопросъ, на который шутъ долженъ былъ отвѣчать ловко и кстати. Чѣмъ рѣзче и остроумнѣе были отвѣты шута, тѣмъ болѣе было смѣха и веселья. Въ концѣ обѣда шутъ обходилъ всѣхъ присутствующихъ съ небольшой серебряной чашечкой, въ которую каждый изъ присутствующихъ опускалъ свою лепту.

Въ городѣ Нюренбергѣ, который особенно славится своею приверженностью къ старымъ обычаямъ, такіе свадебные шуты удержались даже до конца прошлаго вѣка. Изъ нихъ особенно прославился Вильгельмъ Веберъ. Обладая замѣчательною памятью, онъ наизустъ зналъ всѣхъ древнихъ классическихъ поэтовъ, переведенныхъ на нѣмецкій языкъ, и на каждый заданный ему вопросъ умѣлъ отвѣтить соотвѣтствующимъ мѣстомъ изъ классика или примѣнить его къ данному случаю.

И не только города имѣли на своемъ иждивеніи и содержаніи оффиціальныхъ шутовъ: ихъ имѣли даже и отдѣльныя корпораціи. Эти шуты, при участіи корпораціи въ какихъ-нибудь празднествахъ, при различныхъ торжественныхъ случаяхъ, при «всерадостныхъ» пріемахъ новыхъ членовъ въ составъ корпораціи,—пускали въ ходъ все свое веселье и умѣнье.

Иногда не одинъ шутъ принималъ участіе отъ имени города или корпораціи въ увеселеніи толпы. Существовали цѣлые кружки, цѣлыя общества шутовъ-охотниковъ, по собственной волѣ и почину принимавшіе на себя, въ заранѣе назначенные дни и числа, устройство процессій, зрѣлищъ и увеселеніе согражданъ.

Такіе шутовскіе кружки и общества набирались и составлялись изъ лучшихъ семействъ города, а иногда даже изъ знати. Они по собственной охотѣ записывались въ свою шутовскую слу-

жбу. Они приносили свою жертву веселью, отъ времени до времени, въ опредѣленные дни общественныхъ и частныхъ празднествъ. Въ числѣ этихъ кружковъ и обществъ особенною извѣстностью пользовались во Франціи — «веселое общество Корнардовъ», въ Эврё, «Рыцарскій орденъ шутовъ», въ Клэвъ (Clèves), и, въ особенности, «Общество Матери Шутовъ», въ Дижонѣ. — «Корнарды» или «Конарды» составляли тѣсный кружокъ, собиравшійся повеселиться и посмѣяться, слагавшій пѣсенки и прибаутки, въ которыхъ остроуміе было направлено противъ различныхъ городскихъ событій и явленій городской общественной жизни, служившихъ поводомъ къ сатирѣ и злословію. Остроумныя измышленія ихъ собирались и списывались въ особые сборники, извѣстные подъ на-

Кавалеръ ордена Дураковъ, въ г. Клэвъ.

званіемъ «Facetiae Conardorum» (шутки Конардовъ); они быстро расходились по рукамъ и пользовались большимъ значеніемъ. Главѣ кружка Конардовъ присвоенъ былъ титулъ аббата Конардовъ (abbas Conardorum). По общему средневѣковому обычаю, кружокъ Конардовъ пользовался особенными, исключительно ему принадлежавшими привиллегіями. Такъ, напримѣръ, Конарды, во время своихъ ежегодныхъ празднествъ, получали право суда въ Эврё, и это право дано было имъ формальнымъ распоряженіемъ парижскаго парламента, подтвержденнымъ въ Руанскомъ парламентѣ. Въ эти льготные дни празднествъ, Конарды устраивали всякія увеселенія и шутовскія процессіи, при которыхъ аббатъ Конардовъ разъѣзжалъ по всѣмъ улицамъ города и по всѣмъ ближайшимъ къ городу деревнямъ. Аббата везли Конарды на ослѣ, наряженнаго въ шутовскую одежду, при чемъ весь кружокъ въ честь

его распѣвалъ особыя шутовскія псалмы, сложенныя на смѣшанномъ французско-латинскомъ языкѣ.

Кружокъ Конардовъ просуществовалъ около полутораста лѣтъ; но подъ конецъ, шутовство кружка, задѣвавшее иногда весьма живыя струны и не щадившее всѣхъ гражданъ города, не понравилось высшему духовенству, и дѣятельность Конардовъ подверглась строгому осужденію. Послѣ нѣкоторой борьбы, кружокъ Конардовъ былъ уничтоженъ, въ первой половинѣ XV вѣка епископомъ города Эврё, Павломъ де-Каприни.

Въ Руанѣ также существовалъ кружокъ Конардовъ, которые назывались Коклюшниками (Coquelucbiers), вѣроятно, отъ того капюшона или коклюшона, т. е. дурацкаго колпака, которымъ они прикрывали себѣ голову. Этотъ кружокъ собирался въ церкви Богоматери благовѣстницы; но такъ какъ присутствіе Коклюшниковъ въ церкви нарушало благочиніе службы и отвлекало въ ихъ сторону вниманіе молящихся, то, съ теченіемъ времени, кружку руанскихъ Конардовъ разрѣшено было собираться въ этой церкви только во время масляницы.

Но, по свидѣтельству французскихъ мѣстныхъ археологовъ, отдѣльные кружки, подобные кружку Конардовъ, существовали не въ одномъ Руанѣ, а почти во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ на сѣверѣ Франціи—въ Лиллѣ, въ Дуэ, въ Валансьенѣ и многихъ другихъ, и члены этихъ кружковъ принимали дѣятельнѣйшее участіе во всѣхъ народныхъ празднествахъ, и, конечно, въ празднествѣ «ословъ или дураковъ», съ которымъ мы подробно ознакомили нашихъ читателей въ одной изъ предшестующихъ главъ.

«Рыцари Ордена Шутовъ», въ городѣ Клэвъ, продержались еще дольше и, по всѣмъ вѣроятіямъ, породили, впослѣдствіи, «Общество Матери Шутовъ» или такъ называемую «Дижонскую пѣхоту»—наиболѣе извѣстный изъ всѣхъ шутовскихъ кружковъ.

«Орденъ Шутовъ» былъ учрежденъ въ городѣ Клэвъ, въ 1381 году, въ день св. Кунеберта, Адольфомъ, графомъ клэвскимъ и тридцатью пятью баронами, его пріятелями. Актъ самаго учрежденія ордена, снабженный тридцатью шестью печатями учредителей, существовалъ еще въ мѣстномъ городскомъ архивѣ въ концѣ прошлаго вѣка. Всѣ печати были изъ зеленаго воска, кромѣ печати графа Адольфа (изъ краснаго воска). Члены этого ордена собирались во время сбора винограда, въ первое или второе октябрьское воскресенье, въ помѣщеніи, спеціально приспособленномъ для этихъ собраній, и оставались въ немъ до слѣдующаго воскресенья. Во время этихъ собраній они и обѣдали и веселились сообща, послѣ того, какъ ими былъ избранъ король и шесть совѣтниковъ, которые должны были завѣдывать и руководить празднествами. Въ первый вторникъ послѣ воскресенья, назначеннаго для открытія съѣзда, всѣ члены ордена отправлялись in corpore въ собор-

ную церковь и тамъ служили заупокойную обѣдню за своихъ сотоварищей, скончавшихся въ текущемъ году. Въ ближайшую пятницу, тѣ члены ордена, которые въ теченіе года жили между собою несогласно или ссорились, обязаны были до восхода солнца явиться предъ лицо короля и его совѣтниковъ и непремѣнно примириться между собою до заката солнца того же дня. Само собою разумѣется, что на подобныхъ годовыхъ собраніяхъ должны были присутствовать всѣ члены кружка, безъ исключенія. Единственнымъ поводомъ и оправданіемъ отсутствія члена на общемъ собраніи, могла служить только болѣзнь его, надлежащимъ образомъ удостовѣренная, или же—дѣловая поѣздка въ мѣстность, отстоящую не менѣе какъ на шесть дней пути отъ Клэвъ. Тотъ, кто отсутствовалъ не по этимъ

Мать Дураковъ въ Дижонѣ (рѣзное на деревѣ изображеніе).

Шутовской жезлъ «Матери Дураковъ».

законнымъ поводамъ, бывалъ присуждаемъ къ уплатѣ пени въ три турскихъ ливра, которые и раздавались бѣднымъ «во славу Божью».

Отличительнымъ признакомъ принадлежности къ ордену служило то, что члены его должны были носить на своемъ плащѣ вышитое изображеніе шута, на которомъ колпакъ былъ на половину красный и на половину серебряный и украшенъ погремушками. Шутъ изображенъ былъ съ золотымъ блюдомъ въ рукахъ, а на блюдѣ томъ вышиты были различныя фрукты. Каждый членъ, который не носилъ ежедневно на своемъ плащѣ изображеніе шута, подвергался уплатѣ такой же точно пени, какая взималась за отсутствіе на годовыхъ собраніяхъ.

На основаніи вышеприведенныхъ подробностей, можно прійти къ тому заключенію, что орденъ клэвскихъ рыцарей не былъ, собственно говоря, собраніемъ шутовъ, а скорѣе чѣмъ-то въ родѣ дружественнаго братства, въ которомъ всѣ сословія и состоянія

были смѣшаны и приравнивались къ одному уровню. Члены кружка веселились въ своей средѣ, но не выносили своего веселья на показъ, на улицу. Главною и очевидною цѣлью ихъ стремленій, во время ихъ ежегодныхъ собраній, было желаніе пользоваться въ теченіе извѣстнаго времени полною свободою, которая и руководила всѣми дѣйствіями членовъ кружка на этихъ собраніяхъ. Тамъ не существовало никакого различія титуловъ или сословныхъ преимуществъ, никакого привилегированнаго положенія, никакого стѣсненія. Собравшись въ полномъ своемъ составѣ, кружокъ избавлялъ себя на нѣсколько дней отъ необходимости идти однообразною стезею обыденной жизни.

Полнѣйшее равенство царило въ этихъ собраніяхъ, гдѣ члены кружка, за столомъ, за чарой вина, вступали въ ту откровенную задушевную бесѣду, которая такъ свойственна человѣку, когда онъ не связанъ и не стѣсненъ общественными приличіями, когда онъ можетъ совершенно свободно предаться всѣмъ увлеченіямъ своей фантазіи.

Предполагаютъ, что дижонское шутовское общество произошло именно отъ этого ордена клэвскихъ рыцарей. Дижонское общество уже существовало при герцогѣ Филиппѣ II Добромъ, правившемъ Бургундіею съ 1419 по 1467 годъ. Оно было несомнѣнно основано Энгельбертомъ клэвскимъ, губернаторомъ герцогства бургундскаго, потомкомъ графа Адольфа, учредившаго шутовское клэвское общество. Впрочемъ, сношенія между принцами клэвскими и герцогами бургундскими, въ теченіе среднихъ вѣковъ, были такъ часты и и близки, что въ Дижонѣ, вообще, легко могло явиться общество, подобное клэвскому.

Общество, названное «Матерью Шутовъ», состояло болѣе чѣмъ изъ пятисотъ лицъ всѣхъ чиновъ и сословій: тутъ были и члены дижонскаго парламента, и служащіе по финансовому управленію, и адвокаты, и прокуроры, и горожане, и купцы. Количество членовъ могло быть еще и значительно болѣе, потому что девизъ общества гласилъ: Stultorum numerus est infinitus (число глупцовъ безконечно велико). Въ дни большихъ празднествъ, въ дни свадебъ или въ годовщины рожденій принцевъ, а также и при важнѣйшихъ церемоніяхъ, всѣ члены дижонскаго шутовскаго общества являлись наряженными въ шелковое платье трехъ цвѣтовъ, — зеленаго, краснаго и желтого — затканное серебромъ и золотомъ; на голову при этомъ они надѣвали дурацкій колпакъ тѣхъ же цвѣтовъ, съ двумя остріями или рожками, къ которымъ привѣшены были бубенчики; въ рукѣ у каждаго былъ щеголеватый шутовской жезлъ, украшенный головою шута. Они проѣзжали по улицамъ верхами, и обязывались говорить не иначе, какъ въ стихотворной формѣ. Главною цѣлью общества было веселье и развлеченія. Особенно шумно веселились члены общества во время

карнавала, когда они разъѣзжали по городу въ большихъ телѣгахъ, переряженные виноградарями и громко распѣвали шутливыя пѣсни, въ которыхъ очень безцеремонно осмѣивали своихъ согражданъ, не стѣсняясь при этомъ въ выборѣ выраженій и сравненій.

Учрежденіе дижонскаго общества было подтверждено стихотворнымъ указомъ Филиппа Добраго, выданнымъ въ пятницу, 27-го декабря 1454 г. Этотъ указъ получилъ еще подтвержденіе въ 1482 году, и подъ этимъ актомъ подписались: Жанъ д'Амбуазъ, епископъ и герцогъ Лангрскій, пэръ Франціи, правившій Бургундіею, и де-Бодрикуръ, дижонскій намѣстникъ.

Жезлъ Общества Матери Дураковъ.

Общество состояло изъ такъ называемой «пѣхоты», которая собиралась по призыву «фискальнаго прокурора» или «зеленаго фискала». Во главѣ пѣхоты, ея командиромъ, являлся тотъ изъ членовъ общества, который, при внѣшнихъ преимуществахъ и видной наружности, пользовался извѣстностью человѣка честнаго и благовоспитаннаго. Избирался онъ всѣми членами общества и получалъ названіе «Матери Шутовъ» (la Mère Folle). У него былъ свой весьма многочисленный дворъ, какъ у владѣтельнаго князя: свои пѣшіе тѣлохранители, конная стража, чиновники для отправленія правосудія, и другіе—для управленія его домашними дѣлами, свой канцлеръ, свой великій конюшій, однимъ словомъ, большой дворъ. Лица, удостоенныя избранія и назначенія въ эти дворскія должности, различались другъ отъ друга по своему костюму. Не мѣшаетъ замѣтить, что судебныя рѣшенія «Матери Шутовъ» имѣли законный вѣсъ и значеніе, и многія изъ нихъ даже немедленно приводились въ исполненіе, если только не подвергались кассаціи со стороны Дижонскаго парламента. Сохранилась еще резолюція этого парламента, отъ 6-го февраля 1579 года, подтверждающая одно изъ рѣшеній «Матери Шутовъ».

Чрезвычайно любопытно то обстоятельство, что вся организація общества была чисто-военною. У общества былъ свой штандартъ, на которомъ было изображено множество головъ въ шутов-

скихъ колпакахъ съ золотыми перевязями и девизомъ: «Stultorum numerus est infinitus». Кромѣ штандарта, «Мать Шутовъ» имѣла еще двухъ-лопастное трехъ-цвѣтное знамя, состоявшее изъ полосъ красныхъ, зеленыхъ и желтыхъ, по размѣрамъ одинаковое со знаменемъ герцоговъ Бургундскихъ. Среди этого знамени была изображена женщина, сидящая на роскошномъ креслѣ, одѣтая также въ платье краснаго, зеленаго и желтаго цвѣтовъ, съ шутовскимъ же-

Штандартъ Общества Матери Дураковъ.

зломъ въ рукахъ; на головѣ женщины написанъ былъ шутовской колпакъ съ побрякушками. Изъ-подъ ея платья выползали во множествѣ, во всѣ стороны, маленькіе шуты, наряженные въ такіе же колпаки. По одну сторону женщины изображенъ былъ на знамени пришедшій къ ней шутъ, очевидно, чего-то испрашивающій или о чемъ-то ходатайствующій. Позади женщины видна до половины фигура въ шутовскомъ костюмѣ, со свиткомъ въ одной

рукѣ, и съ шутовскимъ жезломъ въ другой, очевидно, олицетворяющая власть «Матери Шутовъ», имѣющей право «вязать и рѣшить»; это символическая фигура подаетъ свой жезлъ человѣку въ костюмѣ судьи или адвоката, также держащему свитокъ въ другой рукѣ. У ногъ этого лица, облеченнаго въ судейскую мантію, лежитъ толстая книга. По лѣвую сторону женщины, въ глубинѣ, видна фигура пляшущаго шута.

Когда члены Дижонской пѣхоты собирались для пированія, каждый изъ нихъ приносилъ съ собою свое блюдо. Пятьдесятъ тѣлохранителей, избранныхъ изъ числа богатѣйшихъ ремесленниковъ города Дижона, охраняли входъ въ залу, а когда «Мать Шу-

Мать Дураковъ (предсѣдатель Общества Дураковъ).

товъ» изволила выходить изъ залы пиршества въ городъ, эти тѣлохранители сопровождали своего главу пѣшкомъ, и только начальствовавшій ими полковникъ ѣхалъ впереди шествія верхомъ.

Въ случаѣ какихъ-либо торжествъ, все общество проѣзжало по улицамъ города въ большихъ, ярко размалеванныхъ и раззолоченныхъ колесницахъ, запряженныхъ цугомъ въ шесть лошадей, покрытыхъ трехцвѣтными попонами. Кучеръ и форейторъ были наряжены въ ливреи тѣхъ же цвѣтовъ. Эти колесницы обязательно должны были проѣхать по всѣмъ лучшимъ улицамъ города. Четыре герольда открывали шествіе; за ними слѣдовалъ начальникъ конной стражи, потомъ ѣхали колесницы, а за ними «Мать Шутовъ», на бѣломъ конѣ, предшествуемая двумя другими герольдами. За главою общества слѣдовали почетныя дамы, а за ними, гуськомъ, шесть пажей, двѣнадцать лакеевъ, знаменщикъ, шестьдесятъ долж-

ностныхъ лицъ, конюшіе, сокольничій, ловчіе и другіе лица, составлявшія свиту «Матери Шутовъ». Шествіе замыкалось пятидесятью всадниками, зеленымъ фискаломъ и пѣшими тѣлохранителями. Весь поѣздъ останавливался въ трехъ мѣстахъ: передъ домомъ губернатора, передъ домомъ перваго президента парламента и, наконецъ, передъ домомъ мэра, и при каждой остановкѣ, особое лицо, должно было произносить стихи, приспособленные къ данному случаю.

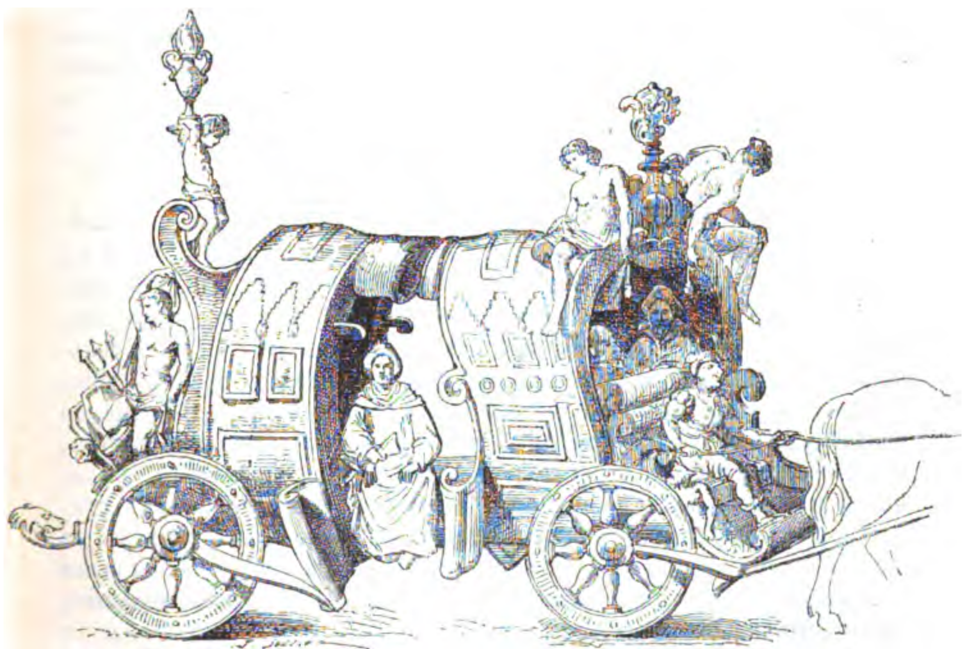
Когда случалось въ Дижонѣ какое-нибудь важное событіе—радостное или трагическое: какая-нибудь необычайная свадьба, ловкое мошенничество, убійство, похищеніе—тотчасъ появлялись на улицахъ размалеванныя и раззолоченныя колесницы общества, окруженныя «всею пѣхотою», въ полномъ составѣ. Нѣкоторые изъ членовъ общества переряживались, такимъ образомъ, чтобы напомнить о событіи, взволновавшимъ наканунѣ весь городъ, и даже разъиграть его въ лицахъ — и шествіе торжественно направлялось по улицамъ города.

Такъ, напримѣръ, въ современной брошюрѣ, извѣстной подъ заглавіемъ «Разсказъ о томъ, что происходило въ городѣ Дижонѣ по случаю благополучнаго рожденія Людовика XV въ 1638 году», мы читаемъ слѣдующія подробности: «Дижонская пѣхота, которой долгій и благодѣтельный миръ далъ полную возможность и досугъ для подготовленія къ публичному увеселенію, по сему случаю явилась въ полномъ своемъ блескѣ и состояла изъ четырехсотъ человѣкъ всадниковъ, въ маскахъ, въ разноцвѣтныхъ одеждахъ—и всѣ они, двигаясь торжественнымъ шествіемъ по городу, распѣвали по поводу благополучнаго рожденія наслѣднаго принца, приличные сему случаю стихи».

Послѣ всего вышеизложеннаго, ни для кого, конечно, не покажется, страннымъ, что самые важные сановники добивались, какъ особенной чести, возможности поступленія въ Дижонскую пѣхоту. Въ числѣ членовъ Дижонскаго шутовского общества видимъ принца де-Кондэ, перваго принца крови, поступившаго въ общество въ 1626 году; графа д'Аркура — одного изъ наиболѣе видныхъ военныхъ дѣятелей царствованія Людовика XIII, нанесшаго нѣсколько пораженій испанцамъ (въ 1629 году); де-ла-Ривіера, епископа и герцога Лангрскаго, и много другихъ вельможъ и знатныхъ людей.

Когда кто-либо заявлялъ о желаніи поступить въ число членовъ дижонскаго общества, «зеленый фискалъ» обращался къ нему въ вопросами, изложенными въ формѣ риѳмованныхъ стиховъ. Принимаемый въ члены, стоя передъ лицомъ «Матери Шутовъ» и важнѣйшихъ изъ представителей дижонской пѣхоты, долженъ былъ отвѣчать на предлагаемые ему вопросы также риѳмованными стихами «и съ великою простотою»; въ противномъ случаѣ, принятіе въ члены отлагалось. Если же бывало рѣшено принять въ члены

того, кто искалъ возможности вступленія въ общество, то ему надѣвали на голову трехцвѣтный шутовской колпакъ, и выдавали ему дипломъ, писанный на пергаментѣ буквами трехъ цвѣтовъ, съ печатью изъ сургуча, также трехцвѣтнаго. Весь дипломъ составленъ былъ въ шутовскомъ духѣ и написанъ языкомъ юридическихъ актовъ того времени. Въ дипломѣ значилось, что «высокопоставленные и досточтимые соучастники и содѣятели преславной дижонской пѣхоты, воспитанники Аполлона и музъ, законные дѣти почтеннаго отца Веселія, всѣмъ глупцамъ и архиглупцамъ какъ настоящимъ, такъ прошедшимъ и будущимъ, симъ возвѣщаемъ», что такой-то (имя рекъ съ титулами) «выразилъ желаніе нахо-

Колесница Матери Дураковъ, по рисунку Дю-Тилліо.

диться въ сообществѣ нашихъ развеселыхъ и достолюбезныхъ ребятъ нашей дижонской пѣхоты, и мы признали его способнымъ носить трехцвѣтный колпакъ и жезлъ премудрой глупости»... «а посему, послѣдуя совѣту нашей высокочтимой и велемудрой матери, мы (такого-то) приняли и посвятили, принимаемъ и посвящаемъ въ вышепомянутую дижонскую пѣхоту, на все то время, пока будетъ глупость существовать на свѣтѣ, и даемъ ему право занять въ средѣ нашей и исправлять такую должность, какая будетъ соотвѣтствовать его природнымъ наклонностямъ, а также и тѣмъ почестямъ, привиллегіямъ, правамъ и преимуществамъ, какія небо

даровало ему, вмѣстѣ съ полною свободою рыскать по всему свѣту и упражняться въ проявленіяхъ глупости, увеличивая или уменьшая число ихъ по его собственной волѣ и расположенію»... и т. д. Въ нѣкоторыхъ дипломахъ упоминалось и о томъ, что изъявившій желаніе поступить въ члены общества, основываетъ это желаніе, между прочимъ, на томъ, что онъ, сверхъ всѣхъ прочихъ титуловъ, носитъ еще «почетный титулъ человѣка, который уже и самъ по себѣ неразлученъ съ глупостью».

Если случалось, что кто-либо изъ числа лицъ, непринадлежащихъ къ обществу, наносилъ оскорбленіе обществу или кому-либо изъ его членовъ, его призывали на судъ къ «Матери Шутовъ» и присуждали—выпить нѣсколько стакановъ воды или вынести какое-нибудь иное шутливое наказаніе, а также уплатить опредѣленную пеню. Въ случаѣ нежеланія осужденнаго подчиниться приговору главы общества, тѣлохранители «Матери Шутовъ» являлись къ осужденному на домъ, располагались у него безъ церемоніи и приказывали сосѣднему трактирщику угощать себя на счетъ провинившагося въ ослушаніи.

Дижонская пѣхота долгое время пользовалась большою извѣстностью и почетомъ, и при томъ не только въ Дижонѣ, но и въ другихъ городахъ Бургундіи, какъ, напримѣръ, въ Шалонѣ, гдѣ, по образцу дижонскаго общества, сложилось общество «Молодчиковъ» (Gaillardons). Но, само собою разумѣется, что при тѣхъ большихъ правахъ и преимуществахъ, какими пользовалось общество, оно должно было, раньше или позже, переродиться въ учрежденіе, не вполнѣ удобное для предержащей власти—должно было и въ шуткѣ, и въ весельѣ своемъ перейти предѣлъ и мѣру дозволеннаго приличіями и обыденными понятіями о нравственности. Въ своихъ стихотворныхъ обращеніяхъ къ властямъ, въ шуточныхъ стихахъ на разные случаи и въ своей сатирѣ подобныя общества должны были неизбѣжно задѣвать за живое или начальство, или правительство, или вліятельныхъ мѣстныхъ гражданъ.

И вотъ, уже 31-го января 1626 года, шалонское общество дожило до формальнаго правительственнаго запрещенія «собираться въ какія-то ни было, публичныя или тайныя, сборища, толпою ходить по городу, — пѣшкомъ или верхами, — произносить или пѣть стихи, сатиры, прозу, діалоги или что-либо подобное иное». Начальство въ своемъ запрещеніи обращалось «къ отцамъ семейства, дабы они воздержали сыновей своихъ и слугъ отъ неповиновенія властямъ, подъ опасеніемъ взысканія съ нихъ самихъ».

Однако же, нѣсколько дней спустя, «вслѣдствіе прошенія, представленнаго всею молодежью города Шалона», власти смягчились и допустили сборища подъ условіемъ нѣкоторыхъ ограниченій. «Молодчикамъ» дозволялось собираться и устраивать различныя шествія и иного рода увеселенія, «но безъ всякаго шума и безчин-

ства», и при томъ не иначе, какъ съ разрѣшенія мѣстнаго магистрата, «которому они должны были представлять сочиненные ими стихи, прежде, чѣмъ ихъ читать въ публикѣ, во избѣжаніе всякихъ жалобъ, и съ непремѣннымъ обязательствомъ пользоваться этими привеллегіями только въ теченіе дозволеннаго магистратомъ періода времени».

Но это послабленіе было только временнымъ: веселыя бургундскія общества и послѣ него просуществовали недолго. Указомъ 21-го іюля 1630 года, дижонское общество было закрыто и лишено всѣхъ своихъ правъ, преимуществъ и полномочій. При этомъ выставлялись на видъ «тѣ безпорядки и безчинства, какіе общество произвело и постоянно продолжаетъ производить, въ ущербъ добрымъ нравамъ, тишинѣ и спокойствію города, подавая всѣмъ дурной примѣръ». А посему, желая «искоренить это зло и воспрепятствовать возможности его возрожденія въ будущемъ, мы рѣшили, въ силу нашей королевской власти...», прекратить и уничтожить общество дижонской пѣхоты и «Матери Шутовъ», и воспрещаемъ всѣмъ нашимъ подданымъ города Дижона, а равно и другимъ, послѣ сего нашего указа собираться, составлять сообщество подъ названіемъ «Пѣхота» или «Матери Шутовъ», а равно и поступать въ его члены и участвовать въ пиршествахъ по этому поводу. Ослушники сего будутъ нами отрѣшены отъ выполненія какихъ-бы-то-ни было городскихъ должностей и, сверхъ того, подвергнутся взысканіямъ, какъ нарушители общественнаго порядка».

Шутъ, по рисунку Кальло.

Но видно не легко было властямъ справиться съ горячимъ стремленіемъ бургундской молодежи къ шутливой сатирѣ и къ шумнымъ проявленіямъ веселости. Не смотря на королевскіе указы, дижонская «Пѣхота» продолжала собираться и устраивать свои шутовскія процессіи и пиры и послѣ 1630 года. Такъ, напримѣръ,

мы видѣли, какъ торжественно отпраздновано было дижонскимъ шутовскимъ обществомъ «всерадостное» событіе рожденія Людовика XV, въ 1638 году. «Пѣхота» собиралась и позже еще нѣсколько разъ, но на эти сборища уже испрашивалось каждый разъ специальное разрѣшеніе мѣстныхъ властей.

Общество распалось и постепенно исчезло, просто потому, что миновало время подобныхъ учрежденій, служившихъ живымъ отголоскомъ средневѣковой общественной жизни, все стремившейся укладывать въ опредѣленныя рамки, возводить на степень учрежденія, цеха, корпораціи или общины, съ строго-выработанной организаціей, съ извѣстными правами и привиллегіями. Наступающее новое время, допуская большую свободу личности во всѣхъ отношеніяхъ, заботилось уже не объ отдѣльныхъ обществахъ и корпораціяхъ, а объ всемъ обществѣ и потому именно не щадило никакихъ средневѣковыхъ учрежденій.

П. П.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Письма и бумаги императора Петра Великаго. Т. I. (1688—1701). Спб. 1888.

Мы НЕ МОЖЕМЪ передать того пріятнаго чувства, которое овладѣло нами, когда мы развернули этотъ почтенный, объемистый томъ, когда мы стали вчитываться въ него, всматриваться ближе въ помѣщенные на его страницахъ матеріалы, пользоваться подробными примѣчаніями къ «Письмамъ» и образцовымъ указателемъ, приложеннымъ въ концѣ книги. И чѣмъ дальше мы углублялись въ чтеніе «Писемъ Петра Великаго» и всѣхъ тѣхъ историческихъ документовъ, которыми «Письма» обставлены, тѣмъ болѣе мы убѣждались въ томъ, что эта не та «rudis indigestaque moles», которую мы привыкли видѣть во множествѣ всякихъ сборниковъ архивнаго матеріала,—а стройное и прекрасное цѣлое, въ которомъ всѣ части связаны между собою неразрывно, всѣ—соразмѣрны, всѣ одинаково способствуютъ уясненію того великаго человѣка, ради котораго создалось это классическое изданіе. Мы нисколько не преувеличимъ произведеннаго на насъ впечатлѣнія, если скажемъ, что явившееся нынѣ въ свѣтъ изданіе «Писемъ и бумагъ Петра Великаго» достойно памяти Великаго Преобразователя.

Но и Троя, и стовратныя Ѳивы, не въ одинъ день созидались... И процессъ созиданія монументальнаго собранія «Писемъ» Петра Великаго былъ то же медленнымъ и постепеннымъ, и исторія этого изданія въ высокой степени поучительна.

Въ 1872 г., по случаю празднованія 200-лѣтняго юбилея дня рожденія Петра Великаго, бывшій въ то время министромъ народнаго просвѣщенія,

графъ Д. А. Толстой подалъ мысль о необходимости приступить къ изданію «такого собранія писемъ и бумагъ Петра Великаго, которое совмѣстило бы въ себѣ все, что вышло изъ-подъ пера монарха». Эта прекрасная мысль была удостоена высочайшаго одобренія и, съ высочайшаго соизволенія, 30 декабря 1872 г., была образована для собиранія матеріаловъ къ предполагаемому изданію особая комиссія, подъ предсѣдательствомъ графа Д. А. Толстого, изъ слѣдующихъ лицъ: профессоровъ русской исторіи — С. М. Соловьева и Н. А. Попова, К. Н. Бестужева-Рюмина и Е. Е. Замысловскаго, директора Московскаго архива министерства юстиціи, Н. В. Калачова и извѣстныхъ знатоковъ нашей рукописной литературы — А. Ѳ. Бычкова и А. Е. Викторова.

Комиссіею былъ выработанъ строгій и весьма опредѣленный планъ для собиранія Петровскихъ бумагъ и писемъ, и на основаніи этого плана были самымъ тщательнымъ образомъ перерыты всѣ казенные и частные архивы, и собрано все, что можно было собрать въ данную минуту въ Россіи и за границей для цѣли, положенной въ основу изданія [1]). Въ составъ собраннаго комиссіею драгоцѣннаго матеріала введены: 1) Письма, указы, инструкціи Петра Великаго, а также его резолюціи на докладахъ и прошеніяхъ; 2) письма и бумаги, писанныя Петромъ Великимъ не отъ своего имени; 3) трактаты и договоры, а также грамоты къ иностраннымъ государямъ, составлявшіеся по мысли и указаніямъ Петра Великаго; 4) учебныя его тетради, замѣтки для памяти и черновые наброски; 5) письма и бумаги Петра Великаго, не дошедшія до насъ въ подлинникѣ, но помѣщенныя въ прежнихъ печатныхъ изданіяхъ; 6) наказы дипломатическимъ агентамъ, если въ нихъ встрѣчаются поправки и дополненія, писанныя Петромъ Великимъ; 7) жалованныя грамоты Петра Великаго; 8) узаконенія, въ текстѣ которыхъ встрѣчаются поправки, сдѣланныя Петромъ Великимъ; и 9) исправленные Петромъ реляціи и переводы разныхъ сочиненій.

Въ составъ этого обширнаго и разнообразнаго матеріала каждый изъ членовъ комиссіи внесъ свою весьма цѣнную лепту; но все же трудность задачи была такъ громадна, что ни личныхъ усилій комиссіи, ни тѣхъ матеріальныхъ средствъ, которыя находились въ ея распоряженіи, было далеко не достаточно для выполненія задачи, тѣмъ болѣе, что каждый изъ членовъ комиссіи не могъ посвятить себя всецѣло дѣлу собиранія писемъ и бумагъ Петра Великаго: у каждаго были свои дѣла и обязанности... При томъ и трудности дѣла были весьма значительны и не легко-преодолимы. Одною изъ главныхъ трудностей была невозможность найти достаточное количество лицъ, способныхъ свободно читать связный и неразборчивый почеркъ Петра Великаго, а затѣмъ — необходимость тщательной провѣрки переписаннаго по оригиналамъ. Но, не смотря на всѣ эти трудности, графъ Д. А. Толстой уже 22 февраля 1875 г. могъ доложить государю императору,

---

[1]) Въ предисловіи къ «Письмамъ» Петра Великаго, мы находимъ, вслѣдъ за благодарностью многимъ и многимъ лицамъ и учрежденіямъ, слѣдующее изумительное указаніе: «Къ сожалѣнію, не всѣ поспѣшили внести свой вкладъ въ это дѣло, долженствующее быть памятникомъ, воздвигаемымъ благодарнымъ потомствомъ своему великому монарху. Нѣсколько лицъ, у которыхъ, какъ комиссіи положительно извѣстно, находятся письма Петра Великаго или прошли молчаніемъ сдѣланныя къ нимъ письменныя обращенія, или отвѣтили на нихъ прямымъ отказомъ». (См. стр. XI).

что «въ комиссіи имѣются болѣе 4,000 списанныхъ писемъ Петра Великаго и разныхъ бумагъ его руки»; а въ засѣданіи 23 апрѣля 1876 года комиссіею были уже составлены правила, которыми слѣдуетъ руководствоваться при печатаніи писемъ и бумагъ Петра Великаго.

Въ апрѣлѣ 1878 года, министерствомъ финансовъ былъ разрѣшенъ послѣдній отпускъ изъ государственнаго казначейства денегъ на производство платы лицамъ, занимавшимся въ Москвѣ и Петербургѣ перепискою бумагъ и писемъ Петра Великаго; въ томъ же мѣсяцѣ, того же года, была высочайше утверждена смѣта расходовъ на напечатаніе перваго тома изданія въ двухъ видахъ [1]). Къ этому времени, количество собранныхъ Петровскихъ бумагъ и писемъ возросло уже до 10,000 нумеровъ.

Затѣмъ, 27-го ноября 1879 года, графъ Толстой вошелъ въ государственный совѣтъ съ представленіемъ объ ассигнованіи къ отпуску высочайше утвержденной суммы на печатаніе перваго тома «Писемъ и бумагъ», а 21-го февраля 1880 года, послѣдовавшее по этому представленію мнѣніе государственнаго совѣта было высочайше утверждено.

Казалось—все дѣло ужъ совсѣмъ закончено, трудная работа выполнена въ возможно-краткій срокъ, и остается только выждать результатовъ, которые не могли замедлить... Но... но исторія Петровской комиссіи повторила вѣчную исторію всѣхъ россійскихъ комиссій! Какъ только изъ комиссіи выйдетъ то лицо, которое влагаетъ въ дѣло душу, которое ведетъ его неутомимо и смѣло впередъ — такъ и вся комиссія обращается въ мертвое тѣло и приходитъ въ состояніе полной неподвижности... То же самое произошло и въ данномъ случаѣ. Въ 1880 году, графъ Д. А. Толстой оставилъ постъ министра народнаго просвѣщенія и вмѣстѣ съ этимъ комиссія разомъ пріостановила свою дѣятельность: — такъ прочно пріостановила, что даже «назначенная на изданіе сумма, за ея неизрасходованіемъ, поступила обратно въ рессурсы казны» (стр. XVII)!.. И ровно пять лѣтъ дѣло изданія Петровскихъ «Писемъ и бумагъ» не двигалось ни на шагъ впередъ, пока во главѣ дѣла не явился вновь графъ Д. А. Толстой (уже въ качествѣ президента Академіи Наукъ), «который, по своей любви къ исторіи Россіи», не отказался вновь руководить изданіемъ «Писемъ и бумагъ Петра Великаго».

Не имѣя, однако же, возможности лично выполнить это дѣло и привести его къ желанному концу, графъ Толстой зналъ, на кого возложить печатаніе перваго тома писемъ и бумагъ Петра Великаго. Для этого онъ выбралъ того члена комиссіи, который съ самаго начала этого дѣла неутомимо работалъ на пользу его, то «составляя на карточкахъ списки всѣхъ писемъ и бумагъ Петра Великаго, напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ» (стр. V), то собственноручно переписывая «значительное число писемъ и бумагъ Петра Великаго», только потому, что «сумма на переписку ихъ оказывалась недостаточною» (стр. XV), то, наконецъ, даже и «во время бездѣятельности комиссіи», занимаясь въ архивахъ собираніемъ писемъ и бумагъ Великаго Преобразователя Россіи и ведя сношеніе съ разными лицами, доставлявшими въ комиссію письма государя» (стр. XVIII). Однимъ словомъ, графъ Толстой

---

[1]) Въ форматѣ больш. 8° и въ форматѣ больш. 4° (послѣднее въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ). Смѣта исчислена въ 7807 рублей 50 копѣекъ.

избралъ академика А. Ѳ. Бычкова, вѣроятно, въ той твердой увѣренности, что онъ также «по любви къ исторіи Россіи» не откажется отъ возлагаемаго на него тяжкаго труда. И вотъ, не прошло еще и трехъ лѣтъ, а этотъ трудъ завершенъ и лежитъ передъ нами, и представляетъ собою истинный памятникъ Великому Петру. Честь и слава энергической инціативѣ графа Д. А. Толстого; честь и слава неутомимой дѣятельности, громаднымъ знаніямъ и самотверженной любви къ дѣлу, которыя новымъ трудомъ своимъ такъ блистательно доказалъ академикъ А. Ѳ. Бычковъ. Всѣхъ писемъ и бумагъ Петра Великаго въ нынѣ изданномъ первомъ томѣ помѣщено 402 нумера; да, сверхъ того, въ примѣчаніяхъ къ письмамъ 362 отвѣтныхъ письма (отъ 50 разныхъ лицъ) на утраченныя письма Петра. Какъ велико число этихъ безвозвратно и безслѣдно погибшихъ писемъ Петра Великаго — въ этомъ можно было убѣдиться только при собираніи ихъ для нынѣшняго изданія; по тому, что̀ удалось собрать, не трудно заключить, что утрачены не сотни, а тысячи писемъ и бумагъ, писанныхъ или исправленныхъ рукою Великаго Преобразователя!

Прочитывая все собранное въ первомъ томѣ «Писемъ и бумагъ Петра Великаго», мы пришли къ тому убѣжденію, что если и остальные томы будутъ изданы такъ же, какъ первый, и все изданіе будетъ доведено до конца— исторію Петра Великаго прійдется писать сначала, поставивъ крестъ на всемъ, что было о немъ написано. Такой выводъ, въ правильности котораго едва ли можно сомнѣваться, служитъ лучшею похвалою вчинателямъ и исполнителямъ такого истинно-полезнаго дѣла, какъ изданіе Петровскихъ бумагъ и писемъ! П. П.

Викентій Лаурео; Мондовскій епископъ, папскій нунцій въ Польшѣ, 1574, 1578 гг., и его неизданныя донесенія кардиналу Комскому, статсъ-секретарю папы Григорія XIII, разъясняющія политику Римской куріи, въ теченіе вышеуказанныхъ лѣтъ, по отношенію къ Польшѣ, Франціи и Россіи, собранныя въ Ватиканскомъ архивѣ и изданныя Ѳедоромъ Вержбовскимъ, проф. Императорскаго Варшавскаго университета. Варшава. 1887.

Этотъ объемистый томъ очевидно предназначенъ для немногихъ спеціалистовъ и не столько въ Россіи, сколько за границей; 756 стр. его почти сплошь состоятъ изъ оригиналовъ (на италіанскомъ языкѣ), писемъ или, вѣрнѣе сказать, донесеній легата Лаурео въ Римскую курію, снабженныхъ двумя очень полезными указателями, а XIX стр. предисловія написаны на двухъ языкахъ, французскомъ и русскомъ, и заключаютъ въ себѣ только небольшую біографію Лаурео, съ немногими примѣчаніями къ ней; обслѣдованіе же этого огромнаго матеріала авторъ отлагаетъ до того времени, когда онъ окончитъ изданіе 2-хъ томовъ донесеній Андрея Дудича, императорскаго посла въ Польшѣ.

Викентій Лаурео родился въ Калабріи въ 1523 году. Раннюю молодость свою онъ провелъ при дворѣ Фердинанда Карафоры, гдѣ воспитывался вмѣстѣ съ сыномъ своего принципала Альфонса, подъ руководствомъ довольно извѣстнаго въ свое время гуманиста испанца Хуана Падильи, у котораго

онъ выучился полатыни и погречески. Потомъ онъ слушалъ лекціи въ Падуанскомъ университетѣ, гдѣ занимался одинаково усердно философіей, богословіемъ и медициной. По окончаніи образованія онъ уже въ духовномъ званіи служилъ при нѣсколькихъ кардиналахъ, и одинъ изъ нихъ Михаилъ Гизльери, кардиналъ александрійскій, взойдя на папскій престолъ подъ именемъ Пія V, сдѣлалъ Лаурео епископомъ Мондовскимъ и назначилъ его нунціемъ при шотландской королевѣ Маріи Стюартъ.

Пій V былъ одинъ изъ тѣхъ папъ, которые своей энергіей и преданностью дѣлу спасли разрушавшееся, повидимому, котоличество и, оторвавъ на много столѣтій романскій югъ отъ германскаго сѣвера, начали съ послѣднимъ отчаянную борьбу, едва не кончившуюся гибелью до тѣхъ поръ побѣдоноснаго протестантизма. Не то, чтобъ всѣ эти папы были люди геніальные и героически-сильные; между ними были и посредственности или по уму или по характеру; но всѣ они дѣйствовали во имя одной идеи и имъ помогало, а часто и направляло ихъ, большинство общества, которое съ своей стороны не сознавало, куда толкаетъ оно своихъ руководителей. Пій V, сдѣлавшій больше многихъ другихъ для «собиранія» католичества, вовсе не принадлежалъ къ числу людей съ широкими взглядами и политической дальновидностью; это былъ человѣкъ недальняго ума и скорѣй добраго сердца; но идея времени всецѣло овладѣла имъ, и онъ сталъ фанатикомъ-инквизиторомъ. Достигнувъ сана кардинала, онъ продолжалъ жить бѣднякомъ и аскетомъ. Вступивъ на престолъ папскій, онъ являлся босикомъ во всѣхъ процессіяхъ, доводилъ себя продолжительной молитвой до изступленія ума или полнаго изнуренія, давалъ аудіенціи всѣмъ безъ разбора, содержалъ на свой счетъ тысячи бѣдныхъ, а себѣ во всемъ отказывалъ и родныхъ своихъ не пускалъ въ Римъ. Этотъ образецъ христіанскаго смиренія былъ, однако, такого высокаго мнѣнія о папской власти и нравственной силѣ, что даже Филиппа II испанскаго раздражилъ своей притязательностью.

Легко понять, чего такой папа требовалъ отъ нунціевъ, ближайшихъ орудій своей воли: прежде всего безусловной и дѣятельной преданности той же идеѣ, какой онъ самъ служилъ всю жизнь—величію и единству католической вѣры и ненависти ко всему, что противорѣчило ей или ограничивало ее. Идея была настолько свята, что для проведенія ея допускались всѣ средства безъ исключенія.

Понятно, стало быть, въ какомъ направленіи Лаурео дѣйствовалъ при дворѣ несчастной королевы шотландской.

Въ 1572 г. на престолъ папскій вступилъ Григорій XIII, который также зналъ Лаурео, когда еще былъ кардиналомъ. Григорій XIII по характеру былъ человѣкъ совсѣмъ другого пошиба, нежели его предшественникъ, и чиновники папскаго двора надѣялись, что имъ теперь удастся вознаградить себя за невольный постъ и воздержаніе: Григорій любилъ пожить и умѣлъ пожить, и по первымъ шагамъ его казалось, что онъ на престолѣ останется такимъ же веселымъ полусвѣтскимъ кардиналомъ. Но идея времени оказалась сильнѣе личныхъ наклонностей государя: его быстро забрали въ руки, и онъ оказался такимъ же послушнымъ орудіемъ въ рукахъ людей, ее проводившихъ, какъ и суровый Пій V; разница только въ томъ, что онъ употреблялъ нѣсколько иныя средства и привлекъ для той же цѣли науку и педагогику: извѣстно, какъ много работалъ онъ для учрежденія въ Римѣ коллегій, гдѣ воспитывались нѣмцы, англичане, греки и проч., по-

томъ посылаемые миссіонерами къ своимъ еретическимъ единоплеменникамъ.

Григорій XIII поспѣшилъ послать Лаурео въ Польшу, гдѣ въ то время пропоганда протестантизма была пожалуй сильнѣе, нежели въ какой-либо другой католической странѣ и гдѣ къ тому же половина подданныхъ короны принадлежала къ старой схизмѣ—православію.

Извѣстно, какую блестящую побѣду одержало католичество въ Польшѣ и соединенной съ нею юго-западной Руси, благодаря неуклонной энергіи папскихъ нунціевъ и братьевъ ордена Іисуса; извѣстно, какъ эта побѣда погубила несчастную Польшу и возвеличила схизматическую Московію, что, конечно, не входило въ виды нунціевъ и іезуитовъ!

Однимъ изъ такихъ нунціевъ, безсознательно и противъ воли служившихъ будущему Россіи, былъ Викентій Лаурео. Когда онъ собирался ѣхать къ мѣсту своего назначенія, умеръ польскій король Августъ и наступило довольно продолжительное междуцарствіе. Лаурео дождался въ Римѣ избранія Генриха Валуа и потомъ поѣхалъ въ Парижъ, чтобы сопутствовать новому королю при его въѣздѣ; но недождавшись, пока Генрихъ двинется съ мѣста, Лаурео поѣхалъ одинъ, по дорогѣ получилъ всѣ нужныя свѣдѣнія отъ своего предшественника, и въ январѣ 1574 г. былъ уже въ Краковѣ.

Первой его задачей было — уничтожить, такъ называемую, варшавскую конфедерацію, которая провозгласила религіозную свободу въ Польшѣ, и съ помощью партіи, имъ же составленной, ему удалось устроить дѣло такъ, что король, не опасаясь возстанія, могъ отказаться утвердить своей присягой конфедерацію. На несчастіе куріи и Лаурео, ея ловкаго орудія, Генрихъ процарствовалъ всего четыре мѣсяца и тайкомъ бѣжалъ изъ своего королевства. Лаурео сперва старался помѣшать его отрѣшенію отъ престола, а когда это ему не удалось, сталъ интриговать въ пользу Габсбурговъ противъ партій Стефана Баторія и московскаго царя Ивана IV. Но онъ оказался побѣжденнымъ: Стефанъ Баторій былъ избранъ, и Лаурео, продолжавшій и послѣ этого интриговать противъ него, былъ принужденъ покинуть Польшу (іюнь 1576 г.).

Когда человѣкъ интригуетъ въ видахъ своей собственной пользы, самолюбіе помѣшаетъ ему покориться тому порядку вещей, противъ котораго онъ дѣйствовалъ, тѣмъ болѣе тому человѣку, которому онъ старался подставить ногу.

Если же побѣжденный является цѣловать руку своего побѣдителя и расточать передъ нимъ увѣренія въ преданности, мы чувствуемъ къ нему презрѣніе. Но совсѣмъ иначе бываетъ, если человѣкъ работаетъ не для себя, а для идеи, которую онъ считаетъ святою и непреложною истиной, передъ которой должно молчать всякое самолюбіе. Папскій нунцій, работавшій для побѣды католичества, могъ всѣми мѣрами препятствовать тому кандидату на польскій престолъ, котораго онъ считалъ менѣе преданнымъ церкви, но если этотъ кандидатъ побѣждалъ, онъ могъ и даже долженъ былъ стараться войти къ нему въ милость, чтобы этимъ менѣе пригоднымъ орудіемъ работать для той же великой цѣли. Такъ и Лаурео, дождавшись утвержденія Баторія папою, поспѣшилъ назадъ въ Польшу и постарался заставить короля служить интересамъ церковнымъ. Это оказалось не такъ трудно потому, что Баторій, желавшій усилить королевскую власть въ Польшѣ, самъ хотѣлъ поближе сойтись съ католической партіей и хотя присягой подтвердилъ конфедерацію, допустилъ нунція устроить противъ нея протестъ и даже пре-

дать ее анаѳемѣ на провинціальномъ сунодѣ въ Петроковѣ. Послѣ этого, постановленія Тридентскаго собора были съ полнею готовностью приняты польскимъ духовенствомъ, которое съ этого времени начинаетъ дѣйствовать съ небывалой энергіей въ пользу единства вѣры въ предѣлахъ польскаго государства. Это было результатомъ дѣятельности Лаурео, который, такимъ образомъ, является виновникомъ ополяченія русскихъ пановъ, уніи, казацкихъ возстаній и отпаденія Украйны отъ Польши.

Труды, подъятые нунціемъ въ пользу уничтоженія вѣротерпимости, сильно истощили и ослабили его здоровье; онъ съ радостью встрѣтилъ извѣстіе о своемъ отозваніи и въ 1578 году вернулся въ родную Италію. Отдохнувъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Савойѣ, онъ отправился съ своимъ докладомъ въ Римъ. Григорій XIII назначилъ его предсѣдателемъ комиссіи, которая исправляла календарь, а потомъ послалъ нунціемъ къ Карлу Эммануилу Савойскому. Позднѣе Лаурео былъ сдѣланъ кардиналомъ и въ 1590 г., говорятъ, имѣлъ виды на папскій престолъ, но ему помѣшала испанская партія. Онъ умеръ въ Римѣ въ 1592 г.

Вполнѣ понимая увлеченіе почтеннаго издателя — какой же ученый не придаетъ найденнымъ имъ документамъ огромнаго значенія и интереса?—мы не можемъ, однако, согласиться съ г. Вержбовскимъ (стр. XVII), что донесенія Лаурео можно читать съ такимъ же интересомъ, какъ романъ; напротивъ, мы убѣждены, что для всякаго, кто не занимается спеціально исторіей Польши въ эту эпоху, чтеніе всѣхъ донесеній подрядъ будетъ въ достаточной степени скучно, и поэтому нельзя не поблагодарить г. Вержбовскаго за указатель, который даетъ возможность всякому отыскать интересное для него въ депешахъ нунція, написанныхъ, правда, толково, но переполненныхъ повтореніями. Для русскихъ читателей, конечно, интереснѣе всего то, что нунцій сообщаетъ о дѣлахъ московскихъ; они найдутъ это въ указателѣ подъ Jiovanni IV, gran duca di Moscovia. Массу интересныхъ и, сколько мы можемъ судить, новыхъ подробностей сообщаетъ Лаурео о стараніяхъ Ивана IV получить польскую корону послѣ бѣгства Валуа и о силѣ и дѣйствіяхъ московской партіи (см. стр. 147, 201, 260, 289 и др.). Любопытно, что одно время не только архіепископъ Варшавскій, но и папскій нунцій, повидимому, склонялся въ пользу московскаго великаго князя, конечно, въ полной увѣренности, что онъ, попавъ въ Польшу, непремѣнно приметъ католицизмъ (стр. 378, 379); любопытно, что и послѣ избранія Баторія, низшее литовское дворянство продолжало стоять за московскаго князя (стр. 606), и только ожесточенная война Грознаго съ Баторіемъ возбудила противъ Москвы національное чувство во всей странѣ. Интересна одна черта характера Ивана Грознаго, которую Лаурео счелъ достойнымъ занести въ депешу отъ 21-го октября 1577 г. (стр. 613). Одинъ мальтійскій кавалеръ, итальянецъ родомъ, начальствовавшій въ одной Ливонской крѣпости, принужденъ былъ сдаться московскимъ войскамъ. Иванъ IV очень усиленно приглашалъ его вступить на московскую службу, но тотъ отвѣчалъ, что онъ прежде долженъ отдать королю отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ; иначе его сочтутъ за измѣнника. «Тогда московитъ сказалъ ему: чтобъ ты зналъ, что я христіанскій господинъ и императоръ, я возвращаю тебѣ свободу», и мальтійскій рыцарь былъ отправленъ подъ охраной москвитянъ до границъ литовскихъ.

Изъ культурно историческихъ чертъ отмѣтимъ разсказанную нунціемъ въ письмѣ 21-го января 1578 года исторію одной краковской дѣвушки, ко-

торая въ видѣніи посѣтила адъ, чистилище и рай. Любопытно, что нунцій не только не думаетъ воспользоваться для своихъ цѣлей слухомъ объ этомъ чудѣ, но напротивъ сильно возстаетъ на его распространителей и обвиняетъ ихъ въ легкомысліи: руководители католичества прекрасно умѣли отличать пригодныя средства отъ устарѣвшихъ.

Интересна исторія казака Подковы, много разъ останавливавшая на себѣ вниманіе нунція: этотъ безшабашный храбрецъ овладѣлъ частію Молдавіи и держался тамъ довольно долго. Когда онъ покинулъ свое завоеваніе и вернулся въ предѣлы Польши, турецкое правительство настойчиво потребовало его казни, но все польское войско ходатайствовало за удальца, и король былъ въ большомъ затрудненіи. Лаурео сообщаетъ (стр. 653), что при Сигизмундѣ Августѣ въ подобныхъ случаяхъ (стало быть, ихъ бывало не мало) польское правительство обманывало турокъ, казня вмѣсто того, кто оскорбилъ Порту, какого-нибудь несчастнаго поляка, осужденнаго на смерть за другое преступленіе, при чемъ его одѣвали въ богатое платье.

Въ послѣднее время своего пребыванія въ Польшѣ, Лаурео много усилій потратилъ на то, чтобы набрать для римской коллегіи нѣсколько православныхъ мальчиковъ изъ русскихъ, которыхъ надлежало воспитать въ католичествѣ и потомъ отправить на родину миссіонерами. Сперва это было довольно трудно, и епископъ Виленскій, котораго онъ просилъ о присылкѣ годныхъ субъектовъ, письменно извинялся: по его словамъ «русскіе (iruteni) до того преданы своей сектѣ, что скорѣй согласятся на смерть своихъ сыновей, нежели на отправку ихъ въ Римъ» (стр. 683); но потомъ нунцію удалось достать нѣсколько мальчиковъ и молодыхъ людей, между прочимъ, изъ числа военно-плѣнныхъ, и переправить ихъ въ Италію. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ данныхъ, которыя указали бы намъ на ихъ послѣдующую судьбу.

А. К.

Сказъ объ Ильѣ Муромцѣ. Изданъ подъ редакціей О. Ѳ. Миллера. Рисунки К. А. Газенкампфа. Изданіе Спб. комитета грамотности. Спб. 1888.

При всей своей, такъ сказать, многослойности, нашъ народный эпосъ является объединеннымъ, потому что въ немъ имѣется единство внѣшнее (хотя и достигнутое своеобразнымъ путемъ) — мѣста (Кіевъ) и времени (героическая пора князя Владиміра), а вмѣстѣ съ тѣмъ и единство внутреннее — содержанія, мысли, главнымъ образомъ, выразившейся въ слагавшемся въ теченіе вѣковъ, но все въ одномъ направленіи, въ идеальномъ образѣ Ильи Муромца. Илья Муромецъ представляетъ собою живой, не искусственно сдѣланный, а воплощенный, вполнѣ удавшійся народный идеалъ. Это не рыцарь, любящій войну ради войны; если же онъ и опоясывается мечомъ, то для обороны земледѣльческаго труда. Если вся жизнь его проходитъ внѣ дома, на службѣ общественной, то по этому послѣднему роду службы мы можемъ судить о томъ, до какой степени личность его проникнута духомъ общины. Не зная стремленія ни къ личнымъ, ни къ семейнымъ цѣлямъ, онъ задается мыслью прочистить крещенному люду дорогу къ Кіеву, заложенную вѣковымъ разорителемъ (при чемъ по-пути спасаетъ городъ даже вопреки заповѣди отцовской), далѣе является стоятелемъ на заставѣ во главѣ богатырской общины побратенниковъ, съ тѣмъ, чтобы каждаго проѣзжаго

изъ русскихъ богатырей причислять къ своей братіи, а каждаго чужого нахвальщика удерживать отъ вторженія въ землю русскую. Болѣе всѣхъ побратенниковъ подвиваясь за общее дѣло, онъ неустанно готовъ вмѣстѣ съ тѣмъ послужить и каждому изъ этой своей не родной, а названой, крестовой братіи, узы съ которою важнѣе узъ крови. Оберегая ихъ отъ насилія, онъ и имъ не даетъ совершать насилія. Самъ добровольно служа другимъ и никого не держа въ услуженіи, постоянный труженикъ и за богатырей, такъ часто гуляющихся, и за Владиміра князя, никогда ничего не дѣлающаго,— онъ не ищетъ ни добычи, ни власти, ни даже личной славы: «Вы чините вездѣ такову славу»,—говоритъ онъ побѣжденнымъ татарскимъ царевичамъ,— «что святая Русь не пуста стоитъ, на святой Руси есть сильны могучи богатыри». Для себя онъ требуетъ лишь одного: чтобы признавалось его земское значеніе, — чтобы ему, крестьянскому сыну, было мѣсто не ниже бояръ за столомъ у князя. Неучествованный Владиміромъ, онъ проучилъ его, но при этомъ самъ опять не воспользовался ни малѣйшей выгодой, а только усадилъ голей за столъ Владиміровъ, ни мало не домогаясь у нихъ того мѣста почетнаго, котораго не хотѣлъ уступить боярамъ. Напомнивъ князю о томъ, что княжество—служба,—и что поставленіе на такую службу во власти его, Ильи, стоятеля за народъ и родную землю, муромскій мужичекъ-богатырь, убѣдившись, вѣроятно, въ невнимательности Владиміра къ подобнаго рода напоминаніямъ, удаляется... Но при первой вѣсти о новыхъ насильникахъ, злыхъ татаровьяхъ, онъ, только переодѣтый, является опять, открываясь растерянному Владиміру, и сдается на призывъ княжескій— снова стать за сиротъ и вдовъ,—сдается собственно на такой призывъ, а вовсе не на битье ему челомъ князя, оставаясь нимало не польщеннымъ этимъ признакомъ крайней почтительности. Вовсе не желая выслужиться у князя, Илья «не стремится выслужиться и у Бога»: ополчается ради самихъ сиротъ и вдовъ, а не ради награды, обѣщаемой за то церквами. Но хотя эти послѣднія, такимъ образомъ, не возбуждаютъ въ немъ вѣроисповѣдной корысти, онъ возстановляетъ и пѣнье церковное, и звоны колокольные, не только въ русской, но и въ цареградской землѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возстановляетъ и проповѣдуемую въ нихъ милостыню. И самъ, наконецъ, строя церкви, онъ строитъ ихъ, хотя уже и подъ старость, не за собственную свою душу, а за тѣхъ, на чьи деньги онѣ воздвигаются. Словомъ, и на почвѣ вѣроисповѣдной, какъ истинный представитель общины, онъ постоянно забываетъ самого себя.

Выразивъ, въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ, свое идеальное представленіе о нравственно-свободномъ, вполнѣ безкорыстномъ и безпредѣльно-усердномъ служеніи міру-народу, народъ надѣлилъ своего любимаго богатыря и практическою мудростью, умѣньемъ разрѣшать то collisio officiorum, которое представляетъ иногда жизнь. Въ самомъ началѣ богатырскихъ похожденій Ильи, отецъ, отпуская его въ путь, даетъ ему благословеніе на дѣла добрыя, а на худыя дѣла не даетъ: «Не помысли зломъ на татарина, — не убей въ чистомъ полѣ христіанина». По другому варіанту, онъ самъ даетъ себѣ слово «рукъ въ пути не кровавити». Но какъ сдержать эту заповѣдь, когда онъ подъѣзжаетъ къ Чернигову, а подъ Черниговомъ стоитъ «сила—смѣты нѣтъ, стоятъ три царевича, съ каждымъ силы сорокъ тысячей»—на погибель народу русскому? Не хочется Ильѣ нарушать отцовскую заповѣдь, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ не помочь черниговцамъ? Видя, какъ татары насилуютъ,

Илья, нехотя, нарушаетъ отцовскій (и свой) завѣтъ. И это вполнѣ сообразно съ свободною широтой общенароднаго нравственнаго чувства. Здѣсь мы видимъ ясное, быстрое проникновеніе въ сущность вопроса, вѣрное пониманіе его духа и вѣрность на дѣлѣ духу, а не буквѣ заповѣди. Не кровавить рукъ,—это для Ильи Муромца значитъ—удерживать ихъ отъ насилія; но не дать имъ воли противъ татаръ, это значило бы позволять татарамъ насиловать. Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь народное рѣшеніе вопроса о сопротивленіи злу насиліемъ,—рѣшеніе вполнѣ раціональное.

Такой взглядъ на главнаго представителя младшаго богатырства высказанъ почтеннымъ профессоромъ О. Ѳ. Миллеромъ въ его извѣстныхъ сочиненіяхъ: «Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности» (2-е изд. 1866 г.), въ диссертаціи «Илья Муромецъ и богатырство кіевское» (1869) и др. Теперь, подъ редакціей его является «Сказъ объ Ильѣ Муромцѣ», представляющій собою сводъ былинъ объ этомъ богатырѣ. «Былины о сильно могучихъ богатыряхъ кіевскихъ и о нáбольшемъ ихъ Ильѣ Муромцѣ», — говорится въ предпосланномъ «Сказу» «Объяснительномъ словѣ», принадлежащемъ перу редактора,—«извѣстны въ настоящее время далеко не во всей Россіи. Помнятъ богатырей и умѣютъ про нихъ сказывать собственно на сѣверо-востокѣ и сѣверѣ. Тамъ-то и записана большая часть былинъ, вошедшихъ въ изданные у насъ сборники. Но и самые умѣлые изъ народныхъ пѣвцовъ не знаютъ уже теперь всѣхъ былинъ и не сознаютъ той связи, которая между ними существуетъ. Былины въ настоящее время — разрозненныя звенья большой и распавшейся цѣпи. Возстановить эту цѣпь можно было только при внимательномъ изученіи всѣхъ существующихъ сборниковъ и каждой изъ находящихся тутъ былинъ по различнымъ ея пересказамъ. Послѣ такой ученой работы стала возможною и другая — заключавшаяся въ такомъ сводѣ главнѣйшихъ былинъ, въ которомъ онѣ бы являлись въ строгой послѣдовательности—такъ, чтобы получалась въ итогѣ цѣлая жизнь богатырскаго нáбольшаго Ильи Муромца. Попытку такого свода лучшихъ былинъ и представляетъ настоящее изданіе. Это трудъ бывшей слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ, О. Е. Крестьяновой, работавшей надъ былинами подъ нашимъ руководствомъ. Имѣя въ виду ту нить, которая дается нашею книгою объ «Ильѣ Муромцѣ и богатырствѣ кіевскомъ», она установила послѣдовательный порядокъ печатаемыхъ здѣсь былинъ, а въ каждой отдѣльной былинѣ собрала черты, заключающіяся въ лучшихъ ея пересказахъ. Такимъ-то образомъ всему грамотному русскому люду возвращается то, чтó составляетъ общее стародавнее добро его предковъ».

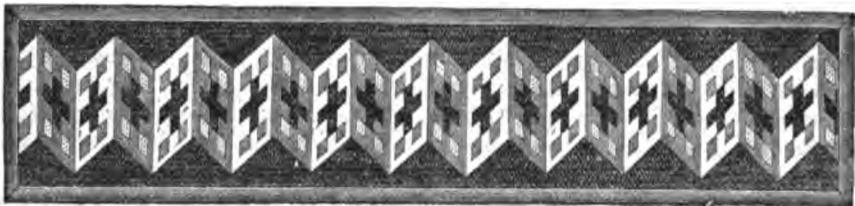
Относительно выбора былинъ (числомъ 12) считаемъ нужнымъ замѣтить, что редакторъ и составительница «Сказа» всегда имѣли въ виду высшія воззрѣнія, которыхъ достигъ народъ, и помѣстили въ своемъ «сводѣ» только былины смягченнаго характера, образовавшіяся въ періодъ общинной жизни. На этомъ основаніи, конечно, не вошли сюда былины въ родѣ той, въ которой разсказывается о боѣ Ильи съ сыномъ, и которая представляетъ собою остатокъ первобытной грубости, хотя впослѣдствіи нѣсколько и смягченной, но смягченной не въ пользу Ильи Муромца: сынъ мститъ Ильѣ за «заугольную» связь съ его матерью.

Въ заключеніе, мы должны сказать, что эта книжка, изданная очень тщательно, снабженная хорошими рисунками Газенкампфа, составляетъ

пріобрѣтіе не только, такъ называемой, «народной литературы», но также и литературы учебной: она очень удобна для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ, при изученіи русскаго народнаго эпоса, представляя собою цѣлый циклъ былинъ, тщательно выбранныхъ и провѣренныхъ по многимъ пересказамъ, чего мы не найдемъ, конечно, ни въ одной изъ существующихъ хрестоматій. С.

Топографія Оренбургской губерніи. Сочиненіе П. И. Рычкова 1762 года. Оренбургъ. 1888.

Настоящее сочиненіе П. И. Рычкова было въ первой разъ издано еще въ прошломъ столѣтіи академикомъ Миллеромъ въ его ежемѣсячныхъ «Сочиненіяхъ и переводахъ». Книга эта весьма важна для этнографіи обширнаго Оренбургскаго края, въ ней сообщается много свѣдѣній о нашихъ восточныхъ инородцахъ: татарахъ, калмыкахъ, киргизахъ, башкирахъ, мордвѣ, чувашахъ, черемисахъ, каракалпакахъ, мещерякахъ и др. Кромѣ этнографическихъ данныхъ объ этихъ племенахъ, мы встрѣчаемъ у Рычкова не мало историческихъ извѣстій о русской колонизаціи края, о постепенномъ административномъ подчиненіи инородцевъ; подробно разсматривается самая «топографія» Оренбургской губерніи. Говорить много о достоинствахъ сочиненія Рычкова мы не будемъ, они уже давно оцѣнены критикою. Во многихъ отношеніяхъ сочиненіе это имѣетъ значеніе перво-источника; правда, нѣкоторыя историческія мнѣнія Рычкова теперь уже устарѣли, но тѣмъ не менѣе, не смотря на столѣтнее свое существованіе, его трудъ нисколько не утратилъ своего достоинства; можно безошибочно утверждать, что ни одинъ изслѣдователь Оренбургскаго края, не можетъ обойтись безъ того, чтобы не почерпнуть чего-либо изъ «Топографіи». Такое важное значеніе «Топографіи», ставшей уже библіографической рѣдкостью, побудило Оренбургскій отдѣлъ императорскаго русскаго географическаго Общества издать ее вновь отдѣльной книгой. Мысль эта возникла еще въ 1871 году, по предложенію члена-сотрудника отдѣла Р. Г. Игнатьева, но осуществленіе этой мысли замедлилось по нѣсколькимъ причинамъ: во-первыхъ, по недостатку средствъ во-вторыхъ, потому что Отдѣлъ предполагалъ вмѣстѣ съ «Топографіей» издать рукописныя «Ландкарты», къ ней принадлежащія, и въ-третьихъ, Р. Г. Игнатьевъ намѣревался снабдить сочиненіе Рычкова комментаріями и дополненіями. Средства на изданіе даны были Ѳ. И. Базилевскимъ, «Ландкарты» были напечатаны отдѣльно въ 1880 году, г. Игнатьевъ скончался въ 1886 г., такъ что исчезла надежда на полученіе отъ него комментаріевъ, и Отдѣлъ рѣшилъ издать «Топографію», какъ она есть. Съ внѣшней стороны это изданіе выполнено весьма удовлетворительно, но мы должны сдѣлать издателямъ одинъ очень существенный упрекъ: къ книгѣ нѣтъ указателя, между тѣмъ какъ онъ положительно необходимъ для такого сочиненія, въ которомъ на каждой страницѣ встрѣчается по нѣскольку собственныхъ именъ, личныхъ и географическихъ. В.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Англія, опасающаяся за свой флотъ. — Англійская брошюра нѣмецкаго происхожденія о невозможности союза Россіи съ Англіею. — Политико-стратегическіе планы Австріи въ географическомъ журналѣ.—Оригинальные и переводные англійскіе романы изъ русской жизни. — Драма Л. Н. Толстого на парижской сценѣ.—«Франко-русская жизнь».—Фельетонное сближеніе Россіи и Франціи.— Русская колонія въ Парижѣ.—Журналъ интенданта королевскихъ увеселеній.— Мемуары графа имперіи. — Переписка Маріи-Луизы. — Наполеонъ, какъ писатель. — Кто виновникъ наполеоновскихъ войнъ. — Гудсонъ Лоу и св. Елена.— Корреспонденція королевы Екатерины Вестфальской.

ВЪ ТО ВРЕМЯ, когда континентальная Европа обезпечиваетъ миръ милліонными арміями и милліардными вооруженіями, Англія начинаетъ сознаваться, что и ей пора бы заняться своими морскими силами, когда-то доставившими ей господство на водахъ цѣлаго міра, а теперь составляющими ея больное мѣсто по отзыву самихъ англичанъ, лордовъ адмиралтейства, членовъ кабинета и компетентныхъ лицъ. Можетъ быть, это собственное сознаніе въ упадкѣ ея флота, еще недавно превосходившаго численностью судовъ соединенные флоты главныхъ державъ, а теперь уступающаго морскимъ силамъ «лиги мира» и Франціи,— было причиною миролюбія консервативнаго министерства, не примкнувшаго къ союзу враговъ Россіи. Но это не мѣшаетъ англичанамъ подозрительно слѣдить за развитіемъ ея силъ, особенно морскихъ, и толковать о необходимости усиленія средствъ къ защитѣ береговъ и колоній Англіи. Немудрено, что общественное вниманіе страны обратила на себя брошюра подъ вычурнымъ названіемъ: «Надежда Россіи, или—Британія не долго владѣть водами; съ указаніемъ, какъ московскій медвѣдь пойдетъ на британскаго кита. Переводъ съ русскаго оригинала» (The Russia's Hope, or Britannia no longer rules the waves: showing the muscovite bear got at the british whale. Translated from the original russian by Charles James Cooke). Это — фантастическая

исторія будущаго русскаго крейсера «Надежда Россіи», предназначеннаго, въ войнѣ съ Англіею, нанести такой же вредъ англійскимъ судамъ, какой нанесла «Алабама» въ междоусобную войну Сѣверо-Американскихъ штатовъ. Подвиги свои крейсеръ начинаетъ съ истребленія запасовъ англійскаго угля во всѣхъ нейтральныхъ гаваняхъ, какъ Ріо-Жанейро, Багіа, Монтевидео, Іокогама. У Россіи, говоритъ авторъ, нѣтъ коммерческаго флота, тогда какъ подъ англійскимъ флагомъ, на всѣхъ моряхъ, ходятъ грузы товаровъ на милліарды фунтовъ стерлинговъ. Истребить или захватить ихъ, значитъ навсегда подорвать благосостояніе и силу Англіи. Для этого надо только отказаться отъ «Парижской деклараціи», 3-й параграфъ которой признаетъ неприкосновенность нейтральнаго, не военнаго груза даже подъ непріятельскимъ флагомъ. Уничтоженіе этого пункта уничтожитъ и англійскую торговлю. Авторъ уже слишкомъ пугаетъ англичанъ, заставляя «Надежду Россіи» захватить и англійскія военныя суда, отправленныя въ угольныя станціи съ транспортомъ пушекъ, оружія, торпедо, обращая эти суда въ новыя «Алабамы», называя Владивостокъ крѣпостью, которую невозможно взять, и пр. Не обходится, конечно, и безъ завоеванія Индіи. Все это доказываетъ только, какъ сильно безпокоитъ британскаго кита русскій медвѣдь, и какъ трудно расчитывать на то, чтобы китъ когда-нибудь рѣшился сцѣпиться съ медвѣдемъ, хотя бы и въ сообщничествѣ съ разными орлами, изъ которыхъ одни «черные» дѣйствительно сильны, а другіе истрепаны и общипаны во всѣхъ стычкахъ, куда бы они только ни совались...

— Сближеніе Россіи съ Франціею и Англіею для противодѣйствія союзу, заключенному Германіей съ Австріей и Италіей, было бы, конечно, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ положить конецъ невыносимому нѣмецкому гнету, тяготѣющему надъ всею Европою. Поэтому, понятно, что лица, желающія навязать намъ нѣмецкую дружбу, отъ которой мы открещиваемся, сколько можемъ, желая оставить за собою свободу дѣйствій, — стараются всѣми силами оттолкнуть отъ насъ державы, съ которыми мы сближаемся по естественному ходу вещей и по политической необходимости. Въ «Revue des deux mondes» явилась статья, доказывающая, что не только союзъ, но простое сближеніе Россіи съ Франціей совершенно невозможно. Въ статьѣ думали видѣть мнѣніе монархической партіи и приписывали ее орлеанскимъ принцамъ, но оказалось, что писалъ ее консерваторъ Леруа-Болье, захотѣвшій выказать себя роялистомъ, болѣе рьянымъ, чѣмъ самъ король. Напротивъ, настоящій представитель орлеанской партіи, маркизъ де-Бретейль, произнесъ въ палатѣ политическую рѣчь, доказывавшую логичность и необходимость союза съ Россіей. Симпатіи къ ней въ общественной жизни Франціи такъ очевидны, что объ нихъ нечего распространяться. Англія относится къ намъ гораздо подозрительнѣе и сдержаннѣе, и чтобы подѣйствовать на нее, наши «друзья» стараются запугать ее старою угрозою: завоеваніемъ Индіи. Въ Германіи напечатана брошюра «Россія и англійская Индія» (Russia and the english India). Неизвѣстный авторъ обращается изъ Германіи къ Англіи съ самыми патетическими фразами: «неужели Англіи надобно еще разъяснять истинную цѣль стремленій Россіи въ Азіи? Неужели Англія до сихъ поръ можетъ закрывать себѣ глаза передъ очевиднымъ для всѣхъ фактомъ — завоеванія Индіи, подготовляемаго Россіей съ изумительною быстротою и настойчивостью? Не думаетъ ли Англія отыскать почву для соглашенія съ Россіею и обезпеченія неприкосновенности индійской территоріи? Но вѣдь

это значило бы свести къ нулю всѣ колосальныя усилія Россіи въ Азіи, признать игрушкою такую громадную жертву, какъ проведеніе одной изъ невозможнѣйшихъ въ мірѣ стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ — Закаспійской. Какъ невозможно повернуть назадъ стремительный потокъ, такъ невозможно и полюбовное соглашеніе русскихъ и англійскихъ интересовъ въ Средней Азіи. Для этого нужно очень сильное давленіе извнѣ, нуженъ могущественный посредникъ, голосъ котораго былъ бы рѣшительнымъ въ спорѣ Англіи съ сѣвернымъ колоссомъ. Если Англія не хочетъ лишиться величайшихъ своихъ владѣній въ Азіи, не хочетъ потерять свое мѣсто среди великихъ державъ — еще не поздно: могущественнѣйшій въ Европѣ доброжелатель Англіи еще не отнялъ протянутой ей дружественной руки... но пусть Англія страшится того момента, когда рука эта отнимется отъ нея, съ тѣмъ, чтобы больше никогда но протягиваться къ ней». Послѣднія фразы англійской брошюры до того явно обнаруживаютъ ея нѣмецкое происхожденіе, что было бы странно полагать, будто англичане повѣрятъ этому доброжелателю, доказывающему, что русскіе не сегодня - завтра проглотятъ Индію. Какіе же это завоеватели, которые, пожертвовавъ сотни тысячъ жизней своихъ солдатъ и милліарды рублей для освобожденія страны, оставляютъ эту страну въ жертву анархіи и беззаконія, и ждутъ, пока она сама образумится!.. И до Индіи ли намъ теперь, когда «могущественнѣйшій доброжелатель Англіи» заготовилъ полтора милліона войска на нашей западной границѣ, кромѣ такого же числа на другомъ фронтѣ, да кромѣ всѣхъ явныхъ и тайныхъ его союзниковъ, на сторону которыхъ перейдетъ, конечно, и Англія при первой же нашей военной неудачѣ.

— Не меньше Англіи боится войны Австрія, хотя газеты ея отличаются задорнымъ тономъ и кричатъ о «законныхъ» правахъ ея на Балканскій полуостровъ. Даже такой скромный журналъ, какъ «Нѣмецкое обозрѣніе географіи и статистики», издающійся въ Вѣнѣ, помѣщаетъ «военно-географическій очеркъ—«Отъ Карпатъ до Нарева» (Von den Karpathen zum Narew. Ein militär—geohraphischen Umblick), съ двумя картами и рисунками. Карты изображаютъ: одна — пограничныя части Галиціи и Буковины, другая — южную часть царства Польскаго съ его желѣзными и другими дорогами. Даже бѣглый взглядъ на эти карты доказываетъ, какое множество стратегическихъ желѣзныхъ путей настроили австрійцы въ послѣднее время, особенно въ окрестностяхъ Львова и Кракова и, между тѣмъ, статья наполнена возгласами объ агресивныхъ замыслахъ Россіи, о лозунгѣ панславистской партіи «дорога въ Константинополь идетъ черезъ Вѣну». Этимъ лозунгомъ и начинается статья, разсматривающая, какія препятствія могутъ встрѣтиться на этой «Фадеевской дорогѣ». Первыя столкновенія должны произойти между Наревомъ и Бугомъ, и авторъ не рѣшается сказать, на чьей сторонѣ будетъ успѣхъ. Разсматривая дороги въ Карпатахъ и Галиціи, авторъ дѣлаетъ имъ оцѣнку съ военной точки зрѣнія и перечисляетъ препятствія, какія можетъ встрѣтить армія, двигающаяся по гористымъ и болотистымъ мѣстностямъ. Рѣки Припеть, Висла, Санъ, Днѣстръ изслѣдуются въ этомъ же отношеніи, послѣдній признается сильною оборонительною линіею; указывается на сильныя оборонительныя средства городовъ Галиціи, но дѣлается вскользъ намекъ, что составленъ давно планъ кампаніи наступательной, зрѣло обдуманной. Поэтому оцѣнивается стратегическое значеніе не только первоклассныхъ крѣпостей, какъ Брестъ-Литовскъ, Варшава, Иванъ-

городъ, Новогеоргіевскъ, но и второстепенныхъ укрѣпленныхъ позицій въ первой линіи, какъ Люблинъ, Замосцье, Грубешовъ, Ковель, Луцкъ, Ровно и Дубно, затѣмъ Ченстоховъ, Кельцы, Радомъ, Пулавы, Бѣлостокъ, Пинскъ и др. Замѣчается объ отсутствіи хорошихъ грунтовыхъ дорогъ во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ, а о желѣзныхъ дорогахъ говорится, что только отъ Варшавы до Границы ширина ихъ равна европейскимъ рельсовымъ путямъ. Вообще, относительно быстроты и удобства сообщеній отдается справедливо предпочтеніе австрійскимъ дорогамъ передъ русскими. Что же касается до населенія пограничныхъ мѣстностей, авторъ убѣжденъ, что Галиція и Буковина, какъ вся имперія, исполняя вѣрноподданническій долгъ, поднимутся на защиту престола и отечества.

— Англичане, какъ и французы, продолжаютъ переводить и сочинять романы изъ русской жизни. Оба критическіе журнала «Athenaeum» и «Academy» хвалятъ переводъ романа Р. Орловскаго «Надя» (Nadia, from the russian of R. Orloffsky by the baroness Langenau). Критикъ «Academy», Вильямъ Шарпъ, находитъ, что этотъ романъ написанъ «подъ афектомъ вліянія безконечнаго пространства русскихъ степей», чего нѣтъ ни у Л. Толстого, ни у Достоевскаго, ни у Тургенева. У этихъ писателей нѣтъ избытка впечатлительности (sensationalism), высказывающейся только въ произведеніяхъ молодой школы. Романъ г. Орловскаго очень длиненъ (три части), а могъ быть сокращенъ на двѣ трети, и тогда получилъ бы болѣе интереса и психологическаго значенія. Это исторія восторженной и симпатичной дѣвушки, Нади Ольшевской, вступающей въ тайное Общество подъ вліяніемъ нигилиста Нерадовича. Долгое время обсуждаетъ она въ Цюрихѣ со своими соотечественниками спорный вопросъ: слѣдуетъ ли, разрушивъ основы современнаго общества, устроить новыя, или, ничего не устраивая, только разрушать. Надя скоро, однако же, одумывается и вырывается изъ сѣтей Нерадовича, обрисованнаго въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Какъ контрастъ ея несчастной привязанности къ полусумашедшему фанатику, выведена чистая любовь другой дѣвушки, Жении. Мрачныя картины не преобладаютъ въ этомъ романѣ, какъ въ другихъ произведеніяхъ русской фантазіи, и онъ оканчивается благополучно, не смотря на то, что Надя просидѣла 18 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ. Критикъ «Атенеума» прибавляетъ нѣсколько біографическихъ подробностей объ авторѣ, происходящемъ изъ хорошей фамиліи и обладающемъ достаточными средствами; но онъ слабаго здоровья, не можетъ принять участія въ дѣятельной жизни, и потому занялся литературою. Хорошо знакомый съ образованными классами общества и провинціальной жизнью своего отечества, онъ знаетъ также потребности крестьянскаго быта и сочувствуетъ улучшенію этого быта, хотя и принадлежитъ къ консервативной партіи.—Другой романъ, «Павелъ Патовъ» (Paul Patoff), принадлежитъ талантливому романисту Маріону Крауфорду и читается съ большимъ интересомъ. Во время одной религіозной церемоніи въ церкви св. Софіи, въ Константинополѣ, пропадаетъ молодой русскій офицеръ, Александръ Патовъ, и братъ его, Павелъ, отыскиваетъ его со своими друзьями, американцемъ Григсомъ и грекомъ Бальзамидесъ-беемъ. Рельефно очерчены характеры лицъ, дѣйствующихъ въ романѣ: сумасшедшей матери Патовыхъ, англичанки, ученаго Куттера, героини романа Герміоны, старой дѣвы Хривофразіи и др.

— Французы, усердно занимаясь всѣми отраслями русской литературы, переводятъ «Княжну Тараканову», пишутъ хвалебныя біографіи бездарнаго музыканта и пристрастнаго критика Цезаря Кюи, наконецъ, сдѣлали смѣлую попытку, поставивъ на сцену «Власть тьмы» (Puissance des ténèbres), переведенную въ третій разъ Павловскимъ. Авторъ самъ исправлялъ переводъ и сдѣлалъ въ немъ самыя незначительныя измѣненія, какъ говорятъ французскія газеты, отъ которыхъ никогда не узнаешь правды. Въ этомъ случаѣ ее еще труднѣе добиться, потому что настоящая парижская публика не присутствовала на этомъ представленіи, и драма была играна только одинъ разъ на «Свободномъ театрѣ», куда допускались только избранные зрители и журналисты, изъ которыхъ каждый высказалъ о пьесѣ только свое личное мнѣніе. Театральныя знаменитости, какъ Дюма, Ожье, Сарду, критикъ Сарсе были противъ постановки пьесы. За нее стояли Зола и вся школа реалистовъ. Дѣльнѣе другихъ оцѣнилъ драму прежній переводчикъ ея, Гальперинъ-Каминскій. Французамъ слѣдовало бы съ большею осмотрительностью браться за постановку этой пьесы,— говоритъ онъ,— такъ какъ зрители могутъ вынести изъ нея весьма неблагопріятное впечатлѣніе о нравственной характеристикѣ народа и, по яркой реальности единичнаго факта, возвести его въ типическое явленіе. Въ прежнихъ произведеніяхъ Толстого, русскій народный бытъ изображенъ художникомъ въ симпатичномъ видѣ, въ драмѣ же, авторъ, не заботясь о правдоподобіи сюжета, стремится лишь пропагандировать свои мнимо-философскія тенденціи, для которыхъ пожертвовалъ своимъ талантомъ романиста. Сарду хвалитъ жосткую правду и яркость изображенія характеровъ, но утверждаетъ, что драма можетъ только читаться, а не играться. Александръ Дюма находитъ драму слишкомъ грубой и грязной: ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ не симпатично; языкъ, которымъ говоритъ Акимъ, положительно непонятенъ; Никита сначала наскучитъ, потомъ опротивѣетъ. Безцѣльность муже-и-дѣтоубійства, излишнее варварство при совершеніи второго преступленія, ничтожество психическихъ мотивовъ, положенныхъ въ основу звѣрскаго злодѣйства, вздорная болтовня дѣйствующихъ лицъ, безъ нужды растягивающая драму,—все это не можетъ содѣйствовать ея успѣху. Изъ любопытства всякій захочетъ посмотрѣть ее, но, конечно, не пойдетъ уже на второе представленіе.

— Недовольствуясь помѣщеніемъ статей о Россіи во всѣхъ журналахъ, французы основали два спеціальныя изданія—все съ тою же цѣлью—сближенія двухъ націй: одно ежемѣсячное «Revue de Paris et de Saint-Pétersbourg» подъ редакціей старика Арсена Гуссе, другое еженедѣльное, иллюстрированное «Франко-русская жизнь» (La vie franco-russe). Первый нумеръ этой газеты полученъ уже здѣсь. На заглавномъ листкѣ—изъ саней съ русской упряжью, дугою и бубенчиками, съ амуромъ на козлахъ и двуглавымъ орломъ на спинкѣ, выходитъ парень въ русской рубашкѣ съ косымъ воротомъ, въ фуражкѣ и штанахъ запущенныхъ въ сапоги съ высокими каблуками. На встрѣчу, въ объятія парня бросается размалеванная, полураздѣтая дама съ невозможнымъ турнюромъ, въ уродливой шляпкѣ. Вверху, на пушкѣ гальскій пѣтухъ, грозно смотритъ на каркающихъ воронъ, сидящихъ на пограничной заставѣ, за которой стоитъ нѣмецкій солдатъ съ ружьемъ. Нельзя сказать, чтобы эта алегорія была особенно остроумна и выразительна. Во всякомъ случаѣ, для олицетворенія Франціи можно было бы придумать что-нибудь поприличнѣе полуголой кокотки. Виньетка передовой статьи «premier

Paris» еще непостижимѣе: тутъ и дама въ ложѣ, и сурки въ сугробахъ снѣга, и даже чья-то голова на пикѣ. Статья начинается разсказомъ о томъ, какъ «знаменитый генералъ Миловатовичъ», получивъ андреевскую ленту, проситъ сдѣлать его нѣмцемъ. За этой старой исторіей слѣдуетъ новая: въ Галатѣ, въ одномъ кабакѣ, 15 матросовъ съ нѣмецкаго корабля «Лорелея» нападаютъ на четырехъ французскихъ матросовъ: ихъ выручаютъ три русскихъ матроса. Между двумя этими анекдотами прошло не много времени, но какъ измѣнилось народное настроеніе! Говоря о послѣднемъ балѣ французской колоніи въ Петербургѣ, хроникеръ замѣчаетъ, что громкій восторгъ вызвалъ костюмъ, половина котораго изображала русскаго мужика, а другая французскаго маркиза, съ девизомъ: «въ единеніи сила». Въ отдѣлѣ «Театръ», опять съ непостижимой виньеткой полуголой дамы и съ очень вѣрнымъ снимкомъ съ послѣдней сцены «Власти тьмы», разсказано содержаніе этой драмы. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ «Наши русскіе» (Nos russes) сообщаются любопытныя свѣдѣнія о жизни русскихъ въ Парижѣ, передается разсказъ философа Вырубова, перешедшаго изъ русскаго подданства во французское, о судьбѣ одного малоросса, завербованнаго комунарами и спокойно стоявшаго на часахъ у госпиталя, въ то время, когда версальцы осыпали бомбами и ядрами улицы Парижа, покинутыя комунарами. Русская колонія въ Парижѣ очень не велика. Русскіе студенты живутъ отдѣльною жизнью и не сходятся ни съ нѣмецкими, ни съ англійскими кружками Латинскаго квартала. Зиму проводятъ въ Парижѣ не болѣе 25-ти русскихъ семействъ. Авторъ называетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, но до того перевираетъ фамиліи и занятія ихъ, что становится даже страннымъ, какъ это франко-русскій журналъ не далъ даже себѣ труда навести справки у своихъ русскихъ друзей. Potiotkine — конечно, Потемкинъ, Pokiatonof — Похитоновъ, но почему «знаменитый романистъ Григоровичъ» является, какъ «général Grégorowitch, membre de la cour impériale»? и что это за чинъ—члена императорскаго двора? Здѣсь же разсказана исторія эмигранта Григорьева, обвинившаго Павловскаго въ томъ, что въ своихъ воспоминаніяхъ о Тургеневѣ корреспондентъ «Новаго Времени» приписалъ покойному романисту неблагопріятный отзывъ объ Альфонсѣ Доде. Григорьевъ вызвалъ на дуэль Павловскаго за его рѣзкій отвѣтъ, но тотъ не нашелъ возможнымъ принять вызовъ человѣка, недавно выпущеннаго изъ дома умалишенныхъ. Хроникеръ замѣчаетъ, что и во французской журналистикѣ, прежде Тургенева, высказывались мнѣнія, что Доде—не болѣе какъ ничтожество. Это, конечно, мнѣніе несправедливое, но легко объяснимое враждою мелкой французской прессы къ большому таланту. Есть въ журналѣ также и разсказъ «За царя» (Pour le tzar), гдѣ молодой офицеръ съ нигилистическими наклонностями, Харитонъ Денисовъ, оставляетъ все-таки свою невѣсту, Лену Табурову, когда начинается война, и умираетъ подъ Плевной, съ крикомъ: «за царя»! Въ корреспонденціи изъ Петербурга описаны придворные балы, спектакли, концерты, благотворительные базары, процессъ Вильома противъ обвиненія его «Новымъ Временемъ» въ шпіонствѣ. Надъ всѣми свѣтскими новостями преобладаютъ, конечно, политическія описанія, говорится, съ какимъ пренебреженіемъ отнеслись въ Россіи къ опубликованію австро-германскаго договора, какъ громадному сосредоточенію нѣмецкихъ войскъ на границѣ противопоставляютъ легкіе кавалерійскіе отряды, назначаемые для разрушенія непріятельскихъ дорогъ, складовъ, телеграфовъ, пока армія успѣетъ мобилизоваться. И тутъ, конечно, не обходится

безъ такихъ русскихъ крѣпостей, какъ Novogritchva или безъ чисто французскихъ каламбуровъ, не встрѣчавшихся въ русской печати, о рѣкахъ Прутѣ и Серетъ; но фельетонъ вообще очень бойкій. Нумеръ оканчивается статьею о русскомъ народѣ (Le peuple russe) его пѣсняхъ и плясках, съ хорошенькими рисунками. Статья принадлежитъ самому редактору, Леону Сихлеру, жившему долго въ Россіи и очевидно знающему русскую жизнь. Онъ написалъ «Исторію русской литературы» отъ начала ея до нашихъ дней, перевелъ «русскія сказки» и написалъ нѣсколько романовъ, въ духѣ натуралистичей школы: «Chair molle», «Soi», «La glébe». Вообще, журналъ можетъ имѣть успѣхъ, если будетъ посерьезнѣе.

— Управленіе королевскими увеселеніями и хозяйствомъ въ до-революціонной Франціи составляло значительное вѣдомство, соотвѣтствующее нашимъ министерствамъ двора и находилось въ завѣдываніи первыхъ придворныхъ чиновъ. Изданъ въ свѣтъ журналъ «Папильона де ла Ферте, интенданта и контролера королевскихъ увеселеній, домашняго обихода и серебра, отъ 1756 по 1780 годъ» L'administration des menus. Journal de Papillon de la Ferté, intendant et controleur de l'argenterie, menus-plaisirs et affaires de la chambre du roi). На обязанности этого интенданта лежало приготовленіе всѣхъ церемоній, выходовъ и спектаклей, въ которыхъ участвовалъ король, свадебъ или похоронъ въ королевской семьѣ, придворныхъ праздниковъ и т. п. Онъ завѣдывалъ огромными магазинами, гдѣ хранились украшенія всякаго рода, декораціи, драпировки, костюмы, матеріи и др. Дѣла было не мало. Папильонъ де ла Ферте купилъ эту должность за 260,000 ливровъ, а жалованья получалъ всего 10,000, не считая, конечно, подарковъ, какъ знаковъ королевскаго благоволенія. Въ 1780 году онъ присоединилъ къ своему званію управленіе парижскою оперою и сохранилъ его до 1790 года. Арестованный въ 1794 году какъ «подозрительный», онъ былъ гильотинированъ 7 іюня, наканунѣ казни Робеспьера. Въ свой журналъ онъ вносилъ тщательно всѣ замѣчательные факты своего управленія. Чрезвычайно экономный, онъ заботился, однако, о томъ, чтобы все было не только прилично, но и роскошно. Упорную войну велъ онъ съ придворными подрядчиками и поставщиками, съ разными вельможами, вмѣшивавшимися въ его управленіе, но особенно съ актерами и пѣвицами, ладить съ которыми было всего труднѣе. Политическихъ и литературныхъ новостей въ журналѣ Папильона не много. Онъ отмѣчаетъ только дни парадныхъ спектаклей, сожалѣетъ о чрезвычайныхъ расходахъ на балы королевы и 96 придворныхъ спектаклей, данныхъ въ одномъ 1777 году. Его точность, порядочность и вѣжливость видны на каждой страницѣ его журнала. Часто изъ голыхъ цифръ, приводимыхъ имъ, можно сдѣлать любопытные выводы о расходахъ двора, беззаботно тратившаго громадныя суммы въ эпоху народнаго обнищанія.

— «Мемуары генерала Диркъ ван-Гогендорпа, графа имперіи» (Mémoires du général Dirk van Hogendorp, comte de l'empire), публикованные его внукомъ, переносятъ насъ въ другую эпоху. Голандецъ старой патриціанской фамиліи, Диркъ былъ сначала въ прусской службѣ и сдѣлалъ кампанію 1778 года, потомъ служилъ въ войскахъ голандскихъ колоній и два года былъ посланникомъ Голандіи въ Петербургѣ, оставивъ этотъ постъ при разрывѣ съ Франціей въ 1805 году. Вступивъ въ совѣтъ голандскаго короля Людовика, онъ назначенъ былъ военнымъ министромъ, потомъ посланникомъ

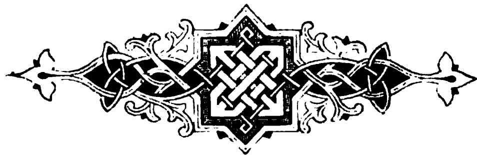
въ Вѣну. Послѣ отреченія Людовика онъ былъ сдѣланъ адъютантомъ Наполеона I и, въ 1812 году, президентомъ литовской комиссіи, на долю которой выпала тяжелая обязанность — организовать остатки великой арміи, послѣ ея перехода черезъ Березину. Въ слѣдующемъ году онъ былъ губернаторомъ Гамбурга, въ 1814 г. перешелъ на сторону Оранскаго дома, во время Ста Дней присоединился опять къ Наполеону, но послѣ Ватерло долженъ былъ оставить отечество и Европу и умеръ въ Бразиліи, въ 1822 году, терпя большія лишенія. Мемуары свои онъ написалъ для того, чтобы опровергнуть возведенныя на него обвиненія въ томъ, что въ своихъ поступкахъ онъ руководствовался только личными выгодами, а не благомъ отечества. Нельзя сказать, чтобы ему удалось оправдать себя особенно въ жестокихъ поступкахъ съ жителями Гамбурга въ 1813—1814 гг., хотя онъ сваливаетъ въ этомъ случаѣ всю вину на маршала Даву; слѣпой поклонникъ Наполеона, онъ оправдываетъ его во всемъ, но представляетъ довольно вѣрную характеристику окружающихъ его лицъ. Вообще, въ мемуарахъ много любопытнаго.

— Не большую услугу оказали второй женѣ Наполеона обнародованіемъ ея переписки (Correspondance de Marie-Louise). Въ этой перепискѣ видно все ничтожество этой далеко не развитой и не умной женщины. Бонапартисты выставляютъ ее какой-то мученицей, жертвой политики, особенно когда ей не позволили слѣдовать за своимъ мужемъ въ изгнаніе. Но эта мученица очень скоро утѣшилась, выйдя замужъ сначала за Нейперга, потомъ за Бомбелля. Сначала она считала Наполеона антихристомъ, потомъ полюбила его, какъ впослѣдствіи и двухъ другихъ мужей. Она была четыре года императрицею французовъ и не высказываетъ объ нихъ никакого сужденія. Ея письма къ своимъ подругамъ, графинѣ Колоредо и графинѣ Креневиль, въ 1810 году, изумительны по своей пустотѣ и пошлости. Въ ней не было никогда ничего не только поэтическаго или привлекательнаго въ какомъ бы то ни было отношеніи, но и ничего женственнаго.

— О Наполеонѣ, съ легкой руки Тэна, появилось много книгъ. Танкредъ Мартель издалъ въ трехъ томахъ «Литературныя произведенія Наполеона» (Oeuvres littéraires de Napoléon). Тутъ помѣщены сочиненія его молодыхъ лѣтъ, избранныя письма, прокламаціи, рѣчи, замѣтки, писанныя имъ на св. Еленѣ. Въ первомъ томѣ помѣщены преимущественно письма его къ Жозефинѣ, восторженныя и страстныя по формѣ, но очевидно неискреннія и дѣланныя, также какъ и всѣ его воззванія къ свободѣ и республиканскому духу, котораго и въ поминѣ не было у этого прирожденнаго деспота. Мартель старается всѣми силами доказать, что Наполеонъ великій писатель, но это ему, конечно, не удается. Въ прокламаціяхъ полководца и императора встрѣчаются мѣткія выраженія, бойко округленныя фразы, но нѣтъ ни художественнаго, ни литературнаго значенія. 82-хъ-лѣтній Низаръ явился на помощь къ принцу Наполеону-Жерому и, подъ названіемъ «Разсужденія о французской революціи и о Наполеонѣ» (Considerations sur la révolution fançaise et Napoléon I) написалъ апологію императору, не такую явную, какъ у автора книги «Napoléon et ses détracteurs», но болѣе тонкую и литературную. Достается тутъ не только врагамъ Наполеона, но и его панегиристамъ, Тьеру, Баранту и др. Академическій критикъ приводитъ, между прочимъ, парадоксальную, но остроумно поддержанную мысль, что главнымъ виновникомъ всѣхъ наполеоновскихъ войнъ былъ не самъ императоръ, а Англія. Сен-Серъ далъ подъ названіемъ «Наполеонъ на св. Еленѣ» (Napo-

léon à Sainte Hélène) переводъ рапортовъ барона Штюрмера, австрійскаго комиссара на островѣ отъ 1815 по 1818 годъ. Нѣмецкій подлинникъ этихъ рапортовъ былъ уже напечатанъ въ Вѣнѣ. Это самый безпристрастный разсказъ о заточеніи Наполеона и самое жестокое обвиненіе его тюремщика. Признавая честность и неподкупность Гудсона Лоу, Штюрмеръ находитъ, что англійскій генералъ былъ самый непріятный, тяжелый и мелочной человѣкъ, способный вывести изъ терпѣнія всякаго, не только такую эгоистическую и деспотическую натуру, какъ Наполеонъ, объ участи котораго не стоило, впрочемъ, сожалѣть. Любопытно, что Штюрмеру не разрѣшено было видѣть узника и только каждый день до комиссаровъ доходили разсказы о ссорахъ экс-императора со своими тюремщиками и мелочныхъ придиркахъ Гудсона Лоу.

— Самою важною изъ книгъ наполеоновской эпохи является «Корреспонденція королевы Екатерины Вестфальской» (Correspondance de la reine Catherine de Westphalie). На тронѣ и послѣ его потери, женщина эта выказала столько твердости духа и благородства характера, что даже Наполеонъ сказалъ: «она будетъ украшеніемъ исторіи». Королева испытала жестокія преслѣдованія отъ своей семьи. Отецъ, принудившій ее выйти за Жерома Бонапарте, требовалъ, чтобы она бросила его въ 1814 году. Но не смотря на то, что Жеромъ былъ жалкій король и мужъ, она, изъ чувства собственнаго достоинства, не хотѣла разойтись съ нимъ и долгіе годы провела въ Германіи почти въ затворничествѣ, преслѣдуемая своимъ отцомъ и братомъ. Въ письмахъ ея къ отцу много горькой правды, благородныхъ чувствъ и вѣрной оцѣнки фактовъ и политическихъ дѣятелей. Особенно важны въ этомъ отношеніи ея отвѣты на письма Наполеона, послѣ русской кампаніи. Въ числѣ документовъ, приведено любопытное письмо императора, 1813 года, къ виртембергскому королю Фридриху и отвѣтъ короля. Интересенъ также дневникъ королевы, въ которомъ приведено много политическихъ бесѣдъ ея съ Наполеономъ, своимъ мужемъ и другими историческими лицами.

СМѢСЬ.

ЕВЯТИСОТЛѢТІЕ крещенія Руси. Сvнодъ опредѣлилъ слѣдующій порядокъ празднованія девятисотлѣтія крещенія русскаго народа въ городѣ Кіевѣ, опубликованный въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ». 1) 11-го іюля, въ день кончины княгини Ольги, имѣетъ быть отслужена торжественная литургія въ Десятинной церкви, у гробницъ ея и князя Владиміра, съ молитвою объ упокоеніи благовѣрныхъ князей его племени, 1-го періода русской исторіи, которые погребены въ Десятинной церкви, и въ церквахъ, ближайшихъ къ ней; по окончаніи литургіи и панихиды, крестный ходъ, съ духовенствомъ Старо-Кіевскихъ церквей, направится изъ Десятинной церкви въ Трехсвятительскую, построенную на мѣстѣ главнаго идольскаго жертвенника, и здѣсь будетъ отслуженъ благодарственный молебенъ за избавленіе Кіева и всей русской земли отъ тьмы язычества и идольскаго суевѣрія; 2) 12-го іюля, въ день памяти святыхъ Ѳеодора и Іоанна, мученически скончавшихся незадолго до крещенія кіевлянъ, торжественная литургія будетъ совершена у гробницы перваго митрополита кіевскаго Михаила, въ великой церкви Кіево-Печерской лавры и, по окончаніи литургіи, панихида по всѣмъ митрополитамъ кіевскимъ перваго періода исторіи русской церкви, содѣйствовавшимъ распространенію и утвержденію христіанской вѣры въ Россіи. Въ тотъ же день, настоятель Кіево-Николаевскаго монастыря, по окончаніи литургіи, совершитъ съ монашествующими и духовенствомъ Николаевскаго военнаго собора крестный ходъ на Аскольдову могилу, гдѣ погребенъ обладатель Кіева Аскольдъ, принявшій крещеніе въ Царьградѣ съ дружиной своей за 100 лѣтъ до св. Владиміра и тѣмъ содѣйствовавшій началу христіанской вѣры въ Кіевѣ. По прибытіи сюда крестнаго хода, имѣетъ быть совершена панихида по всѣмъ скончавшимся въ истинной вѣрѣ и по всѣмъ православнымъ воинамъ, положившимъ свой животъ за вѣру и отечество. 3) Наканунѣ 15-го іюля, имѣетъ быть отслужено торжественное всенощное бдѣніе въ великой церкви Кіево-Печерской лавры. Въ то же время, одинъ изъ преосвященныхъ викаріевъ, по назначенію преосвященнаго митрополита, совершитъ въ Кіево-Андреев-

ской церкви, на мѣстѣ апостольской проповѣди св. Андрея Первозваннаго, торжественную всенощную съ литіею на паперти, при крестномъ ходѣ вокругъ церкви. 15-го, въ день памяти св. Владиміра, литургія будетъ совершена въ Кіево-Софійскомъ каѳедральномъ соборѣ, какъ древнѣйшемъ и ближайшемъ ко времени крещенія Руси при св. Владимірѣ. До начала литургіи, къ Софійскому собору направляются крестные ходы: а) изъ Кіево-Печерской лавры, Кіево-Николаевскаго монастыря и Печерскихъ церквей съ главою князя Владиміра, съ иконами Печерской Божіей Матери и св. Михаила, митрополита кіевскаго; б) изъ церквей: Андреевской, Трехсвятительской и Десятинной съ иконами св. Андрея Первозваннаго и св. князя Владиміра; в) изъ церквей Срѣтенской, съ иконою Скорбящей Божіей Матери, Златоустовской, Вознесенской и Лукьяновской-Ѳеодоровской, по предварительномъ соединеніи крестныхъ ходовъ въ Срѣтенской церкви, и г) изъ церквей: Троицкой, съ иконою Божіей Матери, находящейся въ этой церкви и именуемой «Златоворотская», Владимірской и Деміевской-Вознесенской, по предварительномъ соединеніи ихъ въ Троицкой церкви. Предъ окончаніемъ литургіи въ Софійскомъ соборѣ, крестный ходъ изъ Михайловскаго монастыря, съ настоятелемъ во главѣ, прослѣдуетъ съ иконами великомученицы Варвары и Архистратига Михаила, къ памятнику св. Владиміра. Преосвященный, окропивъ памятникъ святою водою и по осѣненіи предстоящихъ крестомъ, сойдетъ на Александровскій спускъ для соединенія съ главнымъ ходомъ изъ Софійскаго собора. Главный крестный ходъ, по окончаніи литургіи въ Софійскомъ соборѣ, направится изъ него чрезъ Софійскую площадь, по Малой Житомирской улицѣ, Крещатику и Александровскому спуску, гдѣ соединится сначала съ крестнымъ ходомъ Михайловскаго монастыря, а потомъ, у Христо-Рождественской церкви, съ крестнымъ ходомъ Кіево-Подольскихъ церквей и Кіево-Братскаго монастыря, имѣющемъ выйти съ чудотворною Братскою иконою Божіей Матери изъ Кіево-Подольской Ильинской церкви, по совершеніи въ ней литургіи преосвященнымъ настоятелемъ Братскаго монастыря, въ воспоминаніе бывшей на этомъ мѣстѣ первой христіанской церкви еще за 77 лѣтъ до крещенія св. Владиміра. Отъ Христо-Рождественской церкви общій крестный ходъ направится по набережной Днѣпра для освященія воды противъ Борисоглѣбской церкви».

Кромѣ того, Сѵнодъ постановилъ: 14-го іюля, во всѣхъ церквахъ имперіи соборныхъ, приходскихъ и монастырскихъ, а также церквахъ придворнаго и военнаго вѣдомствъ, и во всѣхъ домовыхъ, имѣющихъ особые причты, совершить всенощное бдѣніе по чину богослуженія, положеннаго уставомъ на храмовые праздники; въ самый же день празднованія, 15-го іюля, божественную литургію въ каѳедральныхъ соборахъ епархіальнымъ преосвященнымъ, а, въ отсутствіи ихъ, викаріямъ, въ прочихъ церквахъ настоятелямъ, въ сослуженіи остальныхъ священнослужителей, съ произнесеніемъ соотвѣтствующихъ воспоминаемому событію поученій; по окончаніи же литургіи—благодарственное молебствіе съ крестнымъ ходомъ на рѣку или источникъ для водоосвященія по чину, положенному на 1-е августа. Чтеніе акаѳиста святому и равноапостольному князю Владиміру можетъ быть отнесено и къ всенощному бдѣнію и къ самому дню празднества, въ который разрѣшается цѣлодневный звонъ. Епархіальнымъ преосвященнымъ предоставляется сдѣлать распоряженіе объ устройствѣ въ этотъ день торжественныхъ собраній съ произнесеніемъ рѣчей, посвященныхъ празднуемому событію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для запечатлѣнія навсегда въ памяти православныхъ имени просвѣтителя русскаго народа, Сѵнодъ признаетъ необходимымъ установить: а) чтобы въ молитвахъ на литіи, по евангеліи на утрени передъ канономъ, равно на тѣхъ отпустахъ и молитвахъ, въ коихъ поминаются имена святителей вселенскихъ и русской церкви, имя св. и равноапостольнаго князя Владиміра поминалось непосредственно послѣ именъ равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія, учите-

лей словенскихъ, и б) чтобы день празднованія памяти св. и равноапостольнаго князя Владиміра, 15-го іюля, былъ отнесенъ къ числу среднихъ церковныхъ праздниковъ и для того въ печатныхъ мѣсяцесловахъ число это означалось, какъ принято, крестомъ въ полукругѣ.

Празднованіе девятисотлѣтія христіанства на Руси, въ которомъ примутъ участіе представители разныхъ областей славянства, г. Линниченко въ «Кіевлянинѣ» предлагаетъ ознаменовать и увѣковѣчить основаніемъ научно-литературнаго общеславянскаго органа на русскомъ языкѣ. Доводы его въ пользу такого проекта заслуживаютъ вниманія: «Извѣстно, что въ настоящее время мы не имѣемъ не только печатнаго органа, посвященнаго дѣламъ всего славянства (исключеніе составляютъ лишь «Извѣстія славянскаго Общества» въ Петербургѣ), но что, къ великому прискорбію всѣхъ славянъ, международнымъ языкомъ общенія всѣхъ славянскихъ племенъ является пока чуждый языкъ — языкъ самаго враждебнаго славянамъ племени — нѣмцевъ. Ненормальность подобнаго явленія давно уже сознается всѣми славянами. Въ последнее время опять возникла среди славянства значительная агитація противъ языка нѣмецкаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стремленіе принять въ качествѣ междуславянскаго языка одинъ изъ своихъ языковъ. Въ настоящее время большинство славянъ склоняется въ этомъ отношеніи въ пользу языка русскаго, имѣющаго наиболѣе богатую литературу изъ всѣхъ славянскихъ—языка, которымъ говоритъ самое могущественное славянское племя». Для поддержанія этого культурнаго движенія и могъ бы служить предлагаемый органъ. Въ сочувствіи къ нему «всѣхъ славянъ» г. Линниченко не сомнѣвается. Онъ полагаетъ, что «присылаемыя со всѣхъ концовъ славянства статьи можно даже печатать и на другихъ славянскихъ языкахъ (прилагая къ каждой краткое ея резюме порусски), пока самъ русскій языкъ не будетъ уже настолько усвоенъ славянами, что писать порусски имъ будетъ, по крайней мѣрѣ, такъ же легко, какъ теперь понѣмецки. Конечно, только можно желать, чтобъ это предложеніе не осталось «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ».

Отчетъ литературно-драматическаго Общества за 1886—1887 годъ. За неимѣніемъ у насъ русскаго литературнаго Общества, которому, право, пора бы и народиться, въ Петербургѣ, составлялись въ послѣднее время разные литературные кружки, пытавшіеся создать что-то цѣлое изъ нашихъ писателей. Къ такимъ кружкамъ принадлежитъ и «Литературно-драматическое Общество», преобразовавшееся въ 1886 году изъ Общества любителей сценическаго искусства, основаннаго въ октябрѣ 1879 года. Дѣйствуя въ теченіе восьми лѣтъ, эти любители не разъ мѣняли свои задачи и самый характеръ своей дѣятельности. Сначала они только устраивали спектакли, въ которыхъ принимали участіе всѣ члены Общества, затѣмъ распорядительный комитетъ выработалъ проектъ драматическихъ классовъ при Обществѣ съ цѣлью положить основаніе раціональному, систематическому образованію русскихъ сценическихъ дѣятелей по образцу западно-европейскихъ театральныхъ школъ и драматическихъ консерваторій. Составились собранія, на которыхъ члены Общества выступали съ сообщеніями и докладами по различнымъ вопросамъ сцены и репертуара, наконецъ, публичныя чтенія, предметомъ которыхъ служили тѣ же вопросы драматической поэзіи и искусства, разработкой которыхъ было занято Общество. Такихъ лекцій въ 1885—1886 году было семь,— изъ нихъ три, о современномъ репертуарѣ русской сцены, были прочтены П. Д. Боборыкинымъ, одна кн. Д. Н. Цертелевымъ — объ идеальномъ и реальномъ на сценѣ, одна Ѳ. Н. Бергомъ о зрѣлищахъ въ Россіи въ XVII и XVIII в., и по одной П. П. Гнѣдичемъ и кн. А. И. Урусовымъ о Гамлетѣ и Маріи Стюартъ. Въ концѣ 1886 г., комитетъ приступилъ къ пересмотру дѣйствовавшаго устава. Остановившись на опредѣленіи будущихъ цѣли и задачъ Общества, онъ, оставляя все то, что непосредственно относилось къ драматическому искусству, безъ измѣненія, предположилъ дополнить первы

параграфъ устава указаніемъ на введеніе въ сферу дѣятельности Общества—распространенія литературныхъ познаній и изученіе литературы во всѣхъ ея отдѣльныхъ родахъ и формахъ.—Соотвѣтственно такому измѣненію явилась необходимость замѣнить прежнее названіе Общества новымъ, которое бы давало возможно точное представленіе о новыхъ, болѣе обширныхъ, задачахъ и цѣляхъ Общества. Понятіе Литературно-драматическаго представилось болѣе полно обнимающимъ собою новую программу дѣятельности Общества, и было принято комитетомъ. Онъ подраздѣлилъ также всѣхъ членовъ Общества на двѣ категоріи: членовъ дѣйствительныхъ и членовъ-сотрудниковъ. Ограничивъ число первыхъ—пятидесятью и обставивъ предложеніе ихъ и въ особенности баллотировку весьма строгими условіями, комитетъ полагалъ этой именно категоріи лицъ, совмѣстно съ почетными членами, предоставить право веденія дѣлъ Общества. Что касается членовъ-сотрудниковъ, число которыхъ опредѣлялось въ двѣсти человѣкъ, то они, участвуя наравнѣ съ дѣйствительными членами во всѣхъ засѣданіяхъ и трудахъ Общества, пользовались бы во всѣхъ отношеніяхъ одинаковыми съ ними правами, за исключеніемъ права голоса въ общихъ собраніяхъ. Это нисколько не раціональное ограниченіе числа заправилъ пятидесятью «безсмертными», а число русскихъ писателей двумя сотнями, вошло въ силу въ концѣ 1866 года. Къ 1-му февраля 1888 года почетныхъ членовъ въ Обществѣ было 10, дѣйствительныхъ 49, сотрудниковъ 17. Къ сожалѣнію, между этими членами встрѣчаются имена не имѣющія никакого «прикасательства» къ литературѣ.

Юбилей Ѳедора Григорьевича Солнцева. 24-го февраля исполнилось тридцать лѣтъ, какъ заслуженный профессоръ археологической живописи, Ѳедоръ Григорьевичъ Солнцевъ, принялъ попечительство и надзоръ за обучающимися въ Академіи Художествъ государственными крестьянами. Въ 12 часовъ дня, въ квартиру почтеннаго профессора собрались бывшіе его ученики поздравить своего попечителя-отца и руководителя съ 30-тилѣтнею годовщиною его служенія. Домашнее торжество началось поднесеніемъ профессору альбома съ фотографическими карточками, при чемъ, бывшій ученикъ его г. Котырло (нынѣ библіотекарь Академіи Художествъ) прочиталъ адресъ, написанный на пергаментѣ древнимъ стилемъ XIV вѣка. Затѣмъ, директоръ археологическаго института, г. Андріевскій, поздравляя заслуженнаго профессора съ торжественнымъ для него днемъ, передалъ ему бумагу объ избраніи его почетнымъ членомъ археологическаго института. Кромѣ того, профессоромъ были получены поздравительныя телеграмы отъ общества художниковъ и письма отъ многихъ учениковъ. Съ 1858 года, Ѳ. Г. явился попечителемъ, руководителемъ учениковъ-художниковъ изъ крестьянъ и за это время, двадцать два даровитыхъ художника изъ низшаго слоя русскаго народа, при томъ, изъ бѣдняковъ, выдвинуто непосредственными его заботами. Ѳ. Г. выбираетъ ежегодно изъ толпы крестьянъ, являющихся учиться въ академію, достойнѣйшихъ и способнѣйшихъ къ художествамъ; представляетъ ихъ къ выдачѣ имъ ежемѣсячной, въ размѣрѣ 25 рублей, стипендіи, представляетъ къ пособіямъ денежнымъ къ праздникамъ; иногда къ пособіямъ на заграничную поѣздку (такъ было, напр., по отношенію къ знаменитому нынѣ граверу на мѣди И. Н. Пожалостину). Ѳ. Г. Солнцевъ въ теченіе тридцати лѣтъ (съ 1858 по 1888 г.) несъ и продолжаетъ нести возложенное на него дѣло съ тою добросовѣстностью, съ какою служитъ этотъ маститый труженикъ русскому художеству въ теченіе почти семидесяти лѣтъ. Родился онъ въ 1801 году. Уже въ 1876 году исполнилось пятидесятилѣтіе художественно-археологической дѣятельности этого академика исторической живописи и археолога. Въ тотъ юбилей Солнцевъ получилъ отъ Академіи Художествъ званіе профессора, а отъ археологическаго Общества—большую золотую медаль. Прошло болѣе 60 лѣтъ со дня назначенія его академикомъ (27-го сентября 1836 года). 4-го ноября 1886 года, Академія Художествъ, въ день своего годичнаго

собранія, привѣтствовала своего старѣйшаго питомца съ беспримѣрнымъ, вообще, въ жизни художниковъ долголѣтнимъ и неутомимымъ служеніемъ на художественно-археологическомъ поприщѣ. Маститый 87-лѣтній юбиляръ, единственный живой представитель академическаго выпуска 1824 года, въ теченіе своей жизни изготовилъ больше 7,000 рисунковъ съ предметовъ древне-русскаго искусства и быта, изъ которыхъ издалъ въ свѣтъ только 700; большинство ихъ помѣщено въ «Древностяхъ Россійскаго государства»—роскошномъ изданіи, напечатанномъ въ краскахъ, на счетъ археологической комиссіи; издалъ рисунки ковчеговъ для храненія государственныхъ грамотъ въ Москвѣ и Петербургѣ (1852 г.), иллюстраціи книгъ для высочайшихъ особъ: 1) каноны Богоматери и ангелу хранителю съ 20 рисунками (1860—64), 2) избранные святые и чудотворная икона Богоматери съ 100 рисунками, въ 12-ти частяхъ (1860—62 г.), 3) праздники въ домѣ наслѣдника православнаго царя русскаго (1861—63), 4) жизнь Сергія Радонежскаго съ 30 рисунками (1862 г.), 5) служба св. Маріи Магдалинѣ съ 30 рисунками (1871 г.), рисунки складней для е. и. в. Маріи Ѳеодоровны (1866 г.), рисунки русскихъ святыхъ, молящихся за царя, поднесенные Александру II (1880 г.), рисунки образовъ и церковныхъ принадлежностей для разныхъ учрежденій, частныхъ лицъ и магазиновъ. Особенно много Ѳ. Г. потрудился для духовнаго вѣдомства: по порученію Сунода, онъ обозрѣвалъ древнюю стѣнную живопись въ новгородскомъ Знаменскомъ соборѣ (1842 г.), писалъ антиминсы, вѣнчики, украшенія къ разнымъ грамотамъ, сочинялъ прохиты для образовъ и иконостасовъ въ разныя церкви, приготовилъ лицевые святцы въ 12 листахъ, на основаніи рукописныхъ подлинниковъ XIV и XV столѣтій, наблюдалъ за живописными работами въ разныхъ церквахъ, сочинялъ рисунки для различной утвари въ древне-русскомъ стилѣ, для молитвенниковъ и церковныхъ книгъ и т. п. Въ 1858—1866 гг., подъ его наблюденіемъ было изготовлено болѣе 200 иконостасовъ для церквей западныхъ губерній. Въ 1830 г., онъ былъ командированъ съ художественно-археологическою цѣлью въ различныя мѣста имперіи и привезъ богатое собраніе чертежей и рисунковъ, знакомящихъ съ памятниками русской старины. Въ 1837 г., по конкурсу, избранъ въ завѣдующіе возобновленіемъ царскихъ тремовъ въ Москвѣ, и этотъ трудъ исполненъ по его рисункамъ; въ 1843 г., въ Кіевѣ, при реставраціи Успенскаго собора въ тамошней лаврѣ, открылъ знаменитые фрески и мозаику XI вѣка въ Софійскомъ соборѣ, надъ возобновленіемъ которыхъ трудился до 1853 г., посѣщая въ то же время разные города и монастыри, замѣчательные по остаткамъ древности, а въ зимніе мѣсяцы преподавалъ иконописаніе въ здѣшней духовной семинаріи (1844—1867 гг.). Рисунки Солнцевскіе хранились сперва въ Публичной Библіотекѣ, потомъ переданы въ московскую оружейную палату. Перечислить всѣ многотворные труды Ѳ. Г. нѣтъ возможности—ихъ слишкомъ много. По его почину у насъ стали заботиться объ археологической вѣрности въ передачѣ историческихъ памятниковъ, съ него начались у насъ новыя открытія въ области древне-руссскаго искусства; за нимъ остается та важная для мирной науки археологіи заслуга, что онъ первый сталъ работать у насъ въ этомъ направленіи и только благодаря ему сохранились многіе важные историческіе предметы. Больше 70 лѣтъ онъ съ большимъ успѣхомъ трудится надъ исполненіемъ рисунковъ съ памятниковъ древне-русскаго искусства, съ матеріаловъ бытовой исторіи русскаго народа, и въ этой области считается иниціаторомъ-родоначальникомъ. Онъ изготовилъ больше 5,000 такихъ, въ большинствѣ акварельныхъ, рисунковъ, изъ которыхъ большинство (3,000) хранится въ московской оружейной палатѣ. Ѳ. Г. Солнцевъ—сынъ крестьянина Ярославской губерніи, ученикомъ академіи (1817—1824 гг.) онъ, по заказу императрицы Маріи Ѳедоровны, дѣлалъ рисунки съ хранящихся въ Эрмитажѣ произведеній Рембрандта и Вандика; получилъ малую и большую золотыя медали за программы: «Кре-

стьянское семейство предъ обѣдомъ», «Спаситель съ фарисеями». По окончаніи курса академіи, въ 1824 году, предался изученію древностей, преимущественно, отечественныхъ. Въ 1876 году, Ѳ. Г. получилъ отъ академіи званіе профессора, отъ археологическаго Общества—большую золотую медаль и отъ покойнаго императора—денежную награду.

† 3-го февраля предсѣдатель ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ **Егоръ Андреевичъ Петерсонъ**. Покойный получилъ образованіе въ Лѣсномъ институтѣ, въ которомъ окончилъ курсъ еще въ 1828 г.; затѣмъ занималъ послѣдовательно должности директора бывшаго петербургскаго земледѣльческаго института, члена ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ и, наконецъ, съ 1873 года до самой смерти былъ предсѣдательствующимъ въ этомъ комитетѣ. Е. А. обладалъ обширною эрудиціею не только спеціальнаго, но и общаго характера; это былъ одинъ изъ людей, которымъ въ сферѣ умственной дѣятельности ничто не было чуждо. Литературная дѣятельность покойнаго была довольно скромная; имъ, однако, написано не мало спеціальныхъ статей, помѣщавшихся преимущественно въ журналѣ министерства государственныхъ имуществъ. Покойный Е. А. былъ большой библіофилъ и хорошій лингвистъ, а потому собралъ обширную библіотеку.

† 12-го февраля, скоропостижно артистъ императорскихъ театровъ и литераторъ **Александръ Трофимовичъ Трофимовъ**. Покойному было всего 44 года. Наканунѣ онъ участвовалъ на сценѣ Александринскаго театра въ гоголевскихъ «Игрокахъ» и былъ совершенно здоровъ. Настоящая фамилія Трофимова—Ивановъ. Окончивъ курсъ въ одной изъ петербургскихъ гимназій, онъ поступилъ на службу въ контору театровъ, гдѣ служилъ маленькимъ чиновникомъ въ театральной конторѣ при выдачѣ жалованья, т. е. при казначейскомъ отдѣленіи. Уже и тогда онъ обладалъ недюжиннымъ юморомъ, но и тогда, какъ и впослѣдствіи, совершенно невѣрно понималъ свое назначеніе. Ему хотѣлось писать трагедіи и играть высокодраматическія роли. Первая его драма: «Родитель» была осмѣяна въ тогдашнемъ маленькомъ театральномъ кружкѣ и его натолкнули на попытки писать небольшія сценки. Первая по времени написанная имъ сценка была «Честная компанія», которую тогда же, тотъ же кружокъ, поставилъ на домашнемъ спектаклѣ, заставивъ играть Трофимова роль дьячка, въ которой онъ и проявилъ свое комическое дарованіе. Трофимовъ началъ свою дѣятельность на сценѣ Лѣснаго театра, существовавшаго при клубѣ «о-ва вспоможенія частному служебному труду», играя драматическія роли не особенно удачно. Такъ онъ игралъ Курчаева въ «Испорченной жизни» и Сбоева въ «Подругѣ жизни». Затѣмъ онъ уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ. Артистическая его карьера всегда стояла ниже карьеры писателя. Въ числѣ его маленькихъ сценокъ есть замѣчательныя вещи, каковы: «На Пескахъ», «Честная компанія», «Первый чинъ», «Горемыки», «Ищейка» и др. Всѣ эти пьесы пользовались успѣхомъ на сценѣ. Въ послѣднее время Трофимовъ пробовалъ писать большія пьесы. Опыты оказались не вполнѣ удачны. Кромѣ пьесъ покойный написалъ много разсказовъ, нѣкоторые изъ нихъ печатались въ «Новомъ Времени». Покойный былъ любимъ товарищами, какъ остроумный, веселый собесѣдникъ.

† 23-го февраля, сотрудникъ многихъ столичныхъ журналовъ и газетъ **Владиміръ Николаевичъ Майновъ**. Онъ родился 26-го октября 1845 г. въ Петербургѣ. Воспитаніе получилъ въ Александровскомъ лицеѣ; по окончаніи курса, былъ чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ финансовъ. Отъ географическаго Общества покойный получилъ двѣ золотыя медали за свои прекрасныя изслѣдованія о бытѣ мордвы. Состоялъ преподавателемъ французскаго языка въ гельсингфорской гимназіи, а съ 1886 года преподавалъ французскій языкъ во 2 кадетскомъ корпусѣ.

† 23-го февраля, въ Петербургѣ, почти скоропостижно, проболѣвъ около сутокъ грудной жабой, сотрудница политическихъ изданій, **Настасья Васильевна Каирова**. Она была корреспондентомъ «Новаго Времени» во время сербской войны 1876 г., работала въ «Бирж. Вѣдомост.» и «Молвѣ», потомъ долгое время состояла корреспондентомъ съ Балканскаго полуострова, изъ Вѣны и изъ Берлина (во время константинопольской конференціи 1877 года, войны съ турками и Берлинскаго конгресса) въ «Голосѣ», гдѣ описала и свою поѣздку по Болгаріи послѣ русско-турецкой войны, а въ послѣднее время работала въ «Дѣлѣ» и «Русской Мысли» (по части обозрѣній нашей политики на Востокѣ) и переводила историческіе документы для «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества». Ея же статьи помѣщались и въ «Вѣстникѣ Европы». Литературная работа была ея единственнымъ средствомъ къ жизни и подорвала ея силы. Организмъ не выдержалъ перваго натиска серьезной и острой болѣзни. Покойная обладала безспорнымъ литературнымъ талантомъ и замѣчательною для женщины энергіей. Какъ корреспондентъ, она исполняла многотрудныя эти обязанности такъ честно и такъ талантливо, что не уступала въ этомъ лучшимъ корреспондентамъ-мужчинамъ. Въ качествѣ корреспондента, она изучила и наши отношенія на Востокѣ, изучила ихъ наглядно и по книгамъ, свободно читая и говоря на нѣсколькихъ языкахъ. Ей было всего 44 года.

† 25-го февраля, молодой писатель **Евстафій Савельевичъ Ѳедоровъ-Чмыховъ**. Литературная дѣятельность покойнаго началась въ Москвѣ еще въ пору студенчества. Родившійся въ 1861 г. въ Вильнѣ и получившій въ виленской гимназіи среднее образованіе, онъ высшее получилъ въ Московскомъ университетѣ, который окончилъ въ 1883 г. по юридическому факультету. Имъ помѣщенъ съ 1881 г. рядъ большихъ фельетоновъ, сценъ, разсказовъ и передовыхъ статей въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Будильникѣ», «Развлеченіи», «Стрекозѣ» и «Сынѣ Отечества». Въ послѣднее время года два онъ исключительно работалъ въ «Петербургскомъ Листкѣ». Одно время, въ 1884 г., онъ состоялъ негласнымъ редакторомъ журнала «Развлеченіе».

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Поправка къ „Семейной хроникѣ" г. Павлищева.

Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», Л. Н. Павлищевъ, въ своей «Семейной хроникѣ», на стр. 296, между прочимъ, коснулся отношеній Александра Сергѣевича Пушкина къ Н. В. Гоголю и при этомъ разсказываетъ эпизодъ, слышанный имъ отъ матери и отъ жены брата Александра Сергѣевича, о томъ, какимъ образомъ сюжетъ «Мертвыхъ душъ» заимствованъ Гоголемъ у Пушкина. Разсказъ этотъ не особенно лестно рисуетъ намъ личность Н. В. Гоголя и я, съ вѣдома и съ согласія родной его сестры, Анны Васильевны Гоголь, позволю себѣ нѣсколько подробнѣе остановиться на разсказѣ г. Павлищева и въ интересахъ правды возстановить свѣтлый образъ почившаго писателя.

Л. Н. Павлищевъ, между прочимъ, разсказываетъ: «Александръ Сергѣевичъ очень благоволилъ къ нему (Н. В. Гоголю), и только разъ, какъ передала моей матери Наталья Николаевна [1]), попенялъ ему, при появленіи

---

[1]) Жена брата Александра Сергѣевича Пушкина.

въ свѣтъ «Мертвыхъ душъ». Думая напечатать въ стихахъ правдивый разсказъ о скупавшемъ мертвыя души псковскомъ помѣщикѣ, Пушкинъ сообщилъ объ этомъ сюжетѣ Николаю Васильевичу въ разговорѣ; Николай Васильевичъ и предупредилъ его, создавъ Чичикова. «Хитрый, хитрый малороссъ,—говорилъ Пушкинъ женѣ,—перебилъ мнѣ поэму; впрочемъ, Богъ съ нимъ; хорошо сдѣлалъ: ни за что бы мнѣ не удалось такъ изобразить «Похожденія Чичикова», какъ онъ».

Въ 1837 году, умеръ А. С. Пушкинъ, первое же изданіе «Мертвыхъ душъ» Н. В. Гоголя вышло въ свѣтъ въ 1845 году. Г. Павлищевъ въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» оговариваетъ эту ошибку и объясняетъ, что Пушкинъ читалъ «Мертвыя души» въ рукописи.

Ошибка, сдѣланная г. Павлищевымъ въ февральской книжкѣ и оговоренная въ мартовской, даетъ намъ поводъ думать, что и въ передачѣ отзыва А. С. Пушкина о Н. В. Гоголѣ и о томъ, что хитрый малороссъ перебилъ у Пушкина поэму, г. Павлищевъ впалъ также въ ошибку, можетъ быть, и невольную, но которая крайне нежелательна, такъ какъ бросаетъ незаслуженную тѣнь на память Н. В. Гоголя, дорогую, какъ всѣмъ русскимъ, вообще, такъ и его роднымъ въ частности.

Въ этой ошибкѣ г. Павлищева мы убѣждаемся, читая слѣдущее мѣсто изъ авторской исповѣди Н. В. Гоголя: «Пушкинъ заставилъ меня взглянуть на дѣло серьезно. Онъ уже давно склонялъ меня приняться за большое сочиненіе и, наконецъ, одинъ разъ, послѣ того, какъ я ему прочелъ одно небольшое изображеніе небольшой сцены, но которое, однакожъ, поразило его больше всего мной прежде читаннаго, онъ мнѣ сказалъ: «какъ съ этой способностью угадывать человѣка и нѣсколькими чертами выставлять его вдругъ, какъ живого, — съ этой способностью не приняться за большое сочиненіе! Это, просто, грѣхъ»! Вслѣдъ за этимъ началъ онъ представлять мнѣ слабое мое сложеніе, мои недуги, которые могутъ прекратить мою жизнь рано, привелъ мнѣ въ примѣръ Сервантеса, который хотя и написалъ нѣсколько очень замѣчательныхъ и хорошихъ повѣстей, но еслибы не принялся за «Донкишота», никогда бы не занялъ того мѣста, которое занимаетъ теперь между писателями, и, въ заключеніе всего, отдалъ мнѣ свой собственный сюжетъ, изъ котораго онъ хотѣлъ сдѣлать самъ что-то въ родѣ поэмы, и котораго, по словамъ его, онъ бы не отдалъ другому никому. Это былъ сюжетъ «Мертвыхъ душъ» (мысль «Ревизора» принадлежитъ также ему). Пушкинъ находилъ, что сюжетъ «Мертвыхъ душъ» хорошъ для меня тѣмъ, что даетъ полную свободу изъѣздить вмѣстѣ съ героемъ всю Россію и вывести множество самыхъ разнообразныхъ характеровъ».

Такимъ образомъ, г. Павлищевъ, со словъ матери своей, которой передала жена брата А. С. Пушкина, разсказываетъ, что будто бы А. С. Пушкинъ былъ недоволенъ Гоголемъ, который, познакомившись изъ случайнаго разговора съ сюжетомъ «Мертвыхъ душъ» предупредилъ Пушкина, создавъ «Похожденіе Чичикова» и перебилъ у него сюжетъ поэмы. Гоголь же, въ своей исповѣди, открыто заявляетъ, что Пушкинъ самъ отдалъ ему свой собственный сюжетъ «Мертвыхъ душъ». Сомнѣваться въ искренности и правдивости словъ Н. В. Гоголя нѣтъ никакого основанія, такъ какъ вся исповѣдь проникнута искреннимъ, христіанскимъ смиреніемъ. Говорилъ ли вышеупомянутыя слова А. С. Пушкинъ своей женѣ или нѣтъ — не знаемъ, но,

очевидно, что сюжетъ «Мертвыхъ душъ» не похищенъ Н. В. Гоголемъ у А. С. Пушкина, а добровольно отданъ этимъ послѣднимъ Николаю Васильевичу. Въ оговоркѣ своей, въ мартовской книжкѣ, г. Павлищевъ утверждаетъ, что авторъ «Мертвыхъ душъ» читалъ свое произведеніе Александру Сергѣевичу въ рукописи. Этотъ фактъ, если считать его справедливымъ, говоритъ, что сюжетъ «Мертвыхъ душъ» былъ обработанъ Н. В. Гоголемъ съ вѣдома А. С. Пушкина, слѣдовательно, также опровергаетъ мысль, проведенную въ разсказѣ г. Павлищева, о заимствованіи сюжета безъ согласія А. С. Пушкина.

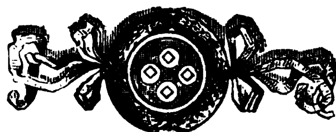
Д. Бородинъ.

II.

Къ воспоминаніямъ г-жи Яковлевой.

Бывшая камеръ-юнгфера г-жа Яковлева, печатающая свои воспоминанія въ «Историческомъ Вѣстникѣ», разсказываетъ, между прочимъ (см. февральскую книжку, стр. 395), будто, однажды, въ Петергофѣ, императрица Александра Θеодоровна предложила своимъ фрейлинамъ состязаніе, а именно, взбѣжать на гору, по уступамъ коей струится вода, направляющаяся къ фонтану Самсона. «Графиня Тизенгаузенъ, говоритъ г-жа Яковлева, первая достигла вершины горы, но при этомъ упала и повредила себѣ бокъ».

Графиня Е. Θ. Тизенгаузенъ проситъ насъ заявить, что сообщеніе это не вѣрно, что никогда императрица Александра Θеодоровна съ подобными предложеніями къ своимъ фрейлинамъ не обращалась.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ И КНИЖНОЕ ДѢЛО ВЪ РОССІИ ВЪ 1887 ГОДУ.

I.

Періодическая печать.

Ъ НАСТОЯЩЕЙ статьѣ, подобно тому, какъ это было сдѣлано нами въ прошломъ году [1]), мы дадимъ перечень только тѣхъ новыхъ періодическихъ изданій, которыя разрѣшены въ 1887 году и коснемся прежнихъ лишь въ томъ случаѣ, когда въ нихъ произошли какія-либо перемѣны.

Всѣхъ вновь разрѣшенныхъ въ 1887 году періодическихъ изданій было 35; изъ нихъ на языкахъ: русскомъ—28; русскомъ, нѣмецкомъ и латышскомъ — 1; на нѣмецкомъ—3; польскомъ—1; эстонскомъ—1 и грузинскомъ—1; по программамъ: литературныхъ и политическихъ — 8, педагогическихъ, медицинскихъ, музыкальныхъ и другихъ спеціальныхъ — 16, духовныхъ—5, дѣтскихъ — 1 и справочныхъ — 5; изъ общаго числа всѣхъ журналовъ—5 иллюстрированныхъ. По времени выхода, всѣ вновь разрѣшенныя изданія распредѣляются такъ: ежедневныхъ—6, выходящихъ нѣсколько разъ въ недѣлю—1, еженедѣльныхъ—13, выходящихъ отъ 2—3 разъ въ мѣсяцъ—6, ежемѣсячныхъ—5 и выходящихъ неопредѣленно—4; въ числѣ послѣднихъ одно изданіе («Екатеринославскій Юбилейный Листокъ») выходило только временно, а изъ числа разрѣшенныхъ одно изданіе («Солнце») совершенно не состоялось. Новые журналы должны были издаваться: подъ цензурою—32 и безъ предварительной цензуры—3 и, наконецъ, выходить: въ Петербургѣ—14, въ Москвѣ—4 и въ провинціальныхъ городахъ—17. Редакторами изданій состояли: привилегированнаго сословія—32 лица, мѣщанъ—1 и иностранцевъ—2, а издателями: привилегированныхъ лицъ—30, купцовъ—2, мѣщанъ — 1 и иностранцевъ—2.

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ» 1887 годъ, т. XXVII, стр. 723.

Что же касается изданій прежнихъ, то въ отношеніи ихъ можно отмѣтить слѣдующіе факты, происшедшіе въ теченіе 1887 года: измѣнившихъ первоначальное свое названіе было—5 изданій, расширившихъ или измѣнившихъ свою програму—11, перемѣнились редакторы или издатели въ 33-хъ изданіяхъ, объявлены окончательно прекратившимися — 18, измѣнили сроки выхода—8, измѣнили подписную цѣну—17, получили право издавать особыя приложенія или давать преміи—6, изъ безцензурныхъ стали издаваться съ предварительною цензурою—1, перемѣнили мѣсто изданія — 3; изъ этихъ послѣднихъ 2 перешли изъ провинцій въ Петербургъ, а одно — въ провинцію. Въ теченіе минувшаго года главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати было дано періодическимъ изданіямъ предостереженій и разныхъ видовъ запрещеній—8 и снято запрещеній — 5. Ниже слѣдуютъ болѣе подробныя свѣдѣнія для приведенныхъ статистическихъ данныхъ.

I. Изданія вновь разрѣшенныя въ 1887 году:

«Бакинскій Торгово-промышленный Листокъ». Газета спеціально-промышленная, подцензурная, выходитъ ежедневно, въ г. Баку; во время ярмарки выдаются особыя приложенія; редакторъ и издатель надв. совѣт. Василій Васильевичъ Неручевъ.

«Баянъ». Музыкальный журналъ, подцензурный, выходитъ еженедѣльно, въ С.-Петербургѣ; редакторъ и издатель кол. секр. Александръ Адріановичъ Астафьевъ.

«Gazeta Informacyjna». Справочная медицинская газета, подцензурная, выходитъ ежедневно, въ г. Варшавѣ; редакторъ и издатель Юліанъ Бернардовичъ Гурановскій.

«Горнозаводскій Листокъ». Спеціальный журналъ горнаго дѣла, подцензурный, выходитъ два раза въ мѣсяцъ, въ г. Харьковѣ; редакторъ и издатель кол. ас. Сергѣй Николаевичъ Сучковъ.

«Гражданинъ». Газета литературно-политическая, безцензурная, выходитъ ежедневно, въ С.-Петербургѣ; редакторъ и издатель кн. Владиміръ Петровичъ Мещерскій. Собственно это не новое изданіе, такъ какъ газета «Гражданинъ» выходила и ранѣе, но только еженедѣльно.

«Dünazeitung». Газета политическая, общественная и литературная, подцензурная, выходитъ ежедневно, въ г. Ригѣ; редакторы и издатели: учитель гимназіи Густавъ Пнирсъ и мѣщанинъ Иванъ Корфъ.

«Екатеринославскій Юбилейный Листокъ». Газета, посвященная памяти празднованія столѣтія города Екатеринославля, подцензурная. Выходъ этого изданія былъ разрѣшенъ на срокъ съ 1-го апрѣля по 1-е іюня отъ 3—6 разъ въ недѣлю, въ г. Екатеринославлѣ, подъ редакціей городского головы.

«Земскій Врачъ». Газета спеціально-медицинская, подцензурная, выходитъ еженедѣльно, въ г. Черниговѣ; редакторъ и издатель д-ръ медицины Евгеній Владиміровичъ Святловскій.

«Коннозаводство и Коневодство». Журналъ спеціальный, подцензурный, выходитъ еженедѣльно, въ Москвѣ; редакторъ и издатель дѣйст. ст. сов. Сергѣй Павловичъ Яковлевъ.

«Крымъ». Журналъ литературно-музыкальный, подцензурный, выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ, въ Севастополѣ; редакторъ и издатель директоръ мѣстной музыкальной школы Юліанъ Норбертовичъ Крейгманъ.

«Крымскій Вѣстникъ». Газета политическая и литературная, подцензурная, выходитъ ежедневно, въ г. Севастополѣ; редакторъ и издатель кол. ас. Николай Лукьяновичъ Пшерадскій.

«Linda». Журналъ литературно-воспитательный, иллюстрированный, на эстонскомъ языкѣ, подцензурный, выходитъ ежемѣсячно, въ г. Феллинѣ; издательница учительница Каролина Зубургъ, редакторъ кандидатъ богословія Гуго Траффнеръ.

«Листокъ Спорта». Газета справочная, подцерзурная, выходитъ въ дни бѣговъ и скачекъ, въ Москвѣ; редакторъ и издатель, корреспондентъ государ. коннозавод., кн. Сергѣй Петровичъ Урусовъ.

«Лифляндскій Листокъ Объявленій». Газета справочная, съ литературнымъ отдѣломъ, подцензурная, на русскомъ, нѣмецкомъ и литовскомъ языкахъ, выходитъ еженедѣльно, въ г. Ригѣ; редакторъ и издатель губер. секр. Артюръ фонъ-Гротіусъ.

«Мэурнэ» (Сельское-Хозяйство). Газета спеціально-сельско-хозяйственная, иллюстрированная, на грузинскомъ языкѣ, подцензурная, выходитъ еженедѣльно, выдаетъ художественныя преміи, издается въ г. Тифлисѣ; редакторъ и издатель дворянинъ Василій Александровичъ Сулхановъ.

«Наставленіе и утѣшеніе св. вѣры христіанской». Газета духовная, подцензурная, выходитъ неопредѣленно, въ г. Орлѣ; редакторъ ректоръ и инспекторъ духовной семинаріи Василій Анисимовъ.

«Nimm und lies». Сборникъ духовный, подцензурный, выходитъ выпусками около 60-ти въ годъ, въ г. Саратовѣ; редакторъ и издатель пасторъ Гуго Гюнтеръ.

«Охотникъ». Журналъ охоты, иллюстрированный, подцензурный, выходитъ еженедѣльно, въ Москвѣ; редакторъ и издатель ангальтъ-дессаускій подданный Морицъ Ив. Нейбюргеръ.

«Охотничья Газета». Газета литературная и спеціальная, подцензурная, выходитъ еженедѣльно, въ Москвѣ; редакторъ и издатель Леонидъ Павловичъ Сабанѣевъ. Изданіе этой газеты начинается съ 1888 года.

«Оффиціальная катировка Московской биржи». Газета спеціально-торговая, безцензурная, выходитъ въ биржевые дни, въ Москвѣ; редакторъ и издатель гофъ-маклеръ Антонъ Николаевичъ Алафузовъ.

«Пантеонъ Литературы». Журналъ литературный, подцензурный, выходитъ ежемѣсячно, въ Спб.; редакторъ и издатель ст. сов. Александръ Николаевичъ Чудиновъ.

«Pepifax-humoristische Mappe». Журналъ юмористическій, иллюстрированный, подцензурный, выходитъ еженедѣльно, въ Спб.; редакторъ и издатель германскій подданный Бертольдъ Адольфовичъ Гуттманъ.

«Почаевскій Листокъ». Журналъ духовный, подцензурный, выходитъ еженедѣльно, въ г. Кіевѣ; редакторы іеромонахи Христофоръ и Софроній.

«Правда». Журналъ политическій и литературный, подцензурный, выходитъ еженедѣльно, въ Спб.; редакторъ и издатель дворянинъ Михаилъ Михайловичъ Кояловичъ.

«Русскій». Газета литературно-политическая, подцензурная, выходитъ ежедневно, въ Спб.; редакторъ и издатель кн. Владиміръ Петровичъ Мещерскій.

«Русскій Лѣсопромышленникъ». Газета спеціальная, подцензурная, выходитъ еженедѣльно, въ г. Кіевѣ; издатель 2-й гильдіи купецъ Казиміръ Ивановичъ Маерскій, редакторъ мѣщанинъ Станиславъ Ивановичъ Маерскій.

«Русскій Винодѣлъ». Журналъ спеціальный, подцензурный, выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ, въ Спб.; редакторъ и издатель лаборантъ 2-го Спб. реальнаго училища Александръ Альмедингенъ.

«Солнце». Журналъ литературный, иллюстрированный, подцензурный, выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ, въ Спб.; редакторъ и издательница дворянка Марья Михайловна Уварова. Изданіе этого журнала не состоялось.

«Справочная книжка по общей физикѣ А. А. Ильина». Журналъ спеціальный, подцензурный, выходитъ ежемѣсячно, въ Спб.; редакторъ и издатель Аркадій Александровичъ Ильинъ.

«Счетоводство». Журналъ спеціальный, подцензурный, выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ, въ Спб.; редакторъ и издатель учитель бухгалтеріи Адольфъ Марковичъ Вольфъ.

«Фотографическій Вѣстникъ». Журналъ спеціально посвященный фотографическому дѣлу, подцензурный, выходитъ въ Спб.; издатель 2-й гильдіи купецъ Бруно Ѳедоровичъ Зенгеръ, редакторъ-врачъ Павелъ Матвѣевичъ Ольхинъ.

«Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости». Газета духовная, подцензурная, выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ, въ г. Харьковѣ. Изданіе этой газеты должно начинаться съ 1888 года.

«Церковныя Вѣдомости, издаваемыя при Святѣйшемъ Сунодѣ». Журналъ духовно-богословскаго содержанія, подцензурный, выходитъ еженедѣльно, въ Спб.; редакторъ протоіерей Петръ Смирновъ. Изданіе этого журнала началось съ 1888 года.

«Церковно-приходская Школа». Журналъ спеціально педагогическій, подцензурный, выходитъ ежемѣсячно, въ Кіевѣ; редакторы: бывшій инспекторъ духовной семинаріи Павелъ Игнатовичъ и преподаватели—Павелъ Петрушевскій и Георгій Булашевъ.

«Читальня Народной Школы». Журналъ дѣтскій, для учениковъ народной школы, подцензурный, выходитъ еженедѣльно, въ Спб.; издательница жена ст. сов. Екатерина Алексѣевна Сысоева и соредакторъ штабсъ-капитанъ Алексѣй Альмедингенъ.

II. Измѣнили названія слѣдующія изданія:

«Еженедѣльное Обозрѣніе»—въ «День»;—«День»—«Еженедѣльное Обозрѣніе литературы, науки и искусства»; «Писчая бумага и ея потребленіе»—«Графическія искусства и бумажная промышленность»; «Родина» — первый листъ подъ заглавіемъ — «Родина, иллюстрированный еженедѣльный литературный журналъ для семейнаго чтенія», а второй листъ — «Родина, еженедѣльная политическая, общественная и литературная газета»; «Сборникъ распоряженій по главному управленію почтъ и телеграфовъ»—въ «Почтово-Телеграфный журналъ» и «Сотрудникъ Народа» — «Сотрудникъ Народа, общедоступное научно-литературное изданіе».

III. Изданія, объявленныя окончательно прекратившимися:

«Библіотека для Чтенія», «Волна», «Востокъ», «Всеобщая Газета», «Ежегодникъ, газета объявленій», «Еженедѣльный обзоръ» (приложеніе къ журналу «Прогрессивное Сельское хозяйство»), «Изящная Литература», «Казачій Вѣстникъ», «Медицинская Библіотека», «Межевой Вѣстникъ», «Московская Лѣтопись», «Нева», «Our childrin», «Прогрессивное Сельское хозяйство», «Романистъ», «Revue mensuelle d'entomologie», «Сборникъ видовъ, памятниковъ, типовъ Россіи и копій картинъ и портретовъ русской исторіи», «Суфлеръ, газета театральная, литературная и художественная», «Тарифы и фрахты».

IV. Утверждены новыя лица издателями или редакторами:

а) Издателями: жур. «Wędrowiec» — и редакт. магистръ естеств. наукъ Вацлавъ Голевинскій; газ. «Гамелецъ»—потом. поч. граж. Александръ Цедербаумъ; газ. «Gazeta Lubelska» — Болеславъ Осиповичъ Друэ- жур. «Дѣтскій Отдыхъ» — вдова кол. секр. Елена Владиміровна Саран- а и купеч. дочь Евгенія Викторовна Напалкова; газ. «Еженедѣль

ное Обозрѣніе» съ приложеніемъ жур. «День» — кол. секр. Александръ Адольфовичъ Греве; жур. «Другъ Дѣтей» — Евгеній и Михаилъ Вернеръ; жур. «Дѣтское Чтеніе» — кол. асес. Сигизмундъ Флорентьевичъ Ядовскій; жур. «Дѣло»—вдова штабсъ-кап. Наталья Ив. Дурново; газ. «Dorpater Annomenblatt» — Карлъ Лаакманъ; «Eesti Postimees chr Naddaaleht» — кандидатъ богослов. Гуго Треффнеръ; жур. «Zorka» — и редакт. Максимиліанъ Станиславовичъ Мильгуй; жур. «Земледѣліе» (въ аренду) — куп. Степанъ Васильевичъ Кульженко; газ. «Каспій»—учитель Владиміръ Павловичъ Личкусъ-Хомутовъ; жур. «Kronika lekarska» — врачъ Константинъ Феликсовичъ Серпинскій; газ. «Kurjer Warszawski»—двор. Вацлавъ Шимановскій и губер. секр. Антонъ Петкевичъ; газ. «Kurjer Codzienny»—книгопр. Густавъ Губетнеръ и Робертъ Вольфъ; жур. «Mahjas Weesis» — докт. философіи Арнольдъ Платесъ; жур. «Новѣйшія моды мужскихъ платьевъ»—Іоанна Пеливаро; жур. «Nordische Rundschau»—д-ръ Георгій Эдуардовичъ Фонъ-Фалькъ; газ. «Новое Обозрѣніе»—кн. Захарій Ревазовичъ Тумановъ; жур. «Писчая бумага и ея потребленіе»—Спб. куп. 1-й гильдіи Исидоръ Гольдбергъ; газ. «Rigaer Tageblatt и Feurwehr-Nachrichten»—Вильгельмъ Шефферсъ; газ. «Самарскій Справочный Листокъ» — двор. Иванъ Петровичъ Новиковъ; газ. «Сибирская Газета»—потом. почет. гражд. Петръ Иван. Макушинъ; газ. «Сибирскій Вѣстникъ» — жена дѣйствит. студ. Марья Ѳедор. Картамышева; газ. «Театръ»—артистъ Александръ Ефимовичъ Небіеридзе; газ. «Тифлисскій Листокъ»—лич. почет. гражд. Христофоръ Григор. Хачатуровъ; б) Редакторами: жур. «Дѣтское Чтеніе»—дѣйс. ст. сов. Дмитрій Дмитр. Семеновъ; жур. «Земледѣліе»—приватъ-доц. Сергѣй Мих. Богдановъ; «Вокругъ Свѣта» — (временно) Евгеній Вернеръ; «Gazeta Świąteczna» — Конрадъ Прушинскій; газ. «Głos» — дѣйст. студ. Осипъ Александровичъ Потоцкій; газ. «Dorpater Annoncenblatt» — Лаакманъ; жур. «Ежегодникъ Спб. Лѣснаго Института» — проф. д. с. с. Петръ Николаевичъ Вереха и Шафрановъ; газ. «Eesti Postimees» — канд. богосл. Гуго Треффнеръ; жур. «Живописное Обозрѣніе» — (временно) .Сергѣй Емельянов. Добродѣевъ; жур. «Записки Импер. Рус. Техническаго Общ. и сводъ привилегій, выдаваемыхъ по д-ту Торговли и Мануфактуръ»—ст. сов. Вячеславъ Измайловичъ Срезневскій; «Извѣстія Спб. Славянскаго благотворительнаго Общества»—профес. Спб. унив. д. с. с. Владиміръ Ив. Ламанскій; жур. «Извѣстія Спб. Городской Думы» — кол. ас. Инокентій Дмитр. Зубаревъ; жур. «Извѣстія Собранія Инженеровъ Путей сообщенія»—инжен. кол. сов. Аркадій Илларіоновичъ Звягинцевъ; «Костромскія Епархіальныя Вѣдомости»—архим. Сергій; газ. «Kurjer Warszawski»—дѣйст. студ. Францъ Станислав. Ольшевскій; жур. «Лѣтописи Хирургическаго Общ. въ Москвѣ»—д-ръ медиц. Павелъ Тимоѳеев. Склифасовскій; «Лѣсной Журналъ»—тит. сов. Владиміръ Андреевичъ Тихоновъ; газ. «Минскій Листокъ» — двор. Иванъ Петров. Фотинскій; жур. «Новгородскій Вѣстникъ пароходства и промышленности»—двор. Яковъ Яковл. Лазаревъ (вторымъ редакт.); газ. «Новое Обозрѣніе»—отстав. капит. Михаилъ Алексѣев. Успенскій; жур. «Niwa» — магистръ правъ Станиславъ Ксаверьевичъ Островскій; газ. «Псковскій Городской Листокъ»—надв. сов. Дмитрій Николаев. Лазаревъ; жур. «Развлеченіе» — (временно) Ив. Морозовъ; жур. «Русскій Вѣстникъ» — кн. Дмитрій Николаев. Цертелевъ (это утвержденіе состоялось 6-го октября 1887 г., нынѣ ред. Ѳедоръ Никол. Бергъ); жур. «St. Petersburger Medicinische Vochenschrift»—д-ръ медиц. Ѳедоръ Юліевичъ Шредеръ; газ. «Slowo»—магистръ правъ Мечиславъ Годлевскій; «Судебная Газета» — архитект. Фердинандъ Викентьевичъ де-Веки; газ. «Сынъ Отечества» — (временно) кол. сов. Михаилъ Архиповичъ Куплетскій; газ. «Тифлисскій Листокъ» — подпор. Кон-

стантинъ Николаев. Бѣгичевъ; жур. «Юная Россія» — жена стат. сов. Екатерина Алексѣевна Сысоева и штабсъ-кап. Алексѣй Николаев. Альмедингенъ; газ. «Jüdisches Volksblatt» — д-ръ Левъ Канторъ; газ. «Ялтинскій Справочный Листокъ» — купеч. сынъ Веніаминъ Залкиндъ.

V. Въ теченіе 1887 года послѣдовали относительно періодическихъ изданій слѣдующія распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ: пріостановлено изд. газеты «Русское Дѣло» на 8 мѣс. за нарушеніе въ № 9 распоряженія, объявленнаго безцензурнымъ изданіямъ; пріостановлено на 8 мѣс. изд. «Газеты А. Гатцука»; тоже «Сибирской Газеты»; воспрещена розничная продажа №№ газетъ: «Русскій Курьеръ», «Минута», «Сынъ Отечества» и журнала «Пчелка»; пріостановлено на мѣсяцъ изданіе газеты «Биржевыя Вѣдомости» за нарушеніе въ № 155 распоряженій, объявленныхъ безцензурнымъ изд., но распоряженіе это было отмѣнено черезъ 18-ть дней. Запрещеніе розничной продажи снято было съ газеты «Современныя Извѣстія»—черезъ мѣсяцъ и 10 дней; съ газеты «Русскія Вѣдомости»—черезъ 4 мѣсяца, по запрещенію послѣдовавшему въ 1886 году, а затѣмъ этой газетѣ дано было новое запрещеніе, которое продолжалось три мѣсяца.

Отмѣтимъ еще слѣдующія перемѣны: 1) «Газета А. Гатцука», съ 26 февраля 1887 г. стала выходить съ предварительной цензурой; 2) нѣсколько измѣнена и расширена программа: жур. «Физико-математическія науки въ ихъ настоящемъ и прошедшемъ», газ. «Рижскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», жур. «Русскій Винодѣлъ», «Экономическаго журнала», газ. «Смоленскій Вѣстникъ», газ. «Московская Биржа», газ. «Кіевское Слово», добавленіемъ судебнаго отдѣла и жур. «Лучъ», добавленіемъ отдѣла модъ, рукодѣлья, нотъ, игръ и полезныхъ занятій; 3) Разрѣшено выдавать приложенія: къ жур. «Лучъ»—олеограф. картины, къ газ. «Родина»—тоже, къ газ. «Гражданинъ»—особое изд. «Романы и Повѣсти» и къ газ. «Баянъ»—ноты; 4) разрѣшено помѣщать рисунки въ журналахъ: «Колосья» и «Русскій Спортъ»; 5) изданіе газеты «Восточное Обозрѣніе» переведено изъ Спб. въ г. Иркутскъ, духовнаго жур. «Благовѣстъ» изъ г. Харькова въ Спб. и жур. на армянскомъ яз. «Манкаваржанацъ» (Учительская школа) изъ г. Тифлиса въ Спб.; 6) измѣнили сроки выхода слѣдующія изданія: газ. «День» (бывш. «Еженедѣльное Обозрѣніе») вмѣсто одного—3 раза въ недѣлю, газ. «Kindja» — одинъ разъ въ мѣс. вмѣсто 4-хъ, газ. «Tellus» вмѣсто ежемѣсячн.—еженедѣльно, газ. «Цискари» (Заря) вмѣсто 2-хъ—одинъ разъ въ недѣлю, жур. «Воскресный День» вмѣсто 2-хъ разъ въ мѣс.—еженедѣльно, жур. «Русское Судоходство» вмѣсто 1-го раза въ мѣсяцъ—4, жур. «Русскій Спортъ» вмѣсто 2-хъ разъ въ мѣс.—еженедѣльно, газ. «Волынь» вмѣсто 3-хъ разъ въ недѣлю—ежедневно, жур. «Книжный Вѣстникъ» вмѣсто 2-хъ разъ въ мѣс.—1 и газ. «Екатеринбургская Недѣля» былъ увеличенъ выпускъ только на время выставки и 7) измѣнили стоимость подписки 16 изданій.

II.

Книжное дѣло.

Приведенныя ниже цифровыя данныя книжнаго дѣла въ Россіи, относящіяся къ прошлому 1887 году, едва ли не представляютъ собою перваго опыта въ этомъ отношеніи, а потому и требуютъ небольшого предварительнаго объясненія. Полагая и на будущее время дѣлать такіе же выводы, мы думаемъ, что дадимъ этимъ матеріалъ, на основаніи котораго, впослѣдствіи, можно будетъ сдѣлать весьма интересные выводы. Не намѣчая этихъ выводовъ заранѣе и находя ихъ возможными только въ будущемъ, мы считаемъ нужнымъ замѣтить теперь же, что наши данныя почти близки къ дѣйствитель-

ности. Говоримъ такъ утвердительно потому, что въ источникѣ, который служилъ намъ основаніемъ для настоящей замѣтки, мы не встрѣчали свѣдѣній о количествѣ выпущенныхъ экземпляровъ лишь въ отношеніи нѣкоторыхъ оффиціальныхъ и полуоффиціальныхъ изданій (какъ наприм. отчетовъ) и, за весьма, впрочемъ, рѣдкими исключеніями, по изданіямъ частнымъ; въ послѣднемъ случаѣ такой недочетъ преимущественно касается сочиненій богословскаго содержанія и медицинскихъ, въ числѣ которыхъ нѣтъ указаній только о количествѣ экземпляровъ отчетовъ засѣданій разныхъ медицинскихъ обществъ. Кромѣ того, не лишнимъ будетъ пояснить, во 1-хъ, что принятая здѣсь классификація сочиненій представляетъ лишь незначительное отступленіе отъ классификаціи существующей въ книжныхъ каталогахъ; во 2-хъ, что подъ рубрику «лубочныхъ» отнесены нами исключительно изданія московскаго никольскаго книжнаго рынка книгопродавческихъ фирмъ Сытина, О. Лузиной, Манухина и другихъ, при чемъ имѣлись въ виду такого рода сочиненія, какъ наприм., «Битва русскихъ съ Кабардинцами» и имъ подобныя, и, наконецъ, что къ отдѣлу беллетристическихъ сочиненій, строго говоря, должны также относиться разнаго рода разсказы и повѣсти для дѣтей, но мы показали ихъ въ отдѣлѣ «дѣтскихъ книгъ» для того, чтобы имѣть возможность составить понятіе о степени развитія и потребности у насъ этого рода литературы.

Всѣхъ вообще сочиненій изданныхъ въ Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, въ 1887 году было 7,366, сочиненія эти вышли въ количествѣ 24.403,242 экземпляровъ. Для полученія болѣе точной цифры можно прибавить отъ 20—40 тысячъ экземпляровъ, которыя совершенно восполнятъ тотъ недочетъ, о которомъ мы упомянули выше. Изъ общаго числа изданныхъ сочиненій было: на русскомъ языкѣ—5,442, въ количествѣ 18.540,390 экземпляровъ и на иностранныхъ и инородческихъ языкахъ—1,924, въ количествѣ 5.862,852 экземпляровъ. Послѣднія сочиненія по языкамъ, на которыхъ они были отпечатаны, въ нисходящемъ порядкѣ, распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Число соч.	Кол. экземп.		Число соч.	Кол. экземп.
На польскомъ яз. ..	628	1.533,837	На гольдскомъ яз. .	5	?
» нѣмецкомъ.....	297	494,125	» алтайскомъ	4	?
» еврейскомъ	295	874,300	» мордовскомъ ...	3	?
» эстонскомъ.....	222	1.121,510	» персидскомъ ...	2	11,400
» латышскомъ ...	184	885,175	» финскомъ......	2	11,000
» грузинскомъ ...	61	60,885	» якутскомъ	2	?
» французскомъ..	54	87,686	» киргизскомъ ...	2	?
» армянскомъ....	50	88,600	» вотяцкомъ.....	2	?
» арабскомъ	37	470,500	» калмыцкомъ ...	1	2,040
» татарскомъ	36	206,640	» жмудскомъ	1	600
» латин., русск. и польск.	9	5,230	» турецкомъ.....	1	1,200
» чувашскомъ ...	9	?	» греческомъ	1	1,000
» латинскомъ	8	5,584	» литовскомъ	1	1,040
» черемисскомъ ..	6	?	» итал. и рус.....	1	500

Изъ этихъ данныхъ видно, что наибольшее число сочиненій и экземпляровъ принадлежатъ первымъ пяти языкамъ, при чемъ на эстонскомъ и латышскомъ языкахъ первенствуютъ проповѣди и вообще сочиненія духовнаго содержанія; еще достойно замѣчанія и то обстоятельство, что въ общей массѣ издаваемыхъ у насъ сочиненій на иностранныхъ и инородческихъ языкахъ почти не встрѣчается переводовъ русскихъ авторовъ.

Обращаясь затѣмъ къ сочиненіямъ изданнымъ на русскомъ языкѣ и распредѣляя ихъ по содержанію, также въ нисходящемъ порядкѣ, приходимъ къ слѣдующему выводу:

	Число соч.	Кол. экземп.		Число соч.	Кол. экземп.
Беллетристическ. .	782	3.242.615	Математическ.	119	155,289
Духовно-богосл. . .	697	2.703,482	Разн. брошюры . . .	115	106,868
Справочныхъ.	687	3.253,546	Географ. и путеш.	107	84,179
Учебниковъ	512	3.622,181	Дѣтскія	105	345,379
Медицинскихъ	453	414,331	Юридическія	104	92,564
Историческихъ . . .	364	372,358	Педагогическія . . .	83	118,675
Лубочныхъ изд. . .	190	1.689,400	Естествознаніе . . .	69	42,159
Технологія	182	143,965	Полит. и общ. вопр.	50	51,402
Словесность	175	177,878	Философскія	35	31,603
Сельское хозяйст. .	153	160,600	Исторія искус. . . .	22	14,780
Политич. эконом. .	147	136,699	Счетоводство	22	39,222
Народ. изданія . . .	146	1.360,300			
Военное дѣло	123	180,915	Всего	5,442	18.540,390

При распредѣленіи же означенныхъ сочиненій по количеству выпущенныхъ экземпляровъ, которымъ отчасти можетъ быть опредѣленъ спросъ на книгу, приведенный выше порядокъ значительно измѣняется; такъ на первое мѣсто становятся книги учебныя, а затѣмъ будутъ слѣдовать изданія: справочнаго характера; романы, повѣсти и другія беллетристическія произведенія; духовно-богословскія; лубочныя; народныя медицинскія, историческія, дѣтскія, военное дѣло, словесность, сельское хозяйство, математическ., технологія, политическая экономія, педагогическія, разн. брошюры, юридическія, георафія и путешествія, политическ. и общественные вопросы, естествознаніе, счетоводство, философскія и, наконецъ, по исторіи искусства. Но основывать какіе-либо положительные выводы на данныхъ одного года было бы ошибочно, а потому мы и не будемъ пока касаться этого предмета.

Сдѣлаемъ еще нѣсколько указаній, которыя будутъ служить не лишнимъ дополненіемъ къ приведеннымъ выше цифрамъ. Разсматривая книжное дѣло въ Россіи за минувшій годъ, нельзя пройти молчаніемъ и не отмѣтить такой важный фактъ, какъ истеченіе срока правъ литературной собственности на произведенія нашего великаго писателя А. С. Пушкина. До этого времени, т. е. до 29 января 1887 года, сочиненія Пушкина, если не составляли библіографической рѣдкости, то ихъ было настолько мало, что по своей цѣнѣ они были недоступны для массы. Между тѣмъ, общественная потребность имѣть эти сочиненія была очень значительная, о чемъ убѣдительнѣе всего свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія данныя о количествѣ выпущенныхъ въ продажу экземпляровъ разныхъ сочиненій Пушкина, т. е. какъ въ полномъ ихъ объемѣ, такъ и отдѣльныхъ произведеній. Вотъ эти данныя, распредѣленныя по мѣсячно:

Мѣсяцы.	Наименов.	Количество экземпл.	Мѣсяцы.	Наименов.	Количество экземпл.
Въ январѣ	19	122,500	Въ іюлѣ	11	150,175
» февралѣ	27	168,600	» августѣ	15	248,000
» мартѣ	25	225,000	» сентябрѣ	13	215,200
» апрѣлѣ	8	74,900	» октябрѣ	8	82,600
» маѣ	7	68,800	» ноябрѣ	6	28,000
» іюнѣ	15	65,800	» декабрѣ	9	31,800

Такимъ образомъ, въ продолженіе года было издано 163 разныхъ сочиненій Пушкина въ количествѣ 1.481,375 экземпляровъ; большинство этихъ сочиненій было выпущено 2-мъ и даже 3-мъ изданіемъ. Коснувшись указанія объ изданіи сочиненій Пушкина, приводимъ, кстати, данныя о сочиненіяхъ и другихъ извѣстныхъ авторовъ: соч. гр. Толстого были изданы въ количествѣ 677,600 экземпл., Лермонтова—15,000, Гоголя—40,000, Тургенева—16,000, Крылова—50,000, Григоровича и Грибоѣдова—по 10,000 экземпл. Изъ числа

сочиненій гр. Толстого необходимо отдѣлить его драму «Власть Тьмы», которая вышла въ 93,600 экземпл. и разошлась вся, при чемъ въ февралѣ мѣсяцѣ выдержала два изданія и въ мартѣ—три; въ то же время его сочиненія предназначенныя для народнаго чтенія были выпущены въ количествѣ 397,000 экземпляровъ.

Въ отдѣлѣ книгъ учебныхъ, по значительности изданій останавливаютъ на себѣ вниманіе руководства по древнимъ языкамъ, ариѳметическіе задачники Евтушевскаго и азбуки; нѣкоторые изъ названныхъ учебныхъ книгъ выдержали уже болѣе 30-ти изданій. Но изъ всѣхъ учебныхъ книгъ особенно рѣзко выдѣляется «Родное Слово» Ушинскаго, предназначенное для класснаго чтенія. Книга эта, издающаяся каждый разъ въ 50,000 экземплярахъ, вышла въ январѣ мѣсяцѣ прошлаго года 74-мъ изданіемъ, въ мартѣ—75-мъ, но и затѣмъ потребовались еще новыя изданія, которыя и были выпущены въ іюнѣ, августѣ, сентябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ; слѣдовательно въ теченіе года потребовалось шесть изданій и выпускъ ихъ составилъ 400,000 экземпляровъ.

Въ отдѣлѣ справочныхъ книгъ, между прочими, показаны и календари. Около двадцати лѣтъ тому назадъ изданіе календарей принадлежало Академіи Наукъ и составляло какъ бы ее монопольное право и лишь въ концѣ шестидесятыхъ годовъ начинаютъ появляться частныя изданія, въ настоящее же время ихъ такъ много, что, едва ли, предложеніе не превышаетъ спроса: такъ въ 1887 году было издано разныхъ наименованій календарей 166, въ количествѣ 1.828,160 экземпляровъ, не считая въ томъ числѣ такихъ же изданій на иностранныхъ языкахъ.

Кромѣ книгъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ изданіи географическихъ картъ, разныхъ атласовъ, картинъ и т. п.; всѣхъ этихъ изданій было 145 и выпущены они, въ общей сложности, въ 287,934 экземплярахъ.

Наибольшее число изъ всѣхъ вообще книгъ, вышедшихъ въ прошломъ году, было отпечатано въ типографіяхъ Петербурга и Москвы, изданія же на языкахъ иностранныхъ печатались преимущественно въ городахъ: въ Ригѣ и Ревелѣ—на нѣмецкомъ, эстонскомъ и латышскомъ, въ Казани—на татарскомъ, въ Варшавѣ—на польскомъ.

Въ заключеніе еще два вывода. Если принять общее число существующихъ въ европейской и азіатской Россіи типографій равнымъ 1,500 (въ 1885 г. въ европейской Россіи было типографій и типо-литографій 899)[1]) и взять общее количество отпечатанныхъ въ 1887 году экземпляровъ книгъ, то, въ среднемъ, на каждую типографію придется до 16,270 экземпляровъ. Далѣе, принимая населеніе Россіи, за исключеніемъ Финляндіи, какъ не входящей въ настоящій обзоръ, въ 106.610,814[2]) душъ обоего пола и взявъ все количество вышедшихъ въ 1887 году экземпляровъ книгъ, получимъ, въ среднемъ выводѣ, по $0,_{23}$ книги на человѣка.

Л. Н. Павленковъ.

---

[1]) «Сборникъ свѣдѣній по Россіи за 1884 и 1885 гг.».

[2]) Ibid.

представлялись имъ чародѣями, которые запаслись союзомъ съ нечистой силой. И вотъ, заколебались ряды датчанъ и обратили тылъ ганзейцамъ! Нѣкоторое время ихъ еще умѣлъ сдержать храбрый сынъ аттердага, принцъ Кристофъ, принявшій на себя начальствованіе однимъ изъ отрядовъ;—но не надолго... Едва только подошли ганзейцы на разстояніе выстрѣла, едва успѣли сдѣлать залпъ по укрѣпленіямъ, какъ все наемное датское войско было охвачено новой паникой и снова побѣжало въ разсыпную, покинувъ королевскаго принца на произволъ судьбы. Насилу-насилу успѣлъ несчастный принцъ Кристофъ, тяжело раненый камнемъ изъ бомбарды, избѣжать плѣна и спрятаться въ какомъ-то скрытомъ убѣжищѣ, въ которомъ онъ чуть не истекъ кровью.

Тогда уже неудержимо двинулись впередъ побѣдители, и грозно раздались ихъ крики: «Месть за Визби!» — и они бурными потоками ворвались въ улицы Копенгагена.

Городъ былъ разграбленъ жестоко; всѣ сокровища и все, самое цѣнное, движимое имущество было изъ города вывезено, и даже колокола съ колоколенъ были сняты и свезены на корабль, спеціально-приготовленный для нагрузки добычи, и въ тотъ же день отплывшій обратно въ Любекъ.

Теплая іюньская ночь спустилась надъ городомъ и широко кругомъ запылали по всему берегу огни побѣдоноснаго войска ганзейцевъ. Всѣ они веселились кругомъ этихъ огней, между тѣмъ какъ наемныя дружины ганзейцевъ угощались изъ награбленнаго въ Копенгагенѣ запаса вина и пива.

Костры еще не совсѣмъ погасли, какъ уже отданъ былъ приказъ всѣмъ садиться на суда и готовиться къ отплытію. Восходящее солнце застало уже ганзейскій флотъ величаво-направляющимся къ Гельсингборгу.

XVI.

Аттердагъ.

Вѣтеръ былъ попутный и потому, немного времени спустя, грозныя башни датской крѣпости вскорѣ стали подниматься изъ воды, а затѣмъ и вся эта твердыня, унизанная по стѣнамъ и башнямъ бойницами и большими стѣнными метательными орудіями, выступила во всей красѣ своихъ неприступныхъ стѣнъ передъ глазами ганзейцевъ.

Готшалькъ фонъ-Аттендорпъ, стоявшій на рулѣ своего корабля, мрачно смотрѣлъ на Гельсингборгъ, скрестивъ руки на груди:

— Ну, покуда мы возьмемъ приступомъ эту твердыню, — сказалъ онъ нѣсколькимъ стоявшимъ около него матросамъ, — наши волосы успѣютъ посѣдѣть. Кто знаетъ, увидитъ ли хоть кто-нибудь

изъ насъ родину: — нашъ адмиралъ рѣшается на слишкомъ смѣлое и рискованное дѣло.

Эти слова, конечно, не способствовали тому, чтобы особенно возвысить духъ экипажа, и Ганнеке, услышавъ ихъ, вернулся на свой постъ очень опечаленнымъ. Смутныя предчувствія закрались въ душу честнаго рыбака, и онъ съ щемящею сердечною болью вспомнилъ о своихъ дорогихъ и милыхъ...

Въ первое время осады, датчане попытались сдѣлать вылазку, которая, однако же, закончилась для нихъ неблагопріятно, потому что и здѣсь датскія войска дрогнули, перепугавшись необычайнаго дѣйствія пороха и огнестрѣльнаго оружія. Въ свою очередь и нападающіе сдѣлали нѣсколько отчаянныхъ, но тщетныхъ попытокъ, такъ какъ стѣны Гельсингборга, чрезвычайно толстыя и высокія, способны были выдержать какое угодно нападеніе. Однако же, гарнизонъ Гельсингборга замѣтилъ, къ крайнему своему изумленію, что снаряды, выпускаемые изъ ганзейскихъ бомбардъ, ударялись въ стѣны съ такой силой, что даже дробили и разбивали камень и образовали трещины въ каменной кладкѣ.

Не безъ тревоги смотрѣлъ изъ своей твердыни датскій король-аттердагъ на работы осаждающихъ и съ безпокойствомъ ожидалъ вѣстей, которыя могли проникать въ Гельсингборгъ лишь съ величайшими затрудненіями. Къ тому же и съѣстные припасы въ Гельсигборгѣ шли уже къ концу, а вскорѣ въ двухъ мѣстахъ крѣпостныхъ стѣнъ оказались большія бреши, которыми непріятель могъ смѣло воспользоваться, чтобы штурмовать Гельсингборгъ. Съ другой стороны, пришла вѣсть о томъ, что шведы уже готовятся къ выступленію въ походъ и собираются напасть на датскую крѣпость съ тыла. Дошли до Вольдемара извѣстія и еще болѣе тревожнаго свойства: многіе изъ нѣмецкихъ князей, враждебныхъ Даніи, ободренные успѣхомъ ганзейцевъ, собирались также вооружиться и соединить свои войска съ войсками ганзейскихъ городовъ, противъ Вольдемара.

Съ лихорадочнымъ безпокойствомъ бродилъ аттердагъ по саду своего замка, и невеселыя мысли, одна другой чернѣе, носились въ головѣ его. Онъ правилъ своею страною твердо и умно; онъ съумѣлъ подавить безсмысленную сумятицу, которую вызывала въ Даніи борьба враждебныхъ партій; онъ отвоевалъ и вернулъ родному краю отторгнутыя отъ него богатыя области; онъ достигъ славы и могущества, которыя доставили ему громкую извѣстность во всей Европѣ. И теперь, всѣ эти труды и усилія должны были разомъ потерять всякое значеніе. Онъ собралъ всѣ свои силы для борьбы съ ганзейцами, но всѣ его планы рушились въ тотъ день, когда палъ Копенгагенъ. Его единственная надежда, въ данную минуту, основывалась на небольшой датской флотиліи, которая могла врасплохъ напасть на корабли ганзейцевъ и на томъ, что

Гельсингборгъ выдержитъ осаду. Но и этимъ надеждамъ—увы!—грозила страшная опасность...

— Такъ значитъ мнѣ остается еще одно средство, — рѣшилъ аттердагъ мрачно и съ выраженіемъ дикаго отчаянія, — мнѣ остается прибѣгнуть къ помощи людей, которыхъ я презираю отъ глубины души. Знаю, что собираюсь вызвать демоновъ, которые, подобно фуріямъ, будутъ меня преслѣдовать по пятамъ, и не перестанутъ меня мучить всю жизнь! Но — не могу избѣжать этого. О!—воскликнулъ онъ съ горечью, — еслибы только знали народы къ какимъ жертвамъ бываетъ иногда вынужденъ владыка страны изъ любви къ своимъ подданнымъ и въ тяжкой тревогѣ о своей странѣ!

Медленно, но твердо вернулся онъ въ замокъ. Тамъ позвалъ онъ къ себѣ слугу и отдалъ ему какое-то приказаніе, и затѣмъ вошелъ въ комнату, увѣшанную коврами, гдѣ на мягкомъ пуховикѣ лежалъ его раненый сынъ, незадолго передъ тѣмъ перенесенный сострадательными людьми на носилкахъ въ Эльсиноръ.

— Ты теперь скоро оправишься, — тихо сказалъ аттердагъ принцу.—Этотъ противный гулъ, который доносится къ намъ изъ Зунда, вскорѣ долженъ будетъ смолкнуть.

Блѣдный принцъ поднялъ голову съ изголовья и вопросительно посмотрѣлъ на отца.

— Удовольствуйся покамѣстъ тѣмъ, что я тебѣ говорю, — сказалъ отецъ и затѣмъ ушелъ въ одинъ изъ многочисленныхъ и отдаленныхъ покоевъ замка.

Слуга, между тѣмъ, исполнилъ приказаніе короля, и тотъ уже нашелъ въ этомъ отдаленномъ покоѣ человѣка, съ которымъ онъ желалъ переговорить.

Вольдемаръ прошелъ мимо него, какъ бы его не замѣтивъ и въ раздумьи перебирая пальцами правой руки свою густую и длинную бороду. Послѣ нѣкотораго молчанія онъ сказалъ:

— Твои ищейки, какъ я слышалъ, выслѣдили, что уже въ слѣдующую ночь ганзейцы думаютъ штурмовать Гельсинборгъ?

Шпіонъ Нильсъ наклоненіемъ головы выразилъ утвержденіе.

— Чтожъ?—они надѣются на успѣхъ?—продолжалъ разспрашивать монархъ.

— Ихъ новый «огневой нарядъ» облегчаетъ имъ многое,—отвѣчалъ Нильсъ.

Аттердагъ тяжело вздохнулъ. Онъ перешелъ къ другому вопросу, но не рѣшился высказать его вполнѣ, а удовольствовался только намекомъ.

— Ну, а тѣ? — все еще выжидаютъ со своими кораблями въ Скельдервикѣ?

— Да, укрытые за лѣсистыми берегами, — отвѣчалъ Нильсъ,— на высшемъ пунктѣ этого берега они устроили сторожевой постъ,

для наблюденія за ганзейцами. Какъ только они увидятъ оттуда условленный знакъ на зубцахъ Эльсинорской башни, они снимутся съ якоря.

Послѣдовало долгое молчаніе. Аттердагъ переживалъ послѣднюю нравственную борьбу.

— И они все же настаиваютъ на своемъ прежнемъ требованіи?— мрачно спросилъ онъ Нильса.

Нильсъ отвѣчалъ утвердительно.

Аттердагъ сдѣлалъ знакъ шпіону, чтобы тотъ удалился; затѣмъ онъ погрузился въ глубокое и мрачное раздумье...

Наступила знойная іюльская ночь, и, вмѣстѣ съ ночными облаками, небо заволоклось тучами, въ которыхъ сверкали изрѣдка отдаленныя молніи. Вѣтеръ засвисталъ въ снастяхъ кораблей и волны Зунда стали шумно плескаться...

Густая тьма покрыла и море, и берега. Только на Эльсинорской башнѣ мерцалъ красноватый огонекъ смоляныхъ факеловъ. Этотъ знакъ былъ замѣченъ съ борта небольшой датской флотиліи, которая собралась у острова Амагера.

Вдоль Гельсингборгскаго берега собирались въ это время штурмовыя колонны, которыя были предназначены Іоганномъ Виттенборгомъ для ночного нападенія на Гельсингборгъ. На самыхъ корабляхъ оставлены были только матросы — въ томъ числѣ и Ганнеке. Онъ не вѣдалъ никакого страха, и охотно бы пошелъ вмѣстѣ съ другими противъ ненавистныхъ датчанъ, но мысль о Марикѣ и Янѣ вынудила его остаться на кораблѣ. А когда онъ о нихъ, въ послѣднее время начиналъ думать, то забывалъ все, что его окружало. Такъ и теперь—онъ не слыхалъ ни плеска волнъ, ни свиста вѣтра; не обратилъ даже вниманія на тѣ громкіе голоса людей, очевидно о чемъ-то спорявшихъ, которые доносились съ адмиральскаго корабля. Наконецъ, ужъ товарищъ вывелъ его изъ задумчивости, рванулъ за рукавъ и сказалъ съ досадой:

— Да что же ты, оглохъ, что ли? Или тебѣ дѣла нѣтъ до того, что наши начальники между собою грызутся? И дѣйствительно, споръ, происходившій въ это время между Аттендорпомъ и Виттенборгомъ, грозилъ привести къ очень дурнымъ послѣдствіямъ.

— Вы должны исполнить то, что я вамъ прикажу! — гнѣвно кричалъ Іоганнъ Виттенборгъ. — Не забывайте, что вы состоите у меня подъ командой!

— Не могу подчиниться и не подчинюсь приказанію безсмысленному,—рѣзко отвѣчалъ Аттендорпъ.—А я не могу иначе, какъ безсмысленнымъ, назвать ваше приказаніе идти на штурмъ Гельсингборна въ такую ночь, когда мы можемъ ожидать, что на морѣ разразится буря и разбросаетъ наши корабли, какъ щепки.

— Вы вѣроятно забыли,—горячо возразилъ главнокомандующій,—что шведы именно въ нынѣшнюю ночь намѣревались напасть съ тыла на датскій гарнизонъ.

Аттендорпъ ничего не могъ возразить противъ этого, и Виттенборгъ продолжалъ:

— Мы и безъ того уже достаточно долго простояли въ бездѣйствіи подъ стѣнами этой крѣпости, и хотя можно дѣйствительно опасаться шторма; но мы все же можемъ до нѣкоторой степени положиться на умѣнье и расторопность нашихъ корабельныхъ экипажей. Когда возьмемъ Гельсингборгъ, тогда дадимъ нашему войску возможность отдохнуть. А мы должны воспользоваться благопріятной минутой, такъ какъ одновременное со шведами нападеніе одно только и можетъ облегчить намъ взятіе Гельсингборга...

— Ну, хорошо!—отвѣчалъ Аттендорпъ, нѣсколько болѣе спокойнымъ тономъ,—въ такомъ случаѣ, я готовъ не противорѣчить вамъ; однако же, я считаю неизбѣжнымъ условіемъ наступленія то, чтобы извѣстная часть нашихъ силъ непремѣнно осталась на судахъ. Счастье, а въ особенности счастье военное, перемѣнчиво, а потому, каждый хорошій полководецъ долженъ непремѣнно озаботиться обезпеченіемъ, на всякій случай, своего тыла.

— Да развѣ же флотъ нашъ не представляетъ самъ по себѣ лучшее обезпеченіе нашего тыла? Корабли такъ плотно причалены къ берегу, что мы во всякое время можемъ на нихъ убраться. За чѣмъ же мы будемъ излишнею осторожностью уменьшать число нашихъ военныхъ силъ?

— Да вы развѣ не слышите, какъ начинаетъ завывать вѣтеръ?—сказалъ внушительно Аттендорпъ.—Развѣ не слышите, какая бьетъ волна? Кто можетъ знать, кто поручится, что въ такую ночь наши корабли не отгонитъ далеко отъ берега? Да и помимо всего этого, необходимо оставить охрану на судахъ уже потому, что этотъ сигнальный огонь не даромъ зажженъ тамъ, на Эльсинорской башнѣ.

— Смѣлымъ Богъ владѣетъ!—возразилъ Виттенборгъ.—Воину нельзя руководствоваться такою мелочною предусмотрительностью, какую вы теперь высказываете. Я отъ души желалъ бы, чтобы вы могли продолжать въ настоящее время занятія въ вашей конторѣ... И вамъ было бы лучше, и у меня руки не были бы связаны.

Аттендорпъ съ величайшимъ трудомъ воздержался отъ рѣзкаго возраженія.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія,—поступайте по вашимъ соображеніямъ; но за то ужъ извольте принять на себя и всю отвѣтственноть за дурныя послѣдствія.

— Не безпокойтесь!—смѣясь сказалъ Виттенборгъ,—любекскій городской совѣтъ будетъ поставленъ въ извѣстность о томъ, что вы совершенно непричастны къ той побѣдѣ, которую мы одержимъ нынѣшнею ночью. И я надѣюсь доставить вамъ возможность вскорѣ опять приняться за ваши книги и вычисленія.

Затѣмъ онъ обратился къ начальникамъ отдѣльныхъ судовъ и отдалъ имъ приказаніе — предоставить охрану кораблей исключительно однимъ матросамъ, спустивъ всѣ остальныя команды съ судовъ на берегъ.

Вскорѣ послѣ того, всѣ военныя силы были высажены на берегъ, всѣ блиды и «огневый нарядъ» направлены на стѣны Гельсингборга—и Виттенборгъ далъ знакъ къ аттакѣ.

XVII.

Гибельный приступъ.

Грозно загремѣли бомбарды и затрещалъ частый пищальный огонь, освѣщая мракъ ночи и вторя плеску волнъ и реву поднимавшейся бури. Вѣтеръ, правда, разогналъ тучи, но за то молніи такъ и опоясывали весь горизонтъ. Волны стали усиленно биться и плескаться въ суда ганзейцевъ, и матросамъ, оставшимся на судахъ, было весьма не легко бороться съ волненіемъ, такъ какъ приходилось оберегать суда отъ прибоя, выкачивать заливавшуюся въ нихъ воду и охранять ихъ отъ взаимныхъ столкновеній и ударовъ о берегъ.

Мужественно бились ганзейцы подъ стѣнами крѣпости; но не менѣе мужества выказывалъ и непріятель, защищавшійся отчаянно. Виттенборгъ вынужденъ былъ вводить въ дѣло все новыя и новыя подкрѣпленія, которыя бились съ датчанами на широкихъ брешахъ, бились и умирали спокойно, но не могли сломить упорнаго врага.

Главнокомандующій ежеминутно ожидалъ, что-вотъ-вотъ въ отдаленіи раздастся трубный звукъ подходящаго свѣжаго шведскаго войска. Но среди ночной темноты раздавались только возгласы сражающихся, трескъ и гулъ выстрѣловъ, плескъ разъигравшихся волнъ и ревъ все крѣпчавшей и возраставшей бури.

Но вдругъ, ко всѣмъ этимъ звукамъ прибавился со стороны моря еще какой-то новый, странный шумъ. Шумъ одновременно послышался съ сѣверной и съ южной стороны, а затѣмъ на волнахъ Норезунда замелькало и заколыхалось множество какихъ-то блуждающихъ огоньковъ. Напрасно старались матросы сообразить, какого рода опасность имъ угрожаетъ, и только тогда, когда чуть-чуть стало брежжиться утро, на всѣхъ корабляхъ раздался одинъ общій вопль ужаса: «Непріятель въ виду! Всѣ къ бою готовься!» Но сражавшіеся на сушѣ не могли услышать этого крика и только уже люди, бѣжавшіе съ кораблей, успѣли извѣстить ихъ о грозившей имъ опасности. Виттенборгъ тотчасъ же долженъ былъ прекратить наступленіе на Гельсингборгъ. Всѣ команды, въ величайшемъ

безпорядкѣ бросились бѣжать къ берегу, и тамъ, при первомъ свѣтѣ зари, увидѣли горестную картину. Военный флотъ ганзейцевъ былъ съ сѣвера аттакованъ значительной флотиліей пиратскихъ судовъ. Пираты успѣли уже овладѣть семью самыми большими ганзейскими шнеками и поспѣшно уходили вмѣстѣ съ ними на всѣхъ парусахъ. Въ числѣ этихъ кораблей находился и тотъ, которымъ командовалъ Аттендорпъ, и громко раздавались на морѣ вопли и стоны уводимыхъ въ плѣнъ матросовъ.

— Горе тому, кто понесетъ на себѣ отвѣтственность за это страшное бѣдствіе!—гнѣвно закричалъ Аттендорпъ, быстро устремляясь со своею командою на палубу адмиральскаго корабля, которымъ тоже пытались овладѣть шайки морскихъ разбойниковъ. Тамъ уже работалъ мечемъ Виттенборгъ, окруженный отборнымъ отрядомъ ганзейцевъ. Пираты были прогнаны съ корабля и большая часть ихъ успѣла бѣжать на свои легкія суда.

Невыразимая сумятица еще болѣе увеличилась, когда гарнизонъ Гельсингборга сдѣлалъ вылазку, овладѣлъ оставленными на берегу метательными снарядами ганзейцевъ и обратилъ ихъ противъ ганзейскаго флота.

Оставалось только одно: поскорѣе поднять паруса и удалиться отъ берега въ южномъ направленіи. Но тутъ еще разъ ужасъ овладѣлъ ганзейцами, такъ какъ они увидали, что датскіе корабли, собравшіеся ночью близъ острова Амагера, теперь заграждали имъ путь. Король Вольдемаръ самолично руководилъ нападеніемъ. Въ блистающемъ вооруженіи, на палубѣ наибольшаго изъ датскихъ судовъ и съ торжествомъ крикнулъ онъ Виттенборгу: «Кланяйтесь вашему городу и всему ганзейскому союзу, и скажите имъ, что король-аттердагъ приказываетъ ихъ благодарить за доставленную ему богатую добычу»!

При той путаницѣ и суматохѣ, которая господствовала на ганзейскихъ корабляхъ, при томъ безпорядкѣ, въ которомъ они совершали свое отступленіе отъ берега, не трудно понять, что датчанамъ было очень легко окружить и отрѣзать отъ ганзейскаго флота пять большихъ судовъ и много мелкихъ... Остальныя съ величайшимъ трудомъ избѣгли позора и плѣна.

Тогда горе и отчаяніе овладѣли сердцами ганзейцевъ, неожидавшихъ такого печальнаго исхода своихъ подвиговъ, и Виттенборгу пришлось выслушать много тяжкихъ упрековъ, а въ лицѣ Аттендорпа ему явился теперь мощный соперникъ, который относился къ нему безъ малѣйшей пощады.

Когда, наконецъ, подъ вечеръ, ганзейскіе корабли собрались въ открытомъ морѣ, то имъ выяснился вполнѣ тотъ страшный уронъ, который былъ понесенъ ганзейскимъ военнымъ флотомъ. Изъ большой и прекрасной эскадры возвращалась теперь въ отчизну лишь небольшая и незначительная часть ея,—и какъ возвращалась? Ли-

шенною всѣхъ силъ и средствъ, утратившею лучшую красу и силу своихъ защитниковъ; да и въ тѣхъ, которые не были пощажены смертью и избѣгли плѣна, не было ни мужества, ни бодрости духа...

Іоганнъ Виттенборгъ неподвижно сидѣлъ на своемъ адмиральскомъ кораблѣ около руля. Взоръ его былъ недвижимо устремленъ въ одну точку и лишь изрѣдка тяжелый вздохъ вырывался изъ его глубоко-взволнованной груди. Онъ даже не обратилъ вниманія на то, что Аттендорпъ приказалъ одному изъ мелкихъ судовъ, сопровождавшихъ флотъ, идти впередъ и заранѣе извѣстить любечанъ о страшномъ пораженіи, постигнувшемъ ихъ флотъ.

Виттенборгъ совершилъ все отъ него зависѣвшее, и если бы король Ганонъ сдержалъ свое слово, то, конечно, побѣда увѣнчала бы усилія ганзейцовъ. Но судьба рѣшила иначе:—вмѣсто чести и славы она посылала ему позоръ и посрамленіе.

— Ну, что жъ!—бормоталъ про себя Виттенборгъ,—я исполнилъ свою обязанность, и надѣюсь на то, что Богъ, въ другой разъ, счастливѣе направитъ мою руку.

При этихъ мысляхъ въ немъ вновь оживилась бодрость духа; онъ поднялся съ того мѣста, на которомъ сидѣлъ и обошелъ всѣ свои команды. Въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, онъ старался ихъ утѣшить, ободрить ихъ, — но всѣ его старанія были тщетны. Рѣзкія порицанія Аттендорпа все еще звучали у нихъ въ ушахъ, и всѣ весьма подозрительно поглядывали на своего главнокомандующаго.

Общее настроеніе становилось все болѣе и болѣе тяжелымъ по мѣрѣ приближенія къ Любеку, и когда вдали показались стройные шпили башенъ Маріинской церкви, словно чугунная плита опустилась и придавила сердце всѣхъ, возвращавшихся на родину, участниковъ жестокаго пораженія.

И Іоганнъ Виттенборгъ опять смутился духомъ. Его воображенію возвращеніе въ Любенъ рисовалось иначе: не такъ, какъ оно теперь происходило въ дѣйствительности. Онъ думалъ нѣкогда, что войдетъ въ гавань Любека при громѣ залповъ изъ всѣхъ бывшихъ на флотѣ бомбардъ, что этотъ громъ будетъ возвѣщать всѣмъ согражданамъ одержанную имъ побѣду, — а теперь у него въ распоряженіи оказывалась только одна бомбарда! Всѣ остальныя достались въ руки датчанъ. Плаваніе продолжалось еще нѣсколько времени—и вотъ, наконецъ, суда подплыли къ городу. На набережной, около гавани, тѣснилась громадная толпа народа, и мрачно, грозно глядѣла она на корабли, бросавшіе якорь. Въ особенности противъ того мѣста, гдѣ долженъ былъ причалить адмиральскій корабль, толпа народа сбилась въ такую кучу, что городскимъ стражникамъ пришлось усиленно разгонять зѣвакъ своими бѣлыми тростями, чтобы очистить въ толпѣ мѣсто для высаживавшихся на берегъ солдатъ и матросовъ.

— «Впередъ! За мною!» — гремѣлъ голосъ Виттенборга.

Виттенборгъ почувствовалъ легкій трепетъ, когда приготовился вступить на берегъ. Но онъ тотчасъ же оправился, такъ какъ сознаніе исполненнаго долга его поддерживало и ободряло. Эта бодрость духа не оставила его и тогда, когда тысячная толпа полѣзла къ нему съ кулаками и въ одинъ голосъ заревѣла ему на встрѣчу:

— Гдѣ наши мужья, наши сыновья, наши братья?

Виттенборгъ не могъ принимать на себя отвѣтственность за вѣроломство шведовъ, а потому его не тревожили укоры и грозныя рѣчи толпы, призывавшей его къ отвѣту. Спокойно шелъ онъ впередъ. Но онъ вдругъ поблѣднѣлъ, увидавъ, что къ нему на встрѣчу вышелъ его сотоварищъ по городской думѣ, Варендорпъ, коснулся его бѣлымъ жезломъ своимъ и произнесъ роковыя слова:

— Отъ имени городского совѣта и всего города Любека я васъ арестую и одновременно объявляю васъ лишеннымъ достоинства бургомистра!

Тогда силы оставили мужественнаго Виттенборга, и двое стражниковъ подхватили его подъ руки. Толпа заревѣла одобрительно; шапки полетѣли на воздухъ и громко раздался одинъ общій крикъ:

— Такъ слѣдуетъ поступать со всѣми измѣнниками! На плаху Іоганна Виттенборга, на плаху!

XVIII.

Горькая разлука.

...Простенькая комнатка, бѣдно обставленная, но такая же привѣтливая и свѣтленькая, какъ то весеннее солнце, которое свѣтитъ въ открытое окошко этой комнатки. Чисто-вымытый полъ посыпанъ бѣлымъ пескомъ; на одной изъ стѣнъ — модель корабля, а рядомъ повѣшены сѣти. Около самаго очага полка съ ярко-вычищенной блестящей кухонной посудой, а выше надъ нею мѣдный, также ярко-блестящій котелъ для варки рыбы. Въ противоположномъ углу распятіе и подъ нимъ небольшой сосудъ съ святою водою.

На сундукѣ, выкрашенномъ синею краскою, сидитъ маленькая, кругленькая женщина, съ заплаканными, опухшими отъ слезъ глазами.

Это — Марика, вѣрная жена Ганнеке, а бѣлокурый юноша, который печально и задумчиво стоитъ около нея, это—Янъ, ея сынъ.

— Такъ-то лучше, сынокъ, — сказала Марика, утирая глаза.— Прощаться, конечно, больно, и разлучаться тяжело, да что дѣлать-то? Мы всѣ, люди, должны привыкать ко всему. Вѣдь вотъ пришлось же перенести такое горе,—лишиться мужа, дорогого нашего Ганнеке! Ахъ, Янъ, — съ грустью воскликнула она, между тѣмъ,

какъ слезы такъ и текли у нея по щекамъ,—наша разлука даже и не тягостна, потому что съ тобою-то мы вѣдь еще свидимся; а его-то, голубчика нашего, увидимъ развѣ ужъ на томъ свѣтѣ!

И Марика громко зарыдала.

— Нѣтъ, матушка,— возразилъ Янъ, стараясь всѣми силами бороться противъ слезъ,— мы съ тобою не можемъ разстаться; ты вотъ и теперь совладать съ собою не можешь; каково же это будетъ тамъ-то, на пустынномъ Шоненѣ?

— Не обращай на это вниманія, голубчикъ,—перебила Марика, стараясь улыбнуться сквозь слезы.—Когда я буду у брата, я ужъ навѣрно буду спокойнѣе, чѣмъ здѣсь!—А затѣмъ прибавила опять сквозь слезы:—Да тамъ, мнѣ кажется, и къ дорогому нашему отцу все же буду поближе!..

Янъ старался утѣшить свою мать, возбудить въ ея сердцѣ надежду на то, что отецъ скоро вернется изъ плѣна, но она не слишкомъ довѣряла этимъ утѣшеніямъ; она знала, что мало было надежды на выкупъ плѣнниковъ у датскаго короля. Города Ганзейскаго союза подсчитали свои убытки отъ пораженія, нанесеннаго въ Норезундѣ, и оказалось, что они равнялись 258,000 марокъ, изъ которыхъ на долю одного Любека выпадало около 78,000 марокъ. Ганзейцы, при этомъ должны были ограничиться только выкупомъ тѣхъ наемныхъ воиновъ, которыхъ доставили имъ нѣмецкіе князья, чтобы еще какъ-нибудь не впутаться въ распрю съ этими князьями.

Благодаря подобному положенію дѣлъ, многія семейства рыбаковъ и корабельщиковъ впали въ тяжкую нужду, и городской совѣтъ никакъ не могъ имъ помочь, потому что и самъ городъ находился въ положеніи очень стѣсненномъ. Сверхъ всего этого, прошелъ еще слухъ, что король Вольдемаръ намѣренъ ввести новый и тяжкій налогъ на торговлю, такъ называемую «зундскую пошлину», которую каждый нѣмецкій купецъ-мореходъ, плывшій отъ Каттегата, долженъ былъ платить въ Норезундѣ.

При такихъ грустныхъ видахъ на будущее, ничего болѣе не оставалось семействамъ томившихся въ плѣну отцовъ и сыновей, какъ изъ своихъ собственныхъ средствъ хлопотать о выкупѣ ихъ. Но это было не легко, а для многихъ, лишившихся въ плѣнникѣ главной поддержки семейства, даже и совсѣмъ невозможно.

Марика перепробовала всѣ средства для того, чтобы выкупить своего Ганнеке изъ плѣна. Она перебывала у всѣхъ членовъ городского совѣта, и подъ конецъ у самаго Госвина Стеена. Но всюду она встрѣчала только сожалѣнія: всѣ пожимали плечами и говорили, что помочь ничѣмъ не могутъ. Госвинъ Стеенъ сказалъ ей:

— Вашъ мужъ былъ мнѣ милъ и дорогъ, какъ честный и надежный человѣкъ; будь теперь другое время, то я бы, конечно, ни на минуту не задумался надъ тѣмъ, чтобы ссудить вамъ сумму, необходимую для выкупа его. Но, дѣло въ томъ, что настоящее

наше смутно, а будущее — не обѣщаетъ ничего хорошаго. Я самъ страдаю отъ тяжкихъ потерь, а потому, единственное, что я могу сдѣлать, это — увеличить жалованье вашему сыну, служащему у меня въ приказчикахъ.

Съ тѣмъ онъ ее и отпустилъ. Тогда она рѣшилась еще на одно, послѣднее средство: пошла къ Детмару, другу своего мужа. Тотъ высоко поднялъ брови, почесалъ за ухомъ и сказалъ:

— Повѣрьте мнѣ, что я бы охотно уплатилъ вамъ сумму и вчетверо болѣе той, которая для выкупа потребна—еслибы это было въ моей власти. Но теперь время очень тяжелое: торговля и промышленность въ застоѣ. У меня въ подвалѣ лежитъ болѣе 1,000 разныхъ кожъ, а покупщика на нихъ нѣтъ, потому что вездѣ страшный недостатокъ въ деньгахъ. До чего это еще дойдетъ — одинъ Богъ вѣдаетъ! Но чтобы вы могли видѣть, что я желаю вамъ помочь отъ души, то я вамъ сдѣлаю такое предложеніе: отдайте ко мнѣ вашего Яна на мое полное иждивеніе. Я съ васъ за это гроша не возьму, и если вы рѣшитесь отправиться къ вашему брату на Шоненъ, то можете уже отложить вполнѣ все жалованье, какое Янъ получаетъ отъ своего хозяина. Вотъ такъ-то и соберется, спустя нѣкоторое время, полностью, вся сумма, потребная для выкупа бѣднаго Ганнеке.

Конечно, это былъ хоть какой-нибудь исходъ, хоть и весьма неутѣшительный, такъ какъ много лѣтъ должны были пройти прежде, нежели изъ сбереженныхъ грошей образовалась бы необходимая для выкупа сумма. Однако, человѣкъ такъ устроенъ Богомъ, что свыкается со всѣми ударами судьбы и со всякими положеніями, а потому и Марика приняла предложеніе Детмара. Черезъ одного рыбака-пріятеля, ежемѣсячно посѣщавшаго Шоненъ, она справилась у брата, согласится ли онъ принять ее къ себѣ на житье? Получивъ отъ него утвердительный отвѣтъ, она быстро приняла окончательное рѣшеніе: объявила о томъ, что отдаетъ свою лачужку въ наймы;—и вотъ наступилъ день ея отъѣзда. Горе, съ которымъ она храбро боролась, при укладкѣ вещей, нѣсколько разъ одолѣвало ее и приводило къ тому, что она присаживалась на свой синій сундукъ и плакала. Мало-по-малу и вся посуда со стѣны была снята и уложена въ сундукъ, а за нею туда же былъ уложенъ и рыбный котелъ; а такъ какъ каждая вещь пробуждала въ душѣ ея цѣлый рой воспоминаній, то и слезы бѣдной женщины почти не просыхали.

Наконецъ, все уже было прибрано — оставалось только модель корабля, висѣвшая на стѣнѣ.

— Это ужъ ты возьми себѣ, — тихонько шепнула мать Яну. — Храни какъ святыню, потому вѣдь это онъ самъ рѣзалъ. Это былъ его первый подарокъ мнѣ. Тогда я была еще молода и счастлива—невѣстой его была! Оба мы были бѣдны, но довольны своей

судьбой; а главное—были вмѣстѣ, тогда какъ теперь онъ такъ далеко, среди злыхъ чужихъ людей, гдѣ онъ и добраго слова-то не услышитъ... Бѣдный, бѣдный Ганнеке!

И опять лились слезы, тѣ чистыя, прекрасныя слезы любящей души, которымъ, по народному повѣрью, — Богъ ведетъ счетъ на небѣ...

А время, между тѣмъ, шло да шло, и наступила, наконецъ, такая минута, когда въ маленькой комнаткѣ явился сосѣдъ-рыбакъ, чтобы помочь перенести въ гавань сундукъ и другіе бѣдные пожитки Марики и ея дорогого Ганнеке. Но и съ маленькой, бѣдной комнатой не легко было разстаться: нѣсколько разъ возвращалась она въ нее, и то въ этомъ, то въ томъ уголку—постоитъ, поплачетъ и руками разведетъ. Ужъ слишкомъ тяжело было разставаться съ многолѣтними, дорогими воспоминаніями, со своимъ прошлымъ...

Яну не малаго труда стоило оторвать добрую Марику отъ этихъ воспоминаній—увести ее, наконецъ, изъ ея бѣдной лачужки. И на пути къ гавани, она все еще оборачивалась, чтобы еще хоть разокъ взглянуть на свое пепелище... Такъ шла она рядомъ съ сыномъ, пока домикъ не скрылся изъ глазъ ея. Тогда она еще разъ глубоко вздохнула, осушила слезы и мужественно пошла впередъ. Прійдя на торговую площадь, она пожелала проститься съ мейстеромъ Детмаромъ.

Она нашла Детмара въ сообществѣ съ думскимъ писцомъ Бееромъ. Тотъ уже давно успѣлъ оправиться отъ своего испуга и позабылъ о выговорѣ, который былъ когда-то имъ полученъ отъ Іоганна Виттенборга. А теперь ужъ онъ и прямо могъ относиться съ пренебреженіемъ къ строгому бюргермейстеру, какъ къ падшему величію.

— Да, да!—сказалъ онъ, покачивая озабоченно головою, когда узналъ отъ Детмара, по какому поводу фрау Ганнеке покидаетъ Любекъ.—Да, много еще найдется добрыхъ людей, которыхъ высокоумный Виттенборгъ лишилъ отцовъ и супруговъ, и всѣ они одинаково плачутъ теперь кровавыми слезами, и терпятъ голодъ и всякія лишенія. Но утѣштесь, моя дорогая фрау Ганнеке, — добавилъ онъ, понижая голосъ и дружелюбно похлопывая маленькую женщину по плечу,—вы скоро получите полное удовлетвореніе, потому,—изволите ли вы видѣть всѣхъ этихъ ратсгеровъ, которые спѣшатъ въ думу, въ своихъ черныхъ одѣяніяхъ?.. Они всѣ идутъ туда, чтобы произнести приговоръ надъ Іоганномъ Виттенборгомъ, и весьма легко можетъ быть, что онъ и...

Онъ не окончилъ своей фразы и весьма выразительнымъ жестомъ указалъ себѣ на шею.

— Господи Боже мой!—печально вздохнула Марика,—если даже и такъ дурно окончится дѣло съ г. бургмейстеромъ, такъ какая же

мнѣ-то будетъ польза: мнѣ вѣдь все же не вернутъ моего Ганнеке. Да при томъ, чѣмъ же тутъ виноватъ г. Виттенборгъ, коли датчане его перехитрили? На то была, видно, Божья воля, и мы всѣ должны ей подчиниться.

Сказавъ эти слова, она коротко, но сердечно простилась съ Детмаромъ, еще разъ поручила его попеченіямъ своего Яна и затѣмъ направилась съ сыномъ въ гавань.

— Очень недалекая женщина,—сказалъ писецъ вслѣдъ уходившей Марикѣ.

— Ну, вотъ еще! — замѣтилъ Детмаръ,—не всѣмъ же умными быть. Она, по своему, совершенно права, а ужъ что она честная, славная женщина—это могу завѣрить.

— Хе, хе, хе! Конечно, и это чего-нибудь стоитъ! — отозвался Бееръ, почесывая кончикъ своего носа, и, помолчавши, вдругъ спросилъ:

— А тотъ? мальчуганъ-то ея? У васъ, что ли будетъ жить?

— Вы это о комъ говорите?—отвѣчалъ мейстеръ Детмаръ.

— О комъ? Конечно, о Янѣ.

— И о немъ-то вы изволите отзываться съ такимъ пренебреженіемъ? Ужъ не потому ли, что отецъ его простой рыбакъ? Такъ не забывайте же, что и всѣ ваши ратсгеры на томъ нажили свои богатства, что отцы ихъ сельдей ловили!

— Ахъ, я совсѣмъ не то хотѣлъ сказать! Вы не такъ меня поняли... Не сердитесь, пожалуйста, за это на меня, г. Детмаръ.

— Что тутъ толковать! Ганнеке мнѣ — другъ; и кто смѣетъ о немъ или о его семействѣ отзываться непочтительно, тотъ меня оскорбляетъ!

— Хорошо, хорошо! такъ и буду знать и помнить. Только вы ужъ не сердитесь на меня, дорогой пріятель! А то я, право, все объ этомъ буду думать во время засѣданія суда, да пожалуй еще и ошибокъ какихъ-нибудь въ протоколѣ надѣлаю...

— Ну, да ужъ ладно, ладно, — сухо отвѣчалъ Детмаръ. — Не смѣю васъ теперь задерживать, потому вамъ въ должность пора. А на прощанье долженъ вамъ сказать, что мнѣ было бы очень больно, если бы на долю Виттенборга выпалъ строгій приговоръ; потому что это былъ все же человѣкъ вполнѣ честный, и городу нашему доброжелательный.

Бееръ равнодушно посмотрѣлъ по сторонамъ, вертя въ рукахъ свою трость съ большимъ набалдашникомъ, потомъ раскланялся съ Детмаромъ и вышелъ изъ его склада.

— Ишь, какая, подумаешь, важная персона!—бормоталъ про себя писецъ, шагая по улицѣ.—Я бы его давно отправилъ къ чорту, кабы у него не было столько денегъ да еще и...—и онъ не досказалъ своей мысли, и только, немного спустя, продолжалъ говорить про себя:—а этотъ мальчуганъ поплатится мнѣ за грубость своего

хозяина! Погоди, дружокъ, не долго я тебѣ дамъ усидѣть въ твоемъ тепломъ гнѣздышкѣ!

И онъ ускорилъ шаги, видя, что ужъ тюремные сторожа ведутъ Виттенборга въ ратушу.

XIX.

Приговоръ.

И дѣйствительно, бывшій бюргермейстеръ, закованный въ цѣпи, какъ тяжкій преступникъ, шелъ по Гольстенской улицѣ, сопровождаемый толпою черни.

Эта замѣчательная грубость земнаго правосудія, которая до нѣкоторой степени внушила народу страсть къ кровавымъ и варварскимъ зрѣлищамъ, и шла наперекоръ всякому болѣе утонченному нравственному чувству—составляла характеристическую особенность среднихъ вѣковъ. Уголовные суды вендскихъ городовъ превосходили безчеловѣчною жестокостью своихъ приговоровъ всѣ остальные нѣмецкіе города, и такъ какъ смертная казнь назначалась даже и за весьма незначительныя преступленія, то должность палача и его помощниковъ оказывалась здѣсь весьма доходною и прибыльною. Палачъ и его помощники работали очень усердно и мечемъ и топоромъ, вѣшали, жгли, колесовали, пытали и мучали несчастныхъ преступниковъ на всѣ возможные лады. По старому любекскому обычаю, даже за ничтожное воровство, дѣвушка или женщина, совершившая его, закапывалась живьемъ въ землю. Однимъ словомъ, въ то самое время, когда наступленіе новой эры сказывалось всюду лучами свѣта, проникавшими во мракъ, сказывалось новыми и утѣшительными явленіями въ области литературы и искусства, въ торговлѣ и промышленности,—сквозь новую жизнь, осязательно и грубо, проступала суровая основа дикихъ нравовъ и варварскихъ обычаевъ.

Общее собраніе городской думы, которому предстояло произнести приговоръ надъ Іоганномъ Виттенборгомъ, должно было происходить подъ предсѣдательствомъ Варендорпа, назначеннаго старшимъ бюргермейстеромъ.

Послѣ того, какъ узникъ занялъ мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ, Аттендорпъ открылъ засѣданіе обвинительною рѣчью противъ Виттенборга, на котораго онъ сваливалъ всю вину пораженія, понесеннаго ганзейцами въ Норезундѣ. Ораторъ повторилъ въ своей рѣчи только то, что онъ уже много разъ успѣлъ высказать въ различныхъ собраніяхъ, при объѣздѣ Стральзунда, Роштока, Висмара, гдѣ обсуждался вопросъ о норезундской неудачѣ. Тщетно старались его тамъ убѣдить друзья Виттенборга въ томъ, что главная вина неудачи падаетъ на вѣроломнаго Ганона, а никакъ не на Вит-

тенборга. Мало того: всѣ ганзейскія города, кромѣ Любека, пришли къ тому рѣшенію, что Виттенборга вовсе даже не слѣдуетъ привлекать къ судебной отвѣтственности, а только сдѣлать ему выговоръ. Но городъ Любекъ хотѣлъ именно на немъ показать примѣръ строгости своего правосудія и полнаго безпристрастія къ своимъ гражданамъ, и потому именно подвергъ Виттенборга, въ качествѣ адмирала военнаго ганзейскаго флота—уголовному процессу.

Любекскіе ратсгеры были не слишкомъ благосклонно расположены къ несчастному Виттенборгу. Они забыли о многихъ его заслугахъ по отношенію къ городу; при томъ ихъ озлобляла и двойная неудача, понесенная союзомъ въ видѣ утраты Бойской флотиліи и затѣмъ, въ несчастномъ исходѣ войны противъ Вольдемара.

Іоганнъ Виттенборгъ защищался въ блестящей рѣчи, ясно указывавшей на его полную невиновность, и закончилъ эту рѣчь словами:

«Вы можете произнести надо мною какой угодно приговоръ: сознаніе, что я честно исполнилъ мой долгъ, не покинетъ меня до послѣдней минуты. Знаю, что будущіе граждане города Любека будутъ судить обо мнѣ снисходительнѣе, нежели вы, для блага и процвѣтанія которыхъ я пожертвовалъ собою. Я долженъ покориться вашему приговору, и какъ бы онъ ни былъ жестокъ, знайте заранѣе—я вамъ его прощаю. Мы всѣ люди—и всѣ можемъ заблуждаться. На себѣ испыталъ я это, повѣривъ на слово шведамъ. Да, это была съ моей стороны большая ошибка, но никакъ не преступленіе. Прошу васъ объ этомъ именно подумать!»

Шопотъ совѣщавшихся членовъ собранія послышался въ залѣ ратуши. Аттендорнъ озабоченно перебѣгалъ отъ одного къ другому, пока двое служителей не внесли урны для голосованія и не роздали всѣмъ присутствующимъ членамъ черные и бѣлые шары.

Тогда наступило такое мучительное молчаніе, что, кажется, можно было слышать, какъ муха пролетитъ.

Началось собираніе голосовъ. Но одинъ изъ ратсгеровъ, державшій въ рукѣ бѣлый шаръ (его поколебала рѣчь Виттенборга), вдругъ громко воскликнулъ:

— Собраніе не полно; между нами нѣтъ Госвина Стеена!

Тогда всѣ громко стали выражать свое недовольство. Никто и не замѣтилъ отсутствія Стеена, такъ какъ онъ въ послѣднее время не баловалъ ратсгеровъ своимъ присутствіемъ на ихъ собраніяхъ.

— Это непростительное невниманіе съ его стороны!—закричали разомъ многіе изъ членовъ совѣта.

— Слѣдовало бы подвергнуть его строгому взысканію!—заявили другіе.

Варендорнъ приказалъ одному изъ служителей ратуши немедленно отправиться къ Стеену на домъ и озаботиться о его приводѣ въ собраніе.

Около получаса спустя (а эти полчаса жестоко измучили того, кто ожидалъ своего приговора), неисправный членъ собранія думы вошелъ, наконецъ, въ залу.

Всѣ члены собранія громко выразили ему неудовольствіе, вызванное его способомъ дѣйствій, и Варендорпъ счелъ долгомъ сдѣлать ему замѣчаніе.

Онъ спокойно все это выслушалъ, и сказалъ:

— Мнѣ было бы гораздо пріятнѣе, если бы вы дозволили мнѣ въ настоящую минуту воздержаться отъ голосованія.

— Приговоръ только тогда пріобрѣтаетъ законную силу, когда всѣ члены совѣта участвуютъ въ подачѣ голосовъ, — возразилъ Стеену Варендорпъ.

Стеенъ тревожно потеребилъ себѣ бороду, безпомощно мотнулъ головою и сказалъ:

— Такъ я долженъ покориться этой обязанности, какъ она ни тяжела мнѣ. Дайте сюда шары.

Служитель поднесъ ему шары. Стеенъ на глазахъ у всѣхъ схватилъ черный шаръ и всѣ слышали, какъ шаръ упалъ на дно урны.

Варендорпъ высыпалъ все содержимое урны на серебряный подносъ, при чемъ ближайшіе къ нему сочлены отдѣлили черные шары отъ бѣлыхъ. Варендорпъ пересчиталъ ихъ дважды, и затѣмъ произнесъ громкимъ голосомъ:

— Семнадцать шаровъ бѣлыхъ и восемнадцать черныхъ. Слѣдовательно, надъ Іоганномъ Виттенборгомъ мы должны произнести:—виновенъ!

Тогда всѣ взоры обратились на обвиненнаго, который принялъ приговоръ съ геройскимъ мужествомъ. Онъ сказалъ:

— Вы, конечно, въ тѣсномъ кружкѣ уже и до нынѣшняго собранія рѣшили, какое наказаніе долженъ я буду понести, въ случаѣ, если буду признанъ виновнымъ. Теперь я виновнымъ признанъ. Скажите же скорѣе, какому роду наказанія я подлежу?—спокойно заключилъ Виттенборгъ.

— Іоганнъ Виттенборгъ!—обратился къ нему бюргермейстеръ,—ты головою своею долженъ поплатиться за вину свою, и палачъ долженъ будетъ исполнить надъ тобою этотъ приговоръ на торговой площади, при всенародномъ множествѣ.

— Слышите ли вы, господинъ Госвинъ Стеенъ?—воскликнулъ несчастный осужденный. — Вамъ стоило только опустить бѣлый шаръ въ урну, и жизнь моя была бы пощажена. Признаюсь, отъ васъ-то именно я менѣе всего могъ ожидать такой суровости! Подумайте, каково было бы вамъ, если бы, послѣ утраты Бойскаго флота, здѣсь было бы также строго поступлено съ вашимъ сыномъ? А, между тѣмъ, я не виновнѣе его. И онъ также заблуждался, черезчуръ довѣряясь своимъ воинскимъ способностямъ. Вы очень хорошо знаете, г. Стеенъ, какъ всѣ здѣсь въ Любекѣ были возму-

щены въ ту пору постигнувшей насъ неудачей; извѣстно вамъ также и то, какъ мнѣ тогда было трудно избавить вашего сына отъ привлеченія его къ судебной отвѣтственности. И вотъ теперь, когда я самъ попалъ въ такое же дурное положеніе, и также безвинно, какъ могъ бы попасть и вашъ сынъ! — у васъ хватаетъ духа бросить въ урну черный шаръ и тѣмъ меня погубить. Не забудьте же этого часа, Госвинъ Стеенъ, и дай Богъ, чтобы это воспоминаніе не оказалось для васъ слишкомъ тягостнымъ. Но я прощаю вамъ!

Послѣ этой краткой рѣчи, обвиняемый отвернулся и вышелъ изъ залы, вслѣдъ за окружавшей его стражей, которая отвела его обратно въ тюрьму.

А, между тѣмъ, въ залѣ ратуши царило глубокое молчаніе.

Госвинъ Стеенъ неподвижно стоялъ на томъ же мѣстѣ, вперивъ взоръ въ землю. Правая рука его все также нервно теребила бороду, а лѣвая—висѣла недвижимо и безсильно.

Тогда раздался голосъ Варендорпа:

— Считаете ли вы вашего сына также виновнымъ, г. Стеенъ?

Старый купецъ дрогнулъ. Его чувство справедливости было задѣто въ самомъ чувствительномъ мѣстѣ—рана проникла въ самую глубину сердца, гдѣ еще продолжало втайнѣ тлѣть отцовское чувство къ сыну, не смотря на внѣшній разрывъ всякихъ отношеній съ нимъ. Госвину Стеену въ теченіе одного долгаго мгновенія пришлось выдержать страшную борьбу. Наконецъ, онъ поднялся со своего мѣста, подошелъ къ зеленому столу, за которымъ сидѣлъ бюргермейстеръ, и, выпрямившись во весь ростъ, проговорилъ отчетливо и ясно:

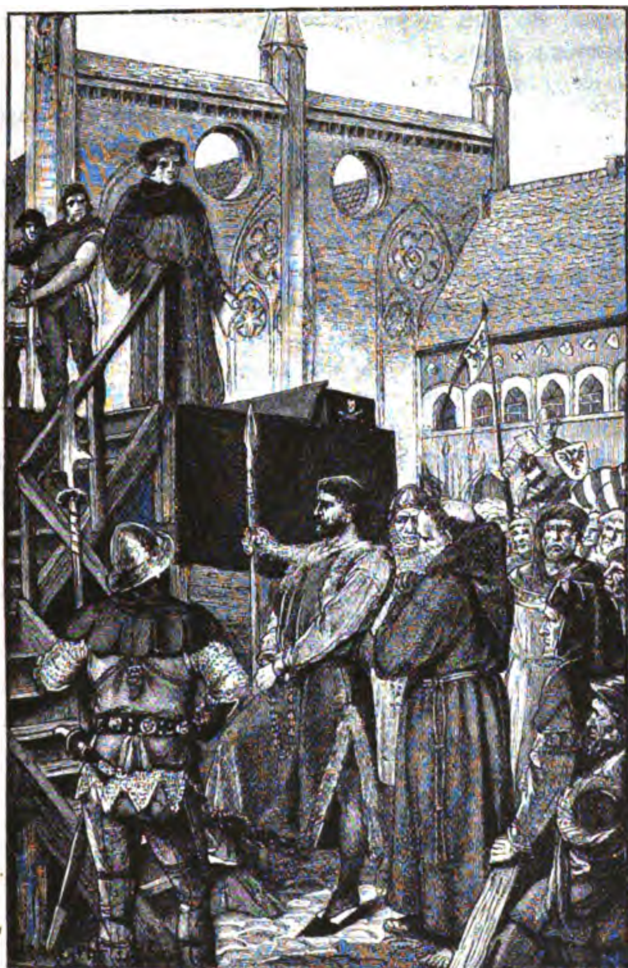
— Бываютъ такія вины и такія искупленія ихъ, которыя не могутъ подлежать общественному мнѣнію, потому что только отецъ можетъ быть, въ данномъ случаѣ, судьею своего сына. Удовольствуйтесь этимъ!

Варендорпъ хотѣлъ что-то возразить, но купецъ продолжалъ:

— Я положилъ черный шаръ противъ Іоганна Виттенборга. И если бы вы, господинъ бюргермейстеръ, задумали мнѣ задать тотъ вопросъ прежде голосованія, то я бы, конечно, воздержался отъ подачи моего голоса. Но теперь дѣло сдѣлано, и судъ долженъ свершиться. Но знайте, что я не буду присутствовать при этомъ кровавомъ зрѣлищѣ, если бы даже мнѣ самому пришлось за это отвѣчать головою. Такъ и знайте, и затѣмъ, Богъ съ вами!

И, гордо выпрямившись, твердою поступью направился онъ изъ зала къ выходу. Никто не осмѣлился произнести ни слова, и только тогда, когда дверь захлопнулась за Стееномъ, всѣ заговорили разомъ, шумно выражая самыя противоположныя мнѣнія и воззрѣнія.

Въ тотъ же самый день, на любекской торговой площади воздвигнутъ былъ черный роковой помостъ, на которомъ несчастному

Онъ твердо вступилъ на ступени рокового помоста.

Виттенборгу предстояло сложить голову. Когда, на слѣдующій день, солнце стало клониться къ западу, осужденный выведенъ былъ на казнь. Пестрая, разнообразная толпа заполняла всѣ улицы, по которымъ слѣдовало проходить печальному шествію...

Немногіе въ этотъ день сидѣли дома. Къ числу этихъ немногихъ принадлежалъ и Госвинъ Стеенъ, который не двинулся изъ своей конторы. Но онъ не работалъ: онъ сидѣлъ за столомъ, оперщись головою на руки, и былъ погруженъ въ глубокое раздумье.

Вдругъ раздался звонъ колоколовъ и загудѣлъ, печальный и унылый... Шумъ и говоръ на улицѣ все возросталъ; масса какихъ-то длинныхъ и безобразныхъ тѣней, отражаемыхъ косыми лучами заходящаго солнца на задней стѣнѣ конторы, пронеслась, спѣшно и трепетно, подобно привидѣніямъ. Шествіе, сопровождавшее осужденнаго на казнь, проходило мимо, по улицѣ. Затѣмъ, шумъ и говоръ постепенно затихли: — шествіе достигло торговой площади. Госвину стало душно въ комнатѣ, онъ открылъ окно и оперся о подоконникъ.

И вотъ снова загудѣли колокола — рѣзко и мѣрно отбивая похоронный звонъ... Земное правосудіе было удовлетворено. Но Стеену слышался — въ ушахъ его все еще раздавался голосъ, повторявшій ему непрестанно: «Не забудьте же этого часа, Госвинъ Стеенъ, и дай Богъ, чтобы это воспоминаніе не оказалось для васъ слишкомъ тягостнымъ. Но я прощаю вамъ»!

И этотъ твердый, сильный мужчина затрепеталъ всѣмъ тѣломъ и въ отчаяньи сталъ ломать себѣ руки. И взоръ его еще разъ упалъ на ярко освѣщаемый солнцемъ выступъ входной двери. Было ли то утѣшеніе, посылаемое ему скорбною душею невинноказненнаго, или то былъ перстъ Божій, указывавшій заблудшему путь спасенія,—но Госвинъ Стеенъ могъ совершенно свободно прочесть на стѣнѣ крупно-изсѣченную надпись:

«Живъ еще старый Богъ»!

XX.

Бѣдствія любечанъ.

Суровый приговоръ, произносенный любечанами надъ Іоганномъ Виттенборгомъ, какъ будто проклятіемъ какимъ-нибудь тяготѣлъ надъ всѣмъ городомъ. Лѣто и осень были непогодливы и неурожайны; за неурожаями, естественно, наступила страшная дороговизна съѣстныхъ припасовъ. Всѣ дѣла были въ застоѣ торговли послѣ неудачнаго исхода войны съ Вольдемаромъ и масса рабочихъ, и въ особенности рыбаковъ, была отпущена хозяевами. Страшный призракъ голода явился на улицахъ города Любека, покрытыхъ толстымъ слоемъ снѣга; слѣдомъ за голодомъ пришли гибель и от-

чаянье. Сволочи всякаго рода въ большомъ городѣ всегда бываетъ довольно, а тутъ вдругъ развелось ея въ Любекѣ столько, что отъ воровъ честнымъ людямъ житья не стало. Ни какая стража, ни какой дозоръ не могли отъ нихъ уберечь, такъ что число торговцевъ на городской площади стало постепенно уменьшаться—никто не хотѣлъ выѣзжать для торга даже и на обычные, еженедѣльные базары.

Ко всему этому прибавилось еще дурное положеніе политическихъ дѣлъ.

Король Ганонъ Норвежскій былъ обрученъ съ принцессой Елисаветой, сестрой Гейнриха Желѣзнаго, герцога Голштинскаго. Благодаря какой-то несчастной случайности невѣста Ганона попала въ плѣнъ къ аттердагу, который такъ ловко съумѣлъ обойти Ганона, что тотъ рѣшился избрать себѣ въ супруги принцессу Маргариту, младшую дочь Вольдемара. Этимъ самымъ уже обезпечивался союзъ Даніи съ Норвегіею. Ганзейцы оставались совершенно покинутыми, потому что и на шведовъ тоже нечего было расчитывать, пока Швеціею правилъ слабодушный Магнусъ. Правда, что порвавъ связи съ скандинавскимъ государствомъ, ганзейцы сблизились съ ихъ соперниками и противниками, Голштинскимъ и Мекленбургскимъ герцогами, и это сближеніе привело вскорѣ къ прочному союзу; но тѣмъ не менѣе ганзейскіе города съ великою тревогою ожидали конца перемирія съ королемъ Вольдемаромъ и очень опасались того, что онъ пожалуй вздумаетъ пойти противъ нихъ войною, въ союзѣ съ Норвегіей и Швеціей.

Въ довершеніе бѣдствія появилась въ Любекѣ опустошительная **черная смерть**, завезенная изъ Азіи въ Европу въ 1348 году. Для страшной заразительной болѣзни въ Любекѣ нашлась удобная почва, подготовленная нуждою, голодомъ и всякими лишеніями, среди которыхъ влачили свое бѣдственное существованіе низшіе классы населенія. Дикія раздирающія сцены стали ежедневнымъ обычнымъ явленіемъ любекской городской жизни. Безкормица и безработица вынуждала несчастныхъ мастеровыхъ и незанятыхъ рабочихъ къ тому, что они и послѣднее пропивали, стараясь хоть на минуту себя отуманить. Смерть пожинала обильную жатву и уносила жертву за жертвой, обозначая путь свой гробами, за которыми слѣдомъ, вопя и ломая руки, шли брошенные на произволъ судьбы сироты и бездомники. Голодъ—страшный, едва прикрытый лохмотьями, выражался на лицахъ всѣхъ несчастныхъ, словно тѣни бродившихъ по улицамъ города. И только дерзкое преступленіе, неостанавливавшееся ни передъ грабежомъ, ни передъ убійствомъ—смѣло поднимало голову и всѣмъ глядѣло грозно въ очи... Вотъ что представлялъ въ описываемое нами время несчастный городъ Любекъ, недавно еще цвѣтущій и богатый!

И въ домѣ мейстера Детмара тоже было мало утѣшительнаго.

Плохое положеніе дѣлъ вынудило хозяина распустить всѣхъ своихъ рабочихъ, и тамъ, гдѣ еще недавно жизнь текла такъ легко и весело—водворились мракъ и тишина. Всѣ со страхомъ и трепетомъ ежеминутно ожидали того, что вотъ-вотъ и къ нимъ также заглянетъ страшная гостья безпощадно вырветъ одного изъ членовъ тѣснаго семейнаго кружка.

Самого мейстера Детмара, прежде столь веселаго и бодраго,— узнать было невозможно. Тревожный и праздный, онъ бродилъ изъ угла въ уголъ по опустѣлому дому, постоянно озираясь и пугаясь каждаго шороха. Уже два дня его жена лежала въ постели, больная, а не далѣе какъ съ нынѣшняго утра и дочь его Елисавета не могла встать съ постели...

Истиннымъ благополучіемъ для Детмара было то, что Янъ жилъ у него въ домѣ. Если онъ и не могъ его надлежащимъ образомъ утѣшить и разсѣять, за то онъ готовъ былъ на всякую помощь по хозяйству и управленію домашнимъ порядкомъ, такъ какъ все это обрушилось на Детмара. Послѣдняя служанка сбѣжала изъ дома, когда увидила, что господа заболѣли. Вѣсть, разнесенная ею въ околодкѣ о болѣзни фрау Детмаръ, побудила всѣхъ сосѣдей даже не подходить къ ихъ дому: никто уже не сомнѣвался въ томъ, что они должны были ожидать къ себѣ посѣщенія черной смерти.

— Ну, и Богъ съ ними,— заявилъ Янъ хозяину,— пусть обѣгаютъ насъ: я около васъ останусь, и вы не будете нуждаться ни въ чьей помощи.

— Спасибо тебѣ,—отвѣчалъ ему Детмаръ плаксивымъ тономъ, тревожно прислушиваясь у дверей жениной спальни. — Что это? какъ будто чихнулъ кто-то изъ нихъ? — боязливо спросилъ онъ (первымъ признакомъ заболѣванія черною смертью было усиленное чиханье).

— Нѣтъ! я ничего подобнаго не слышалъ,—сказалъ Янъ.— Да и зачѣмъ вы это сейчасъ все дурное предполагаете?

— Ахъ, да и то правда! Но вѣдь поневолѣ натерпишься страха! Ой, батюшки... Кажется, и у меня теперь начинается... Чхи!..

Янъ невольно разсмѣялся; но Детмаръ не обратилъ на это никакого вниманія, и еще тревожнѣе прежняго спросилъ его:

— А что? посмотри-ка! Лицо-то у меня еще не почернѣло?

Янъ увѣрилъ его, что ничего подобнаго нѣтъ.

Вскорѣ послѣ того жена кликнула мейстера Детмара въ спальню. Детмаръ ожидалъ всякихъ ужасовъ, не могъ говорить отъ волненія— и какъ же былъ онъ удивленъ, когда она ему заявила, что она чувствуетъ себя гораздо лучше.

— А наша Лизочка? — шепнулъ онъ ей. Фрау Детмаръ взглянула на дочь.

— Она спитъ совершенно спокойно,—сказала она, — и я даже думаю, что мы всѣ переболѣли только отъ страха.

— Дай-то Богъ!—проговорилъ Детмаръ съ глубокимъ вздохомъ.

— А гдѣ же Янъ? — спросила супруга.

— А здѣсь же. Этотъ добрый малый большая для меня подмога.

— Но только ты распорядись, чтобы онъ не выходилъ на улицу, чтобы какъ-нибудь не занести къ намъ въ домъ эту страшную болѣзнь. Если мы съумѣемъ оберечь себя отъ всѣхъ сношеній съ зараженными, то черная немочь, можетъ быть и не переступитъ нашего порога. По счастью, у насъ въ кладовой еще довольно есть запасовъ.

Мейстеръ Детмаръ молчаливымъ кивкомъ головы на все изъявилъ полнѣйшее согласіе, и еще разъ порадовался тому, что жена у него такая умная да разумная.

Когда, въ теченіе дня, оказалось, что и фрейлейнъ Елисавета тоже оправилась отъ своего внезапнаго нездоровья, то Детмаръ даже расправилъ на лбу морщины и какъ будто повеселѣлъ.

Мирно и тихо потекла послѣ этого жизнь семьи, добровольно уединившей себя отъ всякихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ. И если на хозяевъ даже это уединеніе дѣйствовало иногда довольно непріятно, нагоняя на нихъ тоску, то никакъ нельзя было сказать того же о Янѣ и Елисаветѣ, которые умѣли разнообразить свое уединеніе нескончаемыми разговорами, шутками, разсказами и пересмѣшками. Ихъ веселое настроеніе, конечно, воздѣйствовало и на родителей, и въ пустыхъ комнатахъ чаще и чаще сталъ раздаваться звонкій, заливчатый смѣхъ молодежи, къ которому часто примѣшивались густыя басовыя ноты смѣха самого мейстера Детмара. Онъ теперь ужъ и самъ начиналъ подтрунивать надъ своимъ страхомъ и опасеніями, которыя пережилъ въ теченіе вышеописаннаго нами утра, и не зналъ, какъ возблагодарить Бога за то, что Онъ избавилъ его самого и семью его отъ страшной заразы.

Когда домъ мейстера Детмара опять прозрѣлъ, т. е. вновь открылись его окна и двери и возстановились сношенія съ внѣшнимъ міромъ, въ окна уже свѣтило первыми теплыми лучами весеннее солнце, еще разъ одолѣвшее суровую зиму, а съ нею вмѣстѣ какъ бы разомъ изгнавшее изъ Любека всѣ нахлынувшія на него бѣды. Зараза миновала. Городской совѣтъ озаботился обь обильномъ подвозѣ зернового хлѣба, при чемъ и голоду въ низшихъ классахъ былъ положенъ предѣлъ; а тамъ, мало-по-малу стала вновь оживляться и торговая, и промышленная дѣятельность города, и безработица тоже прекратилась.

Когда Янъ снова, послѣ долгаго отсутствія, явился въ контору Госвина Стеена, тотъ не выказалъ никакого особеннаго изумленія,

никакой особенной пріязни къ юношѣ. Тяжелый періодъ, въ теченіе котораго зараза свирѣпствовала въ Любекѣ, удивительно притупилъ всякія чувства. Гораздо менѣе удивлялись тому, что сегодня видѣли въ гробу человѣка, вчера еще свѣжаго, живого и здороваго, нежели тому, что человѣкъ успѣлъ ускользнуть изъ когтей злой судьбины. Яну даже не пришлось извиняться передъ хозяиномъ въ своемъ долгомъ отсутствіи, тѣмъ болѣе, что во время эпидеміи и дѣла было немного.

XXI.

Подъ личиною честности.

Первымъ постороннимъ посѣтителемъ дома Детмаровъ былъ думскій писецъ Бееръ. Само собою разумѣется, онъ весьма сожалѣлъ о томъ, что такъ долго лишенъ былъ возможности видѣть почтенное семейство мейстера Детмара.

— Пытался, многократно пытался,—увѣрялъ Бееръ,—даже въ двери стучался какъ-то однажды. Но все совершенно напрасно... Мои опасенія и безпокойство о васъ—доходили донельзя. И какъ это вы, почтенная фрау Детмаръ, были въ состояніи такъ надолго прервать всякія сношенія съ городомъ?

— О!—отозвалась Елисавета, вмѣсто своей матери,—это время не показалось намъ такимъ долгимъ: мы умѣли себя и позабавить. Не правда ли, Янъ?—добавила она, плутовски подмигивая юношѣ

— Ахъ, да, да! Я было и забылъ,—поддакнулъ Елисаветѣ писецъ, съ злобной улыбкой,—вѣдь молодой Ганнеке былъ тутъ же, въ домѣ съ вами. Ну, понятное дѣло, что для веселой-то молодежи время пролетѣло, конечно, незамѣтно; а вотъ каково-то почтеннымъ родителямъ было? Ну, да о нихъ въ нынѣшнее время, пожалуй, что никто и не спрашиваетъ.

— Ошибаетесь, г. Бееръ,—рѣзко отозвалась Елисавета.—И отецъ, и матушка принимали участіе въ нашемъ весельи и забавахъ.

— Ну, ужъ, конечно,—добавила фрау Детмаръ въ примирительномъ тонѣ,—стараешься, поневолѣ, какъ-нибудь украсить свое существованіе. Жаль, что вотъ мужа-то моего нѣтъ дома, а то онъ бы, вѣроятно, былъ очень радъ г. Бееру. Да неугодно ли вамъ будетъ присѣсть?

И она при этомъ указала на одинъ изъ стульевъ у стола.

— Вы очень добры, почтеннѣйшая фрау Детмаръ,—съ нижайшимъ поклономъ проговорилъ думскій писецъ,—но я долго не могу у васъ остаться...

— Развѣ у васъ на рукахъ такія спѣшныя служебныя занятія?

— Не то, чтобы...—пробормоталъ писецъ,—но напала на меня такая тревога, что вотъ на мѣстѣ усидѣть не могу...

— Такъ что же это съ вами? Въ родѣ нездоровья, что ли?

— Да, я не очень-то расположенъ къ веселью, фрау Детмаръ! И, правду сказать, даже принялъ нѣкоторое рѣшеніе...

— Ужъ вы не руки ли на себя наложить вздумали!—смѣясь, подхватила Елисавета.—Въ такомъ случаѣ, вамъ мѣшать не слѣдуетъ.

И при этомъ шалунья ухватила Яна за руку и чуть не въ припрыжку пустилась съ нимъ изъ комнаты.

— Ужъ вы не прогнѣвайтесь на шалунью,—замѣтила супруга Детмара.—Она вѣдь часто такое сболтнетъ, о чемъ и не думаетъ...

— Будто бы?—съ язвительной усмѣшкой спросилъ Бееръ.

— Само собой! Вѣдь она еще почти ребенокъ.

— Ну, для ребенка-то она немножко ужъ перезрѣла. Но вы мнѣ позволите опять вернуться къ тому, что я уже говорилъ...

— Да, да, конечно. Вы сказали, что приняли какое-то рѣшеніе...

— Да, точно такъ-съ. Принялъ...—и говоря это онъ старательно рисовалъ палкою на полу какіе-то іероглифы.—Я теперь, видите ли, мужчина въ самыхъ настоящихъ лѣтахъ...

— Да, конечно, въ самыхъ настоящихъ.

— Мѣсто у меня доходное; вотъ я и задумалъ жениться.

— Чтожъ? Весьма благоразумно съ вашей стороны.

— И я также смотрю на это дѣло. Вопросъ только въ томъ, найду ли я жену по себѣ?

— О, помилуйте!—воскликнула фрау Детмаръ,—да вѣдь вы такой женихъ, что въ любыя двери постучаться можете.

— Полно, такъ ли?—спросилъ съ усмѣшкой Бееръ, и начертилъ на полу тростью огромное Е, наклонилъ голову на бокъ, и продолжалъ вкрадчивымъ голосомъ:—А что, если бы я, примѣрно, за вашу дочку вздумалъ бы посвататься, хотя бы теперь-то я бы не рѣшился...

— Отчего же нѣтъ?—съ удивленіемъ спросила фрау Детмаръ.

— А оттого, что она, повидимому, собирается идти подъ вѣнецъ съ этимъ Яномъ.

— Что такое!?—воскликнула въ изумленіи фрау Детмаръ,—съ Яномъ, съ этимъ бѣднымъ юношей, у котораго ни положенія нѣтъ никакого, ни гроша за душою не имѣется. Вы изволите, конечно, шутить, г. Бееръ?

— Ничуть не бывало. Я на этотъ счетъ очень примѣтливъ, почтеннѣйшая фрау Детмаръ. Эти молодые люди, очевидно, нравятся другъ другу.

— Ну, изъ этого еще, конечно, не слѣдуетъ, что они ужъ такъ непремѣнно и повѣнчаются.

Бееръ пожалъ плечами весьма выразительно.

— Чего же вы тутъ сомнѣваетесь?—съ нескрываемымъ вол-

неньемъ спросила фрау Детмаръ.—Янъ—прекрасный юноша, но онъ нищій. Уже ради этого одного какое же можетъ быть у него будущее? Какъ же это вы можете думать, чтобы я свою дочку рѣшилась выдать за такого голяка! Или вы думаете, что я ее не люблю? Ну такъ ужъ вы очень, въ такомъ случаѣ, ошибаетесь!

— Посмотримъ, посмотримъ,—отвѣчалъ ей Беерь, приподнимаясь, чтобы поклониться входившему мейстеру Детмару.

Затѣмъ, онъ посидѣлъ очень недолго и не возвращался къ затронутому имъ вопросу, хотя фрау Детмаръ нѣсколько разъ давала ему поводъ къ этому. По удаленіи его супруги о чемъ-то очень долго и серьезно судили и рядили, но сущность ихъ бесѣды, на первыхъ порахъ, осталась тайною для всѣхъ остальныхъ членовъ семейства.

Однако же, Янъ уже вскорѣ послѣ того замѣтилъ, что его хозяева стали къ нему далеко не такъ ласковы, какъ прежде. Они стали относиться къ нему съ нѣкоторою сдержанностью. Елисавета очень часто выходила къ нему съ заплаканными глазами, и какъ ни старался Янъ развлечь ее, онъ ничего не могъ добиться; онъ сталъ даже замѣчать, что она начала его избѣгать, и это его очень опечалило, потому что ему всегда было такъ пріятно и весело съ этой милой шалуньей.

Думскій писецъ сталъ чаще и чаще являться въ домъ Детмара. Онъ постоянно бывалъ очень любезенъ по отношенію къ Яну, но тотъ все же терпѣть его не могъ. Беерь въ своемъ черномъ служебномъ одѣяніи постоянно представлялся ему чернымъ вѣрономъ, вѣщуномъ какого-то несчастія.

Странно, что иногда намъ случается чаще всего встрѣчаться именно съ тѣмъ, кого мы стараемся избѣжать. Какъ ни старался Янъ избѣжать встрѣчи съ противнымъ для него Беером,—тотъ все же безпрестанно попадался ему на встрѣчу. Такъ вотъ и въ описываемый нами день, въ то время какъ Янъ направился изъ главной конторы Госвина Стеена въ городъ для исполненія различныхъ порученій,—онъ носомъ къ носу повстрѣчался съ писцомъ у самаго выхода изъ дома. Они повстрѣчались въ самыхъ входныхъ дверяхъ, и Беерь раскланялся съ нимъ чрезвычайно любезно, а минуту спустя обратился къ старому Даніэлю уже съ покорнѣйшею просьбою доложить о себѣ г. Госвину Стеену.

XXII.

Низкая клевета.

Думскій писецъ засталъ Госвина Стеена въ очень тревожномъ настроеніи. Срокъ, въ который Кнутъ Торсенъ долженъ былъ вернуть ему полученныя въ ссуду деньги, давно уже истекъ, а между

тѣмъ датчанинъ, видимо, и не думалъ о выполненіи своего обязательства. Нѣсколько разъ письменно напоминалъ ему объ этомъ Стеенъ; но никакого отвѣта на письма получено не было, такъ что оставалось только одно: — начать противъ неисправнаго должника искъ, на основаніи долгового документа, записаннаго въ книгѣ ратуши. Стеенъ рѣшался на это очень неохотно, зная заранѣе, что его жалоба опять подниметъ старыя дрязги. Къ тому же онъ съ Варендорпомъ стоялъ не въ слишкомъ близкихъ отношеніяхъ; а между тѣмъ именно бюргермейстеру и предстояло быть судьею въ этомъ дѣлѣ. Судебное разбирательство могло легко дать поводъ къ непріятнымъ разслѣдованіямъ, которыхъ Стеенъ, во всякомъ случаѣ, желалъ бы избѣжать. Не смотря на все это, онъ долженъ былъ выступить съ жалобою противъ Кнута Торсена, такъ какъ послѣднія смутныя времена и общій упадокъ дѣлъ отозвались на Госвинѣ Стеенѣ крупными убытками. Къ выплатѣ крупной суммы въ 150,000 марокъ, которую Госвинъ роздалъ сочленамъ своимъ по городскому совѣту, чтобы замять дѣло о гибели Войскаго флота, прибавились убытки въ смыслѣ потери той части товара, которая предназначалась на этомъ флотѣ торговому дому Стеена; а затѣмъ шли затраты на военныя издержки,—затраты очень значительныя уже и потому, что самая фирма Госвина Стеена была одною изъ самыхъ значительныхъ въ городѣ. И вотъ, въ первый разъ въ жизни богатому купцу пришлось испытать тягостныя заботы о деньгахъ. Время было такое, что о доходахъ нечего было и думать, а расходовъ, да при томъ еще непредвидѣнныхъ, было болѣе, чѣмъ достаточно. Оказывалось, что громадные сундуки, стоявшіе въ конторѣ, были совсѣмъ пусты, и для нѣкотораго пополненія ихъ требовалась именно та сумма, которою Госвинъ Стеенъ ссудилъ Кнута Торсена.

Все утро Стеенъ занятъ былъ обдумываньемъ вопроса, какъ слѣдуетъ ему поступить—еще разъ потребовать отъ датчанина немедленной уплаты, или же прямо подать жалобу на неплатежъ и начать формальный искъ. Онъ не успѣлъ еще прійти ни къ какому рѣшенію, когда Даніэль возвѣстилъ ему о приходѣ думскаго писца. Это посѣщеніе нѣсколько удивило Стеена, такъ какъ онъ зналъ это лицо только по его присутствію на совѣтскихъ засѣданіяхъ, и внѣ ихъ никогда еще нигдѣ съ нимъ не встрѣчался.

Понятно, что купецъ принялъ нежданнаго посѣтителя весьма сдержанно. Тотъ, конечно, началъ съ тысячи всякихъ извиненій и при этомъ выказалъ себя въ такой степени способнымъ принижаться, что Госвинъ Стеенъ сразу потерялъ къ нему всякое уваженіе.

— Пожалуйста, извиняйтесь покороче,—сухо замѣтилъ Стеенъ писцу, — вѣдь у насъ, купцовъ, время подороже, нежели у васъ, чиновниковъ. Чего вы собственно отъ меня желаете?

— Ничего рѣшительно, — утверждалъ думскій писецъ съ противной своей улыбочкой.—Я, напротивъ того, имѣю въ виду вамъ оказать нѣкоторую услугу.

Купецъ посмотрѣлъ на него и удивленно, и гнѣвно.

— Я, конечно, червякъ въ сравненіи съ вами, г. Стеенъ,—продолжалъ писецъ,—я, такъ сказать, былинка незамѣтная, а все же и «мое убожество» можетъ быть вамъ до нѣкоторой степени полезно.

— Человѣкъ человѣку помогать обязанъ,—проговорилъ Госвинъ Стеенъ. — Но, пожалуйста, къ дѣлу скорѣе...

— Какъ прикажете,—униженно пояснилъ Бееръ.—Изволите, я полагаю, знать, какъ всѣ въ ганзейскихъ городахъ дурно настроены по отношенію къ датчанамъ? Всюду вѣдь опять ужъ и объ войнѣ поговаривать начинаютъ. Къ тому же и жалобы противъ аттердага и его насилій каждый день возростаютъ...

— Позвольте, вы все мнѣ расказываете вещи давно уже мнѣ извѣстныя,—съ досадою перебилъ писца Госвинъ.—Не забывайте, пожалуйста, что я вѣдь тоже членъ городскаго совѣта и въ послѣднее время всего этого наслушался въ засѣданіяхъ.

— Я позволилъ себѣ это маленькое предисловіе только для того, чтобы на немъ основать дальнѣйшую мою рѣчь. Я велъ къ тому выводу, что нынѣшнее время, менѣе, чѣмъ всякое другое, можетъ благопріятствовать дружественнымъ отношеніямъ къ датчанамъ.

— Опять-таки вы все разсказываете мнѣ такое, что само собою разумѣется. Ни ганзейцу, ни кому бы то ни было изъ честныхъ нѣмецкихъ гражданъ не подобаетъ теперь заигрывать и дружить съ общимъ врагомъ.

— Весьма естественно,—подтвердилъ Бееръ, съ видимымъ удовольствіемъ, — и ужъ, конечно, менѣе всего можно было бы ожидать чего-нибудь подобнаго отъ васъ... Хе, хе, хе!.. Не такъ ли, г. Стеенъ?

Купецъ бросилъ на говорившаго очень проницательный взглядъ, который говорилъ ясно: «Я, право, не понимаю, какъ это вы рѣшаетесь говорить со мною о подобныхъ вещахъ?»

— Кто васъ ближе знаетъ, — продолжалъ, ни мало не смущаясь, Бееръ,—тотъ, конечно, не повѣритъ, и если даже ему это скажутъ, станетъ положительно отрицать. Но вѣдь здѣсь, въ нашемъ добромъ городѣ Любекѣ, жителей много, и раны, нанесенныя послѣднею войною не зажили и вскрываются легко, при одномъ имени аттердага. Если, поэтому, пройдетъ по городу тотъ слухъ, что вы изволите дружить съ датчанами, то вѣдь, согласитесь, это можетъ сильно подорвать добрую славу вашей старой фирмы?

Госвинъ Стеенъ поднялся со своего мѣста. Онъ оперся рукою на столъ и, мрачно взглянувъ на писца, сказалъ:

— Господинъ секретарь, или ваша рѣчь есть не болѣе, какъ пустая болтовня, которую я васъ прошу прекратить, или вы подтвердите ваши слова существенными доказательствами.

— Я бы, конечно, не осмѣлился безпокоить столь именитаго и столь уважаемаго всѣми купца, если бы не имѣлъ въ виду оказать ему дѣйствительную услугу. А потому-то я и позволю себѣ сообщить вамъ слѣдующее.

И секретарь думы, говоря это, также поднялся со своего мѣста. Онъ оправился, откашлялся и, ударяя себя по ладони правой руки набалдашникомъ трости, началъ такъ:

— Во всѣхъ здѣшнихъ тавернахъ только и рѣчи теперь, что объ одномъ датчанинѣ — чуть ли его не Кнутомъ Торсеномъ зовутъ—котораго будто бы вы изволили снабдить весьма значительною суммою денегъ; и всѣ, видите ли, говорятъ, что этотъ датчанинъ состоитъ въ непосредственныхъ связяхъ съ извѣстнымъ шпіономъ аттердага, ювелиромъ Нильсомъ. Головы-то, знаете ли, въ низшемъ слоѣ населенія, у всѣхъ очень разгорячены, а потому и неудивительно, что мнѣ уже не разъ приходилось слышать возгласы въ родѣ того: «Госвинъ Стеенъ—предатель по отношенію къ своему родному городу и ко всему Ганзейскому Союзу, а потому его бы слѣдовало отдать подъ судъ»... Подобные толки очень легко находятъ себѣ отголосокъ и могутъ быть весьма опасны для васъ, г. Стеенъ; а потому я и счелъ своимъ долгомъ обратить на эти толки ваше вниманіе.

Стеенъ, видимо, не зналъ, что слѣдуетъ ему отвѣчать. Онъ не могъ никакъ рѣшить даже и такого вопроса: благодарить ли ему г. секретаря за его сообщенія, или просто, безъ церемоніи, немедленно выгнать изъ палаты? Только послѣ довольно продолжительнаго молчанія, онъ сказалъ:

— Если бы даже я и ссудилъ кого-нибудь деньгами, то это рѣшительно никого не касается, хотя бы даже должникъ мой былъ и датчанинъ. Да при томъ же мнѣ кажется очень страннымъ, почему именно это дѣло проникаетъ въ публику? Это дѣло могло получить извѣстность только благодаря кому-нибудь изъ лицъ, близко стоящихъ къ городскому совѣту.—И при этомъ купецъ пронизалъ взглядомъ своего гостя. Тотъ на мгновенье принялъ равнодушный видъ, взглянулъ въ потолокъ, покачалъ головою и, наконецъ, сказалъ:

— То есть, какъ же это, — г. Стеенъ?—Я васъ не совсѣмъ понимаю...

— Не понимаете? — нетерпѣливо перебилъ его купецъ. — Да какъ же могли узнать въ городѣ? въ народѣ? о такомъ документѣ, который занесенъ въ книгу городского совѣта?

— А! такъ значитъ такой документъ точно имѣется въ книгѣ городского совѣта?

— Это вамъ лучше должно быть извѣстно.

— Не имѣю объ этомъ никакихъ свѣдѣній, хотя господинъ бургмейстеръ Варендорпъ изготовляетъ всѣ подобные документы не иначе какъ при моемъ посредствѣ.

— Тотъ документъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ написанъ еще при бургмейстерѣ Виттенборгѣ,—мрачно произнесъ Стеенъ.

— А! если такъ, то я вовсе и не удивлюсь тому, что подобнаго документа не знаю. Когда поименованное вами лицо управляло городскими дѣлами, нашего брата частенько обходили при подобныхъ дѣлахъ.

— Я самъ ходотайствовалъ о томъ, чтобы Виттенборгъ лично изготовилъ этотъ документъ,— заявилъ Стеенъ,— а потому именно я еще вдвойнѣ удивляюсь слухамъ, которые вы мнѣ сообщаете.

— Вы, можетъ быть, еще болѣе удивитесь, когда узнаете, кто именно является главнымъ виновникомъ распространенія этихъ слуховъ?—сказалъ Вееръ съ плутоватой улыбочкой.

— Такъ онъ вамъ извѣстенъ? — съ изумленіемъ вскричалъ Стеенъ.—Кто же это?

Секретарь хихикнулъ...

— Не велика птица!—сказалъ онъ, многозначительно помолчавъ и поигрывая съ набалдашникомъ своей трости.

— Такъ назовите же мнѣ его!—нетерпѣливо крикнулъ купецъ.

— Это одинъ изъ вашихъ приказчикъ, по имени Янъ Ганнеке, кажется. Онъ утверждаетъ, будто бы слышалъ это отъ своего отца, что̀ ужъ, конечно, не болѣе, какъ наглая ложь... Потому, какъ же могъ бы простой рыбакъ узнать о такомъ важномъ и при томъ тайномъ дѣлѣ?..

Госвинъ Стеенъ такъ и замеръ, услыхавъ это; послѣдній остатокъ вѣры въ человѣка, въ это мгновеніе, разлетѣлся въ немъ прахомъ. Какъ!? Ганнеке, которому онъ вполнѣ довѣрился и, благодаря этому довѣрію, приблизилъ его къ себѣ,—Ганнеке измѣнилъ своему слову! Всѣ его клятвы оказывались дѣтскою ложью, потому что онъ способенъ былъ разболтать о дѣлѣ и нарушить его тайну!..

— Весьма сожалѣю, что навелъ на васъ такое дурное настроеніе,—извинялся между тѣмъ секретарь, — но я, право, только изъ желанія добра...

— Примите мою благодарность, — сказалъ Госвинъ Стеенъ. — Я постараюсь воспользоваться вашимъ предостереженіемъ. Очень мало тревожусь о томъ, что̀ станетъ говорить обо мнѣ простонародье; но я обязанъ, во всякомъ случаѣ, охранять честь моей старинной фирмы. А если васъ станутъ спрашивать, г. секретарь, о моихъ политическихъ убѣжденіяхъ, то скажите всѣмъ только одно: Госвинъ Стеенъ — самый вѣрный и самый преданный защитникъ Ганзы и ганзейскихъ интересовъ, и если бы отъ него зависѣло дѣло, то онъ бы ужъ давно заставилъ аттердага поплатиться за тотъ вредъ, который онъ Ганзѣ нанесъ.

— Будьте увѣрены, что всему городу это передамъ!—отвѣчалъ секретарь, низёхонько раскланиваясь, и не переставая кланяться исчезъ за дверью конторы.

Часа два спустя, когда Янъ вернулся изъ города въ контору, исполнивъ данныя ему порученія, и собирался занять свое обычное мѣсто, онъ увидилъ, что его товарищи посматриваютъ на него какъ-то странно... Немного спустя къ нему подошелъ старшій приказчикъ, завѣдывавшій конторой, и сказалъ:

— Вы можете не начинать вашей работы, такъ какъ фирма не нуждается болѣе въ вашихъ услугахъ.

Янъ не вполнѣ разслышалъ то, что ему было сказано; но говорившій продолжалъ:

— Мнѣ поручено передать вамъ ваше жалованье за текущую четверть года.—И при этомъ онъ полностью отсчиталъ Яну на его столѣ слѣдовавшую ему маленькую сумму.

— Да что же я такое сдѣлалъ?—сказалъ, наконецъ, Янъ, который все еще никакъ не могъ прійти въ себя отъ изумленія.—Чѣмъ я провинился, что г. Стеенъ такъ внезапно отказываетъ мнѣ отъ мѣста?

— Этого я и самъ не знаю, и только выполняю по отношенію къ вамъ возложенное на меня порученіе.

— Такъ я пойду къ самому г. Стеену,—воскликнулъ Янъ, пораженный случившимся, — и спрошу у него, на какомъ основаніи...

— Господинъ Стеенъ вовсе не желаетъ съ вами видѣться,—отвѣчалъ старшій приказчикъ.—И вы только напрасно потеряете время, если даже и повидаетесь съ нимъ:—онъ своего рѣшенія не измѣнитъ.

— Да если бы я только могъ узнать, что именно побуждаетъ его къ такому странному способу дѣйствій? Или, можетъ быть, вы не были довольны мною? Можетъ быть, вы жаловались на недостатокъ старанія съ моей стороны или на мое обхожденіе?

— Никогда ни на что не жаловался.

— Такъ вѣрно же кто-нибудь оклеветалъ меня предъ г. Стееномъ?

— Кому это въ голову прійдетъ? Всѣ здѣсь—честные работники. Можетъ быть, онъ вамъ отказываетъ просто такъ, потому что времена вообще тяжелыя... Вы младшій изъ насъ, а ему вздумалось сократить число приказчиковъ; ну, вотъ онъ съ младшаго и началъ.

— Такъ почему же онъ не допускаетъ меня къ себѣ и даже не дозволяетъ съ собою проститься.

— Развѣ вы не знаете, какъ онъ цѣнитъ время, и какой онъ врагъ всякихъ излишнихъ формальностей? Полагаю, что и ему не легко съ вами разстаться, а потому онъ и желаетъ, какъ васъ, такъ и себя оберечь отъ такого непріятнаго свиданія.

Тутъ ужъ потрясеніе, вызванное этимъ событіемъ въ душѣ Яна, разразилось слезами. Не въ силахъ будучи удержаться, Янъ раз-

рыдался, и, сунувъ деньги въ карманъ, сталъ поочередно прощаться со своими товарищами. Затѣмъ, онъ вышелъ на улицу, и ему все еще не вѣрилось. Онъ оглянулся въ послѣдній разъ на хозяйскій домъ и увидѣлъ самого хозяина у окна его конторы. Онъ готовъ былъ вернуться, подойти къ нему и спросить: «да что же я вамъ такое сдѣлалъ, что вы такъ вдругъ рѣшились отпустить меня, бѣдняка, на всѣ четыре стороны»?! Но мрачный и суровый взглядъ, брошенный въ его сторону хозяиномъ, приковалъ его къ мѣсту. Минуту спустя, Госвинъ Стеенъ уже отошелъ отъ окошка.

XXIII.

Еще одно испытаніе.

Глубоко и тяжело вздыхая, направился бѣдный юноша къ дому Детмара. «Что они обо мнѣ подумаютъ!»—вотъ что прежде всего вертѣлось у него въ головѣ. Особенно мучило его то, что, пожалуй, фрейленъ Елисавета усомнится въ его способности быть со временемъ толковымъ и дѣльнымъ купцомъ, и, пожалуй, подумаетъ, что онъ какой-нибудь лѣнтяй, котораго прогнали со службы за ненадобностью!.. Нѣсколько разъ подходилъ онъ къ дому Детмаровъ, но все не рѣшался въ него войти. Наконецъ, онъ задумалъ сначала попытаться поискать себѣ мѣсто у другихъ хозяевъ, а потому принялся бродить по городу.

А между тѣмъ, въ семьѣ Детмаровъ уже давно знали о томъ, что отъ мѣста ему отказано. Секретарь, черезъ одного изъ своихъ племянниковъ, служившаго въ конторѣ Стеена, узналъ о случившемся съ Яномъ и уже успѣлъ довести это извѣстіе до свѣдѣнія фрау Детмаръ и фрейлейнъ Елисаветы.

Елисавета тотчасъ же вышла изъ комнаты, чтобы скрыть свои слезы. Ненавистный ей секретарь не долженъ былъ видѣть, какое сердечное участіе она принимала въ несчастіи постигнувшемъ Яна.

— Какъ же это такъ скоро могло случиться?—спросила Беера хозяйка дома.

Тотъ только усмѣхался да плечами пожималъ.

— Да что же это?—съ досадою проговорила фрау Детмаръ,—не мучьте, пожалуйста, а просто скажите, что вамъ объ этомъ извѣстно?

Секретарь многозначительно поднялъ брови и, наклонясь къ уху почтенной женщины, произнесъ съ разстановкой:

— И знаю; а сказать не могу—это большая тайна!

— А почему же не сказать?—возразила фрау Детмаръ, подстрекаемая любопытствомъ.—Право, странно: сами называете себя нашимъ другомъ, собираетесь даже войти съ нами въ родственныя отношенія; а между тѣмъ отказываете мнѣ въ довѣріи?

СЕРГѢЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ СОБОЛЕВСКІЙ.

Съ фотографіи снятой въ 1862 году.

Дозв. ценз. спб., 26 марта 1888 г.

АРАКЧЕЕВСКІЙ СЫНОКЪ [1].

XX.

А ДРОЖКАХЪ, именовавшихся въ народѣ «гитарой», верхомъ, какъ на конѣ, Шумскій въ полной флигель-адъютантской формѣ полетѣлъ стрѣлой на великолѣпномъ рысакѣ вдоль по Большой Морской. Раза два, не смотря на зычные окрики его толстаго бородатаго кучера, рысакъ чуть не задавилъ разносчика съ ноткомъ на головѣ и какую-то старуху, переходившую улицу.

Шумскій вспомнилъ, что его часы отстаютъ и что онъ опоздалъ минутъ на десять. Онъ тревожился, однако, шутливо подумалъ:

— Будь я Іисусъ Навинъ, сейчасъ бы сказалъ: «стой, солнце, и не движись, луна!» Впрочемъ мой чудесникъ и Навина посадилъ бы подъ арестъ за вольнодумное командованіе природой.

Выѣхавъ на Дворцовую площадь, Шумскій увидѣлъ противъ одного изъ большихъ подъѣздовъ массу всякихъ экипажей, а равно нѣсколько верховыхъ лошадей, которыхъ держали подъ уздцы конюхà или денщики. На самомъ подъѣздѣ виднѣлись часовые, полицейскіе и въ дверяхъ огромнаго роста швейцаръ съ булавой.

Быстро соскочивъ съ дрожекъ, Шумскій сбросилъ шинель на руки перваго попавшагося лакея и, привѣтствуемый поклонами

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXII, стр. 5.

дворцовыхъ служителей, которые хорошо знали его въ лицо, онъ быстро пошелъ въ горницы.

Въ довольно большой залѣ было уже человѣкъ до тридцати, ожидавшихъ пріема временщика. Это были почти все сплошь генералы, сановники, между ними два министра.

Повсюду, отъ подъѣзда, гдѣ какъ идолъ стоялъ недвижно и выпятивъ грудь швейцаръ съ булавой, въ прислугѣ, въ мелкихъ чиновникахъ, и даже до самихъ сановниковъ середи пріемной, во всемъ пролился и лежалъ одинъ отпечатокъ. Всѣ были, по просторѣчью, «на чеку», всѣ ходили «по стрункѣ». Всякій подтянулся, всякій озирался кругомъ съ ощущеніемъ на сердцѣ, именуемымъ «имѣть ушки на макушкѣ». Всякій оглядывалъ себя насколько могъ, какъ бы занятый мыслью, все ли на немъ въ порядкѣ. Нѣкоторые изрѣдка сдавленно вздыхали и отдувались, доказывая тѣмъ, что сердцебіеніе и дыханіе совершались въ нихъ неправильно, слишкомъ медленно или слишкомъ ускоренно.

Въ числѣ военныхъ и штатскихъ, въ углу пріемной сидѣла маленькая, совершенно сѣдая, но благообразная старушка въ черномъ муаровомъ, очень изящномъ платьѣ. На чистомъ лицѣ ея, гдѣ глубоко впали большіе выцвѣтшіе глаза и тоже впалъ давно беззубый ротъ, видны были все-таки остатки прежней строгой красоты. Но главное, во всей ея фигурѣ было какое-то достойное спокойствіе, а на лицѣ грустная задумчивость.

Все, что пріѣхало сюда и продолжало подъѣзжать, при видѣ старушки тотчасъ же подходило къ ней. Всякій приближался къ ея креслу и издали почтительно кланялся, или же подходилъ къ самому креслу и, низко наклонившись, вѣжливо и чопорно цѣловалъ по обычаю протянутую ему руку.

Среди кучекъ толпившихся сановниковъ кое-гдѣ шелъ тихій говоръ и шопотъ объ этой же старушкѣ. Слышалось:

— Княгиня-то! А!

— Сама пріѣхала.

— Что же, что сама?

— И ей порогъ его обивать пришлось.

— Напрасно голубушка унижается. Съ нимъ ничего не подѣлаешь.

Шумскій, проходя пріемную, завидѣлъ старушку, точно также повернулъ тотчасъ въ ея сторону и, приблизясь близко къ креслу, низко поклонился. Въ одну секунду произошло нѣчто, что всѣ замѣтили, а Шумскій вспыхнулъ и внутренно взбѣсился. Послѣ поклона старушкѣ онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, вполнѣ ожидая, что придется поцѣловать протянутую руку; но старушка не тронулась, ни одна черта на лицѣ ея не двинулась, она только слегка под-

няла голову и, глянувъ на красиваго флигель-адъютанта, упорно и презрительно смѣрила его съ головы до пятъ. Судя по лицу ея, казалось, что ей даже обиденъ этотъ нижайшій поклонъ офицера.

Шумскій поспѣшно двинулся въ противоположныя двери и, пропущенный съ поклономъ сѣдымъ и плѣшивымъ чиновникомъ съ крестомъ на шеѣ, вошелъ въ другую горницу, меньшихъ размѣровъ, но которая казалась больше и просторнѣе.

Въ этой комнатѣ въ два окна, выходившихъ на Дворцовую площадь, былъ большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ съ золотой бахромой, два большіе шкафа, стекла и зеленыя занавѣски которыхъ скрывали отъ глазъ содержимое въ нихъ, и больше ничего—ни кресла, ни стула. Кругомъ стояли пустыя стѣны и только на одной изъ нихъ противъ дверей висѣлъ большой портретъ царствующаго императора.

За большимъ столомъ, на единственномъ деревянномъ стулѣ сидѣлъ военный. На сюртукѣ съ высокимъ краснымъ воротникомъ, подпиравшимъ подбородокъ и уши, не было ни одного ордена, но блисталъ брилліантами царскій портретъ. Рукава сюртука, перехваченные у кисти, закрывали его руки и виднѣлись только пальцы обѣихъ рукъ, лежавшихъ на бумагѣ. Онъ былъ коротко остриженъ, но курчавые отъ природы волосы вились барашкомъ, лишь кое-гдѣ блестѣла сѣдина. Обритое лицо, не красивое, съ вульгарными чертами, сначала поражало отсутствіемъ какого-либо оживленія, но затѣмъ тотчасъ же за безстрастно холоднымъ выраженіемъ сказывалось что-то тупое, упрямое, и будто сонливо жестокое.

Мясистый, неуклюжій, слегка вздернутый носъ «дулей», какъ говоритъ народъ, портилъ все лицо. Толстыя, пухлыя губы нѣсколько смягчали жестокое выраженіе всего лица, но зато странные глаза своимъ тусклымъ свѣтомъ производили тяжелое впечатлѣніе. Всегда на половину опущенныя вѣки, скрывающія зрачки,— «гàлачьи глаза» — дѣлали все лицо тупосонливымъ и деревянно жесткимъ.

Шумскій поспѣшно, но бережно и не стуча ногами по паркету, обошелъ столъ. Сидѣвшій протянулъ ему руку, не поворачивая головы. Молодой человѣкъ поцѣловалъ позументъ и пуговицу края рукава и, снова выпрямившись, сталъ какъ на часахъ.

Временщикъ, не хотѣвшій или не умѣвшій быть отцомъ, хотя давно не видалъ сына, взглянулъ теперь не на него, а на столовые часы, стоявшіе противъ него среди книгъ и бумагъ. Подъ прелестнымъ амуромъ съ крылышками, съ колчаномъ и стрѣлами, часы показывали восемь минутъ девятаго.

Графъ Аракчеевъ, попрежнему не поворачивая головы къ сыну, слегка приподнялъ руку и ткнулъ молча пальцемъ на амура.

Между кудрявымъ, граціознымъ, шаловливымъ богомъ любви и этимъ властителемъ было такъ мало общаго, была такая нравственная пропасть, что отъ движенія руки «великаго міра сего» амуръ, еслибы не былъ бронзовымъ, непремѣнно бы гадливо шарахнулся, вспорхнулъ и улетѣлъ изъ горницы.

— Виноватъ, задержали,—пробормоталъ Шумскій.—Прислали! Дѣло важное... запоздалъ.

Шумскій лгалъ. Аракчеевъ зналъ, что онъ лжетъ.

— Справедливъ законъ, возбраняющій государственнымъ мужамъ брать къ себѣ на службу родственниковъ. Гауптвахтой не напугаешь, отставить отъ должности не могу, выпороть и того менѣе. Что же! Ну и республиканствуй.

— Простите,—прошепталъ Шумскій.

— Надоѣло,—протянулъ Аракчеевъ какъ бы равнодушно и лѣниво и какъ бы про себя.—Всякій день отъ зари до зари всѣхъ кругомъ прощай. Никто своего самомалѣйшаго долга не чувствуетъ и не исполняетъ. Зараза французская вольнодумствованія—всѣхъ сожрала, какъ ржавчина. Ну, иди, докладывай и принимай.

Шумскій двинулся.

— Да смотри въ оба! Ты прàпора какого прежде генерала впустишь. Съ тебя станется. Кто тамъ налѣзъ?

Шумскій, хотя быстро прошедшій горницу, могъ тотчасъ же перечислить поименно почти всѣхъ ожидавшихъ пріема.

— А кромѣ того-съ,—прибавилъ офицеръ,—княгиня Аврора Александровна. Какъ прикажете ее просить?

— Княгиня,—выговорилъ Аракчеевъ себѣ подъ носъ и слегка двинулъ губами, будто хотѣлъ ухмыльнуться.—Знаю, зачѣмъ. Не испугаетъ.

Аракчеевъ фыркнулъ носомъ и прибавилъ:

— Думаетъ, сама пріѣхала, такъ я для нея колесомъ пойду. Помнится, когда покойный родитель привезъ меня сюда, отдавалъ въ корпусъ, привезъ на поклонъ къ этой Аврорѣ, долго мы сидѣли у ней въ передней съ холопами. А тамъ покуда батюшка умаливалъ ее оказать намъ помощь, меня сдали къ какой-то ключницѣ съ бѣльмомъ на глазу, чтобы въ дѣвичьей чаемъ напоить. Съ однимъ чаемъ въ прикуску я тогда и остался, а въ кадеты не попалъ. Спасибо, другой благодѣтель вступился. Помнится мнѣ, и въ передней, и въ дѣвичьей у Авроры отсидѣлъ я часика два. Что же дѣлать! Посиди и она теперь столько же.

Все это проговорилъ Аракчеевъ тихо, медленно, вяло, глядя какъ бы сонными глазами на пустую стѣну.

Шумскій вошелъ въ пріемную и какъ бы вступилъ въ должность. Постоянно входя и выходя изъ одной комнаты въ другую,

онъ докладывалъ Аракчееву съ порога имена тѣхъ лицъ, которыя не были лично извѣстны временщику.

Къ нѣкоторымъ графъ Аракчеевъ поднимался, и обойдя столъ, стоялъ и тихо, вяло разговаривалъ, но больше выслушивалъ, изрѣдка прибавляя сухо и отрывисто:

— Слушаюсь. Постараюсь. Готовъ служить.

Но въ этихъ выраженіяхъ звучало совершенно противоположное; особый оттѣнокъ, говорилъ:

«Конечно, не постараюсь. Конечно, служить не буду. Что изъ твоего дѣла выйдетъ, не знаю, тамъ видно будетъ».

Нѣкоторыхъ графъ отводилъ къ окну, просилъ сѣсть на подоконникъ, присаживался самъ и разговаривалъ нѣсколько менѣе сухо.

Пріемъ продолжался уже около часа. Каждый разъ, что ктонибудь выходилъ изъ комнаты временщика, Шумскій снова входилъ съ докладомъ о слѣдующемъ лицѣ. Прошло уже человѣкъ пятнадцать.

XXI.

Доложивъ объ какомъ-то невзрачномъ генералѣ, Шумскій оглянулъ лишній разъ залу, какъ бы размышляя о томъ, когда вся эта канитель кончится и вдругъ вздрогнулъ, и ахнулъ почти вслухъ. Сердце шибко застучало въ немъ, какъ отъ удара.

— Господи помилуй!—искренно перепуганный, произнесъ онъ мысленно.

Въ противоположномъ концѣ пріемной, бесѣдуя съ тремя другими сановниками, стоялъ въ мундирѣ никто иной, какъ самъ баронъ Нейдшильдъ.

Шумскій такъ оторопѣлъ, такъ смутился, что на минуту забылъ, гдѣ онъ находится и что̀ дѣлаетъ.

— Все пропало! Зарѣзанъ!—чуть не прошепталъ онъ вслухъ.— Вотъ что изъ твоихъ затѣй вышло, дьяволъ,—мысленно обратился онъ къ той горницѣ, гдѣ въ эту минуту вдругъ раздался громкій и гнѣвный голосъ Аракчеева:

— Солдатъ въ генералы не попадаетъ въ мгновеніе ока, а генералъ въ солдаты можетъ попасть.

Но Шумскій не слыхалъ этой угрозы, ему было все равно, кто въ кабинетѣ временщика можетъ быть разжалованъ въ солдаты, онъ самъ въ эту минуту не испугался бы этого.

Сейчасъ, сію минуту баронъ Нейдшильдъ, поговоривъ со знакомыми, подойдетъ къ нему просить доложить о себѣ графу Аракчееву и увидитъ, узнаетъ въ флигель-адъютантѣ живописца Ан-

древа. Все созидаемое давно, въ одинъ мигъ рухнетъ какъ башня и раздавитъ ея строителя.

Нейдшильдъ кончилъ бесѣду со знакомыми и сталъ оглядываться, какъ бы ища глазами того, кто долженъ доложить о немъ графу Аракчееву. Кто-то указалъ ему на Шумскаго, онъ двинулся и сталъ подходить.

Молодой человѣкъ, какъ уязвленный, мгновенно бросился къ двери комнаты, гдѣ гремѣлъ голосъ Аракчеева. Онъ чуялъ, что дѣлаетъ роковую неосторожность, входя не во время. Но что же было дѣлать? Оставаться тамъ нельзя, но вѣдь оставаться тутъ тоже нельзя.

Едва переступилъ онъ порогъ и сталъ подходить къ столу, самъ не зная зачѣмъ и что сдѣлаетъ, какъ Аракчеевъ обернулся къ нему и выговорилъ рѣзко:

— Тебѣ что? Вонъ!

Шумскій какъ-то завертѣлся во всѣ стороны между столомъ и дверями, совершенно какъ если бы собирался начать вальсировать и, наконецъ, двинулся снова къ дверямъ, съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ человѣкъ съ высокаго утеса рѣшается броситься въ пропасть.

Но едва онъ очутился снова въ пріемной, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того же барона Нейдшильда, находчивость, никогда не оставлявшая его въ жизни, и тутъ помогла.

Баронъ Нейдшильдъ уже подошелъ, уже вглядывался въ его лицо, пристально и внимательно, уже произносилъ:

— Позвольте просить васъ, господинъ офицеръ...

Но онъ запнулся, лицо его выразило удивленіе. Быстрые дерзкіе, хорошо знакомые глаза, испуганно глянули на него. Какъ ни мѣнялъ человѣка флигель-адъютантскій мундиръ, все-таки баронъ глядѣлъ на этого офицера и что-то такое особенное возникало, готово было родиться въ его головѣ.

Но въ этотъ самый мигъ офицеръ выхватилъ носовой платокъ изъ кармана, закрылъ имъ все лицо отъ подбородка до лба, увернулся отъ барона и, обратясь къ лысому чиновнику съ крестомъ на шеѣ, выговорилъ:

— Доложите графу, кровь носомъ, не могу...

И Шумскій, быстро пройдя съ платкомъ у лица мимо стоявшихъ военныхъ и штатскихъ, выбѣжалъ изъ пріемной.

— Тамъ хоть въ разпросолдаты разжалуй, чортъ эдакій,—думалъ онъ.—Не стану я губить себя изъ-за твоихъ дурацкихъ затѣй.

Шумскій выбѣжалъ въ переднюю, набросилъ шинель, и, сѣвъ въ дрожки, черезъ нѣсколько минутъ, снова стрѣлой подкатилъ къ подъѣзду своей квартиры.

— Ну что, если узналъ,—думалъ онъ, входя къ себѣ.—Что будетъ, если узналъ? Какъ я сразу не догадался схватиться за платокъ. Ахъ дьяволъ! Мало у него офицеровъ, чтобы мнѣ при немъ должность лакейскую исправлять. Чудесники, дуболомы, черти!

Войдя къ себѣ, Шумскій крикнулъ Копчика и быстро, нервно, побросалъ съ себя на полъ все платье и надѣлъ штатское. Черезъ минутъ пять онъ уже ѣхалъ на извозчикѣ, погоняя и обѣщая на чай, по направленію къ Васильевскому Острову.

Черезъ полчаса живописецъ-Шумскій сидѣлъ въ столовой въ ожиданіи выѣхавшаго изъ дома барона. Антипъ сказалъ ему, что баронъ отправился во дворецъ къ царю.

Шумскій вынулъ пятирублевую бумажку, сунулъ Антипу въ кулакъ и выговорилъ:

— Голубчикъ мой, окажи мнѣ великую милость. Приказалъ мнѣ баронъ быть сегодня спозаранку, а я запоздалъ. Скажи ты ему, какъ пріѣдетъ, что какъ, молъ, вы изъ дверей, а г. Андреевъ въ двери.

— Да они васъ нынче не ждали,—замѣтилъ Антипъ.

— Ждалъ, тебѣ говорю. Ужъ я знаю, что ждалъ, приказалъ быть. Я тебѣ еще дамъ завтра.

— Зачѣмъ, помилуйте.

— Еще дамъ, только какъ пріѣдетъ баронъ, спроситъ или не спроситъ, ты свое: господинъ, молъ, Андреевъ. Да ты слушай! Господинъ Андреевъ, какъ вы съ подъѣзда, онъ на подъѣздъ. И вотъ съ тѣхъ поръ здѣсь сидитъ, ждетъ. Понялъ ли ты?

— Чего же тутъ не понять.

— Ну вотъ, пожалуйста.

И Шумскій тревожно, взволнованно снова два раза повторилъ то же самое:

— Спроситъ ли, не спроситъ, ты ему свое!

— Слушаю-съ, слушаю-съ. И чего вы растревожились,—говорилъ удивленный Антипъ.

Шумскій былъ настолько взволнованъ, что даже не подумалъ спросить о баронессѣ, или о Пашутѣ.

Когда онъ собрался снова позвать изъ буфета кого-нибудь изъ людей, чтобы узнать здорова ли Пашута и дома ли баронесса, у подъѣзда раздался топотъ и громъ экипажа. Человѣкъ отперъ парадную дверь.

Шумскій прислушался къ дверямъ передней.

— Здѣсь?—послышался голосъ барона.

— Здѣсь.

— Андреевъ?

— Точно такъ-съ.

— Не знаю, не звалъ.

Баронъ вошелъ въ залу, Шумскій поклонился и внутренно озлился на себя, потому что чувствовалъ, что вопреки его волѣ и усиліямъ легкій румянецъ выступаетъ на его щекахъ.

«Собой не владѣешь, гдѣ тебѣ другими командовать», вертѣлось гнѣвно у него въ головѣ.

— Вы приказали явиться,—вымолвилъ онъ и старался стоять, наклонивъ голову, чтобы хоть немного скрыть отъ барона черты лица.

Баронъ, забывшій по дорогѣ о томъ, что какой-то флигель-адъютантъ тамъ, во дворцѣ, чѣмъ-то удивилъ его, теперь снова вспомнилъ. Онъ пристально и молча вглядывался въ лицо Шумскаго и, наконецъ, вымолвилъ:

— Удивительно! Inimaginable! Знаете ли, mon cher monsieur Андреевъ, что вы удивительно похожи на ординарца или докладчика у господина графа Аракчеева. Я сейчасъ къ нему являлся и имѣлъ бесѣду. Не будь вы здѣсь, побожился бы, что это вы сами. Брата у васъ нѣтъ?

— Точно такъ-съ,—поспѣшилъ выговорить Шумскій,—у меня есть двоюродный братъ, но замѣчательно похожій на меня. Совершенно родной братъ! Совершенно близнецъ! Онъ военный, при графѣ состоитъ. Это онъ по всей вѣроятности и былъ.

— Ну вотъ. Une ressemblance extraordinaire. Вы напрасно пожаловали сегодня, я васъ не ожидалъ. Дѣла никакого нѣтъ, можете отправляться.

Шумскій уже довольный, почти счастливый, двинулся.

— Un moment, г. Андреевъ. Ваше жалованье?

— Успѣется, баронъ, успѣется.

— Странно! Какъ хотите.

Черезъ минуту Шумскій былъ уже на подъѣздѣ, весело улыбался и бормоталъ вслухъ:

— Какъ все просто обошлось, даже глупо. Слава тебѣ Господи! Отъ осла отбоярился, теперь только какъ съ медвѣдемъ справиться. Скажу, поллаханки крови вышло. Что же, мнѣ было — весь дворецъ перепачкать.

И Шумскій, снова нанявъ извозчика, двинулся домой. Онъ былъ такъ доволенъ и счастливъ, что избѣгнулъ удачно рокового событія, что началъ что-то напѣвать. Затѣмъ, треснувъ извозчика по плечу, онъ обѣщалъ ему рубль цѣлковый и сталъ разспрашивать, какъ его зовутъ, изъ какой онъ губерніи и сколько ему лѣтъ.

Поворачивая изъ улицы на набережную Невы, Шумскій замѣтилъ на тротуарѣ дѣвчонку лѣтъ тринадцати, грязно одѣтую, почти обтрепанную, худую, съ блѣднымъ лицомъ. Она сидѣла на тумбѣ,

подтянула къ себѣ босую ногу и, держа въ рукахъ большой палецъ ноги, внимательно разглядывала его. Около нея лежалъ на панели огромный сѣрый узелъ, повидимому, съ бѣльемъ.

Когда Шумскій поровнялся съ дѣвчонкой, она уже встала и начала со страшными усиліями взваливать на себя огромный узелъ, въ которомъ, повидимому, было болѣе пуда вѣсомъ. Стараясь взвалить на себя узелъ, дѣвчонка вдругъ потеряла равновѣсіе. Узелъ шлепнулся на панель, а она, поскользнувшись, упала тоже около него.

— Стой!—заоралъ Шумскій такъ, что извозчикъ вздрогнулъ и повисъ на возжахъ.

Офицеръ соскочилъ съ дрожекъ и подбѣжалъ къ дѣвчонкѣ такъ быстро, что даже напугалъ и ее.

— Что? Бѣлье? Тяжело? Далеко несешь?—выговорилъ онъ.

Дѣвочка, оторопѣвъ, не отвѣтила и, поднявшись на ноги, только косилась на барина.

— Бѣлье?

— Бѣлье-съ,—тихо отозвалась она.

— Далеко ли несешь?

— А вонъ туда,—махнула они худой, костлявой рукой.

— Далеко ли?

— Далече.

— Извозчикъ,—крикнулъ Шумскій.—Иди, что ли, слѣзай. Ну! Вотъ бери узелъ, вали на дрожки.

Подошедшій извозчикъ вытаращилъ глаза на барина; но Шумскій вынулъ блестящій цѣлковый изъ кармана, сунулъ ему въ руку и крикнулъ уже сердито:

— Очумѣлъ? Вали узелъ на дрожки, сажай дѣвчонку и вези куда надо.

Черезъ нѣсколько мгновеній узелъ былъ на дрожкахъ, а между нимъ и извозчикомъ, кое-какъ, какъ на облучкѣ, сѣла не столько обрадованная, сколько изумленная, почти испуганная дѣвчонка.

— Ну, отвези ее, куда слѣдъ. А смотри, обманешь, я тебя разыщу и въ полиціи выпорю.

— Какъ можно, помилуйте. Нешто возможно,—возопилъ извозчикъ обидчиво.

И быстро собравъ возжи, онъ оглядывалъ и дѣвчонку, и узелъ, и лошадь, съ такимъ выраженіемъ лица, какъ еслибы случившееся было вовсе не нечаянностью, а ожидалось имъ еще издавна, какъ будто во всемъ случившемся была самая главная задача всей его жизни.

Дрожки съ покачивающимся огромнымъ сѣрымъ узломъ двинулись въ обратную сторону, а Шумскій пошелъ пѣшкомъ къ бе-

регу съ намѣреніемъ нанять лодку и переѣхать Неву, а то и покататься. На душѣ его было весело, радужно, изрѣдка въ головѣ возникалъ вопросъ:

— А графъ? Его родительское сіятельство?

И тутъ же былъ отвѣтъ:

— А чортъ его побери! Хоть разжалывай въ разпросолдаты. Мнѣ Ева и Ева! А тамъ все,—хоть трава не рости!

XXII.

Неожиданное происшествіе, встрѣча съ барономъ, сначала опасное, но затѣмъ благополучно окончившееся, такъ подѣйствовало на молодого человѣка, что онъ забылъ самое главное. Шумскій забылъ, что въ это самое утро Авдотья должна была побывать у Пашуты и сказать ей свое страшное слово.

А, между тѣмъ, въ тѣ самые часы, когда Шумскій скакалъ во дворецъ и на Васильевскій Островъ, успѣвъ по дорогѣ переодиться, Авдотья явилась рано утромъ въ домъ барона Нейдшильда.

Сначала напившись чаю въ комнатѣ Пашуты, мамка начала издалека, намеками предупреждать свою пріемную дочь, что у ней есть нѣчто крайне важное до нея.

— Ты должна, Пашута,—говорила Авдотья,—всей душой послужить Михайлу Андреевичу.

— Не могу и не могу,—отзывалась Пашута, грустно мотая головой.

— Теперь такъ сказываешь. А когда я тебѣ выкладу все, что есть у меня на душѣ, ты мысли свои перемѣнишь. Скажу я тебѣ такое одно диковинное слово, что ты на сáмую смерть пойдешь за Михайло Андреевича.

Пашута недовѣрчиво улыбалась и морщила брови.

«Такого слова нѣтъ,—думалось ей,—чтобы я за этого сатану хоть палецъ на отрубъ дала, а не только душу погубила».

Наконецъ, проснулась баронесса и позвала къ себѣ любимицу.

Покуда Ева одѣвалась, а продолжалось это чрезвычайно долго, Авдотья сидѣла въ горницѣ Пашуты, понурившись, угрюмая, грустная и все вздыхала. Она не сомнѣвалась ни одной минуты, что дѣвушку поразитъ въ самое сердце то, что она ей скажетъ, что эта Пашута, обязанная ей жизнью, волей-неволей станетъ повиноваться всякому приказу, хотя бы и прихотямъ ея Мишеньки.

Но выкладывать свою душу, произнести громко давно затаенное отъ всѣхъ, Авдотья все еще боялась. Она охала и вздыхала, какъ бы идя на страшный отвѣтъ и судъ. Ей казалось, что самая смерть не будетъ ей такъ ужасна, какъ ужасаетъ предстоящее теперь объясненіе съ Пашутой.

Наконецъ, дѣвушка вышла къ мамкѣ и объявила ей, что баронесса желаетъ ее опять видѣть и побесѣдовать съ ней.

Авдотья двинулась въ сосѣднюю комнату.

Маленькая красивая спальня баронессы вся отдѣлана была свѣтлоголубымъ штофомъ. Отъ мебели и гардинъ до ковра и даже до мелкихъ письменныхъ принадлежностей на столѣ все было голубое. И среди этого яркаго веселаго отблеска небеснаго цвѣта сидѣла на кушеткѣ, сложивъ на колѣняхъ снѣжнобѣлыя ручки, ладонями вверхъ, сама красивая «серебряная царевна», какъ прозвала ее Авдотья.

— Здравствуйте,—произнесла Ева, окидывая тоже ясносинимъ взоромъ вошедшую женщину.—Садитесь и разскажите, какъ спасли изъ воды милую Пашуту, произнесла баронесса едва шевеля губами и съ легкимъ иностраннымъ акцентомъ, который придавалъ особую прелесть ея русской рѣчи.

— Какъ можно, я и постою,—промычала Авдотья, невольно любуясь на эту бѣлую какъ снѣгъ барышню съ серебристымъ сіяніемъ вокругъ головы.

— Какъ есть писаный андельскій ликъ,—думала Авдотья.

— Садитесь,—повторила Ева.

— Увольте, матушка,—отзывалась Авдотья.

— Ну, конца этому не будетъ,—весело воскликнула Пашута,—до завтра торговаться будете. Я сейчасъ васъ помирю.— Нàте, вотъ!

И Пашута быстро сунула около кушетки у самыхъ ногъ Евы маленькую скамейку.

— Садитесь, Авдотья Лукьяновна, на скамеечку,—прибавила она.—И спокойно, и почтительно.

Авдотья усѣлась на скамейку, пыхтя и смущаясь близости прелестной собесѣдницы.

Ева пристально, но мирнымъ, безстрастнымъ взоромъ оглядывала женщину.

Въ иныя минуты спокойствіе и безстрастіе на лицѣ и въ позѣ баронэссы доходили до того, что она могла показаться постороннему не въ нормальномъ состояніи. Казалось, что эта красивая дѣвушка только-что поднялась съ постели, гдѣ выдержала приступъ смертельной болѣзни, и что она только-что оправляется послѣ борьбы на жизнь и на смерть. Здоровье, силы тѣла и духа, какъ бы еще не вполнѣ вернулись къ выздоровѣвшей.

Такъ было и теперь. Ева говорила тихо и слабо; красивая головка, слегка склоненная къ Авдотьѣ, если и шевелилась, то медленно; руки попрежнему лежали недвижно скрещенныя на колѣнахъ вверхъ ладонями, какъ бы упавшія отъ слабости или внезапнаго нравственнаго потрясенія.

За то именно благодаря этому красавица-дѣвушка и походила еще болѣе на ангельскій ликъ и на серебряную царевну.

Бесѣда баронессы съ назва̀ной матерью ея дорогой Пашуты длилась довольно долго. Баронесса собственно говорила мало, только спрашивала. Разсказывала все подробно оживившаяся Авдотья.

Баронессу особенно заинтересовала жизнь въ Гру̀зинѣ, графъ Аракчеевъ, его барская барыня Настасья и весь складъ житья-бытья въ усадьбѣ временщика.

Только когда дѣло дошло до сына графа, извѣстнаго въ Петербургѣ Шумскаго, то Авдотья смутилась, не знала, что и какъ говорить о немъ.

— Что онъ, каковъ собой?—спросила Ева.—Я его никогда не видала.

Авдотья вспыхнула и пунцовое лицо ея удивило Еву.

— Какъ вы, должно быть, его любите,—поняла и объяснила она по своему.

Сдѣлавъ нѣсколько вопросовъ Авдотьѣ объ ея питомцѣ, она получила нѣсколько отрывочныхъ отвѣтовъ. Разсказъ мамки о Шумскомъ не клеился такъ же, какъ разныя ро̀зказни о Гру̀зинѣ.

— Я много объ немъ слыхала,—выговорила Ева и мнѣ хотѣлось бы его видѣть. Онъ, говорятъ, большой шалунъ. Скажите, добрый онъ или злой?

— Охъ, какъ можно!—отозвалась Авдотья.—Онъ не злой. Балованный онъ, вѣстимо дѣло. Причудникъ, затѣйникъ, но не злой. Золотое сердце...

Протяжный и глубокій вздохъ Пашуты, стоявшей въ сторонѣ отъ кушетки, былъ какъ бы отвѣтомъ и оцѣнкой словъ Авдотьи.

Ева перевела глаза на любимицу и выговорила кротко:

— Пашута не любитъ вашего Мишу, очень не любитъ. Всѣ, впрочемъ, въ Петербургѣ о флигель-адъютантѣ Шумскомъ разно сказываютъ. Кто хвалитъ его очень, кто очень бранитъ. Мнѣ любопытно было бы хоть на минуту гдѣ-нибудь повидать его.

Авдотья странно улыбнулась въ отвѣтъ, какъ бы смущаясь за то, что безъ вины виноватая сидитъ передъ этой серебряной царевной.

Пашута снова тяжело вздохнула, не проронила ни слова и ото-

шла къ окну. Она тяжело задумалась о томъ, чего ждала теперь, черезъ нѣсколько мгновеній, когда окончится бесѣда Авдотьи съ баронессой.

Что хочетъ сказать ей эта женщина, которой она многимъ обязана? Пашута хорошо знала Авдотью и знала, что она, какъ умная и серьезная, даромъ не станетъ говорить то, что уже высказала намеками.

Неужели что-то, всегда поражавшее Пашуту въ Грузинѣ, что-то таинственное въ отношеніяхъ мамки и питомца, а равно разные слухи, тайно, пугливо, подспудно бродившіе всегда въ Грузинѣ, будутъ теперь затронуты Авдотьей? Вѣдь она хочетъ говорить о себѣ и Михайлѣ Андреевичѣ. Быть можетъ, она скажетъ то самое, за что десять лѣтъ назадъ одинъ садовникъ исчезъ изъ Грузина и пропалъ безъ вѣсти. Только спустя три года узнали, что онъ сосланъ графомъ въ дальніе предѣлы Сибири, за то что въ пьяномъ видѣ глупое слово сказалъ про молодого барина.

Слово это запало въ крѣпостныя души графа Аракчеева. Теперь Авдотья обѣщается сказать ей страшное слово про себя и Шумскаго. Быть можетъ, то же самое, которымъ погубилъ себя тотъ садовникъ.

Пашута стояла у окна, сложивъ руки на груди, и склонивъ свою красивую цыганскую голову, курчавую и смуглую. Черные, огневые глаза ея были пристально устремлены на улицу, гдѣ мелькали прохожіе и проѣзжіе; но она ничего и никого не видала. Взоръ ея умчался туда же, гдѣ были мысли, горькія и тревожныя.

Когда Пашута очнулась, то увидала, что баронесса тихо выступаетъ изъ комнаты въ гостиную, а Авдотья слѣдуетъ за ней. Она машинально двинулась тоже. Оказалось, что баронесса пожелала показать женщинѣ свой портретъ пастелью, почти оконченный художникомъ Андреевымъ.

Авдотья хорошо знала, что ея питомецъ когда-то хорошо рисовалъ; онъ даже съ нея когда-то, будучи ребенкомъ, дѣлалъ портреты, и настоящіе, какъ называлъ онъ ихъ, и смѣшные, и добрые, и злые. И себя самого часто рисовалъ онъ въ зеркалѣ и дарилъ мамкѣ. Всѣ стѣны въ горницѣ Авдотьи въ Грузинѣ были увѣшаны портретами питомца и ея собственными.

Увидя портретъ баронессы, Авдотья вспомнила про талантъ своего Мишеньки. Когда баронесса начала хвалить работу, Авдотья не выдержала.

— И мой Михайло Андреевичъ тоже рисовать можетъ, и эдакъ малевать можетъ.

— Какъ?—почему-то удивилась Ева.

— Точно такъ-съ, Михайло Андреевичъ хорошо рисуетъ и че-

ловѣчьи лики, и всякія фигуры. Вотъ эдакими разными карандашами..

Авдотья и не подозрѣвала, что есть неосторожность въ ея словахъ; но, переведя глаза съ портрета на стоящую передъ ней Пашуту, она вдругъ оторопѣла.

Пашута, широко раскрывъ свои красивые глаза, сурово смотрѣла на Авдотью. Она нетолько удивлялась, но боялась того, что сейчасъ можетъ прибавить разболтавшаяся женщина. Но умная Авдотья въ одинъ мигъ сообразила, чьей работы этотъ портретъ баронессы.

— Мой Мишенька,—робко добавила она, не любя и не умѣя лгать, такихъ большихъ патретовъ никогда не рисовалъ. Это, стало быть, настоящій малярь, а мой барчукъ только ради баловства занимается.

Баронесса уже хотѣла что-то снова спросить о Шумскомъ и, пожалуй, поставить женщину въ затруднительное положеніе, когда на счастіе Авдотьи явился изъ залы Антипъ и доложилъ, что баронъ проситъ дочь пожаловать къ себѣ.

Оказалось, что Нейдшильдъ только-что вернулся изъ дворца. Ева отправилась къ отцу и узнала что баронъ ѣздилъ просить графа Аракчеева продать ему дѣвушку Пашуту, и почти добился его согласія. Надо только молчать объ этомъ до времени.

Между тѣмъ, Авдотья снова прошла въ горницу любимицы и ждала, чтобы Пашута, убравъ спальню своей барышни, пришла для роковой бесѣды.

Когда баронесса, пробывъ около часу у отца, вернулась къ себѣ и сѣла за чтеніе своего любимаго поэта Шиллера, то до ея слуха достигли изъ сосѣдней комнаты голоса, которыхъ она въ первое мгновеніе не узнала. Только прислушавшись, поняла она, что разговариваютъ Пашута и ея гостья.

Голосъ Пашуты звучалъ иначе, какъ-то хрипливо и рѣзко. Словъ баронесса разобрать не могла, но чуяла, что Пашута говоритъ гнѣвно, внѣ себя, повидимому грозится, пылко и страстно.

— Неужели онѣ поссорились?—изумилась Ева.

А, между тѣмъ, повидимому оно такъ и было.

— Да Богъ съ тобой! Что ты! Опомнись, очнись! ясно—долетали слова, сказанныя Авдотьей трепетнымъ, перепуганнымъ голосомъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! Мнѣ лучше на смерть!—вскрикнула еще громче Пашута съ отчаяніемъ.—Тѣмъ паче! Тѣмъ паче!—два раза вскрикнула она чуть не на весь домъ.—Теперь пусть онъ покорится мнѣ, а не я ему покорюсь.

Затѣмъ, на какую-то фразу Авдотьи, Пашута громко заговорила и, казалось Евѣ, зарыдала.

— Люблю, помню все, но не могу. Не усовѣщавайте. Перемѣны не будетъ, я стою на своемъ. Не покоритесь, то я васъ всѣхъ за баронессу отдамъ. Зачѣмъ говорили? Не я выспрашивала! А теперь, вы въ моей власти. Такъ Господь судилъ! Уходите, велите ему мнѣ покориться, а то я всѣхъ загублю.

Баронесса, выронивъ книгу, невольно прислушивалась къ странному разговору, скорѣе къ страшной ссорѣ двухъ женщинъ. Но вдругъ въ горницѣ сразу все стихло и Ева принялась снова за чтеніе. Но въ ту же минуту вбѣжала къ ней въ комнату Пашута съ пунцовымъ лицомъ и съ рыданіями бросилась передъ ней на колѣни.

— Что ты, что ты! — испугалась Ева.

Но Пашута, забывъ строгій приказъ барышни и ея брезгливость, схватила ея руки и начала покрывать ихъ поцѣлуями и орошать слезами.

— Простите! Забыла! Простите!—выговорила Пашута. И схвативъ край платья своей дорогой барышни, она начала страстно цѣловать подолъ юбки.

— Говори, что такое?

— Ничего не скажу, хоть убейте. Но только не думайте... Бѣды нѣтъ! Все слава Богу! Господь милостивъ, Господь за насъ! Самъ Господь враговъ нашихъ мнѣ въ руки предалъ. Ослѣпилъ и предалъ.

Напрасно Ева стала разспрашивать любимицу, въ чемъ заключалась ея странная бесѣда съ Авдотьей. Пашута отказалась наотрѣзъ объяснить что-либо. Понемногу, однако, дѣвушка успокоилась, перестала плакать, улыбнулась почти весело и рѣшительнымъ голосомъ проговорила:

— Теперь вамъ ничего я не скажу. Придетъ время, все узнаете. Одно только скажу: слава Богу, слава Творцу Небесному!

И Пашута нервно перекрестилась нѣсколько разъ.

На вопросъ Евы, гдѣ Авдотья, Пашута махнула рукой, рѣшительно и отчаянно...

— Ушла, больше не придетъ!

— Какъ не придетъ?—удивилась Ева.—Почему?!.

— Не придетъ! Конецъ всему. Михаилъ Андреевичъ ея теперь у меня въ рукахъ... И графъ тоже... И Настасья... И всѣ... Только я слово одно скажи и столпотворенье въ Грузинѣ будетъ... Ахъ, да лучше уйти отъ васъ. А то сорвется что̀ съ языка!..

И Пашута, быстро поднявшись, почти выбѣжала изъ комнаты.

Ева, оставшись одна, задумалась и думала: отчего всѣ могутъ такъ изъ себя выходить, громко говорить, кричать, кидаться, ма-

хать страшно руками... А въ ней всегда, все такъ невозмутимо, ясно, просто, тихо. Что могло бы ее взволновать и привести въ такое же бурное состоянье?

Радостная вѣсть, большое горе, ужасное оскорбленье, огромная опасность?.. Нѣтъ... Что̀ же? Ева не знала.

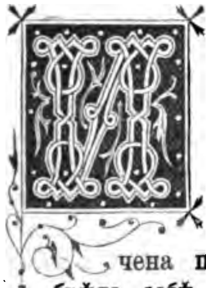
(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Графъ Е. Саліасъ.

ШЛЮССЕЛЬБУРГСКАЯ НЕЛѢПА.

МПЕРАТРИЦА Екатерина II вступила на престолъ въ тяжелое для Россіи время. Императрица вполнѣ сознавала трудное положеніе имперіи и сама изобразила его въ живыхъ, яркихъ краскахъ. «При вступленіи моемъ на престолъ»,—писала она,—«я нашла имперію въ слѣдующемъ состояніи:

«Обременительная война съ Пруссіею была окончена по волѣ Петра III миромъ, которымъ Россія не пріобрѣла себѣ никакой выгоды, кромѣ спокойствія. 28-го іюня 1762 года армія была еще за границею и не получала осьмой мѣсяцъ жалованья. Флотъ былъ въ упущеніи, армія въ разстройкѣ, крѣпости разваливались. На штатсъ-конторѣ было семнадцать милліоновъ долгу. Недовѣріе къ казнѣ было полное. Ни единый человѣкъ въ государствѣ не то чтобъ зналъ сколько казнѣ было доходовъ, ниже не вѣдалъ званій доходовъ разныхъ. Государственный бюджетъ не былъ точно установленъ. Всѣ почти вѣтви коммерціи были отданы частнымъ людямъ на откупъ. Около двухъ сотъ тысячъ крестьянъ горнозаводскихъ и монастырскихъ находились въ открытомъ бунтѣ; помѣщичьи крестьяне во многихъ мѣстахъ отказывали господамъ своимъ въ повиновеніи и въ уплатѣ повинностей. Правосудіе продавалось съ молотка. Жестокія пытки и наказанія за бездѣлицу, какъ за тяжкое преступленіе, ожесточали умы. Повсюду народъ приносилъ жалобы на лихоимство, взятки, притѣсненія и неправосудіе. Политическія же обстоятельства были таковы, что сверхъ сего еще мы ожидали пришествія татаръ на Украйну къ масляницѣ».

Набросанная въ общихъ чертахъ, широкими штрихами, эта картина довольно вѣрна, но не совсѣмъ полна—въ ней опущено самое главное, наиболѣе существенное. Политическій горизонтъ, дѣйствительно, заволакивали тучи, но не татаръ, которые къ тому же не пришли на Украйну ни къ масляницѣ, ни послѣ масляницы. Татаръ Россія знала издавна и не разъ била—не страшны ей татары. Другое обстоятельство, болѣе важное и на Руси еще небывалое, поселяло смуту въ умахъ и шатаніе въ мысляхъ русскихъ людей: случалось Россіи оставаться безъ государя, но никогда еще не бывало, чтобъ на русской землѣ находились одновременно три государя. Когда Екатерина II провозгласила себя императрицей, были живы и здравствовали еще два императора, два представителя самодержавной власти — она являлась уже третьею: былъ живъ еще Петръ III Ѳеодоровичъ, вчерашній императоръ, былъ живъ и Иванъ III Антоновичъ, въ пеленкахъ вѣнчанный на царство. Правда, Петръ содержался въ Ропшѣ, Иванъ—въ Шлюссельбургѣ, одна Екатерина была свободна, одна она жила въ столицѣ; но все же она была третьею въ счетѣ лицъ, которыя были признаны императорами, которымъ присягали, имена которыхъ поминались на эктеніяхъ, чеканились на монетахъ. Откуда же такое излишество самодержцевъ, что̀ оно означаетъ, что̀ сулитъ народу? Живьемъ возставалъ въ памяти русскихъ людей простой, но сильный укоръ Ксеніи Ивановны, находившей, что всѣ «измалодушествовались—давъ свои души прежнимъ государямъ, не прямо служили». Правда, Петербургъ восторженно привѣтствовалъ новую императрицу, но Петербургъ, вѣдь, не Россія. Нѣтъ, не о татарахъ думала Екатерина въ день восшествія своего на престолъ и не объ Украйнѣ безпокоилась она.

Вольтеръ, высказавшій въ своей перепискѣ съ коронованными особами большое знаніе политическихъ и придворныхъ обстоятельствъ, въ одномъ изъ первыхъ же своихъ писемъ къ Екатеринѣ II говоритъ о ея «несравненномъ счастіи». Это вольтеровское счастіе скоро разсѣяло и первыя политическія тучи, безпокоившія Екатерину: черезъ семь дней по ея воцареніи, императоръ Петръ III «припадкомъ гемороидическимъ впалъ въ прежестокую колику» и умеръ въ Ропшѣ 6-го іюля 1762 г.; черезъ два года—5-го іюля 1764 года, императоръ Иванъ III убитъ въ Шлюссельбургѣ самими же тюремщиками. Екатерина осталась одна.

Это, дѣйствительно, «несравненное» счастіе причинило много горя Екатеринѣ. Такіе крутые перевороты, какъ сверженіе Петра III и его внезапная смерть или убіеніе Ивана III, всегда производятъ сильное нервное потрясеніе въ народномъ организмѣ. Они не проходятъ безслѣдно, и за мертвымъ Петромъ III выступилъ рядъ живыхъ самозванцевъ; даже убіеніе забытаго всѣми Ивана III откликнулось появленіемъ Курдилова.

Было, конечно, довольно времени, чтобъ вполнѣ забыть Ивана III. Да и кто могъ помнить его? Кто его зналъ?

Сынъ принцессы мекленбургской Елисаветы-Екатерины-Христины и принца брауншвейгъ-люнебургскаго Антона-Ульриха, при крещеніи названный Иваномъ, родился 12-го августа 1740 года. Груднымъ младенцемъ, десяти недѣль отъ роду, онъ, по капризу императрицы Анны Ивановны, былъ объявленъ императоромъ. Отвѣтомъ на это распоряженіе былъ глухой ропотъ въ народѣ. Почему двухмѣсячный младенецъ назначенъ императоромъ, а не его родители, не отецъ, не мать? Слыханое ли дѣло, чтобъ грудному младенцу было отдано предпочтеніе предъ его родителями? Почему какой-то Антоновичъ, сынъ чужеземцевъ, взялъ верхъ надъ дочерью Петра Великаго, надъ Елисаветою Петровной? Назначеніе же регентства на все время, пока Иванъ «въ невозрастныхъ лѣтахъ» именно въ лицѣ Бирона, всѣми ненавидимаго и, что еще хуже, презираемаго, вызвало общее негодованіе. Ничего, что онъ нѣмецъ—къ нѣмцамъ русскіе за полвѣка начали уже привыкать, встрѣчая ихъ на всѣхъ высшихъ постахъ: въ командованіи арміей, въ управленіи флотомъ, въ государственныхъ коллегіяхъ, въ высшемъ совѣтѣ—но онъ проходимецъ, нечистыми путями достигшій власти и злоупотреблявшій своимъ положеніемъ. Противъ него рѣшительно всѣ—придворные, войско, особенно же гвардія, т. е. все высшее сословіе государства, противъ него народъ. Его терпѣли, пока онъ прикрывался мантіей племянницы Петра Великаго, императрицы Анны Ивановны; со смертью Анны Ивановны его гнусная роль прекращалась—онъ этого не понялъ, и погибъ; погибъ черезъ двѣ же недѣли: онъ былъ арестованъ и сосланъ въ Пелымь, въ Сибирь.

Когда Минихъ велъ гвардейцевъ арестовывать Бирона, солдаты были убѣждены, что этотъ переворотъ дѣлается въ пользу цесаревны Елисаветы Петровны. Но манифестомъ 9 ноября 1740 г. правительницею имперіи объявлялась мать младенца Ивана, въ православіи Анна Леопольдовна. Это имя ничего не говорило русскому сердцу, было чуждо ему настолько же, какъ и имя Антона-Ульриха, отца императора-малютки. На правительницу, какъ прежде на регента, смотрѣли какъ на неизбѣжное, но временное зло. Сама Анна Леопольдовна, казалось, считала свою власть тоже временною, случайною. Никто не думалъ объ упроченіи этой власти. Именемъ грудного младенца издавали указы, вели войны, правили имперіей и интриговали, интриговали безъ конца—интриговали нѣмцы и русскіе, министры, свои и чужіе, лица свѣтскія и духовныя, интриговали женщины, всѣ, власть имѣвшіе и около власти стоявшіе. Минихъ арестуетъ Бирона, подъ Миниха подкапывается Остерманъ, подъ Остермана — Головкинъ, Черкасскій, преосв. Юшкевичъ. За этими интригами забывали и объ императорѣ, и объ им-

періи. Не столько заботятся о государственныхъ дѣлахъ, сколько опасаются вліянія Юліи Менгденъ на правительницу, толкуютъ о близкомъ фаворѣ Линара, о раздорахъ въ средѣ брауншвейгской фамиліи. Всѣ забыли о младенцѣ-императорѣ. Въ торжественные моменты его показывали народу; его выносили на балконъ, когда въѣзжало персидское посольство съ первыми слонами, появившимися въ Петербургѣ. Народъ при этомъ, конечно, не видѣлъ ни его, ни его матери—ихъ всегда заслоняли то Биронъ, то Минихъ—и нимало не интересовался младенцемъ, едва зная что это правнукъ, по матери, царя Ивана Алексѣевича, заслоненнаго отъ народа, въ свое время, грандіозною фигурою своего брата Петра. Народъ не зналъ Ивана Алексѣевича, но хорошо помнилъ Петра, и чрезъ головы временщиковъ и правительницы любовно искалъ глазами цесаревну Елисавету Петровну, любовался ея красотою, дивился, что престолъ занятъ не дочерью Петра, а какимъ-то нѣмецкимъ младенцемъ. Въ теченіе уже цѣлаго года въ церквахъ поминаютъ «благополучно царствующаго Іоанна», но предстоящіе и молящіеся не могутъ даже въ толкъ взять, почему именно этотъ младенецъ объявленъ императоромъ. Наконецъ, въ ночь съ 24-го на 25-е ноября 1741 года, цесаревна Елисавета Петровна приказываетъ арестовать правительницу Анну Леопольдовну, ея мужа, генералиссимуса Антона Ульриха, ихъ сына, младенца Ивана, и провозглашаетъ себя императрицей. Войско, народъ, вся Россія привѣтствуетъ этотъ переворотъ, какъ нѣчто совершенно естественное, желанное, давно жданное [1]).

---

[1]) Иностранцы, не понимавшіе внутренняго смысла этого переворота, дивились той легкости, съ которою онъ былъ произведенъ и серьезно увѣряли, что «при помощи нѣсколькихъ гренадеровъ, нѣсколькихъ бочекъ вина и нѣсколькихъ мѣшковъ золота въ Россіи можно сдѣлать все, что угодно». Въ депешѣ совѣтника саксонскаго посольства Пецольда прямо сказано: «Es bedürfe bloss des Beistandes einer Anzahl Grenadiere, eines Kellers voll Branntwein ùnd einige Säcke Geld um zu machen, was man wolle» (Herrmann, Gesch. d. Russ. Staats, IV, 685). Тоже повторилъ, нѣсколько позже, секретарь французскаго посольства Рюльеръ, говоря о «la facilité avec laquelle une révolution se fait en Russie» (Rulhiere, La révolution de Russie en 1762, p. 7). Въ наши дни этого же взгляда придерживаются ученые Германъ, въ своей «Geschichte des Russischen Staats» (IV, 680) и Брюкнеръ, въ «Russische Revue», V, 98. Судьба брауншвейгской фамиліи въ Россіи самимъ фактомъ опровергла подобное увѣреніе и доказала всю его неосновательность. Антонъ-Ульрихъ, генералиссимусъ всѣхъ русскихъ войскъ, не «нѣсколькихъ гренадеровъ», не могъ, однако, удержать власть въ своихъ рукахъ; Анна Леопольдовна, какъ правительница, располагала всѣми винными подвалами и всѣми золотыми мѣшками государства, при чемъ, къ тому же, ея сынъ болѣе года былъ уже признанъ императоромъ, и тѣмъ не менѣе пала. Войско, деньги и потворство низкимъ страстямъ представляются въ подобныхъ случаяхъ, конечно, довольно убѣдительными аргументами, но лишь вспомогательными. Необходимы иныя, болѣе серьезныя побудительныя причины для произведенія прочнаго переворота и, въ данномъ случаѣ, эти мотивы не были поняты ни Пецольдомъ и Рюльеромъ, ни Германомъ и Брюкнеромъ.

Елисавета Петровна разсчитала вѣрно: если «Paris vaut la messe», то за Россію можно, конечно, отречься отъ подписи на присяжномъ листѣ, которою она клялась въ вѣрности младенцу Ивану [1]). Велика, однако, сила традиціи—нарушивъ сегодня свое «клятвенное обѣщаніе», Елисавета Петровна на завтра же, «секретнѣйшимъ» указомъ отъ 9-го декабря, потребовала такое же клятвенное обѣщаніе отъ Анны Леопольдовны: «чтобъ она въ вѣрности присягу учинила и въ томъ за себя и за сына своего, принца Іоанна, и дочь свою, принцессу Екатерину, подписалась».

Въ манифестѣ о восшествіи Елисаветы Петровны на престолъ, императрица такъ опредѣляла будущую судьбу низложеннаго императора: «и хотя она принцесса Анна и сынъ ея принцъ Іоаннъ и ихъ дочь принцесса Екатерина ни малѣйшей претензіи и права къ наслѣдію всероссійскаго престола ни по чему не имѣютъ, но, однако, въ разсужденіи ихъ, принцессы и его принца Ульриха браунгшвейгскаго къ императору Петра II по матерямъ свойствъ, и изъ особливой нашей природной къ нимъ императорской милости, не хотя никакихъ имъ причинить огорченій, съ надлежащею имъ честію и съ достойнымъ удовольствованіемъ, предавъ всѣ ихъ къ намъ разные предосудительные поступки крайнему забытію, всѣхъ ихъ въ ихъ отечество всемилостивѣйше отправить повелѣли». Дѣйствительно, 12 декабря 1741 года изъ Петербурга выѣхало нѣсколько кибитокъ, окруженныхъ надежнымъ конвоемъ; въ кибиткахъ находились: «несчастнорожденный» Иванъ со всею браунгшвейгскою фамиліею, фрейлина правительницы Юлія Менгденъ, прислуга, и сопровождавшій браунгшвейгцевъ В. Ѳ. Салтыковъ. Поѣздъ направлялся въ Нарву, Ригу, Кенигсберъ, Браунгшвейгъ. Отправляя Ивана III навсегда за границу, Елисавета Петровна въ то же время послала въ Киль за своимъ племянникомъ, герцогомъ голштинскимъ Карломъ-Петромъ-Ульрихомъ, котораго она назначала наслѣдникомъ престола, за будущимъ императоромъ Петромъ III Ѳеодоровичемъ.

Иванъ III никогда уже болѣе не видѣлъ Петербурга, въ которомъ онъ родился, прожилъ шестнадцать мѣсяцевъ и изъ нихъ тринадцать въ качествѣ «императора всероссійскаго». Елисавета Петровна, съ своей стороны, постаралась, чтобъ не только Петербургъ, но и вся Россія забыла и объ Иванѣ, и объ его правленіи. Особыми указами было предписано уничтожить всѣ монеты и медали съ изображеніемъ Ивана III, прислать въ сенатъ для сожженія всѣ оффиціальныя бумаги, въ которыхъ упоминалось имя Ивана III—всѣ присяжные листы, манифесты, указы, распоряженія, и впредь поминать тринадцатимѣсячное правленіе Ивана не

[1]) Государственный Архивъ, II, № 51. Клятвенное обѣщаніе, подписанное цесаревною Елисаветою въ вѣрности принцу Іоанну, какъ наслѣднику престола.

иначе, какъ «правленіе бывшаго герцога Курляндскаго и принцессы Анны Брауншвейгской». Елисавета Петровна желала уничтожить всякій слѣдъ Ивана III, хотѣла, чтобъ самое имя его было забыто. Она хотѣла невозможнаго.

Прошло лишь семь мѣсяцевъ послѣ переворота, какъ, въ іюлѣ 1742 года, камеръ-лакей Гурчаниновъ, прапорщикъ преображенскаго полка Ивашкинъ и сержантъ измайловскаго полка Сновидовъ составили заговоръ: они предполагали умертвить Елисавету Петровну и герцога голштинскаго Петра и возвести на престолъ низложеннаго Ивана III Антоновича. Заговоръ былъ открытъ во время; виновныхъ высѣкли кнутомъ и сослали въ Сибирь—у Гурчанинова вырѣзавши языкъ и ноздри, у Ивашкина и Сновидова только ноздри.

Спустя годъ, въ іюлѣ же 1743 года, вспыхнуло «лопухинское дѣло», опять въ пользу Ивана III. Подполковникъ Лопухинъ говорилъ поручику лейбъ-кирасирскаго полка Бергеру и майору Фалькенбергу: «Будетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ перемѣна. Рижскій караулъ, который у императора Іоанна и у матери его, очень къ императору склоненъ, а нынѣшней государынѣ съ тремъ стами канальями ея лейбъ-компаніи что сдѣлать? Прежній караулъ былъ и крѣпче, да сдѣлали, а теперь перемѣнѣ легко сдѣлаться... Императору Іоанну будетъ король прусскій помогать, а наши, надѣюсь, за ружье не примутся. Австрійскій посланникъ, Маркизъ Ботта, императору Іоанну вѣрный слуга и доброжелатель». Слѣдствіе по этому дѣлу велось энергично, «съ пристрастіемъ»; обвиняемыхъ оказалось тринадцать русско-подданныхъ и одинъ иностранецъ — маркизъ Ботта. Всѣ обвиняемые были признаны виновными и наказаны: четверыхъ высѣкли кнутомъ и, урѣзавъ языки, сослали въ Сибирь; двухъ высѣкли кнутомъ, двухъ плетьми и сослали въ Сибирь; трехъ опредѣлили въ армейскіе полки; одного написали въ матросы, одного сослали въ деревню. Императрица Марія Терезія прислала нарочное посольство, сожалѣя, что ея министръ обвиненъ «въ мерзостномъ и проклятія достойномъ преступленіи» и объявляя, что она маркиза Ботту «велѣла посадить въ замокъ Грацъ, гдѣ обыкновенно содержатся государственные арестанты, а время заключенія предоставила опредѣлить прославленной въ свѣтѣ милости ея императорскаго величества».

При такихъ обстоятельствахъ самъ собою представлялся серьезный вопросъ, вопросъ государственной важности: насколько безопасно выпустить изъ рукъ брауншвейгскую фамилію? За границей, на свободѣ, не явится ли со временемъ въ лицѣ Ивана III опасный претендентъ на русскій престолъ? Не надежнѣе ли держать его на глазахъ, въ заточеніи, заживо обречь на политическую и гражданскую смерть? Мнѣнія по этому вопросу раздѣлились. Съ момента арестованія брауншвейгской фамиліи, одни, преимуще-

ственно русскіе люди и, прежде всего, А. П. Бестужевъ-Рюминъ, высказывались за отправку Ивана III и всей брауншвейгской фамиліи за границу; другіе же, исключительно иностранцы, и во главѣ ихъ Лестокъ, настаивали на пожизненномъ заключеніи брауншвейгцевъ въ Россіи. Сперва русскіе взяли верхъ, и въ манифестѣ было объявлено рѣшеніе «всѣхъ ихъ въ ихъ отечество отправить»; потомъ, послѣ заговора Гурчанинова и лопухинскаго дѣла, взяли верхъ иностранцы. Въ это время и прусскій король Фридрихъ II, какъ истинный другъ и союзникъ, тоже совѣтовалъ Елисаветѣ Петровнѣ «послать брауншвейгскую семью въ столь удаленное мѣсто, чтобы никто не зналъ, гдѣ именно она находится»; по его мнѣнію, только этимъ путемъ императрица избавится «отъ страшной опасности». Теперь, первоначальное рѣшеніе, высказанное въ манифестѣ, было оставлено и брауншвейгская семья была обречена на пожизненное заточеніе въ Россіи.

Начинается грустная одиссея брауншвейгцевъ по крѣпостямъ и пустынямъ россійскимъ. Весь 1742 годъ они пробыли въ Ригѣ «подъ крѣпкимъ надзоромъ»; 13-го декабря ихъ перевезли въ крѣпость Дюнаминде, гдѣ у Анны Леопольдовны родилась дочь Елисавета; въ началѣ 1744 года ихъ перевезли въ Раненбургъ, Рязанской губерніи. Осенью того же года Ивана III навсегда разлучили съ его родными и родственниками: капитанъ пензенскаго полка Миллеръ взялъ четырехлѣтняго Ивана и въ сопровожденіи шести солдатъ отправился въ Архангельскую губернію; баронъ Н. А. Корфъ отдѣльно, въ другихъ экипажахъ, повезъ остальныхъ брауншвейгцевъ. Совершенно случайно, вслѣдствіе распутицы и бездорожья, «арестанты» не могли быть доставлены въ Соловецкій монастырь, гдѣ для нихъ было приготовлено уже помѣщеніе, и были водворены въ Холмогорахъ, въ архіерейскомъ домѣ. Елисавета Петровна одобрила «впредь до новаго указа» выборъ Холмогоръ, при чемъ приказала «извѣстныхъ персонъ въ тѣснѣйшемъ заключеніи содержать», но Ивана отдѣльно отъ другихъ. Тамъ, въ Холмогорахъ, Анна Леопольдовна родила въ 1745 году сына Петра, въ 1746 году—сына Алексѣя, и вскорѣ умерла. Брауншвейгская фамилія, всѣми забытая, оставалась десятки лѣтъ въ Холмогорахъ; старики тамъ умерли, вновь народившіеся состарились, но никто изъ нихъ никогда не видѣлъ Ивана III; они даже не знали, что онъ содержится въ одной съ ними оградѣ, въ нѣсколькихъ саженяхъ. Въ 1756 году, сержантъ лейбъ-компаніи Савинъ, тайно, въ глухую ночь, вывезъ Ивана III изъ Холмогоръ, имѣя предписаніе доставить его секретнымъ образомъ въ Шлюссельбургъ, а капитану Вындомскому былъ данъ указъ: «оставшихся арестантовъ содержать попрежнему, еще и строже и съ прибавкою караула, чтобы не подать вида о вывозѣ арестанта, о чемъ накрѣпко подтвердить командѣ вашей, кто будетъ знать о вывозѣ арестанта, чтобы ни-

кому не сказывалъ; въ кабинетъ нашъ и по отправленіи арестанта репортовать, что онъ подъ вашимъ карауломъ находится, какъ и прежде репортовали».

Находя совѣтъ Фридриха II вполнѣ цѣлесообразнымъ, правительство хотѣло замести слѣдъ за Иваномъ III, чтобъ никто въ Россіи не зналъ, гдѣ собственно обрѣтается развѣнчанный императоръ. Еще въ 1744 году, при увозѣ младенца изъ Раненбурга на сѣверъ, къ Архангельску, майору Миллеру было предписано «младенца четырехлѣтняго называть Григорій и никому не объявлять, что вы везете младенца; имѣть всегда коляску закрытую». Двѣнадцать лѣтъ этотъ мнимый Григорій провелъ въ Холмогорахъ и теперь, въ 1756 году, хотѣли скрыть перевозъ его въ Шлюссельбургъ, «не подать вида о вывозѣ арестанта»; начальнику «извѣстныхъ персонъ» предписывалось «репортовать, что онъ подъ вашимъ карауломъ находится». Въ Шлюссельбургѣ тоже были приняты свои мѣры. Надзоръ за Иваномъ III былъ порученъ гвардіи капитану Шубину, и «тайныхъ дѣлъ мастеръ» А. И. Шуваловъ наказывалъ ему, между прочимъ: «Въ которомъ мѣстѣ арестантъ содержится, и далеколь отъ Петербурга или отъ Москвы, арестанту не сказывать, чтобъ не зналъ. Вамъ и командѣ вашей, кто допущенъ будетъ арестанта видѣть, отнюдь никому не сказывать, каковъ арестантъ, старъ или молодъ, рускій или иностранецъ, о чемъ подтвердить подъ смертною казнію коли кто скажетъ... Гдѣ вы обрѣтаться будете, запрещается вамъ и командѣ вашей подъ жесточайшимъ гнѣвомъ ея императорскаго величества никому не писать; когдажъ имѣть будете нужду писать въ домъ вашъ, то не именуя изъ котораго мѣста при прочихъ репортахъ присылать, напротивъ которыхъ и къ вамъ обратно письма присыланы будутъ отъ меня черезъ майора Бередникова», шлюссельбургскаго коменданта. По распоряженію Шувалова, ни Ивана III никто, ни Иванъ III никого не долженъ былъ видѣть: «Быть у онаго арестанта вамъ самому и ингерманладскаго пѣхотнаго полка прапорщику Власьеву, а когда за нужное найдете, то быть и сержанту Лукѣ Чекину въ той казармѣ дозволяется, а кромѣ жъ васъ и прапорщика въ ту казарму никому ни для чего не входить, чтобъ арестанта видѣть никто не могъ, такожъ арестанта изъ казармы не выпускать; когдажъ для убиранія въ казармѣ всякой нечистоты кто впущенъ будетъ, тогда арестанту быть за ширмами, чтобъ его видѣть не могли». Годъ спустя, въ 1757 году, Шубинъ заболѣлъ; его мѣсто занялъ Овцынъ. Шуваловъ писалъ Овцыну: «Въ инструкціи вашей упоминается, чтобъ въ крѣпость, хотябъ генералъ пріѣхалъ, не впускать; еще вамъ присовокупляется хотябъ и фельдмаршалъ и подобный имъ, никого не впущать и объявить, что безъ указа Тайной Канцеляріи пускать не велѣно».

Къ чему же повели эти предосторожности, крайне тяжело отзы-

вавшіяся на «арестантѣ»? Замели ли они слѣдъ Ивана III? Ни мало. Всякій кто только хотѣлъ знать, кто почему либо интересовался Иваномъ III, зналъ о его пребываніи въ Шлюссельбургѣ. Это могъ знать какой-нибудь поручикъ пѣхотнаго полка. Не только о содержаніи Ивана III въ Шлюссельбургѣ, многіе знали даже о подготовляемомъ покушеніи въ пользу Ивана III, что̀ засвидѣтельствовала сама Екатерина II въ одномъ изъ собственноручныхъ своихъ писемъ: «съ святой недѣли много о семъ происшествіи почти точные доносы были» [1]).

Ивану III было уже 16-ть лѣтъ, когда его привезли въ Шлюссельбургъ. Это былъ юноша средняго роста, довольно слабаго сложенія, но здоровый, насколько можетъ быть здоровъ человѣкъ, проведшій всю жизнь въ заточеніи, лишенный воздуха, движенія. Не удивительно, еслибъ при такихъ условіяхъ онъ былъ слабъ здоровьемъ, даже болѣзненъ. Между тѣмъ, въ донесеніяхъ лицъ, приставленныхъ для надзора за Иваномъ III, встрѣчается иногда фраза: «арестантъ здоровъ», и ни разу не упоминается ни о болѣзненныхъ явленіяхъ, ни о физическихъ какихъ-либо недостаткахъ. Только ужъ послѣ смерти Ивана, его убійцы показали, что онъ «былъ косноязыченъ: не только произношеніе словъ съ крайнѣйшею трудностію и столь неразумительно производилъ, что постороннимъ почти вовсе, а намъ, яко безотлучно при немъ находившимся, весьма трудно словъ его понять можно было; но еще для сего крайне неразумительнаго словопроизводства подбородокъ своею рукою поддерживалъ и къ верху привздымалъ; и къ тому принужденнымъ находился, что безъ того и произносимыхъ словъ хоть мало понятными произвесть былъ не въ состояніи». Безъ такихъ подробностей, но тотъ же физическій недостатокъ отмѣченъ и въ манифестѣ: императрица Екатерина разсказываетъ, что она сама видѣла Ивана III и замѣтила, что онъ страдаетъ «весьма ему тягостнымъ и другимъ почти невразумительнымъ косноязычествомъ». Косноязычіе—недостатокъ выдающійся, замѣтный, особенно въ той степени, какъ онъ описанъ въ показаніи тюремщиковъ. Корфъ, Миллеръ, Шубинъ и Овцынъ, бывшіе въ частыхъ сношеніяхъ съ Иваномъ, не замѣчали въ немъ косноязычія. Даже въ мартѣ 1762 года, когда императоръ Петръ III посѣтилъ Ивана въ шлюссельбургскомъ казематѣ, ни Петръ и никто изъ сопровождавшихъ его лицъ—ни Корфъ, знавшій Ивана еще младенцемъ, ни Нарышкинъ, Унгернъ-Штернбергъ и Волковъ—не замѣтили въ немъ этого недостатка. Такъ какъ Власьеву или Чекину, да и са-

---

[1]) Можно ли, послѣ этого свидѣтельства, принимать безъ всякой критики увѣренія И. И. Неплюева будто «о томъ, что тотъ несчастнорожденный принцъ былъ въ Слюссельбургѣ, мы прежде и не вѣдали»? (Русскій Архивъ, 1871, 680). Чрезвычайно любопытныя и во многихъ отношеніяхъ драгоцѣнныя «Записки Неплюева» не во всѣхъ своихъ частяхъ заслуживаютъ равнаго довѣрія.

мой Екатеринѣ II не было нужды клепать на убитаго, то остается предположить, что этотъ порокъ, если онъ дѣйствительно существовалъ, развился въ послѣдніе два года жизни Ивана, быть можетъ, внезапно, вслѣдствіе какого-либо испуга.

Несравненно важнѣе и, по существу, интереснѣе вопросъ объ умственныхъ способностяхъ Ивана III. Спрошенные въ качествѣ свидѣтелей, Власьевъ и Чекинъ показали: «ни единаго, во время восьми лѣтъ, нами момента не примѣчено въ коемъ бы онъ настоящимъ употребленіемъ разума пользовался». Въ манифестѣ повторено почти тоже: «съ чувствительностію нашею увидѣли въ немъ лишеніе разума и смысла человѣческаго».

Обстановка, при которой росъ и выросъ Иванъ, не даетъ, конечно, права ожидать у него особенныхъ умственныхъ способностей. Какъ даръ небесный, умственныя способности нудятся воспитаніемъ, образованіемъ, всѣмъ вліяніемъ той умственной атмосферы, среди которой человѣкъ ростетъ. Что дала судьба въ этомъ отношеніи Ивану? Съ четырехлѣтняго возроста онъ былъ оторванъ отъ отца, отъ матери, отъ родныхъ и сданъ на руки тюремщикамъ; двадцать лѣтъ надъ нимъ производился опытъ перваго въ Россіи примѣненія безчеловѣчной системы одиночнаго заключенія. Онъ никого не видѣлъ, съ нимъ никто не разговаривалъ; на вопросы его запрещено было отвѣчать. Въ 1762 году, когда Петръ III посѣтилъ узника въ Шлюссельбургѣ, двадцатидвухлѣтній Иванъ оказался неспособнымъ ясно мыслить и отчетливо говорить. Это ни мало не удивительно и вполнѣ вѣроятно; но это не даетъ еще права заключать, что онъ былъ лишенъ «разума и смысла человѣческаго». Екатерина II, видѣвшая Ивана, быть можетъ, лишь нѣсколько минутъ, могла, конечно, ошибиться; но Власьевъ, но Чекинъ, прожившіе съ нимъ въ одной казармѣ безотлучно восемь лѣтъ, наблюдавшіе его и по обязанности службы, и по необходимости?

Показаніе Власьева и Чекина, двухъ офицеровъ, убившихъ Ивана и, слѣдовательно, пристрастныхъ свидѣтелей, высказано въ такой рѣшительной формѣ, которая не внушаетъ къ себѣ довѣрія: въ теченіе восьми лѣтъ ими не замѣчено «ни единаго момента», когда Иванъ не былъ бы сумасшедшимъ. Это, прежде всего, невѣроятно и свидѣтельствуетъ только объ ихъ неумѣньи наблюдать больныхъ подобнаго рода. Сохранились рапорты лицъ, наблюдавшихъ за Иваномъ въ тотъ же восьмилѣтній періодъ; эти рапорты даютъ возможность провѣрить показаніе Власьева и Чекина. Приводимъ подлинныя выписки изъ ряда донесеній Овцына относительно умственныхъ способностей Ивана:

Май 1759 года: «Хотя въ арестантѣ болѣзни никакой не видно, только въ умѣ нѣсколько помѣшался».

Іюнь 1759 года: «Въ поступкахъ арестанта такъ же какъ и прежде не могу понять, воистинулъ онъ въ умѣ помѣшался или притворничествуетъ... Опасаюсь,

чтобъ не согрѣшить, ежели не донести, что онъ въ умѣ помѣшался, однакожъ весьма сомнѣваюсь, потому что о прочемъ обо всемъ говоритъ порядочно... Нонѣшнее время передъ прежнимъ гораздо безпокойнѣе».

Іюль 1759 года: «Видно, что нонѣ гораздо болѣе прежняго помѣшался; дня три какъ въ лицѣ кажется нѣсколько почернѣлъ и чтобъ отъ него не робѣть въ томъ воздержаться не могу».

Апрѣль 1760 года: «Арестантъ здоровъ и временемъ безпокоенъ, а до того всегда его доводятъ офицеры, всегда его дразнятъ».

Основный мотивъ, руководившій Овцынымъ при заключеніи о «помѣшательствѣ» Ивана, особенно интересенъ: Иванъ утверждаетъ, что онъ «принцъ», что онъ «здѣшней имперіи государь»! Что казалось бредомъ сумасшедшаго для Овцына, то было непреложною истинною для Ивана, которую онъ, по его же словамъ, зналъ «отъ родителей», слышалъ «отъ солдатъ». Побочный мотивъ—безпокойное состояніе Ивана. Въ чемъ же оно выражалось? Онъ бранится—въ отвѣтъ на какую-то грубость Власьева закричалъ: «смѣешь ли ты, свинья, со мною говорить»; онъ дерется—схватилъ Овцына за рукавъ, такъ что тулупъ изорвалъ; «во время обѣда головою и ложкою на меня взмахиваетъ». Овцынъ вѣрно указываетъ и причину такого безпокойства Ивана: его «офицеры (т. е. Власьевъ и Чекинъ) нарочно раздражаютъ», «его доводятъ до безпокойства офицеры (опять тѣ же Власьевъ и Чекинъ), всегда его дразнятъ». Можно ли на основаніи подобныхъ данныхъ признать человѣка сумасшедшимъ? Иванъ не разъ собирался даже «бить» офицеровъ—вѣрный признакъ, что онъ былъ въ полномъ умѣ.

Если Иванъ III былъ лишенъ разума и человѣческаго смысла, то что сказать о Бинѣ Менгденъ, тоже одной изъ холмогорскихъ затворницъ? Иванъ только «взмахивалъ ложкою» за обѣдомъ, а Бина «бросала тарелки, ножи, вилки» въ солдата и «выливала супъ на голову служившей ей женщины»; Иванъ только собирался бить офицеровъ, которые «дразнили его», а Бина «ударила офицера Зыбина по уху и схватила за волосы, такъ что едва могли отнять». Между тѣмъ, Бина Менгденъ содержалась «безчеловѣчно» только два съ половиною года, а Иванъ III—двадцать лѣтъ. Но у Ивана III было въ данномъ случаѣ спасительное преимущество, котораго, къ счастью, не было у Бины Менгденъ: онъ созналъ себя уже въ темницѣ, уже въ «безчеловѣчной» обстановкѣ, онъ выросъ въ ней, сжился съ нею, и она не могла имѣть на его умственный организмъ такого разрушительнаго вліянія, какой производитъ она на организмъ, развившійся при иныхъ условіяхъ.

Иванъ III не получилъ никакого образованія. Кто-то научилъ его, еще въ Холмогорахъ, читать; онъ хорошо зналъ евангеліе, апостола, минею, и др. произведенія духовнаго содержанія. Чтеніе этихъ книгъ и, вѣроятно, еще болѣе разговоры съ солдатами развили въ немъ вѣру въ колдуновъ, порчу, глазъ, какъ вѣрили въ это многія «извѣстныя персоны» въ Холмогорахъ, какъ вѣрятъ,

отъ дури, во многое другое. По развитію, Иванъ и въ 24 года былъ совершенный ребенокъ, но ребенокъ раздраженный: «нрава онъ былъ сердитаго, свирѣпаго и горячаго, не могъ сносить никакого противорѣчія», но сумасшедшимъ онъ не былъ.

Таковъ былъ Иванъ III Антоновичъ. Безвинный, безобидный, ни на что неспособный, онъ родился, жилъ и умеръ коронованнымъ мученикомъ деспотизма. Съ колыбели и до могилы, въ теченіе 24-хъ лѣтъ, онъ всегда былъ только слѣпымъ, безсознательнымъ орудіемъ политическихъ страстей; никто не хотѣлъ видѣть въ немъ человѣка, для всѣхъ онъ былъ политическимъ «фантомомъ». Ему было два мѣсяца, когда родная мать, ради своихъ честолюбивыхъ цѣлей, обрекла его на «безчеловѣчныя» мученія; ему не было и двухъ лѣтъ, когда императрица Елисавета, по своимъ политическимъ видамъ, осудила его на пожизненное заключеніе; онъ былъ и убитъ потому только, что явился какой-то подпоручикъ, избравшій его орудіемъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ.

Это былъ подпоручикъ смоленскаго пѣхотнаго полка Василій Яковлевичъ Мировичъ. По словамъ Екатерины II онъ былъ «сынъ и внукъ бунтовщиковъ»; по обнародованнымъ въ настоящее время свѣдѣніямъ, это былъ типъ проходимца русскаго XVIII вѣка.

Его дѣдъ, переяславскій полковникъ Ѳедоръ Мировичъ, измѣнилъ Петру I и, послѣ пораженія Карла XII, бѣжалъ въ Польшу; его отецъ, Яковъ Мировичъ, будучи уже женатъ на московской купчихѣ Акишевой, ѣздилъ тайно въ Польшу, за что и былъ сосланъ въ Сибирь. Тамъ въ Сибири, и родился этотъ «сынъ и внукъ бунтовщиковъ». Нѣкогда, въ Малороссіи, Мировичи пользовались общимъ уваженіемъ, большимъ вліяніемъ, играли видную роль, были богаты, принадлежали къ «малороссійской знати»—знаменитый черниговскій полковникъ Павелъ Полуботокъ былъ имъ сродни. Теперь Полуботокъ томится въ крѣпости, а внукъ переяславскаго полковника, полуголодный, шатается по петербургскимъ улицамъ, не зная гдѣ преклонить голову и все мечтая о прежнемъ довольствѣ, о бывшемъ величіи. При восшествіи Екатерины II на престолъ ему было 22 года; на его глазахъ совершился переворотъ 28-го іюня 1762 года—совершился легко, скоро, театрально. Люди, неимѣвшіе вчера никакого значенія, вполнѣ ничтожные, стали сегодня значительными «персонами», титулованными сановниками. Въ пріемной, если не въ залахъ дома Петра Ивановича Панина, у котораго онъ былъ адъютантомъ, Мировичъ слышитъ многія невѣроятныя подробности «счастливаго» переворота; при немъ разсказываются эпизоды необычайныхъ перемѣнъ въ судьбѣ нѣкоторыхъ личностей, называютъ фамиліи, получившія въ одинъ день титулы, чины, земли, деньги... а у Мировича, кромѣ долговъ, лишь три сестры въ Москвѣ голодаютъ, да въ сенатѣ разсматривается безнадежный процессъ съ казною о возвращеніи конфискованныхъ

имѣній «злосчастнаго и вреднаго предка». Малороссъ Мировичъ забѣгàлъ уже къ своему земляку, всесильному гетману графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому, прося его содѣйствія о возвращеніи ему хотя бы части имѣній его дѣда. Гетманъ выслушалъ молодого Мировича, подумалъ малость и сказалъ: «Мертваго изъ гроба не ворочаютъ. Ты—молодой человѣкъ, самъ себѣ прокладывай дорогу, старайся подражать другимъ, старайся схватить фортуну за чубъ, и будешь такимъ же паномъ, какъ и другіе». Задумался Мировичъ надъ простыми словами гетмана. Два раза подавалъ онъ просьбы по своему сенатскому дѣлу, два раза императрица собственноручными резолюціями отказала просителю, тогда подпоручику смоленскаго пѣхотнаго полка.

Полкъ этотъ стоялъ въ шлюссельбурскомъ форштадтѣ; роты его занимали по недѣлямъ караулъ въ крѣпости. Ходилъ въ караулъ и Мировичъ. Странная крѣпость: въ крѣпости еще какъ бы крѣпость, съ казематами, охраняемая особою командою, никогда не смѣняемою. Кто содержится въ этихъ казематахъ? Что это за «безъимянный колодникъ», отчего такою таинственностью окруженъ «нумеръ первый»? Въ октябрѣ 1763 года, отставной барабанщикъ шлюссельбургскаго гарнизона проболтался «господину подпоручику»: безъимянный колодникъ, нумеръ первый — бывшій императоръ Иванъ III Антоновичъ. Какъ молнія въ ночи, озарила Мировича эта вѣсть: такъ вотъ гдѣ тотъ «Иванушка», котораго молва то прочила въ мужья Екатеринѣ, то называла императоромъ—онъ не только живъ, онъ здѣсь, подъ карауломъ Мировича же! Вотъ и гетманская фортуна: нужно только взять ее за чубъ, чтобъ стать паномъ. Освободитъ Мировичъ Ивана, посадитъ на престолъ—всѣ долги уплачены, онъ богатъ, опять можетъ играть въ карты, онъ въ чести; не удастся попытка—ему терять нечего, онъ и такъ уже потерянный человѣкъ. Гвоздемъ засѣла эта мысль въ головѣ Мировича. Трудное намѣреніе казалось ему легкимъ: при помощи своего караула освободить Ивана, привезти въ Петербургъ, объявить императоромъ и получить отъ «благодарнаго» императора титулы, чины, земли, деньги, главное—деньги, какъ получили ихъ еще недавно отъ благодарной императрицы тѣ лица, которыя помогали ей въ дѣлѣ болѣе трудномъ.

Съ октября по апрѣль, въ теченіе полугода, Мировича безотвязно преслѣдовала соблазнительная мысль—какимъ-нибудь «депешратнымъ и безразсуднымъ coup» схватить свою фортуну за чубъ именно въ Шлюссельбургѣ. Чѣмъ болѣе думалъ онъ о своемъ намѣреніи, тѣмъ болѣе казалось оно ему удобоисполнимымъ: человѣкъ, не получившій никакого образованія, съ умомъ вовсе не дисциплинированнымъ и съ наклонностями хищническими, Мировичъ не столько обсуждалъ трудности задуманнаго имъ переворота, сколько дразнилъ свое воображеніе тѣми матерьяльными благами, которыхъ

достигнетъ успѣшнымъ исполненіемъ своего намѣренія. Мало-помалу, обманывая себя, онъ, какъ азартный игрокъ, до того сжился съ мыслію о возможности однимъ ударомъ «отыграться» вполнѣ, что съ апрѣля рѣшился начать дѣйствовать. Надо полагать, что къ этой рѣшимости его побудилъ распространившійся въ это время по Петербургу слухъ, что императрица отправится весною въ путешествіе по остзейскимъ провинціямъ—отсутствіе императрицы изъ Петербурга, конечно, въ значительной степени облегчало всякое предпріятіе, направленное противъ нея.

Еще день отъѣзда императрицы въ Ригу не былъ окончательно назначенъ, какъ уже по городу стали ходить неясные толки о какой-то предстоящей катастрофѣ. Съ половины апрѣля, со святой недѣли, участились подметныя письма, въ которыхъ, чѣмъ дальше, тѣмъ точнѣе, указывались подробности катастрофы. «Все сіе презрѣнія достойно», говаривала Екатерина и отдавала безъимянные доносы Никитѣ Ивановичу Панину, которому «декабря 10-го прошлаго года указомъ поручены были тайныя дѣла». Съ февраля 1764 года повелѣно было «при тѣхъ дѣлахъ» быть, кромѣ Панина, и князю Александру Алексѣевичу Вяземскому. Въ самый день отъѣзда императрицы, 20-го іюня, на улицѣ было поднято подметное письмо опять съ указаніями на шлюссельбургскую крѣпость и предстоящее освобожденіе Ивана III. Екатерина передала письмо князю Вяземскому и уѣхала въ Ригу.

Три недѣли спустя, 9-го іюля, въ Ригѣ же, императрица получила донесеніе Н. И. Панина объ «отчаянной ухваткѣ одного сущаго злодѣя»—о происшедшемъ въ шлюссельбургской крѣпости бунтѣ, окончившемся умерщвленіемъ Ивана III. «Важность злодѣйства»,—писалъ Панинъ,—«предпринятаго и благополучно Божіимъ чуднымъ промысломъ на вѣки тѣмъ же самимъ пресѣченнаго, усмотрѣть соизволите во всемъ пространствѣ». Съ большимъ вниманіемъ прочла императрица «всѣ дивы происшедшія въ Шлюссельбургѣ», и вздохнула свободнѣе—Ивана III нѣтъ болѣе на свѣтѣ. «Руководствіе Божіе чудное и неиспытанное есть», сказала Екатерина, прочтя объ умерщвленіи ненавистнаго Ивана III.

Что же произошло въ Шлюссельбургѣ? Кѣмъ убитъ Иванъ III?

О «шлюссельбургской нелѣпѣ», какъ Екатерина называла бунтъ Мировича, сохранилось много извѣстій. Происшествіе это произвело сильное впечатлѣніе на умы современниковъ. Каждый изъ иностранныхъ министровъ, бывшихъ тогда въ Петербургѣ, считалъ своимъ долгомъ возможно подробно извѣстить свое правительство о шлюссельбургскомъ возмущеніи, и передавалъ такія подробности, которыя, по существу дѣла, не могли быть извѣстны. Въ городѣ пошли разнообразные толки; улица наполнилась различными разсказами, болѣе или менѣе вымышленными. Говорили, будто весь бунтъ не болѣе, какъ комедія, разыгранная, съ вѣдома Екатерины, единственно

для эпилога—убіенія Ивана III; говорили, будто тюремщикамъ заранѣе было приказано убить Ивана при первомъ же безпорядкѣ въ крѣпости и т. п. Находя необходимымъ «дальныхъ дурацкихъ разглашеній пресѣчь», правительство поспѣшило издать 17-го же августа манифестъ, въ которомъ довольно подробно изложена исторія бунта, окончившагося «пресѣченіемъ жизни» Ивана III, а 9-го сентября—«сентенцію по злодѣйскимъ винамъ Мировича и его сообщниковъ». Такимъ образомъ, составился обширный матерьялъ по «шлюссельбургской нелѣпѣ», но матерьялъ двухъ родовъ, частный и оффиціальный, во многихъ частяхъ разнорѣчивый, въ нѣкоторыхъ—противоположный. Которому же вѣрить? Частныя лица не могли знать истины; правительство было заинтересовано въ ея искаженіи или, по крайней мѣрѣ, въ сокрытіи нѣкоторыхъ особенностей катастрофы, въ необнародованіи нѣкоторыхъ подробностей событія. До настоящаго времени, во всѣхъ изслѣдованіяхъ о бунтѣ Мировича приводятся извѣстія обоихъ родовъ, частныя и оффиціальныя, при чемъ тѣ и другія невольно подтасовываются подъ личные взгляды изслѣдователя. Счастливая случайность даетъ намъ возможность основать разсказъ о «шлюссельбургской нелѣпѣ» на необнародованныхъ еще показаніяхъ самихъ участниковъ бунта и всѣхъ лицъ, привлеченныхъ къ слѣдствію.

Екатерина II узнала о шлюссельбургскомъ происшествіи только 9-го іюля. Въ тотъ же день, 9-го же іюля, она подписала указъ генералъ-поручику Ивану Ивановичу Веймарну, которымъ предписывала ему «немедленно ѣхать въ городъ Шлюссельбургъ и тамъ произвесть слѣдствіе надъ бунтовщиками, о которыхъ извѣстіе съ подлежащимъ къ тому наставленіемъ дано будетъ ея императорскаго величества тайнымъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ Панинымъ». Получивъ такой указъ, Веймарнъ тотчасъ же отправился въ Шлюссельбургъ, взявъ съ собою канцеляриста Самарина, допросилъ «безъ всякаго пытки употребленія» рѣшительно всѣхъ лицъ, бывшихъ въ шлюссельбургской крѣпости въ ночь съ 4-го на 5-е іюля, начиная съ «начальника сего злоужаснаго и мало подобно слышаннаго бунта» и кончая послѣднимъ гарнизоннымъ солдатомъ, записалъ всѣ ихъ «признанія» и, въ началѣ августа, представилъ императрицѣ «Экстрактъ изъ произведеннаго, по именному ея императорскаго величества указу, о учинившемся въ нынѣшнемъ 1764 году, въ ночи іюля отъ 4-го на 5-е число въ шлюссельбургской крѣпости бунтѣ, слѣдственнаго дѣла». Экстрактъ—не обвинительный актъ; это—систематическое изложеніе всего бунта, тѣмъ болѣе драгоцѣнное, что оно основано на подлинныхъ показаніяхъ, приводимыхъ дословно, съ указаніемъ страницъ и пунктовъ слѣдственнаго производства. На основаніи «вопросовъ, отвѣтовъ, уликъ и признаніевъ» подсудимыхъ и свидѣтелей «шлюссельбургская нелѣпа» представляется въ слѣдующемъ видѣ:

На первомъ же допросѣ «авторъ и предводитель сего бунта и измѣнническаго возмущенія» показалъ: Василій Яковлевъ сынъ Мировичъ, 24 лѣтъ, изъ малороссіянъ, служитъ въ смоленскомъ пѣхотномъ полку въ чинѣ подпоручика; свое «намѣреніе воспріялъ не ранѣе какъ 1-го апрѣля текущаго 1764 года, не имѣвъ къ тому другихъ причинъ и побужденіевъ, какъ только предполагая себѣ въ огорченіе: во 1-хъ, несвободный вездѣ въ высочайшемъ дворѣ, въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ ея императорское величество присутствовать изволитъ и въ кои только штабъ-офицерскаго ранга люди допускаются, допускъ; во 2-хъ, въ тѣхъ операхъ, въ которыхъ ея императорское величество сама присутствовать изволила, равномѣрно жъ допущаемъ не былъ; въ 3-хъ, что въ полкахъ штабъ-офицеры не такое почтеніе, какое офицеръ по своей чести къ себѣ имѣть долженствуетъ, отдаютъ, и что тѣхъ, кои изъ дворянъ, съ тѣми, кои изъ разночинцовъ, сравниваютъ и ни въ чемъ преимущества первымъ противъ послѣднихъ не отдаютъ; въ 4-хъ, что по поданной имъ ея императорскому величеству челобитной о выдачѣ ему изъ описанныхъ предковъ его имѣніевъ сколько изъ милости ея величества пожаловано будетъ, ему въ резолюцію отъ ея императорскаго величества апрѣля 19-го дня надписано было: по прописанному здѣсь просители никакого права не имѣютъ и для того надлежитъ сенату отказать имъ, равномѣрно жъ и на вторичное ея императорскому величеству поданное письмо, коимъ онъ просилъ о награжденіи изъ предковыхъ имѣній или о пожалованіи пенсіи сестрамъ его, въ резолюцію отъ ея императорскаго величества надписано: довольствоваться прежнею резолюціею; паче же того, въ 5-хъ, воображая получить по желаніямъ и страстямъ преимущества, вяще всего къ тому намѣренію склонясь утвердился». 1-го именно апрѣля Мировичъ вспомнилъ, что еще въ октябрѣ прошлаго года слышалъ отъ отставного барабанщика[1]) «о содержаніи Ивана Антоновича въ крѣпости шлюссельбургской» и рѣшился «всѣ свои силы, разумъ и помышленія въ томъ употребить, чтобъ онаго Ивана Антоновича выведши изъ крѣпости шлюссельбургской, привезть въ Санктпетербургъ для возведенія его на престолъ всероссійской». Мировичъ находилъ, что не столько возведеніе на престолъ, сколько освобожденіе Ивана Антоновича сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями, и полагалъ, что для успѣха необходимо имѣть «вѣрнаго, надежнаго и къ тому во всемъ способнаго» товарища. Такимъ ему казался «давнишній въ нравахъ совсѣмъ сходный пріятель» поручикъ великолуцкаго пѣхотнаго полка Апполонъ Ушаковъ. 8-го или 9-го мая, Мировичъ отправился

---

[1]) «Коего какъ онъ по имени, ниже жительства его не знаетъ, то и толь же мало сысканъ и въ томъ удостовѣренъ быть не могъ, сколь же мало въ томъ и большой къ точному сего дѣла изъясненію надобности не предвидится».

къ Ушакову, стоявшему тогда у Исакіевскаго моста при кордегардіи на караулѣ, и началъ ему говорить о своемъ намѣреніи, сперва намеками, потомъ все откровеннѣе и прямѣе. Ушаковъ сначала «въ робость пришелъ»; но увѣрившись, что Мировичъ не шутитъ и «не по коварству или притворствомъ ему такое откровеніе дѣлается», признался, что о содержаніи Ивана Антоновича уже слышалъ и что намѣреніе Мировича одобряетъ. Они тотчасъ же обязались помогать другъ другу и, «желая себя взаимно вяще укрѣпить», отправились, 13-го мая, въ церковь Казанскія Божіей Матери, гдѣ и отслужили по себѣ, какъ по умершимъ, акафистъ и панихиду. Только по выходѣ изъ церкви приступили они «къ ближайшему о производствѣ своего намѣренія и къ тому способнѣйшихъ мѣръ, средствъ и способовъ изобрѣтенію». Они условились, во-первыхъ, никогда и никому о своемъ намѣреніи не открывать и никого въ сообщники не брать; во-вторыхъ, намѣреніе свое привести въ исполненіе по отъѣздѣ императрицы въ Лифляндію «на третій или поздно на пятый день, а отнюдь не далѣе недѣли» и, въ третьихъ, самое исполненіе должно было состоять въ слѣдующемъ: въ условленный день, когда Мировичъ занималъ бы караулъ въ шлюссельбургской крѣпости, Ушаковъ долженъ былъ подъѣхать къ крѣпостной пристани, ровно въ 12 часовъ ночи, на шлюпкѣ; на окликъ часового отвѣчать: «курьеръ отъ государыни», и, подъ именемъ подполковника и ея императорскаго величества ординарца Арсеньева, вручить караульному офицеру Мировичу, дѣлая видъ «будто бы отъ роду его не знавалъ», заранѣе составленный отъ имени ея императорскаго величества указъ объ освобожденіи Ивана Антоновича; получивъ такой указъ, Мировичъ долженъ былъ, «въ самый тотъ моментъ, отнюдь ни мало мѣшкая», прочесть указъ всей командѣ, послѣ чего Мировичъ, взявъ изъ команды своей восемь человѣкъ, долженъ «арестовать и сковать» комендента, а Ушаковъ идти къ надзиравшимъ за Иваномъ офицерамъ, объявить имъ, что присланъ отъ ея императорскаго величества съ указомъ къ караульному офицеру, «кой тотчасъ къ нимъ будетъ», и когда, по арестованіи уже коменданта, Мировичъ присоединился бы къ Ушакову, приказать тѣмъ офицерамъ «чтобъ они убирались»; затѣмъ, «посредствомъ освобожденія изъ-подъ караулу получивъ Ивана Антоновича, они, тотчасъ же, взявъ крѣпостную шлюпку и гребцовъ, посадя съ собою на онукю шлюпку для битья тревоги барабанщика, слѣдовали бы въ Петербургъ». Они условились пристать со шлюпкой къ Выборгской сторонѣ и «представить Ивана Антоновича артиллерійскому лагерю, а есть ли же того бъ лагеря тамъ не находилось, то къ пикету того корпуса на Литейной сторонѣ стоящему»; барабанщикъ забилъ бы тревогу, собрался бы «любопытный народъ», которому они объявили бы, что «представляющаяся особа есть дѣйствительно государь Иванъ Антоновичъ, ко-

торый по семилѣтнемъ въ крѣпости шлюссельбургской содержаніи оттуда ими самими высвобожденъ», прочли бы нарочно для того составленный ими манифестъ и тотчасъ же стали бы всѣхъ собравшихся приводить къ присягѣ. Вслѣдъ за присягой, они предполагали «изъ присягавшихъ артиллерійскихъ полковъ или другихъ случившихся штабъ или оберъ-офицеровъ, съ пристойными командами, тотчасъ послать на Санктпетербургскую сторону и, взявъ тамо состоящую крѣпость, овладѣть всѣми тамошними орудіями, пушками и прочими припасы, не умедливая при томъ повелѣть чрезъ тѣхъ же посланныхъ произвесть пушечную пальбу, хотябъ и не въ большемъ числѣ выстрѣловъ, но, по крайней мѣрѣ, продолжительную, дабы тѣмъ только подать знакъ къ собранію народа и приведенію онаго въ страхъ». На присягнувшихъ уже штабъ или оберъ-офицеровъ возлагалось, сверхъ того: привесть къ присягѣ всѣ стоящіе въ Петербургѣ гвардіи и полевые полки, разставить пикеты «при всѣхъ мостахъ съ обѣихъ сторонъ рѣки» и развести манифесты въ сенатъ, сѵнодъ, во всѣ коллегіи и присутственныя мѣста. Мировичъ же или Ушаковъ, кто-нибудь одинъ, кому случится, долженъ былъ, «не отлучаясь отнюдь, находиться при возстановляющейся особѣ, в оная бъ особа для сохраненія цѣлости и здравія, должна была тогда до полученія торжественнаго окончанія подъ собственнымъ сохраненіемъ артиллерійскаго корпуса пребыть». На вопросъ Веймарна объ «освященной ея императорскаго величества особы, яко же и въ разсужденіи высочайшей особы его императорскаго высочества государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича», Мировичъ показалъ, что относительно этихъ особъ «намѣреніе было при возстановленіи Ивана Антоновича, ежелибъ онъ на то склоннымъ нашелся, въ какое-нибудь отдаленное и уединенное мѣсто заточенію предать, а окромѣ того до здравія и жизни особъ никакого вреда учинить въ умѣ у нихъ не было».

Согласно такому плану, Мировичъ «составилъ и своеручно написалъ» слѣдующія бумаги: «въ 1-хъ, указъ отъ имени ея императорскаго величества караульному въ шлюссельбургской крѣпости офицеру объ арестованіи и скованіи той шлюссельбургской крѣпости коменданта и о привозѣ, какъ онаго, такъ и содержащагося въ той крѣпости Ивана Антоновича въ Санктпетербургъ; во 2-хъ письмо отъ нихъ, Мировича и Ушакова, къ освобождающемуся ими Ивану Антоновичу; въ 3-хъ, манифестъ отъ имени возводимаго ими Ивана Антоновича, писанный и подписанный именемъ онаго же Ивана Антоновича рукою Мировича; въ 4-хъ, форма клятвеннаго обѣщанія». Послѣ этого, оба они, Мировичъ и Ушаковъ, ознакомились съ «мѣстомъ дѣйствія»: они посѣтили артиллерійскій лагерь на Выборгской сторонѣ, «при которомъ случаѣ сдѣлали они общее обѣщаніе о построеніи въ томъ мѣстѣ, буде ихъ намѣреніе предъуспѣетъ, церквей и прочихъ украшеній», и ѣздили въ Шлюссель-

бургъ, но въ крѣпость не попали: «приставъ въ Рыбачью Слободу и нанявъ рыболова, подъ видомъ, чтобъ переѣхать въ тѣ избушки, гдѣ рыбу ловятъ, туда переѣхали и, смотря на крѣпость, сожалѣли, что имъ войти въ оную возможность не допустила». Они, однако, осмотрѣли ту подъ крѣпостью пристань, къ которой Ушаковъ-Арсеньевъ долженъ былъ пристать въ полночь условленнаго дня. Ушакову такъ и не удалось быть въ крѣпости, а Мировичъ, «хотя предъ симъ уже въ крѣпости шлюссельбургской и бывалъ, но еще для такихъ надобныхъ примѣчаніевъ чаще самоохотно напрашиваться сталъ, почему въ караулѣ въ той крѣпости неоднократно и находился».

Предварительныя соглашенія Мировича съ Ушаковымъ, изготовленіе подложныхъ документовъ и осмотръ мѣстности заняли ровно десять дней — съ 13-го мая, когда они «отпѣвали» себя въ казанской церкви, по 23-е мая, когда, совершенно неожиданно для обоихъ заговорщиковъ, одинъ изъ нихъ, Аполлонъ Ушаковъ, былъ командированъ военною коллегіею въ Смоленскъ «для отвозу денежной казны господину генералъ-аншефу, сенатору и кавалеру князю Михайлѣ Никитичу Волконскому». По показанію Мировича, «эта посылка Ушакову весьма въ томъ разсужденіи противною казалась, чтобъ препятствіемъ иногда ихъ предпріятію не послужила, но тѣмъ не меньше онъ ласкалъ себя оную столь споспѣшно отправить, что къ отшествію ея императорскаго величества изъ Санктпетербурга въ Лифляндію, для исполненія между ними условленнаго дѣла обратно поспѣть». Судьба рѣшила, однако, иначе: въ половинѣ іюня, придя къ брату своего товарища по заговору, великолуцкаго же полка поручику Василію Ушакову, Мировичъ узналъ отъ участвовавшаго въ смоленской командировкѣ фурьера Новичкова, что Аполлонъ Ушаковъ утонулъ. Это была тяжелая потеря для Мировича: ихъ всего было двое, теперь онъ остался одинъ. Какъ произвести государственный переворотъ одному? Въ первое время «по увѣдомленіи о смерти товарища своего», Мировичъ «старался намѣстника ему найти, но потомъ, остерегаясь незнаемымъ людямъ разглашать, таковое стараніе оставилъ»: онъ рѣшился одинъ «сіе предпріятіе въ то же время и такими же способами, какъ между имъ и Апполономъ Ушаковымъ установлено было, дѣйствительно въ дѣло произвесть».

Мировичъ началъ съ того, что по необходимости «переписалъ манифестъ отъ имени Ивана Антоновича на одно свое имя, равномѣрно жъ и отъ своего имени письмо предъ симъ отъ его и Ушакова къ Ивану Антоновичу писанное». Этимъ онъ фактически засвидѣтельствовалъ свою рѣшимость «не имѣть сообщниковъ». Сообщниковъ, но не сочувствующихъ его намѣренію — ихъ онъ искалъ весьма старательно и повсюду. Гдѣ же могъ, однако, искать

ихъ подпоручикъ армейскаго полка, неимѣвшій никакихъ связей, вполнѣ невѣжественный, вѣчно нуждавшійся?

Прежде всего, среди лакеевъ. Переѣзжаетъ Мировичъ Неву и слышитъ, какъ солдатъ разсказываетъ своему ближайшему сосѣду, что «Иванъ Антоновичъ въ Санктпетербургѣ, какъ при бывшемъ императорѣ Петрѣ Третьемъ, такъ уже и во время державствованія ея императорскаго величества, два раза былъ» — онъ пользуется этимъ солдатскимъ разсказомъ, чтобъ найти себѣ «сочувственника» въ придворномъ лакеѣ Тихонѣ Косаткинѣ, стараясь «его, лакея, незамѣтнымъ образомъ къ вознамѣренному предпріятію въ томъ разумѣ пріуготовить, чтобъ посредствомъ онаго лакея то его дѣло охотнѣе въ народѣ принято быть могло». Въ показаніи Косаткина обрисовываются какъ пріемы Мировича въ уловленіи «сочувственниковъ», такъ и степень успѣшности этихъ пріемовъ. Приводимъ лакейское показаніе, какъ оно записано канцеляристомъ Самаринымъ: «За нѣсколько дней до Сошествія Святаго Духа, идучи съ Мировичемъ чрезъ лѣтняго ея императорскаго величества двора садъ, по соотвѣтствованіи на Мировичевъ вопросъ о бытности Ивана Антоновича въ Санктпетербургѣ, онъ спросилъ у Мировича объ Иванѣ Антоновичѣ: «гдѣ же онъ нынѣ содержится?» На что Мировичъ сказалъ: «въ крѣпости шлюссельбургской, въ темницѣ, у которой и окна забрызганы; мы часто въ крѣпости бываемъ и туда на караулъ ходимъ». По учиненіи того отвѣтствія Мировичъ спрашивалъ у лакея: «каковъ нынѣшній дворъ имъ кажется въ сравненіи противъ того, какъ при жизни Елисаветы Петровны и при Петрѣ Третьемъ было?» На что лакей отвѣтствовалъ: «какъ-то не весело — прежде изъ придворныхъ лакеевъ выпускаемы были въ офицеры съ рангами поручичьими и подпоручичьими, а нынѣ никакого выпуску нѣтъ, а слышно, что по новому стату будутъ ихъ выпускать сержантскими чинами». На эти рѣчи Мировичъ сказалъ: «здоровъ ли то походъ (путешествіе) нашей государыни будетъ? у насъ солдаты какъ вѣщуны говорятъ, что Иванъ Антоновичъ будетъ возведенъ на престолъ»; на что лакей Мировичу сказалъ: «о, сохрани Господи! и не дай Богъ слышить—намъ и такъ уже эти перемѣны надоѣли», сказывая при томъ Мировичу, что конной гвардіи рейтаръ Михаилъ Торопченинъ хотѣлъ идти къ его сіятельству графу Алексѣю Григорьевичу Орлову объявлять, что вездѣ говорятъ про Ивана Антоновича и, конечно, будетъ ли де здоровъ нашей государыни походъ? и что онъ, лакей, сего рейтара, дабы больше не болталъ, отъ себя выслалъ; и паки лакей сказывалъ Мировичу по слышаннымъ имъ отъ своего родного брата, троицкаго собора священника, Ивана Матвѣева рѣчамъ, что «здоровъ ли то будетъ вашъ походъ?» въ коемъ онъ, лакей, назначенъ былъ въ Ревель; къ чему еще отъ себя лакей прибавилъ: «предъ симъ находящимся при дворѣ придворнымъ лакеемъ всегда, сверхъ опре-

дѣленнаго жалованья, отъ кавалеровъ награжденіи бывали деньгами, а нынѣ и жалованье мѣдными деньгами даютъ, а при Петрѣ III по большой части все серебреная монета ходила» [1]).

Эти чисто лакейскіе взгляды охладили, вѣроятно, Мировича; по крайней мѣрѣ, онъ не дѣлалъ уже болѣе попытокъ искать сочувствій своему предпріятію въ средѣ челяди, хотя бы и придворной. Не болѣе успѣшною оказалась и попытка въ средѣ пьяницъ. О ней такъ записано въ протоколѣ: «Пришедъ въ день Іоанна Крестителя, т. е. іюня 24-го числа, изъ крѣпости шлюссельбургской въ форштадтъ оной, въ квартиру смоленскаго пѣхотнаго полка капитана Миллера и услышивъ къ себѣ, отъ тамо же, между прочихъ офицеровъ, весьма въ пьяномъ образѣ находящагося того же полку капитана Василья Бахтина, съ дружескимъ къ нему Мировичу изъявленіемъ, сей вопросъ: «откуда ты пріѣхалъ»? и отзываясь на то онъ, Мировичъ, ему сказывалъ, что пришелъ изъ крѣпости шлюссельбургской, гдѣ у коменданта и обѣдалъ, оной Бахтинъ ему, Мировичу, выговорилъ: «что ты, братъ, не веселъ пріѣхалъ? я знаю, что ты задумалъ, а коли смерть да къ смерти». Пошелъ на другой день Мировичъ къ нему Бахтину въ квартиру нарочно вывѣдать, можетъ ли оный Бахтинъ къ тому иногда склоннымъ себя оказать и потому имъ, Мировичемъ, къ своему намѣренію приведеннымъ быть; но не увидѣвъ отъ него, Бахтина, ни малѣйшаго отзыва и не примѣтивъ ни тогда, ни предъ тѣмъ, ни послѣ того, никакого въ немъ къ тому въ его, Мировича, предпріятіяхъ согласнаго поступка, далѣе о себѣ въ томъ ему открываться и искушать оставилъ».

Между тѣмъ, время шло. 20-го іюня Екатерина II уѣхала въ Лифляндію. Если Мировичъ «свое предпріятіе исполнить и совершить вознамѣрился» именно во время отсутствія императрицы, то слѣдовало торопиться. Съ 1-го іюля, «хотя ему, Мировичу, очереди и не было, но вмѣсто другого офицера въ крѣпость шлюссельбургскую на караулъ стать домогался». Его домогательство исполнилось 3-го же іюля. По собственному сознанію Мировича, онъ въ то время «не имѣлъ какъ изъ постороннихъ, такъ и изъ караульной команды себѣ сообщниковъ или къ предпріятію его приглашенныхъ», и, тѣмъ не менѣе, твердо рѣшился «во время онаго на караулѣ стоянія, свое предпріятіе въ дѣло произвесть».

Во всемъ слѣдственномъ производствѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія, что̀ дѣлалъ и какъ провелъ Мировичъ день 3-го іюля, приходившійся въ 1764 году на субботу. Извѣстно только, что Мировичъ занялъ въ этотъ день караулъ въ шлюссельбугской крѣ-

---

[1]) «Въ которомъ лакея Косаткина показаніи подпоручикъ Мировичъ не токмо не заперся, но съ очной ставки въ томъ точно во всемъ признался и утвердился».

пости. Но канунъ «шлюссельбургскаго бунта» разработанъ слѣдственною комиссіею до мельчайшихъ подробностей: комиссія прослѣдила шагъ за шагомъ всѣ поступки, движенія, рѣчи и разговоры Мировича во весь день, предшествовавшій «исполненію предпріятія».

Это было воскресенье, 4-го іюля. «Часу въ 10-мъ пополуночи пріѣхали въ крѣпость шлюссельбургскую иза-за рѣки, съ форштадта, четыре человѣка»—канцеляріи отъ строеній капитанъ Загряжскій, подпоручикъ изъ грузинъ князь Семенъ Чефаридзевъ, регистраторъ Василій Безсоновъ и купецъ Шелудяковъ—отстояли обѣдню и изъ церкви прошли къ коменданту, «куда и Мировичъ былъ приглашенъ». Здѣсь, въ комендантскихъ покояхъ, Мировичъ, за закускою и чаемъ, познакомился съ княземъ Чефаридзевымъ. Разговорившись, они вышли на крыльцо комендантскаго дома, и князь Чефаридзевъ спросилъ, между прочимъ, Мировича, «безъ всякаго его начинанія», совершенно случайно:—«Здѣсь, вѣдь, содержится Иванъ Антоновичъ. Будучи еще сенатскимъ юнкеромъ, я объ немъ отъ сенатскихъ подъячихъ разныя обстоятельства свѣдалъ». Мировичъ отвѣтилъ:—«Я давно знаю, что онъ здѣсь содержится». Въ показаніи Мировича глухо сказано: «а потомъ и прочіе у насъ со княземъ разговоры, единственно касавшіеся до той же особы происходили». Какіе же разговоры? Приводимъ ихъ изъ показанія[1]) князя Чефаридзева:

«Поговоривъ на крыльцѣ, вошли паки въ комендантскіе покои, откуда при комендантѣ, въ провожаніи всѣхъ особъ, пошли по крѣпости, а Мировичъ, для отпиранія проломныхъ воротъ, напередъ пошелъ, а какъ взошли на сдѣланныя въ зàмкѣ на подобіе галлереи перильца, то, увидя сверху внизу недостроенныя каменныя палаты, я спросилъ, по любопытству, у Мировича, на что онъ сказалъ: «это построенъ былъ бывшимъ императоромъ Петромъ Третьимъ цейхгаузъ или магазеинъ, а оный построенъ былъ не болѣе время какъ въ мѣсяцъ или въ пять недѣль». Пошли еще выше, въ башню, а оттуда сошедъ и вышедъ изъ проломныхъ воротъ, шли вдвоемъ же по крѣпости, гдѣ я спросилъ Мировича: «Въ которыхъ имянно комнатахъ Иванъ Антоновичъ содержится?» На что Мировичъ и сказалъ: «Примѣчай, кàкъ я тебѣ на которую сторону головой кивну, то на ту сторону смотри: гдѣ увидишь переходъ черезъ каналъ, тутъ онъ и содержится». А оттуда до покоевъ комендантскихъ шли безъ всякихъ разговоровъ, а по приходѣ туда, малое время посидѣвъ, паки вышли на крыльцо, и я сказалъ Мировичу про Ивана Антоновича: «Вотъ этотъ человѣкъ безвинной, отъ самыхъ ребяческихъ лѣтъ содержится». На что Мировичъ сказалъ: «Это правда, очень жалокъ». Потомъ и далѣе у него спрашивалъ: «Есть ли у

[1]) «Съ чѣмъ съ очной ставки данной съ Чефаридзевымъ, Мировичъ во всемъ признался и на томъ его, Чефаридзева, отвѣтѣ утвердился».

онаго арестанта въ покояхъ свѣтъ? Какая ему пища идетъ? Разговариваетъ ли кто съ нимъ?» На что Мировичъ сказалъ: «Свѣту никакого нѣтъ, а днемъ и ночью всегда огонь; кушанья же и напитковъ весьма довольно ему идетъ, для чего и придворный поваръ здѣсь находится; также случается, что онъ разговариваетъ и съ караульными офицерами». Еще спросилъ: «Забавляется ли онъ чѣмъ?» На что Мировичъ сказалъ: «Какъ обученъ, то забавляется чтеніемъ книгъ, а по случаю комендантъ ему и газеты читать носитъ»[1]). При томъ я Мировичу и то сказалъ про Ивана Антоновича: «его, вѣдь, можно и его высочествомъ назвать»; на что Мировичъ и сказалъ: «Безспорно можно». Потомъ Мировичъ, взявъ его къ себѣ въ офицерскую кордегардію, между посторонних разговоровъ, говорилъ: «Да, жаль, что у насъ солдатство несогласно и загонено, а ежели бы были бравы, то бы Ивана Антоновича оттуда выхватилъ и, посадя на шлюпку, прямо прибылъ въ Петербургъ, къ артиллерійскому лагерю представилъ».—«Чтожъ бы это значило?»—«А чтобъ это значило? То значило бъ, какъ бы привезъ туда, то окружили бъ его съ радостью». И тѣмъ окончивъ рѣчи, пошли къ коменданту, откуда съ регистраторомъ Безсоновымъ вышедъ, ходили за крѣпостью; оттуда съ Безсоновымъ возвратились и у коменданта откушавъ, съ прочими пріѣзжими пошли изъ крѣпости вонъ. Идучи съ Мировичемъ позади всѣхъ, я сказалъ ему въ разумѣ томъ, чтобъ не попался онъ въ бѣду: «Смотри, братъ!»; а онъ на то отвѣтствовалъ: «Я давно смотрю и сожалѣю, что времени не достаетъ поговорить, да къ тому же у насъ и солдатство несогласно и не скоро его къ этому приведешь». Противу чего я ему отвѣчалъ: «Это правда, и я знаю». И съ тѣмъ разстались».

Комендантъ крѣпости, полковникъ Бередниковъ, вмѣстѣ съ Мировичемъ, провожалъ своихъ гостей изъ крѣпости въ форштадтъ, и когда, «не больше какъ въ полчаса времени» возвратился опять въ крѣпость, то замѣтилъ, что Мировичъ «по крѣпости расхаживаетъ». Былъ пятый часъ пополудни. Мировичъ, увидѣвъ передъ крыльцемъ той казармы, гдѣ содержался Иванъ Антоновичъ, капитана Власьева, приблизился къ нему и, «по учиненіи взаимственно поклоненія», началъ съ нимъ «прохаживаться по галлереи». При этомъ Мировичъ, «безъ всякаго Власьевымъ къ тому даннаго повода, началъ въ своихъ намѣреніяхъ открываться такимъ образомъ, что не погубитъ ли онъ Мировича прежде предпріятія его? На что Власьевъ, не допустя далѣе до разговору, тое рѣчь пре-

---

[1]) Спрошенный по этому поводу Мировичъ показалъ: «все оное онъ не посредствомъ кого-либо зналъ и не развѣдалъ, но только единственно доходя своею догадкою, а коменданта онъ никогда, чтобъ онъ носилъ къ той особѣ газеты, не видѣлъ, а чтобъ разговоры офицеры съ тою особою когда какіе чинили не знаетъ».

рвалъ и сказалъ, что когда оно такое, чтобъ къ погибели его, Мировича, слѣдовало, то онъ не токмо внимать, ниже и слышать о томъ не хочетъ». Они уже молча пошли на пристань и, «немного тамо посидѣвъ», возвратились въ крѣпость. Въ воротахъ, Мировичъ звалъ Власьева «въ свою кордегардію посидѣть», отъ чего Власьевъ отказался, говоря, что «имъ никогда и ни къ кому ходить не можно».

Теперь только, уже въ вечеру, Мировичъ остался одинъ, въ кордегардіи. Что онъ тамъ дѣлаетъ? Онъ весь поглощенъ своимъ «предпріятіемъ». Какъ кошмаръ душитъ его заманчивый замыселъ; онъ ни на чемъ не можетъ сосредоточиться: ему все грезится успѣхъ затѣи, и—почетъ, величіе, богатство. Ни дружеское предостереженіе князя Чефаридзева, ни рѣзкій отпоръ Власьева даже не натолкнули его мыслей на возможность неудачи. Все такъ зрѣло обдумано, такъ всесторонне предусмотрѣно—что̀ же можетъ помѣшать успѣху? откуда явятся непредусмотрѣнныя препятствія? Онъ и не думаетъ о препятствіяхъ, которыя могутъ представиться, ни о затрудненіяхъ, которыя придется преодолѣвать—онъ только мечтаетъ объ успѣхѣ и о послѣдствіяхъ удачи. Вотъ, подъ подушкою, приготовленныя бумаги—манифестъ, письмо, присяга—все въ порядкѣ. Ему видится уже Иванъ Антоновичъ въ Петербургѣ, уже признанный артиллерійскимъ лагеремъ «съ радостью», новому императору уже присягаютъ... а дальше что? на кого опереться? И Мировичъ «въ запасъ, егда его предпріятіе къ тому концу дѣйствительно дойдетъ, то къ подкрѣпленію его тамо дальнихъ производствъ» трудится теперь, вечеромъ 4-го іюля, въ кордегардіи, надъ составленіемъ «отъ имени Ивана Антоновича указа смоленскаго пѣхотнаго полка полковнику Римскому-Корсакову о слѣдованіи ему съ полкомъ въ Санктпетербургъ къ лѣтнему ея императорскаго величества дворцу». Почему же именно въ смоленскій полкъ, гдѣ и руку-то Мировича знаютъ и гдѣ, какъ ему показала встрѣча съ Бахтинымъ, нѣтъ сочувствующихъ его предпріятію? Да просто потому, что ему выбора нѣтъ: другихъ полковъ онъ не знаетъ точно, ни гдѣ они расположены, ни кто въ нихъ командиры.

Занятый своею «неотвязчивою мыслью», Мировичъ не чувствуетъ усталости и даже комендантское вино, выпитое за обѣдомъ [1]), на него не дѣйствуетъ: «онъ остается твердъ въ намѣреніи, чтобъ всеконечно и непремѣнно его предпріятіе въ томъ его въ караулѣ стояніи и въ самыхъ малыхъ дняхъ въ дѣйство произвесть, хотя не въ эту ночь». Это «предпріятіе», однако, можетъ быть ис-

---

[1]) Князь Чефаридзевъ показалъ, что намѣревался донесть «кому-нибудь изъ знатныхъ особъ» о слышанныхъ имъ отъ Мировича рѣчахъ, но онъ «въ тотъ день былъ отъ пьяныхъ напитковъ такъ отягощенъ, что не въ состояніи нашелся и на другой день за приключившимся ему отъ того припадкомъ донесть».

полнено, подъ его руководствомъ, ни кѣмъ инымъ, какъ солдатами его караульной команды, и Мировичъ начинаетъ «пріуготовлять» свою команду. Онъ зоветъ къ себѣ въ кордегардію, по одиночкѣ, сперва своего вѣстового, «находящагося на вѣстяхъ солдата», Якова Писклова, за нимъ—солдата Матвѣя Босова, потомъ «всѣхъ стоящихъ на караулѣ трехъ капраловъ» — Андрея Кренева, Николая Осипова, Абакума Миронова. Съ каждымъ изъ этихъ солдатъ онъ продѣлываетъ одно и то же: «напередъ обласкав дружескою ласкою, скажетъ ему прямо, что здѣсь содержится государь Иванъ Антоновичъ и уговариваетъ его въ свое намѣреніе, прибавляя къ тому, что и солдаты согласны и чтобъ онъ другихъ, знакомыхъ ему, къ тому скланивалъ», и отъ каждаго обласканнаго солдата получаетъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «ежели солдатство согласно, то и онъ не отстанетъ». Такіе нехитрые переговоры между подчиненными солдатами и начальствующимъ офицеромъ заняли время до «пробитія тапты или вечерней зори». Когда уже пробили зѳрю, Мировичъ, «не запирая у воротъ калитки», пригласилъ трехъ капраловъ—Кренева, Осипова и Миронова, прогуляться съ нимъ вокругъ крѣпости. Во время этой прогулки, онъ «прежній имъ чинимый подговоръ повторилъ» уже всѣмъ вмѣстѣ; на что подневольные собесѣдники, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, дали свое согласіе «токмо единственно наружнымъ видомъ, а отнюдь не въ самую истину, чтобъ то учинить, а по одной той причинѣ, чтобъ скоряе отъ него, Мировича, отойти». Возвратившись съ прогулки, Мировичъ прошелъ прямо въ офицерскую кордегардію, раздѣлся и легъ спать.

Мировичъ вовсе и не думалъ «преднамѣреніе свое исполнить» именно въ эту ночь. Напротивъ, засыпая, онъ рѣшилъ, что для успѣха предпріятія ему необходимо увеличить число своихъ сторонниковъ среди солдатъ. Вотъ какъ записаны въ протоколѣ эти соображенія Мировича на сонъ грядущій: «И хотя такимъ къ заговору склоненіемъ капраловъ и солдатъ онъ предъуготовилъ, но со всѣмъ тѣмъ, лаская себя, что капитанъ Власьевъ сказанныя ему имъ рѣчи уважать и какого-либо изъ нихъ употребленія сдѣлать не можетъ, то ту ночь къ исполненію своего намѣренія, дабы себѣ между солдатствомъ еще больше къ видамъ его благосклонныхъ пріумнижить, употребить не полагалъ». Въ самомъ дѣлѣ, что же сказалъ Мировичъ Власьеву? Въ чемъ открылся? Въ его вопросѣ, не погубитъ ли его Власьевъ, не было и нѣтъ никакого преступнаго признанія. Мировичъ могъ спать спокойно...

Но ему не спалось. Впечатлѣнія ли, пережитыя имъ въ этотъ день, вино ли, выпитое у коменданта, или то и другое вмѣстѣ волновало Мировича, но онъ, лежа въ постели, слышалъ какъ часы пробили полночь, потомъ часъ по полуночи. Ему все не спалось. Позже, ему уже не дали уснуть: въ самомъ началѣ второго часа ночи, пришелъ въ кордегардію фурьеръ Лебедевъ и объявилъ Ми-

ровичу, что комендантъ приказалъ, «не безпокоя его, Мировича», пропустить изъ крѣпости гребцовъ; въ половинѣ второго, является тотъ же Лебедевъ—комендантъ приказалъ пропустить въ крѣпость канцеляриста и гребцовъ; черезъ нѣсколько минутъ входитъ опять Лебедевъ—комендантъ приказалъ пропустить изъ крѣпости обратно гребцовъ. Три пропуска въ теченіе получаса, глухою ночью — это ужъ слишкомъ! Мировичу приходитъ мысль, что капитанъ Власьевъ передалъ коменданту Бередникову его слова и теперь комендантъ шлетъ гонца за гонцомъ въ Петербургъ съ доносами на Мировича. Разгоряченное воображеніе рисуетъ ему картину его гибели, и, спасая себя, Мировичъ рѣшается освободить Ивана Антоновича въ эту же ночь, тотчасъ же.

Въ исходѣ второго часа ночи, Мировичъ, раздѣтый, схватилъ свой мундиръ, шарфъ, шпагу, шляпу, сбѣжалъ изъ кордегардіи внизъ, въ солдатскую караульню, и закричалъ караульнымъ: «къ ружью, къ ружью!» Караульня была маленькая, въ ней спала только часть солдатъ, остальные размѣщались по другимъ зданіямъ. Проснувшіеся въ караульнѣ солдаты бросились будить и созывать товарищей. Тѣмъ временемъ Мировичъ одѣлся. Ставъ передъ фронтомъ собравшейся команды, Мировичъ приказалъ заряжать ружья «съ пулями», а капрала Кренева съ однимъ солдатомъ послалъ «къ воротамъ, къ калиткѣ», приказавъ никого не пропускать ни въ крѣпость, ни изъ крѣпости. Командныя слова отдавались громко, ружья заряжались съ шумомъ—Бередниковъ въ халатѣ выскочилъ на крыльцо и, увидя Мировича, закричалъ ему: «Для чего такъ безъ приказу во фронтъ становятся и ружья заряжаютъ?» Мировичъ бросился на коменданта, ударилъ его ружейнымъ прикладомъ въ лобъ «столь сильно, что разбивши оный съ поврежденіемъ черепа до крови, его въ безпамятствѣ учинилъ», приговаривая: «Что ты здѣсь держишь невиннаго государя!» Онъ схватилъ коменданта за воротъ халата и отдалъ солдатамъ своей команды подъ караулъ, строго запретивъ не только разговаривать съ нимъ, но и выслушивать его рѣчи.

Бунтъ начался.

Вслѣдъ за арестованіемъ коменданта, Мировичъ, перестроивъ команду изъ «четырехъ-шеренгнаго фронта» въ три шеренги, повелъ свою команду къ «той казармѣ, гдѣ гарнизонная команда состояла». На окликъ: «кто идетъ?» Мировичъ отвѣчалъ: «иду къ государю». Какъ только Мировичъ поровнялся съ гарнизонной командой, раздался сперва одинъ выстрѣлъ часового, потомъ залпъ «всего фронта»—Мировичъ тоже приказалъ «выпалить всѣмъ фронтомъ». Караульная команда исполнила требованіе своего офицера — выпалила, «а какъ выпалила, то вся врознь разсыпалась». Среди солдатъ явилось недоумѣніе, прошелъ ропотъ. Отступя «отъ приступнаго мѣста», солдаты собрались близъ склада пожарныхъ

инструментовъ и требовали у Мировича «вида по чему поступать». Мировичъ успокоивалъ солдатъ увѣреніемъ, что имѣетъ «вѣрный видъ». Одного увѣренія оказалось недостаточно. Мировичъ побѣжалъ въ кордегардію, взялъ спрятанный въ расщелинѣ стѣны манифестъ отъ имени Ивана Антоновича и прочиталъ командѣ «однѣ тѣ только выраженія, которыя больше команду тронуть и къ намѣренному предпріятію возбудить могли». Солдаты сознавались, что «хоть Мировичемъ указъ и былъ читанъ, но въ какомъ оной содержаніи и къ чему клонится, никто понять не могли». Для Мировича, вовсе не знавшаго гдѣ именно содержится Иванъ Антоновичъ и какъ охраняется, возникъ вопросъ: продолжать ли перестрѣлку съ гарнизономъ или прекратить? Мировичъ опасался, что ружейная пуля можетъ «застрѣлить оную персону»! Онъ запретилъ своимъ стрѣлять. Въ то же время онъ кричалъ гарнизонной командѣ, чтобы она «не палила», въ противномъ случаѣ стращалъ пушкою, посылалъ для переговоровъ солдатъ—ничто не помогло: гарнизонная команда отвѣчала, что «палить будетъ». Нечего дѣлать, пришлось «устращивать пушкою». Мировичъ побѣжалъ въ комендантскіе покои за ключами, потомъ, съ солдатами — на бастіонъ за пушкою; привезли пушку, мѣдную, шестифунтовую—нѣтъ пороха и снарядовъ; Мировичъ, съ другими уже солдатами, бѣжитъ къ пороховому погребу. Среди этой бѣготни по крѣпости, Мировичъ кричалъ всѣмъ, встрѣчавшимся часовымъ, чтобы зарядили ружья и ни въ крѣпость, ни изъ крѣпости никого не пропускали, «а кто прорвется и поѣдетъ по рѣкѣ въ лодкахъ, по тѣхъ стрѣлять». Изъ порохового погреба брали все «безъ мѣры и вѣсу» и, наконецъ, притащили къ «приступному мѣсту», гдѣ стояла уже пушка, «пороху половину капіармуса, фитилю палительнаго кусокъ, пакли на пыжи, тожъ и шесть шестифунтовыхъ ядеръ». Прибѣжалъ къ «приступному мѣсту» и Мировичъ. Чтожъ онъ будетъ дѣлать? Онъ опасался, какъ бы ружейнымъ выстрѣломъ не убить Ивана Антоновича, такъ ужъ изъ пушки стрѣлять и вовсе не годилось. Мировичъ такъ распорядился: онъ громко приказалъ заряжать пушку и, въ то же время, «захватя гарнизоннаго сержанта Иштирякова, велѣлъ ему идти къ гарнизонной командѣ и сказать, чтобъ не палили, а буде сей послѣдній разъ будутъ палить, то уже неотмѣнно увидятъ, что изъ пушки по нихъ будутъ бить». Черезъ нѣсколько минутъ сержантъ Иштиряковъ возвратился и объявилъ, что «они палить не будутъ». Почему?

Капитанъ Власьевъ и поручикъ Чекинъ на слѣдствіи показали: «Какъ они увидали, что привезенную пушку стали заряжать, и дѣйствительно зарядили, въ такомъ случаѣ видя сей страхъ и не находя себя инако въ состояніи быть, какъ только для спасенія всей команды отъ напрасной и безвременной смерти, сему внутреннему и сугубо злѣйшему непріятелю уступить, но не ранѣе,

пока, какъ уже та особа, полученіемъ коей Мировичъ себя ласкалъ и за главнѣйшую себѣ добычу имѣть доставлялъ, жизнію отъ нихъ, Власьева и Чекина, истреблена была, а по учиненіи сего неминуемаго поступка и егда сержантъ Иштиряковъ прибѣжавъ сказывалъ, что по нихъ изъ пушекъ палить будутъ, то потому отъ нихъ и сказано, что они палить не будутъ».

Обрадовался Мировичъ, услыхавъ, что палить не будутъ. Немедленно двинулся онъ со всею командою къ казармѣ; на галлереѣ онъ столкнулся съ поручикомъ Чекинымъ. Мировичъ схватилъ его за руку и потащилъ въ сѣни, спрашивая: — «Гдѣ государь?» Чекинъ отвѣчалъ: — «У насъ государыня, а не государь». Мировичъ, сильно толкнувъ его въ затылокъ, вскричалъ:— «Пойди, укажи государя, отпирай двери». Чекинъ отперъ дверь каземата — темно. Побѣжали за огнемъ. Лѣвою рукою Мировичъ держалъ Чекина за воротъ, въ правой у него было ружье со штыкомъ. Въ ожиданіи огня, Мировичъ сказалъ Чекину:—«Другой бы тебя, каналья, давно закололъ». Принесли огонь. Мировичъ вошелъ въ казематъ и остолбенѣлъ — среди каземата, въ лужѣ крови, на полу, валялось мертвое тѣло! Изъ-за Мировича безучастно смотрѣли на теплый еще трупъ капитанъ Власьевъ и поручикъ Чекинъ.—«Ахъ, вы безсовѣстные»!—сказалъ имъ Мировичъ,—«за что вы невинную кровь такого человѣка пролили?» Они спокойно отвѣчали: — «Какой онъ человѣкъ, мы не знаемъ; только то знаемъ, что онъ арестантъ. А кто надъ нимъ что сдѣлалъ, тотъ поступалъ по присяжной должности». Даже солдаты содрогнулись при видѣ, дѣйствительно, ужаснаго зрѣлища...

Мировичъ приблизился къ трупу, сталъ на колѣни, поцѣловалъ руку и ногу мертвеца. По его приказанію, солдаты положили мертвое тѣло на кровать, вынесли изъ казармы, перенесли черезъ «канальный переходъ», и остановились: солдаты недоумѣвали, какимъ образомъ убійцы остаются на свободѣ и спрашивали Мировича, не прикажетъ ли онъ взять ихъ подъ караулъ. Мировичъ не приказалъ, увѣряя солдатъ, что «они и такъ не уйдутъ». Опять подняли солдаты кровать съ мертвецомъ, и по крѣпости двинулась печальная процессія: впереди трупъ, сопровождаемый «всей въ разстройкѣ находящейся командой», за трупомъ Мировичъ, поодаль—капитанъ Власьевъ и поручикъ Чекинъ подъ надзоромъ нѣсколькихъ солдатъ. Процессія приблизилась къ фронтовому мѣсту. По приказанію Мировича, мертвое тѣло поставили передъ фронтомъ; команда построилась въ четыре шеренги.—«Теперь,—сказалъ Мировичъ,— отдамъ послѣдній долгъ своего офицерства». Онъ велѣлъ бить утренній побудокъ; приказалъ командѣ сдѣлать въ честь мертваго тѣла на караулъ и бить полный походъ, при чемъ и самъ салютовалъ. Отдавъ трупу воинскія почести, Мировичъ приблизился къ мертвому тѣлу, поцѣловалъ холодѣвшую уже руку и, обращаясь

къ солдатамъ, сказалъ:—«Вотъ, господа, нашъ государь Іоаннъ Антоновичъ! Теперь мы не столь счастливы, какъ безсчастны, а всѣхъ больше за то я претерплю. Вы не виноваты — вы не вѣдали, что я хотѣлъ сдѣлать. Я уже за всѣхъ васъ отвѣтствовать и всѣ мученія на себѣ сносить долженъ».

Мировичъ не зналъ, что дѣлать дальше. Онъ, видимо, не приговилъ себя къ такому исходу предпріятія. Мировичъ сталъ обходить шеренги и цѣловать рядовыхъ. Онъ обошелъ уже и перецѣловалъ три переднія шеренги, кончалъ и четвертую, когда солдаты одумались: капралъ Мироновъ подошелъ къ Мировичу сзади и взялся за его шпагу; Мировичъ заявилъ, что отдастъ шпагу только коменданту, но капралъ, «на то не взирая», съ помощью солдатъ снялъ у него шпагу. Вскорѣ подошелъ и комендантъ: онъ сорвалъ съ Мировича «офицерскій знакъ» и отдалъ «бунтовщика» подъ караулъ при фронтѣ.

Бунтъ окончился.

Какъ только Мировичъ былъ арестованъ солдатами, комендантъ, солдатами же освобожденный изъ-подъ караула, послалъ за командиромъ смоленскаго пѣхотнаго полка. Полковникъ Римскій-Корсаковъ явился въ сопровожденіи секундъ-майора Кудряваго. Когда они подходили къ фронтовому мѣсту, Мировичъ сказалъ своему командиру:—«Быть можетъ, вы не видѣли живого Ивана Антоновича, такъ теперь мертваго увидите — онъ уже теперь не тѣломъ, а духомъ кланяется вамъ». Римскій-Корсаковъ, не останавливаясь и не слушая, прошелъ прямо въ комендантскіе покои. Вскорѣ прибылъ и «секурсъ»: согласно приказу, ежегодно повторявшемуся, поручикъ Васильевъ и прапорщикъ Жегловъ, бывшіе дежурными по полку, услышавъ ружейную пальбу въ крѣпости, наскоро собрали команду въ 23 человѣка и на шхербатѣ и одной лодкѣ приплыли въ крѣпость. Секурсъ, какъ и всегда, опоздалъ. Однако, «по справедливому на караульную смоленскаго полка команду сомнѣнію, комендантомъ оная гарнизонная команда оставлена и для лучшей безопасности особымъ пикетомъ разставлена была».

По возстановленіи полной тишины, прежде всего, были отправлены рапорты о «приключившемся бунтѣ» въ Царское Село, Н. И. Панину, которому былъ порученъ главный надзоръ за Иваномъ III. Потомъ, комендантъ шлюссельбургской крѣпости и командиръ смоленскаго полка озаботились каждый о своихъ людяхъ. По сдѣланной перекличкѣ, всѣ люди оказались на лицо, здравы и невредимы, не смотря на перестрѣлку. Въ протоколѣ объ этомъ записано въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «И хотя въ караульной подъ предводительствомъ Мировича командѣ дѣйствительно тридцать восемь человѣкъ точно дѣйствующихъ, а гарнизонной команды всѣхъ чиновъ шестнадцать человѣкъ было и всѣми оными съ обѣихъ сторонъ во время того мятежа выпалено было патроновъ съ пулями сто

двадцать четыре, но со всѣмъ тѣмъ ни одного человѣка раненаго, а меньше еще убитаго, ни въ которой командѣ не имѣлось, что не иному приписать можно, какъ по части тогда чрезвычайно велико состоящему туману, по части жъ, что фронтовая команда на высокомъ, гарнизонная же въ низкомъ и нѣсколько покрытомъ мѣстѣ состояли, а еще и ночной порѣ, когда люди, отъ сна вставши, по большой части можетъ не вовсе въ настоящую память вошли». Объясненія не измѣняютъ факта: была пролита кровь, но не того, въ кого стрѣляли...

Сообщенія въ то время были довольно медленны, и только на другой день, 6-го іюля, «въ 12-мъ часу», Н. И. Панинъ прочелъ рапортъ коменданта Бередникова и донесенія капитана Власьева и поручика Чекина. Панинъ немедленно командировалъ въ Шлюссельбургъ подполковника Кашкина, Евгенія Петровича, чтобъ составить, по первому же допросу Мировича, протоколъ о всемъ случившемся, и послалъ подробный докладъ императрицѣ, въ Ригу. Императрица приказала «безъимяннаго колодника похоронить по христіанской должности въ Шлюссельбургѣ безъ огласки», и назначила генералъ-поручика Веймарна для производства слѣдствія. Она была несказанно довольна исходомъ всей этой шлюссельбургской нелѣпы — Иванъ III Антоновичъ исчезъ, сошелъ со сцены, погребенъ; единственная ея забота теперь: прекратить всякіе толки, успокоить умы, заставить забыть и Ивана Антоновича, и его умерщвленіе, и всѣ эти шлюссельбургскія дивы. «Я нынѣ», — пишетъ она Панину, отъ 11-го іюля, — «болѣе спѣшу, какъ прежде, возвратиться въ Питербурхъ, дабы это дѣло скоряе окончать и тѣмъ дальныхъ дурацкихъ разглашеній пресѣчь». Въ тотъ же день, Неплюеву: «Я спѣшу къ вамъ возвратиться, гдѣ увижу, надѣюсь, скорое окончаніе сего безумнаго дѣла». Она торопила окончаніемъ дѣла, полагая, что «молва народная лишь концомъ всего дѣла пресѣчется».

Этою торопливостью объясняется и та капитальная ошибка, которую сдѣлала Екатерина. 25-го іюля, она возвратилась въ Петербургъ; въ началѣ августа, И. И. Веймарнъ представилъ ей «Экстрактъ слѣдственнаго дѣла», а 17-го августа былъ обнародованъ «Манифестъ о кончинѣ принца Іоанна Антоновича». Что же это за манифестъ? Въ немъ упомянуто, между прочимъ, объ экстрактѣ; но манифестъ не экстрактъ. Какъ экстрактъ составленъ хладнокровнымъ слѣдователемъ, такъ манифестъ написанъ пристрастнымъ судьею; въ экстрактѣ подробно выяснены поступки каждаго подсудимаго и свидѣтеля, въ манифестѣ же произносится уже оцѣнка этихъ поступковъ. Такъ, умерщвленіе Ивана Антоновича ставится въ заслугу убійцамъ: они пресѣкли «въ самомъ дѣйствіи бунтъ, уже начавшійся»; Власьевъ и Чекинъ рисуются героями: они умертвили Ивана «не устрашась, что тѣмъ же самымъ животъ свой подвергали мучительной смерти отъ отчаяннаго столь злодѣя». Въ

концѣ же манифеста, императрица объявляетъ: «Мы посылаемъ сіе дѣло на судъ нашему сенату, повелѣвая ему, купно съ синодомъ, призвавъ первыхъ трехъ классовъ персонъ съ президентами всѣхъ коллегій, выслушать оное отъ генералъ-порутчика Веймарна, яко производителя всего слѣдствія, и заключить, въ силу государственныхъ законовъ, сентенцію, которую, подписавъ обще всѣмъ, взнести къ намъ на конфирмацію». Это все равно, еслибы въ наши дни предоставить какому-либо учрежденію высказать свое мнѣніе о вопросѣ, по которому состоялось уже высочайшее повелѣніе.

Всякая ошибка носитъ въ себѣ и зародышъ наказанія. Неизбѣгла его и Екатерина. При производствѣ слѣдствія, императрицу весьма радовало, что «дѣло гладко» идетъ; въ верховномъ судилищѣ дѣло шло уже не такъ гладко. Въ первомъ же засѣданіи суда зашла уже рѣчь о «невинномъ пресѣченіи жизни принца Іоанна караульными офицерами»; собраніе, которому поручено судить государственнаго преступника, умышлявшаго свергнуть императрицу съ престола, испрашиваетъ позволеніе «поступать во всемъ по большинству голосовъ», не надѣясь, очевидно, добиться единогласнаго рѣшенія; собраніе составлено изъ высшихъ сановниковъ имперіи, и, тѣмъ не менѣе, въ средѣ его громко выражается опасеніе, что членовъ этого собранія будутъ «почитать машинами, отъ посторонняго вдохновенія движущимися, или и комедіантами». На сколько все это раздражало Екатерину, видно изъ письма ея къ генералъ-прокурору, князю А. А. Вяземскому: «Мнѣ весьма удивительно, что собраніе, чѣмъ ему упражняться и окончить то, что ему мной поручено, вздоромъ упражняется... При томъ, вы сказать можете, что они тутъ, чтобъ судить Мировича; что несогласія въ семъ собраніи суть наипаче соблазны для публики, и что сію ссору слѣдуетъ сократить и ко мнѣ не вносить сіе несогласіе для менажемента: ко мнѣ, которая о всемъ Мировича дѣлѣ съ крайнею чувствительностью слышитъ... Однимъ словомъ, скажите инымъ на ухо, что вы знаете, что я говорю, что собраніе, чѣмъ ему порученнымъ дѣломъ упражняться, упражняется со вздоромъ и несогласіями, къ крайнему соблазну моему и публики».

Надо полагать, что генералъ-прокуроръ говорилъ на ухо не «инымъ», а весьма многимъ: собраніе серьезно занялось «порученнымъ ему дѣломъ» и въ 17 дней, съ 23-го августа по 9-е сентября, окончило его. Собраніе приговорило: «отсѣчь ему, Мировичу, голову, и, оставя тѣло его народу на позорище до вечера, жжечь оное потомъ купно съ эшафотомъ, на которомъ та смертная казнь учинена будетъ»; капраламъ Креневу, Осипову и Миронову, да солдатамъ Писклову, Босову и Дитятеву «учинить жестокое наказаніе прогнаніемъ шпицрутенъ чрезъ 1,000 человѣкъ, Писклова 12 разъ, прочихъ каждаго по 10 разъ и сослать вѣчно въ каторжную работу»; смоленскаго пѣхотнаго полка барабанщика, флейтщика и

36 солдатъ «прогнать шпицрутенъ черезъ 1,000 человѣкъ по 10 разъ, четырехъ по жребію, прочихъ же по 5 разъ и всѣхъ распредѣлить въ дальнія воинскія команды, въ коихъ быть имъ солдатами вѣчно»; того же полка 10 солдатъ «написать вѣчно въ солдаты въ дальнія команды»; одного артиллерійскаго капрала, двухъ канонеровъ и двухъ гандлангеровъ «отослать въ дальнія воинскія команды»; придворнаго лакея Косаткина «въ разсужденіи его неумышленности и простоты, высѣчь батогами и отослать въ дальнія воинскія команды въ солдаты»; подпоручика Чефаридзева «лишить всѣхъ чиновъ, посадить въ тюрьму на шесть мѣсяцевъ и потомъ написать въ отдаленные полки въ солдаты»; одинъ артиллерійской команды цирюльникъ, два гандлангера, 14 солдатъ смоленскаго полка и регистраторъ Безсоновъ признаны невиновными. Приговоръ былъ исполненъ 15-го сентября.

Мировича казнили и сожгли на Петербургскомъ Островѣ, въ Обжорномъ ряду. Казнь видѣлъ знаменитый Державинъ и записалъ въ своемъ дневникѣ: «Мировичу отрублена на эшафотѣ голова. Народъ, стоявшій на высотахъ домовъ и на мосту, необыкшій видѣть смертной казни и ждавшій почему-то милосердія государыни, когда увидѣлъ голову въ рукахъ палача, единогласно ахнулъ и такъ содрогся, что отъ сильнаго движенія мостъ поколебался и перила обвалились».

Записанное поэтомъ аханье толпы, колеблющее мосты — единственное сообщеніе русскаго современника о впечатлѣніи, произведенномъ на русское общество бунтомъ и казнью Мировича. Русскіе люди въ этомъ отношеніи привыкли быть осторожными, научились уже быть несообщительными; они предпочитаютъ молчать. «Мовчатъ, бо благодінствуютъ», по злому объясненію геніальнаго сатирика, тоже, какъ и Мировичъ, малоросса. Наша мемуарная литература крайне бѣдна; у насъ мало записокъ, да и тѣ подъ запретомъ. Это досадное обстоятельство заставляетъ нерѣдко обращаться къ сообщеніямъ иностранцевъ для разъясненія чисто русскаго вопроса, что̀ крайне неудобно.

Въ манифестѣ 17-го августа было объявлено «во всенародное извѣстіе», что капитану Власьеву и поручику Чекину повелѣно было «призирать и соблюдать» Ивана III и что они же «умертвили его»; спустя мѣсяцъ, въ «сентенціи по злодѣйскимъ винамъ Мировича и его сообщниковъ», обнародованной тоже «во всенародное извѣстіе», уже вовсе не упоминается объ этихъ убійцахъ Ивана Антоновича, самое умерщвленіе его названо «приневоленнымъ» и даже заявлено, что «сего несчастнаго принца убійцомъ признать должно Мировича». Что же это такое?

Убійство есть убійство, и ничѣмъ инымъ быть не можетъ. Такъ смотрѣли на это русскіе люди, читая манифестъ, дивились, что преступленіе приравнено въ немъ съ добродѣтелью, но молчали и

только старались найти не оправданіе—оно невозможно, но объясненіе непонятному факту. Объясняли его въ то время особою инструкціею, данною еще императрицей Елисаветой Петровной, приставленнымъ къ Ивану Антоновичу офицерамъ, и обязывавшею ихъ, въ случаѣ возмущенія, направленнаго къ освобожденію принца, прибѣгнуть къ крайнему средству — умертвить Ивана III; слухи прибавляли, что эта инструкція не была отмѣнена Екатериною II. Этимъ наивнымъ объясненіемъ русскіе люди думали успокоить свою справедливо возмущенную совѣсть: офицеры, убившіе Ивана Антоновича, переставали уже быть убійцами — они только исполнители своего долга.

Прошло сто лѣтъ, и въ наши дни эта инструкція признается уже фактомъ, не только возможнымъ, но даже вполнѣ легальнымъ! Одни рѣшительно утверждаютъ, что «офицерамъ велѣно было умертвить арестанта при малѣйшей попыткѣ къ его освобожденію»; другіе, признавая такую инструкцію «весьма естественною», прибавляютъ, что она «вызывалась требованіями государственной безопасности» и хотятъ увѣрить насъ, будто «правительство въ сущности не было компрометировано такимъ распоряженіемъ».

Такъ смотрятъ на подобную инструкцію нынѣшніе русскіе историки; какъ смотрѣла на нее Екатерина II? Ее возмущалъ самый слухъ о подобномъ безчеловѣчномъ распоряженіи, она назвала такой слухъ «безбожнымъ и безчеловѣчнымъ». Когда бывшій ростовскій митрополитъ упомянулъ объ этомъ слухѣ, говоря, будто «у приставленныхъ къ Іоанну офицеровъ была дана инструкція отъ покойной государыни, въ коей велѣно было, что если кто для взятья его приступать будетъ, то бъ его живого не отдавать, а умертвить» — Екатерина излила свой гнѣвъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Оный Арсеній, забывъ всѣ покойныя государыни Елисаветы Петровны монаршія милости, по врожденной своей злости, безбожно и безсовѣстно не устыдился причитать убивство принца Іоанна яко бы данной караульнымъ офицерамъ отъ ея инструкціи, чѣмъ не только доказалъ къ ней свою неблагодарность, но и въ Бозѣ опочивающей благочестивой государынѣ сдѣлался оскорбителемъ... Закрывая собственную злость и вину свою, показалъ, что отъ кого слышалъ, не помнитъ, чему однако жъ повѣрить не можно, ибо важность таковыхъ словъ заставляетъ всегда помнить кѣмъ оныя говорены были».

Во всемъ слѣдствіи нѣтъ ни слова объ инструкціи. Въ первомъ же донесеніи Панина императрицѣ, писанномъ подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ, сказано, что это «дѣло неказанно похвальною резолюціею капитана Власьева и поручика Чекина пресѣчено», чего нельзя было бы сказать, еслибъ они были только точными исполнителями инструкціи. Но убійцъ не судили даже, ихъ не наказали — въ этомъ именно и заключалась ошибка Екатерины, по-

давшая поводъ къ слуху объ инструкціи [1]). Не одна Екатерина радовалась, что Власьевъ и Чекинъ развязали ей руки; и Панинъ, ближайшій ея совѣтникъ въ этомъ случаѣ, видѣлъ въ умерщвленіи Ивана Антоновича, «чудный Божій промыселъ»—за что же ихъ судить? Эти караульные офицеры не только убили Ивана III, они «пресѣкли мятежъ», что само по себѣ являлось уже большою заслугою въ глазахъ правительства—за что же ихъ наказывать? Эти несчастныя соображенія, неосновательныя какъ съ юридической, такъ и съ государственной точки зрѣнія, были положены въ основу манифеста и вліяли на ходъ судебнаго процесса; они-то и составляютъ ту капитальную ошибку, которая не прошла незамѣченною современниками и до настоящаго времени затрудняетъ правильный взглядъ на шлюссельбургскую нелѣпу. Въ этой ошибкѣ кроется, между прочимъ, и рѣшеніе эпизодическаго вопроса объ инструкціи: Власьевъ и Чекинъ не потому остались ненаказанными, что поступили согласно инструкціи, но наоборотъ: слухъ объ инструкціи явился потому, что убійцы остались ненаказанными. Доказывать добродѣтели Елисаветы Петровны, тѣмъ менѣе Екатерины II—тезисъ довольно неблагодарный; но именно этимъ и опровергается существованіе инструкціи: ни Елисавета Петровна, ни тѣмъ болѣе Екатерина II не нуждались въ подобной инструкціи.

Крикъ ужаса раздался въ Западной Европѣ, когда она прочла переводъ манифеста 17-го августа о кончинѣ Іоанна Антоновича. Общественное мнѣніе Англіи, Франціи, Германіи не имѣло причинъ ни скрывать своего негодованія по поводу звѣрскаго убійства ни въ чемъ неповиннаго юноши, ни лицемѣрить въ оцѣнкѣ тенденцій, исповѣдуемыхъ составителями манифеста. Появились листки, брошюры, пасквили. Манифестъ подвергся подробному разбору и убійство Ивана Антоновича вызвало единогласное осужденіе. Екатерина II, обманутая молчаніемъ Россіи, увидѣла теперь, что подчиненіе общечеловѣческихъ понятій личнымъ чувствованіямъ не всегда

[1]) Слухъ объ инструкціи записанъ современниками, но лишь иностранцами, не русскими. Сперва это только слухъ: «On s'efforce à justifier la conduite et le procédé aussi criminel, qu'inhumain et barbare de ce gouverneur, en disant «que l'officier de garde avoit ordre de prévenir l'enlêvement de ce Prince par une telle voye» (Histoire de la vie, du regne et du detronement d'Iwan III, Londers, 1766, p. 35; появившійся тогда же нѣмецкій переводъ «Geschichte von dem Leben, der Regierung und Verstossung vom Throne Ivans III», S. 17); спустя пять лѣтъ, въ 1771 году, это уже сообщается, какъ положительный фактъ: «Der Hauptmann und ein Lieutenant, welche seine Wächter waren, wurden mit ihm eingeschlossen, und bekamen den schriftlichen kayserlichen Befehl, dass wenn jemals eine Empörung zum Besten des Prinzen entstehen sollte, welche schlechterdings nicht anders als durch die Ermordung desselben erstickt werden könnte, so sollten sie in diesem Nothfall solches äusserste Mittel ergreifen... Dass die oft genannten Officiers den Prinzen erstochen, war eine Folge des unter der Kayserin Elisabath ertheilten und nachmals nicht ausdrucklich wieder aufgehobenen Befehls, dessen oben gedacht worden, und der allerdings seinen guten politischen Grund hatte» (Geschichte des russischen Kaysers Iohann des Dritten, bei Büsching, Marazin für die Historie und Geographie, VI, 530, 536).

проходитъ безнаказаннымъ. Ей пришлось прочесть въ заграничной печати много нелестныхъ отзывовъ, иногда довольно грубыхъ, но по большей части весьма правдивыхъ. Она сознала, что съ общественнымъ мнѣніемъ приходится считаться даже и самодержавцамъ. Вотъ почему она признала неудобнымъ оставлять безъ отвѣта отзывъ «свободнаго англичанина» и съ ея вѣдома былъ обнародованъ «Отвѣтъ не свободнаго русскаго слишкомъ свободному англичанину»[1]). Приводимъ въ точномъ переводѣ наиболѣе спокойный листокъ, появившійся подъ заглавіемъ «Замѣтки путешественика нѣмца на манифесть 17-го августа»[2]) и представляющій взглядъ западно-европейскаго человѣка на «пресѣченіе жизни» шлюссельбургскаго узника:

«Какъ ни была уже печальна судьба несчастнаго принца Ивана, ему не удалось, однако, избѣгнуть и послѣдняго насилія со стороны націи, не охотно упускающей всякій случай проявить свое звѣрство. Испытавъ на себѣ въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ невозможное обращеніе, недостойное уважающей себя націи, ему суждено было и умереть чисто порусски.

«Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что принцу Ивану не законно было предназначено носить русскую императорскую корону: по праву, она и тогда уже принадлежала не Ивану III, даже не Елисаветѣ Петровнѣ, а Петру III. Но можно ли ставить въ вину Ивану то, что сдѣлали его именемъ другіе? Какое же участіе могъ проявлять ребенокъ, когда его, еще спеленутаго, предназначили быть наслѣдникомъ престола? Можно ли его назвать узурпаторомъ? Если же онъ не былъ узурпаторомъ, съ нимъ должны были обходиться и обязаны были его воспитывать сообразно его рожденію. Если даже допустить, что онъ дѣйствительно былъ лишенъ разума и смысла человѣческаго, то это лишь доказываетъ, что съ нимъ поступали такъ точно, какъ нѣкогда съ Петромъ Великимъ, которому, по честолюбивымъ видамъ царевны Софіи, хотѣли дать такое воспитаніе, чтобъ сдѣлать его навсегда неспособнымъ царствовать. Еслибъ Петръ Великій не былъ такъ одаренъ природою, еслибъ Лефортъ, его воспитатель и другъ, не защитилъ бы его отъ убійственныхъ намѣреній націи, онъ скороталъ бы свой вѣкъ въ полной неизвѣстности, и Россія оставалась бы, попрежнему, пустынею.

«Казалось, будто новый «золотой вѣкъ» начался въ Россіи и Мудрость избрала эту имперію, чтобъ воздвигнуть въ ней чертогъ свой. И что же? Петръ III, законный наслѣдникъ престола, низложенъ и сведенъ со сцены, такъ какъ, говорятъ, онъ не былъ уменъ;

---

[1]) «Remarques d'un Anglois Libre sur le manifeste de l'Imperatrice de Russie en dâte du 17 Août 1764». Londres, 1765.—«Reponse d'un Russe, qui n'est pas libre, à un Anglois, qui l'est un peu trop, sur les Remarques précédens». Londres, 1765. «Замѣтки» англичанина появились, въ видѣ листка, въ 1764 году. Въ брошюрѣ in 12, «Замѣтки» занимаютъ 4 страницы, «Отвѣтъ»—10 страницъ.

[2]) «Remarques d'un Voyageur Allemand sur le manifeste du 17 Août 1764». Londres, 1765.

равнымъ образомъ и жизнь несчастнаго Ивана ставится ни во что, потому что «кромѣ весьма ему тягостнаго и другимъ не вразумительнаго косноязычія, онъ былъ лишенъ разума и смысла человѣческаго». Если будутъ продолжать такимъ образомъ лишать жизни всѣхъ, не обладающихъ умомъ или косноязычныхъ, то придется трепетать за жизнь весьма многихъ лицъ.

«Ничего, однако, не можетъ быть таинственнѣе, какъ обстоятельства, которыя вызвали и должны оправдывать неслыханное убійство.

«Что нѣкоему Мировичу, подпоручику смоленскаго полка, малороссу, внуку перваго измѣнника, послѣдовавшаго за Мазепой, проходимцу, знавшему принца Ивана только по имени, вздумалось возстановить этого несчастнаго принца на престолѣ, который онъ никогда не занималъ—это очень правдоподобно. Этотъ безрасудный человѣкъ, поощряемый примѣромъ другихъ, измѣною сдѣлавшихъ блестящую карьеру, воображалъ, быть можетъ, что отсутствіе императрицы представляетъ благопріятный случай для выполненія безъ особеннаго труда его безумнаго предпріятія. Съ этою цѣлью онъ просится въ караулъ шлюссельбургской крѣпости; ночью, онъ ведетъ солдатъ къ тому мѣсту, гдѣ содержался принцъ; бьетъ прикладомъ ружья коменданта, вышедшаго изъ своихъ покоевъ, чтобъ узнать причину тревоги; стрѣляетъ въ горсть солдатъ, охраняющихъ принца Ивана. Его приступъ отбитъ и, по особенному благоволенію Провидѣнія, поднимается такой густой туманъ, что никто не былъ убитъ. Ярость и отчаяніе внушаютъ Мировичу привезти съ бастіона пушку—это тоже очень вѣроятно. Но что же было предпринято въ столь критическомъ положеніи? Вмѣсто того, чтобъ воспользоваться туманомъ, облегчавшимъ возможность схватить измѣнника, чтобъ утушить бунтъ, не видятъ другого исхода, какъ умертвить невиннаго, который не только не принималъ ни малѣйшаго участія въ этомъ предпріятіи, но даже не былъ извѣстенъ своему непрошенному освободителю; къ тому же онъ, по описанію всѣхъ, рѣшительно никому не былъ опасенъ. Это такое дѣйствіе, которое можетъ быть оправдываемо только въ Россіи. Каковы ни были бы побужденія двухъ русскихъ офицеровъ, обагрившихъ свои безчеловѣчныя руки въ неповинной крови, могутъ ли эти побужденія оправдать ихъ въ умерщвленіи невиннаго принца, который былъ порученъ ихъ охранѣ и котораго они, согласно своей священной обязанности, должны были защищать до послѣдней капли крови? Единственною ихъ заботою было отбиваться отъ нападающихъ и наказать бунтовщиковъ; но принятое ими рѣшеніе—умертвить спящаго принца Ивана—казалось имъ, конечно, болѣе выгоднымъ для ихъ карьеры и, во всякомъ случаѣ, менѣе опаснымъ для нихъ лично, чѣмъ принять участіе въ прекращеніи бунта.

«Послѣ такого доблестнаго подвига, Власьевъ и Чекинъ выбрасываютъ трупъ убитаго принца за двери каземата и Мировичъ, не

знавшій до того принца Ивана, чуднымъ образомъ признаетъ въ немъ теперь своего императора, не смотря на густой туманъ. Этотъ неожиданный ударъ поражаетъ его до такой степени, что онъ всей своей командѣ выражаетъ свое раскаяніе и свою скорбь, даетъ себя арестовать и изъ всей команды, бывшей его соучастницей, одинъ онъ, ея начальникъ, арестованъ, одинъ онъ казненъ.

«Одни и тѣ же дѣйствія не всегда имѣютъ одни и тѣ же послѣдствія. Капитанъ, малороссъ, внукъ измѣнника, отступя отъ закона Божія и присяги, учиненной законному государю, достигъ блестящаго положенія; подпоручикъ, малороссъ, внукъ измѣнника, отступя отъ закона Божія и присяги, учиненной своей государыни, осужденъ на смертную казнь. Родившіеся подъ различными созвѣздіями, два измѣнника испытываютъ различную судьбу: одинъ возведенъ въ графы, сенаторъ, кавалеръ многихъ орденовъ; другому отрублена голова и тѣло его сожжено вмѣстѣ съ эшафотомъ».

Такъ отнеслась Европа къ шлюссельбургской катастрофѣ—она увидѣла въ ней не только политическое преступленіе Мировича, но и уголовное преступленіе Власьева и Чекина. Примѣняя къ Россіи общеевропейскія понятія, западные публицисты прошлаго вѣка привлекали русскій народъ къ отвѣтственности за родъ преступленій, въ которыхъ онъ ни мало неповиненъ. Не только народъ, даже общество русское не имѣло возможности ни выражать свои взгляды, ни вліять на правительственныя распоряженія. Мы и до сихъ поръ не имѣемъ еще русскихъ словъ для выраженія понятій о «протестѣ», объ «оппозиціи». Къ чести русскаго народа и русскаго общества должно, однако, замѣтить, что русскіе люди не остались безучастными къ злосчастной судьбѣ Ивана Антоновича. Въ Россіи долго помнили о безвинно убіенномъ и свои взгляды на шлюссельбургское преступленіе выражали въ формѣ своеобразной, конечно, но не допускающей никакого сомнѣнія.

Въ 1768 году, въ Москвѣ, шли аресты, допросы, розыски—открылся заговоръ въ пользу брата Ивана Антоновича, какъ законнаго наслѣдника русскаго престола. Въ 1774 году, извѣстная Тараканова привлекала къ себѣ симпатіи потому, между прочимъ, что въ ней видѣли сестру Ивана Антоновича. Въ 1788 году, явился самозванецъ: кременчугскій уроженецъ Тимоѳей Курдиловъ выдавалъ себя за Ивана Антоновича.

Быть можетъ, были протесты и позже; быть можетъ, ихъ не было—мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, никогда въ Россіи умерщвленіе Ивана Антоновича не оправдывалось русскими людьми; никогда русскіе люди не признавали подобное преступленіе «естественнымъ», не объясняли его «печальною необходимостью», никогда не имѣли двухъ взглядовъ на «шлюссельбургскую нелѣпу».

В. Вильбасовъ.

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ[1].

Зачѣмъ душа въ тотъ край стремится,
Гдѣ были дни, какихъ ужъ нѣтъ?
Пустынный край не населится,
Не узритъ онъ минувшихъ лѣтъ!
Тамъ есть одинъ жилецъ безгласный,
Свидѣтель милой старины;
Тамъ, вмѣстѣ съ нимъ, всѣ дни прекрасны
Въ единый гробъ положены...

Жуковскій.

XV.

ПЕРЕХОДЫ отъ порывовъ благодѣтельнаго веселья къ припадкамъ подавляющей грусти происходили у моего дяди-поэта внезапно, какъ бы безъ промежутка, что̀ обусловливалось—по словамъ его сестры—нервною раздражительностью въ высшей степени,—раздражительностью, которая не была чужда и моей матери.

Привожу слѣдующій ея разсказъ о покойномъ братѣ:

«Александръ могъ разражаться и гомерическимъ смѣхомъ, и горькими слезами, когда ему вздумается, по ходу своего воображенія. (Alexandre pouvait éclater d'un rire homérique, ou bien fondre en larmes, selon la tournure de son imagination). Стоило только ему углубиться въ посѣщавшія его мысли. Не разъ онъ то смѣялся,

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXII, стр. 35.

то плакалъ, когда олицетворялъ ихъ въ стихахъ. Малѣйшія забавныя выходки Соболевскаго, брата его Льва, или Алексѣя Вульфа—а эти господа, конечно, не рождали меланхолію, (ces messieurs là assurément n'engendraient pas la mélancolie)—заставляли его иногда хохотать до упаду, и наоборотъ: трогательный какой-либо разсказъ Жуковскаго, Баратынскаго, Дельвига, Плетнева, воспоминаніе горестныхъ для Пушкина утратъ, страданія ему близкихъ, видъ обиженныхъ природой людей, наконецъ, причиняемые безжалостными лакеями побои домашнихъ животныхъ (за чтó Александръ Сергѣевичъ знакомилъ не разъ мучителей съ силою своей руки)—вызывали въ братѣ если не рыданія, то обильныя слезы. Самъ онъ тогда былъ «весь страданіе» (alors mon frère était la souffrance même).

«Воспріимчивость нервовъ Александра»,—продолжала Ольга Сергѣевна,—«проявлялась у него на каждомъ шагу, а когда его волновала жёлчь—въ особенности весною (surtout le printemps, quand sa bile était en mouvement),—братъ мой, не будучи, впрочемъ, такъ безразсудно вспыльчивъ, какъ Сергѣй Львовичъ, и отнюдь не такъ злопамятенъ, какъ Надежда Осиповна, поддавался легко порывамъ гнѣва.

«Въ эти-то мрачныя минуты и являлся къ нему Соболевскій на выручку—прогонять тоску и гнѣвъ. Но Соболевскій не всегда же былъ при немъ, а Левъ Сергѣевичъ и Вульфъ подавно; я же, (говорила мать) будучи лишена, вслѣдствіе горькихъ испытаній, прежняго моего веселаго нрава, утѣшала Александра какъ-нибудь, но не могла удачно избавлять его отъ печальнаго или жёлчнаго настроенія, и тѣмъ болѣе не могла, что мало чѣмъ сама уступала брату въ нервной воспріимчивости.

«Скажу болѣе»,—прибавила моя мать,—«нервы Александра ходили всегда, какъ на какихъ-то шарнирахъ, и если бы пуля Дантеса не прервала нити его бѣдной, страдальческой жизни, то онъ немногимъ бы пережилъ сорокалѣтній возрастъ. Нервный ударъ—и конецъ».

Веселая бесѣда Соболевскаго съ Пушкинымъ, о которой я вспомнилъ въ концѣ предшествующей главы хроники по поводу недоразумѣнія о Барковѣ, и которая,—забылъ сказать,—имѣла мѣсто на рождественскихъ праздникахъ 1829 года, разсѣяла лишь на нѣсколько минутъ Александра Сергѣевича. Ушелъ Соболевскій — веселости у дяди слѣдъ простылъ, и, какъ всегда бывало въ скорбныя минуты, поэтъ явился къ сестрѣ отвести душу; пришелъ онъ съ рукописью подъ мышкой. Рукопись состояла изъ отдѣланныхъ имъ недавно строфъ «Евгенія Онѣгина», вошедшихъ впослѣдствіи въ 8-ю главу этого романа. Первую изъ строфъ «Въ тѣ дни когда въ садахъ лицея» дядя помѣщикъ 24 декабря 1829 г., слѣдовательно незадолго до разговора съ Соболевскимъ.

— Слушай, сестра,—сказалъ Александръ Сергѣевичъ,—что тебѣ прочту, и сама увидишь, могу ли я быть счастливъ, какъ ты меня на дняхъ старалась увѣрить... Слушай же и не перебивай. Вотъ кто, по моему, счастливъ:

«Блаженъ кто смолоду былъ молодъ,
«Блаженъ, кто во̀ время созрѣлъ,
«Кто постепенно жизни холодъ
«Съ лѣтами вытерпѣть умѣлъ;
«Кто страннымъ снамъ не предавался
«Кто черни свѣтской не чуждался;
«Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ, иль хватъ,
«А въ тридцать выгодно женатъ;
«Кто въ пятьдесятъ освободился
«Отъ частныхъ и другихъ долговъ;
«Кто славы, денегъ и чиновъ
«Спокойно въ очередь добился,
«О комъ твердили цѣлый вѣкъ:
«N. N. прекрасный человѣкъ»!

Моя мать,—надо замѣтить,—считала совершенно не нужнымъ напускать на себя поэтическіе восторги при чтеніи братомъ его стиховъ, и льстить ему одобрительными восклицаніями или хлопаньемъ въ ладоши—какъ дѣлалъ Левъ Сергѣевичъ, хотя она гораздо глубже дяди Льва понимала и цѣнила талантъ брата.

Выслушавъ Александра Сергѣевича хладнокровно, она замѣтила:

— Разсказалъ ты прекрасно, но передаешь истину не новую, а развиваешь короткую, и почти всегда вѣрную поговорку:

«Кто въ двадцать не уменъ,
«Кто въ тридцать не женатъ,
«Кто въ сорокъ не богатъ —
«Тому и быть такъ».

Но тутъ умъ ты замѣнилъ въ франтовство, женитьбу, правда, оставилъ на мѣстѣ, а къ сорока прибавилъ — кромѣ десятка,— славу и чины; тотъ же, который освободился, какъ ты говоришь, отъ частныхъ и другихъ долговъ, самъ по себѣ уже богатъ.

Дядя нахмурился, проговорилъ обычное: «Какъ есть мадамъ Кампанъ», и повторилъ:

— Слушай же, не перебивай. Прочелъ тебѣ о счастливчикахъ, а вотъ прочитаю о себѣ:

«Но грустно думать, что напрасно
«Была намъ молодость дана,
«Что измѣняли ей всечасно,
«Что обманула насъ она;
«Что наши лучшія желанья,
«Что наши свѣжія мечтанья
«Истлѣли быстрою чредой.
«Какъ листья осенью гнилой.

«Несносно видѣть предъ собою
«Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
«Глядѣть на жизнь, какъ на обрядъ,
«И вслѣдъ за чинною толпою
«Идти, не раздѣляя съ ней
«Ни общихъ мнѣній, ни страстей!»

— Ну что на это скажешь, мадамъ Кампанъ? Мѣтко, такъ ли? Да говори же!

— Да что тебѣ на это скажу, Александръ? Если себя подводишь подъ этихъ господъ...

— Именно подвожу, — перебилъ Пушкинъ, — и тысячу разъ подвожу; оплакиваю, что не того я отъ моей молодости ждалъ, и что все выходитъ у меня наоборотъ. Положимъ,—объяснялъ дядя,— въ двадцать лѣтъ я былъ уменъ, но Боже мой! натворилъ столько глупостей, что и Фонвизинскому Митрофанушкѣ въ пору. Теперь мнѣ тридцать; по пословицѣ долженъ быть женатъ, но скажи мнѣ, ради Христа, похожъ ли я на жениха, особенно если вспомнишь, что тебѣ говорилъ? неужели не видишь, что смотрю въ бобыли?

— А хочешь пари: если вотъ этотъ наступающій годъ проведешь холостымъ, то ужъ никакъ не слѣдующій, и—скажу тебѣ напрямикъ: твоими послѣдними словами, точно такъ же какъ и намедни въ разговорѣ о Ризничъ, хочешь просто меня обманывать. Ты уже задумалъ, и задумалъ давно кое-что, а можетъ быть даже есть и на примѣтѣ кое-кто!

Предчувствіе и тутъ не обмануло мать: не прошло и четырехъ мѣсяцевъ послѣ разговора, какъ дядя Александръ, въ мартѣ 1830 года, уѣхалъ въ Москву, въ апрѣлѣ сдѣлалъ предложеніе Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой, съ которой, впрочемъ, познакомился еще въ 1828 г.—безъ особенно серьезныхъ, однако, намѣреній [1]),—а 18-го февраля 1831 года вѣнчался.

Подробности объ этомъ событіи изложу послѣ.

Александръ Сергѣевичъ не возражалъ своей сестрѣ, но сталъ жаловаться на безцѣльно проведенную жизнь, и сказалъ:

— Я не жилецъ на этомъ свѣтѣ, а какъ бы мнѣ хотѣлось еще пожить и быть полезнымъ, если не отцу и матери, то, по крайней мѣрѣ, кому-либо другому, ну, хоть Россіи, напримѣръ [2]), но скверныя, скверныя предчувствія меня давятъ, да—признаться— все мнѣ, не то что опротивѣло, а очень надоѣло. Говори мнѣ что угодно, не разувѣришь. Лучше прочти вслухъ, что̀ тебѣ покажу. Написалъ на дняхъ [3]).

---

[1]) Подлинныя слова его.

[2]) Прочтенное О. С — ной стихотвореніе брата помѣчено у него 26-мъ декабря 1829 года.

[3]) Въ 1829 г. онъ сдѣлалъ первое предложеніе, но скрылъ это отъ Ольги Сергѣевны, о чемъ разскажу въ слѣдующей части хроники.

И Ольга Сергѣевна прочла:

«Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ,
«Вхожу ль во многолюдный храмъ,
«Сижу ль межъ юношей безумныхъ,—
«Я предаюсь моимъ мечтамъ.

«Кружусь ли я въ толпѣ мятежной,
«Вкушаю ль сладостный покой,
«Но мысль о смерти неизбѣжной
«Вездѣ близка, всегда со мной [1]).

«Я говорю: промчатся годы,
«И сколько здѣсь ни видно насъ,
«Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды,—
«И чей-нибудь ужъ близокъ часъ.

«Гляжу ль на дубъ уединенный,
«Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
«Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
«Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.

«Младенца ль милаго ласкаю,
«Уже я думаю: прости!
«Тебѣ я мѣсто уступаю—
«Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.

«День каждый, каждую годину
«Привыкъ я думой провождать,
«Грядущей смерти годовщину
«Межъ нихъ стараясь угадать.

«И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина:
«Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
«Или сосѣдняя долина
«Мой приметъ охладѣлый прахъ?

«И хоть безчувственному тѣлу
«Равно повсюду истлѣвать,
«Но ближе къ милому предѣлу
«Мнѣ все бъ хотѣлось почивать.

«И пусть у гробового входа
«Младая будетъ жизнь играть,
«И равнодушная природа
«Красою вѣчною сіять».

— Опять-таки за старое Александръ,— сказала мать, тоже, однако, разстроганная при чтеніи этихъ стиховъ. — Ну полно, въ тридцать-то лѣтъ предаваться хандрѣ! Дурь, братъ, на себя на-

[1]) Эта строфа не напечатана ни въ Геннадіевскомъ, ни въ Суворинскомъ изданіи.

пускаешь! Ты не кончаешь, а начинаешь жить; повѣрь, брось твою байроновщину, перемелется мука будетъ. Вѣдь знаю, не пишешь стихи такъ хладнокровно какъ Николай Ивановичъ отчетъ для Доврэ или итальянскій словарь [1]).

— Твой Николай Ивановичъ, — перебилъ Пушкинъ, — дальше пыли архивной ничего не видитъ, и я завидую его философіи, но не желалъ бы все-таки быть на его мѣстѣ. Быть можетъ онъ гораздо меня счастливѣе; смотритъ на жизнь болѣе хладнокровно, потому что копается въ мелочахъ. Какъ перестанетъ заниматься мелочами, да взглянетъ на жизнь пошире, то и философію свою иначе построитъ: захандритъ какъ я.

— А пока и благо ему,—возразила Ольга Сергѣевна.—Пишетъ себѣ безъ волненій, а у тебя что ни стихъ, то кровавыми слезами выплаканъ; эдакъ себя уходишь; да ты боленъ, любезный другъ! (Mais tu es malade, cher ami!) тебя лѣчить надо.

— Кавказъ лѣтомъ не вылѣчилъ, никто не вылѣчитъ, — заходилъ по комнатѣ взволнованный Александръ Сергѣевичъ.—Ужъ не прикажешь ли за коноваломъ Ивановымъ послать? Что же? Пошлю за нимъ; еще скорѣе на тотъ свѣтъ отправитъ. Хорошо что я тебя-то избавилъ отъ его когтей (A la bonne heure! Je t'ai débarassé de ses griffes). Съ радостью, впрочемъ, умру. Боже, какая тоска!

— Перестань говорить глупости, Александръ! (Trêve de bêtises, Alexandre!)

— А тутъ еще, — продолжалъ дядя свое, какъ бы не обращая вниманіе на восклицаніе Ольги Сергѣевны,—меня злятъ поминутно. Именно, мнѣ ни отдыху, ни сроку (Oui, je n'ai ni répit ni repos). Не говорю уже—извини за выраженіе,—о подлецѣ-канальѣ-критикѣ моей «Полтавы» (Je ne parle plus, veuillez me passer l'expression, de cette lâche canaille de cet éplucheur de mots, qui a ravalé ma Poltava),—критикѣ, который приплелъ сюда же такого дурака какъ и самъ онъ,—Пахома Силыча Правдина[2]). Пошлый, пошлый дуракъ, вмѣстѣ со своимъ Пахомомъ! (de pair et compagnie avec son Packhom!) Не понимаю также, что за плюху закатилъ тому же зоилу мой Графъ Нулинъ? [3]) Вѣрно «Графъ Нулинъ», получивъ пощечину отъ Натальи Павловны [4]), разсердился, да съ досады и залѣпилъ этому господину, въ свою очередь, плюху во все ухо! Les lâches, les coquins!..

— Да полно тебѣ горячиться! посмотрись въ зеркало, ты на себя не похожъ.

---

[1]) Отецъ, въ томъ же 1829 году, поднесъ генералу Доврэ отчетъ о матеріалахъ, собранныхъ имъ для исторіи турецкихъ войнъ; въ то же время онъ составлялъ италіано-русскій словарь, рукопись котораго затеряна впослѣдствіи.

[2]) Разборъ «Полтавы» въ №№ 8 и 9 «Вѣстника Европы» за 1829 годъ.

[3]) Разборъ «Графа Нулина». Въ томъ же журналѣ (№ 3) за тотъ же годъ.

[4]) См. самую повѣсть.

— Не говорю больше объ этихъ бездѣльникахъ (je ne parle plus de ces fâquins), чортъ съ ними,—горячился все болѣе дядя,—но не повѣришь, какъ у меня рука чешется на газетныхъ шпіоновъ! Вообрази, эти господа, точно беззубыя старыя сплетницы, трескающія (qui baffrent) съ утра до вечера съ сосѣдками вонючій кофій— мнѣ и на Кавказѣ не давали прохода, а слѣдили за мной по пятамъ. Добро бы сплетничали на меня наемники (les mercenaires) петербургскихъ или московскихъ газетъ изъ-за лишняго гривенника, а тутъ и Тифлисская газета подсылала мнѣ своихъ алгвазиловъ, съ разспросами: когда я, и сколько разъ намѣренъ чихнуть въ Тифлисѣ, въ Кизляръ ли, въ Астрахань ли уѣду, скоро ли потомъ проберусь смотрѣть Кузнецкій что ли мостъ, набережную ли нашей Фонтанки, а потомъ и затрезвонили въ газетѣ: «Пушкинъ сегодня здѣсь, завтра тамъ». Важное нечего сказать дѣло, гдѣ чихаю и сморкаюсь!

— Позволь тебѣ на это сказать, что и ты страненъ, Александръ. Мнѣ, кажется, напротивъ, тебя должно бы радовать, что тобой всѣ интересуются, а не злить. Полно кривить душой, батюшка (Ольга Сергѣевна иногда называла брата въ шутку mon petit papa), самъ небось очень радъ, по лицу теперь вижу, признайся-ка...

Александръ Сергѣевичъ не признался; напротивъ, еще больше расходился и продолжалъ:

— Эти господа не только стали печатать куда выѣду, и что буду дѣлать тамъ-то и тамъ-то, но протрубили, что я, какъ слышно, (отъ кого слышно?), очень много написалъ, а когда сюда возвращусь, сейчасъ же выпущу имъ стихи на потѣху. Какъ бы не такъ! Конечно, много писалъ, но никому не говорилъ, чтò писалъ. Пусть себѣ стучатъ языками и щелкаютъ перьями, а я — вотъ имъ и носъ—ничего до поры до времени печатать не буду.

И дѣйствительно, все, что сочинилъ Пушкинъ во время пребыванія на Кавказѣ и въ Азіатской Турціи, появилось въ печати гораздо позднѣе его возвращенія въ Петербургъ, и — если только не ошибаюсь,—въ концѣ 1830 или даже въ началѣ 1831 года.

Не привожу въ моей хроникѣ списка произведеніямъ моего дяди за 1829 годъ. Всякому, кто знакомъ съ жизнеописаніями Пушкина и интересуется безсмертнымъ поэтомъ, должно быть извѣстно, чтò именно онъ писалъ въ эту эпоху и въ Петербургѣ, и на Кавказѣ. Скажу только, что всѣ произведенія за 1829 годъ дядя прочелъ сестрѣ, спрашивая ея мнѣнія о каждомъ изъ нихъ. Мать, одобряя всѣ безусловно, отдавала однако предпочтеніе «Кавказу» («Кавказъ подо мною одинъ въ вышинѣ, стою надъ снѣгами у края стремнины...), «Воспоминаніямъ въ Царскомъ Селѣ» (Воспоминаньями смущенный, исполненъ сладкою тоской...) и «Олегову щиту».

Объ этомъ послѣднемъ произведеніи дядя говорилъ моей матери:

— Знаешь, Ольга, что въ «Олеговомъ щитѣ» я въ самомъ

дѣлѣ, по твоему выраженію «покривилъ душой», и не повѣришь какъ мнѣ, русскому человѣку, было обидно, когда наша славная армія, послѣ чудеснаго, безпримѣрнаго въ исторіи перевала чрезъ Балканы, забастовала въ Адріанополѣ, откуда въ Константинополь рукой подать. Были бы наши въ Константинополѣ—пѣсня вышла бы у меня совсѣмъ другая. А тутъ я состроилъ по неволѣ bonne mine à mauvais jeu, да закрылся щитомъ Олега, pour acquit de ma conscience patriotique (ради очистки моей патріотической совѣсти), а бѣдному Олегову щиту — котораго мейнгерръ Дибичъ и во снѣ не нюхалъ — думаю и въ голову не приходило останавливать нашу рать передъ Стамбуломъ; остановилъ ее не щитъ, а остановили господа дипломаты.

Не могу затѣмъ не записать въ эту хронику строфу, раскритикованную такимъ образомъ самимъ же авторомъ:

«Настали дни вражды кровавой;
«Твой [1]) путь мы снова обрѣли;
«Но днесь, когда мы вновь со славой,
«Къ Стамбулу грозно притекли,
«Твой холмъ потрясся съ браннымъ гуломъ,
«Твой стонъ ревнивый насъ смутилъ,
«И нашу рать передъ Стамбуломъ
«Твой старый щитъ остановилъ».

XVI.

Въ декабрѣ 1829 г., а также и въ первые зимніе мѣсяцы слѣдующаго 1830 г., дядя Александръ сталъ заходить по вечерамъ къ моимъ родителямъ чаще, не ограничиваясь уже утренними бесѣдами. Мать встрѣчалась съ нимъ и въ домѣ родителей, которыхъ она посѣщала скрѣпя сердце, такъ какъ Надежда Осиповна ненавидѣла зятя.

Отношенія между моимъ отцомъ и дядей Александромъ Сергѣевичемъ съ внѣшней стороны казались весьма хорошими, но до родственной, теплой искренности, и до мѣстоименія ты, которое такъ щедро любилъ раздавать Пушкинъ, дѣло никогда у нихъ не доходило; причина отсутствія такой сердечности кроется въ совершенной противуположности личныхъ характеровъ, а литературная дѣятельность шурина и зятя не послужила между ними общимъ знаменателемъ. Отецъ, любившій музыку и понимавшій толкъ въ живописи, никогда не писалъ стиховъ, развѣ шуточные, подъ веселую руку, предпочитая именно—какъ дядя выразился—копаться въ историческихъ и филологическихъ изслѣдованіяхъ, рыться въ архивной пыли, да писать журнальныя статьи; слѣдовательно не могъ

[1]) Олега.

замѣнить Александру Сергѣевичу ни Дельвига, ни Жуковскаго, ни Плетнева, ни даже Соболевскаго. Кромѣ того, взгляды на жизнь Николая Ивановича и Александра Сергѣевича были тоже діаметрально противуположны. Александръ Сергѣевичъ считалъ моего отца мелочнымъ педантомъ (un pédant vétillieux), съ нѣмецкой закваской, унаслѣдованной отъ его матери нѣмки, а отецъ, съ своей стороны, не могъ сочувствовать африканскимъ порывамъ шурина, говоря, что заниматься своими нервами — безполезная трата времени; хотя отецъ и былъ вспыльчивъ, вслѣдствіе чего тоже имѣлъ три дуэли, но послѣ поединковъ отъ души мирился съ противниками, даже дружился съ ними; никогда не злобствовалъ, былъ всегда обходителенъ, вѣжливъ со всѣми, а позволять себѣ во время спорныхъ бесѣдъ насмѣшки надъ опонентами, пускаясь въ личности—въ особенности въ присутствіи дамъ,—онъ считалъ дѣломъ просто неподходящимъ, и смолоду держался правила щадить самолюбіе другихъ; такъ однажды онъ сказалъ мнѣ, не помню по какому случаю: «Si tu te piques d'être gentilhomme et chrétien, mon bon ami, n'attaque jamais l'amour-propre d'autrui».

Правда, отецъ вынужденъ былъ наказать одного негодяя, о чемъ уже мною разсказано въ одной изъ предыдущихъ главъ хроники, но это случилось только разъ. Учтивъ онъ былъ и деликатенъ даже во время холостыхъ пріятельскихъ пирушекъ. Дядя Левъ Сергѣевичъ, лицейскіе его товарищи Безакъ и баронъ Бухольцъ, очень отца любили, а Дельвигъ, Илличевскій, Глинка и Соболевскій считались впослѣдствіи его задушевными друзьями.

Такимъ образомъ, при различіи характеровъ, взглядовъ и литературныхъ цѣлей, общаго между Пушкинымъ и моимъ отцомъ было очень мало. Тѣмъ не менѣе, они питали другъ къ другу полное уваженіе, и взаимныя ихъ отношенія никогда не омрачались не только непріятными разговорами, но и простыми недомолвками; на вопросъ же, чувствовали ли они одинъ къ другому симпатію, прямо отвѣчу «нѣтъ», что̀ видно, между прочимъ, изъ переписки, извѣстной уже читателямъ «Историческаго Вѣстника»—перепискѣ, которая носитъ на себѣ какой-то оффиціальный, церемонный тонъ. Родственныхъ изліяній у нихъ въ письмахъ совершенно не существовало; не существовало также ни живого обмѣна мыслями, ни сердечныхъ бесѣдъ съ глазу на глазъ.

Какъ бы ни было, но дядя—какъ я сказалъ выше—участилъ въ описываемое мною время вечернія посѣщенія моихъ родителей, куда попрежнему являлись постоянно Соболевскій, композиторъ Глинка, и баронъ Дельвигъ съ женой.

Глинка тогда окончилъ, вмѣстѣ съ моимъ отцомъ, изданіе «Лирическаго альбома» (отпечатаннаго въ литографіи Беггрова), а Дельвигъ подготовлялъ матеріалы для задуманной имъ «Литературной газеты», которая и стала выходить съ 1830 года.

Въ «Лирическомъ Альбомѣ» Глинки и Павлищева помѣщены, между прочимъ, двѣ пѣсни дяди Александра—«Воронъ къ ворону летитъ», и «Черная шаль». Къ сожалѣнію, музыка на эти пѣсни, написанная графомъ Ю. Віельгорскимъ, далеко не соотвѣтствовала по достоинству тексту. Изъ музыкальныхъ же произведеній самого главнаго издателя—Глинки—помѣщены романсы: «Mio ben ricordati», «Память сердца», на слова Батюшкова, «Скажи зачѣмъ», на слова князя С. Голицына, и оригинальные «Nouvelles contredanses». О пѣсни Шимановской,—тещи Мицкевича — «Вилія» изъ его поэмы «Валленродъ» въ русскомъ переводѣ Шеміота упомянуто было мною раньше.

Появившійся въ печати гораздо, если не ошибаюсь, позже, романсъ Глинки на слова Пушкина, посвященныя Аннѣ Петровнѣ Кернъ «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты, какъ мимолетное видѣнье, какъ геній чистой красоты»[1]) былъ исполненъ, въ началѣ 1830 года, въ домѣ моихъ родителей, при особенно удачныхъ — какъ передавалъ мнѣ отецъ— условіяхъ. Глинка сѣлъ за весьма плохіе, взятые отцомъ на прокатъ, клавикорды, и пропѣлъ свой романсъ въ присутствіи Александра Сергѣевича—автора элегіи, и самого предмета его вдохновенія — Анны Петровны Кернъ, гостившей тогда въ Петербургѣ. Отецъ акомпанировалъ пѣвцу на семи-струнной гитарѣ. Дядя, выслушавъ романсъ, бросился обнимать обоихъ исполнителей, а добрѣйшая Анна Петровна—виновница поэтическихъ овацій,—не смотря на ея, чтò называютъ французы свѣтскій présence d'esprit, сконфузилась, прослезилась отъ радости, и только послѣ довольно длинной паузы проговорила, что никогда ей и не снилось счастіе вдохновлять своей ничтожной особой первокласснаго въ Россіи поэта, и первокласснаго въ Россіи композитора. При этой оваціи присутствовали баронъ Дельвигъ и Соболевскій, а Александръ Сергѣевичъ обратился къ Аннѣ Петровнѣ съ вопросомъ:

— Ne serez vous pas jalouse de votre cousine Оленинъ, si je réciterai mes derniers vers pour elle à notre ami Глинка, auquel je les recommande particuliérement? (Не приревнуете ли вы меня къ вашей кузинѣ Олениной, если прочитаю послѣдніе мои къ ней стихи нашему другу Глинкѣ, которому ихъ особенно рекомендую?)

— Oui, j'en serai très jalouse. (Да, я очень приревную),—отвѣчала шутя Анна Петровна.

---

[1]) Появился этотъ романсъ Глинки въ печати дѣйствительно въ 1839 году— значитъ 9 лѣтъ спустя, и появился уже въ другомъ видѣ. А что всего замѣчательнѣе, Глинка тогда его написалъ не для Анны Петровны, а для дочери ея,— Екатерины Ермолаевны Кернъ,—на которой онъ хотѣлъ жениться. Впослѣдствіи—именно въ концѣ 40 годовъ—и дѣдъ мой Сергѣй Львовичъ оказался къ Е. Е. неравнодушнымъ — незадолго до своей смерти. Екатерина Ермолаевна вышла потомъ замужъ за г-на Шокальскаго. И ее и его я видѣлъ въ 1856 г. у Анны Петровны. Л. П.

— Eh bien, tant mieux (ну, тѣмъ лучше),—подхватилъ въ шуточномъ же тонѣ дядя Александръ, и, сказавъ, Глинкѣ: «послушайте и положите на музыку», прочелъ наизусть:

«Я васъ любилъ: любовь еще, быть можетъ,
«Въ моей душѣ погасла не совсѣмъ;
«Но пусть она васъ больше не тревожитъ;
«Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.
«Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
«То робостью, то ревностью томимъ;
«Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
«Какъ дай вамъ Богъ любимымъ быть другимъ».

— Toujours le même, toujours volage (всегда тотъ же, всегда непостоянный)!—погрозила Пушкину пальцемъ Анна Петровна . . .

. . . .

Вспомнивъ этотъ эпизодъ, не могу не посвятить памяти Анны Петровны Кернъ, по второму браку Марковой-Виноградской—нѣсколько строкъ:

Эта идеально добрая и очень умная женщина своею красотою и умомъ дѣйствительно очаровала дядю, воспѣвшаго въ романсѣ «Я помню чудное мгновенье» первую съ ней встрѣчу въ Петербургѣ у ея тетки Олениной, рожденной Полторацкой, въ 1819 году, когда Пушкину не было еще и двадцати лѣтъ. Встрѣча произвела на Александра Сергѣевича весьма большое впечатлѣніе,—впечатлѣніе въ полномъ смыслѣ поэтическое. Онъ не могъ забыть этой минуты, и сосланному въ слѣдующемъ году Пушкину дѣйствительно «звучалъ долго голосъ нѣжный, и снились милыя черты».

Послѣднія двѣ строфы романса—это, позволю себѣ сказать, оттискъ радостнаго волненія восторженной души—при вторичной, внезапной встрѣчѣ поэта съ предметомъ вдохновенія въ Тригорскомъ, лѣтомъ 1825 года, слѣдующія:

«Душѣ настало пробужденье:
«И вотъ опять явилась ты,
«Какъ мимолетное видѣнье,
«Какъ геній чистой красоты.

—

«И сердце бьется въ упоеньѣ,
«И для него воскресли вновь
«И божество, и вдохновенье,
«И жизнь, и слезы, и любовь»...

Разсказывая моей матери о нечаянномъ своемъ свиданіи съ Анной Петровной въ Тригорскомъ, дядя Александръ говорилъ сестрѣ,—какъ Ольга Сергѣевна мнѣ передала,—слѣдующее:

— Смѣйся, не смѣйся, моимъ предчувствіямъ и примѣтамъ—мнѣ все равно,—но разскажу тебѣ довольно странное обстоятельство:

Анну Петровну я увидѣть не думалъ, но вообрази, что въ день вовсе неожиданнаго свиданія, у меня утромъ сталъ сильно чесаться лѣвый глазъ — знакъ, что очень обрадуюсь чему-то; послѣ этого у меня сильно билось сердце, бросало то въ жаръ, то въ ознобъ. Я предчувствовалъ радостно, что черезъ нѣсколько часовъ увижу кого-то, а кого именно — въ этомъ отчета дать себѣ не могъ. Такъ и вышло.

Отношенія свои къ Пушкину покойная Анна Петровна изложила, какъ нельзя лучше въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ «Библіотекѣ для Чтенія» за 1859 годъ; переписка же Александра Сергѣевича съ г-жею Кернъ вошла въ составъ и Суворинскаго изданія сочиненій дяди. Повторять всѣмъ извѣстное не нахожу надобности, но удостовѣрю только, что Александръ Сергѣевичъ отъ души ее любилъ. Отличаясь прелестной наружностью, непритворною веселостью, игривымъ умомъ, остроуміемъ безъ ядовитыхъ выходокъ (злословіе для Анны Петровны было terra incognita), эта прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ женщина несла безропотно свою горькую долю: быть нянькой одержимаго подагрой стараго, несноснаго мужа Ермолая Ѳедоровича Керна (онъ былъ комендантомъ города Риги), за котораго ее выдали поневолѣ, когда она была почти дѣвочкой. Къ сожалѣнію, присущая ей веселость и врожденное, вполнѣ, однако, добродушное, можно сказать, милое кокетство, подавало зачастую пищу недоброжелательнымъ, злымъ языкамъ, распускавшимъ объ Аннѣ Петровнѣ ни на чемъ не основанные, самые неправдоподобные слухи.

Распускаемыя сплетни вызвали Александра Сергѣевича,—который, впрочемъ, сильно ревновалъ ее и къ ея кузену Алексѣю Николаевичу Вульфу, и къ своему брату Льву Сергѣевичу, не говоря уже о подагрикѣ-мужѣ—написать всѣмъ извѣстное стихотвореніе:

«Когда твои младыя лѣта
«Позоритъ шумная молва,
«И ты по приговору свѣта
«На честь утратила права,
«Одинъ, среди толпы холодной,
«Твои страданья я дѣлю,
«И за тебя мольбой безплодной
«Кумиръ безчувственный молю» и т. д.

Гораздо болѣе хладнокровно своихъ друзей относилась къ подлымъ сплетнямъ сама ихъ виновница. Незлобная Анна Петровна сказала однажды Александру Сергѣевичу и моей матери,—какъ это сообщила мнѣ послѣдняя,—слѣдующія слова:—«Неужели, друзья мои, вы думаете, что я такая пошлая дура, чтобы не вникнуть въ мораль басни: «Собаки полаютъ, собаки отстанутъ»? Совѣсть моя совершенно чиста: никому зла не дѣлала, не дѣлаю, дѣлать не буду, зла не желала, не желаю, и желать тоже не стану, а кто не

въ мою пользу открываетъ широкій ротъ, тому отъ души прощаю, да низко кланяюсь: большому дураку — большое почтенье!»

О многоуважаемой Аннѣ Петровнѣ Кернъ, которую я зналъ старушкой лѣтъ весьма преклонныхъ, и уже какъ не Кернъ, а какъ Виноградскую, я сохранилъ самое пріятное воспоминаніе, равно какъ и о ея второмъ мужѣ, Александрѣ Васильевичѣ. Она переѣхала въ 1855 году съ нимъ въ Петербургъ, насколько помнится, изъ села Сосницъ, Черниговской губерніи. Живя по сосѣдству съ Ольгой Сергѣевной, Анна Петровна посѣщала мою мать до самой кончины послѣдней, бывая у нея еженедѣльно, а иногда и чаще. Старушки незамѣтно проводили время въ бесѣдахъ о минувшемъ, находя какую-то отраду въ грустныхъ воспоминаніяхъ объ Александрѣ и Львѣ Сергѣевичахъ, и, вообще, о тѣхъ, о которыхъ сказалъ Жуковскій «Не говори съ тоской ихъ нѣтъ, а съ благодарностію были...»

Анна Петровна кончила свое долговременное жизненное поприще очень печально, подобно своему мужу. Бѣдность, и можно даже сказать, нищета, не давала обоимъ покоя до гробовой доски.

XVII.

Въ описываемое мною время, въ концѣ 1829 года, происходили у моего отца и вечернія совѣщанія относительно изданія проектированной барономъ А. А. Дельвигомъ «Литературной газеты» на 1830 годъ. О сотрудничествѣ моего отца я уже упоминалъ, но главнымъ сотрудникомъ газеты, конечно, былъ Александръ Сергѣевичъ, который заблаговременно подготовлялъ статьи, какія именно — не знаю, упоминаю только, что органъ барона Дельвига украсился въ 1830-мъ же году обширнымъ пушкинскимъ разборомъ «Исторіи русскаго народа» Полевого, «Иліады» въ переводѣ Гнѣдича, замѣтками «о запискахъ Видока и Самсона» и другими статьями, извѣстными знатокамъ Пушкинскихъ трудовъ.

Дельвигъ, послѣ своего возвращенія въ Петербургъ изъ командировки, какъ онъ выражался въ «Хохландію», куда его посылали предаваться, по его словамъ, «никакъ не поэтическимъ, а совершенно чиновничьимъ восторгамъ», то есть разбирать какое-то запутанное интендантское дѣло — не былъ уже обремененъ службой, такъ какъ получилъ очень покойное мѣсто въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, почему Антонъ Антоновичъ могъ всецѣло посвятить себя поэзіи и продолженію изданія своихъ «Сѣверныхъ цвѣтовъ».

Обычной спутницей посѣщеній Дельвига оказалась, кромѣ музы Калліопы и муза Эвтерпа: романсы его «Только узналъ я тебя» и «Не говори любовь пройдетъ, забыть о томъ твой другъ желаетъ»,—

возведенные именно въ перлъ созданія тѣмъ же незабвеннымъ нашимъ композиторомъ Михаиломъ Ивановичемъ Глинкой,—распѣвались очень усердно присутствовавшими гостями Николая Ивановича и Ольги Сергѣевны, подъ акомпаниментъ или самого композитора, или же радушнаго хозяина, къ немалому удовольствію барона, а баронъ, съ своей стороны, знакомилъ посѣтителей и съ прочими своими стихотвореніями; изъ нихъ Ольгѣ Сергѣевнѣ нравились особенно, по краткости и силѣ, афоризмы поэта: «Грусть», «Слезы любви» и «Смерть». Первые два произведенія Дельвигъ написалъ тогда же, въ концѣ 1829 года. Стихи же Антона Антоновича «Пѣла, пѣла пташечка и затихла»,—написанные раньше и положенные на прелестную музыку соревнователемъ и другомъ Глинки Николаемъ Алексѣевичемъ Титовымъ—моя мать не могла слушать безъ того, чтобы не проливать слезы.

Упомянувъ о покойномъ Титовѣ, романсы котораго стяжали тоже общую извѣстность, не могу не замѣтить, что этотъ композиторъ, родители котораго были очень дружны съ дѣдомъ и бабкой, былъ тоже однимъ изъ частыхъ посѣтителей описываемыхъ мною вечеровъ.

Заканчивая изложеніе событій за 1829 годъ, перехожу къ воспоминаніямъ за слѣдующій 1830-й, къ первымъ числамъ января котораго относится случившееся на одномъ изъ вышепомянутыхъ вечеровъ таинственное происшествіе съ супругой Дельвига—Софьей Михайловной, рожденной Салтыковой,—происшествіе, о которомъ разсказала мнѣ мать съ малѣйшими подробностями. Я записалъ его въ мой «Дневникъ», не придавая, впрочемъ, этому случаю особеннаго значенія, какъ плоду разстройства нервовъ жены друга моего дяди, а если рѣшаюсь привести его здѣсь, то потому, что описываемый случай имѣлъ мѣсто въ присутствіи дяди Александра, которымъ всѣ интересуются; кромѣ того, моя мать, порою тоже суевѣрная, считала сверхъестественное явленіе, постигшее баронессу Дельвигъ, тѣмъ болѣе страннымъ, что Софья Михайловна ему подверглась ровно за годъ до преждевременной кончины своего супруга.

Уютная квартирка моихъ родителей состояла изъ небольшой прихожей, гостиной, кабинета отца, комнаты моей матери и столовой. Правая дверь изъ прихожей вела въ гостиную, а лѣвая въ узенькій коридоръ, въ концѣ котораго отворялась дверь въ столовую. Коридоръ, куда поставили старое соломенное кресло, почти негодное къ употребленію, освѣщался прибитой къ стѣнѣ маленькой лампой.

Собрались вечеромъ гости: дядя Александръ, пріѣхавшій въ отпускъ дядя Левъ, баронъ Дельвигъ съ женой, Татьяна Семеновна Вейдемейеръ и еще нѣсколько дамъ и мужчинъ — не помню кто. Передъ самымъ ужиномъ баронесса Софья Михайловна захотѣла

выпить стаканъ воды; но не желая пройти въ столовую чрезъ кабинетъ, чтобы не обезпокоить куdespite курившихъ и игравшихъ въ карты мужчинъ, вышла изъ гостиной въ прихожую, откуда и вступила въ означенный узенькій коридоръ.

Не проходитъ и десяти секундъ, какъ всѣ слышатъ дикіе, отчаянные вопли. Дядя Александръ и отецъ, выскочивъ изъ кабинета, пе́рвые бѣгутъ черезъ комнату матери и столовую въ коридоръ, откуда раздавались крики; Левъ Сергѣевичъ и баронъ Антонъ Антоновичъ—туда же, съ другой стороны, черезъ гостиную и прихожую; дамы за ними слѣдомъ. Въ коридорѣ находятъ обезумѣвшую отъ страха Софью Михайловну; ее уводятъ въ гостиную.

Всѣ суетятся, кто съ водой, кто съ уксусомъ, кто въ одеколономъ, что̀ попадается подъ руку.

Придя въ себя, Софья Михайловна разсказала слѣдующее:

Не успѣла она очутиться въ коридорѣ, какъ увидѣла сидѣвшаго въ креслахъ старика съ ниспадавшими до плечъ волосами, лицомъ желтымъ, какъ у любого покойника, оскаленными зубами и глазами на выкатѣ, изъ которыхъ исходили какъ бы лучи зеленаго цвѣта. Старикъ былъ одѣтъ, — на сколько баронесса замѣтила—въ сѣрый ободранный армякъ. Старикъ, при ея приближеніи, встаетъ съ креселъ, подходитъ къ ней, загораживаетъ дорогу въ столовую, и хохочетъ.

Слушатели разсказа баронессы расхохотались въ свою очередь, и Александръ Сергѣевичъ—первый.

— Съ вами просто сдѣлалось дурно отъ духоты въ этой гостиной; въ коридорѣ закружилась голова, и показалось Богъ знаетъ что,—успокоивалъ дядя.

— Да что тутъ долго разсуждать,—перебилъ дядю Дельвигъ.— Я тебѣ, Соня, хочешь, докажу, что твое привидѣніе вздоръ. Пойдемъ-ка всей компаніей въ коридоръ. Твой старикъ самъ струситъ. Видишь, сколько въ нашемъ войскѣ паръ кулаковъ? — прибавилъ онъ смѣясь.

— Идите всѣ, а я ни за что̀, ни за что̀, баронъ (такъ она всегда называла мужа)!

— Не пойдешь, понесу, — продолжалъ смѣяться Дельвигъ, который будучи физически очень силенъ, поднялъ, съ этими словами, жену на руки какъ перышко, и, закричавъ: «За мной, храбрая команда!»,—отправился къ страшному мѣсту.

Хозяева и гости послѣдовали за нимъ; жена крѣпко обвила его толстую шею руками, но не успѣлъ Антонъ Антоновичъ сдѣлать въ коридорѣ и пяти шаговъ, какъ Софья Михайловна опять закричала благимъ матомъ: «Вотъ онъ, вотъ онъ! Стоитъ противъ тебя, насъ не пускаетъ! вижу, вижу его»... и... лишилась чувствъ.

Не скоро баронессу привели въ сознаніе. Литературные раз-

говоры и карты, конечно, прекратились, и гости разъѣхались раньше обыкновеннаго; остался у насъ одинъ дядя Александръ.

Онъ сказалъ сестрѣ:

— Теперь Софью Михайловну къ тебѣ на квартиру и калачомъ не заманишь. Завтра къ ней зайду; скажу, что вашъ лакей хотѣлъ, ради святокъ, нарядиться шутомъ, да позабавиться.

— И безподобно, — похвалила Ольга Сергѣевна.

— А ты къ ней заѣзжай послѣ завтра, и подтверди тоже самое.

На бѣду мои родители держали не одного, а двухъ камердинеровъ,—благо прислуга была тогда дешева. Насчетъ ихъ именъ Ольга Сергѣевна съ братомъ не сговорилась, такъ что на вопросъ баронессы, кто именно пошалилъ — Александръ Сергѣевичъ свалилъ вину на Ермолая, а на слѣдующій день моя мать заявила, что виновникъ всей суматохи Прокофій.

— Какъ же это? Ты говоришь Прокофій, а твой братъ, Ермолай? Послѣ этого, воля твоя, — сказала баронесса, — я къ тебѣ не приду, пока не перемѣнишь квартиры. Баронъ пусть ходитъ, а не я. Если хочешь со мной видѣться, то можешь всякій день, но у меня, а не у тебя.

Софья Михайловна сдержала слово: квартирка въ домѣ Дмитріева больше ее и не видала, не смотря на всѣ насмѣшки барона, моей матери, и дяди Льва Сергѣевича.

XVIII.

Въ это самое время, именно въ началѣ 1830 года, оба дяди мои были неразлучны съ Соболевскимъ. Бабка моя, Надежда Осиповна очень его сначала недолюбливала, не постигая, что̀ можетъ быть общаго между ея сыномъ-поэтомъ и этой, какъ она выражалась, олицетворенной прозой-выскочкой (cette prose personnifiée de parvenu), а, по своему чванству, Надежда Осиповна не переваривала генеалогіи Соболевскаго.

Дѣйствительно, между характерами творца Евгенія Онѣгина, Бориса Годунова, Полтавы, и комическимъ риѳмоплетомъ лежала, повидимому, цѣлая пропасть. Но такъ ли было на самомъ дѣлѣ?

Подъ маской напускной веселости, выражавшейся въ сатирическомъ взглядѣ на окружающее общество и забавныхъ выходкахъ, порою доходившихъ до извѣстнаго рода цинизма, Соболевскій носилъ въ душѣ своей чувства теплыя, возвышенныя, и какъ принято теперь называть «гуманныя»,—точнѣе скажу порусски—«человѣческія», щеголять которыми Сергѣй Александровичъ находилъ совершенно ненужнымъ. Обожая свою несчастную мать, всегда готовый на помощь друзьямъ и дѣломъ, и добрымъ, благоразумнымъ

совѣтомъ, а нуждающимся оказывая поистинѣ христіанское милосердіе, Соболевскій «пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ» сердце моего дяди; бичуя же безпощадной сатирой всякаго, кто имѣлъ низость ставить Сергѣю Александровичу изъ-за угла въ укоръ, что онъ «дитя любви», Соболевскій заставлялъ этихъ господъ кланяться ему, что̀ называется, ниже кармановъ.

Дядя Александръ, познакомясь съ Соболевскимъ гораздо прежде 1830 года, скрѣпившаго ихъ дружбу, и познакомясь чрезъ товарища Сергѣя Александровича по университетскому пансіону,—именно своего брата Льва Сергѣевича,—сразу постигъ характеръ и качества новаго друга, при чемъ понялъ отлично, что этотъ другъ какъ нельзя болѣе душевно страдаетъ, и что эти страданія были спутникомъ всей жизни прикидывающагося беззаботнымъ неподражаемаго комика.

Свою скорбь Соболевскій выразилъ Александру Сергѣевичу въ слѣдующей стереотипной фразѣ: «Je suis un être malheureux, parce que je suis stigmatisé par le sobriquet d'un fils naturel».

(Я несчастное существо, потому что заклейменъ прозвищемъ сына любви).

Родители Соболевскаго,—фамиліи которыхъ мнѣ очень хорошо извѣстны,—были людьми съ состояніемъ, и принадлежали къ высшему кругу. Отецъ его, г. С., будучи, подобно его матери, природнымъ русскимъ, приписалъ сына, за весьма значительное денежное пожертвованіе, къ польскому дворянству, выхлопотавъ для него какъ фамилію «Соболевскаго»», такъ и присвоенный нѣкоторымъ представителямъ этой фамиліи гербъ «Слѣповронъ» («Slepowron»).

Говоря объ этомъ обстоятельствѣ, считаю не лишнимъ замѣтить, что въ Польшѣ многія дворянскія одновзвучныя фамиліи, не находящіяся между собою въ родствѣ, отличаются одна отъ другой по гербамъ, и наоборотъ: одинъ и тотъ же гербъ употреблять могутъ дворяне, носящіе совершенно разныя фамиліи; самые же гербы, въ свою очередь, имѣютъ особенныя названія, бо̀льшею частію по ихъ рисункамъ; напримѣръ, гербы Łabędź (лебедь), Pelikan (пеликанъ), Slepowron (слѣпой воронъ), Korczak (ковшъ) и проч.

Иногда, для отличія родовъ однозвучныхъ фамилій, польскіе дворяне присоединяютъ къ своему родовому имени и названіе присвоеннаго ему герба, напримѣръ: Klamra-Siennicki, положимъ, Slepowron-Sobolewski и т. д.

Какъ бы ни было, Соболевскій, самъ подсмѣиваясь надъ своимъ «слѣповрономъ», и говоря, что эта «слѣпая ворона залетѣла невзначай съ береговъ кофейной[1]) Вислы,—оттуда, гдѣ рожи

[1]) Мутная Висла, въ самомъ дѣлѣ, цвѣта кофе съ молокомъ.

очень кислы,—къ обитателю лазурныхъ невскихъ водъ», обнаружилъ всю тягость снѣдающаго его горя только Пушкину и сестрѣ его, Ольгѣ Сергѣевнѣ. Въ другомъ же обществѣ всякіе разговоры о «дѣтяхъ натуральныхъ» были для Сергѣя Александровича невыносимы. Если въ его присутствіи возникали подобные разговоры, Соболевскій терялся, краснѣлъ, блѣднѣлъ, уходилъ въ другую комнату, а разъ, когда этого сдѣлать было невозможно, Сергѣй Александровичъ почувствовалъ себя дурно и едва не упалъ въ обморокъ, о чемъ и разсказала мнѣ Ольга Сергѣевна, сообщивъ и нижепомѣщаемый разговоръ.

Непріятный для Соболевскаго случай произошелъ именно очень скоро послѣ приключенія съ баронессой Дельвигъ, и Сергѣй Александровичъ сообщилъ о немъ по секрету Ольгѣ Сергѣевнѣ, говоря, что онъ при публикѣ объяснилъ свой обморокъ простымъ головокруженіемъ, но такъ какъ у Соболевскаго не было секретовъ и отъ Александра Сергѣевича, то моя мать передала брату разсказъ его друга въ присутствіи сего послѣдняго.

Пушкинъ, хотя и гордился до нѣкоторой степени своимъ происхожденіемъ, что̀ и доказалъ написаннымъ въ томъ же 1830 году стихотвореніемъ «Моя родословная», но гордился передъ тѣми, передъ кѣмъ гордиться онъ считалъ необходимымъ; но въ душѣ никогда не мирился съ предразсудками, въ силу которыхъ общество бросаетъ камень въ ничѣмъ неповинныхъ «дѣтей любви», что̀ и доказалъ въ бесѣдѣ своей съ другомъ, въ присутствіи Ольги Сергѣевны:

— Душа моя, «Калибанъ»,—такъ прозвалъ дядя Соболевскаго, по имени одного изъ героевъ шекспировскихъ трагедій,—на твоемъ мѣстѣ я въ обморокъ бы не упалъ на потѣху безтактныхъ дураковъ, qui parlent de corde dans une maison de pendu, а такъ бы ихъ моимъ языкомъ осрамилъ, что они позабыли бы у меня, гдѣ сидятъ. Да, братецъ, меня какъ нельзя болѣе возмущаетъ, что всякаго рода мошенникамъ и канальямъ сходитъ часто съ рукъ всевозможная пакость, потому что они записаны-де законными сыновьями извѣстныхъ по своему положенію въ свѣтѣ людей, между тѣмъ какъ ни въ чемъ неповинное «дитя любви», съ самаго появленія на свѣтъ Божій, несетъ незаслуженную кару за орѳографическую ошибку матери (pour la faute d'orthographe commise par sa mère), будь онъ уменъ какъ Ньютонъ, добръ ну... какъ сестра моя Ольга, и честенъ какъ Донъ-Кихотъ. Общество считаетъ ихъ паріями, отказываетъ во всемъ, сторонится отъ нихъ, какъ отъ прокаженныхъ, а дѣлаетъ это потому, что само еще не развито, и не набралось ума, даже здраваго смысла. Не говорю уже о тѣхъ, кто осмѣливается показывать явное презрѣніе несчастнымъ дѣтямъ любви,—это сущія свиньи,—не говорю уже и о тѣхъ, кто въ ихъ присутствіи смѣется надъ случаями незаконнаго рожденія,—это не-

деликатные невѣжи. — Но съ другой стороны не понимаю и того, какъ можно стыдиться своего происхожденія? Виноватъ ли я, напримѣръ, что родился, положимъ, въ Москвѣ, а не въ Калькутѣ, что ростомъ не великъ, собой неказистъ? Есть чего, чортъ возьми, стыдиться!..

Дядя Александръ какъ бы подкрѣпляетъ, не могу не замѣтить, высказанное Соболевскому свое profession de foi въ напечатанной имъ въ «Литературной газетѣ» статьѣ «О выходкахъ противъ литературной аристократіи» (см. IX тома соч. Пушкина, изд. Суворина, 1887 г.).

Считаю необходимымъ удѣлить въ моей «Семейной хроникѣ» мѣсто Сергѣю Александровичу Соболевскому, потому, что онъ былъ едва ли не самымъ близкимъ другомъ дяди Александра Сергѣевича; при томъ же объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ очень мало извѣстно въ печати.

Лишась отца еще въ очень молодыхъ годахъ, Сергѣй Александровичъ посвятилъ, можно сказать, всего себя уходу за нѣжно-любимою матерью, которой въ 1828 году и закрылъ глаза. Дядя Александръ Сергѣевичъ особенно уважалъ въ своемъ другѣ святое сыновнее чувство, и говорилъ Ольгѣ Сергѣевнѣ:

— Вполнѣ соболѣзную бѣдному Сергѣю. Утративъ мать, онъ совершенно одинокъ, никто не пойдетъ съ нимъ подъ вѣнецъ, вспомни мое слово.—Такъ и вышло.

Мать Соболевскаго скончалась въ Москвѣ, лѣтомъ 1828 года, и дядя Александръ, узнавъ объ этомъ, написалъ ему слѣдующее:

«Вечоръ узналъ я о твоемъ горѣ, и получилъ твои два письма. Что тебѣ скажу? Про старыя дрожжи не говорятъ трожды; не радуйся нашедъ, не плачь потерявъ; посылаю тебѣ мою наличность, остальные 2,500 получишь вслѣдъ. «Цыганы» мои не продаются вовсе; деньги же эти трудовыя, въ потѣ лица моего выпонтированныя у нашего друга Полторацкаго. Пріѣзжай въ Петербургъ, если можешь. Мнѣ бы хотѣлось съ тобою свидѣться, да переговорить о будущемъ. Перенеси мужественно перемѣну судьбы твоей, то есть по одеждѣ тяни ножки; все перемелется, будетъ мука. Ты видишь, что, кромѣ пословицъ, ничего путнаго тебѣ сказать не умѣю. Прощай, мой другъ».

Надѣленный отъ природы замѣчательнымъ умомъ, Соболевскій намѣтилъ себѣ цѣлью развить этотъ умъ всестороннимъ образованіемъ; къ достиженію намѣченной цѣли, онъ поставленъ былъ въ счастливую возможность, имѣя подъ рукою подаренную ему отцомъ весьма богатую библіотеку, всевозможные аппараты, коллекціи разнаго рода древностей, а въ карманѣ—тоже кое-что. Курсъ въ бывшемъ университетскомъ пансіонѣ онъ окончилъ блистательно, и, вслѣдъ за тѣмъ, сталъ усердно пополнять пробѣлъ полученнаго образованія, такъ сказать, неусыпнымъ изученіемъ словесностей:

французской, англійской, нѣмецкой, итальянской, всѣхъ славянскихъ нарѣчій, а математику, механику, технологію и архитектуру, которыя онъ считалъ предметами наиболѣе необходимыми для практическаго быта—узналъ, можно сказать, настолько, чтобы примѣнять ихъ при всякомъ, представлявшемся случаѣ. Такимъ образомъ, Соболевскій и выступилъ во всеоружіи на арену житейской борьбы.

Сила воли у него была желѣзная, доказательствами чего служатъ слѣдующія обстоятельства, разсказанныя мнѣ моею матерью:

По окончаніи курса наукъ, у Сергѣя Александровича появились всѣ признаки начала чахотки, не смотря на большой ростъ и атлетическое сложеніе. Выслушавъ приговоръ эскулаповъ, Соболевскій, согласно ихъ совѣтамъ, сталъ питаться, въ теченіе двухъ лѣтъ, однимъ слегка лишь прожареннымъ бифстексомъ, да стаканомъ портера въ день, при чемъ, вставая съ восходомъ солнца и ложась спать какъ нельзя раньше, отвѣсилъ, какъ онъ выражался, нижайшій поклонъ всякимъ театрамъ, вечернимъ собраніямъ, словомъ всему, нарушающему правильный образъ жизни. Въ итогѣ получилось цвѣтущее здоровье и завидная всякому физическая крѣпость.

Не менѣе сильную волю проявилъ Соболевскій и потомъ, когда, по совершенно независящимъ отъ него обстоятельствамъ, онъ лишился части своего достоянія. Перенесъ Сергѣй Александровичъ этотъ тяжелый ударъ стоически: сказалъ только, «что съ воза упало, то пропало, а впередъ самъ не зѣвай».

Задумавъ пустить всѣ пріобрѣтенныя познанія въ ходъ, онъ предложилъ свою честную практическую дѣятельность промышленной компаніи, какой именно, не помню. Труды Сергѣя Александровича послужили, какъ нельзя лучше, ему въ пользу, и скоро счастье улыбнулось: Соболевскому удалось не только возвратить утраченное, но и разбогатѣть; въ концѣ концовъ, онъ сошелся съ собственникомъ бумагопрядильни (что̀ на Выборгской сторонѣ), Мальцевымъ, и, принявъ завѣдываніе его дѣлами, ѣздилъ неоднократно, по порученіямъ Мальцева, за границу—въ Парижъ, Лондонъ, Вѣну, и въ результатѣ завоевалъ такую цифру ежегоднаго дохода, которой сама Ольга Сергѣевна плохо вѣрила.

Послѣ постигшаго Сергѣя Александровича матеріальнаго убытка, о которомъ я сказалъ выше, онъ, кромѣ безповоротнаго рѣшенія добиться, во что бы ни стало, прежняго состоянія, наложилъ на себя добровольно чистую эпитимью: распростился и со всякимъ наружнымъ щегольствомъ, и съ удовольствіями, вызывающими, по его мнѣнію, «глупѣйшіе» расходы, главное же, лишилъ себя любимаго своего наслажденія плотно покушать, — а былъ онъ гастрономомъ записнымъ, — и вычеркнулъ изъ своей программы всякую пищу, превышающую необходимую для утоленія голода.

— А я, Соболевскій, къ «тебѣ» [1]) собираюсь обѣдать завтра,— сказалъ ему (въ январѣ 1830 года) пріѣхавшій въ отпускъ мой дядя, Левъ Сергѣевичъ, который, какъ извѣстно, далеко не питалъ къ богу Вакху особеннаго презрѣнія.—Будешь ли дома?

— Разумѣется, дома; по моему карману не могу еще ходить въ клубъ, какъ прежде, хотя карманъ, слава Богу, сильно толстѣетъ.

На слѣдующій день Левъ Сергѣевичъ является, во ожиданіи вкусить зеліе виноградное.

На столѣ красуются два прибора, миска со щами, горшокъ съ гречневой кашей, да графинъ съ квасомъ.

Дядя Левъ, славившійся всегда очень завиднымъ аппетитомъ, мигомъ уничтожаетъ тарелку щей, раздѣлывается подобнымъ же образомъ съ кашей, а затѣмъ,—послѣ быстролетной атаки на жареную говядину,—спрашиваетъ:

— Соболевскій, да что ты со мной дѣлаешь?! а вино-то гдѣ?..

Тотъ наливаетъ себѣ квасъ, и притворяется глухимъ.

— Да отвѣчай же, Сергѣй, гдѣ же вино?

— А-а-а-а... вино?.. разѣваетъ ротъ хозяинъ.—Вино?.. да на что тебѣ оно?!.

— Какъ на что? Извѣстно на что...

— Да мнѣ-то неизвѣстно. Надѣюсь и ты, такъ же, какъ я, пересталъ заниматься пустяками. То ли дѣло квасъ? Любое «бордо» за поясъ заткнетъ! Скажу тебѣ: блаженство, а не квасъ! Хочешь квасу?

Съ тѣхъ поръ Левъ Сергѣевичъ обѣдать къ Соболевскому ни ногой.

Этотъ анекдотъ я слышалъ отъ матери. Шутка Соболевскаго понравилась дядѣ Александру Сергѣевичу, и онъ повторилъ ее впослѣдствіи надъ братомъ, о чемъ Александръ Сергѣевичъ написалъ женѣ слѣдующее [2]):

«Я обѣдаю дома, никого не вижу, а принимаю только Соболевскаго. Третьяго дня я съигралъ славную штуку со Львомъ Сергѣевичемъ. Соболевскій, будто ненарочно, зоветъ его ко мнѣ обѣдать. Левъ Сергѣевичъ является. Я передъ нимъ извинился, какъ передъ гастрономомъ, что, не ожидая его, заказалъ себѣ только ботвинью да бифстексъ. Левъ Сергѣевичъ тому и радъ. Садимся за столъ, подаютъ славную ботвинью; Левъ Сергѣевичъ хлебаетъ двѣ тарелки, убираетъ осетрину; наконецъ, требуетъ вина, ему отвѣчаютъ: нѣтъ вина.—Какъ нѣтъ?—«Александръ Сергѣевичъ не приказалъ на столъ подавать». И я объявляю, что я на діэтѣ, и пью воду. Надобно видѣть отчаяніе и сардоническій смѣхъ Льва Сер-

---

[1]) Дядя Левъ Сергѣевичъ, не допускавшій мѣстоименія ты, сдѣлалъ исключеніе изъ принятаго имъ правила въ пользу одного лишь Соболевскаго.

[2]) См. Соч. Пушкина, т. VIII, изд. Суворина, 1887 г.

гѣевича, который уже вѣроятно ко мнѣ обѣдать не явится. Во все время Соболевскій подливалъ себѣ воду то въ стаканъ, то въ рюмку, то въ длинный бокалъ, — и подчивалъ Льва Сергѣевича, который чинился и отказывался»...

Пріѣхавъ въ отпускъ, какъ сказано выше, въ 1830 году, Левъ Сергѣевичъ проигрался гдѣ-то въ карты. Александръ же Сергѣевичъ не могъ немедленно его выручить изъ бѣды, и раздосадованный «Пушкинъ Левъ» является вечеромъ къ моей матери, надутый и сердитый; впрочемъ, является вовсе не съ цѣлью призанять у нея денегъ—зналъ, что лишнихъ тамъ не водилось,—а размыкать свою «карманную невзгоду». Какъ на бѣду, дядя застаетъ у моихъ родителей обычныхъ гостей, въ томъ числѣ и Соболевскаго. Соболевскій, встрѣтивъ Льва Сергѣевича съ добродушно-иронической улыбкой, тутъ же смѣкнулъ объ отсутствіи денежнаго присутствія въ карманѣ друга, сообразилъ, что можетъ горю помочь, но промучилъ дядю Льва до самаго ужина, забавляясь его постной наружностью. Разсказать о своемъ горѣ сестрѣ Льву Сергѣевичу при гостяхъ было неловко; пускаться же съ ними въ свойственные ему любезные разговоры—дядя, при печальныхъ обстоятельствахъ, никакъ не могъ.

Подали ужинъ. Левъ Сергѣевичъ садится за столъ рядомъ съ Соболевскимъ, и, не нарушая молчанія, не уклоняется, однако, отъ угощенія, предлагаемаго ему и другомъ-сосѣдомъ, и гостепріимнымъ хозяиномъ—моимъ отцомъ.

Послѣ ужина Соболевскій встаетъ изъ-за стола, и съ комической важностью, возглашаетъ громогласно экспромптъ:

«Левъ Сергѣичъ на суарэ[1])
«Былъ любезенъ, какъ тюлень:
«Выпилъ чарку Сенъ-Перэ,
«И бутылку Сенъ-Жюльень»,—

и, отозвавъ дядю въ сторону, спрашиваетъ по секрету:

— Пушкинъ! сколько тебѣ надо?

— Помилуй, Сергѣй, что ты?

— Да я тебя насквозь знаю, меня не проведешь; выйдемъ вмѣстѣ, завернешь ко мнѣ, и дѣло въ шляпѣ.

Левъ Сергѣевичъ тутъ же, при публикѣ, бросился въ объятія друга, развеселился, разлюбезничался, а Соболевскій:

«Ну, еще-ка Сенъ-Перэ,
«Ну, еще-ка Сенъ-Жюльень!»

— Идетъ!—радостно подтвердилъ дядя, и тутъ же послѣдовалъ дружескому совѣту.

На другой день, долгъ Льва Сергѣевича былъ, такимъ образомъ, уплаченъ.

---

[1]) Soirée — пофранцузски «вечеръ».

Много помню слышанныхъ отъ моихъ родителей подобныхъ поступковъ Соболевскаго,—поступковъ, исполненныхъ благородства и деликатной, дружеской предупредительности. Оба мои дяди, мать и отецъ, оцѣнивъ этого человѣка, какъ слѣдуетъ, полюбили его отъ души; впрочемъ, и онъ показалъ имъ, что того достоинъ, а люди, одинаковаго съ безсмертнымъ поэтомъ закала—Дельвигъ, Баратынскій, Плетневъ, Жуковскій,—который вполнѣ сочувствовалъ снѣдавшей Соболевскаго скорби о происхожденіи,—кн. Одоевскій, кн. Вяземскій и другіе, считали Сергѣя Александровича самымъ преданнымъ другомъ.

Но не такъ встрѣтили Соболевскаго, при вступленіи въ «свѣтъ», прочіе посѣтители салоновъ, куда Сергѣй Александровичъ, по собственнымъ своимъ соображеніямъ, долженъ былъ явиться. Встрѣтили его тамъ враждебно, съ предвзятыми взглядами, двусмысленными, оскорбительными улыбками, и намеками. Соболевскій далъ сначала поведеннымъ на него словеснымъ атакамъ молодецкій отпоръ, а тамъ, въ свою очередь, повелъ впередъ побѣдоносное войско, и смялъ враговъ слѣдующими силами: острымъ, какъ бритва, языкомъ, самыми злыми экспромптами, да ядовитыми каламбурами, такъ что послѣ пяти-шести генеральныхъ сраженій, непріятель обратился въ бѣгство, титулъ «Mylord qu'importe» послужилъ Соболевскому вполнѣ заслуженнымъ трофеемъ, а мѣткіе экспромпты и каламбуры отправились немедленно гулять по всему Петербургу, къ немалому удовольствію Александра Сергѣевича, искренно поздравившаго побѣдителя съ успѣхомъ.

Въ числѣ потерпѣвшихъ пораженіе оказался и главный соперникъ Сергѣя Александровича по ратоборству языкомъ—Филиппъ Филипповичъ Вигель, не выдержавшій убійственнаго огня эпиграммы, о которой я уже говорилъ во второй и четвертой части хроники. Вигель возненавидѣлъ Соболевскаго такъ, что избѣгалъ уже всякой съ нимъ встрѣчи.

Короче, Соболевскій одержалъ побѣду блистательную: его стали бояться.

— Передъ тобой трусятъ, Сергѣй,—замѣтилъ ему дядя Александръ.

— Чтò и требовалось доказать, какъ выражаются геометры,—отвѣчалъ Пушкину Соболевскій.

Теплое расположеніе моего дяди къ Сергѣю Александровичу усматривается и изъ переписки нашего поэта съ Соболевскимъ.

О путешествіи моего дяди съ Соболевскимъ въ 1833 году изъ Петербурга въ Москву,—откуда Александръ Сергѣевичъ отправился уже одинъ въ Оренбургскій край за матеріалами для «Исторіи Пугачевскаго бунта»,—разскажу при изложеніи событій того періода времени. Теперь же, не отступая отъ хронологическаго порядка, обращусь къ попыткѣ Соболевскаго жениться, кажется, на княжнѣ

Трубецкой. Ольга Сергѣевна называла фамилію, которую я позабылъ, а чего не помню, того не помню; привожу бесѣду Сергѣя Александровича съ моей матерью по этому поводу, происходившую вскорѣ послѣ извѣстнаго читателямъ вечера, когда онъ выручилъ дядю Льва изъ финансовыхъ затрудненій.

— Скажу вамъ по секрету, — началъ разговоръ Соболевскій,— что милѣйшій «я» выкинуть фокусъ-покусъ à la Кальостро задумалъ.

— Что такое?

— Экія вы недогадливыя! Если я говорю à la Кальостро, значитъ, разумѣю сдѣлать то, что для меня, Соболевскаго, всего труднѣе. Даю вамъ пять минутъ отгадать.

— Никакъ не могу.

— Не можете? Такъ я вамъ, для облегченія, задамъ сначала шараду:

Mon premier est Sot (мой первый слогъ глупъ).

Mon second est beau (мой второй слогъ красивъ).

Mon troisième est laid (мой третій слогъ дуренъ).

Ce qui fait mon entier («что» составляетъ мое цѣлое).

Ольга Сергѣевна, смѣясь, повторяетъ: Sot, beau, laid, ce qui.

— Ну, теперь тоже самое повторите пять разъ скороговоркой: Sot-beau-laid-ce-qui, и что выйдетъ? Нут-ка!

— Soboleski (Соболевскій) безъ буквы в, — разсмѣялась опять Ольга Сергѣевна.

— Поэтическая вольность,—расхохотался Сергѣй Александровичъ. — Значитъ можете разгадать и первую загадку. Что всего труднѣе для Sot-beau-laid-ce-qui? Карманъ теперь у него исправенъ, съ непріятелями тоже расправился, а друзьями хоть прудъ-пруди! Чего же главнаго не достаетъ послѣ этого?..

— Неужели?—сообразила Ольга Сергѣевна.

— Теперь или никогда,—сказалъ уже серьезно Сергѣй Александровичъ.—То-то подшучу надъ Александромъ; онъ мнѣ пророчитъ умереть бобылемъ (que je mourrai célibataire), а какъ выйдетъ шиворотъ на выворотъ, что тогда-то онъ запоетъ? Только до поры до времени держите передъ нимъ все, что вамъ ни скажу, подъ спудомъ.

— Да кто же она?

— Хотите и это знать? Извольте: la princesse Annette.

— Что вы, что вы? Она за васъ, думаете, пойдетъ?

— А почему бы и не такъ?

— Ни за что не пойдетъ, бьюсь объ закладъ: въ васъ она не влюблена, какъ вы въ нее, я давно замѣчаю и то и другое; ея старики люди съ предразсудками, а «мондъ», съ которымъ воюете, ихъ же науськаетъ противъ васъ.

— Ну, все это бабушка еще на двое сказала,—утѣшалъ самъ себя Соболевскій.—Главное, объяснюсь на дняхъ съ самой княж-

ной, безъ всякихъ сватовъ и свахъ, что̀ было бы хуже, а что̀ выйдетъ—на дняхъ узнаете отъ меня самого. Заверну и скажу. Только, пожалуйста, опять-таки братцамъ вашимъ ни полслова...

Будучи всегда господиномъ своихъ чувствъ, Соболевскій прикинулся очень веселымъ, попросилъ Ольгу Сергѣевну показать ему альбомъ, взялъ перо, нацарапалъ въ немъ:

«Пишу тебѣ въ альбомъ и азъ,
«Сестра и другъ поэта [1]) Ольга,
«Хотя мой стихъ и не алмазъ,
«А просто мишура да фольга»,—

отпустилъ еще нѣсколько остротъ, и въ заключеніе раскланялся, объявивъ:—«Vous aurez bientôt de mes nouvelles» (скоро получите обо мнѣ извѣстія).

Не проходитъ двухъ дней послѣ посѣщенія, и опять является Соболевскій къ Ольгѣ Сергѣевнѣ, радостный, сіяющій какъ безоблачное майское утро.

Ольга Сергѣевна за него тоже обрадовалась.

— Вижу, что могу васъ отъ души поздравить «Калибанъ» (она такъ же, какъ и ея братъ, иногда подчивала Соболевскаго по дружбѣ этимъ прозвищемъ).

— Какъ хотите,—отвѣчалъ Соболевскій, улыбаясь во весь ротъ.

— Ну, (любимое междометіе Ольги Сергѣевны), счастливый и радостный, свѣтлый женихъ, разсказывайте, что и какъ? Что ваша невѣста?

— Невѣста?—спрашиваетъ Соболевскій, продолжая улыбаться,— отказала, и, правда, очень учтиво, а все-таки рекомендовала мнѣ убираться къ чорту...

Можно себѣ представить удивленіе Ольги Сергѣевны; по физіономіи гостя она расчитывала услышать совсѣмъ не то.

— А я думала... вы такой веселый...

— А то какъ же? Плакать прикажете, да заставлять прачку возиться съ моими носовыми платками? Плакать мнѣ, ей Богу, некогда, а прачкѣ и безъ того задаю работы много... Богъ ты мой Богъ...—какъ говоритъ вашъ братецъ...—вотъ забавно! А и вы отвѣчайте-ка на вопросъ: Александру Сергѣевичу ничего не пробалтывались?

— Съ какой стати?

— То-то. Вотъ и отлично. Самъ узнаетъ; хорошо, что не побился съ нимъ объ закладъ не умереть бобылемъ. А съ моей воображаемой невѣсты я тоже взялъ слово молчать о моемъ предложеніи. Но шутки въ сторону. Какъ сказалъ такъ и будетъ, развѣ посватаюсь на томъ свѣтѣ на какой-нибудь гуріи. А теперь,—заключилъ по

[1]) Пародія на строки Вяземскаго. (См. стихи его, приведенныя въ эпиграфѣ 3-й части «Хроники»).

своему обыкновенію Соболевскій,—ступай домой, милѣйшій «я»: тебѣ больше тутъ дѣлать нечего...

Получивъ отказъ отъ княжны, о которой выразился: «если не она, такъ никто не будетъ моей женой», Соболевскій, дѣйствительно, сдержалъ слово, данное самому себѣ: не только никогда послѣ того не сватался, но, какъ я слышалъ, не былъ знакомъ даже ни съ какими сколько-нибудь романическими приключеніями.

По убѣжденію моей матери, для Соболевскаго, какъ онъ тамъ ни притворялся, отказъ princesse Annette былъ однимъ изъ самыхъ полновѣсныхъ ударовъ судьбы, но по желѣзной силѣ своей воли, онъ и этотъ ударъ вынесъ твердо. Оплакивая въ душѣ одиночество и безсемейную жизнь, Соболевскій,—странный человѣкъ,—выражалъ угнетавшую его скорбь юмористическими выходками. Такъ, напримѣръ, купивъ и обучивъ пару огромнѣйшихъ сенъ-бернардскихъ псовъ, Сергѣй Александровичъ заставлялъ ихъ раскланиваться съ гостями, при чемъ приговаривалъ: «рекомендую вамъ моихъ, съ позволенья сказать, дѣтей: вотъ мой сынъ—Антонъ Сергѣичъ, а вотъ и дочка—Авдотья Сергѣвна»; иногда же прибавлялъ полусерьезно: «другихъ дѣтей никогда и не будетъ».

Послѣ неудачнаго похода по супружеской части, Соболевскій въ первые зимніе мѣсяцы 1830 года посѣщалъ великосвѣтскіе салоны попрежнему, если еще не чаще. Неблагопріятный исходъ затѣяннаго предложенія не могъ долго оставаться для Александра Сергѣевича тайной, и Соболевскій самъ, изложивъ суть дѣла своему другу, сказалъ:

— Ты правъ, Пушкинъ: мнѣ брачныхъ свѣчъ не зажигать, остался въ дуракахъ, и, какъ узналъ намедни, въ «бомондѣ» уже затрезвонили, чешутъ языки, а чтобы загородить глотку кому слѣдуетъ, нарочно буду ходить въ бомондъ, по правилу: «гдѣ строятъ противъ тебя, Соболевскій, скандалъ, туда-то и являйся».

Расчетъ оказался вѣрнымъ: Сергѣй Александровичъ своими личными появленіями прекратилъ дальнѣйшіе о немъ толки. Эпиграммы Соболевскаго были тогда въ полномъ ходу, а при видѣ его сардонической улыбки и представительной фигуры, великосвѣтскіе сплетники прикусили языки.

Пушкинъ искренно сочувствовалъ разочарованію Соболевскаго, а въ разговорѣ о его неудачѣ съ моей матерью высказалъ свои взгляды въ слѣдующихъ словахъ:

— Жаль Сергѣя, и тѣмъ болѣе, что причину неудачи онъ именно приписываетъ втайнѣ своему происхожденію; но онъ слишкомъ гордъ, чтобы дѣлиться даже со мной подобными мыслями. Малѣйшій, не говорю нравственный толчокъ, но нечаянный, повидимому,

двусмысленный на него взглядъ вызываетъ въ Сергѣѣ ужасныя страданія, которыя онъ такъ артистически прячетъ подъ маскою Момуса [1]). Слава Богу, по крайней мѣрѣ, выручило еще то, что его мать не бросила, а судьба надѣлила состояніемъ и рѣдкимъ умомъ, иначе былъ бы онъ какъ и всѣ прочіе, несчастіе которыхъ я изобразилъ въ моей пѣснѣ очень, очень давно—«Подъ вечеръ осенью ненастной».— Помнишь?

«Дадутъ покровъ тебѣ чужіе,
«И скажутъ: ты для насъ чужой!
«Ты спросишь: гдѣ мои родные?
«И не найдешь семьи родной!
«Несчастный! будешь грустной думой
«Томиться межъ другихъ дѣтей,
«И до конца съ душой угрюмой
«Взирать на ласки матерей.
«Повсюду странникъ одинокій,
«Всегда судьбу свою кляня,
«Услышишь ты упрекъ жестокій...
«Прости, прости тогда меня.
«. . . . .».

— А что касается княжны, наклеившей Сергѣю носъ, то я вижу его печаль, не смотря на маску; а потому со всей осторожностью вобью ему въ голову, что не онъ первый, не онъ послѣдній, и что княжна всякому арбузъ поднесетъ, и никого не любитъ, точь въ точь моя «дѣва». Стихи на мою дѣву ты не можешь помнить — набросалъ у Инзова; но нарочно сегодня списалъ, и несу Соболевскому какъ бы невзначай, для бо́льшаго утѣшенія; увѣренъ, что Сергѣй запоетъ, какъ нашъ старый другъ дѣтства, эмигрантъ Кашаръ, своей возлюбленной, которая тоже отъ него отвернулась:

«Vous ne daignez m'aimer?
«Eh bien! ne m'aimez pas!
«J'aurai bien du chagrin,
«Mais je n'en mourrai pas».

— Послушай же, что подношу Соболевскому, — и дядя прочелъ:

«Я говорилъ тебѣ: страшися дѣвы милой!
«Я зналъ: она сердца̀ влечетъ невольной силой.
«Неосторожный другъ, я зналъ: нельзя при ней
«Иную замѣчать, иныхъ искать очей.
«Надежду потерявъ, забывъ измѣны сладость,
«Пылаетъ близь нея задумчивая младость,

---

[1]) Богъ насмѣшекъ древнихъ грековъ, сынъ Сна и Ночи.

«Любимцы счастія, наперсники судьбы
«Смиренно ей несутъ влюбленныя мольбы;
«Но дѣва гордая ихъ чувства ненавидитъ,
«И очи опустивъ, не внемлетъ и не видитъ».

Постоянные посѣтители моихъ родителей, Дельвигъ, Глинка, Плетневъ — друзья того же Соболевскаго, — узнавъ о случившемся «пасажѣ», не дали ему и почувствовать, что все и имъ извѣстно; не говорю уже о моемъ отцѣ, который, вовсе не интересуясь поэтическими приключеніями, избиралъ тогда предметомъ разговоровъ съ Соболевскимъ свой конекъ: историческія изслѣдованія и филологическія пренія, а вести бесѣды и на эту тему Соболевскій былъ мастеръ: онъ первый посовѣтывалъ отцу постараться во чтобы ни стало получить мѣсто консула въ Греціи, чѣмъ отецъ мой и воспользовался, какъ я уже говорилъ во второй части «хроники».

XIX.

Вскорѣ мать моя была очень обрадована пріѣздомъ изъ Москвы своей давнишней подруги—жены поэта Евгенія Абрамовича Баратынскаго, Настасьи Львовны, рожденной Энгельгардтъ; въ задушевной бесѣдѣ моя мать разсказала Настасьѣ Львовнѣ о натянутыхъ отношеніяхъ Надежды Осиповны къ моему отцу. Баратынская взялась рискнуть дипломатическимъ шагомъ, и пригласила Александра Сергѣевича поѣхать къ Надеждѣ Осиповнѣ вмѣстѣ. Оба явились къ бабкѣ на другой же день, и Настасья Львовна, расхваливъ ей какъ нельзя болѣе Николая Ивановича, выставила нелѣпость не принимать зятя, не посѣщать по вечерамъ дома своей дочери, куда собираются и оба ея сына и прочіе знакомые Надежды Осиповны, а слѣдовательно огорчать эту дочь совершенно напрасно.

Надежда Осиповна выслушала Баратынскую не прерывая, а дядя—какъ всегда бывало—сталъ грызть себѣ ногти, нетерпѣливо ожидая, что изъ разговора выйдетъ.

— Avez vous fini? (Вы кончили),—спрашиваетъ бабка.

— Je n'ai rien à ajouter de plus (не имѣю ничего прибавить).

— Et moi, je n'ai plus rien à vous répondre. Changeons de conversation. (И мнѣ тоже нечего отвѣчать. Перемѣнимъ разговоръ).

Дипломатическая миссія тѣмъ и кончилась.

— Вѣдь я говорилъ,—сказалъ уходя Александръ Сергѣевичъ,—что съ моей très chère mère толковать о ея зятѣ не стоитъ.

Съ грустью передала Настасья Львовна моей матери результатъ визита.

— Если Надежда Осиповна и меня не послушала, то едва ли другого послушаетъ. Остается одно: послать къ ней моего мужа. (Евгеній Абрамовичъ пріѣхалъ также изъ Москвы съ женою въ Петербургъ на нѣкоторое время).

Сказано-сдѣлано. Черезъ нѣсколько дней приходитъ къ неумолимой бабкѣ Евгеній Абрамовичъ.

Приступивъ къ бесѣдѣ, что называется, «съ Царя-Гороха», Баратынскій перешелъ къ христіанскимъ правиламъ о любви къ ближнему и всепрощеніи, а затѣмъ, высказалъ необходимость семейной гармоніи вообще.

— Знаю куда мѣтите, но въ цѣль не попадете,—догадалась Надежда Осиповна.—Нельзя ли выбрать для разговора тему поинтереснѣе?

Такимъ образомъ, и Евгеній Абрамовичъ вышелъ отъ Надежды Осиповны съ тѣмъ, съ чѣмъ пришелъ.

Супруги Баратынскіе, эти два,—какъ выразилась моя мать,—исполненные поэзіи меланхолическіе образа, души одинъ въ другомъ не чаяли; тихій, спокойный семейный ихъ очагъ не омрачался никогда и тѣнью какихъ-либо взаимныхъ пререканій, а дѣло выходило очень просто: при отсутствіи матеріальныхъ лишеній и заботъ о насущномъ хлѣбѣ, жизнь служила имъ обширнымъ полемъ для всесторонняго духовнаго развитія, и—какъ сказалъ Пушкинъ—чувствъ добрыхъ. Возвышенный взглядъ одного изъ супруговъ на земное бытіе, воплощенный и въ его поэтическихъ твореніяхъ, дополнялся такимъ же взглядомъ другого, и оба они видѣли въ домашнемъ очагѣ единственную свою отраду, единственное счастье.

— Какъ жаль, Евгеній, что я не красавица, — сказала Настасья Львовна мужу, въ присутствіи дяди Александра и моей матери, когда Баратынскій похвалилъ наружность встрѣченной имъ какой-то дамы. Случилось это именно въ описываемое мною время.

— Ты для меня лучше всѣхъ красавицъ! — отвѣчалъ громче обыкновеннаго Баратынскій, цѣлуя руку жены.

Въ этомъ простомъ отвѣтѣ—какъ говорила мнѣ мать—зазвучала такая высокая струна, въ немъ сказалось столько неподдѣльнаго прямого чувства, что и Ольга Сергѣевна и Александръ Сергѣевичъ тронуты были до слезъ, а мать обратилась къ дядѣ съ пожеланіемъ:

— Дай Богъ тебѣ, Александръ, быть такимъ мужемъ, и найти такую жену...

О незабвенной памяти Настасьѣ Львовнѣ Баратынской, замѣнившей мнѣ отсутствовавшую мать, буду говорить въ свое время.

Итакъ, зимою 1830 года дядя Александръ чаще всего встрѣчалъ въ маленькой гостиной сестры своей, кромѣ Соболевскаго, и двухъ милыхъ его сердцу друзей-сотоварищей по музѣ, которые гораздо прежде нежели наложить на себя узы Гименея, послужили Пушкину предметомъ слѣдующей пародіи, на размѣръ одной изъ баллалъ Жуковскаго, если не ошибаюсь, «Аббадоны»:

«Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ, въ пятой ротѣ, въ домикѣ низкомъ,
«Жилъ поэтъ Баратынскій съ Дельвигомъ, тоже поэтомъ.
«Тихо жили они, за квартиру платили немного,

«Въ лавочку были должны, дома обѣдали рѣдко.
«Часто, когда покрывалось небо осеннею тучей,
«Шли они въ дождикъ пѣшкомъ, въ панталонахъ трикотовыхъ тонкихъ,
«Руки спрятавъ въ карманъ (перчатокъ они не имѣли),
«Шли и твердили шутя: какое въ россіянахъ чувство» [1]...
. . . .

Въ концѣ января, къ большому удовольствію Александра Сергѣевича, состоялась въ нашемъ домѣ встрѣча его еще съ однимъ давнишнимъ пріятелемъ — эксъ-гетингенскимъ студентомъ, а впослѣдствіи царскосельскимъ гусаромъ—Петромъ Павловичемъ Каверинымъ, удалыя шалости котораго, — подобно шалостямъ воспѣтаго поэтомъ-партизаномъ Денисомъ Давыдовымъ «забіяки Бурцова», — были извѣстны тогдашнимъ военнымъ кружкамъ. Не чуждый поэтическаго, отчасти и музыкальнаго таланта, веселый проказникъ, добрякъ, душа на распашку, на войнѣ же беззавѣтно храбрый воинъ, Каверинъ былъ очень любимъ товарищами, а Пушкинъ, всегда легко поддававшійся въ юности безотчетнымъ симпатіямъ, полюбилъ этого, — какъ Ольга Сергѣевна выражалась,— кутилу-мученика еще въ 1817 году, когда воспѣлъ свое сочувствіе къ его характеру и взгляду на жизнь:

«Забудь, любезный мой Каверинъ,
«Минутной рѣзвости нескромные стихи:
«Люблю я первый, будь увѣренъ,
«Твои счастливые грѣхи.
«Все чередой идетъ опредѣленной,
«Всему пора, всему свой мигъ:
«Смѣшонъ и вѣтренный старикъ,
«Смѣшонъ и юноша степенный.
«Пока живется намъ — живи,
«Гуляй въ мое воспоминанье,
«Молись и Вакху, и любви,
«И черни презирай ревнивое роптанье:
«Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
«Съ Киѳерой, съ Портикомъ, и съ книгой, и съ бокаломъ,
«Что умъ высокій можно скрыть
«Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ».
. . . .

Къ Каверину же относится и слѣдующее четверостишіе дяди:

«Въ немъ пунша и войны кипитъ всегдашній жаръ,
«На марсовыхъ поляхъ онъ грозный былъ воитель,
«Друзьямъ онъ вѣрный другъ, красавицамъ мучитель,
«И всюду онъ гусаръ».

[1]) Овдовѣвшая Софья Михайловна Дельвигъ вышла впослѣдствіи вторично замужъ за брата его друга—Сергѣя Абрамовича Баратынскаго.

Съ моимъ отцомъ Петръ Павловичъ Каверинъ сошелся еще въ 1826 году, на холостой пирушкѣ офицеровъ лейбъ-гвардіи конно-егерскаго полка, у эскадроннаго ихъ командира—моего дяди Павла Ивановича Павлищева. Любили Петра Павловича и конные егеря. Пріѣхавъ же въ Петербургъ, въ январѣ 1830 г.—или изъ отпуска, или въ отпускъ—сказать не могу, Каверинъ сталъ ходить къ моему отцу почти ежедневно, и къ этому же времени относится слѣдующая забавная, но довольно дерзкая шутка Петра Павловича, разсказанная мнѣ матерью и случившаяся въ ея гостиной:

Одна изъ подругъ Ольги Сергѣевны—фамиліи не назову—рыжеволосая, перевалившая за четвертый десятокъ дѣвица,—неравнодушная къ Каверину, пристала къ нему послѣ обѣда съ неотвязчивой просьбой написать ей тутъ же на память какіе-нибудь стихи.

Каверинъ, питавшій къ просительницѣ не особенно нѣжныя чувства, спрашиваетъ бумагу и располагается исполнить желаніе, а нетерпѣливая дѣвица становится къ нему такимъ образомъ, что заслоняетъ ему свѣтъ.

Каверинъ пишетъ:

«Сижу я въ компаньи,
«Никого не вижу,
«Только вижу дѣву рыжу,
«И ту ненавижу».

Написавъ комплиментъ, Петръ Павловичъ самъ спохватился, и заблагоразсудилъ поправиться такъ:

— Это я вамъ, но все-таки не про васъ написалъ, а теперь напишу и вамъ и о васъ.

Затѣмъ, поцѣловавъ у обиженной руку, набросалъ ей тутъ же какую-то любезность.

— Шалунъ вы, и больше ничего, — отозвалась подруга Ольги Сергѣевны.—Правда я рыжая, но что меня ненавидите—не вѣрю. Вы никого ненавидѣть не можете, а меня право не за что.

Каверинъ разсыпался въ извиненіяхъ, и мировая была заключена.

. . . .

Дядя, — какъ я уже сказалъ, — подготовлялъ тогда статьи въ «Литературную газету», совѣщаясь о нихъ и съ редакторомъ ея Дельвигомъ, и съ ея сотрудникомъ Баратынскимъ, мѣткой эпиграммой котораго Пушкинъ, между прочимъ, подкрѣпилъ свою статью «о неблаговидности нападокъ на дворянство», противъ журналистовъ, которые попрекаютъ прочихъ литературныхъ дѣятелей дворянскимъ происхожденіемъ.

Другую замѣтку о романѣ «Юрій Милославскій» Загоскина—очень понравившемуся Пушкину—дядя прочелъ шутя Ольгѣ Сергѣевнѣ, говоря, что повелъ въ этой статьѣ рѣчь и о ней, разумѣя ее подъ мадамъ Campan.

— Хочу, однако, позолотить тебѣ пилюлю, Ольга,—весело послѣ того обратился онъ къ сестрѣ.—Прочиталъ тебѣ рецензію—моя мадамъ Campan,—а вотъ тебѣ и самая книжка.

И вручивъ присланный ему авторомъ романа экземпляръ, Пушкинъ сказалъ сестрѣ:

— Да будетъ эта прелесть твоей настольной книгой.

Пушкинъ былъ въ восторгѣ отъ «Юрія Милославскаго», считая его «однимъ изъ лучшихъ русскихъ романовъ», что̀ и сообщилъ Михаилу Николаевичу въ письмѣ отъ 11 января того же 1830 года.

Говоря сестрѣ о достиженіи Загоскинымъ намѣченной цѣли—окончанія продолжительнаго романа (de longue haleine)—дядя высказалъ ей пофранцузски свои мысли, и какъ она мнѣ передавала—приблизительно въ слѣдующихъ словахъ:

«Je félicite Загоскинъ de coeur et d'âme: son but est atteint. Mais en est-il content? Croyez moi, que chacun de nous—poêtes ou romanciers-c'est bien egal,—aprés avoir fini son ouvrage, devient fort triste, quand il envoie un tendre «adieu» aux personnages, quoique crées par son imagination, mais avec lesquels il s'est identifié. Ainsi je me suis senti bien mal à mon aise, quand je me séparais de mon «Русланъ», de mon «Aleko, même de mon Нулинъ. Quand à mon Онѣгинъ, auquel je suis en train de tirer aussi ma révérence — d'autant plus. Ou bien peut être c'est notre travail par lui même que nous regrettons? Je n'en sais rien. Mais écoutez ce que j'ai ecrit, il y a quelques jours là dessus».

(Поздравляю Загоскина отъ сердца и души; его цѣль достигнута, но доволенъ ли онъ этимъ? Вѣрь мнѣ: всякій изъ насъ поэтовъ или романтиковъ—все равно—съ окончаніемъ своего произведенія становится очень печальнымъ, посылая свое нѣжное «прости» лицамъ, хотя и созданнымъ воображеніемъ, но съ которыми онъ сроднился. Такъ и я почувствовалъ себя очень скверно, разлучаясь съ моими «Русланомъ», «Алеко», даже «Графомъ Нулинымъ». Что касается «Евгенія Онѣгина»,—ему тоже отвѣшиваю поклонъ—и того хуже. А можетъ быть намъ становится жаль труда самого по себѣ? Ничего не знаю; но выслушай, что написалъ на дняхъ по этому случаю).

И дядя прочелъ сестрѣ наизусть:

«Мигъ вожделѣнный насталъ. Оконченъ мой трудъ многолѣтній.
«Чтожъ непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
«Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поденщикъ ненужный,
«Плату пріявшій свою, чуждый работѣ другой?
«Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,
«Друга Авроры златой, друга пенатовъ святыхъ?»

. . . .

Пушкинъ, къ тому времени окончивъ и отдѣлавъ шестую, приступалъ къ восьмой главѣ «Онѣгина», но до мая того же года пи-

салъ немного. Изъ числа же написаннаго показалъ Ольгѣ Сергѣевнѣ стансы митрополиту Филарету, по случаю отповѣди сего послѣдняго на элегію: «Даръ напрасный, даръ случайный». Эти стансы, въ которыхъ Пушкинъ, выражая свою признательность московскому іерарху за высказанное поэту увѣщаніе, сознается въ заблужденіяхъ, оканчиваются прелестнымъ четверостишіемъ:

«Твоимъ огнемъ душа палима,
«Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
«И внемлетъ арфѣ Серафима
«Въ священномъ ужасѣ поэтъ».

Ольга Сергѣевна, прочитавъ эти стансы, замѣтила брату:

— Поздравляю тебя отъ души, и дай Богъ, чтобы ты чаще проникался такими христіанскими чувствами; тогда и самъ съ собою будешь ладить, и къ людямъ сдѣлаешься снисходительнѣе, да еще скажу лучше, коль скоро перестанешь задавать жёлчи работу злыми эпиграммами (послѣдняя твоя эпиграмма на Булгарина и повтореніе твоей юношеской насмѣшки на добрѣйшую Е. Н. П—ву презлыя, воля твоя, выходки)—то и будешь себя чувствовать лучше. Вспомни-ка, что я тебѣ толковала? Эпиграммами и насмѣшками друзей себѣ не наживешь, а станешь въ противурѣчіе къ твоей исповѣди передъ Филаретомъ, который, сознаешь, смиряетъ поэта буйныя мечты силой кроткой и любовной.

— Стихи на Булгарина, правда, я написалъ недавно, а сатиру на поэтессу П.—гренадера въ юбкѣ—очень давно.

— Стало быть, пора ихъ забыть, а не повторять, да еще при ней, когда она вчера ко мнѣ зашла. Благо глуха и не разслышала, какъ ты процѣдилъ эту пѣсню на нее сквозь зубы, и поставилъ меня въ неловкое положеніе. Поневолѣ я должна была ей налгать, когда она меня спросила, чему смѣюсь.

Александръ Сергѣевичъ самъ тутъ разсмѣялся, и повторилъ съ паѳосомъ эпиграмму:

«Зачѣмъ кричишь ты, что ты дѣва
«На каждомъ дѣвственномъ стихѣ?
«О! вижу я, пѣвица Эва,
«Хлопочешь ты о женихѣ»...

. . . .

Съ наступленіемъ февраля 1830 года душевное настроеніе дяди Александра, помимо приближающейся весны, которую, какъ извѣстно, онъ терпѣть не могъ, измѣнилось къ лучшему: Пушкинъ сдѣлался веселѣе и добрѣе, а причину такой перемѣны изложу въ ближайшей статьѣ моей «Семейной хроники».

Левъ Павлищевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРУССІЯ ВЪ КРЫМСКУЮ ВОЙНУ.

НЕДАВНО, по поводу новаго «Общества дипломатической исторіи» въ Парижѣ[1]), мы указывали на архивское направленіе современнаго бытописанія. Не вдаваясь въ оцѣнку столь важнаго явленія, которой здѣсь не мѣсто, обратимъ вниманіе читателя на другую любопытную сторону дѣла. Исторіографія словно стремится перейти въ руки дипломатовъ—вѣрнѣе ех-дипломатовъ: состоя на службѣ, не совсѣмъ благополучно увлекаться такою наукой. Почти не проходитъ мѣсяца, чтобы они не выступали съ «воспоминаніями, разоблаченіями, замѣтками», то въ видѣ отдѣльныхъ книгъ, то въ журнальныхъ статьяхъ. Сначала смиренно подступая къ дѣлишкамъ своего дѣтства и юности, съ предисловіями на тему «авось и моя копѣйка не щербата», они добрались потомъ до вчерашняго дня и до строгихъ приговоровъ, свысока взирая на «цеховыхъ» историковъ, какъ на педантовъ, не постигающихъ «практическаго» дѣла, «реальной политики». Мало того, что они немножко «дѣлали» исторію: имъ хочется еще писать ее.

Но ихъ же литературныя произведенія служатъ прекраснымъ зеркаломъ дѣяній тѣхъ господъ, которые вертятся, какъ бѣлки въ колесѣ, принимаемомъ ими за вселенную. Сохрани Богъ, чтобы наука признала за ними право суда или даже объясненія судебъ человѣчества. Она превратилась бы въ складъ уязвленныхъ самолюбій, непризнанныхъ геніальностей, салонныхъ сплетенъ, цинич-

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ», 1887 г., декабрь.

ныхъ анекдотцевъ, да макіавелистическихъ художествъ [1]). Въ лучшемъ случаѣ это было бы распространеніемъ высокомѣрнаго взгляда на исторію, какъ на «всемірную комедію», весьма ходкаго въ эпохи пессимизма, но очень далекаго отъ научныхъ обобщеній. Зато, какъ матеріалъ, издательская горячка дипломатовъ неоцѣненна. Здѣсь сами «дѣятели» разоблачаютъ невольно себя и очень вольно—своихъ товарищей по ремеслу. Они доставляютъ мелкія, но яркія даже въ бытовомъ смыслѣ, рѣдкости, доступныя лишь международному шпіонству: только не слѣдуетъ пользоваться ими навѣру такъ же, какъ пора покинуть благоговѣніе передъ всякою архивскою добычей. Дипломаты любятъ и документальныя нескромности. Подобно графу Бейсту, они въ предисловіяхъ расписываются въ сдачѣ бумагъ изъ своихъ портфелей въ архивъ, но не могутъ удержаться, чтобы не воспроизводить кое-чего «по памяти», которая, понятно, не составляетъ государственной собственности. Нерѣдко мы бываемъ обязаны имъ и настоящими, важными документами, которые, пожалуй, пролежали бы подъ семью печатями еще столѣтіе, согласно со взглядомъ благоразумныхъ до самоотверженности историковъ, проповѣдующихъ, что событія можно обсуждать лишь въ томъ случаѣ, когда они достаточно пропахнутъ гнилью и не будутъ годны ни на какое жизненное употребленіе.

Новыя изданія любятъ распространяться о событіяхъ съ февральской революціи, которая стоитъ стѣной между двумя историческими мірами. Естественно, что каждое изъ нихъ старается коснуться Крымской войны, которая составляетъ эпоху, въ связи съ переворотомъ 1848 года. При условіи не забывать такихъ дѣльныхъ изслѣдованій, какъ книги французскаго академика Руссэ [2]) и англичанина Кинглека [3]), они даютъ возможность набросать дипломатическую картину этой войны, свободную отъ односторонности: здѣсь намъ служатъ свидѣтелями французы, англичане, пруссаки, австрійцы, даже русскіе [4]), либералы и консерваторы, враги и друзья бисмаркизма. Задача увлекательная: пора установить научный взглядъ среди хаоса сужденій о великихъ событіяхъ, которыми открылась вторая половина XIX вѣка. Но она переходитъ за предѣлы журнальнаго очерка. Скорѣе можно совладать съ

---

[1]) Нашъ взглядъ на макіавелизмъ въ дипломатіи изложенъ въ статьяхъ о Людовикѣ XIV, въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», 1888 г., январь и февраль.

[2]) Rousset: «Histoire de la guerre de Crimée». 2-e éd. Paris. 1878.

[3]) Kinglake: «The invasion of the Crimea». Можно праздновать 50-тилѣтній юбилей этого капитальнаго сочиненія: оно началось въ 1863 г., а недавно вышли VII и VIII томы, гдѣ разсказъ доведенъ только до лѣта 1855 года.

[4]) «Etude diplomatique sur la guerre de Crimée (1852 à 1856) par un ancien diplomate». Pétersb. 1878, но написано гораздо раньше. Задержка произошла «по независящимъ отъ издателя причинамъ».

одною изъ ея сторонъ. Поведеніе Пруссіи наиболѣе нуждается въ объясненіи, по самой своей запутанности, на что уже обратилъ вниманіе «Историческій Вѣстникъ» [1]). Оно особенно поучительно для насъ теперь, когда мы ищемъ уроковъ исторіи, чтобы разобраться въ надвинувшемся туманѣ нѣмецкаго вопроса. А среди помянутыхъ изданій преобладаютъ нѣмецкія, въ которыхъ естественно обращается большое вниманіе на Берлинъ (Beust, Vitzthum v. Eckstädt, Ernst v. Saxen-Coburg, Poschinger, Natzmer, Dürckheim и др.).

Не доставало освѣщенія берлинскихъ подвиговъ со стороны дипломатіи, лежащей внѣ предѣловъ вліянія нѣмецкаго патріотизма. Оно явилось на дняхъ въ книгѣ «Пруссія и ея король въ Крымскую войну», съ которою мы и хотимъ познакомить читателя, стараясь при томъ, чтобы наиболѣе отчетливо обрисовался взглядъ Запада на Россію. Авторъ ея — французъ Ротанъ [2]). Онъ состоялъ тогда секретаремъ посольства въ Берлинѣ, при маркизѣ Мутье; потомъ занималъ самостоятельные дипломатическіе посты и видныя мѣста во Франціи. Ротанъ посвятилъ старческій досугъ вопросу о подготовкѣ седанскаго погрома и издалъ уже шесть томовъ, изъ которыхъ два удостоились академической преміи [3]). Теперь онъ остановился мимоходомъ на своихъ «дипломатическихъ воспоминаніяхъ», уступая патріотической страсти содѣйствовать разоблаченію бисмаркизма, который «стоилъ и еще долго будетъ стоить столькихъ слезъ, крови, жертвъ людьми и деньгами», который «скоситъ цѣлыя поколѣнія и разрушитъ цѣлыя государства». Новое сочиненіе Ротана написано, по обыкновенію, талантливо, прекраснымъ слогомъ, оживлено мѣткими характеристиками и сужденіями; но это — именно воспоминанія, нерѣдко лишенныя строгой хронологической послѣдовательности и соразмѣрности частей. Они важны также по документамъ, вошедшимъ частью въ текстъ, частью въ приложенія, составляющія четверть книги.

---

[1]) Въ его апрѣльской книжкѣ, въ статьѣ г. Татищева, говорится, въ заключеніе, о роли Пруссіи въ Крымской войнѣ кратко, насколько это входило въ задачу автора очертить внѣшнія отношенія между дворами петербургскимъ и берлинскимъ, при Николаѣ I.

[2]) Rothan: «La Prusse et son roi pendant la guerre de Crimée». Paris. 1888. 394 p. Въ Англіи изданы интересныя записки бывшаго министра Малмсбери. Сюда же относится сочиненіе Martin'a: «The life of prince consort».

[3]) «La politique française en 1866 u L'affaire du Luxembourg». Дальнѣйшія работы Ротана появляются въ видѣ статей. Мы ознакомили читателей «Историческаго Вѣстника» (1888 г., январь) съ тѣмъ, что появилось въ «Revue d'histoire diplomatique» за 1887 годъ.

I.

Востокъ и Западъ Европы.

Вторая половина XIX вѣка начиналась поистинѣ смутнымъ временемъ. Подъ напоромъ февральскаго переворота, окончательно разваливались вѣковыя начала, уже не разъ подвергавшіяся сомнѣнію. Смута замѣчалась во всѣхъ областяхъ жизни. Составъ общества представлялъ собой поднятое подъ пашню поле: сбитая сверху знать напрягала послѣднія усилія подняться, а побѣдоносное мѣщанство уже чувствовало подъ собой колебаніе почвы, взрываемой рабочими или «четвертымъ» сословіемъ. Въ умахъ пережитки средневѣковаго мистицизма и романтики, поддерживаемые метафизическими фантазіями, боролись съ крѣпнувшими зачатками реализма. Политическій вихрь сметалъ то консерваторовъ съ реакціонерами, то либераловъ съ радикалами. Вѣнскій договоръ, который считался надежною охраной вѣчнаго сна народовъ, былъ разорванъ, и его стражъ, Меттернихъ, сошелъ со сцены. Ихъ гнѣздо, Австрія, была спасена лишь политическимъ Deus ex machina, въ лицѣ императора Николая I, Пруссія спѣшила выдвинуться на ея счетъ, а Италія—освободиться изъ ея неволи. Франція, съ ея революціей и президентомъ-Наполеонидомъ, представляла странную загадку. Даже солидная Англія находилась въ разстройствѣ. Здѣсь разлагались старыя, аристократическія партіи: виги стали «либералами», торіи «консерваторами», душой первыхъ былъ ех-тори Пальмерстонъ, вторыхъ — ех-вигъ Дерби; было еще много «рекрутъ»-новичковъ, въ родѣ Дизраели, которые увеличивали смуту, не зная, куда приткнуться для быстрѣйшаго успѣха. Образовалось уродливое «коалиціонное» министерство, которое называли не безъ ироніи «министерствомъ всѣхъ талантовъ»: его главой былъ Абердинъ; внутренними дѣлами завѣдовалъ нетерпѣвшій ихъ Пальмерстонъ, а внѣшними — безхарактерный Кларендонъ.

Смута была тѣмъ тяжелѣе, что вовсе не были взвѣшены силы старыхъ и новыхъ началъ. Въ каждомъ лагерѣ производились ошибочные разсчеты. Сначала, казалось, что глубокій февральскій переворотъ тотчасъ вызоветъ суровую реакцію, долгое господство крайняго консерватизма, возрожденіе лопнувшаго Священнаго союза. У старины была готовая и, казалось, могучая опора—Востокъ Европы. Съ венгерской кампаніи открылась небольшая полоса въ политической исторіи, которую уже принято называть эпохой **Николая I**.

По свидѣтельству участниковъ событій, врядъ ли только-что почившій императоръ Вильгельмъ занималъ такое положеніе въ Европѣ, какъ русскій царь въ описываемое время. «Въ Берлинѣ и при нѣмецкихъ дворахъ,—говоритъ Бейстъ,—Николай I считался

какимъ-то высшимъ существомъ; въ Вѣнѣ необходимость его дружбы была аксіомой; даже въ Англіи признавали за нимъ право на извѣстное превосходство; а во Франціи всячески старались поддерживать въ немъ хорошее расположеніе духа». Кинглекъ замѣчаетъ: «Думали, что у Николая I до милліона солдатъ подъ рукой, и все храбрыхъ, крѣпкихъ, вымуштрованныхъ молодцовъ. Собирая время отъ времени большіе корпусы на своей западной границѣ, онъ тяготѣлъ надъ умами сосѣдей, давая имъ чувствовать свою силу. Окруженный шестидесятью милліонами, вѣрноподданническія чувства которыхъ граничили съ обожаніемъ, онъ, казалось, былъ недоступенъ паникѣ, ломавшей престолы на Западѣ, и смотрѣлъ свысока на трепетъ своихъ вѣнчанныхъ братьевъ, не снисходя до холоднаго покровительства дѣлу порядка и законности. На Западѣ, говорилъ онъ (манифестъ 1848 года), пусть-себѣ свирѣпствуетъ буря: волны не дерзнутъ даже брызгнуть пѣной на предѣлы святой Руси. Когда въ Австріи онъ смирилъ мятежниковъ и гордо, безъ наградъ, возвратилъ государство своему союзнику, Россія, казалось, достигла верха своего величія: люди должны были признать, что обширна ея мощь и что она дѣйствуетъ въ духѣ суровой добродѣтели, парящей на высотѣ, недоступной обыденному честолюбію». Не забудемъ, что это обаяніе величія поддерживалось при дворахъ «безпокойною дипломатіей, которая усердствовала, чтобы въ мірѣ только и было рѣчи, что о Россіи и ея могуществѣ». «Русская дипломатія»,—говоритъ Ротанъ,—«отличалась надменностью и мстительностью; она сразу переходила отъ ласки къ угрозамъ. Въ ея тактику входило поражать воображенія и озадачивать правительства театральностью».

Немудрено, что Николай I считалъ себя Зевсомъ среди Олимпійцевъ. «Онъ смотрѣлъ на монарховъ Австріи и Пруссіи, какъ на своихъ вассаловъ, говоритъ Фицтумъ. Онъ хвастался, что вполнѣ увѣренъ въ первой, а второй не удостоивалъ даже упоминанія: само собою разумѣлось, что въ Берлинѣ будутъ повиноваться каждому его мановенію. Въ поразительномъ ослѣпленіи забывалъ онъ господина своего хорошаго друга[1]) и Францію, совсѣмъ погрязшую, по его мнѣнію, въ трясинѣ революціи. Общественное мнѣніе (насколько можно говорить о немъ въ Россіи) поддерживало въ немъ убѣжденіе, что вся Европа гибнетъ отъ революціи и что государямъ и народамъ придется умолять бѣлаго царя защитить ихъ жизнь и достояніе своею мощною рукой. Это самообольщеніе повторялось всюду съ величайшею наивностью, и никакою лестью нельзя было больше угодить бѣлому царю».

[1]) Monsieur mon bon ami. Такъ величали монархи Европы президента Соединенныхъ Штатовъ, тогда какъ другъ другу они говорили Monsieur mon frère. Такъ же называлъ Николай I Наполеона III въ своихъ оффиціальныхъ бумагахъ.

Оно поддерживалось петербургскою обстановкой. Здѣсь иностранные представители чуть не раболѣпствовали. Нечего и говорить про прусскаго посланника, генерала Рохова, котораго называли «куртизаномъ царя». По словамъ Фицтума, этотъ дипломатъ-солдатъ, «добродушный, прямой, хотя и не важный въ государственномъ смыслѣ, такъ сжился съ мыслями императора, что тотъ любилъ болтать съ нимъ, часто думалъ вслухъ при немъ и больше довѣрялъ ему, чѣмъ собственнымъ министрамъ. Нерѣдко случалось, что когда Николай I сообщалъ Рохову важныя политическія рѣшенія, тотъ просилъ у него позволенія увѣдомить о нихъ канцлера». Значеніе Рохова объяснялось еще положеніемъ Нессельроде, миролюбіе, сдержанность и разсудительность котораго принуждены были стушевываться, а также вліяніемъ императрицы: «дочь Фридриха-Вильгельма III оставалась прусскою принцессой на русскомъ престолѣ». Но даже высокородный, дѣльный, опытный и невозмутимый представитель Англіи, Сеймуръ, попалъ на этотъ постъ по желанію царя, которымъ онъ давно восторгался. Николай I откровенно бесѣдовалъ и съ нимъ, какъ со своимъ «другомъ и джентльменомъ», тѣмъ болѣе, что онъ считалъ своимъ поклонникомъ и его начальника, вялаго, скромнаго Абердина, который, подобно Пилю, благоволилъ къ греческой церкви и до того былъ миролюбивъ, что увѣрялъ всѣхъ, что ненавидитъ войну и не допуститъ ея. Тогда и всякому могло казаться побѣдой Петербурга низверженіе, въ концѣ 1852 года, дружнаго съ Франціей торійскаго министерства и переходъ Пальмерстона отъ иностранныхъ дѣлъ къ внутреннимъ. Что же касается французскаго посланника, Кастельбажака, то это былъ солдатъ съ ребяческою наивностью и парижскою любезностью, который изумлялся величію царя и принималъ за чистую монету фразу своего повелителя: «имперія есть миръ». Онъ даже первый прибѣжалъ поздравить Николая I съ Синопскою побѣдой. Царь любилъ отводить душу съ безхитростнымъ угодникомъ, когда его англійскій другъ передавалъ ему что-нибудь непріятное изъ Лондона.

Увѣренность во всеобщемъ ничтожествѣ и миролюбіи, въ соединеніи съ наставшею перемѣной въ нравѣ, которую на Западѣ пытались объяснить отчасти наслѣдственностью, обольщали воображеніе. «Эпоха Николая I» склонялась къ тому, чтобы русскій царь, съ помощью своихъ вассаловъ въ Германіи и своего друга, Абердина, разомъ и безъ крови рѣшилъ, какъ судьбу Турціи, которую онъ называлъ «умирающимъ больнымъ» уже съ своего посѣщенія Англіи въ 1844 году, такъ и судьбу революціи, въ лицѣ ея исчадія, Наполеона III, вліянію котораго онъ приписывалъ и блѣдныя проявленія либерализма въ Россіи. Роковую ошибку насчетъ Англіи могъ бы предупредить нашъ посланникъ въ Лондонѣ, Брунновъ, котораго Фицтумъ называетъ «безспорно самымъ даровитымъ» изъ тогдашнихъ дипломатовъ материка въ Англіи. Но этотъ «допотоп-

ный гиппопотамъ» съ виду и пресловутый стилистъ въ литературѣ высокихъ договаривающихся сторонъ «принадлежалъ къ старой школѣ: онъ притворялся добродушнымъ и льстилъ по правилу не въ мѣру». Бисмаркъ мѣтко писалъ о немъ въ 1856 году: «Бринновъ, редакціонный талантъ котораго я цѣню, въ своемъ разговорѣ не утвердилъ своей репутаціи. Онъ слишкомъ выдаетъ свое желаніе поддѣпить человѣка и свои мысли самымъ стараніемъ скрыть ихъ. Его тонкости шиты бѣлыми нитками. Онъ слишкомъ полагается на свои средства обольщенія и даетъ угадывать свои намѣренія». Дипломатъ старой школы такъ втянулся въ свое ремесло, что примѣнялъ тѣ же средства къ своему собственному двору. Еслибы онъ и понималъ англичанъ глубже, чѣмъ его соплеменники, то не посмѣлъ бы прогнѣвить своего повелителя противорѣчіемъ: онъ поддерживалъ въ немъ убѣжденіе, что Англія никогда не пойдетъ противъ Россіи, въ особенности же въ союзѣ съ Франціей.

Но всѣ ошиблись, что̀ и привело окончательно къ жалкой путаницѣ, которую представляетъ Крымская война. «Эпоха Николая» оказалась мимолетною, случайною, какъ все внѣшнее. На Западѣ соображали, что если русскій царь мечталъ о роли Людовика XIV и Наполеона I, то онъ долженъ былъ испытать и ихъ судьбу: тамъ должны были возродиться тѣ чувства, которыя приводятъ къ коалиціямъ съ тѣхъ поръ, какъ Европа стала цѣльнымъ организмомъ.

«Больной человѣкъ» вдругъ сталъ европейскимъ вопросомъ. До тѣхъ поръ Западъ мало вникалъ въ русско-турецкія отношенія, далекія отъ его прямыхъ интересовъ. Касательно «райи» онъ довольствовался тѣмъ, что Россія заботится объ исполненіи Портой статьи Кайнарджійскаго договора въ пользу христіанъ. Турція лишь въ силу консерватизма Вѣнскаго трактата считалась частью общей стистемы: «мы должны сохранять за Портой то, что̀ остается», писалъ Меттернихъ въ 1842 году. Фридрихъ Вильгельмъ IV, вступивши на престолъ, хлопоталъ о союзѣ съ Россіей, Австріей и Англіей для защиты султана противъ египетскаго паши, въ особенности же противъ его опоры, Франціи. Но послѣ венгерской кампаніи стала страшна уже не ослабленная революціей Франція, а Россія — и Западъ вдругъ понялъ, что Турція вовсе не «умирающій»: всѣ увидѣли, что необходимо отстаивать цѣлость Порты и поддержкой ея христіанъ отнять у Россіи ту нравственную силу, ту правду, которая могла объяснять ея политику въ Восточномъ вопросѣ. Въ то же время Западъ поднимался противъ Россіи и на другихъ поприщахъ: въ германскихъ дѣлахъ Англія и Франція склонились на сторону Пруссіи лишь потому, что Николай I покровительствовалъ Австріи. А главное—онѣ стали вождями новаго міровоззрѣнія.

Времена измѣнились. Длившаяся цѣлое поколѣніе борьба между

двумя началами не осталась безплодной: требовался окончательный разсчетъ. Новое направленіе почувствовало свои силы: въ глазахъ интеллигенціи, «консерватизмъ» Меттерниха сталъ ретроградствомъ, а «либерализмъ»—жизненнымъ, прогрессивнымъ началомъ. Руководимый окрѣпшимъ общественнымъ мнѣніемъ съ его могущественною печатью, Западъ считалъ хозяйничанье одного государства въ дѣлахъ другого недозволительнымъ анахронизмомъ. Ему становилась сочувственна Порта, какъ бы поворачивавшая на его путь: и въ ней проявлялся либерализмъ въ лицѣ «юной Турціи» Фуада-паши и выходцевъ изъ Польши и Венгріи; она добровольно издала гатти-шерифъ въ пользу райи. Даже въ Бѣлградѣ надъ массой, называвшей Николая I «нашимъ императоромъ», поднималась «юная Сербія», которая воспитывала въ себѣ, въ Парижѣ и Вѣнѣ, мечту о независимой жизни отечества на западныхъ началахъ: тамъ уже тогда смѣняли, по требованію Петербурга, «зараженныхъ» министровъ, но передавали ихъ портфели ихъ же друзьямъ. Все русское становилось особенно ненавистно сильнѣйшимъ и передовымъ державамъ—Англіи, этому древнему очагу свободы, и Франціи, которая гордилась своею новою революціей. Вдумчивые люди чувствовали, что должна возгорѣться отчаянная борьба изъ-за высшихъ благъ развитія всего человѣчества.

Это необходимо имѣть въ виду, чтобы не объяснять великихъ событій ничтожными причинами, чтобы не смѣшивать содержанія съ оболочкой и вѣчной правды съ ходячимъ безправіемъ, чтобы не впадать въ ничего не объясняющій пессимизмъ. Тогда получатъ иной смыслъ такіе несомнѣнные и сбивающіе съ толку факты, какъ грубый эгоизмъ Запада въ Крымскую войну и непригядность его вождей. Только тогда можно безъ опасеній за нравственное достоинство человѣка подписаться подъ старою философіей, вновь прекрасно выраженною въ только-что вышедшемъ сочиненіи Ренана о судьбахъ Израиля: «исторія вовсе не есть вознагражденная добродѣтель; напротивъ, человѣкъ наказуется за его добро и награждается за его зло». Исторія — іезуитъ: оттого такъ безпримѣренъ успѣхъ творенія испанскаго монаха и его свѣтскаго сотоварища, флорентійскаго дипломата. Она любитъ выбирать недостойныя средства для своихъ великихъ цѣлей. Пальмерстонъ нравственно былъ олицетвореніемъ худшихъ сторонъ Джона Буля: онъ видѣлъ даже въ своемъ пріятелѣ, Наполеонѣ III, лишь бездушное орудіе для загребанія золота со всего свѣта. Но за нимъ хоть стояла великая нація, умѣющая претворять это золото въ блага цивилизаціи. И не онъ, а «человѣкъ 2-го декабря», былъ душой борьбы Запада съ Востокомъ. А этотъ человѣкъ былъ новымъ воплощеніемъ стараго, какъ исторія, личнаго и династическаго эгоизма. Недаромъ племянникъ подражалъ дядюшкѣ: при великой разницѣ въ размѣрахъ, соотвѣтственно вызвавшимъ ихъ переворотамъ, у этихъ дѣятелей

схожее историческое положеніе; и подражатель продержался даже немного долѣе, чѣмъ его образецъ. Оба были «исчадіями революціи» и героями величайшаго историческаго подлога. Сами преслѣдуя самую узкую, обыденную цѣль «дѣлателей» исторіи, они были слѣпымъ орудіемъ создавшей ихъ силы, вызывая обожаніе однихъ и ненависть другихъ. Оба разбивали устои старины, искореняли пережитки феодализма, расчищали путь прогрессу, пользуясь новыми силами; оба воображали обмануть исторію, воскрешая древній порокъ на развалинахъ, и кончили Ватерло и Седаномъ. Быть можетъ, къ Наполеонамъ и Бисмаркамъ слѣдуетъ прилагать мѣрку не человѣческую, а механическую, какъ къ необходимымъ историческимъ молотамъ.

«Человѣку 2-го декабря» была полезна роль исчадія революціи такъ же, какъ и его дядѣ: онъ радовался, что Николай I ненавидѣлъ его, а Фридрихъ-Вильгельмъ IV прусскій считалъ его другомъ Кошутовъ и Мадзини. Только расцвѣтавшая сила новыхъ началъ могла утвердить его окровавленный престолъ — и тогда онъ, конечно, удостоился бы названія «брата» со стороны русскаго царя, какъ предрекалъ дальновидный Шварценбергъ [1]). Наполеонъ III льстилъ еще, тогда тщеславнымъ, французамъ, возвѣщая устами Персиньи, что намѣренъ перенять у Николая I роль «диктатора Европы». Но чтобы задать «европейское 2-е декабря», требовались уже не десятки тысячъ парижскихъ жертвъ, а сотни тысячъ жертвъ европейскихъ. Отсюда праздное препирательство между историками двухъ націй: англичане негодуютъ на Наполеона III, а французы—на Пальмерстона, какъ на Мефистофелей, вовлекшихъ ихъ въ ужасы Крымской войны. Неопровержимъ фактъ, что лѣтомъ 1853 года, тайкомъ отъ всего міра и отъ собственныхъ націй, словесно, безъ чернильнаго слѣда, состоялось роковое «сердечное согласіе» между двумя политическими авгурами съ обоихъ береговъ Канала, которые рѣшились обмануть свѣтъ и старались провести другъ друга.

Проводимый нами взглядъ на соотношеніе между содержаніемъ и формой въ исторіи прекрасно поясняется фактомъ, безъ котораго не обходятся описанія Крымской войны. Въ числѣ кажущихся странностей, окружающихъ это величавое событіе, находится такое мелкое недоразумѣніе, какъ вопросъ о замѣнѣ родственнаго «Monsieur mon frère», въ сношеніяхъ между вѣнценосцами, довольно теплымъ словечкомъ «Mon bon ami». Но тутъ-то и выясняется, что международные титулы вовсе не то, что «гусакъ» въ партикулярныхъ

---

[1]) Его замѣчательное письмо, по этому поводу, къ Нессельроде приведено у Фицтума (I, 10—11). Тотъ же взглядъ высказалъ Бисмаркъ въ 1857 году, см. Poschinger: «Preussen im Bundestage», IV, 274 sq.

сношеніяхъ обывателей. Напрасно даже сто лѣтъ тому назадъ [1]) подобные вопросы казались анахронизмомъ передовымъ умамъ. Въ данномъ случаѣ, въ спорѣ о титулѣ своеобразно выразилась борьба двухъ міровоззрѣній. Онъ очень поучителенъ и любопытенъ. Важно уже то, что самъ Николай I чувствовалъ необходимость объясниться. Киселевъ заявилъ министру Друэнъ де-Люису, въ Парижѣ, что поступокъ царя указываетъ «лишь на разницу въ основахъ двухъ правительствъ» и что «тутъ не больше, какъ археологическій вопросъ о происхожденіи верховной власти въ Россіи, строй которой не дозволяетъ считать братьями государей, права которыхъ вытекаютъ изъ другого источника—именно изъ воли народа». Ему отвѣчали: «Вы установляете несуществующія у насъ различія между монархами. Но это значитъ притязать на установленіе международныхъ отношеній по государственному праву лишь одного извѣстнаго государства. Такое притязаніе поселяетъ смуту въ умахъ и безпорядокъ въ международныхъ сношеніяхъ. Что изъ этого выйдетъ? Пропаганда. Но пропаганда на весь міръ — опасная вещь, какъ доказываетъ опытъ. Въ 1792 году, Франція вздумала поставить внѣ общаго закона государства, которыя не принимали ея частныхъ принциповъ. Угодно ли Россіи взяться теперь за пропаганду иного рода?.. И что будетъ, если вспыхнетъ война за господство между правительствами волею народа и правительствами иного происхожденія? Можно ли ручаться, что успѣхъ останется на сторонѣ послѣднихъ?.. Вы ссылаетесь на щепетильную вѣрность историческимъ преданіямъ. Но кто естественный истолкователь преданій? Конечно, самые древніе дворы Европы. Позвольте же замѣтить вамъ, что петербургскій дворъ слишкомъ молодъ, чтобы надѣяться на преобладающій вѣсъ въ этомъ вопросѣ... Когда дворы Бурбоновъ, Австріи, Саксоніи, по собственному почину, принимаютъ монарха Франціи, какъ брата, какимъ образомъ Россія смущается и подымаетъ палеографическіе вопросы?.. Александръ I не называлъ ли братомъ Наполеона I, который былъ обязанъ короной собственному достоинству и волѣ народа? Почему же императоръ Николай, столь вѣрный несовсѣмъ пріятнымъ для насъ воспоминаніямъ, забываетъ пріятное вамъ семейное преданіе? Ужъ не потому ли, что Наполеонъ I присоединилъ къ тремъ милліонамъ голосовъ обаяніе многихъ побѣдъ? Но выдвигать такую разницу не дозволяютъ ни благоразуміе, ни справедливость» [2]).

Можно себѣ представить, какъ эти слова уязвили сѣвернаго диктатора Европы, тѣмъ болѣе, что они разверзали цѣлую бездну

---

[1]) О значеніи государственнаго титула, особенно въ XVIII вѣкѣ, см. нашу статью въ «Historische Zeitschrift» Зибеля за 1875 годъ.

[2]) Этотъ документъ (депеша Друэна Кастельбажаку) помѣщенъ въ интересномъ сочиненіи бывшаго посланника, d'Harcourt: «Les quatre ministères de M. Drouyn de Lhuys».

между воззрѣніями и обычаями Востока и всего Запада Европы. Николай I долженъ былъ почувствовать свое полное одиночество въ семьѣ «братьевъ» и предвидѣть исходъ кроваваго рѣшенія вопроса, еслибы завистливая судьба потребовала его. Ему было извѣстно, что забытыя Друэномъ силы высказались также противъ него. Какъ онъ ни обольщался дружбой своего воображаемаго орудія, Абердина, отъ него не могла совсѣмъ укрыться назойливая интрига, которая извивалась тогда въ Лондонѣ въ лицѣ безцеремоннаго, даровитаго, предпріимчиваго карьериста, Пальмерстона, заводчика смутъ на презрѣнномъ материкѣ, выгодныхъ для честолюбцевъ. Этотъ пылкій enfant terrible правительствъ въ 69 лѣтъ, уже лѣтъ 18 заправлявшій дипломатіей, только и думалъ о томъ, какъ бы захватить мѣсто своего миролюбиваго товарища и бросить несносныя внутреннія дѣла: его стихіей была та колоссальная и наиболѣе выгодная для карьериста интрига, именуемая дипломатіей, нити которой ускользнули у него изъ рукъ въ 1851 году, вслѣдствіе его неслыханной дерзости. Тогда онъ оффиціально призналъ Наполеона III, вопреки приказу своей королевы и безъ вѣдома своихъ товарищей по министерству. Англійскій Макіавель разсчитывалъ пользоваться, въ видахъ своего властолюбія, силами Франціи, льстя династическимъ замысламъ гамскаго проходимца. При ничтожествѣ остального материка, онъ надѣялся, такимъ образомъ, именно обуздывать порывы петербургскаго диктатора и захватить его роль въ Европѣ.

Николаю I было извѣстно другое, еще болѣе обидное, обстоятельство. Въ вопросѣ о титулѣ ему измѣнила послѣдняя, и самая надежная, опора — Пруссія. Не даромъ онъ, по словамъ Кинглека, «говорилъ о своемъ шуринѣ съ безжалостнымъ презрѣніемъ за его слабость и потому не бралъ Пруссіи въ разсчетъ при своихъ планахъ». Фридрихъ Вильгельмъ IV, хваставшій, что онъ — такой же солдатъ, какъ его зять, поспѣшилъ признать Наполеона III императоромъ! Николай I сказалъ Фицтуму, топнувъ ногой: «Онъ никогда не знаетъ, чего хочетъ. Это — не король: онъ портитъ наше ремесло... Почва минирована подъ моими ногами точно также, какъ подъ вашими. У насъ общій интересъ, одинъ общій врагъ — революція. Если приласкивать ее, какъ въ Берлинѣ, пламя быстро охватитъ всѣхъ. Здѣсь покуда ничего не боюсь. Пока я живъ, не шевельнутся: я, вѣдь, солдатъ, а мой шуринъ никогда имъ не былъ». А Бейсту императоръ говорилъ съ горькой ироніей: «видите, я ужъ не говорю о политикѣ съ моимъ прусскимъ шуриномъ: онъ, съ своими идеями, до того выше меня, что подлѣ него я самъ себѣ кажусь глупцомъ».

Николай I и здѣсь ошибался. Онъ не понималъ ни своего шурина, ни, тѣмъ болѣе, положенія Пруссіи.

II.

Король Фридрихъ Вильгельмъ IV и русскій царь.

Въ виду описанной смуты, напрасно упрекаютъ Пруссію въ нерѣшительности и лицемѣріи. Въ ея положеніи ей и Богъ велѣлъ вертѣться пѣтушкомъ на крышѣ. Въ силу географическихъ и историческихъ условій, она всегда вела такую политику, прерывая ее повременамъ, какъ юное государство, дерзкими, революціонными выходками. Берлинъ во многомъ напоминалъ Москву. Заброшенный среди сильныхъ сосѣдей, онъ нуждался во внутреннемъ сплоченіи и военщинѣ, въ ущербъ гражданской свободѣ, а также въ хитрости, этомъ орудіи слабыхъ. Все это онъ выработалъ и безъ монгольщины. При удобномъ случаѣ, онъ вдругъ задавалъ Мамаево побоище какому-нибудь сосѣду; потомъ опять изворачивался, ухищрялся всѣхъ провести, унижался и получалъ ярлыкъ на царство то въ Вѣнѣ, то въ Парижѣ или Петербургѣ. Такова и непрерывная династія, безъ которой немыслимъ Берлинъ. Въ противоположность своему сопернику, флегматическому, величавому Габсбургу, Гогенцоллернъ—сангвиникъ, любитель большой игры, самонадѣянный громитель своихъ и чужихъ; въ то же время это—практикъ, столь же прозаичный, какъ песчано-болотная природа Пруссіи: онъ взвѣшиваетъ все до мелочей, выжидаетъ, экономитъ до цинизма. Свободный отъ идеаловъ, онъ любитъ и умѣетъ вертѣть людьми, играя на ихъ слабостяхъ, на низкихъ побужденіяхъ. Таковъ былъ и Фридрихъ II, то отважный революціонеръ и полководецъ, то хитрая лиса дипломатіи, которая первая смѣкнула, что для упроченія династической властной руки пришло время играть на національной стрункѣ. Эта новая пѣсня опредѣлилась при его второмъ преемникѣ, Фридрихѣ Вильгельмѣ III, который такъ же изворачивался передъ Наполеономъ I, какъ Фридрихъ Вильгельмъ I передъ Петромъ I. Онъ мечталъ даже добиться «сѣвернаго императорства» путемъ хитроумнаго нейтралитета. Но съ Наполеономъ нельзя было шутить: попользовавшись дружбой Гогенцоллерна, онъ разгромилъ его такъ, что тому пришлось начинать съизнова. Фридрихъ Вильгельмъ III схватился за руку спасенія, поданную ему изъ Петербурга, и завѣщалъ сыну быть неразлучнымъ съ Россіей. Онъ сталъ, заодно съ Габсбургомъ, истреблять либерализмъ, который завелся и въ Германіи; а національная арія была подхвачена имъ въ видѣ Таможеннаго Союза. Но «фатерландъ» волновался, одинаково ненавидя и Вѣну, и Берлинъ, за ихъ ретроградство. Въ эту-то тяжелую минуту, въ 1840 году, Фридриху Вильгельму III наслѣдовалъ его сынъ.

Фридрихъ Вильгельмъ IV, подобно своему отцу, одинъ изъ эпигоновъ гогенцоллернскаго рода; но и въ немъ ясны обѣ основы фамильнаго типа: оттого портретъ его раздваивался у историковъ; теперь онъ освѣщенъ множествомъ вѣрныхъ данныхъ. Фридриху Вильгельму IV было 45 лѣтъ при воцареніи: Гогенцоллерны отличались долговѣчностью. Но онъ не производилъ впечатлѣнія полной зрѣлости. Въ ту смутную эпоху и сильная натура подвергалась соблазну «двоевѣрія», какъ говорилось у насъ въ старину; а Фридрихъ Вильгельмъ IV былъ личностью обыденною: даже преданный престолу Ранке называетъ правленіе этого «геніальнаго» монарха «шаткимъ и ложно-направленнымъ». Съ виду это былъ горячій, болтливый и отважный фантазеръ, который называлъ себя прямымъ солдатомъ, наивно гнѣвался на непонимавшихъ его и до того восторгался Фридрихомъ II, что любилъ пребывать въ С.-Суси и Потсдамѣ. Въ частной жизни добрый, одутловатый бюргеръ, невинный доктринеръ, діалектикъ и остроумецъ, любившій изливаться и на письмѣ дѣтски-солдатскимъ слогомъ, съ нагроможденіемъ подчеркиваній и восклицательныхъ знаковъ [1],—на дѣлѣ онъ былъ упрямымъ властолюбцемъ, притворнымъ практикомъ, осторожнымъ до трусливости дипломатомъ. Долго изучавшій его вблизи, Мутье восклицалъ въ отчаяніи: «Кто постигнетъ глубину сердецъ?»—по поводу «этого государя, такого подвижнаго, неуловимаго и, въ то же время, столь упорнаго въ мнѣніяхъ, такого словоохотливаго и, въ то же время, столь скрытнаго». Онъ писалъ Друэну послѣ первой аудіенціи: «Меня поразили въ немъ нестолько нескладица рѣчи, безпорядокъ мыслей и недостатокъ логики, сколько ложность основныхъ понятій, такъ что не за что схватиться при обсужденіи дѣла. Онъ выслушиваетъ возраженіе, представляется изумленнымъ, произноситъ нѣсколько одобрительныхъ словъ, а затѣмъ подхватываетъ собственную рѣчь — и выходитъ длинный монологъ съ самимъ собой, словно онъ знать не хочетъ, что съ нимъ несогласны». Герцогъ саксенъ-кобургскій дорисовываетъ портретъ: «У короля не сходили съ языка слова дружбы, вѣрности, признательности; онъ представлялъ эти добродѣтели единственною основой своей политики; но это-то и поселяло сомнѣніе въ его искренности болѣе, чѣмъ онъ того заслуживалъ. Всѣ видѣвшіе короля ежедневно, подомашнему, подтверждаютъ постоянное противорѣчіе между его мыслями и поступками. Онъ не заботился о томъ, соотвѣтствуютъ ли его

[1]) Для характеристики Фридриха Вильгельма IV драгоцѣнна его переписка съ Бунзеномъ. Она перепечатана недавно въ новомъ томѣ сочиненій Ранке (Zur Geschichte Deutschlands und Frankreichs im XIX Jahrhundert, 1887), гдѣ впервые помѣщены также интересныя политическія «Мнѣнія» историка, поданныя королю въ 1848—1851 годахъ. Сами нѣмцы удивляются, какъ рѣшился Ранке обнародовать письма, въ которыхъ ясны слѣды болѣзненности его вѣнчанаго покровителя.

слова мѣрамъ его правительства. Ему только высказывать бы свое остроуміе, словно на университетскомъ диспутѣ. У него было достаточно терпимости и хорошаго тона, чтобы почти не давать чувствовать своего сана лицамъ, которыя обсуждали съ нимъ неисчерпаемыя задачи религіи, политики и науки. Онъ обладалъ талантомъ излагать свои положенія кратко, цвѣтистымъ, образнымъ языкомъ. Затѣмъ, какъ живописецъ, онъ становился на противную точку зрѣнія, заботясь лишь о впечатлѣніи своихъ словъ. Не обладая глубокими познаніями, требующими долгаго, серьезнаго изученія, онъ изумлялъ собесѣдниковъ обширностью своихъ свѣдѣній и мѣткостью сужденій. Не разъ онъ высказывалъ крайнее добродушіе, но въ послѣдніе годы бывалъ тяжелъ и безсиленъ подавлять порывы нетерпѣнія. Приказы и ихъ отмѣна слѣдовали другъ за другомъ, и этотъ недостатокъ рѣшимости и соображенія былъ истинною пыткой для него самого. Онъ старался доводами обольщать и оправдывать себя въ собственныхъ глазахъ. Противорѣчія ума отражались на его личности. При громкомъ и чистомъ голосѣ, онъ отличался тучностью и нетвердою, порывистою походкой. Подконецъ, онъ подвергался припадкамъ запальчивости, не могъ сдерживать гнѣва. Но послѣ припадка наступала реакція: онъ слабѣлъ; его тѣло опускалось; онъ прикладывалъ руку къ покрытому потомъ лбу, и его лицо принимало видъ безпомощнаго изнеможенія».

Всесторонній ученый, философъ въ собственныхъ глазахъ и артистъ въ душѣ, Фридрихъ Вильгельмъ IV любилъ меценатствовать. Онъ украсилъ свой дворъ такими историками, какъ Ранке и Раумеръ, и такими художникаии, какъ Корнеліусъ и Раухъ, а Александра Гумбольдта сдѣлалъ своимъ безотлучнымъ камергеромъ. Но поэты и философы вели войну съ нимъ. Онъ послужилъ предметомъ одного изъ самыхъ злыхъ стихотвореній Гейне—«Новый Александръ». Штраусъ назвалъ его, подъ видомъ Юліана Отступника, «романтикомъ на тронѣ и дилетантомъ, который воображаетъ остановить непреодолимый ходъ человѣчества своимъ ретрограднымъ энтузіазмомъ»; а въ предисловіи онъ прямо заявилъ, что «никого такъ не ненавидѣлъ, какъ прусскаго короля, Фридриха Вильгельма IV».

Этотъ король, который не могъ обходиться за обѣдомъ безъ бесѣдъ съ питомцемъ идей 1789 года, Гумбольдтомъ, былъ пропитанъ духомъ среднихъ вѣковъ. Его ретроградство отличалось фантастическимъ оттѣнкомъ временъ рыцарства и Гогенштауфеновъ, съ которымъ изумительно уживались гогенцоллернскія преданія. «Мое евангелическое и старопрусское сердце»! — восклицалъ онъ, ударяя себя въ грудь. «Честь или безчестье евангелическаго исповѣданія—моя собственная честь или безчестье; я христіанинъ, и именно евангелическій, не по имени только, но душой и тѣломъ. **Истина** побѣждаетъ! Эта истасканная фраза — чистая ложь. По-

бѣждаетъ только любовь Христа, воплотившагося Слова». Такъ проповѣдовалъ вѣнчанный богословъ и мучился надъ догматомъ о безгрѣшномъ зачатіи, сочинялъ литургію съ нашею херувимскою[1]), собирался послать миссіонеровъ въ Китай, чертилъ планы часовни въ св. мѣстахъ. Съ особымъ усердіемъ отыскивалъ онъ «камни для новаго зданія», а попросту—для сліянія протестантскихъ толковъ въ духѣ узкаго гогенцоллернскаго кальвинизма, въ эпоху, когда у нѣмцевъ былъ поставленъ вопросъ о самомъ Откровеніи. Впрочемъ, король самъ называлъ свои затѣи, вызывавшія улыбки, особенно у англичанъ, «сномъ въ лѣтнюю ночь». Онъ больше придавалъ значенія появившейся тогда книжкѣ Гладстона о подчиненіи церкви государству: подобно другому богослову въ коронѣ, Генриху VIII, ему хотѣлось самолично распорядиться съ «новымъ зданіемъ».

Тѣмъ болѣе мечталъ онъ объ отрезвленіи человѣчества отъ новыхъ вѣяній, которые казались ему сущимъ безбожіемъ, особенно послѣ покушенія на его жизнь (1844 г.). Король писалъ своему посланнику въ Лондонѣ, Бунзену, въ 1847 г.: «Теперь дѣло въ томъ, что станется съ язвой радикализма, съ этой сектой, которая сознательно отвергаетъ христіанство, Бога, всякое установленное право, всѣ божескіе и человѣческіе законы?» Въ его головѣ все перемѣшивалось въ наборѣ крѣпкихъ словъ: либерализмъ, эта «сущая сухотка спиннаго мозга», казался ему «отвратительнѣйшимъ отродіемъ полнаго безбожія» и «глупостями, которыя суть ничто, ничто и ничто иное, какъ краткій переходъ къ радикализму вѣроломства». Король чуть не сходилъ съума при мысли, что «эта пагуба пройдетъ изъ Франціи и Швейцаріи черезъ всю Европу до глубины Польши и Россіи». Особенно ненавистна была ему Франція, какъ пропащая страна, какъ источникъ заразы и творецъ чудовища, которое, онъ лично видѣлъ это въ дѣтствѣ, опозорило его родителей. Онъ называлъ даже іюльскую монархію «безчестнымъ знаменемъ», т. е. плодомъ революціи. Когда вспыхнула февральская революція, негодованію короля не было предѣловъ: она отняла у него крошечный, населенный французами, Невшатель, признаніе независимости котораго, въ 1857 г., содѣйствовало умственному разстройству берлинскаго пріобрѣтателя земель. Фридрихъ Вильгельмъ IV воскликнулъ: «Не потерплю, какъ прусскій офицеръ и Гогенцоллернъ до мозга костей! Тутъ мнѣ извѣстно одно только лѣкарство—знакъ св. креста на груди и на лбу». Когда воцарился Наполеонъ III, это «воплощеніе революціи», къ которому тотчасъ «поступила на службу» Австрія, признавшая его императоромъ, прусскій король первый заговорилъ съ яростью о крестовомъ походѣ монархизма

[1]) Интересныя для насъ свѣдѣнія объ этомъ см. въ указанномъ сочиненіи Ранке, стр. 410.

противъ «бѣшенаго звѣря». Впрочемъ, памятуя расправу дядюшки съ Берлиномъ за его макіавелизмъ, онъ весьма хладнокровно требовалъ, чтобы ему обезпечили его владѣнія; а затѣмъ самъ призналъ племянника.

Мало того. «Романтику на тронѣ» пришлось и у себя дома уступать «сухоткѣ», которая овладѣвала нѣмцами, особенно благодаря дружному натиску печати и каѳедръ. Сначала онъ думалъ извернуться посредствомъ подлога: преданный Ранке восторгался его мечтой — «возродить міръ въ консервативномъ духѣ, но съ соблюденіемъ истинно-свободнаго развитія». На простомъ языкѣ это значило пожаловать вѣрнымъ пруссакамъ средневѣковое сословное представительство на религіозно-феодальной подкладкѣ. Самъ изобрѣтатель этого средства хорошо объяснилъ его: «что касается напяливанія современнаго конституціонализма, то я самъ стою за знамя нѣмецкой свободы, но только не за либеральныя глупости». Однако, пришлось дать и настоящую конституцію, подъ давленіемъ берлинскихъ баррикадъ. «Только никогда не преклоню главы предъ демократіей»,—утѣшалъ король своего друга—и сохранилъ за собой безнадзорную власть надъ войскомъ и финансами.

Но все-таки то была конституція: въ парламентѣ заговорили о такихъ дессертахъ свободы, какъ, напр., отмѣна цензуры. Нужно было отвлечь вниманіе пруссаковъ отъ внутреннихъ дѣлъ и возстановить среди нѣмцевъ подорванное довѣріе къ Гогенцоллернамъ. Отсюда трогательная внимательность къ національной идеѣ, которою увлекался тогда всенѣмецкій парламентъ во Франкфуртѣ: тевтонамъ было возвѣщено, что Пруссія желаетъ великодушно «расплыться въ свободномъ фатерландѣ», впрочемъ, «со своимъ королемъ во главѣ». Извѣстно, какъ, вслѣдъ затѣмъ, Гогенцоллернъ отвергъ конституціонную императорскую корону, хотя и «въ 12-й часъ», по обыкновенію не зная раньше, на что рѣшиться. Безподобны и безпримѣрны, по своей солдатской искренности, признанія, вылившіяся тогда изъ-подъ его пера: «Законному ли королю Божіей милостью, да еще прусскому королю, принять *эту* корону, насквозь пропитанную вонью (Ludergeruch) глупѣйшей, нелѣпѣйшей, гадчайшей, только, слава Богу, не злѣйшей революціи нашего вѣка—революціи 1848 года! Обратиться ли ему въ дурака съ ошейникомъ, дѣлающимъ его рабомъ народной державности и революціи!.. Если кто можетъ жаловать тысячелѣтнюю корону нѣмецкой націи, такъ это—*я* и мнѣ подобные: и горе тому, кто посягнетъ на непринадлежащее ему!.. Мое честолюбіе теперь—стать эрц-полководцемъ Германіи для водворенія порядка. Противъ демократа подавай солдата!» И Гогенцоллернъ образцово исполнилъ роль архиэкзекутора въ отечествѣ: онъ водворилъ порядокъ тѣми самыми войсками, которыя наканунѣ смотрѣли, сложа руки, на пораженіе нѣмецкой идеи въ Шлезвигѣ. А для исцѣленія пруссаковъ отъ

«сухотки» было назначено реакціонное министерство Мантейфеля.

Гогенцоллернъ терялъ последнія симпатіи. Самъ онъ говорилъ: «передъ 1848 годомъ мой народъ готовъ былъ съѣсть меня отъ любви; теперь же онъ сожалѣетъ, что не сдѣлалъ этого». А Габсбургъ пользовался случаемъ. Былъ возстановленъ Нѣмецкій Союзъ подъ его главенствомъ. Союзный сеймъ во Франкфуртѣ снова сталъ поприщемъ соперничества между Берлиномъ и Вѣной. Фридриху Вильгельму оставалось взяться за старое средство Гогенцоллерновъ—за вовлеченіе иностранцевъ въ свои династическіе интересы. Выборъ былъ между Лондономъ и Петербургомъ. Въ Берлинѣ всегда, особенно же съ Фридриха II, мечтали опереться на такую силу, какъ Англія; а Фридрихъ Вильгельмъ IV надѣялся сдѣлать Лондонъ «средоточіемъ согласія» (centre d'entente) державъ въ крестовомъ походѣ противъ революціонной Франціи. Но Бунзенъ намекнулъ ему, что англійскіе министры, среди которыхъ уже орудовалъ пріятель Наполеона III и ненавистникъ Россіи, Пальмерстонъ, подсмѣиваются надъ его страхами и донкихотствомъ. «Это жалкіе мальчишки»,—отвѣчалъ разгнѣванный король: ему казалось, что эти «острожники, каторжники, содомиты и проч. и проч.» заразили либерализмомъ и его друга, какъ портились, бывало, даже заживавшіеся въ Лондонѣ русскіе дипломаты.

Надежды короля сосредоточились на Петербургѣ. Николай I имѣлъ основаніе довѣрять раболѣпію своего берлинскаго вассала, даже когда тотъ дѣлалъ ему маленькія непріятности. Кровное родство имѣло особое значеніе въ глазахъ такого Гогенцоллерна, какъ Фридрихъ Вильгельмъ. Король почти гордился могуществомъ такого прямого солдата и оплота старины, какъ царь. Его письма въ Зимній дворецъ были всегда нѣжны и задушевны, хотя онъ зналъ, что Николай I называлъ его, при постороннихъ, идеологомъ, демагогомъ, революціонеромъ, при малѣйшей попыткѣ Потсдама противиться его волѣ. Король, мечтавшій о воздвиженіи креста повсюду, сочувствовалъ попеченіямъ царя о райѣ и о св. мѣстахъ. Онъ не ошибся насчетъ «воплощенія революціи», какъ мы видѣли изъ исторіи съ титуломъ. Но не то вышло съ нѣмецкими дѣлами. Такой цѣльной натурѣ, какъ Николай I, не нравились «извиванія» и революціонный характеръ берлинской политики въ Германіи. Да она и теряла довѣріе въ его глазахъ съ тѣхъ поръ, какъ Гогенцоллернъ провинился пожалованіемъ какой ни на есть конституціи: именно съ 1848 года у царя часто проявлялись порывы гнѣва на короля, которые удавалось смирять лишь указаніемъ на нервы царицы. Только-что спасши Австрію отъ революціи, Николай I смотрѣлъ на нее, какъ на свое созданіе, и почиталъ Габсбурга, какъ маститаго хранителя монархическихъ преданій и вѣрнаго стража застоя съ Вѣнскаго конгресса. Онъ надѣялся, что Вѣна будетъ его послу-

шнымъ орудіемъ въ Восточномъ вопросѣ, какъ изъ благодарности, такъ и по общности интересовъ. Онъ чувствовалъ, что поколебать такой гвоздь, какъ Австрія, значило развалить ничтожный Нѣмецкій Союзъ и дать ходъ бойкой, опасной Пруссіи. Оттого-то такъ неудачно окончилась попытка Фридриха-Вильгельма, въ 1850 году, вовлечь императора въ нѣмецкія дѣла къ своей выгодѣ: Николай I оказался горячимъ австріякомъ [1]) и унизилъ Пруссію въ Ольмюцѣ.

Въ Германіи ликовали только феодалы, съ Бисмаркомъ во главѣ, видѣвшіе въ Ольмюцѣ торжество реакціи и воскресеніе Священнаго Союза. Но Ольмюцъ былъ также Кавдинскимъ ущельемъ для всѣхъ нѣмцевъ: здѣсь утвердилась пресловутая «инфлюенція» Россіи въ Германіи временъ Петра I и Екатерины II [2]). Николай I распоряжался въ «фатерландѣ», какъ Екатерина: онъ даже награждалъ тамъ царедворцевъ и правителей орденами и подарками. Ротанъ говоритъ: «Большая часть мелкихъ дворовъ получали повелѣнія не столько изъ Вѣны и Берлина, сколько изъ Петербурга. Русская дипломатія черпала свою силу отчасти въ угодливости фюрстовъ, которые всѣ болѣе или менѣе были связаны родствомъ съ царскою фамиліей и видѣли въ царѣ какъ бы твердаго защитника своихъ престоловъ и заклятаго врага революціи. Оттого-то русскій chargé d'affaire во Франкфуртѣ, Глинка, чтобы разрушить согласіе западныхъ державъ, позволялъ себѣ оффиціально приглашать сеймъ провозгласить вооруженный нейтралитетъ, что̀ вовлекло бы Союзъ въ безусловное единеніе съ политикой царя; и никто не воспротивился бы, не исключая Бисмарка, столь ревниваго къ иностраннымъ вмѣшательствамъ».

Но царь задалъ своему берлинскому вассалу гораздо болѣе мучительную задачу: онъ внезапно поднялъ Восточный вопросъ въ небывалыхъ, общеевропейскихъ размѣрахъ.

III.

Императоръ Францъ-Іосифъ, и потсдамскіе юнкера.

Весной 1853 года, совершилось роковое появленіе Меншикова въ Портѣ съ требованіемъ уступить Россіи покровительство надъ всею райей. Фридрихъ Вильгельмъ IV тотчасъ же ясно высказалъ свой взглядъ на Восточный вопросъ. На первый разъ ему нечего было колебаться: онъ подхватилъ нить гогенцоллернскихъ преданій.

---

[1]) Подробности см. въ нашей статьѣ, въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

[2]) См. наше изслѣдованіе: «Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II и Іосифа II», 1877 г.

По признанію самого Ранке, въ Берлинѣ дипломатическимъ евангеліемъ считался планъ сотрудника Фридриха II, Герцберга, о сдерживаніи опасныхъ сосѣдокъ, Россіи, Австріи и Франціи, посредствомъ лиги мелкихъ державъ, въ особенности же Порты и Польши, подъ руководствомъ Пруссіи и Англіи [1]). Фридрихъ Вильгельмъ дѣлалъ только прибавку въ духѣ времени—покровительство райѣ; а главное—онъ хотѣлъ добиться цѣли безъ кровопролитія. Онъ возликовалъ, когда Порта отвѣчала Николаю I, что уступитъ только всѣмъ державамъ, и поспѣшилъ выдвинуть планъ, который могъ предупредить Крымскую войну. «Хочу устроить договоръ между Англіей, Австріей, Франціей и Пруссіей, писалъ онъ Бунзену. Беру починъ, чтобы Англія или иная держава не предупредила меня... Когда дикари Америки хотятъ убить европейцевъ въ преріяхъ, они зажигаютъ высокую сухую траву; испытанное средство противъ этого у европейцевъ — съ своей стороны зажечь траву: такъ пожаръ сожигаетъ пожаръ и европейцы спасены. Вотъ, какъ, по мнѣ, должно понимать и сдѣлать плодотворною правду, которую я безусловно признаю въ требованіяхъ русскаго императора. Но правда, это — «защита, обезпеченіе христіанъ»... Вы знаете басню про медвѣдя, который убилъ человѣка, желая избавить его отъ гадины; а избавленіе человѣка отъ насѣкомаго было правдой. Такъ и въ данномъ случаѣ, правда понята русскимъ въ медвѣжьемъ примѣненіи». За этими, не совсѣмъ лестными сравненіями, въ письмѣ слѣдуетъ примѣрная рѣчь «любезному зятюшкѣ», проникнутая злорадствомъ. Таковъ будетъ финалъ «Меншиковой Божественной Комедіи», думалъ король, восхищаясь своею «маленькою ролью» въ Восточномъ вопросѣ.

Еще яснѣе выразилась тогда руссофобія у барона Мантейфеля, котораго напрасно считали рабомъ Петербурга, въ качествѣ столпа реакціи. Глава берлинскаго кабинета и министръ иностранныхъ дѣлъ былъ скромный, доступный человѣчекъ въ очкахъ, съ мѣщанскою повадкой, игравшій въ вистъ по маленькой: тогда эта любимая Талейраномъ игра была еще классическимъ средствомъ дипломатическаго искусства, и при прусскомъ дворѣ партнеры платили за карты, выкладывая по 20 зильбергрошей на подсвѣчникъ короля. Осторожный до трусливости, баронъ заботился только о мертвомъ порядкѣ внутри Пруссіи, опираясь на армію чиновничества и шпіоня даже за дворомъ. Во внѣшнихъ дѣлахъ его правиломъ было выжидать, отдѣлываться словами, устраивать сдѣлки: лишь бы только не связывать себѣ рукъ. Онъ ненавидѣлъ Австрію и Россію, но скрывалъ свои чувства: въ Потсдамѣ, какъ и въ Петербургѣ, министры были слугами короля и многое дѣлалось безъ ихъ вѣдома. Впрочемъ, по словамъ Бисмарка, это былъ своего рода

[1]) Этотъ планъ объясненъ въ нашемъ «Союзѣ князей», стр. 462 и слѣд.

рыцарь-храмовникъ, который не отступилъ бы передъ политическимъ преступленіемъ, лишь бы пріобрѣсти какую-нибудь провинцію для Пруссіи. Мантейфель сказалъ Ротану, по поводу миссіи Меншикова: «мнѣ вовсе не желательно видѣть вашихъ католиковъ и нашихъ протестантовъ подъ покровительствомъ русскихъ; всѣ мы пожалѣли бы объ этомъ; боюсь осложненій». Англійскій посланникъ сообщалъ изъ Берлина, что тамъ впечатлѣнія «очень невыгодныя для русскаго правительства», и что Мантейфель не можетъ понять, какъ Нессельроде не отречется отъ Меншикова. Въ отвѣтъ, Кларендонъ выразилъ свое довольство поведеніемъ Берлина не меньше, чѣмъ политикой Вѣны.

Въ Лондонѣ тревожились гораздо меньше, чѣмъ въ Потсдамѣ. Тамъ были такъ миролюбивы и увлечены внутренними неурядицами, такъ довѣряли Николаю I, что пропустили мимо ушей даже разсказы о «больномъ» въ депешахъ Сеймура. Абердинъ и Кларендонъ воображали, что изданный Портою фирманъ, въ отпоръ требованіямъ Меншикова, успокоитъ райю и тѣмъ упразднитъ Восточный вопросъ. Но Фридрихъ Вильгельмъ выходилъ изъ себя. Онъ писалъ по поводу фирмана: «Хорошъ этотъ жалкій, десяти-смысленный документъ! Пропалъ единственный, достойный нашего христіанскаго долга, способъ сохранить миръ, заставить замолчать Россію и показать восточнымъ христіанамъ, что мы христіане! На этомъ пути я не послѣдую ни за Абердиномъ, ни за Кларендономъ, ни за цѣлою Англіей: буду искать спасенія Пруссіи въ полнѣйшемъ нейтралитетѣ». Такъ, съ языка короля соскочило знаменитое словечко, которое стало его путеводною звѣздой въ превратностяхъ Крымской войны.

Эти превратности начались тотчасъ же. По сознанію самого нашего дипломата, г. Жомини [1]), было «весьма важно», что Нессельроде, въ разговорахъ съ представителями Лондона и Вѣны, «дѣлавшими все болѣе и болѣе настойчивые запросы», «не сообщалъ въ подробности инструкцій, данныхъ Меншикову, видя въ нихъ слишкомъ деликатныя стороны». Изъ личной переписки между царемъ и британскою королевой выяснилась основная разница въ государственныхъ воззрѣніяхъ двухъ націй не хуже, чѣмъ изъ сношеній между Петербургомъ и Парижемъ по поводу титула. Викторія писала: «какъ бы ни были чисты побужденія, руководящія поступками даже монарховъ самаго возвышеннаго характера, этихъ личныхъ качествъ недостаточно для международныхъ сдѣлокъ, въ которыхъ одно государство вступаетъ съ другимъ въ торжественныя обязательства». Николай I отвѣчалъ: «въ политическихъ дѣлахъ и въ международныхъ отношеніяхъ нѣтъ болѣе вѣрныхъ за-

---

[1]) Etude diplomatique, I, 172—173.

логовъ, чѣмъ слово и личный характеръ монарховъ, ибо въ концѣ концовъ отъ нихъ зависятъ война или миръ».

Впрочемъ, Европа еще покоилась на оливковыхъ вѣтвяхъ. Англичане были убаюканы мечтами манчестерской школы, пылкимъ краснорѣчіемъ Брайта на тему о вѣчномъ мирѣ и успокоеніями довѣрчиваго Абердина, который оградилъ интересы страны, пославши въ Порту зоркаго и энергичнаго Редклифа. Въ Петербургѣ надѣялись даже сойтись съ Наполеономъ. Горчаковъ писалъ изъ Штутгардта въ Тюльери насчетъ рейнской границы. Но ему отвѣчали почти презрительнымъ молчаніемъ. Никто не подозрѣвалъ, что гамскій узникъ уже рѣшилъ устроить «европейское 2-е декабря», чтобы утвердить свое похищеніе престола, выступивши заодно съ Англіей въ благородной роли защитника либерализма и прогресса. Онъ мечталъ, съ помощью англичанъ, шведовъ, турокъ и австрійцевъ, разгромить самое гнѣздо реакціи на Невѣ, отдать шведамъ Финляндію съ прибавкой Остзейскаго края, востановить Польшу и добраться до Кавказа и Крыма. Онъ задумывался, говорятъ, и объ освобожденіи Италіи: вѣдь, Наполеонъ I хотѣлъ короноваться тамъ въ видѣ новаго Карла Великаго! Оттого въ Тюльери ликовали, когда пришла вѣсть о миссіи Меншикова: «теперь мы увлечемъ Англію!»—воскликнулъ Персиньи. Тотчасъ же французская эскадра явилась у Саламина, и Персиньи сказалъ своимъ испуганнымъ товарищамъ: «Не должно ли доказать всѣмъ, что мы не отступимъ передъ войной съ Россіей? Нужно только увлечь Англію. А Англія — не дворъ, не совѣтъ королевы, еще менѣе Абердинъ. Мы принудимъ англичанъ сотрудничать съ нами, ворочая общественнымъ мнѣніемъ. А послѣднее разбудишь только морскою выходкой. Вы говорите, насъ заставятъ возвратиться изъ Саламина. Такъ что жъ? Отбѣжимъ, чтобъ лучше прыгнуть: мы войдемъ въ Босфоръ вмѣстѣ съ англичанами». Наполеону помогъ заклятой врагъ Россіи и Николая I, Редклифъ, депеши котораго были закономъ въ Лондонѣ, при его министерской неурядицѣ,—и англо-французскій флотъ появился у Дарданеллъ, а русскіе заняли Дунайскія княжества.

Европа встрепенулась. Видъ русскихъ мундировъ у Дуная выдвинулъ на первый планъ Вѣну. 23-лѣтній императоръ, нынѣ царствующій Францъ Іосифъ, былъ еще неопытенъ: не прошло пяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ занялъ престолъ среди революціонной бури. Его еще мало знали. Прибывши въ Вѣну въ 1855 году, Друэнъ де-Люисъ могъ нарисовать лишь его внѣшній портретъ, впрочемъ, уже напоминающій родовыя черты Габсбурговъ. «Юный монархъ высокъ, статенъ, тонокъ. Улыбка сообщаетъ оттѣнокъ доброты его серьезному, даже нѣсколько суровому лицу. Раннія заботы видимо остановили расцвѣтъ юношеской прелести на этомъ лицѣ. Глядя на него, невольно вспоминаешь трогательное восклицаніе, вырвавшееся изъ его груди при принятіи короны: «Прощай, моя юность»!

При внимательномъ изученіи его чертъ, изъ-подъ облачка боязливости выступаетъ граничащая съ упрямствомъ воля». Все зависѣло отъ обстановки.

Но мага и чародѣя политики, Меттерниха, все равно, что не существовало: загнанный революціей, 80-лѣтній ех-Макіавель только-что возвратился въ Австрію развалиной на покаяніе. Кто обратился бы къ дѣльцу, созданіе котораго разлетѣлось въ прахъ среди проклятія народовъ? Да и что могъ сказать пророкъ Священнаго Союза, когда Пруссія чуть не подралась съ Австріей, а Россія угрожала существованію Вѣны изъ княжествъ? Его преемникъ, Шварценбергъ, невольный либералъ на часъ, а потомъ другъ іезуитовъ и Мантейфеля, съ помощью которыхъ онъ утверждалъ новую идею «единенія охранительныхъ началъ», обладалъ хоть канцелярской опытностью. У него была и дипломатическая храбрость, конечно, въ австрійскихъ размѣрахъ. Онъ не терпѣлъ Россію. Самъ Бейстъ не рѣшается отвергнуть его классическую фразу: «Мы удивимъ міръ нашею неблагодарностью». Но Шварценбергъ внезапно умеръ, во время для себя, наканунѣ описываемыхъ событій. «Послѣ него все посунулось, говоритъ прибывшій тогда въ Вѣну Фицтумъ. Государственная машина работала, такъ сказать, вполовину: въ Венгріи недовольство достигало опасныхъ размѣровъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, д-ръ Бахъ, съ его централизаціей, былъ ненавидимъ, какъ никогда; а онъ былъ чуть не головой выше графа Буоля».

Представительная фигура, красовавшаяся прежде у насъ, въ Лондонѣ и Дрезденѣ, Буоль представлялъ мало внутренняго интереса. Лично изучившій его Ротанъ говоритъ: «Буоль былъ высокъ, красивъ. Свѣтскіе успѣхи и быстрая карьера вскружили ему голову; онъ былъ наклоненъ къ гордости, чтобы не сказать—къ фатовству. У него не было недостатка въ опытности дѣльца; но не хватало непосредственной смѣкалки—драгоцѣннаго дара, необходимаго для государственныхъ людей. Въ его правительственной наукѣ не было ничего своего: онъ черпалъ ее въ урокахъ Меттерниха. Онъ палъ подъ бременемъ задачи, какъ только вздумалъ выйти изъ колеи и воодушевиться смѣлыми, не очень разборчивыми правилами Шварценберга. Изъ всѣхъ полномочныхъ, подписавшихъ парижскій миръ, Буоль, наряду съ Валевскимъ и Кларендономъ, представлялъ совершеннѣйшій видъ дипломата гран-сеньера. На картинѣ, изображающей членовъ конгресса, онъ на первомъ планѣ сидитъ въ креслѣ, за зеленымъ столомъ, сумрачный, задумчивый; за нимъ, въ глубинѣ, виднѣются Кавуръ и Мантейфель». Буолю хотѣлось продолжать политику Шварценберга, враждебную Берлину и особенно Николаю I, который немилостиво обращался съ нимъ въ Петербургѣ; онъ тѣмъ болѣе досадовалъ на Россію, что, остоя въ родствѣ съ нашимъ посланникомъ, Мейендорфомъ, все

опасался, какъ бы не заподозрили его въ руссофильствѣ. Но для успѣшной борьбы съ Пруссіей онъ недостаточно постигалъ нѣмецкія дѣла, а для отказа Россіи ему не хватало мужества. Да и могла ли Австрія противиться Николаю I, не имѣя готовой арміи и финансовъ? Но страшно было и вполнѣ слѣдовать за морскими державами: на Австрію должны были пасть первые удары русскихъ, а они могли отразиться волненіями, если не въ Венгріи, то среди итальянцевъ и поляковъ.

Цѣлью Буоля стало дипломатическое единеніе со всѣмъ Западомъ, но безъ военныхъ дѣйствій, и всяческое противодѣйствіе Петербургу съ соблюденіемъ даже внѣшнихъ признаковъ пріязни. Онъ началъ съ того, что остановилъ успѣхи турокъ въ Черногоріи, чтобы подорвать наше вліяніе среди балканскихъ славянъ. Николай I даже наградилъ его орденомъ съ алмазами за этотъ подвигъ. Но плоды этой ажурной работы дипломатіи могли созрѣть не скоро; а русскіе были уже на Дунаѣ. Тогда Буоль взялся за устройство конференцій, нотъ и протоколовъ. Вѣна превратилась въ дипломатическую канцелярію, гдѣ почти безсмѣнно засѣдали, за зеленымъ столомъ, представители то шести, то пяти, а чаще всего четырехъ, западныхъ, державъ. Но первая же работа Австріи, Англіи и Франціи—«вѣнская нота», служившая золотымъ мостомъ для отступленія русскихъ, разбилась о сопротивленіе Порты. Ни къ чему не привели и свиданія царя съ императоромъ въ Ольмюцѣ и Варшавѣ: личныя увѣренія Николая I въ своемъ безкорыстіи не могли заставить Франца Іосифа навязать ноту туркамъ силою. Мѣсяцъ спустя, вспыхнула русско-турецкая война, и въ то же время англо-французскій флотъ прошелъ Дарданеллы.

Такъ подошли къ страшной драмѣ, вслѣдствіе вялости, въ особенности же несогласія между западными державами. Весь ея прологъ прошелъ безъ участія Пруссіи, которая могла сразу предупредить кровопролитіе, присоединившись къ Австріи, Англіи и Франціи. Берлинъ дѣйствительно становился тогда узломъ политическихъ интригъ, съ ихъ таинственными и крайне любопытными ходами, теперь хорошо освѣщенными.

Вокругъ Фридриха Вильгельма IV кипѣла ожесточенная борьба между старою и юною Пруссіей. Либералы, опиравшіеся на общественное мнѣніе и рвавшіеся въ бой, чтобы раздѣлить съ Западомъ честь защиты прогресса, были такъ многочисленны, что самъ Мантейфель склонялся на ихъ сторону изъ опасенія, какъ бы реакціонеры не оттерли его отъ престола и не лишили портфеля. Вождемъ ихъ былъ братъ короля, наслѣдный принцъ, недавно умершій императоръ Вильгельмъ. Истинная противуположность брату, менѣе образованная, но болѣе здравомысленная натура, онъ обладалъ твердыми понятіями и пониманіемъ людей и занимался арміей, проживая вдали отъ двора, преимущественно въ Кобленцѣ. Его

положеніе ярко обрисовалось въ 1855 году, на его серебряной свадьбѣ. Тогда онъ былъ предметомъ восторженныхъ чествованій народа, приславшаго ему депутацію съ подарками со всѣхъ концовъ королевства; а королевская фамилія блистала своимъ отсутствіемъ. Вильгельмъ сочувствовалъ англичанамъ и не любилъ русскихъ: въ Лондонѣ у него былъ важный, по дружбѣ съ королемъ, союзникъ—Бунзенъ. При «прусской дисциплинѣ», кронпринцъ не противорѣчилъ королю; но въ кругу приближенныхъ онъ жаловался на излишнее вліяніе въ Потсдамѣ черезчуръ страстныхъ людей и опасался, какъ бы они не вовлекли Пруссію въ русскій союзъ, за который пришлось бы поплатиться. Его сближала съ либералами еще національная идея: тутъ онъ, какъ всѣ прусскіе кронпринцы, былъ душой «партіи дѣйствія», т. е. гогенцоллернскаго объединенія Германіи; онъ назвалъ Ольмюцъ «второю Іеной». Но покуда онъ щадилъ Австрію, какъ свою союзницу въ Восточномъ вопросѣ.

Противъ либераловъ стояли плотною стѣной феодалы или «крестовики»: ихъ органомъ была «Крестовая Газета» (Kreuz-Zeitung). Эта партія отливала тремя тонами. Самъ король съ генераломъ Грёбеномъ изображали собой протестантское «православіе» на подкладкѣ піетизма. Важнѣе былъ чисто-руссофильскій кружокъ. Сюда принадлежали два министра и наперсникъ короля, генералъ Герлахъ; а у Лекока, секретаря въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, не было тайнъ для Петербурга. Сановники и генералы вообще стояли за Россію, и принцъ Карлъ, въ пику своему брату, кронпринцу, открыто желалъ торжества дѣлу Николая I. «Пруссія у меня въ карманѣ», говорилъ нашъ посланникъ, Будбергъ, который какимъ-то манеромъ утвердился подлѣ короля безъ вѣдома Мантейфеля. За Россію тянулъ и третій отдѣлъ крестовиковъ — герои «боруссіанизма»—терминъ въ родѣ нашего «матушка святая Русь». Это—чистокровные бранденбурго-померанскіе юнкера, мѣстные Сабакевичи, воспитанные «во всѣхъ предразсудкахъ средневѣкового мракобѣсія», какъ хвастался ихъ вождь, Бисмаркъ.

Бисмарку было тогда всего 38 лѣтъ; но онъ уже успѣлъ прославиться своею циничной откровенностью и необузданностью, а главное — заслугами передъ династіей. Съ 1848 года онъ далъ не мало совѣтовъ королю, пробравшись къ нему, при разложеніи этикета подъ давленіемъ революціи, сквозь толпу царедворцевъ, смотрѣвшихъ свысока на назойливаго выскочку: по его внушенію былъ назначенъ Мантейфель. Король уже дорожилъ имъ, какъ отважною охраной абсолютизма, но еще побаивался его рѣзкаго роялизма. Бисмаркъ даже бранилъ короля, въ прусской палатѣ, за уступчивость либераламъ. Онъ дѣйствовалъ и «въ 12-й часъ», восклицая: «мы рады быть пруссаками и останемся ими!» Онъ произносилъ кучу дерзкихъ, скучныхъ рѣчей все на тему о вездѣсущіи властной руки, съ войскомъ и іерархіей, да объ идеалахъ

Священнаго Союза и лучшихъ странъ міра—Россіи и Австріи. Онъ открыто восторгался Ольмюцомъ, какъ молотомъ противъ «донкихотства въ Германіи». Словомъ, онъ сдѣлалъ все, чтобы удостоиться всеобщей ненависти и презрѣнія—и его послали во Франкфуртъ «въ наказаніе націи».

Тутъ съ Бисмаркомъ совершилось первое превращеніе. Союзный сеймъ и дворы мелкихъ фюрстовъ оказались послѣднимъ убѣжищемъ нѣмецкаго либерализма и были пропитаны сочувствіемъ къ Австріи, особенно въ виду ея вражды къ Петербургу. Депутаты, посланники, газеты, общество—почти все во Франкфуртѣ обнаруживало презрѣніе къ Бисмарку и любовь къ Буолю. Бисмаркъ вдругъ сталъ горячо опровергать себя самого въ депешахъ Мантейфелю [1]). Онъ брюзжалъ на весь свѣтъ и называлъ Ольмюцъ уже «ненавистнымъ». Забывая свою достославную «прусскую дисциплину», онъ не исполнялъ приказовъ своего министра, писалъ чуть не дерзости самому королю, оскорблялъ своихъ товарищей по сейму, который старался убить всякими интригами. Излѣчившись отъ австроманіи, Бисмаркъ становился завзятымъ руссофиломъ. Въ 1855 году онъ былъ представленъ Викторіи, и мы читаемъ въ ея «Дневникѣ»: «это — русская «Крестовая Газета». Я похвалила ему Парижъ. «Петербургъ еще лучше»,—возразилъ онъ. Но самъ Бисмаркъ удостовѣряетъ насъ, что источникомъ его руссофильства была ненависть къ Австріи. Онъ писалъ Мантейфелю лѣтомъ 1853 года: «Боюсь, не стали бы мы вправду и честно помогать Австріи въ Восточномъ вопросѣ, не выговоривши себѣ вознагражденія. Вѣдь, мы подвинемся въ нѣмецкой политикѣ только въ томъ случаѣ, если Австрія будетъ нуждаться въ насъ въ европейскихъ дѣлахъ или будетъ бояться насъ. О, еслибъ я могъ каждый день напоминать объ этомъ его в—ву, какъ фразу древней исторіи: «царь, помни объ аѳинянахъ!» Не вижу, зачѣмъ намъ сразу рѣшаться безъ сильнаго побужденія или безъ порядочной платы? Вооруженный нейтралитетъ, если можно вмѣстѣ съ другими нѣмецкими государствами и съ Бельгіей, — вотъ достойное и соотвѣтствующее нашимъ интересамъ положеніе. Если же вспыхнетъ война, надѣюсь, вы не уступите другимъ совѣтчикамъ,—и мы не положимъ головы за чьи бы то ни было глазки. Другое дѣло, если за это можно получить что-нибудь». Нѣсколько позже Бисмаркъ писалъ еще яснѣе: «Я не изъ тѣхъ, которые отождествляютъ русскіе интересы съ нашими. Россія можетъ упрекнуть себя во многомъ по отношенію къ намъ. Какъ ни серьезна была бы для насъ война съ русскими, я не буду противиться ей, если она обезпечитъ намъ серьезныя выгоды. Меня страшитъ только мысль о жертвахъ въ пользу Австріи... И что дадутъ Пруссіи въ награду? Конечно,

[1]) *Poschinger.—Simon.* Histoire du prince de Bismarck. 1887.

кусокъ Польши, въ которой она не нуждается. Эстляндія и Курляндія не улучшили бы ея географическаго положенія: онѣ только на вѣки разсорили бы ее съ Россіей. И кто поручится, что, послѣ войны, Франція и Россія не сговорятся на ея счетъ, сдружившись между собой?»

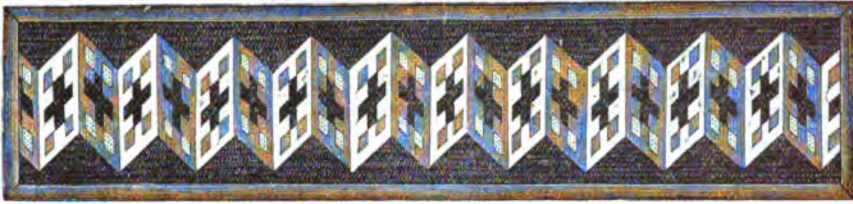
«Крестовиковъ» было немного, и они были оплеваны обществомъ. Но, помимо силы единенія, свойственной реакціонерамъ, помимо ихъ умѣнья протѣсняться вплотную къ престолу, отвага и беззастѣнчивость почти первобытнаго человѣка придавали имъ особое значеніе. «Крестовая Газета» кишѣла площадными доносами и грязными сплетнями, склеенными пѣной злобы и властолюбія. Злоупотребляя именами Бога и «государства», на алтарь котораго феодалы готовы были возложить короля, вздумай только онъ гуманничать, она не только язвила Мантейфеля, но даже пускала ядовитыя стрѣлы въ кобленцскій дворъ, клеймя его англійскія пристрастія названіемъ государственной измѣны; порядкомъ доставалось и кронпринцессѣ Августѣ, которой могла завидовать, какъ матери, бездѣтная королева. Друзья принца Вильгельма, съ Пурталесомъ и Узедомомъ во главѣ, пытались собственною газетой (Preussische Wochenblatt) убить «Крестовую», которую Бунзенъ называлъ «журналомъ иллюминатовъ» (по нынѣшнему — нигилистовъ). Они старались совсѣмъ перетянуть къ себѣ вовсе опѣшившаго Мантейфеля, который удерживалъ короля уже только тѣмъ, что тотчасъ вынималъ изъ кармана прошеніе объ отставкѣ. «Мы не желаемъ принимать обязательствъ, которыя связывали бы насъ»: эта знаменитая фраза одного изъ его циркуляровъ стала его девизомъ. Онъ изобрѣлъ остроумное средство увиливать отъ прямого отвѣта: это чрезвычайныя посольства ко дворамъ для «искреннихъ» объясненій. И зналъ, кого посылать. Кларендонъ сказалъ по поводу миссіи Грёбена: «прислали мнѣ для объясненія необъяснимой вещи неумѣющаго объясняться человѣка».

Въ такомъ-то водоворотѣ приходилось рѣшать жизненный вопросъ Пруссіи такой болѣзненной личности, какъ Фридрихъ Вильгельмъ IV. Въ общихъ чертахъ извѣстно, что изъ этого вышло. Мы же увидимъ, въ слѣдующей статьѣ, еще болѣе неожиданныя, рисующія потсдамскіе нравы, разоблаченія мелочей, благодаря болтливости ех-дипломатовъ.

А. Трачевскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ М. А. КРЕТЧМЕРА [1].

VII.

Походъ нашъ до Чугуева.—Партіонный унтеръ-офицеръ Чумаковъ.—Вечеринка у головы. — Возмутительная сцена. — Пьянство и его послѣдстія для меня. — Прибытіе въ Чугуевъ.—Смотръ начальника штаба.—Тягостный походъ въ Сватову-Лучку. — Смотръ поселеннаго начальства. — Выборъ поселянами кантонистовъ въ «сыновья» и работники. — Жизнь кантонистовъ у ихъ новыхъ «отцовъ». — Попытка помѣщиковъ добыть себѣ даровыхъ крѣпостныхъ людей. — Выборъ кантонистовъ въ Екатеринославскій кирасирскій полкъ. — Я попадаю во второй эскадронъ. — Устройство землянокъ.—Собачье продовольствіе.—«Сонъ Пресвятой Богородицы».—Старые кантонисты.—Муштровка.—Выборъ меня въ трубачи.—Свиньи нѣмца-капельмейстера.—Возвращеніе мое во фронтъ.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ похода нашей партіи до Чугуева не произошло ничего, заслуживающаго вниманія. Безъ хвастовства могу сказать, что партію велъ собственно я, а не кто другой, потому что, хотя и были назначены для этого партіонный офицеръ и унтеръ-офицеръ, но перваго почему-то возвратили на другой же день съ дороги, а послѣдній, Иванъ Сидоровичъ Чумаковъ, былъ неграмотный и постоянно пьянъ; напаивали его волостные головы, писаря и другое сельское начальство. Въ настоящее время волости берутъ квитанціи отъ проходящихъ войскъ въ томъ, что послѣдніе остались жителями довольны, а въ то время, о которомъ я говорю, было наобо-

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXII, стр. 125.

ротъ, квитанціи брались проходящими войсками отъ волости въ томъ, что жители не имѣютъ никакой претензіи къ проходящей партіи, что солдаты ничего у нихъ не украли и никого не били. По приводѣ партіи на мѣсто, всѣ такія квитанціи сдавались начальству, тщательно ихъ разсматривавшему. Потому-то Иванъ Сидоровичъ, кромѣ собственнаго желанія напиваться, еще вынужденъ былъ пить въ угоду волостному начальству, чтобы получить похвальную квитанцію.

Во все время нашего похода, погода, не смотря на позднюю осень, стояла сухая и довольно теплая. Кормили насъ хозяева превосходно, хотя никакой платы за продовольствіе и подводы не полагалось. Въ каждой деревнѣ, черезъ которую мы проходили, хохлуши выбѣгали изъ своихъ хатъ и одѣляли насъ, кто чѣмъ могъ, лакомымъ: оладками, саломъ, паляницами, арбузами. Многія хохлуши, раздавая эти лакомства дѣтямъ, горько плакали. Все это повторялось каждый день безъ малѣйшаго измѣненія. Только однажды произошелъ особенный случай, котораго я не забуду никогда. Не помню, въ какой деревнѣ, гдѣ былъ назначенъ намъ ночлегъ, разгулялся голова, по всѣмъ правиламъ деревенскаго кутежа, т. е. бесѣды съ музыкантами. Мнѣ, какъ караульному ефрейтору, обязательно нужно было ходить каждый вечеръ за приказаніемъ къ Ивану Сидоровичу, т. е. партіонному унтеръ-офицеру, хотя приказывать, въ сущности, было нечего. И вотъ, въ этотъ достопамятный вечеръ, я, по обыкновенію, отправился за приказаніемъ. Вѣстовой, находившійся постоянно у партіоннаго унтеръ-офицера, сказалъ, что ему приказано передать мнѣ, чтобы я отправился къ головѣ, гдѣ гуляетъ Иванъ Сидоровичъ. Явившись въ домъ къ головѣ, я засталъ гульбу въ полномъ разгарѣ. Три музыканта: скрипачъ, бубенщикъ и гусляръ, усердно аккомпанировали поющимъ пѣсню: «Ихавъ козакъ за Дунай». Когда пѣсня окончилась, я выступилъ впередъ и отрапортовалъ форменно: «Честь имѣю явиться за приказаніемъ». Иванъ Сидоровичъ сидѣлъ за столомъ на самомъ почетномъ мѣстѣ, т. е. въ углу подъ образами и, желая показать предъ пирующими, что онъ важная особа, вылѣзъ изъ-за стола и началъ отдавать приказанія. Но такъ какъ голова и писарь самолично видѣли, что всѣмъ завѣдывалъ и распоряжался я, то и обратились ко мнѣ съ разными вопросами на счетъ подводъ, квитанціи и т. п., послѣ чего, голова налилъ мнѣ чарку водки, а жена его, уже пожилая и полупьяная, начала меня цѣловать, приговаривая: «Гдѣ ты, такій гарный, хлопчику, родывся, и кто була твоя маты». Отъ водки я наотрѣзъ отказался и, дѣйствительно, я никогда въ своей жизни ее не пробовалъ. Считая свою аудіенцію уже оконченной, я хотѣлъ идти на свою квартиру, но Иванъ Сидоровичъ вдругъ скомандовалъ:

— Стой, пей водку!

— Не могу, Иванъ Сидоровичъ, — отвѣчалъ я, — я никогда ее не пилъ.

— А ты знаешь,—закричалъ онъ,—что хотя ты и капральный ефрейторъ, но я могу тебѣ дать сто розогъ.

— Только не за то, что я не пью водки,—рѣшился я замѣтить.

Но не окончилъ я еще послѣдней фразы, какъ онъ, неожиданно, далъ мнѣ двѣ пощечины, съ такимъ усердіемъ, что у меня буквально посыпались искры изъ глазъ и, недовольствуясь этимъ, послалъ находившагося тутъ же десятскаго въ сборню за розгами. Всѣ присутствующіе за меня заступились: голова, писарь, жена его и другіе, бывшіе въ бесѣдѣ.

— За що его сикты,—говорили они,—винъ хлопчикъ моторный и гарный; да мы и не дамо его бить. Колы хочете гулять, то гуляйте, а якъ хочете быться, то идить, геть, изъ нашоі компаніи; вы и такъ, сердечнаго, задаромъ по пыци былы.

Но Иванъ Сидоровичъ, совершенно пьяный, не унимался и кричалъ:

— Высѣку, пусть выпьетъ двѣ рюмки водки, тогда прощу.

Тутъ принялись всѣ меня уговаривать, въ особенности, головиха:

— Выпей, хлопчику, выпей; я и руку твою за то поцалую.

Видя, съ одной стороны, искренніе совѣты, а съ другой, совершенно пьянаго начальника, который могъ привести въ исполненіе свою угрозу, и при томъ же ошеломленный полученными пощечинами, я рѣшился выпить, поднесенныя мнѣ головою, двѣ чарки водки, залпомъ, какъ пьютъ, обыкновенно, противное лѣкарство. Такая храбрость заслужила общее одобреніе; мой начальникъ, шатаясь, подошелъ ко мнѣ, обнялъ, началъ цѣловать, потребовалъ еще рюмку водки и заставилъ выпить до дна, что я и исполнилъ, и за это вторично былъ имъ разцѣлованъ; послѣ того, жена головы начала подчивать всѣхъ и уже въ очередь заставила меня опять выпить полную рюмку, а затѣмъ голова скомандовалъ музыкантамъ: «Заграйте метелыцы!» (любимый танецъ малороссовъ). Тутъ всѣ и все закружились. Меня подхватила головиха и я давай отплясывать, да еще какъ усердно. Мы плясали всѣ, сколько насъ было въ хатѣ; даже десятскій, который все время безучастно стоялъ возлѣ порога, не вытерпѣлъ и пустился плясать. Уже музыканты устали, но перестать играть не смѣли, потому что голова разошелся и, притоптывая, въ тактъ припѣвалъ:—«А ще, ще, а ще, ще». Наконецъ, музыканты не выдержали и умолкли. Мы опять выпили. Я опьянѣлъ, разгулялся и закричалъ музыкантамъ: — «козачка!» Подхвативъ первую попавшуюся мнѣ молодицу, я такъ усердно началъ откалывать, что оба подбора и одна подошва отлетѣли въ сторону. Я плясалъ долго, и съ каждой минутой все болѣе и болѣе пьянѣлъ, а тутъ со всѣхъ сторонъ сыплются похвалы: «Молодецъ, лихо, да и гарно выкидае ногами, бисовъ сынъ». Поощряемый та-

кими похвалами и желая еще болѣе удивить публику, я вздумалъ выкинуть какое-то замысловатое па, но, недостигнувъ цѣли, запутался и упалъ къ ногамъ своей дульцинеи; подняться на ноги я уже никакъ не могъ, а потому меня вынесли, уложили на подводу и отвезли на квартиру. Затѣмъ, я больше уже ничего не помню. Проснувшись на другой день, я думалъ, что умру отъ страшной головной боли, доводившей меня до дурноты. А тутъ, какъ на зло, пришелъ пьяный партіонный съ своими извиненіями въ томъ, что обидѣлъ меня напрасно. Разумѣется, я охотно его извинилъ, тѣмъ болѣе, что мордобитіе не считалось у насъ чѣмъ-либо обиднымъ, но, напротивъ, всякій былъ радъ, если отдѣлывался только этимъ.

Вскорѣ послѣ этого приключенія, насъ нагналъ партіонный офицеръ, и мнѣ стало уже гораздо легче, потому что Иванъ Сидоровичъ напивался только пофельдфебельски, т. е. на ночь, а дѣла и возни съ кантонистами было не мало.

Наконецъ, мы прибыли въ г. Чугуевъ. На другой день приказано было надѣть все новое, и партіонный офицеръ повелъ насъ на плацъ, противъ зданія корпуснаго штаба, гдѣ мы часа три ожидали выхода къ намъ какого-то генерала. Было довольно холодно и дѣти крѣпко озябли. Наконецъ, явился начальникъ корпуснаго штаба, сопутствуемый многими адъютантами. Онъ поздоровался съ нами, и мы усердно гаркнули: «Здравія желаемъ вашему превосходительству!» Послѣ этого онъ началъ осматривать фронтъ и, какъ видно, очень остался недоволенъ, потому что напалъ на партіоннаго офицера:

— Зачѣмъ вы привели къ намъ эту мелюзгу? для какого чорта они намъ? имъ нужны няньки!

Партіонный офицеръ былъ, разумѣется, тутъ не при чемъ; онъ былъ даже не нашего баталіона, а мѣстнаго гарнизона, но онъ не оправдывался, а все время держалъ руку подъ козырекъ. Наконецъ, генералъ успокоился и приказалъ офицеру явиться въ штабъ за приказаніемъ, а насъ распустить по квартирамъ. Дня черезъ два, мы выступили опять въ походъ, въ Сватову-Лучку, которая въ бумагахъ называлась Новый Екатеринославль; до нея отъ Чугуева было 150 верстъ, и здѣсь въ окружности была расположена кирасирская дивизія.

Получивъ въ Чугуевѣ отъ генерала такой афронтъ, дѣти повѣсили носы и начали толковать: «А что будетъ, если насъ и тамъ забракуютъ?» А тутъ, какъ на зло, погода совершенно перемѣнилась: пошелъ дождь, въ перемежку со снѣгомъ, поднялся сильный, пронзительный вѣтеръ. Дѣти плакали; подводъ для уставшихъ и обмерзшихъ не хватало. Нужно было на каждомъ ночлегѣ требовать отъ жителей полушубковъ и брать ихъ насильно. Кормили насъ тоже очень плохо и далеко не охотно. Много бѣдъ испытали

мы, пока доплелись до Сватовой-Лучки, гдѣ должны были представиться поселенному начальству. Два дня насъ не трогали съ нашихъ квартиръ. Это время нужно было начальству для того, чтобы собрать бездѣтныхъ поселянъ, которые могли, по желанію, брать себѣ въ семью кантонистовъ. Разумѣется, желающихъ набралось много. Кому же была охота отказываться отъ дарового пастуха или работника.

На третій день, насъ выстроили на плацу, возлѣ собора. Явилось поселенное начальство. Во главѣ ихъ былъ окружной начальникъ, подполковникъ Макарскій (полякъ). Сдѣлана была перекличка партіи. Затѣмъ, начальникъ округа сдѣлалъ краткое, но внушительное, наставленіе всей партіи, чтобы мы полюбили и повиновались новымъ своимъ отцамъ, матерямъ и хозяевамъ, въ противномъ случаѣ, насъ будутъ нещадно сѣчь. Дѣти, не предупрежденные и не ожидавшіе такой катастрофы, ничего не поняли, что толковалъ имъ его высокоблагородіе. Какіе такіе отцы, матери и хозяева, которыхъ надо любить и повиноваться, и кого, и за что будутъ нещадно сѣчь? Но скоро недоразумѣніе объяснилось. Скомандовали: «Заднія двѣ шеренги отступи». Эту фронтовую эволюцію кантонистики бойко выполнили, но уже каждый въ послѣдній разъ въ своей жизни. Поселяне, желавшіе получить вновь испеченныхъ сыновей и даровыхъ работниковъ, стояли невдалекѣ кучками. Прежде всѣхъ дозволено было лицамъ, желавшимъ пріобрѣсть «сыновей», ходить по фронту и выбирать себѣ любого сына. Отцы ходили по фронту не торопясь, внимательно ощупывали приглянувшагося имъ кантонистика, заставляли его пройтись и т. п. Не знаю для чего, нѣкоторые заставляли избранныхъ даже подымать ноги кверху. Осмотръ этотъ дѣлали они, точь-въ-точь, какъ въ настоящее время барышники покупаютъ лошадей, воловъ и прочій скотъ. Выборъ сыновей продолжался довольно долго.

Наконецъ, начальство соскучилось и закричало: «Долго ли вы будете выбирать? выходи изъ фронта записываться!» Тутъ же писаря записывали сыновей двойными фамиліями, т. е. его настоящею и новаго отца, что выходило довольно оригинально, напримѣръ, Тарновскій-Чуприна, Молотовъ-Гайдамака, Звѣревъ-Кваша, и т. д. Затѣмъ, дозволено было разбирать даровыхъ работниковъ. Тутъ уже произошла чистая суматоха, потому что поселянъ было больше, нежели кантонистовъ. Хватали безъ разбора всякаго, кто попадалъ подъ руку. Кому не доставало, тотъ отнималъ у своего собрата; ухвативъ за руки несчастнаго мальчика, тащили въ противоположныя стороны. Фронта въ одинъ мигъ не стало; остались только на своихъ мѣстахъ одни евреи, которыхъ никто не хотѣлъ брать. Однако, начальство насильно заставило поселянъ забрать и евреевъ. Когда дѣти ясно поняли, въ чемъ дѣло, то начали плакать, протестовать и вырываться отъ своихъ новыхъ отцовъ и хо-

зяевъ-благодѣтелей. Начальство скоро усмирило этотъ бунтъ, но произошло другое затрудненіе. Отцы не могли въ такое короткое время замѣтить своихъ сыновей, а сыновья—отцовъ, равно и охотники не узнавали своихъ даровыхъ работниковъ. Нужно было съизнова дѣлать перекличку и повѣрку; но дѣти снова вырывались и всячески прятались. Тогда поселяне снимали съ себя пояса и однимъ концомъ перевязывали подъ руки дѣтей, а за другой держались сами обоими руками и въ такомъ порядкѣ каждый тащилъ несчастнаго невольника до подводы, потому что поселяне были вызваны изъ всего округа и иные пріѣхали верстъ за 60 и болѣе. Дѣти прощались между собою, обнимались, цѣловались и рыдали, какъ бы шли на смерть. Въ особенности жаль было бѣдныхъ дворянъ, потому что всѣ они были развиты болѣе солдатскихъ дѣтей, и сильнѣе ихъ сознавали свое униженіе и безвыходное положеніе. Плакалъ неутѣшно и я; да и въ настоящее время, описывая былое, я невольно всплакнулъ, но не отъ малодушія или разслабленныхъ нервовъ. Я даже вполнѣ увѣренъ, что и вы, читатель, уронили бы слезу, еслибы этотъ самый эпизодъ былъ описанъ человѣкомъ, владѣющимъ умѣло перомъ. Я же могу только сильно чувствовать, но передать то, что было и что перешло уже въ исторію, для этого мое перо слишкомъ слабо. Одно могу только сказать, что я бывалъ въ хорошихъ театрахъ, не только въ Россіи, но и за границей, и, конечно, видѣлъ разныя драмы и трагедіи, но всѣ онѣ блѣднѣютъ передъ той трагедіей, не искусственной, а натуральной, которой я былъ свидѣтелемъ, и со времени которой прошло уже ровно 52 года; но она не забыта мною и по настоящее время, и такъ врѣзалась въ памяти, какъ будто бы это происходило вчерашній день.

На плацу, куда была приведена партія, состоящая изъ 250 человѣкъ, насъ осталось только семеро, нерозданныхъ поселянамъ, а именно: я, четыре десяточныхъ ефрейтора, и два барабанщика. Насъ велѣно было развести по квартирамъ и ожидать прибытія первой роты. Такъ какъ раньше шли младшія роты, то намъ пришлось ждать первую довольно долго, почти мѣсяцъ, а уже былъ ноябрь. Весь баталіонъ слѣдовалъ эшелонами, по тому же самому маршруту, какъ шли мы; заходили также всѣ въ Чугуевъ, а послѣ въ Сватову-Лучку, а изъ послѣдней выступали въ остальные три округа военнаго поселенія. Прежде прошла четвертая рота, малолѣтки, которыхъ было около 700; но здѣсь ихъ уже не роздавали поселянамъ, а препровождали въ остальные округа, гдѣ съ ними распорядились такимъ же порядкомъ, какъ съ нами въ Сватовой-Лучкѣ, т. е. роздали отцамъ и хозяевамъ.

Въ ожиданіи своей роты, не имѣя никакого занятія, я очень скучалъ. Читать было нечего, и я отъ скуки посѣщалъ кантонистовъ, которые поступили въ сыновья и работники къ хозяевамъ той же Сватовой-Лучки. Какая перемѣна произошла въ дѣтяхъ за

одну только недѣлю! Всѣ они были неузнаваемы въ оборванныхъ обноскахъ своихъ отцовъ и хозяевъ. Куда дѣвалась ихъ дѣтская рѣзвость и веселость! Всѣ они были задумчивы и сосредоточены. Несчастные ненавидѣли своихъ искусственныхъ отцовъ и матерей, но, повинуясь палкѣ, работали все, что имъ прикажутъ. Начальство жестоко ошибалось, думая, что также легко привить дѣтей къ родителямъ, какъ садовникъ прививаетъ облагороженный черенокъ къ дичку груши или яблони.

Впослѣдствіи, время, а еще болѣе палка, взяли свое и дѣти покорились своей участи; они повыросли, поженились, выростили дѣтей и сдѣлались сами поселянами.

Четвертая и третья роты проходили мимо. Ихъ уже не трогали въ первомъ округѣ. Выбрали только изъ третьей роты нѣсколько пятнадцатилѣтнихъ кантонистовъ въ фельдшерскіе ученики и полковые пѣвчіе. Въ Сватовой-Лучкѣ находился первоклассный госпиталь и былъ расположенъ дивизіонный штабъ первой кирасирской дивизіи. Отъ писарей я узналъ, что когда подойдутъ старшія роты, то насъ, кантонистовъ, распредѣлятъ въ школы, имѣвшіяся при каждомъ полку и называвшіяся ланкастерскими. Комплектъ учениковъ въ каждой школѣ полагался въ 50 человѣкъ; возрастъ для пріема не менѣе 16 лѣтъ. Каждой школой завѣдовалъ только одинъ учитель, унтеръ-офицеръ, имѣя у себя помощника, по выбору своему изъ кантонистовъ. Никакого общаго помѣщенія для школы нѣтъ, а учатся кантонисты по хатамъ. Кантонисты продовольствуются отъ жителей, но теперь, говорили писаря, будетъ не то. Велѣно сформировать при каждомъ полку по два эскадрона, комплектъ которыхъ долженъ быть по 220 человѣкъ, въ каждый эскадронъ назначить одного строеваго офицера, продовольствовать насъ изъ котла и менѣе 16 лѣтъ кантонистовъ въ эскадроны не принимать. Вѣсть о томъ, что поселянамъ раздаютъ даровыхъ работниковъ, разнеслась по окрестностямъ, и сосѣднимъ помѣщикамъ, особенно мелкопомѣстнымъ, стало завидно. Имъ также захотѣлось добыть себѣ, безъ всякихъ затратъ, лишнихъ крѣпостныхъ, и они вдругъ двинулись въ Сватовую-Лучку. Скоро ихъ нагрянуло столько, что Лучка съ основанія своего ничего подобнаго не видѣла и навѣрное уже не увидитъ. На постоялыхъ дворахъ не хватало помѣщенія, а потому многіе пріѣзжіе начали напрашиваться къ зажиточнымъ поселянамъ. У поселянина, гдѣ я квартировалъ, помѣстились два помѣщика и одна помѣщица. Узнавъ, что я изъ прибывшихъ кантонистовъ, помѣщики позвали меня къ себѣ, принялись разспрашивать всѣ подробности и въ заключеніе спросили, какъ я думаю, дадутъ ли имъ кантонистовъ? Я выразилъ сомнѣніе, но они не теряли надежды. Послѣ нихъ начала меня допрашивать и помѣщица. Видно я ей понравился, потому что она, взявъ меня за подбородокъ, спросила:—«А ты желаешь поступить ко мнѣ въ кре-

стьяне?» Я отвѣтилъ отрицательно. — «Да тебя и спрашивать объ этомъ не будутъ, — возразила она. — Я тебя возьму непремѣнно». Я порядочно струхнулъ, думая, а что, какъ вдругъ она меня и выпроситъ. Но на другой день въ окружномъ комитетѣ, куда они явились, всѣ получили безусловный отказъ и убрались съ огорченіемъ восвояси.

Наконецъ прибыли 1 и 2 роты; но не полные. Часть ихъ оставили въ Чугуевѣ для распредѣленія въ уланы и артиллерію. Насъ всѣхъ выстроили поротно и начали выбирать въ первый кирасирскій полкъ, который въ то время именовался «Екатеринославскимъ». Выбирало уже военное начальство и, конечно, выбирало лучшихъ, но не по познаніямъ въ наукахъ, а по молодцоватости. Остальныхъ затѣмъ отправили въ другіе округа для той же цѣли. Намъ же, выбраннымъ въ Екатеринославскій полкъ, на другой день велѣно выступать въ мѣста расположенія эскадроновъ. Я попалъ во второй эскадронъ, въ селеніе Вдованку. По приходѣ сюда, насъ размѣстили по квартирамъ и тутъ случилось маленькое недоразумѣніе. Поселенному комитету въ предписаніи сказано было размѣстить насъ по квартирамъ для одного лишь ночлега. Продовольствоваться мы должны были изъ котла; но оказалось, что не только нѣтъ никакого котла, но даже и самыхъ кухонь; а, между тѣмъ, хозяева насъ кормить не хотѣли. Прибыли вновь назначенные семь унтеръ-офицеровъ во главѣ съ вахмистромъ, но они всѣ были какъ въ лѣсу, не понимая ровно ничего, что дѣлать, и что предпринять. Эскадронный командиръ и не думалъ къ намъ являться; хозяева же знать насъ не хотѣли. Положеніе наше было самое плачевное. Отправился вахмистръ въ полковой штабъ и привезъ предписаніе, чтобы поселяне прокормили насъ одну недѣлю. Поселенное начальство въ видахъ безопасности отъ пожара отвело намъ мѣсто для землянокъ, варенія каши и печенія хлѣба, слишкомъ за версту отъ крайнихъ хатъ поселенія. Назначили изъ насъ 50 человѣкъ рыть землянки. Земля была мерзлая, болѣе чѣмъ на аршинъ, но все-таки въ три дня явились землянки съ печами. Привезли чугунные котлы; назначили хлѣбопековъ и кашеваровъ, все-таки изъ насъ, вновь прибывшихъ, не имѣвшихъ ни малѣйшаго понятія въ вареніи каши и печеніи хлѣба. Старыхъ кантонистовъ не трогали на черныя работы. Наварили каши и напекли хлѣба. То и другое было настолько вкусно, что даже собаки ѣли неохотно. Говоря это, я не преувеличиваю ни на волосъ. Такъ какъ на дворѣ обѣдать было невозможно, вслѣдствіе сильныхъ морозовъ и вьюгъ, то для обѣда и ужина отвели десять крайнихъ хатъ. Посуды не было никакой, ни мисокъ, ни ложекъ, и кашу носили изъ кухни въ ведрахъ. Хозяева не давали намъ ничего отъ злости, что́ имъ сдѣлали такую непріятность. И дѣйствительно, непріятность для нихъ была большая. Два раза въ день къ нимъ въ хату врывалось по 20 человѣкъ. Хозяйкѣ

нужно стряпать, а, между тѣмъ, негдѣ поворотиться; при томъ вошедшіе каждый разъ напустятъ холоду. И все это хозяевамъ нужно было терпѣть безъ малѣйшаго вознагражденія отъ кого бы то ни было. Кантонисты начали красть ведра для ношенія каши, но пока ее принесутъ за версту, она простывала. Начали красть корыта и, какъ бы холодно ни было, ѣли около землянокъ. Послѣ каждаго обѣда и ужина всѣ страдали сильнѣйшей изжогой. Многіе не только не могли есть этой каши и борща, но даже не ходили вовсе на обѣды и ужины. Въ числѣ ихъ былъ и я. Мы питались однимъ хлѣбомъ и то годнымъ только для собакъ. Не знаю, что бы мы стали дѣлать дальше, если бы Богъ не сжалился надъ нами. Не даромъ пословица говоритъ, что «надъ сиротою Богъ съ калитою».

Ни въ то время, которое я описываю, ни въ настоящее время, никто не знаетъ, кто былъ авторъ сочиненія «Сонъ Пресвятыя Богородицы». Это была маленькая тетрадка листа въ два, гдѣ говорилось, чтобы люди покаялись, соблюдали посты, любили другъ друга и проч. и проч., въ противномъ случаѣ настанетъ конецъ свѣта. Но самое главное въ этомъ сочиненіи было сказано, что кто въ своемъ домѣ будетъ имѣть означенный «Сонъ Пресвятыя Богородицы», тотъ избавленъ будетъ отъ всѣхъ бѣдъ и напастей, какія только существуютъ на земномъ шарѣ. Кромѣ того, владѣльцу «Сна» посыпятся, какъ изъ рога изобилія, всѣ возможныя и не возможныя богатства и благополучія. Какъ же было простолюдину не стараться, во что бы то ни стало, добыть такую благодать. Каждый хозяинъ, а въ особенности хозяйки, употребляли всѣ старанія поскорѣе пріобрѣсти «Сонъ Пресвятыя Богородицы». Посыпались заказы, и мы ночью, при каганцахъ, писали не сотни и не тысячи, а десятки тысячъ «Сновъ Пресвятыя Богородицы»; требованіе этого «Сна» доходило до какой-то эпидемической болѣзненности. Кормить начали не только тѣхъ, которые писали и читали хозяевамъ, но и тѣхъ, которые вовсе не умѣли писать. Кромѣ того, намъ давали холста на рубашки и обязательно по 80 коп. ассигн. (20 коп. сер.) на бумагу. Кормленію нашему помогло еще одно обстоятельство: кантонистъ Яковлевъ (изъ дворянъ) сдѣлалъ въ «Снѣ Пресвятыя Богородицы» маленькое прибавленіе такого содержанія: «Аще кто будетъ хорошо кормить и мыть бѣлье (до того мы мыли сами) кантонистовъ, возлюбленныхъ моихъ дѣтей, ростущихъ Христолюбивыхъ воиновъ, которые будутъ побивать турковъ и супостатовъ, того я буду особенной заступницей предъ возлюбленнымъ сыномъ моимъ Іисусомъ Христомъ».

Въ каждомъ селеніи военнаго поселенія было по 500 и больше дворовъ и потому можно судить какъ возростало требованіе на «Сны», и намъ, хорошо писавшимъ, положительно падала манна съ неба.

Но это была одна сторона медали. Теперь надо возвратиться

къ ея изнанкѣ. Всѣ мы, вновь прибывшіе, раздѣлены были на десятки. Каждому десятку назначенъ былъ старый кантонистъ. Отвели болѣе 20 хатъ для класснаго ученія, но никакого класснаго ученія не было, а обучали насъ татакать по пальцамъ кавалерійскія и артиллерійскія сигналы, для чего мы садились потурецки на землѣ (никакихъ скамеекъ не полагалось) въ кружокъ, въ срединѣ котораго находился старый кантонистъ, нашъ менторъ, который полноправно насъ наказывалъ и миловалъ, смотря по его смотрѣнію и произволу. Всѣ старые кантонисты важничали предъ нами, но это не мѣшало имъ брать съ насъ взятки бубликами, булками и проч. Вахмистромъ приказано было каждому изъ насъ достать себѣ пику, палашъ и ружье деревянное; въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ я пишу, лѣсовъ нѣтъ, у хозяевъ каждый дрючокъ имѣетъ цѣнность и свое назначеніе; кромѣ того, не всякій могъ сдѣлать себѣ упомянутое оружіе. Я первый не зналъ какъ владѣть топоромъ, но приказъ дѣло исполняетъ: хоть тресни, но чтобы было. Приходилось плохо, но и тутъ насъ выручилъ «Сонъ Пресвятыя Богородицы». Хозяйки, видѣвшія наше затруднительное положеніе и даже слезы и зная при томъ строгость вахмистра, начали просить своихъ муженьковъ, чтобы тѣ достали намъ смертоносное наше оружіе. Сначала мужья отнѣкивались, но въ концѣ концовъ уступили своимъ половинамъ и выкопали откуда-то не одного, а троихъ доморощенныхъ мастеровъ, которые за извѣстное вознагражденіе отлично насъ вооружили.

Считаю не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о старыхъ кантонистахъ. Большая часть ихъ были почти не грамотные, но рослые и здоровенные. Обмундировка ихъ была самая плохая: бѣлыя куртки, съ оранжевыми воротниками, обшлагами и эполетами; брюки сѣраго, толстаго, шинельнаго сукна, съ оранжевыми кантами. Отъ этой ли обмундировки, или на самомъ дѣлѣ, но они всѣ безъ исключенія были брюхатые, неуклюжіе и красиваго лицомъ положительно не было ни одного, такъ что каждый изъ насъ прибывшихъ, даже съ бѣльмомъ на глазу, могъ назваться панычемъ, въ сравненіи съ ними; обмундировка наша была также лучшаго достоинства и красивѣе. Черныя куртки съ красными кантами и такими же брюками. Никакого оружія у насъ въ отдѣленіи не полагалось и, кромѣ пѣшаго фронта, насъ никакимъ строевымъ эволюціямъ не учили. Но здѣсь было совсѣмъ не то.

Ружейные пріемы, фланкировка пиками, рубка палашами, верховая ѣзда, для чего имѣлось въ каждомъ эскадронѣ по 15 бракованныхъ лошадей, пѣшій строй и пѣшій по конному (т. е. дѣлать все то пѣшкомъ, что дѣлается на лошадахъ), изустное ученіе, рекрутская школа, гарнизонная служба до мельчайшихъ подробностей. Дальше, ведеты, пикеты, рунды, сигналы, взводное, эскадронное, дивизіонное, полковое, бригадное, четырехъ-полковое и кор-

пусное ученія со всѣми боевыми его порядками. И всѣ эти муштры нужно было знать наизусть, и каждый частью умѣть безошибочно командовать, начиная отъ взводнаго и до корпуснаго командира. Да и принялись же насъ муштровать, съ такимъ прилежаніемъ и рвеніемъ, что не только 25° морозы, но даже и мятели не прерывали муштры. Снѣгъ залѣпляетъ глаза, ужасный холодъ, а мы, знай, пиками колемъ воображаемую непріятельскую пѣхоту и деревяными палашами ее рубимъ на пропалую. Бросимъ колоть и рубить, давай стрѣлять, но уже не пѣхоту, а непріятельскую кавалерію изъ своихъ дубовыхъ ружей. Даже гадко дѣлается, описывая глупости нѣмецкаго нашего начальства, а потому подробности нашего ученія, или, лучше сказать, мученія, оставляю пока и скажу объ этомъ современемъ въ сокращенномъ видѣ, а теперь разскажу какъ я попалъ въ трубачи.

Пробывъ въ эскадронѣ мѣсяца три, я вошелъ уже во вкусъ всѣхъ муштръ, какъ вдругъ является къ намъ полковой капельмейстеръ нѣмецъ, съ полковымъ же штабъ-трубачемъ и съ предписаніемъ командира полка, допустить нѣмца къ выбору, по его усмотрѣнію, четырехъ кантонистовъ въ трубачи. Когда мы выстроились, нѣмецъ пошелъ по фронту и перваго выбралъ меня. Ни просьбы учителя нашего Трофимова, доказывавшаго, что я подаю большія надежды, ни мои слезы, не смягчили нѣмца, и онъ ни за что не согласился меня уволить. Затѣмъ онъ выбралъ еще троихъ и насъ всѣхъ четверыхъ, со всѣми нашими пожитками, отправили въ полковой штабъ, въ Сватову-Лучку. По прибытіи туда, насъ помѣстили въ казарму, вблизи музыкантской школы, гдѣ мы застали четырехъ кантонистовъ, тоже выбранныхъ въ трубачи изъ перваго эскадрона; въ число ихъ попали два брата изъ потомственныхъ дворянъ. Выдали намъ сигнальныя трубы, дали ноты, приставили къ намъ учителей солдатъ-трубачей и пошла потѣха надуванія трубъ. Но это бы еще не бѣда. Назначили насъ по очереди дежурить въ казармѣ, т. е. топить и содержать въ чистотѣ ее. Назначили, тоже по очереди, ходить на вѣсти къ нѣмцу капельмейстеру, у котораго было до 15 штукъ громаднѣйшихъ свиней. Обязанность вѣстового, т. е. наша, состояла въ томъ, что мы должны были не только кормить и чистить хлѣвы этихъ животныхъ, но даже мыть ихъ лугомъ (настоемъ золы) и мыломъ.

Нѣмецъ капельмейстеръ былъ преданъ душою, но не музыкѣ и своей обязанности, а свиньямъ. Нужно было видѣть умильную рожу этого нѣмца, съ сигарой во рту, во время мытья его друзей-свиней. Я говорю не въ обиду нѣмцамъ, что свиньи ихъ друзья, потому что капельмейстеръ, не одному мнѣ, а всѣмъ намъ доказывалъ, что русскій человѣкъ дуракъ, потому что считаетъ другомъ собаку, а нашъ братъ, говоритъ, нѣмецъ, умный, потому что у него не собаки друзья, а свиньи. Ну что за толкъ отъ собакъ? ка-

кія изъ нихъ могутъ быть колбасы, а изъ кабана отличныя колбасы, окорока, сальцесоны и еще многое другое. У него даже каждая свинья и кабанъ носили собственныя имена, напр. Амальхенъ, Розалія, Фрицъ и т. п. Разсказывалъ онъ намъ какія вкусныя приготовляетъ колбасы для начальника дивизіи Кошкуля (тоже нѣмеца), его Амальхенъ, но не свинья, а его жена. Вообще, нѣмецъ былъ болтливъ, особенно при мытьѣ его друзей-свиней. Однажды, когда я мылъ его друга, кабана Фрица, я рѣшился воспользоваться расположеніемъ духа нѣмца, и началъ просить его отпустить меня въ эскадронъ, а на мѣсто мое взять другого, доказывая, при томъ, что я потомственный дворянинъ, и мнѣ неприлично быть трубачомъ. «Нельзя, отвѣчаетъ проклятый нѣмецъ, тебя отпустить, потому что ты отлично моешь моихъ свиней, и я замѣчаю, что они тебя любятъ; старайся еще лучше, и я, современемъ, произведу тебя въ штабъ-трубачи». Нужно замѣтить, что капельмейстеръ говорилъ очень дурно порусски, но я не копирую его, потому что онъ мнѣ и безъ того до невѣроятія отвратителенъ и гадокъ. Но трубить и мыть свиней все-таки было надо.

Прошло мѣсяца два; я уже оказалъ большіе успѣхи, отлично трубилъ всѣ сигналы, началъ уже разъигрывать генералъ-маршъ и помню какъ теперь, что мнѣ не поддавалась какая-то нота, которую я со всемъ усердіемъ вытрубливалъ, сидя на нарахъ. Въ это время на тѣхъ же нарахъ два кантониста-трубача боролись и оба со всего размаха упали на мою поднятую вверхъ трубу, мундштукъ которой далъ мнѣ такой сильный толчекъ въ зубы, что два изъ нихъ пошатнулись и губа, не больше какъ чрезъ часъ, распухла и въ такомъ видѣ одеревенѣла. Выждалъ капельмейстеръ недѣли три и видитъ, что губа моя не только не проходитъ, но дѣлается нарывъ. Тогда уже поневолѣ онъ замѣнилъ меня другимъ, и я опять вернулся во фронтъ, въ свой эскадронъ, который въ то время прибылъ на все лѣто въ Сватову-Лучку, въ такъ называемый компаментъ.

VIII.

Полковой командиръ Кноррингъ и командиръ четвертаго эскадрона нѣмецъ.— Ихъ звѣрское обращеніе съ солдатами.—Жалоба солдатъ.—Жестокая экзекуція.—Новый полковой командиръ полковникъ Туманскій.—Наше ученіе по методѣ Ланкастера.—Мои успѣхи.—Мое преподаваніе юнкерамъ.—Моя геніальная маршировка.—Восторгъ начальника дивизіи.—Поцѣлуй полковой командиршѣ.— Смотръ корпуснаго командира Никитина.—Его слабость осматривать ноги и портянки.—Смѣшной случай съ унтеръ-офицеромъ Ченскимъ.—Осмотръ генераломъ Никитинымъ строеній.—Арестъ полковника Макарскаго въ погребѣ.—Подвиги поручика Кошкуля.—Высѣченный и обманутый почтмейстеръ.—Итоги нашего ученія.—Зачисленіе меня рядовымъ въ кирасирскій великой княгини Маріи Николаевны полкъ.

Не помню фамиліи командира полка, котораго мы застали въ 1836 г., кажется Кноррингъ. Не утверждаю этого, но знаю хорошо,

что онъ былъ нѣмецъ и жестокъ до звѣрства. Звѣрству его я былъ самъ свидѣтелемъ, въ началѣ 1837 г., когда былъ взятъ въ трубачи. Въ это время четвертымъ эскадрономъ командовалъ нѣмецъ, фамиліи его не помню; онъ тоже былъ звѣрь и наказывалъ солдатъ, унтеръ-офицеровъ, и самаго вахмистра, до безчеловѣчности. Они терпѣли сколько могли, наконецъ, не вытерпѣли и сговорились цѣлымъ эскадрономъ ночью бѣжать въ полковой штабъ, принести жалобу командиру полка на жестокость своего эскадроннаго командира и представить въ подлинникѣ свои израненныя тѣла. Для присмотра же за лошадьми они оставили нужное число солдатъ и одного унтеръ-офицера. Вахмистръ повелъ эскадронъ, болѣе ста человѣкъ, пѣшкомъ. Прибывъ въ Сватову-Лучку, вахмистръ выстроилъ своихъ солдатъ предъ окнами командира полка, который выйдя къ нимъ и узнавъ въ чемъ дѣло, отправилъ всѣхъ на гауптвахту. Лейбъ-эскадронъ и второй были вызваны для экзекуціи. Припасено было восемь возовъ розогъ и палокъ. Привели на другой день несчастныхъ въ нашу музыкантскую школу, которая для экзекуціи была удобнѣе гауптвахты по своему простору и, Боже праведный, что тутъ было! Не дай Богъ ни одному крещеному человѣку видѣть что-нибудь подобное, а не только испытывать. Это была не экзекуція, а просто бойня. У каждаго изъ несчастныхъ и безъ того были изранены плечи отъ палокъ эскадроннаго командира, но на это не обращали ни малѣйшаго вниманія. Сначала каждаго сѣкли розгами, а потомъ били палками. Когда который-нибудь переставалъ кричать, полковой штабъ-лѣкарь (тоже нѣмецъ) приводилъ его съ фельдшерами въ чувство, послѣ чего жертву опять клали и досчитывали тысячу ударовъ. Вахмистру же и унтеръ-офицерамъ досталось больше всего. Бѣдняга вахмистръ, красавецъ и во цвѣтѣ лѣтъ, не вынесъ и чрезъ недѣлю отдалъ Богу душу. Да и не одинъ онъ, а многіе отправились вслѣдъ за нимъ.

Слѣдствія по этому дѣлу никакого не было, но чрезъ два мѣсяца командиръ полка и эскадронный командиръ четвертаго эскадрона, были уволены безъ прошеній; это мнѣ разсказывали солдаты-трубачи, и за вѣрность я не ручаюсь. Знаю только, что ихъ не стало, а прибылъ новый командиръ полка, полковникъ Михаилъ Ивановичъ Туманскій, предобрѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, и вовсе не педантъ по службѣ, что въ то время было рѣдкостью. Насъ кантонистовъ онъ въ особенности любилъ, но муштры отмѣнить не могъ, потому что свыше его была нѣмецкая сила. Все лѣто насъ муштровали въ Сватовой-Лучкѣ и только 1-го октября отпустили по своимъ деревнямъ, гдѣ въ отсутствіе наше поселенное начальство выстроило намъ огромныя плетневыя, вымазанныя глиной школы, съ полнымъ, для сидѣнья, комплектомъ скамеекъ. Посрединѣ школы была устроена конторка со стуломъ, на которомъ и возсѣдалъ нашъ добрый, но глупый учитель Трофимовъ,

По обѣ стороны конторки красовались на стѣнѣ, въ аршинъ длины, двѣ доски, одна бѣлая, а другая черная, съ надписями на правой «прилежнѣйшіе» и на второй «лѣнивые». Зимою никакого класснаго ученія не было, да и не могло быть, потому что въ школѣ было холодно, почти какъ на дворѣ; никакія топки не помогали. Стѣны были тонки, потрескались и образовали большія щели, такъ что не только вѣтеръ свободно дулъ, но даже пролеталъ и снѣгъ. Да если бы и тепло было, то все равно учить бы насъ было некому, въ особенности средній и верхній классы. Мы всѣ въ десять разъ больше знали своего учителя Трофимова. Онъ даже и десятичныхъ дробей не зналъ, а о другихъ предметахъ не имѣлъ никакого понятія. Помощникъ же его, Макаровскій, зналъ до совершенства только командованіе всѣми частями строевого ученія, которое съ величайшимъ усердіемъ и преподавалъ намъ.

Пропускаю два года, потому что въ теченіе ихъ не случилось ничего особеннаго, и наша жизнь текла однообразно, какъ я уже ее описалъ.

Я дѣлалъ большіе успѣхи во всѣхъ муштрахъ, постоянно былъ записанъ на бѣлой доскѣ и на нашихъ ученьяхъ дошелъ до «командованія полкомъ».

Въ 1839 г. я уже «командовалъ дивизіей» и давалъ уроки своего профессорства юнкерамъ не только своего полка, но и юнкерамъ цѣлой дивизіи, собиравшимся въ Сватовой-Лучкѣ при дивизіонномъ штабѣ. Почти всѣ юнкера были люди богатые, платили мнѣ за уроки щедро и дарили разную форменную одежду. Хотя я былъ кантонистъ, но одѣвался какъ юнкеръ и только не носилъ галуновъ. Скоро я заслужилъ расположеніе моихъ учениковъ, и они стали обращаться со мной какъ съ равнымъ.

Меня и здѣсь не переставали назначать ординарцемъ, не только пѣшимъ, но и коннымъ, и я всегда отличался. Одинъ разъ я даже такъ отличился, что вѣкъ не забуду. Былъ назначенъ разводъ цѣлому полку, который въ то время былъ въ сборѣ. Какъ извѣстно, при разводѣ отъ каждаго эскадрона являются ординарцы, въ числѣ которыхъ былъ и я отъ своего эскадрона. Разводъ дѣлалъ начальникъ дивизіи Кошкуль. Начали являться ординарцы, подошла моя очередь; я отрапортовалъ и послѣ этого пошелъ на свое мѣсто.

Начальникъ дивизіи, всмотрѣвшись въ мою маршировку, пришелъ въ восторгъ, скомандовалъ мнѣ «на лѣво, кругомъ,—маршъ», и кричитъ «хорошо!» я кричу въ свою очередь: «радъ стараться, ваше превосходительство». Генералъ приходитъ въ еще большій восторгъ и кричитъ: «браво»; я опять кричу: «радъ стараться и проч.». Генералъ велитъ мнѣ маршировать во всю длину выстроеннаго полка, для образца генія моихъ ногъ. Дохожу до конца. Командуетъ опять на лѣво, кругомъ, маршъ, что я, конечно, и дѣлаю и, знай себѣ, откалываю предъ цѣлымъ полкомъ, держа дере-

вяшку-палашъ по унтеръ-офицерски. Потъ льетъ съ меня градомъ, но не отъ усталости, а отъ стыда. Вѣдь мнѣ уже 19-й годъ и я уже кое-что сознаю. Во все время моей геніальной маршировки, музыканты трубачи не перестаютъ наигрывать австрійскій учащенный маршъ и даже играютъ его усерднѣе обыкновеннаго, какъ мнѣ казалось, въ насмѣшку мнѣ. Но этимъ мученія мои еще не окончились. Его превосходительство говоритъ командиру полка Туманскому: — «Смотрите, смотрите, какой у него размѣръ шага, какой каташъ, какая выправка; да смотрите же съ какимъ онъ чувствомъ маршируетъ!» А полковникъ Михаилъ Ивановичъ, взявши подъ козырекъ, говоритъ: «Да, дѣйствительно такъ, я даже нахожу, ваше превосходительство, что въ его маршировкѣ есть много даже поэзіи». Ну, думаю я, теперь высмѣютъ меня товарищи кантонисты. И дѣйствительно, смѣялись не только товарищи, но даже офицеры. Какъ только мы въ строю съ полкомъ, офицеры сейчасъ идутъ къ нашему эскадрону и просятъ меня: «Пожалуйста К. промаршируй намъ съ чувствомъ». Я забылъ сказать, что начальникъ дивизіи далъ мнѣ цѣлый рубль; такой суммы онъ никому и никогда не дарилъ. Но я не только не былъ радъ этому рублю, но проклялъ его вмѣстѣ съ его дарителемъ.

Его превосходительство настолько былъ уменъ, что не понялъ насмѣшки надъ нимъ командира полка Туманскаго, который въ это время былъ уже флигель-адъютантомъ, потому что нашъ полкъ былъ «подаренъ» въ шефство на маневрахъ въ Вознесенскѣ, великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, при чемъ Туманскій получилъ не только орденъ и званіе флигель-адъютанта, но даже премиленькую и прехорошенькую женку, фрейлину Маріи Николаевны, которую я имѣлъ счастіе цѣловать въ самыя миленькія, розовыя губки, по слѣдующему случаю.

Командиру полка угодно было выбрать изъ обоихъ нашихъ эскадроновъ шесть человѣкъ кантонистовъ изъ дворинъ и велѣтъ по очереди посылать къ себѣ на ординарцы, но безъ всякаго оружія. Обязанность наша состояла въ томъ, чтобы безотлучно находиться въ передней и докладывать о каждомъ пріѣзжемъ, кто бы онъ ни былъ, а также убирать въ залѣ, когда разбросаны газеты и книги, что мы и исполняли. Однажды, Михаилъ Ивановичъ вызвалъ меня на дворъ и говоритъ: «Когда соберутся сегодня офицеры къ завтраку, то ты ухитрись поцѣловать мою жену въ губы, да только, смотри, осторожно, не ударь ее головою», Разумѣется, я въ точности исполнилъ приказаніе, за что командирша полка выдрала за уши не только меня, но и муженька своего. Къ осени этого же года я «командовалъ уже корпусомъ». Не помню фамиліи генерала, который пріѣзжалъ изъ Петербурга инспектировать полки и насъ кантонистовъ, и который чрезвычайно остался нами доволенъ, въ особенности мною, и подарилъ мнѣ десять руб. сер.

Когда на смотру послѣ ружейныхъ пріемовъ пришла очередь фланкировки пиками и рубки палашами, то его превосходительство пришелъ въ такой восторгъ, что закричалъ «hora! bis! bis!» и даже ногами затопалъ; вышло очень оригинально и смѣшно, что генералъ, да еще инспекторъ, апплодируетъ фронту.

Корпуснымъ командиромъ мы застали генерала отъ кавалеріи Никитина, котораго въ скорости смѣнилъ Сиверсъ, а послѣдняго баронъ Офенбергъ. Никитинъ былъ старикъ 80-ти лѣтъ и любимецъ покойнаго государя Николая Павловича. Старикъ этотъ позволялъ себѣ иногда чудить. Онъ смотрѣлъ насъ кантонистовъ неоднократно, и каждый разъ обходилось все благополучно. Но въ 1838 г. былъ намъ назначенъ смотръ въ Сватовой-Лучкѣ около школы и манежа перваго эскадрона, который перевели изъ Преображенной въ полковой штабъ. У корпуснаго командира была особенная страсть смотрѣть портянки и наши ноги, для чего на каждомъ смотру приказывалъ намъ сбрасывать сапоги. Всѣ знали эту слабость старика и потому портянки и ноги наши были всегда въ наилучшемъ видѣ. И на настоящемъ смотру, все у насъ было въ исправности, но, какъ видно, старику захотѣлось, во что бы то ни стало, поймать кого-нибудь съ грязными портянками. Осмотрѣвъ наши портянки, а также ноги, и ненайдя ничего подозрительнаго, ему вдругъ пришла фантазія, чтобы наши унтеръ-офицеры, которыхъ было по девяти въ каждомъ эскадронѣ, и которые въ полной формѣ стояли на правомъ флангѣ, сбросили сапоги и показали свои ноги и портянки, чего прежде никогда не дѣлалось; унтеръ-офицерамъ не такъ-то легко было раздѣться какъ намъ и они не могли сдѣлать этого безъ посторонней помощи. Штрипки, лядунка съ крючками назади, палашъ и перчатки-краги, все это не позволяло самому раздѣться. Приказано намъ раздѣвать нашихъ унтеръ-офицеровъ, неисключая вахмистровъ и учителей, что мы исполнили въ одинъ мигъ. И, о ужасъ! что увидѣлъ корпусный командиръ: ноги и портянки одна грязь! Только у одного унтеръ-офицера учителя 1-го эскадрона, Ефремова, оказалось все въ исправности; корпусный командиръ приказалъ ему вести всѣхъ остальныхъ унтеръ-офицеровъ фронтомъ къ рѣчкѣ Красной, которая была не болѣе какъ въ десяти саженяхъ. Ефремовъ скомандовалъ: «шеренга направо, скорымъ шагомъ маршъ». Унтеръ-офицеры, босые, неся сапоги и портянки въ рукахъ, замаршировали къ рѣчкѣ, и корпусный командиръ, стуча по землѣ толстой палкой, безотлучно находившейся съ нимъ, приговаривалъ: «разъ, два, разъ два, разъ два», пока они не пришли такимъ церемоніальнымъ маршемъ къ рѣчкѣ. Въ это время подъ кручей рѣчки пріютился унтеръ-офицеръ нашего эскадрона, Ченскій, который какъ-то ухитрился удрать изъ фронта, когда приказано было раздѣваться, потому что не имѣлъ вовсе портянокъ. Въ этой кручѣ былъ неболь-

шой выступъ, на которомъ онъ и прилѣпился, держась руками за кустикъ бурьяну. Неизвѣстно, что было причиною, бурьянъ ли оборвался, или выступъ осунулся, но только Ченскій въ полной формѣ бултыхнулся въ рѣчку, гдѣ было глубины болѣе трехъ сажень. Корпусный командиръ отъ такой неожиданности отскочилъ назадъ, а Ченскій, доставъ до дна рѣчки, вынырнулъ на поверхность воды и закричалъ сколько было мочи: «спасайте, братцы!» Мы стояли вольно и потому всѣ бросились къ рѣкѣ, человѣкъ 20, живо раздѣлись и спасли Ченскаго. Смѣшно даже теперь вспомнить картину, какъ Ченскій въ полной формѣ и въ каскѣ съ размокшимъ плюмажемъ при лядункѣ и огромномъ палашѣ, въ крагахъ, барахтался въ рѣчкѣ и какъ кантонисты вытаскивали его.

Но этимъ эпизодомъ смотръ еще не окончился. Всѣ постройки военныхъ поселеній находились въ веденіи поселеннаго же начальства и корпусный командиръ любилъ всегда ихъ осматривать. И въ настоящее время онъ обратился къ окружному начальнику, тутъ же присутствующему, полковнику Макарскому, съ предложеніемъ:

— А поведи меня, батюшка (поговорка его), по своимъ новымъ постройкамъ.

Всѣ пошли гурьбой осматривать новыя строенія, выстроенныя для кантонистовъ 1-го эскадрона, какъ-то, школу, манежъ, кухню, конюшню. Все это Никитину не понравилось. Строеніе было плетневое, плохо вымазанное глиной. Подошли къ погребу, гдѣ хранилась капуста, бураки, картофель и прочіе продукты, потому что оба эскадрона кантонистовъ, каждое лѣто продовольствовались изъ котла. Погребъ этотъ хотя и былъ новый, но одна стѣнка его обвалилась и между кадушками лежала земля, отчего развелась сырость и большая грязь. Началась распеканція; въ концѣ концовъ корпусный командиръ сказалъ окружному начальнику Макарскому:

— А вотъ я тебя, батюшка, какъ запру въ этотъ погребъ, то ты у меня будешь получше смотрѣть за казенными постройками— и, дѣйствительно, такъ и сдѣлалъ; заперъ полковника Макарскаго на замокъ, тутъ же висѣвшій около скобки, а ключъ положилъ себѣ въ карманъ и уѣхалъ. Нужно замѣтить, что полковникъ Макарскій былъ необыкновенной толщины и брюхо его было такой величины, что подобнаго я никогда не встрѣчалъ. Отъ этого онъ былъ и большой обжора. Заточеніе его началось около 12 часовъ прошло часа четыре, а онъ все сидитъ себѣ въ погребѣ въ полной парадной формѣ. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и началъ крѣпко стучать въ дверь. Подошелъ нашъ вахмистръ Яропольскій и спрашиваетъ чрезъ дверь:

— Что вамъ угодно, ваше высокоблагородіе?

— Ѣсть хочу.

— Да какъ же подать?

— Спусти,—говоритъ Макарскій,—въ продушину по шнуру кусокъ хлѣба.

— Нельзя, ваше высокоблагородіе, безъ разрѣшенія начальства.

— Дуракъ! пошли за женою.

Та явилась и, узнавъ въ чемъ дѣло, поскакала на дрожкахъ обратно домой и привезла разной провизіи, которую въ платочкахъ и спускала по веревочкѣ въ продушину. Накормивъ, такимъ образомъ, несчастнаго своего муженька, полковница полетѣла къ корпусному командиру, который ужъ позабылъ, что у него въ карманѣ ключъ отъ погреба, гдѣ заточенъ полковникъ Макарскій. Ключъ былъ отданъ женѣ узника, и она поспѣшила къ погребу; но оказалось, что радость ее была преждевременная. Вахмистръ Яропольскій ни за что не дозволилъ отперѣть погреба, пока не пріѣхалъ адъютантъ корпуснаго командира. Всѣ причуды Никитина были въ такомъ же родѣ. Но ему можно было многое простить. Во-первыхъ, онъ былъ 80-тилѣтній старикъ, во-вторыхъ, заслуженный и любимецъ царскій, а въ третьихъ, человѣкъ русскій и при томъ большой патріотъ. Умѣстно будетъ сопоставить здѣсь причуды нѣмцевъ-генераловъ, отличившихся въ этомъ году.

У нашего начальника дивизіи, Кошкуля, былъ одинъ только сынокъ, и вслѣдствіе этого избалованный до нельзя. При мнѣ этотъ сынокъ поступилъ юнкеромъ въ нашъ полкъ, при мнѣ дослужился до чина штабъ-ротмистра и при мнѣ же былъ разжалованъ въ рядовые. Будучи еще въ чинѣ поручика, этотъ сынокъ Кошкуля отправился за чѣмъ-то на почту, гдѣ почтмейстеромъ былъ человѣкъ православный, въ чинѣ титулярнаго совѣтника, семейный и предобрѣйшій. Не извѣстно чѣмъ прогнѣвилъ почтмейстеръ поручика Кошкуля, который прямо изъ его конторы отправился на гауптвахту, взялъ съ собой десять человѣкъ солдатъ, съ двумя охабками розогъ, завернутыхъ въ солдатскія шинели, вернулся въ контору, при которой была и квартира почтмейстера, и распорядился слѣдующимъ образомъ. Четырехъ солдатъ онъ поставилъ около дверей, палаши наголо, и не велѣлъ никого впускать. Четыре солдата раздѣли и положили почтмейстера, а остальные два дали несчастному сто залихватскихъ розогъ. Послѣ этого, солдаты, какъ будто бы ровно ничего не случилось, ушли на свое мѣсто, на гауптвахту, а поручикъ Кошкуль къ себѣ домой обѣдать съ его превосходительствомъ, папашей Кошкулемъ. Нужно замѣтить, что въ этотъ день поручикъ Кошкуль былъ дежурнымъ по карауламъ, что, конечно, еще больше увеличивало его проступокъ.

Почтмейстеру было нелегко перенести сто ударовъ розогъ. Онъ заболѣлъ. Жена его, находившіяся въ беременности, выкинула мертваго ребенка и также слегла. Начальникъ дивизіи Кошкуль, узнавъ о подвигѣ своего возлюбленнаго сынка, порядкомъ струхнулъ. Посланные имъ доктора-нѣмцы начали усердно лѣчить почтмейстера

и его жену и къ общему удовольствію, чрезъ мѣсяцъ, они начали поправляться. Возникло дѣло. Нужно было во чтобы то ни стало потушить его. Но почтмейстеръ не поддавался на уступки. Узнали объ этомъ всѣ нѣмцы-генералы и прискакали въ нашу Сватову-Лучку выручать собрата. Наѣхало къ намъ генераловъ и полковниковъ-нѣмцевъ цѣлая толпа, не только изъ нашей дивизіи, но даже изъ всего корпуса. Они начали дѣйствовать самымъ энергическимъ образомъ. Были пущены въ ходъ и угрозы, и обѣщанія. Обѣщали даже выхлопотать пострадавшему мѣсто губернскаго почтмейстера, насулили разныхъ орденовъ и, вдобавокъ, предложили 5,000 рублей ассигнаціями. Закружили бѣднаго почтмейстера, который, наконецъ, сдался и подписалъ мировую, сочиненную премудрымъ, въ этихъ дѣлахъ, дивизіоннымъ аудиторомъ Мухановымъ. Такимъ образомъ, всѣ остались довольны, кромѣ бѣднаго, обманутаго почтмейстера, который, не дальше какъ чрезъ мѣсяцъ, былъ переведенъ, только не губернскимъ, а уѣзднымъ почмейстеромъ, кажется, въ Енисейскую губернію и, конечно, вынужденъ былъ подать въ отставку, такъ какъ ѣхать въ такую даль съ больной женой и двумя дѣтьми было невозможно. Поручикъ же Кошкуль, какъ бы за храбрость и побѣду, одержанную надъ почтмейстеромъ, произведенъ былъ въ штабъ-ротмистры и прикамандированъ къ Кавалергардскому полку, гдѣ, впрочемъ, черезъ годъ, былъ разжалованъ въ рядовые. За какія дѣянія онъ былъ разжалованъ—не знаю, потому что слухи у насъ въ полку были разнорѣчивые, но, разумѣется, не лестные для Кошкуля.

Наступилъ конецъ 1840 года, и съ нимъ можно окончить мое описаніе быта кантонистовъ. Четыре года я и товарищи мои пробыли въ школѣ носившей названіе Ланкастерской и ровно ничего не вынесли изъ нея. Собирали насъ въ дивизіонные и корпусные комплекты, для чего водили за 150 верстъ въ Чугуевъ, гдѣ въ комедійномъ корпусѣ была и артиллерія съ деревяными пушками, обитыми мѣдными листами; даже изъ затравокъ порохъ шикалъ, когда восемь человѣкъ кантонистовъ, запряженныхъ въ шлейки, какъ лошади, въ карьеръ выскакивали на позицію. Куклы исполняли движенія и куклы командовали, начиная отъ взводнаго и до корпуснаго камандировъ; всякую ломку и постройку фронта нужно было знать наизусть. Даже тѣ кантонисты, которые были съ бѣльмами на глазахъ, и которые на дѣйствительную службу поступали въ деньщики и госпитальные служителя, не были избавлены отъ командованія дивизіями и полками, но писать не умѣли. Не лучше ли бы было, если ужъ нельзя было насъ учить чему-нибудь путному, то, по крайнѣй мѣрѣ, учили бы портняжеству и сапожничеству, за что каждый изъ насъ сказалъ бы имъ спасибо. А то учили насъ командовать корпусами, дивизіями и полками! Насъ прибывало и убывало въ каждомъ корпусѣ на дѣйствительную службу,

за извѣстный періодъ времени, десятки, тысячи. А многіе ли изъ насъ попали хотя бы въ пѣхотные прапорщики? Человѣкъ десять изъ корпуса, не больше. Какой же это процентъ? Не знаю и за вѣрность не ручаюсь, но я слыхалъ это отъ офицеровъ, что насъ ничему не учили съ политическою цѣлью, я повторяю только то, что мнѣ говорили. Да мнѣ, кажется, что иначе и быть не могло.

1840 года, декабря 27-го дня, состоялся приказъ по полку, который гласилъ, что я зачисленъ рядовымъ въ Кирасирскій ея высочества Маріи Николаевны полкъ, въ 3-й эскадронъ.

М. Кретчмеръ.

ВОСПОМИНАНІЯ М. Д. ФРАНЦЕВОЙ.

I.

Мои родители.—Рѣшеніе моего отца ѣхать на службу въ Сибирь.—Сцены прощанья.— Пріѣздъ въ Сибирь.— Назначеніе отца исправникомъ въ Енисейскъ.— Знакомство съ Фонъ-Визинами.— Описаніе Енисейска.—Тамошнее общество.— Разгулъ чиновниковъ и замкнутость купечества.—Ссыльные поляки.—Поѣздка отца въ Туруханскъ.—Злоупотребленія чиновниковъ и купцовъ.—Декабристы Абрамовъ и Бобрищевъ-Пушкинъ.—Тунгузскіе князьки.—Переходъ отца на службу въ Ачинскъ. — Приставъ Аѳанасьевъ и его похожденія.— Разсказы о братѣ Даніилѣ.— Его странное знакомство съ моимъ отцомъ.— Праведная кончина брата Даніила.

СЛУЖБА въ Сибири пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ давала большія преимущества чиновникамъ, почему отецъ мой и рѣшился ѣхать туда служить. Нужно было имѣть много твердости характера, чтобы въ то время съ семьей, маленькими дѣтьми, молодою женой, безъ средствъ, рѣшиться пуститься въ почти неизвѣстный и столь отдаленный край, какъ Сибирь. Отецъ и мать мои были оба уроженцы города Симбирска. Тамъ они имѣли свой собственный домъ съ садомъ, а въ Казанской губерніи Спасскаго уѣзда небольшое имѣньице, полученное въ приданое матерью моей при замужествѣ. Отецъ мой, хорошій хозяинъ, умѣлъ изъ этого маленькаго имѣньица извлекать все нужное для жизни. Онъ очень любилъ цвѣты, и его небольшой, образцовый садъ въ Симбирскѣ наполненъ былъ рѣдкими растеніями; особенно славился онъ необыкновенною коллекціею розъ; розаны были точно бархатные, ихъ подстригали ежедневно дѣвочки ножницами.

Мать мою выдали замужъ чуть не ребенкомъ. У нея была мачиха, матери же своей она лишилась при рожденіи. Отецъ ея женился вторично, и, имѣя слишкомъ мягкій и слабый характеръ, подпалъ совершенно подъ вліяніе своей второй жены, женщины довольно властолюбивой и жесткой.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, матери моей минуло тринадцать лѣтъ, а въ январѣ слѣдующаго года она уже была замужемъ. Она была очень хорошенькая собой; отецъ мой, хотя и былъ старше ея лѣтъ на 15, но тоже былъ недуренъ собой, и они прожили, любя другъ друга, болѣе тридцати лѣтъ, въ продолженіе которыхъ имѣли двадцать человѣкъ дѣтей. Когда семья стала увеличиваться и небольшихъ доходовъ не доставало на поддержаніе приличной жизни, то отецъ мой рѣшился искать счастья по службѣ въ Сибири.

Хотя я была еще ребенкомъ пяти или четырехъ лѣтъ, но день отъѣзда нашего изъ Симбирска въ Сибирь очень врѣзался въ моей памяти. Помню, какъ всѣ родные наши собрались провожать насъ, точно на смерть. Прощанье было тяжелое, особенно старухи матери съ покойнымъ отцомъ моимъ. Конечно, она растaвалась безъ надежды съ нимъ свидѣться здѣсь на землѣ, и предчувствіе не обмануло ее; 80-тилѣтняя старуха не дождалась сына изъ Сибири.

Всѣ столпились въ одной комнатѣ и господа и дворовые люди. Пришелъ священникъ и началъ служить напутственный молебенъ. Плачъ поднялся страшный, молитва лилась у всѣхъ горячая за отъѣзжающихъ въ такую даль и въ такую, по тогдашнему понятію, дикую страну, гдѣ, какъ разсказывали тогда, медвѣди по улицамъ ходили. Прощанье съ матерью моею больного старика-отца, пріѣхавшаго нарочно изъ своей деревни близь Симбирска, было также очень трогательно. Насъ троихъ дѣтей, старшаго брата, сестру и меня, закутанныхъ, ничего не понимающихъ, поднесли тоже прощаться. Помню, что мнѣ тяжелѣе всѣхъ было прощаться съ бабушкой, родной матерью отца моего, которая меня въ особенности любила и баловала.

Путешествія нашего въ Сибирь я совсѣмъ почти не помню, смутно только помню нашъ пріѣздъ въ Красноярскъ, гдѣ прожили мы нѣсколько мѣсяцевъ, потомъ переѣхали въ Ачинскъ, гдѣ тоже оставались недолго, а потомъ уже отца назначили исправникомъ въ Енисейскъ, Красноярской губерніи. Въ Енисейскѣ прожили мы полтора года и здѣсь близко сошлись съ сосланными на поселеніе, послѣ шести-лѣтней каторги, такъ называемыми декабристами, Михаиломъ Александровичемъ и женою его Натальей Дмитріевной Фонъ-Визиными.

Енисейскъ довольно большой и красивый городъ. Въ немъ много церквей, два монастыря, одинъ мужской, другой женскій, много каменныхъ домовъ и прекрасная набережная. Онъ стоитъ на берегу огромной рѣки Енисея, быстрой и широкой. Ширина рѣки

въ самомъ городѣ почти двѣ версты, быстрота же такъ велика, что когда начинаетъ ломать весною ледъ на Енисеѣ, то образуются цѣлыя горы льда, съ страшнымъ трескомъ падающія и тотчасъ же вновь поднимающіяся вверхъ. Когда Енисей трогается, то это составляетъ событіе въ городѣ; всѣ бѣгутъ на набережную смотрѣть и любоваться необычайною картиною; шумъ отъ паденія льда бываетъ такъ великъ, что когда ночью онъ трогается, то всѣхъ жителей будитъ своимъ трескомъ. Мои собственныя впечатлѣнія объ Енисейскѣ, хотя дѣтскія, но очень поэтичныя. Съ дѣтства я обожала природу и восхищалась ею, а въ Енисейскѣ болѣе чѣмъ гдѣ-либо нельзя было ею не восхищаться.

Помню, какъ теперь, что когда послѣ нашихъ дѣтскихъ учебныхъ занятій отпускали насъ, дѣтей, гулять съ гувернеромъ-французомъ по живописнымъ окрестностямъ города, то трудно описать нашу радость, когда, бывало, выйдя за городъ, увидимъ разстилающійся живой коверъ всевозможныхъ цвѣтовъ подъ нашими ногами. Я нигдѣ потомъ ни въ Россіи, ни за границей, не видала такого богатства флоры, какъ тамъ. Разнообразіе и величина цвѣтовъ необыкновенныя: тамъ ростутъ фіалки, гвоздики махровыя, астры, тюльпаны и незабудки величиной съ серебряный гривенникъ и еще какіе-то мѣстные цвѣты оранжеваго цвѣта, формы розъ, называемые сарана. Бывало, переѣхавъ на лодкѣ заливъ Енисея, мы направлялись на любимое мѣсто нашихъ прогулокъ, называемое Каштакъ. Это долина, покрытая цвѣтами, окаймленная живописными холмами и пригорками. Разсыпавшись по бархатнымъ лугамъ, каждый изъ насъ старается набрать какъ можно больше цвѣтовъ, и, сдѣлавъ огромные букеты, мы спѣшимъ принести ихъ домой. Жаль только, что прекрасные цвѣты не имѣютъ тамъ никакого запаха.

Лѣто въ Енисейскѣ очень скоротечно, продолжается не болѣе полутора мѣсяца, много два, при температурѣ, доходящей чуть не до 40° жара. Жаръ бываетъ такъ великъ, что мы дѣти часто забавлялись печеніемъ яицъ на окнахъ; подоконники послѣднихъ большею частью дѣлаются изъ грифельнаго камня, который такъ раскаляется солнцемъ, что положенное яйцо легко печется на немъ. Растительность идетъ тоже съ необычайною быстротою. Если съ вечера замѣтите растеніе въ саду, то утромъ вы увидите, что оно за ночь поднялось чуть не больше вершка. Вообще, все тамъ поспѣваетъ очень быстро; ягодъ лѣсныхъ, малины, морошки, смородины, земляники, брусники, родится множество. Изобиліе рыбы, дичи, мяса—необычайное, и жизнь поэтому была въ то время баснословно дешева; но за то нравственныя условія были убійственны. Общества почти никакого; кругъ чиновниковъ тогда былъ очень неразвитый, грубый. Всѣ удовольствія заключались для нихъ въ винѣ и картахъ. Бывало, празднуютъ именины дня три, пьютъ и

кутятъ цѣлыя ночи, уѣзжаютъ домой на нѣсколько часовъ, а потомъ опять возвращаются и кутятъ. Порядочному человѣку, попавшему въ ихъ кругъ, становилось невыносимо. Купечество хотя очень богатое, но замкнутое тоже въ своей однообразной, грубой средѣ. Пріѣхавъ въ Енисейскъ, мой отецъ, волей-неволей, долженъ былъ поддерживать съ ними общеніе и даже раздѣлять ихъ пирушки; но, не имѣя ничего съ ними общаго, старался болѣе удаляться отъ нихъ, и поэтому сошелся вскорѣ съ поселеннымъ тамъ семействомъ декабриста Михаила Александровича Фонъ-Визина и съ сосланными туда поляками, общество которыхъ, какъ людей образованныхъ, было пріятное. Изъ поляковъ многіе были люди милые и талантливые; они давали намъ, дѣтямъ, уроки. Жизнь они вели трудовую и скромную, потому что нуждались очень въ средствахъ къ существованію. Фонъ-Визины жили тоже уединенно, хотя въ средствахъ не нуждались. Они занимали прекрасный каменный домъ съ садомъ; обстановка у нихъ была очень приличная и комфортабельная. Наталья Дмитріевна Фонъ-Визина была весьма красивая, молодая женщина и большая любительница цвѣтовъ. Небольшой ея садикъ былъ—настоящая оранжерея, наполненная рѣдкими растеніями; она по цѣлымъ днямъ иногда возилась въ немъ. Она была женщина въ высшей степени религіозная и умная; ниже я буду говорить о ней подробнѣе. Семейство наше видалось часто съ Фонъ-Визинами, и я, какъ ребенокъ, сдѣлалась фавориткой ихъ обоихъ, особенно Михаила Александровича, который вообще очень любилъ всѣхъ дѣтей, почему привязался и ко мнѣ съ нѣжностью отца. Привязанность ихъ, впослѣдствіи перешедшая въ горячую дружбу ко мнѣ, сохранилась до конца ихъ жизни, о чемъ тоже будетъ сказано подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Моему отцу, какъ служащему въ Енисейскѣ исправникомъ, приходилось дѣлать большіе разъѣзды по дѣламъ службы. Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ поѣздокъ его была въ Туруханскъ и далѣе на сѣверъ; онъ не доѣхалъ всего 200 верстъ до Ледовитаго океана. Туруханскъ—маленькій уѣздный городокъ, съ одною церковью, почти безъ всякой растительности лѣтомъ, населенный большею частью тунгусами и остяками, которые по непроходимымъ тундрамъ охотятся на звѣря и приносятъ въ Туруханскъ ясакъ свой, то есть дань или подать изъ лучшей пушнины. Эта подать служила источникомъ страшнаго зла. Какъ купцы, такъ и начальство, пользуясь кто своею властью, а кто своими средствами, безсовѣстно обирали несчастныхъ инородцевъ. Послѣдніе до страсти любятъ вино и за штофъ водки готовы отдать, кажется, свою душу, не только дорогого звѣря. Самый лучшій ясакъ, т. е. дорогія шкуры пушистаго соболя или чернобурой лисицы переходилъ за безцѣнокъ въ руки купцовъ и чиновниковъ, которые, такимъ образомъ, страшно обогащались. Раскрыть эти злоупотребленія и посланъ

былъ отецъ мой, и еслибъ онъ самъ былъ менѣе честенъ, то могъ бы тоже легко обогатиться, тѣмъ болѣе, что надъ нимъ не было почти никакого контроля. Ему предлагали крупныя взятки какъ купцы, такъ и чиновники, чтобъ только скрыть ихъ злоупотребленія; но отецъ, по своей добросовѣстности, не воспользовался заманчивою прелестью легкой наживы, открылъ и вывелъ зло на чистую воду, чѣмъ, конечно, нажилъ себѣ не мало враговъ. Награду же за свои честныя дѣянія онъ ожидаетъ теперь на небесахъ, хотя всѣ его дѣйствія по этому дѣлу занесены были съ похвалою въ формуляръ. Не легко ему было въ Туруханскѣ, на краю свѣта, вдали отъ семьи, бороться со зломъ и чувствовать кругомъ себя одну лишь враждебную силу. Но Богъ никогда не оставляетъ человѣка праваго и уповающаго на Него. Господь послалъ ему утѣшеніе и отраду въ лицѣ встрѣтившагося тамъ одного, тоже поселеннаго изъ декабристовъ, Александра Борисовича Абрамова, который какъ человѣкъ хорошій, добрый и образованный, былъ для отца въ этой глуши настоящимъ, какъ онъ выражался, сокровищемъ и опорой. Не легче было, конечно, и Абрамову почти заживо погребенному въ дикой, суровой странѣ, далеко отъ всего родного, близкаго, цивилизованнаго. Но хорошій человѣкъ не падаетъ духомъ и вездѣ, съ помощію Божіею, устроитъ себя такъ, что найдетъ возможнымъ быть полезнымъ другимъ. Абрамовъ былъ характера очень добраго, веселаго и общительнаго, старался всѣмъ дѣлать добро и помогалъ кому словомъ, а кому и дѣломъ, заступался часто за невинныхъ и отстаивалъ ихъ. Его всѣ тамъ очень любили, и когда онъ умеръ, заразившись сибирской язвой, то оплакивали, особенно бѣдные, какъ родного отца.

Въ Туруханскъ на нѣкоторое время былъ тоже сосланъ одинъ изъ декабристовъ, Николай Сергѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ. Несчастнаго изъ Иркутска провели туда пѣшкомъ на лыжахъ по тундрамъ. Этотъ страдалецъ не вынесъ, однако, такого страшнаго испытанія, сошелъ съума и впослѣдствіи былъ переведенъ, по просьбѣ меньшого его брата, тоже декабриста, Павла Сергѣевича, въ Красноярскъ, гдѣ тотъ находился, а потомъ они вмѣстѣ переведены были на поселеніе въ Тобольскъ, откуда въ 1856 году возвращены на родину въ Россію.

Въ Енисейскъ ясакъ привозится самими тунгузскими князьками, которые иногда пріѣзжаютъ съ своими женами. Губернскія власти принимаютъ ихъ съ большою предупредительностью, угощаютъ и дарятъ имъ разныя бездѣлушки, до которыхъ они большіе охотники. Князьки собой далеко не привлекательны; маленькіе ростомъ, скуластые, съ расплюснутыми носами, грязные, неопрятные, одѣты лѣтомъ въ разное тряпье; женщины ушиваютъ свои тряпки разными побрякушками; зимою же у нихъ есть особенныя одѣянія изъ шкуръ оленей, сшитыя волосомъ вверхъ. Какъ

мужчины, такъ и женщины, страстно любятъ водку. Однажды, къ отцу пришло ихъ нѣсколько паръ мужей съ женами. Отецъ представилъ ихъ женѣ своей; подали имъ угощеніе и водку, безъ которой угощеніе для нихъ не существуетъ. Пьютъ они водку стаканами. Подвыпивъ, они пошли бродить безъ церемоніи по комнатамъ. Забравшись въ спальню, гдѣ по обыкновенію стояли кровати, вдругъ, къ ужасу матери моей, одинъ изъ князьковъ вскочилъ на постель и усѣлся съ поджатыми грязными ногами какъ на диванѣ. Насилу могли уговорить его сойти, такъ понравилось ему мягкое сидѣнье на постели. Въ другой разъ, одной изъ княгинь показалось, что поданное вино не крѣпко; она бросила стаканъ съ водкой на полъ и потребовала лучшаго, т. е. болѣе крѣпкаго. Подъ конецъ, они до того надоѣли матери моей своими выходками, что она просила больше ихъ не пускать къ ней въ комнаты.

Я уже сказала выше, что нравственная жизнь въ Енисейскѣ была очень тяжелая, съ отъѣздомъ же Фонъ-Визиныхъ въ Красноярскъ, куда ихъ перевели на поселеніе, она стала просто невыносима. Къ счастію нашему, вскорѣ и отца перевели вторично въ Ачинскъ, уѣздный городъ Красноярской губерніи.

Отецъ очень былъ обрадованъ этимъ переводомъ. Постоянные, далекіе, соединенные съ опасностію для жизни, разъѣзды по уѣзду начали сильно его утомлять и очень вредно вліять на здоровье. Во вторичное пребываніе наше въ Ачинскѣ, мы прожили въ немъ тоже не болѣе полутора года. Маленькій уѣздный городокъ Ачинскъ, конечно, не могъ наполнить жизни, но, по крайней мѣрѣ, здѣсь было покойнѣе, не было того разгула среди чиновниковъ, какъ въ Енисейскѣ, и отцу не нужно было ѣздить на дальнія разстоянія.

Среди ачинскаго общества находились люди, если и не совсѣмъ развитые, за то добрые и пріятные. Отца очень многіе полюбили. Въ бытность его въ Ачинскѣ съ нимъ случился эпизодъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ. Тамъ жилъ одинъ, такъ называемый, братъ Даніилъ, старецъ, великій подвижникъ, всѣми уважаемый и считаемый за святого. Онъ жилъ въ землянкѣ, на краю города и проводилъ время въ постоянномъ трудѣ и молитвѣ. За кусокъ чернаго хлѣба онъ работалъ по ночамъ, копая въ огородѣ, или въ полѣ, косилъ и жалъ хлѣбъ до совершеннаго изнеможенія; потомъ, отдохнувъ немного, вкушалъ пищу, т. е. черный, сухой хлѣбъ и не очищенный картофель; чтобы меньше съѣсть, онъ закладывалъ себѣ за поясъ деревянный колъ. Родомъ онъ былъ изъ малороссіянъ и, будучи солдатомъ, дѣлалъ кампанію 1812 года. Выучившись грамотѣ, Даніилъ сталъ прилежно заниматься чтеніемъ св. Писанія, и, познавъ суету міра, вознамѣрился, по окончаніи служебныхъ лѣтъ, уйти въ монастырь; но начальство, имѣя въ немъ хорошаго служаку, воспротивилось этому и стало его удерживать; онъ рѣшительно объявилъ, что не хочетъ болѣе слу-

жить. Тогда, не знаю навѣрно, это ли сопротивленіе власти поставлено ему было въ вину, или былъ онъ еще оклеветанъ, но его сослали въ Сибирь, и онъ попалъ въ Томскую губернію, въ Богатильскій заводъ на вѣчную каторгу. Онъ и тамъ всѣ работы, возлагаемыя на него, исправлялъ безъ упущенія, а ночи проводилъ въ молитвѣ. Даже днемъ, когда всѣ отдыхали, онъ удалялся въ уединенное мѣсто на молитву, чтобъ его никто не видалъ. Заводомъ управлялъ тогда приставъ Егоръ Петровичъ Аѳанасьевъ, прозванный «безстрашнымъ». Человѣкъ грубый, постоянно пьяный, онъ и прозванъ былъ безстрашнымъ за пьяное удальство. Однажды, будучи, конечно, пьянымъ, онъ похвастался, что на бѣговыхъ дрожкахъ проѣдетъ на верху кругомъ каланчи, что и исполнилъ къ изумленію всѣхъ предстоящихъ. Этотъ-то приставъ возненавидѣлъ Даніила за его святую жизнь, называлъ его не иначе какъ «святошей», насмѣхался, говоря: «пу-ка спасайся, святоша, на каторгѣ». Ненависть къ Даніилу дошла у него до крайняго предѣла. Разъ, онъ приказалъ посадить его, обнаженнаго, въ трескучій морозъ, на крышу своего дома и обливать изъ пожарныхъ машинъ водою; самъ же съ насмѣшкой кричалъ: «спасайся, Даніилъ! Вѣдь ты святой!» Праведникъ страдалъ и молился за мучителя своего, а народъ съ ужасомъ смотрѣлъ на истязаніе. Жена мучителя послала было шубу, чтобъ прикрыть наготу страдальца, но она была сорвана съ него. Однако, Господь вступился за своего вѣрнаго раба и поразилъ мучителя внезапною страшною болѣзнію; у него тутъ же вдругъ повернуло голову съ сильною болью на сторону, такъ что лицо очутилось почти назади. Жена мучителя начала укорять мужа за св. старца. «Что ты дѣлаешь? Побойся Бога, неужели не видишь надъ собой праведнаго наказанія за истязаніе Божьяго человѣка,—говорила она,—отпусти его!» Тогда приказалъ онъ позвать къ себѣ старца, началъ просить у него прощенія, кланялся ему въ ноги и умолялъ помолиться за него. Старецъ же Даніилъ, забывъ претерпѣнныя страданія, съ обычною добротою сталъ ему говорить: «Что ты, что братъ, да ты ни въ чемъ передо мной не виновенъ. Вѣдь это была Божья воля, меня негоднаго наказать». Послѣ того, онъ началъ молиться за него, и ему тотчасъ же стало лучше и голова приняла прежнее положеніе. На другой день случилось поѣхать Аѳанасьеву въ городъ Ачинскъ; ночью поднялась вдругъ такая мятель, что онъ заблудился и сбился окончательно съ дороги. Кучеръ замѣтилъ ему: «это Господь наказываетъ насъ за то, что вчера оскорбили святого старца Даніила». Аѳанасьевъ въ испугѣ внутренно обратился съ мольбою къ Даніилу: «Прости меня, старче Даніиле, и избавь насъ отъ неминуемой смерти. Болѣе тебя держать даже на заводѣ не буду и отпущу на волю». Повернувъ лошадей на удачу, они вдругъ очутились близъ самой дороги. Какъ только Аѳанасьевъ

возвратился назадъ, то сейчасъ же написалъ донесеніе къ губернатору, что такой-то Даніилъ совершенно не способенъ къ работѣ и отпустилъ его на волю, на пропитаніе. Всѣ эти подробности пришлось намъ слышать отъ жены Аѳанасьева, у котораго по пріѣздѣ нашемъ въ Ачинскъ жили мы на квартирѣ. Слава о святой жизни старца Даніила росла съ каждымъ днемъ и отцу моему очень хотѣлось его видѣть.

Однажды, отецъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и занимался дѣлами, какъ вдругъ вбѣгаетъ въ комнату какой-то оборванецъ, бросается прямо къ нему и треплетъ по плечу со словами: «А, здравствуй, исправникъ, я пришелъ къ тебѣ за дѣломъ». Отецъ, увидя предъ собой какого-то бродягу, такъ фамильярно съ нимъ обращающагося, закричалъ на него и хотѣлъ было вытолкать; но въ эту минуту входитъ письмоводитель и останавливаетъ отца: «Что вы дѣлаете, Димитрій Ивановичъ? Вѣдь это братъ Даніилъ!» Можно представить себѣ удивленіе и вмѣстѣ радость отца, узнавшаго, что у него въ домѣ давно желанный праведникъ. Отецъ тотчасъ же извинился предъ нимъ. Братъ же Даніилъ (его всегда звали братомъ по его собственному желанію; отцомъ онъ не позволялъ себя называть, говоря: у насъ одинъ отецъ,—Господь, а мы всѣ братья), продолжая трепать отца по плечу, говорилъ: «а я вѣдь къ тебѣ по дѣлу! У тебя есть дѣло, въ которомъ обвинили невиннаго и оправдали виновнаго, разсмотри-ка дѣло хорошенько». Отецъ обѣщалъ все сдѣлать и такъ былъ увѣренъ въ справедливости защиты брата Даніила, что тотчасъ же велѣлъ выпустить на свободу обвиняемаго. Впослѣдствіи, по тщательному разсмотрѣнію дѣла, точно оказалось, что обвиняемый, какъ говорилъ братъ Даніилъ, былъ правъ. Съ тѣхъ поръ онъ довольно часто забѣгалъ къ намъ и привязался къ отцу и матери моимъ. Не разъ потомъ, по просьбамъ брата Даніила, котораго отецъ очень чтилъ какъ святого, намъ приходилось дѣлать добро. Денегъ онъ никогда не бралъ. «Самъ находи бѣдныхъ, если хочешь истинно помогать имъ», отвѣчалъ онъ всегда, когда ему предлагали денегъ. О его жизни и дѣяніяхъ ходило множество разсказовъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины, братъ Даніилъ переселился изъ Ачинска въ Енисейскъ, въ женскій монастырь, къ игуменьѣ Евгеніи, которой лѣтъ за десять передъ тѣмъ, когда она еще жила съ мужемъ, предсказалъ, что она будетъ въ Енисейскѣ игуменьей, и что тогда онъ придетъ къ ней, и она похоронитъ его. Вотъ какъ она сама описываетъ это въ своихъ запискахъ:

«Когда я еще жила въ мірѣ, то часто приглашала къ себѣ брата Даніила и въ саду хотѣла ему выстроить келью, по его желанію. Но онъ мнѣ говорилъ: «ты сама живешь на болотѣ; а когда будешь жить на твердой землѣ, тогда я къ тебѣ приду, ты меня и похоронишь». Такъ и случилось; ибо чрезъ десять лѣтъ, когда

я поступила въ игуменьи, пріѣхалъ ко мнѣ дорогой мой гость, и только вошелъ въ келью мою, сказалъ: «Вотъ теперь ты на твердой землѣ, и я къ тебѣ пріѣхалъ погостить; ты меня и похоронишь». Погостилъ дорогой мой гость только три мѣсяца и преставился 15-го апрѣля 1843 года въ четвергъ на Пасхѣ. Наканунѣ своей смерти, онъ съ удовольствіемъ осматривалъ мѣстность въ монастырской оградѣ и говорилъ мнѣ: «завтра меня ужъ не будетъ; вы не говорите — я уѣхалъ, а скажите: былъ, да нѣтъ Даніила». И подлинно такъ; съ вечера былъ здоровъ; въ утреню исповѣдался, а въ раннюю обѣдню причастился Св. Таинъ. Мнѣ онъ сказалъ: «пріиди ко мнѣ въ третьемъ часу». Я, придя, послала за священникомъ, и онъ прочиталъ отходную. Старецъ сталъ на колѣни; я поддержала его за плечи. Онъ же сказалъ мнѣ: «Богъ тебя проститъ, мое золото». Съ этимъ словомъ онъ скончался. Когда начали его обмывать, увидѣли на тѣлѣ берестовый поясъ, уже вросшій въ тѣло и кровь запекшуюся около пояса; съ тѣмъ его и положили въ гробъ. Я съ радостію такое сокровище похоронила въ оградѣ монастыря. Скончался онъ около шестидесяти лѣтъ. На похороны его столько стеклось народу, что надобно было подивиться. Еще не знали хорошо странника въ нашемъ городѣ, а всѣ собрались въ церковь отъ мала до велика».

II.

Переводъ моего отца на службу въ Красноярскъ.— Намѣреніе его возвратиться въ Россію.— Пріѣздъ въ Тобольскъ. — Назначеніе его совѣтникомъ Тобольскаго губернскаго правленія.—Декабристы.—Ссыльные поляки.—Генералъ-губернаторъ князь Горчаковъ.—Крестьянскій бунтъ и его усмиреніе моимъ отцомъ. — Княгиня Н. Д. Горчакова. — Переводъ генералъ-губернаторскаго управленія въ Омскъ. — Наталья Дмитріевна Фонъ-Визина. — Ея жизнь до замужества.—Что послужило Пушкину темой для поэмы «Евгеній Онѣгинъ».—Самоотверженный подвигъ Н. Д. Фонъ-Визиной.

Въ Красноярскѣ, куда переведенъ былъ изъ Ачинска отецъ мы опять встрѣтились съ старыми знакомыми Фонъ-Визиными и снова прожили года полтора вмѣстѣ съ ними. Тамъ поселены были еще нѣкоторые изъ декабристовъ: два брата Бобрищевы-Пушкины, Краснокутскій, Митьковъ. Такъ какъ Красноярскъ губернскій городъ, то и составъ чиновниковъ былъ болѣе порядоченъ и образованный. Жизнь тамъ была болѣе пріятная, чѣмъ въ уѣздныхъ городахъ. Декабристъ Краснокутскій былъ холостой, разбитый параличемъ, почему всѣ его товарищи и знакомые собирались къ нему, бесѣдовали, играли иногда въ карты. Переведенный впослѣдствіи въ Тобольскъ, онъ тамъ и умеръ.

Красноярскъ довольно большой, красивый городъ, тоже съ замѣчательными живописными окрестностями и изобиліемъ флоры,

какъ и въ Енисейскѣ. Зимы тамъ жестокія до 40 градусовъ мороза, но безъ снѣга. Постоянный сильный вѣтеръ, дующій въ ущельѣ, сноситъ совершенно снѣгъ. На Рождествѣ часто приходилось ѣздить по замерзшей землѣ на колесахъ. Я помню, какъ мы дѣти боялись ѣздить по замерзшей рѣкѣ, гладкой какъ ледъ, совсѣмъ безъ снѣга. По отъѣздѣ Фонъ-Визиныхъ изъ Красноярска въ Тобольскъ, куда ихъ по просьбѣ родныхъ перевели, отецъ мой не долго оставался въ Красноярскѣ. Ему надоѣло жить въ Сибири, и онъ задумалъ возвратиться въ Россію, куда мы и отправились обратно въ декабрѣ мѣсяцѣ 1839 года.

Тобольскъ лежалъ намъ не по пути, но мы нарочно заѣхали туда, чтобъ повидаться и проститься въ послѣдній разъ съ Фонъ-Визиными. Тогда въ Тобольскѣ генералъ-губернаторомъ былъ князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ, родственникъ и другъ Фонъ-Визиныхъ. Михаилъ Александровичъ Фонъ-Визинъ уговорилъ отца остаться въ Тобольскѣ и рекомендовалъ его князю Горчакову, какъ честнаго человѣка; отцу предложили мѣсто совѣтника въ губернскомъ правленіи, которое онъ и принялъ. Въ Тобольскѣ мы прожили, не разлучаясь уже съ Фонъ-Визиными, въ постоянной, а потомъ тѣсной дружбѣ, ровно шестнадцать лѣтъ. Въ Тобольскъ же вскорѣ переведены были, изъ Красноярска, братья-Бобрищевы-Пушкины, тоже наши хорошіе знакомые, а впослѣдствіи и дорогіе друзья, а вскорѣ затѣмъ и еще нѣсколько семействъ изъ декабристовъ: Анненковъ, Александръ Михайловичъ Муравьевъ, докторъ Вольфъ, Петръ Николаевичъ Свистуновъ, баронъ Штейнгель, Башмаковъ, Степанъ Михайловичъ Семеновъ, князь Барятинскій. Недалеко отъ Тобольска, верстъ за 200, въ уѣздномъ городѣ Ялуторовскѣ, поселились также на житье декабристы: Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, Иванъ Дмитріевичъ Якушкинъ, Иванъ Ивановичъ Пущинъ, баронъ Тизенгаузенъ, Ентальцевъ, Басаргинъ. Всѣ они нерѣдко пріѣзжали въ Тобольскъ, конечно, съ разрѣшенія губернатора, и, принадлежа большею частію къ высшему обществу, отличались образованіемъ и простотой обращенія.

Первые годы нашей жизни въ Тобольскѣ шли однообразно; мы, дѣти, заняты были ученіемъ, отецъ службою. Въ Тобольскѣ, какъ и въ Енисейскѣ, нашими учителями были большею частью сосланные поляки. Между ними особенно отличался нѣкто графъ Мархидскій, дававшій намъ уроки музыки на фортепіано. Многіе были приняты въ обществѣ и участвовали на балахъ и вечерахъ и были, конечно, изъ первыхъ танцоровъ.

Фонъ-Визины въ Тобольскѣ вели жизнь хотя скромную, но имѣли уже довольно обширное знакомство, благодаря своимъ прекраснымъ качествамъ, а также родству съ генералъ-губернаторомъ княземъ Горчаковымъ, который бывалъ у нихъ всегда запросто, какъ близкій родственникъ. Надо сказать, что Горчаковъ въ первые годы

своего губернаторства, когда главная его резиденція была въ Тобольскѣ, велъ себя безукоризненно и мудро управлялъ краемъ, преслѣдовалъ и искоренялъ взяточничество, умѣлъ выбирать и окружать себя людьми честными и добросовѣстными. Онъ понялъ моего отца и отличилъ своимъ довѣріемъ, поручая ему многія запутанныя дѣла, требовавшія добросовѣстнаго исполненія; съ Божіей помощью, отецъ неутомимо, не щадя своихъ силъ, исполнялъ ихъ съ успѣхомъ. Нѣкоторыя порученія приходилось ему исполнять съ опасностію жизни; такъ, напримѣръ, въ одномъ уѣздѣ произошелъ бунтъ крестьянъ, причиной котораго былъ одинъ изъ проѣзжавшихъ торговцевъ, разсказывавшій вольнымъ крестьянамъ, будто бы государь хочетъ и ихъ, по примѣру Россіи, закабалить въ крѣпостные и отдать помѣщикамъ, не смотря на то что въ Сибири никогда не существовало крѣпостного права, народъ былъ все вольный и жилъ на богатыхъ сибирскихъ пажитяхъ, имѣя въ своемъ распоряженіи землю, лѣсъ и всѣ угодья этого богатаго края. Въ подтвержденіе своихъ разсказовъ, торговецъ сочинилъ, что будто бы онъ даже обогналъ цѣлый обозъ лаптей, которыхъ сибиряки никогда не носили, но которые заставятъ ихъ надѣть, какъ эмблему крѣпостного надъ ними права. Народъ былъ настолько глупъ, что повѣрилъ этимъ баснямъ и взбунтовался противъ предстоящей крѣпостной кабалы; пріѣхали исправникъ и засѣдатель и стали ихъ уговаривать; не съумѣвъ хорошо убѣдить, они хотѣли силою заставить ихъ молчать; однако, этимъ до того разъярили народъ, что онъ бросился на начальство и буквально на куски разорвалъ несчастныхъ исправника и засѣдателя. Сейчасъ же дали знать въ Тобольскъ князю Горчакову, который и послалъ для усмиренія бунтовщиковъ моего отца, какъ довѣренное лицо. Можно себѣ представить, какъ тяжело было отцу ѣхать туда, чуть не на явную смерть. Но такъ какъ онъ былъ глубоко вѣрующій человѣкъ, то, предавшись на волю Всевышняго, напутствуемый молитвами семьи и совѣтами добрыхъ друзей Фонъ-Визиныхъ, бодро отправился къ своей цѣли.

Толпа, когда отецъ приблизился къ ней, еще бушевала и не хотѣла сначала слушать никакихъ доводовъ; но мало-по-малу, услыша кроткія убѣжденія и разъясненіе лжи легкомысленнаго торговца, начала стихать и, наконецъ, убѣдилась въ малодушномъ довѣріи къ баснямъ разсказчика. Раскаявшись, она выдала зачинщиковъ и съ благодарностью отнеслась къ отцу за то, что онъ съумѣлъ наставить ихъ на истину, чѣмъ спасъ многихъ отъ погибели. Благополучное усмиреніе бунта еще болѣе возвысило въ глазахъ князя Горчакова моего отца, который послѣ этого сдѣлался окончательно его любимцемъ.

Княгиня Наталья Дмитріевна Горчакова, урожденная Черевина, находилась въ близкомъ родствѣ съ Натальей Дмитріевной Фонъ-

Визиной и ежедневно видѣлась съ нею. Бывало придетъ со всѣми своими дѣтьми къ Фонъ-Визинымъ и отводитъ душу по цѣлымъ вечерамъ въ обществѣ у нихъ. Она была женщина очень скромная и въ высшей степени застѣнчивая, близорукая, терялась при появленіи каждаго новаго человѣка, такъ что оффиціальные пріемы у генералъ-губернатора были для нея просто невыносимы; она любила жизнь болѣе тихую и скромную, много занималась воспитаніемъ дѣтей, часто ѣздила въ Россію, а подъ конецъ и совсѣмъ переселилась туда; мужу не нравились ея частыя уклоненія отъ общественныхъ пріемовъ и ея частыя отлучки, но онъ не могъ ничего сдѣлать.

Князь Горчаковъ перевелъ свою резиденцію изъ Тобольска въ Омскъ, за шестьсотъ верстъ отъ Тобольска, ближе къ киргизской степи, куда, какъ онъ увѣрялъ, дѣлали часто набѣги киргизы, почему его корпусной квартирѣ и слѣдовало быть ближе къ этой мѣстности. Съ удаленіемъ главной квартиры, управленія генералъ-губернатора, войска, чиновъ штаба, въ Омскъ, Тобольскъ совершенно опустѣлъ, сдѣлался скромнымъ губернскимъ городомъ и жизнь въ немъ началась довольно скучная. Собственно для меня это была лучшая пора, потому что въ этотъ періодъ мы больше сблизились съ Фонъ-Визиными; на меня, какъ на дѣвочку съ пылкимъ воображеніемъ и воспріимчивой натурой, Наталья Дмитріевна имѣла громадное нравственное вліяніе. Она была замѣчательно умна, образована, необыкновенно краснорѣчива и въ высшей степени духовно-религіозно развита. Въ ней такъ много было увлекательнаго, особенно когда она говорила, что передъ ней невольно преклонялись всѣ, кто только слушалъ ее. Она много читала, переводила, память у нея была громадная; она помнила даже всѣ сказки, которыя разсказывала ей въ дѣтствѣ ея няня, и такъ умѣла хорошо, живо, картинно представить все, что видѣла и слышала, что самый простой разсказъ, переданный ею, увлекалъ каждаго изъ слушателей. Характера она была черезвычайно твердаго, рѣшительнаго, энергичнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ необычайно веселаго и проста въ обращеніи, такъ что въ ея присутствіи никто не чувствовалъ стѣсненія. Высокая религіозность ея проявлялась не въ однихъ внѣшнихъ формахъ обрядоваго исполненія, но въ глубокомъ развитіи вѣдѣнія духовнаго; она въ полномъ смыслѣ слова жила внутренней, духовной жизнью. Читала она всевозможныя духовныя книги, не говоря уже о Библіи, которую знала всю почти наизусть, читала творенія св. отцовъ нашей православной церкви и писателей католической и протестанской церквей, знала нѣмецкую философію, къ тому же обладала еще необыкновенно яснымъ и глубокимъ взглядомъ на жизнь.

Съ ней рѣдко кто могъ выдержать какой-нибудь споръ, духовный ли, философскій, или политическій. Какъ бывало мудро и глу-

боко умѣла она соединить міровыя событія съ библейскими пророческими предсказаніями. Не разъ приходилось ей развивать архіереямъ такія евангельскія истины, въ которыя они сами не вникали, и поражать ихъ глубиною своего духовнаго вѣдѣнія. Одинъ изъ тобольскихъ архипастырей настолько поразился ея знаніями, что заставилъ ее написать объясненіе на молитву «Отче нашъ», которое до сихъ поръ сохранилось. Объясненіе этой молитвы ясно высказываетъ глубокое чувство вѣрующаго человѣка. Жизнь ея съ дѣтства была необыкновенная. Она была единственная дочь богатаго человѣка, Апухтина, женатаго на Марьѣ Павловнѣ Фонъ-Визиной. Онъ долго былъ предводителемъ въ Костромѣ, гдѣ были у него большія помѣстья. Въ этихъ-то костромскихъ лѣсахъ и воспитывалась поэтичная натура его дочери. Она любила поля, лѣса и, вообще, привольную жизнь среди народа и природы, не стѣсненную никакими лживыми личинами свѣтской жизни въ городахъ.

Мать ея была очень благочестивая женщина, любила принимать разныхъ странниковъ, монахинь, и, конечно, воспитала дочь въ благочестивомъ направленіи. Но экзальтированная юная душа дочери не удовлетворилась однѣми наружными формами религіи. Она страстно предалась чтенію разныхъ духовныхъ книгъ. Изъ жизнеописаній святыхъ она увлекалась болѣе всего мученическими и аскетическими изъ любви ко Христу подвигами ихъ. Сердце ея загорѣлось тою же любовію къ Господу, и она начала подражать имъ.

Съ 14-ти лѣтъ она несла втихомолку разные своего рода подвиги. Носила изъ веревки вареной въ соли на тѣлѣ поясъ, отъ котораго много страдала, потому что онъ разъѣдалъ ея нѣжное тѣло. Надо замѣтить, что она была очень красива собой, и чтобъ на нее менѣе обращали вниманія, она стояла по цѣлымъ часамъ на солнечномъ упекѣ и радовалась, когда кожа ея на лицѣ трескалась отъ жгучихъ лучей.

Когда ей исполнилось 16-ть лѣтъ, то къ ней стало свататься много жениховъ, о которыхъ она и слышать не хотѣла, рѣшившись въ сердцѣ посвятить себя Богу и идти въ монастырь. Родители, узнавъ о ея желаніи, возстали противъ него и потребовали, чтобы она вышла замужъ. Тогда она задумала тайно удалиться въ монастырь. Не смотря на молодость лѣтъ, она устроила все очень умно; заинтересовала своимъ горячимъ призваніемъ мѣстнаго деревенскаго священника, ея духовника, который помогъ ей уйти изъ дома родительскаго, далъ ей одежду сына своего семинариста, обрѣзалъ ея прекрасные волосы и нарекъ ее именемъ Назаріи. Она ночью вышла изъ дома и шла лѣсомъ одна, безъ всякаго провожатаго, распѣвая тихо псалмы и молясь внутренно Господу. Страха, какъ она разсказывала потомъ мнѣ, не ощущала никакого, только спѣшила, чтобъ до утра уйти какъ можно дальше отъ родныхъ мѣстъ. Къ утру, впрочемъ, она очень ослабѣла; но боялась зайти

въ деревню, поворотила въ глушь лѣса и, сѣвъ на пень, подкрѣпила себя кускомъ чернаго хлѣба, взятымъ ею изъ дома священника. Отдохнувъ немного, она пошла далѣе и прошла, такимъ образомъ, верстъ 70-ть до вечера слѣдующаго дня. Платье ея, т. е. рубашка и кафтанчикъ семинариста, изорвалось; изъ ногъ струилась кровь, такъ какъ шла она больше босикомъ; но она радовалась и восхваляла Бога, что за Него терпитъ, спѣшила дойти до святой обители, которая была уже въ нѣсколькихъ только верстахъ отъ нея. Какъ вдругъ слышитъ стукъ экипажа по дорогѣ. Она свернула скорѣе въ сторону и въ проѣзжающемъ узнала одного изъ своихъ прежнихъ жениховъ, г. Верховскаго. Онъ проѣхалъ было мимо ея, но потомъ, замѣтивъ мальчика, вернулся прямо къ ней спросить не видѣлъ ли онъ барышню, и каково было его удивленіе, когда въ мальчикѣ узналъ тотчасъ же ее. Бороться съ нимъ она, конечно, не могла; онъ посадилъ ее къ себѣ на дрожки и привезъ обратно къ родителямъ.

Утромъ, въ день ея побѣга, когда родители узнали, что дочь пропала, конечно, поднялась страшная суматоха, разослали людей въ поиски, недоумѣвая куда могла она уйти. Однако, успѣли выпытать тайну ея побѣга въ монастырь отъ ея пріятельницы, дѣвушки ея лѣтъ, жившей у нихъ же въ домѣ. Въ эту суматоху пріѣзжаетъ къ нимъ Верховскій и, узнавъ въ чемъ дѣло, поскакалъ тотчасъ же самъ въ погоню за ней по направленію къ женскому монастырю, гдѣ на дорогѣ, какъ описано выше, и успѣлъ догнать ее.

Возвратившись въ домъ родительскій, она покорилась своей участи и дала обѣщаніе слезно умолявшей ее матери не уходить, пока они живы, въ монастырь; но съ условіемъ не принуждать ее выходить замужъ. Такъ прожила она спокойно нѣсколько лѣтъ.

Ея страстная натура не избѣгла, однако, нѣкоторыхъ увлеченій. Домъ богатаго ея отца, любившаго жить открыто, всегда былъ полонъ гостей, родныхъ, знакомыхъ, пріѣзжавшихъ часто изъ Москвы въ великолѣпное ихъ имѣніе, стоящее на берегу живописной рѣки Унжи Костромской губерніи.

Одинъ изъ молодыхъ людей, посѣщавшихъ ихъ изъ Москвы, съумѣлъ какъ-то тронуть и увлечь сердце молодой деревенской красавицы; она съ довѣрчивостью своего благороднаго юнаго сердца слушала напѣвы легкомысленнаго юноши, вѣрила имъ и надѣялась было уже найти съ нимъ счастье, но разочарованіе ея было жестоко, когда юноша, развѣдавъ, что состояніе ея отца очень разстроено, что широкая жизнь запутала его дѣла, и что онъ за дочерью не можетъ дать того, чего онъ ожидалъ, перемѣнивъ обращеніе, сталъ отъ нея удаляться, и уѣхалъ, не объяснившись даже съ ней, въ Москву.

Ея благородное сердце было сильно уязвлено и оскорблено ни-

зостью поступка молодого человѣка. Вскорѣ послѣ этого, пріѣхалъ къ нимъ въ деревню двоюродный ея дядя, Михаилъ Александровичъ Фонъ-Визинъ, человѣкъ въ высшей степени добрый, честный, умный и очень образованнный. Онъ зналъ ее съ дѣтства и любилъ ее всегда, какъ милую дѣвочку; но за время, какъ онъ не видѣлъ ее долго, она успѣла расцвѣсти и изъ наивной хорошенькой дѣвочки превратиться въ красавицу, полную огня, хотя и съ оттѣнкомъ какой-то грустной сосредоточенности. Михаилъ Александровичъ, будучи мягкаго нѣжнаго сердца, не устоялъ и плѣнился настолько своей племянницей, что привязался къ ней страстно. Она, видя горячую его привязанность къ ней, не осталась равнодушною къ его чувству тѣмъ болѣе, что имѣла случай оцѣнить благородныя его качества и высоко-безкорыстное сердце, высказавшееся, какъ она узнала, въ слѣдующемъ великодушномъ относительно ея отца поступкѣ. Отецъ ея задолжалъ ему порядочную сумму денегъ, и когда Михаилъ Александровичъ узналъ о разстройствѣ его дѣлъ, то разорвалъ вексель и бросилъ въ каминъ. Старикъ отецъ хотя былъ очень тронутъ его благороднымъ великодушіемъ, но гордой душѣ его тяжело было все-таки перенести униженіе предъ другомъ. Замѣтивъ нѣжныя его чувства къ дочери, онъ очень обрадовался, когда Михаилъ Александровичъ завилъ ему о желаніи на ней жениться, если получитъ ея согласіе. У гордаго отца послѣ этого объясненія точно камень свалился съ сердца. Онъ, зная нерасположеніе дочери вообще къ замужеству, передалъ ей предложеніе дяди и при этомъ разсказалъ ей о великодушномъ его поступкѣ относительно векселя, прибавивъ, что онъ былъ бы вполнѣ счастливъ, еслибъ она не отвергла его предложеніе и тѣмъ какъ бы уплатила за отца и спасла бы его гордость и честь. Наталья Дмитріевна и сама настолько уже успѣла привязаться къ Михаилу Александровичу, что, узнавъ о такомъ безкорыстномъ его поступкѣ и, будучи глубоко вѣрующею душою, приняла все это какъ за указаніе воли Божіей, чтобъ рѣшеніемъ выйти замужъ за дядю, спасти честь любимаго отца, и тотчасъ же согласилась быть женою этого благороднаго человѣка.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они обвѣнчались въ костромскомъ ихъ родовомъ имѣніи Давыдовѣ и вскорѣ переѣхали на житье въ Москву, гдѣ Наталья Дмитріевна, окруженная многочисленною роднею, какъ со стороны мужа, такъ и своей, должна была постоянно посѣщать свѣтъ. Не любя его, она скучала пустотой свѣтской жизни, тосковала и рвалась къ своимъ завѣтнымъ роднымъ полямъ и лѣсамъ. Роскошные балы, гдѣ она блистала своею красотою, нисколько ее не привлекали. Посреди этой свѣтской лжи и лести, духовная внутренняя ея жизнь, какъ бы уходила еще глубже въ сердце, росла и крѣпла въ ней. Столкновеніе съ разнородными людьми выработало еще болѣе серьезную сторону и изъ наивной

экзальтированной дѣвочки она превратилась въ женщину необыкновенно умную, сосредоточенную, глубоко понимающую свои обязанности. Это доказываетъ очень характеристичный эпизодъ ея встрѣчи на одномъ балѣ съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ, который когда-то такъ увлекалъ ее своими льстивыми увѣреніями, и такъ горько разбилъ ея чистыя мечты.

На балѣ онъ былъ пораженъ встрѣчею съ женою заслуженнаго и всѣми уважаемаго генерала, блестѣвшею красотой и умомъ, не наивною уже дѣвочкою когда-то и его самого увлекавшей, но очаровательной женщиной, окруженной толпою поклонниковъ. Его низкая натура проявилась еще разъ тѣмъ, что онъ не задумался стать тоже въ число ея поклонниковъ, разсчитывая на прежнюю ея къ нему симпатію; но былъ уничтоженъ благороднымъ и гордымъ ея отпоромъ, какъ низкій ухаживатель за чужой уже женой. Тема «Евгеній Онѣгинъ» взята Пушкинымъ именно изъ жизни Натальи Дмитріевны; этотъ эпизодъ и многія подробности были ему переданы однимъ изъ общихъ ихъ знакомыхъ. Когда вышли первыя главы поэмы «Евгеній Онѣгинъ», то Михаилъ Александровичъ находился уже въ крѣпости.

Однажды, одинъ изъ родственниковъ Натальи Дмитріевны: Молчановъ, прибѣгаетъ къ ней и говоритъ, «Наташа, знаешь, вѣдь ты попала въ печать! Подлецъ Солнцевъ передалъ Пушкину твою исторію, и онъ своимъ поэтическимъ талантомъ опоэтизировалъ тебя въ своей поэмѣ «Евгеній Онѣгинъ!»

Наталья Дмитріевна до конца жизни сохранила свой твердый рѣшительный характеръ. Она знала, что мужъ ея принадлежалъ къ тайному обществу; но не предполагала, однако, чтобъ ему грозила скорая опасность. Когда же послѣ 14-го декабря къ нимъ въ деревню Крюково, имѣніе принадлежащее Михаилу Александровичу, по Петербургскому тракту, гдѣ они проводили зиму, явился братъ Михаила Александровича въ сопровожденіи другихъ незнакомыхъ ей лицъ, то она поняла тотчасъ же, что пріѣздъ незнакомыхъ людей относится къ чему-то необыкновенному. Отъ нея старались скрыть настоящую причину и сказали, что ея мужу необходимо нужно ѣхать въ Москву по дѣламъ, почему они и пріѣхали за нимъ по порученію товарищей его. Безпокойство, однако, запало въ ея сердце, особенно когда стали торопить скорѣйшимъ отъѣздомъ; она обратилась къ нимъ съ просьбой не обманывать ее: — «Вѣрно вы везете его въ Петербургъ?»—приставала она къ нимъ съ вопросомъ. Они старались увѣрить ее въ противномъ. Мужъ тоже, чтобъ не огорчить ее вдругъ, старался поддержать обманъ, простился съ нею наскоро, сжавъ судорожно ее въ своихъ объятіяхъ, благословилъ двухлѣтняго сына, сѣлъ въ сани съ незнакомцами, и они поскакали изъ деревни. Наталья Дмитріевна выбѣжала за ними за ворота и, не отрывая глазъ, смотрѣла за уѣзжавшими, когда же

увидѣла, что тройка, уносящая ея мужа повернула не на московскій трактъ, а на петербургскій, то, понявъ все, упала на снѣгъ и люди безъ чувствъ унесли ее въ домъ. Оправившись отъ перваго удара, она сдѣлала нужныя распоряженія и на другой же день, взявъ съ собой ребенка и людей, отправилась прямо въ Петербургъ, гдѣ узнала о бывшемъ 14-го декабря бунтѣ на площади и о томъ, что мужъ ея арестованъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость.

Она не упала духомъ, разузнала о другихъ арестованныхъ лицахъ, познакомилась съ ихъ женами и подговорила ихъ какъ-нибудь проникнуть къ заключеннымъ мужьямъ. Однажды, она сказала женѣ товарища мужа, Ивана Дмитріевича Якушкина, съ которой была дружна:—«Наймемъ лодку и поѣдемъ кататься по Невѣ мимо крѣпости?» И двѣ молодыя предпріимчивыя женщины, нанявъ яликъ, долго плавали около крѣпости, наконецъ, замѣтили какихъ-то гуляющихъ арестантовъ, но побоялись приблизиться къ нимъ, не зная навѣрно кто они, и опасаясь быть замѣченными.

Разузнавъ потомъ хорошенько у служителей крѣпости, за деньги, конечно, какъ помѣщены ихъ узники, онѣ узнали также, что ихъ водятъ въ извѣстный часъ каждый день гулять по берегу Невы вдоль крѣпости. Тогда онѣ смѣлѣе стали продолжать ежедневно свои прогулки на яликѣ по Невѣ, и когда завидѣли вдали опять гуляющихъ арестантовъ, то подъѣхали ближе настолько, чтобъ они могли ихъ замѣтить, стали махать имъ платками и дѣлать разные знаки, по которымъ заключенные и узнавали своихъ женъ. Потомъ достигли уже того, что стали передавать имъ записочки и получать отвѣты на разныхъ грязныхъ бумажкахъ или табачныхъ бандероляхъ, которыя сохранились у меня до сихъ поръ. Она, какъ только ей стало извѣстно рѣшеніе участи мужа, что онъ ссылается въ Сибирь на каторгу, рѣшилась послѣдовать за нимъ въ изгнаніе; но не могла ранѣе года исполнить свое желаніе. Когда мужъ ея уже сидѣлъ въ крѣпости, у нея родился второй сынъ, послѣ котораго она долго не могла поправиться. Мужа же въ продолженіе этого времени отправили въ Сибирь, и она не имѣла никакого извѣстія о немъ, такъ что не знала живъ ли онъ тамъ или нѣтъ.

Родители ея возставали противъ ея рѣшенія ѣхать за мужемъ на каторгу. Она была у нихъ единственная дочь, и разлука съ ней почти на вѣкъ казалась для нихъ невозможной. Но твердая рѣшимость дочери исполнить священную обязанность относительно изгнанника-мужа заставила ихъ покориться своей скорбной участи и разстаться съ любимой дочерью. Предчувствіе ихъ не обмануло, они уже не видали ее больше. Отецъ не долго пережилъ сразившее его горе, а мать отъ постоянныхъ слезъ сначала ослѣпла, и когда начала терять зрѣніе, то умоляла императора Николая Павло-

вича о позволеніи дочери пріѣхать изъ Сибири повидаться съ нею, хоть на одинъ только день. Но просьба слѣпнувшей старухи-матери не была уважена императоромъ. Дочери поставлено было условіе: разъ выѣхавъ изъ Сибири, не возвращаться больше назадъ къ мужу, на что, конечно, дочь не согласилась, и старуха-мать такъ и ослѣпла, а потомъ умерла, не повидавшись съ дочерью на землѣ.

Устроивъ своихъ двухъ малолѣтнихъ сыновей у дяди Ивана Александровича Фонъ-Визина, родного брата Михаила Александровича, человѣка высокихъ нравственныхъ правилъ, честнаго, добраго, благочестиваго и горячо любившаго брата, Наталья Дмитріевна поѣхала одна съ дѣвушкою и съ фельдъегеремъ на козлахъ, оторванная отъ родной семьи, родины, друзей, въ невѣдомую даль, съ будущимъ, покрытымъ таинственнымъ мракомъ.

До Тобольска она доѣхала благополучно, но тамъ захворала и должна была пробыть нѣсколько времени. На ея счастье въ Тобольскѣ тогда былъ губернаторомъ одинъ изъ ея родственниковъ, Д. Н. Бантышъ-Каменскій, который принялъ въ ней живое участіе, помѣстилъ ее у себя въ домѣ и обращался съ нею, какъ съ близкою родною, устроилъ отъѣздъ ея дальше съ лучшими удобствами, далъ ей въ провожатые по своей губерніи чиновника; такимъ образомъ, она благополучно доѣхала до Иркутска и дальше въ Читу, сдѣлавшуюся тюрьмой для 120 государственныхъ преступниковъ. Встрѣча ея съ мужемъ въ тюрьмѣ, въ цѣпяхъ, сколько была радостная, столько же и тяжелая. Но твердость духа и упованіе на Господа не оставляли ее и въ эти тяжкія минуты. Она поняла вполнѣ свое высокое назначеніе быть нравственною поддержкою для мужа, почему и взялась съ истиннымъ самоотверженіемъ за свой великій подвигъ. По прошествіи полутора года, проведенныхъ въ Читѣ, въ тюрьмѣ, всѣхъ декабристовъ перевели въ Петровскій заводъ за 700 верстъ отъ Читы; тамъ нарочно для нихъ была выстроена тюрьма. Туда послѣдовали за ними и жены ихъ.

III.

Вліяніе декабристовъ на сибиряковъ. — Уваженіе къ декабристамъ каторжниковъ.—Случай съ княгиней Трубецкой.—Характеристика М. А. Фонъ-Визина.— Обзоръ жизни Фонъ-Визиныхъ въ Тобольскѣ.—Архіепископъ Аѳанасій.—А. М. Муравьевъ.—Докторъ Ф. В. Вольфъ.—И. А. Анненковъ.—Его жена Прасковья Егоровна. — Віолончелистка Христіани. — Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій.— П. Н. Свистуновъ.—П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ.—Холера въ Тобольскѣ.

Декабристы въ тѣхъ мѣстностяхъ Сибири, гдѣ они жили, пріобрѣтали необыкновенную любовь народа. Они имѣли громадное нравственное вліяніе на сибиряковъ: ихъ прямота, всегдашняя со

всѣми учтивость, простота въ обращеніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышенность чувствъ, ставили ихъ выше всѣхъ, а, между тѣмъ, они были равно доступны для каждаго, обращающагося къ нимъ за совѣтомъ ли, съ болѣзнію ли, или со скорбію сердечною. Всѣ находили въ нихъ живое участіе, откликъ сердечный къ своимъ нуждамъ.

Даже осужденные за разныя преступленія простые каторжники, и тѣ, не смотря на свою закоренѣлость, выказывали имъ своего рода уваженіе и предпочтеніе. Вотъ нѣкоторые тому примѣры. Первые изъ декабристовъ, восемь человѣкъ, были сосланы на каторгу въ Нерчинскіе заводы: князья Волконскій, Трубецкой, два брата Борисовы, Давыдовъ, Артамонъ Муравьевъ, князь Оболенскій и Якубовичъ; они были помѣщены въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ простыми каторжниками. Послѣдніе поняли, что эти люди хотя и осуждены тоже на каторгу, но все-таки не такіе злодѣи, какъ они. Что же дѣлаютъ каторжники? Сговариваются и рѣшаются сдѣлать занавѣсъ, собираютъ разное тряпье и отдѣляютъ себя отъ нихъ импровизированною занавѣсью.

Другой случай былъ съ княгиней Трубецкой въ Читѣ или Петровскѣ: она жила съ своею горничной дѣвушкой въ нанятомъ крестьянскомъ домикѣ, который раздѣлялся сѣнями на двѣ половины; въ одной жила сама хозяйка, женщина довольно грубая и недобрая; въ другой же половинѣ помѣщалась княгиня Трубецкая. Она была удивительной доброты, кроткая и милая въ обращеніи. Когда во время своихъ одинокихъ прогулокъ по лѣсамъ и горамъ, княгиня встрѣчалась съ бѣглыми каторжниками, то старалась всегда съ ними быть ласковой, давала имъ иногда денегъ, и они ее боготворили, почитали и, конечно, не дѣлали ей никогда ни малѣйшаго зла. Однажды, они задумали обокрасть ночью хозяйку, у которой жила Трубецкая, но чтобъ не пугать послѣднюю, предупредили объ этомъ ея дѣвушку и просили передать княгинѣ, что если она услышитъ ночью шумъ на хозяйской половинѣ, то не пугалась бы, что они ее не тронутъ. Дѣвушка съ вечера побоялась все-таки сказать барынѣ, но, разбуженная стукомъ, сообщила тогда княгинѣ о случившемся. Злодѣи приперли снаружи шестомъ даже дверь, чтобъ княгиня въ испугѣ не выскочила ночью.

Въ Петровскѣ жены декабристовъ пріобрѣли свои деревянные дома и украсили ихъ со вкусомъ сколько могли. Ихъ мужьямъ было разрѣшено приходить на свиданіе съ женами въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, тогда какъ прежде они могли видѣться только въ тюрьмѣ, гдѣ иногда испытывали большія непріятности.

Особенное счастье было для заключенныхъ, что назначенный главнымъ надъ ними тюремщикомъ, или комендантомъ, генералъ Лепарскій, былъ человѣкъ образованный, добрый и умный, такъ что

они всѣ уважали и любили его. У нихъ у всѣхъ почти сохранились его портреты.

По окончаніи срока каторги, многіе изъ декабристовъ были посланы на поселеніе въ сибирскіе города. Фонъ-Визины попали въ Енисейскъ, Красноярской губерніи, куда, какъ я уже разсказала раньше, вскорѣ и мы пріѣхали и познакомились тамъ съ ними. Здоровье Натальи Дмитріевны не выдержало, однако, тяжелыхъ испытаній и разстроилось серьезно. Особенно много болѣла и страдала она въ Читѣ и Петровскѣ; мѣстность, окруженная горами, дурно повліяла на ея нервы, и она получила тамъ сильную нервную болѣзнь, отъ которой страдала въ продолженіе десяти лѣтъ. Она была очень радушная, гостепріимная хозяйка и любила такъ же, какъ и мужъ ея, угощать; впрочемъ, онъ всегда самъ занимался столомъ. Въ Тобольскѣ, при обиліи рыбы и разнородной дичи, столъ у нихъ былъ всегда прекрасный. Сухіе же продукты, какъ-то: миндаль, черносливъ, грецкіе и другіе орѣхи, кофе, горчица, конфекты, масло прованское и т. п., присылались имъ пудами прямо изъ Москвы, такъ что недостатка они ни въ чемъ не имѣли.

Сначала они нанимали квартиры, а потомъ купили собственный деревянный домъ съ садомъ; такъ какъ Наталья Дмитріевна была большая любительница цвѣтовъ, то разбила и украсила свой садъ превосходными цвѣтами, выписывая сѣмена изъ Риги отъ извѣстнаго въ свое время садовода Варгина, завела оранжерею и теплицу; у нея даже были свои ананасы. Не рѣдко собирались у нихъ по вечерамъ друзья, бесѣдовали и спорили. Фонъ-Визины получали разные журналы, русскіе и иностранные, слѣдили за политикой и, вообще, за всѣмъ, что дѣлалось въ Европѣ. Все ихъ интересовало. Умныя, увлекательныя ихъ бесѣды были весьма поучительны.

Въ Сибири у Фонъ-Визиныхъ родилось двое дѣтей, которыя тамъ же и умерли въ малолѣтствѣ. Тогда они начали воспитывать чужихъ дѣтей. Подружившись очень съ тобольскимъ протоіереемъ, Степаномъ Яковлевичемъ Знаменскимъ, очень почтеннымъ и почти святой жизни человѣкомъ, обремененнымъ большою семьею, они взяли у него на воспитаніе одного изъ сыновей, Николая, который и жилъ у нихъ, продолжая ученье свое въ семинаріи. По окончаніи же курса, они доставили ему возможность пройти въ казанской духовной академіи курсъ высшаго образованія. Онъ и до сихъ поръ живъ и служитъ въ Тобольскѣ по гражданской части. Затѣмъ, они воспитывали еще двухъ дѣвочекъ, которыхъ потомъ привезли съ собою въ Россію и выдали замужъ.

Отличительнымъ свойствомъ Мих. Алекс. Фонъ-Визина было необыкновенное добродушіе; любящее сердце его никогда не помнило зла, и онъ всегда старался смягчить ласковымъ, непритворнымъ обхожденіемъ даже тѣхъ, кто къ нему относился недоброжелательно. Поразительный примѣръ этой черты представляется очень характери-

стично въ слѣдующемъ эпизодѣ его ссыльной жизни въ Енисейскѣ. Когда послѣ шестилѣтней каторги Фонъ-Визины были поселены тамъ, то въ отдаленномъ уѣздномъ городѣ неразвитыя и грубыя уѣздныя власти съ высокомѣріемъ стали обращаться съ ними. Особенною невѣжественностью отличался непосредственный его начальникъ нѣкто Т — овъ. Всѣ получаемыя письма изъ Россіи доставлялись не иначе, какъ черезъ него, онъ ихъ прежде самъ прочитывалъ, а потомъ уже передавалъ кому слѣдуетъ. Михаилъ Александровичъ самъ долженъ былъ ходить за ними къ нему, и онъ не удостоивалъ даже своеручно ихъ передавать, а только указывалъ рукою на лежащія на столѣ письма, тотъ бралъ ихъ и уходилъ. Грубое это обращеніе продолжалось до пріѣзда изъ Красноярска губернатора, который какъ только пріѣхалъ, тотчасъ же посѣтилъ самъ Фонъ-Визиныхъ и Михаилъ Александровичъ передалъ ему, какъ грубо власти обращались съ нимъ. Губернаторъ пригласилъ Михаила Александровича на оффиціальный къ себѣ обѣдъ, на которомъ посадилъ его около себя и большею частью разговаривалъ во время обѣда съ нимъ, что не мало изумило властей. Т — овъ послѣ отъѣзда губернатора совершенно измѣнился въ своемъ обращеніи съ Михаиломъ Александровичемъ, и чтобы выказать свое благорасположеніе, сталъ зазывать и поить его силой на своихъ пьяныхъ пирушкахъ. Михаилъ Александровичъ пересталъ бывать у него, но начальникъ не унимался, желая, вѣроятно, загладить свое прежнее грубое обращеніе; зазвавъ его однажды къ себѣ, велѣлъ запереть ворота и не выпустилъ отъ себя до самаго утра другого дня. Наталья Дмитріевна, будучи беременна, слабая и больная, провела всю ночь въ такой страшной тревогѣ за мужа, что чрезъ нѣсколько дней выкинула и чуть не умерла [1]). Вскорѣ послѣ этого Фонъ-Визиныхъ перевели изъ Енисейска въ Красноярскъ, а черезъ годъ по ихъ личной просьбѣ въ Тобольскъ, гдѣ жилъ, какъ я говорила выше, генералъ-губернаторъ Западной Сибири князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, пріѣзжалъ въ Тобольскъ искать мѣсто бывшій окружной начальникъ Енисейска Т — овъ; узнавъ о родствѣ Михаила Александровича съ княземъ Горчаковымъ, онъ обратился къ нему съ просьбою похлопотать у князя о мѣстѣ. Михаилъ Александровичъ съ обычнымъ своимъ добродушіемъ, не помня стараго зла, хлопоталъ о немъ и чрезъ его ходатайство тотъ получилъ мѣсто предсѣдателя казенной палаты въ Тобольскѣ, гдѣ потомъ и умеръ. Во время же продолжительной болѣзни Т — ва никто такъ часто не навѣщалъ

---

[1]) Эпизодъ изъ енисейской жизни Фонъ-Визиныхъ, описанный мною въ журналѣ «Русская Старина» 1885 г., кн. II, въ статьѣ: «Воспоминаніе о М. А. Фонъ-Визинѣ», былъ не столь вѣрно переданъ, какъ теперь, по собраннымъ мною болѣе достовѣрнымъ свѣдѣніямъ.

больного, какъ тотъ же всегда добрый и любящій Михаилъ Александровичъ.

Покорность Провидѣнію въ немъ была безграничная; никогда онъ не жаловался и всегда старался съ благодушіемъ христіанскимъ принимать всѣ тяжелыя, посылаемыя Богомъ испытанія, выражая лишь свою скорбь словами: «вѣрно такъ угодно Богу». За то же и любили его всѣ знавшіе его, уважали и цѣнили его дружбу и вниманіе.

Обыденная жизнь Фонъ-Визиныхъ была такого рода. Михаилъ Александровичъ обыкновенно вставалъ рано, долго молился, потомъ пилъ кофе, приготовляемый Матреной Петровной или такъ называемой «няней», которая раздѣляла съ ними ихъ сибирскую изгнанническую жизнь, и которую какъ они сами, такъ и всѣ ихъ товарищи, уважали и любили. Она занималась хозяйствомъ и весь домъ былъ на ея рукахъ. Любимымъ мѣстомъ Михаила Александровича былъ большой турецкій диванъ, гдѣ онъ, покойно расположась съ трубкой, пилъ свой кофе. Въ это время няня часто служила ему пріятной собесѣдницей. Вспоминалось и перебиралось вмѣстѣ съ нею о многомъ прошломъ, о милой Москвѣ, о дорогихъ сердцу дѣтяхъ, о нѣжномъ братѣ, о возможности свиданія съ ними!.. Потомъ Михаилъ Александровичъ занимался чтеніемъ, любилъ переводить съ нѣмецкаго, писалъ свои записки, читалъ журналы.

Наталья Дмитріевна большую часть утра посвящала своимъ собственнымъ занятіямъ: молилась, читала, писала свои духовныя замѣтки и только къ обѣду выходила изъ своей комнаты. Любимымъ временемъ для ея занятій было утро и ночь. Обѣдали часа въ три. Михаилъ Александровичъ всегда самъ заказывалъ обѣдъ и настолько хорошо зналъ кулинарное искусство, что часто посредственный поваръ, поступавшій къ нимъ, подъ его руководствомъ дѣлался отличнымъ. Вечеромъ же къ нимъ обыкновенно собирались товарищи. Меня, большею частью, отецъ, отправляясь въ присутствіе, завозилъ къ нимъ на цѣлый день и Михаилъ Александровичъ хлопоталъ, чтобы были заказаны любимыя мною блюда къ обѣду. Вообще, онъ ужасно любилъ побаловать во всемъ своихъ любимцевъ, какъ баловалъ и своихъ воспитанниковъ и воспитанницъ. День своихъ имянинъ Наталья Дмитріевна не любила праздновать и избѣгала поздравленій, почему уѣзжала постоянно въ этотъ день куда-нибудь въ деревню. Въ подобныхъ случаяхъ я была всегдашней ихъ спутницей; наканунѣ за мной присылался экипажъ, и рано утромъ Наталья Дмитріевна, Михаилъ Александровичъ, Николай Знаменскій, маленькая воспитанница Паша, я и няня, съ запасомъ приготовленнаго холоднаго обѣда и различныхъ угощеній, отправлялись иногда верстъ за 20 праздновать имянины. Нерѣдко ѣзжали на Кучумово Городище, гдѣ погибъ Ермакъ Тимоѳеевичъ, покоритель Сибири.

На разостланномъ коврѣ, вокругъ кипящаго самовара, разсаживались всѣ мы и распивали прежде всего чай и кофе. Потомъ отправлялись гулять по живописнымъ мѣстамъ прежняго обиталища Кучума, близь теперешняго села Преображенскаго, которое стоитъ на крутомъ берегу рѣки Иртыша, обвивающей точно голубой лентой окружныя горы съ ихъ величавыми соснами. Бродя по горамъ и лѣсамъ, то набредемъ иногда на цѣлое брусничное поле, красное какъ кумачъ, которой въ Сибири необыкновенное изобиліе, то отдыхаемъ подъ тѣнью столѣтнихъ кедровъ, покрытыхъ орѣховыми шишками. У кедра есть какой-то свой особенный шелестъ, который и безъ малѣйшаго вѣтерка таинственно точно нашептываетъ о своемъ вѣковомъ могуществѣ. Послѣ продолжительной прогулки, мы усаживались опять на коверъ, гдѣ ожидалъ насъ приготовленный обѣдъ. Утоливъ голодъ и закусивъ разными сластями, мы возвращались поздно вечеромъ домой.

Когда въ храмовой праздникъ той церкви, прихожанами которой были Фонъ-Визины, случалось служить архіерею, они всегда приглашали его со всѣми служащими, архимандритомъ и каѳедральнымъ протоіереемъ, къ себѣ на великолѣпный обѣдъ. Уха изъ свѣжихъ стерлядей играла первую роль, и обѣдъ отличался самыми вкусными постными блюдами и лучшими, выписанными изъ Москвы, винами. Каѳедральный протоіерей Фелицынъ любилъ хорошо покушать и былъ знатокъ хорошихъ винъ и для Михаила Александровича было первое удовольствіе угощать его, подкладывая и подливая ему всевозможныхъ яствъ и питій. Весельчакъ Фелицынъ любилъ тоже поострить, и плотно покушавъ, восклицалъ:—«Помилуйте, батюшка Михаилъ Александровичъ, да это въ царствіи небесномъ такъ хорошо насъ не покормятъ!» Михаилъ Александровичъ съ нѣкоторыми архіереями былъ даже друженъ, особенно съ чахоточнымъ архіепископомъ Аѳанасіемъ, который скончался въ Тобольскѣ. Аѳанасій былъ очень ученъ и большой философъ, особенно занимался археологіей; но къ несчастію философскія идеи затемнили у него нѣсколько ясность евангельскаго ученія; однако, будучи все-таки хорошимъ человѣкомъ, онъ мучился сильно нѣкоторыми сомнѣніями. Дружба же съ Михаиломъ Александровичемъ, постоянныя бесѣды, веденныя съ силою убѣжденіія, его прямая, твердая вѣра, разоблачала ему ложь философскихъ взглядовъ относительно божества настолько, что преосвященный, томясь предсмертною агоніей, благодарилъ Михаила Александровича, навѣщавшаго его каждый день во время предсмертной его болѣзни, за разсѣяніе мрака лживой философіи и укрѣпленіе въ основахъ истинъ божественныхъ. Умирая онъ благословилъ его иконою.

Въ Тобольскѣ, изъ поселенныхъ тамъ декабристовъ составился довольно обширный кружокъ. У большей части изъ нихъ были

свои дома. У Александра Михайловича Муравьева былъ прекрасный домъ съ большимъ тѣнистымъ садомъ; онъ еще въ бытность свою близь Иркутска въ селѣ Урикѣ женился на одной гувернанткѣ-нѣмкѣ, Жозефинѣ Адамовнѣ Брокель, очень милой и образованной, которую любилъ страстно. У нихъ было четверо дѣтей, три дочери и сынъ, любимецъ отца, мальчикъ замѣчательно способный и милый; они воспитывали своихъ дѣтей очень тщательно и выписывали изъ Россіи гувернантокъ. Муравьевъ былъ богаче другихъ потому, что мать его Екатерина Ѳедоровна Муравьева, жившая постоянно въ Москвѣ, перевела всю слѣдуемую ему часть имѣнія на деньги, что составляло около 300 тысячъ серебромъ, и посылала ему съ нихъ проценты, на которые онъ могъ жить въ Тобольскѣ весьма хорошо. У нихъ часто устраивались танцовальные вечера, сначала дѣтскіе, а послѣ, когда дѣти уже подросли, то и большіе балы и маскарады, на которые приглашалось все тобольское общество, начиная съ губернатора и другихъ служащихъ лицъ. У нихъ всегда много веселились, они были вообще очень радушные и любезные хозяева, умѣли своимъ вниманіемъ доставить каждому большое удовольствіе. На лѣто они обыкновенно нанимали верстъ за 10 отъ Тобольска, въ прекрасной живописной мѣстности при мужскомъ монастырѣ, называемомъ «Ивановскимъ», большой каменный домъ. Туда къ нимъ часто пріѣзжали знакомые изъ Тобольска отдохнуть немного на свѣжемъ, чистомъ воздухѣ. Мѣстность въ Ивановскѣ была чудная; высокія горы съ крутыми обрывами и лощинами, на днѣ которыхъ росли столѣтнія сосны, придавали еще болѣе величественности и грандіозности и безъ того замѣчательному по своей красотѣ мѣстоположенію.

Съ Муравьевыми жилъ декабристъ докторъ Фердинандъ Богдановичъ Вольфъ. Они были очень дружны, и такъ какъ послѣдній былъ холостъ и одинокъ, то Муравьевы и пригласили его жить съ ними. Фердинандъ Богдановичъ былъ искусный докторъ, тщательно слѣдилъ за медициной, къ нему всѣ питали большое довѣріе и въ случаѣ особенно серьезной болѣзни всегда обращались за совѣтомъ. Онъ замѣчателенъ былъ своимъ безкорыстіемъ, никогда ни съ кого не бралъ денегъ и вообще не любилъ лѣчить. Когда онъ былъ еще въ Иркутскѣ, то тамъ прославился, вылѣчивъ одного богатаго золотоискателя, отъ котораго отказались уже всѣ тамошнія знаменитости. По выздоровленіи своемъ, золотоискатель, признательный доктору Вольфу за спасеніе, какъ онъ говорилъ, своей жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ зная, что тотъ никогда ничего не беретъ за визитъ, послалъ ему въ пакетѣ пять тысячъ ассигнаціями съ запиской, въ которой написалъ ему, что если онъ не возьметъ этихъ денегъ изъ дружбы, то онъ при немъ же броситъ ихъ въ огонь. Денегъ все-таки Фердинандъ Богдановичъ не взялъ.

Семейство Муравьевыхъ было очень дружно съ семействами де-

кабристовъ Ивана Александровича Анненкова и Петра Николаевича Свистунова (они всѣ трое служили въ Кавалергардскомъ полку). Считаю не лишнимъ кое-что разсказать о матери Анненкова. Она была дочь иркутскаго намѣстника, якобы очень богатаго вдовца, у котораго была одна дочь Анна Ивановна. Сколько ни являлось жениховъ, онъ, якобы не желая разстаться съ дочерью, отсрочивалъ свое согласіе года на два, на что никто изъ жениховъ не соглашался; наконецъ Анненковъ рѣшился увезти невѣсту, и получилъ прощеніе отца съ условіемъ жить у него. Она была не первой молодости, лѣтъ за тридцать. Наконецъ, она овдовѣла, имѣя двухъ сыновей. Избалованная богатымъ отцомъ, она жила въ Москвѣ, въ своемъ великолѣпномъ домѣ, окруженная сиротами, воспитанницами и приживалками; вела жизнь своеобразную, вставала поздно, никуда не выѣзжала, къ себѣ же принимала знакомыхъ, лежа на диванѣ, въ подушкахъ, разряженная въ кружевной пенюаръ и въ бриллiантахъ. При ней жила и управляла всѣмъ домомъ дальняя родственница ея Марья Тихоновна Перская. Она была уполномочена распечатывать всѣ адресованныя къ ней письма и передавать ей только тѣ, которыя не могли ее растревожить; поэтому письма отъ сына изъ Сибири ей рѣдко сообщались. Передъ арестомъ Ивана Александровича Анненкова, онъ передалъ дядѣ своему на храненіе 80 тысячъ, которыя тотъ себѣ присвоилъ; но впослѣдствіи жена Ивана Александровича Анненкова обратилась съ просьбою къ императору Николаю, который и велѣлъ ихъ возвратить. Мать, узнавъ, что сынъ обезпеченъ этою суммою, перестала ему посылать отъ себя денегъ.

Изъ двухъ ея сыновей старшій былъ убитъ на дуэли, а другой, Иванъ Александровичъ, былъ сосланъ послѣ 14-го декабря на каторгу. Когда Иванъ Александровичъ былъ на каторгѣ, то къ нему пріѣхала его невѣста изъ Петербурга, выпросивъ сама лично у императора Николая Павловича на маневрахъ въ Вязьмѣ, куда нарочно ѣздила, позволеніе отправиться въ Сибирь на каторгу къ жениху. Она была француженка, по фамиліи Ледантю, но всѣ ее звали Прасковья Егоровна, очень хороша собою и замѣчательно энергична. Когда она подошла къ крыльцу, государь садился въ коляску и, принявъ ея просьбу, назначилъ ей явиться къ нему на другой день. Принявъ ее въ кабинетѣ, онъ спросилъ о причинѣ, заставлявшей ее ѣхать въ глубь Сибири. Она, склонивъ голову, отвѣчала ему пофранцузски: «Je suis mère, votre majesté». Онъ послѣ ея отвѣта тотчасъ же далъ ей разрѣшеніе ѣхать въ Сибирь и пожаловалъ ей три тысячи на дорогу.

Пріѣхавъ въ Читу она остановилась у бывшихъ уже тамъ женъ декабристовъ и спустя нѣсколько дней обвѣнчалась съ Ив. Алекс. Анненковымъ; ихъ вѣнчали въ тюремной церкви и кандалы были сняты съ жениха только во время вѣнчанья, по окончаніи же ихъ

снова надѣли на него. Она въ полномъ смыслѣ слова обожала своего мужа и въ продолженіе всей своей жизни не переставала оказывать геройское самопожертвованіе. Иванъ Александровичъ, хотя въ гостиной былъ необыкновенно милъ и любезенъ, но въ домашней жизни былъ далеко не легкаго характера. Прасковья Егоровна старалась до мелочей во всемъ угождать ему и предупреждать его желанія. Въ тюремной жизни, не имѣя хорошей прислуги, она сама даже готовила ему его любимыя кушанья, обшивала всю семью, была всегда весела и, какъ француженка, беззаботнаго характера. У нихъ въ Тобольскѣ, куда они впослѣдствіи переѣхали, было 5 человѣкъ дѣтей. Сыновья воспитывались въ тобольской гимназіи (одинъ изъ нихъ Владиміръ Ивановичъ теперь предсѣдателемъ окружнаго суда въ Самарѣ), а дочери — дома. У нихъ былъ тоже свой, весьма хорошій, домъ въ Тобольскѣ, гдѣ собиралась молодежь и танцовала подъ фортепьяно. Я съ старшею ихъ дочерью, Ольгою, въ продолженіе всѣхъ 16 лѣтъ проведенныхъ вмѣстѣ въ Тобольскѣ, была очень дружна. Тамъ вообще былъ недостатокъ въ кавалерахъ, съ переходомъ же главной квартиры генералъ-губернатора въ Омскъ, вся военная молодежь перебралась туда, остались только служащіе статскіе чиновники при губернаторѣ, такъ что еслибъ не общество образованныхъ поляковъ, то отсутствіе на балахъ кавалеровъ было бы очень замѣтно. Губернаторы тоже старались сколько могли веселить общество. Въ прекрасномъ губернаторскомъ домѣ часто давались балы и устраивались нерѣдко музыкальные вечера, въ которыхъ участвовали иногда пріѣзжавшіе артисты изъ Москвы и Петербурга; пѣвцы, пьянисты и скрипачи. Помню хорошо Малера, давшаго великолѣпный концертъ на фортепьяно; но всѣхъ замѣчательнѣе изъ нихъ была m-lle Христіани, дававшая концерты во Франціи и Германіи съ большимъ успѣхомъ. Рѣшилась она поѣхать въ Сибирь, вѣроятно, желая испытать новыя впечатлѣнія. Она плѣнила насъ въ Тобольскѣ не только своею восхитительною игрою на віолончели, но и своею любезностью и игривостью ума. Узнавъ что супруга генералъ-губернатора графа Муравьева-Амурскаго француженка, Христіани поѣхала въ Омскъ и такъ понравилась графинѣ Муравьевой, которая сопровождала всегда своего мужа въ объѣздахъ ввѣреннаго его управленію обширнаго края, что она предложила Христіани сопутствовать имъ. Путешествіе было очень трудное, пришлось тащиться верхомъ въ Охотскъ и Камчатку; доѣхавъ до Петропавловскаго порта, они встрѣтили тамъ французское купеческое судно. Графинѣ Муравьевой пришла мысль посовѣтовать Христіани дать концертъ. Восторгъ и удивленіе французскихъ матросовъ были неописанные. Возвратившись въ Тобольскъ, Христіани живо и игриво разсказывала намъ о своемъ путешествіи. Изъ Сибири она отправилась на Кавказъ, гдѣ наканунѣ своего концерта скончалась отъ холеры.

Графъ Муравьевъ-Амурскій былъ человѣкъ необыкновенно энергичнаго и предпріимчиваго характера, отличался удивительною вѣжливостью со всѣми своими подчиненными, не терпѣлъ и преслѣдовалъ взяточничество и хотя былъ очень вспыльчиваго нрава, но не менѣе того справедливъ и добръ, и такъ умѣлъ привязать къ себѣ служащихъ, что они готовы были пойти за него въ огонь и въ воду.

Со всѣми декабристами онъ былъ на дружеской ногѣ. Будучи генералъ-губернаторомъ, проѣзжая въ Иркутскъ, онъ останавливался по дорогѣ въ Ялуторовскѣ на нѣсколько часовъ нарочно для того, чтобы видѣться съ поселенными тамъ декабристами, а пріѣхавъ въ Иркутскъ самъ первый дѣлалъ всѣмъ имъ визиты.

У П. Н. Свистунова, какъ любителя и хорошаго музыканта, были назначены по понедѣльникамъ музыкальные вечера, на которыхъ устраивались квартеты; нѣкоторые молодые люди играли на скрипкахъ, молодыя же барышни на фортепьяно и всѣ заѣзжіе артисты находили у него всегда радушный пріемъ и сочувствіе къ ихъ таланту. Онъ принималъ въ нихъ самое дѣятельное участіе, хлопоталъ и помогалъ имъ въ устройствѣ концертовъ, раздачѣ билетовъ, и, будучи всѣми уважаемъ и любимъ въ Тобольскѣ, былъ очень полезенъ для бѣдныхъ артистовъ, которые въ далекой странѣ не знали какъ и благодарить его за помощь.

П. Н. по просьбѣ архіерея завѣдывалъ хоромъ пѣвчихъ; кромѣ сочиненій Бартнянскаго и Львова, они исполняли также обѣдню написанную имъ самимъ.

Отъ 8 до 12 лѣтъ П. Н. Свистуновъ воспитывался въ іезуитскомъ пансіонѣ вмѣстѣ съ княземъ Суворовымъ, графомъ Комаровскимъ и братьями графами Шуваловыми, которые, по возвращеніи его изъ Сибири, не прерывали съ нимъ знакомства, а князь Суворовъ пріѣзжалъ даже видѣться съ нимъ въ Москву. По изгнаніи іезуитовъ, онъ поступилъ въ славившійся тогда пансіонъ барона Шабо, а оттуда въ Пажескій корпусъ, гдѣ изъ камеръ-пажей произведенъ былъ въ офицеры. До Тобольска онъ былъ сначала поселенъ въ селѣ Ильинскомъ, въ 120 верстахъ отъ Иркутска, извѣстномъ какъ разбойничій притонъ, такъ что хотя ссыльнымъ воспрещено было имѣть при себѣ огнестрѣльное оружіе, исправникъ передалъ Свистунову пару пистолетовъ для защиты въ случаѣ нападенія. Живя между разбойниками, П. Н. нѣсколько разъ подвергался большой опасности.

Вскорѣ П. Н. перевели въ Курганъ, уѣздный городъ Тобольской губерніи, гдѣ онъ встрѣтилъ нѣкоторыхъ своихъ товарищей, переведенныхъ туда же на поселеніе. Тамъ онъ женился на дочери исправника. Татьяна Александровна Свистунова была добрая и милая женщина, но очень застѣнчивая, почему казалась менѣе любезной, чѣмъ ея мужъ. Надобно было ее короче знать, чтобы цѣ-

нить ея хорошія качества. Тѣхъ, кого она любила, не чуждалась и взаимно была ими любима.

Въ 1843 году, Петръ Николаевичъ пріѣзжалъ еще женихомъ въ Тобольскъ и здѣсь я въ первый разъ познакомилась съ нимъ у Фонъ-Визиныхъ. Женившись, онъ сталъ хлопотать о переводѣ ихъ также въ Тобольскъ, куда они вскорѣ и переѣхали на житье, купили себѣ тамъ одинъ изъ лучшихъ тобольскихъ домовъ, большія, высокія, подъ мраморъ отдѣланныя комнаты котораго были очень помѣстительны и убраны съ большимъ вкусомъ. У нихъ были, какъ впрочемъ и у всѣхъ другихъ декабристовъ, свои лошади и экипажи. П. Н. Свистуновъ былъ отлично образованный и замѣчательно умный человѣкъ; у него въ характерѣ было много веселаго и что называется пофранцузски caustique, что дѣлало его необыкновенно пріятнымъ въ обществѣ. Онъ всѣхъ воодушевлялъ и былъ всегда душою общества. Не смотря на то, что живостью и игривостью ума онъ много походилъ на француза, умъ у него былъ очень серьезный; непоколебимая честность, постоянство въ дружбѣ, привлекли къ нему много друзей, а всегдашнее расположеніе къ людямъ при утонченномъ воспитаніи и учтивости большого свѣта располагало къ нему всѣхъ, кто только имѣлъ съ нимъ какое-либо общеніе.

По назначеніи губернаторомъ Тихона Ѳедотовича Прокофьева, послѣдній съ большимъ рвеніемъ заботился объ учрежденіи женской школы и послѣ многихъ трудовъ ему удалось, наконецъ, открыть Маріинскую школу въ Тобольскѣ. Онъ пригласилъ П. Н. Свистунова содѣйствовать ему въ устройствѣ ея и наблюдать за ходомъ ученія и зарасходами по заведенію. Послѣ Прокофьева поступилъ губернаторомъ Викторъ Антоновичъ Арцымовичъ, принявшій самое живое участіе въ этомъ заведеніи, которое благодаря его заботамъ и при содѣйствіи того же П. Н. сдѣлалось образцовымъ.

По возвращеніи изъ Сибири, вслѣдствіе всемилостивѣйшаго манифеста, блаженной памяти императора Александра, П. Н. вступилъ во владѣніе переданной ему братомъ части родового имѣнія въ Калужской губерніи и былъ выбранъ дворянствомъ Лихвинскаго уѣзда въ члены комитета по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостного права. Тутъ посчастливилось ему приложить свою трудовую лепту къ дѣлу, составлявшему предметъ его сердечныхъ желаній съ самой молодости. Затѣмъ онъ былъ назначенъ отъ правительства членомъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, которымъ и состоялъ въ продолженіе двухъ лѣтъ подъ предсѣдательствомъ переведеннаго изъ Тобольска въ Калугу губернатора В. А. Арцымовича. По назначеніи послѣдняго сенаторомъ, П. Н. вышелъ въ отставку и поселился на житье въ Москвѣ.

Вѣжливость во всѣхъ такъ называемыхъ декабристахъ была какъ бы врожденнымъ качествомъ. Высоко уважая въ людяхъ человѣче-

ское достоинство, они очень были ласковы со всѣми низшими и даже съ личностями, находившимися у нихъ въ услуженіи, которымъ никогда не позволяли себѣ говорить «ты». Подобное отношеніе къ слугамъ привязывало ихъ къ нимъ и нѣкоторые доказывали своею вѣрностью на дѣлѣ всю признательность своихъ сердецъ, не говоря уже о тѣхъ преданныхъ слугахъ, которые раздѣляли съ самаго начала злополучную участь своихъ господъ; какъ напримѣръ, няня Фонъ-Визиныхъ, Матрена Петровна, о которой я уже говорила, все время изгнанія добровольно прожила съ ними въ Сибири и вернулась въ Россію тогда только, когда Фонъ-Визины были сами возвращены. Она была замѣчательна по своей преданности, правдивости и честности; другая подобная же личность, Анисья Петровна, жила у Нарышкиныхъ; она тоже сначала до конца изгнанія не покидала своихъ господъ. Такія личности подъ конецъ были ужъ не слугами, а вѣрными друзьями, съ которыми дѣлилось и горе, и радость. У Свистуновыхъ долго не было дѣтей; когда же родилась дочь Магдалина, то они любили и баловали ее до нельзя, особенно отецъ, который самъ воспитывалъ и училъ ее. Вскорѣ послѣ нея родился сынъ Иванъ и дочь Екатерина въ Тобольскѣ, потомъ въ Калугѣ еще младшая дочь Варвара.

Въ Тобольскѣ Свистуновы прожили тоже лѣтъ 15-ть и со всѣми были постоянно въ хорошихъ отношеніяхъ. Губернаторша Энгельке очень любила П. Н., онъ часто участвовалъ на ея музыкальныхъ вечерахъ. Вообще, губернаторы и другіе выдающіеся чиновники относились ко всѣмъ декабристамъ съ большимъ уваженіемъ, всегда первые дѣлали визиты и гордились ихъ расположеніемъ къ себѣ. Съ Свистуновыми жилъ одинъ изъ товарищей, декабристъ Павелъ Сергѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ, у него былъ братъ Николай Сергѣевичъ, умственно разстроенный, съ которымъ сначала они жили вмѣстѣ, но раздражительность послѣдняго, наконецъ, дошла до такой степени, что не было никакой возможности съ нимъ жить, иногда случалось, что онъ въ припадкѣ бѣшенства, не смотря на всю любовь свою къ брату, при малѣйшемъ его противорѣчіи, бросался на него и замахивался тѣмъ, что попадалось ему подъ руку; однажды онъ пришелъ въ такое раздраженіе, что бросился на брата, изломалъ объ него чубукъ отъ трубки, которую курилъ въ то время. Свистуновъ, будучи друженъ съ П. Сер., предложилъ ему комнату у себя въ домѣ. Николай же Сергѣевичъ остался въ отдѣльной квартирѣ. Личность Павла Сергѣевича Бобрищева-Пушкина была замѣчательна по его глубоко религіозному чувству; онъ въ полномъ смыслѣ былъ христіанинъ и словомъ и дѣломъ; вся жизнь его была однимъ выраженіемъ любви къ ближнему и посвящена была на служеніе страждущему человѣчеству. Онъ былъ не женатъ, свѣтскихъ удовольствій удалялся, избѣгалъ новыхъ, неподходящихъ къ его душевному настроенію людей, хотя и не чуждался никого. Онъ,

какъ человѣкъ хорошо воспитанный, старался сохранить приличія общественной жизни; но никогда имъ рабски не покорялся, казался даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ оригиналомъ, одѣвался нѣсколько своеобразно. Будучи слабаго здоровья, очень боялся холода, почему и сочинялъ себѣ иногда особенные костюмы; но не смотря на его уклоненія отъ свѣтскихъ обычаевъ, его всѣ любили, какъ богатые, такъ и бѣдные, высокопоставленные и низко стоящіе люди. Родители его были почтенные и очень благочестивые помѣщики Тульской губерніи, особенно отецъ его былъ необычайно стойкаго и благороднаго характера, глубоко вѣрующій и строгихъ правилъ человѣкъ, всѣми уважаемый, имѣя много дѣтей, воспитывалъ ихъ въ благочестіи; двое изъ его сыновей, Николай и Павелъ Сергѣевичи, вступивъ въ тайное общество, раздѣлили общую участь своихъ товарищей въ Сибири. Заключеніе въ казематѣ, какъ разсказывалъ намъ самъ П. Сер., имѣло превосходное вліяніе на развитіе его духовной стороны. Онъ только тамъ вполнѣ постигъ всю пустоту суетной мірской жизни и не только не роптать на перемѣну своей судьбы, но радовался, что черезъ страданіе теперешняго заточенія Господь открылъ ему познаніе другой, лучшей жизни. Внутреннее перерожденіе оставило навсегда глубокій слѣдъ въ его душѣ. Находясь въ казематѣ, онъ радовался и воспѣвалъ хвалу Господу за его святое къ нему милосердіе. Посвятивъ свою жизнь на служеніе ближнему, онъ старался во многомъ измѣнить свои привычки, любилъ читать Св. Писаніе, которое зналъ не хуже настоящаго богослова, велъ жизнь почти аскетическую, вырабатывая въ себѣ высокія качества смиренія и незлобія, ко всѣмъ былъ одинаково благорасположенъ и снисходителенъ къ недостаткамъ другихъ. Въ Тобольскѣ онъ занимался еще изученіемъ гомеопатіи и такъ много помогалъ своимъ безвозмезднымъ лѣченіемъ, что къ нему постоянно стекался народъ, особенно бѣдный. П. Сер. такъ, наконецъ, прославился своимъ гомеопатическимъ лѣченіемъ, что долженъ былъ завести лошадь съ экипажемъ, чтобъ успѣвать посѣщать своихъ паціентовъ. Лошадь у него была маленькая, которую мы прозвали «Конекъ Горбунокъ», лѣтній экипажъ въ родѣ тюльбери, на четырехъ колесахъ, а зимній—одиночныя сани. Въ нихъ укладывались гомеопатическіе лѣчебники, аптечка выписанная изъ Москвы, запасная одежда на случай внезапной перемѣны погоды, зимой лишняя шуба, а лѣтомъ теплая на ватѣ суконная шинель, которая никогда не покидала своего хозяина въ его экскурсіяхъ (тобольскій климатъ былъ очень измѣнчивъ, случалось въ одинъ и тотъ же день то холодъ, то сильная жара); когда было все уложено, то выходилъ и садился въ экипажъ самъ Петръ Сергѣевичъ, плотно укутанный не только зимой, но даже и лѣтомъ, бралъ вожжи въ руки и отправлялся на помощь больнымъ. Всюду куда онъ только ни пріѣзжалъ, вездѣ его встрѣчали съ радостью, всѣмъ и каждому

подавалъ онъ утѣшеніе добрымъ словомъ, сердечнымъ участіемъ, хорошимъ совѣтомъ. Онъ былъ очень развитаго ума, началъ свое образованіе въ Москвѣ въ дворянскомъ пансіонѣ, закончилъ же его въ извѣстномъ заведеніи Николая Николаевича Муравьева, гдѣ готовились въ офицеры генеральнаго штаба. П. С. былъ при случаѣ и архитекторомъ, и столяромъ, и закройщикомъ. Нужно ли кому планъ составить — обращаются къ П. С.; домъ ли построить или сдѣлать смѣту,—онъ своею математическою головою разочтетъ все вѣрно до послѣдней копѣйки. Онъ былъ въ особенности друженъ съ Фонъ-Визиными, Свистуновыми и съ нашимъ семействомъ. Мы, бывши еще дѣтьми, такъ любили его, что когда выросли, смотрѣли на него какъ на самого близкаго родного. Бывало захвораетъ ли кто изъ насъ, сейчасъ шлемъ за П. С. и онъ тотчасъ же катитъ на своемъ Конькѣ Горбункѣ.

Отецъ мой очень любилъ и уважалъ П. С. и удивлялся его постоянному самоотреченію. Онъ отлично зналъ всю службу церковную, часто въ церквахъ читалъ за всенощной шестопсалміе, читалъ всегда отчетливо съ большимъ выраженіемъ и чувствомъ, такъ что каждое слово невольно запечатлѣвалось въ слушателяхъ.

Когда въ Тобольскѣ, въ 1848 году, была холера, то П. С., забывая себя, помогалъ своею гомеопатіей всѣмъ и каждому. Только бывало и видишь какъ въ продолженіе дня разъѣзжалъ Конекъ Горбунокъ съ одного конца города на другой со своимъ неутомимымъ сѣдокомъ. Потребность въ помощи была такъ велика, что даже Фонъ-Визины и Свистуновы, по наставленію П. С., лѣчили въ отсутствіе его приходящихъ къ нему больныхъ въ эту тяжелую годину. Холера въ Тобольскѣ была очень сильна и смертность страшная; постоянное зрѣлище встрѣчающихся похоронъ и стоящихъ по нѣскольку за разъ гробовъ въ церквахъ наводило на всѣхъ ужасъ и уныніе. Такъ какъ смерть поражала людей внезапно, то нельзя было безъ страха отлучиться изъ дома. У Фонъ-Визиныхъ было два внезапныхъ смертныхъ случая; человѣкъ, подавая чай М. А., почувствовалъ себя вдругъ дурно. М. А., взглянувъ на него, былъ пораженъ мгновеннымъ измѣненіемъ лица несчастнаго; тотчасъ же приняты были всевозможныя мѣры, но ничто не спасло и чрезъ нѣсколько часовъ человѣка не стало, а къ вечеру другая жертва была уже готова: страшныя корчи начались у повара совсѣми признаками холеры и тоже, что ни дѣлали, но спасти его не могли. Благодаря Бога, только этими двумя жертвами и ограничилась у нихъ въ домѣ холера. Не смотря на то, что больнымъ, начиная съ господъ, всѣ подавали помощь, М. А. и П. С. сами растирали окоченѣвшіе и почернѣвшіе ихъ члены, сами сажали въ ванну и никто изъ нихъ не заразился. Вообще, они оказали много дѣятельной помощи во время этой ужасной болѣзни, записывали всѣхъ приходящихъ къ нимъ больныхъ и потомъ подводили итоги, по кото-

рымъ оказалось около 700 человѣкъ, получившихъ излѣченіе отъ нихъ гомеопатіей.

Молодые годы моей жизни, проведенные въ Сибири, останутся навсегда неизгладимыми въ моей памяти; они полны воспоминаніями самыми свѣтлыми отъ сближенія съ дѣтства моего съ людьми не только даровитыми и развитыми умственно, но и глубоко понимающими высокую цѣль жизни человѣка на землѣ.

М. Францева.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗРѢЮЩІЙ ПЕТРЪ [1].

ОБРАНІЕ бумагъ и писемъ каждаго крупнаго историческаго дѣятеля представляетъ собою важный шагъ впередъ въ дѣлѣ изученія извѣстной эпохи, извѣстной личности. Какъ бы ни былъ тонокъ, какъ бы ни былъ изворотливъ, тотъ или другой историческій дѣятель, какъ бы ни былъ онъ проникнутъ дипломатическимъ умѣньемъ лгать и принимать (на бумагѣ) всякія личины,—сопоставленіе всѣхъ его писемъ, всѣхъ его бумагъ, освѣщенное здравой и спокойной критикой, все же выведетъ его передъ потомствомъ «на чистую воду» и покажетъ его намъ въ настоящемъ свѣтѣ. Еще болѣе важное значеніе для исторіи должно имѣть «собраніе писемъ и бумагъ» такого историческаго дѣятеля какъ Петръ Великій, у котораго слово никогда не расходилось съ дѣломъ, и который одинаково свободно высказывалъ свои мысли и на словахъ, и на письмѣ. По отношенію къ такому колоссу, полное собраніе всего написаннаго имъ только дорисовываетъ намъ до величайшихъ мелочей давно-знакомый намъ образъ и даетъ возможность внимательно слѣдить за каждымъ шагомъ развитія этого великаго человѣка. Онъ предстаетъ предъ нами безъ прикрасъ, безъ дополненій, безъ подтасовки фактовъ, безъ всякихъ «смягчающихъ» обстоятельствъ, во всемъ величіи той правды, которая такъ ярко сіяетъ для отдаленнаго потомства, неимѣющаго никакихъ личныхъ и мелочныхъ счетовъ съ отдаленнымъ прошлымъ.

Въ вышедшемъ нынѣ первомъ томѣ «Писемъ и бумагъ Петра Великаго» мы видимъ преобразователя сначала отрокомъ, затѣмъ

---

[1]) Письма и бумаги императора Петра Великаго, т. I (1688—1701). Спб. 1888).

юношей и, наконецъ—молодымъ человѣкомъ, вступающимъ въ лучшіе годы мужества. На первыхъ страницахъ книги мы встрѣчаемся съ его ученическими тетрадями по ариѳметикѣ, по астрономіи и артиллеріи и съ тѣми записочками, которыя спѣшно, на грязныхъ клочкахъ бумаги, онъ писалъ къ своей матушкѣ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ изъ Переяславля, куда онъ былъ отпущенъ царицею на стройку кораблей въ 1688 г. Эти записочки, напоминающія своею наивною формою деревенскія письма нашихъ простолюдиновъ, прерываются на іюнѣ 1689 года, когда Петръ былъ спѣшно вызванъ изъ Переяславля въ Преображенское, незадолго до начала борьбы съ Софьею, которая закончилась извѣстнымъ удаленіемъ Петра къ Троицѣ, паденіемъ правительницы и казнью Шакловитаго съ сообщниками.

Первымъ оффиціальнымъ актомъ этого періода является извѣстное письмо Петра къ брату Іоанну Алексѣевичу съ изложеніемъ винъ сестры-правительницы и просьбою дозволить ему «государство успокоить и обрадовать вскорѣ». Затѣмъ, мы встрѣчаемъ Петра уже два года спустя, въ Архангельскѣ, откуда онъ опять пишетъ письма своей горячо-любимой матери; но эти письма уже не походятъ на тѣ записочки, которыми начинается собраніе Петровскихъ писемъ. Въ этихъ письмахъ болѣе умѣнья въ изложеніи, болѣе правильности въ оборотахъ языка, болѣе связи въ сопоставленіи мыслей. Въ нѣкоторыхъ проглядываетъ даже та замѣчательная логика, которая впослѣдствіи поражаетъ насъ безпощадною правильностью своихъ выводовъ во всемъ, что писалъ, сочинялъ или выправлялъ Петръ. Такъ напримѣръ, на печалованья царицы о томъ, что Петръ не можетъ съ точностью опредѣлить времени своего пріѣзда въ Москву, онъ пишетъ въ концѣ своего письма (отъ 14 августа 1693 г.):

...«Да о единомъ милости прошу: чего для изволишь печалиться обо мнѣ? Изволишь ты писать, что предала меня въ паству Матери Божіей; и такова пастыря имѣючи, на что печаловать? Тоя бо молитвами и предстательствомъ не точію я единъ, но и міръ сохраняетъ Господь. За симъ благословенья прошу. Недостойный Петрушка».

Изъ писемъ 1693 и 1694 г. выдѣляется особенно рѣзко только письмо (отъ 29 мая 1694 г.) къ Ѳ. М. Апраксину, съ извѣщеніемъ о кончинѣ Натальи Кирилловны:

«Ѳедоръ Матвѣевичъ! Бѣду свою и послѣднюю печаль глухо объявляю, о которой писать рука моя не можетъ, купно же и сердце. Обаче вспоминая апостола Павла, «яко не скорбите о таковыхъ» и Ездры, «еже не возвратити день, иже мимо иде», сія вся, елико возможно разсуждаю... По сихъ, яко Ной, отъ бѣды мало отдохнувъ и о невозвратномъ оставя, о живомъ пишу»...

Въ этихъ немногихъ строкахъ мы уже провидимъ Петра, ко-

торый, не смотря на свои 22 года, уже умѣетъ владѣть собою—уже умѣетъ справиться съ тяжелымъ горемъ, съ утратою нѣжно-любимой матери, и отъ помысловъ о «невозвратномъ» перейти къ «живому», которое болѣе и болѣе начинаетъ привлекать его вниманіе.

Молодая жизнь, видимо, брала свое. Богатырская натура требовала богатырской затраты силъ, и, за неимѣніемъ настоящаго дѣла, затрачивалась на богатырскія шутки и гомерическія попойки съ «компаніей», въ эту пору ужъ вполнѣ сложившейся. Разсказы о продѣлкахъ «компаніи», о шуткахъ «Бахуса» и продѣлкахъ «Ивашки Хмѣльницкаго» занимаютъ видное мѣсто въ Петровской перепискѣ этого ранняго періода. Письма членовъ компаніи переполнены этими разсказами и докладами о томъ, сколько чаръ было ими выпито въ честь своего отсутствующаго сочлена Piter'а; и въ письмѣ Петра за 1693—1694 гг. заботы о «запасахъ», о «ренскомъ», о «секѣ» часто примѣшиваются къ заботамъ «объ инструментахъ» и разныхъ заморскихъ новинкахъ по части техники и кораблестроенія:

«Ренскому, что у Книпера», — пишетъ Петръ Апраксину въ 1693 г.,—«о цѣнѣ пришли роспись каждой бочкѣ порознь, да одну бочку, которую я изъ нихъ хвалилъ, пришли не помѣшкавъ, да и тоё пришли, что братъ прислалъ. Да Петру Ивановичу молвь, чтобъ инструментъ прислалъ со всѣмъ, которой я у него видѣлъ, а мнѣ зѣло нужно на время».

Въ другомъ письмѣ къ тому же лицу, отъ 29 августа 1694 г. Петръ заботится о соленіи и заготовленіи въ прокъ лимоновъ и о лимонадѣ, и затѣмъ прибавляетъ въ концѣ письма: «О секѣ и ренскомъ не запамятовать, а объ иномъ изъ каравана ни о чемъ не прошу, развѣ если будутъ инструменты математецкіе или аммермтинскіе». Отъ 12 іюля того же года Петръ извѣщалъ Виніуса, изъ Архангельска, что тамъ «новый корабль до 11 іюля со всѣмъ отдѣланъ и окрещенъ во имя Павла апостола и Марсовымъ ладаномъ довольно куренъ; въ томъ же куреніи и Бахусъ припочтенъ былъ довольно. О, сколь нахальчивъ вашъ Вульканусъ: не довольствуется вами, на сушѣ пребывающими, но и здѣсь, на Нептунусову державу дерзнулъ и едва не всѣ суда пожегъ»...

Оттуда же, іюля 21, Петръ пишетъ Виніусу:

...«Поклонись всѣмъ нашимъ. Пространнѣе писать буду въ настоящей [1]) почтѣ; а нынѣ, обвеселяся, неудобно пространно писать, паче же и нельзя, понеже при такихъ случаяхъ всегда Бахусъ почитается, который своими листьями заслоняетъ очи хотящимъ пространно писати». И въ сентябрѣ, того же года, считаетъ долгомъ прибавить въ особой припискѣ письма къ Апраксину, «что вся компанія отъ Бахуса не оскорблена».

[1]) Т. е. въ предстоящей—въ слѣдующей.

Но уже съ 1695 года замѣчается въ письмахъ Петра рѣзкая перемѣна: — онъ не даромъ говоритъ, что съ компаніей «шутилъ подъ Кожуховымъ [1]), а теперь подъ Азовъ «играть ѣдетъ». Онъ видимо, чуетъ, что нашелъ дѣло по себѣ, и, со свойственною ему горячностью, весь предается этому дѣлу. Всѣ письма его къ Виніусу и къ Кревету переполнены заботами о предпринимаемой осадѣ и дышатъ твердою увѣренностью въ томъ, что онъ призванъ это дѣло совершить, не смотря ни на какія препятствія. Отъ мая 19-го онъ пишетъ: «(Въ Дѣдиновѣ и въ Муромѣ) задержка была отъ глупыхъ кормщиковъ и работниковъ, которые именемъ слывутъ мастеры, а дѣло отъ нихъ, что земля отъ неба». Три дня спустя, онъ наказываетъ въ письмахъ къ Кревету: «(Инструменты) вели въ особую готовальню сдѣлать, такъ, чтобы тое готовальню можно было на поясу носить, чтобъ она была не тяжела. Для того и про снасти помяни, чтобы были суптельны».

Іюля 4-го Петръ извѣщаетъ Виніуса, что «прошлаго іюня въ 29 день, въ день св. апостоловъ Петра и Павла, пришли на рѣку Койсу, верстъ за 10 отъ Азова, и на молитвахъ св. апостолъ, яко на камени утвердяся, несумнѣнно вѣруемъ яко сыны адскіе не одолѣютъ насъ»; а уже 17-го іюля, сообщая Кревету о первыхъ успѣхахъ, облегчающихъ подступы къ осажденному городу, прибавляетъ, что благодаря этимъ успѣхамъ «къ Азову яко врата счастія отворились».

Не смотря, однакожъ, на нѣкоторое увлеченіе первыми удачами, Петръ, съ чрезвычайною скромностью, свойственною всѣмъ геніямъ, нимало не преувеличиваетъ своихъ заслугъ и съ нѣкоторымъ юморомъ отвѣчаетъ на письмо Тихона Никитича Стрѣшнева, превозносившаго достоинства юнаго царя:

«Письмо твое августа во 2 день мнѣ отдано, въ которомъ многое преимущество намъ приписать изволили, котораго никто въ себѣ видѣть не можетъ; однакожъ, хотя и не суть оная въ насъ, обаче предаемся въ разсужденіе ваше архипастырское».

Въ сентябрѣ, напоминая Кревету объ инструментахъ, которые просилъ заказать и сложить въ готовальню, для ношенія на поясѣ [2]), Петръ прибавляетъ:

«.... Пишешь ты, что не повѣрили они, что мнѣ носить, но въ коляскѣ возить. И то воистину не вѣдаючи сдѣлали, потому что они дорогъ нашихъ не видали... въ которыхъ не только что въ коляскѣ, но и пѣши наклоняясь ходимъ, потому что подошли къ гнѣзду

---

[1]) Намекъ на извѣстный потѣшный «Кожуховскій» походъ, совершенный въ окрестностяхъ Москвы.

[2]) Инструменты, вѣроятно, были очень велики и тяжелы, и тѣ, кто долженъ былъ выполнить заказъ на нихъ, не знали, что Петръ—гигантъ ростомъ и необычайный силачъ.

близко и шершніе раздразнили, которые за досаду свою крѣпко кусаются, однако, гнѣздо ихъ помаленьку сыплется».

Нѣсколько дней спустя, въ письмѣ къ Виніусу, Петръ чрезвычайно образно описываетъ ему, въ двухъ словахъ, впечатлѣнія осады, которая продолжалась съ большою настойчивостью:

«Здѣсь, слава Богу»,—пишетъ онъ,—«все здорово, и въ городѣ Марсовымъ плугомъ все вспахано и насѣяно, и не токмо въ городѣ, но и во рву. И нынѣ ожидаемъ добраго рожденія [1]), въ чемъ, Господи, помози намъ, во славу имени Своего святаго».

Какъ извѣстно, надежды Петра въ первый годъ осады Азова—не оправдались, и онъ, съ свойственной ему настойчивостью, не обращая вниманія на неудачу, тотчасъ послѣ снятія осады принялся за приготовленія къ осадѣ Азова на будущій годъ. Его письма изъ Воронежа дышатъ твердою увѣренностью въ томъ, что на этотъ разъ онъ добьется успѣха:

«.... Поздравляемъ (васъ)»,—пишетъ Петръ Виніусу,—«въ нынѣшній день Свѣтло Христова тріумѳа надъ Люцыферомъ и дѣтьми его... Яко отецъ нашъ Господь Богъ днесь побѣди отца ихъ махметанскаго діявола, да сподобитъ и насъ надъ дѣтьми его побѣдители быти».

Не забывая о «компаніи» и подъ Азовомъ среди битвъ и заботъ, Петръ во всѣхъ своихъ письмахъ къ Ромодановскому постоянно прибавляетъ, намекая на шутовскіе титулы членовъ компаніи,—«государемъ—яко государское, господомъ—яко господское, да исправится поклоненіе». Мало того, выдерживая шутливый тонъ до мелочей, онъ даже извиняется, въ одномъ изъ писемъ къ Ромодановскому въ какомъ-то нарушеніи чинопочитанія компаніи и ссылается на то, что «корабельщики, наша братья, въ чинахъ не искусны» (2-го мая 1696). Но эти шутки нимало не мѣшаютъ Петру постоянно и неуклонно заниматься дѣлами и строго требовать отъ членовъ «компаніи», чтобы они ни на одну минуту не смѣли смѣшивать шутки съ дѣломъ и всегда помнили бы, что «дружба—дружбой, а служба—службой». Превосходною характеристикою Петра, въ этотъ періодъ, служитъ его энергическое письмо къ Виніусу (15-го іюля 1696 г.), съ порицаніемъ дѣйствій знаменитаго дьяка Украинцева, который вздумалъ не сообщать дьяку Кузьмѣ Нефимонову въ Вѣну надлежащихъ свѣдѣній о военныхъ дѣйствіяхъ подъ Азовомъ:

«Зѣло досадилъ мнѣ своякъ твой, что Кузьму держитъ безъ вѣдомости о войнѣ нашей. И не стыдъ ли? Объ чемъ ни спросятъ его, ничего не знаетъ, а съ такимъ великимъ дѣломъ посланъ! Въ цыдулкахъ Микитѣ Моисеевичу о Польскихъ дѣлахъ пишетъ (которыя не нужны), что̀ надобеть дѣлать; а цесарскую сторону, гдѣ

---

[1]) «Рожденія»—въ смыслѣ «урожая».

надежда союза, позабылъ. А пишетъ такъ: для того о войскахъ не даетъ вѣдать, чтобъ Кузьма лишняго не разсѣялъ. Разсудилъ! Есть ли сенсъ [1]) его въ здоровьѣ? О государственномъ повѣрено, а что всѣ вѣдаютъ—закрыто! Только скажи ему, что чего онъ не допишетъ на бумагѣ, то я допишу ему на спинѣ».

Въ этихъ строкахъ уже слышится могучій голосъ того генія, который способенъ былъ съ одинаковою ясностью понимать тонкости дипломатическихъ сношеній и мельчайшія подробности техники, и уже въ 24 года берется смѣло руководить дьяка, который не даромъ почитался «первымъ дѣльцомъ московскаго государства». Не менѣе ясно и отчетливо рисуется намъ будущій Петръ и въ другомъ письмѣ того же года, къ Апраксину (11-го декабря), которому даетъ спокойно, но строго понять, чего тотъ долженъ избѣгать въ сношеніяхъ съ «бомбардиромъ Петромъ Михайловымъ»:

«Ѳедоръ Матвѣевичъ! За письмо твое благодарствую, однакожъ зѣло сумнился ради двухъ вещей: 1) что не ко мнѣ писалъ, 2) что съ зѣльными чинами, чего не люблю, а тебѣ можно [2]) знать (для того, что ты нашей компаніи) какъ писать».

Въ 1697 г., въ началѣ весны, Петръ направился за границу съ извѣстнымъ великимъ посольствомъ и это путешествіе яркими красками отражается въ его письмахъ съ дороги, полныхъ живыми наблюденіями, острыми замѣчаніями и блестящими проявленіями генія, который стремился все узнать, все изучить и усвоить. Путешествіе за границу, вѣроятно, въ связи съ необходимостью постоянно изъясняться на иностранныхъ языкахъ, положило нѣкоторый отпечатокъ на самый слогъ и способъ выраженія въ письмахъ Петра. Языкъ писемъ, предшествующаго періода отличается довольно часто появляющимися полонизмами и такъ называемыми «словами посольскаго приказа» [3]); языкъ писемъ Петра, начиная съ 1697 г., начинаетъ чаще и чаще пестрѣть иностранными словами, которыя Петръ весьма охотно усвоиваетъ въ своей рѣчи и переноситъ на русскую почву.

Почти въ самомъ началѣ путешествія (когда Петръ только-что перебрался за русскій рубежъ) мы встрѣчаемся въ его приписках къ письмамъ съ любопытною чертою нравовъ, ярко рисующею намъ простоту и несложность юридическихъ воззрѣній той эпохи на правосудіе и способы приведенія приговоровъ въ исполненіе.

Въ припискѣ къ одному изъ писемъ Петръ пишетъ князю-кесарю изъ Риги или изъ Митавы: «Здѣсь ничего вашей персонѣ удобнаго не нашелъ; только посылаю къ вашей милости нѣкоторую

---

[1]) «Сенсъ» — въ значеніи — разумъ, смыслъ, разсудокъ.

[2]) «Можно знать» — въ см. «слѣдовало бы, должно бы».

[3]) Отмѣтимъ такія выраженія, какъ — «муситъ быть». «кшталтъ», «взятіе Пресв. Богородицы», «Возстаніе Христово» и т. д.

вещь на отмщенье враговъ маестату [1]) вашего». Въ чемъ именно заключалась эта таинственная посылка—мы узнаемъ изъ отвѣтнаго письма Ромодановскаго:

«Писалъ ты, господине, ко мнѣ въ своемъ письмѣ, чтобъ къ тебѣ отписать, которая отъ тебя прислана мамура [2]) ко мнѣ Московскимъ людемъ недобрымъ въ подарки, и тою мамурою учиненъ опытъ надъ крестьяниномъ Покровскаго села, что прежь сего бывало Руппово; отсѣчена голова за то, что онъ зарѣзалъ посацкаго человѣка; пытанъ трожды, и въ томъ винился, что зарѣзалъ съ умыслу. Другова человѣка своего, Сидорку Серебряника, который былъ въ Московскомъ разбоѣ съ Васкою Звѣревымъ, тою же мамурою указъ учиненъ. А еще многіе такіе же той мамурѣ подлежатъ, только еще указъ не учиненъ».

Петръ отвѣчалъ на это сообщеніе князю-кесарю:

.... «А что службишкою нашею прислана вещь и отвѣдала двухъ, дай Богъ, чтобъ такихъ людей впредь не было, а если будутъ, чтобы они также были. [3]) Аще и недостойно, прошу, какихъ людей и за что наша мамура отвѣдала».

Въ письмѣ отъ 8-го апрѣля находимъ любопытную характеристику Митавскихъ нѣмцевъ, которыхъ Петръ оцѣнилъ по достоинству, не смотря на все свое пристрастіе къ иноземцамъ: «Торговые люди здѣсь (въ Митау) ходятъ въ мантеляхъ и кажется, что зѣло правдивые, а съ ямщиками нашими, какъ стали сани продавать, за копейку матерны лаются и клянутся, а продаютъ втрое».

Недѣли три спустя, въ письмѣ къ Виніусу, Петръ, все наблюдающій и ничего не упускающій изъ вида, сообщаетъ въ приинскѣ: .... «Здѣсь (въ Либау) я видѣлъ диковинку, что у насъ называли ложью: у нѣкотораго человѣка въ аптекѣ сулемандра въ скляницѣ, въ спирту, котораго я вынималъ и на рукахъ держалъ; слова-слова таковъ, какъ пишутъ».

Поѣздка Петра по Россіи, до рубежа, закончилась тѣмъ, что онъ, съ свойственною ему неумолимою строгостью, распорядился о взысканіи съ неисправныхъ ямщиковъ, уклонившихся отъ исполненія условій найма. Поэтому поводу онъ написалъ К. А. Нарышкину:

«Ямщиковъ отпустилъ съ Суровцовымъ; а которые ямщики и наемщики сбѣжали, вели сыскать и кнутомъ путно выбить, водя по торгу, и наёмъ доправить».

Нѣсколько дней спустя (2-го мая, 1697 г.) Петръ уже пишетъ

---

[1]) Не слѣдуетъ забывать, что Ѳ. Ю. Ромодановскій завѣдывалъ Разбойнымъ Приказомъ. Это и былъ его «маестатъ».

[2]) Мамура—по объясненію Даля, топоръ (на офенскомъ нарѣчіи Владим. губ.). Мамурить—рубить.

[3]) По смыслу выходитъ: «отвѣданы мамурою»—т. е. «тоже казнены». Петръ много не дописывалъ и не досказывалъ въ своихъ письмахъ.

Кревету: «Ракъ! [1]) Не забывай мельницы да ткачей, а мы поѣдемъ отсель сегодня въ Кюнинсбергъ моремъ».

Изъ всей заграничной переписки Петра за 1697 г. заимствуемъ лишь нѣсколько чертъ, рисующихъ намъ Петра съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ. Въ письмѣ отъ 17-го августа, онъ презабавно описываетъ Виніусу, какъ «спальники, которые преже насъ посланы сюды (въ Голландію), выуча кумпасъ, хотѣли къ Москвѣ ѣхать, не бывъ на морѣ; чаяли, что все тутъ. Но адмиралъ нашъ намѣреніе ихъ премѣнилъ: велѣлъ имъ ѣхать въ Стотъ еще ртомъ пос...ь».

Въ письмѣ къ патріарху Адріану, отъ 10-го сентября, Петръ набрасываетъ цѣлую политическую программу, стараясь оправдать передъ старо-русскою партіею свою поѣздку за границу и указать на будущія ея результаты:

.... «Мы въ Нидерландахъ, въ городѣ Амстердамѣ, послѣдуя слову Божію, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся, что чинимъ не отъ нужды, но добраго ради пріобрѣтенія морскаго пути, дабы, искусясь совершенно, могли возвратясь, противъ враговъ имени Іисусъ Христа побѣдителями, а христіанъ, тамо будущихъ, свободителями благодатію его быть».

Работая безъ устали, часто отлучаясь въ поѣздки по окрестнымъ городамъ, не забывая и о весельи, Петръ не могъ быть постоянно аккуратенъ въ отвѣтахъ на получаемыя имъ письма изъ Россіи, и совершенно откровенно поясняетъ это въ письмѣ къ Виніусу (октября 1-го, 1697 г.), говоря:

.... «по двумъ почтамъ.... отписать не успѣлъ къ полудню, и о томъ прошу всѣхъ, чтобы не сумнѣвались въ томъ, потому что иное за недосугомъ, а иное за отлучкою, а иное за Хмѣльницкимъ не исправишь....» Но за то, когда онъ принимается писать къ московскимъ пріятелямъ, то не упускаетъ случая пересыпать свои краткія «цыдулы» острыми замѣчаніями, касающимися то Московскихъ дѣлъ въ частности, то, вообще, европейской политики. «Покажи милость»,—пишетъ онъ Ромодановскому (14-го октября 1697 года),—«что у васъ сдѣлалось надъ боярами: и померли и перебѣсились. .... Генерала нашего братъ Иванъ Михайловъ совокупился на сухоручкѣ, а самъ мало видитъ; и такъ, цѣлое гнѣздо увѣчныхъ: не знаемъ, какъ съ ними дѣлать...» «Миръ съ французами учиненъ»,—пишетъ онъ Виніусу (29-го октября 1697 года),—«третьева дни былъ феіерверкъ въ Гагѣ и здѣсь. Дураки зѣло ради, а умные не ради, для того, что французъ обманулъ».

Переписка 1697 года, заканчивается знаменитою припискою въ письмѣ къ Ромодановскому, которому Петръ грозно напоминаетъ о его обязанностяхъ, восклицая:

---

[1]) Въ своихъ письмахъ къ Кревету, Петръ часто называетъ его ра̀комъ, въ шутку переводя его фамилію на русскій языкъ.

«Звѣрь! Долго ль тебѣ людей жечь? И сюды раненые отъ васъ пріѣхали. Перестань знаться съ Ивашкою [1]): быть отъ него рожѣ драной!»

Эта нѣсколько загадочная приписка, видимо, задѣла князя-кесаря заживое, и онъ, сознавая свое значеніе, какъ необходимаго исполнителя и нужнаго Петру человѣка, тотчасъ огрызнулся на укоръ царя, въ ближайшемъ письмѣ:

«Въ твоемъ письмѣ»,—пишетъ онъ Петру,—«написано, ко мнѣ, будто я знакомъ съ Ивашкомъ Хмѣльницкимъ; и то, господине, не правда; нѣкто къ вамъ пріѣхалъ прямой Московскій пьяной да сказалъ въ безпамятствѣ своемъ. Некол͡и мнѣ съ Ивашкою знаться: всегда въ кровяхъ омываемся; ваше то дѣло на досугѣ стало знакомство держать съ Ивашкою, а намъ не досугъ. А что Яковъ Брюсъ донесъ, будто отъ меня руку обжегъ, и то сдѣлалось пьянствомъ его, а не отъ меня».

Петръ принялъ оправданіе Ромодановскаго и ни мало не сердился на него за рѣзкую отповѣдь; однако же, отнесся къ показанію князя-кесаря критически и поспѣшилъ оправдаться отъ обвиненія въ пьянствѣ:

«Яковъ Брюсъ съ пьянства своего то сдѣлалъ; и то правда, только на чьемъ дворѣ, и при комъ? А что въ кровяхъ, и отъ того, чаю, и больше пьете для страху. А намъ подлинно нельзя, потому что непрестанно въ ученьѣ».

И дѣйствительно, плоды «непрестаннаго ученья» уже начинаютъ сказываться въ письмахъ Петра. Доказательствомъ этого можетъ служить любопытное и пространное письмо Петра къ Ромодановскому, въ которомъ онъ пишетъ, что «хорошо вновь строить, а и старая, которая хорошо, не надобно бросать». И затѣмъ приказываетъ одинъ изъ старыхъ кораблей, построенныхъ Класомъ въ Переяславлѣ, провести «въ грядущую весну сквозь рѣки Вёску и Сумино озеро и Нерль въ Волгу». Излагая способъ проведенія большого судна черезъ маленькія рѣчки и мелководныя озера, Петръ выказываетъ себя уже опытнымъ техникомъ, много насмотрѣвшимся всякихъ техническихъ диковинокъ въ Голландіи, хорошо изучившимъ и дѣло судостроенія, и водные пути этого воднаго государства [2]). Особенно поразительною чертою въ этомъ

---

[1]) Подъ названіемъ «Ивашки Хмѣльницкаго» или просто «Ивашки» и просто «Хмѣльницкаго» въ перепискѣ Петра съ компаніей разумѣется, обыкновенно, тоже, что «Вахусъ».

[2]) По поводу того же Переяславскаго корабля въ перепискѣ встрѣчаемъ еще въ двухъ мѣстахъ по нѣскольку словъ, прекрасно характеризующихъ будущаго Петра, до мелочей расчетливаго во всемъ и нелюбившаго довѣрять докладамъ безъ личнаго осмотра. Въ письмѣ, отъ 4-го марта 1698 г., онъ пишетъ Ромодановскому: «Изволишь писать о кораблѣ, что сгнилъ, и что развѣ новый дѣлать. И мы не только что новый дѣлать, мы и о старомъ тужили, что такъ

молодомъ и страстномъ дѣятелѣ является его чрезвычайная способность заниматься одновременно и государственными вопросами первѣйшей важности, и серьезнымъ изученіемъ разныхъ отраслей знанія, и при этомъ не забывать о мелочахъ, въ которыхъ онъ тоже выказываетъ себя знатокомъ и человѣкомъ, понимающимъ дѣло. Въ одномъ письмѣ онъ указываетъ Ромодановскому на нужды Сибирскаго управленія, «на насильства и убойство Орленка и товарищей его въ Сибири» и проситъ его «премудрымъ разумомъ то розыскать, чтобы тамошніе дикіе края къ какому смущенію не пришли» [1]); въ другомъ заботится о желѣзныхъ заводахъ [2]) и говоритъ, что ....«о желѣзныхъ мастерахъ многажды говорилъ Витцену; только онъ отъ меня отходилъ Московскимъ часомъ» [3]); въ третьемъ разубѣждаетъ пріятеля въ его заблужденіи насчетъ европейскихъ коллекцій, сообщая ему слѣдующее совершенно вѣрное замѣчаніе: «пишешь, ваша милость, что чашечки золотыя, посланныя отъ васъ, будутъ здѣсь въ диковинку, и то не чаю, потому что отъ роду такихъ я на Москвѣ китайскихъ вещей не видалъ, какъ здѣсь» [4]).

Особенно видное мѣсто въ письмахъ Петра изъ заграничной поѣздки занимаютъ тѣ, которыя писаны имъ въ маѣ и въ іюнѣ мѣсяцахъ, наканунѣ возвращенія въ Россію и того страшнаго розыска, который разразился Божьей карой надъ стрѣльцами.

Тотчасъ по полученіи извѣстій объ усмиреніи стрѣлецкаго бунта, Петръ пишетъ Ромодановскому и Виніусу слѣдующія многознаменательныя строки:

«Въ томъ же письмѣ объявлено бунтъ отъ стрѣльцовъ, и что вашимъ правительствомъ и службою солдатъ усмиренъ. Зѣло радуемся; только зѣло мнѣ печально и досадно на тебя, для чего ты сего дѣла въ розыскъ не вступилъ. Богъ тебя судитъ! Не такъ было говорено на загородномъ дворѣ, въ сѣняхъ. Для чего и Автамона [5]) взялъ, что не для этого? А буде думаете, что мы пропали, для того, что почты задержались и для того, боясь, и въ дѣла не вступаешь... слава Богу, ни единъ человѣкъ не умеръ: всѣ живы. Я не знаю, откуда на васъ такой страхъ бабій! Мало ль живетъ [6]) что почты пропадаютъ; и се въ ту пору была половодь. Николи ничего дѣлать съ такою трусостью! Пожалуй, не сердись: воистинно, отъ болѣзни сердца писалъ». (Письмо 9-го мая 1698 г.).

сдѣлано...» И еще разъ, въ письмѣ отъ 30-го апрѣля того же года: «... что корабль Переяславскій не починенъ, а сказалъ мастеръ, что нельзя, и то неправда—можно, хотябъ половина сгнила, починить».

[1]) Письмо апрѣля 30-го 1698 г.

[2]) Письмо отъ 11-го января того же года.

[3]) Намекъ на извѣстную поговорку: «Московскій часъ—погоди».

[4]) Письмо къ Виніусу.

[5]) Автамонъ Ивановъ, думный дьякъ.

[6]) «Живетъ»—въ смыслѣ, «случается—бываетъ».

Четыре дня спустя, онъ о томъ же пишетъ къ Виніусу, которому въ особенную вину ставитъ то, что онъ, вмѣстѣ съ другими, могъ повѣрить нелѣпымъ слухамъ о кончинѣ Петра, которые только потому и распространились, что произошли временныя задержки въ полученіи заграничныхъ почтъ.

.... «Суду Божію предаю тебя, что ты такъ сумнѣнно пишешь о замедленіи почтъ (подъ такой часъ), а самъ въ конецъ извѣстенъ симъ странамъ. [1]) Не диво, кто не бывалъ. Я было надѣялся, что ты станешь въ семъ разсуждать бывалостью своею и отъ мнѣнія [2]) отводить; а ты самъ предводитель имъ въ яму! Потому всѣ подумаютъ, что коли де кто бывалъ, такъ боится того,—то ужъ конечно такъ. Воистинно не отъ радости пишу». (Письмо 13-го мая, того же года).

И не смотря на все это, Петръ не пугается, не бросаетъ дѣла, не спѣшитъ, не выказываетъ никакого малодушія, все оставляя до своего пріѣзда въ Россію, и, попрежнему заботясь объ удобнѣйшемъ рѣшеніи важныхъ государственныхъ вопросовъ, проявляетъ въ нихъ свой глубокій, гибкій и логическій умъ. Слѣдующія строки его письма отъ 12-го іюля 1698 г. могутъ служить тому блистательнымъ доказательствомъ:

«Пишешь, ваша милость, что въ Пекинѣ построили христіане церковь нашего закона, и многіе изъ китайцевъ крестились. И то дѣло зѣло изрядно, только для Бога поступайте въ томъ опасно и не шибко, дабы китайскихъ начальниковъ не привесть въ злобу, также и езувитовъ, которые уже тамъ отъ многихъ временъ гнѣздо свое имѣютъ. Къ чему тамъ надобетъ попы не такъ ученые, какъ разумные и покладные, дабы черезъ нѣкоторое киченіе оное святое дѣло не пріизошло въ злѣйшее паденіе».

Не оставляя ни дѣлъ, ни ученія, ни государственныхъ заботъ, ни даже шумныхъ увеселеній, Петръ, въ концѣ своего путешествія, почти одновременно пишетъ Виніусу (отъ іюля 2) изъ Вѣны о великолѣпномъ праздновaніи своихъ имянинъ, и Ромодановскому—о томъ, какъ слѣдуетъ выводить «сѣмя Ивана Михайловича» [3]).

«На день св. апостолъ», — пишетъ Петръ Виніусу, — «было у насъ гостей мужеска и женска пола больше 1,000 человѣкъ, и были до свѣта, и безпрестанно употребляли тарара-тарара кругомъ, изъ которыхъ иныя и свадьбы сыграли въ саду».

И какъ странно, какъ сурово и мрачно звучатъ, послѣ этихъ

---

[1]) «А самъ въ конецъ извѣстенъ симъ странамъ»—вмѣсто: «а самъ хорошо знаешь эти страны».

[2]) «Мнѣнія»—«вмѣсто сомнѣнія».

[3]) Иванъ Михайловичъ Милославскій (въ это время, давно уже умершій) справедливо почитался главнымъ орудіемъ той партіи, которая произвела извѣстный стрѣлецкій бунтъ 1682 года.

веселыхъ и беззаботныхъ строкъ, грозныя строки приписки въ письмѣ къ князю-кесарю (отъ 16 іюля):

«Пишешь, ваша милость, что сѣмя Ивана Михайловича ростетъ, въ чемъ прошу быть васъ крѣпкихъ; а кромѣ сего ничѣмъ сей огнь угасить не мочно».

Послѣ кровавой драмы, разыгравшейся въ Москвѣ, по пріѣздѣ царя изъ-за границы, послѣ всего пережитаго, передуманнаго и перечувствованнаго въ теченіе страшнаго розыска надъ стрѣльцами, надъ Софьей и сестрами, послѣ окончательнаго разрыва съ женой— Петръ, видимо, долго не могъ успокоиться и совладать съ собою на столько, чтобы снова приняться за свою неутомимую и разнообразную работу. Но жизнь призывала его къ дѣятельности, напоминая о созданныхъ имъ новыхъ потребностяхъ, о начатыхъ предпріятіяхъ, о «созрѣвающемъ посѣвѣ». Онъ прежде всего обратился къ своему любимому дѣтищу—къ флоту, и уже въ ноябрѣ 1698 г. писалъ Виніусу изъ Воронежа: «Мы, слава Богу, зѣло въ изрядномъ состояніи нашли флотъ и магазеинъ обрели (въ Воронежѣ). Только еще облакъ сумнѣнія закрываетъ мысль нашу, да не укоснѣетъ сей плодъ нашъ, яко финиковъ, котораго насаждающіе не получаютъ видѣть. Обаче надѣемся на Бога со блаженнымъ Павломъ: подобаетъ дѣлателю отъ плода вкусити». И въ концѣ того же мѣсяца, видимо, довольный ходомъ дѣла постройки кораблей, Петръ, въ другомъ письмѣ къ Виніусу, еще разъ прибавляетъ въ припискѣ:

«Здѣсь, при помощи Божіей, препороторіумъ великой; только ожидаемъ благого утра, дабы мракъ сумнѣнія нашего прогнанъ былъ» (письмо 30 ноября).

Но «мракъ сумнѣнія» долго тяготѣлъ на душѣ Петра и «благое утро» долго не наступало. Его даже начиналъ тяготить продолжавшійся въ Москвѣ розыскъ, отвлекавшій его вниманіе отъ дѣлъ, нерѣдко отнимавшій даже и «руки», необходимыя для работы, какъ можно видѣть по письму (2 декабря 1698 г.) къ Ромодановскому:

«Письмо ваше государское... принялъ въ 1 день декабря, въ которомъ написано о стрѣльцѣ и о дьячкѣ, которыхъ изволь пытать, только не жестоко, чтобъ не померли; а казнить никого не вели до насъ. Еще прошу: въ чемъ держать нашихъ товарищей, Силяева и Лукьяна? Зѣло мнѣ печально. Я зѣло ждалъ паче всѣхъ Силяева, потому что онъ лучшій въ семъ мастерствѣ; а ты изволилъ задержать. Богъ тебя судитъ! Истинно никого мнѣ нѣтъ здѣсь помощника. А чаю дѣла не государственныя? Для Бога свободи (а какое до нихъ дѣло, я порука по нихъ) и пришли сюды».

Только уже въ мартѣ слѣдующаго года, когда впечатлѣнія недавняго прошлаго сгладились, а кипучая дѣятельность стала вновь овладѣвать всѣмъ нравственнымъ существомъ Петра, къ нему вновь возвращается и его душевное спокойствіе, и желаніе всюду и во все

вносить свое личное участіе, свою заботу, свое знаніе и наблюденіе. Въ мартѣ 1700 года онъ уже пишетъ Головину, что на его письмо «надлежало бы скораго отвѣта; только было въ тотъ день Василья, и мы сидѣли у именинника; а се, кои были изъ насъ въ Ригѣ [1]), съ печали надсѣлись, а паче Ѳилатъ, и оттого на завтра не могъ ничего дѣлать». Немного позже, въ томъ же мѣсяцѣ, Петръ пишетъ Виніусу о разныхъ дѣлахъ и добавляетъ съ особеннымъ удовольствіемъ, что въ его письмѣ «много новинъ видѣлъ, между которыми зѣло изрядное—желѣзо сибирское. Еще зѣло прошу: отпиши къ Витцену, что тѣ, которые онъ мнѣ посулилъ, пожарныя трубы, которыя сами воду въ себѣ тянутъ и прыщутъ, прислалъ пару, а впредь велѣлъ бы сдѣлать дюжину; а я черезъ вексель заплачу».

Съ лѣта 1700 года, съ самаго начала приготовленій къ безпримѣрной борьбѣ съ Карломъ XII, въ письмахъ Петра начинаетъ ярче и ярче проявляться тотъ могущественный царь-богатырь, котораго потомъ въ теченіе двадцати-четырехъ лѣтъ мы видимъ неуклонно идущимъ къ одной цѣли, несмущающимся никакими препятствіями и препонами. Этотъ періодъ окончательной зрѣлости и вступленія въ возрастъ мужества отразился и въ письмахъ Петра тою поразительною логикою и чрезвычайнымъ лаконизмомъ, которыя высказываютъ въ немъ человѣка удивительно быстро соображающаго и не способнаго терять ни минуты времени на пустяки и фразы. Каждое слово Петровыхъ писемъ пріобрѣтаетъ вѣсъ и значеніе, каждое указаніе—есть безповоротное рѣшеніе, каждое требованіе—неотразимый приговоръ....

Въ маѣ 1700 г., онъ пишетъ Б. П. Шереметеву: «.... О чемъ вы писали, о прибавкѣ войскъ и огнестрѣльныхъ мастеровъ безъ чего быть нельзя,—и то послано. Чего больше? Полно отговариваться, пора дѣлать; воистину и мы не подъ лапу, но въ самый ротъ непріятелю идемъ, однако же, за помощію Божіею не боимся».

Особенною, чисто Петровскою, энергіею дышатъ строки другого письма къ Шереметеву, писаннаго вскорѣ послѣ полученія вѣстей о Нарвскомъ погромѣ:

«Понеже не лѣть есть при несчастіи всего лишатися, того ради вамъ повелѣваемъ при взятомъ и начатомъ дѣлѣ быть... ближнихъ мѣстъ беречь и итить въ даль, для лучшаго вреда непріятелю... Не чини отговорки ничѣмъ; а буде болѣзнію, и та получена межъ бѣглецами, которыхъ товарищъ маіоръ Л. на смерть осужденъ. Протчее же въ волю Всемогущаго предаю». (Письмо 5-го декабря 1700 года).

Тяжелыя государственныя заботы о подготовкѣ войскъ и денегъ для разгорающейся войны ни мало не отвлекали Петра и отъ дру-

---

[1]) Выраженіе «быть въ Ригѣ» или «ѣздить въ Ригу»—уже и въ Петрово время имѣло то же значеніе, что и теперь.

гихъ заботъ о разныхъ мѣстныхъ нуждахъ, и даже отъ мелочей кораблестроенія. «Здѣсь (въ Москвѣ)»,—пишетъ Петръ Апраксину,— «я нашелъ мастера въ артиллеріи русскаго, который зѣло удобенъ будетъ къ корабельному дѣлу; ибо боуты на кольцахъ умѣетъ такъ скоро защурупливать, что 10 изготовилъ такъ скоро, какъ проговоришь: Отче нашъ; и какъ отдѣлается въ артиллеріи, пришлемъ къ вамъ». И вскорѣ послѣ того, въ подробной инструкціи къ Ѳедору Матвѣевичу Апраксину дѣлаетъ такія подробныя и разумныя распоряженія по отношенію къ устройству Таганрога и при-Азовской мѣстности, что эти распоряженія и теперь еще могли бы имѣть значеніе, если бы были приведены въ исполненіе мѣстною администраціею:

«Кругомъ Таганрога»,—пишетъ Петръ, въ 9 и 10 пунктахъ своей инструкціи,—«посѣять желудей для лѣсу; также въ городѣ по берегу и по морскимъ пригожимъ мѣстамъ посадить ивы. Въ Азовскихъ лугахъ и иныхъ мѣстахъ, въ ближнихъ и дальнихъ, по крайней мѣрѣ, искать торфу, которое дѣло зѣло будетъ пользовать въ тамошнихъ бездровныхъ мѣстахъ; также и людей пріучать пока тотъ торфъ не сыщется, чтобы употребляли камышъ вмѣсто дровъ, какъ турки, въ томъ мѣстѣ будучи, употребляли».

«Табачный пропускъ въ Сибирь»,—пишетъ около того же времени Петръ къ Виніусу,—«безъ всякаго прекословія и задержки учини, потому что англичане отказываютъ; и если тотъ торгъ пресѣчется отъ сего весь убытокъ на васъ направленъ будетъ». Ему же, въ самомъ разгарѣ военныхъ приготовленій, посылаетъ другое еще болѣе опредѣленное и болѣе энергическое распоряженіе: «бурмистрамъ скажи, и сіе покажи, что если не будутъ за ихъ удержкою станки [1]) готовы, то не только деньгами, но и головами платить будутъ».

При этомъ, зная свои силы и свою постоянную готовность всѣмъ жертвовать для дѣла, Петръ неоднократно ссылается въ своихъ письмахъ на себя и требуетъ, чтобы его сотрудники брали съ него примѣръ,—поступали бы, какъ онъ поступаетъ. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ, отъ 22-го іюля 1701 г., Петръ пишетъ Шереметеву: «Достальнымъ полкамъ вели итить съ поспѣшеніемъ; а самъ, ваша милость, изволь стать въ сутки, **какъ мы пріѣхали**». И горе тому, кто бы дерзнулъ не послѣдовать указанному царемъ примѣру!

Особенно характернымъ по отношенію къ этому періоду представляется намъ письмо къ Виніусу отъ 16-го апрѣля 1701 года, которымъ мы и заключить нашу статью:

«Min Her. Письма ваши я принялъ, въ которыхъ пишете о готовности артиллеріи и что трудитеся въ томъ; и то зѣло доброе

---

[1]) Письмо 14 мая 1701 г. Станки, о которыхъ здѣсь упоминается, нужны были для артиллерійскихъ орудій.

дѣло и надобно(е), ибо время яко смерть. Тутъ же пишешь, нѣтъ ли какого гнѣву за нечаянное будто отнятіе почты. И тутъ не сама ли васъ совѣсть обличитъ? Понеже я ужъ давно о томъ говорилъ и вы такъ тому свѣдомы были, что многимъ о томъ говорили... А взята оная отъ васъ не за иное что, только что оная у васъ была ни въ какую пользу государству, но только вамъ;.... того ради и отдана иному. ...Сего ради достоитъ не небречь тѣхъ или въ переманку ставить словъ [1]), кто волю отъ Бога имѣетъ; но всею крѣпостью радѣть... Слава Богу, какъ вы о себѣ, такъ мы о васъ вѣдаемъ, и дядьки нѣтъ, кто бъ велъ за насъ. Сіе не въ печаль вашей милости, но вразумленія ради пишу, да не колеблешься въ семъ мысленно. Piter».

Да, въ это время, Петръ уже не могъ нуждаться ни въ какихъ «дядькахъ»! Онъ чувствовалъ уже почву подъ ногами и по волѣ Провидѣнія шелъ твердо къ цѣлямъ, назначеннымъ ему свыше: онъ видѣлъ передъ собою только Россію и всѣмъ готовъ былъ жертвовать для ея блага!

П. Полевой.

[1]) Конструкція фразы такая: «достоитъ не небречь или въ переманку ставить слова тѣхъ, кто» и т. д.

КАРЬЕРА ПАСКЕВИЧА [1].

Случайность не творитъ, не мыслитъ и не любитъ.
А мы—мы всѣ рабы случайности слѣпой.

Я. Полонскій.

1.

СТОРІЯ весьма часто пользуется анекдотомъ, и сколько анекдотовъ вошло въ исторію въ качествѣ достовѣрныхъ, спору не подлежащихъ фактовъ! Были даже особые труженики и буквоѣды, употреблявшіе свой досугъ и способности для опроверженія историческихъ анекдотовъ, для доказательства, что Галлилей не говорилъ: «Eppour si muovè!..» что Людовикъ XIV не произнесъ: «L'Etât c'est moi!» а Цезарь, умирая, не успѣлъ бросить Бруту извѣстнаго укора: «Tu quoque!» Пустое занятіе! Голая истина всегда кажется намъ безстыдной и худо сложенной, тогда какъ вѣроятный вымыселъ,—«возвышающій насъ обманъ», напротивъ, увлекаетъ насъ, нравится и лучше всякой правды сходитъ за истину! Къ чему же вооружаться противъ хорошо разсказаннаго анекдота, только потому, что онъ недостаточно оправданъ источниками. Вѣдь источники всегда сухи, голы и случайны, тогда какъ анекдотъ живъ и, если сочиненъ талантомъ, то типичнѣе всякаго факта.

На этомъ основаніи позабавимся и мы немножко анекдотомъ.

---

[1]) «Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность», по неизданнымъ источникамъ составилъ Генеральнаго Штаба генералъ-маіоръ князь Щербатовъ. Томъ I. 1782—1826. Спб. 1888.

Во время оно, жилъ да былъ чрезвычайно странный генералъ изъ малороссовъ. Человѣкъ онъ былъ и добрый и хлѣбосолъ и не гордецъ какой, но только награды, служившимъ у него офицерамъ, раздавалъ не по справедливости. Иному давалъ награды по два, по три раза кряду, другому же, не смотря на все усердіе по службѣ, ничего не доставалось. Продолжалось такъ лѣтъ пять-шесть, покуда, наконецъ, какая-то вопіющая несправедливость не смутила пострадавшаго офицера, и не вынудила его, съ большимъ рискомъ для службы, обратиться за объясненіемъ къ генералу.

— Позвольте, ваше превосходительство, узнать, что я такое сдѣлалъ, что вы такъ явно пренебрегаете моей службой, обходите наградами, разсыпая ихъ слишкомъ щедро на другихъ моихъ товарищей, по моему сужденію, гораздо менѣе исправныхъ, ретивыхъ и не болѣе достойныхъ.

— Не везэ тебѣ, голубчикъ! Ужасно не везэ, я даже и самъ удивляюсь и скорблю о твоемъ злосчастіи,—возразилъ генералъ печальнымъ голосомъ, въ которомъ какъ бы слышались даже слезы.

— Но, вашество!—возразилъ офицеръ.—Вѣдь это же отъ васъ зависитъ отличать достойныхъ и награждать усердіе.

— И, братику, вовсе нѣтъ... Ты поди-ка сюда и самъ посмотри на твое несчастіе.

И, взявъ при этомъ смущеннаго офицера за руку, генералъ потащилъ его въ кабинетъ, гдѣ, выложивъ передъ нимъ коллекцію списковъ, продолжалъ объясненіе такъ:

— Видишь ли, братику, всѣ вы мнѣ любы, всѣ хорошіе вояки и хвицеры добрые. Кого же я буду награждать? Вотъ я и придумалъ штуку! (Тутъ его превосходительство какъ-то подмигнулъ и расцвѣтилъ свое круглое лицо хохлацкой хитростью). Каждый годъ я приказываю писаришкѣ Семенчуку писать васъ въ разбивку, какъ ему, подлецу, лучше и какъ на его глупый умъ взбредетъ, а затѣмъ, перегибаю списокъ пополамъ и наудачу пишу кому «везэ», кому «не везэ». Ну, побачь же теперь, голубецъ, самъ. Вотъ и здѣсь, и здѣсь и тутъ, тобэ все «не везэ» да «не везэ». Ажъ самого меня лихо берэ! А коли не везэ, что я-то тутъ що могу поробить? Така знать твоя хвицерска недоля, голубецъ! Потерпи, послужи еще, а тамъ можэ и тобѣ повезэ. Судьбина-то наша фантастична, кажуть: одного въ дугу гнэ, а другого возвышаэ!

Такъ и ушелъ офицеръ, повѣся носъ, но убѣдившись, что ему просто не везетъ по службѣ, а не то, чтобы генералъ его нарочно за что-либо хотѣлъ обидѣть.

Былъ или не былъ такой генералъ въ историческомъ смыслѣ, вопросъ праздный, но такъ какъ его вспоминаютъ всѣ въ арміи при каждомъ производствѣ, при каждогодней раздачѣ наградъ, то значитъ онъ былъ и даже есть и теперь, какъ типичный выразитель случайности всякой карьеры, всякаго возвышенія и служеб-

наго успѣха кого-либо одного, при одинаковой службѣ всѣхъ и каждаго.

И этого-то анекдотическаго раздавателя счастья и успѣха, невозможно не вспомнить десять разъ, читая описаніе карьеры фельдмаршала Паскевича! Вотъ ужъ по истинѣ карьера изъ «Тысячи и одной ночи», прямой результатъ, вышедшій изъ буквальнаго примѣненія способа добродушнаго генерала, роковымъ образомъ попадавшаго при раздачѣ успѣха, на фамилію Паскевича и ставившаго ему непререкаемое «везэ».

Вотъ какъ разсказывается эта сказка и какъ шла эта знаменитая карьера...

2.

Сынъ не бѣднаго, но и не богатаго полтавскаго дворянина, Иванъ Паскевичъ, десяти лѣтъ отъ роду былъ привезенъ въ Петербургъ, и, благодаря силѣ малороссовъ при дворѣ, поступилъ, по протекціи Безбородко, въ Пажескій корпусъ, гдѣ, по словамъ Бернгарда, молодые люди ничему не учились за исключеніемъ бойко и изящно говорить пофранцузски. Паскевичъ былъ довольно хорошо подготовленъ въ этомъ отношеніи еще дома, и потому ему служба пажа при блестящемъ дворѣ Екатерины была и не трудна и выгодна. Красивый мальчикъ тогда же всѣмъ понравился: своимъ воспитателямъ, своей императрицѣ и даже цесаревичу Павлу Петровичу. Послѣдній при вступленіи своемъ на престолъ взялъ Паскевича въ лейбъ-пажи, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ произвелъ 18-тилѣтняго юношу прямо въ поручики гвардіи, съ назначеніемъ къ себѣ флигель-адъютантомъ.

Это былъ первый шагъ на службѣ, безусловно ничѣмъ не заслуженный, ничѣмъ не мотивированный. Захотѣлъ такъ поступить новый императоръ, и будущій фельдмаршалъ получилъ дань со своего перваго «везэ». Это было въ 1800 г. Кратковременное царствованіе Павла прошло для молодого поручика безъ всякой грозы, но послѣ его кончины, онъ какъ-то исчезаетъ, и до 1805 года проживаетъ въ отпуску у родителей, не лишась, однако, званія флигель-адъютанта.

Тутъ не лишнее замѣтить хотя бы въ скобкахъ, что во всю свою жизнь Паскевичъ, даже въ семейномъ кругу, никогда не говорилъ о кончинѣ императора Павла. Также изъ нѣсколькихъ мѣстъ книги князя Щербатова ясно просвѣчиваетъ какая-то холодность и подозрительность въ отношеніи императора Александра I-го къ Паскевичу и обратно. Ниже я привожу цитату, рисующую высокую оцѣнку императоромъ военныхъ заслугъ Паскевича подъ Парижемъ. Но въ запискахъ своихъ, описывая эту же сцену, будущій фельдмаршалъ съ ироніей замѣчаетъ, что онъ не зналъ о столь милостивомъ отношеніи къ себѣ этого «двуличнаго» двора. Напротивъ

того отношенія великаго князя Николая Павловича сразу стали искренно дружескими и такими же оставались до кончины императора Николая. Все это мнѣ кажется чрезвычайно характернымъ для Паскевича и для объясненія причинъ его фантастически счастливой карьеры.

Въ 1805 году, передъ войной съ Наполеономъ, молодой поручикъ попадаетъ въ штабъ стараго и пылкаго Михельсона, но не переходитъ границы, за то въ 1806 году отправляется со своимъ главнокомандующимъ на Дунай, въ чинѣ штабсъ-капитана. Проходятъ четыре года и въ январѣ 1811 года, мы встрѣчаемъ Паскевича уже генералъ-маіоромъ, украшеннымъ орденами: Анной второй степени съ алмазами, Владиміромъ четвертой и третьей степеней, носящимъ золотое оружіе и имѣющимъ Георгія четвертой степени и Георгія на шеѣ. По порядку постепенности это составляетъ десять наградъ! Какіе же онъ совершилъ подвиги? Особенныхъ, изъ ряду вонъ выходящихъ никакихъ, но онъ чрезвычайно удачно всегда оставался на виду у начальства, и такъ какъ кого-либо необходимо было отличать, то и отличали Паскевича. Затѣмъ, всѣ его подвиги, въ числѣ боевыхъ подвиговъ его товарищей, отличались необыкновенно счастливымъ выигрышнымъ характеромъ. Такъ при первомъ же походѣ къ Журжеву, въ началѣ марта, Михельсонъ со штабомъ заблудился и потерялъ, благодаря мятели и бури, свои наступавшія колонны. Паскевичъ поѣхалъ эти колонны отыскивать, нашелъ ихъ и привелъ къ нимъ главнокомандующаго. Вышелъ подвигъ, но еще болѣе вышла и личная услуга. Конечно, такъ какъ все это происходило въ верстѣ отъ непріятеля, то въ розыскѣ пропавшихъ въ степи войскъ была значительная опасность, только эта опасность грозила всѣмъ, а наградили только одного Паскевича. Далѣе умираетъ Михельсонъ, оставшіеся послѣ него калифы на часъ, Мейендорфъ и Лошкаревъ, заключаютъ съ турками позорное перемиріе. Пріѣзжаетъ новый главнокомандующій, Прозоровскій, и тотчасъ же отличаетъ двадцатипятилѣтняго офицера, совсѣмъ ему незнакомаго, необыкновенно выигрышнымъ порученіемъ съѣздить въ Константинополь и заявить Портѣ, что государь императоръ не соглашается на предложенныя Турціею условія.

Паскевичъ ѣдетъ, краснорѣчиво описывая въ запискахъ ту постоянную опасность, которая ему грозила отъ фанатизированнаго народа во время этого путешествія. Тѣмъ не менѣе, онъ благополучно является въ Константинополь, удачно исполняетъ порученіе, и возвращается назадъ съ почетнымъ турецкимъ конвоемъ, не получивъ ни одной царапины. Черезъ десять дней этотъ же путь онъ совершаетъ вторично, съ предложеніемъ Портѣ отпустить нашихъ 580 человѣкъ плѣнныхъ, взамѣнъ 13,000 человѣкъ турецкихъ, находившихся у насъ. Конечно, его приняли тамъ съ восторгомъ, пожаловали орденъ

Луны третьей степени, и онъ имѣлъ удовольствіе явиться освободителемъ томившихся въ неволѣ и въ оковахъ соотечественниковъ. Опять счастіе, опять удача!

Далѣе Прозоровскій, заботившійся о хорошемъ продовольствіи войскъ, и недовольный интендантами, поручилъ Паскевичу урегулировать это дѣло. И тутъ удача, только какая? По словамъ записки самого фельдмаршала. «Лагерь въ безхлѣбной мѣстности стоилъ Каменецъ-Подольской губерніи болѣе милліона рублей, а Молдавія совершенно разворилась отъ перевозокъ»; но... русская армія была спасена отъ угрожающаго ей голода и фельдмаршалъ искренно благодарилъ ея спасителя—Паскевича!

Кончилось дѣло съ интендантами, пришлось опять ѣхать въ Константинополь, но на этотъ разъ съ непріятностью для Порты, т. е. съ предложеніемъ выпроводить изъ Константинополя англійскаго посла лорда Адера или снова начать войну. Съ этими депешами поѣхалъ зять Кутузова Хитрово, но упалъ изъ экипажа и не доѣхалъ, а вмѣсто себя послалъ корнета Бока. Прозоровскій, получивъ объ этомъ донесеніе, разсердился — предложилъ Паскевичу догнать Бока и, отнявъ депеши, самому представить ультиматумъ Дивану. Паскевичъ поѣхалъ изъ Варны моремъ, при чемъ очень картинно описываетъ какъ онъ заставилъ струсившаго капитана фелуки, не смотря на бурю, поднять паруса и немедленно плыть къ Константинополю. Буря была по описанію страшная, однако, поплыли и ничего,—благополучно достигли Золотого рога, и Паскевичъ успѣлъ перехватить корнета Бока, пріѣхавшаго туда сухимъ путемъ, т. е. по дорогѣ, гдѣ боялся ѣхать Паскевичъ. Вручивъ Портѣ ультиматумъ, Иванъ Ѳедоровичъ поѣхалъ опять назадъ моремъ, зная что фирманъ о военныхъ дѣйствіяхъ уже разосланъ по виллайетамъ. Ѣхалъ онъ вдоль берега на маленькой лодкѣ, но въ Варнѣ все же высадился, не рискуя плыть до Килiи. Это представляло серьезный рискъ и пахло если не смертью то плѣномъ. Однако, въ Варнѣ о войнѣ еще ничего не знали, а въ Силистріи хотя и знали, что фирманъ подписанъ, но такъ какъ онъ не былъ полученъ, то и пропустили Паскевича безъ задержки.

Ну развѣ это не поразительное «везэ»? Замѣтьте, что труднѣйшая часть дѣла выпала на долю корнета Бока, между тѣмъ, слава досталось капитану Паскевичу, и онъ получилъ за это путепутешествіе въ качествѣ дипломата брилліанты на Анну. Началась война, во время которой состоящему при штабѣ, уже лично любимому главнокомандующимъ, флигель-адъютанту легко было получать участіе въ бояхъ по личному выбору и въ наиболѣе выигрышной роли. При несчастномъ штурмѣ Браилова, Паскевичъ раненъ «около черепа въ голову», какъ говоритъ его историкъ, но такъ счастливо, что могъ выйти изъ штурма до отбитія его самъ, чтобы явиться окровавленнымъ съ донесеніемъ къ главнокоманду-

ющему, верхомъ на лошади.—Эффектная, но на самомъ дѣлѣ, мало опасная рана въ голову, согласитесь, также не послѣдняя удача на войнѣ.

Все остальное шло въ такомъ же родѣ. Лучшіе подвиги въ бояхъ съ Турціею доставались на долю Паскевичу и такъ какъ успѣхи этой войны цѣнили болѣе по политическимъ, чѣмъ по военнымъ результатамъ, то на войска сыпались награды за штурмы пустыхъ батарей, за взятіе крѣпостей, въ которыхъ не доставало пороху и не было гарнизона. И вотъ къ январю 1811 года 28-лѣтній генералъ-маіоръ Паскевичъ, получаетъ бригаду въ Кіевѣ. Наступаетъ 1812 годъ, молодой генералъ въ званіи начальника дивизіи идетъ въ авангардѣ арміи Багратіона, дерется при Салтановкѣ, является по его словамъ, иниціаторомъ защиты Смоленска, но здѣсь поступаетъ подъ команду человѣка, которому онъ не нравился, и который ему также не нравился, именно къ Кутузову.

Личныя отношенія всегда играли большую роль при всякихъ карьерахъ. Повидимому, съ назначеніемъ Кутузова главнокомандующимъ, фантастичная фортуна и должна бы снять свою руку съ молодого начальника 26-й дивизіи. Такъ до нѣкоторой степени и было, или вѣрнѣе хотѣло быть. Кутузовъ въ день Бородина послалъ Паскевича въ самое пекло боя на знаменитый редутъ № 7-й (постройку котораго Паскевичъ приписываетъ также себѣ); находившійся на исходящемъ углу русской позиціи и привлекавшій самыя стремительныя и ожесточенныя атаки французовъ. Многіе легли около этого редута. Изъ всей 26-й дивизіи послѣ боя вышло только около тысячи человѣкъ, подъ Паскевичемъ убиты двѣ лошади, кругомъ его перебиты почти всѣ генералы, а онъ самъ не былъ даже контуженъ! Кутузовъ не далъ ему никакой награды за этотъ подвигъ, но послалъ въ аріергардъ къ Милорадовичу—и здѣсь все обошлось благополучно. Тогда, послѣ Малаго Ярославца, Паскевичъ пошелъ въ авангардѣ до сраженія подъ Вязьмой—и здѣсь только пожиналъ лавры, и оставался цѣлъ и невредимъ, наконецъ, его съ дивизіей услали блокировать Модлинъ, когда другіе войска, прогнавъ Наполеона, перешли границу. Здѣсь въ скучной блокадѣ простоялъ молодой генералъ до кончины Кутузова и получилъ за всѣ подвиги, совершенныя въ 1812 году, только Анну 1-й степени. И можно сказать, что эта Анна является самой большой неудачей, во всей карьерѣ Паскевича... Послѣ Бауцена, о немъ вспомнили и вытребовали въ дѣйствующую армію, и за участіе въ Лейпцигской побѣдѣ онъ получаетъ чинъ генералъ-лейтенанта. Далѣе въ 1814 году, во Франціи, Паскевичъ снова участвовалъ въ самыхъ эффектныхъ дѣлахъ. Онъ начальствуетъ въ дѣлѣ при Арссисъ-сюръ-Объ, штурмуетъ Беллевиль, и овладѣваетъ боемъ заставой Парижа, не получивъ еще извѣстія о перемиріи. Все это дѣлаетъ его имя громкимъ и онъ подъ Парижемъ дружится съ великимъ княземъ

Николаемъ, восхищаетъ короля прусскаго, и получаетъ знаки лестнаго вниманія императора Александра, о чемъ можетъ дать понятіе слѣдующая сцена.

На балѣ у Талейрана государь и прусскій король подошли къ Паскевичу поздоровались съ нимъ, и Александръ Павловичъ поздравилъ будущаго фельдмаршала съ Александровскою лентою.

— Le gènéral l'à bien mérité,—сказалъ прусскій король.

А государь, обратясь къ Паскевичу, добавилъ:

— Le cordon de l'ordre de St. Alexandre n'est qu'une faible preuve de mon estime pour vous et vos services!

Съ своей стороны великій князь Николай Павловичъ просилъ позволенія пріѣхать къ Паскевичу и лично привести ему ленту.

«Пріѣхать ему позволили, замѣчаетъ въ своихъ запискахъ Паскевичъ, но ленту не дали, а прислали съ курьеромъ»!

Между тѣмъ, этому кавалеру Св. Александра-Невскаго въ то время едва минуло 32 года!

Безусловно въ компаніи 1812—13—14 годовъ генералъ Паскевичъ показалъ себя хорошимъ генераломъ, но исключительныхъ подвиговъ и здѣсь не было, все что дѣлалъ Паскевичъ, дѣлали многіе, платились за это жизнью, несли страданіе, тогда какъ на его долю доставались почести, эффекты и ласки высокопоставленныхъ лицъ и государей. Ни одна пуля его не задѣла, ни одна сабля не оцарапала. Конечно, пули не задѣваютъ храбрыхъ, какъ говорилъ Михельсонъ. Но вѣдь задѣли же онѣ Багратіона, Тучкова, Кутайсова, а вѣдь они были храбры?

Кончились боевые годы, и вотъ Паскевичъ жениться на дочери стараго московскаго родовитаго дворянина Грибоѣдова, получая, кромѣ прекрасной дѣвушки въ жены, еще громадное состояніе въ видѣ 1,500 десятинъ земли. И это удача—да еще какая!

3.

Въ книгѣ князя Щербатова находится между прочими одна глава, которую, совершенно независимо отношенія ея къ карьерѣ Паскевича, чувствительному, честному и нервному человѣку читать опасно. Это пятая глава касающаяся вопіющаго «Липецкаго дѣла». Ужасныя совершались дѣла на святой Руси, но, кажется, ужаснѣе этого дѣла ничего не было.

Оно не многосложно это дѣло. Разоренныя войною и многократнымъ проходомъ русскихъ и французскихъ войскъ, удѣльные крестьяне Липецкой волости Гжатскаго уѣзда, въ 1814 году, учинили вооруженное возстаніе. Сенаторъ Каверинъ, посланный на слѣдствіе, смоленскій губернаторъ баронъ Ашъ, управляющій удѣльной конторой Холодовичъ и цѣлая масса чиновниковъ, посылали министру Гурьеву страшныя донесенія о не повиновеніи властямъ

и о бунтѣ въ средѣ удѣльныхъ крестьянъ, отказывающихся платить подати, по не разумному толкованію высочайшаго манифеста, слагавшаго съ нихъ недоимки накопившіяся во время войны и обѣщавшаго даже пособіе для постройки выжженныхъ войною поселеній и для обсѣмененія вытоптанныхъ полей. Дѣло это, вслѣдствіе того что какимъ-то отчаяннымъ ходокамъ удалось, миновавъ всѣ раставленныя по пути ихъ остроги, гдѣ томилось уже много липецкихъ страстотерпцевъ и ходаковъ, попасть къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и подать ей просьбу, было поручено государемъ лично Паскевичу. На слѣдствіи этомъ открылись вещи возмутительныя, причины которыхъ весьма просто и коротко резюмируются тѣмъ, что гг. удѣльные чиновники купно съ губернаторомъ Ашемъ, ограбили крестьянъ, не дали имъ ничего для поправки, собрали всѣ недоимки за время войны, конечно, для себя, и послѣ изданія манифеста принуждены были выколачивать изъ совершенно раззоренныхъ и обобранныхъ людей подати и повинности за 1814 годъ. Крестьяне, возмутились и стали жаловаться, ограбившіе же ихъ чиновники начали истязанія, продолжавшіяся около 5 лѣтъ, при чемъ заполнили липецкими бунтовщиками всѣ остроги Смоленской губерніи, и при выколачиваніи недоимокъ, когда сѣченіе самого недоимщика и не плательщика не помогало, засѣкали въ его глазахъ жену или малолѣтнихъ дѣтей! Милый же губернаторъ Ашъ посылалъ министру Гурьеву и сенатору Каверину фальшивыя донесенія, сочиняя вооруженные бунты, которыхъ не было, и сажалъ въ острогъ и подвергалъ карѣ всѣхъ, кто дерзалъ только заступаться за эти несчастныя жертвы... Самъ Гурьевъ караулилъ въ Петербургѣ, чтобы ходаки не успѣли увидить своихъ помѣщиковъ, царя и царицу. Но въ концѣ концовъ онъ не доглядѣлъ и слѣдствіе Паскевича выяснило всю мрачную, не возможную сторону этого дѣла. Попутно съ крестьянами, губернаторъ съ сенаторомъ воевали съ купцомъ Богдановымъ, который дерзнулъ сообщить крестьянамъ высочайшій манифестъ, съ священникомъ Спиродоновымъ за толкованіе этого манифеста и даже съ исправникомъ Кушниковымъ, котораго за человѣческое обращеніе съ крестьянами постановили предать уголовному суду, какъ зачинщика и подстрекателя возмущенія. Чтобы дать понятіе до какого «звѣрскаго убойства» доходили эти люди, достаточно цитировать, что губернаторъ, узнавъ о посылкѣ ходаковъ міромъ, пишетъ Гурьеву: «За мнѣніе о томъ, что «міръ великое дѣло», крестьяне были наказаны тѣлесно, но этого мало, ибо такое закоренѣлое въ нихъ невѣжество ни чѣмъ инымъ истребить невозможно, какъ новымъ наказаніемъ не однихъ зачинщиковъ, которые по мѣрѣ вины получатъ воздаяніе, но, по крайней мѣрѣ, изъ десяти человѣкъ одного плетьми». И это пишутъ воры — про обокраденныхъ, пишутъ возмутители, воли государя супостаты, про тѣхъ, кто не смотря на пятилѣтнее мучи-

тельство, убійство и всякія истязанія, все же не хотѣли вѣрить, чтобы все это дѣлалось по приказанію царя и матушки царицы! Это пишутъ сочинители не бывалыхъ бунтовъ, пишутъ трусы, испугавшіеся холостого выстрѣла и двухъ поднятыхъ съ поля сраженія ружей, лишенныхъ приклада и курковъ! Во время слѣдствія Паскевичъ велъ себя какъ и всегда очень умно, благородно, но и осторожно. Онъ не скрылъ того, чего скрыть нельзя уже было, потребовалъ удаленія губернатора, и суда надъ жестокимъ маіоромъ Чепыжниковымъ, призваннымъ для сугубаго раззоренія взбунтовавшихся крестьянъ постоемъ и для растрѣла виновныхъ бунтарей. Онъ выгородилъ купца и священника, избавилъ Кушникова отъ суда и выхлопоталъ даже ему награду, но выгородилъ также и сенатора и министра. Наказаніе плетьми, къ которому приговорили палачи свои жертвы, (не исключая двухъ 80-ти лѣтнихъ старцевъ!) было замѣнено поселеніемъ въ Сибирь, и изъ 60 заключенныхъ признаны строптивыми только 14-ть. Выселяя изъ волости Якова Матвѣева, старосту стоявшаго за крестьянъ, Паскевичъ «изъ благоразумія» потребовалъ выселенія и удѣльнаго головы Миная Иванова, стоявшаго за чиновниковъ, такъ какъ всѣ его ненавидятъ. Наконецъ, заканчивая слѣдствіе, онъ рискнулъ громогласно провозгласить: «что какъ бы не было чистосердечно раскаянье крестьянъ, но если имъ не дадутъ средствъ для поправки, то платить повинности имъ будетъ нечѣмъ, и они впадутъ опять въ прежніе проступки». Это неоспоримо кажется? Но есть страны гдѣ, чтобъ сказать даже неоспоримое, нужно гражданское мужество и такой страной была крѣпостная Россія временъ Александра I-го, ученика гуманиста Лагарпа, покровителя Аракчеева, Фотія и madame Крюденеръ! Въ общемъ Паскевичъ выкарабкался съ честью изъ этого страшнаго липецкаго дѣла, успокоивъ овецъ и не слишкомъ раздразнивъ волковъ, которые ихъ драли и кричать не давали. Это если и заслуга, то еще болѣе все та же удача!

4.

Первый томъ біографіи фельдмаршала Паскевича, составленный генералъ-маіоромъ княземъ Щербатовымъ, представляетъ работу весьма интересную, такъ какъ изобилуетъ матерьяломъ взятымъ изъ семейнаго архива человѣка, игравшаго во все тридцатилѣтнее царствованіе императора Николая такую выдающуюся и видную военно-политическую роль. Но, строго говоря, это не исторія, а панегирикъ Паскевича и при томъ до того очищенный отъ всякихъ тѣней и даже полутѣней, что подъ конецъ читателю приходится сознаться, что въ число важныхъ удачъ карьеры Паскевича нужно записать и то, что его, преждевременно, не взяли живымъ на небо, за добродѣтель. Такая постановка чрезмѣрна и я думаю самъ покойный князь Варшавскій, какъ несомнѣнно умный и еще

болѣе уравновѣшенный человѣкъ, ея бы и не потребовалъ и непохвалилъ даже. Къ чему лишнее усердіе, да, наконецъ, для рельефа картины все же нужны тѣни и полутѣни, иначе получится нѣчто неправдоподобное, т. е. именно то, что не прощается даже тѣми, кто охотно прощаетъ живой анекдотъ, поставленный въ исторіи вмѣсто голаго факта. Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ былъ человѣкъ изъ ряду вонъ удачливый, такъ какъ счастіе и успѣхъ не оставляли его никогда, ни на батареѣ № 7 въ виду Бородина, ни тогда когда послѣ неожиданной кончины императора Александра на престолъ вступилъ не великій князь Константинъ Павловичъ, нелюбившій Паскевича, но Николай Павловичъ, привыкшій еще великимъ княземъ видѣть въ Паскевичѣ своего начальника, признавать въ немъ прочный боевой авторитетъ и, вообще, величать его отцемъ-командиромъ! Ничтожная Эривань дала ему титулъ графа, штурмъ Воли варшавской, званіе князя, и въ той же Варшавѣ онъ пользовался болѣе всѣхъ намѣстниковъ уваженіемъ поляковъ, такъ какъ и для нихъ онъ съумѣлъ сдѣлаться «нашимъ княземъ»; надо же признать, что такой непоколебимой удачливости вездѣ и всегда существовали же какія-нибудь естественныя причины. И эти причины безъ сомнѣнія были и заключаются всего вѣроятнѣе въ чрезвычайно ровномъ характерѣ Паскевича, при рѣдкой дальновидности и весьма не дюжинномъ умѣ. Это была натура строго эгоистичная, умѣвшая ставить себѣ разумныя цѣли и достигать ихъ повозможности чистыми путями, опять и только по тому, что послѣднее умно. Малороссія создаетъ много такихъ умниковъ и съ ними всегда и можно и вообще даже пріятно имѣть дѣло. Но отъ нихъ не слѣдуетъ ждать великодушія, такъ какъ отечество у нихъ оканчивается тамъ же, гдѣ и ихъ личные интересы, а любовь къ ближнему понимается какъ приказаніе прежде другихъ любить самого себя. При большомъ и ясномъ умѣ, это очень полезные люди, такъ какъ они всегда идутъ по пути кратчайшему, ищутъ и находятъ для своихъ цѣлей средства самыя прямыя и вѣрныя. Отсюда и вытекаетъ ихъ вѣроятная удача, за исключеніемъ случаевъ, гдѣ человѣческая воля безсильна. Безъ сомнѣнія, подъ Бородинымъ, подъ Парижемъ, или ранѣе, подъ Татарицами, Паскевичъ могъ быть убитъ какъ и всѣ прочіе, и тогда бы князь Щербатовъ не написалъ своей исторіи. Но разъ въ этихъ случаяхъ пощадила его судьба, остальное уже сдѣлалось благодаря собственному хладнокровію, выдержки и расчету.

Кромѣ пятой главы, говорящей о липецкомъ дѣлѣ, въ книгѣ князя Щербатова любопытны также главы, описывающія менторство Паскевича надъ Михаиломъ Павловичемъ при путешествіи его за границей и въ Россіи. Вотъ это было дѣйствительно трудное дѣло для Паскевича, и я думаю онъ былъ истинно счастливъ въ своей жизни, когда отъ него, наконецъ, отдѣлался. Къ этимъ главамъ при-

ложено много цѣнныхъ и интересныхъ приложеній въ видѣ подлинныхъ писемъ императрицы Маріи къ ментору ея сына, увлекавшемуся на горе матери своей, ненавистнымъ и Паскевичу, «экзерцирмейстерствомъ» и обладавшимъ чрезмѣрно горячимъ темпераментомъ. Немножко странно, что авторъ біографіи поскупился приложить подлинныя бумаги, касающіяся до липецкаго дѣла, несомнѣнно очень и очень въ историческомъ отношеніи интересныя. Послѣдняя глава перваго тома біографіи посвящена службѣ Паскевича въ гвардіи, когда онъ имѣлъ подъ командою, въ видѣ бригадныхъ генераловъ, двухъ великихъ князей. Тутъ есть любопытныя собственноручныя письма великаго князя Николая Павловича объ егерской исторіи (офицеры требовали у великаго князя «сатисфакціи» за оскорбленія двухъ ротныхъ командировъ на ученьѣ), рисующія духъ офицерства гвардіи незадолго до 14-го декабря, и все тоже холодное благоразуміе Паскевича. Есть также любопытный извинительный рапортъ будущаго императора къ своему начальнику дивизіи, приславшему ему выговоръ, полученный имъ самимъ отъ корпуснаго командира за ученье, произведенное измайловскому и егерскому полкамъ, вопреки приказанія Уварова. Оба документа, взятые изъ семейнаго архива Паскевича, весьма характерны и полны большого историческаго интереса. Тутъ же выяснено, какъ здраво и вѣрно смотритъ знакомый съ настоящей войной генералъ на увлеченіе вахтъ-парадами и муштровкой, однако, не смотря на категорическій взглядъ: что въ войскѣ, гдѣ фельдмаршалъ (Барклай-де-Толли) равняетъ солдатскіе носки, для чего ложится на землю, у маіора уже нельзя спрашивать даже нормальнаго здраваго смысла, такъ какъ его не будетъ...—Паскевичъ былъ фельдмаршаломъ именно такого войска, и не сдѣлалъ ровно ничего, чтобы помѣшать погубить «экзерцирмейстерствомъ» русскую боевую славу Суворовской эпохи. Въ наказаніе онъ передъ смертью видѣлъ паденіе Севастополя—но едва ли казнился этимъ, хотя и навѣрное понималъ коренныя причины случившейся катастрофы. Вѣдь онъ самъ же и подготовилъ ее!

Издана книга князя Щербатова—роскошно, на толстѣйшей бумагѣ, напечатана крупно, написана легко, хотя и не вездѣ одинаково, и снабжена иллюминованными планами сраженій, въ которыхъ участвовалъ Паскевичъ.

Въ общемъ—и эта біографія тоже удача, неоставляющая князя Варшавскаго и за гробомъ. И если, будучи черезчуръ свѣтлой и радужной, она не образуетъ вполнѣ исторіи Паскевича, зато помѣшаетъ окрасить дѣятельность николаевскаго фельдмаршала въ односторонній, мрачный, безотрадный цвѣтъ, на что есть также охотники... и матеріалы.

В. К. П.

НАШИ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЕ СЛОВАРИ.

Ъ ПОСЛѢДНЕЕ время, въ научныхъ сферахъ Запада, замѣчается сильное стремленіе къ лексикографіи. Во всѣхъ странахъ, на всѣхъ языкахъ, появляются обширныя изданія, заключающія въ себѣ или цѣлыя энциклопедіи, обнимающія весь кругъ человѣческихъ знаній, или отдѣльныя части его по многообразнымъ отраслямъ главныхъ наукъ, дѣлающихся съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе необходимыми въ жизни всякаго человѣка, желающаго идти въ уровень съ развитіемъ своего вѣка. Это развитіе, сдѣлавшее въ наше время такіе гигантскіе шаги на пути всесторонняго прогресса, сдѣлало, въ то же время, невозможнымъ универсальность знанія бывшую, еще въ сравнительно недалекое время, удѣломъ нѣкоторыхъ избранныхъ натуръ. Теперь—знать все, также не мыслимо, какъ трактовать de omni re scibili et quibusdam aliis. Каждая наука разрослась до такихъ размѣровъ, подраздѣлилась на столько спеціальностей, что для изученія ихъ даже не во всѣхъ подробностяхъ нужны нерѣдко многіе годы, мало иногда всей жизни человѣка. А знать хочется все тому, кто хочетъ не прозябать, но жить идеями и стремленіями своего времени. И на помощь этой жаждѣ знанія, этой универсальности, необходимой для всякаго, кто не хочетъ считаться въ рядахъ отсталыхъ людей нашего вѣка — являются общія и частныя энциклопедіи по всѣмъ наукамъ природо-и-человѣковѣдѣнія. Изучить эти огромные сборники немыслимо, но въ нихъ можно найти всѣ свѣдѣнія по данному предмету и это облегчаетъ уже настолько пріобрѣтеніе извѣстнаго цикла знаній, что удовлетворяетъ и пытливости ума и потребностямъ практической

жизни. Справочныя свѣдѣнія, добытыя такимъ путемъ будутъ правда во многихъ случаяхъ поверхностны, но они укажутъ на источники, откуда можно почерпнуть подробныя спеціальныя данныя. Излишне было бы доказывать пользу энциклопедій, и самое распространеніе ихъ въ западной Европѣ служитъ доказательствомъ ихъ необходимости. Въ настоящее время въ Англіи приходитъ къ концу огромный трудъ «Британской энциклопедіи» (Cyclopedia britannica) и начался не менѣе обширный «Словарь національной біографіи» (The dictionnary of national biography), выходитъ двѣнадцатымъ изданіемъ біографическій словарь современниковъ Томпсона Купера (Men of the time). Во Франціи выходитъ «La grande encyclopédie du XIX siècle» и второе прибавленіе къ пятнадцатитомному словарю «Grand Dictionnaire universel» Пьера Ларусса, величайшаго лексикографа нашего времени, автора множества превосходныхъ грамматикъ и учебниковъ французскаго языка, неуспѣвшаго кончить свой громадный словарь, плодъ изумительной дѣятельности, убившей Ларусса на 58-мъ году. Въ Италіи Анджело де-Губернатисъ готовитъ второе изданіе біографическаго словаря современныхъ писателей (Dizionario biografico degli scrittori contemporanei). Но въ первомъ ряду по части лексикографическихъ работъ стоитъ, какъ всегда, Германія. Въ ней только-что кончилось новое изданіе словаря Брокгауза, въ 16-ти томахъ, выходитъ новое изданіе словаря Мейера въ такомъ же числѣ томовъ, замѣнившее прежнее пятидесятитомное изданіе. Наконецъ, вышелъ первый выпускъ седьмого изданія энциклопедіи Пирера (Pierers Conversations-Lexicon). Онъ будетъ состоять изъ 12-ти томовъ (230 выпусковъ по 35 пфениговъ за выпускъ въ 48 страницъ въ 2 столбца, съ картами, планами, хромолитографированными рисунками). Но особенность, отличающая этотъ словарь отъ всѣхъ другихъ подобныхъ изданій, заключается въ томъ, что къ словарю энциклопедическихъ знаній и нѣмецкаго языка прибавленъ словарь двухъ мертвыхъ и одиннадцати новыхъ языковъ: латинскаго и греческаго, французскаго, англійскаго, итальянскаго, испанскаго, голандскаго, шведскаго, датскаго, норвежскаго, венгерскаго, русскаго и чешскаго. Такимъ образомъ, и двѣ главныхъ вѣтви славянскаго языка получили право гражданства въ лексикографіи западной Европы. При каждомъ нѣмецкомъ не собственномъ, а нарицательномъ словѣ, объясняемомъ въ граматическомъ отношеніи, въ текстѣ словаря приводится и переводъ его на всѣ эти 11 языковъ (датскій и норвежскій большею частью опускаются по тожественности со шведскимъ). Сверхъ того, на каждой страницѣ, кромѣ двухъ столбцевъ энциклопедическаго текста, помѣщенъ съ краю, еще третій узкій столбецъ, гдѣ, въ алфавитномъ же порядкѣ, приводятся слова этихъ языковъ съ нѣмецкимъ переводомъ. Только русскія и греческія слова, очертанія которыхъ не схожи съ латинскимъ алфавитомъ, не входятъ въ этотъ списокъ и будутъ отне-

сены къ концу изданія. Понятно, что введеніе въ лексиконъ иноязычныхъ словъ придаетъ ему особенно важное практическое значеніе и, въ этомъ отношеніи, издатель пиреровскаго словаря Іосифъ Кюршнеръ сдѣлалъ весьма удачное нововведеніе, дающее возможность и тому, кто не знаетъ никакого языка, кромѣ нѣмецкаго, найти объясненіе каждому, встрѣтившемуся ему, иностранному слову. Такимъ образомъ Кюршнеръ, издавшій уже въ одномъ томѣ карманный энциклопедическій словарь, стоющій всего три марки, помѣстивъ въ новомъ конверсаціонсъ-лексиконѣ двѣнадцать иноязычныхъ словарей, сдѣлалъ безполезнымъ отдѣльное ихъ пріобрѣтеніе. И не одни нѣмцы такъ успѣшно работаютъ на поприщѣ лексикографіи: совершенно въ томъ же объемѣ и изящномъ видѣ какъ Кюршнеровское изданіе, по той же дешевой цѣнѣ (36 крейцеровъ за выпускъ) выходитъ и у нашихъ братьевъ чеховъ новый научный словарь, не смотря на то, что у нихъ давно уже существуетъ прекрасная чешская энциклопедія. Словарь издаетъ значительный пражскій книгопродавецъ Отто и этотъ «Ottuw slovnik naucny» отличается тѣмъ, что въ немъ особенное вниманіе обращено на славянскій міръ, на славянскую науку и культуру. Сотрудниковъ перечислено 515 (въ пиреровскомъ словарѣ 170) и между ними — представители всѣхъ славянскихъ племенъ. Русскій отдѣлъ особенно богатъ: въ немъ работаютъ, кромѣ многихъ чешскихъ писателей, отлично знающихъ Россію, нѣсколько варшавскихъ профессоровъ, вмѣстѣ съ семью пражскими профессорами. Русскія слова и цитаты приводятся нашимъ гражданскимъ шрифтомъ, что̀ очень важно при усилившемся, въ послѣднее время, между всѣми славянами, стремленіи къ изученію русскаго языка.

Послѣ такого замѣтнаго лексикографическаго движенія на Западѣ, становится какъ-то не ловко, даже передъ чехами, когда подумаешь, что̀ дѣлается у насъ теперь, и припомнишь, что́ дѣлалось прежде въ этой области. Какіе труды можемъ мы выставить въ ней для сравненія съ тѣмъ, что̀ сдѣлано въ другихъ литературахъ? Есть у насъ писатели, которымъ удивляется Европа—и нѣтъ словаря этихъ писателей; есть замѣчательные труды по всѣмъ отраслямъ наукъ—и ни одного научнаго словаря. Только Географическое Общество докончило 24 года тянувшійся словарь, да и въ томъ нѣтъ ни Польши, ни Финляндіи. Для русскихъ людей нѣтъ ни одной энциклопедіи, которая знакомила бы ихъ и со своею родиною, и съ другими цивилизованными странами. Для русскаго языка есть хорошій словарь Даля, названный имъ «Толковымъ», но въ сущности достаточно безтолковый по группировкѣ придуманныхъ авторомъ «гнѣздъ» и требующій совершенной переработки прекраснаго матеріала. Словарь Даля, во всякомъ случаѣ, стоитъ выше труда нашей Академіи по тому же предмету.

И нельзя сказать, чтобы мы не чувствовали необходимости имѣть хорошіе словари. Потребность въ нихъ развилась одновременно съ началомъ нашей литературы. При Екатеринѣ вышло не мало всякаго рода словарей; она сама работала по лексикографіи и поощряла къ подобнымъ трудамъ Академію и частныхъ лицъ. Въ антинаучную эпоху Николая I появились двѣ обширныя энциклопедіи и мы уже три года тому назадъ могли бы праздновать пятидесятилѣтнюю годовщину появленія у насъ перваго «Энциклопедическаго лексикона», изданнаго Плюшаромъ, широко задуманнаго, блистательно начатаго и еще блистательнѣе провалившагося черезъ семь лѣтъ. Не смотря на невозможную цензуру того времени, многія статьи этого словаря были очень хорошо обработаны и не потеряли значенія еще и въ наше время; но были и такія, которыя приводили въ тупикъ не только серьезныхъ ученыхъ, но и обыденныхъ читателей. И странно, что подобныя статьи чаще всего встрѣчались въ тѣхъ послѣднихъ томахъ, редакціей которыхъ завѣдывалъ единственный энциклопедистъ той эпохи, Сенковскій, человѣкъ всесторонне образованный и талантливый писатель. Но съ глубокимъ умомъ въ немъ соединялась и страсть къ парадоксамъ, неумѣстнымъ въ энциклопедіи. Онъ любилъ, кромѣ того, какъ говорится— мудрить и вздумалъ ввести въ русскій словарь латинскую транскрипцію ботаническихъ терминовъ и названій видовъ растеній. Это безобразіе исчезло только въ послѣднемъ 17 томѣ лексикона, который редактировалъ уже П. С. Савельевъ. Томомъ этимъ закончилась буква Д. Очевидно, что если бы лексиконъ не прекратился вслѣдствіе разстройства дѣлъ Плюшара, то, веденный въ такомъ видѣ, онъ долженъ бы состоять изъ 85-ти томовъ, и издаваться 40 лѣтъ, какъ ни объясняла редакція, что во всѣхъ иностранныхъ словаряхъ буква А составляетъ восьмую долю всего алфавита и что статьи русскаго лексикона «слишкомъ длинны и учены, тогда какъ въ нѣмецкихъ короче и простонароднѣе», потому что «при скудости нашей ученой литературы, мы не можемъ ограничиваться поверхностнымъ толкованіемъ словъ». Гречъ, въ своихъ запискахъ, разсказываетъ довольно подробно исторію возникновенія и паденія лексикона. Къ сожалѣнію нельзя довѣряться показаніямъ человѣка, вообще не отличающагося добросовѣстностью, а въ этомъ дѣлѣ имѣвшаго еще и личные поводы сваливать на другихъ вину неудачи изданія, въ которомъ онъ самъ былъ сначала редакторомъ, а когда его отстранили, написалъ обширную брошюру «О XIV томѣ энциклопедическаго лексикона», съ указаніемъ всѣхъ промаховъ и даже опечатокъ этого тома. Но, помимо всѣхъ побочныхъ обстоятельствъ, главною причиною неуспѣха изданія было то, что оно задумано и начато въ слишкомъ широкихъ размѣрахъ. Эта широта русской натуры, погубившая уже столько полезныхъ предпріятій, еще вреднѣе вліяла въ литературномъ дѣлѣ, гдѣ болѣе всего требовалась

опредѣленная программа и устойчивость въ ея выполненіи. Публику нашу нельзя винить въ неуспѣхѣ лексикона. При четвертомъ томѣ его, вышедшемъ въ концѣ 1835 года, былъ напечатанъ на 47 страницахъ, въ два столбца, списокъ подписчиковъ; ихъ было болѣе шести тысячъ, а этого очень достаточно для начала изданія. Цензура тридцатыхъ годовъ была все-таки гораздо снисходительнѣе, чѣмъ въ сороковыхъ годахъ, и въ теченіе всѣхъ семи лѣтъ лексиконъ читали тѣ же три разумные цензора: профессоръ Никитенко, литераторъ П. А. Корсаковъ и П. Гаевскій, отецъ недавно умершаго Виктора Павловича Гаевскаго. Стало быть виною паденія лексикона было прямое неумѣнье вести дѣло и ссоры между редакторами и издателемъ, а не равнодушіе публики, на которое жаловаться придумали только въ шестидесятыхъ годахъ, съ легкой руки В. Ѳ. Корша, погубившаго свой журналъ «Атеней»—сухими туманами и имъ подобными статьями.

Но потребность въ словарѣ была уже такъ велика, что черезъ три года послѣ прекращенія плюшаровскаго изданія появился «Справочный энциклопедическій словарь» другого типографщика, К. Края. Въ портфелѣ «Историческаго Вѣстника» имѣются записки редактора этого словаря, А. В. Старчевскаго, съ которыми журналъ познакомитъ вскорѣ своихъ читателей. Мы не будемъ поэтому разсказывать довольно любопытную исторію этого изданія, боровшагося и съ матеріальными неурядицами, но всего болѣе съ цензурою, достигшею въ сороковыхъ годахъ апогея придирчивости и нелогичности. Въ это «доброе старое время», которому съ трудомъ вѣрится теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, каждое отдѣльное вѣдомство и учрежденіе въ Россіи пользовались правомъ цензурованія статей, болѣе или менѣе подлежащихъ его вѣдѣнію — и такихъ частныхъ цензуръ въ Петербургѣ было—шестнадцать. Кромѣ того, въ цензурный комитетъ нельзя было представлять статей въ корректурѣ и многія изъ нихъ должны были проходить черезъ десятокъ рукъ, прежде чѣмъ удостоиться вождѣленнаго дозволенія къ печати. Можно представить себѣ, какъ скоро должно было идти журнальное дѣло при такихъ образцовыхъ порядкахъ. Къ борьбѣ противъ холощенія мысли присоединялась у человѣка, дававшаго свой трудъ, борьба противъ людей, дававшихъ деньги на предпріятіе. Кромѣ типографщика, главнымъ лицомъ явился въ немъ и бумажный фабрикантъ, сначала дававшій бумагу въ долгъ, а потомъ отказавшійся отъ участія въ дѣлѣ. Край вскорѣ раззорился и словарь, съ трудомъ доведенный черезъ пять лѣтъ до половины, остановился чуть не на пять лѣтъ. По первоначальному плану, онъ долженъ былъ состоять изъ четырехъ томовъ, потомъ изъ восьми; наконецъ редакторъ, которому, конечно, слѣдовало бы заранѣе обдумать все дѣло, убѣдился, что при допущенномъ имъ объемѣ статей словарь съ трудомъ умѣстится и въ 12-ти томахъ, а когда пришло это убѣжде-

ніе, средства изданія уже истощились. Надо отдать, однако, справедливость г. Старчевскому: онъ не хотѣлъ бросить неконченнымъ полезное дѣло; работая неутомимо, онъ настойчиво изыскивалъ всякія средства продолжать изданіе, не жалуясь на публику. Выпуская въ свѣтъ въ 1849 году второй томъ словаря на букву Б (томы выходили въ разбивку — нововведеніе весьма неудачное и ни къ чему не ведущее), г. Старчевскій доказывалъ неосновательность мнѣнія, будто ученыя, дорогія книги не идутъ въ Россіи, и утверждалъ, что словарь окончится «и безъ участія издателей, на средства выручаемыя отъ продажи книги». Не смотря на это утвержденіе, словарь все-таки остановился и седьмой томъ его вышелъ въ концѣ 1853 года изъ типографіи Дмитріева (въ Таировомъ переулкѣ близь Сѣнной, въ квартирѣ, гдѣ въ холеру была больница, изъ которой народъ выпустилъ больныхъ и выбросилъ доктора изъ окна). Въ предисловіи къ этому тому редакторъ уже покривилъ душою и приписывалъ четырехлѣтнюю остановку изданія «слишкомъ сложному и копотному (т. е. вѣроятно: кропотливому) труду редакціи,—первому въ этомъ родѣ въ нашей литературѣ»,—утвержденіе также невѣрное, такъ какъ, не говоря уже о лексикографическихъ трудахъ прежняго времени, словарь г. Старчевскаго былъ и не первый, да и по достоинству статей на первые пять буквъ—значительно ниже словаря Плюшара. Но черезъ десять лѣтъ послѣ начала изданія, въ 1855 г., г. Старчевскій окончилъ, все-таки, свой словарь, въ короткое время выпустивъ послѣдніе четыре тома, такъ что, исключая время перерывовъ и остановокъ, всѣ 12 томовъ изданы въ теченіе пяти лѣтъ—срокъ весьма непродолжительный. Къ сожалѣнію, необходимость втиснуть всѣ статьи въ объемъ 350—400 листовъ, предназначенныхъ для изданія, при обширности многихъ статей, посвященныхъ біографіи живыхъ лицъ, заставила сократить и даже вовсе выбросить многія, гораздо болѣе существенныя статьи, и въ публикѣ, съ первыхъ же томовъ словаря, составилось убѣжденіе, что онъ далеко не полонъ и, въ то же время, наполненъ жизнеописаніями и формулярами весьма мало интересныхъ личностей. Въ особенности излишними оказалось исчисленіе военныхъ подвиговъ и пожалованія орденами разныхъ генераловъ, и безъ того нашедшихъ себѣ мѣсто въ издававшемся тогда спеціальномъ «Военномъ Лексиконѣ», вполнѣ достигавшемъ своего назначенія. Въ общемъ энциклопедическомъ словарѣ такія подробности и такія біографіи, какъ Варгунина, Штиглица, Мусина-Пушкина, разныхъ мелкихъ польскихъ дѣятелей и др., были совершенно неумѣстны. Пробѣлы въ существенныхъ статьяхъ скрадывались тѣмъ, что къ томамъ словаря не прилагалось оглавленія, а отсутствіе подписей подъ статьями и совершенное умолчаніе о сотрудникахъ утверждали публику въ мысли, что словарь составляется съ помощью недоучившихся гимназистовъ. Поэтому словарь г. Старчевскаго не имѣлъ успѣха и

расходился очень туго, не смотря на свою относительную дешевизну.

Одновременно съ этимъ словаремъ, въ 1845 году, явился «Карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка», издаваемый Н. Кириловымъ и возбудившій переполохъ въ цензурѣ. Первый выпускъ этой маленькой, повидимому, совершенно безобидной книги (отъ А до Л) прошелъ незамѣченнымъ, но на второмъ (до буквы О включительно) на издателя (молодого артиллерійскаго офицера) и на цензора А. Крылова обрушилась гроза. Нашли, что статьи этого словаря составлялись по извѣстной энциклопедіи Пьера Леру, проникнутой тлетворными идеями. Оба выпуска были захвачены и уничтожены: второй и совсѣмъ не проникъ въ продажу и составляетъ теперь величайшую библіографическую рѣдкость, не менѣе чѣмъ трагедія И. Е. Великопольскаго «Янетерскій», сожженная въ тоже время. Между тѣмъ, въ словарѣ Кирилова было гораздо больше юмористическихъ, даже школьническихъ выходокъ, чѣмъ дѣйствительно разрушительныхъ принциповъ. Составлялся онъ небольшимъ кружкомъ молодежи, которую окрестили потомъ названіемъ «петрашевцевъ» и впутали въ небывалый заговоръ 1849 года. Хотя словарь былъ изъятъ изъ обращенія по настоянію черезчуръ усердныхъ патріотовъ, но болѣе благоразумные люди видѣли въ немъ только простое мальчишество и изъ-за него никто не пострадалъ. Издатель доказалъ, что онъ далъ только свое имя (деньги далъ Мих. Вас. Петрашевскій), цензоръ доказалъ, что рѣзкія выходки вносились въ статьи послѣ его одобренія. Даже типографію нельзя было наказать, такъ какъ она была казенная (губернскаго правленія) и факторъ изъ нижнихъ чиновъ резонно заявилъ, что онъ и не осмѣливался усомниться въ законности поправокъ, вносимыхъ ихъ высокоблагородіями въ корректурные листы. Теперь статьи словаря, приводившія въ ужасъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, возбуждаютъ только улыбку. Такъ, въ статьѣ «Ордена», послѣ замѣчанія, что, при нынѣшнемъ развитіи общества, они потеряли прежнюю силу и значительность, чему болѣе всего содѣйствовала неумѣренность въ раздачѣ ихъ, авторъ прибавлялъ: «Впрочемъ, этого нельзя сказать о любезномъ нашемъ отечествѣ: въ нашей администраціи нѣтъ мѣста господству привычки, рутины и безсознательно принятыхъ предразсудковъ,—наука, знаніе и достоинство руководитъ ею. Не было примѣра, чтобы у насъ въ Россіи человѣкъ, приносившій относительно, такъ сказать, услуги, былъ оставленъ безъ призрѣнія («Мертвыя души», разсказъ капитана Копейкина) и безъ вознагражденія, прибавимъ мы, преисполненные удивленія къ благотворнымъ распоряженіямъ нашего правительства». Что же это, какъ не школьническое глумленіе, неприличное въ серьезномъ словарѣ?

Новое царствованіе, вызвавшее такъ много благихъ реформъ, но еще больше несбывшихся надеждъ, не могло не отразиться на лексикографіи, какъ отразилось оно на всей литературѣ. Черезъ пять лѣтъ послѣ окончанія Крайевскаго словаря, неудовлетворительность котораго сознавалась всѣми, въ великій годъ уничтоженія крѣпостничества, черезъ мѣсяцъ послѣ обнародованія манифеста 19 февраля, явился первый томъ новаго «Энциклопедическаго словаря, составленнаго русскими учеными и литераторами». Предпріятіе это, задуманное въ чрезвычайно широкихъ размѣрахъ, основанное съ значительными матеріальными средствами, выступило въ публику съ полнымъ сознаніемъ своего значенія. Словарь предлагалъ критикѣ обсудить, насколько онъ удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ. «Мы не желаемъ снисхожденія, оно вредно въ общеполезномъ дѣлѣ», — говорилось въ введеніи, объяснявшемъ и внѣшнюю сторону труда. Онъ былъ раздѣленъ между четырнадцатью редакціями, изъ которыхъ каждая контролировала остальныя и редакторъ каждаго отдѣла подчинялся, конечно лишь добровольно, совѣтамъ своихъ товарищей. Только послѣ этой взаимной критики статья проходила черезъ окончательную инстанцію общей редакціи. Завѣдовалъ ею А. А. Краевскій, помощникомъ его былъ М. Стойковичъ, редакторами: русской и славянской исторіи К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, всеобщей исторіи Е. М. Ѳеоктистовъ, словесныхъ наукъ М. Л. Михайловъ, политическихъ, финансовъ, статистики— Ѳ. Г. Тернеръ, П. П. Семеновъ, А. К. Корсакъ, философскихъ— П. Л. Лавровъ, естественныхъ наукъ—Ленцъ, математическихъ— Буняковскій, изящныхъ искусствъ — А. Н. Майковъ и пр. Такія имена и списокъ 95-ти сотрудниковъ, участвовавшихъ въ составленіи перваго тома и между которыми было много извѣстныхъ писателей, не могли не внушить довѣрія публикѣ, и она, дѣйствительно, встрѣтила съ особымъ сочувствіемъ первые томы словаря. Ихъ вышло три въ первый же годъ изданія, въ томъ же редакціонномъ составѣ; только къ 14-ти редакторамъ прибавился 15-й, А. Н. Энгельгардтъ — по сельскому хозяйству, да общая редакція поручена была, со второго тома, вмѣсто Краевскаго, П. Л. Лаврову, избравшему себѣ въ помощники, съ третьяго тома, В. Р. Зотова. Но изъ этихъ же томовъ, не смотря на множество превосходныхъ и капитальныхъ статей, публика убѣдилась въ невозможности осуществленія предпріятія, начатаго въ такихъ колоссальныхъ размѣрахъ. Въ 1862 году вышло еще два тома въ 577 и 752 страницы, и въ нихъ была окончена только буква А и то съ пропусками самыхъ большихъ статей, отнесенныхъ къ слѣдующимъ томамъ: Англія— смотри Великобританія, Амуръ—см. Эросъ, Антихристъ— см. Апокалипсисъ (и этой статьи также нѣтъ; она отнесена къ приложенію, вмѣстѣ съ множествомъ другихъ статей, какъ Аполлоній Тіанскій, Аполлонъ, Апологетика, Апостолы, Апулей, Аралъ, Ари-

стотель, Артиллерія, Архитектура, Аѳины и пр.). Приложеніе къ буквѣ А такъ и не вышло, а въ 1863 году появился шестой томъ словаря на букву Е и съ нимъ изданіе прекратилось. Редакторъ его покончилъ свое литературное и гражданское поприще. Начатый уже безъ него седьмой томъ (конецъ буквы Е и начало Ж) такъ и остался невыпущеннымъ изъ типографіи. Взявшійся продолжать дѣло, полковникъ генеральнаго штаба К. И. Гершельманъ, вскорѣ же отказался отъ него.

Тогда, на смѣну предпріятія, погибшаго уже отъ черезчуръ широкихъ замысловъ, явилось, въ концѣ того же года, изданіе, задавшееся самыми скромными цѣлями—«Настольный словарь для справокъ по всѣмъ отраслямъ знанія, подъ редакціею Ф. Толля, при дѣятельномъ сотрудничествѣ В. Воленса». Словарь началъ издаваться съ помощью пятерыхъ лицъ, внесшихъ 24 тысячи. Первоначальная подписка дала до 8-ми тысячъ; издержки на три тома были разсчитаны въ 45,000. Выпуски начали быстро появляться одинъ за другимъ и въ половинѣ слѣдующаго года вышелъ уже второй томъ. Но тутъ успѣшному ходу дѣла мѣшалъ самъ редакторъ. Сынъ мелкаго чиновника, внукъ эстонскаго крестьянина, онъ кончилъ курсъ въ педагогическомъ институтѣ, былъ учителемъ въ астраханской гимназіи, потомъ въ финляндскомъ корпусѣ и инженерномъ училищѣ. 26-ти лѣтъ, за участіе въ заговорѣ Петрашевскаго, онъ былъ сосланъ въ каторжную работу, на заводы Западной Сибири, гдѣ пробылъ семь лѣтъ и, вернувшись въ Петербургъ, началъ писать повѣсти въ журналахъ, потомъ критическія и педагогическія статьи. Повѣсти были плохи (лучшая «Трудъ и капиталъ»), серьезныя статьи скучны и полны учительскаго педантизма. Дантонъ по наружности, съ огромною головою и болѣе чѣмъ некрасивыми чертами лица, онъ по натурѣ былъ въ высшей степени раздражителенъ, чему, конечно, не мало содѣйствовала жизнь на каторгѣ, ссорился со многими изъ своихъ сотрудниковъ, страшно торопилъ ихъ въ работѣ, никому не довѣрялъ, все хотѣлъ дѣлать самъ и вскорѣ же увидалъ, что ему не подъ силу нести одному редакторскій трудъ, требующій преимущественно хладнокровія и спокойствія. Тогда онъ обратился къ В. Р. Зотову, прося его взять редакцію третьяго тома словаря и вести его одновременно со вторымъ томомъ, гдѣ усиленно работалъ В. П. Воленсъ. В. Р. Зотовъ быстро подвинулъ впередъ этотъ послѣдній томъ, но, составивъ всѣ слова на буквы П, Р, С, Т, У и начало Ф, долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ работѣ. Толль поссорился и съ этимъ покладистымъ редакторомъ и самъ уже окончилъ послѣднія буквы третьяго тома. Торопливость въ работѣ отозвалась вскорѣ тѣмъ, что словарь потребовалъ значительныхъ приложеній и дополненій, и они были изданы въ 1866 году. При этомъ третій томъ потребовалъ всего 112 страницъ прибавленія, тогда

какъ первый 152, а второй 202, причемъ въ исправленіяхъ вовсе не было указано даже на такіе непростительные промахи въ первомъ томѣ, какъ помѣщеніе статьи «Виртембергъ» и — черезъ 50 страницъ—«Вюртембергъ» съ тѣми же данными. Но какъ бы то ни было, Толль кончилъ свой трудъ, работая честно и усердно и умеръ на другой годъ послѣ выпуска «приложенія», на 44-мъ году своей тяжелой, труженической жизни. И словарь его, не смотря на свою краткость, на всѣ недостатки, все-таки до сихъ поръ лучшій на русскомъ языкѣ. Въ 1870 году потребовалось къ нему новое дополненіе. Но остальные экземпляры словаря (онъ печатался въ 10,000 экземпляровъ) попали въ руки торговца Вас. Печаткина, брата бумажнаго фабриканта Вячеслава Петр. Печаткина, и сдѣлались предметомъ спекуляціи. Составленное добросовѣстно В. П. Воленсомъ новое приложеніе словаря доведено было до 1870 года; на него объявлена подписка въ 5 рублей за три выпуска и первый выпускъ (до буквы З) вышелъ въ свѣтъ. Затѣмъ, черезъ пять лѣтъ, издатель перемѣнилъ обложку перваго выпуска на 1875 годъ и продолжалъ брать съ довѣрчивыхъ подписчиковъ все тѣ же пять рублей за одинъ тощій выпускъ, все обѣщая въ непродолжительномъ времени выдать остальные два выпуска. Напрасно Воленсъ отдавалъ даромъ свое «Приложеніе», лишь бы Печаткинъ кончилъ изданіе. Обѣщаніе и обираніе пятирублевокъ тянулось до тѣхъ поръ, пока еще лѣтъ черезъ десять закрылся и книжный магазинъ Вас. Печаткина (на Литейной, въ домѣ духовнаго вѣдомства) и самъ спекуляторъ исчезъ неизвѣстно куда. Трудъ, честно веденный литераторомъ, безъ разсчетовъ на выгоды, изъ одной любви къ дѣлу, былъ окончательно погубленъ недобросовѣстнымъ торгашомъ.

Въ 1873 году, вниманіе публики было привлечено объявленіемъ о новомъ «Русскомъ энциклопедическомъ словарѣ», издаваемомъ профессоромъ петербургскаго университета И. Н. Березинымъ. Въ самомъ названіи уже заключалась двусмысленность: многіе думали, что въ словарѣ будутъ помѣщаться статьи, относящіяся только къ Россіи, но это былъ словарь энциклопедическій, въ которомъ такія статьи поставлены были только на первый планъ и «въ соотвѣтственныхъ тому размѣрахъ». Но и это условіе не было выдержано съ перваго же тома, гдѣ «Австрія» занимала 116 страницъ, а «Азія» — 240. «Азіатской Россіи» не было вовсе. Сотрудниками показаны были почти одни профессора; въ составъ редакціи вошли семь человѣкъ: В. Р. Зотовъ, А. А. Стойковичъ и гг. Матвѣевъ, Загибенинъ, Ижорскій, Степановъ, Бородинъ, — послѣдніе пятеро вовсе неизвѣстные лексикографическими работами. Буква А вышла въ двухъ томахъ и многія статьи этихъ томовъ — сплошная перефразировка словаря П. Л. Лаврова, въ которомъ новый словарь, по собственному сознанію, «имѣлъ весьма полезнаго предшествен-

ника». Со второго тома исчезли уже списки сотрудниковъ и упоминанія о редакціи. Буква Б составлена очень тщательно, хотя статьи «Баварія» и «Баденъ» превзошли предположенные размѣры, впрочемъ, «по отношенію къ Бадену, одному изъ лучшихъ уголковъ Европы (?), читатели можетъ быть и не будутъ роптать на величину статьи, окупаемую интересомъ предмета». Редакторъ, завѣдывавшій восточнымъ отдѣломъ въ словарѣ Лаврова, привыкшій, какъ профессоръ татарскаго и турецкаго языка, къ восточнымъ метафорамъ, выражается, вообще, тяжелымъ русскимъ языкомъ, но не боится «преждевременнаго упрека въ томъ, что первыя двѣ буквы пущены роскошно, а остальныя пошли уже прессованныя». Онъ говорилъ, что взялъ образцомъ словарь Брокгауза, но почти всѣ переводныя статьи первыхъ томовъ взяты изъ плохого иллюстрированнаго словаря Отто Шпамера. Съ пятаго тома, вышедшаго въ 1875 году, редакторъ начинаетъ жаловаться на недостатокъ не только подписчиковъ, но и сотрудниковъ, на г. Богушевича, «составлявшаго списки выходящихъ въ Россіи книгъ и «тиснувшаго, по ошибкѣ или по другой причинѣ (?), въ своемъ спискѣ, будто словарь печатается въ числѣ 500, вмѣсто 5,000 экземпляровъ, и эта цифра была показана во всѣхъ изданіяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Конечно, чему же вѣрить, какъ не оффиціальнымъ цифрамъ министерства?» Эта «зловредная опечатка г. Богушевича», банкротство книгопродавца Базунова, застой въ книжной торговлѣ, даже волненія на Балканскомъ полуостровѣ, неблагопріятно отозвались на подпискѣ. Редакторъ проситъ даже принять во вниманіе, при сужденіи о словарѣ, обстоятельство, повидимому не имѣющее къ нему никакого отношенія: «издатель, предпринимая словарь, имѣлъ въ виду полученіе слѣдующей ему за пять лѣтъ служебныхъ занятій пенсіи, но, не смотря на неоднократныя представленія объ этомъ министра народнаго просвѣщенія, согласія со стороны министерства финансовъ на выдачу не послѣдовало, хотя и зачтены въ дѣйствительную службу три года служебныхъ занятій». Такія жалобы на все и на всѣхъ, не исключая министровъ, были во всякомъ случаѣ оригинальнымъ явленіемъ въ русской печати. Г. Березинъ жаловался даже на то, что Лавровскій словарь получилъ 23 тысячи субсидіи отъ правительства. Публика продолжала, однако, поддерживать словарь, выходившій выпусками разныхъ буквъ въ разбивку, отчего происходила неимовѣрная путаница. Въ редакціонномъ отношеніи также было замѣтно отсутствіе плана и системы въ составленіи статей. На однѣ буквы статьи составлялись полнѣе, писались хорошимъ языкомъ; на другія—съ большими пропусками и промахами. Такъ, составленіе словъ на букву Д принадлежитъ, очевидно, одному лицу и всѣ они отличаются соразмѣрностью, сжатостью и отчетливостью. На букву Л редакторъ указывалъ не разъ какъ на образцовую, но и тутъ одна рука,

одинъ взглядъ и одинъ литературный языкъ видны только до слога Ли включительно, а потомъ опять идутъ статьи, напоминающія гимназистовъ-сотрудниковъ словаря Старчевскаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ перефразировки и перепечатки словаря Толля становятся такъ часты и явны, что въ восьмомъ томѣ своего словаря г. Березинъ считаетъ нужнымъ указать, что въ статьяхъ его, при сравненіи съ другими подобными изданіями: «можетъ встрѣтиться сходство, однакоже ничуть не распространяющееся на большія, руководящія статьи». Но дѣло тутъ именно не въ большихъ, а въ маленькихъ статьяхъ, цѣликомъ взятыхъ у Толля, со всѣми ихъ ошибками. Въ послѣднихъ томахъ своего изданія редакторъ уже совершенно пересталъ бесѣдовать съ читателями. Въ 1879 году явился послѣдній 16-й томъ словаря, безъ всякихъ объясненій. Обѣщанныхъ въ первыхъ томахъ—общаго указателя собственныхъ именъ и «можетъ быть» предметнаго, атласа и таблицъ, дополненій и поправокъ—не оказалось вовсе. И между тѣмъ многотомный словарь, стоющій 60 рублей, разошелся сполна — такъ велика въ нашей публикѣ потребность въ подобномъ изданіи.

Въ 1883 году, черезъ три года по окончаніи своего большого труда, все-таки заслужившаго благодарность, г. Березинъ выпустилъ въ свѣтъ первый томъ «Новаго энциклопедическаго словаря». Въ предисловіи, поговоривъ о необходимости общаго образованія для развитія въ человѣкѣ гуманности, чтó достигается съ помощью словарей, и напомнивъ, что только ему удалось довести до конца словарь въ 16-ти томахъ, г. Березинъ приходитъ къ неожиданному заключенію: «но результатъ этого тяжелаго успѣха былъ самый печальный; я пришелъ къ убѣжденію, что большой энциклопедическій словарь на русскомъ языкѣ болѣе невозможенъ по малочисленности нашей интеллигенціи: нельзя имѣть необходимое число понимающихъ дѣло добросовѣстныхъ сотрудниковъ, нельзя также получить достаточное число подписчиковъ». Стало быть всѣ десятки именъ профессоровъ, перечисленныхъ г. Березинымъ, въ числѣ сотрудниковъ своего большого словаря—люди или недобросовѣстные или непонимающіе дѣло, и пять тысячъ экземпляровъ вполнѣ разошедшагося шестидесятирублеваго словаря доказываютъ малочисленность нашей интелигенціи—выводы очень странные, чтобы не сказать болѣе. Затѣмъ г. Березинъ объявляетъ, что онъ «рѣшился издать словарь въ восьми томахъ и съ умѣренною цѣною» и хотя «ничто не соблазняетъ и не вынуждаетъ его пуститься на новый рискъ, онъ руководится единственно предположеніемъ, что можетъ исполнить эту трудную работу и доставить русскому человѣку необходимѣйшую книгу для его развитія». (Годà не могли помѣшать ему работать, хотя онъ счелъ почему-то нужнымъ умолчать въ своемъ же словарѣ о годѣ своего рожденія). Послѣ этого слѣдуетъ, для чего то, указаніе промаховъ и ошибокъ въ брокгаузовскомъ

словарѣ 1880 года и сознаніе, что большія статьи русскаго словаря, переводимыя изъ Брокгауза, оказывались многословны. Въ заключеніе заявляется, что «новый словарь» будетъ не сокращеніемъ прежняго, а дѣйствительно новымъ, даже по изложенію, и можетъ считаться дополненіемъ къ большому словарю. Это было справедливо: въ словарѣ явилось много новыхъ статей, лучше изложенныхъ, но было и много старыхъ ошибокъ, на что тогда же указалъ «Историческій Вѣстникъ», при разборѣ этого тома. И ошибки были тѣмъ непростительнѣе, что относились къ статьямъ о Россіи, для которыхъ имѣлись подъ рукой всѣ нужныя и точныя справки. Второй томъ новаго словаря вышелъ въ 1884 году и оканчивается слогомъ Гал. Въ короткомъ предисловіи къ этому тому г. Березинъ опять повторяетъ, что изданіе большого словаря «сдѣлалось уже положительно невозможнымъ», жалуется даже на недостатокъ наборщиковъ и на то, что у насъ «вновь выходитъ книгъ мало, очень мало», но заканчиваетъ тѣмъ, что «не станетъ предаваться пессимизму и будетъ энергически продолжать начатое дѣло»; что оригиналъ третьяго и четвертаго томовъ—готовъ и печатаніе словаря пойдетъ теперь скорѣе. Увы! все это были напрасныя обѣщанія. Почтенный профессоръ предался пессимизму—и съ тѣхъ поръ вотъ уже болѣе четырехъ лѣтъ—о его словарѣ нѣтъ ни слуху, ни духу. Буква Г. была окончена наборомъ въ типографіи, но вышла ли въ свѣтъ—объ этомъ намъ не могли сообщить наши книжные магазины. Самъ г. Березинъ не обмолвился ни однимъ словомъ, въ газетахъ,—окончательно ли онъ похоронилъ свое «энергически начатое дѣло», хотя запросы объ этомъ дѣлались ему и въ печати. Немногочисленные подписчики на новый словарь напрасно бомбардировали книгопродавцевъ, у которыхъ они подписались, вопросами: что же наконецъ сталось со словаремъ? отвѣта не получалось никакого; восточные люди, привыкшіе къ халатному обращенію, говорятъ не даромъ: рѣчь—серебро, молчаніе—золото. Одинъ изъ подписчиковъ говорилъ, что получилъ отвѣтъ о прекращеніи словаря—не по случаю недостатка наборщиковъ, а вслѣдствіе болгарской неурядицы. Все-таки этотъ отвѣтъ лучше никакого. Теперь пессимизмъ г. Березина, конечно, еще болѣе усилился, и профессоръ убѣдился, что у насъ нельзя издавать ни большого, ни маленькаго словаря. Но, кромѣ вины въ этомъ сотрудниковъ, подписчиковъ, наборщиковъ, интеллигенціи, г. Богушевича, министерства финансовъ и Болгаріи, неужели г. Березину не приходило на мысль поискать болѣе близкихъ и основательныхъ причинъ неуспѣха его словарей,—ну, хоть бы въ самой редакціи?..

Событія, впрочемъ, какъ бы оправдывали профессорскій пессимизмъ. Въ то время, когда г. Березинъ оканчивалъ свой большой словарь, явилось въ 1878 году, съ громомъ рекламы извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ «Новой русской энциклопедіи», издаваемой никому

невѣдомымъ А. Жолкевичемъ. Энциклопедія должна была выходить каждый мѣсяцъ и закончиться въ концѣ года 12-мъ томомъ. Первый томъ вышелъ въ 500 страницъ, продавался по полтора рубля и былъ напечатанъ въ числѣ 10,000 экземпляровъ. Мѣсяца черезъ два его можно было купить на толкучкѣ за двугривенный и то еще не торгуясь. Г. Жолкевичъ убѣдился на опытѣ, что недостаточно объявить о своей готовности быть энциклопедистомъ, чтобы привлечь публику, и что нельзя начинать изданіе многотомнаго словаря, не имѣя ни денежнаго, ни умственнаго капитала. Въ то же время, когда гибнулъ съ первыхъ шаговъ новый большой словарь, нарождался маленькій, по образцу Толлевскаго, подъ редакціей В. Клюшникова. Сначала онъ выходилъ какъ приложеніе къ журналу «Кругозоръ», погибшему также въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики. Потомъ, въ 1879 году, явился въ отдѣльной продажѣ первый томъ этого «Всенаучнаго энциклопедическаго словаря» съ подпискою на второй. Затѣмъ, какъ водится, объ немъ года два не было ни слуху, ни духу, наконецъ, въ 1882 году явились уже три тома, за которые издатель X. Небе желалъ заполучить уже 12 рублей, вѣроятно, какъ за рѣдкое явленіе новаго законченнаго словаря. Къ послѣднему тому приложено было даже и дополненіе, такъ какъ изданіе «прерывалось нѣсколько разъ по разнымъ обстоятельствамъ». Но доведя это дополненіе до буквы С включительно, издатель вѣроятно заключилъ, что принесъ уже достаточно жертвъ на алтарь просвѣщенія и что публика можетъ обойтись и безъ остальныхъ 14-ти буквъ русской азбуки и, оборвавъ дополненіе на буквѣ Т, такъ и пустилъ его въ продажу: покупайте, что̀ есть, будьте и тѣмъ довольны. Но публика, повидимому, не удовольствовалась этой плохой копіей словаря Толля, и вскорѣ цѣна «Всенаучной энциклопедіи» понизилась, по объявленіямъ, до шести рублей. У букинистовъ можно получить его меньше чѣмъ за половину этой цѣны.

Въ настоящее время у насъ выходятъ три словаря, не энциклопедическіе, но тѣмъ не менѣе обнимающіе обширный кругъ знаній и необходимые въ культурномъ значеніи. Въ 1884 году началъ выходить «Словарь практическихъ свѣдѣній, необходимыхъ въ жизни всякому», изданіе доктора Л. Симонова; въ половинѣ 1886 года «Художественная Энциклопедія» Ѳ. И. Булгакова; въ концѣ того же года—«Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ» С. А. Венгерова. Словарь г. Симонова доказалъ съ первыхъ же выпусковъ, что недостаточно быть хорошимъ практикомъ въ медицинѣ для того, чтобы обладать практическими свѣдѣніями въ издательскомъ и словарномъ дѣлѣ. Съ первыхъ же выпусковъ, оказалась путаница въ программѣ изданія и отсутствіе плана въ выполненіи. Словарь очевидно задался слишкомъ широкими цѣлями: подъ понятіе о практической жизни подводилось «все, что̀ имѣетъ

свое названіе въ русскомъ языкѣ» (?). Это не былъ строго ограниченный въ своей задачѣ Hauslexicon, а почти полная энциклопедія, только безъ математическихъ наукъ и исторіи, да еще съ добавленіемъ кухни и рецептовъ, не входящихъ обыкновенно во всенаучные словари. Въ помѣщеніи и объемѣ статей не замѣчалось ни соразмѣрности, ни системы. Первоначальное число выпусковъ вскорѣ же было увеличено, цѣна — тоже. Въ 1884 году вышло всего два выпуска, въ 1885 году четыре и началось обильное помѣщеніе политипажей (въ 6-мъ выпускѣ было уже 157 рисунковъ, изъ которыхъ множество лошадиныхъ портретовъ совершенно лишніе), въ 1886 году—два выпуска уже съ 430 рисунками и цѣлымъ альбомомъ мебели, большею частью исторической и потому вовсе не пригодной для практической жизни, и въ обоихъ выпускахъ умѣстилась только одна буква М безъ конца и безъ начала. Наконецъ, въ мартѣ 1887 года вышелъ девятый выпускъ (буква Н и начало О) и съ тѣхъ поръ—вотъ уже больше года—о словарѣ нѣтъ никакого извѣстія. Когда же онъ будетъ конченъ и во сколькихъ выпускахъ, такъ какъ и въ девятомъ не доведенъ и до половины буквъ русскаго алфавита? Практическій выводъ изъ этого словаря тотъ, что человѣку, обремененному спеціальными занятіями, какъ доктору Симонову, не слѣдовало приниматься за дѣло, которому надо посвятить себя всецѣло, а не заниматься имъ только въ часы, свободные отъ другой практики.

«Художественная Энциклопедія» г. Булгакова составлена также въ часы, свободные отъ журнальной работы, что очевидно повредило ея полнотѣ и систематичности. Но она подверглась уже черезчуръ строгимъ нападкамъ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія» и П. Н. Петрова въ «Дѣлѣ» 1886 года. Не смотря на ея недостатки, это все-таки довольно полезное изданіе и единственное у насъ въ сферѣ изящныхъ искусствъ, гдѣ только по части музыки имѣются два словаря Перепелицына и Рубца—и оба весьма плохіе. Словарь входитъ часто въ неподлежащія ему области археологіи и техническихъ производствъ и напрасно не помѣщаетъ хоть краткихъ біографій художниковъ, тогда какъ говоритъ о ихъ произведеніяхъ, находящихся въ такихъ-то музеяхъ и такихъ-то городахъ. Гораздо умѣстнѣе было бы при описаніи жизни художника назвать главнѣйшія его произведенія, съ указаніемъ, гдѣ они находятся. Въ «Художественной Энциклопедіи», какъ и во многихъ другихъ словаряхъ, замѣчается еще одинъ недостатокъ: большія статьи обработываются тщательно, въ мелкихъ—чаще всего встрѣчаются промахи. Приведемъ одинъ промахъ, хоть ихъ можно насчитать десятки: «Каріатида—статуя безъ ногъ въ длинной одеждѣ». Неужели г. Булгаковъ не видалъ каріатидъ и съ ногами и безъ одежды? Г. Симоновъ, находя, что и въ практической жизни необходимо знать о каріатидахъ, говоритъ, что «такъ называются жен-

скія статуи въ длинныхъ одеждахъ». Неужели г. Симоновъ не видалъ никогда бородатыхъ каріатидъ Эрмитажа? Г. Березинъ, вслѣдъ за Толлемъ, находитъ, что каріатиды—статуи безъ рукъ, тогда какъ большею частью руками онѣ и поддерживаютъ антамблементы. Это ли еще не комичные словарные курьезы!

Съ особеннымъ интересомъ встрѣченъ былъ въ концѣ 1886 года первый выпускъ словаря русскихъ писателей г. Венгерова. Въ теченіе многихъ лѣтъ приходилось намъ довольствоваться въ этой области словарями Новикова, митрополита Евгенія и Геннади, второй, неоконченный томъ котораго (до буквы М) вышелъ въ 1880 году. Планъ новаго словаря—весьма раціоналенъ: часть біографическая, затѣмъ библіографическая съ полнымъ перечнемъ всего, что̀ написано авторомъ и что̀ объ немъ написано, наконецъ—часть критическая. Намѣченъ и объемъ статей: не болѣе 45 страницъ для Пушкина и Гоголя, не болѣе 25-ти для Ломоносова, Бѣлинскаго, Толстого, Тургенева и т. п. Изданіе заканчивается въ 120 выпускахъ, каждый въ три листа. Кажется, чего жъ бы лучше такой строгой системы и послѣдовательности. Но вотъ съ 3-го выпуска начинаются Аксаковы и продолжаются до половины 8-го, занимая двѣсти страницъ, да и то еще оцѣнка литературной дѣятельности Ивана Аксакова и біографія Николая отнесены къ дополненіямъ перваго тома. При этомъ на первомъ мѣстѣ поставленъ для чего-то спиритъ Александръ Аксаковъ, самъ объясняющій свои медіумическія воззрѣнія, врядъ ли сколько-нибудь интересныя для русской литературы. Сергѣю Аксакову посвящено 50 страницъ, Константину 117, Ивану 26 — безъ критической оцѣнки. Съ 9-го выпуска, появившагося въ нынѣшнемъ году, г. Венгеровъ прибѣгнулъ къ содѣйствію другихъ лицъ, имена которыхъ начали появляться подъ біографіями разныхъ писателей и число выпусковъ увеличено до 200. Но если онъ въ полтора года успѣлъ издать только 10 выпусковъ, то для выхода двухсотъ потребуется болѣе тридцати лѣтъ, да и въ 200 выпусковъ нѣтъ никакой возможности втиснуть всю русскую литературу, если въ десяти далеко не окончена и первая буква алфавита. Неужели же и это необходимое для насъ изданіе придется причислить къ числу неудавшихся, плохо задуманныхъ и расчитанныхъ?

И такъ, въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, у насъ вышли законченными два маленькихъ энциклопедическихъ словаря и два большихъ. Слѣдуетъ ли по этому увлечься пессимизмомъ г. Березина и признать невозможность появленія у насъ подобныхъ изданій? Мы думаемъ, напротивъ, что полувѣковой опытъ на поприщѣ лексикографіи указываетъ намъ на настоящій путь, по которому должно слѣдовать для осуществленія предпріятія, настоятельную необходимость котораго для Россіи — было бы излишне доказывать. Прежде всего для этого нужна солидная издатель-

ская фирма, конечно, со своею типографіею, которая отъ своихъ оборотовъ могла бы отдѣлить капиталъ въ 15—20 тысячъ для начала изданія, а не расчитывала на подписку съ первыхъ томовъ. Не посѣявши, нельзя надѣяться на жатву. Затѣмъ нужна не многочисленная редакція, но совершенно свободная отъ журнальныхъ и всякихъ другихъ даже профессорскихъ занятій. Главный или общій редакторъ долженъ нераздѣльно и всецѣло посвятить себя своему дѣлу и слѣдить въ особенности затѣмъ, чтобы никакая статья не превышала заранѣе опредѣленнаго для нея размѣра. Въ словарѣ Лаврова одинъ изъ четырнадцати редакторовъ просилъ о прибавкѣ, въ общей сложности, трехъ строкъ въ статьямъ его отдѣла: ему расчитали, что эти три строки составятъ въ цѣломъ изданіи прибавку въ три тома. Главный редакторъ долженъ, конечно, имѣть энциклопедическое образованіе, долженъ быть знакомъ со всѣми отраслями наукъ и знаній, особенно съ лексикографіей. Онъ долженъ также дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, не завися отъ капризовъ издателя, отъ претензій сотрудниковъ-спеціалистовъ, изъ которыхъ каждый считаетъ свою спеціальность—главною въ общей сферѣ познаній. Если république des lettres оказалась несостоятельною въ литературѣ, то тѣмъ болѣе не пригодны реснубликанскіе порядки въ серьезномъ научномъ дѣлѣ. Хорошіе сотрудники для такого дѣла найдутся. Покойный М. Вольфъ, не смотря на непригладныя стороны своего характера, не жалѣлъ ничего для поддержанія своей издательской фирмы. Пожертвовавъ десятки тысячъ на свою «Живописную Россію», онъ задумывалъ, по окончаніи ея, издать большой иллюстрированный словарь, для котораго матеріалъ и рисунки должны были дать эта же «Россія», и другія его изданія: историческіе очерки Разина, біографическій словарь «Русскіе люди», «Исторія всемірной литературы» В. Зотова и проч. Найдется ли у насъ теперь издатель, который могъ бы и захотѣлъ бы, по примѣру Брокгаузовъ, Пиреровъ, Ларуссовъ, оставить по себѣ почетное имя въ русской лексикографіи?.. Въ этомъ весь вопросъ.

Старый библіофилъ.

ШУТЫ И СКОМОРОХИ ВЪ ДРЕВНОСТИ И ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ[1].

X.

Слѣды народнаго шутовства на Востокѣ.—Карагёзъ и турецкая кукольная комедія.—Шуточныя похожденія Насръ-Эдинъ-Хаджи.

Прежде, чѣмъ мы перейдемъ отъ очерка шутовства на Западѣ къ историческому обзору общихъ и частныхъ проявленій шутовства у насъ въ Россіи, неизлишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ о шутовствѣ и на мусульманскомъ Востокѣ. Само собою разумѣется, что уже самый исламизмъ, такъ сильно вліяющій на характеръ и нравственную физіомонію исповѣдывающихъ эту религію народовъ, не могъ допустить возможности развитія проявленій шутовства до такой степени, до какой оно развилось на Западѣ. Мусульманинъ смѣется рѣдко и неохотно, и не допускаетъ въ свою однообразную жизнь ни зрѣлищъ, ни шумной веселости, нарушающихъ, по его мнѣнію, спокойное и правильное теченіе жизни. Но въ Турціи, основанной на почвѣ минувшей греко-византійской цивилизаціи, можетъ быть даже подъ вліяніемъ близкаго сосѣдства съ Италіей, мусульманинъ отступилъ отъ своихъ вѣковыхъ предразсудковъ и строгихъ воззрѣній и допустилъ въ кругъ своихъ увеселеній нѣчто въ родѣ народной итальянской комедіи, въ ос-

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXII, стр. 184.

новѣ которой является типическая личность Карагёза, издавна потѣшающаго константинопольскую чернь. Комедія эта съ Карагёзомъ во главѣ, конечно, не живая и дѣйствующая комедія, представляемая на сценѣ живыми и разумными людьми, а только та скучная, мертвая форма балаганнаго представленія, которая, съ теченіемъ времени, выродилась въ кукольную комедію.

Главными лицами турецкой кукольной комедіи являются постоянно—Карагёзъ, шутъ, по типу нѣсколько родственный Полишинелю, но при этомъ большой плутъ, глупецъ и великій циникъ, въ высшей степени грязный и по способу выраженія, и по всѣмъ сво-

Карагёзъ—восточный Полишинель.

имъ движеніямъ и дѣйствіямъ, и еще Хаджи-Хайватъ—пріятель и сотоварищъ Карагёза, который, главнымъ образомъ, и подаетъ ему поводъ ко всѣмъ его продѣлкамъ. Рядомъ съ этими двумя личностями, на сценѣ турецкаго кукольнаго театра видимъ Бакри-Мустафу—горькаго пьяницу и большого весельчака, и Теріяни—курильщика, который до одуренія накуривается табакомъ и опіумомъ. Всѣ эти лица, въ видѣ грубо-выполненныхъ деревянныхъ куколъ, съ движущимися руками и ногами, появляются на сценѣ, на подобіе китайскихъ тѣней, позади натянутаго покрывала, ярко-освѣщеннаго сзади. Но въ похожденіяхъ Карагёза и его товарищей на кукольной сценѣ, а равно и въ различныхъ народныхъ сборникахъ

легкой турецкой литературы, встрѣчаются упоминанія о нѣкоемъ Насръ-Эддинъ-Хаджѣ, народномъ шутѣ и забавникѣ, хотя и не похожемъ на шутовъ западныхъ, но, тѣмъ не менѣе, вызывающемъ своими похожденіями и остротами веселую улыбку на уста правовѣрныхъ.

Насръ-Эддинъ-Хаджа—лицо историческое. По преданію, онъ былъ современникомъ приснопамятнаго (хотя и недостойной памяти) Тамерлана или Желѣзнаго Хромца. Онъ жилъ въ началѣ XV вѣка въ Акъ-Шехирѣ, близь озера того же имени, въ Ангорѣ, т. е. въ томъ самомъ городѣ, въ которомъ заключенъ былъ турецкій султанъ Баязетъ, послѣ побѣды, одержанной надъ его войсками Тамерланомъ. Насръ-Эддинъ-Хаджа вовсе не шутъ по профессіи; это скорѣе—нѣчто среднее между греческимъ цинникомъ и русскимъ юродивымъ, а нѣкоторыми чертами своей недогадливости и наивнаго остроумія онъ даже напоминаетъ намъ типъ русскаго сказочнаго «дурня». Незатѣйливыми блестками этого остроумія и шутовскими выходками своими Насръ-Эддинъ-Хаджа потѣшалъ всѣхъ своихъ согражданъ, которые, по смерти его, будто бы тщательно собрали всѣ его похожденія, притчи и разсказы, и сохранили ихъ для потомства. Предполагаютъ, что Насръ-Эддинъ умеръ въ первой четверти XV вѣка въ томъ же Акъ-Шехирѣ, гдѣ и теперь еще показываютъ правовѣрнымъ его гробницу. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію то, что очень многое въ сборникахъ, наполненныхъ разсказами Насръ-Эддина-Хаджи, не принадлежитъ ему, а только приписывается ему, переносится на него и прикрывается его популярнымъ именемъ; но, какъ бы то ни было, нѣкоторыя черты восточнаго остроумія Хаджи въ такой степени забавны, что мы съ удовольствіемъ готовы удѣлить имъ мѣсто въ нашемъ очеркѣ.

Однажды, Хаджа, исполнявшій одновременно обязанности муллы, судьи и школьнаго учителя, задумалъ сказать въ назиданіе своимъ слушателямъ душеспасительное слово.

— О, правовѣрные!—такъ началъ онъ свою рѣчь,—извѣстно ли вамъ, о чемъ именно собираюсь я съ вами бесѣдовать?

— Нѣтъ, неизвѣстно, почтенный Хаджа!

— Какъ же стану я излагать неизвѣстное вамъ?..

Слушатели Хаджи переглянулись въ великомъ недоумѣніи и рѣшили между собою, что ужъ въ другой разъ не дадутъ Хаджѣ такого неразумнаго отвѣта. На другой день, Хаджа опять обратился къ нимъ съ подобною же рѣчью.

— О, правовѣрные! — воскликнулъ онъ, — знаете ли вы, что я собираюсь вамъ сказать?

— Знаемъ, почтенный Хаджа,—крикнули въ одинъ голосъ всѣ правовѣрные, думая этимъ побудить Хаджу къ изложенію его поученія.

— Если знаете,—насмѣшливо отвѣчалъ Хаджа,—такъ нечего мнѣ съ вами и говорить объ этомъ. И опять ушелъ.

Озадаченные слушатели, посовѣтовавшись между собою, рѣшились дать на слѣдующій разъ уклончивый отвѣтъ, чтобы вызвать Хаджу на объясненіе. Когда Хаджа еще разъ собралъ ихъ около себя и сказалъ:

— Братья мои! — знаете ли вы, о чемъ я буду говорить съ вами?

Тогда одни закричали: «знаемъ», а другіе: «не знаемъ».

— Ну, такъ пусть же тѣ, кто знаетъ, научатъ тѣхъ, кто не знаетъ.

Насръ-Эддинъ, поддавшись соблазну, забрался однажды въ огородъ сосѣда и набралъ себѣ съ гряды полный мѣшокъ всякихъ овощей. Какъ разъ въ это время, пришелъ садовникъ и спросилъ его:

— Ты какъ сюда попалъ?

Смущенный Хаджа отвѣчалъ, что его занесло въ огородъ вѣтромъ.

— А кто же все это собралъ съ грядъ?

— Развѣ ты не понимаешь, что если вѣтеръ могъ меня сюда занести, такъ онъ же могъ и всѣ эти овощи вырвать.

— Ну, а кто же ихъ въ твой мѣшокъ-то поклалъ?

— Въ мѣшокъ-то?... Да вотъ поди жъ ты, вѣдь, если правду сказать, я самъ объ этомъ думалъ, когда ты сюда пришелъ!

Случилось однажды, что Насръ-Эддинъ зашелъ въ мечеть и, усердно молясь, приклонилъ чело свое къ самому полу. Этимъ временемъ воспользовался стоявшій позади Хаджи человѣкъ и вытащилъ у него изъ кармана кошелекъ съ деньгами. Хаджа замѣтилъ это, и, протянувъ руку, точно также вытащилъ кошелекъ изъ кармана имама (духовное лицо), стоявшаго передъ Хаджей.

— Что ты дѣлаешь?—воскликнулъ имамъ.

— Объ этомъ спроси у человѣка, который стоитъ позади меня,—отвѣчалъ Хаджа.

Нерѣдко бывало, что друзья и сосѣди Насръ-Эддина, желая посмѣяться надъ нимъ, выдумывали какія-нибудь небылицы и вообще старались его одурачить, но догадливый Хаджа умѣлъ заставить ихъ горько поплатиться за подобныя попытки. Однажды, собрались къ Хаджѣ его пріятели, отняли у него любимаго ягненка и собирались имъ полакомиться. Тогда пришелъ Насръ-Эддинъ и потребовалъ, чтобы ему возвратили ягненка.

— Чудакъ!—отвѣчали ему пріятели,—развѣ же ты не знаешь, что завтра наступаетъ свѣтопреставленіе? Къ чему же тебѣ ягненокъ? Давай лучше съѣдимъ его вмѣстѣ съ нами!

Хаджи прикидывается, что вѣритъ этому, примиряется съ своею участью, снимаетъ съ себя одежду, убиваетъ ягненка, вздѣваетъ

его на вертелъ и принимается жарить надъ разложеннымъ костромъ. Пріятели Хаджи, слѣдуя его примѣру, также снимаютъ съ себя верхнюю одежду, поручаютъ храненіе ея Хаджѣ, а сами заводятъ между собою какую-то игру. Тогда Насръ-Эддинъ бросаетъ всѣ платья пріятелей въ огонь.

— Что ты, что ты это дѣлаешь съ нами?! — восклицаютъ въ ужасѣ заигравшіеся пріятели.

— Да вѣдь вы же сами сказали мнѣ, что завтра наступаетъ свѣтопреставленіе—такъ къ чему же вамъ всѣ эти одежды?—спокойно отвѣчаетъ Хаджа своимъ пріятелямъ.

У одного изъ своихъ сосѣдей Насръ-Эддину пришлось однажды занять на время котелъ. Дня два спустя, онъ возвратилъ сосѣду котелъ, и при немъ принесъ еще и небольшую кострюлю.

— Это что за кострюля при моемъ котлѣ?—спросилъ удивленный сосѣдъ.

— Какъ? Ты не догадываешься? — сказалъ Хаджа, — да вѣдь это твой котелъ родилъ кострюлю.

Сосѣдъ промолчалъ и принялъ кострюлю. Нѣсколько дней спустя, Хаджа опять занялъ котелъ у сосѣда, и долго его не возвращалъ. Наконецъ, тотъ самъ явился за котломъ и тутъ съ удивленіемъ услышалъ отъ Хаджи, что его котелъ скончался.

— Какъ? да развѣ котлы-то могутъ умирать?

— Конечно! А почему же ты этому не хочешь вѣрить? Вѣдь ты же повѣрилъ, что котелъ можетъ родить кострюлю?

Въ другой разъ случилось, что воръ вошелъ въ домъ Насръ-Эддина, собралъ все, что ему попалось подъ руку, взвалилъ добычу на плечи и вышелъ на улицу. Едва успѣлъ онъ выйти, какъ Хаджа собралъ все, что у него осталось, также взвалилъ себѣ на плечи и побѣжалъ слѣдомъ за воромъ, до самыхъ дверей его дома.

— Что тебѣ нужно?—спросилъ воръ, оборачиваясь къ нему.

— Какъ, что нужно? Да не самъ ли ты взялся сюда перенести мои вещи?

Приглашенный однажды на свадьбу, Насръ-Эддинъ былъ принятъ очень сухо, посаженъ на послѣднее мѣсто и, вообще, оставленъ хозяевами безъ всякой ласки и вниманія, потому что онъ былъ одѣтъ грязно и бѣдно. Понявъ въ чемъ дѣло, Хаджа ушелъ со свадьбы, надѣлъ богатую шубу и вернулся опять къ новобрачнымъ. Его тотчасъ приняли съ великимъ почетомъ, посадили за столомъ на почетное мѣсто и стали угощать до излишества. Тогда Хаджа, обращаясь къ хозяину дома, сказалъ ему:

— Другъ! угости ужъ пожалуйста и мою шубу.

— Что ты этимъ хочешь сказать?—спросилъ удивленный хозяинъ.

— Хочу сказать, что я обязанъ твоимъ угощеніемъ моей шубѣ.

Разсказываютъ также, что Насръ-Эддинъ, утомившись какъ-то

отъ работы, расположился на крышѣ своего дома и собрался отдыхать. Въ это время постучался въ его дверь какой-то нищій, и, на вопросъ Хаджи, сказалъ:

— Сойди пожалуйста ко мнѣ.

Ходжа сошелъ и спросилъ его, чего онъ желаетъ?

— Подай мнѣ милостыню.

— Пойдемъ со мною наверхъ,—отвѣчалъ Хаджа, и когда взвелъ нищаго наверхъ, то сказалъ нищему:—Богъ подастъ.

Нищій разсердился и гнѣвно сказалъ Хаджѣ:

— Зачѣмъ же ты заставилъ меня сюда подняться?

— А вольно же тебѣ было заставить меня къ тебѣ спуститься.

Составители сборниковъ, передающихъ намъ разсказы изъ жизни Насръ-Эддина, превозносятъ его мудрость и указываютъ на «внушеніе свыше», какъ на главный источникъ этой мудрости. Въ этомъ, конечно, нельзя не видѣть и увлеченія, и преувеличенія. Мудрость Насръ-Эддина, въ сущности, есть не болѣе какъ та мудрость народная, тотъ здравый смыслъ толпы, который искони былъ источникомъ стольких остроумныхъ пословицъ, присловій, побывальщинъ и другихъ произведеній народнаго ума. Этимъ-то здравымъ смысломъ и умѣньемъ примѣнять его къ обстоятельствамъ въ высшей степени обладали въ былое время выходившіе изъ народа шуты, и вотъ почему именно мы позволили себѣ отнести къ нимъ и почтеннаго Насръ-Эддинъ-Хаджу, тѣмъ болѣе, что въ его бывальщинахъ и присловьяхъ мы встрѣчаемъ очень много общаго съ подобными же произведеніями народной мудрости въ различныхъ странахъ и у различныхъ народовъ.

XI.

Народныя воззрѣнія на скомороховъ и шутовъ.—Бытъ русскихъ скомороховъ.—Отношенія властей къ скоморохамъ.—Шутовство придворное и различные его періоды.

Въ русскомъ языкѣ, для выраженія сложнаго понятія о потѣшникѣ, который является то гаеромъ, то комедіантомъ, то музыкантомъ, то фокусникомъ, существуетъ два общихъ термина, одинаково древнихъ: шутъ и скоморо̀хъ (древне-русское: скомрахъ). Какъ тѣ, такъ и другіе, въ собирательномъ смыслѣ, были извѣстны также и подъ общимъ названіемъ «веселыхъ» (т. е. веселыхъ людей); поэтому и въ народной пѣснѣ о нихъ поется:

«По улицамъ весёлые похаживаютъ,
«Гудки да волынки съ собою понашиваютъ,
«Промеждѹ собой весёлы разговариваютъ:
—«А гдѣ-ка веселымъ будетъ спать, ночевать?»

Это названіе шутовъ и скомороховъ веселыми болѣе всего сближаетъ ихъ съ западными скоморохами и жонглёрами, которые тоже разносили по городамъ и селамъ веселую науку или веселое знаніе (el gai saber), — слѣдовательно были тоже веселыми людьми. Одинъ изъ нашихъ филологовъ даже производитъ наше слово скоморохъ или скомрахъ отъ шведскаго skä mtare,—шутить или отъ skämt (шутовство), что еще болѣе сближаетъ нашихъ скомороховъ съ западными жонглёрами и профессіональными шутами, которые добывали себѣ хлѣбъ своимъ умѣньемъ пѣть, плясать и потѣшать толпу шутками, прибаутками и фокусами.

Любопытно прослѣдить, по нашимъ пословицамъ и пѣснямъ, какъ смотрѣлъ на скомороха народъ и какіе оттѣнки являлись въ его воззрѣніяхъ на скоморошество и скомороховъ подъ вліяніемъ различныхъ условій его исторической жизни. Съ одной стороны, скоморохъ, въ народныхъ пословицахъ, является такимъ спеціалистомъ по части своего искусства, съ которымъ мудрено тягаться обыкновенному смертному. «Не учи плясать, я и самъ скоморохъ», говоритъ народъ въ томъ же смыслѣ какъ: «ученаго учить—только портить». «И всякъ спляшетъ да не какъ скоморохъ», говоритъ иногда народъ, вмѣсто: «дѣло мастера боится». Житье скомороха представляется нескончаемымъ весельемъ: «скоморохова жена завсегда весела». Въ пѣснѣ поется:

«Сватался за Катеньку изъ деревни скоморохъ;
«Сказывалъ онъ Катенькѣ про имѣнье про свое:
—«Есть у меня, Катенька, есть скрипка и гудокъ».
«Думаю-подумаю, я за этого пойду:
«Выйду ли на улицу, сама сяду у воротъ.
«Кто бъ ни прошелъ, всякій тетенькой зоветъ:
—«Здравствуй, здравствуй, тетенька, скоморохова жена!
«Эхъ, Катеринушка, какой чести дожила!»

Но, съ другой стороны, народъ очень хорошо понималъ, что скомороху мудрено было устроить свою жизнь, какъ всякому доброму человѣку, и онъ не даромъ сложилъ о скоморохѣ пословицу, что онъ «голосъ на гудкѣ настрòитъ, а житья своего не устроитъ» [1]), а вслѣдствіе этого, случается, что и «скоморохъ йну пору плачетъ». А такъ какъ, по вышеприведенной пѣснѣ, все хозяйство скомороха представляетъ собою «скрипка да гудокъ», то и понятно, что должна была сложиться пословица: «радъ скомрахъ о своихъ домрахъ» [2]), т. е. ими только и озабоченъ, и кто бы о чемъ ни заботился, а онъ только объ этомъ.

---

[1]) Даль (В. И.) приводитъ однако же интересный примѣръ современнаго скомороха—удѣльнаго крестьянина нижегородской губерніи, который исправно содержалъ семью и оплачивалъ повинности, бродя съ волынкою изъ цѣльной шкуры теленка, свища всѣми птичьими посвистами, бесѣдуя одинъ за троихъ и проч.

[2]) Домрà — инструментъ въ родѣ балалайки съ металлическими струнами.

Но, обрисовывая такъ вѣрно типъ веселаго человѣка, народъ, въ то же время, отчасти подъ вліяніемъ духовенства, отчасти подъ вліяніемъ темныхъ сторонъ скоморошества, сталъ относить скомороховъ къ бѣсову отродью. «Богъ далъ попа̀, а чортъ скомороха»,—говоритъ народъ; потому ужъ и «скоморошья потѣха—сатанѣ въ утѣху», и «скоморохъ попу не товарищъ». Это сближеніе скомороха съ сатаною еще яснѣе выразилось въ мнѣніи народа о шутахъ: шутъ прямо отождествляется съ чортомъ. «Шутъ его побери!» выраженіе, часто замѣняющее другое обычное присловье; точно такъ же какъ и въ выраженіяхъ: «ну его къ шу̀ту!» или: «допился до шутиковъ» — слово шутъ прямо замѣняетъ слово чортъ, чортикъ. Шута и скомороха, по народнымъ воззрѣніямъ, сближали съ бѣсомъ его вертлявость, его ловкость и изворотливость, даже его способность морочить людей своими фокусами и штуками.

Любопытно, что нѣкоторые эпитеты, прилагаемые къ слову шутъ, въ народномъ говорѣ, даютъ нѣкоторое понятіе о его шутовской одеждѣ и становятся понятны только изъ сравненія съ обязательной, обычной одеждой западныхъ шутовъ. Въ народѣ говорятъ постоянно — шутъ полосатый, шутъ гороховый. Первый изъ этихъ эпитетовъ явился, очевидно, отъ полосатой одежды, въ которую одѣвались и наши шуты, точно такъ же, какъ шуты западные; второй эпитетъ произошелъ вѣроятно отъ того, что и у русскихъ шутовъ принадлежностью ихъ шутовской одежды была также палочка съ привязаннымъ къ ней пузыремъ и насыпаннымъ въ пузырь горохомъ [1]).

Что одежда, и при томъ одежда особая, непохожая на обычную народную одежду, у шутовъ и скомороховъ дѣйствительно была, въ этомъ насъ убѣждаетъ извѣстная былина о Добрынѣ, который, когда является на свадьбу своей жены съ Алёшей Поповичемъ, то, желая не быть узнаннымъ, надѣваетъ на себя круту̀ (т. е. одежду) скоморошью, беретъ гусли звончатые и приходитъ на свадебный пиръ; тамъ ему отводятъ и мѣсто скоморошеское, на печкѣ, на запечьѣ, пока онъ не выдѣляется изъ толпы другихъ скомороховъ своими пѣснями и остроумными замѣчаніями.

Мы отчасти знакомимся съ этою «крутѐю скоморошескою», съ этой шутовскою одеждой, по тѣмъ древнимъ кіевскимъ фрескамъ, которыя сохранились на стѣнахъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. На этихъ фрескахъ скоморохи изображены пляшущими и играющими на различныхъ инструментахъ: одни бьютъ въ бубны, другіе—въ

---

[1]) Это отчасти объясняетъ намъ извѣстное народное предисловье: «тресни меня шутъ пузыремъ съ горохомъ по лбу»—нѣчто въ родѣ божбы, такой, какъ: «лопни мои глаза» или «разрази меня Богъ!»

металлическія тарелки, третьи играютъ на гудкахъ и свирѣляхъ. Въ сторонѣ изображенъ скоморохъ, лѣзующій вверхъ по столбу. На всѣхъ этихъ «плясунахъ» и «гудцахъ» одна и та же одежда: рубаха, подоткнутая у пояса, узкіе штаны и, на головахъ, маленькія, остроконечныя шапочки. Эта крутà скоморошеская, какъ она изображена на кіевскихъ фрескахъ, отчасти, напоминаетъ намъ то мѣсто одной изъ русскихъ лѣтописей, въ которой отличительными чертами скоморошескаго платья указывается именно «кротополіе» (т. е. короткія пòлы или вообще короткость одежды), обнаруживающее «межиножіе» (т. е. открывающее обѣ ноги во всю ихъ длину).

Свидѣтельства, сохранившіяся намъ въ памятникахъ нашей древней литературы, въ поученіяхъ духовенства, въ житіяхъ святыхъ и въ постановленіяхъ соборовъ—даютъ намъ довольно полное понятіе о бытѣ нашихъ древне-русскихъ шутовъ-скомороховъ, и въ этомъ бытѣ мы находимъ очень много чертъ, общихъ съ бытомъ того же сословія на Западѣ.

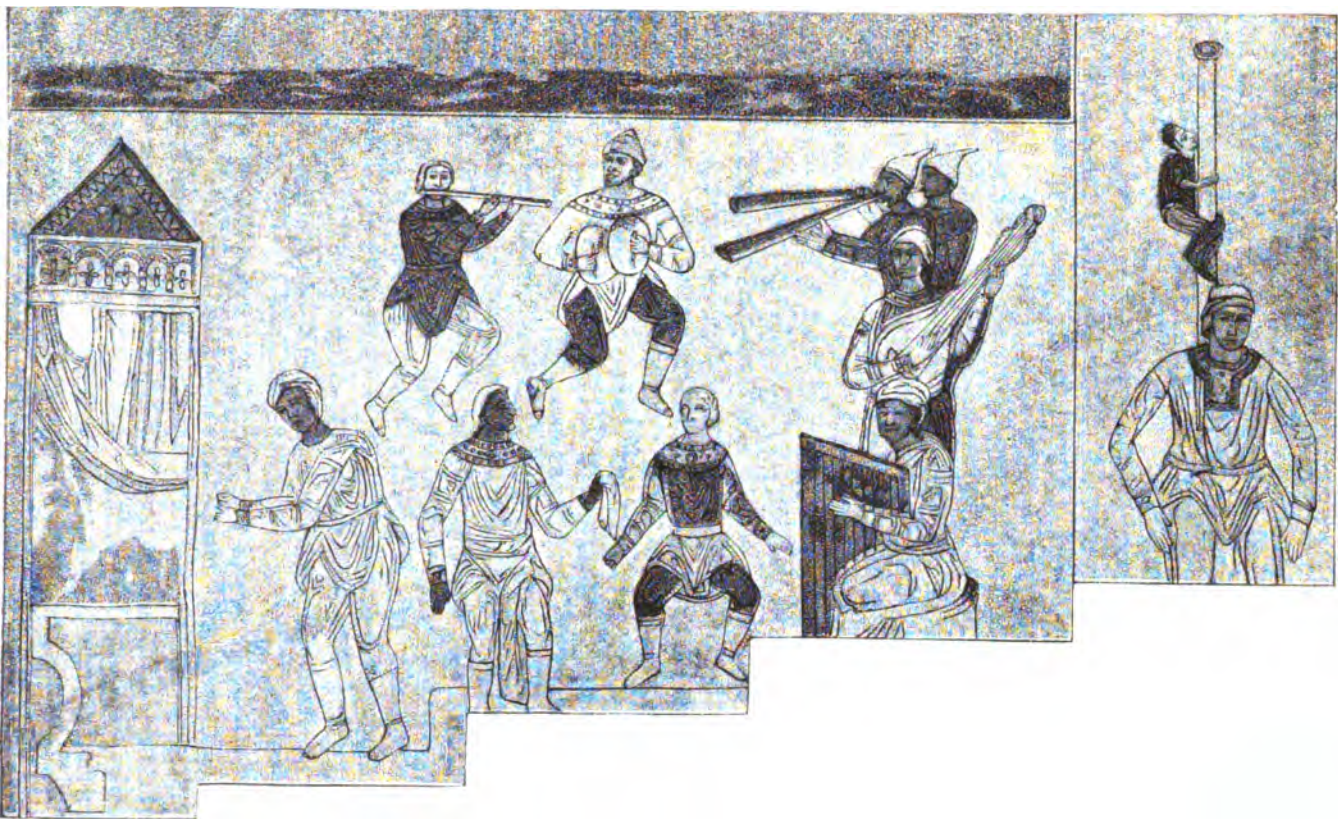
Уже въ XI вѣкѣ видимъ скомороховъ на пиру у князя Святослава Ярославича: одни играютъ, другіе пляшутъ и поютъ пѣсни. Современникъ, сообщающій намъ объ этомъ, прибавляетъ отъ себя въ объясненіе, что «такъ всегда бываетъ на пиру у князя»; слѣдовательно, и наши древне-русскіе князья, не брезгавшіе пированьемъ и бражничаньемъ, также охотно допускали на пирахъ своихъ пѣнье и пляски скомороховъ, какъ и князья западной и южной Европы.

Но это была далеко не единственная черта сходства между нашими древне-русскими скоморохами и скоморохами западно-европейскими. На Московскомъ соборѣ 1551 года прямо указывается на то, что скоморохи принимаютъ участіе во всѣхъ важнѣйшихъ явленіяхъ народной жизни, во всѣхъ ея радостяхъ и печаляхъ. На соборѣ было сообщено, между прочимъ, что «въ Троицкую субботу по селамъ и по погостамъ сходятся мужи и жены на кладбищахъ и плачутся на могилахъ съ великимъ кричаніемъ, а когда начнутъ играть скоморохи, гудники и перегудники[1]), мужи и жены перестаютъ плакать, начинаютъ скакать и плясать и въ ладоши бить и пѣсни сатанинскія пѣть, на тѣхъ же самыхъ кладбищахъ». И соборъ, въ виду этого, постановилъ, что священники обязаны внушать своимъ прихожанамъ—«въ тѣ времена, когда они родителей своихъ поминаютъ, пусть по мѣрѣ силъ своихъ кормятъ и покоятъ нищихъ», а скоморохамъ, «гудцамъ и всякимъ глумцамъ[2]) воспрещаютъ смущать православныхъ христіанъ бѣсов-

---

[1]) Гу̀дниками и перегу̀дниками называются скоморохи отъ музыкальнаго инструмента гудокъ (въ родѣ скрипки со смычкомъ же).

[2]) Глумцы — пересмѣшники. Комическія и непристойныя представленія скомороховъ называютъ глу̀мами.

Фреска Кіево-Софійскаго собора, изображающая скомороховъ.

скими играми во время поминовенія родителей». Въ рѣшеніяхъ того же собора находимъ упоминаніе о томъ, что «на мірскихъ свадьбахъ играютъ глумотворцы и арганники, и смѣхотворцы и гусельники, и бѣсовскія пѣсни поютъ, и какъ къ церкви вѣнчаться поѣдутъ, священникъ идетъ (впереди свадебнаго поѣзда) со крестомъ, а передъ нимъ рыщутъ скоморохи со всякими бѣсовскими играми, и священники имъ въ томъ не препятствуютъ, а между тѣмъ должны запрещать».

И такой обычай былъ распространенъ повсемѣстно, не только въ глуши, но и въ столичномъ городѣ Москвѣ. Памятники XVI и XVII вѣковъ полны извѣстій о томъ, что скоморохи открыто совершаютъ на площадяхъ и торжищахъ свои позоры или глумы, сопровождая ихъ «пѣніемъ, пляскою и сквернословіемъ», а пѣніе свое сопровождаютъ игрою на духовыхъ и струнныхъ инструментахъ: гусляхъ, гудкахъ, домрахъ, сурнахъ, волынкахъ, трубахъ, сопѣляхъ и бубнахъ. При этомъ надѣваютъ на себя разныя смѣхотворныя одежды и хàри (или личины), т. е. маски. Скоморохи водятъ съ собою ручныхъ медвѣдей и ученыхъ собакъ. Мало-по-малу, пользуясь общественной неурядицей, скоморохи и глумцы образуютъ цѣлыя ватаги въ 70 и въ 100 человѣкъ, которыя буйствуютъ и насильно вымогаютъ себѣ у населенія извѣстное вознагражденіе за свои игры. Начальство, въ видахъ прекращенія такихъ непорядковъ, даетъ нѣкоторымъ братчикамъ право «не давать скоморохамъ играть сильно» (т. е. противъ воли мѣстныхъ жителей), и если они задумаютъ играть сильно—разрѣшается высылать ихъ вонъ изъ волости.

Въ половинѣ XVII вѣка, въ наказной памяти патріарха Іосафа (1636 г.) находимъ горькіе упреки, обращенные къ тѣмъ, которые «всепротивно и ругательно творятъ праздникамъ Господнимъ» и, вмѣсто духовнаго веселія тѣшутся «на улицахъ, на торжищахъ и на распутіяхъ» сатанинскими играми медвѣжатниковъ и скомороховъ, которымъ повелѣваютъ и «въ бубны бить, и въ сурны ревѣть, и руками плескать, и плясать». А лѣтъ 12 спустя, царь Алексѣй Михайловичъ въ одной изъ своихъ граматъ заявляетъ о томъ, что скоморошескія и шутовскія представленія отвлекаютъ православныхъ даже отъ посѣщенія церквей.

Любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что не смотря на такое пристрастіе народа къ скоморошьимъ играмъ, названіе «скомороха» являлось постоянно въ устахъ всѣхъ представителей власти и всѣхъ добрыхъ гражданъ равносильнымъ самой унизительной брани, а «скоморошья крутà»—самымъ позорнымъ одѣяніемъ, какое можно было надѣть на человѣка, если человѣка хотѣли оскорбить и принизить до послѣдней степени въ глазахъ народа. Такъ новгородскій архіепископъ Геннадій, во время борьбы съ ересью «жидовствующихъ», желая предать еретиковъ позору, повелѣлъ возить

ихъ по улицамъ Новгорода на клячахъ, лицомъ къ хвосту, въ скоморошьихъ одеждахъ, въ вывороченномъ платьѣ, въ берестяныхъ шлемахъ, въ соломенныхъ вѣнцахъ съ подписями: «се есть сатанино воинство». Въ противуположность этому, Іоаннъ Грозный, во время извѣстнаго погрома Новгорода, заподозривъ архіепископа новгородскаго въ измѣнѣ, приказалъ возить его по улицамъ, въ скоморошьей крутѝ, въ маскѣ и съ гудкомъ въ рукахъ. Точно также и московская чернь, возбужденная боярами противъ перваго самозванца, долго влачила по улицамъ трупы его и Басманова, а потомъ нарядила ихъ въ скоморошье платье, въ маски, вложила имъ въ руки гудки и сопѣла—и въ этомъ видѣ выставила ихъ на общій позоръ и посмѣяніе.

Не менѣе любопытно и то обстоятельство, что наше духовенство, въ своей упорной борьбѣ противъ скоморошества, пробовало употреблять тѣ же самыя мѣры, какія употребляло западное духовенство противъ жонглёровъ. Опираясь на свой взглядъ и утверждая, что игры скоморошескія были играми сатанинскими и богопротивными, духовенство во многихъ мѣстахъ древней Руси, опредѣляло даже—отлучать скомороховъ отъ св. Причастія, наравнѣ съ другими людьми, заподозрѣнными въ общеніи съ духомъ тьмы.

Но даже и такія суровыя мѣры, даже и возложеніе такой тяжкой духовной кары неспособно было искоренить скоморошество. Болѣе дѣйствительными оказались строгія и энергическія мѣры, принятыя противъ скомороховъ московскимъ правительствомъ. Основываясь на царской грамотѣ 1648 года, мѣстные воеводы задумали въ конецъ извести скоморошество, наказывая скомороховъ наравнѣ съ преступниками. Одинъ изъ такихъ воеводъ пишетъ къ своимъ подначальнымъ лицамъ, что если «гдѣ объявятся домры и сурны, и гудки, и гусли, и хари и всякіе бѣсовскіе гудебные сосуды, тамъ тѣ бѣсовскія игры велѣть жечь; а тѣхъ людей, которые отъ такого богомерзкаго дѣла не отстанутъ, и впередъ будутъ продолжать держаться того же богомерзкаго дѣла—по Государеву указу наказывать, и бить батогами нещадно». Батоги, очевидно, пришлись не по вкусу скоморошескимъ ватагамъ, которыя мало-по-малу разсѣялись и стали перерождаться въ другія, болѣе скромныя, формы «веселаго искусства». Послѣдніе остатки скоморошескихъ ватагъ дожили однакоже до нашего времени, въ видѣ тѣхъ поводырей, которые ходили вдвоемъ и втроемъ съ медвѣдями, и заставляли медвѣдей плясать и выдѣлывать разныя штуки, между тѣмъ, какъ одинъ изъ сопровождающихъ поводыря наряжался козою и вертѣлся передъ медвѣдемъ, а другой билъ въ барабанъ, въ тактъ медвѣжьей пляскѣ. Эти послѣдніе остатки скоморошества исчезли уже въ недавнее время, лѣтъ пятнадцать назадъ, и были выведены всюду полицейскими мѣрами.

Любопытно, что эти послѣднія скоморошныя ватаги, бродившія

по проселкамъ и ярмаркамъ, сохраняли однакоже многія черты быта древнихъ скомороховъ; медвѣжатники переряживались для своей игры и распредѣляли между собою роли въ ней; они не могли обойтись безъ музыки и потому носили съ собою или барабанъ, или бубенъ; наконецъ, всѣ предметы, необходимые для своей скоморошеской практики, эти потомки древнихъ скомороховъ носили въ особомъ мѣшкѣ, и тотъ младшій членъ ватаги, который обязанъ былъ носить этотъ скоморошескій скарбъ, продолжалъ и до послѣдняго времени называться мѣхонòшей, какъ назывался онъ нѣкогда, во времена весьма отдаленныя отъ нашего времени, по крайней мѣрѣ, лѣтъ за триста или болѣе.

Съ нѣкоторыми любопытными чертами скоморошьяго быта знакомитъ насъ извѣстная новгородская былина «о гостѣ Терентьищѣ», въ многихъ отношеніяхъ заслуживающая вниманія.

Былина расказываетъ намъ о томъ, что «въ Новѣгородѣ, въ улицѣ Юрьевской», жилъ богатый гость Терентьище. Онъ идетъ по приказу жены «дохтуровъ добывать», чтобы лѣчить ее отъ недуга. Навстрѣчу ему

«... Веселые скоморохи,
«Скоморохи люди вѣжливые,
«Скоморохи очестливые.
«Объ ручку Терентью челомъ:
— «Ты здравствуй, богатый гость,
«И по имени Терентьище!
«Доселева-те слыхомъ не слыхать,
«И доселева видомъ не видать,
«А и нонѣ ты, Терентьище,
«А и бродишь по чисту полю,
«Что корова заблудящая,
«Что ворона залетящая».

Терентьище на ихъ дерзкія рѣчи не сердится, а объясняетъ, что готовъ заплатить «сто рублевъ» тому, кто отгонитъ недугъ отъ его молодой жены.

«Веселые молодцы догадалися,
«Другъ на друга оглядалися,
«А сами усмѣхнулися.

Скоморохи берутся лѣчить Терентьеву жену, покупаютъ «шелковый мѣшокъ» и «дубинуременчатую». Они посадили Терентья въ мѣшокъ, мѣхоноша взвалилъ его за плеча, и затѣмъ они направились ко двору богатаго гостя. Тамъ они объявили его женѣ, что видѣли Терентья убитымъ, и злая жена, обрадованная доброю вѣстью, приглашаетъ скомороховъ къ себѣ въ домъ:

— «Веселые скоморохи!
«Вы пойдите во свѣтлую гридню,

«Садитесь на лавочки,
«Поиграйте въ гусельцы,
«И пропойте-ко пѣсенку!»

И скоморохи, исполняя его желаніе, запѣли пѣсенку:

«Слушай, шелковый мѣхъ,
«Мѣхоноша за плечами,
«А слушай, Терентій гость,
«Что про тебя говорятъ,..
«... Шевелись, шелковый мѣхъ,
«Вставай-ко, Терентьище,
«Лѣчить молодую жену!..»

Терентьище вылѣзъ изъ мѣшка и сталъ лѣчить и жену, и ея недугъ такъ успѣшно, что недугъ едва успѣлъ въ окошко выскочить...

«Онъ оставилъ, недужище:
«Кафтанъ хрущатой камки,
«Камзолъ баберсковой,
«А и денегъ пятьсотъ рублевъ;
«Втапоры Терентьище,
«Далъ еще веселымъ другое сто рублевъ
«За правду за великую».

Въ этой любопытной былинѣ, передающей намъ такъ живо одинъ изъ эпизодовъ многообразной дѣятельности скомороховъ, мы встрѣчаемъ всѣ черты ихъ быта, уже намѣченныя и упомянутыя нами выше и въ значительной степени сближающія наше скоморошеское сословіе съ западно-европейскими его представителями.

Не смотря на суровыя мѣры, принятыя властями противъ скоморошества, въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, скоморошество не исчезло окончательно и безслѣдно: оно только видоизмѣнилось и проявилось въ новыхъ формахъ всюду, гдѣ это оказалось возможнымъ и удобнымъ.

Такимъ проявленіемъ скоморошества являлись во многихъ мѣстахъ шутовскія процессіи, которыми сопровождались «проводы масляницы» во многихъ нашихъ провинціальныхъ городахъ, а также и различныя святочныя игры и переряживанья. Часто явленіе «ряженыхъ» въ домъ сопровождалось чисто-скоморошескими играми. Такими прямыми потомками скомороховъ, явились позднѣйшіе новгородскіе окрутники (отъ слова крутà-нарядъ) и тѣ халдеи, которые принимали такое дѣятельное участіе въ представленіи «пещнаго дѣйствія», передававшаго библейскую исторію о трехъ отрокахъ, вверженныхъ Навуходоносоромъ въ «пещь огненную».

Въ Новгородѣ, со второго дня праздника Рождества Христова, ряженые окрутники ходили по улицамъ и являлись въ тѣ дома, гдѣ въ знакъ приглашенія ставили на окнахъ зажженныя свѣчи:

здѣсь окрутники тѣшили хозяевъ шутками, комическими представленіями и пляскою.

Еще болѣе были близки къ скоморохамъ халдеи. Подъ именемъ халдеевъ въ началѣ XVII вѣка у насъ извѣстны были шуты, которые, по свидѣтельству Олеарія, ежегодно получали отъ патріарха, за недѣлю до Рождества Христова, позволеніе производить въ Москвѣ свои шутовскія представленія: они бѣгали съ зажженными лучинами по улицамъ, палили встрѣчнымъ бороды и т. д. Халдеи одѣты были «въ халдейскія одежды и въ высокія деревянныя расписныя шапки». Чрезвычайно любопытно то, что во время всѣхъ этихъ шутовскихъ представленій, халдеи считались нечистыми язычниками и людьми отлученными отъ церкви. Поэтому, наканунѣ Крещенія, халдеи были подвергаемы вторичному крещенію, дабы смыть съ нихъ нечистоту.

Это воззрѣніе на халдеевъ, какъ на людей шутовствомъ своимъ приравнявшихъ себя къ язычникамъ, совершенно сближаетъ ихъ со скоморохами, которыхъ и на Западѣ, и у насъ церковь отлучала отъ сообщества съ вѣрными и не допускала до пріобщенія св. Тайнъ.

Чрезвычайно любопытно и другое сближеніе шутовъ съ нечистою силою, которое выразилось совершенно наглядно въ представленіи духовныхъ драмъ на сценѣ и въ вертепѣ (переносномъ театрѣ маріонетокъ), который перешелъ къ намъ съ Запада, вмѣстѣ съ прочими новшествами и «душевредными пакостями». Однимъ изъ важныхъ дѣйствующихъ лицъ въ мистеріи и въ вертепной драмѣ являлся дьяволъ, и являлся въ самомъ жалкомъ видѣ, въ видѣ, возбуждавшемъ смѣхъ и веселость зрителей. Роль дьявола совершенно отождествлялась съ ролью шута, и въ этомъ смыслѣ народъ видѣлъ на сценѣ полное подтвержденіе своего взгляда, по которому дьяволъ создалъ шута и скомороха.

Вслѣдъ за дьяволомъ въ интермедіи и комедіяхъ духовно-нравственнаго содержанія, начинаютъ выступать и другіе шутовскіе типы, заимствованные изъ народной среды. Роль шута играетъ на сценѣ то жидъ-шинкарь, то глупый и пьяный хохолъ, то хвастливый шляхтичъ. Въ весьма распространенной комедіи «Юдиѳь», много разъ представленной на сценѣ московской комидійной храмины въ присутствіи царя Алексѣя Михайловича, роль шута неизмѣнно передаетъ солдатъ «Сусакимъ», который пересыпаетъ свои рѣчи грязными, площадными шутками. Шутовство Сусакима проявляется особенно ярко въ той сценѣ, гдѣ онъ «смерть свою предъ очима видитъ», и знаетъ, что грозный «майстеръ Никель, се есть палачъ, въ провожатыхъ ему постановленъ». Сцена казни Сусакима въ Юдиѳи является настоящею шутовскою интермедіей. Сусакима кладутъ на землю, и палачъ, вмѣсто меча, ударяетъ его по шеѣ лисьимъ хвостомъ; шутъ черезъ

нѣсколько минутъ поднимается на ноги, начинаетъ вездѣ искать своей головы и «покорно, безъ шляпы» проситъ зрителей, чтобъ ему возвратили голову, «аще ли кто изъ любви и пріятства оную скрылъ».

Въ той же, совершенно естественной и чисто-народной связи чорта съ шутомъ и скоморохомъ, при постановкѣ духовныхъ драмъ въ такъ называемомъ «вертепѣ» [1]), чортъ является постоянно лицомъ комическимъ, потѣшаетъ публику своими шутовскими выходками и шутовскими продѣлками и выходитъ на сцену въ тѣснѣйшихъ отношеніяхъ къ жиду-арендатору, къ опутанному имъ крестьяннину-пьяницѣ и къ другимъ типамъ малороссійской народности.

Начиная съ Петра, представленія духовныхъ драмъ принимаютъ иной и при томъ чрезвычайно оригинальный оттѣнокъ. Пользуясь перомъ своихъ пріятелей и сподвижниковъ, получившихъ образованіе въ кіевской академіи и хорошо знакомыхъ съ постановкою сценическихъ представленій, Петръ способствуетъ тому, чтобы характеръ интермедіи, постепенно измѣняясь, пріобрѣталъ бы нѣкоторый назидательный оттѣнокъ въ томъ именно родѣ, въ какомъ онъ былъ Петру нуженъ и соотвѣтствовалъ его цѣлямъ.

Въ противоположность царю Ѳеодору Алексѣевичу, который приказалъ, въ 1676 году, «очистить палаты, которыя заняты подъ комедію», Петръ Великій учреждаетъ театръ народный, для «всякаго чина людей», «для охотныхъ смотрѣльщиковъ» и приказываетъ построить «комидійскую храмину» уже не въ царскихъ палатахъ, не въ покояхъ Потѣшнаго дворца, а въ одномъ изъ лучшихъ мѣстъ первопрестольнаго града, на Красной площади, близь «тріумфальныхъ избъ». Въ іюнѣ 1702 года, нанятый въ Данцигѣ новый «царскаго величества комедіантскій правитель, Іоганнъ Куништъ», пріѣзжаетъ въ Москву; а въ октябрѣ того же года взяты въ посольскій приказъ «для ученія комедійныхъ дѣйствъ разныхъ приказовъ подъячіе, и сказанъ имъ его, великаго государя, указъ, чтобы они комедіямъ учились у комедіянта Ягана Куншта, и были бы ему, комедіянту, въ томъ ученіи послушны». Куншту, въ то же время, объявлено, чтобы онъ ихъ, подъячихъ, «комедіямъ всякимъ училъ съ добрымъ радѣніемъ и со всѣмъ откровеніемъ». Переводъ

[1]) Вертепомъ называется театръ маріонетокъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ пришелъ въ нашъ Юго-Западъ изъ Европы, черезъ Польшу. Важнѣйшимъ сюжетомъ вертепныхъ представленій были постоянно «драмы рождественскія». Самое названіе вертепа явилось отъ того, что сцена представляла вертепъ или пещеру, въ которомъ, по преданію, родился Спаситель. Вертепъ помѣщался въ ящикѣ, раздѣленномъ на двѣ половины: верхнюю и нижнюю. Такіе вертепы носили обыкновенно по городу кіевскіе бурсаки наканунѣ рождественскихъ праздниковъ, пѣли и декламировали при этомъ написанныя ими пьесы, и получали за это съ публики посильное вознагражденіе.

пьесъ Кунштова репертуара порученъ переводчикамъ посольскаго приказа (лучшимъ знатокамъ иностранныхъ языковъ), которымъ, въ то же время, было указано, чтобы они избѣгали всякой высокопарности въ изложеніи, а передавали бы пьесы «словами посольскаго приказа — простымъ русскимъ языкомъ».

Но Петръ не довольствовался переводными пьесами. Онъ требовалъ отъ сцены живой связи съ современностью. И вотъ, по приказанію царя, дьяки посольскаго приказа требуютъ отъ Куншта, чтобы онъ, «въ скорости, какъ мощно, составилъ новую комедію о побѣдѣ и о врученіи великому государю крѣпости Орѣшка», а затѣмъ, вѣроятно, также по приказу Петра, между дѣйствіями пьесъ Кунштова репертуара, появляются и «шутовскія интермедіи», явно предназначенныя для того, чтобы осмѣять всѣхъ «супротивниковъ» и хулителей новаго направленія русской жизни. На сцену одинъ за другимъ выводятся: раскольники, преслѣдуемые правительствомъ за суевѣріе и привязанность къ старинѣ, безграмотный ставленникъ, добивающійся мѣста священника, дьячекъ, оплакивающій дѣтей, отбираемыхъ у него для отсылки въ семинарію, подьячіе, ловящіе въ мутной водѣ рыбу, приверженцы старины, оплакивающіе доброе, старое время, когда можно было не брить бороды и не носить нѣмецкаго платья. Раскольникъ выводится на сцену вмѣстѣ съ жидомъ, которому онъ сочувствуетъ, потому что тотъ тоже держится «старой вѣры», и такъ описываетъ ему наступившую эпоху гоненій:

«Послѣднія бо времена видимъ, что приспѣли,
«Бо и нѣкоторые отъ нашихъ старцевъ антихриста зрѣли;
«Никонщики прокляты не токмо вѣру нашу, стару и святу,
«Попрали, но и платіе долгое уже премѣнили,
«Еже апостоли святые и пророки носили.
«Русскіе нынѣ ходятъ въ короткомъ платьѣ, якъ кургузы,
«На главахъ же своихъ носятъ круглые картузы.
«Что законъ и правило святыхъ отецъ возбраняютъ —
«Свои брады наголо желѣзомъ обриваютъ.
«Человѣцы ходятъ, якъ облезьяны:
«Вмѣсто главныхъ волосъ носятъ перуки, будто нѣмцы поганы».

И рядомъ съ этимъ «ревнителемъ старой вѣры», выводится на сцену дьячекъ, который старается подкупить подьячаго, отбирающаго у него дѣтей, и, неуспѣвъ въ своемъ замыслѣ, мечется по сценѣ и вопитъ зычнымъ голосомъ:

«Всѣ мои знакомцы и вся моя родня, сберитеся сюда,
«Посмотрите, какая на меня пришла бѣда!
«Дѣтей моихъ отъ меня отнимаютъ,
«И въ проклятую семинарію на муку отправляютъ.
«О, мои дѣтушки сердечныя!
«Лучше вамъ не родиться на сей свѣтъ, а хотя и родиться,
«Того же часа киселемъ задавиться и въ воду утопиться».

Въ то самое время, когда на сцену публичнаго театра вносятся эти, примѣненныя къ современности, шутовскія интермедіи, шутовство и скоморошество, не сословное и не профессіональное, получаетъ себѣ широкій доступъ въ жизнь придворную и общественную. Странно сказать, что тотъ самый Петръ, который такъ глубоко презиралъ и ненавидѣлъ все безполезное и ненужное въ жизни, допускалъ въ непосредственную близость къ себѣ шутовъ, пользовавшихся почти оффиціальнымъ положеніемъ и даже нѣкоторымъ значеніемъ при дворѣ! Исторія сохранила намъ даже имена двухъ

Шутъ Балакиревъ.

знаменитыхъ придворныхъ шутовъ петровскаго времени: иностранца Лакосты и россіянина Балакирева. Кромѣ этихъ двоихъ, были и другіе, которые при дворѣ Петра занимали полуоффиціальное положеніе и даже могли быть иногда очень опасны своими намеками и шутками [1]). Случалось, что вельможи жаловались Петру на рѣзкія выходки шутовъ, но Петръ, который видѣлъ въ нихъ орудіе, пригодное для осмѣянія современныхъ предразсудковъ и невѣжества, нерѣдко говаривалъ вельможамъ: «Что съ ними подѣлаешь! вѣдь вы же знаете, что они дураки!» Два вышеупомянутые шута

[1]) Извѣстно, что по просьбѣ шута Лакосты былъ сосланъ въ Казань знаменитый впослѣдствіи лѣкарь Лестокъ (Соловьевъ, XVI, 257).

заслуживают того, чтобы мы нѣсколько подробнѣе упомянули о ихъ біографіи.

Иванъ Емельяновичъ Балакиревъ, сынъ бѣднаго новгородскаго дворянина, былъ первоначально стряпчимъ въ Хутынскомъ монастырѣ, близь Новгорода, а потомъ вытребованный, вмѣстѣ съ другими дворянами на службу въ Петербургъ, былъ опредѣленъ къ «инженерному ученію». Здѣсь познакомился онъ съ любимцемъ Екатерины, камергеромъ Монсомъ, понравился ему и сдѣлался у него домашнимъ человѣкомъ. Черезъ него попалъ онъ ко двору, сначала камеръ-лакеемъ, а потомъ шутомъ. Въ этой роли Балакиревъ съумѣлъ обратить на себя вниманіе Петра и даже понравился ему своимъ остроуміемъ; но когда гроза разразилась надъ Монсомъ, Балакиревъ въ числѣ многихъ другихъ сторонниковъ камергера былъ схваченъ, подвергнутъ жестокому допросу и пыткамъ, затѣмъ «нещадно бить батогами» и сосланъ въ Рогервикъ къ крѣпостнымъ работамъ. Екатерина, вступивъ на престолъ, избавила несчастнаго шута отъ его горькой участи и дозволила опредѣлить въ преображенскій полкъ солдатомъ. Имя Балакирева перешло въ потомство, какъ имя автора множества анекдотовъ, шутокъ, остротъ и каламбуровъ; сборники подъ заглавіемъ «анекдотовъ шута Балакирева» появлялись и въ прошломъ, и въ нынѣшнемъ столѣтіи десятками и до сихъ поръ еще составляютъ одну изъ приманокъ московской рыночной книжной торговли. Нужно ли говорить о томъ, что всѣ эти сборники не имѣютъ никакого отношенія къ историческому Балакиреву и приписываются досужими сосоставителями шуту Петра Великаго только для того, чтобы прикрыть всю скудость собраннаго въ нихъ матерьяла, заимствованнаго большею частью изъ иностранныхъ источниковъ.

Другой шутъ Петровскаго времени, Янъ д'Акоста (или Лакоста) былъ родомъ португальскій жидъ и вывезенъ былъ въ Россію изъ Гамбурга однимъ изъ нашихъ резидентовъ. Это былъ человѣкъ несомнѣнно-умный, чрезвычайно хитрый и ловкій, способный втираться въ довѣріе къ людямъ и довольно изрядно образованный: онъ говорилъ не дурно на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ и превосходно зналъ священное писаніе. Смѣшная, нескладная фигура и умѣнье ко всѣмъ поддѣлаться и всѣмъ понравиться — доставили ему мѣсто шута при дворѣ. Петръ особенно любилъ вступать съ нимъ въ богословскіе споры, и впослѣдствіи, за усердную шутовскую службу пожаловалъ ему титулъ «самоѣдскаго короля», и даже подарилъ ему одинъ изъ безлюдныхъ и песчаныхъ островъ Финскаго залива.

Но если мы припомнимъ, что шутовство было въ началѣ прошлаго вѣка явленіемъ общимъ при всѣхъ европейскихъ дворахъ, то мы поймемъ, почему Петръ допускалъ его и при своемъ дворѣ и терпѣлъ въ домахъ знатныхъ людей, гдѣ шуты служили всегда

готовымъ подспорьемъ для увеселенія хозяина и компаніи среди ихъ шумныхъ и большею частью пьяныхъ потѣхъ. Эти «веселые люди» начала XVIII вѣка въ домахъ вельможъ Петровскаго времени стояли на ряду съ великанами и карликами и разными другими уродцами и монстрами, надъ которыми жестокіе общественные нравы дозволяли глумиться и потѣшаться, сколько душѣ угодно. Знатные бояре, историческіе дѣятели ссорились изъ-за карликовъ, карлицъ, которые изъ одного дома переходили въ другой [1]).

Не мѣшаетъ припомнить, что при дворѣ царя Алексѣя Михайловича, карлики служили одною изъ любимыхъ забавъ царскаго

Шутъ Лакоста.

семейства; что у этихъ карликовъ, въ ихъ довольно обширномъ гардеробѣ, значится даже особое «потѣшное платье и потѣшныя шапки», которыя они надѣвали, участвуя въ играхъ и забавахъ, происходившихъ въ «Потѣшной палатѣ». Къ любимому сыну царскому, младенцу Петру, приставлены были для его забавъ четыре карлика, изъ которыхъ двоимъ суждено было даже играть нѣкоторую историческую роль въ страшномъ стрѣлецкомъ бунтѣ 1682 года. Одинъ изъ нихъ предалъ стрѣльцамъ брата царицы Натальи Кириловны, указавъ злодѣямъ на его тайное убѣжище; другой, Комаръ по прозванію, напротивъ, высказалъ замѣчательное мужество

[1]) Нарышкинъ поссорился съ Мазепою по поводу бѣгства карлицы.

и преданность царскому семейству и спасъ жизнь сыну знаменитаго Матвѣева, истерзаннаго стрѣльцами. Этотъ Комаръ до самой своей смерти оставался любимцемъ Петра.

Не менѣе интересна и занесенная въ современные акты исторія двухъ карликовъ, «Дениски и Ѳедьки Вахрамѣевыхъ», которыхъ Мазепа прислалъ въ подарокъ князю В. В. Голицыну, любимцу Софьи, а затѣмъ, тотчасъ послѣ паденія любимца, донесъ Петру, что карлики ему были посланы, а княземъ Голицынымъ только «самовольно задержаны». Поднялся розыскъ карликовъ. Оказалось, что жена князя В. В. Голицына, отъѣзжая изъ Москвы въ дальнюю ссылку, захватила съ собою и карликовъ съ ихъ скарбомъ. Карликовъ приказано было отнять у княгини и прислать къ великимъ государямъ. И вотъ приставленный къ опальнымъ князьямъ Голицынымъ стольникъ Павелъ Скрябинъ (7 октября 1689 года) «прислалъ къ розыскному дѣлу Голицыныхъ дву человѣкъ карлъ, Дуниску да Ѳедьку Вахрамѣевыхъ и тѣ карлы распрашиваны. А въ распросѣ они сказали: родились де они въ Черниговѣ; а отецъ де ихъ былъ черниговскій мещанинъ, Вахрамѣемъ звали; и отецъ де ихъ умре, а мать ихъ живетъ въ Батуринѣ у гетмана; и послѣ де отца ихъ, гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа взялъ ихъ къ себѣ, тому нынѣ 3-й годъ, и прислалъ ихъ Голицыну. А у гетмана де жили они съ недѣлю. А какъ Голицынъ поѣхалъ въ походъ въ Троецкой монастырь, и они де въ то время были на Москвѣ на дворѣ Голицына. А какъ де жена его княгиня Васильева, побѣжала съ Москвы, и ихъ Дениску и Ѳедьку взяла съ собой и привезла съ собой къ нему, Василью, а въ которой городъ, того они не знаютъ. И были они де у него князя Василья дни съ два или съ три; и послалъ ихъ онъ напередъ себя на Вологду съ человѣкомъ своимъ Дмитреемъ Гавриловымъ». Въ Вологдѣ карлики были отобраны у князя В. В. Голицына со всѣмъ ихъ имуществомъ [1]) и присланы къ Троицѣ, гдѣ и сообщили выше приведенныя біографическія свѣдѣнія, не лишенныя интереса; а впослѣдствіи неоднократно жаловались на князей Голицыныхъ и надѣлали имъ не мало непріятностей.

Умѣнье карлицы услужить и угодить хозяевамъ приводило нерѣдко къ тому, что ради любимой карлицы выкупалось отъ помѣщика на свободу все ея семейство! Карлицы, исполнявшія роль шутихъ, передавались указами изъ однихъ рукъ въ другія. Меншиковъ писалъ въ 1716 г. Яковлеву: — «просимъ васъ благовременно ея величеству государынѣ царицѣ доложить, дабы изъ карлицъ, которыя остались послѣ царицы Марѳы Матвѣевны, изволила опредѣлить мнѣ указомъ одну карлицу взять». А незадолго передъ

---

[1]) Въ дѣлѣ князей Голицыныхъ сохранился любопытный списокъ всего платья этихъ задорныхъ карликовъ.

тѣмъ, тотъ же Меншиковъ писалъ своей женѣ: «Послалъ я къ вамъ нынѣ въ презентъ двухъ шляхтянокъ-дѣвокъ, изъ которыхъ одна, маленькая, можетъ вамъ за попугая быть: такая словесница, какой еще изъ такихъ младенцевъ мало видалъ, и можетъ васъ больше увеселить, нежели попугай».

Шутовство, обычное въ домашнемъ быту, нерѣдко переходило при Петрѣ и на площадь, проявляясь въ устройствѣ шутовскихъ маскарадовъ и процессій, при которыхъ шествія слѣдовали въ саняхъ, запряженныхъ разными, необычными въ упряжи животными, а люди ѣхали переряженные въ самые разнообразные костюмы, въ личинахъ и самыхъ диковинныхъ головныхъ уборахъ [1]). Съ особеннымъ блескомъ и торжествомъ праздновалась въ началѣ 1715 г. свадьба знаменитаго «кокуйскаго» патріарха Никиты Моисеевича Зотова, который вздумалъ на старости лѣтъ жениться. Петръ долго противился этому браку, но затѣмъ уступилъ желанію старика и отпраздновалъ свадьбу «всешутѣйшаго патріарха» самымъ торжественнымъ образомъ. Свадьба была сыграна чрезвычайно затѣйливо и представляла собою какой-то нескончаемый карнавалъ, сопровождавшійся переряживаньями, шуточными процессіями и обрядами самаго недвусмысленнаго свойства. Даже приглашенія на свадьбу составлены были въ особомъ шутовскомъ стилѣ [2]).

Въ царствованіе Анны Іоановны положеніе шутовъ при дворѣ совершенно измѣнилось. Они являлись при императрицѣ не орудіемъ сатиры и насмѣшки надъ общественными непорядками и предразсудками, а только орудіемъ забавы (instrument de plaisir) для суровой и вѣчно тревожной, вѣчно скучавшей государыни. Шутовъ при дворѣ явилось много и при томъ весьма сановитыхъ. Кромѣ Балакирева и д'Акосты, которыхъ Анна Іоановна унаслѣдовала отъ своего «батюшки-дядюшки», мы видимъ рядомъ съ ними знаменитаго Педриллу, графа Апраксина, князя Волконскаго и князя Голицына. Ни одинъ изъ этихъ шутовъ, пользовавшихся, впрочемъ, милостями и вниманіемъ государыни, не смѣлъ и подумать о томъ, чтобы высказать кому-нибудь изъ вельможъ горькую правду или непріятную шутку: имъ дозволялось только забавлять и развлекать свою пасмурную повелительницу глупымъ паясни-

---

[1]) Страсть къ такимъ шутовскимъ процессіямъ находила себѣ подражателей и въ отдаленныхъ отъ Петербурга провинціяхъ. Какой-то поручикъ Кожинъ, въ Астрахани, въ 1719 г., ѣздилъ на святкахъ славить въ домы астраханскихъ обывателей на верблюдахъ и на свиньяхъ; пріѣхалъ на свиньяхъ и къ бухарскому посланнику, который принялъ себѣ это въ большое оскорбленіе.

[2]) Напр. такъ: «позвать вѣжливо, особливымъ штилемъ, не торопясь, того, кто фамиліею своею гораздо старѣе чорта». Или: «того бы не забыть, кто 15 дней чижика пріискивалъ, да и не сыскалъ» и т. д.

чаньемъ, прибаутками и сказками. Сама повелительница не церемонилась съ этими новѣйшими «россійскими скоморохами», и часто позволяла себѣ по отношенію къ нимъ очень жестокія шутки. По свидѣтельству Державина, сохраненному одною изъ его лучшихъ одъ, шутовъ сажали въ лукошки въ одной изъ дворцовыхъ комнатъ и заставляли клохтать и кудахтать по-куриному, когда императрица проходила черезъ эту комнату, возвращаясь изъ церкви. Императрицѣ нравились драки шутовъ, и потому она нерѣдко заставляла ихъ передъ собою вступать въ борьбу, подзадаривала ихъ и любовалась тѣмъ, что они таскали другъ друга за волосы и царапали себѣ лица до крови. Въ насмѣшку и въ поощреніе шутовства Анна Іоановна учредила даже особый знакъ отличія для шутовъ—«орденъ св. Бенедикта», который нѣсколько походилъ на орденъ св. Александра-Невскаго и носился въ петлицѣ на красной лентѣ.

Изъ шутовъ Анны Іоановны, поименованныхъ нами выше, одинъ Педрилло напоминаетъ намъ извѣстный типъ европейскихъ шутовъ, въ періодъ процвѣтанія шутовства при французскомъ дворѣ, во времена Франциска I или Людовика XIII. О немъ нельзя не сказать нѣсколько словъ. Пьетро Миро, въ сокращеніи звавшійся, Педрилло, былъ родомъ неаполитанецъ, и, какъ большинство итальянцевъ того времени, явился въ Россію въ качествѣ бутафора, и даже подвизался нѣкоторое время на оперной сценѣ. Но вскорѣ онъ предпочелъ этой роли — роль придворнаго шута, съ которою соединилъ очень ловко роль коммиссіонера по разнымъ покупкамъ двора за границею. Отчасти путемъ этого коммиссіонерства, отчасти путемъ «ловкой» карточной игры (императрица нерѣдко поручала Педрило держать за нее банкъ на придворныхъ празднествахъ)— этотъ шутъ-итальянецъ, нажилъ себѣ изрядное состояніе и благоразумно удалился восвояси.

Гораздо несчастнѣе Педриллы былъ другой знаменитый шутъ временъ Анны Іоанновны — князь Михаилъ Алексѣевичъ Голицынъ. Взятый ко двору изъ Москвы, онъ былъ разлученъ съ итальянкой, на которой тайно женился во время пребыванія за границей, впалъ въ состояніе, близкое къ идіотизму, и чрезвычайно потѣшалъ императрицу своею чрезвычайною глупостью. Въ 1739 году Анна Іоанновна, ради забавы, задумала женить Голицына на своей любимой калмычкѣ, и устроила ту курьезную и безчеловѣчную комедію, которая извѣстна подъ названіемъ «свадьбы въ Ледяномъ домѣ». Не станемъ описывать эту свадьбу, сопровождавшуюся не скончаемыми шутовскими процессіями и маскарадомъ, въ которомъ принимали участіе народы всей Россіи; факты и обстановка этой свадьбы слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстны. Напомнимъ только, что новобрачные—Голицынъ и его жена калмычка—

Свадьба шута князя Голицына въ Ледяномъ домѣ.

Съ весьма рѣдкой гравюры того времени.

были положены на ледяную кровать, и въ ледяной спальнѣ должны были провести долгую зимнюю ночь...

Эта страшная шутовская затѣя была, однако же, послѣднимъ фактомъ въ исторіи нашего придворнаго шутовства.

Анна Іоановна вскорѣ послѣ того скончалась и управленіе государствомъ перешло въ руки матери Іоанна Антоновича, принцессы Анны Леопольдовны (1741), женщины одаренной прекрасными душевными качествами; она, въ первый же день своего правленія, уволила весь штатъ придворныхъ шутовъ, снабдивъ каждаго изъ нихъ приличною наградою. Такъ былъ положенъ предѣлъ этому унизительному ремеслу, давно утратившему всякій внутренній смыслъ и значеніе и только позорившему «образъ Божій» въ человѣкѣ.

Но шутовство неоффиціальное, конечно, не вывелось при дворѣ и послѣ 1741 г. Негласные шуты находили доступъ къ двору и въ царствованіе Екатерины II, которой недаромъ такъ не понравился извѣстный вопросъ Фонъ-Визина: «отчего въ прежніе времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынѣ имѣютъ и весьма большіе?» Екатерина не удостоила вопросителя прямымъ отвѣтомъ, не захотѣла понять его намековъ и только указала ему на историческую невѣрность въ постановкѣ его вопроса, — на то, что въ прежнее время шутовъ при дворѣ бывало въ десять разъ болѣе. Великая «Сѣверная Семирамида» не рѣшалась прямо отрицать факта, указаннаго Фонъ-Визинымъ...

П. П.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. Ѳ. Кони. Судебныя рѣчи 1868—1888. Спб. 1888.

Ѳ. КОНИ, занимающему одно изъ первыхъ мѣстъ въ числѣ даровитыхъ и краснорѣчивыхъ судебныхъ дѣятелей, пришла счастливая мысль собрать и издать лучшія изъ своихъ обвинительныхъ рѣчей, руководящихъ напутствій присяжнымъ и кассаціонныхъ заключеній, даваемыхъ имъ въ качествѣ сперва прокурора и предсѣдателя петербургскаго окружнаго суда и затѣмъ оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента Сената. Составился весьма объемистый томъ, который, мы не сомнѣваемся, съ удовольствіемъ прочтется не исключительно лишь лицами юридическаго образованія и профессіи, но и всею образованною публикой. Уже въ самомъ началѣ своей судебной дѣятельности г. Кони пріобрѣлъ репутацію чрезвычайно даровитаго оратора-художника, которая въ глазахъ публики нѣсколько заслоняла даже его значеніе дѣльнаго, прекрасно образованнаго юриста. Рѣчи его, произносимыя въ здѣшнемъ судѣ, составляли событіе дня и съ тѣмъ же нисколько не ослабѣвшимъ интересомъ читаются онѣ и теперь, спустя 15—20 лѣтъ. Въ авторѣ — и это сказывается въ особенности въ рѣчахъ обвинительныхъ — мы видимъ счастливое и довольно рѣдко встрѣчающееся сочетаніе солиднаго знанія съ чисто-литературнымъ изяществомъ изложенія: рѣчи его одинаково убѣждаютъ разумъ и увлекаютъ непосредственное чувство. Притомъ ораторъ всегда помнитъ, что ему предстоитъ говорить не въ засѣданіи юридическаго Общества, не своимъ изощреннымъ въ юридическихъ хитросплетеніяхъ собратьямъ, а прежде всего людямъ толпы, присяжнымъ, лицамъ зачастую не получившимъ не только юридическаго, но и просто никакого образованія. Отсюда изумительная, вполнѣ художественная ясность и простота рѣчей, та популярность ихъ изложенія, которую одно время пробовали считать недостаткомъ въ устахъ серьезнаго юриста, но которую мы именно и поставимъ

въ заслугу прокурору, широко и правильно понимающему свою задачу. Въ иныхъ изъ рѣчей г. Кони бытовая сторона дѣла преобладаетъ надъ чисто юридическою постановкою вопроса и обусловливается самымъ характеромъ даннаго дѣла; это доказываетъ, что ораторъ видѣлъ въ своей дѣятельности общественное значеніе, а не довольствовался только ролью добросовѣстнаго чиновника министерства юстиціи.

Не знаешь, которой изъ 17-ти помѣщенныхъ въ сборникѣ обвинительныхъ рѣчей отдать преимущество: въ каждой выражается та или другая сторона крупнаго дарованія. Обширная рѣчь по гремѣвшему въ свое время дѣлу о подлогѣ завѣщанія купца Бѣляева отличается серьезнымъ, дѣловымъ характеромъ, но обиліе цифръ и сухихъ, повидимому, фактовъ отнюдь не вредитъ художественности ея изложенія; рѣчи по дѣламъ объ убійствѣ ст. сов. Рыжова и объ убійствѣ Чихачева (въ этой рѣчи обвиняемый названъ почему-то въ сборникѣ буквою N, хотя имя его хорошо памятно петербуржцамъ и въ томъ же сборникѣ обвиняемые по другимъ дѣламъ, даже и оправданные судомъ, называются полными фамиліями) — два тонкихъ, но и чрезвычайно серьезныхъ психологическихъ трактата; въ рѣчахъ по дѣламъ о поддѣлкѣ акцій тамбовско-козловской дороги, о расхищеніи имущества Солодовникова, о подлогѣ завѣщанія Сѣдкова, встрѣчаются такія мѣткія, художественно-правдивыя характеристики подсудимыхъ или потерпѣвшихъ отъ преступленія, что ихъ охотно призналъ бы своими любой изъ нашихъ лучшихъ писателей. Помимо того, въ каждой изъ своихъ рѣчей г. Кони видимо пользуется случаемъ разъяснять слушателямъ смыслъ тѣхъ или другихъ возникающихъ въ дѣлѣ спеціально юридическихъ терминовъ и даваемыя имъ толкованія такихъ понятій какъ попустительство, оговоръ, предумышленіе, запальчивость и мн. др. должны служить образцомъ того, какимъ именно языкомъ слѣдуетъ говорить юристу съ присяжными — судьями фактической лишь стороны дѣла. Наконецъ, замѣтимъ еще — истинное дарованіе здѣсь именно и познается — что г. Кони всегда объективенъ, всегда совершенно спокоенъ въ своемъ изложеніи; у него не встрѣтимъ мы обыкновенія, по плохой привычкѣ многихъ прокуроровъ, стараться набросить тѣнь въ глазахъ присяжныхъ на свидѣтелей со стороны защиты или обрывать съ чисто индивидуальной раздражительностью самихъ защитниковъ. Не видно у него также ни желанія обвинить подсудимаго во что бы то ни стало, ни старанія замѣнить вымыленною горячностью нападенія убѣдительность рѣчи и свою плохую юридическую подготовку. Интересы правильной постановки и разрѣшенія дѣла всегда стоятъ для г. Кони впереди интересовъ собственно обвиненія и рѣдко дозволитъ онъ себѣ слегка ироническое отношеніе къ защитѣ, какъ въ дѣлѣ Янсеновъ, обвинявшихся въ распространеніи фальшивыхъ ассигнацій.

Три помѣщенные въ сборникѣ предсѣдательскія напутствія присяжнымъ также положительно образцовы. Извѣстно, что соблюденіе въ такомъ «resumé» требуемаго закономъ полнаго безпристрастія въ группировкѣ и оцѣнкѣ доказательствъ pro и contra — вещь чрезвычайно трудная. Теоретически разсуждая, едва ли есть даже и надобность вводить въ судебныя пренія такія напутствія (по нѣкоторымъ изъ западно-европейскихъ кодексовъ уголовнаго судопроизводства онѣ и дѣйствительно не допускаются), на практикѣ же онѣ сплошь и рядомъ являются вторымъ сокращеннымъ изданіемъ обвинительной рѣчи въ силу уже и той причины, что къ званію предсѣдателя суда обыкно-

венно переходить съ прокурорскаго кресла, а не отъ пюпитра защитника. Однако, г. Кони блестяще разрѣшаетъ и эту задачу и его напутствія всегда останутся образцами ясной и вполнѣ безпристрастной оцѣнки добытыхъ судебнымъ слѣдствіемъ данныхъ. Въ частности изъ этого рода рѣчей особенно удачна произнесенная по памятному всѣмъ дѣлу Гулакъ-Артемовской, гдѣ толкованіе понятія о подлогѣ документовъ, вообще, и мотивированное разъясненіе того различія, которое устанавливается въ самомъ производствѣ дѣлъ о подлогѣ въ судахъ уголовномъ и гражданскомъ — положительно можетъ быть названо классическимъ.

Наконецъ, составляющими послѣднюю часть сборника 7-ю кассаціонными заключеніями, г. Кони положительно доказываетъ, что привычка и способность къ литературному изложенію вовсе не идетъ у него въ ущербъ обширнымъ спеціальнымъ знаніямъ и что, вообще, «быть можно дѣльнымъ человѣкомъ и думать о красѣ... рѣчей». Здѣсь авторъ уже не обвинитель, не моралистъ, а исключительно строгій законовѣдъ, тѣмъ же яснымъ, изящнымъ слогомъ разбирающій чисто процессуальныя тонкости и чувствующій себя какъ дома въ дебряхъ нашего громоздкаго и все еще ждущаго давно необходимыхъ преобразованій уголовнаго кодекса. Изъ числа этихъ заключеній въ особенности обращаютъ на себя вниманіе, по массѣ затраченнаго на него труда и знанія, заключеніе по обширнѣйшему и сложному дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Таганрогской таможнѣ и два заключенія по дѣламъ печати—Ахшарумова и Берга—гдѣ всесторонне и съ положительно художественною рельефностью разобраны значеніе и роль столь насолившихъ не одному редактору статей 1039 и 1535 Улож. о нак., трактующихъ о диффамаціи и клеветѣ въ печати. Вообще, повторяемъ, изданіемъ своего сборника г. Кони сдѣлалъ всѣмъ серьезнымъ читателямъ чрезвычайно пріятный подарокъ, а для юристовъ книга эта, конечно, сдѣлается настольною, почему весьма полезна мысль составителя присоединить къ сборнику перечень статей закона, которыя толкуются или приводятся въ рѣчахъ, а также алфавитный списокъ тѣхъ юридическихъ понятій и терминовъ, по которымъ въ книгѣ даны надлежащія разъясненія. В. В—въ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ шестидесятый. Спб. 1888.

Императорское Историческое Общество задумало трудъ чрезвычайно важный, полезный и обширный,—изданіе «Біографическаго словаря русскихъ замѣчательныхъ дѣятелей», въ которомъ давно уже ощущается самая настоятельная потребность. Для осуществленія такого сложнаго и громаднаго предпріятія Общество имѣетъ въ своемъ распоряженіи всѣ необходимыя средства, и мы искренно желаемъ, чтобы оно взялось за него съ энергіей и настойчивостью. Повидимому, Общество приступаетъ къ своей задачѣ весьма раціонально и съ ясно намѣченной программой; доказательствомъ этого служитъ только-что напечатаный 60-й томъ его «Сборника», заключающій въ себѣ первую половину списка, на буквы А—Л, именъ русскихъ дѣятелей, на всѣхъ поприщахъ русской государственной и народной жизни, долженствующаго служить приготовительнымъ матеріаломъ для будущаго біографическаго словаря. Въ означенный списокъ вошли десятки тысячъ именъ

лицъ всевозможныхъ профессій: дипломатовъ, военныхъ, духовныхъ, чиновниковъ, писателей, артистовъ, художниковъ, врачей, купцовъ и т. д. съ обозначеніемъ, по возможности, года рожденія и смерти каждаго. Само собою разумѣется, что половина, если не болѣе, этихъ лицъ не имѣютъ никакихъ правъ на память потомства, т. е. на внесеніе ихъ въ біографическій словарь русскихъ замѣчательныхъ людей, и что опубликованный списокъ представляетъ лишь «канву», которая должна значительно облегчить разработку подробностей.

«Изъ настоящаго списка»,—говорится въ предисловіи,—«будутъ перенесены въ біографическій словарь лишь имена, заслуживающія болѣе или менѣе пространныхъ біографій. Переходя къ этому второму труду и сознавая всю его затруднительность, редакція «Сборника Императорскаго Историческаго Общества» позволяетъ себѣ надѣяться, что никто изъ любящихъ Россію и ея исторію людей не откажетъ въ сочувствіи и содѣйствіи этому предпріятію, не только указаніемъ ошибокъ, недосмотровъ и промаховъ въ нынѣ печатаемомъ спискѣ, но и сообщеніемъ свѣдѣній, долженствующихъ облегчить написаніе біографій, имѣющихъ войти въ біографическій словарь».

Мы надѣемся, что этотъ призывъ Общества не останется гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ. Подобный трудъ только и можетъ быть приведенъ къ успѣшному окончанію при дружномъ участіи если не всѣхъ «любящихъ Россію и ея исторію», то, по крайней мѣрѣ, всѣхъ занимающихся отчизновѣдѣніемъ. Въ журнальной рецензіи мы не имѣетъ возможности сдѣлать подробный разборъ выпущеннаго теперь списка, — это потребовало бы слишкомъ много времени, мѣста и кропотливыхъ справокъ. Мы можемъ лишь сказать, что онъ, самъ по себѣ, представляетъ уже капитальную работу, потребовавшую отъ исполнителей усидчивыхъ изысканій, и исполненную, въ общемъ весьма добросовѣстно, хотя, къ сожалѣнію, даже при самомъ бѣгломъ и поверхностномъ просмотрѣ списка, мы встрѣтили въ немъ не мало пропусковъ и ошибокъ. Приведемъ для примѣра нѣкоторыя изъ нихъ:

На стр. 24, фельдмаршалъ Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ сдѣланъ «графомъ», которымъ онъ никогда не былъ. Ему придана жена Настасья Гавриловна, урожденная графиня Головкина, которая была замужемъ не за нимъ, а за фельдмаршаломъ княземъ Никитой Юрьевичемъ Трубецкимъ (см. «Родословную книгу» Долгорукова, ч. 4, стр. 362); Степанъ же Ѳедоровичъ Апраксинъ былъ женатъ только одинъ разъ, на Агриппинѣ Леонтьевнѣ Соймоновой (тамъ же, ч. 2, стр. 116).

На стр. 75, при перечисленіи Валуевыхъ, пропущена такая крупная личность, какъ бояринъ Григорій Леонтьевичъ, убившій перваго самозванца, находившійся въ числѣ сподвижниковъ Скопина-Шуйскаго, разбившій подъ Волоколамскомъ извѣстнаго польскаго вождя князя Романа Рожинскаго и за тѣмъ воеводствовавшій въ Вязьмѣ и Астрахани.

На стр. 121 показанъ «Вьётанъ, Генрихъ, композиторъ-скрипачъ, бывшій въ Россіи». Почему Вьётанъ попалъ въ число замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей не постигаемъ. Въ такомъ случаѣ слѣдовало уже включить въ списокъ и массу другихъ иностранныхъ артистовъ, пріѣзжавшихъ въ Россію давать концерты.

На стр. 128, показанъ какой-то «лѣкарь флота Генрихъ Гаи», а пропущенъ извѣстный Валентинъ Гаи, основатель перваго института слѣпыхъ въ Россіи, (о которомъ въ журналѣ «Наблюдатель» 1886 г. напечатана обширная монографія г. Скребицкимъ, изданная за тѣмъ отдѣльно).

На стр. 164 показанъ, канцлеръ, графъ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ, а сынъ его, извѣстный дѣятель Аннинскаго царствованія, вице-канцлеръ графъ Михаилъ Гавриловичъ, лишенъ графскаго достоинства и названъ просто Головкинымъ.

На стр. 180, упомянуты два Гурьяновы, актеръ и купецъ, а пропущенъ писатель Гурьяновъ, авторъ множества сочиненій разнообразнаго содержанія, имѣвшихъ большой успѣхъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія. (См. «Словарь» Геннади).

На стр. 189, Андрей Яковлевичъ Дашковъ названъ коллежскимъ асессоромъ и уполномоченнымъ въ Соединенныхъ Штатахъ, тогда какъ онъ былъ тайнымъ совѣтникомъ и посланникомъ.

На стр. 191, находимъ графа Антона Мануиловича Девьера, петровскаго генералъ-полицiймейстера, и сына его, генералъ-аншефа графа Петра Антоновича, которому неизвѣстно зачѣмъ и почему приданъ эпитетъ «героя Семилѣтней войны», тогда какъ роль его въ этой войнѣ была самая ничтожная. А на стр. 200, эти же самыя лица повторяются, но уже подъ фамиліей Диві́еровъ, при чемъ у графа Петра Антоновича отнятъ эпитетъ «героя».

На стр. 265, находимъ «Якова Аѳанасьевича Зайцева, московскаго предводителя раскола» (?).

На стр. 440, встрѣчается такое курьезное біографическое свѣдѣніе: «Костомаровъ Николай Ивановичъ, историкъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета, писавшій подъ псевдонимомъ Іеремія Галки».

На стр. 504, извѣстный острякъ Екатерининскаго времени, генералъ Сергѣй Лаврентьевичъ Львовъ, названъ княземъ, которымъ онъ не былъ, а другому Львову, дѣйствительно, князю, но ничѣмъ незамѣчательному, Никитѣ Яковлевичу, приданъ слѣдующій аттестатъ на безсмертіе: «за себя и предковъ пожертвовалъ въ 1699 г. въ Спасо-Ярославскій монастырь парчевыя ризы съ бархатнымъ крестомъ, по оцѣнкѣ въ 40 рублей, а въ 1677 г. вылилъ поліелейный колоколъ».

Ошибокъ и промаховъ, подобныхъ тѣмъ, которыя приведены нами, въ спискѣ встрѣчается довольно много. Въ сущности они не имѣютъ особенной важности; но ихъ легко было бы избѣжать, еслибъ окончательный сводъ списка былъ редактированъ съ бо́льшимъ вниманіемъ. Во всякомъ случаѣ, всѣ занимающіеся русской исторіей будутъ искренно благодарны Историческому Обществу за напечатанный теперь списокъ. Если же оно осуществитъ задуманное имъ изданіе «Біографическаго словаря русскихъ, замѣчательныхъ дѣятелей», то окажетъ этимъ огромную услугу всему русскому обществу.

С. Ш.

Критическіе этюды В. Буренина. Спб. 1888.

У критика и ближайшаго сотрудника «Новаго Времени», В. П. Буренина, не мало литературныхъ враговъ, что весьма понятно, если мы вспомнимъ, съ какимъ безпощаднымъ юморомъ преслѣдуетъ онъ въ своихъ фельетонахъ современныя бездарности, въ которыхъ непомѣрное самолюбіе давно заглушило всѣ проблески ихъ микроскопическихъ талантовъ. Но и враги г. Буренина, отрицающіе его поэтическое и беллетристическое дарованіе, не могутъ не признать въ немъ тонкаго критическаго чутья, знанія русской литературы, горячей любви къ ней, заставляющей его, по временамъ, быть

слишкомъ строгимъ къ лицамъ, не подходящимъ къ составленному имъ идеалу русскаго писателя. Всѣ обвиненія критика въ чрезмѣрной суровости его приговоровъ, въ скептическомъ отношеніи къ русской талантливости, падаютъ, однако, сами собою при чтеніи его отзывовъ о нашихъ лучшихъ писателяхъ. Здѣсь этотъ жестокій гонитель мелкихъ дарованій и крупныхъ претензій является безусловнымъ поклонникомъ, почти панегиристомъ, корифеевъ нашей литературы. Если и при оцѣнкѣ произведеній современной мелкоты г. Буренинъ проповѣдовалъ, все-таки, любовь къ литературѣ, хотя и «враждебнымъ словомъ отрицанья», то въ этюдахъ, собранныхъ нынѣ въ одну книгу, онъ является рьянымъ защитникомъ великихъ именъ отъ мелкихъ, хотя бы и основательныхъ, нападковъ на нихъ. Семи такимъ именамъ посвящены этюды г. Буренина, и только послѣдній изъ разбираемыхъ имъ писателей, Глѣбъ Успенскій подвергается заслуженному, впрочемъ, порицанію за его послѣднія произведенія, въ которыхъ виденъ талантъ уже измельчавшій и исписавшійся. Во всѣхъ остальныхъ статьяхъ, критикъ является не цѣнителемъ заслугъ и недостатковъ писателей, но присяжнымъ адвокатомъ, берущимъ на себя, quand même, ихъ защиту. Такъ, статья о Гоголѣ посвящена опроверженію принятаго въ литературѣ мнѣнія о томъ, что послѣднее произведеніе геніальнаго писателя: «Переписка съ друзьями» недостойна его великаго таланта и что въ личномъ характерѣ Гоголя были непривлекательныя стороны, заслуживающія охужденія. «Гоголь,—говоритъ г. Буренинъ,—понималъ свое писательское призваніе нѣсколько мистически — это черта, которою онъ рѣзко отличается отъ другихъ нашихъ писателей (не отъ всѣхъ, однако же, такъ какъ Достоевскій и Л. Н. Толстой также приняли это направленіе, въ концѣ своего поприща, да и у Гоголя это направленіе незамѣтно въ его лучшихъ произведеніяхъ). Онъ совершенно ясно высказывался въ томъ смыслѣ, что писалъ ради спасенія своей души, какъ нѣкогда святые совершали подвижничество. Надъ его задушевными признаніями объ этомъ критика, даже сочувственная ему, издѣвалась и глумилась»,—скорѣе сожалѣла, потому что трудно одновременно глумиться и сочувствовать. Критика не находила только ни правды, ни глубины въ признаніяхъ писателя и замѣчала, что подвижничество слѣдуетъ предоставить отцамъ церкви и что проповѣдничество не дѣло литературы, у которой свои высокія цѣли. «Эта сочувственная Гоголю критика,—говоритъ далѣе г. Буренинъ,—заподозрила его въ высокомѣрномъ самообожаніи и ханжескомъ притворствѣ, дошедшемъ въ концѣ концовъ до психоза». Но и не признавая притворства и ханжества писателя, нельзя отрицать его самомнѣнія и «психоза». Гоголю было мало его славы великаго писателя, онъ захотѣлъ сдѣлаться религіознымъ учителемъ, проповѣдникомъ, пророкомъ... Результатъ извѣстенъ. Г. Буренинъ горячо отстаиваетъ Гоголя отъ слишкомъ рѣзкихъ сужденій Бѣлинскаго, даже отъ сдержанныхъ обвиненій г. Пыпина и другого критика. Съ этою защитою можно не соглашаться, но нельзя отрицать ея ловкости и значенія въ исторіи литературы.

Вдвое обширнѣе этюдъ, посвященный Гончарову. Здѣсь критикъ дѣлаетъ оцѣнку, хотя и не подробную, но весьма сочувственную, всѣмъ произведеніямъ романиста, не представляя, впрочемъ, общаго вывода литературной дѣятельности писателя и называя его только романистомъ прежняго времени. Въ статьѣ «Біографія и письма Достоевскаго» критикъ находитъ «вполнѣ благородное и честное раздраженіе» въ рѣзкихъ выходкахъ этого второго пророка въ нашей литературѣ—противъ Бѣлинскаго и Грановскаго и оправ-

дываетъ выходки эти тѣмъ, что Достоевскій писалъ не для печати. Статья эта, впрочемъ, чисто полемическаго, а не критическаго характера. Г. Буренинъ горячо защищаетъ Достоевскаго отъ нападокъ критиковъ «Отечественныхъ Записокъ» и «Вѣстника Европы» и, приравнивая его къ Камоэнсу и Сервантесу, говоритъ въ заключеніе статьи: «можно, конечно, критически относиться къ человѣческимъ несовершенствамъ и промахамъ подобныхъ избранныхъ крупныхъ людей, но не подобаетъ вамъ, недостойнымъ, развязать ремень ихъ сапога, съ противнымъ высокомѣріемъ выставлять ихъ антипатичными, возбуждающими ваше мнимо-либеральное сожалѣніе. Это, господа, стыдно, это даже больше, чѣмъ стыдно — это неблагородно». Л. Н. Толстому посвящены двѣ статьи: о его драмѣ и о журнальномъ походѣ противъ него. Мнѣніе критика — давно извѣстно: это — безусловное поклоненіе рѣшительно передъ всѣми произведеніями писателя и убѣжденіе, что «нашъ выцвѣтшій и выдохшійся либерализмъ, въ добровольномъ союзѣ съ пронырливымъ жидовствомъ, старается подорвать великое и глубокое значеніе тѣхъ творческихъ созданій графа Л. Толстого, которыми обнаруживается его геній за послѣднее время». Критикъ защищаетъ писателя отъ упрековъ въ неуваженіи къ наукѣ и доказываетъ, что гр. Толстой отзывается съ пренебреженіемъ только о ложной наукѣ, а настоящую—уважаетъ. О пресловутой теоріи «непротивленія злу» не говорится ни слова, такъ же, какъ о народныхъ сказкахъ, и только перечисляются превосходные народные разсказы. Полемикѣ съ журналами отведено тутъ также широкое мѣсто. «Власть тьмы» разобрана подробно и найдена безукоризненной. О другой драмѣ «Первый винокуръ» ничего не говорится. Статьи о Л. Н. Толстомъ занимаютъ четверть книги. Пушкину посвящено восемь, конечно, хвалебныхъ, страницъ, по поводу пятидесятилѣтней годовщины его смерти; Лермонтову — шестнадцать страницъ, на которыхъ критикъ защищаетъ поэта отъ обвиненій въ нагломъ дендизмѣ и гвардейскомъ фатовствѣ. Въ концѣ статьи высказывается совершенно вѣрная мысль, что разсѣянная жизнь великихъ поэтовъ, какъ Шекспира, Байрона, Лермонтова, «вовсе не была для нихъ источникомъ умаленія ихъ силъ, а, напротивъ, оживленіемъ. Благородные умы и души высокихъ дарованій (не совсѣмъ ловкое выраженіе) и въ своихъ мелкихъ заблужденіяхъ отыскиваютъ цѣнный матеріалъ для своего творчества, почерпаютъ уроки для себя, чтобы передавать ихъ другимъ; благороднымъ и высокимъ душамъ эти заблужденія нужны для ихъ поэзіи, для ихъ художественнаго творчества, почти столько же, сколько ученье и трудъ».

Двѣ послѣднія статьи этюдовъ посвящены Глѣбу Успенскому и занимаютъ также четвертую часть книги въ 400 страницъ. Здѣсь очень подробно разобраны лучшія произведенія талантливаго писателя и вѣрно оцѣнено его значеніе въ русской литературѣ. Въ концѣ первой статьи, помѣченной 1884 годомъ, критикъ говоритъ, что дарованіе г. Успенскаго достигло той степени, съ которой должна начаться его полная зрѣлость. Во второй статьѣ, написанной въ 1886 году, г. Буренинъ находитъ, что послѣдніе разсказы этого автора принадлежатъ уже прямо къ произведеніямъ такъ называемой «малой прессы» и заканчиваетъ такими словами: «я жалѣю г. Успенскаго за то, что онъ по обстоятельствамъ, вѣроятно внѣшнимъ, принужденъ не писать, а строчить, принужденъ выбрасывать передъ публикой всякій соръ, накопляющійся въ его записной книжкѣ».

Во всякомъ случаѣ, особенно въ виду совершенно измельчавшей у насъ

журнальной критики, «Этюды» г. Буренина представляютъ замѣчательное явленіе и становятся выше его «Критическихъ очерковъ и памфлетовъ», изданныхъ четыре года тому назадъ, хотя и ниже его этюда «о литературной дѣятельности Тургенѣва», выдержавшаго два изданія. В. З.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга первая. Спб. 1888.

Полная и всесторонняя біографія Погодина «освѣтитъ неожиданнымъ свѣтомъ все умственное развитіе русскаго общества XIX в.» сказалъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ во своихъ «Біографіяхъ и характеристикахъ», но «понять, оцѣнить и воспроизвести жизнь Погодина, замѣтилъ онъ, задача не легкая». И вотъ въ настоящее время эту нелегкую задачу взялъ на себя г. Барсуковъ и составилъ первую часть своего обширнаго труда, обнимающую первые двадцать пять лѣтъ жизни нашего знаменитаго историка. Авторъ жизнеописанія объясняетъ въ предисловіи, что глубоко сознавалъ важность и отвѣтственность принятаго на себя бремени и приступилъ къ своей работѣ съ полнымъ благоговѣніемъ и любовью. «Отъ дней моей юности, говоритъ онъ, три мужа, достопамятные въ лѣтописяхъ «Русской Исторіи», наполняли мою душу и вызывали въ моемъ сердцѣ неудержимое желаніе начертать ихъ жизнеописанія, въ поученіе и разумъ грядущимъ поколѣніямъ. Митрополитъ московскій Филаретъ... князь Петръ Андреевичъ Вяземскій... Павелъ Михайловичъ Строевъ... Завѣтная мечта моя осуществилась только отчасти; мнѣ удалось представить очеркъ жизни и трудовъ П. М. Строева, вышедшій въ свѣтъ въ 1878 году; митрополитъ же Филаретъ и князь Вяземскій остались для меня неприступными идеалами. За то, какъ бы въ вознагражденіе за мое доброе, но дерзновенное стремленіе, мнѣ выпалъ счастливый жребій напомнить соотечественникамъ о жизни и трудахъ Михаила Петровича Погодина». Жена Погодина, Софія Ивановна, зная добрыя отношенія покойнаго своего мужа къ г. Барсукову, обратилась къ нему съ просьбою написать жизнеописаніе ея супруга. «Не безъ колебаній рѣшился я возложить на себя это бремя, продолжаетъ г. Барсуковъ, и 5-го ноября 1882 года, въ Москвѣ, между нами состоялось условіе, засвидѣтельствованное А. И. Кошелевымъ и А. Е. Викторовымъ. Въ силу сего условія, всѣ оставшіяся послѣ смерти М. П. Погодина бумаги, а именно дневники, переписка, автографы нѣкоторыхъ сочиненій и проч. переданы были мнѣ изъ московскаго публичнаго и румянцевскаго музея для извлеченія потребныхъ для жизнеописанія матеріаловъ... Когда источники были разработаны, я приступилъ къ изложенію жизни и трудовъ М. П. Погодина. При этомъ, не мудрствуя лукаво, я старался плыть, такъ сказать, по теченію жизни и стремился исполнить завѣтъ Хомякова, заключающійся въ его стихѣ:

«Былое въ сердцѣ воскреси
«И въ немъ сокрытаго глубоко
«Ты духа жизни допроси».

Въ этой исповѣди г. Барсукова заключаются и указанія на главные источники работы, и цѣль ея «воскресить былое въ сердцѣ», и значеніе ея въ жизни автора, и программа «не мудрствуя лукаво, плыть по теченію жизни». Должно отдать полную справедливость почтенному изслѣдова-

телю, что онъ справился съ своей задачей вполнѣ добросовѣстно и охватилъ, какъ доставшійся ему рукописный матеріалъ, такъ и всѣ остальные, имѣющіе отношеніе къ его работѣ, печатные источники во всей ихъ полнотѣ. А сдѣлать это было не такъ легко. Г. Барсукову пришлось имѣть дѣло не съ одною какою-нибудь личностью, проведшею свою жизнь въ тѣсномъ кругу людей и при обыкновенныхъ условіяхъ, а съ цѣлыми группами людей, различныхъ сословій, различныхъ направленій и при самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ условіяхъ; короче, пришлось взять на себя роль исторіографа цѣлой эпохи пробужденія нашего общественнаго самосознанія. Начавъ свое повѣствованіе съ дѣтскихъ лѣтъ Погодина, авторъ слѣдитъ внимательно шагъ за шагомъ за развитіемъ, дѣятельностью, и жизнью своего «героя», при чемъ дѣлаетъ частыя (подчасъ даже черезчуръ частыя) отступленія, чтобы обратить вниманіе читателей на то или другое лицо, событіе, мѣстность, о которыхъ пришлось сдѣлать упоминаніе. Такимъ образомъ, г. Барсуковъ воскрешаетъ въ живыхъ лицахъ и дѣйствіяхъ былое Москвы начала XIX столѣтія, группируя свой разсказъ вокругъ Погодина сначала ребенка въ его семьѣ, потомъ отрока въ губернской гимназіи и, наконецъ, юноши въ Московскомъ университетѣ и на урокахъ у Трубецкихъ. Особенными подробностями отличаются описанія педагогическаго и ученаго міра, а также быта знатнаго дворянства въ лицѣ членовъ семейства князя Трубецкаго и ихъ знакомыхъ. Всѣ свѣдѣнія о жизни Московскаго университета, профессорахъ, занятіяхъ и отношеніяхъ между учащими и учащимися, сгруппированы чрезвычайно тщательно и полны самого живого интереса; нельзя, однако, сказать того же самого объ изображеніи быта семейства Трубецкаго и представителяхъ его. Здѣсь авторъ увлекается нѣсколько богатствомъ имѣвшагося въ его распоряженіи матеріала (дневника Погодина) и переполняетъ свое повѣствованіе излишними подробностями о жизни въ селѣ Знаменскомъ (Подмосковная Трубецкихъ) и его обитателяхъ; рядомъ съ этимъ, произнося хвалу дореформенному строю, онъ полемизируетъ нерѣдко съ современною дѣйствительностью и вноситъ тѣмъ въ свое изслѣдованіе начало крайней субъективности, что идетъ во вредъ остальнымъ частямъ труда и производитъ непріятное впечатлѣніе. За исключеніемъ этихъ довольно, впрочемъ, существенныхъ недостатковъ для ученаго сочиненія, какимъ безспорно должна считаться работа г. Барсукова, въ остальномъ и въ цѣломъ она обработана прекрасно. Вездѣ событія представлены въ яркихъ краскахъ, участвующіе освѣщены и поставлены удачно, при чемъ главное дѣйствующее лицо, Погодинъ, не ускользаетъ ни на минуту отъ вниманія читателя и можно прослѣдить во всѣхъ подробностяхъ его умственный ростъ и душевное развитіе. Г. Барсуковъ заканчиваетъ 1-ю часть своего труда 1825 годомъ, когда Погодинъ, уже въ званіи магистра русской исторіи, сталъ пріобрѣтать своими статьями и научными работами широкую извѣстность въ ученыхъ и литературныхъ кружкахъ какъ Москвы, такъ и Петербурга. Послѣдняя глава книги застаетъ молодого ученаго въ сѣверной столицѣ, гдѣ онъ представился Карамзину, митрополиту Евгенію и пріобрѣлъ значительныя литературныя связи. Мы не сомнѣваемся, что и слѣдующія части сочиненія г. Барсукова будутъ также полны живого интереса, какъ и настоящая. Пусть почтенный исторіографъ только держитъ тверже свое слово «плыть по теченію жизни не мудрствуя лукаво» и вноситъ въ свое изслѣдованіе больше спокойствія и безпристрастія.

В. Г—скій.

М. Урсинъ. Очерки изъ психологіи славянскаго племени. Славянофилы. Спб. 1888.

Очерки г. Урсина возбудили въ насъ недоумѣніе, когда мы прочитали ихъ заглавіе, недоумѣніе преслѣдовало насъ при чтеніи предисловія, въ которомъ авторъ объясняетъ цѣль и задачу своего изслѣдованія, съ недоумѣніемъ мы читали довольно бойко и литературно написанную книжку, въ 220 страницъ мелкой печати, съ недоумѣніемъ же оставили ее.

Заглавіе возбудило въ насъ недоумѣніе потому, что славянофильство, казалось намъ, странно дѣлать характеристическимъ признакомъ душевнаго склада всего славянскаго племени, странно считать литературное явленіе всеобщимъ психическимъ признакомъ племени въ лицѣ составляющихъ его отдѣльныхъ народностей, ибо заключенія отъ частнаго къ общему въ логикѣ, по большей части, являются абсурдомъ. Поэтому-то намъ казалось, что невозможно сочетать двухъ понятій въ родѣ: «психологія славянскаго племени» и «славянофилы». Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же доказательства, что славянофильство—всеобщій, народный, племенной признакъ славянской психологіи? Не развилось ли славянофильство подъ западнымъ романтическимъ вліяніемъ? не есть ли оно временная ступень въ развитіи общественнаго сознанія? Гдѣ же признаки долговѣчности этого явленія? Развѣ народныя особенности вырождаются такъ быстро, какъ, напримѣръ, славянофильство на Руси? Отчего славянофильство сказалось лишь полосой, въ извѣстное время, при извѣстныхъ историческихъ обстоятельствахъ и потомъ уступило мѣсто болѣе плодотворнымъ и менѣе исключительнымъ жизненнымъ явленіямъ? Не есть ли оно, поэтому, только ученіе, вѣрованіе отдѣльныхъ людей,—ученіе во многихъ отношеніяхъ характерное, интересное и плодотворное, но, все-таки, не всеславянское, не всенародное, а только встрѣчавшееся среди нѣкоторыхъ славянскихъ выдающихся людей, ученыхъ и поэтовъ-писателей, людей изъ интеллигенціи, изъ избранной горсти передового славянства? Всѣ эти вопросы не покидали насъ, когда мы читали предисловіе, въ которомъ, между прочимъ, напримѣръ, прямо говорится, что «всеобщей психической чертой нашего племени мы считаемъ мистическій патріотизмъ, болѣе извѣстный въ Россіи подъ названіемъ славянофильства, въ Польшѣ—мессіанизма, и заключающійся въ томъ, что распространившіяся въ теченіе послѣдняго столѣтія національныя стремленія проявились у насъ въ формѣ мистической вѣры въ особое наше призваніе возродить погрязшій въ сухомъ раціонализмѣ міръ, при чемъ это возрожденіе должно совершиться помощью живого начала чувства, которое у насъ еще сохранилось и продолжаетъ развиваться». Противъ фактовъ съ г. Урсинымъ спорить никто не станетъ; фактическая сторона дѣла заключается въ словахъ отъ «мистическій патріотизмъ»—до конца выписанной выше фразы. Но напрасно, повторяемъ, г. Урсинъ, по слѣдамъ славянофиловъ, считаетъ этотъ мистическій патріотизмъ всеобщей психической чертой славянскаго племени. Это весьма поспѣшное обобщеніе и, какъ обобщеніе о всемъ славянствѣ, не выдерживаетъ даже поверхностной критики. Автора соблазнила мысль написать изслѣдованіе по «племенной психологіи» (Völker-psychologie), основываясь на анализѣ «внутренняго облика величайшихъ поэтовъ и мыслителей славянства». Кто же эти величайшіе поэты и мыслители? Адамъ Мицкевичъ, Юлій Словацкій, графъ Сигизмундъ Красинскій, А. С. Хомяковъ, и славянофильство, Шев-

ченко и Гоголь, Петръ Прерадовичъ. Подборъ, конечно, съ точки зрѣнія автора сдѣланъ весьма удачный. Но бѣда вся въ томъ, что эта точка зрѣнія лишена беспристрастія. При чтеніи очерковъ замѣтно, какъ колеблется подъ увлекающимся авторомъ почва, когда онъ приступаетъ къ анализу «мистическаго патріотизма» Гоголя, Шевченки и Прерадовича, чувствуется, что этихъ «величайшихъ поэтовъ» славянства г. Урсинъ притягиваетъ насильно къ своей племенной психологіи, ибо онъ находитъ, что наклонность къ мессіанизму проявилась у первыхъ двухъ «симпатическая, хотя болѣзненная, черта» «въ самой болѣзненной формѣ» (стр. 202). Характеристика же Прерадовича, если на нее смотрѣть съ точки зрѣнія автора, заставляетъ окончательно недоумѣвать. Вѣдь самъ же г. Урсинъ говоритъ, что самая выдающаяся черта поэзіи Прерадовича—«тонкость эстетическаго чутья, заставившая пожертвовать политико-философской тенденціозностью въ пользу «художественной законченности» (стр. 217) и что, такъ какъ такой же художественностью отличается сербо-хорватскій народный эпосъ,—то (опять смѣлое заключеніе, но идущее совершенно въ разрѣзъ съ цѣлями г. Урсина) это замѣчательное совпаденіе даетъ право считать художественное чутье отличительной чертой сербо-хорватскаго типа. Такимъ образомъ, Шевченко, Гоголь и Прерадовичъ для племенной психологіи г. Урсина не годятся: они даже идутъ въ разрѣзъ съ задачами изслѣдованія. Слѣдовательно, кругъ изслѣдованія уже ограничился поляками и славянофилами, которыхъ, по автору, только и слѣдуетъ считать истинными представителями славянства, вычеркивая Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Л. Толстого и другихъ истинныхъ представителей генія русскаго народа.

Посмотримъ теперь, какіе выводы дѣлаетъ авторъ изъ своихъ очерковъ о польскихъ поэтахъ и русскомъ славянофильствѣ. Мессіанизмъ Мицкевича и Словацкаго онъ называетъ прямо «бредомъ», девизомъ же поэзіи Красинскаго считаетъ одинъ стихъ самаго поэта—«награда вѣнчаетъ только подвиги самопожертвованія». (Вообще, очеркъ о Красинскомъ одинъ изъ самыхъ слабыхъ: критикъ только и дѣлаетъ, что пересказываетъ содержаніе поэмъ и стихотвореній Красинскаго съ одною лишь тѣнью критико-психологическаго отношенія къ нимъ). Польскимъ поэтамъ, вообще, выдѣлена львиная доля въ изслѣдованіи г. Урсина; слѣдовательно, подробно анализируя «внутренній обликъ» величайшихъ поэтовъ славянства, онъ могъ бы, кажется, сто разъ доказать, что бредъ Мицкевича и Словацкаго есть національная польская черта, такъ же, какъ и самопожертвованіе Красинскаго. Но этого авторъ не дѣлаетъ. Г. Урсинъ, наоборотъ, доказываетъ, что Мицкевича въ область мессіанизма увлекли неукротимо-страстные порывы чувства, что Словацкій былъ по природѣ человѣкомъ мечтательнаго темперамента, потерявъ изъ-за этой склонности равновѣсіе душевныхъ силъ и ударившись въ фантастическій міръ утопическихъ мечтаній, ненормальныхъ и ослабляющихъ дѣятельность разсудка. Пересказавъ красиво и бойко цѣлый рядъ произведеній Мицкевича и Словацкаго, припомнивъ характерные факты ихъ жизни, положившіе извѣстную печать на ихъ творчество, г. Урсинъ пишетъ хорошій очеркъ, подъ заглавіемъ: «Мицкевичъ и Словакскій подъ вліяніемъ Товянскаго», заключаетъ, наконецъ, эту главу параллельной мѣткой характеристикой послѣдняго періода жизни названныхъ поэтовъ, и только въ послѣднихъ 13 строчкахъ замѣчаетъ: «то обстоятельство, что два величайшіе польскіе поэта были послѣдователями мессіанизма, бросаетъ

яркій свѣтъ на характеръ народа, изъ нѣдръ котораго они вышли (почему же это на характеръ народа, а не на ихъ личный характеръ?): къ прискорбію, этотъ характеръ вполнѣ соотвѣтствуетъ всей политической его исторіи, которая доказываетъ, что если народъ польскій умѣлъ увлекаться благородными стремленіями и возвышенными порывами чувства и фантазіи, то не всегда могъ идти за голосомъ разсудка». Такими общими, безсодержательными фразами отдѣлывается авторъ, когда ему приходится говорить о самой задачѣ своего изслѣдованія, о племенной психологіи, выведенной изъ анализа «внутренняго облика» поэтовъ славянства, таковы его выводы (если только бездоказательныя фразы могутъ быть названы выводами).

Всѣ читавшіе книжку г. Урсина согласятся, что очеркъ русскаго славянофильства сдѣланъ имъ весьма удачно, сжато и содержательно. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ, что авторъ хорошо изучилъ предметъ изслѣдованія, умѣетъ распоряжаться матеріаломъ, владѣетъ перомъ. Но доказалъ ли онъ, что русское славянофильство составляетъ характерную психическую черту великорусской народности? Конечно, нѣтъ. Онъ, напротивъ, доказалъ, что это было литературное направленіе, что это было вѣрованіе, ученіе, быстро разложившееся, что свидѣтельствуетъ о его несостоятельности (стр. 151), быстро распавшееся и пошедшее по двумъ направленіямъ: одно изъ нихъ основано на православіи, но, вопреки мыслямъ и стремленіямъ Хомякова, сдѣлало изъ него не религію любви, но религію ненависти; другое унаслѣдовало отъ первыхъ славянофиловъ ихъ любовь и вѣру въ Россію и гуманную терпимость въ отношеніи къ другимъ народамъ, но отрицаетъ православіе, такъ неразрывно связанное съ ихъ ученіемъ. Славянофильское ученіе (хотя авторъ говоритъ — «славянофильство») оттого такъ быстро разложилось, по справедливому замѣчанію г. Урсина, что «слишкомъ безусловно возвеличило историческія начала русской жизни и слишкомъ слабо указало на ихъ несовершенство въ практикѣ». Такая участь едва ли можетъ постигнуть народную душу въ одномъ изъ своихъ типическихъ проявленій; но такова судьба всѣхъ утопическихъ, оторванныхъ отъ дѣйствительности ученій, направленій, вѣрованій горсти людей. Это же самое, повидимому, сознаетъ и самъ авторъ въ заключеніи къ очеркамъ (стр. 220), склоняясь на сторону историческаго объясненія, а не психологически-племеннаго появленія мессіанизма въ различной формѣ у русскихъ и поляковъ, но, съ другой стороны, г. Урсину, все-таки, кажется, что онъ опредѣлилъ «различные оттѣнки мессіанизма у различныхъ народовъ нашего племени». Такого вывода, какъ намъ кажется, сдѣлать изъ очерковъ никакъ нельзя, нельзя говорить о народахъ, имѣя дѣло съ отдѣльными лицами. — Вотъ причины, возбудившія въ насъ недоумѣнія при чтеніи талантливыхъ очерковъ г. Урсина. С. Тр—въ.

Первый царь московскій Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный. Въ двухъ томахъ. Составилъ Е. Тихомировъ. Спб. 1888.

Книжка г. Тихомирова не есть какое-либо самостоятельное историческое изслѣдованіе, а простая популярная компиляція изъ разныхъ историческихъ сочиненій, касающихся эпохи Грознаго царя. Авторъ самъ сознается въ этомъ, говоря въ предисловіи: «При составленіи этой книги мы руководствовались историческими трудами: Карамзина, Соловьева, Бестужева-Рюмина, Забѣ

лина, Устрялова, Костомарова, Сиповскаго и митрополита Макарія». Таковы источники компиляціи, и мы не можемъ не замѣтить, что нѣсколько странно рядомъ съ именами нашихъ крупнѣйшихъ историковъ встрѣтить имя г. Сиповскаго, почтенный трудъ котораго имѣетъ значеніе педагогическое, но не научное. Но какъ же воспользовался авторъ перечисленными имъ источниками? Если разбирать его книгу съ внѣшней стороны, то слѣдуетъ ему отдать справедливость, что книжка написана очень живо, читается легко и съ интересомъ; крупныя событія внѣшней исторіи, осада и взятіе Казани, Ливонская война, покореніе Сибири, описаны съ большими подробностями; касаясь бытовой исторіи, авторъ также стремится къ возможной полнотѣ: церковь, войско, судъ, нравы, умственное и нравственное движеніе эпохи имъ изображаются весьма удовлетворительно; литературные памятники, сочиненія Грознаго и Курбскаго, Домострой, Стоглавъ излагаются очень подробно, изъ нихъ приводятся обширныя выписки, а нѣкоторые памятники приводятся цѣликомъ, какъ напр. посланія митр. Макарія, хотя все же мы должны замѣтить, что кое-чего не хватаетъ: ничего не сказано объ «Исторіи» Курбскаго, о преніяхъ Грознаго съ Рокитой, сказано слишкомъ мало о Максимѣ Грекѣ, Артеміи и др.; свое изложеніе авторъ по временамъ старается оживить, вставляя большіе отрывки изъ народныхъ историческихъ пѣсень и изъ стихотвореній гр. А. К. Толстого,—такія вставки намъ кажутся далеко не излишними для того круга читателей, для котораго можетъ предназначаться книга г. Тихомирова. Такова внѣшняя сторона разсматриваемаго сочиненія; обращаясь къ внутреннимъ его качествамъ, спрашивая, на сколько вѣрно и цѣльно авторъ изобразилъ эпоху и личность Іоанна Грознаго, мы должны сдѣлать автору упрекъ, который дѣлается большинству компиляторовъ: у него нѣтъ единства взгляда, личность царя не выяснена. Встрѣтясь со многими разнорѣчивыми воззрѣніями на личность и дѣятельность Грознаго, авторъ не съумѣлъ въ нихъ разобраться: онъ не сталъ на сторону ни одного изъ этихъ воззрѣній, но не установилъ и своего собственнаго, онъ довольно грубо амальгамировалъ взгляды Карамзина и Костомарова со взглядами Соловьева и Бестужева-Рюмина. Какъ естественный результатъ такого амальгамированія, явился цѣлый рядъ противорѣчій: вліяніе Сильвестра и Адашева представляется почти безграничнымъ, такъ что Іоаннъ даже самъ «не смѣлъ мыслить», сила этого вліянія объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что Іоаннъ былъ совсѣмъ «не ученый», а ранѣе говорится о его начитанности, и мѣстами изъ повѣствованія видно, что Іоаннъ не только мыслилъ, но и дѣйствовалъ иногда совершенно самостоятельно. Переворотъ, совершившійся въ Іоаннѣ, тираннія второй половины его царствованія охарактеризованы далеко не удовлетворительно. Очень блѣдно говорится о земскихъ соборахъ, бывшихъ при Грозномъ, ихъ значеніе и участіе въ нихъ царя совсѣмъ неясны; также мало выяснено значеніе того широкаго простора, который данъ былъ при Грозномъ мѣстному самоуправленію. Такимъ образомъ, въ книжкѣ г. Тихомирова личность Іоанна остается такою же «загадочною, или, по крайней мѣрѣ, не вполнѣ разгаданною», какою она представляется, по мнѣнію автора, вообще, въ нашей исторической литературѣ.

А. В—инъ.

В. Мочульскій. Историко-литературный анализъ стиха о „Голубиной книгѣ". Варшава. 1888.

Книга эта посвящена подробному изслѣдованію одного изъ самыхъ важныхъ русскихъ духовныхъ стиховъ. Вопросъ о немъ уже давно былъ затронутъ въ нашей ученой литературѣ и сосредоточивался, главнымъ образомъ, на отысканіи его источниковъ. Одни ученые (какъ Н. Надеждинъ, Аѳанасьевъ, П. Безсоновъ, Шевыревъ, Буслаевъ, О. Миллеръ) видѣли въ стихѣ о «Голубиной книгѣ» продуктъ чисто-народнаго русскаго творчества, другіе (Веселовскій, Кирпичниковъ, Тихонравовъ, Пыпинъ, Вилярскій), напротивъ, считаютъ это произведеніе несамостоятельнымъ и указываютъ на его книжные апокрифическіе источники. Первое направленіе г. Мочульскій именуетъ «идеальнымъ», второе — «реальнымъ» и съ своей стороны со всею рѣшительностью примыкаетъ ко второму. Источникомъ стиха о «Голубиной книгѣ» онъ считаетъ апокрифическую «Бесѣду трехъ святителей» и представляетъ въ подробностяхъ отношеніе стиха къ этой послѣдней. Этому посвящена 1-я глава изслѣдованія; послѣдующія главы заняты опредѣленіемъ отношеній стиха о «Голубиной книгѣ» къ нѣкоторымъ другимъ апокрифамъ (какъ «Книга бытія», «отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ») и разъясненіемъ фактическаго содержанія стиха. Въ приложеніи къ изслѣдованію авторомъ помѣщены: «Бесѣда трехъ святителей» и апокрифическая «Книга бытія» по спискамъ, до сихъ поръ не напечатаннымъ. Е. П.

Городъ Порховъ (Псковской губ.). Историческій набросокъ. Составилъ Е. Е. Лебедевъ. Въ память 500 лѣтія Порховскихъ крѣпостныхъ стѣнъ. Псковъ. 1887.

Небольшая, но весьма толковая брошюра, знакомящая насъ съ Порховскою стариною, насколько о ней говорятъ лѣтописи, акты, писцовыя книги и мѣстныя преданія. Свидѣтельства изъ источниковъ выбраны добросовѣстно, сопоставлены ловко и съ умѣньемъ, выводы сдѣланы вѣрно и не дано мѣста ни какому многословію. Пробѣгая брошюру г. Лебедева, мы думали, что было бы очень хорошо, если бы обо всѣхъ псковскихъ пригородахъ были собраны такія же свѣдѣнія по памятникамъ и преданіямъ и сопоставлены въ такомъ же сжатомъ видѣ, въ какомъ изложены эти свѣдѣнія въ разбираемой нами брошюрѣ. Кстати замѣтимъ, что догадки, высказанныя авторомъ, относительно построенія Порхова Александромъ Невскимъ, совершенно основательны. Порховъ, очевидно, слѣдуетъ разумѣть въ числѣ городовъ, «срубленныхъ» Александромъ на Шелони. Закончивъ краткій обзоръ исторіи Порхова «подлинной смѣтной описью 1699 года» и отрывкомъ изъ дѣла 1767 г., хранящимся въ мѣстномъ полицейскомъ управленіи, г. Лебедевъ переходитъ къ обзору археологическихъ достопамятностей Порхова и заканчиваетъ описаніемъ важнѣйшихъ въ историческомъ отношеніи мѣстностей Порховскаго уѣзда. П. П.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Педагогика Л. Н. Толстого во французской оцѣнкѣ.—Его дѣтскіе разсказы и теорія воспитанія.—Примѣнимы ли фантазіи русскаго писателя къ французской жизни.—Отзывы серьезной критики о его педагогическихъ выводахъ.—Земля въ русскомъ романѣ.—Воспоминанія драгуна крымской арміи.—Русскій князь и жидовка.—Книга о Болгаріи.—Французская печать о германскомъ императорѣ: мнѣнія консерваторовъ и либераловъ.—Исторія Македоніи, изданная въ Филиполѣ.—Неизвѣстныя сочиненія д'Аламбера, найденныя Шарлемъ Ганри.—Мемуары генерала Клюзере о комунѣ.

РАНЦУЗЫ, изучивъ Л. Н. Толстого какъ романиста и мыслителя, переведя всѣ его романы, повѣсти, народныя и религіозныя произведенія, познакомились и съ его педагогическими сочиненіями. Они вышли въ двухъ томахъ, въ переводѣ Цейтлина и Жобера. Первый томъ, носящій названіе «Для дѣтей» (Pour les enfants) наполненъ мелкими разсказами и воспоминаніями изъ жизни автора, написанными исключительно для учениковъ. Второй томъ посвященъ теоріи воспитанія, педагогикѣ и называется «Школой Ясной Поляны» (Ecole de Iasnaïa Poliana, traduction par B. Tseytline et E. Jaubert). Объ этихъ книгахъ даетъ отзывъ одинъ изъ лучшихъ французскихъ педагоговъ Шарль Виго, въ лучшемъ журналѣ для воспитанія «Revue pédagogique». Оцѣнкѣ педагогическихъ пріемовъ и выводовъ русскаго писателя, критикъ предпосылаетъ взглядъ на «вторженіе Россіи, въ концѣ нынѣшняго столѣтія въ сферу европейскихъ державъ. Вошла она не только какъ военная сила, но и какъ власть интелигентная, какъ новый и могучій факторъ цивилизаціи. Изъ всѣхъ событій послѣдняго времени это едва ли не самое важное и нигдѣ вліяніе русской литературы не оставило такихъ глубокихъ слѣдовъ какъ во Франціи». Вліяніе это началось еще съ переводовъ на французскій языкъ Пушкина и Гоголя, но шло очень медленно. «Тургеневъ былъ звеномъ (trait d'union), соеди-

нившимъ его родину съ Франціею—его вторымъ отечествомъ по избранію». Русская литература привилась въ ней особенно съ 1870 года. Во взаимныхъ симпатіяхъ обѣихъ націй несомнѣнно принимала участіе политика, возбудившая общіе интересы и надежды, «которыя, однако, не слѣдуетъ преувеличивать», но, во всякомъ случаѣ, имѣвшая сильное вліяніе на «сближеніе самодержавной націи съ республиканскою». Причина успѣха русскихъ писателей во Франціи лежитъ впрочемъ гораздо глубже. Франція—страна старая и, чтобы обновляться въ вѣчномъ движеніи къ прогрессу, она должна проникаться свѣжими силами извнѣ. Въ теченіе четырехъ вѣковъ она подчинялась послѣдовательно вліянію сначала древнихъ, потомъ родственныхъ ей романскихъ племенъ Испаніи и Италіи, а въ XVIII вѣкѣ, въ эпоху романтизма, вліянію Англіи и Германіи. Теперь очередь за Россіей и ея оригинальной литературой, непохожей ни на романскую, ни на германскую. Франція нашла свою сестру въ славянской расѣ, «подвижной, часто вѣтреной (légère et frivole), но чувствительной, гуманной, способной къ героическимъ подвигамъ, великодушной и храброй, стремящейся къ высокому идеалу. Читая русскихъ писателей, понимаешь отчего ни войны первой имперіи, ни Крымская война не поселили взаимной ненависти въ сердцахъ націй, созданныхъ любить и понимать другъ друга. И если Франціи придется когда-нибудь отказаться отъ своей цивилизаторской миссіи въ человѣчествѣ—ея наслѣдницей на этомъ поприщѣ будетъ Россія». Послѣ такихъ восторженныхъ отзывовъ, критикъ говоритъ о значеніи Л. Н. Толстого, какъ самаго популярнаго изъ русскихъ писателей во Франціи. Сочиненія его, помимо ихъ литературнаго достоинства, проникнуты чистою моралью. Вся его жизнь доказываетъ его прямодушіе. «Что такое Россія», говоритъ критикъ: «классъ аристократовъ, немногочисленный, но пользующійся всѣми привиллегіями рожденія и богатства подъ неограниченнымъ правленіемъ. Возлѣ, почти безъ посредствующихъ, переходныхъ сословій, громадное населеніе крестьянъ, мужиковъ, вчерашнихъ рабовъ, человѣческаго стада, сегодняшнихъ рабовъ невѣжества, суевѣрія, пьянства, животныхъ инстинктовъ, деспотизма, но въ которыхъ живетъ духъ, еще не успѣвшій развиться. Графъ Толстой родился между привиллегированными и счастливыми, но, какъ великодушные французскіе вельможи конца XVIII вѣка, разрушившіе всѣ привиллегіи, какими они пользовались, онъ весь отдался національной идеѣ, проникающей всѣ его сочиненія. Онъ сталъ жить съ мужиками и раздѣлять ихъ работы. Своимъ примѣромъ онъ старался возвысить ручной трудъ, «хлѣбный», какъ онъ его называетъ. Это апостолъ, котораго считаютъ утопистомъ, помѣшаннымъ. Но когда совершится умственная и нравственная эмансипація мужика, ничье имя не будетъ произноситься съ такимъ уваженіемъ въ Россіи, какъ имя Льва Толстого». Это, конечно, опять увлеченіе, свойственное французамъ, но критикъ правъ, говоря, что главная идея Толстого, высказавшаяся и въ его «дикой, но великолѣпной» драмѣ (sauvage et superbe) «Власть тьмы»—то, что настоящій виновникъ всѣхъ преступленій и бѣдствій человѣчества, всѣхъ пороковъ — это невѣжество. Только одно образованіе можетъ сдѣлать людей лучше, жизнь отраднѣе, водворить на землѣ царство справедливости. Поэтому—просвѣщеніе народа было всегда главною заботою Л. Толстого. Онъ всегда находилъ, что Россія больше и прежде всего нуждается въ образованныхъ людяхъ, а не въ одникъ «благонамѣренныхъ патріотахъ», какъ полагаютъ иные руководители просвѣщенія. Л. Н. Толстой не удовольствовался пропаган-

дою своихъ идей въ книгахъ. Онъ задумалъ осуществить ихъ на дѣлѣ, сдѣлался самъ народнымъ учителемъ, педагогомъ. Въ своемъ имѣніи подлѣ Тулы онъ основалъ школу для крестьянъ, сдѣлался въ ней первымъ наставникомъ, помѣщая свои теоретическія и практическія замѣтки въ основанномъ имъ педагогическомъ журналѣ, издававшемся въ теченіе четырехъ лѣтъ 1862—66 г. Критикъ и педагогъ Шарль Биго очень хвалитъ разсказы «Для дѣтей», находя, что они одинаково понравятся русскимъ и французскимъ дѣтямъ, какъ исторія собаки, прозванной Булка, драматическій разсказъ объ охотѣ на медвѣдя и др. Но что касается до педагогическихъ идей Л. Толстого—«на практикѣ необходимо остерегаться людей, поддающихся фантазіи, какъ бы она ни была благонамѣренна и великодушна». Русскій писатель беретъ въ основаніе своихъ теорій—принципъ Жан-Жака Руссо, проводя его гораздо далѣе, чѣмъ дѣлаетъ это женевскій философъ. Человѣкъ родится добрымъ, портитъ его общество. Приходя въ школу Ясной Поляны, дѣти шумятъ, кричатъ и возятся сколько имъ угодно. Учитель ждетъ, когда они кончатъ и разсядутся гдѣ и какъ имъ угодно. Никакихъ приказаній, никакой дисциплины, никакихъ наказаній. Л. Н. Толстой увѣряетъ, что черезъ нѣсколько времени порядокъ установляется самъ собою: хорошіе ученики, желающіе учиться, сами принуждаютъ своихъ шумливыхъ товарищей успокоиться. Очень можетъ быть, прибавляетъ критикъ, что въ Россіи эта система приводитъ къ порядку, во Франціи она привела бы только къ анархіи. Учитель разсказываетъ подробно, какъ онъ училъ читать, писать, грамматикѣ, другимъ наукамъ, пѣнію. Менѣе всего удавалось ему преподаваніе грамматики, легче всего—ученье письму и правильному изложенію разсказовъ. Во всѣхъ его наблюденіяхъ и замѣчаніяхъ много вѣрнаго, но не мало и спорнаго. Главная цѣль Л. Толстого, чтобы ребенокъ учился играя и чтобы изъ ученія проистекало удовольствіе. Никакого утомленія—съ этимъ пожалуй можно согласиться, но неужели необходимо, чтобы ребенокъ не дѣлалъ никакихъ усилій? Трудъ—общій законъ въ жизни, но если онъ даже добровольный, то все-таки требуетъ усилій. Даже лѣнивый подъ вліяніемъ охватившей его страсти напрягаетъ всю свою дѣятельность, чтобы достигнуть цѣли. Предоставлять ребенку заниматься только когда онъ хочетъ, не значитъ ли плохо подготовлять его къ жизни, требующей серьезныхъ и часто тяжелыхъ усилій. Слишкомъ тяжелая дисциплина дѣлаетъ учениковъ тупыми, лишаетъ ихъ всякой инниціативы, заставляетъ ненавидѣть школу, но неужели она должна обойтись безъ всякой дисциплины? Человѣкъ въ жизни всегда подчиняется кому или чему-нибудь, хотя бы законамъ общества или природы. Откуда же онъ возьметъ эту привычку подчиненія законамъ необходимости, нравственности, порядка, обязанностямъ гражданина, если въ школѣ руководителемъ его будетъ только личный капризъ или произволъ? Самодѣятельность нужна въ Россіи, гдѣ до послѣдняго времени крестьянскій мальчикъ былъ вещью въ рукахъ помѣщика. Но французскій мальчикъ никогда не былъ вялъ и апатиченъ; это по натурѣ—маленькій революціонеръ, онъ всегда помнитъ о своихъ правахъ, потому-то его необходимо научить въ школѣ его обязанностямъ. Въ демократической странѣ необходимо, чтобы законы исполнялись свято. Въ заключеніе критикъ совѣтуетъ изучать книгу Толстого, проникнутую любовью къ народу и къ дѣтямъ, возбуждающую много мыслей, заставляющую думать. Не педагогическіе журналы относятся строже къ книгѣ о «Ясной Полянѣ». «Revue politique et littéraire», упомянувъ о томъ, что Эмиль Бержера предложилъ просить

графа Толстого пріѣхать во Францію и приложить къ какой-нибудь элементарной школѣ свою теорію преподаванія, говоритъ прямо, что теорія полной свободы для ученика, допускающая его все дѣлать, что ему угодно, или ровно ничего не дѣлать—положительно не мыслима и не примѣнима, такъ же какъ теорія невмѣшательства школы въ воспитаніе, которое, по мнѣнію русскаго педагога, должно быть чисто семейнымъ дѣломъ. Критикъ журнала «Le livre» иронически относится къ разсказамъ «Для дѣтей» и приводитъ одинъ изъ нихъ: «Мужикъ и огурцы», находя, что это подражаніе извѣстной басни Лафонтена о молочницѣ, строющей воздушные замки о томъ, какъ она продастъ молоко, купитъ куръ, заведетъ хозяйство и проч. Точно также и мужикъ, забравшись въ огородъ, чтобы украсть огурцовъ, разсуждаетъ, пока стемнѣетъ, какъ онъ продастъ эти огурцы, купитъ куръ, они нанесутъ яицъ и, продавъ ихъ, онъ купитъ свинью, потомъ кобылу, потомъ избу, заведетъ огородъ съ огурцами и поставитъ сторожей, чтобы огурцы не воровали, а самъ будетъ кричать: эй вы, смотрите хорошенько! И онъ такъ кричитъ эти слова, что его ловятъ между грядами и бьютъ. Критикъ не видитъ ничего эстетическаго, психологическаго и педагогическаго въ этомъ анекдотѣ и находитъ положительно невозможною главную мысль Толстого: «обучать, воспитать ребенка—это химера, абсурдъ, потому что ребенокъ ближе, чѣмъ всякій взрослый, къ этому идеалу гармоніи, прекраснаго, истиннаго, добраго, которому я имѣю претензіи научить его. Сознаніе этого идеала въ немъ гораздо сильнѣе чѣмъ во мнѣ». Недаромъ, извѣстный критикъ Метью Арнольдъ въ журналѣ «Fortnightly review» сожалѣетъ, что Толстой изъ даровитаго романиста превратился въ проповѣдника и моралиста, находя дурнымъ все то, что прежде считалъ хорошимъ. Этотъ переворотъ въ мысляхъ возможенъ, но нисколько не обязываетъ соглашаться съ авторомъ, и признавать нынѣшнюю точку зрѣнія его непреложною, а прежнюю ошибочною.

— Успѣхъ послѣдняго романа Зола «Земля», не смотря на цинизмъ этого произведенія, вѣроятно, побудилъ Делиня составить довольно странную компиляцію «Земля въ русскомъ романѣ» (La terre dans le roman russe, par Michel Deslines). Авторъ такъ опредѣляетъ цѣль своей книги: «Русская земля никогда не подниметъ своего голоса противъ русской литературы. Всѣ ея писатели, какъ знаменитые, такъ и самые скромные, отзываются о землѣ со словами благодарности; всѣ они почитаютъ ее своею матерью, вскормившею ихъ и считаютъ, что ей обязаны они всѣми пріобрѣтенными ими знаніями». Чтобы доказать этотъ тезисъ, авторъ извлекаетъ сцены, картины, описанія, относящіяся къ землѣ изъ сочиненій Л. Толстого, Щедрина, Тургенева, Григоровича. Три четверти книги заняты выписками изъ Толстого. Можно было посвятить этой темѣ небольшую статью или брошюру, но составлять объ этомъ цѣлую книгу—странно, и чтеніе ея не приноситъ большого удовольствія.

— «Воспоминанія драгуна крымской арміи» (Souvenirs d'un dragon de l'armée de Crimée, avril 1854—juillet 1856, par Ch. Mismer) читаются съ большимъ интересомъ. Авторъ игралъ очень скромную роль въ этой эпопеѣ. Ефрейторъ одного изъ кавалерійскихъ полковъ, онъ послѣ четырехлѣтней службы во Франціи, отправился въ крымскій походъ, съ цѣлью заслужить эполеты и вернулся оттуда черезъ два года не болѣе какъ вахмистромъ, потерявъ всѣ иллюзіи и разочаровавшись въ своихъ надеждахъ. Онъ даже не имѣлъ случая обнажить саблю, такъ какъ кавалерія почти не принимала участія въ

осадѣ Севастополя. Но тѣмъ не менѣе наблюденія и замѣтки автора обо всемъ, что онъ видѣлъ и испыталъ, очень любопытны. Между прочимъ, онъ возстаетъ противъ частыхъ перемѣнъ въ обмундированіи и экипировкѣ войскъ. Каждый новый военный министръ считаетъ своимъ долгомъ сдѣлать какое-нибудь нововведеніе въ одеждѣ или оружіи солдатъ, и такъ какъ самихъ солдатъ никогда не спрашиваютъ, удобна для нихъ или нѣтъ, такая-то перемѣна въ амуниціи, то всѣ эти нововведенія оказываются по большей части непригодными, и въ войнахъ, и на походѣ, солдаты бросаютъ ихъ съ первыхъ шаговъ. Разсказъ автора отличается простодушіемъ и правдивостью.

— Кетлинъ О'Мира написала двухтомный романъ изъ русской жизни «Нарка» (Narka, by Kathleen O'Meara). Героиня романа — жидовка, жертва гоненія русскихъ властей, герой Василій—князь и революціонеръ, слабый и безхарактерный, человѣкъ злой, хотя и съ добрыми намѣреніями. Англійская критика видитъ въ немъ настоящій русскій типъ и восхищается твердостью характера «Нарки» прекрасно очерченнаго. Похожденія Василія разнообразны и романтичны. Онъ любитъ трехъ женщинъ въ одно время, обманываетъ лучшую изъ нихъ, измѣняетъ своимъ принципамъ въ угоду другой, кроткаго и слабаго созданія и, наконецъ, дѣлается совершеннымъ рабомъ третьей, принадлежащей къ высшему классу общества. Все это вѣрно съ психологической стороны, но этнографическая оставляетъ желать весьма многаго. Миссъ О'Мира очевидно мало знакома съ жизнью, которую она взялась изображать и мѣстный колоритъ ея произведенія очень слабъ.

— Авторъ хорошей книги о Румыніи, появившейся еще въ 1882 году, Джемсъ Самуэльсонъ, написалъ этюдъ о «Болгаріи, бывшей и настоящей» (Bulgaria past and present). Прошедшее Болгаріи авторъ разсказываетъ въ сжатомъ очеркѣ, но подробно передаетъ ея исторію, начиная съ правленія князя Александра, говоритъ много о сербской войнѣ, о «русскихъ интригахъ» о вступленіи въ управленіе принца Кобургскаго. Много тутъ ложнаго и пристрастнаго, но книга англійскаго еврея все-таки лучше и правдивѣе сочиненія о Болгаріи протестантскаго пастора Куна. Что авторъ книги еврей, доказываетъ ея плохой, не только не литературный языкъ, но часто неправильный грамматически. Въ концѣ книги помѣщенъ подробный библіографическій списокъ всего, что написано о Болгаріи, и авторъ сознается, что онъ много заимствовалъ изъ сочиненій своихъ предшественниковъ. Отдѣльныя главы посвящены болгарскимъ финансамъ и торговлѣ, также этнографическому описанію различныхъ мѣстностей.

— Кончина императора Вильгельма I послужила, конечно, поводомъ къ появленію множества брошюръ и статей въ періодическихъ изданіяхъ. Все, что до сихъ поръ появилось на нѣмецкомъ языкѣ — сплошной панегирикъ. Гораздо любопытнѣе статьи французской печати, отзывающейся о покойномъ сдержанно и безпристрастно, хотя и не безъ примѣси нѣкоторой горечи. Мы приведемъ отзывы двухъ противоположныхъ партій, консервативно-монархической и либерально-республиканской. Въ органѣ первой, журналѣ «Le Correspondant», даровитый дипломатъ Гонто-Биронъ, сказавъ, что передъ величіемъ смерти должны умолкнуть самыя справедливыя жалобы, рисуетъ портретъ императора, обладавшаго «неотразимою привлекательностью, кумира своего двора и своихъ солдатъ, для которыхъ онъ олицетворялъ народную гордость и служилъ воплощеніемъ побѣды». Но побѣда, осыпавшая его подъ конецъ поприща блестящими лаврами, не была удѣломъ его родины въ годы

его дѣтства. Принужденный бѣжать со своею матерью, королевою Луизою въ Кенигсбергъ отъ побѣдоносныхъ полчищъ Наполеона, онъ семнадцатилѣтнимъ юношей принималъ участіе въ низверженіи французской имперіи. Затѣмъ, въ 1848 году, ему пришлось бѣжать изъ своего отечества отъ гнѣва народа, видѣвшаго въ немъ опору реакціи и деспотизма. Только впослѣдствіи, сдѣлавшись наслѣдникомъ прусскаго престола, онъ началъ неуклонно стремиться къ завѣтной цѣли Гогенцоллерновъ—объединенію Германіи и подчиненію ея прусской коронѣ. Для этого надобно было побороть внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, мелкихъ нѣмецкихъ владѣльцевъ, крупную, но лишенную всякой самостоятельности Австрію, а внутри страны — оппозицію прусскаго парламента. Въ семь лѣтъ цѣль была достигнута. Тогда возникла война съ Франціей, кончившаяся уничтоженіемъ одной имперіи и возобновленіемъ другой, въ центрѣ Европы, съ сорокашестимилліоннымъ населеніемъ. Этихъ безпримѣрныхъ въ исторіи успѣховъ Вильгельмъ I достигъ въ короткое время съ помощью своей арміи, выросшей въ традиціяхъ повиновенія и дисциплины, и съ помощью сотрудниковъ, дипломатической и военной славѣ которыхъ монархъ никогда не завидовалъ, признавая ихъ заслуги и дарованія. Съ тѣхъ поръ онъ твердо охранялъ миръ въ Европѣ, не смотря на воинственныя стремленія нѣкоторыхъ изъ его совѣтниковъ. Гонто-Биронъ былъ шесть лѣтъ посланникомъ въ Берлинѣ и отдаетъ полную справедливость высокимъ качествамъ императора и всего его двора, хотя находитъ, что по отношенію къ Франціи покойный монархъ могъ бы быть великодушнѣе и гуманнѣе.

— Профессоръ Эрнестъ Лависсъ, въ замѣчательной статьѣ «Мѣсто императора Вильгельма въ исторіи» (La place de l'Empereur Guillaume dans l'histoire) помѣщенной въ «Revue politique et littéraire», говоритъ сначала о значеніи германской имперіи и роли въ ней Пруссіи. «Германія—продуктъ естественный: она существуетъ потому, что есть нѣмецкое племя. Пруссія—продуктъ воли и существуетъ только потому, что ее организовали». Германія, сплотившаяся въ IX вѣкѣ изъ саксонцевъ, баварцевъ, швабовъ и другихъ племенъ, не знала еще своего имени, даннаго ей въ X вѣкѣ Италіей. Покоренная франкомъ Карломъ Великимъ, она называлась Франконіей. И теперь французы называютъ ее Allemagne, по имени давно исчезнувшаго племени аллемановъ. Сами нѣмцы зовутъ ее Deutschland—земля тевтоновъ. Одинъ изъ ея королей отправился въ Римъ и короновался тамъ цезаремъ и императоромъ. Съ тѣхъ поръ Германія начала называться святою римскою имперіею и подъ этимъ страннымъ названіемъ просуществовала до Наполеона, который считалъ себя наслѣдникомъ Цезаря и Карла Великаго, и приказалъ, послѣ Аустерлица, германскому императору называться только австрійскимъ императоромъ. У этой имперіи не было ни опредѣленныхъ границъ, ни столицы: въ одномъ городѣ выбирали императоровъ, въ другомъ ихъ короновали, въ третьемъ хоронили. Власть ихъ была только номинальная. Каждый феодалъ въ своемъ замкѣ былъ независимымъ властителемъ, герцоги дрались между собою, города враждовали съ городами. Реформація могла бы положить конецъ анархіи и начало объединенію, но папы не хотѣли выпускать изъ своихъ рукъ такую выгодную паству и религіозныя войны, длившіяся чуть не цѣлое столѣтіе, снова опустошили и обезлюдили Германію. Между ея мелкими владѣніями было Бранденбургское курфюршество, гдѣ еще въ средніе вѣка жили славяне, да балтійское поморье, занятое тѣмъ же племе-

немъ и литовскими поруссами. Ихъ соединили подъ своей властью Гогенцоллерны. По вестфальскому миру они утвердились въ странѣ между Эльбою и Одеромъ, получили клочекъ земли на Рейнѣ, а въ началѣ XVIII вѣка королевскій титулъ. Это королевство создалось и поддерживалось войною, сильною арміею. Армію эту уничтожилъ Наполеонъ, но былъ, въ свою очередь, уничтоженъ соединенными силами Европы, во главѣ которой Россія, мстя за сожженіе своей столицы, вступила въ столицу Франціи. Въ свитѣ русскаго императора былъ прусскій принцъ, получившій русскій военный орденъ Георгія. Черезъ 56 лѣтъ онъ снова явился въ Парижъ, но на этотъ разъ завоевателемъ, покорителемъ Франціи, императоромъ объединенной Германіи. Къ этому объединенію онъ готовился въ теченіе полстолѣтія, идя медленными, но вѣрными шагами къ заранѣе намѣченной цѣли. И подъ его скипетромъ Германія преобразовалась въ военную имперію, гдѣ чуть не всякій гражданинъ, кромѣ дѣтей и стариковъ, принадлежитъ, если не къ ландверу, то къ ландштурму, то есть къ вооруженному ополченію и обязанъ подняться для отраженія непріятеля, или для нападенія на него, по призыву своего императора. Внѣшняя военная сила имперіи громадна, но прочна ли она и долго ли народъ будетъ въ состояніи выдерживать непосильный гнетъ непомѣрныхъ вооруженій—это трудно опредѣлить. Вильгельмъ I называлъ себя всегда солдатомъ, обращалъ все вниманіе только на войско, въ минуты предсмертнаго бреда говорилъ объ арміи. Но однимъ ли солдатомъ долженъ быть императоръ? «Богъ мира и милосердія сказалъ: извлекшій мечъ, мечемъ и погибнетъ». Этими словами оканчивается статья Лависса.

— Въ Филиппополѣ вышла книга «Македонія съ точки зрѣнія этнографической, исторической и филологической» (La Macedoine du point de vue éthnographique, historique et philologique par Ofeïcoff). Это переводъ уже нѣсколько лѣтъ появившагося на болгарскомъ языкѣ «Македонскаго сборника». Переведенъ, впрочемъ, не весь сборникъ и отброшена вторая часть его, заключающая въ себѣ до 1500 народныхъ пѣсенъ, собранныхъ въ Македоніи. Тѣмъ не менѣе трудъ Офейкова на языкѣ, доступномъ всей Европѣ, даетъ вѣрное и полное понятіе о странѣ, извѣстной менѣе всѣхъ другихъ славянскихъ странъ. Македонія—послѣ Болгаріи самое больное мѣсто Балканскаго полуострова. Возвращенная Турціи по берлинскому трактату, тогда какъ по сан-стефанскому она должна была составить нераздѣлимую часть великой Болгаріи, страна эта, понятно, не могла спокойно подчиниться рѣшенію конгресса и съ тѣхъ поръ находится въ постоянномъ броженіи, твердо увѣренная, что рано или поздно соединится со своимъ общимъ отечествомъ, вопреки всякимъ дипломатическимъ постановленіямъ, какъ соединилась Молдавія съ Валахіей и Болгарія съ восточной Румеліей. Но въ послѣднее время на Македонію стали заявлять свои претензіи Греція и Сербія, первая потому, что въ странѣ живетъ до 60,000 грековъ (тогда какъ болгаръ болѣе 1.124,000), вторая потому, что населеніе страны было когда-то сербское и сербскій король Душанъ назывался царемъ болгарскимъ. Офейковъ пространно доказываетъ историческими документами и цитатами ученыхъ всѣхъ странъ неосновательность греческихъ и сербскихъ притязаній. Съ его доказательствами, совершенно излишними для насъ, не мѣшаетъ ближе ознакомиться другимъ державамъ. Принадлежность македонцевъ къ болгарскому племени доказывается также въ книгѣ исторіею страны и, главное, языкомъ ея жителей. Особенно убѣдительны въ этомъ отношеніи филологическія дан-

ныя и выводы, приводимыя авторомъ, хотя лингвистическія изслѣдованія болгарскаго языка, грамматическій разборъ его словъ и цѣлыя страницы цитатъ на этомъ языкѣ, будутъ непонятны для французовъ и вообще западныхъ ученыхъ, мало знакомыхъ съ славянскими нарѣчіями и русскимъ алфавитомъ. Приводится также много документовъ на греческомъ и церковно-славянскомъ языкахъ, подробно разбирается различіе македонскаго нарѣчія отъ общеупотребительнаго ѳрако-мезійскаго и малоупотребительныхъ родопскаго и шопскаго. Въ концѣ книги приводятся изслѣдованія г. Ястребова, относящіяся къ Македоніи, и разборъ ихъ, написанный г. Дриновымъ и помѣщенный въ «Извѣстіяхъ» нашего славянскаго комитета въ 1887 году. Къ книгѣ приложены двѣ карты; одна на русскомъ языкѣ: сербы въ VIII столѣтіи, другая на французскомъ языкѣ, этнографическая карта Турціи и ея вассальныхъ земель, составленная извѣстнымъ ученымъ Лежаномъ.

— Намъ не разъ приходилось отдавать отчетъ о сочиненіяхъ Шарля Генри, замѣчательнаго писателя, библіофила, инженера и математика. Въ 1884 году мы помѣстили въ нашемъ журналѣ найденную и доставленную имъ переписку Екатерины II съ д'Аламберомъ. Теперь онъ напечаталъ «Неизданныя сочиненія и корреспонденція д'Аламбера «(Oeuvres et correspondances inédites de d'Alambert, publiées avec introduction, notes et appendice par M. Charles Henry). Книга эта значительно пополняетъ наши свѣдѣнія о знаменитомъ энциклопедистѣ, сочиненія котораго тщательно изучены Шарлемъ Генри, отыскавшимъ во французскихъ архивахъ много отрывковъ и писемъ остававшихся неизвѣстными. Все это собрано въ вышедшемъ нынѣ томѣ и прочтется, конечно, съ большимъ интересомъ, какъ все, что писалъ этотъ замѣчательный философъ, которому русская императрица хотѣла поручить воспитаніе своего сына, а прусскій король писалъ французскіе стихи, утѣшая его, когда въ 1760 году во Франціи запретили «Энциклопедію» и сожгли публично сочиненія философа. Восьмнадцать найденныхъ Шарлемъ Генри статей д'Аламбера относятся къ философіи, исторіи, литературѣ и музыкѣ. Изъ нихъ особенно замѣчательны разсужденія объ истинной религіи, свободѣ и существованіи Бога, объ уничтоженіи іезуитовъ, объ академіи, печати, поэзіи, теорія музыки. Особенно интересна вторая половина книги, гдѣ помѣщена переписка философа съ Екатериной II, дѣвицей Леспинасъ и Вольтеромъ. Изъ 33-хъ писемъ корреспонденцій д'Аламбера съ Шуваловымъ, Панинымъ, Бецкимъ и др., десять писемъ принадлежатъ императрицѣ и относятся—пять первыхъ къ 1762—1767 годамъ и пять послѣднихъ къ 1772 году. 22 письма изъ этой корреспонденціи напечатаны въ «Историч. Вѣстникѣ» (т. XVII, май—іюнь, 1884 г.), семь—въ «Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества», пять являются въ первый разъ. Письма д'Аламбера къ разнымъ лицамъ, касающіяся математики, какъ слишкомъ спеціальныя, изданы Шарлемъ Генри отдѣльной книгой.

— Вышли «Мемуары генерала Клюзере о второй осадѣ Парижа» (Mémoires du géneral Cluseret.—2-e siège de Paris). Изо всѣхъ комунаровъ Клюзере, безспорно, храбрый воинъ, но, въ то же время соціалистъ, серьезно убѣжденный въ возможности и пользѣ соціальной революціи. Его искренность и правдивость также не подвержены сомнѣнію и, съ этой точки зрѣнія, его записки о событіяхъ 1871 года заслуживаютъ, конечно, вниманія. Со времени комуны прошло 18 лѣтъ — роковой срокъ, дольше котораго не существовало ни одно правительство во Франціи, начиная съ конца прошлаго

столѣтія, съ царствованія Людовика XVI. Судя по тому, что происходитъ теперь во Франціи, гдѣ честолюбивый, хотя и мало даровитый генералъ добивается диктатуры и уничтоженія республиканской конституціи, составленной въ 1875 году приверженцами монархіи, изученіе причинъ, ведущихъ или дающихъ поводъ къ переворотамъ, особенно важно въ настоящее время. Печальная судьба, постигшая комуну, нисколько не поколебала убѣжденій Клюзере въ законности ея существованія и, между тѣмъ, онъ относится къ комунѣ такъ строго, разоблачаетъ такъ безпощадно всѣ ея преступленія и ошибки, какъ не дѣлалъ этого ни одинъ историкъ версальской или консервативной партіи. Національное собраніе, бѣжавшее въ Версаль послѣ возстанія Парижа и убійства двухъ генераловъ — преступленія отвратительнаго, но въ которомъ не участвовали ни центральный комитетъ, ни большинство инсургентовъ — было самое реакціонерное. Парижъ помнилъ еще, какимъ страшнымъ казнямъ подвергло его, за іюньскіе дни 1848 года, собраніе болѣе республиканское, но подчинившееся безсердечному Кавеньяку. Немудрено, что ждали такихъ же кровавыхъ репрессалій отъ версальцевъ, назначившихъ командиромъ національной гвардіи генерала Винуа, одного изъ самыхъ свирѣпыхъ сообщниковъ преступленія 2-го декабря. И поэтому многіе, даже далеко не крайніе, республиканцы присоединились къ комунѣ, ожидая отъ нея спасенія. Но она запятнала себя еще болѣе гнусными злодѣйствами, чѣмъ убійство генераловъ Клемана и Тома́—разстрѣляніемъ архіепископа, заложниковъ, доминиканцевъ, множествомъ возмутительныхъ, нелѣпыхъ, беззаконныхъ мѣръ и постановленій. Ничего не скрывая, Клюзере описываетъ анархическое правленіе комуны, бездарность, произволъ ея вождей, оргіи Вержере, глупости Риго, уничтожившаго вмѣстѣ религію и полицію. И когда Клюзере устраивалъ защиту парижскихъ фортовъ, собиралъ артиллерію, въ 20 дней организовалъ и дисциплинировалъ сорокатысячную армію въ замѣнъ пьянствовавшихъ національныхъ гвардейцевъ, Россель и Делеклюзъ, завидовавшіе Клюзере, заперли его въ тюрьму по подозрѣнію въ диктатурѣ и выпустили только въ день вступленія версальцевъ въ Парижъ. И, не смотря на сознаніе самого Клюзере, что комунары погубили комуну, онъ ждетъ всетаки отъ нея улучшенія всего подгнившаго строя французскаго общества. Онъ совѣтуетъ только народу выбирать своихъ правителей изъ рабочаго класса, а не изъ буржуазіи, какъ будто буржуа не былъ такимъ же рабочимъ, пока не пріобрѣлъ капитала, то есть плода и результата того же труда, только скопленнаго въ теченіе долгаго времени и иногда многими лицами. Вообще, непонятна эта непріязнь къ буржуазіи, не составляющей привилегированной касты, закрытой для народа, какою было дворянство. Сегодняшній рабочій можетъ быть завтрашнимъ буржуа и наоборотъ. Конекъ Клюзере—это комунализмъ, то есть такое правленіе, въ которомъ полная свобода предоставляется каждой комунѣ, а центральная власть принадлежитъ федераціи, съ весьма ограниченною властью, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, — прибавляетъ Клюзере. Но въ этомъ онъ очень ошибается. Заатлантическая республика — федерація, но штаты ея вовсе не комуна и въ нихъ, напротивъ, права общины очень ограничены. Независимость 36,000 французскихъ общинъ была бы несчастіемъ для страны, возвращеніемъ къ среднимъ вѣкамъ, когда правительства представляли только грубую силу. Въ наше время мѣстный деспотизмъ общинъ свирѣпствуетъ хуже наполеоновскаго деспотизма.

СМѢСЬ.

Храмъ въ Херсонесѣ Таврическомъ. Какъ извѣстно, Синодомъ установленъ особый порядокъ празднованія девятисотлѣтія крещенія русскаго народа въ Кіевѣ. Кромѣ того, къ этому дню во всѣ православные храмы имперіи будутъ разосланы службы и акафистъ Равноапостольному князю Владиміру съ изображеніемъ св. князя. Въ день торжества будетъ приведенъ въ благоустроенный видъ нижній храмъ въ честь Пресвятыя Богородицы, строющійся въ Херсонесѣ Таврическомъ, на мѣстѣ, гдѣ крестился князь Владиміръ. Храмъ на этомъ мѣстѣ имѣлъ намѣреніе построить Александръ I, посѣтившій въ послѣдніе дни своей жизни Крымъ. Императоръ Александръ Николаевичъ, желая привести въ исполненіе намѣреніе своего дяди, въ 1858 г. повелѣлъ составить проектъ на постройку храма въ честь князя Владиміра на мѣстѣ откопанной церкви Рождества Христова, остатки котораго, благодаря трудамъ археолога графа А. С. Уварова, удалось открыть. Составленный профессоромъ архитектуры Д. И. Гриммомъ, по предначертаніямъ государя, планъ и фасадъ храма былъ высочайше утвержденъ. Покойный государь 23-го августа 1861 г., прибывъ въ Херсонескій монастырь съ государынею Маріею Александровной, великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ и великою княжною Маріей Александровной, собственноручно совершилъ закладку храма. Въ 1867 г. великій князь Владиміръ Александровичъ принялъ на себя званіе ктитора храма. На постройку храма отпущены средства изъ государственнаго казначейства. Памятникъ на мѣстѣ крещенія князя Владиміра имѣетъ грандіозный видъ. На немъ весьма свѣтлый, высокій куполъ, увѣнчанный вызолоченымъ четырехконечнымъ крестомъ. Новый храмъ заключаетъ въ себѣ, какъ въ футлярѣ, откопанный древній храмъ, стѣны котораго вошли въ стѣны нижняго храма. Въ верхнемъ этажѣ будутъ три престола: главный во имя Владиміра и два боковыхъ—во имя Александра Невскаго и въ честь Андрея Первозваннаго. Всѣ работы по внутренней отдѣлкѣ храма должны быть окончены въ 1891 г. Храмъ будетъ снабженъ утварью и ризницею изъ кабинета его величества.

Памятникъ въ Асхабадѣ. Артиллеристы, участвовавшіе въ Ахалъ-Текинской экспедиціи, давно уже задумали поставить въ Асхабадѣ памятникъ своимъ павшимъ боевымъ товарищамъ. Въ 1886 г. указано для памятника мѣсто, а 12-го января этого года получено разрѣшеніе на торжественное его открытіе. Командующій войсками области, генералъ-лейтенантъ Комаровъ, отъѣзжая въ Петербургъ, высказалъ желаніе, чтобы открытіе памятника не откладывалось до его возвращенія. Воспользовавшись наступившими теплыми днями, до періодическихъ весеннихъ дождей, артиллеристы, участники Ахалъ-Текинской экспедиціи, разослали по области приглашенія на открытіе памятника товарищамъ артиллеристамъ и участникамъ экспедиціи 1879, 1880 и 1881 гг. 23-го февраля, въ день, назначенный для освященія памятника, небольшая площадь передъ домомъ командующаго войсками съ утра стала наполняться народомъ, а войска, назначенныя на парадъ, расположились покоемъ вокругъ памятника. Около половины одиннадцатаго завѣдующій артиллерійскою частью въ Закаспійской области, генералъ-маіоръ Мазингъ, прибылъ на мѣсто торжества и былъ встрѣченъ войсками. Вслѣдъ затѣмъ, прибыло духовенство съ хоругвями. Служеніе началось панихидою и, вмѣстѣ съ провозглашеніемъ вѣчной памяти болярину Михаилу (Скобелеву) и убіеннымъ въ 1879, 1880 и 1881 гг. подъ Геокъ-Тепе, артиллерія залпами напомнила ту обстановку, при которой пали поминаемые. Провозглашеніе же послѣ молебна многолѣтія государю и августѣйшей фамиліи было сопровождаемо троекратными залпами изъ восьми орудій. Затѣмъ, покровъ спалъ съ памятника, пушечная пальба слилась съ хоромъ пѣвчихъ, и священникъ, сопутствуемый хоругвями, три раза обошелъ памятникъ, окропляя его святою водою. Торжество заключилось церемоніальнымъ маршемъ. Памятникъ состоитъ изъ чугунной колонны на чугунномъ же квадратномъ пьедесталѣ съ надписями на одномъ медаліонѣ: «Артиллеристы артиллеристамъ убитымъ и умершимъ отъ ранъ при осадѣ и штурмѣ Геокъ-Тепе съ 24 октября 1880 года по 12-е января 1881 г.» На противуположномъ медаліонѣ: «убиты: генералъ-маіоръ Петрусевичъ, подполковникъ Мамацевъ, штабсъ-капитанъ Грекъ, умерли отъ ранъ: капитанъ-лейтенантъ Зубовъ, капитанъ Миткевичъ-Волчанскій, поручикъ Юреневъ, подпоручикъ князь Херхеулидзе».

Пятидесятилѣтняя годовщина смерти Полежаева. 16 января 1838 г. умеръ въ московскомъ военномъ госпиталѣ даровитый поэтъ Александръ Ивановичъ Полежаевъ. Въ Петербургѣ готовится новое изданіе его стихотвореній подъ редакціей извѣстнаго знатока нашей литературы и библіографіи, П. А. Ефремова. До выпуска въ свѣтъ этого изданія, онъ помѣстилъ въ новомъ журналѣ «Пантеонъ литературы» статью, посвященную «памяти Полежаева». Въ статьѣ этой много новыхъ подробностей, относящихся къ жизни поэта и исправляющихъ ошибочныя показанія прежнихъ его біографовъ. Такъ г. Ефремовъ исправляетъ показаніе г. Рябинина, въ «Русскомъ Архивѣ» 1881 г., приписавшаго Полежаеву всѣ грязныя похожденія героя его поэмы «Сашка», на котораго, какъ и на многихъ своихъ друзей, поэтъ чтобы похвастать своимъ молодечествомъ всклепалъ множество безобразныхъ выходокъ, какихъ вовсе не было въ кутежахъ московской университетской молодежи конца двадцатыхъ годовъ. Извѣстно, что за эту поэму кончившій уже курсъ студентъ Полежаевъ былъ сданъ въ солдаты. Почти вся поэма напечатана въ 1881 году за исключеніемъ трехъ рѣзкихъ строфъ. Не вынося тогдашней казарменной жизни и не получая отвѣта на свои просьбы о помилованіи, Полежаевъ самовольно оставилъ полкъ, и пошелъ пѣшкомъ въ Петербургъ, чтобы подать просьбу государю, но, одумавшись, вернулся съ дороги и явился къ своему начальству. За это онъ изъ унтеръ-офицеровъ разжалованъ въ рядовые безъ выслуги и лишенъ личнаго дворянства. Онъ началъ пить и однажды выбранилъ своего фельдфебеля. За это онъ почти годъ просидѣлъ въ кандалахъ и ему угрожало прогнаніе сквозь строй, но дивизіонный генералъ

Набоковъ простилъ поэта «по молодости лѣтъ» (ему было 23 года). Потомъ онъ участвовалъ въ экспедиціяхъ противъ горцевъ и получилъ опять унтеръ-офицерское званіе «за отличіе». Но жизнь его была уже надломлена—и онъ умеръ 33-хъ лѣтъ отъ чахотки, развившейся отъ пьянства и житейскихъ невзгодъ. Лучшая характеристика поэта принадлежитъ Бѣлинскому, погрѣшившему только въ своемъ выводѣ о поэтѣ: «Полежаевъ, кромѣ самого себя, никого не имѣлъ права обвинять въ своей гибели.» Добролюбовъ давно впрочемъ доказалъ неосновательность этого приговора. Статья г. Ефремова оканчивается разборомъ послѣдняго изданія стихотвореній Полежаева, принадлежащаго московскому книгопродавцу Улитину, изданія во всѣхъ отношеніяхъ плохого и неполнаго.

Двадцатипятилѣтній юбилей графа Саліаса. 25-го марта, кружокъ московскихъ писателей, ученыхъ и почитателей таланта графа Евгенія Андреевича Саліаса чествовалъ двадцатипятилѣтіе его литературной дѣятельности. Е. А. Саліасъ -де-Турнемиръ, родился въ 1842 г., въ Москвѣ. Его мать, рожденная Е. В. Сухово-Кобылина, извѣстная русская писательница (авторъ романа «Племянница» и др.), печатавшая свои произведенія подъ псевдонимомъ Евгенія Туръ, была замужемъ за французомъ, вслѣдствіе чего, по основнымъ законамъ Россіи и Франціи,—ея сынъ, графъ Е. А. Саліасъ, будучи отъ рожденія православнымъ, сталъ французскимъ подданнымъ. Въ 1862 г. Е. А. Саліасъ написалъ свою первую повѣсть и уѣхалъ за границу, гдѣ написалъ рядъ разсказовъ и повѣстей, и, посѣтивъ Испанію, описалъ путешествіе по ней. Возвратясь въ Россію, онъ въ 1867 г. съ успѣхомъ выступилъ въ качествѣ защитника по уголовному отдѣленію тульскаго окружнаго суда, но въ число присяжныхъ повѣренныхъ, какъ французскій подданный, хотя и бывшій въ русскомъ университетѣ, принятъ быть не могъ. Тогда онъ рѣшилъ опредѣлиться, по примѣру другихъ иностранныхъ подданныхъ, въ военную службу. Въ 1868 г. онъ получилъ на это именной разрѣшительный эдиктъ Наполеона III, но съ условіемъ—не поднимать оружія противъ Франціи, а равно и ея союзниковъ. При такихъ условіяхъ, военное начальство не сочло возможнымъ зачислить Е. А. Саліаса въ русское войско. Въ 1869 г. Е. А. Саліасъ былъ опредѣленъ на службу въ Тамбовѣ, при тогдашнемъ тамбовскомъ губернаторѣ Н. М. Гартингѣ, при которомъ состоялъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, чиновникомъ по особымъ порученіямъ, помощникомъ секретаря статистическаго комитета и редакторомъ «Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Результатомъ его занятій въ мѣстныхъ архивахъ явилась книга: «Поэтъ-Намѣстникъ»,—описаніе губернаторства Державина въ Тамбовѣ, въ царствованіе Екатерины II. Въ это же время онъ написалъ романъ «Пугачевцы», который появился въ 1873 г. и сдѣлалъ имя графа Саліаса извѣстнымъ въ литературѣ. Въ 1875 г. Е. А. Саліасу было предложено принять на себя обязанности редактора «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», но эту должность онъ вскорѣ же оставилъ. Романистъ не былъ рожденъ журналистомъ. Въ декабрѣ 1876 г. Е. А. Саліасъ былъ принятъ, по высочайшему повелѣнію, въ русское подданство и зачисленъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Чрезъ пять лѣтъ онъ получилъ должность управляющаго конторою московскихъ театровъ, затѣмъ завѣдывающаго ихъ художественною частью и, наконецъ, мѣсто завѣдывающаго московскимъ отдѣленіемъ архива министерства императорскаго двора, которое занимаетъ и теперь. 25 лѣтъ тому назадъ, въ 1863 г., въ «Библіотекѣ для Чтенія», издававшейся Писемскимъ, явилась повѣсть Е. А. Саліаса: «Ксаня чудная», посвященная его матери и подписанная псевдонимомъ Вадимъ. Послѣ ряда другихъ разсказовъ и повѣстей («Тьма», «Манжажа», «Еврейка») и «Писемъ изъ Испаніи», явившихся подъ тѣмъ же псевдонимомъ, Е. А. Саліасъ остановился, наконецъ, на историческомъ романѣ. Первый его историческій романъ «Пугачевцы» явился въ «Русскомъ Вѣстникѣ» подъ собственнымъ именемъ автора, первоначально въ отрывкахъ:

«Бѣгуны» и «Земцы и нѣмцы». При написаніи этого романа, авторъ собиралъ матеріалы въ архивахъ и предпринималъ поѣздки по тѣмъ мѣстамъ, которыя были театромъ дѣйствій Пугачева. Кромѣ вышеупомянутыхъ четырехъ бытовыхъ разсказовъ и романа «Пугачевцы», Е. А. Саліасу принадлежатъ повѣсти, очерки и статьи: «Los Novios», «Мадонна», «Найденышъ» (неоконченный романъ), «Братья Орловы», «Волга», «Испанія» и «Андалузскія легенды», большая часть которыхъ появилась въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Въ «Огонькѣ» 1879 — 1881 гг. были помѣщены его историческіе романы: «Моръ» («На Москвѣ»), «Принцесса Володимірская» и повѣсть «Графъ Тятинь-Балтійскій»; въ «Русской Мысли»—историческій романъ «Петербургское дѣйство» и въ «Нивѣ» 1885 — 1877 гг.— историческіе романы: «Милліонъ», «Кудесникъ» и «Яунъ-Кундзе». Въ 1881 г. Е. А. Саліасъ предпринялъ изданіе ежемѣсячнаго журнала «Полярная Звѣзда», гдѣ было помѣщено начало его романа «Вольнодумцы», составляющаго продолженіе «Пугачевцевъ». Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» напечатаны его повѣсти: «Донскіе гишпанцы», «Свадебный бунтъ», «Аракчеевскій сынокъ» и въ «Новомъ Времени» — «Камеръ-юнгфера». Въ Москвѣ надняхъ явилось юбилейное изданіе г. Карцева перваго произведенія графа Е. А. Саліаса «Искра Божья» («Ксаня»). Къ этому изданію приложенъ портретъ автора, гравированный на стали въ Лейпцигѣ.

† 2-го марта видный русскій общественный дѣятель въ Прибалтійскомъ краѣ, редакторъ «Рижскаго Вѣстника» **Евграфъ Васильевичъ Чешихинъ**, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ и основателемъ этой газеты въ 1869 г. и съ тѣхъ поръ, не смотря ни на какія неблагопріятныя обстоятельства, неустанно стоявшій на стражѣ русскихъ интересовъ въ краѣ. Онъ родился въ 1825 г. и, по окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, поступилъ въ 1848 г. на службу по инженерному вѣдомству въ Привислянскихъ губерніяхъ, а въ 1862 г. переведенъ въ Ригу. Горячій русскій патріотъ, Е. В. не могъ помириться съ порядками, которые царили тогда въ Прибалтійскомъ краѣ, отчуждая отъ Руси ея исконное достояніе, «эту древнюю вотчину русскихъ царей», вновь возвращенную въ началѣ прошлаго вѣка нашему отечеству цѣною крови русскихъ воиновъ, Чешихинъ не могъ равнодушно смотрѣть на жалкое, зависимое положеніе русскихъ людей въ этомъ краѣ, вынужденныхъ напрасно просить, какъ милости, того, что̀ имъ принадлежало по праву. Переселеніе его въ Ригу, по счастью, совпало съ пробужденіемъ самосознанія въ мѣстномъ русскомъ населеніи подъ вліяніемъ исполнившагося тысячелѣтія существованія Россіи и новыхъ вѣяній освободительныхъ реформъ. Слѣдствіемъ этого пробужденія было горячее общественное движеніе среди мѣстныхъ русскихъ людей, выразившееся въ основаніи въ Ригѣ цѣлаго ряда русскихъ общественныхъ учрежденій, а затѣмъ и русской газеты, какъ ихъ органа. Во всѣхъ этихъ начинаніяхъ русскаго общества покойный принималъ самое близкое и живое участіе. Явившись основателемъ первой русской газеты въ краѣ, онъ неизмѣнно оставался вѣрнымъ девизу: «въ русскомъ государствѣ не должно быть стремленій, чуждыхъ русскимъ государственнымъ и народнымъ началамъ!» и дожилъ, наконецъ, до той минуты, когда выставленный имъ лозунгъ перешелъ всецѣло въ программу мѣропріятій, нынѣ осуществляемыхъ для духовнаго возсоединенія края съ имперіею. Кромѣ службы, которую покойный оставилъ только два года назадъ, онъ работалъ надъ серьезными историческими трудами, печатавшимися въ изданіи Бартенева «XVIII вѣкъ», въ «Наблюдателѣ» и другихъ журналахъ и издалъ «Исторію Ливоніи»; онъ помѣщалъ также корреспонденціи въ нѣкоторыхъ газетахъ и въ «Нов. Времени». Чешихинъ скончался отъ апоплексіи, совершенно неожиданно, собираясь идти въ гости. Что русское общество и даже самые русскіе интересы въ краѣ утратили въ немъ трудно замѣнимаго дѣятеля, въ этомъ сознаются даже постоянно враждовавшія съ нимъ мѣстныя нѣмецкія газеты. Такъ «Rig. Zeit.», отдавая полную справедливость дарованіямъ и стойкости убѣж-

деній покойнаго, заключаетъ такъ: «Въ борьбѣ съ мѣстною нѣмецкою печатью, съ одной и съ другой стороны, было брошено не мало ѣдкихъ словъ; но теперь — миръ его праху!»

† 4-го марта скончался на сорокъ седьмомъ году извѣстный русскій зоологъ, профессоръ петербургскаго университета **Модестъ Николаевичъ Богдановъ**. Русская фауна обязана ему распредѣленіемъ ея зоологическихъ областей, изслѣдованіемъ Поволжья, востока Россіи и Кавказа. Съ перваго шага своей научной дѣятельности, въ 1867 г., онъ уже обратилъ на себя вниманіе зоологовъ талантливымъ этюдомъ надъ жизнью и географическимъ распространеніемъ тетерева-косача. Это была первая попытка внести раціональное, объясняющее направленіе въ біологическія наблюденія надъ русскими птицами. Вслѣдъ за этой работой, Богдановъ очертилъ зоологическія области Поволжья, а въ 1871 г. издалъ обширный трудъ: «Птицы и звѣри черноземной полосы Поволжья». Въ 1873 г. онъ отправился въ Хиву для зоологическаго изслѣдованія, вмѣстѣ съ русскими войсками совершилъ тяжелый хивинскій походъ, перенося всѣ его трудности и даже по необходимости участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ. Плодомъ этого путешествія была богатая коллекція зоологическихъ предметовъ, переданная въ университетскій зоологическій музей и сочиненіе «Очерки природы хивинскаго оазиса и песковъ Кизиль-Кумъ», въ которомъ авторомъ собрано множество новыхъ и весьма цѣнныхъ наблюденій надъ распространеніемъ и жизнью животныхъ хивинскаго царства. Въ слѣдующемъ году неутомимый зоологъ совершилъ новое путешествіе на Востокъ и изслѣдовалъ фауну Арало-Каспійскаго бассейна. Описаніе этого путешествія и зообіологическія наблюденія, сдѣланныя во время его путешествія, напечатаны въ «Трудахъ петербургскаго Общества естествоиспытателей». Въ 1885 г. онъ отправился для зоологическаго обслѣдованія Кавказа. Результаты этого изслѣдованія были изданы имъ въ сочиненіи: «Птицы Кавказа», которое должно считать первымъ основнымъ камнемъ въ раціональной разработкѣ орнитологической фауны Кавказа. Въ 1880 г. онъ ѣздилъ во главѣ сѣверной экспедиціи на Сѣверный океанъ, для обслѣдованія въ зоологическомъ отношеніи Мурманскаго берега. Результаты этого обслѣдованія изложены имъ въ «Трудахъ петербургскаго Общества естествоиспытателей». Въ 1881 г. профессоръ Богдановъ издалъ новое обширное изслѣдованіе подъ названіемъ: «Русскіе сорокопуты», въ которомъ авторъ задался мыслью прослѣдить филогенезисъ одного изъ интереснѣйшихъ семействъ русскихъ птицъ. Эта работа, по ея направленію, была первою въ орнитологіи. Наконецъ, въ 1885 г. онъ издалъ первый выпускъ обширнаго классическаго труда подъ названіемъ: «Русская орнитологія». Этотъ выпускъ былъ лебединой пѣснью даровитаго русскаго зоолога. Здоровье его, расшатанное трудами хивинской экспедиціи и кавказской лихорадкой, быстро падало. Петербургскій университетъ отправилъ его на югъ, въ надеждѣ возстановить разстроенный организмъ даровитаго ученаго, но зима, проведенная въ тепломъ климатѣ, произвела только временное улучшеніе. Кромѣ перечисленныхъ капитальныхъ трудовъ, профессоромъ Богдановымъ было сдѣлано множество спеціальныхъ изслѣдованій, которыя помѣщались преимущественно въ «Трудахъ петербургскаго Общества естествоиспытателей». Занимаясь съ увлеченіемъ научными работами, Модестъ Николаевичъ не переставалъ трудиться и для публики и сталъ извѣстенъ какъ талантливый разсказчикъ и популяризаторъ. Въ одномъ изъ русскихъ дѣтскихъ журналовъ онъ помѣстилъ рядъ зоологическихъ популярныхъ очерковъ, изъ которыхъ нѣкоторые были изданы отдѣльной книжкой подъ названіемъ: «Мірскіе захребетники». На поприщѣ практической дѣятельности профессоръ Богдановъ также принесъ свою долю пользы. Въ Петербургѣ имъ основано «Русское общество птицеводства», цѣль котораго составляетъ «развитіе и улучшеніе въ Россіи птицеводства во всѣхъ его отрасляхъ». Лекціи Богданова привлекали постоянно слушателей простой, ясной,

красивой формой изложенія и тѣмъ сочувствіемъ къ жизни природы, которое превращаетъ ученаго въ страстнаго наблюдателя и натуралиста-любителя. Онъ оставилъ послѣ себя цѣлую школу молодыхъ зоологовъ и привлекалъ къ себѣ постоянно молодое поколѣніе открытымъ, прямымъ характеромъ и добрымъ сердцемъ. Вся жизнь его протекла въ постоянныхъ трудахъ, путешествіяхъ и до послѣдней минуты онъ не покидалъ своего дѣла. Послѣдній его зоологическій очеркъ появился въ печати въ день его смерти...

† 12-го марта, въ Кіевѣ, бывшій редакторъ журнала «Кіевская Старина», **Ѳеофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ.** Онъ получилъ образованіе въ Кіевской духовной академіи, въ которой окончилъ курсъ наукъ въ 1851 г. со степенью магистра. До 1864 г. онъ проходилъ должности преподавателя воронежской, потомъ кіевской семинарій и экстраординарнаго профессора той же академіи. Съ 4-го декабря 1864 г. занималъ должность начальника холмской учебной дирекціи, а въ 1872 г. перемѣщенъ на такую же должность въ городъ Радомъ. По выходѣ въ отставку въ 1880 г. онъ предпринялъ изданіе журнала «Кіевская Старина» и продолжалъ его до 1-го января 1888 г., когда разстроенное здоровье заставило его передать этотъ трудъ другому лицу. Въ Холмскомъ краѣ, которому покойный послужилъ въ теченіе восьми лѣтъ, въ самую первую и самую трудную пору возрожденія греко-уніатскаго населенія въ духѣ русской народности, всѣ благодарно помянутъ разумную и энергическую дѣятельность его.

† Даровитый писатель **Всеволодъ Михайловичъ Гаршинъ.** Онъ родился 2-го февраля 1855 г. Екатеринославской губерніи, Бахмутскаго уѣзда, въ имѣніи своей бабки, воспитывался въ петербургской 7-й гимназіи (нынѣ 1-е реальное училище); уже перейдя въ послѣдній классъ, онъ впалъ въ тяжкую психическую болѣзнь, отъ которой, однако, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ оправился, и въ 1874 г., окончивъ полный курсъ реальнаго училища, поступилъ въ Горный институтъ. При переходѣ въ третій курсъ, подъ впечатлѣніемъ манифеста о восточной войнѣ 1877 г., Гаршинъ бросилъ экзамены и уѣхалъ въ дѣйствующую армію. На правахъ вольноопредѣляющагося онъ поступилъ рядовымъ въ 138-й Болховской пѣхотный полкъ и отъ Кишинева до Систова сдѣлалъ весь походъ пѣшкомъ, какъ это описано имъ въ «Запискахъ рядового Иванова». 11-го августа того же года, въ битвѣ при Аясларѣ, онъ былъ раненъ въ ногу пулей на вылетъ и отправленъ на излѣченіе въ Харьковъ, къ роднымъ. Въ реляціи объ Аясларскомъ дѣлѣ было сказано, что «рядовой изъ вольноопредѣляющихся, Всеволодъ Гаршинъ, примѣромъ личной храбрости увлекъ своихъ товарищей въ атаку и тѣмъ способствовалъ успѣху дѣла». За отличіе онъ былъ произведенъ въ офицеры, но военной службы не продолжалъ и, оправившись отъ раны, вышелъ въ отставку въ концѣ 1878 г. Еще находясь на излѣченіи въ Харьковѣ, онъ написалъ свой разсказъ «Четыре дня», помѣщенный въ октябрской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1877 годъ. Этотъ разсказъ доставилъ автору широкую извѣстность и общія симпатіи, но начало его литературной дѣятельности относится ко времени болѣе раннему: въ № 15 еженедѣльной газеты «Молва» за 1876 г. помѣщенъ его разсказъ: «Подлинная исторія энскаго земскаго собранія» за подписью Р. Л. Затѣмъ, въ газетѣ «Новости», незадолго до отъѣзда на войну, Гаршинъ помѣстилъ нѣсколько статей, посвященныхъ обзору художественныхъ выставокъ. Рѣшившись предаться исключительно литературной дѣятельности, онъ считалъ необходимымъ завершить свое образованіе, и еще до выхода изъ военной службы, поступилъ въ 1878 г. вольнослушателемъ на филологическій факультетъ петербургскаго университета, и въ то же время имъ была написана большая часть его произведеній: «Происшествіе», «Трусъ», «Встрѣча», «Художники» и «Attalea princeps». Осенью 1879 г. онъ снова почувствовалъ припадки меланхоліи, которые въ началѣ слѣдующаго года перешли въ острое маніакальное состояніе; послѣ четырехмѣсячнаго лѣченья въ психіа-

трической клиникѣ Харьковскаго университета и двухъ мѣсяцевъ въ лѣчебницѣ доктора Фрея въ Петербургѣ, Гаршинъ въ концѣ 1880 г. возвратился къ сознанію, но долго не могъ освободиться отъ чувства безпредметной тоски и угнетеннаго состоянія, отъ которыхъ оправился, проживъ полтора года на югѣ, въ имѣніи дяди В. С. Акимова, на берегу Днѣпровско-Бугскаго лимана, между Херсономъ и Николаевомъ. Здѣсь была написана имъ маленькая сказка «То, чего не было». Въ маѣ 1882 г. онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы снова возвратиться къ литературнымъ занятіямъ, издалъ первую книжку своихъ разсказовъ, а лѣто провелъ въ имѣніи покойнаго И. С. Тургенева (Спасское-Лутовиново), гдѣ написалъ «Записки рядового Иванова». 11-го февраля 1883 г. онъ женился на Надеждѣ Михайловнѣ Золотовой, слушательницѣ медицинскихъ курсовъ, окончившей курсъ со званіемъ женщины-врача. Дѣтей у нихъ не было. Одновременно съ женитьбой покойный получилъ мѣсто секретаря общаго съѣзда представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ, которое и занималъ почти пять лѣтъ, оставивъ его лишь мѣсяца за три до своей кончины. Мѣсто это давало ему солидное матеріальное обезпеченіе. Съ этого времени онъ написалъ уже очень немного: въ 1883 г. «Красный цвѣтокъ» и «Медвѣди»; въ 1885 г. — повѣсть «Надежда Николаевна», въ 1886 г. «Сказаніе о гордомъ Аггеѣ» и въ 1887 г.—разсказъ «Сигналъ» и статью о передвижной выставкѣ прошлаго года въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ». Работать ему мѣшали ежегодно повторявшіеся припадки меланхоліи, при полномъ сохраненіи сознанія, каждую весну, большею частью безъ всякой внѣшней причины. Съ каждымъ годомъ періодъ такого угнетеннаго состоянія дѣлался длиннѣе, и только позднею осенью онъ освобождался отъ своего недуга, охотно появляясь въ обществѣ симпатичнымъ и живымъ собесѣдникомъ, какого всѣ привыкли въ немъ видѣть. Въ послѣдній разъ, угнетенное состояніе, начавшись лѣтомъ, продолжалось до самаго недавняго времени, когда онъ вдругъ почувствовалъ облегченіе и рѣшилъ безотлагательно ѣхать на Кавказъ, чтобы вполнѣ оправиться, но поѣздка затянулась, и онъ не успѣлъ привести въ исполненіе свое намѣреніе, какъ силы его оставили: въ 9-мъ часу утра, 19-го марта, покойный, выйдя незамѣтно на лѣстницу своей квартиры и спустившись съ 4-го этажа до 2-го, ринулся въ пролетъ, образующійся поворотами лѣстницы, и сломалъ себѣ ногу. Полное сознаніе больного не внушало первоначально опасеній, а потому, въ интересахъ хирургическаго лѣченья, покойный былъ помѣщенъ въ хирургическую лѣчебницу «Краснаго Креста». Часовъ въ 5 утра слѣдующаго дня онъ уснулъ и болѣе не просыпался, впавъ въ тихое безсознательное состояніе, въ которомъ оставался до самой своей кончины, въ 4 часа утра 24-го марта.

† 27 марта, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни **Павелъ Степановичъ Усовъ**. Въ лицѣ его русская журналистика потеряла неутомимаго труженика съ рѣдкимъ и серьезнымъ образованіемъ, публициста по призванію. Усовъ родился 2-го августа 1828 г. и окончилъ университетскій курсъ въ 1849 г. со степенью кандидата естественныхъ наукъ. Тотчасъ по выходѣ изъ университета, онъ послѣдовалъ влеченію своего призванія, и 1-го іюня 1849 г. уже былъ постояннымъ сотрудникомъ въ единственномъ ежедневномъ органѣ того времени, газетѣ «Сѣверная Пчела». Годъ спустя, П. С. сдѣлался помощникомъ Н. И. Греча и Ѳ. В. Булгарина по изданію «Сѣверной Пчелы» и занимался въ ней непрерывно до 1860 г., когда купилъ у Греча и Булгарина право собственности на эту газету. Затѣмъ, до средины 1864 г. онъ велъ ее самостоятельно, но хозяйственная неразсчетливость по изданію ввела его въ долги, вслѣдствіе чего пришлось прекратить изданіе. Послѣ этого П. С. участвовалъ въ «Сынѣ Отечества» (при Старчевскомъ) и «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (при Трубниковѣ), составляя въ то же время корреспонденціи для «Московскихъ Вѣдомостей» и другихъ газетъ. Въ 1872 г. П. С. снова попытался издавать самостоятельную новую газету, основанную

имъ «Биржу», но уже въ 1877 г. передалъ право на ея изданіе Шаврову, принявъ на себя редакторство «Петербургскихъ Вѣдомостей», принадлежавшихъ, по прекращеніи издательской дѣятельности Корша, сперва Баймакову, а затѣмъ В. В. Комарову. Но уже съ конца 70-хъ годовъ П. С. совершенно покинулъ самостоятельное редакторство и всецѣло посвятилъ себя любимому своему труду—публицистикѣ, сотрудничая въ «Новомъ Времени», «Московскомъ Листкѣ» и «Историческомъ Вѣстникѣ», особенно въ послѣднемъ, гдѣ было помѣщено много самостоятельныхъ его изслѣдованій. Незадолго передъ смертью, П. С. началъ работу по составленію біографіи графа Муравьева-Амурскаго, оставшуюся неоконченною. Кромѣ журнальнаго поприща, П. С. состоялъ одно время на службѣ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, а также преподавателемъ естественныхъ наукъ въ Николаевскомъ институтѣ и въ вѣдомствѣ Человѣколюбиваго Общества. П. С. Усовъ заболѣлъ 7-го октября прошлаго года и былъ помѣщенъ въ отдѣленіе проф. Боткина при клиникѣ Вилье.

† 30-го марта, послѣ тяжкой болѣзни, даровитый современный писатель-беллетристъ **Николай Константиновичъ Лебедевъ**, писавшій подъ псевдонимомъ «Морского», уроженецъ Саратовской губерніи. Онъ родился 25-го сентября 1846 г. и по окончаніи курса въ саратовской гимназіи поступилъ въ Петербургскій университетъ, гдѣ кончилъ курсъ кандидатомъ по естественному факультету. Первыя статьи свои онъ помѣщалъ въ журналѣ «Знаніе», занимаясь вмѣстѣ съ тѣмъ уроками. Въ 1876 г. онъ началъ сотрудничать въ «Новомъ Времени», гдѣ помѣщалъ общественныя замѣтки, отличавшіяся чувствомъ и наблюдательностью. Романъ, обратившій на него общее вниманіе былъ «Аристократія Гостинаго двора», помѣщенный въ «Новомъ Времени». Эту «аристократію» имѣлъ онъ случай наблюсти, давая уроки въ домахъ представителей Гостинаго двора. Достоевскій познакомился съ нимъ послѣ этого романа и совѣтовалъ ему продолжать, видя талантъ молодого писателя. По силѣ и смѣлости анализа отличается слѣдующій его романъ, «Содомъ», напечатанный въ «Еженед. Нов. Времени». Въ «Новомъ Времени» же онъ помѣстилъ цѣлый рядъ разсказовъ, повѣстей и критическихъ статей преимущественно по французской литературѣ. Много разсказовъ его помѣщено въ «Нивѣ» и тамъ же романъ «Купленное счастье». За послѣдніе три года покойный былъ, кромѣ того, постояннымъ сотрудникомъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» по отдѣлу маленькаго фельетона. Н. К. Лебедевъ умеръ отъ брюшного тифа.

† 1-го апрѣля, въ 7 часовъ утра, послѣ продолжительной болѣзни музыкальный критикъ, профессоръ консерваторіи **Павелъ Алексѣевичъ Зиновьевъ**. Онъ родился 31-го октября 1844 г. На десятомъ году поступилъ въ Ларинскую гимназію, откуда вышелъ 17-ти лѣтъ. Поступивъ въ Петербургскій университетъ по юридическому факультету, П. А. по домашнимъ обстоятельствамъ вынужденъ былъ выйти чрезъ 2 года. Первоначальное музыкальное образованіе покойный получилъ у Іогансена и Бернгардта, потомъ занимался у Лешетицкаго, у котораго и закончилъ курсъ. Въ 1869 г. онъ былъ приглашенъ преподавать въ консерваторіи фортепіанную игру и здѣсь же, по прошествіи установленнаго времени, получилъ званіе профессора консерваторіи, которой служилъ честно и добросовѣстно въ продолженіе девятнадцати съ лишнимъ лѣтъ. Между блистательно окончившими у него курсъ, можно назвать: г-жъ Протопопову и Мусину-Пушкину. П. А. состоялъ сотрудникомъ «Петербургской Газеты» около 10 лѣтъ и, не смотря на свои многочисленные частные уроки, занятія въ консерваторіи, преданный интересамъ горячо любимаго имъ искусства, находилъ время издавать отдѣльные труды по музыкально-критической литературѣ; такъ, имъ изданы переводъ Бренделя («Основанія къ изученію исторіи западно-европейской музыки» и Листа («Шопенъ»), обратившіе на себя общее вниманіе. Въ послѣднее время П. А. былъ занятъ приготов-

леніемъ къ печати «Словаря русскихъ музыкальныхъ дѣятелей», для котораго имъ собрано было много матеріаловъ и біографій; трудъ этотъ настолько готовъ, что вѣроятно вскорѣ появится въ свѣтъ. Кромѣ «Петербургской Газеты», П. А. писалъ въ «Музыкальномъ Мірѣ» и «Голосѣ». На болѣзнь П. А. имѣли несомнѣнно огромное вліяніе непріятности, выпавшія на его долю въ послѣднее время пребыванія его въ консерваторіи, при новыхъ порядкахъ, введенныхъ А. Г. Рубинштейномъ. Музыкальная печать наша понесла большую потерю со смертью П. А. Зиновьева. Огромныя познанія, безусловно честное отношеніе къ печатному слову, любовь къ дѣлу, которому онъ безукоризненно служилъ въ продолженіе стольких лѣтъ и, наконецъ, талантъ покойнаго — вотъ качества, которыя всегда сопровождали труды его.

† 2-го апрѣля, въ клиникѣ Вилье, въ Петербургѣ, въ 8¼ часовъ вечера, на 42-мъ году, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни (водянка отъ разстройства почекъ и отека легкихъ) **Николай Николаевичъ Миклухо-Маклай**. Смерть застала его, когда онъ обрабатывалъ второй томъ записокъ о своихъ путешествіяхъ. Миклухо-Маклай воспитывался въ Петербургѣ, во 2-й гимназіи и слушалъ лекціи въ Петербургскомъ университетѣ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ уѣхалъ въ Германію, гдѣ въ продолженіе многихъ лѣтъ слушалъ лекціи и самостоятельно работалъ въ нѣсколькихъ университетахъ. Съ 1866 г. начинается рядъ его большихъ путешествій. Многолѣтнее пребываніе на берегу Маклая въ Новой Гвинеѣ доставило ему громкую извѣстность. Здѣсь онъ изслѣдовалъ расу, которая до его пріѣзда еще не видала европейцевъ и сохранила первобытный образъ жизни каменнаго вѣка. Въ знойномъ и болотистомъ климатѣ Новой Гвинеи сильно пострадало здоровье покойнаго. Уже съ надорванными силами онъ предпринялъ рядъ путешествій въ Тихомъ Океанѣ для разъясненія и дополненія тѣхъ наблюденій, которыя онъ собралъ на берегу Маклая.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ «Воспоминаніямъ» г-жи Яковлевой.

Въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» помѣщены «Воспоминанія камеръ-юнгферы» г-жи Яковлевой, въ которыхъ, между прочимъ, упоминается и обо мнѣ, но при этомъ нѣкоторыя обстоятельства, касающіяся меня, изложены не вѣрно. Такъ, напр., на страницѣ 597, г-жа Яковлева говоритъ: «чрезъ нѣсколько лѣтъ К. Е. Ш. по мужѣ Винклеръ сильно и опасно заболѣла. Императрица, узнавъ объ этомъ, послала къ ней своихъ докторовъ, и по выздоровленіи, поручила своему секретарю предложить ей отставку съ пенсіею всего ея содержанія 3½ тысячи. К. Е. Ш. отвѣтила просьбой, чтобы ей простили тѣ 15,000 руб., которые она получила заимообразно для перестройки ея дома. На ея просьбу согласились». Обстоятельство это дѣйствительно было, но не со мной, а съ предшественницей моей, камеръ-фрау баронессой Раль, которая находилась въ болѣзненномъ состояніи, и ей предложена была отставка съ пенсіею въ 3,500 рублей за выслугу 25 лѣтъ и прощенъ былъ числящійся за ней долгъ. Мѣсто же камеръ-фрау было предложено мнѣ ея величествомъ чрезъ своего секретаря, на которое я поступила въ 1863 году въ ноябрѣ мѣсяцѣ, и занимала эту должность до самой кончины ея величества.

Долговъ я въ продолженіе всей почти сорокалѣтней моей службы не дѣлала, 15,000 никогда не брала заимообразно, а слѣдовательно и не могла просить объ ихъ сложеніи, что небезъизвѣстно какъ канцеляріи ея величества въ Бозѣ почившей государыни императрицы, такъ и кабинету его величества.

К. фонъ-Винклеръ.

— Если бы я могъ быть увѣренъ въ томъ, что вы никому не передадите...—съ нѣкоторою нерѣшительностью заявилъ секретарь,—тогда, конечно...

— Помилуйте, да я вамъ слово даю!—поспѣшила сказать фрау Детмаръ.—Ну, говорите же скорѣе, что тамъ за тайна?

— А въ томъ и тайна,—началъ Бееръ, подвигаясь поближе къ почтенной супругѣ мейстера Детмара,—что Госвинъ Стеенъ расчиталъ молодого Ганнеке по особому соображенію. Онъ положительно не желаетъ имѣть у себя на службѣ приказчиковъ, которые позволяютъ себѣ думать о женитьбѣ.

Фрау Детмаръ только отскочила отъ секретаря и посмотрѣла на него во всѣ глаза. Наконецъ, она проговорила:

— Такъ развѣ же Янъ собирается на комъ-нибудь жениться?

Секретарь только откашлялся въ видѣ отвѣта.

— Да на комъ же? На комъ же?

— На фрейлейнъ Елисаветѣ Детмаръ.

— Да кто же это осмѣлился сказать?—яростно вскрикнула фрау Детмаръ.

— Кто же, какъ не онъ самъ?—отвѣчалъ ей Бееръ совершенно спокойно, поглаживая набалдашникъ своей палки.

— Какъ! Онъ позволилъ себѣ распустить такую безстыжую ложь?—продолжала кричатѣ почтенная дама.—Хорошо! пусть придетъ теперь домой, такъ онъ у меня не порадуется!

Секретарь вскочилъ съ своего мѣста.

— Помилуйте, развѣ вы позабыли данное слово? Вѣдь вы же обѣщались мнѣ, что никому не выдадите эту тайну. Нѣтъ, ужъ извините, если вы не сдержите вашего слова, такъ я вамъ ни въ жизнь не повѣрю больше!

— Помилуйте, такъ что же мнѣ прикажете дѣлать?—спросила фрау Детмаръ, растерявшись и вздыхая.—Вѣдь не могу же я этого допустить, чтобы какой-нибудь мальчишка, подобный Яну, осмѣлился распускать такія небылицы о нашей дочери Елисаветѣ?

— Само собою разумѣется, что этого допустить и нельзя.

— Это вѣдь бросаетъ тѣнь на все наше семейство!

— Полагаю.

— Ну, что о насъ могутъ подумать!

— Да, да, неладно!

— Такъ какъ же тутъ быть?—обратилась уже плаксивымъ голосомъ фрау Детмаръ къ своему собесѣднику.

— Вы женщина умная и радѣтельная хозяйка,—вкрадчиво отвѣчалъ ей Бееръ,—и ужъ, конечно, съумѣете такъ обставить дѣльце, что вамъ не прійдется нарушить данное мнѣ слово. Но только я долженъ вамъ сказать, что я теперь съ вами распрощусь и, вѣроятно, надолго, потому что я къ вамъ больше не ходокъ.

— Какъ!!—воскликнула фрау Детмаръ въ величайшемъ изумленіи, грузно опускаясь на стулъ.

— ... А такъ, что я вѣдь тоже обязанъ о своей репутаціи озаботиться. Ну, а вѣдь вы знаете, сколько у насъ въ городѣ охотниковъ до сплетенъ и пересудовъ? Такъ вотъ и мои частыя посѣщенія вашего дома, конечно, не остались незамѣченными. Стали поговаривать и о томъ, что я посватался за вашу дочь, и о томъ, что даже я уже женихомъ ея состою... Ну, а я не желаю вовсе сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ для моихъ согражданъ, что неминуемо должно случиться, если еще будутъ продолжаться всѣ эти хвастливыя росказни молодого Ганнеке. А потому, почтеннѣйшая фрау Детмаръ, пока этотъ молодецъ еще будетъ оставаться въ вашемъ домѣ, я къ вамъ—ни ногой, что, конечно... Хе! хе! хе!— для васъ не существенно важно. Честь имѣю вамъ раскланяться.

И онъ поспѣшно удалился, прежде нежели почтенная дама успѣла опомниться отъ изумленія...

Въ тотъ же день, вскорѣ послѣ ухода секретаря, между мейстеромъ Детмаромъ и его женою еще разъ происходилъ длинный разговоръ наединѣ; судя по громкимъ рѣчамъ, долетавшимъ до слуха домашнихъ, объясненіе было очень бурное. Наконецъ, супруги, видимо, пришли къ какому-то соглашенію, которое въ тотъ же вечеръ отразилось болѣе чѣмъ осязательно на бѣдномъ Янѣ Ганнеке.

Бѣднякъ возвратился домой усталый и ослабѣвшій. Всѣ усилія его, по части отысканія мѣста, конечно, ни къ чему не привели. Съ одной стороны, время было дѣйствительно не такое, чтобы хозяева могли увеличивать у себя количество приказчиковъ; съ другой—Яну вредила внезапная потеря мѣста въ торговомъ домѣ Госвина Стеена и сына, который былъ извѣстенъ тѣмъ, что, вообще, безъ крайней нужды, не отпускалъ своихъ служащихъ.

При томъ тяжеломъ настроеніи, въ какомъ Янъ возвратился домой, онъ очень былъ доволенъ, когда засталъ мейстера Детмара одного. Со слезами разсказалъ онъ ему о своей неудачѣ.

Мейстеръ Детмаръ только затылокъ почесалъ. Онъ сначала посмотрѣлъ на Яна даже съ нѣкоторымъ участіемъ; однако же было замѣтно, что въ немъ боролись какія-то совершенно противуположныя чувства, съ которыми онъ никакъ не могъ совладать.

— Да, да, конечно...—началъ онъ весьма нерѣшительно,—это все весьма того... не хорошо... и ужъ не лучше ли будетъ тебѣ, въ такомъ случаѣ... того... въ Шоненъ отправиться... все же съ матерью посовѣтуешься, и выждешь тамъ ярмарки. Туда много наѣзжаетъ хозяевъ, такъ... тамъ тебѣ будетъ легче отыскать себѣ мѣсто.

— Это, конечно, вѣрно, мейстеръ,—отвѣчалъ ему Янъ,—но какой же купецъ приметъ меня безъ аттестата отъ прежняго хозяина?

— Да... оно, конечно... только я все же думаю, что тамъ, пожалуй, и навернется мѣсто...

— Вѣдь вотъ если бы я только могъ узнать, за что меня такъ вдругъ отпустилъ старый хозяинъ!..

— Вѣрно ты болталъ пустяки какія-нибудь?—добродушно замѣтилъ Детмаръ.

— Я? Болталъ пустяки?—съ изумленіемъ переспросилъ Янъ.— Да я только и думалъ что о своей работѣ!

Детмаръ очень тяжело вздохнулъ, явно подъискивая слова для продолженія разговора:

— Гм! да! конечно... молодежь точно бываетъ иногда... неосторожна на словахъ и стоитъ вотъ кому-нибудь приласкать немного... вашего брата, вотъ какъ Елисавета къ тебѣ всегда... ну, и возмечталъ!.. А потому, самое лучшее тебѣ—отправиться къ твоей матушкѣ, на Шоненъ... Туда же, кстати, сегодня вечеромъ отходитъ судно нашего здѣшняго корабельщика Берндта. Вотъ тебѣ бы и чудесно съ нимъ отправиться...

Янъ пристально поглядѣлъ на Детмара, затѣмъ подошелъ къ нему и, совершенно искренно вперивъ взоръ ему въ самыя очи, сказалъ:

— Вы за что-то на меня сердиты; а то, вѣроятно, вы не старались бы такъ скоро отъ меня отдѣлаться?

— Ну, что ты тамъ еще выдумываешь!—проворчалъ Детмаръ.— Я, лично, ничего противъ тебя не имѣю, даже и люблю тебя, и если бы это отъ меня одного зависѣло, то...

Очень сильный и выразительный кашель раздался въ сосѣдней комнатѣ. Должно быть фрау Детмаръ недаромъ такъ раскашлялась... Мейстеръ Детмаръ, видимо, собралъ весь запасъ своего мужества, и поспѣшно проговорилъ:

— Такъ поѣзжай, поѣзжай поскорѣе въ Шоненъ, милый дружокъ, а ужъ тамъ мы... посмотримъ... посмотримъ!

И онъ старался отвернуться отъ Яна, дѣлая ему и губами, и глазами какіе-то многозначительные знаки, а затѣмъ вытащилъ изъ кошелька маленькій сверточекъ денегъ, и сунулъ ихъ въ руку удивленному и недоумѣвающему Яну.

— Ступай, ступай скорѣе,—говорилъ онъ ему,—а то еще, пожалуй, не застанешь Берндта въ гавани...

Съ тяжелымъ впечатлѣніемъ ушелъ Янъ въ свою комнату, и тотчасъ уложилъ свои жалкіе пожитки. Когда же онъ снова вышелъ къ мейстеру Детмару, и заявилъ ему, что желалъ бы проститься съ его женой и дочкой, тотъ окончательно растерялся:

— Ты ужъ, того... не безпокойся объ этомъ, я передамъ имъ твои поклоны. Жены-то, видишь ли, теперь дома нѣтъ, да и Елисаветы... той... тоже теперь нѣтъ дома... Такъ съ Богомъ, братъ, и матушкѣ своей отъ меня кланяйся.. ну, и вотъ...

Въ заключеніе этой необыкновенно ясной прощальной рѣчи,

мейстеръ Детмаръ чмокнулъ Яна въ губы и полегонечку выпроводилъ его за двери.

Слезы до такой степени душили бѣднаго юношу, до того переполнили его глаза, что всѣ дома слились передъ нимъ въ какую-то неясную сплошную массу.

Но онъ все же распозналъ ту молодую дѣвушку, которая къ нему подошла, подала ему на прощанье руку, и сказала ему шопотомъ:

— Мужайся; я знаю, что ты ни въ чемъ не виноватъ.

Янъ хотѣлъ было что-то сказать—и не могъ; до такой степени сердце у него было переполнено.

— Полагайся на Бога,—продолжалъ шептать ему на ухо тотъ же милый и знакомый голосъ,—Онъ лучше насъ знаетъ, что намъ, людямъ, нужно. И если на то будетъ Его воля, такъ мы еще свидимся...

И она не договорила, и тоже зарыдала... а потомъ добавила чуть слышно:

— А коли намъ не суждено свидѣться, такъ—я въ монастырь пойду.

Милый образъ исчезъ, и Янъ, самъ себѣ не отдавая полнаго отчета въ томъ, что съ нимъ происходило, направился къ гавани.

XXIV.

Коммерческіе принципы.

Госвинъ Стеенъ облекся въ свое ратсгерское платье, собираясь на чрезвычайное засѣданіе совѣта, для выслушанія важныхъ сообщеній изъ Данцига, пришедшихъ отъ прусскаго гроссмейстера.

Но прежде, чѣмъ зайти въ большую залу засѣданій совѣта, онъ зашелъ въ малую аудіенцъ-залу, въ которой его уже ожидалъ Варендорпъ.

На зеленомъ столѣ, передъ бюргмейстеромъ лежалъ толстый томъ совѣтскихъ рѣшеній, заключавшій въ себѣ всѣ акты, совершенные во время управленія Виттенборга.

Бюргермейстеръ встрѣтилъ купца словами:

— Я перелисталъ вмѣстѣ съ моимъ секретаремъ весь отдѣлъ книги, на который вы мнѣ указали, но упоминаемаго вами документа я не нашелъ.

Госвинъ Стеенъ поблѣднѣлъ.

— Не нашли!?—спросилъ онъ.—Да развѣ же изъ книги совѣтскихъ рѣшеній могутъ пропадать оффиціальные акты?

— Я и самъ тоже думаю, что не могутъ; вотъ почему и я удивленъ этою пропажею не менѣе, чѣмъ вы.

— Іоганнъ Виттенборгъ изготовилъ это долговое обязательство собственноручно и на моихъ глазахъ,—сказалъ Стеенъ измѣнившимся голосомъ.—А онъ былъ честный человѣкъ!

— И въ этомъ я съ вами совершенно согласенъ,—отвѣчалъ бюргмейстеръ.—Но, не смотря на все это, загадка остается загадкою.

— Да вы, вѣроятно, какъ-нибудь проглядѣли этотъ документъ, г. бюргермейстеръ,—продолжалъ утверждать купецъ, приближаясь къ зеленому столу.—Мой глазъ, можетъ быть, будетъ болѣе зорокъ; позвольте мнѣ самому перелистать книгу.

— Это, собственно говоря, не допускается закономъ,—сказалъ Варендорпъ, — но я, впрочемъ, готовъ сдѣлать для васъ въ данномъ случаѣ исключеніе, хотя и увѣренъ, что ваши поиски тоже будутъ напрасны.

Но Стеенъ уже не слушалъ его, а поспѣшно перелистывалъ толстый фоліантъ. Такъ какъ акты были расположены въ хронологическомъ порядкѣ, то ему было не трудно тотчасъ же отыскать и соотвѣтствующій годъ, и число, и мѣсяцъ, подъ которымъ онъ просилъ изготовить долговое обязательство. Но какъ тщательно онъ ни рылся,—документа не нашелъ!

— Да что же это? околдованъ я, что ли? — воскликнулъ онъ, наконецъ, въ совершенномъ отчаяніи.—Книга совѣтскихъ рѣшеній принадлежитъ къ числу городскихъ сокровищъ и бережется, какъ сокровище, хранится въ архивѣ подъ десятью замками, никому недоступная, кромѣ высшихъ чиновъ совѣта—и все же документа въ ней нѣтъ!

— Признаюсь,—сказалъ Варендорпъ,—это случай изъ ряда вонъ выходящій.

— Но, къ сожалѣнію, не единственный,—замѣтилъ секретарь.—Я уже указывалъ вамъ на другое денежное обязательство въ 172 гульдена золотомъ, которое, во время бюргмейстерства Виттенборга, моею рукою вписано было въ книгу—и тоже исчезло безслѣдно.

— Да, да! припоминаю,—сказалъ Варендорпъ,—и этотъ документъ тоже пропалъ. Оба эти случая бросаютъ очень странный свѣтъ на покойнаго.

— Вы человѣкъ разумный, г. бюргмейстеръ,—сказалъ Госвинъ Стеенъ, — такъ посудите же сами, какую пользу могло принести Виттенборгу уничтоженіе этихъ двухъ документовъ?

— Послѣдній не имѣлъ для него положительно никакого значенія, — сказалъ Варендорпъ, — ну, а что касается другого... Онъ пожалъ плечами и замолкъ.

— Извините, не могу васъ понять!—отозвался Госвинъ Стеенъ.

— А я понимаю, въ чемъ дѣло! — замѣтилъ секретарь, усиленно моргая глазами. — Вѣдь если Виттенборгъ и укрылъ вашъ документъ, г. Стеенъ, то это произошло, во всякомъ случаѣ, только

ради пользы вашего должника-датчанина, которому онъ этимъ оказывалъ большую услугу. Этотъ фактъ былъ бы только еще однимъ доказательствомъ въ пользу его благорасположенія къ датчанамъ вообще, и до нѣкоторой степени разъяснилъ бы намъ ту непонятную темноту, которая все еще покрываетъ его медленныя и странныя военныя дѣйствія противъ датчанъ.

— Мертвыя не могутъ себя защищать,—строго замѣтилъ Стеенъ секретарю.—Но я убѣжденъ, что вы, г. секретарь, не дерзнули бы при жизни Іоганна Виттенборга выразить такое позорящее его честь сомнѣніе. Многое въ дѣйствіяхъ Виттенборга можетъ намъ казаться непонятнымъ, но будемъ надѣяться, что Высшій Судья еще обнаружитъ намъ виновнаго. Возвращаясь къ своему дѣлу, прошу васъ сказать мнѣ, г. бюргмейстеръ, нужно ли мнѣ непосредственно имѣть въ рукахъ этотъ долговой документъ, если бы я захотѣлъ теперь же подать жалобу на моего неисправнаго должника?

— О, нѣтъ!—отвѣчалъ Варендорпъ,—достаточно будетъ и словеснаго заявленія свидѣтелей, подписавшихся подъ документомъ вашего должника.

Госвинъ Стеенъ ударилъ себя по лбу.

— Свидѣтелей!?—повторилъ онъ съ ужасомъ.—Боже ты мой! Да вѣдь это же были—Виттенборгъ и состоявшій у меня на службѣ рыбакъ Ганнеке. Первый—умеръ; а второй—въ плѣну.

— Ну, это дѣло дрянь!—замѣтилъ бюргмейстеръ.—Вѣдь если вашъ должникъ вздумаетъ утверждать, что онъ никогда не получалъ отъ васъ никакой ссуды, то вѣдь я тогда не могу положить никакого судебнаго рѣшенія.

Госвинъ Стеенъ опустился на стулъ въ совершенномъ изнеможеніи.

Бюргемейстеръ не безъ участія посмотрѣлъ на него. Затѣмъ, онъ кивнулъ головой секретарю, чтобы тотъ удалился, и сказалъ, обращаясь къ Стеену:

— Я прихожу къ тому убѣжденію, г. Стеенъ, что васъ совершенно несправедливо обвиняли въ дружественномъ расположеніи къ Даніи. Я полагаю, что у аттердага и его народа едва ли найдется врагъ, злѣе васъ.

Купецъ утвердительно кивнулъ головою.

— Тѣмъ болѣе страннымъ,—продолжалъ Варендорпъ,—должно казаться то, что вы датчанину могли дать такую значительную ссуду. Мнѣ было бы очень пріятно способствовать возвращенію вамъ этой суммы, а потому окажите мнѣ нѣкоторое довѣріе...

Стеенъ задыхался...

— Нѣтъ, не могу, не имѣю права!—простоналъ онъ.

— По крайней мѣрѣ, сознайтесь, что датчанинъ вынудилъ васъ дать ему эту сумму, потому что ему, вѣроятно, была извѣстна вина человѣка, очень близкаго вашему сердцу. Не такъ ли?

Бюргермейстеръ ожидалъ отвѣта, но такъ и не дождался. Стеенъ только еще разъ простоналъ...

— Я говорю съ вами не какъ должностное лицо,—сказалъ Варендорпъ, послѣ нѣкотораго молчанія,—но какъ вашъ собратъ-ганзеецъ, помнящій обязанности, налагаемыя на насъ клятвою нашего союза: мы должны быть другъ другу вѣрными и надежными помощниками во всѣхъ затрудненіяхъ и опасностяхъ. А потому—откройтесь мнѣ, довѣрьтесь.

И снова пришлось бюргермейстеру ожидать отвѣта. Но только спустя нѣсколько минутъ Госвинъ Стеенъ поднялъ голову и отвѣчалъ:

— Благодарю за братское слово. Оно оказало свое дѣйствіе и убѣдило меня въ томъ, что вы относитесь ко мнѣ лучше, нежели я ожидалъ. Легко, можетъ быть, что я еще вернусь къ этому нашему разговору, и попрошу васъ дать мнѣ братскій совѣтъ. Но теперь я этого сдѣлать не въ состояніи. Пойдемте въ залъ засѣданій; назначенный срокъ уже наступилъ.

Онъ произнесъ все это съ большимъ волненіемъ, но уже твердымъ голосомъ. И въ то же время онъ поднялся съ мѣста, и, выпрямившись во весь ростъ, направился въ залу.

Не безъ удивленія посмотрѣлъ Варендорпъ на этого страннаго человѣка, и почти въ одно время съ нимъ вошелъ въ залу засѣданія, гдѣ уже успѣли собраться всѣ члены.

Твердыми шагами направился Госвинъ Стеенъ на свое мѣсто и никому даже и въ голову не приходило, какая буря бушевала въ его душѣ. Повидимому, онъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за начинавшимися преніями, а, между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, мысли его были заняты совсѣмъ иными предметами.

Во всякое другое время Стеенъ, всею душею привязанный къ Ганзейскому союзу, дѣйствительно, долженъ былъ бы съ величайшимъ интересомъ выслушать тѣ сообщенія и заключенія описываемаго нами засѣданія, такъ какъ они должны были имѣть рѣшающее историческое значеніе по отношенію къ будущему Ганзейскаго Союза. Дѣло заключалось въ томъ, что прусскій рыцарскій орденъ, послѣ долгихъ колебаній, примкнулъ-таки къ Ганзѣ со всѣми своими городами и вошелъ въ составъ оборонительнаго и наступательнаго союза противъ Даніи. Аттердагъ вскорѣ долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что ему придется имѣть дѣло не съ одними вендскими приморскими городами. Въ нынѣшнемъ засѣданіи городскаго совѣта посланцы гроссмейстера должны были заявить, что всѣ прусскіе города согласились между собою — оказать поддержку ганзейцамъ въ ихъ правахъ на свободное плаваніе черезъ Норезундъ, прервать всякія сношенія съ датскимъ королемъ и его вассальными землями, и не ранѣе съ нимъ примириться, какъ добившись отъ него справедливаго отношенія къ Ганзѣ и уважен къ ея правамъ.

— Гроссмейстеръ, — такъ заключилъ свою рѣчь посланецъ, — объявляетъ врагомъ общественнаго спокойствія каждаго, кто станетъ держать сторону короля Вольдемара или доставлять ему оружіе и доспѣхи; ибо настало уже время — всѣмъ добрымъ людямъ, желающимъ мира и спокойствія и ненавидящимъ хищеніе — соединиться и возстать противъ притѣсненій со стороны корыстныхъ владѣтельныхъ князей.

— Да будетъ благословенъ гроссмейстеръ прусскаго ордена за это смѣлое и мужественное слово!—раздался вдругъ чей-то голосъ, который даже и Госвина Стеена, погруженнаго въ глубокое раздумье, заставилъ очнуться и поднять голову. Онъ не ошибся — то былъ Тидеманъ фонъ-Лимбергъ! Это онъ произнесъ! Это онъ—его старый другъ и спутникъ многихъ его путешествій на далекую чужбину. Лицо Стеена вдругъ необычайно просвѣтлѣло, и выраженіе радостной надежды засвѣтилось въ его очахъ.

Тидеманъ, между тѣмъ, продолжалъ:

— Вижу, что взоры всего собранія съ удивленіемъ обращены на меня, не принадлежащаго къ сочленамъ Любекскаго городского совѣта. Но, дорогіе друзья мои, одна общая связь опутываетъ насъ всѣхъ и крѣпкими узами связываетъ наши общіе интересы. Не смотря на это, я, однако же, не рѣшился бы проникнуть въ ваше собраніе и еще менѣе позволилъ бы себѣ на собраніи повести рѣчь, еслибы и я тоже не явился сюда въ качествѣ посла, уполномоченнаго вестерлингами—заявить, что и они также желаютъ присоединиться къ остерлингамъ для борьбы противъ всѣхъ враговъ Ганзейскаго союза.

Эта неожиданная новость вызвала чрезвычайное изумленіе, тѣмъ болѣе, что отношенія вестерлинговъ (жителей прирейнскихъ и вестфальскихъ городовъ) къ остерлингамъ (ганзейцамъ Балтійскаго побережья) были довольно далекія и неопредѣленныя.

— На Бременъ и Гамбургъ,—продолжалъ Тидеманъ,—въ борьбѣ противъ аттердага нельзя разсчитывать. Они только-что оправляются отъ внутреннихъ неурядицъ... Остается, слѣдовательно, надежда только на вестерлинговъ. Они имѣютъ полное основаніе враждавать противъ Вольдемара Датскаго, потому что онъ наноситъ страшный ущербъ ихъ торговлѣ съ Бергеномъ и Шоненомъ, и не уважаетъ ихъ торговыхъ привиллегій. И стòитъ только остерлингамъ протянуть руку—и тогда образуется могущественный союзъ для защиты и поддержки справедливыхъ требованій ганзейскаго купца противъ союза трехъ хищныхъ сѣверныхъ королей.

Эти слова были привѣтствованы громкими криками одобренія, и во всемъ собраніи замѣтно было какое-то чрезвычайное оживленіе.

— Мы, ганзейцы, должны сами себѣ помочь, — опять началъ тотъ же ораторъ послѣ краткаго молчанія,— потому что всюду въ

Имперіи Германской видимъ одни раздоры. Богемскій король, правящій нами подъ именемъ императора Карла IV, заботится очень мало о нашихъ интересахъ, такъ какъ онъ считаетъ близкими себѣ только богемскія коронныя владѣнія. Во всѣхъ областяхъ имперіи замѣтно броженіе, и мы живемъ наканунѣ страшныхъ междоусобій, которыя должны разразиться между рыцарствомъ и бюргерствомъ, между князьями и народомъ. Не одинъ аттердагъ пренебрегаетъ писанными правами гражданъ; онъ нашелъ себѣ вѣрнаго товарища и подражателя его дѣйствій въ графѣ Эбергардѣ Вюртенбергскомъ, который, не стѣсняясь, хозяйничаетъ въ вольныхъ городахъ Швабіи. Померанскіе князья наносятъ нашей торговлѣ ущербъ своими нескончаемыми раздорами съ Мекленбургомъ. Вся Вестфалія представляетъ не болѣе, какъ поприще дѣйствій для бѣднаго, разбойничьяго рыцарства, непрекращающаго борьбы съ мѣстными епископами. Вѣрьте, что всѣмъ этимъ мелкимъ раздорамъ и неурядицамъ можетъ быть положенъ конецъ только учрежденіемъ обширнаго и прочнаго союза всѣхъ ганзейскихъ городовъ; а потому, сдѣлайте первый шагъ, протяните честно и прямо руку вестерлингамъ, соберитесь съ ними на совѣщаніе въ одномъ изъ рейнскихъ городовъ и дѣйствуйте во славу Божію противъ произвола и насилія. Вспомните, что только соединенныя и согласнодѣйствующія силы бываютъ несокрушимы. Соединимтесь же, братья, и, забывъ обо всѣхъ нашихъ частныхъ и личныхъ выгодахъ и разсчетахъ, принесемъ все въ жертву великому помыслу — показать свѣту, чего можетъ достигнуть презираемый господами баронами купецъ, ничтожный лавочникъ! Пусть и самые внуки и правнуки наши прославятъ насъ, ганзейцевъ, за то, что мы съумѣли защитить мирные интересы торговли и общаго благоденствія, и отстояли ихъ отъ сильныхъ міра сего!

Этими глубоко-прочувствованными словами Тидеманъ фонъ-Лимбергъ заключилъ свою прекрасную рѣчь. Вся ратуша, въ отвѣтъ ему загремѣла радостными кликами, и всѣ старались протѣсниться къ почтенному старцу, чтобы крѣпко пожать его руку и выразить ему свое сочувствіе.

— Заодно будемъ дѣйствовать!—кричали всѣ въ одинъ голосъ.— Пошлемъ своихъ посланцевъ въ Кёльнъ!

И этотъ единодушный отзывъ составлялъ лучшую награду для Тидемана, и, послѣ того, какъ его мысль поддержали своими рѣчами и многіе изъ членовъ городского совѣта, и посланные гросс мейстера прусскаго ордена,— Варендорпъ перешелъ къ общему голосованію. Собраніе окончилось рѣшеніемъ,—въ ноябрѣ отправить пословъ въ Кёльнъ.

Всѣ наперерывъ спѣшили пригласить къ себѣ Тидемана, такъ что у него пе достало бы ни силъ, ни времени, еслибы емỳ вздумалось удовлетворять общему порыву гостепріимства и любезности любечанъ.

— Благодарю, благодарю всѣхъ,—отвѣчалъ онъ,—но прошу не сѣтовать, если я приму только одно приглашеніе г. Госвина Стеена, старѣйшаго изъ моихъ здѣшнихъ друзей. Мы съ нимъ сошлись еще въ ранней молодости, и вмѣстѣ, рука-объ-руку, совершили часть жизненнаго пути. Дальнія странствованія, предпринимаемыя нами, скрѣпили нашъ союзъ, и съ самымъ теплымъ одушевленіемъ трудились мы надъ выработкою и созданіемъ того великаго цѣлаго, которое, въ видѣ ганзейскаго союза, теперь всѣхъ насъ соединяетъ общими, неразрывными узами. Вы понимаете теперь, почему я именно Госвина Стеена предпочитаю всѣмъ остальнымъ моимъ друзьямъ-ганзейцамъ?

Члены совѣта отвѣчали на это глубокими поклонами, хотя и было замѣтно, что многіе изъ нихъ завидовали предпочтенію, которое было оказано дорогимъ гостемъ Госвину Стеену.

За то стараго купца невозможно было узнать—такъ онъ перемѣнился при встрѣчѣ съ своимъ старымъ другомъ. Къ нему вернулся даже его старый юморъ; онъ шутилъ и смѣялся, къ великому изумленію болѣе молодыхъ ратсгеровъ, не видавшихъ улыбки на его лицѣ, давно уже не слыхавшихъ отъ него ни единаго лишняго слова.

Когда Госвинъ Стеенъ привелъ своего гостя къ себѣ домой, то и всѣ домашнія, и въ особенности фрау Мехтильда—изумились, услышавъ внизу давно-позабытый ими ясный и звонкій смѣхъ сумрачнаго хозяина дома. Этотъ смѣхъ мужа показался женѣ отголоскомъ минувшихъ лѣтъ и минувшаго счастья, и она, вмѣстѣ съ дочерью своею, Гильдегардою, поспѣшила съ лѣстницы ему навстрѣчу, и тотчасъ узнала г. Тидемана, который очень мало измѣнился въ теченіе долгихъ лѣтъ ихъ разлуки.

— Да будетъ благословенъ вашъ приходъ въ нашъ домъ!— воскликнула она радостно.—Вы вносите къ намъ лучъ солнца вашимъ присутствіемъ и прогоняете мрачныя тѣни. Скажите, какимъ волшебствомъ съумѣли вы разгладить морщины на лбу моего суроваго супруга? Право, право!—добавила она улыбаясь,—посмотрите какъ онъ смѣется, какъ весело смотритъ, а я ужъ давно не видала яснаго выраженія на его лицѣ.

— Дорогая моя супруга,—отвѣчалъ ей Госвинъ Стеенъ, между тѣмъ какъ фрау Мехтильда обмѣнивалась съ гостемъ дружескимъ рукопожатіемъ,—ты совершенно права: старый другъ вноситъ радость въ нашъ домъ; а потому изволь какъ можно тщательнѣе заняться обязанностью хозяйки дома, и ознакомь его со всѣми тонкостями нашей мѣстной кухни.

— Что съ тобой!—съ шутливой угрозой обратилась къ Госвину жена,—съ чего ты взялъ, что я могу сдѣлать невозможное? Ты ставишь меня въ крайнее затрудненіе! Не забудь же, что я даже и не думала, не гадала о возможности посѣщенія такого дорогого

гостя? Такъ ужъ извините, г. Тидеманъ, вамъ прійдется за нашимъ столомъ удовольствоваться тѣмъ, что окажется возможнымъ изготовить на скорую руку.

— Не тревожьтесь напрасно, дорогая хозяюшка!—отвѣчалъ Тидеманъ,—я надѣюсь другой разъ доставить вамъ случай выказать мнѣ ваше знаменитое кухонное искусство во всемъ его блескѣ.

Друзья, вмѣстѣ съ хозяйкой дома и съ дочерью, поднялись на лѣстницу, въ домашнія комнаты. Тамъ гость взялъ Гильдегарду за руку и сказалъ:

— Неужели это та самая маленькая дѣвочка, которую я когда-то нянчилъ у себя на колѣняхъ?

Гильдегарда раскраснѣлась, какъ маковъ цвѣтъ.

— Но, если я не ошибаюсь,—сказалъ Тидеманъ, оглядываясь кругомъ,—въ то время, какъ я держалъ на колѣняхъ эту маленькую дѣвочку, около меня стоялъ еще и прелестный мальчикъ. Гдѣ же онъ теперь?

Мать и дочь смущенно опустили глаза, а съ лица хозяина дома разомъ слетѣло его радостное выраженіе.

— Какъ долженъ я себѣ истолковать ваше молчаніе?—продолжалъ разспрашивать Тидеманъ.—Я впослѣдствіи встрѣтился съ этимъ мальчикомъ, встрѣтилъ его уже прекраснымъ юношей, на Лондонскомъ Стальномъ Дворѣ. Вѣдь онъ, надѣюсь, не умеръ же?

— Лучше бы умеръ...—отвѣчалъ мрачно Стеенъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?—добавилъ гость.

— Я потерялъ моего сына,—отвѣчалъ Госвинъ Стеенъ послѣ нѣкотораго молчанія,—потому что трусъ не можетъ быть моимъ сыномъ!

— Реймаръ—трусъ?!—повторилъ Тидеманъ съ особеннымъ удареніемъ.—Я могу засвидѣтельствовать совсѣмъ противуположное, потому что именно его мужеству и его мощной рукѣ обязанъ я тѣмъ, что вы еще видите меня въ живыхъ!

Мать и дочь съ удивленіемъ посмотрѣли на говорившаго, который, обратившись къ нимъ, продолжалъ:

— Да развѣ же онъ этого вамъ никогда не разсказывалъ?

Тѣ отрицательно покачали головами.

— Ну, такъ я же вамъ разскажу, какъ это было.

— Пожалуйста, приберегите этотъ разсказъ до послѣ обѣда,—сталъ убѣдительно просить гостя Госвинъ Стеенъ,—вѣдь вы знаете, что въ жёлчномъ настроеніи не слѣдуетъ садиться за столъ.

— Вашего отеческаго сердца не можетъ раздражить добрая вѣсть о сынѣ,—возразилъ Тидеманъ.

— У меня нѣтъ болѣе сына,—продолжалъ настойчиво утверждать Стеенъ.—Я поступилъ съ нимъ по глаголу Священнаго Писанія: «если рука твоя или нога твоя соблазняетъ тебя, то отсѣки ее и брось отъ себя».

— Вы тверды въ Библіи,—сухо замѣтилъ ему Тидеманъ.—Если бы всѣ мы вздумали поступать согласно приведенному вами тексту, то немногіе бы изъ насъ уцѣлѣли.

Госвинъ Стеенъ строго посмотрѣлъ на говорившаго, а тотъ на строгій взглядъ отвѣчалъ улыбкой.

Мать и дочь собирались было удалиться, но гость удержалъ Гильдегарду словами:

— Побудьте еще немного съ нами, Гильдегарда. Мнѣ пріятно видѣть, что вы напоминаете вашего брата выраженіемъ глазъ— тѣхъ прекрасныхъ, честныхъ глазъ, въ которые я такъ любилъ смотрѣть. Скажите мнѣ, какъ переноситъ ваше сердце разлуку съ Реймаромъ?

Гильдегарда отвѣчала только слезами.

— Вотъ, взгляните-ка, старый другъ, эта бѣдняжка никакъ не можетъ забыть той «руки», которую вы рѣшились отсѣчь въ гнѣвѣ!

— Перейдемъ къ другому разговору; я не люблю вспоминать прошлое,—отвѣчалъ уклончиво Стеенъ.

— И я понимаю почему: потому что ваше внутреннее сознаніе не могло бы оправдать вашей суровости.

— Вотъ вѣдь я такъ радовался нашему свиданію,—сказалъ хозяинъ дома нерѣшительно, —а вы... вы непремѣнно хотите возбудить во мнѣ жёлчъ даже и въ этотъ хорошій мигъ!

Тидеманъ медленно покачалъ головою, а затѣмъ, положивъ руку на плечо Стеена, сказалъ:

— Вы странный человѣкъ! Какой же отецъ не слышитъ съ радостью добрыя вѣсти о сынѣ! Тучки набѣгаютъ иногда во всякой семейной жизни. Такъ оно и должно быть; а то мы бы избаловались солнцемъ вѣчнаго, немеркнущаго счастья. Но буря должна миновать, и небо должно опять прояснить. А вы все еще держите грозу въ сердцѣ, и даже голосъ вашъ напоминаетъ раскаты отдаленнаго грома.

Госвинъ Стеенъ хотѣлъ что-то возразить, но гость продолжалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, старый другъ, вы должны подчиниться великой заповѣди всепрощающей любви; вспомните: «остави намъ долги наши, якоже мы оставляемъ должникомъ нашимъ!» Смотрите, я еще разъ сегодня же возвращусь къ этому предмету разговора, а теперь готовъ поступить по вашему желанію и перейти къ другому.

И почтенный Тидеманъ сталъ весело разговаривать съ Гильдегардой, заставилъ ее забыть о слезахъ, заставилъ смѣяться своимъ шуткамъ. И самъ хозяинъ дома, невольно поддаваясь чужой веселости, нѣсколько прояснѣлъ, а фрау Мехтильда, по временамъ заглядывавшая въ комнату, принимая участіе въ общемъ разговорѣ, такъ и сіяла счастіемъ, потому что не могла не замѣтить поразительную перемѣну, произведенную гостемъ въ ея мужѣ.

Наконецъ, всѣ ея занятія въ кухнѣ были окончены, и она

весьма граціозно подала руку гостю, чтобы провести его въ столовую, лучшую комнату дома, отличавшуюся отъ всѣхъ другихъ своимъ пышнымъ убранствомъ. Это убранство могло, дѣйствительно, дать нѣкоторое понятіе о богатствахъ стариннаго торговаго дома. Стѣны столовой были покрыты богатой рѣзьбою, полы устланы пестрыми коврами, а высокіе поставцы по угламъ гнулись подъ тяжестью прекрасныхъ серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ. Окна, съ тонкими и узорчатыми свинцовыми оконницами, пропускали свѣтъ сквозь причудливо расписанныя стекла, въ то время составлявшія очень дорогую и рѣдкую роскошь даже и въ богатыхъ бюргерскихъ домахъ.

Обширный дубовый столъ былъ покрытъ скатертью, висѣвшею почти до пола; на самой срединѣ стола солонка, около которой положены были хлѣбы самыхъ разнообразныхъ формъ. Столовый приборъ состоялъ изъ глиняной, росписной посуды, покрытой глазурью, изъ оловянныхъ сосудовъ и серебряныхъ ложекъ и ножей. Вилокъ за столомъ не полагалось: они вошли въ употребленіе не ранѣе конца XVI вѣка.

Прежде, чѣмъ вся семья сѣла за столъ, старикъ Даніэль принесъ обычные сосуды съ водой для мытья рукъ и полотенца. А затѣмъ началось угощеніе гостя, тѣми лакомыми блюдами, которыя фрау Мехтильда успѣла изготовить, воспользовавшись короткимъ промежуткомъ времени до обѣда.

Богатство дома выказывалось и въ тѣхъ прекрасныхъ винахъ, которыя хранились въ домашнемъ погребѣ, и Тидеманъ особенно охотно подливалъ себѣ стараго краснаго вина, вскипяченнаго съ какими-то специіями. Вообще, замѣтно было, что гость любилъ покушать и выпить лишнюю чару, если его не отвлекали отъ этого удовольствія болѣе важныя дѣла. Но—при своей педантической преданности къ дѣлу—онъ, конечно, могъ самъ себѣ дозволить лишь очень рѣдко это удовольствіе, и тѣмъ болѣе доставляло оно ему наслажденіе. Для каждой хорошей хозяйки дома—возможность угостить г. Тидемана были бы положительнымъ счастьемъ! Онъ всего отвѣдалъ и все умѣлъ похвалить. Но болѣе всего удостоилъ похвалами тотъ ароматный напитокъ, который фрау Мехтильда поднесла своему гостю послѣ обѣда. Она особенно гордилась тѣмъ, что рѣдкій рецептъ, по которому этотъ напитокъ изготовлялся, происходилъ еще изъ римской древности, и къ ней самой перешелъ по наслѣдству отъ отца, богатаго Вульфа-фонъ-Вульфнама.

— Воздай вамъ Богъ за все то удовольствіе, которое вы мнѣ сегодня доставили!—сказалъ Тидеманъ, обращаясь къ хозяйкѣ дома. И, съ этими словами, онъ осушилъ свой бокалъ и поднялся изъ-за стола.—Въ видѣ благодарности, позвольте же мнѣ исполнить обѣщаніе, и разсказать вамъ о похвальномъ поступкѣ вашего сына, который мужествомъ своимъ спасъ мнѣ жизнь.

Хозяинъ дома, во время разсказа гостя, съ недовольнымъ видомъ отвернулся въ сторону; но за то въ глазахъ жены его и дочери засвѣтилась самая искренняя радость. Когда же дѣло дошло до упоминанія имени Кнута Торсена, Госвинъ Стеенъ встрепенулся. Тидеманъ это замѣтилъ, хотя и не выказалъ этого, и, повидимому, продолжалъ свой разсказъ, только обращаясь къ матери и дочери.

— Ну, а теперь скажите же, старый другъ,—сказалъ онъ, по окончаніи разсказа, Госвину Стеену,—развѣ въ данномъ случаѣ Реймаръ не поступилъ какъ истинно-храбрый и благородный человѣкъ?

— Это нимало не заглаживаетъ той трусости, которую онъ позднѣе выказалъ,—рѣзко отозвался Стеенъ.—Развѣ не бываетъ и того, что человѣкъ, удостоившись лавровъ за одинъ изъ своихъ подвиговъ, потомъ умираетъ презрѣнный и забытый всѣми!

— Такъ разскажите же, по крайней мѣрѣ, въ чемъ именно заключается провинность Реймара!—добавилъ Тидеманъ.

— Здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ,—отвѣчалъ Стеенъ, который, видимо, начиналъ выказывать сильное волненіе.—Если вы хотите сойти со мною въ мою контору, то я охотно готовъ отвѣчать вамъ на ваши вопросы.

Тидеманъ согласился на предложеніе и сталъ прощаться съ хозяйкой дома и ея дочерью.

— Я надѣюсь,—сказалъ онъ имъ съ дружеской искренностью,—что увижусь съ вами вскорѣ и часъ свиданія, конечно, уже не будетъ болѣе смущенъ никакими тяжелыми впечатлѣніями...

При этомъ онъ взглянулъ въ сторону хозяина дома, который нетерпѣливо ожидалъ его на порогѣ столовой.

Молча спустились друзья съ лѣстницы внизъ, и даже послѣ того, какъ они пришли въ контору и сѣли — ни одинъ изъ нихъ не рѣшался начать рѣчь первый.

Наконецъ, молчаніе прервалъ Госвинъ Стеенъ, сказавъ:

— Хотя и не охотно возвращаюсь къ этимъ воспоминаніямъ, однако же, вы должны знать тѣ основанія, которыя побудили меня къ разрыву съ сыномъ; потому что я желаю оправдаться передъ вами.

— Повѣрьте, что я все, что вы имѣете сказать, выслушаю съ величайшимъ участіемъ,— отвѣчалъ Тидеманъ внимательно вглядываясь въ своего друга.

Госвинъ сдѣлалъ надъ собою усилія, чтобы овладѣть собою,— но это было не легко. По крайней мѣрѣ его голосъ дрожалъ, когда онъ заговорилъ: «Любекскій военный корабль, высланный въ Норезунтъ для защиты Бойской флотиліи, сталъ на якорь близъ лѣсистаго берега, когда Бойскіе корабли уже показались на горизонтѣ, въ Каттегатѣ. Въ то же самое время, изъ Скельтервига, неожиданно явился разбойничій корабль, подошелъ къ нашему воен-

ному кораблю, и капитанъ военнаго Любекскаго корабля (я тогда еще называлъ его своимъ сыномъ!) такъ перепугался предстоявшей ему схватки, что поскорѣе поднялъ паруса, и предался постыднѣйшему бѣгству, предоставляя несчастную Бойскую флотилію на произволъ судьбы. Ну, что же вы скажете, дорогой другъ? Развѣ же честный, уважающій себя человѣкъ, которому поручена охрана драгоцѣннаго груза на Бойскомъ флотѣ, можетъ поступить такимъ образомъ? Или, можетъ быть, и вы то же не откажетесь этотъ способъ дѣйствія назвать не болѣе, какъ подлою трусостью»!

Тидеманъ, по обычаю своему, сидѣлъ откинувшись на спинку стула и внимательно разсматривалъ свои ногти. Прошло нѣсколько минутъ прежде, нежели онъ отвѣтилъ:

— Скажите пожалуйста, отъ кого же вы получили такія подробныя свѣдѣнія объ этомъ поступкѣ вашего сына? Сколько я знаю, изъ всѣхъ бывшихъ на Бойскомъ флотѣ до сихъ поръ никто еще не вернулся?

— Я получилъ эти свѣдѣнія отъ человѣка, который былъ очевидцемъ событія! — съ нѣкоторымъ смущеніемъ отозвался Стеенъ.

— Ну, а вы твердо убѣждены въ томъ, что этотъ свидѣтель— честный человѣкъ?—продолжалъ далѣе допрашивать Тидеманъ, все пристальнѣе вглядываясь въ лицо Стеена.

Стеенъ смутился еще болѣе.

— Легко можетъ быть, что вы,—и Стеенъ нѣсколько замялся,— что вы, можете кое-что противъ него имѣть, такъ какъ, изъ вашего разсказа, я вижу, что онъ грубо и дерзко поступилъ съ вами тамъ, въ Лондонѣ...

— Да ужъ вы не о Кнутѣ ли Торсенѣ говорите?—воскликнулъ Тидеманъ, и взоръ его заблисталъ молніей.

Стеенъ утвердительно кивнулъ головой.

— Боже ты мой! — горячо продолжалъ гость, — и такому темному, подозрительному проходимцу вы оказываете довѣріе, придаете значеніе его свидѣтельству? Человѣку, исключенному изъ нашего союза за нарушенія довѣрія, проникнутому местью и злобой противъ вашего сына за то, что онъ защитилъ мою жизнь, — такому-то человѣку вы поддались настолько, что рѣшились отказаться отъ своей собственной плоти и крови!

— Я не зналъ, что у Торсена есть поводы для мести противъ Реймара!

— Это не можетъ служить вамъ извиненіемъ,—рѣзко замѣтилъ Тидеманъ. — Такъ могъ бы поступить молодой сорви-голова, а никакъ не разумный отецъ, любящій своего сына! Можете ли вы, при этихъ условіяхъ, быть увѣренными въ томъ, что этотъ Торсенъ сказалъ вамъ правду?

— Да!—сказалъ Стеенъ, смущенно опустивъ глаза,—тѣмъ болѣе, что онъ вызывался представить свидѣтельство всѣхъ экипа-

жей, захваченныхъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ судами Бойскаго флота. Онъ даже угрожалъ мнѣ тѣмъ, что этихъ свидѣтелей представитъ въ судъ, и потому вы понимаете, что я былъ страшно встревоженъ, потому что мое честное имя было бы тогда опозорено, а сынъ мой безпощадно подвергнутъ тому же суду, который и Іоанна Виттенборга призналъ виновнымъ.

Госвинъ Стеенъ опустилъ голову и сложилъ руки на груди.

— Ну, а что же датчанинъ Торсенъ?—продолжалъ разспрашивать Тидеманъ.— Я не слыхалъ о томъ, чтобы онъ привелъ свои угрозы въ исполненіе.

— Полагаю, что онъ и не могъ ихъ выполнить, потому что я купилъ его молчаніе на вѣсъ золота.

— Ага!—воскликнулъ Тидеманъ,—такъ птичка-то попалась на приманку?

Стеенъ отвѣчалъ вспыльчиво:

— Вы странныя употребляете выраженія!

— Старому другу не приходится взвѣшивать свои слова!—отвѣчалъ Тидеманъ.—Да сверхъ того—это сущая правда. Датчанинъ, попросту говоря, васъ надулъ. Онъ ни въ какомъ случаѣ и никого не могъ представить, въ качествѣ свидѣтеля, въ подтвержденіе своего показанія, потому что всѣ экипажи судовъ, участвовавшихъ въ Бойской флотиліи, были сброшены пиратами въ море.

— А вы-то откуда же это знаете? — спросилъ съ изумленіемъ Стеенъ.

— Это—моя тайна!—сказалъ Тидеманъ.—Но только ужъ, конечно, моимъ словамъ, въ данномъ случаѣ вы можете скорѣе повѣрить, нежели лживымъ увѣреніямъ этого негодяя Торсена. О, Боже мой! — продолжалъ онъ гнѣвно, шагая взадъ и впередъ по комнатѣ—какъ я подумаю, что отецъ, основываясь на показаніяхъ мерзавца, порываетъ связи съ единственнымъ своимъ сыномъ, да еще съ какимъ сыномъ-то! которымъ гордиться бы слѣдовало!.. Да я бы не знаю что отдалъ, чтобы имѣть право назвать его своимъ сыномъ! Нѣтъ, вы скажите, скажите мнѣ, старый другъ— должно быть вы тогда совсѣмъ всякій разсудокъ потеряли, что могли такъ дѣйствовать? Знаете ли вы, по крайней мѣрѣ, гдѣ онъ теперь находится?

Госвинъ Стеенъ мрачно и упорно старался отъ него отвернуться. Его голосъ звучалъ непріятно, когда онъ возразилъ:

— Хорошо вамъ теперь мораль разводить! Будь вы на моемъ мѣстѣ, такъ небось также бы поступили.

— Никогда!

— Развѣ же я могъ знать, что этотъ Торсенъ меня обманываетъ?—воскликнулъ Стеенъ.—Развѣ я не долженъ былъ опасаться того, что онъ дѣйствительно представитъ свидѣтелей? Не долженъ

АПОЛЛОНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МАЙКОВЪ

дозв. ценз. спб., 25 мая 1888 г.

АРАКЧЕЕВСКІЙ СЫНОКЪ[1].

XXIII.

ЫЛЪ уже давно сентябрь мѣсяцъ. Съ того дня, что Шумскій во флигель-адъютантской формѣ встрѣтился съ барономъ во дворцѣ, прошло болѣе двухъ недѣль. Дѣла Шумскаго и его отношенія ко всѣмъ окружающимъ перепутались окончательно. Молодой человѣкъ съ крѣпкой, здоровой натурой, отъ природы энергическій и предпріимчивый, легко боровшійся со всякаго рода затрудненіями, теперь былъ окончательно сбитъ съ толку, чувствовалъ, что у него умъ за разумъ заходитъ. Не ощущая собственно никакой болѣзни, Шумскій теперь чувствовалъ себя однако какъ бы больнымъ. Онъ былъ донельзя измученъ, раздраженъ и, казалось, способенъ какъ женщина на истерическій припадокъ.

Чѣмъ болѣе онъ обдумывалъ свое положеніе, тѣмъ больше приходилъ втупикъ.

— Все запуталось и перепуталось,—думалъ и повторялъ онъ.— Самъ дьяволъ ничего тутъ не подѣлаетъ.

А, между тѣмъ, вся путаница произошла отъ одного слова. Отъ того слова Авдотьи, которое она всегда называла «страшнымъ» и которое она сказала Пашутѣ. Оно-то, это страшное слово, все и перевернуло верхъ дномъ.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXII, стр. 249.

Послѣ бесѣды своей съ Пашутой, Авдотья прибѣжала въ квартиру Шумскаго, какъ безумная, съ измѣнившимся лицомъ, дрожащая, перепуганная, растерянная. Она разсказала, путаясь, своему питомцу, что объяснилась съ Пашутой, что отъ этого объясненія произошла только бѣда и что нужно Пашуту немедленно, не теряя ни минуты, взять изъ дома барона.

Шумскій при такомъ результатѣ настолько былъ пораженъ, что едва могъ собраться съ силами, чтобы только развести руками.

— Вотъ такъ устроила!—промолвилъ онъ тихо, безъ гнѣва, но затѣмъ повторялъ это слово въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Въ чемъ заключалось ея объясненіе съ Пашутой, женщина ни за что сказать не хотѣла, говоря, что даже угроза ссылки въ Сибирь не заставитъ ее признаться. Сначала Шумскій былъ изумленъ, конечно, но затѣмъ рѣшилъ, что это все однѣ бредни и одна «бабья-дурь». Онъ тотчасъ обвинилъ себя и только въ томъ, что повѣрилъ въ серьезность помощи Авдотьи.

«Дура-баба вообразила себѣ что-то, сочинила, наговорила какого-то вздору дѣвчонкѣ, ничего изъ этого не вышло, вышло даже что-то худшее»,—думалъ онъ.

Однако, нѣсколько дней допытываясь отъ мамки, въ чемъ заключалось объясненіе, почему она требуетъ, чтобы Пашута была немедленно взята изъ дома барона, Шумскій все-таки заставилъ Авдотью говорить. Она объясняла и разсказывала три дня сподрядъ и въ концѣ всѣхъ ея рѣчей и разсказовъ Шумскій увидалъ ясно, что женщина лжетъ отъ перваго слова до послѣдняго, желая скрыть сущность дѣйствительнаго объясненія.

— Да ты лжешь, противорѣчишь сама себѣ!—восклицалъ Шумскій.

Авдотья божилась, что не лжетъ, а затѣмъ черезъ часъ плакала, говоря, что грѣшитъ съ неправедной божбой и что все-таки са̀мой сути она никому, а тѣмъ паче своему любимцу, не скажетъ.

Выгнавши однажды Авдотью изъ своего кабинета, Шумскій дней десять не видалъ мамку и даже велѣлъ ей черезъ Ваську не показываться ему на глаза. Раза два онъ уже собирался отправить женщину обратно въ Гру̀зино.

Разумѣется, за это время Шумскій нѣсколько разъ, хотя уже не всякій день, побывалъ у барона въ домѣ, но Еву увидѣлъ только одинъ разъ и на мгновенье.

Не зная, вѣроятно, что Андреевъ находится въ кабинетѣ отца, баронесса явилась, но, увидя молодого человѣка, остановилась. Съ порога окинула она его взоромъ съ головы до ногъ и какъ-то странно. Такъ смотрятъ на человѣка, котораго видятъ въ первый разъ. Глаза ея будто сказали: «кто это можетъ быть?» Этотъ взглядъ Евы особенно больно кольнулъ Шумскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и несказанно удивилъ. Если бы въ этомъ взглядѣ было ма-

лѣйшее намѣреніе кольнуть или оскорбить его, то молодому человѣку оно показалось бы понятно и было бы, пожалуй, менѣе обидно. Но именно въ безстрастномъ, спокойномъ, равнодушномъ взглядѣ красавыхъ глазъ «серебряной царевны» сказалось одно:

— Кто бы это могъ быть въ кабинетѣ отца? Что за человѣкъ?

Долго и много надъ этимъ взглядомъ ломалъ себѣ голову Шумскій и ничего не могъ придумать. Будь Ева искусная актриса, все было бы ясно. Но въ ней не было тѣни притворства или искусства играть своимъ лицомъ. Шумскій поневолѣ началъ спрашивать себя, не измѣнился ли онъ очень лицомъ, не стоялъ ли въ тѣни; быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ баронесса не узнала его. Но это, однако, было плохое утѣшеніе. Ева хорошо узнала молодого человѣка, котораго она смѣрила взглядомъ; потому что, кивнувъ головой и сказавъ одно слово отцу,—какъ бы небрежно уронивъ это слово,—она тотчасъ же тихо повернулась и скрылась.

— Удивляюсь!—произнесъ баронъ, но не прибавилъ ничего въ объясненье вырвавшагося у него слова.

Однако, въ слѣдующій разъ Нейдшильдъ спросилъ у г. Андреева, почему не продолжается и не оканчивается портретъ. Шумскій не нашелся ничего отвѣтить. Сказать, что баронесса не хочетъ этого, онъ считалъ неудобнымъ и даже опаснымъ. Если она молчитъ про ихъ ссору, то ему и подавно не слѣдуетъ говорить объ ней барону.

— Я всегда готовъ окончить портретъ, когда баронесса пожелаетъ,—отвѣчалъ онъ.—Извольте напомнить баронессѣ, и когда она прикажетъ, въ тотъ день я и явлюсь продолжать рисовать.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, бывая у барона, Шумскій настойчиво старался повидаться съ Пашутой, посылалъ за ней не разъ Антипа и другого лакея. Пашута отзывалась каждый разъ какимъ-нибудь дѣломъ, невозможностью прійти и, наконецъ, однажды Антипъ, самъ нѣсколько удивленный, передалъ г. Андрееву довольно рѣзкій отвѣтъ.

«Приходить ей незачѣмъ, говорить не о чѣмъ, а видѣться съ господиномъ Андреевымъ она не желаетъ. Когда-де онъ свою волчью шкуру сниметъ, тогда и она готова съ нимъ побесѣдовать. Если графъ Аракчеевъ продастъ ее, то все будетъ слава Богу. А если онъ прикажетъ ей возвращаться въ Грузино, то она уходя многое разскажетъ барону. А пріѣхавши въ Грузино, перевернетъ его вверхъ дномъ однимъ своимъ словомъ».

Шумскій, выйдя на улицу, прошепталъ нѣсколько разъ въ дикомъ припадкѣ гнѣва:

— Убилъ бы, просто убилъ бы проклятую.

Наконецъ, за это же время два раза на квартиру Шумскаго появлялся никто иной, какъ самъ баронъ Нейдшильдъ. Пріѣзжалъ онъ, конечно, не къ господину Андрееву, а къ флигель-адъютанту Шумскому.

Первое появленіе барона произвело то же самое, какъ еслибы молнія ударила и зажгла весь домъ. Васька кубаремъ явился въ кабинетъ барина и почти закричалъ:

— Баронъ, самъ баронъ Нейдшильдъ.

Шумскій вскочилъ, бросилъ трубку, потомъ опять сѣлъ, потомъ опять вскочилъ и заметался по своей комнатѣ. Наконецъ, онъ плюнулъ и злобно выговорилъ:

— И ты дуракъ и я дуракъ! Дома нѣтъ, и все тутъ!

Черезъ нѣсколько мгновеній баронъ уже отъѣхалъ отъ квартиры, а Шумскій бѣсился на самого себя, что могъ хоть на минуту смутиться.

— Дома нѣтъ и конецъ! Хоть цѣлый годъ все дома не будетъ! Чего я испугался?

Васька объяснилъ, что баронъ спрашивалъ, когда можно застать барина дома. Онъ отвѣтилъ, что опредѣлить часа невозможно.

Хотя Шумскій могъ, конечно, совершенно просто, не возбуждая никакихъ подозрѣній, не сказываться барону дома въ теченіе очень долгаго времени, тѣмъ не менѣе это появленіе смутило его. Баронъ могъ письмомъ прямо просить свиданія ради объясненія по дѣлу. Дѣло это, конечно, касалось покупки Пашуты.

Такъ именно и случилось. Заѣхавъ еще два раза и узнавъ, что офицера Шумскаго почти никогда нѣтъ дома, баронъ написалъ письмо, въ которомъ кратко излагалъ цѣль своего желанія познакомиться съ г. Шумскимъ. Просьба его заключалась въ томъ, чтобы узнать окончательно отъ графа Аракчеева, когда и за какую сумму пожелаетъ онъ продать свою крѣпостную дѣвушку Прасковью. Баронъ просилъ Шумскаго назначить ему день и часъ, когда онъ можетъ застать его дома.

Сначала Шумскій смутился, но затѣмъ вскорѣ разсмѣялся, придумавъ, какъ высвободиться изъ новаго затрудненія. Онъ съѣздилъ къ своему другу Квашнину и уговорилъ его, хотя съ трудомъ, вступиться въ дѣло, помочь обмануть барона. Онъ упросилъ Квашнина объясниться съ барономъ у него на квартирѣ или же съѣздить къ нему, но при этомъ, конечно, назваться Шумскимъ. Въ томъ и другомъ случаѣ Квашнину приходилось надѣвать флигель-адъютантскій мундиръ, такъ какъ онъ не могъ принять барона въ халатѣ или ѣхать къ нему въ статскомъ платьѣ. Преображенскій же мундиръ былъ, конечно, хорошо извѣстенъ Нейдшильду. Необходимое переодѣванье наиболѣе останавливало Квашнина.

— Воля твоя,—говорилъ онъ,—всячески готовъ помочь, но эдакую комедію разыграть не могу. И совѣстно, и стыдно, да и какъ-то очень не хорошо. Противузаконно.

Между друзьями было сначала рѣшено, что Квашнинъ съѣздитъ къ барону по порученію Шумскаго. Квашнинъ поѣхалъ, не засталъ барона дома и объяснилъ цѣль своего визита лакею. На другой же

день пришла записка отъ Нейдшильда, въ которой онъ писалъ, что не желаетъ имѣть дѣла ни съ кѣмъ помимо самого г. Шумскаго, такъ какъ простое дѣло о выкупѣ горничной для него дѣло крайней важности. Объясненіе должно быть толковое и обстоятельное, и онъ настойчиво проситъ г. Шумскаго пріѣхать или принять его лично.

— Вотъ и попалъ между двухъ тупицъ и упрямицъ!—воскликнулъ Шумскій.—Тотъ лѣзетъ самъ объясняться, а этотъ не хочетъ на пять минутъ нарядиться.

Однако, черезъ два дня, потративъ много краснорѣчія, Шумскій, все-таки, убѣдилъ друга выручить его изъ страшной бѣды. Квашнинъ, не соглашавшійся ни за что надѣть флигель-адъютантскій мундиръ, сдался на пустяки. Было рѣшено, что Шумскій пригласитъ барона къ себѣ, извиняясь при этомъ, что онъ боленъ и можетъ принять его только въ халатѣ.

На другой же день послѣдовало свиданіе барона съ подставнымъ Шумскимъ въ халатѣ. Квашнинъ разыгралъ роль Шумскаго самымъ сквернымъ образомъ и поэтому произвелъ на барона великолѣпное впечатлѣніе. Смущеніе Квашнина, его робость и вѣжливость виноватаго человѣка—все восхитило барона. Квашнинъ всегда мягкій и голосомъ, и жестами, на этотъ разъ, отъ полнаго смущенія и стыда, что играетъ глупую и почти преступную роль, краснѣлъ и конфузился, какъ молодая дѣвушка.

Разумѣется, во время бесѣды Квашнинъ соглашался на все и божился, что будетъ уговаривать графа Аракчеева поскорѣе и какъ можно выгоднѣе продать крѣпостную дѣвушку.

Когда баронъ уѣхалъ, Квашнинъ, снимая халатъ Шумскаго, швырнулъ его на полъ и махнулъ рукою такъ, какъ никогда за всю жизнь не махалъ.

— Ну, братъ, Михайло Андреевичъ, въ первый и послѣдній разъ я такую комедію отмочилъ, — отчаянно произнесъ онъ. —Кажется, воровать лучше идти. Полагаю вотъ какъ, всей душой, что стащи я на базарѣ яблоки у бабы съ лотка, то меньше бы во мнѣ совѣсть горѣла, чѣмъ за все время этого свиданья съ барономъ. Нѣтъ, видно на эти дѣла уродиться нужно! Слыхалъ я въ юности отъ моего учителя римскую древнѣйшую поговорку, что казнодѣи обучаются, а поэты и стихотворцы таковыми должны рождаться. Вотъ и подлецомъ, должно быть, извини другъ, мошенникомъ, что ли, тоже, должно быть, надо родиться. А захочетъ иной человѣкъ смошенничать и выходитъ, чортъ его знаетъ, что. Ничего не выходитъ!

Шумскій, конечно, только смѣялся на весь ужасъ и на всѣ волненія друга. Главное было сдѣлано, цѣль была достигнута.

Между тѣмъ, за эти дни Авдотья, не показывавшаяся на глаза къ барину, ежедневно ходила по всѣмъ тѣмъ святымъ угодникамъ,

какихъ только можно было разыскать въ Петербургѣ. На ея бѣду ихъ было «страсть какъ мало!»

— Будь я въ Москвѣ, — охала она, — тамъ бы на мѣсяцъ хватило угодникамъ помолиться, а тутъ знай себѣ Невскую Лавру и больше никого и ничего.

А дѣло стряслось такое, обстоятельства такія мудреныя подошли, что Авдотья чувствовала необходимость въ помощи елико возможно большого количества святыхъ угодниковъ.

— Всѣхъ святыхъ теперь замолить, — думала она, — и то насилу выдерешься изъ бѣды.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, женщина черезъ Копчика и черезъ Шваньскаго постоянно раздражала и сердила барина напоминаніемъ взять поскорѣе Пашуту изъ дома барона. А приказать взять Пашуту было невозможно, благодаря ея собственной угрозѣ, и благодаря толкованію той же мамки. Пашуту приходилось взять вдругъ, внезапно, дабы не дать ей возможности передъ уходомъ отъ баронессы сказать то же самое «чертовское» слово. Этимъ именемъ уже давно прозвалъ Шумскій страшное слово Авдотьи, или ея объясненье съ дѣвушкой.

«Именно чертовское слово!» — часто думалъ онъ.

Ничего не отвѣчая Авдотьѣ и не желая ее видѣть, Шумскій, все-таки, не терялъ времени. Его Лепорелло Шваньскій уже давно получилъ приказаніе надумать, какъ бы избавиться отъ Пашуты. Шумскій объяснилъ Шваньскому и даже перевелъ съ французскаго названіе своего приказанія.

— Я тебѣ даю carte blanche, это значитъ разрѣшаю тебѣ Пашуту утопить, изжарить, даже съѣсть, если пожелаешь. Но надо взять ее изъ дома барона! Взять не иначе, какъ внезапно, врасплохъ, въ одну минуту.

Шваньскій не былъ озадаченъ приказомъ, онъ былъ настолько хитеръ и настолько много темныхъ дѣлишекъ устроилъ на своемъ вѣку и для своего покровителя, и для другихъ, и для себя лично, что никакимъ порученіемъ его озадачить было нельзя. Онъ зналъ заранѣе, что такъ или иначе, а придумаетъ вскорѣ какой-нибудь прехитрый и вмѣстѣ простой способъ.

Дѣйствительно, покуда Шумскій въ качествѣ г. Андреева видался съ барономъ, а подъ своимъ именемъ Шумскаго не сказывался дома и выставлялъ Квашнина, Шваньскій за это же время обдумывалъ и приготовлялъ новое предпріятіе—похищеніе Пашуты. Когда онъ однажды объяснилъ вкратцѣ свой планъ патрону, то молодой человѣкъ невольно треснулъ Лепорелло по плечу и сказалъ:

— Молодецъ Иванъ Андреичъ! Ты такая умница, что не знаешь, гдѣ въ тебѣ лисица кончается и гдѣ волкъ начинается. Полагаю, хвостъ и лапы у тебя лисьи, шкура же, и главное, морда съ зубами — волчьи. Молодецъ! Строй, налаживай!

Взять Пашуту вдругъ, силой, черезъ полицію, какъ крѣпостную графа Аракчеева было, конечно, не только легко, но и просто. Это было бы дѣяніе совершенно законное. Но Авдотья пугала всѣхъ тѣмъ, что Пашута въ минуту своей ярости можетъ сказать одно слово, которое подобно пушечному выстрѣлу, такъ всѣхъ и положитъ замертво. Надо было взять Пашуту внѣ дома барона. Пускай кричитъ на улицѣ какое хочетъ страшное слово.

Между тѣмъ, Пашута отъ своей барышни не отходила ни на шагъ, какъ бы чуя надъ собою грозу. По всей вѣроятности, дѣвушка и догадывалась, что она теперь не вредима только въ стѣнахъ дома барона, куда не посмѣютъ прійти брать ее насильно. На улицѣ же, хотя бы за нѣсколько шаговъ отъ дома, она была уже въ полной власти своихъ враговъ. Для Шваньскаго слѣдовательно вся задача заключалась въ томъ, чтобы заставить Пашуту выйти изъ дома.

— Вся сила въ этомъ,— объяснялъ онъ Шумскому. — Пускай только удастся намъ выманить ее, а разъ выманимъ, она наша. И куда прикажете!

— Въ мѣшокъ и въ воду, — воскликнулъ Шумскій почти серьезнымъ голосомъ.

— Ну ужъ тамъ будетъ ваша воля. Я только выманю. А насчетъ убійства или утопленія, вы, Михаилъ Андреевичъ, меня увольте, я по этимъ дѣламъ совсѣмъ не мастеръ! — полусерьезно, полушутя, отозвался Шваньскій.

XXIV.

Однажды барону доложили, что какой-то чиновникъ желаетъ его видѣть. Для Нейдшильда достаточно было, чтобы человѣкъ носилъ оффиціальное платье, мундиръ или вицмундиръ, чтобы безъ труда войти съ нимъ въ сношенія. Сначала баронъ отказалъ принять неизвѣстнаго человѣка, но, узнавъ, что на немъ сюртукъ со свѣтлыми пуговицами, приказалъ пустить.

Однако, баронъ принялъ чиновника не въ кабинетѣ, а въ залѣ. Явившійся рекомендовался приказнымъ изъ суда: Фамилія его была Краюшкинъ. Онъ объяснилъ барону, что прослышалъ объ его желаніи купить у графа Аракчеева дворовую дѣвушку и о нѣкоторыхъ затрудненіяхъ по этому поводу. Краюшкинъ предлагалъ за сравнительно малое вознагражденіе устроить все дѣло быстро и легко.

— Вамъ даже и заплатить придется очень мало, а пожалуй и ничего,—объявилъ онъ.—Я случайно знаю всѣ обстоятельства этого дѣла. Дѣвушка Прасковья, взятая во дворъ графа, дочь хорошо извѣстныхъ мнѣ людей, нынѣ находящихся на волѣ. Если ея отецъ человѣкъ вольный, то и она поэтому пользуется тѣми же правами.

Краюшкинъ объяснилъ барону все касающееся до Пашуты такъ подробно, какъ если бы давно занимался этимъ дѣломъ. Сначала баронъ обрадовался, но затѣмъ пришелъ въ смущеніе отъ возникшаго вопроса: стало быть, придется судиться съ всесильнымъ графомъ?

— На это я никогда не пойду,—сказалъ онъ.—Во-первыхъ, съ графомъ Аракчеевымъ судиться нельзя, онъ всегда останется правъ, а во-вторыхъ, я не желаю наживать себѣ въ немъ врага.

Краюшкинъ улыбнулся и еще болѣе подробно объяснилъ барону, что все дѣло заключается въ томъ, какъ посмотрѣть на этотъ вопросъ. По его мнѣнію, надо было прежде всего разъяснить дѣло, затѣмъ довести его до свѣдѣнія самого графа и, конечно, не судиться съ нимъ, а лишь поставить его въ извѣстность относительно всѣхъ подробностей. Тогда самъ Аракчеевъ, увидя, что онъ не имѣетъ никакихъ правъ на Пашуту, какъ человѣкъ богатый, гордый и справедливый, самъ откажется отъ дѣвушки Прасковьи, а она, будучи вольной, останется жить у кого пожелаетъ, т. е., конечно, въ домѣ барона.

Краюшкинъ бралъ на себя всѣ хлопоты и всю работу. Вознагражденіе, которое онъ просилъ было вдвое менѣе той суммы, какую баронъ долженъ былъ заплатить Аракчееву при покупкѣ Пашуты.

Нейдшильдъ потребовалъ три дня на размышленіе, взялъ адресъ чиновника, но, однако, обсудивъ все, черезъ день уже послалъ сказать Краюшкину, что согласенъ и проситъ начать ходатайствовать.

Прошла недѣля. Краюшкинъ побывалъ уже раза два у барона и переговорилъ съ самой Пашутой. Послѣ первой же бесѣды дѣвушка была въ полномъ восторгѣ и вполнѣ вѣрила всему, что такъ убѣдительно и краснорѣчиво доказывалъ ей приказный. Все было настолько похоже на правду, что сомнѣваться было невозможно. Болѣе всего поразило Пашуту то обстоятельство, что ея отецъ и мать живы — отецъ кузнецомъ, а мать въ услуженіи у какихъ-то купцовъ въ уѣздномъ городѣ.

Напрасно Пашута объясняла чиновнику, что ея родители считались въ Грузинѣ или умершими, или, по крайней мѣрѣ, въ бѣгахъ. Краюшкинъ стоялъ на своемъ, что они были въ бѣгахъ, но теперь устроились такъ, что пользуются всѣми правами вольныхъ. Понемногу приказный убѣдилъ дѣвушку во всемъ, что заявлялъ. Онъ обѣщался вскорѣ, имѣя уже всѣ справки, начать дѣло формально и для этого нужно было, чтобы Пашута подписала лишь одну бумагу, благо она грамотная.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого тотъ же Краюшкинъ явился за Пашутой на извозчикѣ, чтобы ѣхать съ ней вмѣстѣ въ казенную палату подписывать готовое прошеніе. Пашута собралась, но когда она была уже одѣта, красиво и щегольски, какъ барышня,

то при самомъ выходѣ изъ дома на нее вдругъ напалъ какой-то страхъ. Дѣвушка вспомнила, что много времени не переступала порога дома барона изъ боязни попасть въ руки своихъ враговъ. Что, если этотъ чиновникъ и все его ходатайство ничто иное какъ подстроенная западня?

Пашута стояла въ нерѣшимости и, наконецъ, попросивъ Краюшкина обождать еще немного, вернулась къ барону и передала ему свои сомнѣнія.

Баронъ даже не понялъ ничего.

— Съ какой стати будутъ вамъ устраивать, моя милая, западню? Васъ всегда, если графъ Аракчеевъ захочетъ, могутъ прійти и потребовать у меня. Я обязанъ возвратить, такъ какъ вы не моя, а чужая собственность.

— Взять меня такимъ образомъ нельзя,—отозвалась Пашута.— Они знаютъ, что не могутъ сдѣлать этого. Если они будутъ брать меня здѣсь, при васъ, при всѣхъ, то я могу сказать нѣсколько словъ, ужасныхъ для графа Аракчеева или для г. Шумскаго. Меня поневолѣ приходится имъ не иначе отъ васъ взять, какъ на улицѣ или въ западнѣ.

Баронъ пожалъ плечами.

— Я, признаюсь, моя милая, все-таки ничего не понимаю.

Пашута повторила снова то же самое нѣсколько подробнѣе, но все-таки не сказала, чего могутъ опасаться Аракчеевъ или Шумскій, если бы рѣшились брать ее силой въ домѣ барона.

— Въ чемъ же заключается ужасность для нихъ того, что вы можете сказать?—удивился баронъ.

— Этого я объяснить вамъ не могу,—угрюмо отозвалась Пашута.

— А коль скоро вы, моя милая, хотите объяснять ничего не объясняя, то и толковать намъ съ вами не о чѣмъ!—сурово и сердито произнесъ баронъ.

— Я не могу ничего говорить...

— Согласенъ. Но и я тоже ничего не могу отвѣчать на намеки, предположенія и всякія мечтанія. Одно, что могу я вамъ сказать, мнѣ кажется, вы сочинили цѣлую басню и тревожитесь попусту. Чиновникъ явился обдѣлать все это дѣло ради полученія довольно крупной суммы денегъ, можетъ быть, сдѣлаетъ что-нибудь, а можетъ быть, — и всего вѣроятнѣе, — изъ этого ничего не выйдетъ. А вы толкуете о какой-то западнѣ...

Баронъ снова дернулъ плечомъ и отошелъ отъ Пашуты, какъ бы говоря: «все глупости и не о чемъ объясняться».

Пашутѣ вдругъ показалось тоже, что она, будучи все послѣднее время особенно встревожена, теперь, дѣйствительно, вообразила Богъ вѣсть какой вздоръ. Чиновникъ зоветъ ее въ присутственное мѣсто, чтобы подписать и подать оффиціальную бумагу, а она вообразила нивѣсть какой коварный планъ своихъ враговъ.

Пашута смѣлымъ шагомъ вышла изъ дома и усѣлась на извозчика рядомъ съ чиновникомъ. Но сердце ныло въ ней, слезы готовы были выступить изъ глазъ, и предчувствіе или иное какое чувство ясно сказывалось въ ней, будто предвѣщая бѣду.

Чѣмъ болѣе отдалялись они отъ дома, тѣмъ болѣе обвиняла себя Пашута въ неосторожномъ шагѣ, тѣмъ болѣе хотѣлось ей вернуться назадъ. Она вспомнила о томъ, что почти не простилась съ своей обожаемой баронессой. Ей почудилось, что она никогда болѣе ее не увидитъ, и слезы вдругъ брызнули изъ глазъ ея.

«Зачѣмъ же я это дѣлаю»? — подумала Пашута.—«Время еще есть, могу вернуться».

— Почему же я не могла бы,—вдругъ заговорила Пашута,— подписать эту бумагу дома, а вы вмѣсто меня подали бы ее, куда слѣдуетъ?

— Я вамъ чуть не сто разъ объяснялъ, голубушка моя, что вы сами должны въ палатѣ подать главному предсѣдателю ваше прошеніе и лично засвидѣтельствовать все, что онъ у васъ спроситъ.

Но при этомъ Краюшкинъ такъ странно ухмыльнулся, что Пашута смутилась и сомнѣнія ея усилились.

Проѣхавъ Неву, извозчикъ безъ всякаго приказанія приказнаго повернулъ въ сторону къ строющемуся Исаакіевскому собору, то есть къ той мѣстности, гдѣ жилъ «онъ», ея злѣйшій врагъ.

— Развѣ палата тутъ?—произнесла Пашута.

— Никакъ нѣтъ-съ, но мнѣ надо заѣхать на квартиру за моими бумагами. Вы меня обождете на улицѣ, покуда я за ними сбѣгаю. Это одна минута.

Недалеко отъ груды лѣсовъ, сложеннаго камня и маленькихъ лачужекъ для рабочихъ, приказный велѣлъ остановиться у подъѣзда небольшого деревяннаго домика.

— Обождите меня одну минуту. Я сейчасъ,—сказалъ Краюшкинъ, слѣзая съ извозчика.

Войдя въ дверь раскрытаго подъѣзда, чиновникъ тотчасъ же вернулся назадъ и, подойдя къ Пашутѣ, произнесъ улыбаясь:

— Вамъ и ждать не придется, все гораздо скорѣе и проще потрафляется. Какъ по моему...

Въ ту же самую секунду изъ темнаго корридора того же настежь открытаго подъѣзда появился Шваньскій, а за нимъ два мужика. Пашута сразу похолодѣла и онѣмѣла, сразу поняла все. Ея предчувствіе оказалось дѣйствительностью, предположеніе было, собственно говоря, увѣренностью. Дѣвушка сидѣла не двигаясь, только лицо ея поблѣднѣло и глаза сверкнули ужасомъ и трепетомъ.

— Ну, моя прелесная Прасковья... не знаю какъ по батюшкѣ. Какъ ты теперь желаешь: вступить, заартачившись, съ нами съ тремя въ единоборство или просто пойти за мною безъ всякаго про-

тивства? Коли желаешь помѣряться съ нами силой, то чтожъ? Пожалуй, погрѣемся. Время теперь свѣжее.

Пашута молчала и не двигалась.

— Что же, желаешь ты идти за мною, или будешь бѣгать, а мы тебя ловить и лапы назадъ крутить. Отвѣтствуй?

Пашута вдругъ закрыла лицо руками и страшно зарыдала. Черезъ нѣсколько мгновеній, почти не сознавая, что она дѣлаетъ, она сошла съ извозчика и двинулась черезъ силу, на слабыхъ ногахъ, вслѣдъ за Шваньскимъ. За ними вплотную пошли два мужика, взятые Шваньскимъ на подмогу.

Минутъ черезъ десять Пашута, какъ бы заарестованная, вводилась уже въ квартиру Шумскаго. Авдотья при видѣ появившейся дѣвушки бросилась было къ ней, даже какъ бы собиралась обнять ее, но Пашута быстро отстранилась и, защищаясь рукой, произнесла глухо, упавшимъ голосомъ:

— Оставьте. Стоило меня отъ смерти спасать, чтобы теперь въ руки мучителей предать. Но я себя не пожалѣю и всѣхъ погублю.

Въ эту минуту появился въ дверяхъ Шумскій въ халатѣ и съ трубкой въ рукахъ. Онъ остановился на порогѣ и, злобно глядя на Пашуту, разсмѣялся.

— Здравствуй, барышня. Что, доигралась, каналья?—Знаешь ли, что теперь съ тобой будетъ? Полагаю, что знаешь. Пошлю я тебя къ Настасьѣ Ѳедоровнѣ, сошлютъ тебя на скотный дворъ и будутъ тамъ пороть ежедневно, покуда ты не издохнешь. А теперь покуда,—обернулся онъ къ Шваньскому,—запереть ее въ задній чуланъ около кладовой. Пожалуй, вели послать ей сѣна на полъ, поставь кувшинъ съ водой, да полкаравая хлѣба. Дней на пять хватитъ. Запри на замокъ, и ключъ принеси ко мнѣ.

Шумскій уже собирался выйти изъ горницы, но вдругъ остановился и, снова смѣривъ Пашуту съ головы до пятъ, съ ненавистью произнесъ внѣ себѣ:

— Уже и потому надо мнѣ тебя запереть, чтобы не видать. Попадайся ты мнѣ въ этой квартирѣ на глаза, не удержался бы. Собственными руками изломалъ бы на тебѣ полдюжину чубуковъ. Подлая тварь, собака.

Пашута стояла въ противоположномъ углу горницы, вся сгорбившись, опустивъ голову, блѣдная какъ смерть и, положивъ руку въ руку, какъ-то вытянула ихъ судорожно внизъ. Казалось, что дѣвушка не видитъ и не слышитъ ничего и не слыхала ни единаго слова изъ того, что проговорилъ Шумскій.

Свидѣтели разговора, Шваньскій, Авдотья и Копчикъ стояли кругомъ съ серьезными лицами. Гнѣвъ Шумскаго какъ бы подѣйствовалъ и на нихъ. Шваньскій съежился и усиленно мигалъ глазами, Авдотья плакала и утирала глаза кулакомъ, а Копчикъ странно переводилъ глаза съ барина на сестру, и въ эту минуту

по его глазамъ можно было легко увидѣть, какая злоба кипитъ у него на душѣ. Замѣть это Шумскій, дѣло не обошлось бы благополучно. По счастію, баринъ даже не замѣтилъ присутствія лакея въ горницѣ.

Шумскій, озлобленный, вернулся въ свой кабинетъ, а Шваньскій и лакей немедленно занялись очисткой чулана отъ всякаго хлама, который въ немъ былъ. Черезъ полчаса Копчикъ, смущенный и молчаливый, принесъ три охапки сѣна и бросилъ ихъ на полъ пустого чулана, а затѣмъ поставилъ кувшинъ воды и положилъ каравай чернаго хлѣба. Шваньскій обернулся къ Пашутѣ и произнесъ, усмѣхаясь:

— Барышня, пожалуйте. Съ новосельемъ васъ честь имѣю поздравить...

XXV.

Гнѣвъ Шумскаго скоро прошелъ. Вернувшись къ себѣ въ кабинетъ и обдумавъ всѣ обстоятельства новаго положенія вещей, созданнаго теперь ловкимъ похищеніемъ Пашуты, онъ невольно повеселѣлъ.

Какъ гора съ плечъ свалилась! За послѣднее время все было спутано. Все дѣло его рукъ, послѣ долгихъ усилій и большого терпѣнія, казалось, готово было рухнуть. Теперь же все снова обстояло благополучно. Оставалось только примириться съ баронессой. Но и это было маленькой подробностью въ его планѣ. Собственно и примиреніе было не нужно.

«Развѣ воръ, который лѣзетъ въ чужой домъ»,—думалъ Шумскій,—«чтобы украсть, обязанъ быть въ дружбѣ съ тѣмъ, кого онъ обкрадываетъ. Совершенно лишнее».

Дѣло заключалось теперь лишь въ томъ, чтобы баронесса поддалась обману и согласилась замѣнить свою любимицу новой горничной. И, конечно, эта горничная должна быть никто иная, какъ Авдотья.

— Въ этомъ вся сила и больше ни въ чемъ,—рѣшилъ Шумскій.—Удастся мнѣ пристроить мою дурафью мамку къ Евѣ! И подписывайся съ росчеркомъ! Все сочиненіе будетъ готово и кончено!

Когда Васька принесъ барину ключъ отъ чулана, въ которомъ была заперта его сестра, то Шумскій еще болѣе повеселѣлъ и вспомнилъ, что онъ еще не поблагодарилъ Шваньскаго за громадную услугу, которую тотъ оказалъ своему барину-патрону.

— Ну что, Копчикъ, воетъ она?

— Нѣтъ-съ,—бойко отозвался Копчикъ.

— Ничего не говорила?

— Ничего-съ. Молчитъ, какъ есть истуканъ. Да она, Михаилъ

Андреичъ, всегда была какая-то деревянная. Ее кнутомъ не проймешь, а уже словами гдѣ же!—съ усмѣшкой и отчасти съ озлобленіемъ произнесъ молодой малый.

— Что же, тебѣ не жаль сестры-то, что ты эдакъ...—невольно замѣтилъ Шумскій.

— Чего мнѣ ее жалѣть-то, каналью эдакую. Истинно вы изволили ее ругать. Хуже канальи, хуже собаки. Изъ-за нея такая у насъ неразбериха было вышла, что эдакой и не расхлебать. Вы вѣдь сами не видите, какъ истревожились, исхудали за это время. Вѣстимо, Авдотья Лукьяновна тоже не безъ грѣха. Чего-то такого, прямо скажу, наболванила, какъ вы изволите говорить. А все-таки и та собака не пользуйся глупостью людской. Я бы вотъ что, Михаилъ Андреичъ, вамъ предложилъ. Теперь Пашутка сидитъ, молчитъ, а коли будетъ она насъ безпокоить, орать что ли примется или буянить въ чуланѣ, то позвольте мы съ кучеромъ ее здѣсь на конюшнѣ успокоимъ. Вѣдь розги-то и въ Петербургѣ можно купить, для этого не зачѣмъ посылать въ Грузино.

Шумскій слушалъ, глядя въ лицо малому, и думалъ:

— Какія однако скоты, эти хамы крѣпостные. Вѣдь Пашутка искренно всегда любила своего братишку, а этотъ негодяй теперь самъ же предлагаетъ ее пороть. Добро бы я сдѣлалъ это со злобы. Мнѣ она нагадила. А вѣдь этому щенку она ничего, кромѣ добра, не дѣлала. Да. Ужъ именно крѣпостные люди—нѐ-люди, и, какъ сказывается, хамское отродье.

— Такъ позволите, Михаилъ Андреичъ,—выговорилъ снова Васька.—Мы съ кучеромъ, двое...

— Что?

— А наказать здѣсь. Я такъ слышалъ, вы желаете ее отправить въ Грузино. Не стоитъ того. Я говорю, мы здѣсь ее уймемъ. Только, вѣстимо, лучше бы рано поутру, либо ночью. А то, будетъ если очень визжать на конюшнѣ, сосѣди начнутъ опрашивать. Оно хотя бѣды нѣту, то и дѣло слыхать въ Питерѣ орутъ во дворахъ люди. А все бы лучше ночью, повадливѣе, безъ огласки.

— Экъ ты разболтался,—невольно удивился Шумскій.—Что у тебя на нее за зудъ? Или она и тебя чѣмъ доѣхала?

— Меня?—выговорилъ вдругъ Васька.—Она меня, подлая, такъ доѣхала, что я бы ей голову оторвалъ, не то, что кнутомъ. Вотъ что! Я ее тоже видѣть не могу. Такъ бы ей косу и вытащилъ изъ головы вонъ.

— Чудно!—вслухъ подумалъ Шумскій.—А чѣмъ она тебя доѣхала.

— Ну ужъ это, Михаилъ Андреичъ, позвольте лучше въ другой разъ. Да и дѣло-то оно для васъ пустое. Мнѣ-то оно обидно, а для васъ совсѣмъ нестоющее вниманія.

Васька вышелъ изъ горницы, но вернулся черезъ нѣсколько

времени и доложилъ, что Иванъ Андреевичъ проситъ позволенія прійти.

— Зови, зови. Еще бы.

Шумскій всталъ, подошелъ къ столу и, взявъ 50 рублей, сталъ, улыбаясь, среди комнаты.

Шваньскій, тихой походкой и немножко сгибаясь какъ всегда, вошелъ въ кабинетъ и, притворивъ дверь, остановился почти у порога.

— Подойди. Что же? Молодецъ! Спасибо тебѣ. Я эдакой удачи и не ожидалъ. Вѣдь она тоже хитрая. Не знаю, какъ поддалась твоему Краюшкину. На вотъ тебѣ,—протянулъ онъ деньги.

Шваньскій быстрымъ ястребинымъ взоромъ глянулъ на кредитные билеты. Видѣть онъ ничего не могъ, но догадался, почуялъ нюхомъ, что сумма невелика.

— Какъ можно-съ. Ни за что! Я не наемный! Какое? Я у васъ въ долгу,—выговорилъ онъ, отстраняя деньги.

— Пустое. Бери.

— Ни за какіе то-ись пряники. Какъ угодно, Михаилъ Андреичъ.

Шумскій остановился и какъ бы что-то вспомнилъ.

— Тутъ пятьдесятъ,—выговорилъ онъ.

— Сколько бы тамъ ни было. Я у васъ въ долгу...

Шумскій совсѣмъ вспомнилъ. Въ чемъ дѣло, догадаться было нетрудно, такъ какъ подобное повторялось довольно часто.

— Ахъ ты жидовина эдакая! Да у меня теперь мало денегъ.

— Помилуйте, развѣ я...

— Ну ладно,—перебилъ Шумскій, и, вернувшись къ столу, онъ бросилъ пятьдесятъ рублей, потомъ полѣзъ въ портфель, досталъ одну сотенную бумажку и двинулся снова къ Шваньскому.

— Жидовина какъ есть. Ну да Богъ съ тобой. За это стоитъ.

— Да я, Михаилъ Андреичъ... ей Богу-съ...

— Что? И этого мало? Ну шалишь, братъ, бери. А то ни гроша.

— Если изволите приказывать, я ослушаться не могу,—ухмыльнулся Шваньскій и, взявъ ассигнацію, сталъ, ёжась и переминаясь на мѣстѣ, вертѣть ее въ рукахъ.

— Вотъ если позволите,—началъ онъ.—Если уже дѣло пошло насчетъ денегъ, то, если позволите вамъ напомнить, что за самое за это питіе я тогда свои отдалъ.

— Какое питіе?

— Ну эта, стало быть, микстурка сонная, что я привезъ. Вы изволили на дорогу деньги давать, а за микстурку я свои сто рублей отдалъ.

— Ну нѣтъ, братъ, это погоди. Будетъ ли еще толкъ отъ этого питія. Коли ничего не выйдетъ, я тебѣ ничего и не дамъ. А коли бѣда выйдетъ, я тебя изувѣчу. Вмѣсто рублей кулаками буду под-

чивать. Да вотъ еще что. По сю пору не испробовалъ вѣдь ни на комъ. А безъ этой пробы, я такого грѣха на душу не возьму, чтобы невѣдомую бурду надъ баронессой пробовать.

— Такъ позвольте мнѣ представить кого. Что же время-то терять,—возразилъ Шваньскій.—Я достану кой-кого для испробованія. Вы будете спокойны, а я при деньгахъ. Прикажите.

— Вѣстимо. Да кого?

— Да ужъ я представлю. Только прикажите.

— Не знаю,—протянулъ Шумскій,—не знаю. Это дѣло такое. Вся сила на комъ пробовать. Вѣдь нельзя же на какомъ саженномъ солдатѣ-мужикѣ. Ему, чорту, можетъ, ничего не сдѣлается, а дѣвица молодая помереть можетъ. Эдакъ нельзя. Надо пробовать на комъ-либо совсѣмъ подходящемъ.

— Ужъ поручите мнѣ, Михаилъ Андреичъ. Я самое подходящее созданіе представлю вамъ.

— Созданіе?—повторилъ Шумскій, поднимая брови.—Ишь какія слова сталъ говорить! Самъ-то ты, братъ, тоже созданіе хорошенькое, нечего сказать. Кабы все божеское мірозданіе и всѣ мірскія созданія были таковы, какъ ты, знаешь ли, что оставалось бы порядочнымъ людямъ сдѣлать? Не знаешь? Плюнуть на весь міръ Божій, да и застрѣлиться.

— Да вѣдь я что̀ же-съ... Если я что худое дѣлаю, такъ вѣдь я служу. Ради любви къ вамъ на эдакое иду.

— Ахъ, скажите, пожалуйста, — пропищалъ тоненькимъ голоскомъ Шумскій. — Стало быть, на томъ свѣтѣ-то, — заговорилъ онъ вдругъ рѣзко и громко,—за все я буду отвѣчать, а ты будешь только присутствовать. Нѣтъ, врешь, братъ. Когда мы попадемъ оба къ чертямъ на сковороду, еще неизвѣстно, кому хуже будетъ. Я дѣлаю гадости, да вотъ у меня вотъ тутъ—показалъ Шумскій себѣ на грудь—тутъ вотъ, есть что-то, безъименное, чего въ тебѣ нѣтъ и никогда не бывало. Я гадость сдѣлаю, пройду мимо, да начну оглядываться и у меня на душѣ съ бочкой-то меду, много ложекъ дегтю. Таковъ я уродился. А ты младенцу горло за сто рублей перерѣжешь и пойдешь въ прискокъ, будто пряникъ купилъ, да съѣлъ; нѣтъ, братъ, на томъ свѣтѣ все сочтется. И что дѣлалъ и что чувствовалъ. Ну, да ты, поди, не смекаешь даже, что я тебѣ тутъ нафилософствовалъ. О чемъ, бишь, говорили-то? Да, о созданіи. Ну, чортово созданіе, займись! Когда найдешь кого подходящаго, испробуемъ. Будетъ удача — денегъ дамъ и спасибо скажу, не подѣйствуетъ—ни гроша не дамъ. Подѣйствуетъ не въ мѣру, такъ что твое созданіе ноги протянетъ, такъ я тебя изувѣчу. Что молчишь?

— Да вѣдь, Михаилъ Андреичъ... вѣдь изволите видѣть... вѣдь я... вѣдь вы...

— То-то, вѣдь... вѣдь... Что вѣдь то.?!

— Да вѣдь не я микстурку сочинялъ.

— Ахъ, не ты... Вотъ что? Знаю, что не ты, родименькій. Знаю. Такъ и не смѣй за нее ручаться, не говори, какъ въ тотъ разъ, что такая, и сякая, и распрекрасная, и пользительная; только, видите ли, сладкій сонъ даетъ. Я вѣдь помню эти дурацкія слова. Сладкій сонъ! А какъ она такой сладкій сонъ задастъ, что прочухавшись, человѣкъ не на этомъ, а на томъ свѣтѣ очутится. Тогда что? Ну, да это все увидимъ. Ступай, розыскивай... созданіе-то свое.

— Да оно ужъ, почитай-съ, есть. Я уже объ этомъ озаботился, розыскалъ.

— Вотъ какъ. Откуда?

— А тутъ неподалеку мастерская, платья дамскія дѣлаютъ.

— Ну такъ что же?

— Ну тамъ стало быть у меня знакомая дѣвица есть, Мареуша, годами и семнадцати нѣтъ, а изъ себя очень нѣжнаго здоровья. Я такъ разсудилъ, что коли же она да выдержитъ, проснется, какъ вы изволите говорить, на этомъ свѣтѣ, а не на томъ, то ужъ баронесса и подавно выкушаетъ безъ всякаго вредительства для здоровья.

— Молодецъ! Вотъ за это люблю. Самъ распорядился, а мнѣ сюрпризъ. Тащи сюда. Только гдѣ ее помѣстить. Надо вѣдь, поподчивавши, мнѣ ее видѣть, какъ она будетъ почивать, да какъ дышать, да какъ проснется. Надо вѣдь все наблюсти. Можетъ, тоже сразу какъ отвѣдаетъ, такъ окоченѣетъ и придется черезъ часъ за докторами гнать, или кровь пускать.

— Тогда вы ее у себя здѣсь и помѣстите на диванчикѣ. Она вѣдь, не думайте... Она очень красивая...

XXVI.

По уходѣ Лепорелло, Шумскій сѣлъ на диванъ, закурилъ трубку и, взявъ карандашъ въ руки, началъ чертить по бумагѣ. Это была его привычка, почти необходимость. Чертить на клочкѣ бумаги какой-нибудь рисунокъ, или головку, или бѣсёнка, было ему необходимо для того, чтобы обдумать зрѣло, со всѣхъ сторонъ и въ мельчайшихъ подробностяхъ, какое-нибудь дѣло или предпріятіе. Теперь приходилось обдумать способъ дѣйствія при новыхъ измѣнившихся благополучно обстоятельствахъ. Главный врагъ его былъ взятъ изъ дома барона, но этого было мало. Необходимо, чтобы вѣрный человѣкъ, почти вѣрный песъ, замѣнилъ Пашуту, и стало быть надо, чтобы на мѣстѣ дѣвушки не позже завтрашняго утра очутилась Авдотья.

Женщина эта, хотя и далеко не глупая, тѣмъ неменѣе могла опять напутать и par trop de zèle новыхъ бѣдъ надѣлать. Слѣдовательно, Шумскому тотчасъ же предстояло научить Авдотью уму-

разуму, «настрекать и вымуштровать» какъ рекрута. Надобно, чтобы Авдотья нетолько знала, что ей дѣлать, но знала бы до мелочей, что ей говорить и о чемъ не заикаться. Шумскій почти не сомнѣвался въ томъ, что баронесса, не имѣя никого для услугъ въ качествѣ горничной, съ удовольствіемъ возьметъ Авдотью, какъ ближайшее лицо, почти родную мать ея любимицы. Надо особенно невыгодное стеченіе обстоятельствъ, что вмѣсто Авдотьи попала намѣсто другая. А, между тѣмъ, нужно изъ этой Авдотьи извлечь наибольшую пользу.

До пріѣзда женщины изъ Грузина въ Петербургъ, Шумскій болѣе или менѣе вѣрилъ въ здравый разсудокъ своей мамки, считалъ ее женщиной почти умной. Между тѣмъ, все, что натворила она за послѣднее время, было дѣломъ совершенно глупой женщины. Ея слово, которое она сказала Патушѣ и которое называла «страшнымъ», а Шумскій прозвалъ «чертовскимъ», ясно свидѣтельствовало, что Авдотья просто дура. Вдобавокъ ея питомецъ до сихъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что именно сказала женщина и въ чемъ состояла бесѣда. Шумскій тоже иногда думалъ, что это было нѣчто особенное и пожалуй даже въ самомъ дѣлѣ важное. Шумскаго удивляло, что женщина нѣсколько разъ принималась объясняться, но каждый разъ плела околесную и каждый разъ сознавалась въ концѣ, что все сочинила и налгала, а что истины самой сказать не можетъ.

«Стало быть, это ея тайна, и тайна не простая»,—думалъ Шумскій.—«Недаромъ она все Богу молилась, не даромъ тревожилась и волновалась, когда рѣшалась... Но въ концѣ концовъ все-таки вышла глупость... и глупость»...

Исчертивъ цѣлый листокъ бумаги фигурками, домиками съ деревцами и чертенятами съ рожками, выведя большой профиль мужчины, чрезвычайно смѣшной и чрезвычайно похожій на барона Нейдшильда, Шумскій бросилъ карандашъ, бросилъ трубку, всталъ, потянулся и, пріотворивъ дверь, крикнулъ въ корридоръ:

— Копчикъ!

При появленіи лакея онъ прибавилъ:

— Пошли сюда дурафью Лукьяновну.

Авдотья явилась тотчасъ и такъ же какъ Шваньскій встала у дверей. Шумскій сѣлъ на то же мѣсто дивана и, улыбаясь, вымолвилъ:

— Ну Богъ съ тобой. Прошло на тебя мое сердце. Можетъ, ты хотѣла въ самомъ дѣлѣ услужить, да наглупила. Иди сюда. Садись вотъ.

Авдотья ёжилась на мѣстѣ, утирала ротъ пальцами и не двигалась.

— Да ну, не ломайся. Не люблю я этого. Сказано, садись, ну и садись. Иди сюда.

По тону голоса своего питомца, Авдотья поняла, что ее не просятъ, а приказываютъ ей садиться, конечно, для своего, а не для ея удобства. Женщина приблизилась, сѣла на кончикъ указаннаго кресла и стала смотрѣть на своего питомца, Шумскій тоже внимательнѣе глянулъ въ лицо мамки.

Авдотья съ тѣхъ поръ, что пріѣхала въ Петербургъ, замѣтно измѣнилась, казалось, похудѣла, пожалуй, даже будто постарѣла. Глаза смотрѣли тускло, отчасти пугливо, отчасти тоскливо. Боязнь и тревога сказывались ясно во всемъ лицѣ и во всей ея фигурѣ. Боязнь своего барина - питомца, тревога о томъ, что совершается и должно совершиться при ея содѣйствіи.

Авдотья отлично отгадала, что будетъ, если выкрадутъ Пашуту. Она знала почти навѣрно, что замѣнитъ дѣвушку и слѣдовательно знала, что ей придется исполнять прихоти барина, быть можетъ, преступныя, во всякомъ случаѣ недозволяемыя закономъ. Авдотья уже серьезно вздыхала и горевала о томъ, что на старости лѣтъ доживетъ до бѣды бѣдовой и пожалуй изъ-за своего причудника-барина попадетъ въ Сибирь. Онъ, любимецъ графа Аракчеева, во всемъ останется невредимъ, чистъ, «какъ съ гуся вода», а она за него пойдетъ въ отвѣтъ.

Позванная теперь для объясненій послѣ многихъ дней, въ которые Шумскій ни разу не взглянулъ на нее, нетолько не говорилъ съ ней, именно теперь, когда захваченную Пашуту заперли въ чуланѣ, Авдотья сразу поняла, что бесѣда съ бариномъ будетъ не простая.

И она не ошиблась.

— Ну, слушай, Дотюшка,—началъ Шумскій тѣмъ же дѣланно-ласковымъ голосомъ, какимъ когда-то заговорилъ съ мамкой вскорѣ послѣ ея пріѣзда въ Петербургъ.

Звукъ голоса, улыбка и лицо питомца были тѣ же, что и тогда; но въ тотъ разъ Авдотья прослезилась отъ умиленія и радости. Ласка дорогого барчука заставила тогда встрепенуться въ ней сердце, всю душу «вывернула» ей. Теперь же этого не было. Теперь этотъ ласковый голосъ и это лицо ея Мишеньки показались ей не искренними.

«Нужда ему во мнѣ, вотъ и надо закупить. Да не дорогой цѣной и купить-то хочетъ. Назвать разика три Дотюшкой, да и послать на каторгу. Экій добросердый какой!» Такъ почти съ ироніей думалось мамкѣ-Авдотьѣ.

Разница между ея чувствами въ первое свиданіе послѣ пріѣзда и теперешнимъ была огромная, и сама Авдотья не могла бы сказать, что перемѣнило ее. Отношеніе къ ней рѣзко насмѣшливое или грубое ея питомца, или все что съ рыданіями, страстно и горько объяснила ей Пашута, или, наконецъ, вѣчно стоящій передъ ея мысленнымъ взоромъ, даже снящійся ей иногда, чудный, ангель-

скій ликъ этой барышни, этой «барбанесы». Быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, болѣе всего подѣйствовала на женщину личность молодой дѣвушки, быть можетъ, и она въ ея годы уже была подъ вліяніемъ чарующей прелести, доброты и красоты баронессы Евы.

Между тѣмъ, покуда Авдотья, грустно глядя на своего питомца, путалась тоскливо и тревожно въ своихъ собственныхъ чувствахъ, Шумскій уже говорилъ, разсказывалъ и объяснялъ все то, что онъ намѣренъ былъ требовать отъ мамки.

Прежде всего Авдотья должна была отправиться къ баронессѣ съ письмомъ отъ Пашуты. Письмо будетъ, конечно, подложное, написанное другимъ, но Авдотья должна сказать, что Пашута, вдругъ уѣхавшая въ Грузино по дѣлу о своемъ выкупѣ, сама передала Авдотьѣ это письмо. Мамка должна была предложить баронессѣ на одну лишь недѣлю замѣнить свою пріемную дочь. Въ случаѣ несогласія баронессы, она должна была пустить въ ходъ все, чтобы только добиться своей цѣли и остаться.

— Хоть въ ногахъ ползай, хоть плачь и вой, хоть всѣми святыми божись и чорту заложись, а оставайся и не смѣй ворочаться. Это уже какъ знаешь!—объявилъ Шумскій рѣшительно и сурово.

Затѣмъ, онъ кратко и какъ бы слегка смущаясь объяснилъ Авдотьѣ, что она черезъ два дня, заслуживъ общее довѣріе и общую любовь всего дома, отъ самого барона до людей, должна явиться къ нему въ сумерки за другимъ приказаніемъ, которое и должна будетъ въ точности исполнить.

— Самое пустое дѣло, Дотюшка. Тоже, что стаканъ воды выпить. Но дѣло, прямо скажу, важное. Если все удачливо кончится, то помни, на всю мою жизнь я буду тебѣ всѣмъ обязанъ. Ты мнѣ будешь все одно, что родная. Поняла ли ты?

Авдотья взглянула на своего Мишеньку и ничего не отвѣтила, такъ какъ она думала почти совершенно иное. Ей думалось, что она и такъ положила напрасно нѣсколько лѣтъ своей жизни на обожаніе Мишеньки, проведя нѣсколько сотъ, а можетъ быть, и тысячъ ночей надъ его изголовьемъ безъ сна и спокойствія въ особенности, когда онъ, случалось, хворалъ. Если за всю эту безпредѣльную любовь и материнскую ласку онъ теперь столько же любитъ ее, какъ и Ваську-Копчика, то врядъ ли станетъ она ему родной за то, что сдѣлаетъ для него какое-то негодное, грѣшное, почти душегубное дѣло.

— Аль ты не поняла?—нетерпѣливо вскрикнулъ и какъ бы разбудилъ женщину Шумскій.

— Поняла, Михаилъ Андреичъ. Что же тутъ? Поняла,—виновато отозвалась женщина.

— Такъ чего же вылупя глаза сидишь. Боишься что ли чего? Такъ тебѣ нечего бояться. Я въ отвѣтѣ! Ты тутъ не при чемъ. Ты приказъ исполняла.

— Да чтожъ, отвѣтъ,—вздохнула Авдотья.—Моя жизнь и такъ не красна, нигдѣ хуже не будетъ. И въ Сибири люди живутъ.

— А? Вотъ какъ!—сухо и тихо вымолвилъ Шумскій.—Въ Сибири! Про Сибирь заговорила. Это, стало быть, тебѣ Пашутка все разъяснила, благо она такая умная и воспитанная барышня. Въ Сибирь съ ея словъ стала собираться.

— Нѣтъ, я не про то...

— Ну чтожъ,—вдругъ воскликнулъ Шумскій.—Важность какая. Хоть бы и въ Сибирь! То-то вы мамки да няньки, да всѣ дворовые хамы! Любите, обожаете, на словахъ тароваты, красно говорить умѣете. А чуть до дѣла коснется, чуть у васъ, хамова отродья, попроситъ баринъ вотъ малость какую, хоть съ ноготокъ свой не пожалѣть. Такъ куда только ваше обожаніе дѣвается. Съ собаками и съ чертями на днѣ морскомъ не розыщешь. Спасибо, коли такъ! А все-таки не думалъ... Думалъ, что ты и взаправду меня любишь.

Шумскій всталъ въ притворномъ негодованіи, какъ бы даже оскорбленный, возмущенный до глубины души неблагодарностью своей мамки. Онъ отвернулся и сталъ глядѣть въ окно.

Авдотья быстро поднялась тоже и засуетилась.

— Что вы! что ты! Господь съ тобой! Я же ничего не сказала. Я говорю—хоть въ Сибирь, что за важность. Не боюсь я ничего. Что мнѣ, я старая, вѣкъ свой прожила. Я не къ тому. Да и какая Сибирь. Это такъ къ слову. Пашутка болтала и мнѣ сбрехнулось. Ты не гнѣвись, я баба, тебѣ лучше все извѣстно. Такъ когда же прикажешь идти-то?

Шумскій повернулся отъ окна. На лицѣ его была насмѣшливая улыбка, которую онъ не могъ скрыть, да и не считалъ нужнымъ.

— Сообразись съ мыслями. Какъ бы тебѣ сказать, пріучи что ли себя думаньемъ къ тому, что тебѣ надо будетъ говорить и дѣлать. Сегодня я напишу письмо якобы отъ Пашутки, тебѣ передамъ, а завтра утромъ ступай къ Нейдшильдамъ. Ну вотъ все. Повторяю, только услужи ты мнѣ и проси чего хочешь. Ну, любить, что ли, тебя буду. Больше-то что же? Вѣдь не денегъ же тебѣ.

— Какія тутъ деньги,—покачала головой Авдотья.

— Ну, любить буду. Не вѣришь?

И къ удивленію Шумскаго Авдотья вдругъ прослезилась, потомъ начала плакать, а затѣмъ уже совсѣмъ разрыдалась, всхлипывая и потрясая плечами. Что заставило ее сразу разрыдаться, Шумскій не понималъ. Но Авдотья и сама не понимала!

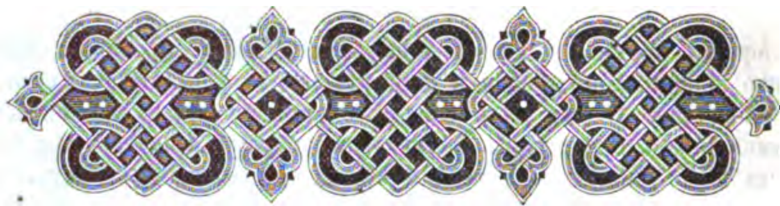
Женщинѣ какъ будто вдругъ почудилось при этомъ его обѣщаніи ее любить, что послѣдняя ея надежда на возможность этого чувства въ ея питомцѣ исчезла. Именно теперь въ эту минуту, когда онъ два раза повторилъ, что будетъ ее любить, ей именно и показалось, что никогда онъ ее не любилъ и не будетъ любить.

Теперь-то вдругъ и разверзлась между ними пропасть. Кто-то будто невидимкой, явился и шепнулъ что-то женщинѣ, схватившее ее за́-сердце. И очи этого сердца вдругъ прозрѣли и увидѣли... Мамка всѣмъ существомъ почувствовала глубже и сильнѣе чѣмъ когда либо, насколько далека́ и чужда́ она своему питомцу... Онъ баринъ, она хамово отродье... Ея уходъ за нимъ, ея долголѣтнее обожаніе? Все что было — онъ забылъ... А можетъ быть, и не замѣтилъ...

Графъ Е. Саліасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕРВЕНЕЦЪ БОГЕМЫ ВЪ РОССІИ.

> «Знавалъ я такихъ утокъ, высиженныхъ курицами и бѣгущихъ къ лужѣ еле вылупившись изъ яйца. Лужа—эта литература, доступная всѣмъ безъ патентовъ и дипломовъ».
>
> Додэ («Богема», Мюрже.)

ЛИТЕРАТУРНАЯ эпоха сороковыхъ годовъ въ Россіи считается у насъ блестящею. Къ ней принято относиться съ уваженіемъ не только за образованность и даровитость тогдашнихъ представителей русской литературы, но также и за ихъ нравственныя превосходства и за благородство мысли, имѣвшей главное настроеніе въ освободительномъ, или либеральномъ духѣ. Таковы дѣйствительно были въ сороковыхъ годахъ тѣ дѣятели русскаго слова, которые успѣли прославить свои имена и «отошли въ путь всея земли, не давъ безумія Богу», но одновременно съ этими почтенными людьми въ литературныхъ кружкахъ сороковыхъ годовъ вращались также еще иные дѣятели, не сходные съ первыми, по настроенію и талантамъ, но въ своемъ родѣ интересные и тоже характеризующіе эпоху. Кто хочетъ имѣть не одностороннее понятіе о литературныхъ дѣлахъ и литературныхъ нравахъ названной эпохи, тотъ, кажется, долженъ поинтересоваться и родоначальниками журнальной богемы въ Россіи. Въ этомъ смыслѣ представляютъ особенный интересъ предлагаемыя вслѣдъ за симъ автобіографическія замѣтки недавно умершаго престарѣлаго газетнаго и журнальнаго сотрудника Владиміра Петровича Бурнашева (род. въ 1812 году † въ 1888 г.).

Бурнашевъ провелъ всю свою многолѣтнюю жизнь въ сношеніяхъ съ редакціями, написалъ ужасно много и умеръ въ нищетѣ, не пользуясь въ литературномъ обществѣ не только уваженіемъ, но даже состраданіемъ, въ которомъ крайне нуждался въ послѣдніе годы своей слишкомъ затянувшейся жизни. Критика обращала на него вниманіе рѣдко, и то или ошибкою, или тогда, когда представлялся случай указать въ его работахъ грубый промахъ, или что-либо непозволительное въ иномъ родѣ. Самъ онъ, какъ увидимъ изъ его записокъ, считалъ себя не приготовленнымъ къ литературной дѣятельности, но собственно эта «неприготовленность», кажется, должна быть отнесена не къ его образованности и познаніямъ, а къ его характеру, совмѣщавшему типическія черты литературной богемы. Онъ самъ этого не сознавалъ и не чувствовалъ, но его замѣчательно откровенныя записки дѣлаютъ это очевиднымъ и несомнѣннымъ. Эти же записки и сами несутъ на себѣ характеръ богемы и даютъ любопытныя указанія, какъ и кѣмъ она у насъ насаждалась и воспитывалась.

Я встрѣтилъ впервые покойнаго Влад. Петр. Бурнашева около десяти лѣтъ тому назадъ въ домѣ редактора Комарова. Бурнашевъ тогда былъ уже старъ, и боролся съ тѣмъ, что считалъ человѣческимъ равнодушіемъ къ его заслугамъ. Редакторъ Комаровъ пригласилъ его изъ одного мѣста съ художественнымъ критикомъ Ледаковымъ, но Ледаковъ нашелъ себѣ одобреніе и поддержку, а Бурнашевъ нѣтъ. Его «вытравляли». Онъ былъ вспыльчивъ и горделивъ, и его ненужно было выпроваживать долго. Бурнашевъ ушелъ изъ редакціи Комарова и очутился безъ работы и безъ хлѣба. Это все усиливалось и осложнялось: къ однимъ его бѣдствіямъ прибавлялись новыя, въ чемъ онъ по несчастію часто былъ самъ причиной. Тогда онъ обратился ко мнѣ и просилъ добыть ему работу. Впослѣдствіи онъ не разъ точно также призывалъ меня къ той или другой человѣческой услугѣ. Такъ дѣло дошло и до послѣдняго его помѣщенія въ Маріинскую больницу, гдѣ онъ и умеръ. Незадолго передъ смертью Бурнашевъ отдалъ мнѣ собственною его рукою чисто написанный его «формулярный списокъ», въ которомъ отмѣчено все совершенное имъ «прохожденіе литературной службы». Документъ этотъ вслѣдъ за симъ предлагается. Тетрадь озаглавлена такъ:

«Мой литературный формуляръ и нѣчто въ родѣ acquis de conscience».

«КТО ТАКОЙ

«въ литературной петербургской братіи

«Владиміръ Петровичъ Бурнашевъ.

«Свою автобіографію начну съ того, что я, къ горю моему, не получилъ никакого правильнаго образованія, съ малолѣтства будучи жертвою взаимныхъ пререканій и эксцентричныхъ взглядовъ

и понятій моихъ родителей, которые съ 1828 года, когда мнѣ минуло 16 лѣтъ, разъѣхались, т. е. сдѣлали то, что французы называютъ séparation de corps: отецъ служилъ вице-губернаторомъ въ Орлѣ и жилъ тамъ на холостую ногу, имѣя, однако, превосходно монтированное хозяйство и ведя веселую и игорную жизнь, что при его слабомъ, какомъ-то тряпичномъ характерѣ, ужасно ему вредило. Но для своего времени отецъ мой былъ человѣкъ очень образованный, получивъ во времена императора Павла воспитаніе въ Горномъ корпусѣ, а потомъ былъ въ началѣ нашего столѣтія свитскимъ офицеромъ колонновожатыхъ (что нынѣ генеральный штабъ) и адъютантомъ, сначала графа Бенигсена, а потомъ барона Штейнгеля. Въ 1810 году, отецъ мой вышелъ въ отставку изъ военной службы, по волѣ своего отца, а въ 1811 году женился на матери моей, тогда 16-тилѣтней дѣвицѣ, красоты поразительной, но сколько она была изящна наружностію, столько уродлива и до крайности непріятна характеромъ, доходившимъ до самаго нестерпимаго самодурства [1]). Хотя она была нѣмецкаго происхожденія (отецъ ея былъ тотъ ганноверецъ Букендаль, который сдѣлалъ первую золотую карету для императрицы Елисаветы Петровны въ 1745 году, что доселѣ значится крѣпко выгравированное на одной изъ частей этой древней кареты, хранящейся въ Конюшенномъ музеумѣ), она не знала ни слова понѣмецки; но за то въ высокомъ совершенствѣ владѣла французскимъ языкомъ, почему когда отецъ мой, мастерски знавшій теорію и практику французскаго и нѣмецкаго языковъ, хотѣлъ, чтобы меня, мальчика, еще крошку, учили, кромѣ французскаго языка, нѣмецкому и даже англійскому,—мать воспротивилась этому, прогнала всѣхъ учителей и все свое исключительное вниманіе обратила на одинъ лишь французскій языкъ, говоря, что ни на что не похоже, чтобы сынъ зналъ тѣ языки, которыхъ мать его не знаетъ. Очевидно, нелѣпый изъ нелѣпыхъ афоризмовъ! Затѣмъ отецъ хотѣлъ сдѣлать изъ меня военнаго, а мать, изъ опасенія войны, настояла на томъ, чтобы меня, не бывшаго ни въ университетѣ, ни въ лицеѣ, ни даже въ какой-нибудь дѣльной гимназіи, бросили въ канцелярскій водоворотъ, когда мнѣ едва исполнилось 16 лѣтъ».

«У меня было двѣ сестры, обѣ моложе меня, одна двумя, а другая восемью годами, и обѣихъ ихъ нѣтъ на свѣтѣ: старшая умерла въ Тамбовѣ, въ 1865 году, стремясь постричься въ монахини; младшая же, воспитанная когда-то въ Смольномъ монастырѣ, но послѣ этого вполнѣ поверхностнаго воспитанія, мастерски умѣла пользо-

---

[1]) Владиміръ Петровичъ Бурнашевъ имѣлъ сходство съ матерью: онъ былъ смолоду очень красивъ собою, что сохранилось на его масляномъ портретѣ, и имѣлъ самый придирчивый и капризный характеръ, черезъ который ни съ кѣмъ не уживался. Н. Л.

ваться преподаваніемъ въ знакомыхъ домахъ языковъ: нѣмецкаго и англійскаго, которыми впослѣдствіи владѣла словно своимъ отечественнымъ. Меньшая сестра, Софья, весьма недавно, почти скоропостижно, умершая (въ мартѣ 1883 года), захотѣла еще заняться итальянскимъ языкомъ съ цѣлью чтенія либреттъ итальянской оперы. Эта сестра моя, съ тѣмъ вмѣстѣ, весьма не дюжинная музыкантша, оставила въ русской педагогической литературѣ свой, въ 40-хъ годахъ изрядно гремѣвшій, псевдонимъ: Дѣвица Эсбе, подъ какимъ въ 50-хъ годахъ до 61 года исключительно она издавала и редактировала два воспитательныхъ журнала: «Часъ Досуга» и «Калейдоскопъ» (съ 1857 по 1861 годъ). Нынче журналы эти, болѣе чѣмъ роскошно издававшіеся, библіографическая рѣдкость [1]). Потеря этой дорогой и талантливой сестры, съ которою подъ однимъ кровомъ я прожилъ 65 лѣтъ съ моего младенчества, была мнѣ весьма горька, имѣвъ жестокое вліяніе на мое здоровье и причинивъ мнѣ съ марта мѣсяца 1883 года ту болѣзнь сердца, которую я ношу въ груди и которая, называясь аневризмомъ аорты, можетъ, по мнѣнію лучшихъ врачей, убить меня моментально, при какомъ-нибудь излишнемъ волненіи и возбужденіи нервной системы, находящейся у меня въ крайне опасномъ положеніи. Вотъ почему мнѣ чрезвычайно нужно постоянно спокойное состояніе духа, немыслимое и невозможное въ сношеніяхъ съ $^9/_{10}$ нашей русской журнальной братіи, состоящей почти сплошь и рядомъ изъ людей, по меньшей мѣрѣ, невоспитанныхъ, дурного тона и нигилирующихъ все то, что называется приличіемъ и деликатностью. Я не говорю уже о добросовѣстности, святости обязательствъ и понятіи о чести,— все это у русскихъ журналистовъ зависитъ отъ дуновенія вѣтра политическаго и общежительнаго, а также отъ личнаго вліянія и міросозерцанія каждаго изъ этихъ милыхъ господъ».

«Отецъ мой умеръ въ Тамбовѣ, будучи предсѣдателемъ казенной палаты и въ чинѣ тайнаго совѣтника и кавалера трехъ звѣздъ, въ 1861 году на 80 году отъ рода, а мать моя умерла въ 1871 году, пропользовавшись пенсіономъ въ 1,200 р., оставшимся ей за шестидесятипятилѣтнюю службу отца моего. Но такая пенсія ни-

---

[1]) Бурнашевъ былъ прекрасный братъ и его заботливость о сестрѣ представляетъ много трогательнаго. Кипя въ безпрерывномъ и дурно оплачиваемомъ трудѣ, онъ употреблялъ невѣроятныя усилія, что бы сестра его не знала, какъ кошелекъ его тощь и какъ трудно достаются ему деньги. Онъ даже позволялъ ей «разорять себя» посредствомъ «открытія фантазій» въ родѣ кухмистерской на благородныхъ началахъ. Самая жизнь его въ квартирѣ была стѣснена огромнымъ количествомъ кошекъ, которыхъ его сестра любила, а онѣ какъ на зло оказывали Владиміру Петровичу самое полнѣйшее пренебреженіе къ его удобствамъ. Онъ все это переносилъ безропотно и послѣ кончины сестры заботился размѣстить осиротѣвшихъ кошекъ на пенсіи, и «только тогда вздохнулъ свободно». Н. Л.

сколько не препятствовала моей матери требовать отъ меня, comme argent de poche, такую же точно цифру серебряныхъ рублей».

«Швырнутый на канцелярскую службу въ 1828 году, я никогда не любилъ казенной службы и, правду сказать, всегда служилъ кое-какъ то въ министерствѣ финансовъ, то въ военномъ, то въ удѣльномъ (тутъ 3 года и поусерднѣе чѣмъ въ другихъ, въ званіи помощника директора удѣльнаго земледѣльческаго училища, созданнаго въ 1836 году графомъ Л. А. Перовскимъ и уничтоженнымъ въ 1866 году (черезъ 30 лѣтъ) графомъ Муравьевымъ). Еще служилъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, въ канцеляріи оберъ-прокурора святѣйшаго Сvнода и, наконецъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, откуда я и вышелъ въ 1849 году, нося съ 1841 года чинъ, какой и сейчасъ имѣю, надворнаго совѣтника. Разумѣется, всѣ мои сослуживцы на недосягаемыхъ отъ меня высотахъ въ эти 35 лѣтъ, и одинъ изъ нихъ, Григ. Павл. Небольсинъ, статсъ-секретарь и членъ государственнаго совѣта. Не выслуживъ необходимыхъ для пенсіи 25 лѣтъ, я и не пользуюсь никакою пенсіею, что составляетъ одну изъ болячекъ (нравственныхъ) моего сердца».

«Я всегда предпочиталъ частную дѣятельность всякой государственной. Частная дѣятельность, исключительно литературная, временно иногда давала мнѣ чуть не такое годовое содержаніе, какое по закону назначается члену государственнаго совѣта. Но чаще я бѣдствовалъ, преимущественно потому, что съ 16-тилѣтняго возроста долженъ былъ быть кормильцемъ своего семейства, почти брошеннаго отцомъ на произволъ судьбы. Впрочемъ, отецъ давалъ матери съ ея двумя дочерьми, моими сестрами, по закону ей слѣдующую третью часть его жалованья (онъ 3 тыс. получалъ штатнаго жалованья), т. е. 1 тыс. руб. асс. Но натурально, этой тысячи рублей было далеко недостаточно для моей матери (привыкшей къ роскоши) съ двумя дѣвушками дочерьми».

«Русскіе книжники-фарисеи, разные издатели-спекуляторы и журналисты, зная мое затруднительное домашнее положеніе, жестоко эксплуатировали меня и заставляли, особенно журналисты, даромъ работать, книгопродавцы же скудно платили за оригинальныя и переводныя работы, преимущественно, по части «дѣтской» литературы, въ которой я тогда (съ 30-хъ по 50-е годы) пріобрѣлъ порядочную извѣстность подъ псевдонимомъ Виктора Бурьянова. Однако такъ шло съ 28-го по 30-й годъ, когда дѣла мои, какъ сотрудника журналовъ и работника на книгопродавцевъ, стали такъ поправляться, что я, не имѣя 20 лѣтъ отъ рода, съ казеннымъ содержаніемъ и частными заработками имѣлъ отъ 3—4 тысячъ руб. асс. въ годъ. Моихъ, т. е. «Виктора Бурьянова» книгъ по «дѣтской литературѣ» было такъ много, что въ Смирдинскомъ каталогѣ этимъ именемъ было занято нѣсколько столбцовъ. Теперь

ни одной изъ этихъ книгъ нѣтъ въ книготорговлѣ, нѣтъ и въ библіотекахъ, кромѣ Императорской Публичной Библіотеки. Въ это время до 50-хъ годовъ я напечаталъ множество сельско-хозяйственныхъ книгъ подъ псевдонимомъ Бориса Волжина, что мнѣ на поприщѣ агрономической литературы (при всемъ моемъ невѣжествѣ въ агрономіи, химіи, физикѣ, механикѣ, гидравликѣ и естествознаніи) сдѣлало такое имя (о! патріархальныя времена!), что въ концѣ 1849 года Вольное Экономическое Общество пригласило меня быть редакторомъ-издателемъ на коммерческомъ правѣ журнала Общества «Труды Вольно-Экономическаго Общества», о чемъ подробнѣе я поговорю ниже, а теперь обращусь къ первымъ моимъ дѣтскимъ шагамъ въ журналистикѣ».

«Въ августѣ мѣсяцѣ 1828 года отецъ мой наскоро пріѣхалъ изъ Орла въ Петербургъ, швырнулъ меня на службу въ департаментъ внѣшней торговли подъ начало своего знакомаго Дм. Гав. Бибикова и, торопясь уѣхать въ свой милый Орелъ, отворилъ мнѣ двери кабинетовъ тогдашнихъ журналистовъ,—Ник. Ив. Греча, (принявшаго 16-тилѣтняго писачку съ насмѣшками и эпиграммами, при чемъ далъ кличку Борзописцева) и Павла Петр. Свиньина, добрѣйшаго и пустѣйшаго человѣка, увѣрявшаго всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ, что я съ талантомъ и тотчасъ засадившаго меня за какіе-то нестерпимо-скучные переводы изъ записокъ Маржерета и тому подобныхъ. Въ эту пору въ ноябрѣ 1828 года скончалась знаменитая гуманностью и филантропіею вдовствующая императрица-родительница Марія Ѳеодоровна. Свиньинъ въ самый же день кончины императрицы-благотворительницы далъ мнѣ какую-то высокопарную статью, тогда только-что родившейся «Сѣверной Пчелы» и другую въ томъ же тонѣ, напечатанную въ «Русскомъ Инвалидѣ» Пезаровіусомъ (изрядно малограмотно) и при этомъ еще сунулъ въ руки какую-то рукописную, бывшую у него «записку» о достохвальной дѣятельности императрицы совершенно оффиціальнаго колорита, подготовленную статсъ-секретаремъ покойной императрицы Григ. Ив. Виламовымъ по поводу какого-то предстоявшаго юбилея ея величества. Тогда, снабдивъ меня всѣми этими мало полезными матеріалами, Свиньинъ сказалъ мнѣ:—«Знаешь, Володя, напишитка мнѣ по этимъ даннымъ статеечку пречувствительную о подвигахъ императрицы и изготовь (хоть ночью пожертвуй!) къ завтрашнему дню, такъ какъ моя ноябрская книжка печатается и надняхъ должна выйти. Мы назовемъ твою статью: «Первый цвѣтокъ юноши-писателя на гробъ императрицы Маріи Ѳеодоровны». Ежели напишешь хорошо, то я улажу такъ, что ты получишь перстенекъ рублей въ сто». Свиньинъ любилъ эксплуатировать такихъ молоденькихъ и малограмотныхъ борзописцевъ, каковъ былъ я, не платя имъ ни гроша. Тогда, впрочемъ, и не было въ обычаѣ за журнальныя статьи платить. Первый ввелъ «гонораръ» Сенковскій въ «Библіотекѣ для Чтенія».

«Памятно мнѣ чрезъ 56 лѣтъ, что я тогда проработалъ всю ночь отъ моей матери тайкомъ, а то, чего добраго, она отобрала бы у меня всѣ освѣтительные матеріалы. Но ночь принесла плоды, потому что къ 8 часамъ утра нѣсколько писанныхъ листовъ съ дѣтскимъ, что ни есть ребяческимъ словоизверженіемъ съ колоритомъ канцелярскаго слога были готовы, и я, не прочитавъ даже, поспѣшилъ отнести все это мое дѣтское бумагомараніе къ Свиньину. Павелъ Петровичъ остался очень доволенъ этою фразеологіею въ формѣ автоніанской хріи, написанной по всѣмъ правиламъ реторики профессора Рижскаго. Но все-таки Свиньинъ нашелъ нужнымъ, какъ онъ выражался, впустить своего квасно-патріотическаго «соуска» въ мой винегретъ, и, по его мнѣнію, статья вышла на славу. «Что въ ротъ, то спасибо!» восклицалъ благодушествовавшій постоянно и лгавшій напропалую Свиньинъ, прозванный фабулистомъ А. Е. Измайловымъ: «Павлушка-мѣдный лобъ».

Статья «Цвѣтокъ» была напечатана въ концѣ ноябрской книжки тогдашнихъ крохотныхъ «Отечественныхъ Записокъ» въ ихъ небесно-голубой оберткѣ и окаймлена траурнымъ бордюромъ съ наигрубѣйшимъ лубочной рѣзьбы изображеніемъ розы, всего болѣе похожей на какое-то чернильное расплывшееся пятно: ксилографія тогда у насъ была въ первомъ періодѣ младенчества. Свиньинъ расщедрился и оттиснулъ сотню экземпляровъ моей статьи особо на почтовой бумагѣ и, при содѣйствіи разныхъ милостивцевъ своихъ, уладилъ такъ, что экземпляры съ чернымъ бордюромъ и съ уродливою розою были въ Зимнемъ дворцѣ представлены государю императору Николаю Павловичу, всей императорской фамиліи и особамъ двора покойной императрицы. Знаменитая (въ царствованіе Павла Петровича) статсъ-дама, кавалерственная дама большого креста св. Екатерины и оберъ-гофмейстерина Н. И. Нелидова, прочла эту мою пàтетическую статью, наполненную тѣмъ, что французы называютъ lieux communs и (вотъ вкусъ-то!) нашла, что c'est quelque chôse de délicieux comme production littéraire d'un adolescent и тотчасъ прочла съ восхищеніемъ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, разумѣется, подсобляя французскимъ переводомъ, потому что юная императрица въ тѣ поры, при всѣхъ стараніяхъ Вас. Андр. Жуковскаго, была еще слишкомъ слаба въ русскомъ языкѣ; это не помѣшало императрицѣ сказать, что il faut pourtant encourager ce poëte adolescent. И вотъ на завтра за мною, при содѣйствіи Свиньина, давшаго мой адресъ, прискакалъ въ пошевняхъ на тройкѣ фельдъегерскій офицеръ и отвезъ меня въ Таврическій дворецъ къ статсъ-дамѣ ея высокопревосходительству Над. Ив. Нелидовой, имѣвшей видъ коричневой маленькой муміи и крайне невзрачной, которая однако очень ласково приняла «мальчика-поэта» въ форменномъ фракѣ министерства финансовъ и отъ имени императрицы Александры Ѳеодоровны вручила ему за «Цвѣ-

токъ» перстенекъ аметистовый съ бриллiантовой пылью, цѣною въ 100 рублей ассигнацiями».

«Какъ не маловажно было само по себѣ это обстоятельство,— оно имѣло огромное влiянiе, во-первыхъ, на нѣкоторыхъ журналистовъ, какъ напримѣръ, Ник. Ив. Греча, который сдѣлался съ этого времени ко мнѣ гораздо любезнѣе. А, во-вторыхъ, разсказы Над. Ив. Нелидовой о poéte adolescent blond cendre à cheuveux naturellement bouclés сдѣлали то, что этотъ бѣлокуренькiй юноша былъ приглашенъ на утреннiй шоколадъ блестящимъ тогдашнимъ вельможею Ѳед. Петр. Опочининымъ, другомъ великаго князя Константина Павловича, равно какъ Николаемъ Петровичемъ Новосильцевымъ, завѣдывавшимъ тогда заведенiями императрицы Марiи Ѳеодоровны и, (тоже былъ приглашенъ) главною, знаменитою тогдашнею вѣстовщицею и придворною сплетницею Елисаветою Михайловною Хитрово, дочерью свѣтлѣйшаго князя Михаила Илларiоновича Кутузова-Смоленскаго. Эта барыня изъ самыхъ что было сливокъ аристократiи была мать прелестной изъ прелестныхъ графини Фикельмонъ, т. е. супруги тогдашняго австрiйскаго посланника, котораго бѣлоснѣжный мундиръ и красныя рейтузы производили престранный эффектъ въ публикѣ, особенно при зеленомъ султанѣ его треуголки, покрытой сплошь широкимъ золотымъ галуномъ. Но дѣло въ томъ, что Елисавета Михайловна приходилась что-то въ родѣ троюродной кузины моему строгому начальнику Дм. Гавр. Бибикову, который разъ утромъ призвалъ «бѣлокураго мальчика-элегиста» къ себѣ на домъ и сказалъ ему:

— Тебѣ вѣрно не извѣстенъ мой приказъ, на основанiи котораго такое подношенiе твоего какого-то тамъ «Цвѣтка», какое ты сдѣлать изволилъ въ Зимнiй дворецъ, могло имѣть мѣсто не иначе какъ только при моемъ благосклонномъ и начальственномъ посредствѣ.

«Какъ я не объяснялъ, что тутъ я не при чемъ, что 100 экземпляровъ моей статьи черезъ статсъ-секретаря Кикина препроводилъ Павелъ Петровичъ Свиньинъ, а что я ничего не вѣдалъ, да и вѣдать не могъ, все-таки Бибиковъ мнѣ объявилъ:

— Толкуй тамъ, что хочешь, а отъ меня наказанiе понесетъ не толстый боровъ Свиньинъ, а le blond adolescent, poétisant en prose, то-есть, твоя милость и наказанiе это начнется съ этой минуты. Слѣдуй за мною.

«Я пошелъ за Бибиковымъ изъ его кабинета съ стеклянымъ потолкомъ въ корридоръ, а изъ корридора мы прошли въ билліардную, гдѣ Бибиковъ вооружился мазомъ, велѣлъ мнѣ взять кiй и играть съ нимъ въ 48-бильную партiю на билліардѣ. Мы сыграли, помнится, 10 партiй, и въ этомъ состояло мое оштрафованiе, распространившееся на всѣ воскресенья, когда въ часъ по полудни я долженъ былъ являться къ Бибикову, чтобъ играть съ нимъ 10—

12 партій и потомъ, когда соберутся воскресные гости, обѣдать, спустя же часъ послѣ обѣда удаляться. Такъ съ конца 1828 года до половины 1833 года прошло прекрасно 5 — 6 лѣтъ. Но въ 1833 году одно обстоятельство [1]) возстановило Бибикова противъ меня до того, что онъ изъ благодѣтеля-начальника сдѣлался ненавистникомъ моимъ и повсюду мнѣ вредилъ даже и тогда, когда въ 1837 году я перешелъ отъ него въ военное министерство подъ начало статсъ-секретаря М. П. Позена».

«Послѣ перваго моего литературнаго успѣха съ «Цвѣткомъ нагробнымъ», Н. И. Гречъ, замѣтивъ, что статьи П. П. Свиньина о разныхъ русскихъ геніяхъ, имъ откапываемыхъ, хотя и пересаливаемыя имъ, имѣли-таки нѣкоторый успѣхъ, захотѣлъ, чтобы и въ «Сѣверной Пчелѣ» были печатаемы разсказы о русскихъ Уаттахъ, Жакарахъ и Терно, а потому обратилъ свое вниманіе на меня и разъ какъ-то въ одинъ семейный четверговый обѣдъ въ первыхъ мѣсяцахъ 1829 года (мнѣ было 17 лѣтъ отъ рода) поручилъ мнѣ «откапываніе русской геніальности», особенно по части мастерствъ и художествъ. И вотъ я, едва вышедшій изъ дѣтства, пустился на столбцахъ «Пчелы» съ жаромъ разсказывать біографическія подробности о разныхъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ русскихъ изобрѣтателяхъ и производителяхъ, какъ: Батовъ («Русскій Страдиварій»), Чурсановъ (дѣлатель клеенокъ), Лукутинъ (табакерщикъ изъ папье-маше), Серебрянниковъ (ленточникъ), Головкинъ (фабрикантъ нюхательнаго табака), Плигинъ (макаронщикъ)—(не сургучникъ ли?) и пр. и пр. и пр. Но не одна изъ этихъ пустословныхъ и восторженныхъ статей, крѣпко смахивавшихъ на рекламы, такъ не удалась блестяще успѣшно молодому мальчику—уже публицисту, какъ статья объ анекдотивномъ порховскомъ пастушонкѣ, сдѣлавшемся въ то же время со дня наводненія (1824 г.) въ теченіе 4—5 лѣтъ, виднымъ табачнымъ фабрикантомъ, производившимъ турецкій и американскій курительный табакъ и уже соперничествовавшій съ Гишаромъ и Линденлаубомъ. То былъ табачный фабрикантъ и купецъ Василій Григорьевичъ Жуковъ, впослѣдствіи пріобрѣвшій громадную славу и колоссальное, милліонерное богатство, но умершій въ концѣ 1882 года, почти въ затруднительномъ положеніи, оставивъ цѣлый полкъ наслѣдниковъ, разорвавшихъ на дробныя части остатки его достоянія, благодаря своему дикому самодурству и нелѣпому образу жизни, имѣвшему въ основѣ милое правило россійскаго дурачества: «ндраву моему не препятствуй!» Но въ 1830 годахъ всѣ понимали очень хорошо, что Жукова на такую высоту подняла статья въ «Сѣверной Пчелѣ», напечатанная семнадцатилѣтнимъ юношей въ декабрѣ 1829 года. Довольно сказать въ до-

---

[1]) «Русскій Міръ». Декабрь, 1871 г. и «Русскій Вѣстникъ». Февраль, 1872 г. (В. Бурнашевъ).

казательство волшебнаго эффекта моей этой тогдашней статьи, что она была прочтена императоромъ Николаемъ Павловичемъ, который на разводѣ громко отрекомендовалъ ее великому князю Михаилу Павловичу, какъ страстному курильщику. Этотъ случай былъ въ особенности стимуломъ славы и страшнаго богатства Жукова, а мнѣ статья эта доставила въ «Сѣверной Пчелѣ» гонораръ въ 100 рублей ассигн. въ мѣсяцъ, что въ тѣ патріархальныя времена было колоссально, возбудивъ противъ меня зависть не только такихъ сотрудниковъ «Пчелы», какъ Сомовъ (Орестъ Мих.), Очкинъ (Амплій Николаевичъ) и Юханцевъ (Николай Ивановичъ), получавшихъ отъ Греча жалованье за переводы; но даже заставило коситься на меня самого Ѳеддея Венедиктовича Булгарина, говорившаго обо мнѣ: «въ сорочкѣ родился, мальчишка, въ сорочкѣ».

«Но эта bouderie нисколько не помѣшала Булгарину въ началѣ 40 годовъ рекомендовать меня книгопродавцу Ольхину для редактированія «Воскресныхъ Посидѣлокъ», состоявшихъ изъ 12 пузатенькихъ книжекъ для народнаго чтенія. А еще болѣе: тотъ же Булгаринъ, отъѣзжая на нѣсколько лѣтъ въ свое Карлово (мнѣ тогда, правда, было далеко не 17 лѣтъ, а уже 35)—(вѣроятно: поручилъ мнѣ) редакцію своего журнала «Экономъ». Въ теченіе этихъ сороковыхъ годовъ, въ концѣ 1848 года, я издалъ, составленный моими трудами «Терминологическій словарь сельскаго хозяйства» въ 40,000 словъ, обратившій, между прочимъ, на себя вниманіе Русскаго отдѣла Академіи Наукъ. Знаменитый составитель «Толковаго Словаря» Влад. Ив. Даль въ предисловіи своемъ къ этому труду говоритъ: «Я много обязанъ словарнымъ работамъ гг. Анненкова (по ботаникѣ) и Бурнашева (по сельскому хозяйству и вообще промышленности»).

«Въ 1839 году изданы мною книги: а) «Деревенскій Староста», которую въ количествѣ 1000 экземпляровъ купилъ у меня тогда же департаментъ безъ гроша сбавки книгопродавческихъ процентовъ, и б) «Описаніе Удѣльнаго Земледѣльческаго училища», за которую отъ государя императора получилъ перстень въ 1,000 рублей ассигнаціями».

«Въ 1850 году я сталъ издавать и редактировать «Труды Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества», принятые мною въ ноябрѣ 1849 года съ 250 подписчиками, которые въ моихъ рукахъ въ два мѣсяца дошли до 3,600 подписчиковъ, къ концу же года я имѣлъ всего 6,700 подписчиковъ, число коихъ не измѣнялось въ теченіе семи лѣтъ; но въ 1857 году въ февралѣ мѣсяцѣ вслѣдствіе самыхъ гнустныхъ интригъ и всякихъ мерзостей, (я) оставилъ редакцію изданій Общества. Забавнѣе всего то, что это нелѣпое Общество устами и перомъ своего тогдашняго непремѣннаго секретаря А. И. Ходнева (нынѣ умершаго) упрекало меня за то, что я имѣлъ такое множество подписчиковъ и массы читателей, мотиви-

руя этотъ упрекъ моему неустанному старанію, самопожертвованію и умѣнью,—тѣмъ (изволите видѣть), что ученое Общество не должно имѣть такой свой огранъ, который на глазахъ и въ рукахъ у всякаго мужика и лавочника. Вотъ чепуха-то! И замѣтьте, что всѣ бывшіе въ Обществѣ моими врагами, какъ и этотъ самый Ходневъ съ своими рогатыми софизмами, были люди не только мною одолженные, но нѣкоторые даже облагодѣтельствованные мною» [1]).

«Въ бытность мою редакторомъ «Трудовъ», я, въ видѣ премій къ журналу, издалъ много различныхъ «руководствъ» для хозяевъ и хозяекъ; но въ особенности знаменательно было изданіе «Ветеринарнаго лѣчебника» съ великимъ множествомъ раскрашенныхъ и политипажныхъ рисунковъ въ двухъ огромныхъ томахъ. Составилъ книгу эту ветеринаръ—Генслеръ, тотъ самый который потомъ сдѣлался юмористомъ и издавалъ цѣлыя книги и писалъ статьи юмористическаго содержанія довольно бойкія и размашистыя. По подпискѣ словарь этотъ, обошедшійся мнѣ въ 10,000 руб. сер., шелъ по 5 руб. сер. (дешевизна поразительная) и 2,000 экземпляровъ его были тотчасъ проданы по этой цѣнѣ, чрезъ что я покрылъ всѣ издержки свои. Осталось 400 экземпл., изъ коихъ 50 раздарены, какъ водится, а 350 продавались въ мой чистый барышъ по 7 руб. экз., какихъ я продалъ на 1,400 руб. всего 200 экз., остававшіеся же еще не проданными 150 экз., я продалъ г. Вольфу по 6 руб. экз. на 900 руб. Такимъ образомъ рискованное это изданіе дало мнѣ 2,300 руб. чистой выгоды».

«Въ 1857 году, удалясь изъ Общества и нуждаясь въ средствахъ къ жизни, я получилъ отъ покойнаго М. О. Вольфа порученіе составить «Популярную хозяйственную Библіотеку» въ сто книжекъ, каждая книжка въ 3 печ. листа въ 16 долю. Многія изъ книжекъ этой библіотеки выдержали нѣсколько изданій. Эта коллекція и понынѣ черезъ 28 лѣтъ идетъ въ продажѣ раздробительно. Кромѣ того, въ это же время или около этого времени я для г. Вольфа, по его иниціативѣ, обработалъ книгу въ 5,000 анекдотовъ, изданную имъ въ 5 томахъ подъ заглавіемъ: «Весельчакъ».

«Въ 1858 году я приступилъ къ изданію широко энциклопедической, но все-таки съ хозяйственнымъ характеромъ, еженедѣльной газеты «Листокъ для всѣхъ», въ которой, между прочимъ, подъ видомъ картинокъ съ юмористическимъ колоритомъ вымышленнаго «Захолустьевскаго Общества земледѣлія», бывшаго фотографіею Вольнаго Экономическаго Общества, я, зная коротко всѣ тайныя пружины Общества, жестоко надъ ними издѣвался, выводя на чи-

---

[1]) Какую роль Алексѣй Ивановичъ Ходневъ игралъ при отобраніи журнала отъ Бурнашева намъ неизвѣстно, но извѣстно, что А. И. Ходневъ пользовался полнымъ уваженіемъ знавшихъ его лучшихъ людей и почитался не способнымъ ни къ какой низкой интригѣ. Н. Лѣсковъ.

стую воду все то, что заправилы Общества старались всѣми мѣрами скрывать отъ отечественной публики. Сонмъ лицъ, окружавшихъ тогдашняго президента Общества принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго узнали себя подъ псевдонимами болѣе или менѣе прозрачными, и вслѣдствіе этого принцъ жаловался лично на меня въ Бозѣ почивающему государю императору Александру II. Мнѣ лично тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія Евгр. Петр. Ковалевскимъ былъ объявленъ высочайшій выговоръ съ строгимъ запрещеніемъ печатать «хронику» о «Захолустьевскомъ Обществѣ», при немъ начались страшныя цензурныя придирки, заставившія меня на 1859 годъ прекратить это періодическое изданіе».

«Въ эту пору съ 1859 по 1864 гг. въ теченіе пяти лѣтъ въ особенности много работалъ переводовъ, а отчасти и оригинальныхъ компиляцій (въ которыхъ я довольно руку набилъ) въ родѣ книги: «Русскіе люди всѣхъ сословій и всѣхъ эпохъ. Собраніе до 100 біографій для юношества русскаго». Въ это же время я помогалъ сестрѣ моей (Софьѣ Петровнѣ Бурнашевой) подъ ея псевдонимомъ Дѣвицы Эсбе (т. е. С. Б.) издавать и редактировать два воспитательныхъ ея журнала («Часъ Досуга» и «Калейдоскопъ»), о которыхъ я упомянулъ выше».

«Въ 1864 году, въ январѣ, я принялъ службу по крестьянскому дѣлу въ Юго-Западномъ краѣ въ качествѣ предсѣдателя мирового съѣзда въ гор. Балтѣ, Подольской губерніи, будучи прикомандированъ къ земскому отдѣлу министерства внутреннихъ дѣлъ. Здѣсь я прослужилъ до 1866 года, когда былъ, по волѣ начальства, переведенъ въ Летичевъ, а въ 1867 году, въ маѣ мѣсяцѣ, возвратился въ Петербургъ съ отчисленіемъ отъ службы по крестьянскому дѣлу, но съ оставленіемъ въ прикомандировкѣ къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Враги очернили меня передъ начальствомъ, выставивъ меня и полонофиломъ и юдофиломъ собственно по случаю справедливости и безпристрастности моихъ дѣйствій, когда я доказывалъ полякофобамъ и юдофобамъ, съ пѣною во рту нападавшимъ на меня, что я не признаю за собою права давать своей чисто финансово-административной комиссіи мало-мальски политическій характеръ и что я нахожу дѣйствія еврейскихъ ростовщиковъ въ милліонъ разъ скромнѣе и извинительнѣе дѣйствій ростовщиковъ изъ членовъ православнаго духовенства, дерзающихъ употреблять религію какъ орудіе своихъ гнусныхъ мздоимствъ, о чемъ я неоднократно конфиденціально сообщалъ преосвященному Леонтію, нынѣшнему Варшавскому архіепископу». (Здѣсь дѣлается по необходимости значительный пропускъ).

«...Впрочемъ, этотъ же самый епископъ, зная мое ревностное содѣйствіе въ Балтѣ по предмету украшенія тамошнихъ православныхъ храмовъ чрезъ суммы, жертвуемыя мнѣ на этотъ предметъ поляками-панами и ихъ паннами,—сдѣлалъ распоряженіе, о како-

вомъ письменно меня увѣдомилъ по почтѣ въ Петербургѣ въ іюнѣ 1867 года, о поминовеніи моего имени на эктеніяхъ въ балтскихъ городскихъ церквахъ, перерожденныхъ, большею частью, не слишкомъ давно, изъ уніатскихъ».

«Мое юдофильство провозглашаемо было мировыми посредниками Балтскаго уѣзда (ихъ было восемь предрянныхъ личностей, все большею частью отставные уланскіе и гусарскіе поручики и помѣщики Кіевской и Херсонской губерній, вовсе не либеральные съ своими подвластными крестьянами и сильно либеральничествовавшіе на счетъ кармана помѣщиковъ Юго-Западнаго края въ пользу подольскихъ, а именно балтскихъ крестьянъ, страшныхъ, большею частью, мошенниковъ и пролазъ). Гг. посредники укоряли меня за мое мнѣніе, очень чистосердечно тысячу разъ высказанное, что присутствіе еврейства дѣятельнаго, находчиваго и расторопнаго въ краѣ, гдѣ хохлацкое народоселеніе отличается апатіею и лѣностью при воловьемъ упорствѣ держаться своего неподвижнаго statum quo,— явленіе весьма логичное и для всякаго пріѣзжаго человѣка спасительное. Я не затруднялся объявлять, что я просто погибъ бы, будучи вдругъ перекинутъ изъ Петербурга въ Балту, знаменитую своею непролазною грязью, ежели бы въ разныхъ факторахъ и мишурисахъ не встрѣтилъ моихъ спасителей. Наведши справки о цѣнахъ на всѣ предметы, въ которыхъ я нуждался, я пріобрѣталъ вещи эти изъ Одессы, Херсона, Кіева, Бердичева и пр. чрезъ евреевъ мѣстныхъ и оказывалось, что все мною получаемое обходилось несравненно дешевле, чѣмъ ежели бы я все это получалъ изъ рукъ мѣстныхъ жителей православныхъ и римско-католиковъ, и само собою разумѣется, что я въ балтскомъ обществѣ громко хвалилъ всѣхъ этихъ Мошекъ, Іовелей и Шмулей, съ которыми я обходился всегда самымъ учтивымъ образомъ, сажая ихъ у себя, что многихъ изъ этихъ загнанныхъ, но дошлыхъ, умныхъ и, по своему, благородныхъ людей приводило въ неописанный восторгъ. То, что надняхъ въ Нижнемъ сказалъ нижегородскій губернаторъ Ник. Ал. Барановъ, то я за 17 лѣтъ предъ симъ возглашалъ въ Балтѣ, Летичевѣ, Проскуровѣ, Каменцѣ и даже Каменцѣ, что семитическое племя само по себѣ прекрасное племя и что пора намъ сынамъ XIX вѣка убѣдиться, наконецъ, что «еврей не собака!» Балтскій помѣщикъ отставной генералъ-маіоръ Б—евъ, платившій постоянный оброкъ ржонду во дни ржондскаго террора,—хотѣлъ мнѣ продать натычанку (родъ брички) для моихъ вояжей по не почтовымъ дорогамъ уѣзда при разъѣздахъ съ повѣрочными съѣздами, за 300 руб., да еще такую, которая десятиверстную пробу не выдержала и чуть вся не разсыпалась, такъ что мнѣ привелось бросить ее въ корчмѣ, а самому дотащиться до мѣста моего путешествія частью на волахъ, частью верхомъ на непривыкшихъ къ сѣдлу лошадяхъ. Все это меня изму-

чило изрядно, и я дорогою захворалъ и свалился въ одной еврейской корчмѣ, арендаторъ которой вмѣсто генеральской натычанки уступилъ мнѣ свою не за 300, а за 80 руб., и эта натычанка прослужила мнѣ болѣе двухъ лѣтъ до моего отъѣзда въ Летичевъ, когда тотъ же Соломонъ Шмуль Бродскій купилъ у меня этотъ все еще крѣпкій экипажъ, требовавшій однако ремонта, за 60 рублей. Всѣ кому я не разсказывалъ объ этомъ, находили, что еврей—мѣщанинъ города Балты Бродскій честнѣе его превосходительства генералъ-маіора Б—ева, разбогатѣвшаго чрезъ командованіе въ теченіе 28 лѣтъ Колыванскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Естественно, что въ этомъ случаѣ «языкъ мой былъ врагъ мой», создавшій мнѣ злого врага въ генералѣ, который еще вящше сталъ упрекать меня въ юдофильствѣ и плести о моей персонѣ паутину всякихъ мерзостей, когда, въ бытность повѣрочнаго съѣзда въ его имѣніи, я вынужденъ былъ, въ виду дурного надѣла его крестьянъ, понизить цѣнность его мѣстности, правда очень богатой, на 28°. Это уже окончательно взбѣсило этого бывшаго когда-то аракчеевскаго питомца и прихлебателя, служившаго когда-то у грузинскаго царька въ адъютантахъ. Тогда этотъ генералъ нарочно съѣздилъ въ Каменецъ и тамъ старался выставить меня дурно мѣстному губернатору Сухотину, котораго я въ грошъ не ставилъ, завися исключительно, какъ командированный, отъ министерства. Но какъ бы то ни было, а всѣ мои сослуживцы по крестьянскому дѣлу, даже разные идіоты, получили земельные надѣлы, которые тотчасъ заарендовали, я же не получилъ ни аршина земли въ Подольской губерніи».

«Мое «юдофильство» еще гремѣло въ Балтскомъ уѣздѣ по тому случаю, что когда въ мартѣ 1864 года я, проѣздомъ въ Балту, ночевалъ въ Тульчинѣ, то забылъ тамъ въ заѣздномъ домѣ на зеркалѣ прекрасное необыкновенно длинное съ русскими кружевами полотенце, подарокъ моей сестры. Въ Балтѣ я неоднократно кручинился объ этой потерѣ, не зная гдѣ въ дорогѣ на перекладныхъ я потерялъ эту нравственно дорогую для меня вещь. Прошло около 12 мѣсяцевъ, и вотъ въ началѣ марта 1860 года я проѣздомъ въ Каменецъ, по дѣламъ службы, не ночевалъ, а завтракалъ въ томъ же заѣздномъ домѣ. И каково же было мое удивленіе, когда вдругъ на мельхіоровомъ подносѣ вертлявый мишурисъ подалъ мнѣ драгоцѣнное по памяти о сестрѣ полотенце, сохраненное имъ въ цѣлости цѣлый годъ все въ надеждѣ когда-нибудь встрѣтить-таки меня. Конечно, я поблагодарилъ честнаго еврейчика и удивилъ его наградою въ десять почти разъ превышавшею стоимость самой вещи. А вотъ въ бытность мою въ Каменцѣ въ квартирѣ одного мѣстнаго чиновника, чистокровнаго россіянина, я замѣтилъ пропажу одного изъ моихъ часовыхъ брелоковъ, вензеловой аметистовой печатки, которая улетучилась въ рукахъ пятнадцатилѣтняго

сынка этого чиновника, ученика мѣстной гимназіи. При разсказахъ объ этихъ двухъ случаяхъ, я сопоставлялъ мишуриса Хемку съ чадомъ высокоблагороднаго чиновника подольской казенной палаты, исправлявшаго въ это время должность предсѣдателя казенной палаты, отсутствовавшаго въ Петербургѣ. И этотъ случай прибавилъ массу злобы противъ меня за мое юдофильство»[1].

«Возвратясь въ Петербургъ въ маѣ 1867 года, я снова имѣлъ нѣкоторыя занятія у М. О. Вольфа, постоянно борясь съ долговыми тяжкими обязательствами, оставшимися мнѣ отъ неблагодарнаго Вольнаго Экономическаго Общества, изданія коего были мнѣ по подписочной цѣнѣ своей (3 руб. въ годъ съ пересылкою 12 книгъ съ множествомъ различныхъ рисунковъ и съ разсылкою разныхъ приложеній въ родѣ, напримѣръ, пакетиковъ съ рѣдкими сѣмянами) въ сильный убытокъ, а когда на 1857 годъ Общество согласилось прибавить четвертый рубль, то интрига восторжествовала надъ правдой, и я долженъ былъ обратиться въ бѣгство отъ Общества, столько мною одолженнаго и столь дурно со мною поступившаго».

«Въ 1866 году, до возвращенія моего въ Петербургъ сестра моя получила кое-какое наслѣдство отъ старшей сестры своей, умершей въ Тамбовѣ, и это наслѣдство въ какія-нибудь 7—8 тысячъ рублей серебромъ, сестра Софья, недавно умершая и понынѣ мною оплакиваемая, имѣла великодушіе изъ дружбы ко мнѣ употребить на погашеніе окончательное моихъ долговъ, вынесенныхъ изъ Общества въ количествѣ 10 тысячъ рублей, оставшись сама при своемъ только музыкальномъ талантѣ, который довольно успѣшно экспуатировала, чрезъ что маленькіе свои доходы присоединяла къ пенсіи матери и къ моимъ въ то время скуднымъ средствамъ. Тогда находчивая и умная моя сестра стала устраивать шамбръ-гарни со столомъ на самыхъ строгихъ началахъ нравственности и хорошаго тона, и это покрывало расходъ на квартиру и на столъ, т. е. на два самыхъ существенныхъ предмета въ жизни. Въ это время я получалъ 1,200 рублей въ «Полицейской Газетѣ».

«Въ 1870 году явился новый журналъ «Заря», издаваемый В. В. Кашперевымъ. Въ журналѣ этомъ былъ біографико-историческій отдѣлъ. Мнѣ пришла мысль попробовать, по совѣту нѣкоторыхъ изъ моихъ пріятелей, — написать двѣ воспоминательныя (ретроспективныя) статьи, одну изъ разсказовъ моего отца о его встрѣчѣ въ 1809 году съ Аракчеевымъ, другую изъ моей жизни тридцатыхъ годовъ, когда мнѣ не было еще и 20 лѣтъ. Первую я назвалъ: «Крестовская Карусель въ 1809 году», вторую же:

---

[1]) Нѣсколько ниже всѣ эти разсказы о евреяхъ и вообще такъ называемое «іудофильство» получатъ отъ самаго же Бурнашева очень неожиданное и даже поразительное изъясненіе, свидѣтельствующее объ особенностяхъ его характера.
Н. Л.

«Четверги у Н. И. Греча». Первая особенно понравилась редакціи, вторая же журналистикѣ вообще и всей русской публикѣ такъ что эти статьи вдругъ и совершенно неожиданно высоко, высоко высоко подняли меня изъ того загона, въ какомъ я, по различнымъ интригамъ и преслѣдованіямъ враговъ, находился. На меня стали снова обращать вниманіе, и вотъ въ 1871 году въ іюнѣ мѣсяцѣ меня пригласилъ В. В. Комаровъ участвовать въ его газетѣ «Русскій Міръ», — преимущественно по ретроспективной части въ отдѣлѣ фельетона или «нижняго этажа», и я ему до 1 января 1872 г. далъ нѣсколько статей, и, между прочимъ, статью: «Моя служба подъ начальствомъ Д. Г. Бибикова». Статья эта, заключавшая въ себѣ одну лишь глаза рѣжущую правду, озлила вдову Бибикову и была причиною самыхъ жестокихъ преслѣдованій меня. Г. Комаровъ рекомендовалъ меня М. Н. Каткову, который въ четырехъ послѣднихъ №№ 1871 года «Русскаго Вѣстника» напечаталъ мою статью: «Воейковскія пятницы», имѣвшую успѣхъ; а за весь 1872 годъ, т. е. 12 №№ своего ежемѣсячнаго журнала, онъ занялъ моею въ 30 печатныхъ листовъ статьею подъ названіемъ: «Моя служебная и частная дѣятельность въ 1830—1840 годахъ», гдѣ собрана масса интересныхъ эпизодовъ. Въ томъ же 1872 году я напечаталъ въ «Русскомъ Архивѣ» статью: «Лермонтовъ въ воспоминаніяхъ своихъ однокашниковъ», которая обратила тогда вниманіе графа Д. А. Милютина, рекомендовавшаго ее для прочтенія великому князю Владиміру Александровичу. Въ томъ же 1872 году я печаталъ мои воспоминательныя статьи въ «Русскомъ Мірѣ», какъ вдругъ въ августѣ мѣсяцѣ того же года въ трехъ или четырехъ №№ этого листка, явилась не критическая, а сначала до конца пошлая, ругательная, длинная, бездоказательная статья противъ меня съ нахальными выходками лично ко мнѣ относившимися, ко мнѣ, считая меня все-таки сотрудникомъ газеты, помѣщающей на столбцахъ своихъ такія грубыя порицанія. Я потребовалъ отъ Комарова, чтобы въ удовлетвореніе мнѣ онъ въ своей же газетѣ немедленно напечаталъ мой отпоръ; но онъ, давъ мнѣ слово исполнить мою справедливую просьбу, обманулъ меня и отпора моего не напечаталъ, а потому съ 1-го сентября 1872 года я съ нимъ разстался, перейдя въ газету «Биржевыя Вѣдомости», которыхъ фельетонный отдѣлъ съ 1 сентября 1872 по 1 января 1874 года я постоянно наполнялъ моими ретроспективными статьями, что давало мнѣ до 2 тысячъ рублей въ годъ. Но на 1874 годъ Трубниковъ оказался въ столь дурныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ, что вынужденнымъ нашелся передать свою газету г. Полетикѣ, съ которымъ я сношеній не имѣлъ. Въ 1874 году я печаталъ нѣкоторыя мои статьи въ «Нивѣ» и въ «Петербургской Газетѣ», а также въ «Дѣлѣ» подъ псевдонимомъ Эртаулова. Одна изъ моихъ статей въ «Дѣлѣ» «Орловскій крѣпостной театръ графа С. М. Каменскаго»

(въ 20-хъ годахъ) имѣла успѣхъ и была цитирована многими газетами, а статья: «Александръ Ефимовичъ Измайловъ, журналистъ-фабулистъ и шутникъ» была высоко поднята всею журналистикою, дѣлавшею изъ нея множество извлеченій. Даже строгая критика тогдашнихъ «Отечественныхъ Записокъ» посвятила этой статьѣ нѣсколько столбцевъ съ избыткомъ похвалъ неизвѣстному (??!!) автору ея, такъ какъ псевдонимъ мой не былъ извѣстенъ по новости своей (Артемій Эртауловъ)».

«Въ этомъ 1874 году, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, получая по 100 руб. въ мѣсяцъ, я, по приглашенію одного изъ начальниковъ экспедицій III Отдѣленія собственной канцеляріи (т. е. жандармскаго),—принялъ занятія частныхъ работъ, состоявшихъ въ редактированіи докладныхъ записокъ для государя императора. Такихъ частныхъ наемниковъ при графѣ Шуваловѣ, въ помощь штатнымъ чиновникамъ канцеляріи, было до 60 человѣкъ, которые съ поступленіемъ генерала Потапова всѣ были уволены немедленно и въ томъ числѣ я, пробывшій тамъ всего 4 мѣсяца; но за эти 4 мѣсяца жестоко пострадавшій нравственно, потому что, узнавъ о моемъ нахожденіи (впрочемъ совершенно невинномъ) въ стѣнахъ этого ненавистнаго учрежденія,—почти вся журналистика отъ меня отшатнулась, что впрочемъ не помѣшало мнѣ подъ псевдонимомъ еще новымъ «Касьянова», издать книгу ретпроспективно-юмористическую подъ названіемъ: «Наши Чудодѣи», имѣвшую изрядный успѣхъ» [1]).

«Въ этомъ же 1875 году въ «Пчелѣ», которую тогда издавалъ извѣстный нашъ художникъ г. Микѣшинъ, а редактировалъ П. Н. Полевой,—я помѣстилъ статью также воспоминательную подъ названіемъ: «Ловеласничество барона Брамбеуса».

«Въ 1876 году я принялъ еще новый псевдонимъ, Арбашевъ подъ какимъ много работалъ въ журналахъ: «Природа и Охота» (Л. Н. Сабанѣева) и «Сельское Хозяйство» (Ѳ. А. Баталина), а также въ «Земледѣльческой Газетѣ» (его же). Эти господа платили мнѣ порядочно, однако менѣе, конечно, чѣмъ сколько платилъ въ 1871—1872 годахъ г. Катковъ, но все-таки давшіе мнѣ отъ 45—50 рублей съ листа за статьи чисто статистико-коммерческо-этнографико-естествознательнаго характера, каковые были: «Живорыбная торговля», «Продажа пѣвчихъ птицъ и способы ихъ лова», «Молочныя фермы въ Петербургѣ», «Пушная (мѣховая) торговля», «Живность въ курятномъ ряду», «Дичина

---

[1]) На этотъ счетъ покойный В. также ошибается. «Частная служба» его въ III Отдѣленіи не была извѣстнѣе, чѣмъ такая же служба упоминаемыхъ въ бумагахъ другихъ лицъ, занимавшихся и службою названнаго рода и литературою, и даже редакторствомъ. Имена ихъ сохраняются въ спискахъ уцѣлѣвшихъ отъ времени генерала Мезенцова и находятся въ рукахъ благонадежныхъ.

Н. Л.

пернатая и четвероногая на съѣстномъ рынкѣ», «Огороды петербургскіе и подпетербургскіе», «Яичное производство во всей Россіи съ своими оригинальными особенностями» и пр. и пр. и пр.

«Сдѣлавъ перечень части моихъ серьезныхъ и, по справедливости, занимательныхъ и поучительныхъ статей, — не могу умолчать о томъ пріятномъ для меня обстоятельствѣ, что тогдашній министръ государственныхъ имуществъ графъ П. А. Валуевъ, можетъ быть плохой министръ, а еще болѣе плохой романистъ, но все-таки человѣкъ громадно образованный, дѣльный и умный, обратилъ свое просвѣщенное вниманіе на эти мои статьи о торговлѣ и, какъ сказывалъ мнѣ редакторъ «Сельскаго Хозяйства» и «Земледѣльческой Газеты» Ѳед. Алек. Баталинъ, спрашивалъ его: «Кто этотъ Арбашевъ, который у насъ печатаетъ такія великолѣпныя[1]) статьи»? Какъ хотите, а такой отзывъ какъ бы то ни было одного изъ умнѣйшихъ нашихъ сановниковъ чего-нибудь да стоитъ и заставляетъ меня скорѣе чѣмъ что другое забывать злонамѣренный лай моихъ враговъ и завистниковъ».

«Не лишнее однако сказать, что всѣ эти статьи были ничто иное, какъ нѣсколько дополненное и исправленное повтореніе вторымъ изданіемъ многаго множества моихъ собственныхъ въ этомъ родѣ статей, чисто оригинальныхъ, напечатанныхъ мною съ мая 1870 года по іюнь 1876 года въ теченіе семи лѣтъ въ газетѣ «С.-Петербургскаго Градоначальства и Полиціи», гдѣ за 1,200 рублей въ годъ я по контракту съ канцеляріею генерала Трепова обязанъ былъ давать по одной и даже по двѣ статьи въ этомъ родѣ въ недѣлю, а въ теченіе семи лѣтъ моего, контрактомъ оформленнаго, сотрудничества было болѣе 370 статей статистико-этнографико-естествознательнаго характера. Кромѣ статей собственно о той, другой или третьей торговлѣ, было не мало и даже весьма много очерковъ и этюдовъ петербургскихъ типовъ, какъ ремесленныхъ, такъ и иныхъ различныхъ, какихъ имѣется до 100, напечатанныхъ въ газетѣ «Градоначальства и Полиціи» подъ редакторствомъ С. В. Максимова за послѣдніе 10—15 лѣтъ, составляющей нынѣ рѣшительно библіографическую рѣдкость изъ рѣдкостей и находимую лишь въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ редакціи С. В. Максимова и въ конторѣ «Вѣдомостей Градоначальства и Полиціи». Вотъ перечень нѣкоторыхъ, всего 30 изъ 100 этихъ очерковъ-этюдовъ:

1) «Копачій Маркитантъ»; 2) «Татаринъ халатникъ»; 3) «Пирожники въ пирожныхъ и на улицахъ»; 4) «Гречневики»; 5) «Костяники»; 6) «Трубочисты»; 7) «Парикмахеры»; 8) «Архангельцы

---

[1]) Эти именно слова были мнѣ переданы редакторомъ «Земледѣльческой Газеты» и журнала «Сельское Хозяйство», Ѳ. Ал. Баталинымъ. В. Б.

съ рябчиками и съ олениной»; 9) «Торговля аптекарскими матерьялами и косметиками»; 10) «Охтяне и Охтянки»; 11) «Мелочный лавочникъ съ своими фокусами»; 12) «Проба лошади на конной площади и техническій языкъ (жаргонъ) барышниковъ»; 13) «Скорняки»; 14) «Портные штучники»; 15) «Фуражечники»; 16) «Гусачники»; 17) «Баньщики»; 18) «Петербургскій половой»; 19) «Словаки-жестяники»; 20) «Ледоколы»; 21) «Тряпичники»; 22) «Злотари (очистители отхожихъ мѣстъ)»; 23) «Извозчики (всѣ оттѣнки промысла)»; 24) «Рыбаки на тоняхъ»; 25) «Петербургскіе охотники»; 26) «Дровяной промыслъ, рубка и продажа дровъ»; 27) «Торговля грецкою губкою»; 28) «Бурлаки и бурлачество»; 29) «Ревельская килька» и 30) «Полотнянка» (калужская канарейка) и пріѣзжіе изъ заштатнаго города «Полотняные неводу» въ столицу продавцы калужскихъ канареекъ и пр. и пр. и пр., всего до 100 очерковъ-этюдовъ».

«Всѣ свѣдѣнія и факты объ этихъ всѣхъ торговляхъ, промыслахъ и ремеслахъ, получались мною далеко не легко и не дешево въ нравственномъ смыслѣ, ибо добываніе данныхъ отъ нашихъ невѣжественныхъ и грубыхъ производителей торговли и всякихъ промысловъ представляло трудности, иногда просто невообразимыя, употреблять же сколько-нибудь давленія на этихъ людей, при содѣйствіи властей, было рѣшительно возбранено Ѳ. Ѳ. Треповымъ. Правда, что съ каждымъ годомъ я открывалъ все болѣе и болѣе помощниковъ изъ числа наиболѣе образованныхъ производителей, и уже въ 1873 и дальнѣйшихъ годахъ мое дѣло стояло для меня не въ примѣръ легче, чѣмъ въ 1870, 71 и 72 даже годахъ. Главные мои въ этомъ дѣлѣ добыванія данныхъ помощники были: И. А. Поэнтъ (Pointe),—обрусѣлый французъ, блестяще образованный, торгующій колоніальными, фруктовыми и гастрономическими товарами; В. С. Семеновъ, рыбакъ, владѣлецъ большого живорыбнаго садка у Аничкина моста; А. Ѳ. Барановъ (яичникъ и содержатель Маріинской огромной гостинницы въ Чернышевомъ переулкѣ. Онъ умеръ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ); Е. Ѳ. Грачевъ, огородникъ-ботаникъ, замѣчательно умный, также не такъ давно умершій; М. Д. Котоминъ (огородникъ en gros, глава огородной биржи на Сѣнной въ трактирѣ Иванова); Никита Ѳедоровичъ Козьминъ, человѣкъ маститой старости, спеціалистъ торговли живностью и дичью, сообщившій мнѣ безчисленное множество любопытныхъ данныхъ, и, наконецъ, Д. П. Мозжечковъ, пряничникъ и куреньщикъ, и нѣсколько другихъ не столь знаменательныхъ, но все-таки оказавшихъ мнѣ несомнѣнную пользу, потому что написать статью по сообщеннымъ даннымъ и группированнымъ фактамъ было мнѣ уже не столь трудно; но повторяю,—собрать и добыть эти факты и данныя,—это была геркулесовская умственная работа, за которую слѣдовало платить не 1,200 руб. въ годъ, само собою разумѣется».

«За тѣмъ я старался изъ этихъ моихъ семилѣтнихъ работъ (1870 до 1877 г.), доставившихъ мнѣ за все это время 8,400 руб.,— извлечь сколь можно больше меркантильной пользы, почему многія изъ этихъ монографій продалъ вторымъ изданіемъ въ журналы: «Природа и Охота», «Сельское хозяйство» и «Земледѣльческую газету» на довольно выгодныхъ для меня основаніяхъ. Говоря объ этомъ, кстати приведу странный случай, бывшій по поводу этихъ статей».

«Когда явилось объявленіе англичанина и преподавателя въ коммерческомъ училищѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ казенныхъ заведеніяхъ—мистера Уильяма Брея объ изданіи имъ воспитательнаго журнала для русскаго юношества съ громкимъ названіемъ: «Юная Россія», я познакомился съ мистеромъ Бреемъ и нашелъ въ немъ господина, взявшагося за дѣло, о которомъ онъ понятія не имѣетъ, равно какъ о Россіи (какъ юной, такъ и древней), а также и слабаго въ русскомъ языкѣ, почему я съ нимъ постоянно бесѣдовалъ и переписывался пофранцузски; но и тутъ оказалось, что г. Брей затруднялся, ежели не конверсировать съ грѣхомъ пополамъ, то корреспондировать пофранцузски. Я ему разсказывалъ, что у меня до 370 статей по предметамъ торговли, промысловости и этнографіи русскихъ производителей: ремесленниковъ, фабрикантовъ и торговцевъ. Такія статьи, напечатанныя за 9—14 лѣтъ предъ симъ въ газетѣ никѣмъ не знаемой, я могъ бы нѣсколько видоизмѣнить согласно съ характеромъ журнала, предназначеннаго для русскаго юношества и за тѣмъ предоставить ему на основаніяхъ для него далеко не раззорительныхъ. Образчики этихъ статей, разсказанные мною г. Брею пофранцузски, ему понравились, и онъ тотчасъ самымъ любезнымъ образомъ изъявилъ готовность взять у меня разныхъ этого рода статей на 220 руб. сер., а также и брать подобнаго рода статьи у меня и на будущее время, при чемъ вездѣ напечаталъ объявленіе о томъ, что скоро явятся въ «Юной Россіи» статьи о шубномъ товарѣ, о торговлѣ рыбою, молочными скопами, яйцами и пр. Я далъ ему, кажется, около 25 статей, изъ числа коихъ г. Брей въ №№ 1 и 2 своего журнала напечаталъ мою статью подъ псевдонимомъ «Геннадій Свѣтозаровъ», именно: «Петербургская торговля пѣвчими птицами», въ которой есть много анекдотивныхъ занимательныхъ подробностей и я знаю нѣкоторыхъ педагоговъ, читавшихъ эту мою статью и изъявившихъ удивленіе, что г. Брей, владѣя множествомъ моихъ подобныхъ статей, ни въ одномъ изъ пяти нумеровъ, вышедшихъ послѣ второго нумера, ничего изъ огромнаго запаса моихъ купленныхъ и одобренныхъ имъ статей не напечаталъ. Оказалось, что г. Брей по безхарактерности подпалъ подъ вліяніе кого-то изъ моихъ тайныхъ враговъ, какихъ у меня, къ горю моему, не мало между современными нигилистиками, и этотъ-то нигилистишка увѣрилъ Брея, что мои статьи

слишкомъ патріотичны на русскій ладъ. Не очень давно я встрѣтилъ мистера Брея на улицѣ и спросилъ его о причинѣ непечатанія имъ моихъ, купленныхъ имъ, статей. На это Брей, читавшій, какъ увѣрялъ меня, всѣ купленныя имъ, до покупки ихъ, мои статьи въ рукописяхъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, сказалъ мнѣ: «Comment voulez vous, cher monsieur B—ff, que j'imprime dans mon journal vos articles, qui à cent lieux puent le patriotisme et le chovinisme archi-russe». Разодолжилъ, нечего сказать! Разумѣется, послѣ этого заявленія я съ этимъ... никогда никакихъ сношеній имѣть не буду».

«Невольнымъ образомъ на крыльяхъ ретроспективности переношусь за полвѣка предъ симъ и убѣждаюсь, что далеко не такъ смотрѣлъ на patriotisme russe господинъ Charles de 'Julien, сначала лекторъ, а потомъ профессоръ французскаго языка въ С.-Петербургскомъ университетѣ, которому въ 1829—30 годахъ было не болѣе 23—24 лѣтъ. Онъ тогда, не зная ни слова порусски, издавалъ еженедѣльный литературно-свѣтскій премиленькій листокъ: «Le Furet» (Хорёкъ). Ему захотѣлось имѣть на своихъ столбцахъ рубрику, посвященную à la litterature russe du moment, и вотъ по рекомендаціи Н. И. Греча, французикъ этотъ, крохотный, субтильненькій, пригласилъ меня rédiger (разумѣется, безвозмездно) cette rubrique de sa feuille hebdomadaire. Мнѣ было 17—18 лѣтъ отъ рода и я подписывалъ мои статьи: W. B-ff (непремѣнно съ этимъ окончаніемъ, чтобъ видѣли всѣ, что статьи эти пишетъ русскій). Недавно какъ-то въ Публичной Библіотекѣ я вздумалъ просмотрѣть, черезъ 55 лѣтъ, мои тогдашніе ребяческіе грѣхи въ русской литературѣ. О, Господи Боже мой! Чего, чего только я тутъ не встрѣтилъ! Какія мнѣнія, какія сужденія! Все это было до крайности дѣтски и плавало въ **патріотическомъ квасу**, противъ котораго издатель французикъ ни малѣйше не вооружался, а, напротивъ, однажды съ особеннымъ восхищеніемъ сказалъ мнѣ:

— Avant hier a un bal ou madame la comtesse de Laval (онъ былъ секретаремъ у графа Лаваля), a bien voulu me conduire, bal honoré par la prêsence de leurs majestés, — l'empéreur, au quel j'ai eu le bonheur d'etre présenté, a bien voulu me dire:—«Je suis en general assez content de votre feuille, monsieur, et surtout pour vos articles sur la littérature russe du moment».—«Ces articles ne sont pas de moi, Sire,—имѣлъ благородство сказать St. Julien,—ils appartiennent à la plume d'un tout jeune homme, dont dernierement (этотъ разговоръ былъ въ январѣ 1830 года) un article de l'Abeille du Nord, une monographie, je crois, d'un fabriquant de tabac Joukoff a eu la chance bien heureuse d'intéresser votre majesté».—«Ah! vraiment»,—замѣтилъ государь и прибавилъ: «Chargez donc votre jeune collaborateur de vous donnez une traduction de cet article ne fut-ce qu'en extrait. Vous verrez qu'on lira avec curiosité et intéret cette

biographie anecdotique d'un Gilblaz mougik et peut être les feuilles parisiennes reimprimeront l'article». (Третьяго дня, на балѣ, куда графинѣ Лаваль угодно было меня привезти, балѣ, удостоенномъ присутствіемъ его величества, императоръ, которому я имѣлъ счастіе быть представленнымъ, изволилъ мнѣ сказать:

— Я доволенъ вообще вашей газетой, а въ особенности статьями о современной русской литературѣ.

— Эти статьи не мои, ваше величество; они принадлежатъ перу совсѣмъ молодого человѣка, монографія котораго о табачномъ фабрикантѣ Жуковѣ, напечатанная недавно въ «Сѣверной Пчелѣ», имѣла счастливый случай заинтересовать ваше величество.

— А! въ самомъ дѣлѣ! Поручите же вашему молодому сотруднику сдѣлать для васъ переводъ этой статьи, хотя бы въ извлеченіи. Вы увидите, что эту анедоктическую біографію «Жильблаза-мужика» будутъ читать съ любопытствомъ и можетъ быть парижскія газеты ее перепечатаютъ).

«Я тогда же исполнилъ высочайшую волю, столь въ тѣ времена мнѣ мальчику, лестную и передалъ г. Сенъ-Жульену, но переводъ статьи въ довольно сжатомъ сокращеніи. Однако, вскорѣ мой французикъ, вызванный въ отечество смертью дяди (дѣйствительно какого-то пребогатаго oncle d'Amérique) уѣхалъ во Францію, въ Марсель, откуда онъ былъ родомъ, чтобъ тамъ получить наслѣдство довольно изрядное, которое потомъ онъ спустилъ въ Парижѣ и въ 60 годахъ, т. е. 30—40 лѣтъ спустя послѣ того, какъ я сотрудничалъ въ его «Furet»—уже въ лѣтахъ довольно преклонныхъ, профессорствовалъ въ Петербургскомъ университетѣ и снова издавалъ здѣсь французскій журналъ, не имѣвшій ни успѣха, ни значенія. Во время этого вторичнаго появленія г. Сенъ-Жюльена въ Петербургѣ,—я съ нимъ никакихъ сношеній не имѣлъ, а знаю только, что моя статья о Жуковѣ, переданная мною редактору «Furet» въ концѣ января 1830 года, не была въ его листкѣ напечатана; но въ 1831 году г. Сенъ-Тома, лекторъ С.-Петербургскаго университета и издатель еженедѣльнаго листка «по образу и подобію «Furet»—«le Miroir», просилъ меня дать ему экземпляръ этого перевода статьи о Жуковѣ, что я тогда же и исполнилъ, и статья о «Gilblaz-mougik Basile Joukoff» была напечатана въ «Miroir» 1831 года, кажется, въ апрѣлѣ или маѣ мѣсяцѣ».

«Познакомясь съ этимъ самымъ «Gilblaz-mougik» Вас. Гр. Жуковымъ въ ноябрѣ 1829 года, я продолжалъ мое съ нимъ знакомство и бывалъ на его эксцентричныхъ пирахъ, когда лѣтомъ въ Екатерингофѣ шампанское Жукова распивали какъ знакомые его, такъ вовсе не знакомые съ нимъ,—до 1837 года, когда Жуковъ женился въ третьемъ бракѣ на смолянкѣ «исторической» Маріи Парижской. Дерзкое обращеніе этой молодой капризной самодурки отогнало очень, очень многихъ, и въ числѣ этихъ многихъ и меня, отъ гостепріимнаго

крова Жукова. Но вѣдь правду гласитъ старинная наша пословица: «Гора съ горой не сходятся, а человѣкъ съ человѣкомъ сойдутся». И вотъ, по исполненіи 40 лѣтъ, я въ теченіе этого времени вовсе не бывавшій у Жукова и ни разу ни видавшій его, какъ-то непонятно опять съ нимъ сошелся, и эта встрѣча въ 1877 году повела къ тому, что какъ-то такъ устроилось, что я безъ весьма малаго шесть лѣтъ изо дня въ день, изъ часа въ часъ, провелъ съ Жуковымъ, какое сообщество съ этимъ маститымъ маньякомъ-эгоистомъ наградило меня за гонораръ въ 1,500 — 2,000 рублей въ годъ, неизлѣчимыми ревматизмами и болѣзнью сердца, благодаря всему тому, что я въ эти шесть лѣтъ физически и нравственно испыталъ въ сношеніяхъ моихъ съ этимъ дикимъ самодуромъ и безсердечнымъ, грубымъ эгоистомъ, влюбленность котораго въ свое «я» доходила до абсурда. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, которому извѣстенъ былъ Плюшкинскій образъ жизни Жукова въ вѣчно холодномъ изъ экономіи и заросшемъ грязью, по страсти къ грязи, — кабинетѣ и вообще его различныя гнусно-возмутительныя выходки, говаривалъ обо мнѣ: «Въ эти шесть лѣтъ, проведенные Владиміромъ Петровичемъ съ Жуковымъ ежедневно, ежечастно, то же самое, что ежели бы судьбѣ угодно было на шесть лѣтъ положить его въ отвратительную могилу, полную червей, съ разложившимся трупомъ».

«Такое положеніе, конечно, никакими деньгами не вознаграждается» [1]).

«Хотя Жуковъ въ эти шесть лѣтъ постоянно молчалъ о томъ обстоятельствѣ, что моя статья 1829 года въ «Сѣверной Пчелѣ» вполнѣ поставила его на ноги и даже воскресила, онъ, проникнутый самою грубою неблагодарностью, никогда не упоминалъ объ этомъ, столь важномъ въ его жизни, обстоятельствѣ, но со всѣмъ тѣмъ онъ чуть не ежедневно говорилъ мнѣ, что я не забытъ въ его духовномъ завѣщаніи, одною изъ статей котораго мнѣ назначено 10 тысячъ рублей на память объ немъ съ тѣмъ, чтобы я выпустилъ въ свѣтъ книжку объ немъ. Я имѣлъ слабость вѣрить этому жуковскому толкованію, повторяю, почти ежедневному и, признаюсь, жилъ въ этой мечтѣ до 17 декабря 1882 года, т. е. до дня смерти Жукова, когда мнѣ сообщили не духовное завѣщаніе, какого вовсе и не было, а проектъ духовнаго завѣщанія, на основаніи котораго, съ устраненіемъ отъ всякаго наслѣдства трехъ замужнихъ дочерей, какъ уже достаточно имъ награжденныхъ при замужествѣ (по 150 тысячъ руб. сер. каждой), — все что остовалось въ недвижимомъ и движимомъ

---

[1]) Труды Бурнашева при Жуковѣ заключались въ томъ, что Б. у Ж. былъ «компаньеномъ». Онъ приходилъ къ нему утромъ, читалъ ему вслухъ, кушалъ съ нимъ вмѣстѣ и вечеромъ уходилъ, — за это Ж. давалъ Б—ву 2 тысячи р. въ годъ. Въ другой тетради Бурнашевъ Жукова хвалитъ. Н. Л.

имуществѣ переходило единственному въ живыхъ оставшемуся сыну, на котораго, между прочимъ, возлагалось немедленно уплатить оставленнымъ имъ тремъ дамамъ капиталъ до 50 тысячъ руб. сер. Да, этотъ 87 лѣтній старикъ обезпечилъ только трехъ своихъ дамъ... Обо мнѣ же не было и слова упоминовенія въ проектированномъ завѣщаніи».

«Такое злодѣйское отношеніе ко мнѣ жестоко огорчило меня, усиливъ мгновенно мою болѣзнь сердца, чрезъ что у меня окончательно образовался аневризмъ, отъ котораго я рискую умереть скоропостижно при разрывѣ сердечной плевры. Аскультировавшіе меня врачи, изъ лучшихъ въ Петербургѣ, мнѣ это предсказали. Но я надѣюсь и молю Бога, чтобы не умереть не издавъ книги (въ 30 печатныхъ листовъ), мною написанной и рукопись коей, приготовленная въ печать, — находится въ настоящее время въ Москвѣ, вося заглавіе такое: «Самородокъ-Самодуръ». 100 (сто) эпизодовъ изъ анекдотивно-эксцентричной жизни нѣкогда (съ 20 по 60-е годы) громко знаменитаго Василья Григорьевича Жукова».

«Нѣкоторые, очень рельефные и довольно откровенные отрывки изъ этой книги были напечатаны въ 1883 г. (сентябрь и октябрь) въ «Петербургской Газетѣ», а другіе въ «Живописномъ Обозрѣніи», или въ новосозданномъ журналѣ «Родина» г. Пономарева, впрочемъ журналѣ до того негласномъ, что никто въ Петербургѣ не знаетъ о его скромномъ существованіи».

Вл. П. Бурнашевъ почти до самаго послѣдняго дня своей жизни постоянно озабочивался и даже можно сказать сгоралъ желаніемъ издать этотъ трудъ, или, по крайней мѣрѣ, дать какъ можно большую огласку сдѣланнымъ оттуда извлеченіямъ, и если его «Жуковіада» до сихъ поръ не достигла еще большого распространенія, то это уже не по его винѣ, а по подозрительности редакторовъ, которые сомнѣвались въ безпристрастномъ отношеніи автора къ Жукову. Такая осторожность со стороны редакторовъ была совершенно умѣстна, но В. П. Бурнашевъ продолжалъ заниматься сгущеніемъ красокъ на изображеніи Жукова, безпрестанно и всегда дѣлалъ это со страстностію, которой нельзя было не удивляться. Иногда это было похоже на какой-то «пунктъ помѣшательства». Тайна этого влеченія раскрывается только теперь въ его собственноручномъ «формулярѣ», который по словамъ покойнаго автора «долженъ представлять его литературную исповѣдь въ біографической формѣ,—ежели не сполна, то отчасти». Здѣсь В. П. Бурнашевъ откровенно говоритъ, что Жуковъ его обидѣлъ тѣмъ, что обѣщалъ не позабыть его въ своемъ духовномъ завѣщаніи, но обѣщанія этого не исполнилъ, а В. П. Бурнашевъ, доживая свой затянувшійся вѣкъ въ большой бѣдности, постоянно имѣлъ доста-

точныя причины вспоминать объ этомъ. Признаніе это во всякомъ случаѣ служитъ доказательствомъ, что «формулярный списокъ», если не весь сплошь, то хоть по мѣстамъ, составленъ авторомъ съ правдивою искренностію,—что возвышаетъ его достоинство. Въ томъ же самомъ, если не меньше, то еще больше убѣждаютъ и два другія мѣста этой исповѣди, — одно, гдѣ Бурнашевъ говоритъ о своихъ «частныхъ занятіяхъ» при III Отдѣленіи, и другое, гдѣ онъ объясняетъ зачѣмъ написалъ здѣсь довольно горячія похвалы уму, расторопности и трудолюбію евревъ. На маржѣ противъ того мѣста, гдѣ онъ хвалитъ евреевъ, собственною рукою Бурнашева, но иными чернилами, написано слѣдующее:

«Мотивъ требуетъ объясненія: дѣло въ томъ, что вся тетрадь (эта) была отдана г. Ландау, издателю «Восхода»,—органа евреевъ. Г. Ландау предоставилъ мнѣ у себя кое-какую работу въ то время и интересовался моими чувствами относительно евреевъ. Желая задобрить г. Ландау, я включилъ сюда нѣсколько персиковъ, подносимыхъ мною семитамъ, не вполнѣ въ согласность моимъ убѣжденіямъ». Имѣло ли какія-либо послѣдствія это поднесеніе «персиковъ семитамъ» В. П. Б—въ при жизни никогда не говорилъ, но послѣдующія обстоятельства его бѣдственнаго существованія заставляютъ предполагать, что дессертъ, поданный имъ семитамъ, пропалъ даромъ. Я предполагаю, что онъ даже позабылъ, что въ его «формулярѣ» есть эта приписка о «персикахъ»,—что и повело къ довольно смѣшному происшествію въ самыя горестныя минуты бурнашевскаго доживанія. Онъ, какъ я выше сказалъ, въ своихъ горестяхъ и болѣзняхъ иногда обращался ко мнѣ съ тою или съ другою просьбою, изъ которыхъ я всѣ, маломальски возможныя и для меня посильныя, старался исполнять, что было не всегда легко и удобно, тѣмъ болѣе, что его просьбы часто бывали невыполнимы. Тогда онъ обижался и сердился, но потомъ черезъ нѣкоторое, болѣе или менѣе продолжительное, время опять писалъ мнѣ, — извинялся и просилъ о чемъ-нибудь снова. Такъ случилось и въ послѣднюю мою съ нимъ ужасную встрѣчу, когда я его нашелъ совершенно безъ средствъ, безъ помощи, обернутаго оконною шторою изъ зеленаго коленкора и ползавшаго на четвереньках. Страдальческое положеніе его было ужасно, а Литературный Фондъ, къ которому несчастный старикъ обращался, не торопился хоть сколько-нибудь облегчить его бѣдствія. Надо было достать средства, чтобы заплатить его долги и помѣстить его пансіонеромъ въ порядочную лѣчебницу. Въ помощь отъ Литературнаго Фонда онъ уже не вѣрилъ, а желалъ учредить лоттерею, въ которую предполагалъ пустить свое «сочиненіе о Жуковѣ»... Понятно, что такое желаніе нельзя было исполнить, а въ другихъ бумагахъ его не было ни чего такого, что могло бы имѣть хоть какую-нибудь цѣну для редакцій—особенно послѣ того какъ Бур-

нашевъ написалъ неосновательности о Подолинскомъ и о прочемъ, и въ редакціяхъ ни какому его писанію не хотѣли вѣрить. А, между тѣмъ, старикъ ужасно бѣдствовалъ и ему надо было помочь во что бы то ни стало. Я сталъ перелистовывать его «формуляръ» и мнѣ показалось тутъ кое-что пригодное на этотъ злополучный случай въ его жизни. Именно я остановился на добрыхъ отзывахъ Бурнашева о евреяхъ.

Имѣя хорошаго знакомаго между учеными петербургскими евреями, я показалъ ему это мѣсто въ «формулярѣ», и онъ тоже нашелъ, что «это хорошо», и что «евреямъ слѣдовало бы поддержать въ тяжелую минуту такого человѣка». Для этого показалось полезнымъ ознакомить съ формуляромъ одного еврейскаго Мецената. Я сказалъ объ этомъ Бурнашеву и тотъ сейчасъ же выразилъ на это полное согласіе, послѣ чего формуляръ и былъ мною переданъ моему знакомому. Мы рѣшили просить Мецената помѣстить Бурнашева въ Маріинскую больницу «платнымъ пансіонеромъ». Но дни проходили и съ каждымъ днемъ положеніе больного становилось все хуже, а со стороны еврейскаго Мецената не обнаруживалось ожидаемаго благоволенія,—тогда я обратился къ А. С. Суворину съ просьбою разсказать въ «Новомъ Времени» о бѣдственномъ положеніи старика съ цѣлію вызвать къ нему общественное милосердіе. Суворинъ на другой же день напечаталъ мое письмо и этимъ путемъ въ три дня были быстро собраны первыя деньги, изъ которыхъ заплатили долги Бурнашева и самъ онъ былъ помѣщенъ пансіонеромъ въ Маріинскую больницу. Черезъ «Новое Время» было получено болѣе пятисотъ рублей, а когда больной былъ уже помѣщенъ, тогда и Литературный Фондъ прислалъ ему черезъ контору Маріинской больницы—50 руб.

Когда больной былъ помѣщенъ, я озаботился получить обратно его «формуляръ» и въ этотъ разъ прочелъ его уже основательно, отъ начала и до конца—и только тогда дочитался до «персиковъ», и понялъ комизмъ нашего предстательства у Мецената...

Qui-pro-quo съ «персикомъ» является впрочемъ не единственнымъ въ литературныхъ памятникахъ оставленныхъ Бурнашевымъ, съ которымъ по этому и надо обращаться съ большою осторожностію. Такъ напримѣръ, для того изъ нашихъ историческихъ романистовъ, который можетъ пожелать воспользоваться матеріалами, заключающимися въ «Жуковіадѣ», стоитъ упомянуть, что характеръ и дѣятельность нѣкогда извѣстнаго Василья Григорьевича Жукова представлены Бурнашевымъ въ двухъ совершенно противуположныхъ освѣщеніяхъ. Въ находящихся у меня бумагахъ этого автора есть напримѣръ тетрадь, тоже писанная самимъ Бурнашевымъ, о томъ же Жуковѣ въ тѣ дни, когда Бурнашевъ еще не ожидалъ, что Жуковъ позабудетъ его въ своемъ духовномъ завѣщаніи: и тамъ Жуковъ изображенъ самымъ прекраснымъ человѣкомъ. Тетрадь помѣ-

чена 19 апрѣля 1877 года, и сейчасъ же подъ этою помѣтою сдѣлана слѣдующая собственноручная же надпись Бурнашева: «Это было прочтено мною Жукову, давшему мнѣ 50 руб. и сдѣлавшему своимъ лекторомъ». На полѣ другая надпись: «Тутъ много высказано чистѣйше искренняго». Тетрадь озаглавлена: «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей». Въ предисловіи сказано, что «записка эта была дана 6-го апрѣля (1877 года) знакомому литератору, имѣющему большія связи въ журналистикѣ и служащему въ министерствѣ путей сообщенія по статистическому отдѣлу господину Воронову, но какъ я увидалъ, что этотъ господинъ въ пользу мою ни чего не дѣлаетъ и дѣлать не хочетъ, то я записку эту у него отобралъ, предпочитая отдать ее добрѣйшему и благороднѣйшему Василью Григорьевичу Жукову». Тетрадь начинается разсказомъ о томъ, что «въ 1830 году напечатана была мною въ «Сѣверной Пчелѣ» біографическая статья «Табачный фабрикантъ Василій Григорьевичъ Жуковъ». Статья эта была прочитана императоромъ Николаемъ и надѣлала много шума. Съ почтеннѣйшимъ и глубокоуважаемымъ Васильемъ Григорьевичемъ я имѣлъ честь познакомиться при содѣйствіи тогдашняго моего товарища по службѣ въ департаментѣ внѣшней торговли Ивана Ад. Армстронга въ 1830 году, когда мнѣ было 18 лѣтъ». Знакомство длилось девять лѣтъ. Потомъ знакомцы разошлись. Потомъ опять сошлись у сенатора Переверзева. Снова разошлись на четыре года и снова сошлись. когда у Бурнашева умерла мать и «не было денегъ даже на гробъ» Встрѣча была случайная, на улицѣ, у дома Жукова. Жуковъ помогъ Бурнашеву въ его нуждѣ. Потомъ они опять не видѣлись до новаго горя, которое явилось къ Бурнашеву сюрпризомъ по винѣ «петербургскаго Гашета, т. е. Маврикія Осиповича Вольфа», который ангажировалъ Бурнашева «обработывать матеріалы для затѣянной имъ «Живописной Россіи». Издательскій секретъ этотъ довольно любопытенъ. Вольфъ поручилъ Бурнашеву подбирать свѣдѣнія къ картинкамъ, имѣвшимся въ типографскихъ запасахъ Вольфа. Литераторы съ именами должны были писать статьи къ этимъ картинкамъ, по тѣмъ свѣдѣніямъ какія «подберетъ» Бурнашевъ. Такъ должна была составиться знаменитая «Живописная Россія». Бурнашевъ довольно подробно объясняетъ этотъ любопытный процессъ. «Составлять я долженъ былъ матеріалы для литераторовъ, приглашенныхъ Вольфомъ, каковы Евг. Л. Марковъ, Вас. Ив. Немировичъ-Данченко и Н. Н. Каразинъ». За всю эту подготовительную работу для трехъ литераторовъ Вольфъ обязался заплатить Б—ву 300 руб., но далъ только 50, а остальныхъ не хотѣлъ платить, пока пріѣдутъ въ Петербургъ Евг. Марковъ, который живетъ въ своемъ имѣніи, и Немировичъ-Данченко, который всегда путешествуетъ, но оба эти писателя долго не пріѣзжали. Отъ этого Бурнашевъ очутился въ самомъ бѣдственномъ положеніи, и жаловался

Вольфу, но Вольфъ стоически не внималъ его жалобамъ и не давалъ ему денегъ пока гг. Марковъ и Немировичъ-Данченко просмотрятъ и одобрятъ его подготовительныя работы. У Б. не было ни копѣйки денегъ, сестра у него лежала при смерти больная и домовладѣлецъ гналъ ихъ изъ неоплаченной квартиры, а къ довершенію всего нѣкоторый «художникъ академіи, отдававшій деньги въ ростъ и писавшій художественныя критики у Комарова, пришелъ съ полиціей и подпечаталъ всю мебель».

Вольфъ ни чего не хотѣлъ слушать. Онъ, какъ извѣстно, и въ самомъ дѣлѣ былъ съ большимъ характеромъ. Бурнашевъ одинъ разъ вышелъ изъ магазина Вольфа въ совершенномъ отчаяніи, «земли подъ собою не видя», и побрелъ куда глаза глядятъ. Случайно онъ зашелъ отдохнуть въ свѣчную лавку къ знакомому своему свѣчному торговцу Ив. Андр. Попову (на углу Садовой и Чернышева переулка). Свѣчникъ Поповъ былъ милосерднѣе Вольфа: онъ какъ взглянулъ на убитое лицо Бурнашева, такъ замѣтилъ, что человѣкъ самъ не въ себѣ, а когда узналъ въ чемъ дѣло, то «необыкновенно ловко, сунулъ ему въ карманъ двѣ красненькія». Б. «благодарилъ свѣчника и вышелъ отъ него со слезами». Отсюда онъ какъ въ безпамятствѣ попалъ къ Жукову, и Жуковъ его сейчасъ же принялъ. Жукову Б—въ не разсказывалъ о томъ, что онъ претерпѣлъ отъ Вольфа, тотъ самъ увидалъ, что человѣку этому надо помогать безъ разсужденія. «Василій Григорьевичъ находился подъ святымъ осѣненіемъ и наитіемъ небеснымъ (пишетъ Бурнашевъ)—онъ уразумѣлъ силою непонятнаго магнетизма то положеніе, въ какомъ я тогда находился. Это нравственное анатомированіе (?!) человѣческой души удѣлъ не многихъ и, повидимому, принадлежитъ Вас. Григорьевичу въ превосходной степени». Жуковъ немедленно далъ денегъ Бурнашеву и тѣмъ «поставилъ его въ возможность имѣть сытный обѣдъ и заплатить за квартиру».—Изъ этихъ же денегъ былъ уплаченъ долгъ вышеупомянутому зажиточному художнику, писавшему художественныя критики у г. Комарова и занимавшемуся также отдачею въ ростъ денегъ. Такой-сякой художникъ «сейчасъ прибѣжалъ съ полицейскимъ и снялъ печати съ мебели».

Такъ горестно проводилъ Бурнашевъ всю свою трудолюбивую, но чрезвычайно нервную и безпокойную жизнь, и всегда всѣ свои неудачи приписывалъ «интригамъ», хотя на самомъ дѣлѣ ни изъ чего не видно, что бы кто-нибудь хотѣлъ съ нимъ соперничать и дѣлалъ ему подвохи. Въ запискѣ, которую Бурнашевъ читалъ Жукову, онъ раздражительно вспоминаетъ о М. Г. Черняевѣ, П. И. Бартеневѣ, Ѳ. Ѳ. Воропоновѣ, А. П. Милюковѣ, В. В. Комаровѣ, Г. Е. Благосвѣтловѣ, Н. А. Лейкинѣ, М. Н. Катковѣ, Панютинѣ (Нилѣ Адмирари), В. П. Буренинѣ, С. Н. Шубинскомъ, Шрейерѣ, г. Ландау, князѣ П. А. Вяземскомъ, М. Н. Лонгиновѣ, братьяхъ Байковыхъ, издателѣ Марксѣ, поэтѣ Ѳ. Н. Бергѣ и кн. Вл. Мещерскомъ. Всѣ

эти лица, по мнѣнію Бурнашева, причиняли ему большой, разнообразный и незаслуженный вредъ и довели его до того ужаснаго положенія, при видѣ котораго дѣйствительно должно было смягчиться всякое негодованіе, и всякая строгость должна уступить мѣсто состраданію къ умиравшему человѣку самаго несчастнаго характера. Нѣкоторыхъ онъ укоряетъ въ такой жестокости, которая даже не вѣроятна и очевидно продиктована ему горемъ и подозрительностью. Эти сплетни, попавъ въ руки позднѣйшаго сочинителя историческихъ романовъ, могутъ показаться очень интересными, но худо будетъ если тотъ, кто захочетъ ими воспользоваться, не приведетъ себѣ на память исторію съ «персикомъ», которая показываетъ сколько можно полагаться на разсказы В. П. Бурнашева.

Въ понятіяхъ о литературной честности и достоинствѣ такъ называемыхъ «направленій», Бурнашевъ мечется на всѣ стороны и часто одинъ и тотъ же редакторъ сегодня у него «благороднѣйшій», а завтра «подлецъ». Иногда прямо—одно зачеркнуто, а другое надписано. В. Комаровъ особенно часто возводится и опять низлагается, и такъ и кончаетъ не въ милости. Понятіе о томъ, что «благородно» и что «подло» естественно должны были много претерпѣвать у человѣка, который безъ всякой особенной борьбы прошелъ черезъ всѣ журнальныя направленія, побывалъ и въ «Дѣлѣ», и въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и при «частныхъ занятіяхъ» въ III Отдѣленіи [1]). Очевидно, что у самаго этого человѣка ни какихъ собствен-

[1]) Знавшихъ лично Бурнашева не можетъ удивлять страстный азартъ его предсмертной откровенности, способный привести слабонервнаго человѣка въ ужасъ и содроганіе. Бурнашевъ былъ склоненъ къ такой откровенности и при жизни, и часто дѣлалъ свои откровенія съ задушевной простотою чистаго сердцемъ младенца. Когда ему случалось какъ-нибудь необыкновенно приставить себя «сторожемъ къ брату своему», онъ даже искалъ случая передъ кѣмъ бы могъ открыться. Такъ, напримѣръ, нельзя забыть какъ онъ однажды съ самою милой добротою разсказывалъ книгопродавцу И. Л. Т—ву о «маленькомъ безпокойствѣ», которое причинилъ одному резиновому магазину, гдѣ Бурнашевъ усмотрѣлъ на эталажѣ или въ витринѣ какія-то, «нѣсколько подозрительныя вещи» и которое «если соединить одно съ другимъ», то что-то могло выйти. Бурнашевъ сталъ на стражѣ у брата своего и «магазинъ перетрусили». Другой разъ онъ тому же самому книгопродавцу добродушно сообщалъ, какъ ночью въ квартиру помѣщавшуюся надъ его квартирою «приходили гости и увели съ собою хозяина», а причиною тому было, что передъ этимъ по ночамъ Бурнашеву слышались какіе-то тупые «ритмическіе стуки». Бурнашевъ рѣшилъ, что «такъ стучатъ, когда печатаютъ», и онъ сейчасъ же «сталъ на стражѣ у брата своего», но ошибся въ своей догадкѣ: оказалось, что стучала не типографская машинка, а дѣтская колыбель на ободьяхъ.—«Преглупо вышло и предосадно», говорилъ Бурнашевъ и при этомъ добродушно смѣялся.

— Позвольте однако,—возражали ему,—но вѣдь вы нанесли страшную непріятность людямъ!

— Ну, какая непріятность!.. Онъ утромъ же и воротился.

— А тревога, безпокойство и перепугъ?.. И, наконецъ, послѣдствія... подозрѣнія.

— Что же дѣлать!—Ошибки людямъ свойственны.

ныхъ взглядовъ и стремленій не было, и онъ не почиталъ ихъ нужными, а писалъ въ томъ духѣ, въ какомъ требовалось, и это онъ называлъ литературою... Онъ не терпѣлъ и не желалъ ничего претерпѣть ни за какое убѣжденіе; литература для него не была искусствомъ и служеніемъ исповѣдуемой истинѣ или идеѣ, а у него она была средствомъ для заработка, и только. За это онъ и претерпѣлъ горькую участь, въ которой должны видѣть себѣ предостереженіе тѣ, которые идутъ нынѣ этою же губительною стезею. Какъ средство къ жизни литература далеко не изъ легкихъ и не изъ выгоднѣйшихъ, а напротивъ это трудъ изъ самыхъ тяжелыхъ, и при томъ онъ много отвѣтственъ и совсѣмъ не благодаренъ. Въ литературѣ извѣстенъ такой случай: тайн. сов. М. повезъ къ Ѳ. М. Достоевскому сына своего, занимавшагося литературными опытами. Достоевскій, прослушавъ упражненія молодого человѣка, сказалъ: «Вы пишете пустяки. Чтобы быть литераторомъ надо прежде страдать, быть готовымъ на страданія и умѣть страдать». Тогда тайн. сов. отвѣтилъ: «Если это такъ, то лучше не быть литераторомъ и не страдать». Достоевскій выгналъ вонъ и отца, и сына. Кто не хочетъ благородно страдать за убѣжденія, тотъ пострадаетъ за недостатокъ ихъ, и это страданіе будетъ хуже, ибо оно не дастъ утѣшенія въ сознаніи исполненнаго долга. На всякомъ иномъ поприщѣ, человѣкъ средняго ума и среднихъ дарованій, какіе имѣлъ Бурнашевъ, при его трудолюбіи, досужествѣ и свѣтской образованности, непремѣнно устроился бы несравненно лучше, и избѣжалъ бы всѣхъ тѣхъ униженій и горя, которыя испыталъ этотъ безпокойный страдалецъ, лежавшій даже въ гробу съ широко отверзтымъ ртомъ... Онъ какъ будто вопіялъ о томъ, чтобы остающіеся въ живыхъ по его формулярнымъ стопамъ не ходили... Послѣднія минуты Бурнашева облегчалъ участіемъ и схоронилъ его человѣкъ, о которомъ покойный говорилъ и писалъ много дурного и совершенно напрасно. У меня есть письма Б—ва изъ больницы, въ которыхъ онъ въ этомъ горько каялся.

Теперь въ литературной средѣ появляются молодые люди, не обнаруживающіе ни огня, ни страстности къ какимъ бы то ни было идеямъ, но они пишутъ гладко и покладливо въ какую угодно сторону. Ихъ къ сожалѣнію уже много и можетъ быть скоро ихъ будетъ еще больше. У нихъ та же многосторонность, какая была у Бурнашева и даже его пріемъ—проявлять себя какъ можно скорѣе въ возможно большемъ числѣ изданій. Заботы ихъ въ этомъ родѣ очень жалки. «Что ихъ влечетъ, и кто ихъ гонитъ?» Черезъ это они уповаютъ сдѣлаться болѣе знаемыми и крѣпче припаять себя къ литературѣ, но они ошибаются: разсчетъ ихъ невѣренъ и въ пріемѣ ихъ есть нѣчто отъ нихъ отталкивающее. Путь безпринципнаго записыванья себя повсюду есть путь опасный, идучи по которому можно дойти и до «частныхъ занятій» Бурнашева... Въ литератур-

номъ мірѣ носились слухи, что нѣкоторые уже и дошли до этого... Провѣрить это въ отношеніи прочихъ можно будетъ конечно только со временемъ, но за себя Бурнашевъ сказалъ свои откровенныя слова. «Имѣющіе уши, чтобъ слышать—пусть слышатъ». Отчужденіе и бѣдность—дрянные совѣтники. Кто не любитъ литературу до готовности принести ей въ жертву свое благополучіе, — тотъ лучше сдѣлаетъ если вовсе ее оставитъ, ибо «музы ревнивы», а богема... ужасна!..

Николай Лѣсковъ.

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ [1].

XX.

О милый гость, святое «Прежде»,
Зачѣмъ въ мою тѣснишься грудь?
Могу ль сказать «живи» надеждѣ?
Скажу ль тому, что было «будь?»
Могу ль узрѣть во блескѣ новомъ
Мечты увядшей красоту?
Могу ль опять одѣть покровомъ
Знакомой жизни наготу?..

В. А. Жуковскій.

РЕДЛАГАЯ вниманію читателей «Историческаго Вѣстника» продолженіе моей «Семейной Хроники», считаю необходимымъ заявить еще разъ, въ разъясненіе могущихъ возникнуть сомнѣній относительно достовѣрности сообщаемыхъ мною фактовъ или бесѣдъ, что изложеніе ихъ основано или на повѣствованіяхъ моихъ родителей — повѣствованіяхъ, занесенныхъ мною, съ ихъ же словъ, въ тетради личныхъ моихъ долголѣтнихъ воспоминаній, или же на хранящихся у меня письмахъ дѣда и бабки — Сергѣя Львовича и Надежды Осиповны Пушкиныхъ, наконецъ, на письмахъ отца и матери моихъ — Николая Ивановича и Ольги Сергѣевны Павлищевыхъ.

Отъ себя лично, я не прибавляю ни одного слова, въ особенности тамъ, гдѣ говорится о моемъ дядѣ, Александрѣ Сергѣевичѣ.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXII, стр. 302.

Такимъ образомъ, на всѣ возраженія, которыя могутъ появиться на то, или другое мѣсто въ моей «Хроникѣ», заблаговременно отвѣчаю: «слышалъ отъ моихъ родителей или родственниковъ, или прочиталъ въ имѣющихся у меня письмахъ».

Приступая къ послѣдовательному изложенію событій въ семействахъ Пушкиныхъ и Павлищевыхъ, привожу дословно разсказъ моей матери о нравственномъ состояніи дяди Александра въ началѣ 1830 года, въ которомъ, весною, онъ сдѣлался женихомъ, а лѣтомъ и осенью проявилъ въ полномъ блескѣ поэтическій геній.

При этомъ считаю необходимымъ оговориться:

Покойная моя мать Ольга Сергѣевна употребляла въ бесѣдахъ со мною главнымъ образомъ французскій языкъ, а потому прибѣгая, для удобства читателей «Историческаго Вѣстника», къ русскому переводу многихъ мѣстъ воспоминаній, не могу ручаться за вполнѣ точную передачу характера подлинныхъ выраженій.

«1830 годъ, — говорила мать, — рѣшилъ судьбу Александра; я предчувствовала, что этотъ годъ послужитъ ему предвѣстникомъ къ семейному очагу (j'avais le pressentiment que l'année 1830 lui servira d'avant-coureur de son foyer domestique). Еще задолго до того времени меланхолическое, безпокойное настроеніе брата, его раздражительность, недовольство всѣмъ окружавшимъ, не разъ побуждали меня высказывать ему, что не добро человѣку единому быти, какъ говорится въ Священномъ Писаніи, но братъ всегда отвѣчалъ мнѣ, что семейное счастіе не его удѣлъ, что его ни одна женщина искренно не полюбитъ какъ мужа, а однажды выразилъ мнѣ довольно странную, почти суевѣрную идею (une idée assez étrange et quasi superstitieuse):

— Боюсь женитьбы, Ольга, болѣе огня: ни мой прадѣдъ (Александръ Петровичъ Пушкинъ [1]), ни дѣдъ (Левъ Александровичъ) съ своей первой женой [2]), ни прадѣдъ съ материнской стороны — этотъ негръ [3]) — настоящій Отелло, — наконецъ, ни жена его гуляки-сына — добрѣйшая наша бабка Марья Алексѣевна — счастливы не были. Женитьба обоихъ Ганнибаловъ повела къ разводамъ, женитьба бѣднаго дяди Василія Львовича [4]) — къ насмѣшкамъ, а брачныя узы прадѣда Пушкина и дѣда Льва [5]) — къ кровавой развязкѣ. Видно

---

[1]) Женатъ былъ на графинѣ Головиной.

[2]) Рожденной Воейковой.

[3]) Ибрагимъ Петровичъ первую жену свою, родомъ гречанку, упекъ въ монастырь.

[4]) Женатъ былъ на Капитолинѣ Михайловнѣ Вышеславской: она отъ него убѣжала по своему капризу.

[5]) Въ родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловъ дядя между прочимъ пишетъ: «Прадѣдъ мой Александръ Петровичъ умеръ весьма молодъ, въ припадкѣ

греческій Гименей и славянское «Ладо» не особенно долюбливаютъ Пушкиныхъ и Ганибаловъ. За что же они меня-то полюбятъ? (Je crains le mariage autant que le feu; ni mon bisaïeul Pouchkine, ni mon aïeul avec sa premiére femme, ni mon autre bisaïeul—négre et Othello dans toute l'acception du mot—finalement, ni notre excellente grand'mère—femme de son mauvais sujet de fils,—etaient bien loin d'être heureux. Le mariage des deux Hannibals n'aboutirent qu' à des divorces, les épousailles du pauvre Василій Львовичъ—au ridicule, et à la fin des fins, les noeuds matrimoniaux du bisaïeul Pouchkine et de son fils — aux dénouements sanglants. Apparemment l'Hyménée des grecs et le «Lado» de nos ancêtres slaves ne favorisent ni les Pouchkines, ni les Hannibals. Pourquoi donc m'honoreraient ils de leur grâce particulière?)

«На мой отвѣтъ, что доводы брата построены на пескѣ, онъ замѣтилъ:

— Уступаю тебѣ, такъ и быть, нашихъ стариковъ, но мало ли что и ихъ ожидаетъ?

(Je te céde nos vieux—ainsi soit-il,—mais on ne peut jurer de rien. Qui sait, ce qu' il les attend encore?)

— На старости-то лѣтъ?—Будь покоенъ, не поссорятся, и подавно (à plus forte raison) не разойдутся. Вотъ, что называется сказалъ»,—и я разсмѣялась.

— Да я не въ томъ смыслѣ, а вообще говорю о несчастіяхъ...

— Которыя могутъ случиться съ женатыми и неженатыми,— перебила я, продолжая смѣяться.

«Братъ на это грустно улыбнулся и хотѣлъ перемѣнить разговоръ, но, продолжая бесѣду на затронутый вопросъ, я высказалась ему приблизительно такъ:

— Тебѣ, Александръ, въ маѣ стукнетъ ровно тридцать лѣтъ, всѣ твои сверстники переженились; остался холостымъ одинъ Соболевскій, да и то помимо воли, а что его за жизнь? Счастіе не въ богатствѣ, не во вкусныхъ обѣдахъ и сигарахъ, не въ безцѣльныхъ визитахъ, не во временныхъ привязанностяхъ, что̀ и самъ сознаешь въ твоей элегіи: «Не спрашивай зачѣмъ унылой думой», говоря, что «отъ юности, отъ нѣгъ и сладострастья останется уныніе одно...

— А время идетъ,—продолжала я.—Жалуешься давно на безпредметную, по твоему мнѣнію, тоску, а по моему—на тоску одиночества. Не уничтожатъ ее ни образы, создаваемые твоимъ по-

---

сумасшествія зарѣзавъ свою жену, находившуюся въ родахъ... Первая жена моего дѣда (Льва Александровича), урожденная Воейкова, умерла на соломѣ, заключенная имъ въ домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ея связь съ французомъ, бывшимъ учителемъ его сыновей, котораго онъ весьма феодально повѣсилъ на черномъ дворѣ».

этическимъ воображеніемъ, неосязаемые, однако, тобою, (les objets de votre imagination poétique, qui sont, du reste, impalpables pour vous), ни бесѣды съ друзьями, которыхъ посѣщаешь, чтобы разгонять тоску. Возвращаешься къ себѣ въ Демутову гостинницу—кто тебя встрѣчаетъ, кромѣ заспанныхъ, безсердечныхъ наемниковъ, съ кѣмъ обмѣниваешься живымъ словомъ, дѣлишься впечатлѣніями? а Боже тебя сохрани—заболѣешь, кто отнесется тогда сочувственно къ твоимъ страданіямъ? (qui prendra à coeur tes souffrances?). Ужасно! (Mais c'est horrible!) Примѣръ не далеко: почему надняхъ умеръ богачъ-холостякъ В—ій? Потому, что никого при немъ не было, кромѣ двухъ мошенниковъ-лакеевъ. Расчитывали они, когда умретъ, завладѣть всѣмъ, ни къ доктору, ни въ аптеку ноги не поставили, а баринъ, находясь въ безпамятствѣ, не имѣлъ силъ приказать имъ это сдѣлать. Вѣрь, Александръ, истиннымъ другомъ можетъ быть одна лишь любящая жена, неразлучная съ тобою, образованная, взгляды на жизнь которой не пойдутъ съ твоими въ разрѣзъ, а достоинства характера искупятъ недостатки твоего, и наоборотъ. Тогда сдѣлаются невозможными взаимное недовѣріе, ревность, унизительныя, можно сказать, подлыя супружескія сцены, и будетъ вамъ обоимъ тепло на свѣтѣ.

«Братъ на это возразилъ:

— Все это хорошо и прекрасно, но спутницу, которую рисуешь мнѣ, найти мудрено, а вѣрнѣе прогуливаться одному, чѣмъ съ плохимъ провожатымъ. (Tout ceci est bel et bon, mais il me serait bien difficile de trouver une compagne telle que tu me la dessines, et en tout cas il vaut mieux se promener seul, que mal accompagné).

«Однако въ душѣ братъ со мной былъ совершенно согласенъ, что, мѣсяца черезъ три, и доказалъ на дѣлѣ. О созрѣвавшемъ тогда въ головѣ его планѣ предложить рѣшительно son coeur et sa fortune Натальѣ Николаевнѣ Гончаровой братъ мнѣ, Богъ знаетъ почему, не проронилъ ни полслова, а если бы поступилъ со мною иначе, то я, слышавъ о семействѣ Гончаровыхъ много хорошаго, обрадовалась бы отъ души. Между тѣмъ, вовсе ничего не предполагая, я уже, по инстинкту, стала подозрѣвать, что Александръ принялъ мои совѣты къ свѣдѣнію и руководству, когда, очень скоро послѣ того, онъ явился не въ примѣръ веселѣе, на скуку не жаловался, и не ругая больше журнальныхъ антагонистовъ, хохоталъ только надъ своей недавно написанной на одного изъ нихъ эпиграммой, которую и прочиталъ мнѣ два раза сряду:

«Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ:
«Охота есть, да мало мозгу.
«—А сколько лѣтъ ему»? вопросъ.
«—Пятнадцать.—«Только-то? Эй, розгу!»
«За симъ принесъ семинаристъ
«Тетрадь лакейскихъ диссертацій,

«И Фебу вслухъ прочелъ Горацій,
«Кусая губы, первый листъ.
«Отяжелѣвъ, какъ отъ дурмана,
«Сердито Фебъ его прервалъ,
«И тотчасъ взрослаго болвана
«Поставить въ палки приказалъ».

«Черезъ нѣсколько дней послѣ этой бесѣды, я встрѣтила Александра у моихъ стариковъ. Онъ шутилъ, смѣялся, и прекрасное расположеніе духа не покидало брата до самого отъѣзда въ мартѣ въ Москву, гдѣ и рѣшился вопросъ о его женитьбѣ.

«И Сергѣй Львовичъ и Надежда Осиповна очень удивлялись веселости брата, но разспрашивать его какъ, что, почему—находили совсѣмъ не нужнымъ; не добились бы толку, отлично зная, что братъ считалъ своихъ родителей не особенно крѣпкими на языкъ, точно такъ же какъ и Льва Сергѣевича, почему никогда и не пускался съ ними ни въ какіе интимные разговоры. Не говоря, и даже не намекая брату о моихъ догадкахъ, я ихъ высказала сперва Соболевскому, а потомъ и Петру Александровичу Плетневу, въ увѣренности, что если Александръ выберетъ себѣ наперсниковъ, то непремѣнно одного изъ этихъ двухъ господъ; однако ошиблась въ расчетѣ, и отъѣхала ни съ чѣмъ: Соболевскій, по своей привычкѣ, отдѣлался экспромптомъ

«Что помышляютъ ваши братья,
«Въ моей башкѣ не могъ собрать я»,

а Плетневъ, улыбнувшись, прищурилъ глазъ, и прищурилъ—какъ мнѣ показалось—такъ многозначительно, что я къ нему пристала съ вопросами, не затѣваетъ ли Александръ чего-нибудь особеннаго. Петръ Александровичъ уклонился удовлетворить мое любопытство, и тоже отдѣлался фразой: «какъ же могу знать? Вашъ братъ мнѣ ничего не говорилъ; онъ скорѣе сказалъ бы вамъ, зная вашу скромность, а если бы сообщилъ мнѣ мимо васъ задушевный секретъ, то будьте увѣрены, я не выдалъ бы и вамъ ввѣренной тайны».

На повѣрку Петръ Александровичъ былъ совершенно чуждъ «тайны», но мать сильно его подозрѣвала, такъ какъ братъ часто сообщалъ Плетневу многое, что лежало у него на сердцѣ, вполнѣ расчитывая на неоднократно испытанную скромность преданнаго ему друга.

Мать никакъ не понимала, почему дядя, въ бесѣдѣ съ нею осенью 1829 года, по возвращеніи въ Петербургъ изъ турецкаго похода, доказывалъ ей такъ энергически необходимость остаться холостымъ, а, между тѣмъ, скрылъ отъ Ольги Сергѣевны, какъ онъ заѣхалъ, на перепутьѣ, въ Москву и сдѣлалъ чрезъ графа Ѳ. И. Толстого [1])—знакомаго Гончаровыхъ—первое предложеніе Натальѣ

[1]) Прозванъ американцемъ. Ольга Сергѣевна отзывалась о немъ, какъ о человѣкѣ замѣчательномъ по своей жестокости, не одинъ примѣръ которой мнѣ разсказывала. Л. П.

Николаевнѣ, отклоненное тогда будущей его тещей. Поздравивъ же брата женихомъ при свиданіи съ нимъ лѣтомъ въ Михайловскомъ, Ольга Сергѣевна попрекнула дядю слѣдующимъ образомъ:

— Я, милый другъ, ни чуть не обижаюсь, что ты не видѣлъ надобности быть со мной вполнѣ откровеннымъ, но спрашиваю, чтò у тебя была за цѣль скрытничать передъ мной—единственной твоей сестрой, и скрытничать до такой степени, что ты почти передо мною клялся оставаться холостякомъ. Это очень, очень дурно съ твоей стороны.

— Но, Боже мой,—возразилъ дядя,—у меня были на то свои причины. Если я не разглашалъ кому-либо о моемъ предложеніи, значитъ, считалъ все это дѣло не состоявшимся; что же касается моего съ тобой разговора, то и въ немъ не погрѣшилъ недостаткомъ чистосердечія: я былъ какъ нельзя болѣе увѣренъ, что дѣйствительно супружеское счастіе не для меня. (Mais, grand Dieu, j'avais mes raisons. Si je n'ai pas divulgué à qui que ce soit la nouvelle de ma première proposition, c'est que je considérais toute cette affaire comme non avenue; et à ce qui concerne ma conversation avec vous d'autrefois, je ne manquais nullement de franchise, étant on ne peut plus pérsuadé, qu'effectivement le bonheur conjugal n'est pas mon fait).

Отвѣтъ Пушкина сестрѣ своей былъ искрененъ: онъ, дѣйствительно, ни по возвращеніи въ Петербургъ осенью 1829 года, ни въ началѣ 1830 года, не предполагалъ возобновить предложеніе вскорѣ; напротивъ того: говоря сестрѣ, что желаетъ посѣтить Китай при отправлявшейся туда миссіи, Пушкинъ ходатайствовалъ у Нессельроде опредѣлить его чиновникомъ означеннаго посольства, а 7 января 1830 года писалъ Александру Христофоровичу Бенкендорфу между прочимъ слѣдующее:

«Генералъ! явившись къ вашему превосходительству, и не заставъ васъ дома, принимаю смѣлость, согласно вашему позволенію, обратиться къ вамъ съ моею просьбою. Пока я не женатъ и не занятъ службою, я бы желалъ отправиться путешествовать во Францію или въ Италію; въ случаѣ же, если на это не будетъ согласія, я бы просилъ милостиваго дозволенія посѣтить Китай вмѣстѣ съ миссіею, которая туда ѣдетъ»...

Я уже говорилъ раньше, что затѣянная дядей поѣздка въ край дальняго Востока осталась однимъ лишь pium desiderium.

Какъ бы то ни было, Пушкинъ—чтò предчувствовала Ольга Сергѣевна,—рѣшилъ, въ февралѣ 1830 года, положительно покончить съ холостой жизнію, поѣхать въ Москву, и возобновить сдѣланное уже предложеніе; но свое намѣреніе держалъ въ самомъ строгомъ секретѣ, и уѣхалъ изъ Петербурга въ концѣ марта, никого не спрашивая; на требованіе же шефомъ жандармовъ[1]) объясненія, почему

[1]) Подъ секретнымъ надзоромъ Бенкендорфа дядя находился съ 1828 года.

Александръ Сергѣевичъ не просилъ отпуска у кого слѣдуетъ, Пушкинъ отвѣчалъ Бенкендорфу, «что съ 1826 года, когда ему высочайше дозволено было жить въ Москвѣ, онъ каждую зиму проводилъ тамъ, а осень въ деревнѣ, никогда не спрашивая предварительнаго разрѣшенія, и не получая никакого замѣчанія, и что это отчасти было причиной и невольнаго проступка его,—поѣздки въ Эрзерумъ,—за которую онъ навлекъ на себя неудовольствіе начальства». (См. письма Пушкина къ Бенкендорфу, т. VIII, изд. Суворина, 1887 г.).

За два, или за три дня до отъѣзда, Александръ Сергѣевичъ посѣтилъ домъ моихъ родителей, и встрѣтивъ тамъ обычныхъ гостей—Льва Сергѣевича, Соболевскаго и Плетнева съ супругой Степанидой Александровной[1])—не заикнулся о предпринимаемомъ путешествіи, а разговаривалъ преимущественно съ Плетневымъ, жалуясь на Бенкендорфа, задерживавшаго разрѣшеніе къ печати «Бориса Годунова», изданіе котораго дядя возлагалъ на Петра Александровича[2]).

Дождавшись отъѣзда гостей, дядя сообщилъ Николаю Ивановичу и Ольгѣ Сергѣевнѣ, что надняхъ собирается въ Москву на очень короткое время по своимъ литературнымъ дѣламъ, просилъ сестру не разглашать объ этомъ, въ особенности «старикамъ»—такъ называлъ онъ родителей,—на что̀,—прибавилъ онъ,—имѣетъ свои причины.

Тутъ Ольга Сергѣевна поставила брату вопросъ, точно ли онъ ѣдетъ по литературнымъ дѣламъ?

Дядя разсердился:

— Если тебѣ не сообщаю почему ѣду,—сказалъ онъ,—то или не хочу, или не могу. (Si je ne vous dis pas pourquoi je pars, c'est que je ne le peux pas, ou bien je ne le veux pas).

Уходя же, онъ просилъ моего отца—если тотъ встрѣтитъ Булгарина,—заявить, что послѣднихъ статей и нападокъ «Сѣверной Пчелы» Александръ Сергѣевичъ ему не спуститъ[3]), а желаніе Булгарина насолить дядѣ въ кабинетѣ своего Мецената, онъ не сегодня—завтра предупредитъ письмомъ того же Бенкендорфа[4]).

---

[1]) Рожденной Раевской. Во второй же разъ Плетневъ былъ женатъ на княжнѣ Александрѣ Васильевнѣ Щетининой.

[2]) Разрѣшеніе послѣдовало въ апрѣлѣ, а трагедія вышла изъ печати въ декабрѣ того же года.

[3]) Почтенный нашъ академикъ М. И. Сухомлиновъ въ интересной своей статьѣ «Полемическія статьи Пушкина», напечатанной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (мартъ 1884 года), излагаетъ подробно возникшую въ началѣ 1830 года распрю Булгарина съ моимъ дядей, по поводу напечатаннаго барономъ Дельвигомъ въ «Литературной газетѣ» разбора романа Булгарина «Дмитрій Самозванецъ»; Булгаринъ, приписывая разборъ Пушкину, придрался сначала къ VII главѣ «Евгенія Онѣгина», а затѣмъ пустилъ противъ Пушкина статью, подъ видомъ «анекдота, заимствованнаго изъ англійскаго журнала». По всей вѣроятности дядя въ разговорѣ съ отцомъ и разумѣлъ эти именно статьи.

[4]) Письмо Пушкина къ Бенкендорфу о Булгаринѣ отъ 24 марта 1830 г. напечатано на стр. 574, VIII т. Сув. изд., а также и въ статьѣ М. И. Сухомлинова.

Исполнить просьбу дяди отцу моему не довелось: онъ съ Булгаринымъ не встрѣтился. Но съ нимъ встрѣтилась Ольга Сергѣевна, гдѣ именно—не помню. Булгаринъ,—между прочимъ, весьма учтивый и обходительный кавалеръ,—сталъ Ольгѣ Сергѣевнѣ «ротитися и клятися», что не онъ зачинщикъ ссоры, а ея братъ, который сталъ его, Булгарина, преслѣдовать до такой степени, что онъ, Ѳаддей Венедиктовичъ, пролежалъ съ горя послѣднее время въ кровати, слѣдовательно Александръ Сергѣевичъ, сдѣлавъ ни въ чемъ неповиннаго человѣка больнымъ, посягнулъ въ нѣкоторомъ родѣ тѣмъ самымъ и на его земное бытіе. Если же пострадавшій отъ злыхъ Пушкинскихъ эпиграммъ и выступалъ печатно противъ ихъ автора съ критикой поэмы послѣдняго, то отнюдь не какъ врагъ, а какъ «пуристъ, для котораго правильность оборотовъ русскаго языка, ясное изложеніе мыслей—въ стихахъ ли, въ прозѣ ли—дѣло святое; мысль же задѣвать Пушкина не въ качествѣ поэта, а въ качествѣ человѣка, Булгаринъ-де въ христіанской своей душѣ не питалъ, тѣмъ болѣе не грозился ставить Пушкину баррикадъ у «безцѣннаго своего благодѣтеля Александра Христофоровича Бенкендорфа».

Кстати:

Булгаринъ, не чаявшій души въ Бенкендорфѣ, почувствовалъ впослѣдствіи какую-то нѣжность къ Леонтію Васильевичу Дубельту, которому сообщалъ всѣ свои взгляды словесно и письменно, называя его «отцомъ и командиромъ». Въ 1853 году я видѣлъ у сына генерала Дубельта—Михаила Леонтьевича,—женившагося тогда на младшей дочери моего дяди поэта—Натальѣ Александровнѣ—большой бюстъ Леонтія Васильевича, украшенный слѣдующею надписью:

«Быть можетъ онъ не всѣмъ угоденъ
«Вѣдь это общій нашъ удѣлъ,
«Но честенъ, добръ онъ, благороденъ,
«Вотъ перечень его всѣхъ дѣлъ!»

«Ѳ. Булгаринъ».

Ольга Сергѣевна, впрочемъ, всегда отдавала Булгарину справедливость, какъ очень ловкому журнальному дѣятелю.

Но возвращаюсь къ событіямъ.

Итакъ, о намѣреніи Пушкина уѣхать въ Москву никто, кромѣ моихъ родителей, не зналъ, при чемъ Ольга Сергѣевна,—отъ которой братъ ея ничего до тѣхъ поръ не скрывалъ,—очень удивлялась, что онъ утаилъ отъ нея цѣль путешествія, между тѣмъ какъ могъ убѣдиться изъ предшествовавшихъ поѣздкѣ разговоровъ съ нею въ искренности ея пожеланій семейнаго счастія.

Покойный издатель сочиненій дяди, П. В. Анненковъ, въ «Матеріалахъ для біографіи Александра Сергѣевича» сообщаетъ разсказъ о сдѣланномъ Пушкинымъ предложеніи семейству Натальи Николаевны, 21-го апрѣля 1830 г., въ самый день Пасхи,—разсказъ вполнѣ согласный и со словами Ольги Сергѣевны.

Упоминая объ этомъ событіи, рѣшившемъ дальнѣйшую судьбу поэта, Анненковъ говоритъ, что «Пушкинъ, до предложенія, уже писалъ къ своему семейству въ Петербургъ, прося благословенія и что Сергѣй Львовичъ отвѣчалъ сыну 16-го апрѣля 1830 года письмомъ, выражавшимъ его живую радость». Затѣмъ отвѣтъ Сергѣя Львовича сообщается П. В. Анненковымъ въ одномъ лишь французскомъ текстѣ.

Очень жаль, что подлинное письмо дяди,—какъ говорила мнѣ мать,—затеряно дѣдомъ, подобно многимъ другимъ посланіямъ Александра Сергѣевича, а потому и не могло быть напечатано ни въ одномъ изъ послѣдующихъ изданій пушкинскихъ сочиненій.

Описывать радость Ольги Сергѣевны,—дядя писалъ ей уже послѣ своей помолвки въ концѣ апрѣля,—считаю излишнимъ. Моя мать видѣла въ женитьбѣ брата на добрѣйшей Натальѣ Николаевнѣ залогъ его счастія.

По разсказу Ольги Сергѣевны, родители невѣсты—Николай Аѳанасьевичъ и Наталья Ивановна Гончаровы—дали всѣмъ своимъ дѣтямъ прекрасное домашнее образованіе, а главное, воспитывали ихъ въ страхѣ Божіемъ, при чемъ держали трехъ дочерей непомѣрно строго, руководствуясь относительно ихъ правиломъ: «Въ ваши лѣта не смѣть сужденіе имѣть». Наталья Ивановна наблюдала тщательно, чтобы дочери, изъ которыхъ Натальѣ Николаевнѣ,—родившейся въ роковой день Бородинской битвы,—минуло 26-го августа 1829 года 17 лѣтъ, никогда не подавали и не возвышали голоса, не пускались съ посѣтителями ни въ какія серьезныя разсужденія, а когда заговорятъ старшіе—молчали бы и слушали, считая высказываемыя этими старшими мнѣнія непреложными истинами. Дѣвицы Гончаровы должны были вставать едва ли не съ восходомъ солнца, ложиться спать, даже если у родителей случались гости, не позже десяти часовъ вечера, являться всякое воскресенье непремѣнно къ обѣднѣ, а наканунѣ большихъ или малыхъ праздниковъ слушать всенощную, если не въ церкви, то въ устроенной Натальей Ивановной у себя особой молельнѣ, куда и приглашался отправлять богослуженіе священникъ мѣстнаго прихода. Чтеніе книгъ съ мало-мальски романическимъ пошибомъ исключалось изъ воспитательной программы, а потому и удивляться нечего, что бо̀льшая часть произведеній будущаго мужа Натальи Николаевны,—сдѣлавшихся въ 1830 году достояніемъ всей Россіи,—оставалась для его суженой неизвѣстною.

Наталья Ивановна, отвѣчая уклончиво на первое предложеніе Пушкина и отдѣлываясь обычными: «Наташа еще молода, подождемъ, да посмотримъ», едва ли, въ сущности, не расчитывала на партію, болѣе соотвѣтственную ея собственнымъ видамъ; она едва

ли желала связать судьбу 17-тилѣтней дочери съ судьбою тридцатилѣтняго поэта, находившагося,—это она знала,—подъ тайнымъ присмотромъ Бенкендорфа, и выдать дочь за человѣка, въ глазахъ котораго было, по ея мнѣнію, мало чего «святаго». Это послѣднее заключеніе Наталья Ивановна выводила изъ неоднократныхъ разговоровъ съ Александромъ Сергѣевичемъ. Пушкинъ, далеко тогда не принадлежа къ послѣдователямъ философовъ минувшаго вѣка, не скрывалъ однако отъ будущей тещи несочувствіе къ ея фанатическимъ, такъ сказать ультрамонтанскимъ, взглядамъ, и религіозной нетерпимости.

Подобные разговоры между Александромъ Сергѣевичемъ и Натальей Ивановной влекли часто за собою, если не положительныя размолвки, то довольно непріятный обмѣнъ словъ, далеко не содѣйствовавшій ихъ гармоніи между собою.

Дядя, сообразивъ, что особеннаго содѣйствія къ успѣху его намѣренія ждать отъ Натальи Ивановны нечего, и плохо надѣясь на главное,—а именно на искреннее согласіе ея дочери сдѣлаться его супругой,—вѣроятно по этимъ именно причинамъ и держалъ въ секретѣ отъ родныхъ и друзей первое свое предложеніе, чѣмъ покойная моя мать и объясняла мнѣ какъ молчаніе передъ нею дяди, такъ и послѣдніе разговоры о женитьбѣ, часть которыхъ я уже сообщилъ читателямъ.

Въ подкрѣпленіе всего разсказаннаго мною выше, со словъ покойной Ольги Сергѣевны, нахожу не лишнимъ привести слѣдующее мѣсто изъ письма дяди къ своей будущей тещѣ [1]), вскорѣ послѣ неудовлетворительнаго перваго отвѣта Натальи Ивановны; въ письмѣ къ тещѣ Пушкинъ довольно тонко, между прочимъ, намекаетъ и на то, что онъ не замедлилъ ее раскусить, говоря, что его счастію могутъ помѣшать постороннія вліянія на ея дочь, въ сочувствіи которой Пушкинъ тогда очень сомнѣвался.

Вотъ это мѣсто письма: «Привычка и продолжительное сближеніе одни могли бы доставить мнѣ расположеніе вашей дочери. Я могу надѣяться, что со временемъ она ко мнѣ привяжется. Если она будетъ согласна отдать мнѣ свою руку, я увижу въ этомъ лишь доказательство того, что сердце ея остается въ спокойномъ равнодушіи. Но это спокойствіе долго ли продлится среди обольщеній, поклоненій, соблазновъ? Ей станутъ говорить, что лишь несчастная судьба помѣшала ей заключить другой союзъ, болѣе соотвѣтственный, болѣе блистательный, болѣе достойный ея. Такія внушенія, если бы даже они и не были искренни, ей навѣрно покажутся искренними. Не станетъ ли она раскаиваться? Не будетъ ли она смотрѣть на меня какъ на помѣху, какъ на обманщика и похитителя? Не почувствуетъ ли она ко мнѣ отвращенія? Богъ мнѣ свидѣтель,

---

[1]) См. изданіе Суворина, т. VIII, стр. 365.

что я готовъ умереть за нее, но умереть, чтобы оставить ее блистательною вдовою, свободною выбрать завтра же другаго мужа—мысль эта—адъ».

Далѣе честная и любящая душа поэта высказывается въ слѣдующихъ заключительныхъ словахъ того же письма:

«Я ни за что на свѣтѣ не допущу, чтобы жена моя терпѣла лишенія, чтобы она не являлась тамъ, гдѣ ей предназначено блистать, веселиться. Она въ правѣ требовать этого. Чтобы сдѣлать ей угодное, я готовъ пожертвовать всѣми моими вкусами, страстями, всею моею жизнію, вполнѣ свободною и прихотливою. Но во всякомъ случаѣ, не станетъ ли она роптать, коль скоро положеніе въ свѣтѣ не будетъ такъ блистательно, какъ ей подобаетъ, и какъ бы я желалъ?

«Таковы мои отчасти опасенія. Трепещу при мысли, что вы найдете ихъ слишкомъ уважительными...»

Несогласія между зятьями и тещами, вообще, по убѣжденію русскаго народа, явленіе заурядное,—явленіе почти такое же, какъ вражда между мачихами и пасынками да падчерицами. Сложившіяся по этому предмету народныя поговорки нашли себѣ оправданіе и въ отношеніяхъ Натальи Ивановны къ Александру Сергѣевичу.

Основываясь, опять-таки повторяю, на разсказѣ матери, привожу сказанную ей моимъ дядей фразу, когда онъ, будучи женихомъ, заѣзжалъ въ концѣ іюля на нѣсколько дней въ Михайловское, гдѣ поселилась мѣсяца на три Ольга Сергѣевна. (Николай Ивановичъ оставался въ Петербургѣ).

— Je vous avoue, Olga, en toute franchise, que je ne me trouve pas dans les bonnes grâces de ma future belle-mère; tôt ou tard elle me donnera du fil à retordre. (Признаюсь тебѣ, Ольга, со всей откровенностью, что будущая моя теща не благоволитъ ко мнѣ; рано ли, поздно ли надѣлаетъ мнѣ хлопотъ).

И, дѣйствительно, дядя оказался если не пророкомъ, то угадчикомъ: въ первые мѣсяцы послѣ свадьбы, — какъ говорила мнѣ мать,—Наталья Ивановна постоянно огорчала Александра Сергѣевича, наговаривая на него молодой женѣ. Наговоры эти, въ концѣ концовъ, вывели Пушкина окончательно изъ терпѣнья, и опасаясь ихъ послѣдствій, новобрачные сократили свое пребываніе въ Москвѣ, въ которой однако и безъ того засидѣлись довольно долго послѣ свадьбы. Разсказавъ и тогда о своихъ непріятностяхъ сестрѣ, Пушкинъ напомнилъ ей вышеприведенную свою французскую фразу.

И это переданное моей матерью свѣдѣніе о неудовольствіяхъ между тещею и зятемъ я долженъ,—для сомнѣвающихся въ правдивости моего разсказа,—подкрѣпить выдержкою изъ слѣдующаго письма Пушкина къ Натальѣ Ивановнѣ [1]):

[1]) См. изд. Суворина, т. VIII, стр. 367.

«Я былъ вынужденъ,—пишетъ онъ,—оставить Москву, во избѣжаніе разныхъ дрязгъ, которыя, въ концѣ концовъ, могли бы нарушить болѣе чѣмъ одно мое спокойствіе; меня изображали женѣ, какъ человѣка ненавистнаго, жаднаго, презрѣннаго ростовщика; ей говорили: съ вашей стороны глупо позволять мужу и т. д. Сознайтесь, что это значитъ проповѣдывать разводъ. Жена не можетъ, сохраняя приличіе, выслушивать, что ея мужъ—презрѣнный человѣкъ, и обязанность моей жены—подчиняться тому, что я себѣ позволяю. Не женщинѣ 18 лѣтъ управлять мужчиною 32 лѣтъ. Я представилъ доказательства терпѣнія и деликатности, но, повидимому, я напрасно трудился. Я люблю собственное спокойствіе и съумѣю его обезпечить».

Жалуясь на свои отношенія къ будущей тещѣ, дядя Александръ говорилъ сестрѣ, въ присутствіи Николая Ивановича—на скромность его Пушкинъ вполнѣ расчитывалъ—что и въ Москвѣ нашлись «люди добрые», которые постарались заблаговременно изобразить его Натальѣ Ивановнѣ въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ, какъ опаснаго вольнодумца и самого развратнаго гуляку. Эти подпольныя клеветы повели отчасти къ первому уклончивому отвѣту Натальи Ивановны на предложеніе дяди лѣтомъ 1829 года.

Догадываясь о причинахъ отказа, Пушкинъ счелъ его тяжкой обидой, и на другой же день послѣ неудачи, уѣхалъ на Кавказъ, не смотря на просьбы пріятеля, Павла Воиновича Нащокина погостить въ бѣлокаменной подольше.

Принявъ же второе предложеніе Пушкина—21-го апрѣля 1830 года,—будущая теща въ то же время не упускала изъ вида и прошлогоднихъ толковъ, подкрѣплявшихся, повидимому, спорными бесѣдами съ женихомъ.

Сообщивъ все это Ольгѣ Сергѣевнѣ въ Михайловскомъ, братъ ея выразился, что Наталья Ивановна часто принимала его далеко не радушно (elle me recevait bien souvent comme l'emblême de la fidélité dans un jeu de quilles), заводила съ нимъ ссоры ни за что ни про что (des querelles d'allemand), и подъ разными пустяшными предлогами отложила тогда свадьбу до сентября, затѣмъ — какъ извѣстно—до февраля слѣдующаго года, а дѣдъ невѣсты,—Аѳанасій Николаевичъ,—бомбардировалъ Александра Сергѣевича разными скучнѣйшими порученіями по своимъ денежнымъ дѣламъ и ходатайствамъ [1]).

Впрочемъ, Пушкинъ сообщилъ свои непріятности только моей матери и Петру Александровичу Плетневу, не промолвивъ ни Сер-

---

[1]) О денежной субсидіи писчебумажной фабрикѣ, при селѣ «Полотняный Заводъ», Медынскаго уѣзда, Калужской губерніи. Въ 1830 году, отецъ невѣсты Пушкина—Николай Аѳанасьевичъ—былъ очень боленъ, почему дѣдъ ея, Аѳанасій Николаевичъ, и былъ настоящимъ главой семейства. Л. П.

гѣю Львовичу, ни Надеждѣ Осиповнѣ. Въ концѣ же августа, будучи огорчаемъ образомъ дѣйствій Натальи Ивановны и сомнѣваясь въ успѣхѣ, дядя Александръ сообщаетъ письменно невѣстѣ—Натальѣ Николаевнѣ—слѣдующія мысли [1]):

«Если ваша мать рѣшилась расторгнуть нашу свадьбу, и вы согласны повиноваться ей, я подпишусь подъ всѣми мотивами, какіе ей будетъ угодно привести мнѣ, даже и въ томъ случаѣ, если они будутъ на столько основательны, какъ сцена, сдѣланная ею мнѣ вчера, и оскорбленія, которыми ей угодно было меня осыпать. Можетъ быть, она права—и я былъ неправъ, думая одну минуту, что я былъ созданъ для счастія. Во всякомъ случаѣ, вы совершенно свободны; чтоже до меня, то я даю вамъ честное слово принадлежать только вамъ, или никогда не жениться».

Коснувшись переданныхъ мнѣ матерью свѣдѣній о размолвкахъ Пушкина съ будущей тещей, я поневолѣ отступилъ нѣсколько отъ послѣдовательнаго изложенія, къ которому и возвращаюсь.

Какъ посмотрѣла Надежда Осиповна на извѣстіе о помолвкѣ сына—сказать не могу, такъ какъ ничего не слышалъ объ этомъ отъ моей матери. Знаю только, что мой дѣдъ, получивъ отъ Александра Сергѣевича окончательное письменное извѣщеніе о томъ, что онъ сдѣлался женихомъ, былъ внѣ себя отъ радости, и сію же минуту поскакалъ къ дочери сообщить,—подъ строжайшимъ однако секретомъ,—отрадную вѣсть, и позвать ее къ себѣ на семейный обѣдъ; но въ то же время, опасаясь нахлобучекъ Надежды Осиповны огорчилъ какъ нельзя болѣе мою мать, обойдя приглашеніемъ Николая Ивановича. Кромѣ дочери, Сергѣй Львовичъ пригласилъ находившагося тогда въ Петербургѣ князя Петра Андреевича Вяземскаго, умолчавъ ему однако о причинѣ экстренной трапезы; на обѣдъ явился и дядя Левъ, сопровождаемый своимъ другомъ Соболевскимъ. Оба они тоже еще ничего не знали.

Въ концѣ обѣда торжествующій хозяинъ приказываетъ раскупорить вторую сверхштатную бутылку шампанскаго и, возвысивъ голосъ, читаетъ письмо сына. Принимая поздравленія и пожеланія, и обнимая гостей, нервный хозяинъ плакалъ и смѣялся...

XXI.

Весною 1830 года положеніе моего отца было незавиднымъ и въ экономическомъ и въ служебномъ отношеніи. Не получая изъ обѣщанныхъ тестемъ средствъ ни копѣйки, онъ, кромѣ весьма ограниченнаго жалованья въ качествѣ чиновника иностранной коллегіи, не имѣлъ никакихъ постоянныхъ источниковъ дохода; литературные труды не представляли ему вѣрнаго обезпеченія, не смотря на

[1]) См. Т. VIII, изд. Суворина, соч. Пушкина, стр. 378.

довольно значительный спросъ переведенныхъ имъ романовъ; окончены были также его командировки въ слѣдственную комиссію надъ польскими мятежниками, и въ архивъ главнаго штаба для пересмотра документовъ по турецкимъ войнамъ; затѣмъ впереди не предстояло никакихъ шансовъ выпутаться изъ финансовыхъ невзгодъ, почему Соболевскій и совѣтывалъ ему хлопотать о должности консула въ Греціи, но—какъ я уже говорилъ въ первыхъ главахъ моей хроники,—старанія не увѣнчались успѣхомъ. Вмѣсто ожидаемаго, отецъ получилъ должность столоначальника по турецкимъ дѣламъ въ азіатскомъ департаментѣ, а затѣмъ должность завѣдующаго библіотекой того же департамента.

Но онъ не унывая работалъ изо всѣхъ силъ: продолжаялъ сотрудничество въ газетѣ Дельвига, занимался переводами, и не смотря на всѣ разочарованія, подготовлялся къ дипломатической дѣятельности, тщательно изучая языки—новогреческій, турецкій и персидскій.

Мать моя опасалась, подобно мужу, денежныхъ долговъ хуже огня; а потому весной того же года рѣшилась, безъ дальнихъ околичностей, заявить Сергѣю Львовичу, что коль скоро онъ не можетъ облегчить положеніе ея и зятя, то дозволилъ бы ей провести лѣто въ Михайловскомъ. Дѣдъ согласился, и въ іюнѣ Ольга Сергѣевна туда уѣхала. Отецъ же, оставаясь на городской квартирѣ, отдалъ двѣ комнаты въ наймы одному изъ товарищей по службѣ.

Здоровье матери, во время пребыванія ея въ Михайловскомъ, значительно поправилось, а общество ея сосѣдей—Вульфовъ и Ганнибаловъ,—было ей какъ нельзя болѣе пріятно.

Къ этому же времени относятся письма къ ней дѣда и бабки изъ Петербурга, откуда они выѣхали въ деревню позже. Привожу въ переводѣ на русскій языкъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ говорится главнымъ образомъ о Пушкинѣ.

Въ письмѣ отъ 19-го іюля бабка сообщаетъ:

«Александра здѣсь еще нѣтъ, а госпожа Малиновская, пріѣхавшая вчера изъ Москвы, сказала мнѣ, что онъ очень озабоченъ; впрочемъ, его надо ожидать съ минуты на минуту; онъ долженъ былъ отправиться послѣ отъѣзда госпожи Гончаровой въ Ростовъ. Левъ ѣдетъ завтра утромъ, и мы провожаемъ его до Царскаго Села, гдѣ находится теперь и Алексѣй Өедоровичъ».

«Надѣюсь, милая Ольга»,—пишетъ между прочимъ 22-го іюля Надежда Осиповна,—«что деревенскій воздухъ тебѣ благопріятенъ, а твое здоровье возстановится совершенно. Александръ наконецъ съ нами. Пріѣхалъ онъ въ прошлую субботу—въ тотъ самый день, въ который я отправила на почту мое письмо къ тебѣ. Проведя цѣлый день вмѣстѣ, мы простились со Львомъ. Нашъ храбрый капитанъ уѣхалъ въ воскресенье; провожали мы его до Царскаго, возвратились сегодня ночью, и начинаемъ уже готовиться къ отъѣзду. Съ нетерпѣніемъ ожидаю мгновенія обнять тебя».

«Свадьба не состоится раньше сентября; говорить объ этомъ съ Александромъ я почти не имѣла времени: у насъ были за обѣдомъ гости, днемъ принуждена была выйти изъ дома съ княгиней Трубецкой, а вечеромъ Александръ ушелъ къ себѣ отдыхать. Онъ очарованъ своей Наташей, и видитъ въ ней божество. Въ октябрѣ располагаетъ пріѣхать съ нею въ Петербургъ. Александръ очень радъ, что ты въ деревнѣ, надѣясь, что это принесетъ тебѣ большую пользу, а Михайловскій воздухъ разсѣетъ черныя мысли. Вообрази, онъ совершилъ лѣтомъ сантиментальное путешествіе въ Захарово; отправился туда одинъ, лишь бы увидѣть мѣсто, гдѣ провелъ нѣсколько годовъ своего дѣтства. Разсказывалъ онъ объ имѣніи старика Гончарова, которое можно назвать великолѣпнымъ. Гончаровъ предоставляетъ своей внучкѣ Натальѣ Николаевнѣ триста душъ въ Нижнемъ, а мать—двѣсти душъ въ Яропольцахъ. Малиновскіе отзываются о семействѣ Гончаровыхъ какъ нельзя лучше, а по ихъ словамъ, Наталья Николаевна ангелъ. Поручаю тебѣ передать обо всемъ этомъ Прасковьѣ Александровнѣ [1]), будучи убѣжденной въ ея участіи. Не пишу ей сегодня, въ надеждѣ скоро съ ней увидѣться. Прощай, милая Ольга, здѣсь мнѣ тебя не достаетъ, и пріѣду въ Михайловское тебя увидѣть. Трубецкіе, Талызины кланяются, а Леонъ, уѣзжая, поручилъ мнѣ очень нѣжно тебя обнять».

«Александръ пріѣхалъ вчера», — прибавляетъ къ письму бабки Сергѣй Львовичъ.—«Нашелъ онъ меня на Невскомъ проспектѣ, когда я сидѣлъ на скамейкѣ, близь Публичной Библіотеки. Онъ только что выходилъ тогда изъ кареты, думая отправиться ко мнѣ пѣшкомъ. Тутъ стали мы обниматься, размахивать руками, разговаривать, и пошли потомъ рука объ руку къ намъ. Мама была очень удивлена, заставъ его, когда воротилась домой. Леонъ уѣхалъ въ воскресенье, чтò прочтешь, или уже прочла въ ея письмѣ. Дай Богъ, чтобы мой старшій былъ счастливъ съ любезной спутницей, которая не сомнѣваюсь, постарается доставить ему жизнь, чуждую всякихъ огорченій, ибо этотъ славный малый именно созданъ для того, чтобы его любили. Даю ему часть моего Болдина; туда онъ хочетъ скоро ѣхать, да хорошенько его осмотрѣть. Мое почтеніе Прасковьѣ Александровнѣ и всѣмъ дѣвицамъ. Сердечно желаю увидѣть ихъ всѣхъ въ Тригорскомъ, говоря сущую правду».

«...Послѣ завтра мы навѣрное выѣзжаемъ (въ Михайловское),— сообщаетъ бабка отъ 25 іюля, — «и увидимся скоро, милая Ольга; но прежде отъѣзда было бы желательно получить письмо отъ Леона. Александръ пробудетъ здѣсь не долго; тѣмъ не менѣе, до отъѣзда въ Болдино, онъ хочетъ сдѣлать намъ визитъ въ Михайловскомъ дня на два. Свадьба состоится въ сентябрѣ; думаю возвратиться въ Петербургъ пораньше, чтобы отправиться потомъ въ Москву,

[1]) Осиповой.

потому что намъ будутъ предстоять разныя хлопоты. Вотъ все, что скажу тебѣ сегодня: слѣдуемъ за этимъ письмомъ. Александръ былъ у Герминіи [1]), а вчера даже былъ въ ея ложѣ. Простилась я съ Трубецкими, которые поручаютъ себя твоей памяти, точно такъ же какъ и Дельвиги. Твой братъ тебя обнимаетъ. Спокойна ли ты? Имѣешь ли все, что тебѣ нужно? Впрочемъ, все это сами увидимъ, и ставлю тебѣ слѣдовательно праздный вопросъ, такъ какъ это письмо послѣднее передъ нашей встрѣчей».

Какъ видно изъ этихъ писемъ, братъ поэта, Левъ Сергѣевичъ, по истеченіи срока своего отпуска, выѣхалъ изъ Петербурга обратно на Кавказъ—къ мѣсту расположенія Нижегородскаго драгунскаго полка—на другой же день послѣ возвращенія дяди Александра, и провелъ съ нимъ не болѣе сутокъ. Путь дяди Льва лежалъ черезъ Москву, почему Александръ Сергѣевичъ, разставаясь съ нимъ въ Царскомъ, вручилъ «храброму капитану» слѣдующее письмо отъ 20 іюля для передачи Натальѣ Николаевнѣ:

«Имѣю честь вамъ представить моего брата, котораго вы находите такимъ хорошенькимъ; независимо отъ того, что онъ мнѣ братъ, но при всемъ томъ умоляю васъ принять его благосклонно. Мое путешествіе было до смерти скучное. Никита Андреевичъ купилъ мнѣ бричку, которая сломалась на первой станціи—я починилъ ее булавками; на второй та же исторія и такъ далѣе. Наконецъ, я нагналъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Новгорода вашего Всеволожскаго: у него сломалось колесо. Мы окончили путешествіе вмѣстѣ, толкуя много о картинахъ князя Г. Петербургъ мнѣ кажется уже довольно скучнымъ, и я расчитываю сократить мое пребываніе здѣсь, на сколько могу. Завтра начнутся мои визиты вашимъ роднымъ... и проч.» [2]).

Когда именно Пушкинъ заѣзжалъ въ Михайловское—въ послѣднихъ ли числахъ іюля или же въ первыхъ числахъ августа—сказать не могу. Кажется, впрочемъ, первое вѣрнѣе, такъ какъ Пушкинъ уже 10 августа выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву.

Встрѣтясь въ Михайловскомъ съ сестрой, и вторично съ родителями, Александръ Сергѣевичъ, — какъ я упомянулъ выше,—разсказалъ по секрету сестрѣ своей обо всемъ съ нимъ случившемся. Затѣмъ сколько дней онъ пробылъ въ Ганнибаловской вотчинѣ—тоже навѣрное не знаю.

Между тѣмъ, Сергѣй Львовичъ получилъ частнымъ путемъ изъ Москвы извѣстіе о внезапной болѣзни своего брата и задушевнаго также друга—Василія Львовича. Дѣдъ не придавалъ этому извѣстію особеннаго значенія, а Надежда Осиповна, попрежнему, не упускала удобнаго случая подтрунивать надъ нѣкоторыми странностями, при-

---

[1]) Фамиліи этой знакомой бабка не проставила. Л. П.

[2]) См. Т. VIII соч. Пушкина, изданіе Суворина 1887 г., стр. 374.

сущими характеру деверя. Одну лишь Ольгу Сергѣевну посѣтило однажды предчувствіе что болѣзнь ея дяди не простая,—предчувствіе, выразившееся въ слѣдующемъ ея—какъ она называла,—пророческомъ видѣніи, или снѣ:

Сонъ моей матери былъ такого рода: ей пригрезилось, будто бы Василій Львовичъ появился передъ нею въ костюмѣ адепта одной изъ находившихся прежде въ Москвѣ ложъ «вольныхъ каменьщиковъ» (членомъ которой онъ въ дѣйствительности состоялъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго вѣка), одѣтый въ бѣлую мантію съ вышитыми масонскими символическими изображеніями. Василій Львовичъ—вѣрнѣе его призракъ—держалъ въ правой рукѣ зажженный свѣтильникъ, а въ лѣвой—человѣческій черепъ.

— Ольга, — сказалъ призракъ, — я пришелъ тебѣ объявить большую радость. Меня ожидаетъ въ среду, двадцатаго августа, невыразимое счастіе. Посмотри на бѣлую мантію: знакъ награды за мою безпорочную жизнь; посмотри на зазженный въ правой рукѣ свѣтильникъ—знакъ, что всегда слѣдую свѣту разума; посмотри и на этотъ черепъ — знакъ, что помню общій конецъ и разрушеніе плоти.—На вопросъ же племянницы, какое ожидаетъ его счастіе, призракъ, исчезая, отвѣтилъ: «ни болѣзни, ни печали», и отвѣтилъ, какъ ей показалось, особенно громко, отчего она проснулась, и долго не могла опомниться, подъ вліяніемъ противуположныхъ чувствъ: скорби, страха и радости.

Не прошло трехъ недѣль послѣ описаннаго сновидѣнія, какъ Василій Львовичъ Пушкинъ отошелъ въ вѣчность, именно въ среду 20 августа 1830 года.

XXII.

По возвращеніи изъ Михайловскаго, Александръ Сергѣевичъ пробылъ въ Петербургѣ очень короткое время. Онъ отправился въ Болдино, и на пути своемъ посѣтилъ Москву, гдѣ и былъ свидѣтелемъ кончины горячо его любившаго дяди-поэта Василія Львовича Пушкина, «Нестора-Арзамаса [1]), который, будучи первымъ руководите-

---

[1]) Александръ Сергѣевичъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ считалъ своего дядю искреннимъ другомъ. Василій Львовичъ очень радовался, когда узналъ, что его племянникъ познакомился съ музой въ стѣнахъ учебнаго заведенія, и написалъ ему по этому случаю посланіе, называя юнаго поэта «братомъ». На привѣтствіе дяди, Александръ Сергѣевичъ отвѣчалъ въ декабрѣ 1816 г., между прочимъ, слѣдующее, поздравляя съ новымъ годомъ маститаго автора «Опаснаго сосѣда»:

«Тебѣ, о Несторъ Арзамаса,
«Въ бояхъ воспитанный поэтъ,
«Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ
«На страшной высотѣ Парнаса,
«Защитникъ вкуса, грозный Вотъ!

лемъ своихъ племянниковъ, имѣлъ на нихъ, подобно бабушкѣ Марьѣ Алексѣевнѣ Ганнибалъ, самое благотворное вліяніе и опредѣлилъ Александра Сергѣевича въ лицей, куда привезъ его изъ Москвы.

Василій Львовичъ скончался еще не въ очень преклонныхъ лѣтахъ; онъ переступилъ только четырьмя мѣсяцами пятидесятилѣтній съ годомъ возрастъ, такъ какъ родился 27-го апрѣля 1779 года.

Александръ Сергѣевичъ засталъ дядю на смертномъ одрѣ, наканунѣ кончины. Страдалецъ лежалъ въ забытьи, но, какъ сообщалъ дядя въ письмѣ Плетневу отъ 9-го сентября того же года, «узналъ его, погоревалъ, потомъ помолчавъ, сказалъ: «какъ скучны статьи Катенина» [1]) и болѣе ни слова.

При произнесенныхъ умиравшимъ словахъ — говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ свидѣтель послѣднихъ дней Василія Львовича, пріѣхавшій тогда изъ Петербурга князь Вяземскій — Александръ Сергѣевичъ вышелъ изъ комнаты, чтобы «дать своему дядѣ умереть исторически; Пушкинъ—прибавляетъ Вяземскій,—былъ однакоже очень тронутъ всѣмъ этимъ зрѣлищемъ, и во все время велъ себя какъ нельзя приличнѣе».

Достовѣрность заявленія стариннаго друга Василія Львовича подтверждается отчасти и вышеозначеннымъ письмомъ Александра Сергѣевича Плетневу, въ которомъ онъ, приводя слова умиравшаго, говоритъ: «Вотъ что̀ значитъ умереть честнымъ воиномъ на пути» le cri de guerre à la bouche (съ браннымъ кликомъ).

Дядя Александръ искренно оплакивалъ невозвратимую для него потерю родственника,—перваго наставника и друга,—при чемъ опасаясь, что роковое извѣстіе можетъ подѣйствовать на Сергѣя Львовича Богъ знаетъ какъ, написалъ о случившемся секретно въ Тригорское Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой, съ просьбою подготовить какъ отца, такъ и Ольгу Сергѣевну исподоволь, и въ то же время отнюдь не намекать объ этомъ Надеждѣ Осиповнѣ, такъ какъ она могла бы проболтаться. Прасковья Александровна выполнила возложенное на нее порученіе какъ нельзя дипломатичнѣе, за что̀ дядя Александръ и выразилъ ей признательность въ сентябрѣ изъ Болдина въ слѣдующихъ строкахъ:

«Тебѣ, мой дядя, въ новый годъ
«Веселья прежняго желанье,
«И слабый сердца переводъ—
«Въ стихахъ и прозою посланье.

«Въ письмѣ вашемъ вы назвали меня братомъ; но я не осмѣлился назвать васъ этимъ именемъ, слишкомъ для меня лестнымъ:

«Я не совсѣмъ еще разсудокъ потерялъ,
«Отъ риѳмъ вакхическихъ шатаясь на Пегасѣ:
«Я знаю самъ себя, хоть радъ, хотя не радъ...
«Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ—со всѣмъ не братъ;
«Вы—дядя мой и на Парнасѣ»...

[1]) Статьи Катенина помѣщались въ «Литературной Газетѣ».

«Я очень доволенъ, что мой отецъ, благодаря вамъ, благополучно перенесъ извѣстіе о смерти Василія Львовича. Признаюсь, я очень боялся за его здоровье, и его разслабленные нервы».

Пушкинъ, немедленно по кончинѣ своего дяди,—которому и закрылъ глаза, въ присутствіи сестры покойнаго, Елисаветы Львовны Сонцовой, мужа ея Матвѣя Михайловича, и ихъ дочерей дѣвицъ Ольги и Екатерины — принялъ на себя всѣ распоряженія относительно похоронъ.

Вся, что̀ называется, Москва, въ которой Василій Пушкинъ стяжалъ по своему христіанскому добродушію и подвигамъ благотворительности общую популярность, сопровождала прахъ его къ мѣсту вѣчнаго упокоенія. Отдать Василію Львовичу послѣдній долгъ явились депутаціи отъ всѣхъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, и литературные дѣятели всѣхъ направленій, какъ-то Погодинъ, Полевые, Дмитріевъ, Языковъ, Шаликовъ, а во время отпѣванія въ церкви Никиты Мученика, служившій протоіерей, говоря въ прочувствованной проповѣди о христіанскихъ добродѣтеляхъ усопшаго, указалъ и на подъятые имъ труды на пользу отечественнаго слова.

Опроверженіемъ попавшейся мнѣ подъ руку нѣмецкой статьи, напечатанной въ повременномъ лейпцигскомъ изданіи «Die Petersburger Gesellschaft» за 1880 г., будто бы «дядя Пушкина Василій Львовичъ скончался, въ качествѣ дряхлаго старика, съ произведеніемъ Беранже въ рукахъ (Der Oheim Puschkins Wassili Lwowitch starb als Greiss mit dem Beranger in die Händen), служитъ хранящееся у меня французское письмо его племянницы, Ольги Матвѣевны Сонцовой къ моей матери. Извлекаю изъ него въ переводѣ слѣдующія строки:

«Только сегодня, милая кузина, могу тебѣ писать. Нѣтъ уже на землѣ нашего ангела! Смерть его меня поразила до такой степени, что я сама тяжело занемогла; кромѣ того, не рѣшалась первая сообщить тебѣ вѣсть о жестокомъ ударѣ, поразившемъ всѣхъ насъ, и Александръ, по моему мнѣнію, прекрасно поступилъ, что поберегъ Сергѣя Львовича, передавъ ему печальную новость черезъ другихъ, съ соблюденіемъ всевозможныхъ предосторожностей.

«Покойный разстался съ здѣшнимъ міромъ какъ истый христіанинъ. Будучи прикованъ къ смертному одру, дядя не переставалъ взывать къ божественной благости: онъ просилъ читать себѣ Священное Писаніе, и ни одна мірская мысль его не посѣщала. А потому въ утѣшительныхъ словахъ Евангелія онъ почерпалъ всю свою безропотность, которая не измѣняла дядѣ до послѣдняго издыханія. Дядю соборовали, и онъ не подвергся ужаснымъ мученіямъ агоніи»...

«Бѣдный Василій Львовичъ Пушкинъ»,—пишетъ между прочимъ, изъ Остафьева отъ 25-го августа князь Вяземскій, — «скончался 20-го числа въ началѣ третьяго часа по полудни. Я пріѣхалъ къ

нему часовъ въ одиннадцать. Смерть уже была на вытянутомъ лицѣ. Однако, узналъ меня, протянулъ уже холодную руку и на вопросъ Анны Николаевны[1]) радъ ли онъ меня видѣть (съ пріѣзда моего изъ Петербурга я не видалъ его), отвѣчалъ довольно внятно: «очень радъ». Послѣ этого, раза два хотѣлъ что-то сказать, но уже звуковъ не было. На лицѣ его ничего не выражалось, кромѣ изнеможенія. Испустилъ онъ духъ спокойно и безболѣзненно, во время чтенія молитвы при соборованіи масломъ. Обряда не кончили: помазали только два раза. Наканунѣ онъ былъ уже совсѣмъ изнемогающій»...

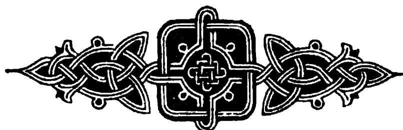
Характезируя моего дѣда Василья Львовича, князь Вяземскій говоритъ, «что черты младенческаго его простосердечія могутъ составить любопытную главу въ исторіи сердца человѣческаго: онѣ придавали что-то смѣшное личности его, но были очень милы».

Страсть же автора «Опаснаго сосѣда» прочитывать встрѣчному стихи собственнаго издѣлія, а также и незлобивость кроткой души его начерталъ довольно удачно задушевный его пріятель и собратъ по литературному искусству И. И. Дмитріевъ, въ слѣдующихъ стихахъ шуточной своей поэмы «Путешествіе Василія Львовича Пушкина въ Парижъ и Лондонъ» (Стихи говорятся отъ имени героя этой баллады, т. е. В. Л. Пушкина):

«Я, напримѣръ, люблю конечно
«Читать мои куплеты вѣчно
«Хоть слушай, хоть не слушай ихъ...
«Люблю и страннымъ я нарядомъ,
«Лишь былъ бы въ модѣ, щеголять,
«Но словомъ, мыслью, даже взглядомъ,
«Хочу ль кого я оскорблять»?

Левъ Павлищевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

---

[1]) Фамилія остается мнѣ неизвѣстной. Л. П.

ПРУССІЯ ВЪ КРЫМСКУЮ ВОЙНУ [1].

IV.

«Двойственность чувствъ».— Фюрсты и Бисмаркъ.

ВОЙСТВЕННОСТЬ чувствъ,—какъ называлъ Гумбольдтъ сокровенную борьбу вѣнценосца, связанную съ душевною болѣзнью, которая запечатлѣлась въ письмахъ къ Бунзену,—была тѣмъ безнадежнѣе, что она соотвѣтствовала положенію дѣлъ. Фридрихъ-Вильгельмъ IV былъ полу-самодержцемъ, полу-конституціоннымъ королемъ. Онъ ненавидѣлъ Францію, какъ источникъ революцій, и страшился Россіи, какъ грознаго благодѣтеля. Онъ былъ и прусскимъ королемъ, и членомъ Нѣмецкаго Союза, который вовлекалъ его въ борьбу съ Австріей. Ненавистная Берлину Вѣна мѣшала ему сблизиться съ Англіей, а Англія грозила разгромить его балтійское побережье, еслибъ онъ посмѣлъ склониться къ Россіи. А, между тѣмъ, и Востокъ, и Западъ Европы, почти равносильные вначалѣ, рвали его на части: каждый старался грубо, почти насильно, увлечь его въ свою сторону. «Крымская война поставила Фридриха-Вильгельма въ величайшее затрудненіе»,— говоритъ Ротанъ.— «Онъ не зналъ, куда склониться. Въ нѣжныхъ письмахъ изъявлялъ онъ Николаю I свою неизмѣнную преданность, а, подъ вліяніемъ Бунзена, склонялся къ западнымъ державамъ. Онъ не смѣлъ ни разорвать съ Россіей, ни высказаться за Англію. Онъ

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXII, стр. 335.

любилъ принца Альберта, питалъ отцовское чувство къ королевѣ Викторіи, былъ крестнымъ отцомъ принца Уэльскаго; и Англія была въ его глазахъ великою евангелическою державой. Но онъ любилъ также свою сестру, русскую императрицу, и находился подъ обаяніемъ шурина: по его мнѣнію, Николай повиновался великому долгу, исполнялъ христіанскую обязанность, требуя покровительства надъ греческою церковью на Востокѣ».

«Двойственность чувствъ» ясно проявилась на дѣлѣ въ составляющемъ эпоху свиданіи трехъ монарховъ въ Варшавѣ, въ сентябрѣ 1853 года. Сердясь на устроенное ему, въ Ольмюцѣ, Кавдинское ущелье, Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣчалъ отказомъ шурину на приглашеніе посѣтить его; а потомъ вдругъ поспѣшилъ самъ въ Варшаву, сдѣлавши сцену удерживавшему его Мантейфелю. Тамъ онъ отвергъ предложеніе Франца-Іосифа объявить нейтралитетъ совмѣстно съ Австріей и возвратился въ восторгѣ отъ «лойяльности», отъ благородныхъ словъ бѣлаго царя; а на дѣлѣ именно съ тѣхъ поръ начали обнаруживаться подозрѣнія, закравшіяся въ душу гогенцоллернскаго пріобрѣтателя земель. Вскорѣ послѣ свиданія, король писалъ Бунзену: «Живу и умру съ убѣжденіемъ, что англійскій кабинетъ вдохновляется истинною, вѣрною, наиправильнѣйшею мыслью—именно не давать Россіи черезчуръ властвовать на Востокѣ путемъ **заправленія** Турецкою имперіей и ея **проглатыванія**».

Нѣсколько дней спустя, королю пришлось громко заявить этотъ взглядъ, по поводу великаго событія, отъ котораго встрепенулась вся Европа. Синопскій бой, 30-го ноября [1]), оказалъ лучшую услугу рвавшемуся въ бой Наполеону III. Онъ такъ озлобилъ владычицу морей, что миролюбивый Абердинъ воскликнулъ: «я выбитъ изъ рядовъ; меня упрекаютъ въ измѣнѣ ради Россіи; не смѣю показаться на улицѣ». Съ Австріей совершился переломъ. Николай I и здѣсь ошибся. Онъ думалъ, что Францъ-Іосифъ, уже какъ монархъ, сочувствуетъ, довѣряетъ ему и съумѣетъ расправиться съ своимъ руссоѣдомъ, Буолемъ. Онъ былъ убѣжденъ, что совсѣмъ покоритъ сердце своего юнаго «брата», когда отправилъ къ нему собственноручное письмо съ предложеніемъ занять Боснію, Герцеговину и даже Сербію, а самъ брался заставить Нѣмецкій Союзъ обезпечить ему даже негерманскія владѣнія. Францъ-Іосифъ дѣйствительно сначала какъ будто довѣрялъ ему: онъ твердилъ о «доброжелательномъ» нейтралитетѣ и увѣрялъ, что, «конечно, никогда» не осоюзится съ Западомъ противъ насъ. Самъ Буоль, подобно прусскому королю, уклонялся отъ сдѣлки «вчетверомъ», какъ называли тогда союзъ Запада противъ Россіи: онъ разыгрывалъ роль

[1]) Во избѣжаніе путаницы понятій, мы вездѣ употребляемъ новый стиль, вмѣсто стараго, утратившаго всякій смыслъ.

посредника, хлопоталъ о конференціи впятеромъ, съ участіемъ Россіи. Его послѣднею надеждой было свиданіе въ Ольмюцѣ, куда прибылъ и Нессельроде. Но тутъ все ограничилось словесными заявленіями царя насчетъ неприкосновенности Порты.

Съ той минуты росла недовѣрчивость, перешедшая, послѣ синопской катастрофы, въ недоброжелательный и угрожающій нейтралитетъ, который былъ для насъ едва ли не вреднѣе войны, такъ какъ не дозволялъ Пруссіи совсѣмъ склониться къ намъ. Непримиримыя до тѣхъ поръ соперницы, Австрія и Пруссія, подали руку другъ другу и открыто заявили себя западными державами. Совмѣстно съ Англіей и Франціей, ими былъ подписанъ, въ Вѣнѣ, протоколъ 5-го декабря, — это первое дѣйствіе великой драмы народовъ. Здѣсь «цѣлость Оттоманской имперіи» была объявлена «необходимымъ условіемъ европейскаго равновѣсія»; и Портѣ, а не Россіи предложили поставить условія мира. Вслѣдъ затѣмъ, державы послали въ Петербургъ эти условія, а англо-французскій флотъ вошелъ въ Черное море. Наполеонъ торжествовалъ: старые союзы противъ Франціи были разрушены, а ихъ заводчица, Россія, сама очутилась въ зловѣщемъ одиночествѣ. Въ «Монитёрѣ» прямо говорилось о вожделѣнномъ союзѣ «вчетверомъ».

Но и Наполеонъ, какъ всѣ тогда, впалъ въ роковую ошибку: древній «концертъ» сѣверныхъ дворовъ былъ разстроенъ; но это вовсе не значило, что они вступятъ въ открытый бой между собою. Прусскій министръ въ Парижѣ поспѣшилъ заявить, что протоколъ 5-го декабря — не больше, какъ согласіе вчетверомъ, ради сохраненія мира; а его австрійскій товарищъ сдержанно замѣтилъ, что протоколъ не нарушаетъ старой дружбы между Вѣной и Петербургомъ. Вслѣдъ затѣмъ, пришлось окончательно разочароваться Николаю I. 13-го января 1854 года, въ Вѣнѣ состоялся протоколъ четырехъ, который одобрилъ предложенныя, между тѣмъ, Портой условія мира и поручалъ Австріи передать ихъ Россіи. 2-го февраля послѣдовалъ новый протоколъ вѣнской конференціи, опять «вчетверомъ»: державы отвергли встрѣчныя условія Россіи, какъ «существенно несогласныя съ основаніями, утвержденными 13-го января». Тогда Николай I отправилъ Орлова въ Вѣну съ собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ требовалъ формальнаго нейтралитета и, по обыкновенію, обѣщалъ спасать Австрію отъ революціи. Даже этотъ дипломатъ, котораго Кинглекъ называетъ «благоразумнымъ, умѣреннымъ, говорившимъ съ Николаемъ I съ приличною свободой», велъ себя въ Вѣнѣ, какъ Меншиковъ въ Портѣ. Ротанъ говоритъ: «Чтобы произвести впечатлѣніе на вѣнскій дворъ и вѣрнѣе вырвать у него, подъ вліяніемъ страха, заявленіе о нейтралитетѣ, онъ нѣсколько дней скрывался, окружая себя таинственностью и равнодушіемъ, избѣгая свиданій съ министромъ иностранныхъ дѣлъ и не испрашивая аудіенціи у монарха. Но эта

mise en scène могла дѣйствовать лишь въ другія времена». Францъ-Іосифъ отвѣтилъ, что будетъ держаться «выжидательнаго» нейтралитета, а въ случаѣ возстанія славянъ или итальянцевъ будетъ сообразоваться «только съ интересами и достоинствомъ своей имперіи». По отъѣздѣ Орлова, онъ сказалъ Мейендорфу: «я былъ пораженъ, увидѣвши съ первыхъ его словъ, что вы приняли рѣшеніе, противное тому, что̀ говорилось въ Ольмюцѣ и Варшавѣ; мое нынѣшнее поведеніе не есть слѣдствіе какихъ-нибудь скрытныхъ переговоровъ, какъ у Пруссіи съ Англіей».

Намекъ на поведеніе Фридриха-Вильгельма былъ тѣмъ болѣе язвителенъ, что въ Потсдамѣ, дѣйствительно, происходило что-то подозрительное. Тутъ Николай I дѣйствовалъ проще, посемейному: Будбергъ передалъ королю его собственноручное письмо. Это было сдѣлано тайкомъ отъ Мантейфеля, а отвѣчалъ оффиціально Мантейфель на имя Нессельроде: онъ объявилъ, что Пруссія будетъ держаться протокола 5-го декабря, какъ орудія мира, и колко прибавилъ, что она и безъ Россіи съумѣетъ найти средства къ сохраненію европейскаго равновѣсія и къ подавленію революціи. А что думалъ самъ король, это мы знаемъ изъ крайне любопытнаго его изліянія Бунзену. Онъ писалъ, въ январѣ 1854 года:

«Если бы мнѣ пришлось сослужить службу Англіи въ этой заворошкѣ, то conditio sine qua non—чтобы вознаградили меня «возстановленіемъ моей законной власти надъ моей милой, вѣрной землицей у Юры (Невшатель), попираемой ногами безбожниковъ». Ничего, совсѣмъ ничего знать не хочу о переговорахъ съ двумя державами, собственно даже и съ одной Англіей, ибо отъ Англіи не жду ничего, кромѣ отвѣта на мой вопросъ — желаетъ ли и можетъ ли она обезпечить мнѣ цѣлость Нѣмецкаго Союза, т. е. истинно всего Союза, а также границъ Пруссіи и прочаго? Если этотъ отвѣтъ не будетъ ясенъ и точенъ, запрошу Россію; и если и оттуда будетъ неясный отвѣтъ, тогда призову Бога на помощь. И тогда, значитъ, «здѣсь мечъ Бога и Гедеона», или, вѣрнѣе—«какъ Богу угодно»!.. Положеніе становится все серьезнѣе, и особенно для Пруссіи. Восемь дней тому назадъ, въ субботу, Будбергъ передалъ мнѣ письмо своего императора, который настоятельно требуетъ, чтобы я, вмѣстѣ съ Австріей, заключилъ нейтральный договоръ, подъ его надзоромъ. Я тотчасъ же отвѣчалъ устно, а вскорѣ затѣмъ и письменно, que j'étais lié d'honneur (что я связанъ честью) съ Англіей, отъ которой жду отвѣта, пообѣщавши ей до тѣхъ поръ не связывать себя. Между тѣмъ, Орловъ отправился въ Вѣну, гдѣ ему дали отрицательный отвѣтъ, не переговоривши съ нами. Я послалъ письмо Николая въ Вѣну моему императорскому племяннику, вызывая его на совмѣстное дѣйствіе, но безъ договора... Представь же мое изумленіе, когда, вмѣсто жадно ожидаемаго отвѣта Англіи, я получилъ ея, общее съ Франціей, предложеніе осоюзиться съ ними, чтобы

сохранить или вынудить миръ! Я остаюсь нейтральнымъ, и именно такъ, какъ я писалъ русскому императору: «мой нейтралитетъ не будетъ ни нерѣшительнымъ, ни шаткимъ (это—отвѣтъ на его выраженіе), а державнымъ (souveraine)». Знайте же, дражайшій, что я соблюдаю державный нейтралитетъ и намѣренъ бить всякаго, кто вздумалъ бы бить меня за это. Положеніе Пруссіи весьма выгодно: оно даетъ ей возможность послѣдняго рѣшенія. Это слишкомъ очевидно, чтобы я не понялъ и не поступалъ соотвѣтственно... Въ моемъ отклоненіи и отъ Запада, и отъ Востока, я чувствую себя правымъ, твердымъ и очень утѣшеннымъ. Но также чувствую я себя въ отношеніи вѣрности своему слову. Не обманывайтесь и скажите британскимъ государственнымъ людямъ на ушко или на площади: не дозволю революціи (пламень которой знакомъ мнѣ) напасть на Австрію; обнажу мечъ на ея защиту. И это изъ любви къ Пруссіи и по чувству долга, изъ чувства самосохраненія. Я не даромъ изучалъ времена 92—96 годовъ, годъ 5-й и его слѣдствія anno 6».

Повторивъ еще разъ насчетъ Невшателя и обезпеченія границъ Пруссіи и Германіи, король разразился, въ заключеніе, такою сильною фразой: «Если же, во время кровосмѣшенія Англіи съ Франціей или вслѣдствіе его, я подвергнусь нападенію, или если гдѣ бы ни было спустятъ своего союзника, революцію, я соединяюсь съ Россіей на жизнь и смерть».

Здѣсь было все, что хотите, кромѣ Гидеона. «Романтикъ на тронѣ» оказался самымъ прозаичнымъ, мелкимъ практикомъ: возвратите ему его «вѣрный», хотя и отбившійся отъ него, Невшатель, охраните ему его границы отъ иностранцевъ и его престолъ отъ его собственныхъ поданныхъ — и онъ станетъ за кого хотите, но, такъ сказать, въ отрицательномъ видѣ: онъ продавалъ обѣимъ сторонамъ свой «державный» нейтралитетъ. Въ одно время съ письмомъ къ Бунзену онъ говорилъ Будбергу: «Я сказалъ въ Лондонѣ, что никогда не вовлекусь въ войну съ Россіей; и пусть не думаютъ объ этомъ: у меня 400,000 подъ ружьемъ, а при нуждѣ могу собрать еще столько».

Будбергъ старался выяснить вопросъ о войнѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ горячо воскликнулъ: «Кто можетъ считать насъ способными на такую низость? Намъ соединиться съ Западомъ противъ Россіи! Одно подозрѣніе оскорбительно для насъ. Я дамъ царю положительныя удостовѣренія: онъ можетъ положиться на меня». Будбергъ понялъ такъ, что готовы подписать договоръ о требуемомъ нейтралитетѣ; но король возразилъ, употребляя противъ Николая I его собственное оружіе: «Не понимаю, что вы такъ настаиваете на подписанномъ актѣ, когда не можете сомнѣваться въ насъ». Эту мысль энергично поддержалъ присутствовавшій на аудіенціи Мантейфель, въ воображеніи котораго нарисовалась картина сожженія

англичанами всѣхъ торговыхъ судовъ Пруссіи. Вскорѣ онъ вышелъ изъ себя, замѣтивши, что въ Петербургѣ хотѣли поймать его короля на словѣ. Въ письмѣ послѣдняго царю была обычная солдатски-сильная фраза о томъ, что «Пруссія никогда не вовлечется въ войну съ Россіей». Нессельроде далъ депешу Будбергу для показа Мантейфелю, гдѣ росписывался въ принятіи монаршаго удостовѣренія. Мантейфель гнѣвно сказалъ Будбергу: «Вы не имѣете права хвататься за интимныя изліянія и ставить ихъ въ оффиціальномъ актѣ, который можетъ озлобить противъ насъ Францію и Англію; да это и унижаетъ достоинство Пруссіи, связывая ей руки». Когда Будбергъ замѣтилъ, что Россія готова обезпечить цѣлость Нѣмецкаго Союза, Мантейфель воскликнулъ, что это унизительно для всей Германіи, и сталъ жаловаться на повелительный тонъ Петербурга.

Такъ, въ Потсдамѣ отдѣлались на минуту отъ настояній и Запада, и Востока. Но для Пруссіи еще важнѣе былъ центръ Европы: въ Германіи ей приходилось проводить мудреный Восточный вопросъ въ связи съ нѣмецкимъ, постоянно опасаясь опозориться передъ «фатерландомъ» и сводя старые счеты съ Австріей, которая радовалась случаю выставить себя спасительницей европейской цивилизаціи. Здѣсь драма началась въ одно время съ декабрскими переговорами «вчетверомъ». Она тотчасъ перешла въ поединокъ между Гогенцоллерномъ и Габсбургомъ. Желая вовлечь Пруссію во вражду противъ Россіи и сыграть на ея счетъ первую роль въ защитѣ всенѣмецкихъ интересовъ, Буоль предложилъ Мантейфелю совмѣстную декларацію на сеймѣ о нейтралитетѣ Германіи съ соблюденіемъ ея собственныхъ выгодъ. Мантейфель, котораго испугало также встрѣчное предложеніе Россіи обезпечить нейтралитетъ Союза, вознегодовалъ: онъ считалъ унизительнымъ подписываться на одной бумагѣ съ Австріей, которую назвалъ «предательницей», желающею провести Пруссію. Онъ послалъ фюрстамъ отдѣльный циркуляръ просто о томъ, что его король не будетъ ни съ кѣмъ воевать. Тогда Буоль выступилъ на сеймѣ съ довольно неопредѣленной декларацiей о нейтралитетѣ; но въ нее ловко была вставлена стрѣла противъ петербургскаго двора, который «обѣщалъ соблюсти цѣлость Турціи и независимость султана».

Что было дѣлать союзному сейму и фюрстамъ, которые представляли собой подобіе покойной Священной римско-нѣмецкой имперіи? Нашъ посланникъ въ Германіи при Екатеринѣ II, Николай Румянцевъ, писалъ: «Германія—политическая пустыня, которую державы должны сохранять подъ паромъ. Здѣсь, особенно на этихъ сценкахъ (у фюрстовъ), гдѣ никогда не обсуждаются дѣла, а, между тѣмъ, господствуетъ духъ вѣчной хлопотливости, политика неизбѣжно превращается въ сплетни, а розсказни и пересуды замѣняютъ мысль и доводы. Нѣмецкіе министры возмечтали

о себѣ слишкомъ много; любовь къ отечеству выродилась въ мелкій личный интересъ; широкая идея замѣнилась узкими мыслишками педантовъ [1])». Такую же картину чванства, сварливости и всѣхъ прелестей макіавелизма низшаго разбора временъ Людовика XIV и Фридриха II представлялъ Франкфуртъ-на-Майнѣ и мелкіе дворы Германіи въ описываемое время; къ ней прибавилась только зловѣщая черта—интрига усилившейся Пруссіи и ея Бисмарка. Ротанъ даетъ такую характеристику: «Нѣмецкіе дворы второго и третьяго разрядовъ разжигали ненависть между Пруссіей и Австріей. Для ихъ министровъ то были прекрасные дни безъ завтрашняго утра. Они давали обѣщанія направо и налѣво, совѣщались, обмѣнивались нотами, составляли протоколы. Можно было думать, что судьба Европы зависитъ отъ ихъ рѣшеній». Подобнымъ же образомъ выражается другой свѣдущій свидѣтель, Кларендонъ: «Мелкіе дворы ослѣплены; они не понимаютъ, что, при великихъ переломахъ, ихъ искусство должно состоять въ томъ, чтобы стушевываться и молчать». Но кто хочетъ получить свѣжее впечатлѣніе неугомонной возни политической мелкоты, тотъ долженъ читать записки Бейста, который считалъ себя тутъ главною спицей въ колесницѣ.

Фюрсты пуще всего боялись «издержекъ и бѣдствій войны, въ особенности же возможности стать, въ концѣ ея, предметомъ вознагражденій», какъ это заявлялъ Бисмаркъ. Они хорошо помнили вѣковую роль «Ніобеи среди націй», какъ называли Германію, издавна напоминавшую холоповъ, у которыхъ чубы трясутся, когда господа дерутся. Но въ то же время «ихъ честолюбіе состояло въ участіи, посредствомъ сейма, въ европейской политикѣ, чтобы хорошенько выставить свою независимость предъ лицомъ Пруссіи и Австріи».

А, между тѣмъ, фюрсты подчинялись интригамъ нѣмецкихъ державъ-соперницъ, которыя разрушали всякое значеніе сейма. «Мы надѣемся на миръ и основываемся на увѣреніяхъ царя», говорилъ австрійскій министръ во Франкфуртѣ, Прокешъ, наканунѣ Крымской войны. «Не можемъ скрыть, что миру угрожаетъ серьезная опасность», говорилъ, нѣсколько дней спустя, Мантейфель въ прусскомъ парламентѣ. Тѣ же пикировки стали обыденнымъ представленіемъ на «сценкахъ». Гогенцоллернъ и Габсбургъ наскакивали другъ на друга, какъ пѣтухи, и сплетничали одинъ на другого у державъ, какъ кухарки. Ротанъ пишетъ: «Стоило, на сеймѣ, австрійскому полномочному сказать слово, чтобы его прусскій товарищъ тотчасъ выступилъ съ опроверженіемъ. Прокешъ и Бисмаркъ были въ открытой войнѣ. Засѣданія были одно другого бурнѣе и полнѣе раздражительными приключеніями; предложенія перекрещивались и сшибались. Предсѣдатель выводилъ изъ себя прусскаго

[1]) Трачевскій: «Союзъ князей», 68—69.

полномочнаго своею спѣсью и покровительственнымъ видомъ. Въ Вѣнѣ, чтобы тащить Пруссію на буксирѣ, старались уединить ее, не давать ей разыгрывать роль среди великихъ державъ; возстановляли противъ нея Францію и Англію, твердили намъ о двуличности ея политики. Въ Берлинѣ съ наслажденіемъ ловили всякій подозрительный взглядъ императорскаго двора, чтобы донести намъ о немъ. Тамъ дѣйствовали всѣми средствами: въ сношеніяхъ съ легаціями Франціи и Англіи, Мантейфель пользовался однимъ изъ своихъ присныхъ — евреемъ, откровенность котораго, вольная или невольная, была неоцѣненна. Намъ твердили на всѣ лады, что Буоль заговариваетъ намъ зубы пріятными рѣчами, а самъ думаетъ овладѣть Дунайскими Княжествами, когда пооcлабнутъ воюющія стороны. Прусское правительство зорко слѣдило за слабостями австрійской политики, чтобы пользоваться ими поочередно въ Парижѣ, Лондонѣ и Петербургѣ, въ мѣру своего честолюбія».

Мутье писалъ своему министру: «Соперничество между Пруссіей и Австріей непрерывно, и оно служитъ намъ возбуждающимъ средствомъ. Мантейфель не прочь идти въ ногу съ австрійцами, но не на буксирѣ у нихъ. Онъ желаетъ, чтобы его страна играла роль великой державы; но это притязаніе всегда оспаривалось вѣнскимъ и петербургскимъ кабинетами, которыхъ тутъ поддерживали нѣмецкіе дворы. Стань Австрія за Россію—и, я увѣренъ, Мантейфель внушитъ своему королю склониться на сторону Франціи и Англіи: онъ будетъ сверкать передъ нимъ надеждой захватить первое мѣсто въ Германіи, освободиться отъ австро-русской опеки и, пожалуй, столковаться съ нами насчетъ земельныхъ измѣненій, о которыхъ вздыхаютъ здѣсь затаенно, но глубоко. Но поди Австрія съ нами — и Пруссія лишается этой надежды. Слѣдовательно, если иногда мы можемъ быть довольны Вѣной, то не должно опасаться противнаго со стороны Берлина: онъ не сдѣлаетъ шага навстрѣчу Россіи; онъ будетъ только добиваться независимости своихъ дѣйствій. Наша задача, требующая только осмотрительности,—не поощрять вожделѣній Пруссіи до того, чтобы проснулись подозрѣнія австрійцевъ, но и не осаживать ихъ до того, чтобы берлинскій дворъ былъ задѣтъ и лишился своихъ иллюзій насчетъ нашей помощи. Насколько я понимаю Мантейфеля, намъ нужно стараться не безпокоить его мелочами и, вообще, щадить его положеніе подлѣ короля».

Какъ ни старался Бисмаркъ, сеймъ сразу выказалъ явное сочувствіе къ деклараціи Буоля. Взбѣшенный Бисмаркъ совѣтовалъ королю немедленно потребовать отступнаго отъ Австріи, а самъ пустился въ объѣздъ по дворамъ фюрстовъ. Его испытанное средство—игра съ вѣнценосцами—не измѣнило ему. Вскорѣ онъ могъ извѣстить Фридриха-Вильгельма, что фюрсты желаютъ только сохранить свое statu quo и ни въ какомъ случаѣ не станутъ воевать

съ Россіей. Ему оставалось поскорѣе свести счеты съ Австріей, ненависть къ которой доходила у него до того, что онъ самъ признавался, что «смотритъ на всѣ политическіе вопросы чрезъ очки австро-прусскаго соперничества, которое лишаетъ его безпристрастія». Для этого онъ былъ готовъ на все, и чаще всего пускалъ въ ходъ свое другое любимое средство—запугиваніе. Онъ писалъ своему королю: «Если Австрія вступитъ въ войну съ Россіей, ей трудно будетъ противиться возстановленію Польши, которое облюбовали западныя державы для сокращенія Россіи. Но если бы ей предоставили выборъ, она предпочла бы Княжества Галиціи: они сподручнѣе ей и по своему положенію, и по торговлѣ; ихъ населеніе легче слилось бы съ нѣмцами, чѣмъ поляки. А возстановленіе Польши послужило бы для Австріи оплотомъ противъ Россіи». Въ августѣ 1854 года Бисмаркъ выдвигалъ новое пугало—русско-французскій союзъ, который, по его «достовѣрнымъ свѣдѣніямъ», былъ уже «близокъ къ осуществленію».

Этотъ пылкій дипломатъ, по инстинкту первобытныхъ Колупаевыхъ, хватался за все, лишь бы сорвать свое. У него тотчасъ явилось соображенье и противъ новой бѣды: «Если Пруссія не въ силахъ удержать Австрію отъ войны, пойдемъ вмѣстѣ съ нею и съ Франціей, нето и съ одною Франціей, если только она отдѣлится отъ Австріи, чтобы сблизиться съ Россіей. Долгъ самосохраненія не дозволяетъ намъ дѣйствовать иначе». Полгода спустя, Бисмаркъ внушалъ Мантейфелю: «Скорѣе во Франціи, чѣмъ въ Австріи, ожидаю встрѣтить желаніе сойтись съ нами, чтобы спасти наше европейское положеніе. Придетъ время (когда среднія государства отдѣлятся отъ насъ), когда намъ придется налегать больше на наши европейскія, чѣмъ на нѣмецкія отношенія. Герлахъ высказывалъ мнѣ страхъ насчетъ тѣснаго сближенія между Франціей и Россіей. Я побоюсь этого союза только въ томъ случаѣ, если бы намъ не удалось скакнуть въ него обѣими ногами. Для насъ это было бы средствомъ навсегда освободиться отъ опеки среднихъ государствъ и выйти изъ сѣтей Австріи, которая не перестанетъ завидовать и не довѣрять намъ и не упуститъ случая подставить намъ ножку».

V.

«Отклоненіе» на Востокъ.

Пока у нѣмцевъ происходило Вавилонское столпотвореніе по поводу Восточнаго вопроса, послѣдній живо развивался между главными противниками. Франція и Англія потребовали отъ Николая I очищенія княжествъ и получили гордый отвѣтъ: «Россія съумѣетъ показать себя въ 1854 году такъ же, какъ въ 1812-мъ». На второе требованіе, съ прибавкой, что молчаніе будетъ принято за объявле-

ніе войны, Нессельроде заявилъ: «императоръ не считаетъ удобнымъ отвѣчать» и присовокупилъ: «мы не объявляемъ войны». Черезъ десять дней, 27-го марта, вспыхнула Крымская война.

Австрія, которая принимала дѣятельное участіе во всѣхъ требованіяхъ морскихъ державъ, готова была вступить съ ними въ союзъ, но съ условіемъ, если къ нему примкнетъ Пруссія. Пруссія же только раздражала всѣхъ и запутывала Германію. Сначала она какъ будто сочувствовала царю, который прислалъ въ Потсдамъ герцога Георга Мекленбургскаго съ предложеніемъ составить конференцію въ Берлинѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ разсыпался передъ герцогомъ въ любезностяхъ и въ изъявленіяхъ ненависти къ Вѣнѣ; затѣмъ передалъ его предложеніе въ Лондонъ и Парижъ. Тогда же онъ уклонился отъ перваго требованія державъ. Но потомъ король вдругъ словно одумался. Онъ присталъ ко второму требованію и совѣтовалъ Николаю, хотя, конечно, дружески, уступить. Мантейфель писалъ даже Нессельроде, что «на царя падетъ отвѣтственность за войну», а въ Вѣнѣ выражалъ свое «удовольствіе по тому поводу, что Австрія такъ горячо берется за нѣмецкіе интересы на Дунаѣ». Въ прусской палатѣ онъ потребовалъ 30.000,000 талеровъ на чрезвычайные расходы и заявилъ, что король рѣшился «честно пойти на помощь ко всякому члену Нѣмецкаго Союза, которому пришлось бы раньше Пруссіи обнажить мечъ за нѣмецкіе интересы, въ силу его географическаго положенія». А военный министръ, Бонинъ, сказалъ въ парламентской комиссіи, по поводу союза съ Россіей: «есть вещи, которыя недозволительно даже предвидѣть; Солонъ аѳинскій не допускалъ, чтобы можно было предвидѣть отцеубійство».

Фридрихъ-Вильгельмъ съ негодованіемъ отвергъ эти слова, а самъ не переставалъ твердить съ тѣхъ поръ о Дунаѣ, какъ о «нѣмецкомъ интересѣ». Заявленіе въ этомъ смыслѣ было послано фюрстамъ, заодно съ Австріей; князь Гогенцоллернъ и полковникъ Мантейфель поскакали въ Парижъ и Вѣну, а Бунзенъ открылъ переговоры въ Лондонѣ. Миссія Мантейфеля вызвала присылку въ Берлинъ изъ Вѣны генерала Гесса, который, къ своему изумленію, столкнулся тамъ съ герцогомъ Мекленбургскимъ, но вскорѣ увидѣлъ, что это—неопасный соперникъ. На его глазахъ Пруссія присоединилась къ грозной нотѣ трехъ державъ греческому королю, который затѣвалъ демонстрацію въ пользу Россіи. А 9-го апрѣля она подписала съ ними протоколъ, который былъ «новымъ подтвержденіемъ единенія между четырьмя правительствами на почвѣ началъ, установленныхъ протоколами 5-го декабря и 13-го января»: державы изъявили готовность «обсуждать и принимать мѣры для достиженія цѣли ихъ соглашенія» и безъ того «не входить ни въ какія сдѣлки ни съ Россіей, ни съ иною державой, противныя указаннымъ началамъ».

Мало того. Когда Гессъ пригрозилъ союзомъ Австріи съ Франціей, а Наполеонъ замѣтилъ князю Гогенцоллерну, что Германія нуждается въ «великихъ реформахъ», Пруссіи же не мѣшало бы «округлить свой станъ», совершилось дипломатическое чудо. 20-го апрѣля Пруссія заключила союзъ съ Австріей «на все время войны»; цѣлью его служило «взаимное обезпеченіе ихъ даже не-нѣмецкихъ владѣній отъ нападенія со всякой стороны», а также защита «правъ и интересовъ Германіи», къ которымъ, по тайной статьѣ, причислялось «занятіе русскими княжествъ» и даже ихъ переходъ за Балканы. Новые друзья обязывались пригласить и Германію къ своему союзу. Наполеонъ былъ въ правѣ возвѣстить въ законодательномъ корпусѣ, что идетъ въ Константинополь не только съ Англіей, но «и съ Германіей».

Дѣло Россіи погибало на берегахъ Шпре. Напрасно изъ Петербурга понуждали герцога Мекленбургскаго зорко слѣдить за Гессомъ и нажимать на короля. Фридрихъ-Вильгельмъ только извинялся двусмысленно въ оффиціальной печати да увѣрялъ, что идетъ въ ногу съ Австріей лишь съ цѣлью сдерживать ее. Объ успѣхѣ Гесса въ Петербургѣ узнали случайно, изъ личнаго признанія короля герцогу Мекленбургскому. Баронъ Мантейфель уже прямо говорилъ о войнѣ съ Россіей и называлъ своего повелителя «романтикомъ». Генералы бряцали саблями, разсуждая о «быстромъ натискѣ на Варшаву». За насъ оставался одинъ Герлахъ, котораго слегка поддерживали фельдмаршалъ Дона да Нибуръ.

Какъ вдругъ въ Потсдамѣ совершилось атмосферическое явленіе, которое называлось тогда у дипломатовъ отклоненіемъ на Востокъ. Ополчились руссофилы. Ротанъ говоритъ: «Будбергъ былъ неукротимъ. Онъ гнушался искусствомъ убѣждать и прибѣгалъ къ устрашенію впечатлительнаго короля. Онъ называлъ басурманомъ всякаго, кто не выказывалъ приверженности къ св. Руси. Его сарказмы противъ двора, когда тотъ слишкомъ явно склонялся къ союзникамъ, бывали иногда убійственны: онъ зналъ вліяніе словъ на умъ монарха». Въ особенности доставалось отъ него, при неудачахъ, президенту совѣта: «не забывайте услугъ, оказанныхъ вамъ императоромъ въ 1848 году; смотрите, не оскорбите его», твердилъ онъ ему. А тутъ Бунзенъ оказалъ медвѣжью услугу своимъ друзьямъ. Онъ увѣрилъ англичанъ, что нужно только насѣдать на Мантейфеля, и даже далъ ноту Кларендону о готовности его короля вступить въ коалицію. Самому же королю онъ горячо изложилъ, въ особой запискѣ, весь вредъ уклончивости. Здѣсь припоминались всѣ униженія, которыя испытала Германія отъ Россіи, и предлагалась новая карта Европы: Россія теряетъ Финляндію, Крымъ и Польшу, которая возстановляется вполнѣ, Австрія освобождаетъ Ломбардію въ обмѣнъ на Дунайскія княжества, а Пруссія господствуетъ въ Германіи, увеличенная Саксоніей и Моравіей. Бунзенъ

доказывалъ, что дѣло идетъ объ освобожденіи цивилизаціи отъ ига русскаго варварства, о возвращеніи царя къ роли азіатскаго князька или московскаго князя.

Фридрихъ-Вильгельмъ прежде всего испугался такой, чуть не революціонной, рѣчи. Онъ былъ оскорбленъ въ своихъ родственныхъ чувствахъ, а также какъ авторъ уклончивой системы. Его возмутила предлагаемая роль заговорщика. Какъ ни больно было его сердцу, онъ назвалъ своего друга «сумасшедшимъ и непокорнымъ» и велѣлъ взять его ноту назадъ. Мало того. Онъ послалъ Грёбена съ рѣзкимъ письмомъ къ Викторіи. Новый наперсникъ былъ настоящее потсдамское созданіе—грубый, невѣжественный, не умѣвшій говорить, но рѣшительный генералъ. Принцъ Альбертъ такъ обрисовалъ его: «Это не чародѣй и не дипломатъ. Онъ въ глаза не видалъ ни одной оффиціальной бумаги о Восточномъ вопросѣ. Ему приказали собраться въ шестичасовой срокъ. Таковъ человѣкъ, котораго прислали убѣдить Англію, что намѣренія Николая чисты и что мы не должны воевать съ этимъ государемъ. Можете вообразить, каковы были отвѣты». Посланному соотвѣтствовало посланіе къ Викторіи. Выбранивши Бунзена, король откровенничалъ: «Пора дипломатовъ миновала: теперь короли должны сами вести свои дѣла. Люблю Джона Буля, обожаю королеву; но предпочитаю имъ законъ Божій, начертанный въ моей совѣсти. Я рѣшилъ соблюдать полный нейтралитетъ и прибавлю съ гордостью, что мой народъ раздѣляетъ мое мнѣніе»... «Что намъ за дѣло до турка», говоритъ онъ: «стоитъ ли онъ или валится, намъ-то что? Вѣдь турокъ страдаетъ, а не мы. А, вотъ, императоръ Николай—достойный джентльменъ, не сдѣлавшій намъ зла».

Викторія прочитала своему «брату» также откровенную нотацію. Она писала между прочимъ: «Вы просите построить золотой мостъ для императорской чести. Но, вотъ, уже девять мѣсяцевъ, какъ все творчество дипломатіи, вся наша добрая воля всякими мѣрами строятъ этотъ мостъ. Проекты нотъ, конвенціи, протоколы и проч. и проч. выходили сотнями изъ канцелярій: изъ ихъ чернилъ можно бы составить второе Черное море. Но всѣ эти попытки разбились объ упрямство вашего императорскаго зятька. Вы говорите языкомъ, достойнымъ ганноверскаго или саксонскаго короля, а не государя одной изъ пяти великихъ державъ, которыя, съ мира 1815 года, были поруками за договоры, стражами цивилизаціи, опорами права и будущими судьями націй. Такъ я, съ своей стороны, поняла довлѣющій имъ священный долгъ, вполнѣ сознавая также важныя и опасныя обязанности, сопряженныя съ нимъ. Отказываясь отъ этихъ обязанностей, вы низводите Пруссію съ мѣста, которое она занимала до сихъ поръ. И если бы вашъ примѣръ нашелъ подражателей, европейская цивилизація стала бы игралищемъ вѣтровъ, право лишилось бы своихъ поборниковъ, а угнетенные—своихъ судей, къ которымъ они могли бы взывать о справедли-

вости». Тогда же Россель объявилъ въ парламентѣ, что Пруссія потеряла значеніе великой «европейской» державы, увлекшись своими «нѣмецкими» интересами.

Но натаціи уже не дѣйствовали. По словамъ Ротана, «превращеніе во Фридрихѣ-Вильгельмѣ было столь же внезапно, какъ и рѣшительно. Всѣ приверженцы западнаго союза впали въ немилость. Пурталесу (онъ служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ) воспретили заниматься дѣлами Востока. Когда Мантейфель, чтобъ воздѣйствовать противъ русскаго вліянія, пришелъ, по обыкновенію, съ отставкой, онъ получилъ отвѣтъ, отъ котораго обомлѣлъ и остался, какъ прикованный къ мѣсту.

— Ну, мой милый, теперь постъ: не нужно маскарадовъ!—сказалъ ему король...

Свѣдущія лица утверждаютъ, что этотъ крутой поворотъ въ королѣ былъ дѣломъ придворной клики, что Герлахъ, Дона и Нибуръ во время воспользовались угрозами царя, чтобы произвести давленіе на его величество и заставить его прервать переговоры, веденные его чрезвычайными посланниками въ Парижѣ и Лондонѣ. Императора Николая подробно извѣщали обо всемъ, что̀ происходило въ Берлинѣ, Парижѣ и Лондонѣ: онъ зналъ, что уже начались приготовленія къ мобилизаціи. Изъ разсчета ли или по страсти, но онъ далъ полную волю своему гнѣву. Онъ не скупился на оскорбительныя для своего шурина выраженія; онъ переименовалъ полки, носившіе имена принцевъ королевской фамиліи, и запретилъ своимъ офицерамъ носить прусскіе ордена. Этого было слишкомъ достаточно, чтобы сбить съ толку короля и принудить его къ отступленію. Наконецъ, Пурталесъ, Гольцъ, Узедомъ были уволены. Бунзенъ подалъ въ отставку: онъ жаловался потомъ, что враги оклеветали его при дворѣ, что они посылали въ Лондонъ сыщиковъ слѣдить за нимъ и перетолковывать его поступки и слова. Кризисъ принялъ острый характеръ. Казалось, русская политика окончательно восторжествовала. Она только-что нанесла рѣшительный ударъ противникамъ: былъ уволенъ Бонинъ. Король пригласилъ генерала на обѣдъ. Прежде, чѣмъ сѣсть за столъ, онъ отвелъ его въ сторону и заявилъ, со слезами на глазахъ, что какъ онъ ни доволенъ его службой, онъ не можетъ держать его долѣе, такъ какъ слишкомъ расходится съ нимъ въ политикѣ. Затѣмъ онъ обнялъ его и посадилъ за столъ напротивъ себя, среди его враговъ. Генералъ былъ тѣмъ болѣе смущенъ, что наканунѣ онъ работалъ съ королемъ, который одобрялъ все, не давая ничего замѣтить.

Король ушелъ въ свою «скорлупу», на днѣ которой покоился мистицизмъ. Онъ снова увлекся безобидными христіанскими мечтами. Ранке представилъ ему чрезъ Мантейфеля записку [1]), которая тре-

[1]) Она была напечатана самимъ Ранке въ «Historische Zeitschrift» Зибеля за 1865 годъ.

бовала, чтобы державы обезпечили райѣ болѣе серьезныя реформы, чѣмъ религіозная (греческое духовенство даже вредитъ славянамъ) и судебная, предложенная Англіей. Историкъ требовалъ истиннаго уравненія ея правъ съ мусульманами, особенно правъ земельной собственности и ношенія оружія. Это мнѣніе было близко къ основной идеѣ короля, и онъ переслалъ его царю, который также остался доволенъ имъ. Но оно осталось подъ сукномъ.

Новая политика рѣзко отразилась на сношеніяхъ съ морскими державами. Кларендонъ прислалъ Мантейфелю такую, чисто-англійскую по безцеремонности, ноту, что она не была принята. Король пожаловался въ Лондонѣ на британскую дипломатію. Принцъ Альбертъ отвѣчалъ ему истиннымъ выговоромъ. «Враждебность этихъ дипломатовъ, писалъ онъ, раздѣляютъ Англія, Франція и даже часть нѣмецкой націи». Онъ припомнилъ ему всѣ его колебанія, приведшія къ доброжелательному нейтралитету, который въ сущности есть враждебный Западу поступокъ. Онъ доказывалъ, что проклятія всего міра будутъ тяготѣть надъ Берлиномъ за новыя жестокія страданія и лишенія народовъ.

Французы злились вѣжливѣе, да и съ ними поступали мягче. Мантейфель жаловался Мутье, что ничего не подѣлаешь съ расходившимся королемъ. Мутье доносилъ въ Парижъ: «Министръ пустилъ корабль на произволъ вѣтра: онъ только слѣдитъ за движеніями своего господина, выжидая минуту, когда тотъ угомонится и будетъ готовъ возвратить ему кормило. Правда, онъ могъ бы подать въ отставку: онъ и дѣлалъ это не разъ. Но въ концѣ концовъ онъ цѣпляется за власть, а король за него. Онъ совсѣмъ хотѣлъ уйти, когда король отвергъ конвенцію. Но его повелитель сдѣлалъ ему самую живую сцену, какъ бездѣльнику и предателю, который хочетъ покинуть его въ опасности,—и Мантейфель остался».

Не довѣряя безнадежному взгляду Мантейфеля, Мутье испросилъ аудіенцію у Фридриха-Вильгельма. Произошла международная бесѣда, которая дорисовываетъ личность прусскаго вѣнценосца.

Король. Я не желаю отдѣляться отъ Франціи и Англіи, но, поймите, у меня не тѣ интересы, что у васъ и у Австріи. Да у меня и роль-то своя—держать себя про запасъ, чтобы позже возвысить голосъ въ пользу мира. Кто бы его возвысилъ, если бы всѣ воевали? Пусть Пруссія остается какъ бы твердью среди наводненія, чтобы зеленыя вѣтви мира могли пустить свѣжіе побѣги.

Мутье. Но увѣрены ли вы, ваше в—во, что на этомъ островѣ, гдѣ въ вашемъ воображеніи цвѣтутъ оливковыя деревья, не взойдутъ скорѣе сѣмена раздора и войны?..

Король (прерывая). Я написалъ въ Петербургъ, написалъ, можно сказать, моею кровью, умоляя императора уступить разсудку. Если не уступитъ, объявлю ему, что покидаю его, что ничто не можетъ оправдать его въ моихъ глазахъ. А покуда—какая пре-

лесть, это освобожденіе христіанъ на Востокѣ! Вѣдь, это — конецъ и погибель этимъ негоднымъ (misérables) туркамъ. Я не въ силахъ выразить вамъ, какъ ненавижу ихъ, какъ хотѣлъ бы видѣть ихъ за предѣлами Европы! Не срамъ ли для всѣхъ насъ, что они еще сидятъ здѣсь?

Мутье. Наша цѣль—не убивать, а оживлять турецкую имперію. И христіанская ревность вовсе не препятствуетъ мнѣ предпочитать честность турокъ вѣроломству грековъ...

Король (снова прерывая). Какъ же вы хотите, чтобы я говорилъ о мирѣ и чтобы меня слушали, когда я разорву всѣ связи съ шуриномъ? Подумайте. Здѣсь мы всѣ—солдаты: у насъ сильно развито чувство чести. Дозволитъ ли прусская честь порвать узы родства, сорокалѣтнія узы? Заговорю я о мирѣ, а мнѣ скажутъ: вотъ ужъ сорокъ лѣтъ, какъ вы—мои друзья, и вдругъ я вижу васъ среди моихъ враговъ! Впрочемъ, не уступитъ императоръ Николай—пойду противъ него; но, съ другой стороны, если вы не пойдете на мировую, при разумныхъ условіяхъ, какъ я понимаю ихъ,—стану противъ васъ. Я не хочу сказать, что объявлю войну: никогда, никогда не стану воевать съ вами! Но спрячусь въ мою скорлупу и не шевельнусь; и ничего не получатъ отъ меня... Да смотрите, не очень-то полагайтесь на Кронштадтъ и Севастополь: это—неприступныя мѣста. Ради Бога, нагряньте гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Представьте себѣ зрѣлище судовъ, возвращающихся въ Брестъ и Тулонъ со сбитыми мачтами: какое гибельное впечатлѣніе произвело бы оно во Франціи, гдѣ для насъ такъ необходимо сохраненіе популярности императора! Передайте ему, что онъ никогда не пойметъ всей искренности моихъ чувствъ къ нему...

Мутье. Императоръ вполнѣ увѣренъ въ нихъ...

Король. Ахъ, это такъ пріятно слышать! А, вотъ, есть проклятая «Крестовая Газета», которую я ненавижу: она, ужъ не знаю почему, задалась цѣлью нападать на личность императора. Я все свирѣпствую противъ нея, задерживаю ея нумера, даже пріостанавливаю ее. Это этотъ болванъ (ce fou) Герлахъ, братъ моего адъютанта, компрометируетъ меня.

Мутье прибавляетъ: «Король, правда, задерживалъ нумера и даже пріостанавливалъ «Крестовую Газету». Но неисправимый журналъ, въ которомъ порой онъ самъ сотрудничалъ тайкомъ, на другой день начиналъ свое, какъ ни въ чемъ не бывало: онъ зналъ, что льститъ сокровеннымъ, заматерѣлымъ пристрастіямъ монарха. Какъ ни тяжело признаться въ этомъ, но меня не покидаетъ мысль, что Фридрихъ-Вильгельмъ—одинъ изъ наименѣе любящихъ Францію государей Европы».

Но французовъ хоть старался успокоить не одинъ Мантейфель. Въ ихъ легацію заходилъ, съ оправданіями короля, самъ вдохновитель «Крестовой Газеты», Бисмаркъ. Мутье такъ характеризо-

валъ его настроеніе въ тѣ минуты: «Мнѣнія о чувствахъ Бисмарка раздѣляются, быть можетъ, оттого, что онъ еще не рѣшилъ. Его обвиняютъ въ руссофильствѣ больше, чѣмъ онъ того заслуживаетъ: это, конечно, въ силу его связей съ «крестовиками» и роли, которую онъ игралъ въ началѣ восточныхъ замѣшательствъ. Я не нашелъ въ немъ ни малѣйшаго сочувствія къ Россіи. Напротивъ. Онъ выражался довольно сильно объ обстановкѣ короля: по его словамъ, подлѣ его величества есть лица, которыя считаютъ своимъ государемъ скорѣе императора Николая, чѣмъ прусскаго короля, и иногда доходятъ въ этомъ пристрастіи до измѣны. Словомъ «измѣна» не намекалъ ли онъ на тайныя бумаги, недавно выданныя русскому двору?» Бисмаркъ доказывалъ Мутье, что, не имѣя почти никакихъ интересовъ въ Восточномъ вопросѣ, Пруссія должна вмѣшиваться въ него крайне благоразумно, должна воздерживаться отъ всякаго дѣятельнаго участія. Упрекнувъ морскія державы за вступленіе въ Черное море безъ вѣдома Пруссіи и Австріи, онъ воскликнулъ: «Зная, что Францію не оскорбитъ расширеніе Пруссіи, я первый посовѣтовалъ бы своей странѣ политику расширенія, еслибы у меня былъ другой государь. Но нашъ сдѣлаетъ, какъ въ 1849 году: упуститъ все, что ни положатъ ему въ руки. Да, объ этомъ нечего и думать. И именно потому, что намъ тутъ нечего пріобрѣсти, мы не должны и вмѣшиваться сюда».

Отклоненіе на Востокъ обнаружилось тогда и въ «фатерландѣ». Согласно съ договоромъ 20-го апрѣля, послѣдовало приглашеніе Германіи пристать къ союзу великихъ нѣмецкихъ державъ. Надѣясь съ бо́льшимъ удобствомъ обдѣлать дѣльце тайкомъ, кабинетнымъ образомъ, обратились къ главнымъ фюрстамъ, обходя сеймъ. Тутъ-то суетливый Бейстъ вообразилъ, что пришла пора развернуть ему свой геній, разыграть роль вождя Европы, а главное—написать много безконечныхъ, кудрявыхъ и тонкихъ до дырявости депешъ, нотъ, записокъ, мнѣній и промеморій. Онъ, а за нимъ другіе «педанты» крупныхъ фюрстовъ, какъ называлъ Румянцевъ министровъ «сценокъ», порѣшили, что Германія, безъ капли крови и безъ гроша издержекъ, предпишетъ законы воюющимъ. Давнишній кандидатъ въ великіе люди, но непризнанный геній политики на Западѣ, надѣялся выдвинуться съ помощью Востока, который представлялся его чрезмѣрной дальнозоркости самою крупною величиной въ свѣтѣ и оплотомъ порядка. Бейстъ, въ своихъ запискахъ (I, 197) даже сваливаетъ на Нессельроде вину въ отверженіи «вѣнской ноты». Онъ говоритъ: «Не должно забывать, особенно австрійцамъ, что Николай былъ рѣшительнымъ противникомъ всякихъ панславистскихъ стремленій: онъ понималъ (чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать объ его преемникѣ), что самодержавному государству наименѣе прилично потворствовать революціоннымъ проискамъ въ чужихъ земляхъ, рискуя посѣять подобныя же сѣмена въ собственной странѣ».

Петербургъ и прямо воздѣйствовалъ на Дрезденъ, пользуясь родствомъ между царицей и королевами Пруссіи и Саксоніи, а также преданностью своего стараго свояка, короля вюртембергскаго. А за Саксонію цѣплялась Баварія, которая опасалась преобладанія морскихъ державъ также изъ-за трогательныхъ чувствъ: братъ ея короля занималъ греческій престолъ. Къ этимъ тремъ козырямъ «фатерланда» присоединились простыя карты—Ганноверъ, Баденъ, оба Гессена и Нассау. Эти мечтали только объ утвержденіи своей независимости, особенно противъ сильной Австріи, ничѣмъ не рискуя: Россія увѣряла ихъ въ своемъ миролюбіи; а что она совѣтовала Пруссіи воспользоваться всеобщею смутой, чтобы захватить ихъ всѣхъ въ свои руки, — это имъ было неизвѣстно.

Такъ образовалась, въ маѣ 1854 года, знаменитая въ своемъ родѣ конференція въ Бамбергѣ изъ министровъ главныхъ фюрстовъ. Эта гора произвела на свѣтъ еще болѣе знаменитое дѣтище—«бамбергскую ноту», сочиненную, конечно, Бейстомъ. Здѣсь выражено благоволеніе фюрстовъ къ Пруссіи и Австріи за ихъ единодушіе въ защитѣ независимости фатерланда противъ «всякаго покушенія»; но прибавлено, что Германія желаетъ, наравнѣ съ ними, участвовать въ мирныхъ переговорахъ и ультиматумахъ. Она намѣрена этимъ путемъ обезпечить нѣмцамъ «полную свободу мореплаванія и торговли на водахъ, ведущихъ къ Черному морю», а также оградить ихъ «религіозно-національныя симпатіи», подъ которыми разумѣлось «нерушимое существованіе греческаго королевства». Въ заключеніе заявлено «горячее желаніе избѣжать участія во вспыхнувшей войнѣ и стараться о возстановленіи всеобщаго мира» путемъ совмѣстнаго посредничества со стороны Германіи, Пруссіи и Австріи. Фицтумъ называетъ бамбергскую ноту «роковымъ» событіемъ: оно «подсѣкло Австрію въ исполненіи ея европейской задачи»; оно «представляло міру зрѣлище разорванности Германіи и немощи устарѣлаго Союза»; отсюда вытекли «усложненія, которыми искусно воспользовалась Пруссія, чтобы взорвать Союзъ и пріобрѣсти господство въ Германіи».

Когда Австрія и Пруссія перенесли дѣло въ сеймъ, «бамбергцы» (такъ называли друзей «крестовиковъ» внѣ Пруссіи) провалили его и здѣсь, среди безконечныхъ пререканій, напоминавшихъ споры торговокъ. Во Франкфуртѣ имъ помогалъ Бисмаркъ. Его возмутилъ договоръ 20-го апрѣля, о которомъ онъ и не подозрѣвалъ. Онъ утѣшался только тѣмъ, что этотъ актъ, снабженный лазейками, чтобъ ускользнуть отъ обязательствъ, все-таки «надѣвалъ узду» на ненавистнаго австріяка. Онъ писалъ Мантейфелю: «Съ какой стати мы даромъ станемъ исполнять полицейскую службу у Австріи? Чѣмъ Австрія заслужила это? Мы должны всячески уклоняться отъ войны съ Россіей: первый пушечный выстрѣлъ Пруссіи противъ Россіи отдастъ насъ на произволъ случайностей, которыя воз-

никнуть изъ соглашенія между Парижемъ и Петербургомъ. Пусть Австрія раздѣлывается сама; и если она зайдетъ далеко, тутъ-то и предписать ей условія. Боюсь только великодушныхъ чувствъ нашего государя къ союзнику, который всегда такъ мало отвѣчалъ имъ».

Русско-прусская дипломатія торжествовала въ Германіи. Бейстъ былъ принятъ въ Берлинѣ желаннымъ гостемъ; поведеніе бамбергцевъ вызвало бурю негодованія на всемъ Западѣ. Во Франціи утѣшались хоть тѣмъ, что Германія оказалась безопаснымъ ничтожествомъ; въ Англіи же выходили изъ себя. Принцъ Альбертъ долго доказывалъ Фицтуму, какъ ослѣплены фюрсты, не хотѣвшіе понять, что Россія добивается раздробленія Германіи въ свою пользу. «Они, — сказалъ онъ, — разорвали съ національнымъ сознаніемъ и ищутъ опоры въ Россіи для такъ-называемаго монархизма, т. е. для сохраненія своей державности по одному имени. Изъ страха передъ ихъ упраздненіемъ и передъ революціей нѣмецкія правительства не могутъ понять въ чемъ дѣло. Симпатіи народовъ за насъ, за Англію и Францію, симпатіи дворовъ—за Россію. Въ Берлинѣ и Дрезденѣ, въ Мюнхенѣ и Штутгартѣ, въ Дармштадтѣ и Шверинѣ дворы желаютъ намъ пораженій и готовы ликовать при всякой побѣдѣ русскаго оружія... Дѣло идетъ не о христіанахъ и магометанахъ, не о сохраненіи этого жалкаго турецкаго господства, а о примѣрѣ европейской экзекуціи. Всѣ державы объявили, что Россія насильственно нарушила миръ; теперь нужно силой убѣдить Россію, что отнынѣ этого не потерпятъ въ Европѣ... Я знаю, какъ дѣло было въ Бамбергѣ. Добрякъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV—лицемѣръ: ему не хочется испортить отношеній ни къ намъ, ни къ русскимъ. Но королева знать не хочетъ лицемѣрія: она приняла рѣшеніе, и приняла страстно. Извѣстно, какъ она выражается о союзѣ 20-го апрѣля. Нужно было выиграть время и оставить Пруссіи лазейку, чтобъ отказаться отъ союза. Команда пришла изъ Петербурга—и прусская королева тотчасъ препроводила ее въ Дрезденъ, къ своей сестрѣ. Вотъ, и выдвинули Бамбергъ — и выходъ, повидимому, былъ найденъ. Между тѣмъ, австрійцы были готовы вторгнуться въ Валахію, и случись это—мы тотчасъ же напали бы на осиное гнѣздо въ Севастополѣ... Но австрійцы не могли вступить въ Княжества, пока не были обезпечены со стороны Пруссіи и Нѣмецкаго Союза. Пойми Германія свой интересъ — и война окончилась бы въ нынѣшнемъ году, а теперь она протянется три года, а пожалуй, и десять лѣтъ. Какъ наивны въ Бамбергѣ! Они хотятъ, чтобы Англія и Франція однѣ выдержали борьбу, а плодъ побѣды, свободу Дуная, предоставили бы нѣмцамъ».

Кларендонъ послалъ даже Бейсту рѣзкую депешу, гдѣ дѣло бамбергцевъ названо «плохо обдуманнымъ вмѣшательствомъ» и «принесеніемъ интересовъ Германіи въ жертву русскимъ интри-

гамъ». Бейстъ обрадовался случаю излить свое краснорѣчіе. «Не притязая на роль адвоката Россіи», онъ однако такъ отвѣчалъ лорду: «Эту державу обвиняютъ въ томъ, что она вѣчно посѣвала раздоры въ Германіи и устрашала ея правительства призракомъ революціи. Я затрудняюсь признать первое изъ этихъ обвиненій вполнѣ справедливымъ, въ виду тѣхъ годовъ, когда внутренняя смута угрожала единству и миру Германіи, а петербургскій кабинетъ всячески старался уладить споры между двумя великими нѣмецкими державами. Что касается революціи, никто лучше меня не можетъ судить объ ея значеніи... Но я не могу вполнѣ согласиться съ тѣмъ, что революція обезоружена популярною политикой великихъ кабинетовъ. По словамъ Кларендона выходитъ, что Россія, послѣ устрашенія революціей, взялась покровительствовать ей, даже устраивать ее: ея агенты уже снуютъ-де по Греціи и Венгріи для возбужденія смутъ. Не знаю, чтò происходитъ въ этихъ странахъ; но могу удостовѣрить, что въ Германіи революціонные дѣятели являлись не изъ Россіи, и паспорты у нихъ были не русскіе. Да иначе какъ бы могло случиться, что тѣ, кому выгодна революція и кто работаетъ на нее цѣлые годы, неумолкаемо проповѣдуютъ войну съ Россіей?..» Князь Горчаковъ былъ въ восторгѣ отъ этого «шедёвра тонкой ироніи». Другой пріятель, Бисмаркъ, замѣтилъ: «депеша Бейста хороша, и была бы еще лучше, если бы Саксонія была посильнѣе».

Съ тѣхъ поръ во Франкфуртѣ такъ же, какъ въ Берлинѣ, безслѣдно погибали всѣ усилія Буоля вовлечь нѣмцевъ въ войну съ Россіей или хоть только мобилизовать свои войска для острастки царя. А, между тѣмъ, русскія войска собирались у границъ Австріи. Потерявши надежду на содѣйствіе нѣмцевъ, Боуль поспѣшилъ примкнуть къ морскимъ державамъ: въ іюнѣ онъ, во имя «нѣмецкихъ интересовъ», отправилъ въ Петербургъ ноту объ очищеніи княжествъ, присоединивъ къ ней списокъ протокола 9-го апрѣля, и заключилъ договоръ съ Портой, по которому Австрія обязывалась употребить даже военныя мѣры для освобожденія княжествъ отъ присутствія русскихъ.

Тутъ «отклоненіе на Востокъ» дошло до крайняго предѣла: Фридрихъ-Вильгельмъ разгнѣвался на Буоля и заявилъ Будбергу, что не отступитъ отъ «взаимности» съ Россіей, а договоръ 20 апрѣля считаетъ уничтоженнымъ. Негодованіе Запада также достигло послѣдней степени, особенно въ Англіи. Принцъ Альбертъ писалъ кронпринцу: «Раздраженіе во Франціи и Англіи крайнее; считаютъ поведеніе Пруссіи единственнымъ препятствіемъ къ быстрому окончанію войны. Во Франціи поднятъ вопросъ о возстановленіи Польши, и онъ находитъ откликъ въ Англіи: булонская армія думаетъ, что въ будущемъ году пойдетъ на Пруссію».

Но въ Потсдамѣ уже подготовлялась новая перемѣна декорацій.

VI.

«Отклоненіе» на Западъ.

Обстоятельства выдвигали, насчетъ «чувствъ чести», другое свойство Гогенцоллерна, практическій разсчетъ — и «отклоненіе на Востокъ» снова смѣнилось «отклоненіемъ на Западъ», хотя, конечно, съ соблюденіемъ основной идеи — не переходить за меридіанъ дешеваго и спасительнаго нейтралитета. Общественное мнѣніе, возбуждаемое либералами, волновалось. «Пора покончить съ этимъ! — горячилась «Національная Газета». По всей странѣ раздается этотъ крикъ противъ проклятой партіи, которая хвастается монополіей истины, а сама ни во что не вѣритъ, кромѣ своей негодной системы, — партіи, которая величаетъ себя патріоткой и простираетъ руки къ иноземцамъ». Даже въ прусскихъ палатахъ впервые развязались языки. Графъ Гольцъ сказалъ: «Русскій союзъ невозможенъ; Пруссія и Германія заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ могучій и страшный сосѣдъ не усиливался. Исторія указываетъ намъ, какія были бы послѣдствія этого. Уже два раза Россія превращала Пруссію въ своего вассала. Въ Тильзитѣ она расширилась на ея счетъ. Своею покровительственною системой, своими обременительными таможнями и преградами плаванію по Вислѣ она страшно вредитъ нашей торговлѣ. Нельзя забыть непріязненности, съ которой она боролась противъ нашей политики въ 1850 году и противъ національнаго движенія въ эльбскихъ герцогствахъ. Помимо исторіи, какъ не принимать въ разсчетъ отвращенія, основаннаго на религіозной нетерпимости и на деспотическомъ строѣ ея правленія!» Вѣрный другъ Англіи, кронпринцъ, задѣтый за живое отставкой своего пріятеля, Бонина, письменно жаловался державному брату на преслѣдованіе его друзей, рѣзко осуждалъ всю его политику и не безъ шума внезапно уѣхалъ изъ Берлина въ Баденъ-Баденъ. Фридрихъ-Вильгельмъ послалъ, по этому поводу, объясненіе Викторіи. Но та отвѣчала: «Если такія лица, и въ томъ числѣ любящій братъ, во всѣхъ отношеніяхъ благородный, рыцарственный принцъ, ближайшій къ престолу человѣкъ, принуждены были отвернуться отъ васъ въ такомъ важномъ переломѣ, то это признакъ, который долженъ бы заставить ваше величество подумать, нѣтъ ли правды въ ихъ мнѣніяхъ» [1]).

Все это привело къ тому, что вскорѣ Мутье уже доносилъ въ Парижъ: «Русская партія, насытивши свою личную ненависть, не смѣетъ или не можетъ взять власть въ свои руки. Ея непопулярность усилилась въ этомъ кризисѣ, а наша не только уменьшилась, но обѣщаетъ смѣниться сочувствіемъ». А Буоль говорилъ:

---

[1]) Simon: «L'empereur Guillaume et son règne». 2 éd. 1886, p. 45.

«Въ Берлинѣ не знаютъ хорошенько, ни чего хотятъ, ни что могутъ. Тамъ интриги партій. Въ эту минуту торжествуетъ Герлахъ— и обращаются къ Россіи. Но это не надолго. Мантейфель не раздѣляетъ увлеченій короля. Рано или поздно, но сила вещей возьметъ свое, и Пруссія кончитъ присоединеніемъ къ Австріи. Второстепенныя государства ошибутся, полагаясь на нее». Дѣйствительно Мантейфелю, съ его терпѣніемъ и ловкостью, удалось сначала довести короля хоть до нравственнаго разрыва съ Петербургомъ. Ему помогло и гогенцоллернское сердце: оно разгнѣвалось на стремленіе бамбергцевъ къ независимости, къ уклоненію отъ роли лакеевъ Потсдама. Подстроенное свиданіе съ Францомъ-Іосифомъ въ Тешенѣ нашло готовую почву: императоръ убѣдилъ короля отстраниться отъ фюрстовъ, указавши на ихъ склонность къ Франціи и погрозивши союзомъ покинутой Берлиномъ Австріи съ Наполеономъ.

И вотъ, 23-го мая возникъ новый протоколъ «вчетверомъ». Онъ утверждалъ, что союзные договоры, англо-французскій и австро-прусскій, въ сущности — одно и то же: они были тутъ же приложены. Протоколъ подтверждалъ обязательство 9-го апрѣля и служилъ «новымъ освященіемъ твердаго намѣренія четырехъ державъ согласовать всѣ свои усилія и рѣшенія къ достиженію цѣли, служащей основаніемъ ихъ соединенію»; а этою «постоянною и неизмѣнною цѣлью» были поставлены «цѣлость Порты и очищеніе части ея земли, занятой русскою арміей». Затѣмъ, вопреки своему недовольству іюньскою нотой Буоля, Фридрихъ-Вильгельмъ дружески поддерживалъ ее передъ шуриномъ, позолотивъ пилюлю тѣмъ, что послалъ ее съ своимъ пріятелемъ, полковникомъ Мантейфелемъ, который совѣтовалъ царю соглашаться, но лишь «когда онъ узнаетъ, что морскія державы одушевлены подобными же намѣреніями». Вскорѣ самъ баронъ Мантейфель побывалъ въ Вѣнѣ, якобы для охлажденія пыла Буоля—и Пруссія, заодно съ Австріей, отправила ноту бамбергцамъ, которая ставила имъ цѣлью свободу торговли и плаванія по Дунаю. Будбергъ выходилъ изъ себя: его насѣданія не вели ни къ чему. Король разсыпался въ изъявленіяхъ любви и благоговѣнія къ царю, но увѣрялъ въ прискорбной необходимости идти въ ногу съ Австріей, хотя бы для того, чтобы сдерживать ее, и тутъ же высказывалъ сожалѣніе, что русскіе еще не совсѣмъ ушли изъ княжествъ. Баронъ Мантейфель отвергалъ всякія попытки Будберга вынудить у него какой-нибудь документъ. Онъ твердилъ на словахъ: «вѣдь, вы знаете, что мы не нападемъ на васъ; мнѣ кажется, этого довольно съ васъ». Увѣряя нашего посланника въ своемъ миролюбіи и въ «благодарности» Австріи, Буоль могъ сказать тогда: «положитесь на меня; Пруссія вредитъ вамъ своею перемѣнчивостью, которая лишаетъ ее всякаго довѣрія».

Наконецъ, Пруссія поддержала нравственно и знаменитыя четыре гарантіи, какъ была названа нота Франціи, Англіи и Ав-

стріи отъ 8-го августа. То былъ ультиматумъ, который поворачивалъ Россію на полвѣка назадъ и навсегда ронялъ ея обаяніе среди греко-славянскаго міра, лишая ее всякихъ «протекторатовъ» и ограничивая ее даже на Черномъ морѣ. Фридриху-Вильгельму не легко было справиться съ этимъ важнымъ актомъ, который означалъ разрывъ Священнаго Союза, устоявшаго цѣлыхъ сорокъ лѣтъ предъ всякими треволненіями. Здѣсь снова прекрасно обнаружилась «двойственность чувствъ». Король утѣшалъ себя тѣмъ, что онъ, пожалуй, оказываетъ услугу шурину: его участіе могло смягчить горечь ноты и послужить золотымъ мостомъ къ миру. Онъ умолялъ царя не сомнѣваться въ его дружбѣ, въ его горячемъ желаніи помогать ему; на упреки Будберга, показавшаго ему суровое письмо нашего посланника въ Вѣнѣ, онъ, по обыкновенію, отвѣчалъ, что желалъ «сдержать» Австрію отъ союза съ врагами Россіи. Король лишь послѣ отчаянной борьбы уступилъ Мантейфелю, который, въ свою очередь, увѣрялъ Будберга, что ему сильно досталось отъ Кларендона и за то, что, отказавшись отъ подписи, онъ помѣшалъ нотѣ превратиться въ грозный протоколъ. Нашего посланника увѣряли, что Пруссія не только не станетъ воевать изъ-за гарантій, но и разорветъ договоръ 20-го апрѣля, чуть только Австрія выступитъ противъ Россіи.

Когда, послѣ презрительнаго отказа Николая I, возникъ вопросъ о превращеніи ноты въ договоръ, Фридрихъ-Вильгельмъ не сдавался ни на какія увѣщанія. Онъ твердилъ, что нравственно остается съ тремя державами, но дальше не пойдетъ. «Это — зародыши, которымъ суждено разростись», сказано въ одномъ циркулярѣ его министерства. По словамъ Ротана, королю больше всего хотѣлось отвратить ружейные выстрѣлы между Австріей и Россіей: онъ желалъ, чтобы «полуразрушенный перомъ сѣверный концертъ» не былъ разрѣзанъ мечемъ. Въ его глазахъ главною цѣлью Германіи было очищеніе княжествъ, и онъ былъ убѣжденъ, что Австрія, только для формы поддержанная прусскою арміей, займетъ ихъ безъ выстрѣла и безъ нарушенія своихъ дипломатическихъ сношеній съ Петербургомъ. Онъ особенно стоялъ за сохраненіе добрыхъ отношеній къ вѣнскому двору. «Идти въ ногу съ Австріей—это понѣмецки», говорилъ онъ Мантейфелю. «Да, государь, только не порусски», отвѣчалъ министръ. Но король все-таки сближался съ Вѣной, надѣясь подорвать ея энергію и составить съ ней великую нѣмецкую унію, чтобы уклониться отъ требованій воюющихъ державъ. Королева, сестра эрцгерцогини Софьи, служила горячею истолковательницей его личныхъ чувствъ предъ австрійскимъ дворомъ. Въ Берлинѣ толковали даже о наступательномъ движеніи на Вислу: разсчитывали, что въ одинъ походъ возьмутъ Модлинъ и Варшаву; болѣе храбрые генералы даже брали Петербургъ, съ помощью союзнаго флота и шведской арміи. Руссо-

филы осыпали Мантейфеля упреками; вожди «крестовиковъ», Герлахъ и Дона, приходили въ его кабинетъ браниться. Враги Россіи ликовали, но невольно спрашивали, что дальше?

Мутье доносилъ: «Наше положеніе поправляется, вопреки измѣнчивости короля и усиліямъ Россіи съ дюжиной ея соумышленниковъ. Ожидаемое прибытіе кронпринца—новое обезпеченіе для насъ: онъ не русакъ, скорѣе англоманъ. А такъ какъ Англія съ нами, то и онъ станетъ за насъ уже изъ-за нея; а потомъ, надѣюсь, онъ станетъ за насъ ради насъ самихъ. Нашъ союзъ съ Англіей зажимаетъ ротъ тѣмъ, которые слишкомъ помнятъ 1813-й годъ: онъ очень полезенъ намъ, какъ переходъ». Впрочемъ, наблюдательный французъ ставилъ условіе для своихъ розовыхъ надеждъ: «Пока будетъ Мантейфель, можемъ быть увѣрены, что Пруссія не станетъ за Россію. За это ручается уже общественное мнѣніе, громко заявляемыя чувства массъ, въ особенности же чиновничества. Здѣсь все въ рукахъ у этого чиновничества. Оно создаетъ и ведетъ направленіе. Оно больше всѣхъ другихъ частей націи одушевлено прусскимъ патріотизмомъ: оно не забыло роли, которую сыграла Пруссія въ Ольмюцѣ, благодаря Николаю. Вотъ что такое Мантейфель въ министерствѣ; и это-то обезпечиваетъ намъ его поведеніе».

Въ ту минуту Мутье былъ правъ. Не смотря на жгучее соперничество, Гогенцоллернъ не шевельнулся, когда, въ силу «четырехъ гарантій», Габсбургъ занялъ княжества, какъ только русскіе покинули ихъ «въ стратегическихъ видахъ». Столь важный намекъ на будущее Балканскаго полуострова совершился безъ выстрѣла и протеста, словно награда за великую заслугу передъ Европой: то была самая блестящая минута въ политической жизни Буоля.

Но «въ стратегическихъ видахъ» можно было и вернуться на Дунай. При малѣйшей неудачѣ союзниковъ, судьба Австріи опять становилась на карту, тѣмъ болѣе, что отъ Пруссіи легко было ожидать злорадства и козней вмѣсто исполненія договора 20-го апрѣля. Отсюда страстное желаніе Буоля затянуть Германію въ интересы морскихъ державъ, — и опять пошла возня съ «двойственностью чувствъ», но съ невольнымъ «отклоненіемъ на Западъ». На франкфуртскій сеймъ посыпались, и изъ Вѣны, и изъ Берлина, циркуляры, подымавшіе безконечные и безтолковые споры. Буоль насѣдалъ повелительно до дерзости: онъ доказывалъ, что, принявши договоръ 20-го апрѣля, фюрсты были обязаны оружіемъ защищать Австрію отъ его послѣдствій. Мантейфель, въ длинныхъ, болѣе сдержанныхъ циркулярахъ, требовалъ отъ него объясненій. Буоль презрительно опровергалъ возраженія соперника.

По обыкновенію, ничего не вышло бы, кромѣ пролитія массы чернилъ, если бы не успѣхи союзниковъ въ Крыму осенью 1854 г. Буоль поднялъ носъ, а его журналы заговорили просто револю-

ціонно: нѣмецкій народъ не пойдетъ-де со своими государями, а прусскій ландверъ не двинется за своимъ королемъ. Бахъ говорилъ: «видите, какъ мы были правы, предпочтя западный союзъ союзу съ этой червоточной имперіей». Нѣмцы испугались побѣдителей. Даже короли Баваріи и Вюртемберга, которыхъ посѣтилъ тогда Фридрихъ-Вильгельмъ, склонялись къ Австріи, увлекая за собой самую Саксонію: особенно суетился баварскій министръ, Пфордтенъ, который ѣздилъ въ Берлинъ, а оттуда въ Вѣну. А тутъ Англія серьезно пригрозила блокадой прусскихъ береговъ. И вотъ, Фридрихъ-Вильгельмъ заключаетъ добавочную къ договору 20-го апрѣля конвенцію съ Австріей, обезпечивая и княжества отъ нападенія русскихъ. Затѣмъ онъ извѣщаетъ шурина, что сеймъ хочетъ требовать исполненія «четырехъ гарантій», и потому лучше ужъ царю самому заранѣе уступить. Въ то же время въ Петербургѣ узнали о заключеніи договора 2-го декабря между Австріей и морскими державами: Австрія вступала въ страшный моментъ защиты «четырехъ гарантій» оружіемъ, которое она обѣщалась поднять до истеченія года.

Казалось, на Россію неся гибельный ураганъ. Договоръ 2-го декабря воодушевилъ всѣхъ. Самъ Бейстъ воскликнулъ: «если всѣ бѣгутъ съ Австріей, то и намъ нужно бѣжать съ ней, чтобъ не быть опрокинутыми и раздавленными». Въ Берлинѣ все кричало о немедленномъ принятіи договора 2-го декабря. Мутье говорилъ даже: «Франція предпочла бы видѣть Пруссію въ союзѣ съ Россіей; тогда положеніе уяснилось бы и поле сраженія было бы обозначено».

Но тутъ-то и кончалось временное «отклоненіе на Западъ». Кромѣ страха за свой излюбленный нейтралитетъ, во Фридрихѣ-Вильгельмѣ заговорилъ Гогенцоллернъ: онъ не могъ выносить блеска восходящей звѣзды Габсбурга. Король объявилъ Будбергу на вопросъ о «какомъ-то» роковомъ для Европы 2-мъ декабрѣ: «измѣна Австріи не измѣнитъ положенія Пруссіи; Пруссія не сойдетъ съ занятой ею почвы».

И снова выступилъ гогенцоллернскій майордомъ. Бисмаркъ рвалъ и металъ. Онъ хотѣлъ, чтобы Россія поскорѣе «свела счеты» съ Австріей. Онъ совѣтовалъ грозить направо и налѣво: Россіи намекнуть, что въ Берлинѣ еще не забыли Ольмюца и могутъ сдружиться съ Западомъ, а Западу указать на возможность прусско-русскаго союза. Во Франкфуртѣ онъ собирался предложить «вооруженный» нейтралитетъ и даже мобилизацію, «не какъ слѣдствіе договора 20-го апрѣля», а «для защиты нѣмецкихъ интересовъ, откуда бы имъ ни грозила опасность». Французскій полномочный при сеймѣ спрашивалъ себя: «какъ согласить поведеніе Пруссіи во Франкфуртѣ съ ея переговорами въ Парижѣ насчетъ отдѣльнаго соглашенія съ Франціей на основахъ договора 2-го декабря?»

Бисмаркъ внесъ-таки на сеймъ свое предложеніе—и поднялась буря. Буоль писалъ въ своемъ циркулярѣ фюрстамъ: «Пруссія возвѣщаетъ даже, что предложитъ вооруженіе крѣпостей Нѣмецкаго Союза, словно буря угрожаетъ съ Рейна». Даже въ руссофильскомъ Дрезденѣ находили, что предложеніе Бисмарка—несвоевременный вызовъ. Въ «Монитерѣ» появилась злая статья о томъ, что король «осуждалъ и опровергалъ» своего дерзкаго агента. Мутье потребовалъ объясненій въ Берлинѣ. Мантейфель отвѣчалъ: «Бисмаркъ не уполномоченъ держать такія рѣчи. Я сильно писалъ ему, чтобъ онъ былъ благоразумнѣе въ словахъ и сдержаннѣе въ поступкахъ». Бисмарка даже вызвали въ Потсдамъ для головомойки. Здѣсь Мутье замѣтилъ ему:

— Ваша политика приведетъ васъ къ Іенѣ.

— Почемужъ не къ Лейпцигу? — возразилъ безшабашный юнкеръ съ избитою дипломатической находчивостью.

По словамъ Ротана, когда Бисмаркъ уѣзжалъ, Фридрихъ-Вильгельмъ уже былъ на его сторонѣ: въ немъ былъ разожженъ врожденный гогенцоллернскій инстинктъ. Но какъ только юнкеръ удалялся, король снова впадалъ въ замѣшательство, подчинялся новымъ вліяніямъ. А Мантейфель тогда вздыхалъ свободно. Мутье писалъ: «Предсѣдатель совѣта ободрился: Бисмаркъ возвращается во Франкфуртъ, а полковникъ Мантейфель—къ своему гарнизону. Онъ надѣется, что съ ихъ отъѣздомъ дѣла пойдутъ лучше».

Такъ, ни шатко, ни валко, дотянули въ Берлинѣ до 1855 года, съ началомъ котораго связано открытіе мирныхъ переговоровъ между воюющими сторонами.

А. Трачевскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ М. Д. ФРАНЦЕВОЙ [1].

IV.

Е. Ѳ. Непряхина.—Несчастное семейство.—Миссіонеръ-архимандритъ Макарій.—Татьяна Филипповна.—Построеніе церкви въ селѣ Подрѣзовѣ.—Дешевизна жизни въ Сибири.—Прислуга изъ ссыльныхъ.—Посѣщеніе острога.—Убійца княгини Голицыной Зыковъ.—Ссыльные поляки.—Цѣпные арестанты.—Участіе мое и Н. Д. Фонъ-Визиной въ участи ссыльныхъ поляковъ.—Ночная поѣздка въ острогъ.—Исповѣдь Зыкова.—Его сибирскія похожденія.

ВЪ КРУГЪ нашихъ тобольскихъ друзей, кромѣ декабристовъ, входили и другія прекрасныя личности; не могу не упомянуть о наиболѣе выдающейся изъ нихъ, именно, о нашей хорошей знакомой Екатеринѣ Ѳедоровнѣ Непряхиной, которая была олицетворенная доброта и любовь къ Богу и человѣку. Она жила со старушкой матерью и сестрой въ своемъ собственномъ домѣ на горѣ; отецъ ея когда-то служилъ въ Тобольскѣ инспекторомъ врачебной управы. Послѣ его смерти у нихъ осталось порядочное состояніе.

По своему любящему сердцу она, если могла кому-нибудь помочь, ни въ чемъ не отказывала. Она была ученицей или вѣрнѣе—духовной дочерью извѣстнаго алтайскаго миссіонера-архимандрита Макарія и была даже имъ тайно пострижена въ монахини, по благословенію московскаго митрополита Филарета, лично ее знавшаго. Имѣя на рукахъ престарѣлую, впавшую въ дѣтство, старушку мать и все хозяйство, она не могла, не смотря на свое

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXII, стр. 381.

влеченіе, удалиться отъ людей и идти въ монастырь для служенія Богу, почему по благословенію архимандрита Макарія оставалась монахиней тайною отъ свѣта, носила полумонашескую черную одежду и исправляла, конечно, дома всѣ монашескія келейныя правила, ходила каждый день въ церковь, призрѣвала разныхъ бѣдныхъ дѣвочекъ-сиротъ, учила ихъ и впослѣдствіи отдавала замужъ. Съ ней жила одна ея пріятельница, женщина больная и раздражительная. Екатерина Ѳедоровна, совершенно забывая себя, ухаживала за ней, исполняла всѣ ея капризы и требованія съ удивительнымъ терпѣніемъ, и старалась извинять всѣ ея капризы, скорѣе обвиняя себя въ неумѣніи хорошо ходить за больной. Получивъ хорошее образованіе и отъ природы очень умная, она имѣла много друзей и въ бытность свою въ Москвѣ еще при жизни своего отца, въ Москвѣ, подружилась очень съ Нарышкиными Варварой Михайловной и Маргаритой Михайловной, извѣстной потомъ Бородинской игуменьей, и вела съ ними постоянную переписку. Екатерина Ѳедоровна была также очень дружна съ Натальей Дмитріевной Фонъ-Визиной. Въ ея красивомъ лицѣ выражалось что-то ангельское, доброе и привѣтливое. Какъ-то разъ мнѣ случилось по ея просьбѣ собрать нѣсколько денегъ для одного несчастнаго семейства, лишившагося отца, единственнаго кормильца. Мы поѣхали вмѣстѣ съ ней къ бѣднягамъ, чтобъ передать собранныя вещи и деньги. У воротъ большого, запустѣлаго, необитаемаго дома, насъ встрѣтили только собаки и никто не отвѣтилъ на нашъ стукъ въ запертую калитку; подождавъ немного, мы рѣшились отворить ее сами, вошли на большой, пустынный, поросшій сухой травой дворъ и по чуть-чуть извивающейся тропинкѣ, ведущей къ одному, тоже почти разрушенному, флигелю, наконецъ, добрались до дверей убогаго жилища несчастной семьи. Стояла глубокая осень; мелкій дождь билъ въ лицо, холодный, порывистый вѣтеръ бушевалъ, поднимая и неся сухой листъ по заросшему двору. Когда мы отворили незапертую дверь, намъ представилась поражающая картина нищеты. Небольшая холодная комната съ русской печью, на которой сидѣли и валялись маленькіе ребятишки. Въ углу на лавкѣ, на жесткомъ войлокѣ, прикрытая изорваннымъ одѣяломъ, лежала блѣдная и исхудалая еще молодая женщина; вокругъ нея суетились ея двѣ старшія дѣвочки въ оборванныхъ платьяхъ. Несчастная женщина такъ была истощена болѣзнью и, какъ мы узнали послѣ, голодомъ, что при неожиданномъ нашемъ появленіи не выказала даже сначала никакого удивленія; когда же мы приблизились къ ней, стали ее разспрашивать и раздавать хлѣбъ, яйца и другіе съѣдомые припасы собравшимся вокругъ насъ маленькимъ голоднымъ ея дѣтямъ, а ей самой дали прежде всего проглотить нѣсколько вина, то несчастная зарыдала, хотѣла говорить, но удушающій чахоточный кашель не давалъ ей воз-

можности выговорить слово. Отдохнувъ немного, она, прерываемая безпрестанно сухимъ кашлемъ, умоляла насъ не оставлять несчастныхъ ея сиротъ, не знала какъ насъ благодарить, цѣловала наши руки, называя Екатерину Өедоровну ангеломъ утѣшителемъ. Правда, въ эту минуту она для несчастной страдалицы была точно ангеломъ посланнымъ съ неба. Никогда не забуду того умирающаго, полнаго любви и признательности взгляда больной женщины, какимъ проводила она насъ. На третій день послѣ нашего посѣщенія, несчастная мать отдала Богу душу мирно и покойно, поручивъ своихъ сиротъ доброй Екатеринѣ Өедоровнѣ, которая и устроила ихъ всѣхъ впослѣдствіи по разнымъ заведеніямъ. Екатерина Өедоровна, не смотря на свои уже не молодые лѣта, по совѣту о. Макарія принялась изучать французскій языкъ подъ руководствомъ П. Н. Свистунова, который отлично его зналъ и любилъ преподавать его; въ то же время и я занималась у него, и мы съ Екатериной Өедоровной вмѣстѣ ѣздили къ нему на уроки, разумѣется, не какъ къ учителю, но какъ къ хорошему знакомому. Екатерина Өедоровна часто шутила надъ собой, говоря: «Вотъ какъ Господь смиряетъ меня старуху, поставивъ въ ученицы на ряду съ молодыми!»

Упомянувъ объ отцѣ Макаріи, считаю умѣстнымъ сказать объ этой замѣчательной и рѣдкой личности все то, что имѣла случай объ немъ узнать. Онъ много лѣтъ состоялъ миссіонеромъ въ Алтайскихъ горахъ, гдѣ обратилъ въ христіанство болѣе тысячи иновѣрцевъ-кочевниковъ, которыхъ привелъ къ осѣдлой жизни; они основали нѣсколько деревень, гдѣ о. Макарій учредилъ школы мужскія и женскія. Ему два раза предлагали быть архіереемъ, но онъ, не желая разстаться съ миссіею, которая такъ близка была его сердцу, предпочелъ остаться архимандритомъ-миссіонеромъ. Не имѣя средствъ выстроить храмъ, онъ долженъ былъ довольствоваться походною церковью и несказанно радовался, видя ревность и любовь новообращенныхъ; но скоро онъ подвергся горькому испытанію; какъ только мѣстный откупъ узналъ о существованіи походной церкви, то вздумалъ воспользоваться своимъ правомъ и ввести въ это селеніе продажу вина. До крайности возмущенный этимъ, о. Макарій рѣшился обратиться къ императору Николаю Павловичу, прося избавить отъ соблазна тѣхъ, которыхъ онъ привелъ ко Христу своею проповѣдью. Государь нашелъ письмо о. Макарія дерзкимъ и приказалъ св. Сvноду удалить его въ Соловецкій монастырь. Св. Сvнодъ, высоко цѣня услуги оказанныя церкви о. Макаріемъ, упросилъ государя удовольствоваться въ этомъ случаѣ однимъ строгимъ внушеніемъ. Помимо его подвижнической жизни, онъ предпринялъ огромный трудъ перевода Библіи на русскій языкъ; не ограничиваясь основательнымъ изученіемъ еврейскаго, греческаго и латинскаго языковъ, онъ счелъ

необходимымъ ознакомиться съ существующими переводами, дабы сличить ихъ съ подлинникомъ и убѣдиться въ правильности перевода; для этого пришлось ему изучить нѣмецкій, французскій и англійскій языки, такъ что переводъ его потребовалъ лѣтъ двадцати времени. Окончивъ безъ всякой посторонней помощи этотъ колоссальный трудъ, онъ представилъ его св. Сѵноду, ходатайствуя о разрѣшеніи обнародовать его путемъ печати, на что св. Сѵнодъ не согласился; по случаю этого отказа о. Макарій сказалъ прочувствованную рѣчь, въ которой упрекнулъ св. собраніе въ отступленіи имъ отъ святого долга, высказавъ какую отвѣтственность принимаютъ они предъ Богомъ, лишая свою паству духовной пищи, какой лишена она уже столько вѣковъ. Переводъ свой, по желанію покойнаго московскаго митрополита Филарета, онъ передалъ сему послѣднему на храненіе.

Ему обязательно нужно было пріѣзжать раза два въ годъ въ Тобольскъ для пріобрѣтенія всего необходимаго для походной церкви и двухъ устроенныхъ имъ школъ. Эти поѣздки дали мнѣ случай познакомиться съ нимъ у его духовной дочери Екатерины Ѳедоровны Непряхиной. Онъ избѣгалъ всякаго новаго знакомства; но по неотступной просьбѣ Екатерины Ѳедоровны въ 1845 году согласился быть въ двухъ домахъ, Фонъ-Визиныхъ и Черепанова, тогдашняго прокурора, который изъ свѣтскаго человѣка сдѣлался христіаниномъ, и Екатерина Ѳедоровна надѣялась вліяніемъ о. Макарія утвердить его въ колеблющейся вѣрѣ. Замѣчательна была простота его обхожденія, такъ что не будь на немъ монашеской рясы, его можно было бы принять за мірянина; однимъ лишь рѣзко отличался онъ отъ мірскихъ людей: какой бы пустой не начался разговоръ, онъ отъ него не уклонялся, но, приступая къ нему, тотчасъ же обращалъ его въ духовную бесѣду, въ которой рѣчь его лилась такъ плавно, обильно и назидательно, что трудно было оторваться отъ нея. Онъ провелъ одинъ вечеръ у Фонъ-Визиныхъ, гдѣ, кромѣ хозяевъ, находилось еще нѣсколько человѣкъ самыхъ близкихъ, и съ 8 часовъ вечера до 4-хъ часовъ утра, когда зазвонили къ утрени, онъ не переставалъ говорить на избранный текстъ св. Евангелія отъ Іоанна безъ перерыва. Всѣ присутствующіе были какъ бы прикованы силою его рѣчей и поражены неутомимостью щедушнаго старца. На этомъ вечерѣ, равно и у Черепановыхъ, онъ удивлялъ всѣхъ своею прозорливостью, нѣсколько разъ проявившеюся въ внезапныхъ обличеніяхъ тутъ присутствующихъ, какъ бы помимо его воли. Встрѣча съ такою рѣдкою личностью оставляла навсегда глубокое впечатлѣніе въ душѣ слушавшихъ его.

Его преклонные лѣта (ему было за 60 лѣтъ) и непосильный трудъ, несенный имъ продолжительное время, заставили его искать покоя. По просьбѣ его, онъ былъ переведенъ въ Болховскій мона-

стырь Орловской губ. Истощеніе физическихъ силъ понудило его просить св. Сѵнодъ о разрѣшеніи устроить домовую церковь при его кельѣ. Не получивъ на это разрѣшеніе, онъ служилъ у себя всенощную, куда сходился весь городъ; по окончаніи службы, онъ садился на складной стулъ и приступалъ къ духовной бесѣдѣ, продолжавшейся за полночь; во избѣжаніе утомленія слушателей онъ приглашалъ ихъ присѣсть на полъ и пока онъ не умолкалъ, никто не двигался съ мѣста. Онъ до того возбудилъ во всемъ обществѣ довѣріе, любовь къ себѣ и рвеніе къ благотворительности, что нѣсколько дамъ посвятили себя на дѣло миссіонерства и отправились на Алтай для завѣдыванія школами и преподаванія дѣтямъ грамоты и слова Божія. Онъ давно мечталъ о поѣздкѣ въ старый Іерусалимъ, въ чемъ ему было отказано отъ духовнаго начальства; наконецъ, онъ получилъ на то позволеніе, но не могъ имъ воспользоваться, схвативъ вслѣдствіе простуды воспаленіе, повергшее его на смертный одръ.

Не могу пройти молчаніемъ еще одной изъ ряда выходящей личности, нашей общей любимицы, такъ называемой Татьяны Филипповны. Она была простая крестьянка, въ молодости сбившаяся было съ истиннаго пути, но познакомившись съ однимъ молодымъ чиновникомъ землемѣромъ, привязалась къ нему страстно и вышла потомъ за него замужъ и измѣнила совершенно свою прежнюю жизнь. Мужъ ея оказался очень дурнымъ человѣкомъ, вѣчно пьяный, буйный или, какъ называютъ подобныхъ людей, «озорникъ». Сначала онъ былъ съ ней хорошъ, а потомъ сталъ дерзко обращаться, билъ и мучилъ ее ужасно. Она увидѣла въ этомъ карающую руку Божію за ея прежнюю дурную жизнь, смирилась, покаялась и такъ прилѣпилась любовью къ Господу, что съ великой радостью стала переносить разныя истязанія отъ мужа, котораго не переставала любить, молиться за него и прощать всѣ наносимыя ей обиды. Господь, видя смиренную покорность ея сердца, вскорѣ освободилъ ее отъ него, и она, оставшись бездѣтною вдовой, посвятила себя окончательно на служеніе Богу, удалилась въ свою родную деревню «Подрѣзово», верстахъ въ 25-ти отъ Тобольска, выстроила у своего брата на концѣ огорода маленькую избушку въ 3 арш. длины и ширины (сама собственными руками рубила и возила лѣсъ), украсила ее иконами и разными святыми изображеніями, пріобрѣла себѣ Евангеліе и Псалтырь, вмѣсто постели имѣла деревянную скамью съ войлокомъ, начала подвизаться и иногда проводила цѣлыя ночи въ молитвѣ; но въ ней не было ни малѣйшаго ханжества, напротивъ, она всегда оставалась веселой и довольной и никогда неунывающей. Живя совершенно одиноко, далеко отъ людей, она ничего не боялась, хотя въ Сибири и небезопасно отъ бѣглыхъ, но она даже на ночь никогда не запирала дверь. Имѣя простую, дѣтскую вѣру въ Господа, она находила,

что Онъ съумѣетъ ее охранить отъ всѣхъ встрѣчающихся бѣдъ. Случайно познакомившись съ Фонъ-Визиными и со всѣми нами, она очень скоро внушила намъ къ себѣ любовь и стала часто изъ деревни приходить въ городъ и всегда останавливалась и гостила по нѣскольку недѣль у кого-нибудь изъ насъ. Въ деревнѣ, гдѣ она жила, не было храма, что ее очень огорчало и вотъ она задумала съ Божьей помощью и добрыхъ людей построить храмъ, много молилась объ этомъ и, наконецъ, рѣшилась. «Какъ же ты будешь строить его, не имѣя ни копѣйки денегъ?» говорили ей всѣ ея знакомые.—«А у Господа развѣ мало ихъ, захочетъ такъ и дастъ! расположитъ сердца и явятся жертвователи!» отвѣчала она съ горячей вѣрой. Архіерей, узнавъ, что у нея нѣтъ запаснаго капитала для построенія церкви, не давалъ на то разрѣшенія, но М. А. Фонъ-Визинъ сообщилъ преосвященному о ея глубокой вѣрѣ и выпросилъ у него разрѣшеніе. И точно, ея вѣра вскорѣ оправдалась: по ея живому настоянію всѣ приняли большое участіе въ этой постройкѣ. Кто чѣмъ могъ, тѣмъ и помогалъ; Павелъ Сергѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ сдѣлалъ смѣту, составилъ планъ, самъ слѣдилъ за работами и былъ настоящимъ архитекторомъ; Н. Д. Фонъ-Визина написала сама иконы масляными красками для иконостаса, многіе же другіе жертвовали разными необходимыми вещами для церкви. Отецъ мой взялъ на себя самую трудную обязанность сбора денегъ, и Господь видимо помогалъ ему, жертва росла не по днямъ, а по часамъ; собрано было въ короткое время тысячъ пять ассигнаціями (тогда еще въ Сибири считали на ассигнаціи), такъ что черезъ годъ церковь была окончена. Татьяна Филипповна радовалась и прославляла Бога. Наконецъ, желанный часъ для нея насталъ, назначили день освященія церкви. Фонъ-Визины, Свистуновы, Бобрищевъ-Пушкинъ, наше семейство, всѣ мы наканунѣ освященія храма отправились водою по Иртышу въ большой нанятой лодкѣ за 25 верстъ въ деревню «Подрѣзово». Завидѣвъ издали блестѣвшій на солнцѣ крестъ надъ вновь воздвигнутой общими трудами церковью въ далекомъ захолустьѣ, невольно у всѣхъ радостно забилось сердце. Вся деревня вышла намъ на встрѣчу и восторженно насъ привѣтствовала. Мы размѣстились на ночлегъ въ избахъ братьевъ Татьяны Филипповны. Наконецъ, была отслужена всенощная съ пѣвчими, а на другой день состоялось и самое освященіе; торжество было очень трогательное, народу собралось со всѣхъ окружныхъ деревень множество; всѣ со слезами на глазахъ благодарили жертвователей и соорудителей храма въ столь отдаленной мѣстности. (Въ Сибири, по огромному ея пространству, большой недостатокъ въ церквахъ; приходъ тянется иногда на протяженіе 200 верстъ, такъ что часто дѣти умирали не крещенными и умершихъ погребали безъ отпѣванія, и только когда пріѣзжалъ священникъ въ деревню, то отпѣвалъ всѣхъ похороненныхъ надъ могилами общимъ отпѣваньемъ).

Послѣ освященія, сказано было прочувствованное слово, въ которомъ указывалось именно на необходимость храма въ этой глухой мѣстности. Послѣ молебствія, пропѣто было многолѣтіе первой, зачавшей это святое дѣло, Татьянѣ Филипповнѣ, а потомъ и всѣмъ строителямъ и жертвователямъ. Небесною радостію сіяло ея лицо и ручьями текли слезы умиленія во все время богослуженія. По окончаніи торжества, она подошла къ намъ и отъ избытка чувствъ поклонилась всѣмъ въ ноги. «Не правда ли», воскликнула она, «что Господу все возможно, не чудо ли Его благости этотъ храмъ, воздвигнутый безъ залежной (какъ она выражалась) копѣйки!»—Послѣ обѣденнаго угощенія возвратный нашъ путь состоялся тѣмъ же порядкомъ. Все населеніе провожало насъ съ благословеніями и благими пожеланіями. Мы вернулись въ Тобольскъ къ утру другого дня вполнѣ довольные своимъ путешествіемъ.

Кончина Татьяны Филипповны была тѣмъ замѣчательна, что была предсказана ей заранѣе: «когда она увидитъ остановившійся предъ ея окномъ гробъ, то значитъ конецъ ея насталъ». Такъ и случилось: везли покойника на кладбище; запряженная въ розвальни деревенская лошадка застряла въ сугробѣ предъ окномъ Татьяны Филипповны. Послѣ этого она тотчасъ же отправилась въ городъ проститься со всѣми знакомыми и, объявивъ, что больше ихъ не увидитъ, поѣхала въ сосѣднюю деревню, гдѣ жили ея родственники, объявить и имъ о своей неминуемой смерти. Она пріѣхала туда вечеромъ, а ночью у нихъ скончалась безъ всякой болѣзни 12 марта 1855 года.

Если бы не отдаленность края, то жизнь въ Сибири при томъ изобиліи, которымъ пользовались тогда тамошніе жители, давала гораздо больше спокойствія душевнаго и менѣе страха за будущее, чѣмъ здѣсь въ Россіи. Тамъ всякій трудящійся, получая небольшое содержаніе, могъ жить весьма порядочно. Я помню нашу жизнь. Отецъ, будучи уже прокуроромъ въ Тобольскѣ, хотя и получалъ сравнительно съ теперешними окладами гораздо меньше, но жилъ, правда съ аккуратностью, очень комфортабельно; занималъ прекрасную квартиру, держалъ лошадей и экипажи чуть не съ полдюжины. Часто здѣсь въ Россіи слышишь съ какимъ ужасомъ говорятъ о сибирскихъ морозахъ; но при 40° градусномъ морозѣ туманъ и тишина смягчаютъ его такъ, что онъ не бываетъ очень чувствителенъ. Градусовъ же въ 20-ть было наше любимое катанье въ саняхъ, обитыхъ внутри медвѣжьимъ мѣхомъ и закрытыми такими же полостями, вслѣдствіе чего холодъ не казался намъ такимъ сильнымъ. Прислугу выбирали прямо изъ ссыльныхъ. По понедѣльникамъ всегда приходила партія ссыльныхъ въ Тобольскъ и уже тобольское управленіе распредѣляло ихъ по волостямъ и городамъ на жительство. Когда кому былъ нуженъ поваръ или кучеръ, кухарка или горничная, то при приходѣ партіи справлялись нѣтъ ли

таковыхъ и если находились, то ихъ выбирали и приписывали на поселеніе къ городу, чѣмъ они очень дорожили. Ссылаемые люди по волѣ помѣщика были больше все изъ дворовыхъ, почему многіе изъ нихъ, не зная сельскихъ работъ, предпочитали оставаться въ городѣ. Плата имъ была положена общая для всѣхъ; мущинамъ красненькая, женщинамъ синенькая, конечно ассигнаціями. Очень часто изъ ссыльныхъ выходили прекрасные люди; но иногда попадались и дурные, которыхъ тотчасъ перечисляли и отправляли по волостямъ. Нерѣдко удивляло насъ, какъ могли ссылать такихъ прекрасныхъ слугъ, какіе намъ попадались въ Сибири. Никогда не забуду одну дѣвушку, горничную, прекрасную портниху, сосланную по волѣ помѣщицы графини Строгоновой изъ Петербурга. Она жила нѣсколько лѣтъ у насъ въ Тобольскѣ и, кромѣ самаго хорошаго какъ про характеръ, такъ и поведеніе ея, ничего дурного нельзя было сказать; всегда усердная, добродушная, отлично знающая свое дѣло, только постоянно грустная. Она очень любила своихъ родныхъ и разлука съ ними была для нея слишкомъ тяжела, такъ что подъ конецъ она впала въ чахотку и умера въ далекой чужбинѣ. Я принимала въ ней большое участіе; писала ей письма къ ея роднымъ и получала на свое имя отвѣты отъ нихъ; они часто присылали ей засушеные цвѣточки съ родной стороны, и она бѣдная бывало обливала ихъ горючими слезами. Ссыльнымъ запрещена была переписка съ родными изъ опасенія, чтобы отъ дурныхъ помѣщиковъ не стали убѣгать они въ Сибирь. Я любила ѣздить съ отцомъ въ острогъ къ обѣднѣ. Небольшая церковь вмѣщала скованныхъ арестантовъ; каждый звукъ ихъ цѣпей при молитвенномъ колѣнопреклоненіи раздиралъ у меня сердце; невозможно было безъ сострадания видѣть этихъ злополучныхъ, которые все-таки, какъ казалось мнѣ, томясь, искупали тяжкимъ крестомъ свои погрѣшности. При выходѣ изъ церкви они стояли всегда рядами и, проходя мимо ихъ, я старалась какъ только могла привѣтливѣе и съ любовью хоть взглядомъ выразить имъ мое сочувствіе. Мое молодое сердце находило какую-то особенную поэзію быть посреди этихъ отверженцевъ міра и выказывать имъ, что и они не чужды любви и состраданья. Однажды, пришлось мнѣ вынести раздирающее впечатлѣніе отъ посѣщенія такъ называемаго цѣпнаго отдѣленія. Это происходило такимъ образомъ: начну съ того, что въ то же время въ тобольскомъ острогѣ содержался извѣстный убійца, нѣкто Зыковъ, молодой послушникъ Донскаго монастыря, убившій изъ ревности княгиню Голицыну въ Москвѣ. Его исторія много надѣлала тогда шуму и многіе изъ высшаго общества принимали въ немъ горячее участіе, особенно московскія дамы. Не буду описывать исторію его убійства, она слишкомъ извѣстна, но скажу только про его личность и пребываніе въ тобольскомъ острогѣ (изъ Москвы многіе писали и ходатайствовали за него). Мать его хлопотала, чтобъ

его по болѣзни оставили въ Тобольской губерніи на заводахъ, но ея просьба, за важностью преступленія, не была уважена. Когда Зыковъ былъ присланъ въ Тобольскъ, то отецъ мой, служа тогда прокуроромъ и посѣщая острогъ, заинтересовался имъ очень. Его молодость и болѣзненное состояніе (онъ страдалъ астмой) расположили къ нему отца на столько, что онъ принялъ въ немъ живое участіе, выхлопоталъ, чтобъ его оставили на зиму въ Тобольскомъ острогѣ въ больницѣ, гдѣ онъ и пробылъ до весны. Разсказы отца о немъ возбудили во мнѣ желаніе его видѣть. Когда разъ отецъ предложилъ мнѣ поѣхать съ нимъ къ обѣднѣ въ острогъ и зайти послѣ того къ Зыкову, я очень обрадовалась и мы отправились туда. Больничное помѣщеніе, гдѣ находился Зыковъ, прилегало къ церкви и окно выходило прямо въ церковь, такъ что онъ могъ стоя у него молиться и видѣть всю службу. По окончаніи обѣдни, мы пошли къ нему: я шла съ обыкновенными своими чувствами къ заключеннымъ, приготовляясь съ любовью и состраданіемъ встрѣтить униженнаго преступника, или, по крайней мѣрѣ, смиреннаго узника-убійцу, но каково было мое удивленіе, когда я увидѣла предъ собою рисующагося и разыгрывающаго роль какого-то джентельмена или свѣтскаго человѣка въ полумонашескомъ одѣяніи молодого исхудалаго человѣка. За ширмами, которыми было отдѣлено для него помѣщенье въ огромной комнатѣ больницы, стояли столъ, кровать и два стула; онъ поспѣшилъ тотчасъ же намъ ихъ предложить. На стѣнѣ надъ кроватью висѣли маленькіе образки, портретъ митрополита Филарета и миніатюрный портретъ «княгини Вѣры», какъ онъ безпрестанно называлъ убитую имъ княгиню Голицыну. На немъ сверхъ одежды надѣта была сѣрая пуховая косынка, вязаная, какъ онъ тоже безпрестанно объявлялъ, именно для него княгиней. Хвастовство его выражалось преимущественно въ разсказахъ о томъ, какъ любилъ его митрополитъ Филаретъ и прочіе знаменитости московскіе, особенно разныя княгини и графини, принимавшія въ немъ участіе, не смотря на то, что онъ убилъ княгиню Голицыну. Онъ и мнѣ даже начиналъ льстить за мои, по Евангельскому ученію, какъ онъ выражался, посѣщенія тюремъ, кривлялся, занимался своими бѣлыми руками, выставляя ихъ напоказъ. Однимъ словомъ, въ лицѣ его я увидѣла не несчастнаго злодѣя, а ничтожнаго фата, рисующагося даже своимъ злодѣяніемъ. У меня не достало духа сказать ему слово утѣшенія, такъ сильно охватило меня чувство отвращенія къ его пустотѣ, и я поспѣшила удалиться отъ него. Онъ очень хорошо понялъ, что не произвелъ на меня желаннаго эффекта; оскорбленное его самолюбіе не могло примириться съ фактомъ, что въ далекой Сибири, почти въ глуши, раскусили его лучше чѣмъ въ Москвѣ. Лицемѣря предъ отцомъ, но не смѣя ясно высказать свое негодованіе, онъ потомъ не разъ намекалъ ему на то, что мое посѣщеніе тюрьмы было больше изъ тщеславія, чѣмъ по Еван-

гельскому ученію, какъ онъ говорилъ мнѣ раньше. Вышедши отъ него, отецъ спросилъ меня, не хочу ли я пройти въ секретный казематъ, гдѣ содержалась только-что приведенная партія политическихъ преступниковъ-поляковъ, состоящая изъ 14-ти человѣкъ. Получивъ мое согласіе, мы отправились дальше; желѣзныя рѣшетчатыя ворота, отдѣлявшія секретный дворъ, были заперты на замокъ; дежурный офицеръ ихъ отперъ, и онѣ растворились передъ нами, чтобы только пропустить насъ и тотчасъ же за нами снова сомкнулись. Грустно замерло у меня сердце! На секретномъ дворѣ встрѣтилось намъ нѣсколько человѣкъ въ кандалахъ; это были убійцы, которые, высидѣвъ по нѣскольку лѣтъ на цѣпи, оставляются потомъ вѣчно въ кандалахъ и выпускаются на прогулку только по секретному двору. Особенно одна личность бросилась мнѣ въ глаза: здоровый, коренастый, высокаго роста мужчина, нѣкто Кореневъ, представлявшій типъ совершеннаго разбойника; онъ загубилъ душъ десять, просидѣлъ десять лѣтъ на цѣпи и былъ оставленъ навсегда въ кандалахъ въ острогѣ. Когда мы вошли въ секретные казематы, моимъ глазамъ представилась слѣдующая картина. Въ душной, хотя довольно большой, комнатѣ по обѣимъ сторонамъ наръ сидѣли полулежа въ цѣпяхъ на своихъ койкахъ заключенные поляки; они всѣ разомъ вскочили и точно остолбенѣли при видѣ вошедшей въ ихъ недосягаемыя камеры точно сказочной феи, какъ они сами послѣ мнѣ разсказывали, молодой женщины, по одеждѣ принадлежащей къ кругу порядочныхъ людей. Потрясающій звукъ цѣпей разомъ вскочившихъ четырнадцти человѣкъ оглушилъ было меня совсѣмъ, но пока отецъ разговаривалъ съ нѣкоторыми, я оправилась и обратилась къ нимъ съ словами:

— Не имѣете ли вы въ чемъ нужды: въ чаѣ, сахарѣ и другихъ потребностяхъ? я съ удовольствіемъ исполню, что только могу.

Они окружили меня, благодарили кто порусски, кто попольски, кто пофранцузски. Почти всѣ они были люди прекрасно образованные, многіе изъ хорошихъ фамилій. Отъ нихъ мы направились въ цѣпное отдѣленіе; тамъ ожидала меня еще болѣе потрясающая картина. Проходя по полутемному корридору, по бокамъ котораго устроены были отдѣльныя въ три аршина каморки, я видѣла, что у притолокъ каждой изъ нихъ стояли, точно мертвецы, блѣдные, исхудалые несчастные заключенные, смотрѣвшіе на насъ тупымъ, безжизненнымъ взглядомъ, какъ бы спрашивая: «да зачѣмъ это вы явились въ наши живыя могилы?» Внутренность каморки вмѣщала кровать и деревянную табуретку. Привинченная же однимъ концомъ тяжелая цѣпь въ углу каморки, а другимъ концомъ къ ногѣ несчастнаго заключеннаго, давала ему возможность дѣлать лишь три шага до порога своей каморки. Въ одной изъ нихъ лежалъ больной въ водяной и грубая цѣпь все-таки не выпускала его изъ своихъ оковъ. Повиснувъ тяжело съ ноги несчастнаго, она ле-

жала частью на полу и при малѣйшемъ его движеніи не давала ему забыться; несчастные такъ и умирали тутъ; одна смерть только освобождала ихъ отъ этихъ вѣчныхъ узъ. До сихъ поръ, хотя прошло болѣе уже 30-ти лѣтъ, не могу безъ особенно тяжелаго чувства вспомнить этихъ заживо погребенныхъ существъ. Когда я слышала разсказы о попыткахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ бѣжать изъ тюрьмы, то отъ всей души сочувствовала имъ.

Пріѣхавъ обѣдать съ отцомъ къ Фонъ-Визинымъ, я передала имъ о моемъ посѣщеніи въ острогѣ поляковъ и о желаніи помочь имъ, тѣмъ болѣе, что и отецъ не былъ противъ этого, даже сказалъ, что не всѣ изъ нихъ богаты и иные нуждались въ необходимомъ. Фонъ-Визины приняли горячо къ сердцу ихъ положеніе, особенно Наталья Дмитріевна; она пожелала также ихъ посѣтить, и мы съ ней рѣшились поѣхать въ слѣдующее воскресенье вдвоемъ въ острогъ къ обѣднѣ, чтобъ какъ-нибудь пробраться къ нимъ. Предварительно же она отправила въ острогъ няню Матрену Петровну со всевозможными продуктами: чаемъ, сахаромъ, калачами, сухими закусками, и поручила ей, чтобъ она какъ-нибудь предупредила ихъ о нашемъ предстоящемъ посѣщеніи. Няня, ловкая и опытная по этимъ дѣламъ, добралась какъ будто съ подаяніемъ прямо до нихъ и передала имъ все, что нужно. Когда мы съ Натальей Дмитріевной пріѣхали къ обѣднѣ въ острогъ, то увидѣли, что и поляки были тоже въ церкви. По окончаніи службы, выходя, мы сказали имъ пофранцузски, что сейчасъ къ нимъ зайдемъ. Хотя я и знала, что къ политическимъ преступникамъ строго запрещено допускать кого бы то ни было; но, смѣло обратившись къ караульному офицеру, сказала:

— Пропустите, пожалуйста, меня съ Натальей Дмитріевной въ секретныя камеры къ полякамъ.

Молоденькій офицеръ смѣшался, не зналъ что отвѣчать.

— Вѣдь по закону не велѣно никого допускать къ политическимъ преступникамъ,—отвѣчалъ онъ нерѣшительнымъ голосомъ.

Я поторопилась воспользоваться его замѣшательствомъ.

— Какъ, даже и съ подаяніемъ?—возразила я ему,—развѣ вы не знаете, что я въ прошлый разъ была уже тамъ съ моимъ отцомъ прокуроромъ, который не хуже вашего знаетъ законы?

Офицеръ поколебался; мой смѣлый, рѣшительный тонъ подѣйствовалъ на него; въ это время подошла новая смѣна караула, явился другой тоже молоденькій, очевидно, только-что произведенный офицерикъ, съ которымъ первый посовѣтовался, и, наконецъ, они рѣшили насъ пропустить. Весь этотъ разговоръ происходилъ передъ тѣми же замкнутыми чугунными рѣшетчатыми воротами, отдѣляющими секретный дворъ, и мы сквозь нихъ видѣли отчаяніе несчастныхъ поляковъ при нашемъ затрудненіи попасть къ нимъ, а стоявшій за воротами на дворѣ разбойникъ Кореневъ, усмѣхаясь, острилъ, обращаясь къ намъ:

— Здѣсь вѣдь нужно, сударыни, поставить Богу свѣчку, а чорту двѣ, тогда и сдѣлаютъ.

Что онъ подъ этимъ разумѣлъ—не знаю. Офицеръ велѣлъ отворить ворота и самъ пошелъ съ нами. Мы торжествовали. Поляки радовались. Разговоръ нашъ съ ними происходилъ на французскомъ языкѣ и офицеръ не понималъ его. Поляки очень скорбѣли, что не имѣютъ возможности писать къ своимъ роднымъ, кромѣ оффиціальныхъ писемъ. Мы предложили имъ написать письма, которыя взялись переслать. Особенно одинъ изъ нихъ, графъ Стадницкій, очень былъ огорченъ неизвѣстностью о ходѣ дѣла по его конфискованному имѣнію. У него осталась дочь и жена; послѣдней онъ поручилъ хлопотать въ Петербургѣ о дѣлахъ. Онъ умолялъ меня, нельзя ли чрезъ кого-нибудь помимо начальства получить отъ нея извѣстіе. Я сознавала всю опасность для моего отца позволить имъ переписываться чрезъ меня, но, полагаясь на милосердіе Божіе и ввѣряя Ему это опасное дѣло, дала свой адресъ. Они такъ были тронуты нашимъ предложеніемъ, что со слезами на глазахъ бросились цѣловать наши руки. Провожая насъ, они съ грустью смотрѣли намъ въ слѣдъ; вдругъ одинъ изъ нихъ отдѣлился, догналъ насъ и со слезами въ голосѣ сталъ умолять ломанымъ русскимъ языкомъ:

— Пане женко, мой письмо тожъ.

Мы такъ и обмерли; офицеръ обернулся къ нему; растерявшись въ первую минуту, я не знала какъ и чѣмъ отвлечь вниманіе офицера отъ него; увидѣвъ какое-то загороженное мѣсто, спрашиваю офицера: что это такое?.. Онъ, сконфузившись, мялся и не зналъ какъ мнѣ назвать его. Но во время моего глупаго разговора съ офицеромъ, товарищи успѣли удержать его и объяснить въ чемъ дѣло. Оказалось, что онъ, не зная хорошо французскаго языка, не вдругъ понялъ наше предложеніе о письмахъ; но догадавшись бросился догонять насъ и чуть-чуть не испортилъ дѣло и не подвергъ всѣхъ насъ большой непріятности.

Положеніе поляковъ было тѣмъ ужаснѣе, что подходила зима съ суровыми сибирскими морозами, а имъ предстояло изъ Тобольска пройти пѣшкомъ въ Иркутскую губернію 3,000 верстъ. Изъ 14-ти человѣкъ только четверо имѣли хорошія средства, а остальные десять ровно ничего не имѣли; богатые же ни въ чемъ не помогали своимъ бѣднымъ товарищамъ. Мы съ Натальей Дмитріевной старались пополнить ихъ недостатки, чѣмъ могли; она накупила имъ сапоговъ, теплыхъ перчатокъ, шапокъ, бѣлья и разныхъ необходимыхъ вещей для дороги; я съ своей стороны взялась собрать нѣкоторую сумму денегъ для мелкихъ ихъ расходовъ въ такомъ дальнемъ пути. Всѣ, къ кому я обращалась, приняли участіе и помогли съ любовью въ моемъ сборѣ, а больше всѣхъ Александръ Михайловичъ Муравьевъ, такъ что составилась порядочная сумма.

Трудность состояла только въ томъ, какъ передать имъ въ руки деньги безъ участія начальства и какъ получить отъ нихъ для пересылки письма къ ихъ роднымъ. Поѣхать снова въ острогъ къ обѣднѣ и видѣть ихъ тѣмъ же порядкомъ, не возбудивъ подозрѣнія, было невозможно. Я долго ломала голову, какъ это устроить безъ участія отца, не желая безъ особенной причины подвергать его отвѣтственности. Одинъ планъ показался мнѣ болѣе удобоисполнимымъ, на которомъ я и остановилась. Смотрителемъ острога былъ очень скромный, простой чиновникъ старичекъ. Онъ на столько былъ робокъ, что зная вспыльчивый характеръ моего отца, пріѣзжая ежедневно съ рапортомъ о состояніи острога и входя со страхомъ къ нему въ кабинетъ, читалъ постоянно въ полголоса молитву: «Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его». Я рѣшилась воспользоваться его скромностью; когда однажды онъ выходилъ отъ отца, я подошла къ нему съ просьбою, чтобъ онъ принялъ меня съ Натальей Дмитріевной Фонъ-Визиной въ этотъ вечеръ у себя на квартирѣ въ острогѣ. Бѣдный старикъ былъ очень удивленъ такимъ небывалымъ моимъ заявленіемъ.

— Пожалуйста,—прибавила я,—сдѣлайте распоряженіе, чтобъ насъ впустили въ острогъ, когда мы пріѣдемъ.

Онъ поклонился и ушелъ. Я же тотчасъ отправилась обѣдать къ Фонъ-Визинымъ.

Часовъ въ шесть вечера, мы съ Н. Д. уже остановились у воротъ острога. Часовой не пропускалъ насъ, но мы сказали, что пріѣхали въ гости къ смотрителю; тогда часовой, не отворяя воротъ, передалъ объ этомъ другому часовому, стоявшему внутри двора, другой—третьему и такъ далѣе, пока не дошло до смотрителя. Разрѣшеніе впустить насъ передавалось тѣмъ же порядкомъ часовыми, почему намъ пришлось простоять очень долго на морозѣ. Темнота ночи и перекличка часовыхъ внутри острога наводили какой-то невольный страхъ. Наконецъ, послышались шаги, замки застучали и тяжело заскрипѣли ворота. Мы въѣхали на темный дворъ; кое-гдѣ мелькали огоньки, кругомъ мертвая тишина, нарушаемая лишь мѣрными шагами часовыхъ. Тяжело, грустно было въ этой живой могилѣ! На порогѣ своей квартиры встрѣтилъ насъ смотритель. Войдя въ комнату, я передала ему цѣль нашего посѣщенія. «Пожалуйста, устройте намъ свиданіе съ заключенными поляками»,—обратилась я къ нему.—«Да это невозможно, въ настоящее ночное время никого нельзя допускать къ нимъ въ камеры»,—отвѣчалъ онъ мнѣ растеряннымъ голосомъ.—«Такъ приведите ихъ сюда, вѣдь вы имѣете полное право потребовать ихъ къ себѣ, когда хотите»,—настаивала я. И добрый старичекъ, не смѣя отказать просьбѣ дочери своего начальника, скрѣпя сердце согласился. Не прошло четверти часа, какъ страшный звукъ цѣпей посреди мрака ночи раздался по двору и нѣсколько минутъ

спустя предъ нами стояли несчастные поляки. Часовые, приведшіе ихъ, съ ружьями остановились въ дверяхъ. Увидѣвъ насъ, злополучные заключенные бросились къ намъ; тутъ только поняли они зачѣмъ были потребованы ночью къ смотрителю на квартиру. Трудно выразить съ какимъ восторгомъ благодарили они насъ за участіе къ нимъ! Приготовленныя деньги въ отдѣльныхъ пакетахъ были переданы каждому въ руки, а они отдали намъ написанныя ими и спрятанныя въ сапогахъ письма къ роднымъ. Они не знали чѣмъ выразить свою радость и признательность.—«Могли ли мы вообразить,—восклицали они,—что отправляясь въ ссылку въ Сибирь, почти на край свѣта, именно тамъ встрѣтимъ такихъ людей, которые съ такой любовью отнесутся къ намъ, тогда какъ просидѣвъ нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ у себя на родинѣ, отъ своихъ соплеменниковъ не видали подобнаго участія!» Неизвѣстность, куда именно пошлютъ ихъ изъ Тобольска, терзала поляковъ жестоко.— «Попросите, пожалуйста, вашего добраго отца,—умоляли они меня,— нельзя ли какъ-нибудь смягчить нашу участь». Особенно одинъ старикъ, нѣкто Піотровскій, тронулъ меня даже до слезъ своимъ умоляющимъ видомъ; онъ, кромѣ польскаго языка, не зналъ другого, почему и выражалъ свою просьбу одними лишь словами: «Добже пане!» Я, конечно, изъ этихъ словъ ничего не могла понять. Оказалось, какъ объяснили его товарищи, онъ просилъ выхлопотать ему у моего отца, по старости лѣтъ и болѣзни ногъ, позволеніе ѣхать на подводѣ при партіи. Обѣщавъ сдѣлать все, что только было можно, мы распростились съ ними. Подъ тѣмъ же конвоемъ солдатъ съ ружьями отвели ихъ обратно; какъ только стихли долетающіе унылые звуки ихъ цѣпей, мы, поблагодаривъ горячо добраго старика смотрителя и предупредивъ его не передавать отцу о нашемъ посѣщеніи, благополучно возвратились назадъ, довольныя, что могли утѣшить несчастныхъ. Отецъ зналъ, что мы съ Н. Д. принимали въ полякахъ большое участіе, почему его и не удивляли наши просьбы за нихъ; онъ и самъ относился къ нимъ на столько сострадательно, что расположилъ и другихъ высшихъ служащихъ оказать имъ снисхожденіе, такъ что вмѣсто Иркутской губерніи всѣхъ ихъ причислили на заводы Тобольской губерніи и по слабости здоровья отправили при партіи на подводахъ.

Страшно трескучій морозъ стоялъ на дворѣ, когда пришлось имъ отправляться изъ Тобольска. Партія выступала слишкомъ рано на разсвѣтѣ дня, почему мы не могли сами проводить ихъ; но Фонъ-Визины послали свою извѣстную няню, нагруженную всевозможными теплыми вещами. У меня было нѣсколько штукъ мѣховыхъ боа, которыя я и велѣла имъ передать. Няня, провожая партію, встрѣтила на дворѣ идущаго булочника, скупила у него весь коробъ бѣлаго хлѣба и высыпала имъ въ сани. Они со слезами на

глазахъ просили няню передать мнѣ и Н. Д. Фонъ-Визиной ихъ безпредѣльную благодарность.

Зыковъ, заболѣвъ въ больницѣ, просилъ очень черезъ отца, чтобъ его навѣстила Н. Д. Фонъ-Визина, о которой, какъ онъ говорилъ, много слышалъ хорошаго, почему и желалъ бы ей открыть свою душу. Н. Д. побоялась поѣхать къ нему одна и просила меня ее сопровождать. Въ больницу допускали всѣхъ, и мы могли быть тамъ безъ всякихъ опасеній. Пріѣхавъ, по его желанію, вечеромъ, я думала найти его чуть не умирающимъ; но онъ насъ встрѣтилъ у своихъ ширмъ и, едва передвигая ноги и задыхаясь, ввелъ къ себѣ. Та же комедія опять повторилась; онъ рисовался передъ Н. Д. еще болѣе, чѣмъ передо мною. Обратившись къ ней, онъ ей сказалъ:—«Мнѣ нужно вамъ открыть свою душу и я желалъ бы поговорить съ вами наединѣ». Какъ ни была непріятна Н. Д. тайная съ нимъ бесѣда, но дѣлать было нечего и она попросила меня выйти за ширмы.

Больница представляла обширную, довольно чистую комнату съ рядами кроватей; въ полумракѣ слышался стонъ больныхъ арестантовъ; нѣкоторые боролись съ предсмертной агоніей, другіе умоляли дать имъ хоть каплю воды смочить запекшіяся отъ жара губы, третьи въ горячечномъ бреду вскакивали и порывались бѣжать, но были грубо удерживаемы служителями больницы. Жутко становилось мнѣ; наконецъ, Н. Д. позвала меня и я была очень рада вырваться на чистый воздухъ изъ душной атмосферы больницы. Исповѣдь Зыкова передъ Н. Д. заключалась, какъ она разсказывала, въ подробностяхъ убійства имъ княгини Голицыной и въ исторіи его любви. «Я любилъ ее страстно, она обѣщала выйти за меня замужъ, но обманула, думая уѣхать за границу; когда же я узналъ объ этомъ, то зазвалъ ее для послѣдняго прощанія въ домъ моей матери и, мучимый ревностью, вонзилъ ей въ сонную жилу, предварительно изучивъ, гдѣ она находится, приготовленный ножъ; ударъ былъ такъ удаченъ, что княгиня не вздохнула; я же, бросивъ окровавленный ножъ и тотчасъ преклонивъ колѣна, началъ читать надъ ея трупомъ заупокойныя молитвы и тутъ былъ арестованъ». Онъ точно съ какимъ-то наслажденіемъ разсказывалъ подробности этой ужасной сцены, находя при томъ въ лицѣ Н. Д. сходство съ покойной княгиней, такъ что ей просто стало страшно; разсказъ произвелъ на нее непріятное впечатлѣніе, особенно когда онъ въ концѣ спросилъ Н. Д.:—«Не правда ли, что обо мнѣ, какъ необыкновенномъ злодѣѣ, много говорятъ здѣсь въ Тобольскѣ?» Тогда Н. Д. довольно рѣзко отвѣтила ему:—«Напрасно вы это думаете, здѣсь такъ много и такъ часто приходится слышать о неслыханныхъ злодѣяніяхъ, что исторія вашего убійства, какъ болѣе обыкновенная, мало обращаетъ на себя вниманія».

Зыковъ, проживъ въ Тобольскѣ зиму, весною былъ отправленъ

въ Иркутскую губернію въ отдаленные заводы и по болѣзни ѣхалъ на подводѣ при партіи. На дорогу мать прислала ему изъ Москвы достаточное количество денегъ. Останавливаясь на этапахъ, онъ и тамъ сталъ разыгрывать роль богатаго барина, заставлялъ за собою ухаживать и когда ему, напримѣръ, подавали шубу, то давалъ по рублю на чай. Хвастаясь важными связями въ Россіи, онъ обѣщалъ мѣста этапнымъ офицерамъ. Такимъ образомъ, онъ доѣхалъ до Иркутска, гдѣ въ то время генералъ-губернаторомъ былъ графъ Ник. Ник. Муравьевъ-Амурскій; къ нему тоже писали изъ Москвы и просили за Зыкова. Графъ Муравьевъ-Амурскій вслѣдствіе этого принялъ въ немъ большое участіе, оставилъ его въ Иркутскѣ, отмѣнилъ по болѣзни посылку его на работы, помѣстилъ въ отдѣльномъ домѣ. И что же? Онъ такъ зазнался этою протекціею, что сталъ вмѣшиваться въ разныя дѣла и раздавать даже мѣста, хвастаясь протекціею генералъ-губернатора. Когда графъ Муравьевъ узналъ объ этомъ, то такъ разсердился, что сослалъ его въ самый дальній заводъ Акатуй на работы, гдѣ онъ и умеръ.

V.

Омскъ.—Генералъ-губернаторъ Западной Сибири князь П. Д. Горчаковъ.—Генеральша Шраммъ.—Ея вліяніе на князя Горчакова и на дѣла управленія.—Власть и значеніе тогдашнихъ губернаторовъ въ Сибири.—Княгиня Горчакова и ея дочери.—Процессъ князя Горчакова о наслѣдствѣ.—Протестъ моего отца на рѣшеніе этого дѣла въ пользу князя.—Гнѣвъ князя Горчакова на моего отца и Фонъ-Визиныхъ.—Прибытіе въ Тобольскъ ссыльныхъ по дѣлу Петрашевскаго.—Проводы Достоевскаго и Дурова въ Омскъ.—Трусость князя Горчакова.—Стихи Дурова.—Угрозы князя Горчакова Н. Д. Фонъ-Визиной и моему отцу.—Письмо Н. Д. къ императору Николаю Павловичу.—Наши безпокойства.—Неожиданная отставка генерала Шрамма.—Ревизія генерала Анненкова.—Увеселенія въ честь его въ Тобольскѣ.—Увольненіе князя Горчакова и назначеніе на его мѣсто генерала Гасфорта.—Неожиданная кончина сыновей Фонъ-Визина.—Пріѣздъ въ Сибирь брата Фонъ-Визина.—Успѣшныя хлопоты о прощеніи М. А. Фонъ-Визина.—Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ Курганѣ.—Отъѣздъ М. А. Фонъ-Визина въ Россію.—Его путешествіе до Москвы.—Кончина брата его.—Наталья Дмитріевна Фонъ-Визина рѣшается ѣхать въ Россію.—Я соглашаюсь сопутствовать ей.

Въ Омскѣ, отстоящемъ въ 600 верстахъ отъ Тобольска, ближе къ киргизской степи, была сосредоточена главная квартира генералъ-губернатора Западной Сибири. Тамъ находились также всѣ военныя управленія и военное училище, впослѣдствіи переформированное въ кадетскій корпусъ, переустройство котораго было поручено вновь назначенному изъ Петербурга инспектору, Ивану Викентьевичу Ждан-Пушкину, бывшему потомъ директоромъ въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ онъ и скончался. Онъ былъ

лично извѣстенъ, какъ отличный офицеръ, начальнику учебныхъ заведеній, Якову Ивановичу Ростовцеву, и ему было дано право со всѣми вопросами по этому дѣлу обращаться прямо къ нему, помимо бывшаго въ то время директоромъ генерала Шрамма. Прежде Омскъ былъ простой крѣпостью, назначенной для защиты нашихъ границъ отъ набѣговъ киргизовъ, но когда набѣги стали усиливаться, то генералъ-губернаторъ князь Горчаковъ нашелъ нужнымъ перевести свою резиденцію изъ Тобольска въ Омскъ. Жизнь тамъ закипѣла ключомъ, начались необходимыя постройки для помѣщенія войска и гражданскаго управленія. Городъ возросталъ не по днямъ, а по часамъ, хотя долго еще ощущался недостатокъ въ удобныхъ помѣщеніяхъ для служащихъ. Князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ умѣлъ окружить себя хорошими людьми; адъютантами его были люди прекрасно образованные, принадлежавшіе къ лучшему обществу: графъ Толстой, баронъ Врангель, Мантефейль, Бибиковъ и другіе. Въ началѣ своего управленія князь Горчаковъ держался твердыхъ и честныхъ правилъ, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать про конецъ его правленія. Подпавъ подъ вліяніе очень умной, хотя далеко не красивой и не молодой генеральши Шраммъ, онъ настолько подчинился ей, что не устоялъ даже въ своихъ прежнихъ твердыхъ правилахъ. Она своимъ замѣчательно тонкимъ и хитрымъ умомъ такъ забрала его въ руки, что подъ конецъ безъ ея согласія и совѣта не рѣшалось никакое дѣло. Лесть и взяточничество начали проявляться въ огромныхъ размѣрахъ, владычество и управленіе краемъ перешло совершенно въ ея руки; если кому было что-нибудь нужно, то прямо обращались къ ней, неся иногда непосильную дань для успѣха дѣла. Князь, конечно, закрывалъ глаза и дѣлалъ видъ, будто ничего не видитъ, тогда какъ вся область страдала отъ владычества корыстолюбивой женщины; возникъ общій ропотъ, посыпались доносы въ Петербургъ. Бывши разъ на балу у князя Горчакова въ Омскѣ, куда къ нему приглашались иногда губернаторы съ семействами и другіе болѣе почетные чиновники Тобольска, я увидѣла тамъ жену богатаго золотоискателя Асташева, пріѣхавшую изъ Томска тоже на этотъ балъ; она, можно сказать, вся была унизана великолѣпными брилліантами; особенное вниманіе обращалъ на себя драгоцѣнный браслетъ, съ крупными солитерами. Черезъ нѣсколько дней браслетъ этотъ уже красовался на рукѣ корыстолюбивой генеральши. Въ столь отдаленномъ краю, какъ Сибирь, особенно въ то время, генералъ-губернаторы имѣли безграничную власть, распоряжались почти безъ контроля, все передъ ними молчало и не смѣло прекословить; очень немногіе могли идти, не уклоняясь, прямымъ путемъ къ правдѣ, что, конечно, очень не нравилось властолюбивымъ правителямъ.

Губернаторы тоже имѣли не малую власть и жили магнатами. Воз-

вращаясь разъ изъ Омска въ Тобольскъ съ однимъ изъ нихъ, Энгельке, я была поражена тѣмъ подобострастіемъ, съ которымъ встрѣчали и провожали насъ вездѣ. Впереди насъ, на всемъ шестисотъ верстномъ разстояніи, скакалъ на перекладной, въ мундирѣ, засѣдатель; онъ приготовлялъ въ деревнѣ квартиру и устроивалъ приличную встрѣчу. За нимъ слѣдовалъ поваръ губернатора и заранѣе готовилъ обѣдъ, гдѣ назначена была остановка. Потомъ въ каретѣ шестерикомъ, по нарочно усаженной березами и убитой пескомъ аллеи, подъѣзжали мы къ дому, гдѣ была приготовлена квартира. Мужики и бабы въ праздничныхъ одеждахъ встрѣчали насъ съ низкими поклонами и тутъ же приносили и заявляли свои жалобы губернатору. На подъемѣ же высокой горы берега Иртыша, по окраинѣ которой лежала дорога, буквально вся деревня была выслана и стояла шпалерами на крутизнѣ, поддерживая экипажъ губернатора, чтобы онъ какънибудь не соскользнулъ въ пропасть.

Ѣзда въ Сибири необыкновенно быстрая; лошади съ виду кажутся маленькими, но мчатъ во весь карьеръ. Когда ѣдутъ на вольныхъ, то ямщики, заслышавъ издали звукъ колокольчиковъ, верхами выѣзжаютъ на встрѣчу проѣзжающимъ за околицу и на расхватъ стараются вести ихъ. Станціи иногда бываютъ верстъ по 40. Запрягая лошадей, толпа ямщиковъ окружаетъ экипажъ и держитъ лошадей, пока ямщикъ не сядетъ на козлы; онъ же садится лишь тогда, когда усядутся сѣдоки, потому что разъ онъ взялъ въ руки вожжи, народъ, держащій лошадей, разбѣгается въ стороны и тройка, подхвативъ, какъ стрѣла мчится съ такою быстротою, что духъ захватываетъ у сѣдоковъ.

Князь Горчаковъ, увлекшись дурнымъ вліяніемъ, внесъ не мало горя и въ семейную свою жизнь. Княгиня уѣхала въ Россію и болѣе уже не возвращалась въ Сибирь. Послѣ ея кончины, дочери ея пріѣзжали было къ отцу въ Омскъ, но не могли вынести несправедливости отца и должны были тоже возвратиться назадъ въ Россію. Единственнымъ ихъ утѣшеніемъ во время пребыванія ихъ въ Сибири было свиданіе съ Нат. Дмитр. Фонъ-Визиной; онѣ нарочно пріѣзжали къ ней въ Тобольскъ; но князь, подозрѣвая, что онѣ жалуются ей, какъ близкой родственницѣ покойной ихъ матери, на его поведеніе и недобросовѣстные поступки относительно ихъ самихъ, такъ какъ онъ затѣялъ въ то время еще одно очень неправое дѣло, касательно завѣщаннаго его дочерямъ дядею ихъ матери Черевинымъ по духовному завѣщанію наслѣдства, и перевелъ это дѣло для скорѣйшаго успѣха въ сибирскіе суды, гдѣ, какъ властелинъ края, надѣялся выиграть его, возсталъ и противъ Фонъ-Визиныхъ, не смотря на то, что до тѣхъ поръ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, былъ въ лучшихъ дружескихъ отношеніяхъ съ ними. Онъ началъ писать укорительныя письма къ Натальѣ Дмитріевнѣ, будто она возстановляетъ дочерей его противъ него, бѣсился неимо-

вѣрно, особенно же когда неправое дѣло, кончившееся въ низшихъ инстанціяхъ судовъ сибирскихъ въ его пользу, перешло на разсмотрѣніе прокурора, которымъ былъ тогда мой отецъ, пользовавшійся, какъ сказано раньше, всегда его большимъ расположеніемъ. Но сколько ни дорожилъ отецъ лестнымъ его вниманіемъ, онъ не могъ поступить вопреки своей совѣсти, почему и протестовалъ противъ неправаго рѣшенія дѣла въ пользу князя Горчакова. Отецъ очень хорошо сознавалъ, что своимъ протестомъ онъ наживалъ себѣ непримиримаго врага въ лицѣ князя, какъ это и оказалось потомъ, и что онъ жертвуетъ благосостояніемъ своей многочисленной семьи, которой оставалось единственное наслѣдство послѣ его смерти — заслуженная имъ безпорочной сорокалѣтней службой пенсія. Князь же, по своей силѣ и безграничной власти въ Сибири, легко могъ сокрушить и уничтожить всѣ его прежнія заслуги. Какъ ни трудно было предстоявшее ему рѣшеніе, но, предавшись Богу, онъ поступилъ, какъ повелѣвалъ ему законъ совѣсти. Князь Горчаковъ, получивъ протестъ отца, разсвирѣпѣлъ окончательно. Онъ никакъ не предполагалъ встрѣтить оппозицію отъ человѣка, въ преданности котораго былъ увѣренъ. Зная же хорошо наши дружескія отношенія съ Фонъ-Визиными, онъ въ своемъ гнѣвѣ отнесъ все это ихъ вліянію и поклялся, что уничтожитъ до тла противодѣйствующее ему гнѣздо.

Незадолго же до этой исторіи была привезена въ Тобольскъ партія политическихъ преступниковъ, такъ называемыхъ Петрашевцевъ, состоявшая изъ восьми человѣкъ: Достоевскаго, Дурова, Момбели, Львова, Григорьева, Спѣшнева и самого Петрашевскаго. Отсюда ихъ распредѣляли уже по разнымъ заводамъ и губерніямъ. Наталья Дмитріевна Фонъ-Визина, посѣщая ихъ въ Тобольскомъ острогѣ, принимала въ нихъ горячее участіе и, находясь еще тогда въ дружескихъ отношеніяхъ съ княземъ Горчаковымъ, просила его оказать посланнымъ въ Омскъ Достоевскому и Дурову покровительство, что и было сначала исполнено княземъ.

Узнавъ о днѣ ихъ отправленія, мы съ Натальей Дмитріевной выѣхали проводить ихъ по дорогѣ, ведущей въ Омскъ, за Иртышъ, верстъ за семь отъ Тобольска. Морозъ стоялъ страшный. Отправившись въ своихъ саняхъ пораньше, чтобъ не пропустить проѣзжающихъ узниковъ, мы заранѣе вышли изъ экипажа и нарочно съ версту ушли впередъ по дорогѣ, чтобъ не сдѣлать кучера свидѣтелемъ нашего съ ними прощанья; тѣмъ болѣе, что я должна была еще тайно дать жандарму письмо для передачи въ Омскѣ хорошему своему знакомому, подполковнику Ждан-Пушкину, въ которомъ просила его принять участіе въ Достоевскомъ и Дуровѣ.

Долго намъ пришлось прождать запоздалыхъ путниковъ; не помню, что задержало ихъ отправку, и 30-ти-градусный морозъ порядочно начиналъ насъ пробирать въ открытомъ полѣ. Прислуши-

ваясь безпрестанно къ малѣйшему шороху и звуку, мы ходили взадъ и впередъ, согрѣвая ноги и мучаясь неизвѣстностью, чему приписать ихъ замедленіе. Наконецъ, мы услышали отдаленные звуки колокольчиковъ. Вскорѣ изъ-за опушки лѣса показалась тройка съ жандармомъ и сѣдокомъ, за ней другая; мы вышли на дорогу и, когда они поровнялись съ нами, махнули жандармамъ остановиться, о чемъ уговорились съ ними заранѣе. Изъ кошевыхъ (сибирскій зимній экипажъ) выскочили Достоевскій и Дуровъ. Первый былъ худенькій, небольшого роста, не очень красивый собой молодой человѣкъ, а второй лѣтъ на десять старше товарища, съ правильными чертами лица, съ большими черными, задумчивыми глазами, черными волосами и бородой, покрытой отъ мороза снѣгомъ. Одѣты были они въ арестантскіе полушубки и мѣховые малахаи, въ родѣ шапокъ съ наушниками; тяжелые кандалы гремѣли на ногахъ. Мы наскоро съ ними простились, боясь, чтобы кто-нибудь изъ проѣзжающихъ не засталъ насъ съ ними, и успѣли только имъ сказать, чтобъ они не теряли бодрости духа, что о нихъ и тамъ будутъ заботиться добрые люди. Я отдала приготовленное письмо къ Пушкину жандарму, которое онъ аккуратно и доставилъ ему въ Омскѣ.

Они снова усѣлись въ свои кошевыя, ямщикъ ударилъ по лошадямъ, и тройки помчали ихъ въ непроглядную даль горькой ихъ участи. Когда замеръ послѣдній звукъ колокольчиковъ, мы, отъискавъ наши сани, возвратились чуть не окоченѣвшія отъ холода домой.

Въ началѣ пребыванія въ Омскѣ, въ арестантскихъ ротахъ, Достоевскаго и Дурова, имъ было гораздо лучше, чѣмъ впослѣдствіи. Князь Горчаковъ, по просьбѣ Натальи Дмитріевны, принялъ въ нихъ участіе и дѣлалъ разныя облегченія, но послѣ размолвки Натальи Дмитріевны съ княземъ все вдругъ перемѣнилось, и вмѣсто снисхожденія началось притѣсненіе. Прежде всего, запрещено было помѣщать ихъ въ госпиталь, потомъ велѣно было высылать ихъ съ прочими арестантами въ кандалахъ чистить зимой самыя многолюдныя улицы, однимъ словомъ, начался для нихъ цѣлый рядъ разнородныхъ униченій. Мы имѣли о нихъ постоянныя свѣдѣнія отъ Пушкина; онъ, какъ инспекторъ кадетскаго корпуса, писалъ ко мнѣ о нихъ подъ видомъ извѣстій будто бы о родственникахъ-кадетахъ; между прочимъ, забавно описывалъ онъ переполохъ князя изъ-за Достоевскаго и Дурова. «Однажды, — писалъ Пушкинъ,—начальникъ штаба, генералъ Жемчужниковъ, посѣтилъ военный лазаретъ и, видя здоровый видъ Достоевскаго и Дурова, шепнулъ главному доктору Троицкому, чтобъ онъ ихъ выписалъ, прибавивъ при этомъ по секрету, что въ нихъ и князь Горчаковъ принимаетъ большое участіе и что имъ не такъ худо будетъ и внѣ госпиталя; дѣйствительно, коменданту было передано по секрету,

чтобъ съ ними и обращались хорошо и не употребляли ихъ на тяжелыя работы. Причина приказанія выписать ихъ изъ госпиталя была, кажется, трусость князя. Здѣсь пресмѣшная комедія была. Князь, получивши въ первый разъ предписаніе о присылкѣ въ Сибирь этихъ несчастныхъ, распорядился тотчасъ же о развозѣ ихъ по назначеннымъ мѣстамъ тоже на почтовыхъ, какъ они прибыли изъ Петербурга; на другой день приходитъ къ князю начальникъ штаба и увѣряетъ, что ихъ слѣдовало отправить по этапамъ пѣшкомъ, а не по почтѣ, и что за это князь можетъ получить непріятность. Князь испугался, послалъ было тотчасъ же адъютанта своего на курьерскихъ въ Тобольскъ, чтобъ остановить свое первое распоряженіе, но было уже поздно, адъютантъ встрѣтилъ на дорогѣ ѣдущихъ въ Омскъ Дурова и Достоевскаго и узналъ, что прочіе тоже отправлены и что ихъ никакъ не догонишь. На князя напала страшная трусость, пошли вздохи и жалобы; онъ только и твердилъ окружающимъ его, что вотъ долголѣтняя служба его должна пропасть, что онъ ожидаетъ каждую минуту, что прискачетъ изъ Петербурга фельдъегерь, посадитъ его въ сани и увезетъ за тридевять земель; ничѣмъ заниматься не могъ, только это въ головѣ у него и было, и вотъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ этой-то трусости онъ и послалъ начальника штаба въ госпиталь съ тѣмъ, что ежели онъ найдетъ ихъ на видъ здоровыми, то чтобы приказалъ выписать. Надняхъ получилъ, наконецъ, князь успокоительный отвѣтъ изъ Петербурга, гдѣ пишутъ, что всѣ его распоряженія на счетъ отправленія и назначенія этихъ несчастныхъ одобряются совершенно, и вотъ онъ вздохнулъ свободнѣе».

Дуровъ былъ поэтъ; онъ въ тюрьмѣ написалъ прекрасные стихи, которые переслалъ чрезъ Пушкина къ намъ въ Тобольскъ, на текстъ св. евангелиста Матѳея: «Пришелъ Іоаннъ, ни ѣстъ, ни пьетъ; и говорятъ: въ немъ бѣсъ. Пришелъ Сынъ человѣческій, ѣстъ и пьетъ, и говорятъ: вотъ, человѣкъ, который любитъ ѣсть и пить вино, другъ мытарямъ и грѣшникамъ». Гл. XI. Стихи 18, 19. Прилагаю ихъ здѣсь.

«Когда пустынникъ Іоаннъ,
«Окрѣпнувъ сердцемъ въ жизни строгой,
«Пришелъ крестить на Іорданъ
«Во имя истиннаго Бога,

«Народъ толпой со всѣхъ сторонъ
«Бѣжалъ, ища съ Пророкомъ встрѣчи,
«И былъ глубоко пораженъ
«Святою жизнію Предтечи.

«Онъ тяжкій поясъ надѣвалъ,
«Во власяницу облекался,
«Подъ изголовье камень клалъ,
«Одной акридою питался.

«И фарисеи для того,
«Чтобъ потушить восторгъ народный,
«Шептали всюду про Него
«Съ улыбкой дерзкой и холодной:

«Не вѣрьте... видано ль во вѣкъ,
«Чтобъ кто-нибудь какъ Онъ постился,
«Нѣтъ, это лживый человѣкъ:
«Въ немъ бѣсъ нечистый поселился...

«Но вотъ исполнился завѣтъ,
«Сбылись пророчества святыя —
«И за Крестителемъ во слѣдъ
«Пришелъ Божественный Мессія.

«Сойдя съ небесъ спасти людей,
«Къ высокой цѣли шелъ Онъ прямо,
«Во лжи каралъ учителей
«И выгналъ торжниковъ изъ храма.

«Онъ словомъ вѣру зажигалъ
«Въ сердцахъ униженныхъ и черствыхъ,
«Слѣпорожденныхъ исцѣлялъ
«И вызывалъ изъ гроба мертвыхъ.

«Незримыхъ язвъ духовный Врачъ,
«Онъ не былъ глухъ къ мольбамъ злодѣя...
«Услышалъ Онъ Маріинъ плачъ
«И вопль раскаянья Закхея.

«И чтожъ? На площади опять
«Учителя и фарисеи
«Пришли Израиля смущать
«И зашипѣли словно змѣи:

«Бѣгите ложнаго Христа,
«Пусть Онъ слова теряетъ праздно,
«Его крамольныя уста
«Полны раздора и соблазна...

«И какъ, взгляните, Онъ живетъ
«Мірскимъ весь преданный заботамъ,
«Онъ ѣстъ, Онъ бражничаетъ, пьетъ
«И исцѣляетъ по субботамъ.

«Онъ грязью мечетъ въ Божество,
«Законъ отвергнувъ Моисеевъ.
«И кто межъ насъ друзья Его,
«Кромѣ блудницъ или злодѣевъ»?..

Дуровъ.

14-го марта 1850 года.
Темница Омскъ.

Достоевскій и Дуровъ, по окончаніи четырехлѣтняго пребыванія въ Омскихъ арестанскихъ ротахъ, были переведены въ Семипалатинскъ, откуда потомъ возвращены, уже въ въ 1856 году, въ Россію.

Каждые два года сибирскіе генералъ-губернаторы обязательно ѣздили въ Петербургъ съ отчетами и новыми представленіями по устройству края. Случилось такъ, что князю Горчакову, послѣ всѣхъ своихъ непріятныхъ исторій, нужно было ѣхать въ Петербургъ. Уѣзжая, онъ прямо заявилъ во всеуслышаніе свои угрозы и негодованіе какъ на Фонъ-Визиныхъ, такъ и на отца моего, говоря громко, что, по своемъ возвращеніи изъ Петербурга, онъ всѣхъ своихъ недоброжелателей нарядитъ въ сѣрые армяки и разсѣетъ по Сибири. Положеніе наше было очень критическое, надо было предпринять какія-нибудь охранительныя мѣры. Наталья Дмитріевна Фонъ-Визина, по своему смѣлому характеру, рѣшилась написать письмо прямо къ императору Николаю Павловичу, прося его защиты отъ самовластія безконтрольнаго властелина Западной Сибири. Излагая всепокорнѣйшую свою просьбу императору, она упомянула, что въ оправданіе свое она можетъ только представить свою переписку съ княземъ Горчаковымъ по этому дѣлу, которую и препровождаетъ въ III Отдѣленіе князю Алексѣю Өедоровичу Орлову.

Письмо къ императору и переписку ея съ княземъ взялся отправить на почту жандармскій штабъ-офицеръ Фонъ-Коленъ. Отвѣта, конечно, не послѣдовало, и мы прожили зиму въ тяжелой неизвѣстности, чѣмъ рѣшится наша участь весной, по возвращеніи князя, тѣмъ болѣе, что отъ него получались извѣстія объ успѣхѣ будто бы его дѣлъ въ Петербургѣ. Предавшись на волю Божію, мы единственное подкрѣпленіе находили лишь въ молитвѣ. Вдругъ, подъ конецъ зимы, неожиданно прислана была отставка генералу Шрамму безъ всякаго, конечно, съ его стороны желанія, изъ чего всѣ тотчасъ же поняли, что дѣла князя въ Петербургѣ плохи. Вскорѣ потомъ стали доходить слухи, что и онъ не вернется больше въ Сибирь. Наши сердца встрепенулись надеждою на спасеніе; и въ самомъ дѣлѣ прошло лѣто, а князь все не возвращался. Какъ письмо Натальи Дмитріевны Фонъ-Визиной, такъ и множество доносовъ, посланныхъ со всѣхъ сторонъ, подѣйствовали въ Петербургѣ на столько сильно, что къ осени назначена была ревизія Западной Сибири, которую и поручено было произвести генералъ-адъютанту Николаю Николаевичу Анненкову. Ревизія была имъ сдѣлана очень снисходительно, вслѣдствіе просьбы военнаго министра графа Чернышева, который въ продолженіе 14-ти лѣтъ всегда заступался за князя Горчакова, почему и опасался, чтобъ открытіе всѣхъ его злоупотребленій не послужило бы укоромъ и самому министру. Съ Николаемъ Николаевичемъ Анненковымъ пріѣхали для

ревизіи два брата Викторъ и Адамъ Антоновичи Арцымовичи и Ковалевскій. Н. Н. Анненковъ былъ двоюродный братъ декабристу Ив. Алек. Анненкову, поселенному въ Тобольскѣ. По пріѣздѣ своемъ въ Тобольскъ, Ник. Ник. тотчасъ же послалъ за Иваномъ Александровичемъ и потомъ самъ все свободное отъ дѣлъ время проводилъ у нихъ, относясь къ нему и къ его семьѣ, какъ самый близкій родственникъ. При ревизіи оказалось много безпорядковъ въ дѣлахъ и пришлось нѣкоторыхъ чиновниковъ удалить отъ должностей; къ покойному же отцу моему, Анненковъ во все время ревизіи относился съ довѣріемъ и часто руководился его указаніями. Онъ нашелъ въ такомъ порядкѣ всѣ его дѣла, что, по окончаніи ревизіи, представилъ его къ св. Аннѣ 2-й степени.

Ник. Ник. Анненковъ всю зиму 1851 года провелъ въ Тобольскѣ. Общество старалось доставить ему всевозможныя удовольствія. Давались балы, концерты, пикники, обѣды. Молодежь рада была и сама повеселиться. Вообще, городъ оживился и былъ неузнаваемъ, каждый старался чѣмъ-нибудь отличиться и обратить на себя вниманіе заѣзжаго петербургскаго вельможи, который, надо отдать ему полную справедливость, былъ необыкновенно любезенъ и внимателенъ, особенно съ дамами. Чтобъ ближе познакомить его съ обществомъ и товарищами декабристами, сибирскіе Анненковы устроили у себя танцовальный вечеръ. Всѣ приглашенные уже собрались, когда пріѣхалъ Николай Николаевичъ. Онъ прошелъ прямо въ гостиную, куда послѣдовали за нимъ тотчасъ же и многія дамы, прося хозяйку представить ихъ генералу. Я осталась съ нѣкоторыми декабристами въ залѣ и когда началась кадриль, которую танцовала я съ декабристомъ Александромъ Мих. Муравьевымъ, Николай Николаевичъ, стоя у дверей, разсматривалъ всѣхъ присутствующихъ и, замѣтивъ меня, какъ не представленную ему, спросилъ Прасковью Егоровну Анненкову пофранцузски:

— Qui est cette charmante personne?

Она отвѣчала:

— C'est la fille du procureur, m-elle Frantzoff.

— Présentez moi je vous en prie á m-elle, j'estime beaucoup son père et je désire faire sa connaissance.

На всѣхъ прочихъ балахъ онъ постоянно былъ ко мнѣ очень внимателенъ, что, конечно, весьма льстило моему самолюбію. На масляницѣ, въ прощеный день, для него былъ устроенъ въ благородномъ собраніи «folle journée», на которомъ, по болѣзни отца, я не могла быть; онъ, узнавъ объ этомъ, наговорилъ мнѣ много любезностей и сказалъ, что самъ пріѣдетъ приглашать меня; и хотя самъ не пріѣхалъ, но прислалъ одного изъ своихъ чиновниковъ просить отца отпустить меня на пикникъ.

По назначеніи ревизіи, князь Горчаковъ подалъ въ отставку, и на его мѣсто назначенъ былъ новый генералъ-губернаторъ, гене-

ралъ Гасфортъ. Тобольскій губернаторъ Энгельке тоже по окончаніи ревизіи вышелъ въ отставку и на его мѣсто также пріѣхалъ другой, нѣкто Тихонъ Ѳедотовичъ Прокофьевъ, добрый и благодушный старикъ. Пробывъ года два не больше въ Тобольскѣ, онъ по болѣзни долженъ былъ оставить должность. Его замѣнилъ потомъ Викторъ Антоновичъ Арцымовичъ.

Послѣ многолѣтняго страданія декабристовъ, наконецъ, нѣкоторымъ изъ нихъ начало улыбаться счастье; ко многимъ, получивъ разрѣшеніе, стали пріѣзжать на свиданіе изъ Россіи сыновья.

Фонъ-Визинымъ тоже предстояла эта радость; ихъ сыновья также принялись хлопотать о разрѣшеніи пріѣхать въ Сибирь, но!.. пути Божіи неисповѣдимы! Несчастные родители были лишены этого счастья на землѣ. Старшій ихъ сынъ вдругъ заболѣлъ, отправился въ Одессу лѣчиться и скончался тамъ на рукахъ однихъ своихъ друзей, на 26-мъ году жизни; это было въ 1850 году. Младшій же братъ его, Мих. Мих. юноша не особенно крѣпкаго здоровья, такъ былъ друженъ съ своимъ старшимъ братомъ, что послѣ его потери черезъ 8 мѣсяцевъ пріѣхалъ въ Одессу на могилу брата и испустилъ духъ въ той же семьѣ, гдѣ умеръ братъ его и легъ съ нимъ рядомъ. Впослѣдствіи, ихъ мать, возвратясь изъ Сибири, посѣтила могилу своихъ сыновей въ Одессѣ, поставила надъ нею великолѣпный огромнаго размѣра крестъ съ художественно отлитой изъ бронзы во весь ростъ страдальческой фигурой Спасителя. Трудно описать скорбь несчастныхъ родителей, когда до нихъ дошли въ Сибирь эти печальныя вѣсти. Каждый отецъ, каждая мать поймутъ это сердцемъ лучше всякаго описанія. Потеря первенца хотя и отозвалась тяжело въ сердцѣ родителей, но все же оставалась еще надежда увидѣть другого сына. Но никогда не изгладится изъ моей памяти почтенная фигура старика отца, пораженнаго новымъ тяжкимъ горемъ, въ минуту полученія извѣстія о смерти второго и послѣдняго сына; онъ стоялъ на колѣняхъ, обративъ взоръ, полный слезъ, къ лику Спасителя, и могъ только прошептать: «Да будетъ воля Твоя святая, Господи! вѣрно такъ угодно Господу!» Наталья же Дмитріевна, какъ ни была поражена вторичнымъ страшнымъ горемъ, но глубокая ея преданность и непоколебимая вѣра не только не поколебались ни на минуту, но заставили ее съ тою же любовью, покорно и безъ ропота, принять новое тяжелое испытаніе, ниспосланное на нихъ Господомъ. У нея удивительно какъ глубоко было выработано внутреннее самоотреченіе и постоянная готовность къ принесенію въ жертву всего, что бы не потребовалось отъ нея Богомъ.

Въ Россіи, на милой родинѣ, у нихъ оставалось теперь одно только дорогое сердцу существо, — это горячо и нѣжно любимый братъ Фонъ-Визина, Иванъ Александровичъ, который и сталъ просить разрѣшенія пріѣхать въ Сибирь на свиданіе съ несчастнымъ

братомъ. Получивъ позволеніе, онъ тотчасъ же пустился въ путь и пріѣхалъ въ Тобольскъ лѣтомъ 1852 года. Радость свиданія братьевъ послѣ такой многолѣтней разлуки была безпредѣльна! Иванъ Александровичъ прожилъ въ Тобольскѣ 6 недѣль и спѣшилъ назадъ въ Россію, чтобы хлопотать о возвращеніи изъ Сибири брата-изгнанника.

Вся зима прошла въ этихъ хлопотахъ и, наконецъ, чрезъ содѣйствіе князя Алексѣя Ѳедоровича Орлова, онъ достигъ желаемаго. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1853 года императоромъ Николаемъ было подписано разрѣшеніе о возвращеніи изъ ссылки Михаила Александровича Фонъ-Визина. Это былъ единственный декабристъ, возвращенный прямо на родину Николаемъ Павловичемъ. Нѣкоторые изъ декабристовъ, какъ-то: Мих. Мих. Нарышкинъ, Мих. Александровичъ Назимовъ, Лореръ, баронъ Розенъ, Лихаревъ, Фохтъ, фонъ-деръ-Бригенъ, поселенные въ городѣ Курганѣ, по случаю посѣщенія Сибири во время путешествія въ 1836 году цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, были переведены на Кавказъ солдатами. Когда дано было знать, что Наслѣдникъ заѣдетъ по маршруту въ Курганъ, уѣздныя власти, растерявшись, не знали какъ поступить съ поселенными тамъ декабристами, куда ихъ дѣвать. Будучи съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ и уважая ихъ, городничій пріѣхалъ къ нимъ и просилъ ихъ не показываться никуда во время пребыванія Наслѣдника въ городѣ. Они, конечно, согласились. Александръ Николаевичъ прибылъ въ Курганъ вечеромъ. Адъютантомъ у него былъ нѣкто Назимовъ, двоюродный братъ поселеннаго въ Курганѣ декабриста М. А. Назимова. Адъютантъ, по прибытіи, просилъ у Наслѣдника позволенія повидаться съ братомъ декабристомъ, на что Наслѣдникъ изъявилъ полное согласіе. Назимовъ тотчасъ же въ сопровожденіи городничаго отправился къ брату и провелъ съ нимъ вмѣстѣ всю ночь. Узнавъ отъ него о запретѣ показываться имъ во время пребыванія въ городѣ цесаревича, Назимовъ доложилъ объ этомъ Наслѣднику, который немедленно же разрѣшилъ декабристамъ быть въ соборѣ утромъ при молебнѣ, прибавивъ, что онъ даже самъ желаетъ ихъ видѣть. По своему мягкому и доброму сердцу, Наслѣдникъ, когда ему указали въ соборѣ на кучку стоящихъ въ сторонѣ изгнанниковъ, не могъ равнодушно и безъ слезъ смотрѣть на нихъ. Возвратившись изъ путешествія въ Петербургъ, онъ, говорятъ, на колѣняхъ просилъ своего отца, императора Николая, оказать имъ милость и возвратить ихъ на родину. Николай же Павловичъ согласился лишь перевести тѣхъ, кто пожелаетъ, на Кавказъ солдатами, о чемъ и былъ посланъ запросъ въ Курганъ. Мих. Мих. Нарышкинъ, Лореръ и М. А. Назимовъ, заявивъ о своемъ желаніи, были переведены на Кавказъ, гдѣ, прослуживъ нѣсколько лѣтъ солдатами, возвращены уже были потомъ раньше другихъ въ Россію.

Въ началѣ марта, именно 3-го числа, радостная вѣсть о возвращеніи Фонъ-Визиныхъ достигла, наконецъ, и дальнихъ странъ Сибири; неожиданно мнѣ пришлось быть вѣстницею ихъ свободы. Письмо отъ брата ихъ Ивана Александровича съ извѣстіемъ о свободѣ было переслано чрезъ моего отца. Когда Фонъ-Визины, изъ привезеннаго мною имъ письма, узнали о дарованиомъ имъ правѣ возвратиться на родину, то слезы радости полились изъ глазъ страдальцевъ и всѣхъ окружающихъ; упавъ на колѣни, они благодарили Всевышняго за дарованную имъ давно желанную свободу. Весь домъ, вся дворня, собрались выразить полное сочувствіе ихъ радости и также проливали слезы умиленія, глядя на нихъ.

Какъ сердечно ни порадовалась и я за счастіе своихъ дорогихъ друзей, но невольно сжалось сердце за себя отъ предстоящей разлуки съ столь дорогими людьми, жизнь безъ которыхъ казалась мнѣ не мыслимой. Я не могла себѣ представить, какъ останусь безъ постоянной заботливости любящаго сердца старика Мих. Алек. Фонъ-Визина.

При всемъ ихъ желаніи поскорѣе отправиться въ путь, время года не позволяло имъ даже и думать ранѣе мая мѣсяца пуститься въ такое дальнее путешествіе, такъ что волей не волей они должны были отложить свой отъѣздъ изъ Сибири, чему, конечно, я очень радовалась; каждая лишняя минута ихъ присутствія для меня была дорога; но слабое здоровье Ив. Алек., отъ сильныхъ потрясеній душевныхъ и трудовъ по дѣлу о возвращеніи брата и отъ частыхъ разъѣздовъ въ Петербургъ, не выдержало и онъ слегъ въ постель, такъ что вскорѣ за радостною вѣстью, стали приходить тревожныя извѣстія о разстройствѣ здоровья Ивана Александровича. Первое время онъ еще самъ писалъ брату, по обыкновенію, каждую недѣлю; потомъ вдругъ больше недѣли не имѣли совсѣмъ писемъ отъ него, что заставило страшно встревожиться Михаила Александровича; какъ теперь помню, рано утромъ 9-го апрѣля сильно разстроенный онъ пріѣхалъ къ намъ и просилъ послать на почту, нѣтъ ли на имя моего отца письма отъ брата. Чрезъ нѣсколько минутъ (мы жили рядомъ съ почтой), письмо было уже въ рукахъ Михаила Александровича.

Я еще не выходила изъ своей комнаты, какъ отецъ, войдя ко мнѣ, говоритъ:

— Выйди поскорѣе, врядъ ли Михаилъ Александровичъ не получилъ печальныя вѣсти о братѣ, онъ такъ, видимо, разстроенъ.

Я кое-какъ одѣлась, вышла поспѣшно въ гостиную и невольно остановилась въ ужасѣ, увидѣвъ почтеннаго старика съ дрожащимъ въ рукахъ письмомъ. Слезы лились изъ его глазъ, я была увѣрена, что онъ читаетъ извѣстіе о смерти брата; но, окончивъ письмо, онъ перекрестился съ словами:

— Слава Богу, братъ еще живъ!

Надежда на выздоровленіе его хотя и освѣтила Мих. Алек., но какъ будто подъ тяжестью грустнаго предчувствія, не успокоила совершенно. Онъ тутъ же рѣшился ѣхать въ Россію одинъ, не смотря ни на какую дорогу, и прямо отъ насъ поѣхалъ къ губернатору просить дозволенія на выѣздъ. Ровно черезъ 5 дней 15-го апрѣля 1853 года, въ великій четвергъ, на страстной недѣлѣ, не обращая вниманія на страшную распутицу, этотъ 70-тилѣтній старецъ отправился одинъ, въ сопровожденіи жандарма, въ простой телѣгѣ на перекладныхъ, въ далекій путь на родину. Любовь къ брату заставила его пренебречь всѣми опасностями, могущими встрѣтиться на пути въ такое время года. Какимъ-то тяжелымъ и грустнымъ предчувствіемъ отозвался у всѣхъ на сердцѣ такой скорый, рѣшительный отъѣздъ М. А. изъ Тобольска. Меня же онъ положительно уничтожилъ нравственно. Я прощалась съ нимъ точно какъ передъ смертью, не думая когда-либо увидѣть его больше на землѣ. Мгновенно по городу разнеслась вѣсть о поспѣшномъ отъѣздѣ М. А. и, не смотря на страстную недѣлю, всѣ спѣшили пріѣзжать прощаться съ столь глубокоуважаемымъ всѣми человѣкомъ; богатый и бѣдный равно старались заявить свое сердечное сочувствіе къ отъѣзжающему изъ края, гдѣ, въ продолженіе столькихъ лѣтъ жизни, никто никогда не слыхалъ отъ него ничего другого, кромѣ добраго слова и всегда радушнаго пріема и привѣта. Наконецъ, насталъ назначенный день отъѣзда. Всѣ товарищи, друзья и люди, искренно любившіе М. А., собрались провожать его до берега Иртыша въ 3-хъ верстахъ отъ Тобольска, до мѣста называемаго Подъ-Чуваши. Въ домѣ былъ отслуженъ непутственный молебенъ; началось тяжелое прощаніе съ товарищами многолѣтняго изгнанія, потомъ съ людьми и со всѣми знакомыми. Длинный кортежъ провожавшихъ двинулся при ярко блестѣвшемъ весеннемъ солнышкѣ; день 15-го апрѣля былъ чудный, теплый, ясный. Подъѣхавъ къ Иртышу, съ замираніемъ сердца слѣдили всѣ, когда телѣга съ сѣдоками въѣхала на ледъ и покрылась до половины колесъ водою, образовавшуюся отъ таявшаго снѣга. Переѣхать Иртышъ было не безопасно; чѣмъ дальше удалялся М. А. отъ холодныхъ странъ Сибири, тѣмъ опаснѣе становилось путешествіе Въ одномъ мѣстѣ, какъ онъ самъ потомъ разсказывалъ, ему опять пришлось переѣзжать Иртышъ. Никто не брался перевезти, такъ какъ ледъ былъ уже тонокъ; тогда М. А. рѣшился перейти рѣку пѣшкомъ, и только дошелъ до середины, какъ ледъ тронулся, и старикъ съ опасностью жизни, перескакивая съ льдины на льдину, добрался наконецъ благополучно до противоположнаго берега. Такъ доѣхалъ онъ до Перми, не разъ подвергаясь опасности при переправахъ черезъ рѣки; въ Перми онъ сѣлъ уже на пароходъ, гдѣ хотя и отдыхалъ физически, но за то душевное безпокойство и предчувствіе о потерѣ брата томило его жестоко.

На пароходѣ онъ доѣхалъ покойно до Нижняго-Новгорода. Ему очень нравилось путешествіе по Волгѣ и очень интересовало устройство пароходнаго сообщенія, которое для него было новостью. Встрѣчи съ разнородными личностями нѣсколько развлекали его отъ постоянно томящей грусти, не покидавшей во все время дороги.

Пробывъ въ Нижнемъ-Новгородѣ не болѣе сутокъ, онъ успѣлъ осмотрѣть: кремль, соборы, подземную церковь, ярмарку, и поѣхалъ затѣмъ на почтовыхъ по шоссе до Москвы.

По пріѣздѣ въ Москву, неизвѣстно для чего, его прямо привезли къ дому генералъ-губернатора графа Закревскаго, гдѣ онъ получилъ разрѣшеніе отправиться въ домъ брата Ивана Александровича на Малую Дмитровку. Подъѣзжая къ дому, сердце у него замерло, какъ онъ писалъ самъ въ Тобольскъ, отъ какого-то страшнаго предчувствія, что брата уже нѣтъ въ живыхъ. У подъѣзда его встрѣтилъ дворецкій, у котораго М. А., дрожащимъ отъ волненія голосомъ, спросилъ: «Что братъ здоровъ»? Дворецкій, увидя его столь разстроеннымъ, самъ такъ растерялся, что не рѣшился сказать вдругъ ужасную правду, что брата нѣтъ уже на свѣтѣ, и пробормоталъ сквозь зубы: «Слава Богу»! Михаилъ Александровичъ, перекрестясь, воскликнулъ: «Благодареніе Господу»! и поспѣшно вошелъ въ богато убранный домъ брата; но глубокій трауръ, вышедшей къ нему на встрѣчу родственницы, жившей всегда при Иванѣ Александровичѣ, Екатерины Ѳедоровны Пущиной, заставилъ понять несчастнаго старика ужасную истину. Они, зарыдавъ, обнялись молча...

Какъ только сдѣлалось извѣстно, что онъ пріѣхалъ въ Москву, масса экипажей потянулась къ дому покойнаго брата на Малую Дмитровку, гдѣ остановился Михаилъ Александровичъ. Толпа родныхъ и старыхъ друзей окружала его въ продолженіе цѣлаго дня и не давала ему сосредоточиться на своемъ горѣ. Но всего отраднѣе для Михаила Александровича было свиданіе съ старикомъ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, у котораго въ молодости онъ служилъ адъютантомъ. Ермоловъ, какъ только узналъ о возвращеніи Фонъ-Визиныхъ изъ Сибири, велѣлъ тотчасъ же дать ему знать объ его пріѣздѣ въ Москву, и какъ только получилъ это извѣстіе, то явился самъ и весь день не оставлялъ Михаила Александровича. Такое дружеское вниманіе старика Ермолова очень тронуло и утѣшило Михаила Александровича. Онъ часто потомъ съ любовію вспоминалъ объ участіи, оказанномъ ему въ то время Ермоловымъ.

По волѣ императора Николая, Михаилъ Александровичъ долженъ былъ жить въ своемъ имѣніи селѣ Марьино (Московской губерніи, Бронницкаго уѣзда въ 50-ти верстахъ отъ Москвы) съ запрещеніемъ въѣзда въ столицу. На другой день по пріѣздѣ,

онъ отправился вмѣстѣ съ Екатериной Ѳедоровной Пущиной туда на жительство. Проѣзжая Бронницы, онъ посѣтилъ свѣжую могилу дорогаго и столь нѣжно любимаго брата. Это посѣщеніе было для него невыразимо тяжело; во время служенія панихиды на могилѣ, слезы лились ручьями изъ глазъ злополучнаго старика. (Иванъ Александровичъ похороненъ въ родовомъ склепѣ при Бронницкомъ соборномъ храмѣ, гдѣ также было оставлено мѣсто и для Михаила Александровича).

Тяжело было ему, одинокому, убитому горемъ, поселиться въ родовомъ имѣніи, гдѣ жили его отцы и дѣды, гдѣ все когда-то кипѣло жизнью, общею съ нимъ, тогда какъ теперь онъ былъ одинокъ и въ средѣ общества, совершенно чуждаго ему по взглядамъ и по понятіямъ. Все, что было дорого ему на родинѣ, лежало въ свѣжихъ могилахъ, а все дорогое и близкое его сердцу: жена, пріемныя дѣти, товарищи, друзья, всѣ были далеко, въ странѣ изгнанія, куда невольно летѣло его сердце. Онъ самъ впослѣдствіи передавалъ мнѣ, какую сердечную муку пришлось ему вынести первое время по своемъ возвращеніи въ Россію.

Когда пришлось ему разставаться съ сибирскимъ жандармомъ, сопровождавшимъ его до села Марьина и отъ котораго онъ во всю дальнюю, трудную дорогу не видѣлъ ничего, кромѣ самаго сердечнаго вниманія и заботливости, то онъ обнялъ его какъ задушевнаго друга. Жандармъ до того былъ растроганъ, что даже цѣловалъ у него руки.

Три дня спустя послѣ отъѣзда Михаила Александровича изъ Тобольска, въ день Пасхи, Наталья Дмитріевна получила изъ Москвы извѣстіе о кончинѣ брата Ивана Александровича, послѣдовавшей 6-го апрѣля 1853 года. Хоронили его 9-го числа, именно въ тотъ день, когда Михаилъ Александровичъ читалъ у насъ въ домѣ въ Тобольскѣ то письмо, которое заставило его рѣшиться ѣхать одному, чтобъ застать брата живымъ.

Положеніе Натальи Дмитріевны было тоже ужасное по полученіи извѣстія о смерти Ивана Александровича. Страхъ за мужа, который привыкъ дѣлить съ нею всѣ горести и радости жизни, и боязнь за то, какъ онъ перенесетъ одинъ тяжелое горе, найдя вмѣсто брата лишь его свѣжую могилу, все это ее страшно терзало и мучило. Письма, получаемыя отъ Михаила Александровича съ дороги, ее мало успокоивали; она рѣшилась ѣхать при первой возможности, не смотря на свое разстроенное здоровье и нервное потрясеніе. Въ особенности ее мучила мысль, какъ она найдетъ мужа и перенесъ ли онъ ударъ, поразившій его такъ внезапно по пріѣздѣ на родину. Зная любящее сердце мужа, она сознавала какъ тяжело ему теперь быть на родинѣ безъ тѣхъ, кого онъ привыкъ любить съ дѣтства, почему и рѣшилась просить отца моего отпустить меня съ нею хоть на годъ въ Россію, для утѣшенія убитаго горемъ Михаила Александровича.

Какъ ни тяжело было отцу разставаться со мной, потому что онъ меня сильно любилъ, но его благородное сердце не знало отказа въ жертвѣ, когда дѣло касалось пользы другого. Отецъ тоже зналъ хорошо, что Михаилъ Александровичъ съ моего дѣтства любилъ меня такъ горячо, какъ родную дочь, и ничѣмъ больше не могъ доказать ему свою дружбу въ минуту такого тяжелаго горя, какъ пожертвовать разлукою со мной.

М. Д. Францева.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА.

РЕДИ ХРАНИЛИЩЪ оффиціальныхъ источниковъ нашей исторіи одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ архиву правительствующаго сената. Въ количественномъ и качественномъ отношеніи онъ уступаетъ, пожалуй, только Московскому архиву министерства юстиціи; въ послѣднемъ хранятся дѣла болѣе старыя, относящіяся къ московскому періоду нашей исторіи, дѣла приказовъ, нѣкоторыхъ коллегій и провинціальныхъ учрежденій XVIII вѣка. Московскій архивъ преимущественно важенъ для занимающихся до-петровской исторіей Россіи, но для изучающихъ такъ называемый петербургскій періодъ гораздо болѣе значенія имѣетъ архивъ сенатскій: въ немъ хранятся дѣла разныхъ департаментовъ сената, министерства юстиціи, бывшаго инспекторскаго департамента гражданскаго вѣдомства и др. По даннымъ, заключающимся въ описи архива, напечатанной въ 1872 г., въ немъ всего находилось дѣлъ, журналовъ, опредѣленій, документовъ, книгъ и связокъ 3.375,962. Кромѣ этого, въ архивѣ хранились именные высочайшіе указы и повелѣнія, и копіи съ нихъ съ 1704 по 1865 г., и указы, и протоколы тайнаго верховнаго совѣта съ 1726 по 1730 г. въ числѣ 237,846 номеровъ. Всего такимъ образомъ въ архивѣ было документовъ и дѣлъ 3.614,808 номеровъ. Цифра весьма почтенная, особенно если принять во вниманіе, что большая часть этого матеріала имѣетъ первостепенную важность: таковы указы, высочайшія повелѣнія и бумаги верховнаго тайнаго совѣта, а, между тѣмъ, изъ нихъ очень многое остается неизвѣстнымъ. Изъ массы ихъ, хра-

нящейся въ архивѣ, въ «Полное Собраніе Законовъ» вошла одна треть; это объясняется отчасти тѣмъ, что многіе указы не были розысканы составителями «Полнаго Собранія», а отчасти и цѣлями самаго изданія, въ которое должны были включаться законодательныя и административныя распоряженія болѣе общаго характера и не могли попасть указы о назначеніяхъ къ должностямъ, разнаго рода милостяхъ, наградахъ и пожалованіяхъ. Не вошли также въ «Полное Собраніе» многіе высочайше конфирмованные доклады по разнымъ вопросамъ администраціи, напримѣръ, по генералъ-полиціймейстерской части въ Петербургѣ, приговоры сената, коллегій и комиссій по разнымъ уголовнымъ, и слѣдственнымъ дѣламъ.

Изъ этого мы можемъ видѣть, что сенатскій архивъ содержитъ въ себѣ множество чрезвычайно важныхъ и не тронутыхъ матеріаловъ. Чтобы облегчить пользованіе этими матеріалами, въ 1872 г. бывшимъ начальникомъ архива, покойнымъ П. И. Барановымъ, было предпринято систематическое описаніе указовъ, хранящихся въ архивѣ. Этой описи вышло три тома и доведена она до царствованія Екатерины II. Затѣмъ, изданіе пріостановилось; въ настоящее время оно снова стало выходить, но уже въ другомъ видѣ: печатается не опись, а самые указы. 21 января 1887 г., государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи, соизволилъ на изданіе подъ непосредственнымъ руководствомъ сенатора Рѣпинскаго, сборника хранящихся въ сенатскомъ архивѣ высочайшихъ повелѣній съ конца 1796 года, которымъ не издано никакой описи и которыя не вошли въ «Полное Собраніе Законовъ», а также протоколовъ правительствующаго сената съ 1737 года и другихъ документовъ прошлаго и нынѣшняго столѣтій, представляющихъ интересъ въ историческомъ и научномъ отношеніяхъ.

Теперь вышелъ первый томъ этого новаго изданія, заключающій въ себѣ именные указы императора Павла I съ 1796 по 1801 годъ. Этотъ огромный томъ въ 1,000 почти страницъ [1]) представляетъ чрезвычайно много новыхъ и интересныхъ документовъ для характеристики царствованія императора Павла, особенно для исторіи раздачи при немъ земель и населенныхъ имѣній и для сужденія о служебныхъ передвиженіяхъ. На этихъ-то двухъ вопросахъ мы и остановимъ вниманіе читателей въ настоящей статьѣ.

Въ 1788 году, приготовляясь ѣхать въ армію, цесаревичъ Павелъ Петровичъ составилъ «Наказъ», въ которомъ изложилъ свои взгляды

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что изданіе исполнено весьма хорошо, книга снабжена образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ указателемъ лицъ, мѣстъ и предметовъ, но съ внѣшней стороны нельзя не попенять на то, что книга напечатана на весьма плохой сѣрой, оберточной бумагѣ; было бы предпочтительнѣе увеличить немного цѣну, но выбрать бумагу получше.

на управленіе государствомъ. Онъ съ особенною любовью останавливается на крестьянствѣ, говоря, что оно «содержитъ собою всѣ прочія части и своими трудами слѣдственно особаго уваженія достойно и утвержденія состоянія, неподвижнаго нынѣшнимъ перемѣнамъ его». Павелъ считалъ необходимымъ «уважить состояніе приписныхъ къ заводамъ крестьянъ, ихъ судьбу перемѣнить и разрѣшить... Не меньшаго частнаго уваженія заслуживаютъ государственные крестьяне, однодворцы, черносошные и пахотные, которыхъ свято, по ихъ назначеніямъ, оставлять, облегчая ихъ судьбу; они прямые государственные. Экономическіе оставить въ ихъ нынѣшнемъ основаніи, но доходы съ нихъ никуда не опредѣлять, какъ на монастыри и богоугодныя заведенія, а за симъ, что останется, на прямыя государственныя необходимости... Дворцовые остаются на содержаніе двора, на государскія жалованія и на удѣлы фамильные» [1]). Изъ этихъ словъ видно, что Павелъ думалъ улучшить положеніе крестьянъ и былъ противъ раздачи ихъ частнымъ лицамъ, по крайней мѣрѣ, это можно утверждать относительно крестьянъ экономическихъ, которыхъ онъ хотѣлъ оставить въ «нынѣшнемъ основаніи». Но не задолго до смерти императрицы Екатерины взгляды Павла на этотъ предметъ были уже совсѣмъ другіе. Генералъ Кутлубицкій разсказывалъ о слѣдующемъ характерномъ эпизодѣ, весьма опредѣленно рисующемъ новые взгляды великаго князя: «Въ день неожиданной кончины императрицы Екатерины, великій князь Павелъ Петровичъ ѣздилъ для развлеченія на мельницу въ Ропшу въ большихъ четвероместныхъ саняхъ, вмѣстѣ съ Маріей Ѳеодоровной. Напротивъ ихъ сидѣлъ графъ Ильинскій, въ какомъ-то странномъ польскомъ или охотничьемъ уборѣ со шнурками, и какой-то другой придворный. На запяткахъ стояли Кутлубицкій и Капцевичъ. Дорогою великій князь говорилъ о видѣнномъ имъ и Маріею Ѳеодоровною снѣ, будто невидимая и сверхъестественная сила поднимала ихъ къ небесамъ. По поводу этого сна графъ Ильинскій сказалъ:—«Вѣроятно ваше высочество скоро будете императоромъ, и тогда я выиграю мой процессъ съ казною». У графа былъ процессъ съ казною объ имѣніи въ нѣсколько тысячъ душъ. На что великій князь отвѣчалъ: — «Навѣрное выигралъ бы; по моему лучше бы и всѣхъ казенныхъ крестьянъ раздать помѣщикамъ. Живя въ Гатчинѣ, я насмотрѣлся на ихъ управленіе; помѣщики лучше заботятся о своихъ крестьянахъ, у нихъ своя отеческая полиція».

Такимъ образомъ, Павелъ Петровичъ видѣлъ въ раздачѣ крестьянъ средство къ улучшенію ихъ быта. Что у него былъ дѣйствительно такой взглядъ, это подтверждается свидѣтельствомъ дру-

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1867 г., кн. I, стр. 317—319. «Русская Мысль» 1884 г. кн. XII, стр. 154. Кобеко. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, стр. 314 (2-е изд.).

гого приближеннаго къ нему человѣка Н. А. Саблукова. Разсказавъ о милостяхъ императора по случаю коронаціи, Саблуковъ замѣчаетъ: «Павелъ не считалъ этого способа распоряжаться государственными землями и крестьянами предосудительнымъ для общаго блага, ибо онъ полагалъ, что крестьяне гораздо счастливѣе подъ управленіемъ частныхъ владѣльцевъ, чѣмъ тѣхъ лицъ, которыя обыкновенно назначаются для завѣдыванія государственными имуществами». Однако, не смотря на эти свидѣтельства Саблукова и Кутлубицкаго, можно предполагать, что были и другія соображенія, заставлявшія императора Павла щедро раздавать крестьянъ. Высказывалась боязнь народныхъ волненій, помѣщики должны были замѣнять собой въ деревняхъ полиціймейстеровъ, сдерживать народъ въ повиновеніи. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняетъ причины раздачи извѣстный адмиралъ А. С. Шишковъ. «Причиною сей раздачи деревень, — говоритъ онъ въ своихъ «Запискахъ», — сказываютъ, былъ больше страхъ, нежели щедрота. Павелъ I, напуганный, можетъ быть, примѣромъ Пугачева, думалъ раздачею казенныхъ крестьянъ дворянамъ уменьшить опасность отъ народныхъ смятеній. Сія, можно сказать, несчастная боязнь часто тревожила сердце сего монарха и была причиною тѣхъ излишнихъ осторожностей и непомѣрныхъ строгостей, какими, муча другихъ, и самъ онъ безпрестанно мучился, и которыя вмѣсто погашенія мнимыхъ искръ возмущенія, дѣйствительно, порождали ихъ и воспламеняли» [1]), Трудно рѣшить, какое изъ приведенныхъ соображеній преобладало при раздачѣ крестьянъ, страхъ или мысль о томъ, что у помѣщиковъ крестьянамъ будетъ лучше, но мы не можетъ не замѣтить, что желаніе добра крестьянамъ никогда не пропадало у императора, такъ что онъ прибѣгалъ даже къ противоположной мѣрѣ, отбиралъ крестьянъ у помѣщиковъ въ казну. Вотъ, напримѣръ, для подтвержденія, указъ его, данный Г. Р. Державину 16 іюня 1800 году: «По дошедшему до насъ свѣдѣнію, что въ Бѣлорусской губерніи недостатокъ въ хлѣбѣ, и нѣкоторые помѣщики, изъ безмѣрнаго корыстолюбія, оставляютъ крестьянъ своихъ безъ помощи къ прокормленію, поручаемъ вамъ изыскать о таковыхъ помѣщикахъ, гдѣ нуждающіеся въ пропитаніи крестьяне остаются безъ помощи отъ нихъ, и оныхъ имѣнія отбравъ, отдать подъ опеку и распоряженіемъ оной снабжать крестьянъ изъ господскаго хлѣба, а въ случаѣ недостатка, заимствовать оный для нихъ на счетъ помѣщиковъ изъ сельскихъ магазейновъ. Казенныя же имѣнія, состоящія во временномъ владѣніи, въ такомъ случаѣ изъ онаго тот-

---

[1]) «Русскій Архивъ» 1886 г. Разсказы генерала Кутлубицкаго о временахъ императора Павла I, стр. 1308—1309. «Рус. Арх.» 1869 г. Изъ записокъ Н. А. Саблукова, стр. 1893. Записки, мнѣнія и переписка адмирала Шишкова, т. I. стр. 22.

часъ обратить въ казенное вѣдомство и предоставить распоряженію казенной палаты, давая знать объ ономъ нашему генералъ-прокурору съ точнымъ показаніемъ кѣмъ, какое чрезъ то, гдѣ въ казенномъ имѣніи разстройство произведено».

Обратимся теперь къ вопросу, сколько душъ крестьянъ было пожаловано императоромъ Павломъ. Общій итогъ пожалованій равняется 265,000 душъ мужескаго пола или около 550,000 душъ обоего пола. Если разсмотрѣть пожалованія по годамъ, то мы найдемъ, что больше всего роздано было крестьянъ въ первые два года царствованія; въ 1796 году, въ послѣдніе два неполные мѣсяца, было роздано 88,000 душъ, а въ 1797 году—152,000, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что самая обильная раздача производилась въ первую половину года,—до конца апрѣля было пожаловано около 120,000 душъ. Такимъ образомъ, въ теченіе полугода (2 мѣсяца 1796 года и 4 мѣсяца 1797 года) было пожаловано около 210,000 душъ. Въ слѣдующіе годы раздача стала гораздо умѣреннѣе: въ 1798 и 1799 годахъ пожаловано было приблизительно по 10,000 душъ, въ 1800 году—около 7,000, и въ первые мѣсяцы 1801 года—2,000. Интересно сравнить эти цифры съ цифрами пожалованій при императрицѣ Екатеринѣ; она въ свое 34-хълѣтнее царствованіе раздала 400,000 мужескаго пола: на годъ приходится среднимъ числомъ 11,700 душъ. Императоръ Павелъ въ $4^1/_2$ года пожаловалъ 265,000 душъ, на годъ придется среднимъ числомъ около 60,000 душъ, такимъ образомъ, императоръ Павелъ въ годъ раздавалъ крестьянъ въ $5^1/_2$ разъ больше своей матери.

Чтобы дать приблизительное понятіе о современной цѣнности всей массы пожалованій, мы позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующій разсчетъ: почти во всѣхъ указахъ о пожалованіяхъ, въ случаяхъ недостатка земли, повелѣвается при Павлѣ отвести на душу 15 десятинъ,—мы можемъ поэтому принять это количество за норму,—переведя 265,000 на десятины, мы получаемъ колоссальную цифру 3.975,000 десятинъ. Если мы къ этому прибавимъ еще около милліона десятинъ незаселенныхъ земель, то получимъ, что всего было пожаловано около 5.000,000 десятинъ. О тогдашней цѣнѣ пожалованій мы можемъ судить по слѣдующему примѣру: знаменитому Косцюшкѣ императоръ подарилъ тысячу душъ; польскій революціонеръ, провозгласившій у себя на родинѣ личное освобожденіе крестьянъ, былъ, вѣроятно, поставленъ въ неловкое положеніе этимъ даромъ и отказался отъ него; взамѣнъ ему было пожаловано 60,000 рублей. Такимъ образомъ, мы можемъ приблизительно считать за среднюю цѣну души 60 рублей, и, оцѣнивая сообразно съ этимъ пожалованія императора Павла, мы получимъ 20.000,000 рублей.

Разбирая пожалованія, мы замѣчаемъ, что ихъ болѣе всего приходится на три дня изъ перваго времени царствованія императора Павла, а именно: 4-е декабря 1796 года, 5-е и 16-е апрѣля 1797 года.

Въ эти три дня было роздано 150,000 душъ. 4-го декабря 30-ти лицамъ, окружавшимъ императора, когда онъ былъ еще наслѣдникомъ, «въ воздаяніе усердія къ намъ,—какъ сказано въ указѣ,—и ревности къ службѣ нашей, оказанныхъ по бытности ихъ при насъ», было пожаловано 32,561 душа. Изъ этого числа шести лицамъ: Плещееву, Кушелеву, Данаурову, Ростопчину, Аракчееву и Обольянинову было дано по 2,000 душъ; четыремъ—Кологривову, барону Николаи, лейбъ-медику Беку и Кутайсову по 1,500; 9-ти—по 1,000, одному 800, пяти по 400 и тремъ по 500 душъ.

16-го апрѣля 1797 года, были награждены офицеры, служившіе въ павловскихъ и гатчинскихъ полкахъ: полковникамъ было дано по 200 душъ, подполковникамъ и ротмистрамъ по 150, а прочимъ по 100 душъ; всего же было пожаловано въ этотъ день 16,500 душъ.

Но самымъ обильнымъ днемъ пожалованій было 5-е апрѣля 1797 года, день коронаціи, когда 109 лицамъ было роздано болѣе 100,000 душъ.

Обратимся теперь къ отдѣльнымъ пожалованіямъ. Сравнивая ихъ съ пожалованіями Екатерины, мы замѣчаемъ, что они менѣе крупны. При Екатеринѣ нѣсколько человѣкъ получили огромныя имѣнія: графамъ Алексѣю и Григорію Орловымъ было дано вмѣстѣ 25,500 душъ, кромѣ незаселенныхъ земель, Потемкину 25,000 душъ, Румянцеву — 20,000, Зоричу — 13,000, кн. Платону Зубову — 13,000, Завадовскому — 8,700, Суворову — 7,000, гр. Н. И. Панину 8,400, Ермолову—6,000. При императорѣ Павлѣ такихъ крупныхъ пожалованій гораздо меньше. Выдающимся является пожалованіе графу Алексѣю Бобринскому 25,000 душъ, но эти крестьяне, состоявшіе въ волостяхъ Богородицкой и Бобриковской, Тульской губерніи, и въ Кіясовской, Московской губерніи, уже при императрицѣ Екатеринѣ были предназначены гр. Бобринскому и находились «въ особомъ вѣдомствѣ», такъ что пожалованіе императора Павла было въ настоящемъ случаѣ собственно исполненіемъ воли его матери.

Послѣ гр. Бобринскаго, больше всѣхъ получилъ канцлеръ князь А. А. Безбородко. Въ день коронаціи онъ былъ возведенъ въ княжеское достоинство, и въ томъ же указѣ ему пожаловано 6,000 душъ, «представляя оныя на его выборъ»[1]); по другому указу, въ тотъ же день ему пожаловано: «поступившая въ казенное вѣдомство, по указу отъ 2-го іюля 1780 года, вслѣдствіе завѣщанія покойнаго бригадира князя Кантемира, вотчина Дмитровская, съ при-

[1]) Пожалованія безъ опредѣленія вотчинъ бывали довольно часто. Считаемъ не лишнимъ привести по этому поводу разсказъ Шишкова, какъ онъ выбиралъ себѣ имѣніе: «Архаровъ спросилъ у меня, гдѣ выбралъ я пожалованную мнѣ деревню? Я отвѣчалъ:—«Нигдѣ, и даже не знаю, гдѣ лучше выбрать!» — Экой ты!—сказалъ онъ,—всѣ разобрали, а ты упускаешь время. Я тебѣ выберу.—«Вы меня крайне обяжете».—На! вотъ тебѣ записочка: въ Кашинскомъ уѣздѣ.—«Очень благодаренъ». Я взялъ записочку и получилъ означенное въ ней имѣніе.

надлежащими къ ней селеніями, землями и угодьями, да изъ казенныхъ порожнихъ земель въ Воронежской губерніи по Битюгу 30,000 десятинъ». Вотчина Дмитровская находилась въ Орловской губерніи и заключала въ себѣ 10,000 душъ. Такимъ образомъ, Безбородко получилъ всего 16,000 душъ и 30,000 десятинъ. Но этого мало: 1-го марта 1798 года, ему были пожалованы «земли и состоящія при нихъ, изъ числа астраханскихъ ловель, воды». Благодаря этимъ пожалованіямъ богатства Безбородко были огромныя; доходы, получаемые съ пожалованныхъ имѣній, позволили ему пріобрѣсти еще очень много крестьянъ, такъ что его состояніе равнялось 40,000 душъ, а доходу, по свидѣтельству Завадовскаго, онъ получалъ 300,000 рублей, хотя, по всему вѣроятію, Завадовскій уменьшилъ настоящую цифру.

Много было пожаловано братьямъ кн. Александру и Алексѣю Борисовичамъ Куракинымъ. Первому изъ нихъ было дано 1,437 душъ въ Петербургской губерніи и 2,863 души въ Псковской, всего 4,300. Кромѣ этого, вмѣстѣ съ братомъ пожалована въ Псковской губерніи вотчина генералъ-лейтенанта Ланскаго, въ которой считалось около 7,000 душъ, и 20,000 дес. незаселенной земли въ Тамбовской губерніи. Черезъ пять дней послѣ этого 10-го апрѣля 1797 года обоимъ братьямъ пожалованы были астраханскія рыбныя ловли и казенные учуги при слѣдующемъ интересномъ именномъ указѣ сенату: «Астраханскія рыбныя ловли и казенные учуги, состоящіе нынѣ въ содержаніи у купцовъ того города, которыми по указу 1762 года слѣдовало пользоваться всему обществу купечества астраханскаго, но кои, по вкоренившимся тамо злоупотребленіямъ, городу никакого доходу не приносятъ, повелѣваемъ отдать въ вѣчное владѣніе... князьямъ Куракинымъ... съ полученіемъ отъ нихъ въ казну нашу нынѣ платимый купцами окладъ, да въ пользу города по 12,000 рублей въ годъ».

Генералъ-фельдмаршалу кн. Н. В. Репнину пожаловано 6,000 душъ. По 4,000 душъ дано генералъ-прокурору гр. Самойлову, генералу-отъ-кавалеріи гр. Мусину-Пушкину и фельдмаршалу графу Салтыкову 2-му; по 3,000 дес. получили оберъ-камергеръ Шуваловъ и генералъ-отъ-инфантеріи гр. Гудовичъ. Болѣе 2,000 душъ получили тайный совѣтникъ Пастуховъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Стрекаловъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Гаскоинъ.

Крупныя пожалованія получили нѣкоторыя дамы: княгиня Ливенъ, статсъ-дама императрицы Маріи Ѳеодоровны, получила въ три раза 3,800 душъ, Анна Александровна Нелидова, мать извѣстной Екатерины Ивановны — 2,000 душъ, камеръ-фрейлина Протасова—1,000 душъ. Принцессѣ Биронъ съ сыновьями «въ замѣну пенсіи» въ 26,000 талеровъ было пожаловано 4,500 душъ.

Всѣ лица, состоявшія въ придворномъ гатчинскомъ штатѣ, когда

Павелъ Петровичъ былъ еще наслѣдникомъ, получили болѣе или менѣе крупныя пожалованія; камеръ-фурьеры Назаровъ и Волковъ по 500 душъ, камердинеры Званцовъ, Исаевъ и Бертомъ по 400, придворные аптекаря: Ганеманъ—150 и Ильмеръ—100 душъ.

Какъ мы уже выше видѣли, самая обильная раздача крестьянъ была произведена въ первые полгода царствованія императора Павла, на остальное же время пришлось гораздо менѣе, приблизительно 1/6 всѣхъ пожалованій. Причиной такого уменьшенія было отчасти то обстоятельство, что почти некому уже было давать, а отчасти и то, что не хватало болѣе крестьянъ. Преимущественно раздавались крестьяне дворцовые: въ концѣ февраля 1797 года, Безбородко извѣстилъ графа А. Р. Воронцова, что изъ дворцовыхъ вотчинъ «къ раздачѣ отдѣлено до 150,000 душъ и изъ нихъ уже сто тысячъ роздано, а остальныя 50,000 отдѣлены для апанажа», т. е. въ удѣлъ. Но послѣ этого изъ дворцовыхъ вотчинъ было пожаловано еще 50,000 душъ. Столь неумѣренная раздача дворцовыхъ имѣній должна была невыгодно отозваться на доходахъ дворцоваго вѣдомства, они уменьшились, пришлось ограничить милость, и 22-го октября 1798 года, императоръ далъ сенату слѣдующій указъ: «Все полное число душъ, какое съ состоянія сего указа явится въ имѣніяхъ, доселѣ дворцовыми бывшихъ, повелѣваемъ почитать ни какой раздачѣ не слѣдующими и принадлежащими навсегда къ содержанію нашей императорской фамиліи. Вслѣдствіе чего сенатъ нашъ имѣетъ дѣятельными мѣрами споспѣшествовать вступленію всѣхъ оныхъ имѣній въ вѣдомство департамента удѣловъ».

Къ концу царствованія усилились пожалованія ненаселенныхъ имѣній: наиболѣе крупное изъ такихъ пожалованій досталось оберъ-гофмаршалу Нарышкину, получившему 505,724 дес. въ Саратовской и смежныхъ губерніяхъ; изъ этого количества бо̀льшая часть ему принадлежала ранѣе до 1765 года, но была отрѣзана по межеванію, а 225,000 десятинъ императоръ пожаловалъ вновь, «всемилостивѣйше уважая», какъ сказано въ указѣ, «отмѣнную издревле, болѣе ста лѣтъ вѣрную службу сего рода и особливое усердіе и заслуги оберъ-гофмаршала». 20,000 дес. было пожаловано воспитателю императора Порошину, 15,000—Кологривову, по 10,000 дес.—Квашнину-Самарину, Кушелеву, Свистунову, Гурьеву. Статсъ-дамѣ княгинѣ Гагариной, рожденной Лопухиной, былъ подаренъ Екатерингофъ.

Въ указахъ обозначаются мотивы пожалованій; самымъ обыкновеннымъ мотивомъ является «усердная и ревностная служба», «усердіе и ревность», «служба и труды по разнымъ препорученіямъ» и т. п. Вдовамъ и дѣтямъ пожалованія производятся за службу мужей и отцовъ. Но иногда встрѣчается мотивировка другого рода: генеральному консулу въ Далмаціи Палладоклису пожаловано 261 д. «въ уваженіе за службу и въ награжденіе понесенныхъ убытковъ»; дѣвицѣ Шемякиной пожаловано 200 душъ за то, что отецъ ея гене-

ралъ-лейтенантъ Шемякинъ служилъ прадѣду императора, императору Петру Великому; отставному королевской французской службы подпоручику, мекленбургскому дворянину барону Людвигу Лефорту пожаловано имѣніе Германишки «въ намять особливаго уваженія прародителемъ нашимъ, государемъ Петромъ Великимъ, заслугъ адмирала, генерала Лефорта», при чемъ поставлено непремѣннымъ условіемъ, «что имѣніе сіе, жалуемо будучи на память фамиліи Лефортъ, изъ онаго выходить, а потому и продано и заложено быть не можетъ»; отставной полковникъ князь Черкасскій получилъ тысячу душъ «за вѣрную службу отца его, бывшаго при любезнѣйшемъ родителѣ нашемъ гофмаршаломъ». Здѣсь кстати замѣтимъ, что императоръ Павелъ вообще желалъ награждать лицъ, служившихъ при его отцѣ, но пожалованій имъ крестьянъ, кромѣ какъ князю Черкасскому, мы не встрѣчаемъ; онъ жалуетъ ихъ чинами, даетъ имъ должности, сравнительно съ чиномъ очень высокія; такъ, напр., отставнаго подпоручика Ушакова императоръ назначилъ прокуроромъ камеръ-коллегіи.

Кромѣ указанныхъ выше пожалованій, бывали и другого рода: императоръ возвратилъ многія изъ секвестрованныхъ при Екатеринѣ II имѣній польскихъ магнатовъ. Графу Ильинскому было возвращено 2252 души и городъ Житоміръ, но черезъ нѣсколько времени Житоміръ былъ обмѣненъ на значительное имѣніе. Возвращены были имѣнія Игнатію Потоцкому, Флоріану Чарнецкому, дочери Іосифа Богюца и др. Имѣніе Чарнецкаго было пожаловано императрицей Екатериной статскому совѣтнику Обрескову,—возвращая имѣніе прежнему владѣльцу, императоръ Павелъ пожаловалъ Обрескову 500 душъ изъ деревень казеннаго вѣдомства.

Разсмотрѣвъ объемъ, количество и мотивы пожалованій, обратимся къ вопросу, какъ къ нимъ относилось общество, и тутъ мы сразу почти убѣждаемся, что раздача крестьянъ чрезвычайно мѣтко названа адмираломъ Шишковымъ «расхваткой». Каждый стремился урвать побольше и получше, изобрѣталась масса всевозможныхъ тончайшихъ ухищреній, чтобы увеличить выгодность и безъ того неограниченныхъ царскихъ милостей. Алчность доходила до невѣроятныхъ крайностей и въ ходъ пускались всевозможныя средства.

Приведемъ нѣкоторые примѣры. Какъ мы уже выше сказали, канцлеру кн. Безбородко было пожаловано 6000 душъ съ правомъ ихъ выбрать, гдѣ пожелаетъ. Высмотрѣвъ лакомый кусокъ, Безбородко обратился къ кн. А. Б. Куракину съ слѣдующимъ письмомъ: «Въ совершенной надеждѣ на вашу ко мнѣ дружбу и благосклонность, я смѣю поручить вашему сіятельству дѣло мое въ полное распоряженіе, а прошу васъ только предостеречь, чтобы назначеніе, мною дѣлаемое, деревень, на выборъ мнѣ предоставленныхъ, не было мнѣ вмѣнено въ нескромность, ибо, получивъ милости монаршія, всякую заслугу превосходящія, прискорбно было

бы мнѣ подать поводъ заключать, что я тутъ руководствуюсь какою-либо жадностью. Я всѣмъ тѣмъ паче нежели доволенъ буду, что его величество опредѣлить изволитъ; выборомъ же, паки вамъ предоставляемымъ, исполню токмо его волю. Я раздѣлилъ (имѣнія) на три номера. Первый для меня былъ бы выгоднѣе; но впрочемъ повторяю, что совершенно слагаю все на щедроты его величества и на ваше стараніе. Тутъ причитается весьма малый излишекъ, который внесенъ для того, чтобы селенія не раздроблять; однако же и въ семъ какъ угодно». Изъ «перваго номера», о которомъ Безбородко просилъ князя Куракина, видно, что ему хотѣлось получить въ Московской губерніи двѣ волости: Тайнинскую и Братовскую, съ 1560 душами и въ Воронежской губерніи, въ Бобровскомъ уѣздѣ 4540 душъ крестьянъ. Такимъ образомъ, «малый излишекъ», о которомъ онъ говоритъ, доходилъ до 100 душъ.. Не смотря на то, что въ началѣ царствованія императора Павла дворцовыя волости въ Московской губерніи неразъ назначались въ пожалованіе, Куракинъ не могъ исполнить просьбу Безбородка и и написалъ на его письмѣ: «Поелику его величество на раздачу въ Московской губерніи дворцовыхъ имѣній не соизволяетъ, то о семъ его свѣтлости князю А. А. Безбородкѣ дать знать, что мною лично уже исполнено». Безбородко получилъ 6072 души въ Бобровскомъ уѣздѣ. Такъ вельможа, получившій отъ императора 16.000 душъ, имѣвшій состояніе до 40.000 душъ, не брезгалъ и такими ничтожными сравнительно прибавками, какъ 100 или 72 души, и даже ихъ выпрашивалъ [1])!

Особенною неразборчивостью въ средствахъ и большимъ искусствомъ увеличивать и округлять царскія пожалованія отличался любимецъ Павла, Ив. Пав. Кутайсовъ. Державинъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ о немъ такой случай: «Временщикъ, г. Кутайцовъ, бывши въ покояхъ генералъ-прокурора, завелъ Державина въ уединенную комнату и убѣдительно просилъ достать ему Шкловское имѣніе г. Зорича по случаю его попечительства надъ онымъ [1]), по его же, какъ видно, тайному ходатайству учрежденнаго, обѣщая ему сію услугу отплатить значительною благодарностью, да и подъ рукою однимъ евреемъ сказано было, что онъ получитъ за осмотръ арендъ 2000 душъ и орденъ св. Андрея». Но Державинъ не согласился поступить иначе, какъ по закону, а для этого нужно было посредствомъ публикацій собрать кредиторовъ въ извѣстные сроки. Интересно вообще прослѣдить исторію различныхъ пожалованій Кутайсову. 4-го декабря 1796 г. ему было пожаловано 1500 душъ, 12-го декабря новымъ указомъ повелѣно

---

[1]) «Русская Мысль», 1884 г. № XII, статья В. И. Семевскаго, стр. 182—183.

[1]) Въ имѣніи было около 14.000 душъ, и Державинъ былъ назначенъ надъ нимъ попечителемъ за неплатежъ долговъ.

было въ число этихъ 1500 душъ назначить: «состоящія тамбовскаго намѣстничества моршанской округи въ дворцовомъ селѣ Мамонтовѣ 1000 душъ, съ имѣющеюся на рѣкѣ Цнѣ оброчною мельницею, да выселенныхъ изъ города Моршанска дворцовыхъ крестьянъ, жительствующихъ близь самаго города въ новоселящейся деревнѣ 300 душъ, съ отдаваемою въ оброкъ Тулиновскою мельницею, на Цнѣ же рѣкѣ состоящею и съ узаконенною къ оной препорціею земли по обѣ стороны рѣки, и съ намѣреніемъ крестьянамъ новопоселенной деревни ко владѣемой ими землѣ изъ Цненскаго въѣзжаго лѣсу узаконенной препорціи по пятнадцати десятинъ на душу, да санктпетербургской губерніи новоладожскаго уѣзда казенныя деревни Пчеву и Чиркову, въ коихъ по четвертой ревизіи 208 душъ, съ принадлежащими къ первому и послѣднимъ землями и всякими угодьи владѣемыми и отрѣзанными». Мы нарочно цѣликомъ привели этотъ указъ, такъ какъ въ немъ весьма много характерныхъ чертъ. Прежде всего мы замѣчаемъ, что отведено было не 1500 душъ, а 1508, при чемъ сказано, что онѣ отведены по четвертой ревизіи, такъ что въ дѣйствительности ихъ въ то время было еще больше; кромѣ того, въ настоящемъ указѣ впервые появляется упоминаніе о «намѣреніи крестьянамъ земли узаконенной препорціи по 15 десятинъ на душу». Въ указахъ данныхъ ранѣе этого, а также и впослѣдствіи въ нѣкоторыхъ пожалованіяхъ о надѣлѣ говорится такимъ образомъ: «съ принадлежащими на число душъ по дачамъ землями», т. е. съ той землей, которая находилась въ пожалованномъ имѣніи по межеванію. Прибавка словъ о «препорціи по 15 десятинъ на душу» очень понравилась получавшимъ пожалованія: въ то время уже въ немногихъ губерніяхъ приходилось на душу такое количество земли, и вновь изобрѣтенная формула, въ случаѣ недостатка земли въ указанной препорціи, давала возможность просить о нарѣзкѣ ея изъ другихъ казенныхъ имѣній, даже въ другой губерніи, если по близости не находилось удобныхъ угодій. Въ указѣ о пожалованіи генералъ-фельдмаршалу кн. Н. В. Репнину было даже упомянуто о нарѣзкѣ удобной земли.

Но вернемся къ Кутайсову. Черезъ два мѣсяца послѣ пожалованія, ему было прирѣзано 14.260 десятинъ и пожалована «состоящая въ нарѣзываемомъ ему казенномъ Цненскомъ лѣсѣ, приносящая оброка 14 руб. въ годъ мукомольная мельница», которую повелѣно изъ оброка исключить. Прошло еще два мѣсяца, и 10-го апрѣля 1797 г. сенату былъ данъ слѣдующій указъ: «Эмбенскія рыбныя ловли, состоящія нынѣ у Зотова на откупу по заключенному астраханскою казенною палатою контракту за 2000 руб. на годъ и за которыя астраханскіе купцы Башкинъ и Смалинъ, желая принять въ свое содержаніе съ ежегоднымъ за нихъ платежемъ, представляютъ первый 7000, а второй 7500 рублей, повелѣваемъ изъ платежа сей послѣдней цѣны, отдать въ вѣчное со-

держаніе нашему оберъ-гардеробмейстеру Кутайсову». Черезъ два съ половиной года эти рыбныя ловли были пожалованы Кутайсову «въ вѣчное и потомственное владѣніе, присоединя къ нимъ и по берегамъ потребное количество земли.»

Вообще, какъ мы уже выше замѣтили, всякій старался ухватить побольше и получше и нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что о пожалованіяхъ просили иногда такія лица, которыя не могли имѣть на нихъ никакихъ правъ: такъ въ 1798 году бывшій полковникъ польской службы Стрѣльбицкій просилъ о пожалованіи ему староства, но онъ получилъ отказъ на томъ основаніи, что «таковыя милости дѣлаются за службу государю и отечеству». Гораздо болѣе удивительными представляются тѣ рѣдкія исключенія, когда люди не только не искали пожалованій, но даже отъ нихъ отказывались. Отказъ считался преступленіемъ, какъ это видно изъ дѣла полковника Грузинова, который, между прочимъ, обвинялся въ томъ, что «отказывался отъ пожалованныхъ ему крестьянъ, говоря, что они ему ненужны, и прогналъ ихъ, когда они пришли къ нему изъ Минской губерніи за приказаніемъ». Къ числу лицъ, обойденныхъ при пожалованіяхъ, принадлежалъ поэтъ Г. Р. Державинъ, потому что не хотѣлъ поступать противозаконно, какъ мы видѣли выше въ эпизодѣ съ Кутайсовымъ. Ничего себѣ не выпросилъ масонъ И. В. Лопухинъ, хотя, какъ онъ говоритъ, «часто были такія минуты, въ которыя тысячи душъ для себя выпросить стоило бы мнѣ одного слова». Когда императоръ охладѣлъ къ нему, то «ближній комнатный человѣкъ», пишетъ Лопухинъ, «предлагалъ мнѣ подать отъ меня государю письмо о моемъ отъ него увольненіи, въ которомъ я могу просить себѣ многаго, что онъ увѣренъ, что государь при отпускѣ моемъ все сдѣлаетъ въ мое удовольствіе и за это отвѣчаетъ. Если вамъ надобна тысяча душъ, или больше, гдѣ вамъ угодно, то я берусь, по подачѣ вашего письма, вынести на то указъ». Лопухинъ однако отказался отъ такого выгоднаго предложенія. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ поступокъ извѣстной Е. И. Нелидовой, о благотворномъ и сильномъ вліяніи которой на императора свидѣтельствуютъ многіе современники. Ея матери императоръ пожаловалъ 2,000 душъ, по поводу этого пожалованія Екатерина Ивановна обратилась къ императору съ слѣдующимъ въ высшей степени замѣчательнымъ письмомъ:

«Ваше императорское величество дали мнѣ понять вчера, что вы хотите облагодѣтельствовать мою мать, и г. Донауровъ вручилъ мнѣ послѣ обѣда указъ, объясняющій мнѣ, въ чемъ состоитъ это благодѣяніе. Ради Бога, государь, позвольте мнѣ просить у васъ, какъ милости, чтобы уменьшили этотъ даръ, слишкомъ щедрый, на половину. Моя мать всегда бы сочла за великое и неожиданное богатство тысячу душъ, отъ которыхъ не смѣю отказаться за нее, ибо она мнѣ мать. Но смѣю завѣрить васъ всѣмъ тѣмъ, что есть

для меня священнаго, что я сочла бы истиннымъ благодѣяніемъ, если бы вы имѣли милость дать ей 500 душъ, и моя мать сочла бы себя весьма счастливою и щедро награжденною, между тѣмъ какъ 2,000 душъ тяготятъ мою совѣсть; ни моя мать, ни кто-либо изъ моихъ близкихъ еще не служилъ вамъ, еще есть время уменьшить вашъ даръ на половину, и я повергаюсь къ вашимъ стопамъ, чтобы просить васъ объ этомъ. Вы найдете между вашими подданными много людей поистинѣ заслуживающихъ, или которые заслужатъ со временемъ тысячу душъ, которую вы можете держать про запасъ. Подумайте о томъ, что источникъ вашихъ щедротъ можетъ изсякнуть. Послушайтесь совѣта, который осмѣливается вамъ дать старинный другъ».[1])

Письмо, какъ видно, написано чрезвычайно убѣдительно и горячо, но тѣмъ не менѣе просьба Е. И. Нелидовой не была уважена: мать ея получила 2,000 душъ и, кромѣ того, были награждены нѣкоторые другіе ея родственники.

Обращаясь ко второму нами поставленному вопросу, вопросу о служебныхъ передвиженіяхъ, мы замѣчаемъ одну сильно выдающуюся черту, именно постоянную смѣну фавора и опалы; самыя иногда незначительныя причины кореннымъ образомъ измѣняли судьбу людей: неосторожно или не во время сказанное слово влекло за собой сильнѣйшій гнѣвъ государя, хотя въ другое время такое же слово могло вызвать великія милости. Одно и то же лицо то усиленно поднималось по службѣ, то падало, и такая смѣна происходила подчасъ чрезвычайно быстро. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: тайный совѣтникъ графъ Христофоръ Минихъ 22-го декабря 1796 года былъ безъ объясненія причинъ отставленъ отъ службы, черезъ три дня, 25-го декабря, онъ назначенъ сенаторомъ; кіевскій губернаторъ, тайный совѣтникъ Красно-Милашевичъ 17-го іюня 1799 года за истребленіе лѣсовъ въ его губерніи былъ выключенъ изъ службы, и въ указѣ по этому поводу было сказано: «впредь ни къ какой должности не опредѣлять»;—черезъ 10 дней сенату повелѣно: «войти въ точное изслѣдованіе дѣла объ истребленіи лѣсовъ въ Кіевской губерніи и донести о существѣ онаго и о поступкахъ губернатора Красно-Милашевича»,—8-го іюля, такъ какъ «Красно-Милашевичъ дознанъ въ истребленіи лѣсовъ совершенно неучаствующимъ и не прикосновеннымъ», ему приказано быть снова губернаторомъ въ Кіевѣ. Интересенъ формуляръ статскаго совѣтника Глинки, бывшаго вознесенскимъ вице-губернаторомъ: въ 1797 году, 5-го апрѣля, въ день коронаціи онъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, 30-го мая назначенъ эстлянд-

[1]) Восемнадцатый вѣкъ, т. III, стр. 427.

скимъ вице-губернаторомъ, черезъ три мѣсяца, 31-го августа, онъ назначается уже губернаторомъ въ Архангельскъ, и еще черезъ 4 мѣсяца, 31-го декабря, увольняется отъ службы; въ слѣдующемъ 1798 году 5-го апрѣля Глинка назначенъ новогородскимъ губернаторомъ, и 22-го декабря переведенъ въ Петербургъ, но черезъ $2^1/_2$ мѣсяца, 2-го марта 1880 года, послѣдовалъ такой указъ: «санктъ-петербургскаго губернатора Глинку за найденныя въ здѣшнихъ присутственныхъ мѣстахъ разныя упущенія въ дѣлахъ, медленность въ рѣшеніи оныхъ и собственную его иепопечительность и нерадѣніе къ должности, повелѣваемъ выключить изъ службы». Однако черезъ 2 недѣли Глинка произведенъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ, и 14-го іюля того же года ему пожаловано 5,000 десятинъ въ Саратовской губерніи. Примѣровъ подобной быстрой смѣны въ судьбѣ одного человѣка можно указать очень много, но мы ограничимся приведенными. Чередованіе фавора и опалы производило чрезвычайно быстрое перемѣщеніе лицъ на всѣхъ должностяхъ, особенно на высшихъ: въ царствованіе императора Павла было пять генералъ-прокуроровъ: графъ Самойловъ, князь Алексѣй Куракинъ, генералъ-отъ-инфантеріи Беклешовъ, князь П. В. Лопухинъ и П. Х. Обольяниновъ; вице-канцлерское мѣсто до 23-го октября 1798 года занято было княземъ Александромъ Куракинымъ, послѣ него назначенъ Кочубей, но 8-го августа 1799 года онъ уволенъ, хотя ему приказано исполнять свои обязанности до пріѣзда вновь назначеннаго вице-канцлера графа Панина, который черезъ годъ, 17-го декабря 1800 года, отставленъ отъ службы, и вице-канцлеромъ назначенъ князь Александръ Куракинъ. Перемѣны въ сенатѣ были также очень часты: въ одинъ день напримѣръ уволено было 25 сенаторовъ, изъ нихъ снова приняты на службу: черезъ $2^1/_2$ мѣсяца графъ Ильинскій, и черезъ 3 мѣсяца Нарышкинъ 2-й. Передвиженія губернаторовъ бывали самыя неожиданныя: Глинка переводился изъ Вознесенской губерніи въ Эстляндскую, оттуда въ Архангельскую, изъ Архангельска попалъ въ Новгородъ, и наконецъ въ Петербургъ, и это все произошло въ теченіе трехъ лѣтъ;—за царствованіе императора Павла въ Петербургѣ перемѣнилось 6 губернаторовъ, въ Тулѣ 6, въ Тамбовѣ 5 и т. д.

Причины такой быстрой смѣны отношеній къ однимъ и тѣмъ же лицамъ, какъ намъ кажется, весьма удовлетворительно объясняются адмираломъ А. С. Шишковымъ. «Причиною сей крутой пылкости Павла, говоритъ Шишковъ, должно полагать,—во-первыхъ: ложное понятіе о худомъ и слабомъ, по мнѣнію его, правленіи матери своей, которое будто бы, а особливо по военной части, надлежало исправить перемѣнами и строгостями; и во-вторыхъ: боязливая и всегда опрометчивая подозрительность, преклонявшая слухъ его ко всякимъ доносамъ, кои, волнуя въ немъ кровь и устрашая

воображеніе, побуждали его для мнимаго предупрежденія угрожающихъ послѣдствій, предпринимать поспѣшно и необдуманно такія мѣры, которыя скорѣе навлекать, нежели отвращать ихъ могли. Наушникъ Линденеръ и ему подобные потрясали довѣренность его даже и къ тѣмъ самымъ, которые были у него въ великой милости». Намѣренія императора были самыя лучшія: онъ видѣлъ внутреннее разстройство, причиненное многими дѣйствіями предшествовавшаго царствованія, но исправляя зло, онъ самъ впадалъ въ крайности. Къ дѣятелямъ Екатерининской эпохи государь въ большинствѣ относился недружелюбно, особенно часты у него указы, въ которыхъ онъ обвиняетъ Потемкина, и его онъ преслѣдуетъ, даже приказываетъ уничтожить его памятникъ. Интересенъ указъ, данный по этому случаю: «По разстройкѣ, въ которой оставлены дѣла княземъ Потемкинымъ, въ управленіи его бывшія, неприлично быть монументу, въ память его воздвигнутому, и для того сооруженный отъ казны въ городѣ Херсонѣ повелѣваемъ уничтожить».

Зло, причиненное въ прошлое царствованіе, надо исправить строгостями, надо преслѣдовать легкое отношеніе къ государственному, общественному и частному достоянію, возстановить дисциплину, которая казалась Павлу сильно расшатанной, возстановить уваженіе къ царской власти и послушаніе. Требованіе повиновенія и вмѣстѣ съ тѣмъ забота о частныхъ интересахъ довольно рельефно высказались при проѣздѣ императора, въ 1798 г., по Смоленской и Бѣлорусской губерніямъ. Государь повелѣлъ не дѣлать никакихъ приготовленій къ его проѣзду, не чинить дорогъ, но это не было исполнено, государь узналъ, что въ одномъ мѣстѣ перестроили мостъ, въ другомъ мостили дорогу, и вотъ являются чрезвычайно характерные гнѣвные указы. Государь негодуетъ, что тысячи рабочихъ рукъ были отвлечены отъ своего дѣла, обывателямъ причиненъ матеріальный ущербъ, приказываетъ изъ своихъ денегъ возмѣстить убытки, строго наказать виноватыхъ, и объявляетъ: «Я иной выслуги ни отъ кого не требую, какъ только непремѣннаго исполненія повелѣній моихъ». Стремленіе поднять авторитетъ власти сказалось и во внѣшней политикѣ императора, онъ былъ сильнѣйшимъ врагомъ революціоннаго движенія, преслѣдовалъ его за границей и искалъ у себя дома. Тутъ намъ приходится отмѣтить одинъ курьезный фактъ, когда за революціонера заграничнаго пострадали у насъ совершенно неповинные люди. 15-го октября 1799 года состоялся слѣдующій указъ сенату: «Свѣдавъ о продолженіи пенсіона, прежде опредѣленнаго Лагарпу, и который, по неистовому и развратному поведенію его, долженъ былъ быть остановленъ, повелѣваемъ всю оную сумму, считая отъ самаго того времени, когда оный Лагарпъ началъ явно участвовать въ мятежахъ Швейцаріи, взыскать, безъ исключенія, со всѣхъ чиновъ, состоящихъ въ государственныхъ

нашихъ казначействахъ». Чѣмъ виновны были «чины, состоящіе въ государственныхъ казначействахъ», почему они должны были знать объ участіи Лагарпа «въ мятежахъ Швейцаріи?...»

Говоря о фаворѣ и опалѣ при императорѣ Павлѣ, мы думаемъ, не лишнимъ будетъ разсмотрѣть ходъ службы при немъ нѣкоторыхъ изъ высшихъ сановниковъ; тутъ еще рельефнѣе обнаружатся указанныя черты быстрой смѣны.

Генералъ-лейтенантъ, черниговскій губернаторъ Беклешовъ, 2 дек. 1796 г. назначенъ губернаторомъ малороссійскимъ, черезъ два дня переведенъ военнымъ губернаторомъ въ Каменецъ-Подольскъ. 31 янв. 1797 г. ему назначено 6,000 р. столовыхъ денегъ, въ день коронаціи пожаловано 1000 душъ въ Курской губ. и 21 авг. произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Въ 1798 г., 14 марта, онъ переименованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ, хотя черезъ нѣсколько времени онъ снова называется генераломъ-отъ-инфантеріи; 13 іюня назначенъ генералъ-губернаторомъ кіевскимъ и малороссійскимъ. Въ 1799 г., 25 іюня, ему повелѣвается присутствовать въ совѣтѣ императора, черезъ два дня въ сенатѣ, и черезъ десять дней онъ назначенъ генералъ-прокуроромъ. Въ этой должности онъ пробылъ семь мѣсяцевъ и 8 февр. 1800 г. уволенъ за болѣзнями.

Г. Р. Державинъ, первые годы царствованія бывшій не въ милости, уволенный 22 ноября 1796 г. отъ должности правителя канцеляріи совѣта, за «непристойный отзывъ, передъ Нами учиненный», какъ сказано въ именномъ указѣ, вдругъ, въ 1800 г., начинаетъ возвышаться. 14 іюля онъ производится въ дѣйствительные тайные совѣтники, 30 авг. назначается президентомъ коммерцъ-коллегіи, 21 ноября—вторымъ министромъ при государственномъ казначеѣ, на слѣдующій день — государственнымъ казначеемъ, на третій день членомъ совѣта при императорѣ и 27 ноября получаетъ 6,000 р. столовыхъ.

Кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ въ 1796 г. 6 ноября произведенъ въ тайные совѣтники, 14 ноября назначенъ членомъ совѣта при императорѣ, 16 ноября членомъ иностранной коллегіи, въ тотъ же день вице-канцлеромъ, 21 ноября пожалованъ ему домъ гр. Маркова въ Петербургѣ, 22 ноября произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Въ 1797 г. пожалованы имѣнія, о чемъ мы говорили выше. Въ 1798 г. 28 апр. назначенъ сенаторомъ, 9 сент. уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ. Въ 1801 г. 10 февр. снова назначенъ членомъ совѣта, а 20 февр. вице-канцлеромъ.

Братъ его кн. Алексѣй Борисовичъ въ 1796 г. 14 ноября назначенъ директоромъ ассигнаціоннаго банка, 4 дек. генералъ-прокуроромъ и членомъ совѣта; въ 1797 г. 5 апр. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, 11 апр. назначенъ министромъ департамента удѣльныхъ имѣній и оберъ-церемоніймейстеромъ;

17 февр. 1798 г. главнымъ попечителемъ государственнаго вспомогательнаго банка, 8 авг. того же года освобождается отъ завѣдыванія хозяйственными заведеніями, увольняется отъ должностей генералъ-прокурора и директора ассигнаціоннаго банка и назначается сенаторомъ, и, наконецъ, 21 сентября «отъ службы отставляется».

Гардеробмейстеръ Ив. Пав. Кутаисовъ въ 1796—1798 годахъ жалуется имѣніями. 6 дек. 1798 г. назначается оберъ-гардеробмейстеромъ и егермейстеромъ. Въ 1799 г. 22 февр. возводится въ баронское достоинство, 5 мая въ графское. Въ 1800 г. 9 янв. назначается оберъ-шталмейстеромъ (указомъ собственноручнымъ) и 10 февр.—главнымъ директоромъ конскихъ заводовъ. Благоволеніе императора къ Кутайсову было постоянное, особенно крутыхъ перемѣнъ въ его судьбѣ не происходило, хотя иногда и этому любимцу Павла приходилось испытывать на себѣ его гнѣвныя вспышки; но тутъ дѣло кончалось почти всегда одной собственноручной расправой императора,— о такой расправѣ разсказывается въ воспоминаніяхъ генерала Кутлубицкаго: Павелъ снялъ съ Кутайсова ленту и билъ его палкой.

Генералъ-лейтенантъ П. В. Лопухинъ въ 1796 г. 17 дек. назначенъ сенаторомъ въ московскомъ сенатѣ, въ 1798 г. 8 авг. переименованъ въ тайные совѣтники и назначенъ генералъ-прокуроромъ, 23 авг. членомъ совѣта, 6 сент. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, 11 окт. ему поручено участвовать въ разсмотрѣніи разныхъ дѣлъ, относящихся до государственныхъ финансовъ. Въ 1799 г. янв. 15 пожаловано староство Корсунь, 19 янв. возведенъ въ князья, 22 февр. данъ титулъ свѣтлости, 11 марта разрѣшено его прислугѣ носить придворную ливрею, и 7 іюля по неоднократнымъ просьбамъ уволенъ.

Генералъ-маіоръ, генералъ-адъютантъ Ѳ. В. Ростопчинъ въ 1796 и 1797 гг. жалуется имѣніями. Въ 1798 г. 24 окт. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и назначенъ членомъ иностранной коллегіи. Въ 1799 г. 22 февр. возведенъ въ графы, 20 апр. отецъ его, отставной маіоръ, произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. 31 мая Ѳ. В. назначенъ главнымъ директоромъ почтоваго департамента, 25 сент. первымъ присутствующимъ въ иностранной коллегіи, въ 1800 г. 14 марта—членомъ совѣта, и 20 февр. 1801 г. уволенъ отъ службы, при чемъ на указѣ императоръ собственноручно отмѣтилъ: «по прошенію его».

Нашъ обзоръ милостей и гнѣвныхъ дѣйствій императора Павла заключимъ мы собственными словами его, которыми онъ охарактеризовалъ правленіе своего отца, и которыя вполнѣ примѣнимы къ нему самому: «Отецъ мой принялся заводить порядокъ, но стремительное его желаніе завести новое, помѣшало ему благоразумнымъ

образомъ приняться за оный; прибавить къ сему должно, что неосторожность, можетъ быть, была у него въ характерѣ, и отъ ней дѣлалъ многія вещи, наводящія дурныя импрессіи, которыя, соединившись съ интригами противъ персоны его, а не самой вещи, погубили его и заведеніямъ порочный видъ старались дать. Чего интрига не въ состояніи повести, если благоразуміе, осторожность и твердость духа не противостоятъ имъ?»[1]).

А. Бороздинъ.

[1]) Кобеко. «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», стр. 173.

КОЛЫБЕЛЬ ХРИСТІАНСТВА ВЪ РОССИИ.[1])

КЪ ПРЕДСТОЯЩЕМУ 900-лѣтнему юбилею крещенія Руси, стали уже появляться, помимо изданій славянскаго благотворительнаго Общества, статьи и замѣтки, частію описательнаго, частію критическаго характера (укажемъ, напримѣръ, статью г. Левитскаго въ «Христіанскомъ Чтеніи»), разъясняющія, съ той или другой стороны, это важнѣйшее въ нашей исторіи событіе. Обстоятельства его, впрочемъ, дѣйствительно и нуждаются въ дальнѣйшихъ розысканіяхъ, такъ какъ самый юбилей, сколько извѣстно, установленъ лишь предположительно 15 іюля 1888 года, въ день памяти св. Владиміра Равноапостольнаго, но даже годъ событія съ точностью не установленъ, а день совершенно неизвѣстенъ.

Довольно видное значеніе, по отношенію къ 900-лѣтію крещенія Руси, должно признать за недавно вышедшей книгой «Волынь», изданной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ, хотя въ предисловіи и заявляется, что она составлена «по готовымъ изслѣдованіямъ и пособіямъ». Самое составленіе историческаго описанія судебъ Волынскаго края принадлежитъ профессору Кіевской духовной академіи Н. И. Петрову, при содѣйствіи профессора И. И. Малышевскаго, а общая редакція изданія и составленіе интересныхъ объясненій къ многочисленнымъ рисункамъ, наполняющимъ книгу,

---

[1]) «Волынь». Историческія судьбы Юго-Западнаго края. Съ высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Съ 2-мя хромолитографіями и 69 гравюрами. Спб. 1888.

принадлежатъ извѣстному знатоку древностей нашего Западнаго края, М. И. Городецкому.

Кстати сказать, что содержащееся въ книгѣ описаніе историческихъ судебъ Волыни, хотя составляетъ совершенно отдѣльную, самостоятельную работу, но находится, какъ видно изъ предъувѣдомленія издателя, въ соотношеніи съ вышедшимъ въ 1887 г. сочиненіемъ «Холмская Русь», и съ предполагаемымъ къ выпуску такимъ же описаніемъ Бѣлоруссіи съ Литвой. Такимъ образомъ, «Волынь» является вторымъ звеномъ предпринятаго, съ высочайшаго соизво-

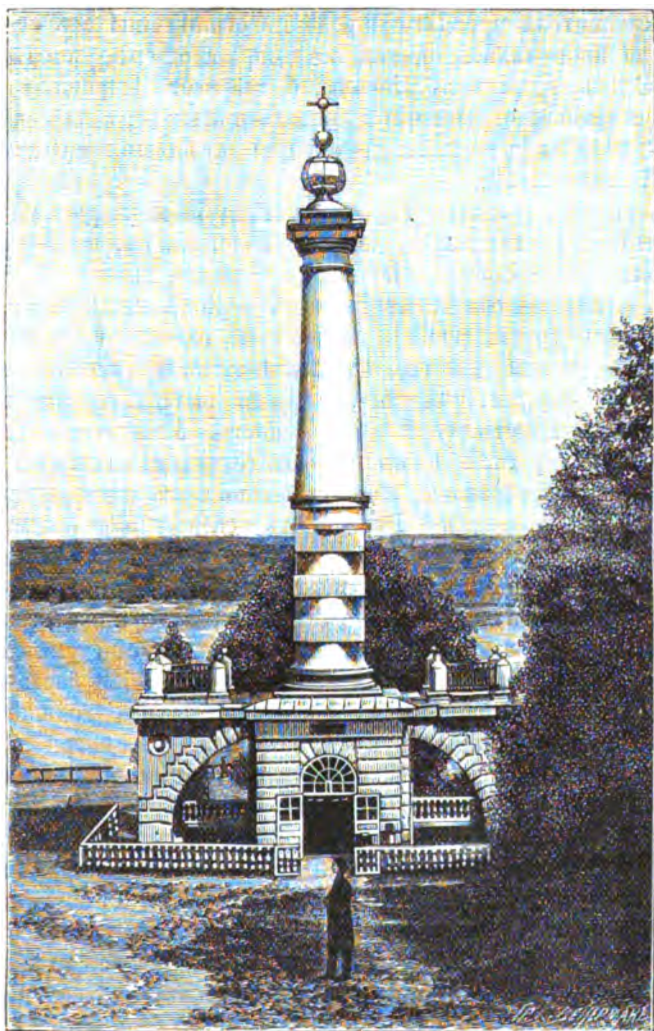

Аскольдова могила въ Кіевѣ (церковь св. Николая).

ленія, изданія историческихъ описаній всѣхъ нашихъ западныхъ окраинъ, «бывшихъ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, подъ иновѣрнымъ и иноплеменнымъ владычествомъ». Въ виду цѣли изданія, не безполезно привести оговорку во введеніи къ книгѣ, показывающую, что здѣсь нельзя искать исторической всесторонности, такъ какъ въ книгѣ излагаются «только такія событія изъ жизни Волыни, которыя содѣйствовали или препятствовали развитію русской народности и православія».

Такова точка зрѣнія, съ которой должно относиться къ книгѣ, съ прибавкою еще несомнѣннаго художественнаго значенія для боль-

шинства публики, такъ какъ поставленной цѣли служатъ и рисунки,—портреты замѣчательныхъ людей, сподвижниковъ или противниковъ утвержденія въ Юго-Западномъ краѣ православія и единенія этого края съ Россіей, — изображенія остатковъ стариннаго

Памятникъ-часовня крещенія Руси.

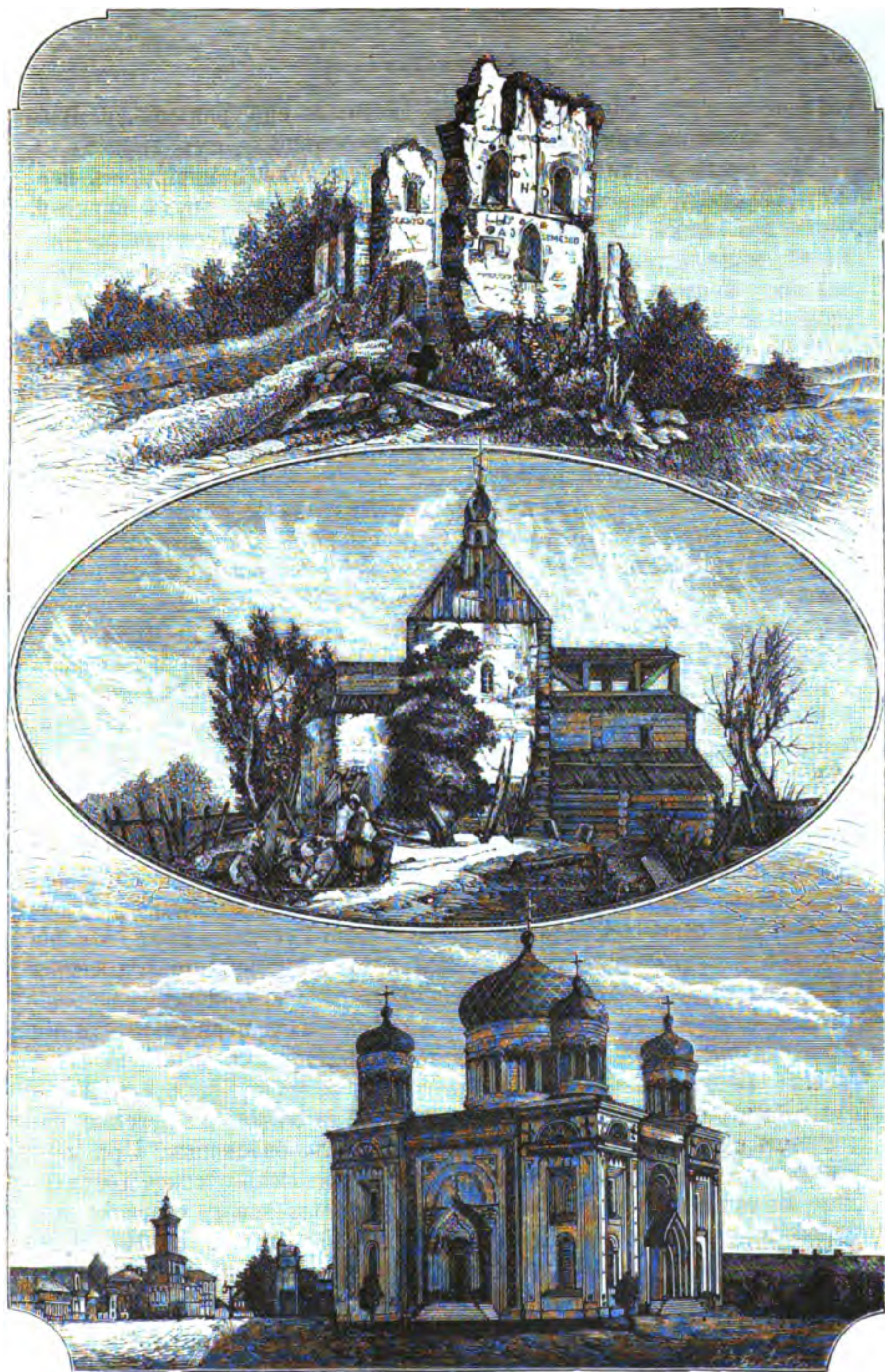
зодчества, рядомъ съ современными сооруженіями, имѣющими важность въ приведенномъ смыслѣ, священныя изображенія, виды мѣстностей, образцы старинныхъ библій, заставки и иниціалы изъ древнихъ рукописей и первопечати и т. п. Богатство художественной стороны изданія съ избыткомъ выкупаетъ нѣкоторую историко-

публицистическую его односторонность, особенно замѣтную въ заключительныхъ выводахъ.

Пріуроченность описанія Волынскаго края къ юбилею крещенія Руси не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшей натяжки, такъ какъ, по справедливому замѣчанію издателя, «просвѣтительная дѣятельность крестителя русскаго народа не ограничивалась однимъ Кіевомъ, но проявлялась одинаково и по отношенію къ Волынскому краю. Здѣсь, вслѣдъ за Кіевомъ, болѣе всего выражались мудрыя государственныя стремленія Равноапостольнаго; здѣсь же имъ сооружались величественные храмы для укрѣпленія насажденной имъ вѣры Христовой».

Религіозно-народному характеру изданія какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ поставленное, даже хронологически, на первомъ планѣ то событіе, къ воспоминанію котораго книга издана. Тоже должно сказать и вообще обо всемъ первомъ періодѣ жизни края, когда св. Владиміръ и другіе русскіе князья не только распространяли и поддерживали христіанство, но и утверждали духовное просвѣщеніе, строили церкви, училища, оставляя вмѣстѣ съ тѣмъ послѣ себя и памятники христіанской письменности. Утвержденіе церковной іерархіи, наряду съ общимъ просвѣтительнымъ вліяніемъ христіанства, главнымъ образомъ, содѣйствовало какъ водворенію гражданственности въ тогдашней Руси, такъ и самому объединенію различныхъ славяно-русскихъ племенъ, населявшихъ тогда край.

Въ дѣлѣ крещенія Руси подтвердилась вѣрность той мысли, что великіе люди обыкновенно бываютъ, въ сущности, представителями своего времени, требованія котораго они умѣютъ хорошо понять. Заслуга св. Владиміра предъ всей Россіей достаточно оцѣнена и исторіей, и церковью, а особенно дорога должна быть его память въ Юго-Западномъ краѣ, который, не смотря на всѣ превратности своей исторической судьбы, сохранилъ еще и теперь много остатковъ тѣхъ отдаленныхъ временъ, частію подлинныхъ, въ видѣ развалинъ, частію реставрированныхъ, иные почти только по названію (Аскольдова могила или церковь св. Николая въ Кіевѣ). Но именно эти многочисленные слѣды, вмѣстѣ съ сохранившимися лѣтописными сказаніями, доказываютъ, что креститель Руси шелъ на встрѣчу требованіямъ своего времени, не только потому, что Русь съ христіанствомъ получала и благоустройство, но также и потому, что «христіанская вѣра съ разныхъ сторонъ уже окружала русскую землю, проникала въ нее и привлекала все новыхъ поклонниковъ». Извѣстно, что еще во времена Игоря, для его дружинниковъ-христіанъ, была въ Кіевѣ церковь св. Иліи, построенная, по преданію, Аскольдомъ и Диромъ. Такимъ образомъ, памятникъ-часовня крещенія Руси, воспроизводимый у насъ изъ книги г. Батюшкова, по справедливости, можетъ считаться, помимо своего религіознаго значенія, памятникомъ въ честь не только самого про-

Десятинная церковь въ Кіевѣ.

1) Развалины храма, сооруженнаго св. Владиміромъ. 2) Церковь, построенная изъ этихъ развалинъ Петромъ Могилой. 3) Видъ храма въ настоящее время.

свѣтителя Руси, но и всѣхъ тѣхъ, которые еще раньше св. Владиміра приняли христіанство сами и просвѣщали имъ другихъ.

Мы сочли не лишнимъ еще, для образчика памятниковъ первыхъ временъ христіанства, воспроизвести виды двухъ церквей. Одна изъ нихъ, построенная св. Владиміромъ, Десятинная — въ Кіевѣ, приводится въ трехъ видахъ. Здѣсь, прежде всего, развалины первоначальной церкви, построенной на мѣстѣ мученической кончины христіанъ Ѳеодора и Іоанна, еще въ языческій періодъ, разгромленной при Батыѣ и съ тѣхъ поръ въ теченіе 400 лѣтъ подвергавшейся расхищенію матеріала для частныхъ построекъ, пока кіевскій митрополитъ Петръ Могила не положилъ предѣла дальнѣйшему разграбленію остатковъ историческаго храма. Второй видъ церкви представляетъ возстановленіе ея этимъ святителемъ, пристроившимъ алтарную стѣну къ сохранявшимся еще тогда остаткамъ старой церкви, въ развалинахъ которой Петръ Могила нашелъ двѣ мраморныя гробницы съ останками св. Владиміра и его супруги Анны. Въ третьемъ—современномъ видѣ Десятинный храмъ оконченъ постройкой въ 1842 году. Какъ Десятинный храмъ, такъ и развалины второй, воспроизводимой нами церкви во имя св. Василія въ Овручѣ, весьма подробно и обстоятельно описаны г. Городецкимъ въ концѣ книги. Объединеніе южной Руси подъ властью галицко-волынскихъ князей изложено съ такой полнотой, по лучшимъ источникамъ, тщательно обозначеннымъ въ примѣчаніяхъ, (также принадлежащихъ профессору Петрову), что эта глава является полезнымъ справочнымъ матеріаломъ для всѣхъ, интересующихся эпохой, даже и помимо общей цѣли книги.

Какимъ образомъ сохранилось въ Южно-Русскомъ краѣ сознаніе русской народности и православной вѣры въ позднѣйшія тяжелыя времена, въ борьбѣ съ иноплеменнымъ и иновѣрнымъ владычествомъ — это видно изъ двухъ послѣдующихъ періодовъ исторіи края, литовско-русскаго и польскаго, занимающихъ большую часть книги. Благодаря сближенію литовскаго племени съ русскимъ и даже быстрому обрусѣнію Литвы въ XII столѣтіи, ни русская народность, ни вѣра не подвергались сначала опасности. При первыхъ, чисто-литовскихъ князьяхъ новое литовско-русское государство представляло задатки мирнаго, самостоятельнаго развитія, которое продолжалось до времени соединенія Литвы съ Польшей. Русская народность могла жить и развиваться вполнѣ свободно, тѣмъ болѣе, что собственно литовцы ни по численности, ни по просвѣщенію не могли имѣть преобладанія надъ русскими; многіе изъ сыновей Гедимина приняли православіе, усвоили себѣ русскій языкъ и письменность, употреблявшіеся какъ при княжескомъ дворѣ оффиціально, такъ и въ разговорной рѣчи. Въ народѣ также язычество смѣнялось православіемъ. На ряду съ родами бывшихъ удѣльныхъ

Развалины храма св. Василія Великаго въ городѣ Овручѣ.

князей русскихъ, встрѣчаются новые литовско-русскіе вельможи: въ длинномъ спискѣ ихъ мы встрѣчаемъ такія, впослѣдствіи громкія въ польской исторіи фамиліи, какъ Чарторыйскіе, Вишневецкіе, Сапѣги и т. п. Впослѣдствіи же, въ новѣйшую эпоху, даже нѣкоторыя свѣтила польской литературы были литовскаго происхожденія. Уже изъ этого видно, какъ много литовцы, вообще легко подчинявшіеся вліянію болѣе устойчивыхъ народностей, могли бы внести и въ русскую жизнь, подобно тому, какъ внесли въ польскую, еслибы правильное развитіе литовско-русскаго государства не было нарушено соединеніемъ съ Польшей, сперва при Ягайлѣ, а потомъ при Сигизмундѣ-Августѣ, когда Литва совершенно перестала существовать самостоятельно, Южно-Русскій край сталъ полонизоваться больше и больше, соотвѣтственно чему усиливались распространеніе католицизма насчетъ православія и рознь между сословіями.

Къ лучшимъ страницамъ книги принадлежитъ характеристика борьбы противъ этого направленія въ самомъ литовско-русскомъ обществѣ, дѣятельностью братствъ и отдѣльныхъ лицъ, гдѣ видное мѣсто занимаетъ знаменитый родъ князей Острожскихъ, а среди нихъ наибольшею извѣстностью пользуется Константинъ Константиновичъ, жившій въ XVI столѣтіи, ревностный охранитель православной церкви и русской народности. Имъ учреждены были училище и типографія въ г. Острогѣ, первая на Руси греко-славянская школа свободныхъ наукъ. Издана, въ 1581 г., Острожская Библія, «первообразъ для всѣхъ послѣдующихъ славяно-русскихъ изданій Библіи»; въ основу ея положенъ былъ рукописный списокъ Библіи, присланный Острожскому Иваномъ Грознымъ. Снимокъ съ заглавнаго листа этой Библіи и одна страница ея также воспроизведены въ книгѣ. Изданіе совершилось общими стараніями князя съ ученымъ братствомъ, возникшимъ при его школѣ или академіи, для удовлетворенія нуждамъ мѣстной православной церкви, и при помощи московскаго первопечатника Ивана Ѳедорова, которому принадлежитъ печатаніе и «Новаго Завѣта съ псалтирью», изданнаго раньше Библіи. Цѣлью Константина Острожскаго было усилить средства православія въ борьбѣ съ иновѣрцами, преимущественно протестантами, и уніей; для восполненія этихъ скудныхъ средствъ и предназначено было изданіе Библіи. Помимо своего религіознаго значенія, Острожская Библія служила лучшимъ выраженіемъ единства вѣры и языка между сѣверною и южною Русью.

Рядомъ съ крупной фигурой К. К. Острожскаго тѣмъ ничтожнѣе кажутся его потомки, отступники отъ православія, съ которыми и угасъ родъ князей Острожскихъ: это—сынъ его, Янушъ, послѣдній представитель мужской его линіи, и внучка Анна-Алоиза, превратившаяся даже въ гонительницу православія. Противъ усиливающагося ополяченія боролось затѣмъ казачество, не обойденное также въ книгѣ, въ качествѣ защитника православной вѣры и русской народности

Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій.

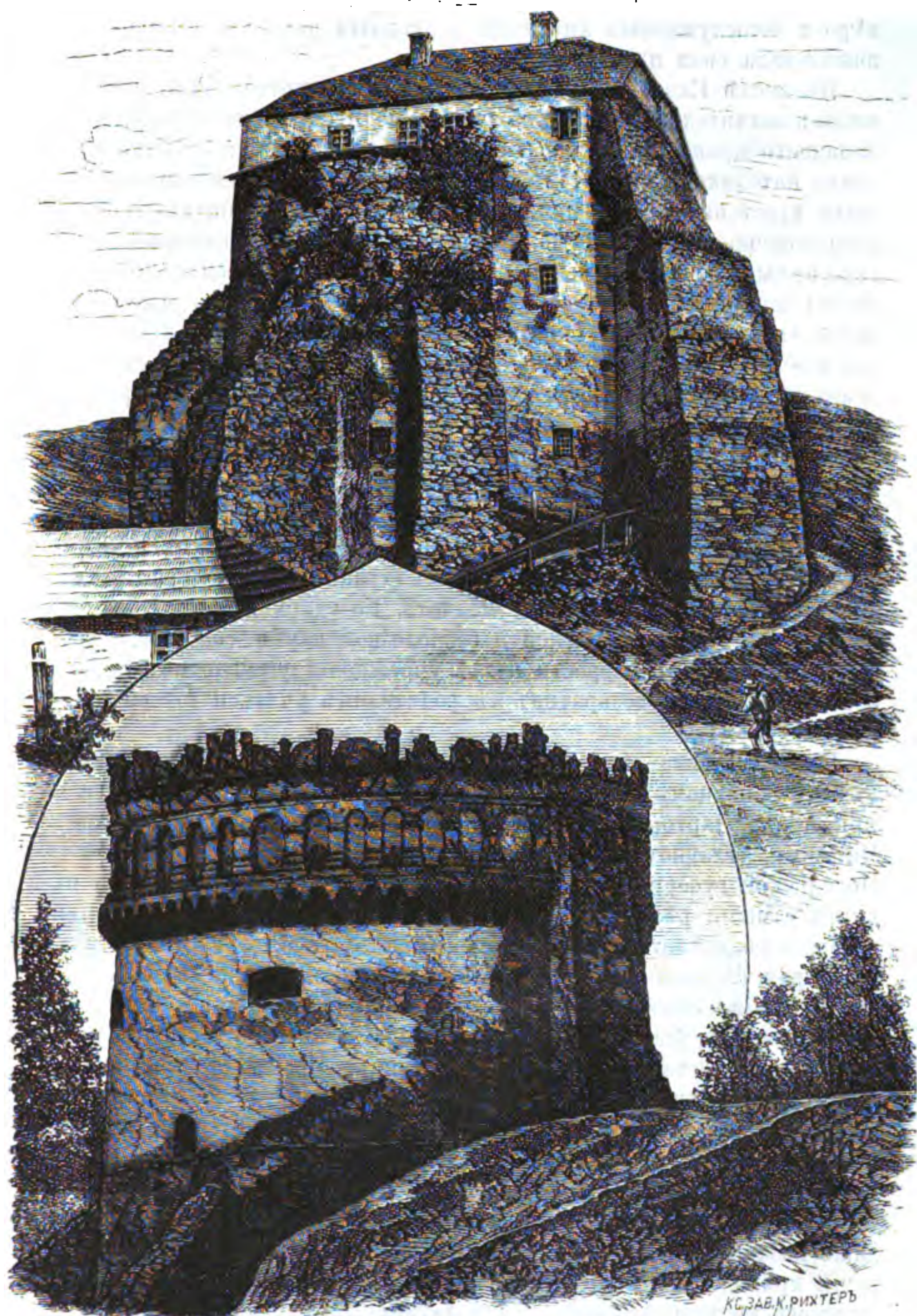
(на открываемомъ въ Нынѣшнемъ году въ Кіевѣ памятникѣ Богдана Хмельницкаго, рисунокъ котораго находится въ книгѣ, значится «единая, недѣлимая» Россія). Шагъ за шагомъ, въ назначенныхъ себѣ рамкахъ, авторы книги показываютъ постепенно возроставшее полонизованіе и окатоличеніе видныхъ представителей православнаго южно-русскаго населенія: литовско-русскіе дворяне принимали польскіе порядки, обычаи и образованность, а съ тѣмъ вмѣстѣ получали польскія права и преимущества.

Болѣе близкій къ нашему времени интересъ получаетъ историческое изложеніе послѣдняго періода исторіи Волыни, когда подъ власть Россіи переходятъ, наконецъ, составлявшія ея древнее достояніе области. На медали, выбитой по этому случаю, на одной сторонѣ были слова «отторженная возвратихъ» съ картою возсоединенныхъ областей, а на другой портретъ Екатерины II. Вся дальнѣйшая русская политика относительно края обусловливается, главнымъ образомъ, борьбой съ церковной уніей и ея послѣдствіями.

Въ книгѣ съ такой программой, какъ «Волынь», конечно, должна занимать выдающееся мѣсто унія и борьба съ ней. Эта часть книги представляетъ тѣмъ большій интересъ, что именно въ Юго-Западномъ краѣ, еще въ концѣ XVII вѣка, унія распространилась повсемѣстно. Правда, унія сама по себѣ не могла создать ничего прочнаго: она была лишь переходомъ къ католичеству, какъ на нее и смотрѣли польскія власти, тщательно облегчавшія переходъ въ католицизмъ населенію. Неудивительно, что потомъ, съ перемѣщеніемъ центра политическаго могущества на востокъ, той же уніи предстояло слиться съ православіемъ.

Начавшійся съ возсоединенія областей послѣдній періодъ исторіи края характеренъ также и въ смыслѣ показателя измѣнчивости нашей внутренней политики относительно колыбели христіанства въ Россіи и вообще по Юго-Западному краю. Главныя черты этихъ колебаній несомнѣнно интересны, какъ объясняющія отчасти и современное состояніе этой окраины.

При Екатеринѣ II, вмѣстѣ съ устройствомъ гражданскаго управленія и судопроизводства, учреждено было и православное епархіальное управленіе. Противодѣйствіе православію со стороны польскихъ помѣщиковъ, конечно, было сильное; оно иногда принимало даже форму возгласовъ, что «православіе подрываетъ ихъ власть надъ крестьянами». Противниками православной вѣры въ эту эпоху заявили себя какъ разъ тѣ фамиліи (напримѣръ, Чарторыйскіе), которыя въ эпоху литовской исторіи считались въ первыхъ рядахъ православнаго дворянства. Тѣмъ не менѣе, благодаря мѣрамъ правительства, движеніе въ пользу православія продолжалось, такъ что къ концу царствованія Екатерины всѣхъ, принявшихъ православіе въ Волынской губерніи, было 145,726 человѣкъ: «для православныхъ церквей, возвращенныхъ отъ уніи, присланы были антиминсы, св.

Замокъ князей Острожскихъ и башня на Судовой горѣ въ городѣ Острогѣ.

муро и богослужебныя книги; на церковныя ризницы императрица пожаловала свои платья».

Но послѣ Екатерины, въ теченіе двухъ царствованій, обнаружилась значительная перемѣна русской политики, относительно Юго-Западнаго края. При императорѣ Павлѣ пошли слухи о расширеніи правъ католиковъ и уніатовъ, возобновилось притѣсненіе православныхъ крестьянъ помѣщиками, были даже случаи совращенія въ унію, хотя, конечно, надежды на полную перемѣну правительственной политики не были основательны. Императоръ Павелъ указомъ 1797 года строго запретилъ подобные безпорядки, а объ уніатахъ даже отзывался: «я не люблю ихъ, они ни то ни се, ни рыба ни мясо». Самостоятельное развитіе уніатской церкви онъ ограничивалъ, но давалъ ей права, какъ составной части католичества. Расположеніе императора къ заграничнымъ представителямъ этой послѣдней религіи не переходило, однакожъ, за предѣлы, какъ видно изъ не лишеннаго комизма случая съ французскими монахами—траппистами, которыхъ велѣно было размѣстить по уніатскимъ монастырямъ. Орденъ этотъ существовалъ въ Россіи не долго. По словамъ автора книги «Римскій католицизмъ въ Россіи», «всѣ ихъ (траппистовъ) мудрости и добродѣтели состояли въ ученіи молчать. Государь Павелъ I, находя излишнимъ для столь легкой и безполезной науки содержать особыхъ монаховъ, въ скорости послѣ учрежденія уничтожилъ орденъ и воспитанниковъ возвратилъ къ родителямъ учиться говорить, но съ разсудкомъ».

Какъ обстояло дѣло съ русскою народностью и православіемъ въ Юго-Западномъ краѣ въ первые годы царствованія Александра I, при Адамѣ Чарторыйскомъ, въ званіи попечителя округа, и Ѳадеѣ Чацкомъ, «главномъ визитаторѣ училищъ Кіевской, Волынской и Подольской губерніи», достаточно извѣстно и характеризуется въ книгѣ самыми рѣзкими чертами. Кременецкій лицей, съ исторіей котораго соединяется дѣятельность Чацкаго, талантливаго полонизатора края, служилъ средоточіемъ и разсадникомъ въ немъ польскаго просвѣщенія. Этотъ лицей, «польскій Парнасъ», устроенный на русской землѣ, былъ торжественно открытъ въ 1805 году, при многолюдной, блестящей обстановкѣ, Чацкій произнесъ восторженную, напыщенную рѣчь, вызвавшую восхищеніе даже тогдашняго министра народнаго просвѣщенія Завадовскаго, который писалъ, что «геній Чацкаго воскрешаетъ на польскомъ Парнасѣ музъ, умершихъ въ Аттикѣ». Такъ въ то время подавались на фразеологію. Собственно говоря, энергической личности Чацкаго вполнѣ могло бы даже позавидовать русское направленіе: онъ старался объ учрежденіи приходскихъ и уѣздныхъ училищъ въ польскомъ духѣ: при каждомъ костелѣ положено было латинскимъ духовенствомъ (луцкой епархіи) содержать на свой счетъ приходскую школу, а духовенство подольской епархіи назначило на этотъ предметъ десятую

Бнбліа сирѣ книгы
ветхаго и новаго завѣ
та, по языку словенску.
ѿ еврейска, въ еллинъскїи языкъ.
седми десятъ и двѣма, єгомѹ
дрыми преводники. прежде воплощє
нїа га ба и спса нашего іс ха, т и
лѣта, наже лаемасе повелѣнїе птоло
мея филадельфа црѧ єгупетска.
преведенаго зведѹ съ тщанїемъ,
и прилѣжанїемъ елико мощно,
помощїю бжїею послѣдоваса, и и
справнса. влѣто, по воплощенїи
га бга и спса нашего іс ха.
аф па.

Заглавный листъ Острожской Библіи 1581 года.

часть доходовъ каждаго приходскаго ксендза. Въ короткое время Чацкій устроилъ 126 такихъ училищъ, при помощи обильныхъ пожертвованій. Пожертвованія и на уѣздныя училища шли со всѣхъ сторонъ. Въ Кіевѣ учреждена была польская гимназія, при открытіи которой Чацкій также произнесъ блестящую рѣчь; кромѣ того, онъ заботился объ учрежденіи спеціальныхъ училищъ и т. п. Если бы съ русской стороны была употреблена подобная же энергія, то дѣло могло бы пойти для насъ несравненно успѣшнѣе.

Замѣчательно, что въ эту же пору въ средѣ самого уніатства явилась реакція противъ католическихъ тенденцій, явилось стремленіе удержать въ уніи остатки православія и сблизить ее съ православною церковью. Направленіе уніи въ православную сторону съ теченіемъ времени развивалось и укрѣплялось, благодаря дѣятельности нѣкоторыхъ уніатскихъ высшихъ духовныхъ особъ. Къ концу царствованія Александра I проявляется также и въ русскомъ правительствѣ поворотъ во взглядахъ на уніатовъ и отношеніе ихъ къ католицизму. Начало царствованія императора Николая и особенно польское возстаніе 1831 г. способствовали дальнѣйшему отдѣленію польско-католическихъ стремленій отъ уніатскихъ. Благодаря дѣятельности Іосифа Сѣмашки, направленіе это закончилось возсоединеніемъ западно-русскихъ уніатовъ въ 1839 г. съ православною церковью.

По самой задачѣ книги, это событіе и послѣдующія описаны чрезвычайно обстоятельно. Интересна борьба, какую и послѣ упомянутаго крупнаго событія пришлось выдерживать въ Юго-Западномъ краѣ православно-русскому направленію, не смотря даже на то, что, съ отмѣною въ 1840 году литовскаго статута и магдебургскаго права, введенъ былъ тамъ въ дѣйствіе русскій сводъ законовъ. Характерный примѣръ борьбы составлялъ вопросъ о положеніи православныхъ храмовъ на Волыни. Императоръ Николай, еще до возсоединенія уніатовъ, объѣзжая край, убѣдился въ плачевномъ положеніи этихъ храмовъ, превращавшихся въ развалины особенно въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и выразилъ надежду, что помѣщики добровольно позаботятся о постройкѣ и починкѣ церквей для крестьянъ, но это не было исполняемо. Безъ прямого противодѣйствія, умѣли обходить правительственныя распоряженія, даже самыя рѣшительныя, какимъ былъ указъ 1851 года, разрѣшавшій, по требованію обстоятельствъ, обращать самые костелы въ церкви.

Хорошимъ примѣромъ такого положенія дѣлъ можетъ служить судьба житомірскаго каѳедральнаго собора, воспроизведеннаго на нашемъ рисункѣ. До 1851 года соборъ этотъ помѣщался въ небольшой церкви, оставшейся со временъ уніи; при перестройкѣ церкви въ этомъ году, съ цѣлью ея расширенія, обрушилась колокольня. На время производства работъ, лѣтъ около десяти, православный соборъ былъ помѣщенъ въ деревянномъ, покосившемся отъ ветхости, зданіи по-

Преображенскій соборъ въ Житомірѣ.

1) Помѣщеніе собора до 1853 года. 2) Соборъ, сооруженный въ 1866—1874 гг.

чтовой станціи или въ заѣзжемъ дворѣ. Фактъ, поистинѣ, невѣроятный для господствующей церкви въ какой бы то ни было странѣ. Въ 1858 году, правительство рѣшилось само приступить къ обновленію обветшавшихъ храмовъ въ имѣніяхъ православныхъ помѣщиковъ, и церковно-строительное дѣло двинулось впередъ.

Какъ въ тридцатыхъ годахъ, послѣ польскаго возстанія, оживилось дѣло возсоединенія уніатовъ, такъ въ послѣднюю четверть столѣтія, послѣ освобожденія и устройства крестьянъ и новаго возстанія, «русское народное сознаніе пробудилось даже въ мѣстномъ католическомъ населеніи». Какъ дѣятельно двинулось впередъ дѣло устройства православныхъ храмовъ—хорошимъ образчикомъ можетъ служить новый, великолѣпный житомірскій соборъ и другіе, воздвигнутые изъ развалинъ и построенные вновь православные храмы. Нужно упомянуть еще, что православное духовенство теперь хорошо обезпечено, устроены народныя училища, назначены большія средства для развитія книжнаго дѣла и ученыхъ работъ, стали устраиваться церковныя братства. Первое изъ нихъ — Острожское Кирилло-Меѳодіевское—основано было графиней Блудовой, въ память ея отца, заботившагося объ устройствѣ низшихъ училищъ по всей Россіи и женскихъ воспитательныхъ заведеній въ Западномъ краѣ. Для устройства другого братства, Яполотскаго, много сдѣлала извѣстная писательница Кохановская (Соханская), учредившая тамъ школу и сельскій банкъ. При первомъ же братствѣ, кромѣ церкви во имя св. Кирилла и Меѳодія, учреждено училище для православныхъ дѣтей, лѣчебница и страннопріимный домъ. При основанномъ въ 1887 году Владиміро-Волынскомъ братствѣ устроены древлехранилище и библіотека. Наконецъ, поддерживаются и возстановляются древніе памятники православія на Волыни.

Самый простой перечень событій показываетъ, сколько усилій положено со стороны русскаго правительства и общества, цѣлыми столѣтіями, чтобъ снова сдѣлать русскимъ тотъ край, который, въ сущности, и не переставалъ быть имъ, а для всего русскаго общества имѣетъ особое значеніе, какъ колыбель христіанства на Руси. Разсматриваемая книга находитъ нѣкоторую аналогію между нынѣшнимъ 900-лѣтіемъ крещенія Руси и первыми временами насажденія православія и укрѣпленія русской государственной жизни въ краѣ. Тогда, какъ и теперь, край этотъ былъ кореннымъ русскимъ, входилъ въ общій составъ русской земли и находился подъ властью единаго для всей Руси представителя верховной власти. Государственное единство Россіи, тогда только-что начинавшееся, вскорѣ было потрясено враждебными народами и государствами, церковное единство нарушено вторженіями католицизма и уніей, и только съ послѣдней четверти столѣтія, повидимому, начинается прочная постановка дѣла скрѣпленія Юго-Западнаго края съ остальной Россіей.

Что касается политической стороны этого единенія, то она обезпечена вполнѣ, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ наличной вѣроятности событія, въ силу общей прочности современнаго нашего государственнаго объединенія. Но авторы книги ставятъ вопросъ о цѣльности населенія края, которая не можетъ не отзываться и на племенномъ единствѣ его съ Россіей. Въ этомъ именно отношеніи, въ Юго-Западномъ краѣ существуетъ, должно признать, значительная пестрота населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и исповѣданій. Хотя, по численности, православный элементъ въ общемъ значительно преобладаетъ, однакожъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ поляки и евреи, нѣмцы и чехи занимаютъ надъ нимъ господствующее положеніе: одни по своему общественному значенію, другіе по промышленности и торговлѣ, третьи по благоустроенности сельскаго хозяйства, а всѣ вообще по превосходству своего образованія и умственнаго развитія, по тѣсной сплоченности между собой и общественности, тогда какъ русскій элементъ обыкновенно бываетъ разъединенъ.

Это указываетъ цѣль для русскихъ общественныхъ усилій, достойную празднуемаго событія. Со стороны правительства принимаются мѣры къ утвержденію какъ православной церкви, такъ и русской гражданственности, посредствомъ, напримѣръ, русскаго землевладѣнія, въ Юго-Западномъ краѣ. Затѣмъ, необходима и дѣятельность въ этомъ направленіи со стороны самого русскаго населенія, которое теперь подавлено инороднымъ преобладаніемъ въ этихъ искони русскихъ мѣстахъ. Необходимы собственныя заботы о развитіи духа общественности тѣми путями, какіе находятся въ распоряженіи разрозненнаго на Волыни русскаго общества. Церковно-просвѣтительныя братства представляютъ хорошій образчикъ этого направленія. Объединеніе каждаго прихода въ тѣсно-сплоченную общину, вмѣстѣ съ расширеніемъ образованія и подъемомъ нравственнаго воспитанія подростающихъ поколѣній, — вотъ что могло бы дать русской сторонѣ силу, подобную той, какая во времена св. Владиміра, при несложности тогдашней жизни, была возможна, благодаря однородности русскаго населенія.

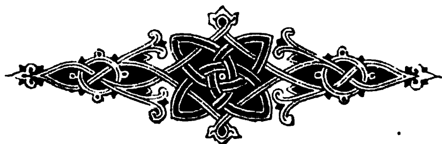
Небезъинтересны цифровыя данныя «Волыни» относительно степени удовлетворенія духовныхъ нуждъ православнаго населенія: около 890 православныхъ приходится на одну церковь или часовню и около 735 католиковъ на одинъ костелъ, или каплицу, при томъ, большею частію, каменныя, тогда какъ православныя церковныя строенія преимущественно деревянныя. Исповѣдное разнообразіе населенія видно изъ слѣдующихъ цифръ: лютеранъ и баптистовъ (нѣмцевъ) на Волыни 98,200 человѣкъ, чеховъ разнаго исповѣданія 14,680, старообрядцевъ 5,753, евреевъ съ караимами 300,862 и магометанъ 448. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, среди волынскихъ чеховъ развивается движеніе въ православіе, такъ что можно надѣяться на увеличеніе числа въ краѣ нашихъ церквей, которыхъ

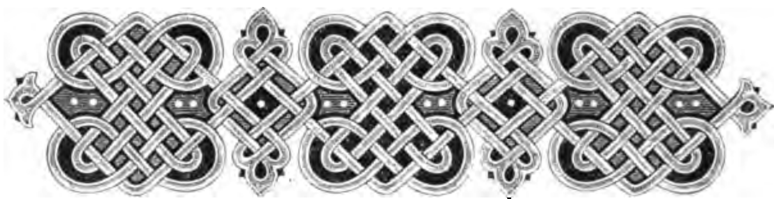
теперь сравнительно меньше противъ католическихъ, какъ видно изъ приведеннаго отношенія.

Но заботы о православныхъ потребностяхъ нисколько не должны мѣшать постепенному сліянію разноплеменнаго волынскаго общества въ одно цѣлое. Разноплеменность сама по себѣ, конечно, не составляла бы еще большой бѣды, лишь бы не соединялась съ обособленностью инородныхъ обществъ, преимущественно польскаго, отъ русскаго элемента, къ которому приближаются отчасти только чехи. Возможное сближеніе мѣстнаго населенія на почвѣ общей для страны русской народности, которой польская, наравнѣ съ чешскою, совсѣмъ не чужда, составляетъ, казалось бы, вовсе не безусловно недостижимый pium desiderium. «Алтарь мира и единенія», о которомъ говорилъ съ польской точки зрѣнія Чацкій въ 1812 году, при открытіи Кіевской гимназіи, можетъ быть, когда-нибудь и пересталъ бы быть пустымъ звукомъ въ современномъ смыслѣ, въ смыслѣ общности стремленій, если не всего, то хотя бы только христіанскаго населенія Юго-Западнаго края, которое, все, безъ различія исповѣданій, не должно быть чуждо нынѣшней знаменательной годовщинѣ.

Изданію, которому посвящены настоящія строки, предстоитъ, безъ сомнѣнія, широкое распространеніе. Помимо современнаго интереса книги, пріуроченной къ предстоящему празднованію 900-лѣтія крещенія Руси, она должна имѣть успѣхъ и по цѣнѣ, которая представляется доступною для всякаго, не смотря на многочисленные рисунки и прекрасно исполненныя хромолитографіи.

Н. С. Кутейниковъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КУРЬЕЗЪ [1].

ЕДѢЛИ двѣ тому назадъ, рано утромъ, ко мнѣ зашелъ одинъ изъ моихъ старыхъ пріятелей, и, послѣ первыхъ привѣтствій, опустившись на стулъ, воскликнулъ въ величайшемъ волненіи:

— Ну, братецъ! Поздравь! Попался я! Да еще какъ!

При этомъ восклицаніи, я взглянулъ въ лицо пріятелю, и тутъ только замѣтилъ, что онъ дѣйствительно чѣмъ-то встревоженъ.

— Да въ чемъ же дѣло? Разскажи пожалуйста!

— Какъ—въ чемъ?! Да развѣ ты не знаешь, что я попалъ въ «Знакомые» Михаила Ивановича Семевскаго!

Рѣшительно ничего не понимая въ томъ, что говорилъ мнѣ мой пріятель, я только продолжалъ смотрѣть на него, выжидая дальнѣйшихъ разъясненій.

— Въ «Знакомые» Семевскаго! — вскричалъ съ досадою пріятель, очевидно пораженный моею непонятливостью.—Вотъ въ эту книгу! Неужели же ты ее еще не видѣлъ?

И пріятель швырнулъ мнѣ на столъ «Альбомъ М. И. Семевскаго», а самъ зашагалъ по комнатѣ, въ раздраженіи ворча себѣ подъ носъ:

— Да! да! Я только теперь понялъ, почему Пушкинъ такъ ненавидѣлъ эти проклятые великосвѣтскіе альбомы—эти «разрозненные томы изъ библіотеки чертей»... Чортъ бы ихъ побралъ, въ самомъ дѣлѣ!—да кстати и тѣхъ, которые имѣютъ глупость пачкать

---

[1]) «Знакомые». Альбомъ М. И. Семевскаго, издателя-редактора историческаго журнала «Русская Старина», Спб. 1888 г.

въ этихъ альбомахъ всякую блажь о себѣ... Вонъ, посмотри, полюбуйся — что онъ обо мнѣ напечаталъ! И вѣдь я самъ, самъ, понимаешь ли, руки на себя наложилъ... Вѣдь это собственноручное! Вѣдь это автографъ!..

И пріятель показалъ мнѣ на одной изъ страницъ «Альбома» нѣсколько строкъ, которыя заставили меня улыбнуться, потому что были писаны моимъ пріятелемъ въ періодъ наивнѣйшаго либерализма, въ то время, когда онъ только еще поступилъ на службу, и не помышлялъ, что ему прійдется читать въ печати эти строки въ 1888 году, въ солидныхъ лѣтахъ и въ солидномъ чинѣ статскаго совѣтника...

— Да, зачѣмъ же ты это писалъ?—невольно сорвалось у меня съ языка.

— Зачѣмъ! Я и самъ готовъ себѣ задать тотъ же вопросъ! Писалъ просто потому, что перо попалось подъ руку послѣ ужина... А тутъ пристаютъ: «напишите, почтеннѣйшій и милѣйшій, въ память сегодняшней нашей пріятной бесѣды»... Ну, мы съ нимъ все же—лѣтъ двадцать съ хвостикомъ—знакомы... Тогда еще познакомились, какъ онъ «Загорѣцкаго» въ благотворительныхъ спектакляхъ игралъ и статейки историческія пописывалъ, примѣняясь къ современнымъ потребностямъ... И я то же пачкалъ въ томъ же либеральномъ духѣ... Но вѣдь этому цѣлый вѣкъ минулъ!

— Это мнѣ все-таки не объясняетъ твоей неосторожной записи въ этомъ альбомѣ!..

— Хорошо тебѣ это говорить! Дѣйствительно, глупо было писать все, что въ голову взбрело! Но вѣдь я же довѣрялъ человѣку!.. Да ты самъ-то посуди—могъ ли я думать, что эта моя дребедень попадетъ когда-нибудь въ печать!

И мой пріятель опять тревожно зашагалъ по моей комнатѣ.

Я нарочно разсказалъ этотъ эпизодъ, чтобы, по поводу его, поговорить о томъ литературномъ курьезѣ (не могу подобрать другого слова), который выданъ въ свѣтъ «издателемъ-редакторомъ историческаго журнала «Русская Старина». «Альбомъ» М. И. Семевскаго, дѣйствительно, представляетъ собою не только любопытное явленіе въ нашей литературѣ, но и прекрасный матеріалъ для характеристики современныхъ литературныхъ отношеній, современныхъ воззрѣній на литературную собственность, современныхъ понятій о литературныхъ приличіяхъ. Болѣе же всего замѣчательна въ этой литературной затѣѣ М. И. Семевскаго та наивность, съ которою онъ старается облечь изданіе своего «Альбома» въ форму какого-то серьезнаго и общеполезнаго предпріятія, старается даже придать важное научное и литературное значеніе той грудѣ сырого автобіографическаго матеріала, который (замѣтимъ кстати) онъ

даже не имѣлъ ни малѣйшаго права издать въ свѣтъ безъ разрѣшенія авторовъ.

Но послушаемъ самого М. И. Семевскаго. Вотъ, что онъ говоритъ о своемъ «Альбомѣ» въ длинномъ и чрезвычайно запутанномъ предисловіи къ своему изданію:

«Въ добрую старину существовалъ обычай, сослужившій хорошую службу отечественной словесности. Мы говоримъ о существовавшемъ нѣкогда обыкновеніи вести (?) и хранить рукописные альбомы и собирать въ нихъ прозаическія и стихотворныя замѣтки, записи мыслей (?), афоризмовъ и проч...» «Памятуя интересъ старинныхъ альбомовъ»... «мы рѣшились воскресить старый и хорошій обычай». И вотъ М. И. Семевскій «воскресилъ» этотъ обычай. Съ 1867 года онъ завелъ «Альбомъ», который по 25-е марта 1888 года успѣлъ разростись до размѣра 3-хъ громадныхъ томовъ, въ нѣсколько сотъ страницъ каждый... «Печатать «Альбомъ» мы никакъ не предполагали», — говоритъ далѣе М. И. Семевскій... Но, тѣмъ не менѣе, взялъ да и напечаталъ! И это напечатаніе произошло какъ-то такъ случайно и нечаянно для самого собственника «Альбома», что онъ и въ предисловіи задаетъ себѣ вопросъ: «Что побудило насъ къ этому»? И на этотъ странный вопросъ слѣдуетъ не менѣе странный и весьма запутанный отвѣтъ, въ которомъ, какъ мы полагаемъ, многое неясно даже для самого автора.

Къ напечатанью «Альбома», какъ оказывается, побудило, во-первыхъ, «желаніе сохранить «Альбомъ» отъ всякой случайности его (?) утраты». (Замѣтимъ, что для этого, собственно говоря, не было еще ни малѣйшей надобности его печатать:—стоило только передать его на храненіе въ Императорскую Публичную Библіотеку или въ Румянцевскій Музей). «Во-вторыхъ, къ напечатанію «Альбома» побудило то, что, увы, значительное число лицъ, почтившихъ нашъ сборникъ внесеніемъ о себѣ (?) замѣтокъ, уже сошло въ могилу». (Рѣшительно не понимаемъ, почему смерть этихъ лицъ могла побудить М. И. Семевскаго къ печатанью «Альбома»!—развѣ потому, что эти покойники ужъ никакъ не могли воспротивиться печатанью ихъ замѣтокъ и записей?) «Въ-третьихъ»,—продолжаетъ г. Семевскій, — «въ послѣднее время стали появляться, и это дѣло весьма хорошее (?), различные словари съ біографическими свѣдѣніями о русскихъ дѣятеляхъ, намъ современныхъ или лишь въ недавнее время скончавшихся»... «Вотъ для таковыхъ-то словарей и сборниковъ—русскихъ подвижниковъ науки, литературы и искусствъ, а также дѣятелей государственныхъ и общественныхъ, нашъ «Альбомъ» можетъ послужить однимъ изъ полезныхъ источниковъ необходимыхъ данныхъ (!?), тѣмъ болѣе драгоцѣнныхъ, что эти данныя положительно всѣ внесены на страницы нашего «Альбома» рукою тѣхъ самыхъ лицъ, свѣдѣнія о которыхъ въ немъ сообщаются» (стр. IV и V).

Но при чемъ же тутъ «старинные альбомы»? При чемъ тутъ уваженіе къ нимъ и заявленія о желаніи «воскресить старый и хорошій обычай»? М. И. Семевскій, очевидно, и не думалъ составлять себѣ «альбома», въ прежнемъ, старинномъ его значеніи: онъ, уже съ самаго начала составлялъ сборникъ «полезныхъ источниковъ необходимыхъ данныхъ». И только! Пусть кто-нибудь, хорошо знакомый съ старинными альбомами, укажетъ намъ хоть на одинъ въ числѣ ихъ, въ которомъ бы заносились на страницы формулярные списки знакомыхъ или библіографическіе указатели сочиненій извѣстнаго автора, или записи въ родѣ: «Цвылевъ, Ефремъ Ивановъ, изъ Торжка» — «Генрихъ Богдановичъ Прангъ» — «Мировой судья 19-го участка Владиміръ Алексѣевичъ Болотовъ» — «Дѣйствительный статскій совѣтникъ Н. И. Ростиславовъ» и т. д. А между тѣмъ, именно такого рода записями, формулярными списками и библіографическими перечнями переполненъ «Альбомъ» М. И. Семевскаго. Ясно, что заведя и терпѣливо продолжая въ теченіе 21-го года подобный «Альбомъ-Сборникъ», его собственникъ ничуть не думалъ «воскресить старый и хорошій обычай», а напротивъ того, создавалъ нѣчто совершенно-новое и своеобразное, нѣкій альбомъ въ совершенно особомъ, современномъ духѣ, и мы даже смѣемъ думать—создавалъ именно съ затаенною мыслью напечать этотъ альбомъ когда-нибудь, въ удобную минуту, въ отдаленномъ будущемъ. Какая цѣль руководила при этомъ почтеннымъ М. И. Семевскимъ—объ этомъ мы скажемъ въ заключеніи нашей замѣтки; а теперь посмотримъ въ какой степени «Альбомъ-Сборникъ» редактора-издателя «Русской Старины» можетъ «послужить однимъ изъ полезныхъ источниковъ необходимыхъ данныхъ» для біографическихъ словарей «русскихъ подвижниковъ науки, литературы и искусствъ».

Если бы эта разумная цѣль дѣйствительно руководила г. Семевскимъ при составленіи его «Альбома», то «Альбомъ», конечно, не разроссся бы до 3-хъ толстыхъ томовъ въ нѣсколько сотъ страницъ каждый. Мы полагаемъ, что альбомъ «русскихъ подвижниковъ науки, литературы и искусствъ»,—какъ бы ни старался о его пополненіи г. Семевскій—едва ли занялъ бы и полтораста страницъ! И если бы г. Семевскому нужны были свѣдѣнія только объ этихъ «русскихъ подвижникахъ», то онъ, конечно, выбралъ бы ихъ изъ общей кучи именъ,—и напечаталъ бы этотъ цѣнный матеріалъ въ видѣ небольшой скромной книжки, которая могла бы пожалуй послужить источникомъ для біографическихъ словарей. Но въ томъ-то и дѣло, что скромность вовсе не входила въ расчетъ редактора-издателя «Русской Старины»! Бѣдные «русскіе подвижники» въ его «Альбомѣ» совсѣмъ теряются и стушевываются среди массы громкихъ и блестящихъ именъ, совершенно чуждыхъ всякому «подвижничеству», всякой наукѣ и литературѣ, среди разныхъ дѣйстви-

тельныхъ статскихъ и тайныхъ совѣтниковъ, среди дамъ высшаго свѣта, среди гласныхъ петербургской думы и сослуживцевъ М. И. Семевскаго по разнымъ служебнымъ поприщамъ, среди «первыхъ», «давнихъ», «усердныхъ» и «благодарныхъ» подписчиковъ, читателей и почитателей «Русской Старины», среди заграничныхъ и случайныхъ знакомыхъ М. И. Семевскаго, среди толпы людей, случайно встрѣтившихся съ нимъ одинъ разъ въ жизни на одинъ часъ.

Даже и выдѣливъ небольшое число «русскихъ подвижниковъ» изъ этой массы именъ и лицъ, мы найдемъ въ самыхъ «подвижническихъ» записяхъ много такого, что не можетъ служить «источникомъ необходимыхъ данныхъ», потому что принадлежитъ къ числу «данныхъ», никому не нужныхъ и ни для кого интереса не имѣющихъ. Беремъ на выдержку цѣлый рядъ такихъ «данныхъ»:

Стр. 97. «Князь Александръ Ерофеичъ-Выпиванскій, графъ Ильичъ Забулдыганскій».

Стр. 67. «Мордовцевъ, Даніилъ Лукичъ, 19-го января 1878 г., имѣлъ честь представить М. И. Семевскому, друга своего, Джемса Плюмпуддинга, эсквайра, который выразилъ Михаилу Ивановичу глубочайшую благодарность за труды его по освѣщенію темнотъ россійской «Старины» прекрасными его изданіями».

Стр. 110. «Кокшаровъ, Н. И. Имѣлъ радость быть у моего бывшаго ученика, М. И. Семевскаго, нашего знаменитаго редактора-издателя драгоцѣнной для всѣхъ насъ русскихъ «Русской Старины»—23-го декабря 1887. Считаю себя вполнѣ счастливымъ, что имѣю право такого человѣка, какъ Михаилъ Ивановичъ, называть своимъ высокочтимымъ ученикомъ!..»

Стр. 123. «(Г. С. Дестунисъ). Помнитъ время своего сослуженія въ Смольномъ институтѣ съ М. И. Семевскимъ во время К. Д. Ушинскаго».

Стр. 149. «Г. К. Градовскій 21-го декабря 1880 г. имѣлъ удовольствіе сообщить М. И. Семевскому для напечатанія въ «Русской Старинѣ» печальную повѣсть о своей попыткѣ издавать свободную газету въ наше освободительное время».

Стр. 124. «(Стасюлевичъ, М. М.) въ 1881 г. началъ изданіе газеты «Порядокъ», пріостановленной 9-го января 1882 г.—о чемъ подробности см. въ январской книгѣ «Русской Старины», изданія 1912 года».

Стр. 50. «Періодовъ моей жизни три: 1) танцовальный,—воспоминаній о немъ много, но будутъ сообщены послѣ смерти» и т. д.

Стр. 60. «(Гайдебуровъ, П. А.) ... учился въ Херсонской гимназіи и Петербургскомъ университетѣ, кончилъ курсъ въ Кронштадскихъ казармахъ въ 1862 году» [1]).

---

[1]) Т. е. былъ арестованъ вмѣстѣ съ другими участниками первой студенческой исторіи въ 1862 г.

Стр. 116. «(А. Д. Градовскій). Уважаемому М. И. Семевскому, въ скорбные дни, въ кои пріидохомъ съ пожеланіемъ возвѣстить о нихъ чрезъ тридцать лѣтъ».

Стр. 319. «(А. Д. Галаховъ). Съ этого времени (1832) начинается моя оффиціально-педагогическая карьера, хотя и до того за годъ или за два я безвозмездно обучалъ дѣтей родителей, умершихъ отъ холеры (sic!), въ сиротскомъ пріютѣ князя Павла Петровича Гагарина и трехъ благотворительныхъ дамъ»... «Не мало было у меня уроковъ и въ частныхъ пансіонахъ и домахъ, благодаря возникшей тогда надобности въ знаніи отечественнаго языка, по требованію высшаго начальства».

Стр. 388. «(Любимовъ, Г. М., протоіерей Ораніенб. придворной церкви), сообщаетъ о себѣ, что «при его особенномъ стараніи учрежденъ В. А. Ратьковымъ-Рожновымъ домъ призрѣнія бѣдныхъ въ память императора Александра II въ гор. Ораніенбаумѣ». Онъ же «въ 1882 году имѣлъ усердіе изыскать благосклонность (?) на построеніе тридцати-восьми церквей въ бѣдныхъ приходахъ (какихъ-то) губерній».

Стр. 236. «(Порто, А. П.). Былъ другомъ семейства М. И. Семевскаго со дня переѣзда моего въ корпусъ офицеромъ, мать котораго (корпуса или офицера?), любилъ и уважалъ, какъ свою родную мать, до самой ея кончины».

Полагаемъ, что всѣ вышеприведенныя записи не представляютъ собою никакого матеріала для будущаго біографическаго словаря, и могли бы быть смѣло опущены, если бы у г. Семевскаго была цѣль издать «полезный источникъ необходимыхъ данныхъ?» Предполагаемъ также, что «русскіе подвижники», писавшіе все вышеприведенное нами, писали это не для печати?

Но этимъ соображеніемъ почтенный редакторъ-издатель «Русской Старины», видимо, не затрудняется. Онъ печатаетъ даже и такія записи своихъ пріятелей и знакомыхъ, которыя прямо относятся къ непечатной литературѣ, печатаетъ ихъ съ весьма выразительными точками и даже съ «варьянтами для дамъ...» [1]). Печатаетъ, въ видѣ необходимаго комментарія къ стихотворенію, что оно «писано въ 1840 г., лежа на фортепьянахъ» (стр. 189)... Онъ все печатаетъ, этотъ почтеннѣйшій М. И. Семевскій—все, что имѣли неосторожность набросать въ его альбомъ черезчуръ болтливые и довѣрчивые пріятели! За образчиками безцеремонности Михаила Ивановича недалеко ходить: стоитъ только пробѣжать нижеслѣдующія стихотворенія маститаго академика Н. И. Кокшарова и отрывки изъ воспоминаній барона Бюлера, чтобы убѣдиться,

---

[1]) См. стихотворенія М. Н. Лонгинова «Четыре поколѣнія», стр. 85.— Къ тому же порнографическому отдѣлу «Альбома» относимъ и стихотвореніе «Два листка» (стр. 807—8) и многое другое.

какъ безпощадно относится редакторъ «Русской Старины» къ своимъ пріятелямъ и знакомымъ. Приводимъ здѣсь эти любопытныя стихотворенія и не менѣе любопытные отрывки воспоминаній:

По возвращеніи изъ балета «Дочь Фараона».

Рукоплескаетъ (sic!) все кругомъ,
Всѣ въ одинъ голосъ «прелесть Цукки!»
Скальковскій выдалъ ей дипломъ,—
Мы приложили къ нему руки!..

Экспромтъ.

Чтобы избавиться отъ скуки,
Совѣтскихъ преній,—мой совѣтъ:
Отправьтесь-ка скорѣй въ балетъ—
Тамъ восхитительная Цукки!

Возвращеніе на родину.

Вотъ наша русская граница,—
Преддверье родины моей,
Вотъ и Петровская столица,—
Челомъ бью низко передъ ней!
Недурно, право, намъ живется,
Въ Россіи нашей дорогой...
Невольно сердце мое бьется,—
Ну, такъ и хочется домой!

На пути къ родинѣ.

Всюду снѣгъ и холодъ,
Знать зима вездѣ!..
Хилъ я и не молодъ,—
Грустно на душѣ!..
Далеко родныя,
Милыя поля,—
Все кругомъ чужіе
Села, города!..
Ахъ! Скорѣй бы къ дому
Паровозъ привезъ,
Къ очагу родному
Богъ меня принесъ!..
Тамъ заботъ хоть море,—
Какъ безъ нихъ намъ жить?
Все же есть съ кѣмъ горе
Мнѣ тамъ раздѣлить!

А вотъ и еще четыре стиха изъ длиннаго стихотворенія, читаннаго на столѣтнемъ юбилеѣ Горнаго Института. Въ нихъ поэтъ, обращаясь къ учрежденію (или къ зданію?), восклицаетъ:

«Какъ монументъ нетлѣнный, дивный
«Екатерининскихъ временъ,
«Ты здѣсь стоишь гостепріимный
«Для блага родины племенъ!...»

Въ заключеніе десятка подобныхъ стихотвореній, маститый поэтъ скромно добавляетъ:

«Всѣ приведенныя выше стихотворенія (стр. 344—352) выбраны М. И. Семевскимъ изъ собранія моихъ мелкихъ стихотвореній (изданія для немногихъ) и внесены мною въ его альбомъ, на добрую обо мнѣ память».

А вотъ и еще образчикъ поэзіи изъ альбома М. И. Семевскаго, принадлежащій перу нѣкоего В. Р. Щиглева. Заимствуемъ двѣ строфы изъ его длиннаго стихотворенія «Крестины», подъ которымъ подписано: «Подражаніе Беранже». Въ этомъ любопытномъ стихотвореніи каждая строфа заключаетъ въ себѣ пожеланіе одного изъ присутствующихъ — крещаемому. И вотъ какимъ языкомъ выражаются эти пожеланія:

... «Отставной совѣтникъ статскій,
«Съ Станиславой (sic!) на груди,
«Изрекаетъ: «Я другое
«Нѣчто вижу впереди:
«Вмѣсто кивера — фуражку!
«Онъ, разумный какъ Эзопъ,
«Канцелярскую бумажку
«Расплодитъ и... по кармашку
«Хлопъ! хлопъ! хлопъ!»

* * *

«Тутъ не вытерпѣлъ исправникъ
«И, на треть (sic!) раскрывши пасть,
«Молвилъ такъ: «По мнѣ вѣрнѣе
«Исполнительная власть.
«Не испечь на все законовъ!
«А ростетъ Вольтеровъ скопъ...
«Во спасенье всякихъ троновъ
«Пусть-ка онъ всѣхъ франкмасоновъ
«Хлопъ! хлопъ! хлопъ!» (Стр. 339—340).

Но всѣ эти цвѣты поэзіи совершенно блѣднѣютъ передъ тою прозой, которою баронъ Бюлеръ украсилъ страницы «Альбома», помѣстивъ въ немъ обширную, занимательную и весьма откровенную исповѣдь. Въ этой исповѣди находимъ, между прочимъ:

«Въ числѣ первыхъ воспоминаній помню свои прогулки въ Лѣтнемъ Саду. Тамъ генералы: Ансельмъ-де-Жибори, Ланской и Обресковъ увертывались около моей красивой няни». (Стр. 282).

Затѣмъ, разсказавъ о своемъ воспитаніи въ Правовѣдѣніи, баронъ вспоминаетъ и о своихъ юридическихъ подвигахъ. Онъ говоритъ:

«Впослѣдствіи я выигралъ два громкихъ процесса: 1-й, противъ крестьянъ моей тещи; 2-й, противъ устройства торговыхъ бань возлѣ московскаго архива».

Сообщая о своей крайней умѣренности въ жизни, баронъ добавляетъ:

«Прихотей я почти вовсе не зналъ. Средствъ хватало мнѣ всегда въ обрѣзъ, но я никогда не былъ человѣкомъ занимательнымъ (т. е. никогда ни у кого не занималъ)».

Эта скромность и умѣренность желаній, не мѣшаетъ, однако же. барону сознаться, что и у него въ жизни были своего рода соблазны:

«Въ Петербургѣ, въ Большой Морской, есть богатѣйшій булочникъ Bühler, но какъ я ни старался, мнѣ не удалось напроситься къ нему въ родство». (Стр. 290).

Особенно подробныя свѣдѣнія сообщаетъ баронъ о своей дипломатической карьерѣ (кстати сказать, очень немногосложной); эти свѣдѣнія онъ заканчиваетъ слѣдующей неожиданностью:

«Въ домашнемъ быту я никогда не дипломатничалъ и большимъ счастіемъ для меня было то, что жена моя, вышедшая за меня по склонности, далеко не всегда поддакивала мнѣ, а напротивъ того, часто спорила со мною и давала мнѣ совѣты, оказывавшіеся вполнѣ практичными». (Стр. 292).

Исповѣдь барона Бюлера заключается очень скромными заявленіями и пожеланіями:

«Остается сказать, что я 42 года безукоризненно носилъ придворный мундиръ»... «Теперь живѣйшее мое желаніе заключается въ томъ, чтобы послѣ моей смерти каждый (?) могъ сказать, что я остался чистъ передъ царемъ и Россіей!» (Стр. 290).

Каждый, прочитавшій подобныя страницы «Альбома» М. И. Семевскаго, долженъ будетъ, пожалуй, прійти къ тому заключенію, что если бы г. Семевскій отнесся съ большою скромностью и деликатностью къ своимъ «знакомымъ», то русская литература лишилась бы многихъ «перловъ»...

Послѣ всего вышеприведеннаго, едва ли нужно доказывать, что, при изданіи своего «Альбома», М. И. Семевскій не задавался никакими серьезными и научными цѣлями. Еще менѣе заботился онъ о томъ, чтобы сохранить воспоминанія о дѣятеляхъ почившихъ, окончившихъ свое земное поприще. Если бы у него была эта цѣль, онъ отдѣлилъ бы воспоминанія объ этихъ лицахъ въ особый отдѣлъ, онъ не смѣшалъ бы ихъ съ живыми дѣятелями изъ судебнаго, думскаго и строительнаго міра; а главное — М. И. Семевскій, вѣроятно, отнесся бы къ нимъ съ бо̀льшимъ уваженіемъ... Посмотримъ, какъ онъ къ нимъ относится въ тѣхъ комментаріяхъ, которые прибавляетъ къ нѣкоторымъ именамъ?

Стр. 21: «Іоакинөъ Ивановъ»...

«Шишкинъ, Іоакинөъ Ивановичъ», — спѣшитъ добавить М. И. Семевскій — «не дописалъ ни своего отчества, ни фамиліи, такъ какъ былъ подъ вліяніемъ алкоголя (!), не въ нормальномъ состояніи».

Къ чему это добавлено? Для кого это интересно или важно знать? Неужели это тоже нужно для будущаго біографическаго словаря? При томъ рождается вопросъ, какимъ образомъ человѣкъ, находившійся «подъ вліяніемъ алкоголя», допущенъ былъ до занесенія своей записи въ альбомъ г. Семевскаго? Смѣемъ увѣрить почтеннаго редактора «Русской Старины», что въ старинныхъ альбомахъ, которые онъ пытается «воскресить», подобныя записи не находили и не могли найти себѣ мѣста...

Отмѣтимъ еще одну чрезвычайно странную особенность воззрѣній М. И. Семевскаго на объемъ и основную задачу своего альбома-сборника... Онъ придаетъ этому альбому общее названіе «Знакомые», изъ котораго мы были бы въ правѣ заключить, что на страницахъ этого альбома мы встрѣтимъ только людей лично-близкихъ къ Михаилу Ивановичу, водившихъ съ нимъ хлѣбъ-соль, состоявшихъ съ нимъ въ литературныхъ сношеніяхъ... Нѣтъ! М. И. Семевскій гораздо шире понимаетъ этотъ терминъ: его «Знакомые» — это всѣ тѣ, кто когда-нибудь встрѣтился съ нимъ, кто знаетъ его имя, кто поднесъ ему какую-нибудь книгу, картину или даже просто дипломъ на членство, всѣ тѣ, кто хоть разъ въ жизни обмѣнялся съ нимъ телеграммой, всѣ тѣ, кому онъ «дерзнулъ» самъ поднести свой альбомъ, съ покорнѣйшею просьбою вписать на его страницы свое имя или автографъ... Поэтому вы съ удивленіемъ встрѣчаете въ числѣ знакомыхъ М. И. Семевскаго и герцога Николая Нассаускаго, и членовъ кассы наборщиковъ, и членовъ комиссіи по пересмотру устава реальныхъ училищъ и т. д. [1]).

Въ этомъ воззрѣніи на «Знакомыхъ» и открывается для насъ главная, затаенная цѣль изданія курьезнаго альбома-сборника въ свѣтъ. Внимательно прослѣдивъ его, отъ начала до конца, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что этотъ альбомъ-сборникъ никакъ не могъ бы быть напечатанъ въ своемъ нынѣшнимъ полномъ составѣ, если бы, дѣйствительно, г. Семевскій имѣлъ въ виду тѣ цѣли, которыя онъ самъ выставляетъ въ предисловіи къ изданію своей

---

[1]) Отмѣтимъ тотъ любопытный фактъ, что въ числѣ «Знакомыхъ» М. И. Семевскаго, мы видимъ и его самого! Подпись М. И. Семевскаго встрѣчается на страницахъ альбома много разъ, и на стр. 323, въ числѣ участниковъ «обѣда полочанъ» (т. е. кадетовъ Полоцкаго корпуса), мы съ удивленіемъ видимъ даже подпись собственника альбома съ прописью полнаго титута: «Тайный совѣтникъ Михаилъ Ивановичъ Семевскій»!.. Каждый, прочитавшій эту подпись, невольно улыбнется и вспоминаетъ того гоголевскаго полковника Кошкарова, который самъ къ себѣ писалъ рапорты и отношенія...

книги. Задаваясь тѣми цѣлями, онъ издалъ бы скромный томикъ. изъ котораго исключилъ бы все лишнее, не предназначавшееся къ печати, выкинулъ бы громадный баластъ именъ никому неизвѣстныхъ и ни для кого не нужныхъ и, конечно, изъ самой простой, обыденной скромности исключилъ бы всѣ тѣ восхваленія, комплименты и банальныя любезности, съ которыми на каждой страницѣ альбома «Знакомые» М. И. Семевскаго обращаются къ нему, къ его журналу, къ его дѣятельности и къ его заслугамъ. Но въ томъ-то и дѣло, что это простая не многосложная задача вовсе не входила въ разсчеты почтеннаго редактора «Русской Старины»! Издавая толстый, убористо-напечатанный томъ въ 400 страницъ, пренебрегая всѣми установившимися понятіями о литературныхъ приличіяхъ и литературной деликатности, онъ очевидно заботился только о томъ, чтобы воздвигнуть себѣ нѣкотораго рода монументъ и, въ назиданіе будущимъ поколѣніямъ,—оставить память о томъ обширномъ и разнообразномъ кругѣ людей, который одинаково почтительно относился къ его заслугамъ. Надо надѣяться, что, вслѣдъ за этимъ альбомомъ, М. И. Семевскій начнетъ ужъ прямо издавать сборникъ матеріаломъ для своего будущаго юбилея, и этотъ сборникъ, вѣроятно, будетъ еще интереснѣе напечатаннаго имъ «Альбома».

П. П.

ЮБИЛЕЙ А. Н. МАЙКОВА.

ПЯТЬДЕСЯТЪ лѣтъ назадъ, 2-го февраля 1838 года. впервые отпразднованъ былъ юбилей русскаго писателя: то было чествованіе пятидесятилѣтней литературной дѣятельности славнаго нашего баснописца Крылова. Послѣ того, въ теченіе многихъ лѣтъ, обстоятельства не благопріятствовали повторенію такихъ праздниковъ въ литературной средѣ; но они возобновились въ новѣйшее время, и современное русское общество уже имѣло случай привѣтствовать своимъ сочувствіемъ нѣсколькихъ нынѣ здравствующихъ ветерановъ отечественной словесности. Подобныя торжества, когда виновниками ихъ являются люди истиннаго дарованія, люди, дѣятельность и творчество которыхъ имѣли воспитательное значеніе для современниковъ и пробуждали въ нихъ свѣтлую мысль и доброе чувство,—получаютъ несомнѣнное общественное значеніе: ими поддерживается и укрѣпляется живая связь между настоящимъ и прошлымъ и новѣйшія поколѣнія пріучаются цѣнить заслуги своихъ предшественниковъ въ великомъ дѣлѣ нашего духовнаго развитія.

Въ числѣ поэтовъ, выступившихъ на литературное поприще послѣ преждевременной кончины великаго Пушкина, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Аполлону Николаевичу Майкову. Произведенія его стали являться въ печати съ конца 1839 года: въ «Одесскомъ Альманахѣ на 1840 годъ» были помѣщены двѣ антологическія піесы его «Сонъ» и «Картина вечера». Восемнадцатилѣтній авторъ ихъ (родился 23-го мая 1821 года въ Москвѣ) былъ въ то время студентомъ С.-Петербургскаго университета по юридическому факультету. Но еще ранѣе того, именно весною 1838 года, профессоръ А. В. Никитенко, читавшій русскую словесность студентамъ-

юристамъ, на одной изъ своихъ лекцій прочелъ два стихотворенія своего слушателя 2-го курса Аполлона Майкова: «Гнѣвъ Божій» и «Венера Медицейская». Почти около того же времени одно изъ антологическихъ стихотвореній юнаго поэта прочитано было съ каѳедры профессоромъ Московскаго университета С. П. Шевыревымъ. Оба профессора мѣтко угадали блестящее дарованіе начинающаго поэта, а два года спустя, когда вышелъ въ свѣтъ «Одесскій Альманахъ на 1840 годъ», со стихами неизвѣстнаго еще автора, подписанными одною буквою *М.*, Бѣлинскій, въ одной изъ своихъ статей, говоря объ антологической поэзіи, привелъ какъ образецъ ея піесу «Сонъ», сопроводивъ ее самымъ лестнымъ отзывомъ.

Чтеніе юношескихъ произведеній А. Н. Майкова съ университетскихъ каѳедръ можетъ быть признано за первое публичное заявленіе о новомъ замѣчательномъ дарованіи, выступившемъ на поприще словесности. Съ тѣхъ поръ протекло пятьдесятъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ поэтъ далъ русской словесности длинный рядъ прекрасныхъ произведеній, обезпечившихъ ему громкую извѣстность; поэтому и празднованіе юбилея полувѣковой литературной дѣятельности А. Н. Майкова могло быть правильно пріурочено къ веснѣ текущаго года. Праздникъ былъ устроенъ по почину существующаго въ Петербургѣ Литературно-драматическаго Общества и состоялся въ его помѣщеніи 30-го апрѣля.

Привѣтствія юбиляру начались однако ранѣе, чѣмъ онъ прибылъ въ торжественное засѣданіе Литературно-драматическаго Общества. Великій князь Константинъ Константиновичъ пожелалъ лично поздравить поэта у него на дому. Великія княгини Александра Іосифовна и Елисавета Маврикіевна прислали А. Н. Майкову свои фотографическія карточки и лавровый вѣнокъ. Великая княгиня Екатерина Михаиловна поздравила юбиляра чрезъ гофмейстера своего двора П. Х. Шванебаха, а великая княгиня Вѣра Константиновна—привѣтственною телеграммой изъ Штутгарта. Министръ народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ и оберъ-прокуроръ святѣйшаго сѵнода К. П. Побѣдоносцевъ, лишенные возможности пріѣхать въ засѣданіе Общества, прислали поэту письменныя поздравленія; русскій посолъ въ Константинополѣ А. И. Нелидовъ и попечитель Кавказскаго учебнаго округа К. П. Яновскій поздравили его телеграммами.

Въ два съ половиною часа началось засѣданіе Литературно-драматическаго Общества. Въ театральную залу его, кромѣ членовъ послѣдняго, собрались представители ученаго и литературнаго міра, администраціи и искусствъ и многочисленные почитатели таланта юбиляра. Появленіе его въ залѣ было встрѣчено громкими рукоплесканіями. Предсѣдатель Общества П. Н. Исаковъ открылъ засѣданіе краткимъ сообщеніемъ о томъ, что Литературно-драматическое Общество, принявъ на себя починъ чествованія А. Н. Май-

кова, встрѣтило со всѣхъ сторонъ самое горячее сочувствіе, и затѣмъ предоставилъ слово Е. М. Ѳеоктистову. Начальникъ главнаго правленія по дѣламъ печати прочиталъ слѣдующее письмо министра внутреннихъ дѣлъ графа Д. А. Толстого къ юбиляру:

«Милостивый государь Аполлонъ Николаевичъ! По случаю исполнившагося сегодня пятидесятилѣтія со времени выступленія вашего превосходительства на литературное поприще, Его Величество Государь Императоръ, Высочайше соизволилъ, въ уваженіе плодотворной вашей литературной дѣятельности, а также немаловажныхъ вашихъ заслугъ на государственной службѣ, произвести васъ въ тайные совѣтники и получаемую вами ежегодно въ размѣрѣ 1,750 р. пенсію увеличить до 3,500 р. Считаю пріятнымъ долгомъ поздравить ваше превосходительство съ таковою Монаршею милостію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лично отъ себя сердечно васъ привѣтствовать. Въ этотъ торжественный для васъ день многочисленнымъ поклонникамъ вашего глубокаго и блестящаго дарованія, къ которымъ причисляю и себя, остается только желать, чтобы еще долго не оскудѣвало ваше творчество, чтобы къ цѣлому ряду произведеній, которыя навсегда упрочили за вами одно изъ первенствующихъ мѣстъ въ русской литературѣ, присоединялись и другія, отмѣченныя такою же высотою помысловъ и такимъ же художественнымъ совершенствомъ. Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности. Графъ Д. Толстой».

По объявленіи Монаршей милости хоръ пѣвчихъ пропѣлъ народный гимнъ, а затѣмъ послѣдовали привѣтствія отъ разныхъ учрежденій, приславшихъ на торжество своихъ депутатовъ. С.-Петербургскій городской голова В. И. Лихачевъ отъ имени думы принесъ поздравленіе поэту, который, какъ онъ выразился, «имѣетъ не только художественное, но и воспитательное значеніе». Въ прочитанномъ академикомъ Я. К. Гротомъ адресѣ отъ Академіи Наукъ, уже 35 лѣтъ считающей юбиляра въ числѣ своихъ членовъ-корреспондентовъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, выражена была мысль, что А. Н. Майковъ во всей своей литературной дѣятельности оставался вѣренъ «тѣмъ дорогимъ преданіямъ, тѣмъ художественнымъ началамъ, которыя завѣщаны русской поэзіи великимъ учителемъ Пушкинымъ», и что онъ всегда тщательно, съ требовательностью истиннаго художника, работалъ надъ своими произведеніями и достигъ въ своихъ поэтическихъ созданіяхъ изящества формы, которая въ нихъ неразрывно связана съ идеей. Привѣтствія отъ университетовъ С.-Петербургскаго, Кіевскаго и Казанскаго, а также отъ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ и С.-Петербургскаго славянскаго благотворительнаго Общества, сопровождались заявленіями объ избраніи А. Н. Майкова почетнымъ членомъ этихъ учрежденій. Адресъ отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія характеризовалъ значеніе литературной дѣятельности А. Н. Майкова для народнаго образованія. «Дѣятельный членъ комитета въ продолженіе слишкомъ 14-ти лѣтъ»—сказано было въ этомъ адресѣ—«вы постоянно заботились о томъ, чтобы направлять нашу учебную литературу, а слѣдовательно, и нашу школу,

къ тѣмъ свѣтлымъ идеаламъ, служенію коимъ вы посвятили всю жизнь. Ваши идеалы извѣстны всей читающей Россіи: это—любовь къ отечеству, это—пламенное желаніе ему истиннаго благоденствія, величія и славы. Какъ избранный сынъ родины, вдохновенный носитель и истолкователь ея завѣтовъ, вы стремились водворять благодать любви въ странѣ родной—и подъ кровлею школы, святая задача коей воспитывать честныхъ и доблестныхъ гражданъ, всецѣло преданныхъ Престолу, Отечеству и Православной церкви. Но заслуги ваши русской школѣ, какъ члена ученаго комитета, исчезаютъ въ сіяніи той славы, которая принадлежитъ вамъ—великому поэту Русской земли. Кто бы могъ взвѣсить и отмѣтить пользу, приносимую не только школѣ, но и всему русскому народу, вашими поэтическими произведеніями? Нѣтъ азбуки, которая не украшалась бы жемчужинами вашего творчества; нѣтъ той захолустной школы, гдѣ бы не звучали золотыя струны вашей лиры, лаская чуткую дѣтскую душу сладкими напѣвами и внося въ ея тайники свѣтлые лучи истины, блага, красоты, любви къ родной Россіи; и нѣтъ той сколько-нибудь образованной русской семьи, всѣ члены которой отъ мала до велика не испытывали бы на себѣ благотворнаго и обаятельнаго вліянія вашего поэтическаго вдохновенія».

Не будемъ однако излагать содержанія всѣхъ адресовъ, читанныхъ юбиляру въ этомъ засѣданіи; замѣтимъ только, что во многихъ изъ нихъ удачно отмѣчены и оцѣнены разныя характерныя черты его поэтическаго дарованія. Не будемъ и перечислять тѣ учрежденія, которыя прислали депутатовъ на юбилей поэта; но слѣдуетъ упомянуть, что значительное число адресовъ доставлено редакціями періодическихъ изданій, и что многія изъ письменныхъ привѣтствій были представлены въ видѣ изящно исполненныхъ и украшенныхъ рисунками листовъ въ красивыхъ переплетахъ.

Послѣ адресовъ прочитаны были поздравительныя телеграммы; въ числѣ ихъ, кромѣ вышеупомянутыхъ телеграммъ отъ Высочайшихъ особъ, слѣдуетъ въ особенности отмѣтить привѣтствія отъ князя Черногорскаго Николая, отъ наслѣдника черногорскаго престола и отъ князя Карагеоргіевича и его супруги, дочери князя Николая. Послѣднимъ прочитанъ былъ адресъ Литературно-драматическаго Общества, изложенный въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Аполлонъ Николаевичъ! Литературно-драматическое Общество въ настоящій знаменательный день привѣтствуетъ въ вашемъ лицѣ славнаго русскаго поэта и своего дорогого почетнаго члена, имя котораго съ самого основанія Общества составляетъ его честь и гордость. Поэзія ваша воплотила въ художественныхъ образахъ существенныя черты русскаго народнаго духа; ваше творчество отзывалось на все человѣческое; ему доступны были всѣ области бытія: и древній міръ въ его пластической красотѣ, и средніе вѣка въ расцвѣтѣ романтизма съ его мистическимъ экстазомъ, и залитыя солнцемъ картины Италіи, и мрачные

образы скандинавскаго эпоса, все это живетъ и дышетъ во вдохновенныхъ твореніяхъ вашихъ, не отрывая васъ въ то же время отъ родной почвы: въ вашей поэзіи не умолкали русскія струны, русскія простыя и добрыя чувства.

«Но ярче и превыше всего религіозная мысль свѣтила въ вашемъ творчествѣ, и вдохновляемые ею, въ горячо излюбленной вами поэмѣ «Два міра» вы дали намъ величавую картину борьбы язычества съ немеркнущимъ свѣтомъ христіанства.

«Столь разнообразному и высокому содержанію вашей поэзіи въ полной мѣрѣ соотвѣтствуетъ пластическое совершенство воплотившихъ его образовъ, и та «гармонія стиха», божественную тайну которой вы разгадали съ юныхъ лѣтъ. Не угасающая въ васъ сила вдохновенія и вѣчно юное чувство красоты ручаются намъ, что и впредь мы еще многіе годы будемъ наслаждаться новыми, обильными дарами вашей музы».

Рядъ привѣтствій заключился чтеніемъ стихотвореній, посвященныхъ юбиляру. Первымъ прочитано было стихотвореніе великаго князя Константина Константиновича:

Твоя восторженная лира
И пѣсни чистыя твои
Намъ проливали звуки мира,
Добра, надежды и любви,

Ты—черни вѣтреной въ угоду—
Себѣ, пѣвецъ, не измѣнялъ,
Свою священную свободу
Страстямъ толпы не подчинялъ;

Ты пѣлъ въ теченіе полвѣка,
Безсмертья лаврами увитъ,
Ту пѣснь, что̀ душу человѣка
И возвышаетъ, и живитъ.

О, еслибъ струны эти пѣли
Намъ долго, долго твой завѣтъ,
Какъ несравненной долженъ цѣли
Быть вѣренъ истинный поэтъ!

Затѣмъ Я. П. Полонскій, К. К. Случевскій, Ѳ. Н. Бергъ, П. А. Козловъ, графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, Н. М. Минскій и П. А. Кусковъ произнесли свои стихотворенія, внушенныя имъ настоящимъ случаемъ, а піесы, написанныя не присутствовавшими въ засѣданіи А. А. Шеншинымъ (Фетомъ) и князьями Д. Н. Цертелевымъ и Э. Э. Ухтомскимъ, прочтены были профессоромъ А. И. Незеленовымъ. На ряду со стихами сообщено было письмо извѣстнаго нашего писателя И. А. Гончарова; слабость здоровья помѣшала ему принять личное участіе въ празднествѣ, но какъ старый другъ А. Н. Майкова и всей его семьи, онъ съ особенною теплотой выразилъ ему свое чувство неизмѣнной пріязни и пожелалъ ему достичь, «по примѣру отца и дѣда, глубокихъ предѣловъ жизни, оставаясь вѣчно-юнымъ и славнымъ пѣвцомъ, яркимъ свѣтиломъ нашей поэзіи».

На весь этотъ рядъ выраженій теплаго сочувствія почтенный юбиляръ отвѣчалъ небольшою рѣчью, въ которой благодарилъ за обращенныя къ нему привѣтствія, и при томъ сказалъ, что всю жизнь свою онъ шелъ по избранному пути, не думая о будущемъ и повинуясь единственно внутреннему влеченію: «Одно, что̀ я всегда исповѣдывалъ», сказалъ онъ,—«это—трудъ, и на него я всегда указывалъ обращавшимся ко мнѣ начинающимъ поэтамъ. Таланты отъ Бога, а обработка и развитіе ихъ зависятъ отъ насъ самихъ, отъ нашего труда». Затѣмъ, какъ бы въ доказательство того, что поэтическое дарованіе также свѣжо въ немъ теперь, какъ прежде, А. Н. Майковъ съ своимъ обычнымъ мастерствомъ прочелъ вновь написанную имъ поэму «Брингильда». Содержаніе ея заимствовано изъ древне-скандинавскаго міра, изъ мотивовъ «Эдды»; но подъ перомъ русскаго поэта отрывочные намеки народнаго сѣвернаго эпоса сложились въ полную художественную картину, производящую глубокое впечатлѣніе на душу слушателя или читателя. Общія рукоплесканія заключили это чтеніе, которымъ и закончилось торжественное засѣданіе.

Въ семь часовъ вечера, въ той же залѣ состоялся въ честь юбиляра обѣдъ, на которомъ присутствовало болѣе полутораста человѣкъ. Многіе изъ участниковъ утренняго собранія встрѣтились здѣсь съ новыми посѣтителями. И на обѣдѣ продолжались многочисленныя выраженія сочувствія и уваженія къ виновнику торжества, какъ поэту и человѣку.

Первый тостъ за здоровье Государя Императора провозглашенъ былъ статсъ-секретаремъ М. Н. Островскимъ. Въ отвѣтъ на него раздались крики «ура!» и музыка заиграла народный гимнъ. Въ послѣдовавшей затѣмъ рѣчи М. Н. Островскій напомнилъ о тѣсной связи, соединявшей юбиляра съ покойнымъ знаменитымъ нашимъ драматургомъ А. Н. Островскимъ, и провелъ паралель между ними. «Какъ вы», сказалъ М. Н. Островскій, обращаясь къ юбиляру,—«братъ мой въ своихъ изящныхъ произведеніяхъ не преслѣдовалъ иныхъ цѣлей, кромѣ чисто художественныхъ; какъ вы, онъ въ своемъ творчествѣ исполненъ былъ самыхъ добрыхъ чувствъ и высокихъ помысловъ; какъ вы, онъ чутокъ былъ къ языку природы и горячо любилъ нашу, мѣстами скудную, мѣстами суровую природу сѣвера. Я никогда не забуду, съ какимъ восторгомъ онъ читалъ ваше стихотвореніе «Рыбная ловля», посвященное ему въ числѣ многихъ другихъ любителей рыбной ловли; помню, съ какимъ умиленіемъ онъ повторялъ тѣ мѣста вашей поэмы, гдѣ вашею художественною, но трезвою кистью рисуются картины нашей природы... Это умиленіе раздѣлялъ съ нимъ и я... И теперь, какъ и тридцать лѣтъ назадъ, я не могу безъ глубокаго чувства повторять тѣ строки, въ которыхъ вы, обращаясь къ этой природѣ, восклицаете:

Картины бѣдныя полуночнаго края!
Гдѣ бъ я не умиралъ, васъ вспомню, умирая;
Отъ сердца пылкаго все злое прочь гоня;
Не вы ль, миря съ людьми, учили жить меня?

«И вы были правы, дорогой Аполлонъ Николаевичъ, говоря, что природа учитъ насъ жить въ мирѣ съ людьми... Но не одна она учитъ насъ этому... Этому учатъ насъ и тѣ вдохновенные истолкователи сокровенныхъ тайнъ ея, къ числу которыхъ и вы, по своему поэтическому таланту, безспорно принадлежите. Да, вы были въ этомъ отношеніи учителемъ, были учителемъ добрымъ, учителемъ многихъ поколѣній... И если въ благодарномъ сердцѣ человѣка навсегда сохраняется чувство признательности къ тѣмъ людямъ, которые научили его въ жизни чему-либо доброму, то вѣрьте, что это чувство сохраняется и сохранится навсегда неизмѣннымъ въ глубинѣ многихъ и многихъ благодарныхъ вамъ сердецъ». Рѣчь эта была заключена тостомъ въ честь юбиляря.

Затѣмъ прочитано было еще нѣсколько привѣтствій чествуемому поэту въ стихахъ и прозѣ. Отмѣтимъ изъ нихъ письмо К. Н. Бестужева-Рюмина, въ которомъ съ глубокимъ пониманіемъ и задушевною теплотой выставлены характерныя особенности поэтическаго дарованія А. Н. Майкова. Назвавъ лучшимъ изъ его произведеній извѣстную поэму «Два міра», въ которой изображено столкновеніе язычества съ христіанствомъ—тема, неоднократно привлекавшая вниманіе нашего поэта, почтенный историкъ продолжаетъ: «Предъ нами въ яркихъ образахъ предстали два міра, и ясно стало для умственнаго взора каждаго, почему палъ одинъ и восторжествовалъ другой. Въ упорномъ преслѣдованіи этой цѣли сказалось руководящее начало вашего духа, которое выразили вы такъ полно и сжато, какъ умѣютъ выражать только истинные поэты, въ вашемъ стихотвореніи: «Изъ темныхъ доловъ...» Кто живетъ мыслію, тотъ можетъ часто повторять это стихотвореніе, а особенно его заключительныя слова:

Туманомъ міръ вниву объятъ,
Но надо мною все гудитъ,
Во весь широкій небосклонъ,
— Сюда, сюда! — все тотъ же звонъ.

Самъ юбиляръ неоднократно вставалъ, чтобъ отвѣчать на обращенныя къ нему съ разныхъ сторонъ привѣтствія. Приведемъ слѣдующія его слова, дышащія замѣчательною искренностью: «Напоминанія Михаила Николаевича о его братѣ Александрѣ Николаевичѣ вызвали въ моей памяти чрезвычайно важное событіе моей жизни: въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ для меня эпохъ, въ Крымскую войну 1853—1855 годовъ, я бросился изъ Петербурга въ Москву, чтобы почувствовать подъ собою почву, найти для себя

оправданіе и сочувствіе хотя бы только у стѣнъ кремлевскихъ, у этихъ золотыхъ куполовъ соборовъ, подъ сѣнью которыхъ я родился; я попалъ въ молодую редакцію «Москвитянина», гдѣ были Островскій, Филипповъ, Аполлонъ Григорьевъ, Эдельсонъ, Горбуновъ и многіе, которыхъ теперь не помню. У нихъ я нашелъ не только оправданіе и сочувствіе, но увидѣлъ въ нихъ совсѣмъ моихъ единомышленниковъ... Вообще, я былъ всегда такъ счастливъ въ жизни, что встрѣчалъ хорошихъ людей болѣе, чѣмъ дурныхъ, а если и встрѣчалъ послѣднихъ, то не замѣчалъ ихъ, не помню! И если бы мнѣ надо было дать отвѣтъ на вопросъ: каковъ человѣкъ, я отвѣтилъ бы, что онъ—созданіе, достойное своего Творца, что Божество дало ему свое дуновеніе, свою искру, и онъ, не смотря ни на что, не потерялъ ея». На это вставилъ свое замѣчаніе Т. И. Филипповъ, приведя русскую пословицу: «Чего не найдешь въ себѣ, не найдешь и въ селѣ». Юбиляръ продолжалъ, обратившись къ одному изъ привѣтствовавшихъ его поэтовъ: «На одну изъ выраженныхъ вами мыслей позволю себѣ замѣтить... нѣтъ, чувствую сильную потребность выразить нѣкоторый протестъ. Вы сказали, что теперь нѣтъ такихъ поэтовъ и не предвидится ихъ,— это неправда! Они есть, они здѣсь, можетъ быть, въ этой залѣ, не тутъ, такъ за нею, внѣ ея, въ Россіи; но они еще выйдутъ, наконецъ, изъ земли — и явятся, и можетъ быть, еще затопчутъ насъ въ грязь, и давай Богъ!.. Я никогда не льстилъ молодому поколѣнію, никогда не заискивалъ у него, никогда не боялся его, а всегда училъ и буду учить... Но безъ вѣры въ появленіе среди ея новыхъ дарованій—нельзя жить!.. Но я долженъ просить извиненія: я долженъ былъ предложить тостъ за процвѣтаніе науки и искусства въ Россіи, а, между тѣмъ, увлекся этою прекрасною и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасною молодежью. Поправляюсь теперь и возглашаю этотъ тостъ!»

Не нужно прибавлять, что слова эти были приняты съ восторженнымъ сочувствіемъ. Обѣдъ закончился оживленною бесѣдой, и зала опустѣла только къ десяти часамъ вечера.

Вообще, весь праздникъ въ честь А. Н. Майкова отличался полною непринужденностью и искренностью общаго настроенія; этому, безъ сомнѣнія, много способствовала свѣтлая личность самого юбиляра, въ которомъ всѣ его знающіе и всѣ его поклонники чтутъ не только высокодаровитаго поэта, но и простого, прекраснаго человѣка. Таковъ сказался А. Н. Майковъ и въ слѣдующемъ своемъ письмѣ къ А. С. Суворину, которое, нѣсколько дней спустя послѣ юбилея, онъ напечаталъ въ газетѣ «Новое Время»:

«Въ настоящую минуту я чувствую себя въ самомъ затруднительномъ положеніи—посреди какъ бы совершенно новаго міра, куда вдругъ нежданно-негаданно перенесенъ судьбою, міра, гдѣ мнѣ все ново и незнакомо кажется, и я не знаю, какъ и куда мнѣ ступить, что начать, что сказать, что сдѣлать.

А сказать, сдѣлать надо, кажется мнѣ, такъ много, что у меня и однѣхъ физическихъ силъ не хватитъ. Въ эту-то минуту, какъ лучъ спасенья, мнѣ блеснула мысль—прибѣгнуть къ вашей помощи. Передо мной еще жива пестрая картина множества лицъ, встрѣтившихъ меня такимъ сочувствіемъ на празднествѣ, устроенномъ по почину Литературно-драматическаго Общества; теперь я стою передъ грудою портфелей и футляровъ съ дипломами, съ привѣтственными адресами; тамъ цѣлыя кипы телеграммъ, стиховъ, писемъ, тоже съ привѣтствіями съ разныхъ концовъ Русской земли, отъ Плоцка до Кульджи (Кульджа пока еще за границей, да это все равно!), отъ Ардагана и Тифлиса до Петрозаводска, а равно изъ Парижа, Праги, Константинополя, и т. д. И все это заявляетъ мнѣ, что мой уединенный пятидесятилѣтній трудъ въ тиши моей комнаты, мои свѣтлыя минуты творчества и рядомъ съ ними мрачные періоды отчаянія, которые у меня всегда предшествуютъ минутамъ творчества,—что все это, никому неизвѣстное, это удовлетвореніе только моей личной потребности, удовлетвореніе внутренней жажды безпокойнаго духа, все имѣетъ значеніе общее, что это—служба и заслуги Отечеству, что это, наконецъ, по качеству своему, имѣетъ безотносительное эстетическое достоинство. Слыхалъ я похвалы друзей; радовался не разъ на слезы, которыя вызывалъ у многихъ чтеніемъ моихъ произведеній,—но чтобъ эти произведенія имѣли такое значеніе, а главное, чтобъ они могли вызвать такія заявленія отъ столь большого числа лицъ, знакомыхъ мнѣ не лично, а только по громкой ихъ извѣстности, а еще больше и совершенно мнѣ незнакомыхъ,—этого я до сихъ поръ не могу осмыслить въ своемъ разумѣніи. Немного опомнившись, конечно, я чувствую, что мнѣ слѣдуетъ ихъ благодарить, но какъ? Объѣхать живущихъ въ Петербургѣ и оставить имъ мои визитныя карточки, написать во всѣ концы, откуда шли привѣтствія—у меня ни времени, ни силъ, ни здоровья нѣтъ—я цѣлую зиму просидѣлъ въ заперти. Вотъ почему я и схватился за мысль просить васъ напечатать въ вашей газетѣ то, что говорю вамъ въ этомъ письмѣ, дабы оно сдѣлалось письмомъ ко всѣмъ этимъ лицамъ, и не только бы высказало имъ мою глубокую благодарность, но и показало бы имъ, какъ я подавленъ, смущенъ и совершенно растерялся отъ всего, мною испытаннаго, услышаннаго, увидѣннаго и перечувствованнаго. Конечно, всегда строгій къ себѣ, никогда вполнѣ недовольный сдѣланнымъ и всегда требующій отъ себя въ новыхъ трудахъ новаго шага впередъ, новой формы, новой побѣжденной трудности, я не могу не видѣть въ ихъ обращеніяхъ ко мнѣ нѣкотораго преувеличенія, но сознаю при этомъ хорѣ похвалъ, что отнынѣ долженъ еще болѣе быть насторожѣ, чтобы какой-нибудь грѣхъ не легъ мнѣ на душу, и чтобы мнѣ дано было трудиться и послѣ 30-го апрѣля, какъ трудился до сихъ поръ».

Заключимъ нашъ отчетъ тѣмъ адресомъ, которымъ «Историческій Вѣстникъ» привѣтствовалъ почтеннаго поэта въ день его юбилея:

«Многоуважаемый Аполлонъ Николаевичъ! Редакція «Историческаго Вѣстника» сердечно привѣтствуетъ васъ съ исполнившимся пятидесятилѣтіемъ вашей литературной дѣятельности. Вы имѣете отрадное утѣшеніе убѣдиться сегодня, въ какой мѣрѣ она цѣнится и русскою литературой, и русскимъ обществомъ. Присоединяясь къ торжественному чествованію вашихъ литературныхъ заслугъ, редакція искренно желаетъ, чтобы вы могли еще долгіе годы обогащать отечественную литературу вашими художественными произведеніями».

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Великій князь Георгій Михаиловичъ: «Монеты царствованія Императора Александра II». С.-Петербургъ. 1888 г. gr. in 4°. Листы заглавій и посвященія; VIII и 223 стр. Съ портретомъ Государя Императора Александра II (геліографическое воспроизведеніе съ офорта академика Боброва) и съ XXVIII таблицами изображеній монетъ, исполненными фотогіалотипомъ.

ИЗЪ ВСѢХЪ отраслей русской исторической науки нумизматика является наиболѣе разработанной. Многочисленные труды по практической нумизматикѣ — Черткова, барона Шодуара, генерала Шуберта, Рейхеля, князя Долгорукова, Сахарова, графа Чапскаго, Сонцова и друг. рельефно обрисовали, какъ количество нумизматическаго матеріала, сохранившагося отъ древней Руси, такъ и ходъ измѣненій въ типѣ русскихъ монетъ. Теоретическія сочиненія Круга, Бѣляева, Казанскаго, Прозоровскаго, Заблоцкаго-Десятовскаго и многихъ другихъ ученыхъ дали рядъ серьезныхъ попытокъ историческаго изслѣдованія монетныхъ системъ до-Петровской Руси. На подготовленной такимъ образомъ почвѣ появились въ послѣднее время изслѣдованія графа И. И. Толстого о монетахъ Кіевскаго періода и городовъ Новгорода и Пскова. Въ этихъ трудахъ точнѣйшее описаніе не только каждаго типа, но и каждаго варіанта монетъ, соединено съ строго-научнымъ обзоромъ и критикой всѣхъ сохранившихся свидѣтельствъ по исторіи чекана и обращенія монетъ въ данную эпоху. Такимъ образомъ изслѣдованіе до-Петровской нумизматики поставлено на вполнѣ научныя основы и для изученія ея мы имѣемъ въ настоящее время рядъ прекрасныхъ трудовъ.

Въ другомъ положеніи находится исторія монетнаго дѣла въ Россіи за XVIII и XIX столѣтія. Въ области практической нумизматики, кромѣ устарѣвшаго труда барона Шодуара [1]), мы имѣемъ лишь одно систематическое описаніе монетъ этого періода, сдѣланное генераломъ Шубертомъ [2]), весьма важное по количеству описаннаго матеріала, но не лишенное многочисленныхъ ошибокъ, отмѣченныхъ и исправленныхъ Х. Х. Гилемъ [3]). Прибавивъ къ этому прекрасныя практическія таблицы Х. Х. Гиля [4]), замѣнившія старую неполную справочную книжку Панснера [5]), да три-четыре монографіи, мы будемъ имѣть все, что сдѣлано въ этой области.

Теоретическая нумизматика въ смыслѣ исторіи монетнаго дѣла не затронута почти совсѣмъ. Обширные матеріалы, долженствующіе пролить свѣтъ въ этомъ вопросѣ, никѣмъ не извлеченные, хранятся въ архивахъ. Вопросы, напримѣръ, о многочисленныхъ перечеканкахъ XVIII вѣка, о причинахъ измѣненій въ вѣсѣ монеты, о появленіи тѣхъ или другихъ, такъ называемыхъ, пробныхъ монетъ и т. д. и т. д. — остаются не рѣшенными; на нихъ нѣтъ пока точныхъ отвѣтовъ [6]).

Дѣятельность его высочества великаго князя Георгія Михаиловича въ области нумизматики посвящена пополненію этого важнаго пробѣла.

Въ 1886 году его высочество издалъ сочиненіе: «Описаніе и изображеніе нѣкоторыхъ рѣдкихъ монетъ моего собранія», въ которомъ описалъ 44 рѣдчайшихъ монетъ въ хронологическомъ порядкѣ, начиная съ царствованія Петра Великаго. Благодаря описаннымъ въ ней нѣсколькимъ единственнымъ экземплярамъ (unica), небольшая книга эта пріобрѣла важное значеніе. Послѣ нея вопросъ, напримѣръ, о началѣ чекана сибирскаго герба на мѣдныхъ монетахъ, получилъ новое освѣщеніе. Нельзя не отмѣтить, что и въ этомъ первомъ своемъ трудѣ августѣйшій авторъ къ изображенію и точному описанію монеты старается присоединять документы, объясняющіе ея происхожденіе. Въ 1887 году вышелъ въ свѣтъ сборникъ указовъ, касаю-

---

[1]) Baron S. de Chaudoir: «Aperçu sur les monnaies russes». Spb. 1836. 8°. 3 vols.

[2]) T. F. de Schubert: «Monnaies et médailles russes» (p. I). Leipsic. 1858. 4°. И его же: «Monnayes russes des derniers trois siècles depuis le czar Ioan Wasiliewicz Groznyi jusqu'a l'Empereur Alexandre II (1547—1855)», par le général T. F. de Schubert.—Leipsic. 1863. 8° (avec un atlas in folio).

[3]) Ch. Giel: «Quelques remarques sur la collection Schubert». Spb. 1880. 4°.

[4]) Хр. Гиль: «Таблицы русскихъ монетъ двухъ послѣднихъ столѣтій», Спб. 1883.

[5]) Dr. Lorenz v. Pansner: «Tabellarische Uebersicht von Russlands Münzen». Leipzig. 1836. 8°.

[6]) Полное Собраніе Законовъ во многихъ случаяхъ является недостаточнымъ для объясненія фактовъ. Въ немъ, напримѣръ, подъ № 4829 напечатанъ сенатскій (отъ 4-го февраля 1726 года), объявленный изъ Бергъ-коллегіи, указъ о чеканкѣ мѣдныхъ квадратныхъ «платъ» цѣнностью въ рубль, полтину, полуполтинникъ и гривну (по 10 руб. изъ пуда). «И ходить тѣмъ платамъ», сказано въ указѣ, «въ народѣ за всякіе товары». До насъ дошли образцы такихъ «платъ», но всѣ они (кромѣ десятикопѣешныхъ 1726 года) до такой степени рѣдки, что даже августѣйшій авторъ разбираемой книги до сихъ поръ не могъ пріобрѣсти платы, цѣнностью въ рубль. Чѣмъ объяснить такую рѣдкость большихъ «платъ»?

щихся монетнаго дѣла, по порученію его высочества составленный г. Деммени посредствомъ извлеченія изъ «Полнаго Собранія Законовъ».

Въ настоящемъ году положено начало колоссальному предпріятію изданія русской нумизматики XVIII и XIX столѣтій по царствованіямъ съ приложеніемъ всевозможныхъ документовъ, касающихся описываемыхъ монетъ. Передъ нами первый выпускъ этого труда: «Монеты царствованія императора Александра II», являющійся совершенной новинкой, такъ какъ къ нумизматикѣ прошлаго царствованія еще никто не прикасался. Поразительно роскошно изданная книга, представляя по внѣшности совершенный in folio, только библіографически принадлежитъ къ числу квартантовъ. Достойно начинаясь превосходнымъ портретомъ покойнаго государя императора, она состоитъ изъ трехъ частей: 1) Документы для исторіи монетнаго дѣла. 2) Описаніе монетъ. 3) 28 таблицъ изображеній монетъ, исполненныхъ фотогіалотипомъ. Въ концѣ текста приложенъ полный личный, географическій и предметный указатель.

Въ предисловіи авторъ говоритъ: «я не предполагалъ написать исторіи монетнаго дѣла этого царствованія, но желалъ, насколько возможно, собрать матеріалы для составленія въ будущемъ такой исторіи». Эту задачу можно считать блестяще выполненной; стоитъ лишь обратить вниманіе на то, что изъ 188 всѣхъ, напечатанныхъ въ 1 отдѣлѣ документовъ, только 48 вошли въ «Полное Собраніе Законовъ». Исторія монетнаго дѣла въ прошедшее царствованіе проходитъ передъ нами наглядно. Рядъ документовъ 1855—1866 гг. (№№ 1, 8, 9, 17, 24, 53, 81, 102, 105, 106, 110) свидѣтельствуетъ о чеканкѣ серебрянаго биллона на варшавскомъ монетномъ дворѣ подъ старымъ штемпелемъ 1840 г., цѣлая серія другихъ разсказываетъ исторію комиссіи о возобновленіи чекана монеты изъ платины (№№ 54, 55, 65, 75—78, 80, 82, 85—92, 98, 100 и др.); судьба платиновыхъ монетъ становится извѣстна въ подробностяхъ съ самаго начала ихъ чекана въ 1828 году.

Чрезвычайно цѣнны многочисленные документы, касающіеся измѣненія $83^1/_3$ пробы серебряной размѣнной монеты на 72 и 48 пробы. Не менѣе важно и интересно все касающееся попытокъ и предложеній ввести въ Россіи въ обращеніе размѣнную монету изъ никкеля и бронзы. Таковы предложенія Эрлангера и К° о чеканѣ бронзовой монеты, сдѣланныя въ 1861 году (№№ 71—74), проектъ графа Рюольца объ изобрѣтенномъ имъ новомъ сплавѣ серебра, поданный въ томъ же году (№№ 83, 84), проектъ Альфонса Аллара о введеніи въ Россіи чекана никкелевой монеты, представленный въ 1871 году (№№ 140—142) и, наконецъ, проекты никкелевой монеты г. Вестина и монеты изъ аржирина г. Фреми, отвергнутые въ 1877 г. (№№ 176—179, 181, 182, 186).

Весьма интересны нѣкоторые частные факты. Такъ, напримѣръ, въ 1868 году состоялось распоряженіе о прекращеніи чеканки голландскихъ червонцевъ на С.-Петербургскомъ монетномъ дворѣ (№ 131). Оказалось, что «въ дѣлахъ министерства финансовъ до сихъ поръ не найдены слѣды начала этого страннаго обычая», но, что «съ давнихъ поръ и до послѣдняго времени на С.-Петербургскомъ монетномъ дворѣ дѣйствительно чеканились золотые червонцы 94-й пробы, по вѣсу и наружному виду совершенно сходные съ прежними голландскими червонцами». Монета эта называлась въ оффиціальномъ языкѣ «извѣстною монетою» и въ царствованіе императора Александра II чеканилась съ обозначеніемъ на штемпелѣ 1849 года. Лю-

бопытна и исторія китайскихъ «ярмаковъ», въ 1872 году оффиціально признанныхъ временной мелкой размѣнной монетой въ Кульджѣ (№№ 145, 146).

Въ дополненіе къ документамъ, помѣщеннымъ въ 1 отдѣлѣ, въ концѣ его напечатаны вѣдомости о количествѣ монетъ, выдѣланныхъ на различныхъ монетныхъ дворахъ за періодъ съ 1855 по 1881 годъ. На эти таблицы, важныя для историка финансовъ и нумизмата-теоретика, надо обратить вниманіе и нумизмату-практику. Въ нихъ встрѣчаются любопытныя данныя для опредѣленія степени рѣдкости той или другой монеты. Такъ, напримѣръ, въ 1879 году было вычеканено только 5 трехъ-рублевыхъ золотыхъ, въ 1867 году на С.-Петербургскомъ монетномъ дворѣ мѣдной монеты было выбито всего на 5 руб. 47 коп. Съ такими показаніями, впрочемъ, надо обращаться очень осторожно, такъ какъ весьма вѣроятно, что, напримѣръ, въ 1868 году было вычеканено значительное количество мѣдной монеты штемпелемъ 1867 года. Такъ, по вѣдомостямъ значится, что на Екатеринбургскомъ монетномъ дворѣ въ 1860 году не чеканены полушки (описанія № 126), а въ 1867 г. не чеканены копѣйки, денежки и полушки новаго образца (описанія №№ 269—271), а всѣ эти монеты имѣются въ собраніи его высочества и по его свидѣтельству копѣйка, наприм., 1867 года попадается даже и въ обращеніи. Съ другой стороны по вѣдомостямъ Екатеринбургскаго монетнаго двора трехъ-копѣешниковъ въ 1865 году выбито на 172,480 руб., а на дѣлѣ только весьма не многіе нумизматы могутъ похвастать обладаніемъ этой монеты. Августѣйшій авторъ приводитъ весьма вѣроятное соображеніе по поводу рѣдкости этой монеты. Денежекъ въ 1865 году въ Екатеринбургѣ выдѣлано на 2,800 р., а между тѣмъ его высочеству извѣстны только два экземпляра этой монеты: одинъ въ Эрмитажѣ, другой въ собраніи граф. Толстыхъ и даже самъ онъ не обладаетъ этой случайной рѣдкостью.

Описаніе 545 монетъ сдѣлано по чрезвычайно удачной системѣ. Съ одной стороны выставленъ № монеты по порядку описанія, съ другой № изображенія ея на таблицѣ. При самомъ обозначеніи монеты всегда ссылка на подробное описаніе типа ея, дѣлаемое одинъ разъ въ первый годъ чекана. Ничего лишняго, коротко и просто, но точно и ясно. При рѣдкихъ монетахъ приведены указанія на причины рѣдкости.

Прекраснѣйшія изображенія на таблицахъ, благодаря способу выполненія, безукоризненно точно передаютъ всѣ оттѣнки оригиналовъ, а обиліе снимковъ позволяетъ наглядно на одной таблицѣ сравнивать варіанты даже штемпелей. Такъ, напримѣръ, на таблицѣ VI можно сличить весьма похожіе одинъ на другой чеканы обыкновенной серебряной монеты 1860 года и рѣдчайшей банковой монеты 72-й пробы, выбитой въ количествѣ лишь нѣсколькихъ экземпляровъ въ томъ же году.

Когда все изданіе будетъ окончено съ такою же роскошью, то весь атласъ передастъ съ необычайной точностью и полнотой изумительное богатство и разнообразіе нумизматики XVIII столѣтія. **Н. Лихачевъ.**

Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ исправленія церковныхъ обрядовъ. Выпускъ первый. Время патріаршества Іосифа. Н. Каптерева. Москва. 1887.

Въ настоящей своей книгѣ, профессоръ Московской духовной академіи, Н. Ѳ. Каптеревъ уже не въ первый разъ затрогиваетъ вопросъ объ исправленіи книгъ и происхожденіи раскола; онъ касался его въ статьѣ «Слѣдственное дѣло объ Арсеніи Грекѣ», напечатанной въ «Чтеніяхъ Общ. Люб. Дух. Просвѣщенія», 1881 г. № 7, и въ книгѣ «Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ», о которой мы имѣли случай дать отзывъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1886 г. № 2. Уже тогда мы указывали, какъ характерное свойство трудовъ г. Каптерева, его замѣчательную объективность, истинно-научное отношеніе къ изучаемому вопросу, отсутствіе всякихъ полемическихъ тенденцій. Въ настоящемъ изслѣдованіи эти свойства автора оказываются тѣмъ болѣе важными, что ни одинъ историческій вопросъ не былъ такъ затемненъ разными полемическими увлеченіями, какъ вопросъ о происхожденіи раскола. А, между тѣмъ, такая тенденціозность вредила самой полемикѣ съ расколомъ, успѣшность которой возможна только при строго-научномъ отношеніи къ дѣлу полемистовъ и это весьма убѣдительно разъясняется г. Каптеревымъ. «Намъ кажется, говоритъ онъ, что на нашихъ ученыхъ полемистахъ съ расколомъ лежитъ нравственный долгъ изслѣдовать спорные вопросы исторически, строго-научно, безъ предвзятыхъ, установившихся полемическихъ тенденцій, такъ какъ только подъ этимъ условіемъ возможна будетъ правильная постановка полемики съ расколомъ, самая ея успѣшность и плодотворность. Въ самомъ дѣлѣ, для успѣха полемики съ расколомъ недостаточно ограничиваться одними обличеніями невѣжества и непониманія раскольниковъ, а нужно показать и свое собственное, строго-научное и безпристрастно-пріобрѣтенное знаніе, недостаточно ограничиваться и заявленіями однихъ общихъ истинъ, что обрядъ не догматъ, что онъ въ теченіе вѣковъ видоизмѣнялся въ православной церкви и можетъ видоизмѣняться, что значеніе обряда опредѣляется не тою или другою его внѣшнею формою, а заключающимся въ немъ ученіемъ. Необходимо для успѣха полемики эти общія истины показывать и доказывать на безпристрастно и основательно изученной исторіи тѣхъ самыхъ частныхъ обрядовъ, по поводу которыхъ старообрядцы отдѣлились отъ церкви и о которыхъ доселѣ ведутся постоянно горячіе споры съ ними. Тогда и старообрядцу, если ему ясно, безпристрастно и безъ полемическихъ увлеченій будетъ изложена, напримѣръ, исторія перстосложенія въ православной церкви и, если возможно, и въ другихъ христіанскихъ странахъ, сдѣлается понятнымъ, что обрядъ никакъ нельзя смѣшивать съ догматомъ, считать его, какъ и догматъ, всегда одинаково неизмѣннымъ». Такая постановка вопроса очень не нравится нашимъ полемистамъ, сильно приверженнымъ къ старымъ пріемамъ, и одинъ изъ нихъ профессоръ Субботинъ объявилъ г. Каптерева даже еретикомъ; но тѣмъ не менѣе невозможно отрицать, что при историческомъ изученіи не можетъ быть иного отношенія къ предмету, чѣмъ то, котораго требуетъ г. Каптеревъ.

Къ числу весьма мало изслѣдованныхъ періодовъ нашего книжнаго исправленія принадлежитъ время патріаршества Іосифа. О немъ установились весьма превратныя представленія. Нѣкоторые наши историки и поле-

мисты считаютъ его «временемъ господства у насъ крайняго невѣжества, временемъ усиленной порчи книгъ, полной церковной распущенности, прочнаго водворенія у насъ разныхъ церковныхъ безпорядковъ, когда всею церковною жизнью и книжными исправленіями завѣдывала клика невѣжественныхъ протопоповъ, вкравшихся въ довѣріе очень слабаго и престарѣлаго патріарха». Въ параллель съ этимъ мнѣніемъ можно поставить взглядъ старообрядцевъ, ссылающихся на время Іосифа, какъ на золотое свое время. Но оба эти взгляда, какъ доказываетъ г. Каптеревъ, не могутъ выдержать критики. По нимъ патріаршество Іосифа представляется прямою противоположностью съ эпохой Никона, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности оно было подготовительной стадіей къ реформамъ Никона; «Іосифъ является предшественникомъ Никона не только по времени, но и по духу». При Іосифѣ происходитъ коренное измѣненіе въ нашихъ отношеніяхъ къ южно-руссамъ и грекамъ. До него на южно-руссовъ и въ обществѣ и въ высшихъ церковныхъ и правительственныхъ сферахъ крѣпко держался взглядъ какъ на утратившихъ православіе; слѣдствіемъ такого взгляда было постановленіе о перекрещиваніи бѣлоруссовъ, приходящихъ въ Москву. Къ грекамъ относились тоже подозрительно: оффиціально и правительство и церковь считали ихъ православными, но въ народѣ смотрѣли на нихъ иначе: флорентійская унія представлялась яркимъ доказательствомъ ихъ отпаденія отъ православія, а турецкое иго, подъ которымъ находились греки, казалось, неизбѣжно должно было вліять на чистоту ихъ вѣры. Но Іосифъ пошелъ противъ этихъ взглядовъ. Южно-руссы не только признаются при немъ православными, но ставятся выше москвичей: является сознаніе недостаточности и непригодности стараго московскаго образованія и необходимости учиться у кіевлянъ; южнорусскія сочиненія перепечатываются почти цѣликомъ, за самыми ничтожными исключеніями, таковы, напримѣръ, Кириллова книга, книга о Вѣрѣ, Малый Катихизисъ (книги особенно уважаемыя раскольниками). И патріархъ и свѣтское правительство хлопочатъ объ устройствѣ въ Москвѣ школы, въ которой руководство ученіемъ должно быть поручено кіевлянамъ. Относительно грековъ, патріархъ Іосифъ весьма категорично высказываетъ упомянутый выше оффиціальный взглядъ. «Въ своихъ посланіяхъ къ датскому принцу Вольдемару патріархъ заявлялъ, что истинное православіе находится только у грековъ и русскихъ и у ихъ единовѣрцевъ, что русская церковь по дѣламъ вѣры всегда сносится съ четырьмя восточными патріархами. Въ напечатанныхъ при Іосифѣ книгахъ торжественно заявлялось, что греки вполнѣ и во всемъ православны, что турецкое иго нисколько не повредило древняго греческаго благочестія, такъ что греки держатъ нерушимо не только правую вѣру, но и древніе церковные чины и обряды. Но этого мало. Для рѣшенія нѣкоторыхъ возникшихъ у насъ церковныхъ вопросовъ (напримѣръ, вопроса о единогласіи) патріархъ Іосифъ прямо обращается къ авторитету константинопольскаго патріарха, самымъ дѣломъ показывая, что голосъ константинопольской церкви, въ случаѣ возникновенія у насъ разныхъ вопросовъ и недоумѣній, долженъ имѣть для русской церкви руководящее и прямо рѣшающее значеніе. Не трудно видѣть, заключаетъ г. Каптеревъ, что съ этой стороны патріархъ Іосифъ былъ прямымъ предшественникомъ Никона, который, опираясь въ своей реформаторской дѣятельности главнымъ образомъ на авторитетъ греческой церкви, только продолжалъ идти по тому пути, на который уже рѣшительно вступилъ его предшественникъ патріархъ Іосифъ».

Поворотъ въ отношеніяхъ къ кіевлянамъ и грекамъ особенно сильно сказался на книжномъ исправленіи, послужившемъ поводомъ къ возникновенію раскола. При Іосифѣ является сознаніе неудовлетворительности старыхъ средствъ, которыми производилось это исправленіе. Справщики заявляютъ, что древніе славянскіе переводы неисправны и испорчены позднѣйшими невѣжественными переписчиками, что на основаніи ихъ однихъ никакъ нельзя печатать церковныя книги, необходимо обратиться къ греческому тексту и поручить исправленіе людямъ научно-образованнымъ, знающимъ языки греческій и славянскій. Такихъ людей въ Москвѣ не было, ихъ надо было вызвать изъ Кіева. При Іосифѣ вызваны были ученые кіевляне Арсеній Сатановскій, Епифаній Славинецкій и Дамаскинъ Птицкій. Для той же цѣли книжнаго исправленія былъ оставленъ въ Москвѣ извѣстный Арсеній Грекъ. Особенно важно указаніе г. Каптерева, что уже при Іосифѣ были сдѣланы первыя попытки изданія исправленныхъ по греческому тексту книгъ, Кормчей и Шестоднева. Такимъ образомъ при патріархѣ Іосифѣ не только точно и опредѣленно намѣчена была та программа книжныхъ исправленій, которой потомъ слѣдовалъ Никонъ, но уже при Іосифѣ ее начали приводить въ исполненіе, при немъ найдены были и ея исполнители, такъ что Никону и въ этомъ отношеніи приходилось только продолжать дѣло, которое начато было его предшественникомъ. При Іосифѣ же обнаружился и протестъ противъ новаго направленія, обратившійся при Никонѣ въ расколъ. Протестовали тѣ же люди, что и при Никонѣ, первые расколоучители, Аввакумъ, Нероновъ, Логинъ и др. Г. Каптеревъ высказываетъ совершенно новый взглядъ на ту роль, которую играли эти лица во время патріарха Іосифа. Ихъ долгое время считали справщиками, но уже покойный митрополитъ Макарій доказалъ, что справщиками они никогда не были; чтобы объяснить ихъ значеніе, онъ предполагалъ, что они составляли неоффиціальный совѣтъ при патріархѣ и негласно вліяли на исправленіе книгъ, но г. Каптеревъ опровергаетъ и это предположеніе. Онъ выясняетъ, что эти лица, группировавшіеся около царскаго духовника Стефана Вонифатьева, не только не были близки къ патріарху Іосифу, но стояли даже къ нему прямо во враждебныхъ отношеніяхъ: Стефанъ называлъ Іосифа «волкомъ, а не пастыремъ» и хулилъ весь соборъ архіереевъ. Кружокъ Стефана поставилъ себѣ задачей обличеніе и преслѣдованіе существующихъ церковныхъ безпорядковъ, господствующихъ пороковъ и недостатковъ въ жизни народа и духовенства; этотъ кружокъ дѣйствовалъ по нѣкоторымъ вопросамъ согласно съ патріархомъ,—такъ было по вопросу о единогласіи — но онъ разошелся съ нимъ во взглядѣ на книжное исправленіе. Патріархъ говорилъ о нихъ: «возстали лицемѣры, имущіи образъ благочестія, силы же его отвергшіися». Г. Каптеревъ прекрасно опредѣляетъ значеніе этого кружка и причину его силы. Члены его были провинціалы, представители старой Руси, «еще прочно державшейся всѣхъ дѣдовскихъ вѣрованій, обычаевъ и традицій, крѣпко вѣровавшей въ ихъ незыблемость и спасительность, и потому крайне стойкой въ своихъ вѣрованіяхъ, убѣжденіяхъ и идеалахъ, крайне неподатливой на всякую новину, враждебной всему, что стремится освободиться отъ узъ вѣкового, хотя бы уже и отжившаго обычая, отъ привычнаго, вѣками освященнаго строя понятій, хотя бы уже заявившихъ свою дальнѣйшую непригодность». Сила кружка заключалась именно въ этой стойкости, его ревнители производили сильнѣйшее впечатлѣніе на массу, и когда имъ впослѣдствіи пришлось энер-

гично выступить противъ патріарха Никона, на ихъ сторону склонялись весьма многіе: «на смерть идутъ за свое ученіе—одного этого уже достаточно для массы, чтобы видѣть въ ихъ ученіи, не разбирая и не оцѣнивая его по существу, святую непререкаемую истину,—за неправое дѣло, въ которое сами не вѣрять, люди не кладутъ добровольно головы на плаху, не даютъ вырѣзывать у себя языки, не идутъ спокойно на костеръ».

Такова сущность выводовъ г. Каптерева, въ нихъ много новаго, а главное нова самая постановка вопросовъ, и нельзя не сочувствовать проявленію начала объективности при изученіи предмета, особенно въ ней нуждающагося. Мы привѣтствовали два года тому назадъ изслѣдованіе гр. А. Ѳ. Гейдена, ставшаго на строго-научную почву, и не можемъ также не привѣтствовать труда г. Каптерева. Надо желать продолженія этого труда въ томъ же направленіи; эпоха Никона при безпристрастномъ изученіи представитъ неменьшій интересъ. **А. Бороздинъ.**

Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Изслѣдованіе съ прибавленіемъ «Поученій Серапіона Владимірскаго» по древнѣйшимъ спискамъ. Евгенія Пѣтухова. Спб. 1888.

Объемъ литературной дѣятельности Серапіона, епископа Владимірскаго, судя по сохранившимся до насъ его произведеніямъ (всего 5 поученій) не былъ великъ, и ея изученіе не представляетъ особеннаго историко-литературнаго интереса, но оно имѣетъ существенное значеніе, если мы станемъ на точку зрѣнія историко-культурную, такъ какъ Серапіонъ въ своихъ проповѣдяхъ затронулъ одинъ изъ важнѣйшихъ культурныхъ вопросовъ, вопросъ о колдовствѣ и суевѣріяхъ. На эту именно точку зрѣнія сталъ авторъ настоящаго изслѣдованія, Е. В. Пѣтуховъ, хотя должно замѣтить, что въ то же время онъ не упускаетъ изъ виду и спеціально-литературныхъ задачъ.

Изложивъ имѣющіяся у насъ скудныя біографическія свѣдѣнія о Серапіонѣ (гл. I) и подробно разобравъ вопросъ о подлинности приписываемыхъ Серапіону поученій (гл. II), авторъ въ двухъ слѣдующихъ главахъ своего изслѣдованія разсматриваетъ отношеніе Серапіона къ татарскому нашествію. Серапіонъ видитъ въ этомъ нашествіи наказаніе Божіе за грѣхи русскихъ людей—тотъ же взглядъ высказывается въ лѣтописи и въ нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ этой эпохи. Проповѣдникъ призываетъ свою паству къ покаянію. Такая покаянная точка зрѣнія не была новостью въ русской жизни; на всякія общественныя бѣдствія вообще смотрѣли, какъ на Божіе наказаніе, въ татарскую эпоху этотъ взглядъ сталъ преобладающимъ и Серапіонъ является яркимъ выразителемъ общественнаго настроенія своего времени. Но за какіе же грѣхи Богъ покаралъ русскую землю? Разбирая отвѣты Серапіона на этотъ вопросъ, г. Пѣтуховъ приходитъ къ выводамъ весьма важнымъ: онъ указываетъ извѣстную схему пороковъ, подвергавшихся въ древней Руси обличенію съ церковной каѳедры; эта схема, по мнѣнію автора, заимствована изъ Византіи и дѣлала проповѣдь сухой, отвлеченной, отрѣшенной отъ жизни. Указаніе схемы пороковъ имѣетъ очень большое значеніе, оно проливаетъ свѣтъ вообще на всю нашу древнюю проповѣдь и поучительную литературу; разъ мы знаемъ о существованіи такой схемы, мы знаемъ, съ какими критическими пріемами должны пользо-

ваться древними поученіями, какъ историческими источниками. Обращаясь къ разбору Серапіоновыхъ проповѣдей, г. Пѣтуховъ замѣчаетъ, что въ нихъ есть кое-что и свое оригинальное, что проповѣдникъ не вполнѣ подчинился схемѣ, и потому его произведенія даютъ нѣкоторыя интересныя бытовыя черты.

Слѣдующія двѣ главы, самыя обширныя во всемъ сочиненіи г. Пѣтухова, посвящены главному историко-культурному вопросу, поставленному въ изслѣдованіи. Серапіонъ возсталъ противъ существовавшаго у насъ обычая испытывать колдуновъ и вѣдьмъ водою: заподозрѣнныхъ въ сношеніяхъ съ діаволомъ бросали въ воду; кто тонулъ, тотъ оправдывался, а спасавшіеся обвинялись, такъ какъ ихъ спасеніе приписывалось діаволу. Серапіонъ возсталъ противъ этого вида «суда Божія»; онъ указываетъ, что чародѣи ничего не могутъ сдѣлать безъ воли Божіей, а испытаніе водой не открываетъ виновнаго; иронически замѣчаетъ онъ, что испытывающіе призываютъ въ свидѣтели воду. Изложивъ эти взгляды Серапіона, г. Пѣтуховъ обращается на Западъ и разбираетъ исторію вѣдовскихъ процессовъ. Онъ подробно говоритъ о протестахъ западнаго духовенства противъ преслѣдованія вѣдьмъ и колдуновъ, разбираетъ протесты Таннера, Спее, Малебранша и Беккера. Первые двое стоятъ на одной почвѣ съ Серапіономъ и, не отвергая совершенно необходимости вѣдовскихъ процессовъ, требуютъ осмотрительности, мягкости и осторожности. Изслѣдованіе колдовства на Западѣ произведено г. Пѣтуховымъ со всею возможною подробностью и выполнено прекрасно, но когда мы читали его, у насъ невольно явился вопросъ о цѣли этого изслѣдованія, мы никакъ не можемъ понять, къ чему оно должно служить. Эта часть является въ сочиненіи г. Пѣтухова чѣмъ-то совершенно случайнымъ, она не находится съ нимъ ни въ какой органической связи. Въ самомъ дѣлѣ, какой можно сдѣлать выводъ изъ этого сравненія Серапіона съ западными духовными? И тотъ и другіе высказывали воззрѣнія одинаковыя. Но вѣдь между ними пропасть въ нѣсколько вѣковъ, и какое же соотношеніе между тѣмъ, что было высказано на Западѣ въ XVI—XVIII вѣкахъ, и тѣмъ, что говорилъ у насъ Серапіонъ въ XIII вѣкѣ? Вліянія тутъ искать невозможно, да и самъ г. Пѣтуховъ говоритъ, что «цѣлью сравненія было не отысканіе взаимодѣйствія и связи, а лишь уясненіе своего собственнаго». Но какое же уясненіе? Что объясняется этимъ сравненіемъ? Или оно должно служить ad majorem Serapionis gloriam, т. е. должно показать, что онъ додумался до того, до чего на Западѣ додумались спустя долгое время? Но такой цѣли у автора не видно, да она и не можетъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія. Для доказательства этой мысли достаточно было бы нѣсколькихъ словъ. Мы глубоко сочувствуемъ автору за его желаніе въ историко-литературномъ изслѣдованіи заняться вопросомъ культурнымъ, выйти изъ рамокъ особенно модной филологической буквоѣдской критики, мы ничего въ принципѣ не можемъ имѣть противъ сравненій, но сравнивать надо было въ другомъ направленіи. Чтобы уяснить свое, было бы гораздо лучше изслѣдовать Византію, и поискать тамъ чего-нибудь для этой цѣли, ну, хотя бы въ печатномъ матеріалѣ. Что тамъ можно было бы кое-что найти, это видно хотя бы изъ одного бѣглаго примѣчанія г. Пѣтухова, что мысль, высказанная Серапіономъ, есть у Аѳанасія Александрійскаго. Если бы даже подобныхъ мыслей и не оказалось въ византійской литературѣ, то и тогда бы былъ нѣкоторый научный результатъ: мы бы знали, что Серапіонъ выска-

залъ нѣчто новое, что онъ оригиналенъ. При такой постановкѣ дѣла параллели г. Пѣтухова были бы весьма плодотворны и важны для науки, и онъ шелъ бы дѣйствительно «не торною дорогою», а теперь мы не можемъ не сказать, что изслѣдованіе о колдовствѣ на Западѣ въ общей связи сочиненія г. Пѣтухова не имѣетъ почти никакого значенія и представляется совершенно безцѣльной вставкой.

Столь же мало подходящимъ къ спеціальной цѣли сочиненія г. Пѣтухова кажется намъ и изслѣдованіе его объ отношеніяхъ къ еретикамъ въ древней Руси, анализъ воззрѣній «осифлянъ» и заволжскихъ старцевъ. Анализъ этотъ сдѣланъ прекрасно и представляетъ много очень цѣннаго, но связь между Сарапіономъ и заволжскими старцами, по нашему мнѣнію, нѣсколько сомнительна, тѣмъ болѣе, что у Серапіона о еретикахъ прямо ничего не говорится.

Но какъ бы то ни было, каковы бы ни были эти недостатки въ постройкѣ работы, мы не можемъ не привѣтствовать появленія труда г. Пѣтухова. Огромная начитанность, критика, ничего не упускающая изъ виду, живое изложеніе предмета—таковы его выдающіяся достоинства.

А. Бороздинъ.

Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси. Изслѣдованіе Е. В. Барсова, 2 тома. Москва. 1887.

Обширное изслѣдованіе Е. В. Барсова можетъ быть привѣтствуемо въ области русской мысли и слова, какъ явленіе въ высшей степени знаменательное и отрадное особенно въ настоящее время, когда такъ громко поднялись голоса, посягающіе на историческое прошлое и право на будущее нашей національности. Почтенный знатокъ нашей старины и собиратель народныхъ пѣсенъ, горячо вѣрующій въ историческое призваніе русскаго народа, поставилъ себѣ цѣлью выяснить во всѣхъ подробностяхъ «геніальный» памятникъ нашего художественнаго творчества, освободить его отъ ученыхъ путъ, вольныхъ и невольныхъ искаженій и сказать свое авторитетное слово въ пользу великаго воспитательнаго значенія и художественнаго совершенства «Слова о полку Игоревѣ». Оно, «помимо своего историческаго и литературнаго значенія, говоритъ г. Барсовъ; есть въ то же время поучительный памятникъ для всѣхъ будущихъ вѣковъ Россіи. Здѣсь, передъ нами, поэтическое выраженіе государственнаго строя Кіевской Руси и въ его идеалѣ и въ его дѣйствительности. Геній автора стремился среди разрозненныхъ областей и ихъ узкихъ интересовъ водрузить знамя единенія во имя «идеи земли святорусской»... Вѣдь это то знамя, съ которымъ мы могли отразить отъ себя несмѣтныя полчища различныхъ варваровъ... Вѣдь это то знамя, которое создало насъ великимъ народомъ, ввело насъ во всемірную исторію и сдѣлало насъ носителями общечеловѣческой культуры... Блистая яркими лучами идеала земли святорусской «Слово о полку Игоревѣ» должно стать краеугольнымъ камнемъ нашего общественнаго воспитанія... пусть завѣтъ Кіевской Руси падетъ на сердце и перейдетъ въ сознаніе грядущихъ поколѣній»... Идея единства русской земли, проходящая красною нитью черезъ весь памятникъ, дѣлаетъ его чрезвычайно цѣльнымъ и стройнымъ по содержанію; но помимо внутренней стройности,

онъ отличается тѣмъ же качествомъ и по своей внѣшней формѣ. Особенности формы «Слова» заключаются въ подражаніи пѣснотворчеству Бояна и въ личномъ творчествѣ автора: «Подобно тому какъ Боянъ, начиная кому пѣснь творить, говоритъ г. Барсовъ, уносился фантазіей ко временамъ отдаленнымъ, и авторъ «Слова» свиваетъ въ немъ свою эпоху—эпоху Игоря и Святослава, съ эпохой старой, воспѣтой Бояномъ—эпохой Олега и Ярослава. Такое свитіе двухъ эпохъ проходитъ черезъ все «Слово» отъ начала до конца и представляетъ тотъ историческій нервъ, который связываетъ его съ поэзіей Бояна и служитъ органическимъ узломъ двухъ литературныхъ направленій». «Слово, продолжаетъ онъ далѣе, такъ сказать, соткано на основѣ Боянова пѣснотворчества, пѣснь по былинамъ отражаетъ въ себѣ форму старой исторической пѣсни на героической основѣ». Особенность личнаго творчества автора заключается въ томъ, что онъ является въ своемъ произведеніи, не какъ историкъ, а какъ художникъ-поэтъ. «Не преемственность фактовъ, не дробность событій имѣетъ для него значеніе, но лишь характеры дѣйствующихъ лицъ и главнѣйшіе моменты дѣйствія, въ которыхъ сказалась ихъ сила». Таковы основныя воззрѣнія г. Барсова на памятникъ и его значеніе. Обращаясь къ критическому очерку литературы «Слова», авторъ изслѣдованія даетъ читателю обширную главу, гдѣ главный интересъ заключается въ изложеніи первоначальнаго хода изученія памятника и рѣшеніи въ связи съ этимъ изученіемъ вопроса о вѣкѣ Пушкинской рукописи. Являясь сторонникомъ мнѣнія, что рукопись «Слова» по своей древности не восходитъ далѣе XVI вѣка, г. Барсовъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія исторической и палеографической критики. Къ числу историческихъ доказательствъ относятся утвержденія Карамзина, митрополита Евгенія, Калайдовича и главнымъ образомъ Малиновскаго, редактора 1-го изданія «Слова». Обращаясь къ палеографической критикѣ, авторъ изслѣдованія сопоставляетъ выписки Карамзина изъ рукописи «Слова» съ таковыми же мѣстами ихъ начертаній въ копіяхъ московской и петербургской, а также этихъ двухъ послѣднихъ съ «темными мѣстами въ поэмѣ Игоря» и нѣкоторыми другими черновыми бумагами Малиновскаго, открытыми г. Барсовымъ. Анализъ разночтенія и процесса первоначальнаго разбиранія рукописи, позволяютъ отмѣтить отличительныя характерныя черты письма самой рукописи; къ числу таковыхъ относятся: господство паерка, титлованныхъ словъ, сбивчивость и малохарактерность начертанія нѣкоторыхъ буквъ, болгарское правописаніе, преобладаніе буквы ѣ, замѣна гласныхъ глухими и наоборотъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ не терпитъ того русская рѣчь, и начертаніе формы «реклъ» въ формѣ «рекъ». Палеографическія доказательства г. Барсова чрезвычайно вѣски и не оставляютъ почти сомнѣнія въ рѣшеніи вопроса о вѣкѣ рукописи. Полонъ также интереса обзоръ изданій, прозаическихъ переводовъ и изслѣдованій «Слова». Здѣсь не только изложены взглядъ и выводы каждаго изслѣдователя памятника въ отдѣльности, но также отмѣчены достоинства и недостатки прежнихъ научныхъ работъ, при чемъ авторъ не отличается безпристрастіемъ; особенно рѣзко ополчается онъ противъ скептическаго отношенія къ памятнику и историко-сравнительнаго метода. «Наука, выставляетъ свою теорію г. Барсовъ, откуда бы ни была заимствована, каждый историческій народъ, рано или поздно, неминуемо приводитъ къ самоизученію, и нѣтъ сомнѣнія, что скоро наступитъ пора, когда «Слово» будетъ изслѣдовано глубже въ связи съ древне-русскою письменностію и живымъ

народнымъ пѣснотворчествомъ, какъ памятникъ, выражающій самобытный творческій характеръ образованности дружинной Кіевской Руси. Новѣйшій скептицизмъ также мало имѣетъ для себя основаній, какъ и скептицизмъ старый, и потому мы вправѣ смотрѣть на него такъ же, какъ на преходящее явленіе въ разработкѣ «Слова». Совершенно новое слово сказано г. Барсовымъ въ главѣ, посвященной «Слову, какъ выраженію школы Кіевской дружинной Руси». Остановившись на переводной повѣсти Флавія о разореніи Іерусалима, онъ сопоставляетъ этотъ переводъ съ подлинникомъ, выдѣляетъ въ переводѣ русскую дружинную технологію, бытовыя дружинныя черты и приходитъ къ тому выводу, что «на переводѣ лежитъ неотразимая печать сколько сознательнаго, столько же и самостоятельнаго отношенія къ греческому подлиннику», а это въ свою очередь служитъ доказательствомъ, что «греческій языкъ для образованныхъ людей Кіевской Руси былъ непосредственно доступенъ» и что въ XII вѣкѣ у насъ существовала уже развитая, прочно установившаяся литературно-повѣствовательная школа. Сравнивая далѣе переводную повѣсть съ «Словомъ», г. Барсовъ отмѣчаетъ въ нихъ множество сходныхъ, тождественныхъ выраженій, заимствованій, а это доказываетъ, что «Слово» носитъ на себѣ печать стиля той же литературно-повѣствовательной школы Кіевской дружинной Руси, къ которой относится и переводъ Флавія. Въ главѣ «Слово, какъ историческая повѣсть», авторъ сопоставляетъ «Кіевскую лѣтопись» съ «Словомъ» и приходитъ къ убѣжденію, что оба эти памятника словесности «представляютъ паразительное сходство въ своихъ основныхъ взглядахъ и изображеніяхъ приднѣпровской Руси XII вѣка. Тамъ и здѣсь мы встрѣчаемъ одно и то же понятіе о князѣ, о дружинѣ, о степи и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ»... Равнымъ образомъ сходны они между собою по языку и образамъ: вездѣ обыкновенный языкъ той же дружинокняжеской Кіевской Руси. Слѣдующая глава «Слово», какъ пѣснь, подобная Вояновой» даетъ автору возможность пролить свѣтъ «на характеръ и направленіе литературы, предшествовавшей развитію повѣствовательной школы по дѣяніямъ времени, по фактамъ историческимъ». Останавливаясь на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поэтъ говоритъ о Воянѣ и его пріемахъ и пріурочивая это къ «Слову», г. Барсовъ приходитъ къ тому выводу, что «Слово» относится къ Воянову пѣснотворчеству, какъ подражаніе къ своему прототипу. Подъ историческимъ слоемъ сквозитъ въ немъ поэтическая ткань Вояновыхъ пѣсенъ и явно отражаются основа, планъ, мотивы и стилистическіе пріемы Боянова пѣснотворчества». Большая часть этой главы посвящена острой полемикѣ съ московскимъ профессоромъ Вс. Миллеромъ, предположившимъ за «Словомъ» византійско-болгарскій прототипъ. Пользуясь своими обширными познаніями по отечественной географіи, этнографіи и поэтической народной рѣчи, г. Барсовъ довольно удачно доказываетъ исконное существованіе, «бытованіе», по его словамъ, на русской землѣ именъ: Велеса, Хорса, Стрибога, Дожь-бога, Дѣвы-обиды, Трояна. Сопоставляя «Слово» съ «словами богатырскими», авторъ находитъ, что вездѣ изображается одна и таже дружинно-княжеская Русь, а это служитъ» живымъ свидѣтельствомъ всецѣло—національнаго происхожденія «Слова». Г. Барсовъ, хотя и отмѣчаетъ, что «Слово есть произведеніе чисто дружинное. Былина же есть произведеніе народное и рисуетъ богатырскіе образы князя и дружинниковъ, какъ избранныхъ героевъ, какъ божіихъ человѣковъ», однако недостаточно подчеркиваетъ разницу между земскимъ идеаломъ въ былинѣ и личнымъ, въ «Словѣ»; глава «Слово въ его отношеніи къ позднѣйшимъ повѣстямъ» имѣетъ задачею указать, какъ

образы и языкъ слова о полку Игоревѣ «жили во устахъ и подъ перомъ повѣствователей о дѣяніяхъ князей и героевъ Сѣверной Руси». Перейдя во второмъ томѣ своего изслѣдованія къ разбору «Слова въ его цѣломъ и частяхъ», авторъ на первой же страницѣ устанавливаетъ свою точку отправленія въ работѣ. Разбираемый памятникъ—«тоже, что живописная картина геніальнаго художника, говоритъ онъ: чѣмъ больше ее изучаешь, тѣмъ больше ею плѣняешься. Гдѣ является недостатокъ пониманія, тамъ не достаетъ лишь достаточнаго изученія». Отсюда его строгій приговоръ въ отношенія остальныхъ работъ по этому предмету: «всѣ существующіе переводы крайне безцвѣтны; всѣ комментаріи безхарактерны... Предположенія въ текстѣ пропусковъ, вставокъ, глоссъ, едва ли не болѣе всего обусловлены именно недостаткомъ пониманія «Слова» въ его цѣломъ и частяхъ. Такія гаданія свидѣтельствуютъ лишь о томъ, какъ не далеко еще ушла наша ученая литература въ художественномъ его разумѣніи».

Раздѣливъ «Слово» на три части по числу трехъ главныхъ картинъ: 1) Самый походъ Игоря съ его послѣдствіями, 2) Сонъ Святослава и его золотое слово, 3) Плачъ Ярославны и спасеніе Игоря,—помѣстивъ въ началѣ «вступленіе» и заключивъ «славословіемъ», г. Барсовъ даетъ переводъ въ бѣлыхъ стихахъ каждой главы и сопровождаетъ каждый куплетъ, гдѣ заключается описаніе какого-нибудь момента дѣйствія, обширнымъ историко-филологическимъ толкованіемъ. Переводъ г. Барсова дѣйствительно очень хорошъ, отличается крайней естественностью и близостью къ тексту. Эта глава достойна была бы быть изданной въ качествѣ отдѣльной книги и быть рекомендованной какъ лучшее пособіе для изученія этого древнерусскаго памятника въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вторая глава этого тома имѣетъ содержаніемъ «новѣйшій скептицизмъ въ отношеніи къ тексту «Слова» и касается работъ г. Потебни, г. Прозоровскаго и г. Андріевскаго. Нечего и говорить, что г. Барсовъ совершенно отрицаетъ результаты ихъ изысканій, недопуская въ дошедшемъ до насъ текстѣ «Слова» никакихъ пропусковъ, вставокъ, перестановокъ или измѣненій. Палеографическая критика текста «Слова», заключающаяся въ третьей и послѣдней главѣ 2-го тома, представляетъ собою въ высшей степени тщательно собранный и сопоставленный матеріалъ переводовъ, комментаріевъ каждаго отдѣльнаго мѣста «Слова», при чемъ въ началѣ приведенъ собственный переводъ г. Барсова и толкованіе его разныхъ темныхъ и непонятныхъ выраженій. Многія изъ этихъ толкованій очень удачны и остроумны, другія же пока неясны и можетъ быть получатъ свое освѣщеніе въ лексикологіи къ настоящему изслѣдованію, которая пока еще не появилась въ печати. Приводя въ «палеографіи текста» переводы «Слова» нашихъ поэтовъ, г. Барсовъ, утверждаетъ, что «вѣнцомъ стихотворныхъ переложеній «Слова» служитъ переводъ А. Н. Майкова».

Изслѣдованіе г. Барсова далеко еще не окончено, но уже и то, что сдѣлано составляетъ богатѣйшій вкладъ въ нашу отечественную научную литературу. Многое получило въ его трудѣ окончательное разрѣшеніе, много лишнихъ ученыхъ путъ скинуто съ этого художественнаго памятника и много вопросовъ намѣчено къ ближайшему разрѣшенію. Конечно, тотъ идеализмъ, которымъ проникнута вся работа г. Барсова, составляетъ ея слабую сторону, но съ другой стороны этотъ самый идеализмъ и служитъ путеводной звѣздой почтенному изслѣдователю въ окончаніи его трудной задачи и составляетъ общественную заслугу его книжки. В. Г—скій.

Kwartalnik historyczny. Organ Towarzystwa historycznego pod redakcyą Xawerego Liskego. Rocznik II. Zeszyt I. 1888. We Lwowie.

Характеръ «четвертныхъ» книжекъ львовскаго историко-критическаго журнала и въ нынѣшнемъ году, судя по первому выпуску, остается почти безъ измѣненія, по крайней мѣрѣ, по внѣшности: такая же во главѣ книжки историко-литературная статья со специфически-польскимъ интересомъ («Школьные годы Бродзинскаго»), та же масса рецензій, большею частію, обстоятельныхъ, о книгахъ и статьяхъ по всѣмъ областямъ исторіи и родственныхъ ей наукъ, насколько предметъ касается бывшей Польши или близкихъ къ ней областей. Есть, впрочемъ, нѣкоторое различіе новогодняго «Квартальника» отъ прошлогодняго: въ первой книжкѣ разсматривается больше обыкновеннаго книгъ и статей по русской литературѣ. Въ большинствѣ отзывовъ о нихъ редакція не измѣняетъ своему сдержанному тону, а о нѣкоторыхъ даже выражается съ сочувствіемъ; только по одному поводу эта сдержанность покидаетъ редакцію ученаго журнала, которая съ необычнымъ оживленіемъ и рѣзкостью высказывается, (хотя и отъ лица рецензента г. Тарновскаго), по вопросу, имѣющему прямое отношеніе къ современности.

Что касается рецензій о русскихъ книжныхъ новостяхъ вообще по спеціальности журнала, то здѣсь, прежде всего, должно указать на отзывъ Маріана Соколовскаго о трудѣ г. Стасова «Славянскій и восточный орнаментъ». Чрезвычайно лестно отзываясь объ ученой дѣятельности г. Стасова, (при чемъ упоминается мимоходомъ и трудъ его о русскихъ былинахъ), рецензентъ признаетъ важнѣйшими изъ этихъ трудовъ тѣ, которые посвящены орнаменту, именно восточному, славянскому, до сихъ поръ малоизвѣстному. Обращаясь къ польскому отдѣлу упомянутаго изданія или, правильнѣе, латинскому, польскаго происхожденія, рецензентъ подтверждаетъ свой общій отзывъ о цѣломъ трудѣ, находя въ немъ цѣлый рядъ памятниковъ, до сихъ поръ полякамъ совершенно неизвѣстныхъ, именно — орнаменты рукописей, преимущественно краковскихъ. Наконецъ, воздается должное и многолѣтнимъ изслѣдованіямъ, занятіямъ въ библіотекахъ чуть ли не цѣлой Европы, какихъ потребовалъ трудъ такого рода и такихъ размѣровъ.

Очень сочувственный отзывъ находимъ также о статьяхъ г. Пыпина «Бѣлорусская этнографія», за которыми польскій рецензентъ признаетъ «большое значеніе, какъ по безпристрастію», такъ и въ научномъ отношеніи, но въ отдѣльныхъ случаяхъ не во всемъ соглашается со взглядами русскаго ученаго, напримѣръ, на изданія гг. Батюшкова, Сапунова, а также на труды Безсонова, Максимова, Кирѣевскаго и другихъ. Въ подробности этихъ разногласій рецензентъ не входитъ, ограничиваясь общимъ замѣчаніемъ, будто бы г. Пыпинъ иногда не видитъ въ названныхъ изданіяхъ такихъ темныхъ сторонъ, о которыхъ самъ же подробно говоритъ при разборѣ польскихъ трудовъ.

Болѣе компетентности должно признать за «Квартальникомъ» при разборѣ извѣстной нашимъ читателямъ книги Павлищева «Седмицы польскаго мятежа» — 1863 года, представляющей безъискусственную, но правдивую лѣтопись событій того тяжелаго времени. Авторъ, по признанію самого рецензента, занималъ въ свое время въ конгрессовкѣ такое выдающееся положеніе, былъ такъ хорошо посвященъ въ планы русскихъ властей и въ со-

бытія, совершавшіяся тогда въ Варшавѣ и въ провинціяхъ, что книга отъ этого пріобрѣтаетъ несомнѣнный авторитетъ. Но «всегда ли правильно освѣдомляли автора о событіяхъ, когда онъ самъ не могъ быть ихъ свидѣтелемъ, это уже другой вопросъ»—оговаривается дальше рецензентъ. Не смотря на такія оговорки, за Павлищевымъ признается наблюдательность, а въ его книгѣ усматривается и для польскихъ читателей много интересныхъ, совершенно новыхъ, неизвѣстныхъ еще свѣдѣній, хотя будто бы высказываемыхъ и не вездѣ съ одинаковымъ спокойствіемъ... Читавшимъ интересную, хотя чрезвычайно объективную по характеру книгу Павлищева извѣстно, что именно въ недостаткѣ спокойствія, въ малѣйшемъ даже увлеченіи ее упрекнуть невозможно. Нельзя отказать въ извѣстной справедливости замѣчанію рецензента, что для настоящаго времени важнѣе всего собирать извѣстія и матеріалы о данномъ времени, исторія котораго, по его мнѣнію, быть можетъ, еще и преждевременна. Впрочемъ, четверть столѣтія—періодъ очень почтенный, достаточный если не для фактически полной, всесторонней исторіи извѣстнаго событія, то, во всякомъ случаѣ, для безпристрастнаго его освѣщенія, для указанія тѣхъ нравственныхъ вѣяній, побужденій, подъ которыми совершались событія.

Минуя отзывы о другихъ, упоминаемыхъ «Квартальникомъ», менѣе выдающихся историческихъ явленіяхъ русской литературы, перейдемъ къ самой характерной изъ статей «Квартальника». Эта статья — рецензія г. Тарновскаго—занимается новѣйшимъ, львовскимъ же, повременнымъ изданіемъ, органомъ тамошняго литературнаго общества имени Мицкевича. (Извѣстно, что самъ «Квартальникъ» также составляетъ органъ львовскаго общества, но другого, историческаго). «Записки» литературнаго общества, выходящія только разъ въ годъ и имѣющія болѣе тѣсную програму, сравнительно со старшимъ собратомъ, при томъ програму, группирующуюся только около имени Мицкевича, конечно, уступаютъ «Квартальнику» по обилію матеріала и по значенію для польскихъ читателей. Въ первомъ томѣ «Записокъ» есть, однакожъ, нѣсколько любопытныхъ вещей, каковы «Идея Валленрода» г. Третьяка и особенно «Мицкевичъ и Пушкинъ предъ памятникомъ Петра Великаго» г. Спасовича. По поводу этого послѣдняго произведенія, русской публикѣ извѣстнаго, г. Тарновскій — или, правильнѣе, редакція «Квартальника»—и сочла умѣстнымъ выразить свое мнѣніе о Пушкинѣ, интересное даже не столько съ литературной, сколько, такъ сказать, съ политической и междуплеменной точекъ зрѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ: какъ же русскіе читатели могли бы серьезно относиться собственно къ литературной сторонѣ отзыва о русскомъ геніальномъ поэтѣ, когда этотъ отзывъ, обличающій очень малое знакомство автора съ поэзіей Пушкина, о которомъ едва ли не впервые болѣе обстоятельныя свѣдѣнія имъ почерпаются изъ статьи г. Спасовича, силится умалить даже мнѣнія этого послѣдняго публициста, вовсе не повиннаго въ пристрастіи къ нашему поэту. Признаніе Пушкина и Мицкевича «величайшими поэтами славянства», г. Тарновскій признаетъ — простымъ знакомъ вѣжливости, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, по его мнѣнію, «талантъ Пушкина былъ подобенъ таланту Словацкаго, только ниже его»; а чтобъ хотя нѣсколько приблизить Пушкина къ росту Мицкевича, нужно ставить перваго на пьедесталъ...

Если этотъ образчикъ собственно литературной оцѣнки русскаго поэта показываетъ лишь грубое невѣжество львовскаго историческаго журнала въ

сферѣ, ему чуждой,—невѣжество, уживающееся, однакожъ, съ самохвальствомъ, то что сказать о другихъ сторонахъ рецензіи, дышащей прямо ненавистью къ Россіи и, съ этой точки зрѣнія, полемизирующей съ г. Спасовичемъ даже до курьезныхъ мелочей? Къ такимъ должно отнести, напримѣръ, препирательство изъ-за выраженія «домашній споръ» (т. е. между Россіей и Польшей).—«Домашній споръ», по мнѣнію рецензента, возможенъ только когда спорящія стороны—дѣти одной и той же отчизны, какъ какойнибудь «рокошъ» Забжидовскаго и Любомирскаго, или смуты временъ лиги и фронды во Франціи; но войны, напримѣръ, Франціи съ Испаніей, какъ и Польши съ Россіей, нельзя считать «домашнимъ споромъ», ибо это были споры отдѣльныхъ государствъ, хотя бы и соплеменныхъ. Тѣсны же понятія польскихъ историковъ о славянствѣ, какъ общей матери и русскихъ и поляковъ! Не говоримъ уже о томъ, что исторія должна была бы указать львовскому историческому журналу всю невѣрность приведенной параллели двухъ романскихъ государствъ съ двумя славянскими. Испанія, благодаря, прежде всего, своему географическому положенію, могла жить вполнѣ обособленно отъ своей сѣверной сосѣдки, не связанной съ ней ровно ничѣмъ, кромѣ романскаго происхожденія. Напротивъ, Польшу съ Россіей именно исторія связала неразрывно: постоянное между ними соперничество и борьба чередовались съ проектами болѣе близкихъ узъ, хотя бы сперва только личныхъ, въ лицѣ польскаго королевича на русскомъ престолѣ или русскаго царя на польскомъ престолѣ. Самое соперничество русско-польское было какъ бы исканіемъ наилучшей формы объединенія; оно указывало на необходимость установленія рано или поздно постояннаго, близкаго modus vivendi двухъ народовъ, въ такой формѣ, какая выработалась мало-по-малу въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ данномъ случаѣ, путемъ перевѣса Россіи: не будь такого поворота, случился бы противоположный съ рѣшительнымъ преобладаніемъ Польши. Какъ же не домашній споръ составляютъ русско-польскія распри?

Проходимъ молчаніемъ недостойныя инсинуаціи на нравственный образъ Пушкина, о его будто бы чрезмѣрной «трезвости и оптимизмѣ»,—такъ же, какъ и нелѣпую параллель личности поэта съ героемъ его же поэмы «Мѣдный всадникъ», и остановимся только, по необходимости, на вопросѣ о... симпатіи (т. е. поляковъ) къ Пушкину, подобной той, «какую имѣлъ къ нему Мицкевичъ, любившій и высоко цѣнившій Пушкина». Рецензентъ, безъ обиняковъ, объявляетъ, что симпатіи къ великому русскому поэту имѣть не можетъ, не отрицая даже вліянія въ этомъ случаѣ народныхъ (т. е. политическихъ) предубѣжденій и ненависти: «освободиться изъ-подъ вліянія такихъ чувствъ не легко», сознается г. Тарновскій, самъ заявляя, такимъ образомъ, о своемъ небезпристрастіи, о своихъ узкихъ, партійныхъ воззрѣніяхъ. Подобные «мѣстные и временные» масштабы для сужденій, совсѣмъ не свойственные историческому журналу, и опредѣляютъ польскій взглядъ на Пушкина, какъ на объектъ симпатіи или антипатіи. Отъ Пушкина, какъ натуры чуткой, поэтической, эти львовскіе патріоты почему-то ожидали, что онъ выскажетъ порицаніе «захвату Польши», а такъ какъ статья г. Спасовича разсѣяла эти мечтанія, то рецензентъ остался лишь при заключеніи, что Пушкинъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, поэтъ чрезвычайно народный, превосходно воплощающій понятія и чувства своего народа и раздѣляющій ихъ вполнѣ.

Но для большей наглядности, Пушкинъ провозглашается еще народнымъ

поэтомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ былъ народнымъ публицистомъ Катковъ, и совершенно тѣхъ же чувствъ (къ полякамъ), какъ послѣдній, съ той разницей, что во времена Пушкина степень ненависти къ нимъ была нѣсколько ниже. Такое по истинѣ изумительное открытіе (именно, на счетъ ненависти къ полякамъ) въ характеристикѣ Пушкина, повело польскаго критика къ другимъ, не менѣе курьезнымъ открытіямъ относительно всего русскаго общества. Если, говоритъ онъ, на умственныхъ и нравственныхъ вершинахъ русскаго общества возможны взгляды на поляковъ, подобные пушкинскимъ, то, значитъ, это общество, excusez du peu, не имѣетъ нравственнаго чутья; но такъ какъ оно должно же его имѣть, какъ состоящее все-таки изъ людей (!), то приходится признать, что чутье это заглушено религіей и исторіей того самого общества...

Приведенныхъ цитатъ совершенно достаточно, чтобы опредѣлить, какого рода матеріалъ преподносится иногда своимъ читателямъ львовскимъ «Квартальникомъ», подъ видомъ исторической критики. Это—рядъ инсинуацій противъ русскаго общества вообще и выдающихся его людей, въ частности, брошенный à propos, какъ бы мимоходомъ!.. «Квартальникъ», издающійся подъ редакціей г. Лиске, въ первомъ выпускѣ прошлаго года чурался политики, которая не должна входить въ трезвую область исторической науки. И дѣйствительно, такъ или иначе, цѣлый годъ это обѣщаніе еще выдерживалось. Но во второмъ году дѣятельности «Квартальника» изъ-за ученой тоги стала явственно выглядывать жестикулирующая фигура современнаго газетнаго трибуна.

Можно ли этому удивляться, помня, какую роль игралъ г. Лиске, нося званіе львовскаго ректора университета, на юбилеѣ Крашевскаго въ 1879 году? Кому, какъ не ему, принадлежала самая пламенная антирусская рѣчь на этомъ праздникѣ? Съ такими прецедентами трудно сохранять спокойствіе и объективность, необходимыя при руководствѣ критико-историческимъ журналомъ. Но насколько выиграютъ отъ этого самый журналъ и его читатели, ищущіе въ немъ, вѣроятно, прежде всего, исторической правды, понятно каждому непредубѣжденному человѣку. **Н. С. К.**

Болгарія въ періодъ террора и анархіи. Изъ личныхъ воспоминаній Евгенія Львова. Томъ I. — Между двумя переворотами. Москва. 1888.

Правдивые разсказы Евгенія Львова. Томъ I. Спб. 1888.

Имя г. Львова, какъ газетнаго корреспондента и публициста, давно знакомо публикѣ. Письма его, печатавшіяся въ «Новомъ Времени», подъ псевдонимомъ «Русскаго Странника» обратили на себя вниманіе читателей, особенно тѣ, въ которыхъ описывались болгарскія событія. И надо отдать справедливость автору этихъ корреспонденцій: въ нихъ, добросовѣстно и, по возможности, правдиво сообщалось обо всемъ, что происходило въ странѣ, залитой русской кровью, освобожденной неимовѣрными усиліями и жертвами Россіи, но употреблявшей всѣ усилія, чтобы уничтожить всякое вліяніе державы-освободительницы. Врагомъ нашимъ явился, конечно, не народъ, а самъ князь, ставленникъ Россіи, отплатившій самою черною неблагодарностью за все, что для него сдѣлалъ царь-освободитель. Г. Львовъ подробно описы-

валъ, въ своей корреспонденціи, румелійскій переворотъ 1885 года и, черезъ пять мѣсяцевъ послѣ него, издалъ объ немъ отдѣльную книгу. Нынѣ вышедшій трудъ автора «Болгарія въ періодъ террора и анархіи» составляетъ продолженіе «Румелійскаго переворота», вышедшаго въ февралѣ 1886 года и доводитъ исторію Болгаріи до второго переворота, т. е. до изгнанія князя Александра. Въ предисловіи къ своему новому сочиненію авторъ жалуется, что его первая книга разошлась всего въ 1,250 экземплярахъ и обвиняетъ равнодушіе русской публики къ Болгаріи, «хотя до сихъ поръ не выходило никакихъ цѣльныхъ и основательныхъ описаній этихъ событій». Обвиненіе это не совсѣмъ справедливо: цѣльнаго нѣтъ и въ книгѣ г. Львова, а книга г. Матвѣева (см. первый № «Историч. Вѣстника» 1888 г.) составлена весьма обстоятельно, хотя и не доведена до 1886 года. Намъ кажется, что причиною неуспѣха книги г. Львова служитъ именно ея отрывочность, особенно сказывающаяся въ его послѣднемъ трудѣ. Отъ серьезнаго историческаго сочиненія читатель вправѣ требовать стройнаго, послѣдовательнаго, систематическаго изложенія событій, а не газетнаго, фельетоннаго, хотя бы и бойко написаннаго очерка текущихъ событій, но набросаннаго подъ первымъ впечатлѣніемъ не всегда представляющимъ эти событія въ ихъ настоящемъ видѣ. Этою фельетонною отрывочностью отличается «Болгарія» автора. Въ 80-ти главахъ онъ описываетъ, день за днемъ, шагъ за шагомъ, свою поѣздку по Болгаріи, Сербіи, Румыніи, отъ 14-го сентября по 26-е декабря. Все это читалось съ интересомъ въ письмахъ, печатавшихся въ газетѣ, но изъ книги, посвященной исключительно «Болгаріи между двумя переворотами», можно было бы исключить все, не относящееся прямо къ этимъ событіямъ, и только мѣшающее цѣльности впечатлѣнія. Еще главы, относящіяся къ Сербіи имѣютъ значеніе, такъ какъ авторъ разсказываетъ въ нихъ войну болгаръ съ сербами, но для чего цѣлыя главы посвящены интересамъ Румыніи, ея экономическому положенію, политическимъ партіямъ, бесѣдамъ автора съ румынскими трактирщиками и извозчиками и т. п.? Какое отношеніе все это имѣетъ къ Болгаріи? Въ книгѣ 400 страницъ, но она значительно выиграла бы, если бы изъ нея было исключено все лишнее, имѣвшее значеніе въ репортерскомъ отчетѣ ежедневной газеты, но совершенно ненужное въ серьезномъ историческомъ трудѣ. Не смотря на этотъ общій недостатокъ книги г. Львова, она все-таки читается съ большимъ интересомъ, возобновляя въ памяти читателя событія слишкомъ близкія русскому сердцу. Онъ будетъ благодаренъ автору за его безпристрастный, чисто русскій взглядъ на событія, за смѣлыя обличенія всѣхъ неправдъ и анти-русскихъ интригъ. Г. Львовъ первый высказалъ прямо и открыто, что «сливницкій герой», прославляемый за свое мужество продажными или обманутыми иностранными корреспондентами, не болѣе какъ жалкій трусъ, бѣжавшій съ поля сраженія въ рѣшительную минуту и вернувшійся къ арміи, когда она уже одержала побѣду въ отсутствіе своего предводителя. Извѣстно, что за это обличеніе г. Львовъ не только былъ высланъ изъ Болгаріи, но и жизнь его подвергалась опасности... Не розами усыпанъ путь газетнаго корреспондента.

Въ своихъ «Правдивыхъ разсказахъ» г. Львовъ является уже не публицистомъ, а беллетристомъ, хотя и своею литературною дѣятельностью онъ обязанъ тому же званію корреспондента, бросавшему его по всей Россіи, отъ западныхъ окраинъ до Сибири и Закаспійскаго края, отъ сѣверныхъ границъ до Ленкорани и Карса. Во время своихъ странствованій, авторъ

имѣлъ возможность ознакомиться съ различными слоями русскаго общества и собралъ много любопытныхъ фактовъ и разсказовъ, которые онъ соединилъ теперь въ одинъ томъ, обѣщая вслѣдъ затѣмъ выпустить въ свѣтъ и другіе томы, если первый «будетъ благосклонно принятъ публикою». Разсказы написаны бойко и читаются легко. Иные имѣютъ бытовое значеніе, какъ напримѣръ, четыре очерка, относящіеся къ поѣздкѣ автора по Каспійскому морю, на пароходѣ общества «Кавказъ и Меркурій». Здѣсь очень живо обрисованъ типъ одного начальствующаго лица, «генерала отъ Меркурія», какъ его называетъ авторъ. Подобными типами кишатъ многіе изъ нашихъ акціонерныхъ обществъ, заѣдаемыхъ генеральствомъ и бюрократизмомъ больше чѣмъ иные департаменты. Нѣкоторое историческое значеніе имѣетъ очеркъ «Сутки въ усадьбѣ М. Д. Скобелева», гдѣ описывается прибытіе въ эту усадьбу траурнаго поѣзда съ останками безвременно погибшаго героя. Изъ другихъ разсказовъ (ихъ всѣхъ 12) лучшіе: «Забытая исторія», «Браслетъ графини», «Злая отплата». В. З.

А. А. Титовъ. Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія дѣйствительному члену Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества И. А. Вахрамѣеву. Москва. 1888.

А. А. Титовъ принадлежитъ, безспорно, къ числу самыхъ видныхъ провинціальныхъ дѣятелей въ области русской археологіи, вещественной и письменной; въ теченіе двѣнадцати лѣтъ (съ 1876 г.) онъ выпустилъ въ свѣтъ множество своихъ работъ, въ видѣ статей или отдѣльныхъ изданій, которыми успѣлъ заявить и о богатствѣ находящагося въ его рукахъ матеріала, и о своей любви къ историческимъ и археологическимъ изслѣдованіямъ; фактъ этотъ тѣмъ болѣе отраденъ, что значительная доля послѣднихъ обращена была г. Титовымъ на свои родныя Ростовскую и Ярославскую области. Въ самомъ началѣ текущаго года появился 3-й выпускъ «Охраннаго каталога рукописей А. А. Титова» (Москва, 1888), составленный самимъ ихъ владѣльцемъ; онъ заключаетъ перечень №№ съ 1673 по 2700; первые два выпуска этого «Каталога» появились въ 1881 и 1884 гг. въ Ростовѣ. Г. Титовъ заявляетъ, что въ настоящее время имъ собрано уже 3011 №№ рукописей, и составляется подробное имъ описаніе, къ напечатанію котораго авторъ-владѣлецъ намѣренъ приступить въ непродолжительномъ времени. Уже самое число имѣющихся въ библіотекѣ г. Титова рукописей должно обратить на нее вниманіе любителей письменной древности и изслѣдователей-историковъ; но вышедшіе выпуски «Охраннаго каталога» даютъ видѣть, что и въ качественномъ отношеніи библіотека г. Титова весьма важна, и это заставляетъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидать подробнаго описанія находящихся въ ней драгоцѣнностей.

Теперь же, въ ожиданіи этого, нельзя не привѣтствовать появленія названнаго въ самомъ началѣ труда г. Титова. Библіотека И. А. Вахрамѣева находится у владѣльца ея, въ г. Ярославлѣ; кромѣ рукописей, въ ней собраны богатыя коллекціи грамотъ, автографовъ и другихъ рѣдкихъ документовъ; тутъ же имѣется и нумизматическій кабинетъ, къ описанію котораго, по словамъ г. Титова (пред., V), будетъ приступлено въ непродолжительномъ времени. Самыхъ рукописей, вошедшихъ въ описаніе г. Титова,

281 №№, которые и описаны по отдѣламъ съ такимъ распредѣленіемъ: Священное Писаніе (№№ 1—12), толкованіе св. Писанія (№№ 13—16), каноническое право (№№ 16—18), богослужебныя книги (№№ 19—51), исторія церкви (№№ 52—89), богословскія и богословско-полемическія сочиненія (№№ 90—115), смѣсь (№№ 116—281), куда вошло, между прочимъ, довольно значительное собраніе «Сборниковъ» разнообразнаго содержанія. Рукописи принадлежатъ XVI, XVII, XVIII и XIX вѣкамъ; изъ нихъ — одна пергаменная (№ 48, Святцы поморскаго письма XVIII в.), остальныя на бумагѣ. Описывая болѣе древнія рукописи, г. Титовъ дѣлаетъ перечисленіе находящихся въ нихъ статей, съ обозначеніемъ начальныхъ словъ каждой статьи. При каждой рукописи, кромѣ времени ея написанія, обозначенъ способъ письма, форматъ и количество листовъ. При многихъ статьяхъ есть указанія, гдѣ онѣ напечатаны съ другихъ списковъ, безъ опредѣленія, впрочемъ, того, насколько напечатанный текстъ разнится отъ имѣющагося въ описываемой рукописи; мѣстами есть ссылки на параллельные списки изъ другихъ рукописныхъ библіотекъ: Московской Cvнодальной, Троицко-Сергіевой лавры, Ундольскаго, Императорской Публичной и др. Иногда описатель находитъ нужнымъ дѣлать изъ рукописей болѣе или менѣе значительныя выписки; изъ послѣднихъ, какъ на особенно любопытныя, можно указать на отрывки изъ ненапечатаннаго въ цѣломъ его составѣ дневника И. М. Снегирева (стр. 189—194), выписки изъ котораго въ первый разъ были опубликованы въ 1871 г. Ивановскимъ. Библіографическія ссылки описателя имѣются и при рукописяхъ, которыхъ изданія (по другимъ спискамъ) сдѣланы въ прошлыхъ столѣтіяхъ. При описаніи нѣкоторыхъ рукописей помѣщены фотографическіе снимки съ почерковъ ихъ или съ рисунковъ, въ нихъ заключающихся; въ этомъ отношеніи особенно любопытна Псалтырь съ толкованіями Брунона, епископа Гербипсленскаго, въ переводѣ Дмитрія Толмача, XVII в. (№ 15), превосходный снимокъ съ почерка которой весьма пріятно будетъ видѣть всѣмъ знатокамъ русской палеографіи и вообще любителямъ изящнаго и мелкаго стариннаго русскаго письма. При нѣкоторыхъ рукописяхъ помѣщены записи новѣйшихъ ученыхъ, нѣкогда пользовавшихся этими рукописями или владѣвшихъ ими; такъ, изъ этихъ записей, между прочимъ, видно, что многія рукописи въ собраніе г. Вархамѣева перешли отъ покойнаго А. Н. Попова. Кромѣ того, г. Титову пришла счастливая мысль отмѣчать при каждой рукописи, купленной владѣльцемъ, ея покупную цѣну; это, по справедливому замѣчанію описателя, дастъ весьма любопытный матеріалъ для сужденія о цѣнахъ на рукописи въ 1870—80 гг., когда рукописи г. Вахрамѣева были пріобрѣтены на Московскомъ антикварномъ рынкѣ. Наконецъ, къ описанію приложенъ довольно подробный алфавитный указатель именъ и предметовъ, значительно облегчающій пользованіе книгой.

Конечно, можно бы было кое въ чемъ упрекнуть г. Титова: онъ нигдѣ не соблюдаетъ правописанія древнихъ рукописей, выписки его произвольны, библіографическія справки случайны и могли быть болѣе точными и болѣе полными, палеографическая сторона въ описаніи совершенно отсутствуетъ и проч.; но если вспомнить, какъ скупы, въ большинствѣ случаевъ, наши владѣльцы частныхъ собраній славянскихъ и русскихъ рукописей на подобнаго рода опубликованіе своихъ сокровищъ, то всѣмъ любителямъ и изслѣдователямъ русской старины останется только поблагодарить и г. Вахрамѣева, не закопавшаго своихъ сокровищъ въ землю, и г. Титова, съ энергіей и любовью къ дѣлу потрудившагося надъ ихъ описаніемъ. Е. П.

Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшьѣ, т. е. въ нынѣшней Сѣдлецкой и Гродненской губерніяхъ, по актамъ XVI столѣтія. Якова Головацкаго. Вильна. 1888.

Брошюра покойнаго г. Головацкаго дѣлится на двѣ части. Въ одной авторъ объясняетъ, что старое Подлясье было русскою землею, съ православнымъ русскимъ не только земледѣльческимъ, но и землевладѣльческимъ населеніемъ; что русскій языкъ былъ здѣсь употребляемъ въ судѣ и администраціи даже въ золотой вѣкъ польской образованности, что будто бы теперь, вводя въ оффиціальное употребленіе въ царствѣ Польскомъ русскій языкъ, мы не дѣлаемъ никакого новшества, а только «возвращаемся ко временамъ золотого польскаго вѣка». Въ доказательство этихъ положеній, имъ приводится дословно шесть актовъ, заимствованныхъ изъ книгъ Дорогичинскаго и Гродненскаго земскихъ судовъ второй половины XVI вѣка, заключающихъ въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній о домашней обстановкѣ обитателей стараго Подлясья, предметахъ ихъ хозяйства, костюмѣ и т. п. Въ другой части своего труда г. Головацкій излагаетъ свое мнѣніе объ языкѣ актовъ, грамотъ и литературныхъ памятниковъ литовской Руси до XVII вѣка. Онъ думаетъ, что литературный литовско-русскій языкъ не заслуживаетъ названія ни малорусскаго, ни бѣлорусскаго,—съ чѣмъ можно вполнѣ согласиться, если подъ именемъ бѣлорусскаго нарѣчія разумѣть это нарѣчіе въ его современномъ состояніи, съ аканьемъ и цвяканьемъ, и если отличать его отъ предка — стараго западно-русскаго говора; послѣдній, съ своимъ постоянно твердымъ звукомъ *р*, съ своими своеобразными формами въ склоненіи и спряженіи, но еще безъ цвяканья, несомнѣнно, лежитъ въ основаніи литературнаго литовско-русскаго языка и его особенности, на нашъ взглядъ, довольно ярко отражаются въ актахъ, грамотахъ и литературныхъ памятникахъ литовской Руси до XVII вѣка. А. С—скій.

Графъ Д. А. Толстой „Письма графини Е. М. Румянцовой къ ея мужу, фельдмаршалу П. А. Румянцову-Задунайскому (1762—1769)". Спб. 1888.

Мы не даемъ въ нынѣшней книжкѣ «Ист. Вѣстника» отчета объ этомъ любопытномъ и важномъ изданіи, потому что думаемъ въ будущей книжкѣ посвятить обзору этого изданія особую статью, такъ какъ «Письма графини Е. М. Румянцовой» представляютъ собою замѣчательный памятникъ русской семейной и общественной жизни прошлаго вѣка. Къ статьѣ о книгѣ графа Д. А. Толстого мы приложимъ и копію съ помѣщеннаго въ книгѣ рѣдкаго портрета супруги фельдмаршала, который никому донынѣ не былъ извѣстенъ.

Матеріалы для генеалогіи и исторіи дворянскихъ родовъ Ростовскаго уѣзда, Ярославской губерніи, 1783—1887 гг. (Документы, уцѣлѣвшіе въ архивахъ дворянства). Выпускъ 1. Составлены и изданы Д. А. Вулатовымъ. Ростовъ. 1888.

Это изданіе ростовскаго предводителя дворянства г. Булатова, представ- ставляетъ хорошее пособіе для пополненія родословныхъ нѣкоторыхъ старинныхъ дворянскихъ родовъ. Составитель въ своемъ предисловіи говоритъ,

что онъ, сознавая важность генеалогическихъ изысканій для исторіи данной мѣстности и свѣдѣній, которыя могли бы служить пособіями для тружениковъ этой научной отрасли, рѣшился издать родословныя таблицы дворянъ Ростовскаго уѣзда, не помышляя о томъ, что настоящій трудъ можно считать оконченнымъ даже и относительно тѣхъ фамилій, генеологіи которыхъ входятъ въ его составъ. Прежде чѣмъ приступить къ изданію, г. Булатовъ обращался ко всѣмъ дворянамъ Ростовскаго уѣзда съ просьбою присылать необходимыя свѣдѣнія, но «къ сожалѣнію, на нашъ призывъ», говоритъ онъ, «откликнулись очень не многіе и намъ пришлось добывать съ большимъ трудомъ всѣ эти свѣдѣнія изъ архива дѣлъ ростовскаго дворянства за послѣднее столѣтіе». Въ первомъ выпускѣ г. Булатовымъ обслѣдованы роды Ошаниныхъ, Рудаковыхъ, Хомутовыхъ, кн. Голицыныхъ, Горяиновыхъ, Леонтьевыхъ, князей Шаховскихъ, князей Гундоровыхъ, Вечесловыхъ, Булатовыхъ, Лупандиныхъ, Яковлевыхъ, Губастовыхъ, Чертковыхъ, Салтыковыхъ, Филатьевыхъ, Стаховскихъ. Кромѣ того, къ родамъ Ошаниныхъ и Горяиновыхъ сдѣланы любопытныя приложенія грамотъ и челобитныхъ XVII вѣка. Въ концѣ книги приложена вѣдомость о дворянахъ и ихъ владѣніяхъ въ 1811 г. и списокъ всѣхъ предводителей ростовскаго дворянства. Родословныя таблицы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ снабжены пояснительными примѣчаніями.

Г. Булатовъ, не ограничиваясь этимъ первымъ выпускомъ, приступаетъ ко второму — при чемъ имѣетъ намѣреніе помѣстить роды еще 18 ростовскихъ дворянъ, въ число которыхъ будутъ внесены гр. Воронцовы, кн. Куракины, Касаткины-Ростовскіе, Щепины-Ростовскіе и Палицыны.

Весьма желательно, чтобы и другіе предводители послѣдовали примѣру г. Булатова, а гг. дворяне оказали бы болѣе активное содѣйствіе и не сохраняли бы драгоцѣнные фамильные документы въ своихъ архивахъ, какъ это сдѣлалъ, къ сожалѣнію, одинъ изъ дворянъ Ростовскаго уѣзда, владѣющій интереснымъ матеріаломъ, но ограничившійся лишь сообщеніемъ самыхъ заурядныхъ копій депутатскаго собранія второй половины настоящаго столѣтія. **А. Т.**

Памятная книжка Орловской губерніи на 1888 годъ. Составилъ Я. И. Горожанскій. Орелъ. 1888 г.

Памятная книжка Орловской губерніи является какъ первый частный трудъ историко-статистическаго обозрѣнія губерніи. До появленія этой книги изслѣдованія подобнаго рода принадлежали Орловскому губернскому статистическому комитету или лучше сказать его секретарямъ. Такъ извѣстны труды А. С. Тарачкова, А. Пупырева и др. Нельзя сказать, чтобы лежащій предъ нами частный трудъ выдѣлялся изъ числа изданій, основанныхъ на оффиціальныхъ данныхъ. Болѣе половины книги г. Горожанскій отвелъ цифровымъ статистическимъ вѣдомостямъ; четверть книги занялъ уставами мѣстнаго православнаго братства, гимназій и прогимназій, церковно-приходскихъ школъ и т. п. и только 1/10 часть удѣлилъ историко-библіографическимъ свѣдѣніямъ. Но этимъ указаніемъ мы вовсе не имѣемъ въ виду порицать едва ли не первый частный починъ г. Горожанскаго. За исключеніемъ общеизвѣстныхъ правилъ гимназій, школъ и т. п., уставы которыхъ можно найти въ любомъ календарѣ, каждый отдѣлъ книги имѣетъ болѣе или менѣе существенный интересъ. Изъ статистическаго отдѣла мы, напримѣръ, узнаемъ,

что въ 1886 году въ Орловской губерніи общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній было 742 съ 53,524 учениками и ученицами, а народныхъ училищъ—507 съ 37,599 учащимися; при чемъ на одну сельскую школу приходилось 1,304 учащихся, а одинъ учащійся приходился на 17 человѣкъ жителей обоего пола, что составляетъ 5,88%. Содержаніе школъ обошлось въ 184,604 р. 25 к., что составляетъ 21,22 коп. съ 1 сельскаго жителя; но эта цифра нѣсколько понизится, если изъ суммъ на содержаніе школъ исключить пособіе отъ казны. Другого рода статистика получается при разсмотрѣніи свѣдѣній о количествѣ проданныхъ спиртныхъ напитковъ. Оказывается, что каждый житель Орловской губ. въ 1886 году выпилъ вина 27,5°, на сумму акциза 2 руб. 48 к.; слѣдовательно одно «заведеніе» поглощаетъ то, что должно бы принадлежать другому «заведенію». Но въ утѣшеніе трезвости укажемъ на слѣдующій фактъ: цифра выпитаго вина, по сравненію съ 1885 годомъ, оказывается ниже на 2° или на 18 коп. для одного человѣка. Періодическихъ изданій—русскихъ и иностранныхъ—въ 1886 году получалось въ Орлѣ 202 названія въ числѣ 3,000 экземпляровъ (въ томъ числѣ «Новое Время» 70, «Историческій Вѣстникъ» 28, «Русская Старина» 27, «Русскій Архивъ» 2 экземп.), на сумму 16,758 руб., что составляетъ 1 экземп. на 26 жителей города, при чемъ каждый житель расходовался на 21,30 коп.; замѣчательно: ровно столько, сколько приходится на школу съ одного сельскаго жителя.

Историческій очеркъ Орловской губерніи, не смотря на указанный нами незначительный объемъ свой, полонъ интереса и чрезвычайно живо написанъ. Изъ свѣдѣній о книгахъ, напечатанныхъ въ Орлѣ въ первыя тридцать лѣтъ текущаго столѣтія, мы узнаемъ, что типографское дѣло въ Орлѣ получило свое начало въ 1804 году, но до 1815 года было лишь въ зародышѣ; съ этого же года начинаютъ все чаще и чаще встрѣчаться книги, напечатанныя въ Орлѣ; авторъ приводитъ названія 57 книгъ, появившихся въ Орлѣ въ описываемый періодъ; въ этомъ перечнѣ болѣе всего попадаются названія: «Эдуардъ Ролленталь, или обращенный ненавистникъ женщинъ», «Новѣйшій туалетный (?) пѣсенникъ для милыхъ дѣвушекъ и любезныхъ женщинъ», «Зеркало любопытства» и проч.; но есть и полезныя книги, судя по слѣдующимъ названіямъ: «Новый способъ наставленія дѣтей», «Записки, письма и достовѣрные отрывки, относящіеся до жизни и смерти Карла Фердинанда д'Артуа, «Краткая ариѳметика» и т. п.

Но что пріятно встрѣтить въ книгѣ — это начало «Словаря орловскихъ уроженцевъ». «Про насъ, орловцевъ,— объясняетъ авторъ — можно сказать, что мы совсѣмъ не знаемъ своихъ великихъ людей, а потому и не можемъ гордиться ими». Задавшись цѣлью привести въ извѣстность всѣхъ уроженцевъ Орловской губерніи, прославившихся въ той или другой сферѣ дѣятельности, авторъ не успѣлъ этого исполнить для составленной имъ книги, оставляя это до будущаго; но все же онъ положилъ доброе начало, указавъ 14 именъ замѣчательныхъ лицъ изъ числа своихъ земляковъ. Въ этомъ спискѣ мы однако не встрѣтили такихъ именъ, какъ историкъ Устряловъ; извѣстный Брянскій заводчикъ, генералъ Мальцовъ; другъ Пушкина, боевой генералъ Н. Кривцовъ; цензоръ Н. А. Ратынскій; герой Горнаго-Бугорка Н. Н. Воронцовъ-Вельяминовъ; миссіонеръ въ Китаѣ, нынѣ епископъ люблинскій Флавіанъ (Городецкій); извѣстный статистикъ Е. Н. Анучинъ и многихъ другихъ орловскихъ дѣятелей.

М—нъ Г—цкій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Французскія статьи о русской арміи 1888 года. — Военныя силы въ Европѣ. — Антагонизмъ Россіи и Англіи. — Упадокъ англійскаго вліянія на Востокѣ. — Мирное посланіе нѣмца къ французамъ. — Историческая роль Фридриха III. — Романъ Писемскаго во французскомъ переводѣ. — Франко-русскіе журналы. — Записки Ристори. — Новая характеристика Фридриха II. — Віографія Биконсфильда. — Австрійскій посланникъ въ Индіи. — Реабилитація маршала Базена.

Е СМОТРЯ НА ТО, что всѣ толки о близости неминуемой войны прекратились въ газетахъ, въ виду болѣе близкой и неизбѣжной катастрофы, цѣлый мѣсяцъ ожидавшейся въ Шарлотенбургѣ, ежемѣсячные журналы наполнены воинственными статьями, обсуждающими съ разныхъ точекъ зрѣнія отношенія европейскихъ державъ между собою, ихъ финансы и средства къ оборонѣ и нападенію. Даже католико-монархическій журналъ «Correspondant» напечаталъ въ четырехъ книжкахъ обширную статью «Русская армія и ея вожди въ весну 1888 года» (L'armée russe et ses chefs au printemps de 1888). Неизвѣстный авторъ начинаетъ съ обзора знаменитой рѣчи германскаго канцлера, въ которой партизаны войны видятъ предвѣстіе грозныхъ бурь, а приверженцы мира—надежду на успокоеніе Европы. Французскій авторъ видитъ въ этой рѣчи только явное презрѣніе къ народамъ и монархамъ не германской расы, претензіи на военную диктатуру въ Европѣ и такую самоувѣренность въ своей силѣ, могуществѣ, передъ которою должно склоняться все, не исключая императора, и повторяющею поминутно «съ нами Богъ!» потому что онъ далъ побѣду нѣмецкому оружію. Эта рѣчь не могла смутить только одну страну, гдѣ воля одного лица можетъ двинуть въ Европу или въ Азію несмѣтныя полчища и орды «степныхъ всадниковъ». Положеніе этой-то «царской арміи, отъ которой можетъ зависѣть будущность Франціи», авторъ рисуетъ широкими чертами, пользуясь, сколько можно судить, оффиціальными данными. Столкновеніе можетъ возникнуть прежде всего между Россіей и Австріей, на помощь которой явится Германія. Поэтому разсма-

тривается сначала значеніе русскаго базиса: царства Польскаго на сѣверѣ, Подоліи и Волыни на западѣ Австріи и доказывается, по стратегическимъ даннымъ, что наступательное движеніе русскихъ пойдетъ по лѣвому берегу Вислы на Пештъ, а не на Вѣну. При наступленіи Австріи театромъ войны будетъ Польша, а не Подолія. Авторъ разсчитываетъ поэтому, во сколько дней, по желѣзнымъ дорогамъ, можетъ сосредоточиться въ Польшѣ русская армія и выводитъ цифру въ 41 день. Концентрированіе нѣмецкихъ войскъ въ 1870 году совершилось въ 19 дней. Нельзя мобилизировать армію такъ, чтобы объ этомъ не знали сосѣди, а узнавъ, они поспѣшатъ перейти къ наступленію, которое выгоднѣе вести, чѣмъ войну оборонительную. Но на этотъ разъ войну Россіи выгоднѣе вести оборонительную, если на нее поднимутся разомъ Австрія и Германія. Это можетъ случиться, если, въ союзѣ съ ними, Италія вторгнется во Францію, развязавъ руки нѣмцамъ для дѣйствія на востокѣ. Но перспектива войны съ Италіей нисколько не пугаетъ французскаго автора, не сомнѣвающагося въ томъ, что итальянцы будутъ разбиты при первомъ столкновеніи съ французами. На военномъ положеніи Россія можетъ выставить, кромѣ милиціи и мѣстныхъ войскъ, 1.452,000 пѣхоты, 198,000 кавалеріи и 4,008 пушекъ. Авторъ излагаетъ подробно устройство 19-ти нашихъ корпусовъ, организацію инженерныхъ войскъ и ополченія. Послѣднія двѣ статьи посвящены характеристикѣ русскихъ генераловъ: въ первой разсказана подробно боевая карьера Гурко, во второй—Дрентельна, Роопа, Радецкаго, Драгомирова, Обручева, Куропаткина. Обо всѣхъ этихъ генералахъ авторъ отзывается съ величайшею похвалою, изумляется желѣзной волѣ г. Гурко, видитъ даже счастливое предзнаменованіе и символъ въ томъ, что онъ женатъ на дочери французскаго дворянина, не упоминая, что мать этой дочери—коренная русская дворянка. Генералы Дрентельнъ и Роопъ не выдвинулись впередъ блестящими побѣдами, но командуя войсками, расположенными на западной границѣ и по берегу Чернаго моря, должны первыми вступить въ дѣло. Громкое имя ген. Радецкаго извѣстно всей Россіи. Онъ командуетъ харьковскимъ военнымъ округомъ и авторъ радуется, что въ русской арміи нѣтъ, какъ во Франціи, закона заставляющаго генераловъ, достигшихъ извѣнаго возроста, оставлять командованіе своими частями (ген. Радецкому 67 лѣтъ, Дрентельну 68). Надо имѣть дѣйствительныя заслуги, чтобы получить командованіе отдѣльною частью въ русскомъ войскѣ, тогда какъ во Франціи,—съ горечью замѣчаетъ авторъ,—«нерѣдко военная репутація создается безъ всякихъ данныхъ и являются импровизованные генералы, какъ въ пантомимахъ цирка, не совершившіе никакихъ подвиговъ, но которыми восторгается уличная толпа». Генералъ Драгомировъ, этотъ удивительный инструкторъ русской арміи, знаменитъ, сверхъ того, переходомъ черезъ Дунай; генералъ Обручевъ — какъ тактикъ, профессоръ и начальникъ главнаго штаба, но болѣе всего авторъ восторгается генераломъ Куропаткинымъ, этимъ прямымъ наслѣдникомъ Скобелева и пророчитъ ему блестящую роль въ предстоящей войнѣ. Наконецъ, онъ вспоминаетъ и о побѣдителѣ Карса Лорисъ-Меликовѣ, живущемъ въ Ниццѣ, но говоритъ, что этотъ глава министерства, вышедшаго въ отставку потому, что не были приняты его либеральные взгляды, такъ разстроилъ свое здоровье, что не будетъ въ состояніи принять участіе въ кампаніи, когда она откроется.

— О военныхъ силахъ европейскихъ державъ, не исключая Россіи, составилъ любопытную книгу полковникъ англійскаго штаба Морисъ, профес-

соръ военнаго искусства и исторіи: «Равновѣсіе военной силы въ Европѣ» (The balance of military power in Europe, by col. Maurice). Выводы автора слѣдующіе: Германія на столько сильна, что можетъ одновременно бороться съ Россіей и Франціей. Если русскіе войска нападутъ на Австрію, то будутъ разбиты германскими войсками на дорогѣ отъ Кракова къ Вѣнѣ, хотя бы въ то же время Франція напала на Германію съ запада. Союзъ съ Англіей былъ бы чрезвычайно важенъ для средней Европы, такъ какъ онъ сдѣлалъ бы ихъ столько же сильными на морѣ противъ Франціи и Россіи и далъ бы возможность Италіи выступить противъ нихъ на сухомъ пути. Въ случаѣ столкновенія Англіи съ Россіей безъ участія средней Европы, Англія найдетъ себѣ союзника въ Турціи и можетъ отразить нападеніе на Индію и даже занять русскія владѣнія въ центральной Азіи. Критикъ «Атенеума» сильно сомнѣвается, однако, въ осуществленіи этого послѣдняго предположенія. Авторъ сознается также, что оборонительныя средства Англіи очень слабы, но требуетъ усиленія ихъ только на морѣ, находя, что незачѣмъ увеличивать сухопутныя англійскія силы, что также противорѣчитъ мнѣнію компетентныхъ лицъ объ этомъ предметѣ, какъ генералъ Уольслей, Чарльсъ Дильке и др. Авторъ стоитъ только за увеличеніе артиллеріи. Въ книгѣ его приведены цифры и данныя всѣхъ европейскихъ армій и сравнительные выводы всѣхъ трехъ родовъ вооруженныхъ силъ: пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи. Написанная легко, хотя и не безъ полемическихъ выходокъ, книга эта, выражающая мнѣніе англійскаго генеральнаго штаба, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія не однихъ военныхъ.

— Другой англичанинъ написалъ книгу объ антагонизмѣ Россіи и Англіи, подъ заглавіемъ: «Славянинъ или саксонецъ?» (Slav or Saxon, by W. D. Foulke). Авторъ начинаетъ съ исторіи Россіи, изложенной, конечно, съ англійской точки зрѣнія, съ искаженіями всѣмъ извѣстныхъ фактовъ, съ патетическими возгласами о суровостяхъ управленія, о жестокостяхъ съ осужденными, съ фантастическими описаніями Трубецкаго равелина «съ его трупнымъ запахомъ и заключенными, поѣдаемыми насѣкомыми и цынгою». Затѣмъ слѣдуютъ знакомые толки о нигилистахъ, о твердости лицъ, признающихъ принципы свои непреложными. Приводятся, даже съ указаніями на годà для большей убѣдительности, совершенно невозможныя постановленія: о запрещеніи милліонамъ малороссовъ читать книги на ихъ родномъ нарѣчіи, о приказаніи въ школахъ Финляндіи и Польши говорить только порусски, о запрещеніи въ русскихъ школахъ учить грамматики и географіи. И между тѣмъ г. Фулькъ восхищается русскимъ народомъ, хотя и признаетъ столкновеніе его съ англичанами неизбѣжнымъ и даже въ самомъ близкомъ будущемъ. «Столкновенія этого нельзя избѣгнуть ни учрежденіемъ научной границы, ни занятіемъ того или другого стратегическаго пункта». Прославляя англійскій либерализмъ, авторъ приходитъ однако къ заключенію, что онъ будетъ побѣжденъ русскимъ деспотизмомъ, если нынѣшняя военная система не будетъ замѣнена какими-то «промышленными методами» (in the substitution of industriel methods). Что хочетъ сказать этимъ авторъ—остается невыясненнымъ.

— Объевропеившійся египтянинъ Селимъ Фарисъ издалъ сочиненіе «Объ упадкѣ британскаго престижа на Востокѣ» (The decline of british prestige in the East, by Selim Faris). Во введеніи авторъ называетъ себя другомъ Англіи, но относится къ ней очень не снисходительно, а Турціи

приписываетъ слишкомъ много вліянія въ Египтѣ, чѣмъ она тамъ вовсе не пользуется. Для изгнанія Россіи изъ сосѣдства, Англія, по мнѣнію автора, должна заключить тѣсный союзъ съ Турціею. Нынѣшнимъ управленіемъ Египта онъ очень недоволенъ, въ особенности Нубаръ-пашею. Авторъ обращаетъ также вниманіе на волненія между армянъ, негодующихъ на то, что націи менѣе ихъ развитыя имѣютъ своихъ королей или князей, какъ Румынія, Сербія, Черногорія, Болгарія, а армяне не живутъ самостоятельною жизнью. Онъ указываетъ, также на распространеніе русскаго владычества въ Средней Азіи, угрожающаго англійскимъ владѣніямъ. Въ прошломъ столѣтіи Россія занимала всего пространство въ 4.000,000 квадратныхъ миль, а теперь ея среднеазіатскія владѣнія простираются на 14.000,000 миль.

— Среди этихъ воинственныхъ книгъ, возбуждающихъ тревожныя опасенія, пріятно остановиться на брошюрѣ, взывающей къ миру и успокоенію. Она такъ и называется «Мирнымъ письмомъ» (Friedensbrief) и принадлежитъ извѣстному историку «искусства, въ связи съ развитіемъ культуры», Морицу Карьеру, пятитомное сочиненіе котораго переведено и порусски В. Коршемъ. Мысли свои Карьеръ высказалъ въ формѣ письма къ Ренану, первоначально появившагося въ «Deutsche Revue». Нѣмецкій писатель заклинаетъ своего друга, французскаго историка, всѣми силами бороться противъ пагубной мысли о войнѣ Франціи съ Германіей, и искать рѣшенія культурныхъ задачъ этихъ странъ не съ помощью пуль и штыковъ. Задачи эти — политическія, соціальныя и нравственныя—общи обоимъ народамъ и, въ союзѣ между собою, они могли бы повелѣвать всѣмъ міромъ. «Европейскіе Соединенные Штаты — несбыточная мечта въ историческомъ развитіи пропитанной кровью части свѣта, но мечта все-таки прекрасная, а Франція оттолкнула руку, протянутую ей съ этой благородной цѣлью... И образованные французы готовы отказаться отъ благороднѣйшихъ идеаловъ человѣчества и снова взяться за мечъ, для того, чтобы возвратить себѣ нѣсколько пядей земли, захваченной ихъ предками, а теперь доставшейся первоначальнымъ владѣльцамъ». Но почтенный авторъ забываетъ, что тутъ дѣло идетъ вовсе не о пядяхъ земли, а о законѣ справедливости и свободѣ жителей. Предки Карьера, французы, бѣжали двѣсти лѣтъ назадъ въ Германію, отъ религіозныхъ преслѣдованій и драгонадъ Людовика XIV и сдѣлались нѣмцами. Что сказалъ бы теперь самъ Карьеръ, если бы его заставили опять сдѣлаться французомъ? Точно также и офранцузившіеся альзасцы вовсе не желали черезъ два столѣтія обратиться въ нѣмцевъ, а ихъ принуждаютъ къ этому силою. Вообще свои мирныя увѣщанія авторъ могъ бы съ большею основательностью обратить къ нѣмцамъ, а не къ французамъ, написавъ письмо вмѣсто своего друга Ренана, къ своему другу Бисмарку. «Мы нѣмцы, говоритъ Карьеръ, носимъ тяжелое вооруженіе не потому, чтобы чувствовали особенное удовольствіе играть въ солдаты, но по необходимости, потому что намъ угрожаетъ двойная опасность со стороны Франціи и Россіи». Но отъ французскаго вторженія Германія достаточно обезпечила себя милліонами штыковъ на западной границѣ; а во вторженіе Россіи въ германскія владѣнія не вѣрятъ даже рептиліи канцлера, которымъ платятъ за то, чтобы они ежедневно кричали въ своихъ продажныхъ листкахъ объ опасностяхъ, угрожающихъ всѣмъ народамъ отъ завоевательныхъ замысловъ и ненасытной жадности Россіи. Карьеръ говоритъ, что военное воспитаніе полезно народу, развивая въ немъ чувство долга, мужества, дисциплину, но сознаетъ, что если бы хоть часть денегъ, расходуе-

мыхъ на вооруженія Германіи и Франціи, была употреблена на дѣло народнаго просвѣщенія, на поддержку рабочихъ, на помощь сиротамъ и инвалидамъ труда, то мы быстро подвинулись бы въ рѣшеніи соціальнаго вопроса. А это рѣшеніе возможно только при взаимодѣйствіи всѣхъ культурныхъ націй. Нельзя сказать, чтобы этимъ воззваніемъ къ миру были довольны въ Берлинѣ. Карьеръ живетъ въ Мюнхенѣ и не знаетъ настроенія «всемірнаго города», но во всякомъ случаѣ его примирительныя усилія производятъ впечатлѣніе и могутъ отрезвить не одну голову, отуманенную прусскимъ милитаризмомъ.

— Надежды на миръ усиливаются вмѣстѣ съ улучшеніемъ состоянія здоровья германскаго императора, которому бисмарковскіе офиціозы давали жить много двѣ-три недѣли. Въ своей брошюрѣ «Фридрихъ III» знаменитый лингвистъ и санскритологъ Максъ Миллеръ опредѣляетъ въ чемъ состоитъ задача, предназначенная этому монарху. Для осуществленія надеждъ либеральной германской политики, лучшею цѣлью казался всегда тѣсный союзъ съ Англіей. Бракъ либеральнаго кронпринца съ англійской принцессой, казалось, могъ уладить всѣ затрудненія внѣшней нѣмецкой политики, но въ то время, когда Англія, въ союзѣ съ Франціей, Турціей и Сардиніею, объявляла войну Россіи, Пруссія не присоединилась къ союзникамъ. Теперь Англія не хочетъ открыто стать на сторону «лиги мира»—и потому война можетъ вспыхнуть также какъ 35 лѣтъ тому назадъ. Разрѣшеніе вопроса, говоритъ Миллеръ, зависитъ отъ того, соединятся ли государства германской расы въ эту лигу. Фридрихъ III предназначенъ, по мнѣнію автора, содѣйствовать этому соединенію. Англія должна предпочесть его союзу съ Франціей, а противъ лиги всей Европы усилія двухъ державъ будутъ безплодны. Максъ Миллеръ сорокъ лѣтъ живетъ въ Англіи и не мудрено, что старается привлечь свое второе отечество къ союзу съ Германіей.

— Увлеченіе русскою литературою не ослабѣваетъ во Франціи. Въ изданіи «Bibliothéque française», продающемся по франку за томъ, вышелъ переводъ «Старческаго грѣха» Писемскаго (Le péché de vieillesse, trad. du russe par Victor Derely). Переводу предпосланъ краткій, біографическій очеркъ Писемскаго съ оцѣнкою его произведеній. Переводчикъ относится къ нему весьма симпатично, такъ же какъ и къ его романамъ, но неуспѣхъ многихъ изъ нихъ относитъ къ тому, что русское общество, увлеченное либерализмомъ шестидесятыхъ годовъ, не хотѣло слушать объ немъ рѣзкой правды. Это объясненіе совершенно ошибочно: послѣдніе романы Писемскаго не имѣли успѣха потому, что писатель, стѣсненный въ матерьяльныхъ средствахъ, торопился печатать свои произведенія, не имѣя достаточно времени обдѣлать ихъ, и наполнялъ все болѣе рѣзкими, часто циничными картинами. Писемскій раньше Зола внесъ въ нашу литературу элементъ реализма и натурализма, съ достаточной долею цинизма—и поэтому между русскими читателями и критиками у него было не меньше противниковъ, чѣмъ у Зола. Переводъ Дерели старательный, хотя не передаетъ всѣхъ особенностей оригинала.

— Мы говорили уже о новомъ еженедѣльномъ журналѣ «Франкорусская жизнь» (La vie franco-russe) и больше возвращаться къ нему не будемъ. Журналъ оказался чистою, или выражаясь правильнѣе: достаточно грязною спекуляціею, бьющею на низменные инстинкты бульварной парижской публики. Претензія содѣйствовать сближенію русскаго общества съ французскимъ

оказалась совершенно несостоятельною, и французскій элементъ явился въ этомъ уличномъ листкѣ только съ самой непривлекательной стороны благерства, шовинизма и порнографіи, а о Россіи редакція начала сообщать такія пошлости, какихъ не приходилось встрѣчать даже въ то время, когда наше отечество было для Франціи совершенная terra incognita. Вотъ какія свѣдѣнія о русской жизни можно почерпнуть только изъ одного нумера новой газеты. «Дни масляницы у русскихъ имѣютъ каждый свое названіе и свои обычаи: понедѣльникъ—день встрѣчъ, вторникъ—игръ, среда—угощеній, четвергъ—гуляній и кулачныхъ боевъ (это любимое увеселеніе народа), пятница—вечера тещъ (les soirées de belles mères) суббота—les réceptions de belles soeurs».—«Сбитень дѣлается изъ меда, лавроваго цвѣта, звѣробоя или инбиря. Онъ продается горячій, въ мѣдныхъ чайникахъ, называемыхъ—саклями».—«Въ трактирахъ, говоря о дѣлахъ, ѣдятъ прикуску,—легкое угощеніе съ рюмкой водки передъ тѣмъ, какъ сѣсть за столъ. Послѣ стола эта же легкая операція называется закускою, отъ слова закусить, тоесть отвѣдать послѣ». Этихъ цитатъ достаточно, что бы не упоминать больше объ изданіи, помѣщающемъ на своихъ страницахъ подобный пошлый вздоръ.

— Гораздо приличнѣе и литературнѣе ежемѣсячный журналъ «Парижское и Петербургское Обозрѣніе» (Revue de Paris et de S.-Petersbourg), но въ немъ Россіи отведено очень немного мѣста. Въ шести вышедшихъ доселѣ книжкахъ журнала помѣщены только: переводъ повѣсти Достоевскаго «Чужая жена» (La femme d'un autre), сентиментальный разсказъ «Исторія ласточкина гнѣзда», судя по фамиліи русскаго писателя (Histoire d'un nidd'hirondelle, par C. Suchodolsken), «Соловьи» какого-то Станова (Stanoff) да плохой и растянутый переводъ одного стихотворенія Лермонтова («Пускай холодною землею засыплюсь я»). Кромѣ того, политическую хронику журнала ведетъ какой-то Аликовъ и фельетонъ «Русская жизнь»—Иванъ Ріенко. Въ политикѣ незамѣтно особой, русской точки зрѣнія, въ фельетонѣ—обычная французская болтовня о концертахъ и выставкахъ, о Висмаркѣ и о цыганахъ, о паденіи курса и журнальныхъ новостяхъ. Фельетонистъ, называющій себя русскимъ, удивляется, для чего печатаютъ столько кредитныхъ билетовъ, а не чеканятъ серебряной монеты, когда такъ много серебра въ рудникахъ Кавказа, Урала и Сибири. Упоминается о нѣсколькихъ журналахъ и о молодыхъ писателяхъ, обращается вниманіе на статьи г. Татищева въ «Историческомъ Вѣстникѣ», но и тутъ мнимо-русскій фельетонистъ обличаетъ себя чисто французскимъ невѣжествомъ, сообщаяя, что въ журналѣ «Nablioudatell» печатается «замѣчательный романъ великаго критика Бѣлинскаго». Какой же русскій человѣкъ смѣшаетъ покойнаго Бѣлинскаго съ живымъ беллетристомъ, неизвѣстно для чего выбравшимъ себѣ псевдонимъ, знакомый всей Россіи?..

— Вышли третьимъ изданіемъ записки знаменитой трагической актрисы Ристори (Adélaide Ristori. Etudes et souvenirs). Въ противоположность всѣмъ автобіографамъ, Ристори очень мало говоритъ о себѣ и посвящаетъ свои воспоминанія лицамъ, съ которыми она сталкивалась на артистическомъ поприщѣ, во время своихъ странствованій по всѣмъ частямъ свѣта. А странствованія эти, въ теченіе полустолѣтія, часто были очень интересны. Дочь семьи второстепенныхъ актеровъ странствующей труппы, Ристори ребенкомъ уже играла дѣтскія роли. Успѣхъ рано встрѣтилъ ее на сценическомъ поприщѣ, и она вступила въ придворную труппу сардинскаго короля, на пер-

выя трагическія роли. 17-ти лѣтъ она играла уже Марію Стюартъ и въ своихъ запискахъ передаетъ ощущенія, испытанныя ею при исполненіи этой роли. Отдавшись вся своему любимому искусству, она только 27-ми лѣтъ рѣшилась отдаться и другому чувству и вышла замужъ за маркиза Капраника-дель-Грильо. Трудно было ей побѣдить, въ этомъ случаѣ, оппозицію аристократической родни своего мужа, но еще труднѣе—остаться на сценѣ, сдѣлавшись маркизой и матерью. Только покровительство высокопоставленныхъ лицъ, восхищавшихся ея талантомъ, помогло ей побѣдить всѣ препятствія на этомъ пути, и она продолжала играть трагедіи въ Папской области и Ломбардіи. Трагедіи эти исполнялись въ жалкомъ, урѣзанномъ видѣ. Цензура въ Римѣ не только выбрасывала цѣлыя сцены и монологи, но запрещала произносить со сцены слова: Богъ, ангелъ, дьяволъ, Пій, Григорій, Инокентій. Въ сѣверной Италіи запрещались слова: отечество, освобожденіе, независимость; выраженіе «прекрасное небо Италіи» замѣнялось «прекраснымъ небомъ Ломбардо—венеціанскаго королевства». Австрійскій гнетъ сдѣлался наконецъ до того невыносимъ, что въ 1855 году, Ристори, составивъ драматическую труппу, уѣхала съ нею въ Парижъ, гдѣ имѣла огромный успѣхъ, не смотря на то, что въ то же время парижанъ увлекала Рашель. Ристори въ своихъ мемуарахъ восхищается своею соперницею и подробно описываетъ сильное впечатлѣніе, произведенное ею въ «Гораціяхъ». Но Рашель не хотѣла даже познакомиться съ итальянской артисткой. Изъ Парижа Ристори посѣтила Лондонъ, Вѣну, Неаполь, Мадридъ. Играя въ послѣднемъ городѣ, артистка выпросила у королевы Изабеллы и ея министра Нарваеса, помилованіе одному солдату, осужденному на смерть. Въ 1860 году она играла въ Петербургѣ, въ 1861 въ Москвѣ съ громаднымъ успѣхомъ Медею, леди Макбетъ, королеву Елисавету, Марію Стюартъ, затѣмъ была въ Сѣвероамериканскихъ штатахъ, въ Бразиліи, Гаваннѣ, а въ 1874 году совершила кругосвѣтное путешествіе; въ Англіи она играла на англійскомъ языкѣ. Въ книгѣ своей великая артистка говоритъ, конечно, гораздо меньше обо всѣхъ этихъ странахъ, чѣмъ объ исполненіи ею своихъ ролей, но все-таки ея наблюденія и воспоминанія полны большого интереса.

— Въ Лондонѣ вышла «Исторія Пруссіи при Фридрихѣ-Великомъ» въ двухъ томахъ. (History of the Prussia under Frederick the great, by Herbert Tottle). Эта серьезная книга гораздо выше извѣстной исторіи Фридриха II, написанной Карлейлемъ. Знаменитый англійскій философъ и историкъ написалъ свою книгу въ подкрѣпленіе своей теоріи «поклоненія героямъ» (heroworship) и потому недостаточно справедливъ и безпристрастенъ по отношенію къ своему герою, тогда какъ Тотль не скрываетъ ошибокъ и дурныхъ сторонъ прусскаго короля. Къ тому же со времени появленія труда Карлейля явилось столько новыхъ документовъ, особенно по отношенію къ первымъ годамъ царствованія Фридриха, что новыя изслѣдованія оказываются далеко не лишними для точной характеристики короля. И авторъ представилъ его въ самомъ вѣрномъ свѣтѣ какъ полководца и администратора, обрисовавъ его если не полнѣе, то правдивѣе, чѣмъ Карлейль, Ранке, Маколей. Также ясно очерчены имъ прусскія учрежденія, дипломатія и народная жизнь того времени. Сочиненіе еще не окончено и доведено только до Семилѣтней войны, но и въ первыхъ походахъ Фридриха историкъ не видитъ въ немъ особенно блистательнаго стратегическаго таланта, какимъ обладали Наполеонъ, Густавъ Адольфъ, Тюреннъ. Траунъ и Карлъ Лотарингскій были

лучшими генералами, чѣмъ Фридрихъ II. Политика его не отличалась также широтою взглядовъ, а его вторженіе въ Силезію нельзя оправдать съ точки зрѣнія международнаго права. У него не было и въ мысляхъ объединенія Германіи или ея освобожденія отъ французскаго вліянія. Система управленія Пруссіей Гогенцоллернами—тотъ же бюрократическій деспотизмъ, какъ у Габсбурговъ и Бурбоновъ. Общій выводъ автора о Фридрихѣ II тотъ, что король-атеистъ отличался вѣротерпимостью, а король-деспотъ—уваженіемъ къ законамъ. Онъ любилъ литературу и искусство, писалъ какъ французъ, хотя и съ нѣмецкимъ педантизмомъ. Умъ дѣятельный и смѣлый, но не глубокій, онъ высказывалъ откровенно презрѣніе къ человѣчеству.

— Въ серіи подъ общимъ названіемъ «Государственные люди» вышла біографія лорда Биконсфильда (Statesmen series—Beaconsfield, by T. E. Kebbel). Авторъ, написавшій уже біографію своего героя для «Словаря національной біографіи», «исторію торизма» и издавшій рѣчи торійскаго премьера, имѣлъ конечно достаточно матерьяловъ для составленія полнаго жизнеописанія Дизраели. И онъ исполнилъ это добросовѣстно, не скрывая ошибокъ своего героя, хотя и не стараясь отдѣлаться отъ пристрастія къ нему. Правда, Кеббеля предупредилъ лордъ Роутонъ, издавшій уже обширную біографію Дизраели, но книга лорда—чистый панегирикъ, тогда какъ у Кеббеля встрѣчается критическая и даже этическая оцѣнка многихъ дѣйствій министра. Лучше всего авторъ оцѣниваетъ, Дизраели какъ писателя, хотя отзывается иронически о политической системѣ его романовъ «Конингсби» и «Сивилла». Но ставить его какъ политическаго дѣятеля наряду съ Питтомъ—автору не слѣдовало бы.

— Бывшій австрійскій посланникъ въ Парижѣ и Римѣ побывалъ въ 1886 году въ Индіи и издалъ описаніе своего путешествія на англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: Through the british empire, by baron von Hubner. Высокое званіе автора дало ему возможность видѣть въ Индіи то, что англичане заботливо скрываютъ отъ обыкновенныхъ туристовъ и это придаетъ особый интересъ книгѣ Гюбнера. Онъ знакомился и съ туземными, мнимо-независимыми князьями, присутствовалъ на ихъ совѣтахъ (дурбарахъ) съ вице-королемъ Индіи, былъ на важнѣйшихъ пунктахъ границы индійскихъ владѣній: въ Гайберскомъ проходѣ, близъ Белуджистана и на рѣкѣ Рангитъ, отдѣляющей Индію отъ Китая. Хотя онъ пріѣхалъ въ Индію въ самое прохладное время года, въ январѣ, но уже въ февралѣ, въ Бомбеѣ можно было выходить на улицу изъ дома, наглухо закрытаго ставнями, только до восьми часовъ утра, а по желѣзнымъ дорогамъ ѣхать не иначе, какъ имѣя при себѣ ящикъ съ искуственнымъ льдомъ, а на ночь—шубу, чтобы укрываться отъ холода. Кромѣ жара, жизнь въ Индіи дѣлаютъ невыносимою—змѣи, тигры, разныя насѣкомыя, нечистота и вонь въ городахъ, особенно тѣхъ, гдѣ держатъ въ храмахъ священныхъ коровъ и другихъ животныхъ. Туземцы не внушаютъ симпатіи. Владѣтельные князья, магараджи, тратятъ огромныя суммы не на полезное употребленіе, а на свои костюмы. Магараджа Миссора носитъ на себѣ драгоцѣнныхъ камней тысячъ на четыреста рублей. У раджи Джарпура мебель одной залы стоитъ болѣе полумиліона. Зато они и дерутъ со своихъ подданныхъ послѣднюю шкуру и англійскіе резиденты нерѣдко являются безкорыстными защитниками угнетенныхъ индусовъ, пріучая ихъ, такимъ образомъ, видѣть въ англичанахъ верховныхъ рѣшителей судебъ индійскаго народа. Раджи не имѣютъ права казнить своихъ подданныхъ и даже мѣнять

своихъ чиновниковъ безъ разрѣшенія резидента, имъ запрещено принимать на службу европейцевъ. Войско раджей не имѣетъ права пріобрѣтать нарѣзныя пушки или скорострѣльныя ружья: для армій туземныхъ князей изготовляютъ нарочно въ Бирмингамѣ пистонныя ружья. Въ важнѣйшей провинціи Низамѣ, съ главнымъ городомъ Гайдерабадомъ, всѣмъ распоряжается вицекороль Индіи; въ Вангалорѣ близь Бомбея, Дели, въ Пенджабѣ англичане устроили военные лагери. Но Гюбнеръ сознается, что ихъ все-таки ненавидятъ туземцы. Болѣе развитые изъ нихъ убѣждены въ томъ, что игу Англіи долженъ скоро наступить конецъ и утверждаютъ, что при столкновеніи съ Россіею рушится неестественное, тираническое владычество горсти жадныхъ и эгоистическихъ пришельцевъ подъ 250-ти милліоннымъ населеніемъ Индіи.

— Графу д'Эриссону, закоренѣлому бонапартисту, а теперь рьяному приверженцу Буланже, вздумалось для чего-то обѣлять человѣка, имя котораго произносится съ презрѣніемъ во всей Франціи. Въ своей «Мецской легендѣ» (La légende de Metz) авторъ доказываетъ, что маршалъ Базенъ былъ оклеветанъ и несправедливо обвиненъ судомъ, что онъ сдѣлалъ все, что было въ силахъ человѣка, прежде чѣмъ сдать нѣмцамъ армію, «пропитанную революціоннымъ духомъ и недисциплинированную». Но вся эта система защиты и реабилитаціи труса и измѣнника опровергается его же собственнымъ письмомъ къ д'Эриссону, приводимымъ, въ этой же книгѣ, вмѣстѣ съ другими оффиціальными документами Кератри и Дюбарайля, съ разсказомъ о бѣгствѣ Базена изъ тюрьмы и пр. экс-маршалъ говоритъ: «я былъ всегда убѣжденъ, что главнокомандующій арміею имѣетъ право противиться революціонному движенію и возмущенію противъ законной власти, основанной на всеобщей подачѣ голосовъ; я имѣлъ также право положить конецъ войнѣ, гибельной для отечества и которую хотѣла во чтобы то ни стало продолжать партія, захватившая власть въ свои руки». Войны этой хотѣла однако вся Франція, признавшая правительство народной обороны и республику, послѣ позорнаго седанскаго погрома. Базенъ долженъ былъ повиноваться власти, признанной народомъ, а не императору, отдавшемуся въ плѣнъ, со всею своею арміею и низвергнутому страною. Маршалъ могъ воображать себя глубокимъ политикомъ, но былъ не больше какъ предателемъ, лишивъ Францію арміи, которая могла если не спасти отечество, то остановить побѣдоносный походъ нѣмцевъ къ столицѣ. Никакими софизмами нельзя обѣлить измѣнника.

ИЗЪ ПРОШЛАГО

Неизданное письмо М. В. Ломоносова къ Шумахеру по новоду соисканія имъ профессорскаго званія.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ свою при академіи наукъ Ломоносовъ началъ съ 1742 года въ званіи адъюнкта. При разнообразныхъ научныхъ занятіяхъ, Михаилъ Васильевичъ былъ вовлеченъ еще и въ академическія распри, которыя поддерживались несогласіемъ между Нартовымъ и Шумахеромъ. Сильная натура Ломоносова проявилась при этомъ во всей своей необузданности. Онъ бранилъ членовъ конференціи: «позорною нѣмецкою бранью... ставилъ кукиши, билъ въ ладоши... Всѣхъ профессоровъ поносилъ непристойными словами, и Шумахера называлъ воромъ». На него была подана жалоба за «несносныя обиды и безчестіе», и профессора заявили, что «безъ возвращенія чести» они не могутъ оставаться на службѣ. Ломоносовъ по этой жалобѣ былъ арестованъ и пробылъ подъ арестомъ съ іюня 1743 г. по январь 1744 г. Ему угрожало жестокое наказаніе, но 18-го января онъ былъ освобожденъ по высочайшему указу «для его довольнаго обученія».

Ссоры даже между ученѣйшими и образованнѣйшими людьми, доходившія до драки, въ то время мало кого возмущали. Профессора изъ русскихъ или иностранцевъ представляютъ собою тѣ же типы насилія съ свойственными каждой націи особенностями, поэтому не удивительно, что примиреніе слѣдовало за ссорою, затѣмъ новая ссора и опять примиреніе. Отъ того не можетъ и особенно поражать насъ, что отношенія между Ломоносовымъ и Шумахеромъ, вскорѣ послѣ жестокой ругани, которая въ настоящее время поссорила бы людей на вѣки, принимаютъ миролюбивый характеръ. Все это извѣстно! Извѣстно также и то, что въ апрѣлѣ 1745 г. Ломоносовъ подалъ

прошеніе на Высочайшее имя о производствѣ его изъ адъюнктовъ въ профессора [1]). Неизвѣстнымъ до сихъ поръ оставалось письмо, которое въ 1745 году 1-го мая Ломоносовъ написалъ Шумахеру на нѣмецкомъ языкѣ, по поводу этой своей просьбы, остававшейся повидимому безъ вниманія. Письмо къ Шумахеру проникнуто чувствомъ сознанія своего достоинства, всегда отличавшимъ Ломоносова. Человѣкъ, который позднѣе имѣлъ смѣлость да и нравственное право сказать, что легче академію отставить отъ него, чѣмъ его отъ академіи, а зазнавшемуся немного вельможѣ замѣтить, что онъ ни у кого, ниже у самого Господа Бога, въ дуракахъ быть не хочетъ, уже здѣсь выражается съ сознаніемъ своего достоинства и ставитъ на видъ своему врагу Шумахеру, что хлопотами о немъ, Ломоносовѣ, онъ, Шумахеръ, заслужитъ себѣ благодарность лучшихъ людей Россіи.

Вотъ это письмо въ переводѣ съ нѣмецкаго [2]).

Ваше Благородіе,

Многоуважаемый господинъ Совѣтникъ!

Мнѣ хорошо извѣстно, что Ваше благородіе заняты многими болѣе важными дѣлами, такъ что мое прошеніе не могло быть тотчасъ же въ канцеляріи разсмотрѣно. Между тѣмъ, моя покорнѣйшая просьба къ вашему благородію не простирается далѣе какъ только, чтобы о моемъ прошеніи, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, было доложено конференціи, дабы я наконецъ зналъ при чемъ я и признанъ ли достойнымъ того, на что я долгое время надѣялся. Ваше благородіе изволили дать мнѣ понять, что мнѣ слѣдовало бы повременить вмѣ-

---

[1]) Билярскій: «Матеріалы для біографіи Ломоносова», стр. 61.

[2]) Текстъ письма автографъ коего передалъ мнѣ г. В. Кордтъ, слѣдующій:

Wohlgeborener Herr,

Hochgeehrtester Herr Rath.

Es ist mir wohl bekannt, dass Ew. Wohlgeboren mit mehrern und wichtigern affairen beschäftiget sind, als dass meine Bitte so bald in der Canzley vorgenommen werden könnte. Unterdessen mein ergebenstes Ersuchen an Ew. Wohlgeborenen erstreckt sich nicht weiter, als mir, dass meine Bitte der Conferenz je eher, je lieber vorgeleget werden möge, damit ich doch einmal weiss, woran ich bin, und ob nunmehro dar zu für tüchtig geachtet werden, was ich eine geraume zeit gehofft habe. Ew. Wohlgeborenen haben geruhet mir zu verstehen zu geben, ich sollte noch mit andern warten, die ebenfalls Beförderung suchten. Allein mir deucht, mein Glück wäre nicht so fest an das Glück derer anderer gebanden, dass unserer einer dem andern gar nicht war oder nach kommen könne. Ich will Ew. Wohlgebohrenen unterthänigst versichern, dass dieselben vor die Gnade, welche sie mir leicht erweisen können, nicht nur von mir, sondern auch von ansehnlichen Personen unserer Nation einen grösseren danck erwerben werden, als sie es etwa vermuthen. Ja es wird Ew. Wohlgebohrenen mehr Ehre ein bringen, wenn durch dero Vorsorge zum meinen Zweck gelange, als wenn es durch einen andern weg geschehen würde. Ich lebe des festen Vertrauens, dass Ew. Wohlgebohren werden mein unterthäniges und gehorsames Ersuchen nicht fruchtloss bleiben lassen, sondern vielmehr zu meiner Beförderung mit einer baldigen resolution zu helfen geruhen. Ich verharre in Vollkommener Hochachtung.

Ew. Wohlgebohrnen meines Hochgeehrtesten Herrn gantz ergebenster und gehorsamster Diener M. Lomonosoff.

d. 1 Maji a. 1745.

стѣ съ другими, которые тоже добиваются повышенія. Однако, мнѣ сдается, мое счастіе вовсе уже не такъ крѣпко привязано къ счастью другихъ, чтобы мы не могли опережать или отставать одинъ отъ другого. Я могу всепокорнѣйше увѣрить Ваше благородіе, что милостью, которую Вы легко можете оказать, Вы заслужите не только отъ меня, но и отъ всѣхъ значительныхъ лицъ нашего народа больше благодарности, чѣмъ Вы быть можетъ предполагаете. Да, Вамъ принесетъ болѣе чести, если я достигну своей цѣли при помощи Вашего ходатайства, чѣмъ если это произойдетъ какимъ-либо другимъ путемъ. Я остаюсь въ твердой увѣренности, что Ваше благородіе не оставите мою нижайшую и покорнѣйшую просьбу безъ послѣдствій, а напротивъ поможете моему повышенію скорымъ положеніемъ резолюціи. Пребываю въ полномъ высокопочитаніи Вашего благородія, высокоуважаемаго мною повелителя, покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою. М. Ломоносовъ. 1-го мая 1745 года.

Понималъ ли Шумахеръ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, представлялъ ли себѣ все высокое значеніе этого человѣка, или испугался покровителей его, только видно, что онъ взялся за дѣло. Письмо къ Шумахеру было писано 1-го мая и уже 3-го вопросъ о назначеніи Ломоносова профессоромъ химіи разсматривался въ конференціи академіи. Объ этомъ трактуютъ протоколы засѣданій 3-го мая, 14-го и 17-го іюня и, наконецъ, 22-го іюня дѣло о Ломоносовѣ было окончательно разсмотрѣно и о результатѣ сообщено въ академическую канцелярію 28-го іюня [1]).

Назначеніе Ломоносова профессоромъ химіи, во всякомъ случаѣ, совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда совѣтникъ Шумахеръ распоряжался вполнѣ самовластно — дѣлалъ, что̀ ему было угодно, такъ что вызываетъ наконецъ колективную противъ себя жалобу служащихъ при академіи [2]).

По какимъ бы то ни было соображеніямъ, но только Шумахеръ одумался, сталъ на сторону справедливыхъ требованій Ломоносова и далъ ходъ его прошенію. Печатаемое письмо нашего славнаго дѣятеля представляетъ собой не безъинтересный вкладъ въ исторію академическаго быта въ половинѣ XVIII вѣка.

Проф. Пав. Висковатый.

Дерптъ (Юрьевъ Ливонскій).
27-го марта 1888 г.

[1]) Вилярскій, стр. 61—64.
[2]) Ср. Любимова: «Жизнь и труды Ломоносова». Москва, 1872 г. стр. 55.

СМѢСЬ.

ЕМИДЕСЯТИПЯТИЛѢТНЯЯ годовщина смерти Кутузова. 16 апрѣля исполнилось 75 лѣтъ со дня кончины фельдмаршала, князя Михаила Илларіоновича Голенищева-Кутузова-Смоленскаго. Могила фельдмаршала въ Казанскомъ соборѣ, подъ сѣнію иконы Божіей Матери и непріятельскихъ знаменъ, отбитыхъ нашими войсками во время Отечественной войны. Всѣ стѣны Казанскаго собора украшены трофеями этой войны. Кромѣ многочисленныхъ знаменъ и штандартовъ, ключей отъ городовъ и крѣпостей, тамъ хранится жезлъ французскаго маршала Даву, отбитый въ числѣ прочихъ трофеевъ при пораженіи предводимой имъ арміи подъ Краснымъ 5 ноября 1812 года. Вблизи могилы князя находится въ волоченой рамкѣ за стекломъ печатный манифестъ императора Александра I. Надъ могилою фельдмаршала паритъ орелъ, держащій въ своемъ клювѣ вѣнокъ, къ которому прикрѣплена неугасимая лампада. На стѣнѣ находятся фамильный гербъ князя и слѣдующая надпись: «Князь Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій. Родился въ 1744 году, скончался въ 1813 году, въ городѣ Бунцлау». Надгробная плита не имѣетъ никакихъ надписей и обнесена металлическою рѣшеткою. Паннхиды по покойномъ фельдмаршалѣ совершаются ежегодно два раза: въ день его рожденія и въ день кончины. На этотъ разъ, по случаю дня 75-тилѣтней кончины его, панихида отличалась нѣкоторою торжественностью. Съ личностью этого знаменитаго русскаго человѣка связываются воспоминанія о блистательнѣйшихъ событіяхъ нашей военной исторіи второй половины прошлаго вѣка и начала нынѣшняго.

Реставрація грузинскихъ храмовъ. По инициативѣ экзарха Грузіи, архіепископа Палладія, предпринимается реставрація грузинскихъ храмовъ на Кавказѣ. Реставрація касается, главнымъ образомъ, храмовъ, особенно знаменитыхъ своею древностью, напримѣръ, Мцхетскаго храма, Алавердскаго въ Кахетіи и проч. Серьезное вниманіе будетъ обращено на возстановленіе древнѣйшаго православнаго храма — усыпальницы св. Нины, просвѣтительницы Грузіи. Храмъ этотъ, сооруженный въ началѣ IV вѣка христіанской эры

блаженнымъ Маріаномъ, первымъ христіанскимъ царемъ Грузіи, сдѣлался главнымъ средоточіемъ всѣхъ христіанъ восточной Грузіи, а на гробницѣ св. Нины весь кахетинскій и кизикскій народъ принималъ присягу на вѣрноподданство россійской державѣ. Храмъ находится теперь въ самомъ плачевномъ положеніи и грозитъ разрушеніемъ, вслѣдствіе крайней ветхости. Между тѣмъ, онъ заключаетъ въ себѣ множество драгоцѣнныхъ остатковъ старины, нуждающихся въ поддержкѣ. Съ цѣлью реставраціи храмовъ, на Кавказѣ будетъ сформированъ, по инициативѣ архіепископа Палладія, особый комитетъ.

Переписныя книги. Археографическая комиссія приступила къ изданію извлеченій изъ «переписныхъ книгъ», составленныхъ въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича. Извѣстно, что въ это царствованіе, вслѣдствіе перемѣнъ, происшедшихъ въ количествѣ и составѣ населенія Московскаго государства, въ царствованіе Алексѣя Михаиловича, были отправлены въ 1678 г. въ города и уѣзды переписчики и подъячіе, которые должны были собирать свѣдѣнія въ городахъ, посадахъ, слободахъ, станахъ, селахъ, деревняхъ и погостахъ, за кѣмъ именно и сколько состоитъ дворовъ и во дворѣ людей мужскаго пола, взрослыхъ и малолѣтнихъ, а въ кельяхъ сколько старцевъ, старицъ, вдовъ и нищихъ. Свѣдѣнія эти, провѣренныя переписчиками и составленные ими же итоги населенія въ городахъ, волостяхъ, уѣздахъ и станахъ, по сословіямъ или разрядамъ, были вносимы въ книгу, которая называлась переписной или перечневой. Эти книги имѣли важное финансовое значеніе. Руководствуясь ими, сбирали стрѣлецкія, ямскія и полоняничныя деньги, опредѣляли число даточныхъ людей. Имѣя важное административное значеніе въ XVII вѣкѣ, переписныя книги, относящіяся ко времени царствованія Ѳедора Алексѣевича, являются памятниками въ высокой степени замѣчательными въ научномъ отношеніи. Онѣ заключаютъ въ себѣ указы о времени составленія каждой переписной книги, названія населенныхъ мѣстъ, свѣдѣнія о числѣ жителей въ погостахъ, волостяхъ, станахъ и уѣздахъ, данныя, которыя касаются права землевладѣнія, промышленности, торговли, этнографіи и исторіи колонизаціи. Въ виду такого научнаго значенія переписныхъ книгъ археографическая комиссія опредѣлила приступить къ печатанію тѣхъ извлеченныхъ изъ этихъ книгъ данныхъ, которыя составляютъ матеріалъ, цѣнный для Русской исторіи. Извлеченія дѣлаются членомъ комиссіи Е. Е. Замысловскимъ, которымъ редактируется и самое изданіе.

Академическія преміи. По распоряженію академіи наукъ напечатанъ «Сборникъ свѣдѣній о преміяхъ и наградахъ» ею раздаваемыхъ. Онъ распадается на двѣ части: въ первой сообщены свѣдѣнія о наградахъ, раздаваемыхъ чрезъ опредѣленные сроки, во второй — о преміяхъ за рѣшеніе разныхъ задачъ Въ приложеніи помѣщена синопсическая таблица наградъ и премій, дающая возможность узнать срокъ конкурсамъ, размѣры премій, время ихъ присужденія, преслѣдуемую ими задачу и т. д. Нынѣ на вѣчныя времена состоятъ слѣдующія преміи: 1) Макарія, митрополита московскаго, 2) графа Д. А. Толстого, 3) имени его величества Александра II, учрежденная симбирскимъ дворянствомъ, 4) ломоносовская, 5) Рклицкаго, 6) В. Я. Буняковскаго, 7) Бэра, 8) Ѳ. Ѳ. Брандта, 9) академика Г. П. Гельмерсена, 10) почетнаго члена Ѳ. Ѳ. Шуберта, 11) А. С. Пушкина, 12) А. М. Сибирякова, 13) профессора Котляревскаго, 14) генералъ-маіора П. Н. Юменова и 15) графа А. С. Уварова. За рѣшеніе задачъ предлагается: 1) премія графа А. А. Аракчеева за исторію царствованія императора Александра I, 2) тамбовскаго дворянства за составленіе исторіи первыхъ 25-ти лѣтъ царствованія императора Александра II, 3) фрейлины М. С. Мухановой за жизнеописаніе императрицы Маріи Ѳедоровны, 4) за ученое жизнеописаніе Ломоносова, 5) таврическаго дворянства за сочиненіе по исторіи русскаго дворянства, 6) Н. И. Костомарова за лучшій малорусскій словарь, 7) за сочиненіе о В. А. Туповскомъ, 8) Неустроева о русскихъ повременныхъ изданіяхъ первой половины нынѣшняго столѣтія, 9) дѣйств. ст. сов. Иванова за сочиненіе о премудрости Творца вселенной.

Отчетъ Одесской городской публичной библіотеки за 1887 годъ. Управленіе библіотеки, находясь подъ наблюденіемъ товарища городского головы барона Н. А. Витте и попечителя, гласнаго городской думы Я. И. Вейнберга, состояло изъ завѣдующаго библіотекой привать-доцента Новороссійскаго университета—В. А. Яковлева, двухъ его помощниковъ и письмоводителя. Главнымъ источникомъ пополненія библіотеки въ отчетномъ году являются особенно значительныя пожертвованія. Общее число ихъ — 2,722 названія въ 4,829 томахъ. Первое мѣсто между ними, какъ по числу томовъ, такъ и по научному значенію и цѣнности, занимаетъ коллекція книгъ, принесенная въ даръ библіотекѣ археологомъ П. О. Бурачковымъ изъ Херсона. Коллекція эта состоитъ изъ 1,776 названій, въ 3,176 томахъ. По содержанію своему книги эти, главнымъ образомъ, относятся къ исторіи и археологіи, но имѣются также и по другимъ отдѣламъ весьма цѣнныя сочиненія, между которыми, напримѣръ, большой анатомическій атласъ Н. И. Пирогова. Значительное число сочиненій относится до исторіи и географіи края и становится главнымъ основаніемъ учреждаемаго въ настоящее время отдѣла Novorossica. Въ коллекціи имѣются изданія, вовсе не поступавшія въ продажу и очень много библіографическихъ рѣдкостей. Всѣ книги въ хорошихъ, а частью и въ роскошныхъ переплетахъ и отличной сохранности. Каталогъ коллекціи Бурачкова уже составленъ и поступаетъ въ печать. Кромѣ того, отъ частныхъ лицъ и обществъ поступили значительныя пожертвованія: также отъ университетовъ: Новороссійскаго, Варшавскаго, св. Владиміра въ Кіевѣ и Дерптскаго, отъ редакцій газетъ и журналовъ: «Южанинъ», «Морской Сборникъ», «Донская Пчела», «Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», «Труды Вольно-Экономическаго Общества» и др., отъ земствъ: Херсонскаго, Владимірскаго, Бессарабскаго, Воронежскаго, и др. Отъ кавказскаго цензурнаго комитета. Въ то же время библіотека имѣла возможность сдѣлать значительныя пріобрѣтенія покупкою, благодаря тому, что средства ея по росписи на 1887 годъ увеличены до 1,500 руб. Пріобрѣтено покупкою всего 763 названія въ 1,051 томѣ.

Къ 1-му января 1888 года библіотека состояла изъ 23,593 названій въ 52,266 томахъ (съ дублетами). Кромѣ того, въ библіотекѣ имѣется 51 автографъ преимущественно русскихъ писателей, коллекція гравюръ въ 177 экземплярахъ и 10 рукописей. Въ отчетномъ году число лицъ, получившихъ билеты на право посѣщенія библіотеки, равнялось 1,640, лица эти посѣтили библіотеку 26,900 разъ (въ томъ числѣ лицъ женскаго пола 976), а такъ какъ читальныхъ дней было 267, то среднимъ числомъ приходится болѣе 100 человѣкъ въ день.

Пятидесятилѣтній юбилей Ѳ. К. Арнольда. 3-го апрѣля минуло 50 лѣтъ дѣятельности Ѳедора Карловича Арнольда, оставившей глубокіе и плодотворные слѣды какъ въ практикѣ, такъ и въ теоріи русскаго лѣсоводства. Отецъ Арнольда основалъ въ 1804 г. въ Москвѣ «Практическую коммерческую академію», существующую и донынѣ; старшій братъ, Иванъ, основалъ, также въ Москвѣ, извѣстное «Арнольдовское училище для глухонѣмыхъ», а другой братъ, Юрій, извѣстенъ въ музыкальномъ мірѣ какъ композиторъ и авторъ многихъ сочиненій по исторіи музыки и изслѣдованіямъ русскаго церковнаго пѣнія. Ѳ. К. родился въ Петербургѣ, въ 1819 г.; кончилъ курсъ въ Лѣсномъ институтѣ и былъ отправленъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ, откуда вернулся въ 1842 г., когда начато было, первый разъ въ Россіи, правильное устройство лѣсовъ и часть этихъ работъ была поручена Арнольду. По 1858 годъ онъ былъ начальникомъ отдѣленія лѣсного департамента и вмѣстѣ съ тѣмъ читалъ лекціи въ Лѣсномъ институтѣ; въ концѣ 1857 г. вышелъ изъ департамента и посвятилъ себя исключительно учебной службѣ, сперва въ Лѣсномъ институтѣ, а затѣмъ перешелъ профессоромъ въ Земледѣльческій институтъ, гдѣ былъ избранъ деканомъ. Въ 1876 г. назначенъ

въ Москву директоромъ Петровской земледѣльческой и лѣсной академіи, гдѣ также читалъ лекціи. Въ 1883 г. его назначили членомъ совѣта министра государственныхъ имуществъ и онъ опять переѣхалъ въ Петербургъ. Нѣкоторое время съ 1868—1872 годъ онъ въ качествѣ главноуправляющаго завѣдовалъ громадными имѣніями и лѣсами князя Н. В. Юсупова. Почти всѣ нынѣшніе чины корпуса лѣсничихъ—ученики Арнольда или учились по его руководствамъ, которыхъ имъ написано не мало: 1) «Руководство къ лѣсоводству» 1854 года, потребовавшее второго изданія уже въ 1856 году; 2) «Лѣсная таксація» 1858 года, представленная на конкурсъ и удостоенная преміи въ 1,200 руб.; 3) та же книга въ новомъ, совершенно передѣланномъ изданіи 1868 года; 4) «Лѣсоводство» 1861 года болѣе подробный курсъ; 5) «Справочная книга для землевладѣльцевъ и лѣсничаго», 1862 года; 6) «Хозяйство въ русскихъ лѣсахъ», 1880 года; 7) «Оцѣнка дѣйствующихъ въ лѣсахъ капиталовъ и достигаемыхъ ими результатовъ», 1884 года. Кромѣ того, подъ его редакціей вышли переводы: «Учебникъ древоизмѣренія», соч. Кунца, и «Лѣсъ» соч. Россмеслера; послѣдняя книга собственно не переводъ, а изложеніе «русскаго лѣса», въ духѣ Россмеслера. Сверхъ того, Арнольдъ написалъ еще массу статей въ различныхъ спеціальныхъ журналахъ. Кромѣ того, онъ основалъ «Газету лѣсоводства и охоты», редакторомъ которой состоялъ съ 1855 по 1857 годъ. Первый же ученый трудъ исполненъ имъ же въ 1844 году, «Инструкція для таксаціонныхъ работъ въ лѣсныхъ дачахъ, избираемыхъ для веденія правильнаго лѣсного хозяйства». По этой инструкціи, удостоенной спеціальнымъ по лѣсной части комитетомъ преміи, производилось устройство казенныхъ лѣсовъ до 1859 года. Чтобы вполнѣ оцѣнить заслуги Арнольда, необходимо припомнить, что съ 1844 по 1858 годъ всѣ начинанія администраціи казенныхъ лѣсовъ проходили чрезъ его руки. Весь строй лѣсного управленія, въ особенности: введеніе правильнаго лѣсного хозяйства, охраненіе лѣсовъ, ихъ разведеніе, лѣсныя учебныя заведенія и искорененіе всякаго зла, перешедшаго на первыхъ порахъ въ наслѣдіе ко вновь учрежденному министерству государственныхъ имуществъ, обязаны поэтому многимъ, если не всѣмъ, неутомимой дѣятельности и иниціативѣ Арнольда.

Юбилей Н. Ѳ. Здекауера. 7-го мая, не только міръ спеціально-медицинскій, но и вообще образованное русское общество чествовало юбилей пятидесятилѣтней дѣятельности профессора Николая Ѳедоровича Здекауера. Полвѣка труда, неоставшагося безплоднымъ, полвѣка неустанной дѣятельности на поприщахъ практической медицины, ученой и учебной медицинской части, несомнѣнно крупная заслуга не только передъ медициной, но и передъ государствомъ и обществомъ!.. Тѣмъ крупнѣе еще она, что въ теченіе всей своей полувѣковой дѣятельности маститый юбиляръ не былъ только ученымъ спеціалистомъ, но всегда оставался чуткимъ и гуманнымъ человѣкомъ, успѣвшимъ пріобрѣсти общія симпатіи всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось сталкиваться въ теченіе полувѣка своей разносторонней дѣятельности. Н. Ѳ. Здекауеръ, сынъ главнаго доктора и врачебнаго инспектора свеаборгскаго порта, родился 17-го марта 1815 года. Первоначально воспитывался онъ въ пансіонѣ пастора Муральта, въ 1831 году поступилъ на физико-математическій факультетъ Петербургскаго университета, а въ 1833 г. перешелъ въ медико-хирургическую академію, которую окончилъ въ 1838 году 7-го мая, со степенью лекаря 1-го разряда, съ отличіемъ. Въ Берлинѣ и Вѣнѣ онъ усовершенствовался, посѣщая лекціи Мюллера, Рокитанскаго и др., а въ 1839 г. опредѣлился ординаторомъ 2-го сухопутнаго (нынѣ клиническаго) госпиталя и ассистентомъ при клиникѣ профессора Зейдлица. Ему принадлежитъ починъ воспользоваться вскрытіями труповъ для лекцій патологической анатоміи; позже онъ сталъ читать общую патологію и терапію. Въ 1848 г. онъ сдѣланъ былъ ординарнымъ профессоромъ по этому предмету. Степень доктора медицины онъ получилъ въ 1842 г. Въ 1843-мъ онъ сопровождалъ за границу великую

княгиню Елену Павловну и былъ назначенъ врачемъ при ней, а въ 1861 г. лейб-медикомъ. Въ 1866 г. по его инициативѣ учрежденъ главный холерный комитетъ, а самъ Н. Ѳ. боролся съ оспенною эпидеміею въ Царскомъ-Селѣ. Въ 1876 г. онъ назначенъ предсѣдателемъ русскаго отдѣла на брюссельской гигіенической выставкѣ и въ 1877 г. учредилъ общество охраненія народнаго здравія, въ которомъ состоитъ предсѣдателемъ. Въ 1864 г. онъ оставилъ чтеніе лекцій въ академіи съ званіемъ почетнаго ея члена и заслуженнаго профессора. Въ 1884 году сдѣланъ предсѣдателемъ главнаго врачебнаго совѣта. Кромѣ этого, онъ членъ правленія Общества Краснаго Креста, совѣта человѣколюбиваго Общества главнаго госпитальнаго комитета, почетный и непремѣнный членъ военно-медицинскаго ученаго комитета и консультантъ Максимиліановской лѣчебницы. Онъ былъ предсѣдателемъ санитарной комиссіи царскосельскаго уѣзда и губернской въ Петербургѣ. Н. Ѳ. почетный членъ академіи наукъ, нѣсколькихъ университетовъ, русскаго общества охраненія народнаго здравія, московскаго и виленскаго общества, нижнерейнскаго, шведскаго и неаполитанскаго парижскаго гигіеническаго и другихъ. Изъ ученыхъ трудовъ его назовемъ клиническія лекціи 1844—1847 г., трактатъ о распознаваніи болѣзней сердца, описаніе ученаго путешествія въ 1857 году, способъ лѣченія кровохарканія посредствомъ вдыханія распыленнаго раствора двупятихлористаго желѣза, объ оспенной эпидеміи въ царскосельскомъ уѣздѣ, о лѣченіи аневризмъ аорты лекціи гигіены для офицеровъ, о холерѣ, о госпитальномъ уставѣ и др. Таковы въ краткихъ чертахъ труды и заслуги Н. Ѳ. Здекауера. Части ихъ было бы достаточно для того, чтобы заслужить благодарность не только спеціалистовъ-медиковъ, но и всего общества... Для него одно уже «охраненіе народнаго здравія», во имя котораго возникло трудами юбиляра общество подъ этимъ названіемъ, будетъ вѣчнымъ памятникомъ его заслугъ.

† Въ Тифлисѣ **Александръ Павловичъ Мичуринъ**, сотрудникъ «Русскаго Богатства», «Русскихъ Вѣдомостей» и тифлисскаго «Новаго Обозрѣнія» 10-го февраля. Покойный былъ горячо преданъ дѣлу образованія, состоялъ членомъ комитета грамотности и однимъ изъ немногочисленныхъ работниковъ въ рядахъ писателей по вопросамъ народнаго образованія. Онъ написалъ нѣсколько статей и брошюръ: «Есть ли польза отъ одной грамотности?», выступилъ въ защиту книги «Что читать народу?», писалъ о воскресныхъ школахъ и живымъ языкомъ разработывалъ вопросы объ образованіи и отмѣчалъ его успѣхи. Онъ поселился въ Тифлисѣ всего лѣтъ пять назадъ, и черезъ два года подъ непосредственнымъ его вліяніемъ была основана въ Тифлисѣ первая русская женская воскресная школа, существующая по сіе время, въ которой теперь учится болѣе 100 дѣвушекъ и женщинъ. Онъ былъ также однимъ изъ иниціаторовъ дѣла по устройству въ Тифлисѣ первой безплатной библіотеки и литературнаго общества. Гробъ съ тѣломъ усопшаго друзья несли на рукахъ изъ его квартиры до церкви и изъ церкви до кладбища, въ сопровожденіи массы народа. На лентѣ одного изъ вѣнковъ отъ тифлисскихъ друзей изображены были золотыми буквами стихи С. Я. Надсона, справедливо и вполнѣ примѣняющіеся къ А. П. Мичурину: «Безпокойной душевною жаждой томимъ, ты беречь своихъ силъ не умѣлъ и, какъ свѣточъ, колеблемый вѣтромъ ночнымъ, ты не жилъ, а горѣлъ». Покойный умеръ сорока съ небольшимъ лѣтъ.

† 12-го февраля, внезапно отъ разрыва сердца преподаватель Николаевскаго кавалерійскаго училища генералъ-маіоръ **Алексѣй Ѳедоровичъ Фролевъ**, авторъ распространеннаго и принятаго во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ руководства «Аналитической геометріи». Покойный—уроженецъ Костромской губерніи, родился 1824 г. Образованіе началъ въ новгородскомъ, Аракчеевскомъ кадетскомъ корпусѣ, а окончилъ курсъ въ бывшемъ Дворянскомъ полку. Въ службу вступилъ въ 1842 г. прапорщикомъ лейбъ-гвардіи

въ Павловскій полкъ. Въ 1860 г. былъ учителемъ математики въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, а въ 1865 г. причисленъ въ Николаевское кавалерійское училище штатнымъ преподавателемъ. Въ 1880 г. вышелъ въ отставку; хотя чтеніе лекцій продолжалъ до самой смерти. Почти всю жизнь Алексѣй Өедоровичъ посвятилъ педагогической дѣятельности. Не смотря на громадную опытность въ дѣлѣ преподаванія, въ умѣніи ясно, толково и понятно излагать, онъ всегда выражалъ неувѣренность въ томъ, что достаточно ясно излагаетъ предметъ и готовился къ своимъ лекціямъ до послѣднихъ дней. Его питомцы надолго сохранятъ добрую память о человѣкѣ, искренно любившемъ ихъ; А. Ө. наканунѣ смерти былъ на лекціяхъ. Кромѣ курса «Аналитической геометріи», онъ издалъ курсъ «Начертательной геометріи» и «Приложеніе алгебры къ геометріи» и составилъ «Записки начальной механики», вмѣстѣ съ А. Барановскимъ.

† 15-го апрѣля **Константинъ Петровичъ Галлеръ**, одинъ изъ даровитѣйшихъ музыкальныхъ критиковъ. Онъ родился въ Петербургѣ въ 1845 г.; воспитывался въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ въ кирасиры. Музыкальное образованіе получилъ въ нашей консерваторіи и окончилъ ее однимъ изъ первыхъ по классу теоріи у профессора Зарембы. Музыкальною критикой К. П. сталъ заниматься съ 1874 г. и въ продолженіе своей четырнадцатилѣтней критической дѣятельности сотрудничалъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ: въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Молвѣ», «Всемірной Иллюстраціи» (около десяти лѣтъ), «Музыкальномъ Свѣтѣ», «Сынѣ Отечества», «Новостяхъ» и въ послѣднее время писалъ музыкальные фельетоны въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и въ новомъ органѣ «Баянъ». Свои педагогическія статьи онъ помѣщалъ въ «Русскомъ начальномъ учителѣ». Имъ помѣщено было, между прочимъ, множество біографическихъ замѣтокъ. Кромѣ того, онъ написалъ и издалъ «Теорію музыки и хорового пѣнія». Галлеръ посвящалъ свои досуги и композиторской дѣятельности; онъ написалъ оркестровыя, фортепіанныя и вокальныя произведенія; недавно вышелъ въ свѣтъ его сборникъ пѣсенъ для дѣтей подъ названіемъ «Рай дѣтей». Неоконченнымъ остался трудъ его по собранію народныхъ пѣсенъ Петербургской губерніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ К. П. не оставлялъ своей педагогической дѣятельности и въ послѣднее время состоялъ преподавателемъ теоріи музыки и хорового пѣнія въ петербургскомъ учительскомъ институтѣ. Галлеръ былъ также извѣстенъ, какъ страстный любитель охоты, въ особенности соколиной и былъ предсѣдателемъ общества соколиныхъ охотниковъ. Онъ оставилъ много изслѣдованій по вопросамъ охоты и много любопытнаго историческаго матеріала по этой части. Смерть его, поразившая всѣхъ знавшихъ покойнаго, произошла отъ разрыва сердца. К. П. едва минуло 42 года—и еще наканунѣ смерти вечеромъ онъ присутствовалъ въ одномъ изъ концертовъ, совершенно здоровый.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Письмо въ редакцію.

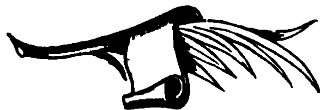
Позвольте разъяснить нѣкоторое недоумѣніе, вызываемое замѣткой г. Стараго Библіографа о моей «Художественной Энциклопедіи».

Какъ образчикъ «комическаго словарнаго курьеза», авторъ отзыва приводитъ объясненіе слова «каріатида», данное въ «Художественной Энциклопедіи». Онъ удивляется, что я не видалъ каріатидъ безъ одежды. Выходитъ, что такія каріатиды бываютъ. Поэтому желательно было бы знать,

гдѣ ихъ видѣлъ г. Старый Библіографъ. Такое открытіе было бы полезно и для исторіи искусствъ, ибо ни одно руководство по этому предмету, начиная съ Любке, какъ и по архитектурѣ спеціально, начиная съ «Гражданской Архитектуры» Красовскаго, ничего не знаетъ о нагихъ каріатидахъ. Каріатида есть подпирающая фигура въ длинной женской одеждѣ и — кстати сказать — подпирающая головой, а не руками, какъ утверждаетъ г. Старый Библіографъ. Въ этомъ не трудно убѣдиться каждому, взглянувъ въ любой исторіи искусствъ на изображеніе галлереи каріатидъ Эрехтейона, перваго и образцоваго памятника по этой части.

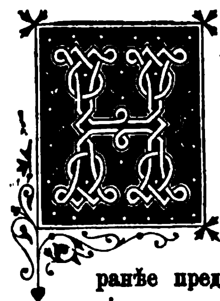
Но это еще не все, чѣмъ удивляетъ замѣтка г. Стараго Библіографа о «Художественной Энциклопедіи». Онъ, оказывается, видѣлъ каріатиды не только безъ одежды, но даже съ бородами, и видѣлъ ихъ въ нашемъ Эрмитажѣ. Ужъ не принимаетъ ли мой критикъ аталантовъ и теламеновъ за каріатиды, что совсѣмъ не одно и тоже. Ѳ. Булгаковъ.

Отъ редакціи. На письмо это г. «Старый Библіографъ» доставилъ намъ слѣдующую замѣтку: «Не могу уяснить себѣ цѣли письма г. Булгакова. Упоминая о его «Художественной Энциклопедіи», я принялъ ея сторону противъ слишкомъ рѣзкихъ отзывовъ объ ней гг. Собко и Петрова и только мимоходомъ замѣтилъ, что энциклопедіи наши діаметрально расходятся въ опредѣленіи даже самыхъ обыкновенныхъ терминовъ. Каріатидою публика называетъ у насъ всякую фигуру, въ формѣ статуи, подпирающую своды плафонъ, портикъ и т. д. Г. Булгаковъ хочетъ непремѣнно, чтобы каріатида была дѣвицей и еще въ приличной одеждѣ, и требуетъ, чтобы мужскія каріатиды неукоснительно назывались «теламенами» и «аталантами». Но въ храмѣ Эллоры, въ Элефантинѣ, во многихъ индѣйскихъ храмахъ, колонны замѣняются статуями слоновъ, львовъ и другихъ животныхъ—развѣ это не каріатиды? Въ извѣстной залѣ венеціанской библіотеки плафонъ подпираютъ статуи, изображающія Лютера, Кальвина, Меланхтона и другихъ враговъ папства. Что же и это все «теламены» и «аталанты»? Къ чему, со стороны г. Булгакова, такая щепетильность и обидчивость въ отстаиваніи своего опредѣленія? Или онъ думаетъ, что все остальное въ его «Энциклопедіи» безупречно и непогрѣшимо. или что, еслибы я разбиралъ его книгу, то не нашелъ бы въ ней ничего кромѣ каріатидъ»?

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖАНРЪ НА ВЫСТАВКАХЪ 1888 ГОДА.

ЫНѢШНІЙ годъ не побаловалъ петербуржцевъ ни однимъ выдающимся произведеніемъ исторической живописи ни на одной изъ выставокъ постоянныхъ и ежегодныхъ: ни на академической, ни на передвижной. Только на особой выставкѣ, въ Большой Морской, явилась картина извѣстнаго нашего художника К. Е. Маковскаго, заслуживающая серьезнаго вниманія и разбора. Скажемъ нѣсколько словъ по поводу всего видѣннаго нами, заранѣе предупреждая читателя, что мы будемъ судить о произведеніяхъ не со стороны ихъ художественнаго достоинства, а только со стороны ихъ значенія въ ряду произведеній историческаго жанра.

Первое мѣсто удѣлимъ, конечно, ветерану нашихъ историческихъ жанристовъ, Н. В. Невреву, выставившему на передвижной выставкѣ картину «Прощаніе Ярослава Мудраго съ дочерью, отправляемою въ замужество за французскаго короля». Прежде всего замѣтимъ, что ни тема, ни эпоха, избранныя художникомъ — не могутъ быть названы ни благодарными, ни поддающимися обработкѣ даже такого опытнаго, умѣлаго и знающаго художника, какъ Н. В. Невревъ. Эпоха Ярослава Мудраго на столько отдаленна отъ насъ и въ бытовомъ отношеніи такъ мало представляетъ намъ матеріала художественно-археологическаго, что художнику, избравшему тему изъ этой эпохи, постоянно приходится брести въ потемкахъ, ощупью, пользоваться матеріаломъ весьма сомнительнаго достоинства (въ родѣ кіевскихъ фресокъ Софійскаго собора), и дополнять воображеніемъ все остальное, кромѣ подробностей княжеской одежды, доставляемыхъ извѣстнымъ изображеніемъ Святославова Изборника. Не вполнѣ удачною можемъ мы назвать и самую тему картины. Прощаніе Ярослава Мудраго съ дочерью, отправляемою въ замужество за тридевять земель, есть не болѣе, какъ «прощаніе отца съ дочерью вообще»; историческаго, политическаго значенія этотъ бракъ въ ту эпоху не имѣлъ и не могъ имѣть, и потому простая, не многосложная тема «прощанія», не смотря на всѣ усилія художника, не смотря на всю приданную имъ и тщательно-составленную обстановку—такъ и осталась домашнею сценою разлуки отца съ дочерью, отъѣзжающею куда-то

далеко, ради какихъ-то невѣдомыхъ цѣлей... Если бы подъ картиною былъ уничтоженъ тотъ комментарій, та легенда, которую захотѣлъ придать своему произведенію художникъ — посторонній зритель, даже и посвященный въ знаніе русской исторіи (очень рѣдкое у насъ), едва ли угадалъ бы, что̀ именно представляетъ картина почтеннаго Н. В. Неврева? Дѣлаемъ ему этотъ укоръ тѣмъ болѣе, что многія изъ его предшествующихъ картинъ отличаются именно яркостью, осязательною очевидностью и полною ясностью избранной художникомъ задачи:—его «Романъ Галицкій» въ извѣстной сценѣ съ папскимъ нунціемъ, его «Шутъ Гвоздевъ», даже его «Посолъ Писемскій на смотринахъ англійской принцессы»—не нуждаются ни въ подписи, ни въ объясненіяхъ... Въ заключеніе, однако же, мы должны сказать о картинѣ Н. В. Неврева, что не смотря на неудачно выбранную тему, онъ, какъ историческій живописецъ, сдѣлалъ все, что могъ для бытовой обстановки своей картины; опытный глазъ человѣка, знакомаго съ русской археологіей, долженъ, конечно, съ перваго взгляда на «Прощаніе Ярослава» [1]) убѣдиться въ томъ, что художнику извѣстны всѣ существующіе матеріалы и что онъ съумѣлъ извлечь изъ нихъ все, что было возможно.

Переходя отъ выставки «передвижной» (кстати сказать, вообще, очень неудачной въ нынѣшнемъ году) къ выставкѣ академической и къ отдѣльной выставкѣ профессора К. Е. Маковскаго, мы встрѣчаемся въ области историческаго жанра съ чрезвычайно курьезнымъ фактомъ. Оказывается, что всѣ наши историческіе жанристы въ нынѣшнемъ году, какъ будто по какому-то предварительному соглашенію, рѣшились писать картины только на двѣ темы: «Смерть Іоанна Грознаго» и «Гибель семьи Годуновыхъ»! Не беремся объяснить этого факта, но—онъ на лицо, и свидѣтельствуетъ о значительной бѣдности творческой фантазіи въ средѣ нашихъ живописцевъ, а можетъ быть и о весьма существенномъ недостаткѣ въ свѣдѣніяхъ историческихъ, въ живомъ изученіи различныхъ эпохъ нашей исторіи, изобилующей дивными, неподражаемыми сюжетами для талантливой кисти. Еще страннѣе кажется намъ то, что «Смерть Іоанна Грознаго», по какой-то странной случайности, болѣе удалась нашимъ художникамъ, нежели «Гибель семьи Годуновыхъ», которая совсѣмъ не удалась ни профессору Венигу, ни художнику Шаховскому.

Въ значительной степени этой неудачѣ много способствовалъ и самый выборъ момента для картины. И г. Венигъ, и г. Шаховской — одинаково избрали «моментъ ожиданія» убійцъ семьею Годунова въ основу своихъ художественныхъ произведеній, Ѳеодоръ и Ксенія, и сама Годунова, ихъ мать—слышатъ, что убійцы идутъ къ нимъ... Убійцы идутъ, но зритель не видитъ ихъ, и можетъ угадывать ихъ приближеніе только по игрѣ физіогноміи лицъ, выставленныхъ на сцену художникомъ. Нужно ли говорить, что эта тема страшно трудна, что она по силамъ только очень большому, очень сильному таланту. Г. Рѣпинъ, вѣроятно, справился бы съ нею, если бы рѣшился за нее взяться... но ни г. Шаховской, ни г. Венигъ совсѣмъ не спра-

---

[1]) Какъ жаль, что художникъ не избралъ другой подобной же темы изъ болѣе близкой эпохи, а именно: «Проводовъ великой княжны московской Елены Іоанновны, дочери Іоанна III, въ замужество за князя Александра Литовскаго?» Эта тема яснѣе и понятнѣе для насъ и по своей обстановкѣ, и по своему глубокому историческому смыслу.

вились. Въ картинѣ г. Шаховского есть, однако же, нѣкоторыя достоинства: обстановка, данная имъ картинѣ, болѣе вѣрна съ исторической дѣйствительностью, выказываетъ въ авторѣ нѣкоторое знаніе и желаніе изучать нашъ древне-русскій бытъ; и самое положеніе сгруппированной на первомъ планѣ семьи Годуновыхъ болѣе естественно. Особенно живо впечатлѣніе ужаса выражается въ экспрессіи лица и во всей фигурѣ несчастной Ксеніи, позеленѣвшей отъ страха и не знающей, гдѣ укрыться, гдѣ спастись отъ наступающей опасности... Гораздо менѣе удачны фигуры матери и брата Ксеніи, совершенно незначительныя, непоставленныя на высоту положенія. Въ лицѣ Ѳеодора Годунова не видимъ той рѣшимости, а въ его молодой фигурѣ того порыва и той мощи, которая дала ему возможность бороться съ четырьмя злодѣями такъ, что они одолѣли его, только прибѣгнувъ къ гнуснѣйшему изувѣченію богатыря-царевича. Относительно фигуры Ксеніи замѣтимъ, что она недостаточно красива и не оправдываетъ собою восторженныхъ отзывовъ о красотѣ Ксеніи, оставленныхъ намъ современными хронографами и засвидѣтельствованныхъ иностранцами.

Картина профессора Венига, даже при сравненіи съ картиною г. Шаховскаго, представляетъ собою скорѣе пародію на историческій жанръ, нежели серьезную обработку исторической темы. Смотришь на картину—и недоумѣваешь? Да что же это такое? Неужели такъ можно ожидать гибели—ожидать страшной мучительной смерти? Какой-то высокій, стройный юноша, написанный въ профиль, стоитъ около дверей, къ которымъ протянулъ руку, какъ бы приглашая кого-то войти въ комнату; онъ почти говоритъ: «прошу покорно, пожалуйте сюда!» За этимъ юношею, также почти въ профиль, написаны двѣ фигуры: пожилой женщины, сидящей на лавкѣ около стѣны и молодой женщины, которая стоитъ около первой на колѣняхъ, очень красиво раскинувъ по полу и даже тщательно расправя складки своего длиннаго шлейфа. Всѣ три фигуры одѣты въ подобіе какихъ-то русскихъ костюмовъ добраго стараго времени нашей александринской сцены; а все дѣйстіе картины происходитъ въ какомъ-то очень высокомъ и пустомъ покоѣ, очевидно, не имѣющемъ ничего общаго съ нашими древними царскими теремами. Единственнымъ объясненіемъ странной картины г. Венига можетъ служить развѣ только то мѣсто XI т. «Исторіи Государства Россійскаго», въ которомъ историкъ сообщаетъ, будто бы убійцы, прійдя 10-го іюня «въ домъ Борисовъ, увидѣли Ѳеодора и Ксенію сидящихъ спокойно подлѣ матери, въ ожиданіи воли Божіей; вырвали нѣжныхъ дѣтей изъ объятій царицы [1]), развели ихъ по особымъ комнатамъ» и т. д. Г. Венигъ повѣрилъ этому совершенно искусственному изложенію событія, не согласному ни съ какою историческою дѣйствительностью, не потрудился даже заглянуть въ другіе источники (говоримъ не о сыромъ матеріалѣ, а о сочиненіяхъ Соловьева и Костомарова) и написалъ свою историческую картину, свидѣтельствующую о его глубокомъ историческомъ невѣдѣніи и полной неспособности къ историческому жанру.

Переходимъ къ другой темѣ — къ «Смерти Іоанна Грознаго». Видимъ

---

[1]) См. «Ист. Гос. Рос.» XI, 118. Чрезвычайно любопытно то, что самъ Карамзинъ въ этомъ манерномъ описаніи гибели Годуновыхъ совершенно противорѣчитъ своему же примѣчанію 347, въ которомъ, на основаніи источниковъ, рисуетъ намъ весь ужасъ такъ нѣжно-описаннаго событія!

передъ собою эту тему въ обработкѣ двоихъ художниковъ; одного—пользующагося громкою и заслуженною извѣстностью, обладающаго нѣжною, гибкою, превосходною кистью, и другого—кажется еще впервые выступающаго съ своею картиною на поприще историческаго жанра. Скажемъ сначала о томъ и о другомъ все, что можно извлечь изъ впечатлѣнія отъ перваго знакомства съ ихъ картинами, а затѣмъ уже перейдемъ къ сравненію обѣихъ картинъ въ ихъ отношеніи къ исторической правдѣ.

Въ картинѣ профессора К. Е. Маковскаго, изображающей «смерть Іоанна Грознаго», какъ и во всѣхъ остальныхъ картинахъ того же художника, зрителю прежде всего бросаются въ глаза прекрасно писанные аксесуары и обстановка и красивыя женскія фигуры въ диковинныхъ кокошникахъ, а затѣмъ уже выступаетъ, какъ бы на второмъ планѣ, сюжетъ исторической картины. Моментъ, выбранный художникомъ, очень удобенъ, по замыслу,—очень драматиченъ... Іоаннъ, очевидно, или уже умеръ, или—на волосокъ отъ смерти; онъ уже не вернется болѣе къ жизни; но всѣ окружающіе царя еще боятся этому повѣрить... Съ сомнѣніемъ смотритъ на него Годуновъ, съ недовѣріемъ Бѣльскій; съ застывшей шуткой и полуулыбкой на устахъ, искоса поглядываетъ на царя его шутъ, между тѣмъ какъ медикъ старается пустить умирающему кровь изъ руки. На этомъ, собственно говоря и можно было закончить, завершить всю драму художественнаго замысла, и выполненія его было бы достаточно даже и для самой сильной кисти. Но этого замысла показалось недостаточно для К. Е. Маковскаго, который никакъ не можетъ себѣ представить исторической картины безъ женщинъ и при томъ непремѣнно красивыхъ! Женщинъ, по мнѣнію К. Е. Маковскаго, необходимо «для игры и разнообразія» внести во всякую картину, даже и въ тѣхъ случаяхъ, если женщины,—по историческимъ указаніямъ—не могли принимать участія въ томъ или другомъ историческомъ моментѣ; даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда о нихъ упорно и сознательно молчатъ историческіе источники. Вотъ для этой-то «игры и разнообразія», для красиваго пятна, внесены въ картину Маковскимъ двѣ красивыхъ женщины, а для усиленія «игры и разнообразія» добавлена третья женщина—старуха, мамка Іоанна Грознаго, которая издали, ощупью бредетъ къ его постели. Но откуда же взялъ женщинъ г. Маковскій для помѣщенія ихъ около умирающаго Грознаго? Древнерусская дѣйствительность не давала ему на это ни малѣйшаго повода, ни малѣйшей возможности! Такъ что же? А воображеніе? Для чего же оно дано художнику? Неужели онъ долженъ вполнѣ отлагать въ сторону эту Богомъ данную способность, когда ему приходится имѣть дѣло съ обработкой историческаго сюжета? Ничуть не бывало! И вотъ г. Маковскій «вообразилъ» себѣ двухъ женщинъ около одра умирающаго царя: жену царевича Ѳеодора и седьмую жену царя, царицу Марью Ѳеодоровну (изъ рода Нагихъ), мать царевича Дмитрія. Мы говоримъ именно вообразилъ, потому что, въ дѣйствительности, эти женщины, въ минуту смерти царя, должны были находиться на другомъ концѣ дворца, за десятью флигелями и переходами, каждая на своей женской половинѣ. Присутствіе женщинъ было бы еще хоть сколько-нибудь объяснимо въ томъ случаѣ, если бы художникъ избралъ иной моментъ—моментъ той суматохи и безцѣльнаго метанья изъ стороны въ сторону, который наступаетъ послѣ смерти всякаго человѣка среди его домашнихъ, а потому, слѣдовательно, могъ наступить и послѣ смерти царя Іоанна Грознаго. Тогда еще можно было бы допустить присутствіе женщинъ на

мгновеніе у одра почившаго царя; но тогда должна была бы явиться несомнѣнно и масса другихъ лицъ—бояръ, духовенства, придворныхъ и т. д., потому что русскіе цари въ XVI и XVII вѣкѣ умирали не иначе, какъ принявъ схиму; а этотъ обрядъ, какъ извѣстно былъ совершенъ и надъ Іоанномъ (нареченнымъ въ монашествѣ Іоною). Но допустить присутствіе молодой жены и молодой снохи [1]) у изголовья Іоанна еще не умершаго, еще не испустившаго духъ! Допустить, чтобы онѣ обѣ могли около него ломать руки и вопить ранѣе того срока, когда этого потребовалъ бы строгій придворный этикетъ и народный обычай... Допустить, наконецъ, чтобы все это дозволили такіе опытные царедворцы и умные люди, какъ Годуновъ и Бѣльскій—для этого надо обладать необычайною силою воображенія, необычайною творческою фантазіею, и въ такихъ именно размѣрахъ, какіе едва ли пригодны для выполненія строго-опредѣленныхъ задачъ историческаго жанра.

Переходя отъ этой крупной исторической невѣрности въ картинѣ г. Маковскаго къ другимъ подробностямъ ея, отмѣтимъ и еще кое-какія мелочи, которыя невольно бросаются въ глаза каждому человѣку, знакомому съ древне-русскимъ царскимъ бытомъ. Мы понимаемъ, почему художникъ посадилъ Іоанна въ кресло, а не на постели, какъ объ этомъ расказываетъ современникъ и почти-очевидецъ смерти Іоанна; но мы не понимаемъ, какъ могъ такой опытный въ историческомъ жанрѣ художникъ, какъ К. Е. Маковскій, допустить, чтобы Бѣльскій, призванный играть въ шахматы съ царемъ, могъ играть съ нимъ сидя? Это противно всѣмъ древне-русскимъ понятіямъ о царскомъ величіи, и всѣмъ обычаямъ придворнаго этикета, благодаря которому самою обычною болѣзнью бояръ, была болѣзнь въ ногахъ, «обычная боярская болѣзнь», по замѣчанію Ис-Массы. Въ заключеніе скажемъ еще два слова о кровати царской, около которой происходитъ вся сцена. Эта кровать, съ ея тяжелыми парчевыми завѣсами, болѣе походитъ на современный балдахинъ надъ богатыми погребальными дрогами, нежели на царское ложе. Намъ сохранилось много описаній различныхъ кроватей изъ царскихъ покоевъ; сохранилось и подробное описаніе кровати князя В. В. Голицына [2])— подробное до мелочей и въ описаніи орнаментики, и въ оцѣнкѣ работы. Отчего же художникъ не воспользовался этими описаніями? Для чего придумывалъ онъ свой какой-то новый типъ царской кровати?

Нужно ли добавлять къ нашей строгой критикѣ историческихъ сторонъ картины г. Маковскаго, что вся остальная бытовая обстановка въ ней—превосходна. Особенно хороши матеріи, золото, драгоцѣнные камни; хорошъ весь тонъ той царской палаты, въ которой происходитъ дѣйствіе картины; поразительна по своей правдивости «опрометная» крашеная скамья позади Годунова. Но все это такія достоинства художника, которыя давно уже извѣстны намъ и по другимъ картинамъ г. Маковскаго; а намъ бы хотѣлось, сверхъ этихъ достоинствъ, чисто-внѣшнихъ, достоинствъ исполненія картины, видѣть въ картинахъ стараго и опытнаго мастера болѣе важныя достоинства: стро-

---

[1]) Присутствіе послѣдней въ комнатѣ больного царя представляется намъ въ особенности невозможнымъ послѣ того скабрезнаго происшествія съ ней, о которомъ расказываетъ намъ Одерборъ и Петрей, и которое не могло быть неизвѣстно г. Маковскому.

[2]) Эта кровать была выполнена по заказу Софіи Алексѣевны въ мастерской палатѣ и затѣмъ отъ московскихъ великихъ государей поднесена Голицыну. (См. Доп. къ Акт. Ист., ст. 317—319, въ XII т.).

гое изученіе исторической эпохи, строгое изученіе источниковъ... И новая картина г. Маковскаго еще разъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что онъ не гоняется въ своихъ историческихъ картинахъ за историческою правдою: онъ заботится только о красотѣ художественной, о красивыхъ пятнахъ, которыя иногда мудрено бываетъ согласить съ некрасивою дѣйствительностью и съ суровою жизненною правдою.

Тотъ же сюжетъ, «Смерть Іоанна Грознаго», избранный въ нынѣшнемъ году программою на 1-ую золотую медаль, былъ обработанъ молодымъ художникомъ, А. Л. Майманомъ (№ 230 на Академической выставкѣ). Художникъ задался задачею болѣе опредѣленною и менѣе широкою, нежели г. Маковскій. На его картинѣ Іоаннъ кончается, отходитъ... Около него еще суетятся и хлопочутъ врачи, но больше для очищенія совѣсти, больше для того, чтобы сказать, что они «все возможное сдѣлали». Но въ то время, какъ они заботятся о тѣлѣ, другія, духовныя власти уже приняли на себя тяжкую заботу о душѣ умирающаго царя:—митрополитъ подноситъ ему схиму, между тѣмъ какъ ближайшія къ нему лица его клира, возглашая «тихіе гласы», заглядываютъ съ тревогою и любопытствомъ на Грознаго, который даже и на порогѣ смерти еще не успѣлъ утратить своего страшнаго обаянія. Придворные, со свѣчами въ рукахъ, присутствуютъ при «посхимленіи» Іоанна, въ глубокомъ раздумьи о суетѣ мірской; только Борисъ Годуновъ не поддался общему настроенію и все еще волнуется сомнѣніями, вперяя взоръ въ мертвенно блѣдное лицо того, кто черезъ мгновеніе уже готовится перейти въ вѣчность... Эта тревожная фигура Годунова—самая неудачная во всей картинѣ г. Маймана; неудачная не только по замыслу, но и по отношенію къ типу Бориса, который очень хорошо извѣстенъ намъ изъ различныхъ описаній, вполнѣ достовѣрныхъ. К. Е. Маковскій лучше угадалъ типъ Бориса и правдивѣе его передалъ. Въ пользу будущихъ историческихъ картинъ г. Маймана, говоритъ, въ значительной степени, то, что онъ съумѣлъ придать много простоты своей исторической картинѣ и въ этой простотѣ, неотвлекающей зрителя въ сторону отъ главной задачи мишурнымъ блескомъ деталей, одежды и утвари — заключаются существенные задатки исторической правды. Пожелаемъ молодому художнику, чтобы онъ и далѣе шелъ тѣмъ же путемъ возсозданія исторической дѣйствительности, подрѣзая крылья размашистаго воображенія и относясь серьезно къ изученію историческихъ свидѣтельствъ. Реро.

ли былъ ради себя самого, и ради моего сына — отклонить угрожавшую намъ опасность?

— Вы поступили неразумно,—возразилъ Тидеманъ, — вамъ бы слѣдовало сначала вынудить обманщика къ тому, чтобы онъ представилъ сюда свидѣтелей, и показанія этихъ свидѣтелей вамъ слѣдовало бы выслушать лично.

— Да вѣдь они же находились въ плѣну,—продолжалъ утверждать Стеенъ.

— А если въ плѣну, то какъ же онъ-то доставилъ бы ихъ на судъ въ Любекъ!—съ досадою сказалъ Тидеманъ.

— Городской совѣтъ, пожалуй, и выплатилъ бы за нихъ выкупъ!.. Къ тому же, мы тогда еще не были въ открытой враждѣ съ Даніей. Плѣнники могли быть тогда и въ плѣну допрошены подъ присягою.

— Да! воображаю какою цѣною куплено было вами молчаніе этого Торсена!—сказалъ, немного спустя, Тидеманъ.

— Очень и очень дорогою!—подтвердилъ Стеенъ, снова впадая въ тревожное состояніе.—Жертва, принесенная мною тогда, отзывается еще и до сегодня, и возбуждаетъ во мнѣ самыя тягостныя опасенія!.. Тидеманъ!—добавилъ онъ порывисто, понижая голосъ и судорожно хватая своего гостя за руку,—вы называете себя моимъ другомъ, и теперь, именно теперь, вамъ представляется случай мнѣ это доказать, потому что... я стою на краю ужасной пропасти!

И онъ въ тревожномъ ожиданіи смотрѣлъ на своего гостя, который принялъ очень равнодушный видъ.

— Вы должны все узнать,—продолжалъ Госвинъ Стеенъ боязливо,—и онъ разсказалъ ему о всѣхъ тѣхъ пожертвованіяхъ и убыткахъ, какіе въ теченіе послѣднихъ лѣтъ выпадали на его долю.

— Каждый источникъ иссякаетъ,—заключилъ онъ, наконецъ, со вздохомъ,—когда прекращается притокъ извнѣ. Я твердо былъ увѣренъ въ томъ, что Торсенъ сдержитъ свое слово и возвратитъ мнѣ мою ссуду въ опредѣленный срокъ. Онъ этого не сдѣлалъ — ясно, что онъ мошенникъ!

— Такъ обжалуйте его,—лаконически замѣтилъ Тидеманъ.

— И этого не могу сдѣлать,—проговорилъ окончательно растерявшійся Госвинъ Стеенъ. — Долговое обязательство его, занесенное въ книгу городского совѣта, какимъ-то, совершенно необъяснимымъ образомъ—исчезло изъ книги, а свидѣтелей моихъ я не имѣю возможности представить въ судъ.

— Это и очень странно, и очень дурно, — сказалъ Тидеманъ, пожимая плечами, и строгимъ тономъ,— при сѣдинахъ, слѣдовало бы дѣйствовать разумнѣе и не довѣряться слѣпо каждому встрѣчному негодяю!

— Да развѣ же я не все сдѣлалъ для обезпеченія себя! — жалобно проговорилъ Стеенъ, снова хватая Тидемана за руку. — Вы

видѣли меня сегодня спокойнымъ и въ хорошемъ расположеніи духа—но это была только личина, которую я на себя надѣлъ. Въ моемъ сердцѣ—отчаянье, которое мнѣ ни днемъ, ни ночью не даетъ покоя. Все ближе и ближе подхожу я къ зіяющей пропасти, и недалекъ тотъ часъ, когда старая фирма моя будетъ опозорена, потому что ея нынѣшній владѣлецъ не въ состояніи будетъ выполнить свои обязательства. Другъ Тидеманъ, вы—единственный человѣкъ, которому я рѣшился довѣрить эту страшную тайну. Сжальтесь же и спасите меня! Вѣдь вы человѣкъ богатый,—продолжалъ Стеенъ, послѣ нѣкотораго молчанія, въ теченіе котораго онъ напрасно ожидалъ отвѣта отъ своего гостя,—какія-нибудь сто тысячъ марокъ еще не раззорятъ вашу кассу, а мнѣ они помогутъ выйти изъ моего положенія. Вамъ извѣстны мои коммерческія способности и мое рвеніе къ дѣлу—достаточно будетъ нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы опять возстановить все значеніе моей фирмы!

— Такъ-то такъ, — холодно отвѣчалъ Тидеманъ,—возстановить значеніе фирмы не трудно, но старый хозяинъ ея близится къ краю гроба, и не сегодня—завтра можетъ умереть. Кто же тогда принялъ бы на себя уплату данныхъ мною денегъ?

— Я чувствую себя еще сильнымъ,—отвѣчалъ Стеенъ, быстро выпрямляясь,—и думаю еще не скоро умереть.

— Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, — спокойно отвѣчалъ гость. — Или вы думаете, что я настолько же легкомысленъ, какъ и вы? Да при томъ же, мое богатство вѣдь не мнѣ одному принадлежитъ, а также и моимъ дѣтямъ. Это было бы съ моей стороны преступленіемъ—отнимать у нихъ часть ихъ наслѣдства; а потому, первымъ условіемъ моего согласія на ссуду должно быть прочное обезпеченіе. Нѣсколько иначе обернулось бы дѣло, если бы вашъ сынъ былъ соучастникомъ вашей фирмы. Тогда, въ случаѣ вашей смерти, я могъ бы на него понадѣяться. При томъ же въ сынѣ и его молодости уже заключается нѣкотораго рода ручательство, которое мнѣ не можетъ представлять вашъ преклонный возрастъ.

— О, вы жестоки! ужасно жестоки!—простоналъ Стеенъ.

— Я только остороженъ, какъ и слѣдуетъ быть при моихъ сѣдинахъ. Помиритесь съ вашимъ Реймаромъ. Вызовите его изъ чужбины, и тогда мы съ вами можемъ подробнѣе поговорить объ этомъ дѣлѣ.

— Этого я не могу — это не въ силахъ моихъ! — съ упрямою горячностью воскликнулъ Стеенъ.—Это походило бы на извиненіе; а какому же отцу пристойно извиняться передъ сыномъ.

— Всѣ мы люди, и всѣ—способны заблуждаться, — возразилъ Тидеманъ.—Можетъ и отецъ впасть въ ошибку, и если этотъ отецъ свою ошибку сознаетъ, и вызоветъ съ чужбины своего несправедливо-отвергнутаго сына, то повѣрьте, и Богъ и ангелы возликуютъ въ небесахъ. Опомнитесь, Госвинъ Стеенъ, вѣдь есть еще время!

— Нѣтъ, нѣтъ, не могу — не смѣю! — вскричалъ Стеенъ, съ ужаснымъ выраженіемъ лица.

— Ну, такъ и Богъ съ вами!—холодно произнесъ Тидеманъ:— въ такомъ случаѣ, пусть сама судьба сломитъ вашу непомѣрную гордыню. Прощайте!

И онъ удалился медленными шагами.

Съ невыразимымъ отчаяніемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ Госвинъ Стеенъ, и смотрѣлъ до тѣхъ поръ, пока не захлопнулась за нимъ входная дверь,—тогда онъ въ изнеможеніи опустился на стулъ...

XXV.

Расчеты сердца.

Городъ Визби, на островѣ Готландѣ, долгое время служившій главнымъ передаточнымъ пунктомъ торговли между русско-азіатскимъ Востокомъ и европейскимъ Западомъ, одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ ганзейской торговли на Балтійскомъ морѣ, уже очень рано разбогатѣлъ и пріобрѣлъ весьма важное значеніе. Богатство города отразилось на внѣшней его физіономіи, и тѣсныя, извилистыя улицы Визби застроились уже въ концѣ XIII вѣка прекрасными домами, а восемьнадцать церквей, воздвигнутыхъ во славу Божію различными національностями, стекавшимися въ городѣ Визби, не уступали въ красотѣ постройки и въ благолѣпіи внутренняго убранства храмамъ, воздвигнутымъ въ другихъ важнѣйшихъ ганзейскихъ центрахъ.

Первый ударъ благосостоянія Визби былъ нанесенъ хищническимъ набѣгомъ аттердага; позднѣе, въ теченіе четырехъ послѣдующихъ вѣковъ городъ много потерпѣлъ отъ разныхъ невзгодъ и разрушеній. Но самымъ страшнымъ ударомъ торговому значенію города было, конечно, открытіе морского пути въ Индію, совершенно измѣнившее направленіе всѣхъ путей европейской торговли.

Но въ то время, которое мы описываемъ, городъ Визби былъ еще далекъ отъ упадка, и дворцы мѣстныхъ купцовъ еще гордо возвышались въ тѣсныхъ улицахъ, которыя были нѣсколько мрачны отъ этихъ высокихъ домовъ. Жители Визби уже успѣли нѣсколько оправиться отъ датскаго набѣга, потому что ихъ богатства дѣйствительно напоминали неистощимый рогъ изобилія, который, не смотря ни на какія удары и потрясенія, постоянно продолжалъ пополняться.

Въ улицѣ, которая вела къ гавани, только-что отстроилось новое роскошное зданіе, такое громадное и прочное, какъ будто оно было построено на вѣкъ. Въ немъ помѣщалось множество обширныхъ магазиновъ, наполненныхъ драгоцѣннѣйшими товарами, при-

везенными изъ Руси и съ далекаго Востока. Изъ-за толстыхъ рѣшетокъ въ окнахъ нижняго этажа видно было множество работавшихъ тамъ писцовъ, приказчиковъ и мальчиковъ, между тѣмъ, какъ въ обширныхъ складахъ и во дворѣ крючники были заняты нагрузкою и выгрузкою возовъ съ товаромъ, и то вносили въ магазины, то выносили изъ нихъ громадные тюки.

Подъ начертанною около дверей торговою маркою фирмы было изсѣчено въ камнѣ имя ея владѣльца и представителя: «I. Л. Тидеманъ фонъ Лимбергъ». Однако же ни онъ самъ, ни его сыновья не завѣдывали этою побочною отраслью его обширнаго торговаго дѣла; управленіе ею, главнымъ образомъ, лежало на отвѣтственности Реймара Стеена. Старый хозяинъ лишь изрѣдка наѣзжалъ въ Визби, чтобы ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, и каждый разъ только пожималъ руку своему довѣренному и выражалъ ему свою признательность.

Какъ разъ наканунѣ того дня, о которомъ теперь идетъ рѣчь, Тидеманъ опять прибылъ въ Визби, и прибылъ не одинъ, а съ дочкой своей Росвинтой, которая хотѣла ближе ознакомиться съ недавно-основаннымъ новымъ отдѣленіемъ торговой фирмы отца. Это желаніе было не простымъ любопытствомъ, а слѣдствіемъ того, что Росвинта дѣйствительно интересовалась торговлею, и у себя дома сама управляла маленькою конторою, съ особымъ штатомъ приказчиковъ и мальчиковъ, которые исполняли городскія порученія. А потому ничего не было удивительнаго въ желаніи дочери Тидемана ознакомиться съ новою конторою въ Визби. Но отецъ ея былъ человѣкъ весьма проницательный, и хотя не показывалъ виду, однако же очень хорошо зналъ, что Росвинту привлекаетъ въ Визби совсѣмъ иной магнитъ.

Росвинта много разъ видѣла Реймара въ домѣ отца своего, знала, что ему отецъ обязанъ спасеніемъ жизни, и хотя она никогда этого не высказывала, однако же отъ вниманія стараго Тидемана не ускользнуло то, что этотъ прекрасный юноша пришелся ей очень пò-сердцу. Послѣ его отъѣзда въ Визби, она не заговаривала о немъ, и только однажды сказала: «Онъ—хорошій человѣкъ; и добродушіе, и мужество такъ и свѣтятся у него въ глазахъ»! Этихъ немногихъ словъ было достаточно для отца, которому хорошо была извѣстна искренность Росвинты въ проявленіяхъ чувства. Отчасти, это глубокое и теплое пониманіе чувствъ дочери происходило и отъ того, что онъ всегда относился къ ней, какъ другъ, и, рано овдовѣвъ, перенесъ на нее всю любовь, которую питалъ къ ея матери. Чѣмъ болѣе подростала его дочь, тѣмъ болѣе онъ ее любилъ,—тѣмъ искреннѣе и тѣснѣе становились ихъ отношенія. Не даромъ называлъ онъ дочь «своимъ драгоцѣннымъ алмазомъ»—и онъ былъ правъ, потому что Росвинта, при всѣхъ своихъ внутреннихъ качествахъ, и по внѣшности была прекрасна. И не

смотря на то, что въ чертахъ ея лица вовсе не было классической правильности, въ ея темныхъ глазахъ столько свѣтилось ума и душевной красоты, что ужъ разъ увидавши ее, не было возможности забыть эти чудные глаза. То же случилось и съ Реймаромъ, который, поживъ нѣкоторое время въ домѣ Тидемана и уѣзжая оттуда, съ особеннымъ чувствомъ цѣловалъ руки Росвинты, которая... никогда не забывала вспомнить о Реймарѣ во время своей вечерней молитвы.

И вотъ — Тидеманъ съ дочерью пріѣхалъ въ Визби. Реймаръ, по долгу службы, представилъ ему полный отчетъ о состояніи дѣлъ, и затѣмъ друзья сошлись за веселымъ обѣдомъ въ одной изъ комнатъ верхняго этажа, убранной чрезвычайно роскошно.

Тидеманъ выждалъ того момента, когда первые кубки вина внесли нѣсколько веселья въ настроеніе Реймара, и только тогда рѣшился сообщить ему, что былъ въ Любекѣ. Зная благородное сердце Реймара, онъ не упомянулъ ни единымъ словомъ о дурномъ положеніи, въ которомъ находится Госвинъ Стеенъ, и обратилъ вниманіе молодого человѣка на клеветы Кнута Торсена.

— Вы напоминаете мнѣ о моей прежней обязанности, — отвѣчалъ Реймаръ, тотчасъ придавшій серьезное выраженіе лицу своему,—а я, признаюсь, и позабылъ о ней въ заботахъ о моемъ новомъ дѣлѣ. А между тѣмъ, я только тогда могу вполнѣ успокоиться, когда я сорву личину съ этого обманщика и потребую удовлетворенія отъ этого похитителя моей чести.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало?—отвѣчалъ ему Тидеманъ.

— У Торсена нѣтъ теперь въ Визби никакихъ торговыхъ дѣлъ,—сказалъ Реймаръ.—Вѣроятно, онъ узналъ о моемъ пребываніи здѣсь и уже болѣе не возвращался сюда, а перевелъ всѣ свои дѣла въ Копенгагенъ.

Тидеманъ нѣсколько подумалъ, а затѣмъ сказалъ:

— Это дѣло нужно уладить; необходимо дать вашему отцу несомнѣнныя доказательства вашей невиновности. А потому, лучше всего будетъ, если вы съѣздите въ Копенгагенъ.

— Да, конечно; но вѣдь здѣшнее наше дѣло нуждается въ моемъ присутствіи.

— Будьте спокойны, — съ усмѣшкой сказалъ старый купецъ, указывая на Росвинту,—здѣсь у насъ будетъ такая замѣстительница, какой мы лучше и желать не можемъ.

— Ну, ты ужъ преувеличиваешь мой небольшой талантъ,— сказала Росвинта отцу, краснѣя.—Я не желала бы заслужить порицанія со стороны г. Стеена.

— Какъ вы думаете,—сказалъ Тидеманъ, съ шутливой серьезностью,—справедливы ли ея опасенія?

— Мнѣ сдается, напротивъ, что ваша дочь все можетъ выполнить, за чтобы она ни принялась—и если бы мнѣ теперь сказали,

что она пишетъ большую картину, то я былъ бы заранѣе увѣренъ въ томъ, что эта картина будетъ замѣчательнымъ произведеніемъ искусства.

— Скажите пожалуйста! Вы такъ ловко расписываете, что я готовъ предположить даже — не служили ли вы гдѣ-нибудь при дворѣ, пажемъ у какого-нибудь принца!

— Я говорю то, что у меня на сердцѣ, — отвѣчалъ Тидеману Реймаръ, вперивъ взоры въ Росвинту.—И такъ, пользуясь вашимъ разрѣшеніемъ, я съ первымъ же отходящемъ кораблемъ отправлюсь въ Копенгагенъ, хотя теперь я гораздо охотнѣе остался бы здѣсь.

— Это почему?—спросилъ Тидеманъ.

— Потому что присутствіе вашей дочери украшаетъ жизнь въ этомъ домѣ.

— Поетъ, какъ миннезэнгеръ,—замѣтилъ Тидеманъ, отъ души смѣясь и забавляясь смущеніемъ дочери. — Но я могу васъ утѣшить: поѣзжайте съ Богомъ! Дочь моя и по возвращеніи вашемъ еще останется здѣсь.

Лучъ радости промелькнулъ на лицѣ Реймара.

— Какъ я долженъ себѣ это истолковать?—спросилъ онъ.

— А очень просто: главную часть моихъ дѣлъ я передалъ сыновьямъ своимъ въ завѣдыванье, и хочу оставить въ своемъ распоряженіи только здѣшнее дѣло.

— Такъ, значитъ, вы здѣсь и поселитесь?—спросилъ Реймаръ съ возрастающею радостью.

— Несомнѣнно. По крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока это будетъ возможно по политическимъ условіямъ. А развѣ это васъ радуетъ?

— Не только радуетъ, а это такое для меня счастье...

— Ну да, да! я всегда предполагалъ, что вы бы не прочь пожить со мною... Ну, вотъ и поживемъ. Такъ вы точно этому рады?

— Очень радъ, второй отецъ мой!

— Собственно говоря, тебѣ бы тутъ вовсе и быть не слѣдовало, Росвинта! — шутя обратился къ дочери Тидеманъ. — Ты развѣ не слышишь, что для его счастья и меня одного довольно.

— Отецъ сегодня въ расположеніи всѣхъ дразнить, — сказала молодая дѣвушка, обращаясь Реймару. — Я полагаю, отецъ, что г. Стеенъ и со мною не прочь будетъ повстрѣчаться отъ времени до времени.

— Только отъ времени до времени? — повторилъ Тидеманъ, съ оттѣнкомъ нѣкотораго сомнѣнія.—А можетъ быть не чаще ли? Вѣдь ты же, Росвинта, вѣроятно, обратишь особенное вниманіе на это новое дѣло, и частенько станешь заглядывать въ контору...

— Ежедневно!—быстро отозвалась Росвинта.

— Неугодно ли послушать! — со смѣхомъ замѣтилъ купецъ. —

Смотрите, Реймаръ, берегитесь, какъ бы еще она васъ не оттѣснила отъ занимаемой вами должности...

— Отъ подобной случайности ты смѣло можешь обезпечить г. Стеена, заключивъ съ нимъ, пожалуй, хоть пожизненный контрактъ.

— Ну, а если я умру.

— Объ этомъ нечего намъ теперь и говорить! — нѣжно замѣтила Росвинта, ласкаясь къ отцу.

— Но все же: вѣдь когда-нибудь это должно же случиться!

— Тогда я поступлю согласно твоей волѣ и оставлю контрактъ съ г. Стееномъ въ полной силѣ.

— Такъ-таки на всю жизнь?..—продолжалъ посмѣиваться Тидеманъ и поднялся изъ-за стола въ самомъ пріятномъ настроеніи духа.

XXVI.

Вордингборгская башня.

На слѣдующій день Реймаръ отправился въ Копенгагенъ.

Онъ очень не охотно уѣзжалъ изъ Визби, и, погруженный въ свои думы, онъ еще долго не могъ оторвать взоровъ отъ исчезавшаго въ отдаленіи города и острова. Вотъ наконецъ городъ, со всѣми своими башнями и остроконечными шпилями церквей скрылся изъ виду за выступомъ высокаго берега; вотъ виднѣлся уже только одинъ скалистый мысъ—крайняя оконечность острова Готланда — угрюмый утесъ надъ которымъ плавали въ воздухѣ коршуны и соколы. Наконецъ, и онъ погрузился въ волны, ярко окрашенныя послѣдними лучами заката.

Молодой человѣкъ увозилъ съ собою изъ Визби чудные образы и свѣтлыя грезы, и они до такой степени наполняли его воображеніе, въ теченіе всего шестидневнаго плаванія, что только уже подъѣзжая къ Копенгагену, онъ снова сталъ думать о цѣли своего путешествія.

Общій видъ датской столицы, плохо отстроенной, не украшенной ни роскошными храмами, ни причудливыми башенками городскихъ зданій, произвелъ на пылкаго Реймара самое охлаждающее впечатлѣніе. По сравненію съ Любекомъ и Визби, дома и улицы Копенгагена казались совершенно ничтожными, незаслуживающими никакого вниманія, не смотря на то, что городъ былъ завѣдомо богатъ. Товару и запасовъ всякаго рода скоплялось въ немъ великое множество и достатокъ смотрѣлъ, такъ сказать, изо всѣхъ угловъ; но нигдѣ не выказывалось ни малѣйшаго знакомства съ искусствами, ни малѣйшаго чувства красоты и стремленія къ изящному.

Какъ разъ у самой гавани возвышалось мрачное зданіе—башня Вордингборгская, на шпилѣ которой былъ вздѣтъ флюгеръ, въ видѣ огромнаго гуся. Реймаръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на этотъ странный флюгеръ: сколько ему помнилось, онъ его не замѣтилъ, при послѣднемъ посѣщеніи Копенгагена.

— Не правда ли, г. Стеенъ,—вдругъ сказалъ кто-то за его спиною,—это всѣмъ намъ на-смѣхъ поставлено?

Съ удивленіемъ обернулся Реймаръ къ говорившему:

— Да развѣ вы меня знаете?—спросилъ онъ.

— Полагаю, — отвѣчалъ тотъ. — Вѣдь вы не разъ изволили бывать въ Шопенѣ во время сельдяного лова. Или вы меня забыли—берегового сторожа Шрёдера, шурина бѣднаго Ганнеке?

— А, вотъ оно что!—воскликнулъ Реймаръ,—теперь признаю васъ. Какимъ образомъ вы здѣсь?

— Да вотъ, — печально отвѣчалъ Шрёдеръ,—все больше изъ-за сестры. Марика думаетъ, что ея Ганнеке все же можно будетъ какимъ-нибудь образомъ освободить изъ плѣна, и потому, отъ времени до времени, она меня сюда и посылаетъ. Я ей въ этомъ не могу отказать, чтобы хоть какъ-нибудь утѣшить несчастную; да и отлучаться мнѣ съ Шонена теперь не трудно, потому, во-первыхъ, что и дѣлать тамъ нечего, а во-вторыхъ и потому еще, что Марика тамъ теперь не одна — при ней и сынъ ея, Янъ, находится.

— Какъ? Янъ? — повторилъ Реймаръ. — Да развѣ же онъ уже не въ Любекѣ, не при конторѣ моего отца?

Шрёдеръ покачалъ головою и сообщилъ Реймару, въ краткихъ словахъ, обо всемъ случившемся.

— Все, что вы мнѣ сообщаете—для меня сущая загадка,—сказалъ Реймаръ, удивленно пожимая плечами.—Но за разъясненіемъ дѣло не станетъ. Если бы только оказалась какая-нибудь возможность возвратить Ганнеке его семейству! Неужели же ничего нельзя сдѣлать для спасенія его?

— Крѣпка эта башня, — сказалъ со вздохомъ Шрёдеръ. — Извольте-ка на нее посмотрѣть! Какова вамъ кажется?

— И въ этой-то мрачной тюрьмѣ томятся наши плѣнные земляки?—съ ужасомъ воскликнулъ Реймаръ.

— Въ этой самой,—подтвердилъ Шрёдеръ.—Они тамъ еле перебиваются, въ страшной нуждѣ, а король аттердагъ, въ насмѣшку надъ ганзейцами, велѣлъ еще вздѣть на флюгеръ башни этого гуся [1]).

Реймаръ гнѣвно топнулъ ногою.

— Настанетъ время, — пробормоталъ онъ,—когда ганзейцы съумѣютъ сломать спѣсь аттердога!.. Ей-Богу, я готовъ рискнуть

---

[1]) Понѣмецки: гусь (Gans) — гансъ; отсюда, отъ созвучія въ выговорѣ словъ Gans и Hansa (Ганза, Ганзейскій союзъ) и происходило то, что враги ганзейцевъ дразнили ихъ гусемъ.

своей жизнью, лишь бы освободить этихъ бѣдняковъ изъ ихъ тюрьмы.

— Э-э, сударь,—таинственно шепнулъ ему Шрёдеръ,—это теперь, пожалуй, и возможно...

Реймаръ взглянулъ на него вопросительно.

— Да говорите же!—приступилъ Реймаръ къ Шрёдеру, видя, что тотъ молчитъ.

— Здѣсь не мѣсто, — отвѣчалъ тотъ. — Днемъ тутъ толкается множество шпіоновъ, и вотъ,—добавилъ онъ торопливо,—идетъ самый страшный изъ нихъ, Нильсъ. Пойдемъ отсюда; лучше будетъ, если онъ насъ не замѣтитъ.

При этихъ словахъ, добродушный Шрёдеръ подхватилъ подъ руку Реймара, гнѣвно устремившаго взоры на Нильса, и увелъ его на берегъ, гдѣ они притаились за грудою товарныхъ тюковъ, стѣною наваленныхъ на взморьѣ.

Послѣ того, какъ они, въ этомъ укромномъ уголку, поговорили еще нѣсколько времени и окончательно условились о томъ, гдѣ именно и въ которомъ часу они должны сойтись, Реймаръ пошелъ въ городъ, и направился въ ту часть его, гдѣ находился торговый домъ Кнута Торсена.

Сильно билось сердце Реймара, когда онъ вошелъ въ контору и приказалъ о себѣ доложить. Какъ разъ въ это мгновеніе мимо него проскользнула какая-то фигура и быстро юркнула по лѣстницѣ въ темныя сѣни; но Реймаръ все же успѣлъ узнать въ этой фигурѣ ювелира Нильса.

Тотъ неласковый и недружелюбный пріемъ, который былъ оказанъ Реймару со стороны приказчиковъ Торсена, слишкомъ ясно указалъ ему, что Нильсъ недаромъ забѣжалъ въ контору прежде его. Потому, онъ и не удивился, когда ему очень грубо отвѣтили на его разспросы: «г. Торсена дома нѣтъ»!

Однако же, Реймаръ не смутился, и спросилъ очень спокойно:

— А когда же мнѣ можно будетъ переговорить съ хозяиномъ?

— А вотъ мѣсяца черезъ два! — отвѣчали ему насмѣшливо.— Теперь его нѣтъ въ городѣ. А тамъ, можетъ быть, онъ и самъ къ вамъ заглянетъ въ Любекъ, вмѣстѣ съ военнымъ флотомъ аттердага.

Этого отвѣта было достаточно для Реймара. Онъ ясно понялъ изъ него, что Кнутъ Торсенъ — дома, но, конечно, въ ближайшую ночь попытается отсюда куда-нибудь тайно убраться, чтобы избѣжать встрѣчи съ Реймаромъ. И вотъ, молодой купецъ рѣшился во чтобы то ни стало этому воспрепятствовать, потому что онъ долженъ же былъ, наконецъ, достигнуть своей цѣли. По особому уговору съ Шрёдеромъ, онъ рѣшился провести слѣдующую ночь въ гавани, и, такимъ образомъ, Торсенъ, если бы и вздумалъ бѣжать, не могъ бы миновать его рукъ.

Нѣсколько часовъ спустя, Реймаръ отправился въ тотъ бѣдный

и грязный кварталъ города, который служилъ главнымъ мѣстопребываніемъ матросовъ. Здѣсь, около покривившихся на бокъ лачугъ, пріютились и жалкія харчевни. Въ одну изъ этихъ харчевенъ вошелъ молодой купецъ, потому что зналъ, что тамъ уже ждетъ его Шрёдеръ.

— Онъ скоро прійдетъ, — шепнулъ Реймару на ухо Шрёдеръ, одиноко сидѣвшій въ углу за однимъ изъ столиковъ.

Шопотъ былъ совершенно излишней предосторожностью: въ харчевнѣ такой былъ шутъ и гамъ, что не было возможности разслышать и своихъ собственныхъ словъ.

— Такъ онъ, значитъ, финнъ?—спросилъ Реймаръ.

Шрёдеръ кивнулъ головой.

— И прехитрая бестія, — добавилъ онъ, — даромъ, что молодъ, и ему едва ли минуло двадцать лѣтъ!

— Да какъ же это могло случиться,—продолжалъ разспрашивать Реймаръ,—чтобы датчанинъ, завѣдывающій гаванью, которому въ то же время поручена и охрана этой башни, принялъ финна къ себѣ на службу?

— Торленъ Скульсонъ,—отвѣчалъ Шрёдеръ—такъ называется завѣдывающій гаванью, и надо вамъ сказать, что это величайшій скупецъ какого только можно вообразить себѣ во всей подсолнечной! Своимъ подчиненнымъ и служащимъ онъ, вообще, старается вовсе не платить жалованья. Культа—тотъ молодой финнъ, о которомъ я вамъ говорилъ—служитъ ему, дѣйствительно, безъ всякаго жалованья и довольствуется тою дурною пищей, которая выдается плѣннымъ. Скульсонъ, вслѣдствіе этого, отъ него въ восторгѣ и готовъ все сдѣлать для того, чтобы удержать его на службѣ.

— Должно быть, этотъ финнъ очень бѣденъ, — замѣтилъ Реймаръ,—коли онъ можетъ довольствоваться такимъ мѣстомъ?

— Конечно, бѣденъ, и потому все готовъ сдѣлать изъ-за золота,—отвѣчалъ Шрёдеръ.—Я совершенно увѣренъ въ томъ, что онъ согласится на нашъ планъ. Да вотъ онъ, кстати, и самъ сюда идетъ,—добавилъ говорившій, указывая на входную дверь, на порогѣ которой появился черноволосый молодой парень, очень невзрачный на видъ.

— Смотрите, поосторожнѣе подходите къ дѣлу,—шепнулъ Реймаръ Шрёдеру, уже подзывавшему къ себѣ финна.

Молодой купецъ не безъ удивленія посмотрѣлъ на Культу, такъ какъ черты его лица показались ему необыкновенно знакомыми. Онъ приказалъ подать финну кружку меду, за которую тотъ, конечно, сейчасъ же и принялся.

— Это штука хорошая!—проговорилъ Культа, опорожняя кружку и облизываясь, и въ то же время съ признательностью поглядывая на угостившаго.—Тутъ не каждый день приходится этакую диковинку видѣть.

— Еще бы, у такого скряги, какъ твой хозяинъ! — сказалъ, смѣясь, Шрёдеръ; а затѣмъ указывая на Реймара, добавилъ:—Вотъ этотъ баринъ—совсѣмъ не такой; онъ и золота для тебя не пожалѣетъ, если ты съумѣешь ему угодить.

Глаза молодого финна заблистали, когда онъ услышалъ о золотѣ.

— Скажите мнѣ, что я долженъ сдѣлать, добрый господинъ, и я съ удовольствіемъ все выполню,—сказалъ финнъ, обращаясь къ Реймару.

— Кто знаетъ, еще захочешь ли сдѣлать? — осторожно намекнулъ ему Реймаръ. — Изъ-за услуги, оказанной мнѣ, ты можешь, пожалуй, лишиться мѣста!

— Это было бы не ладно,—отвѣчалъ Культа, проводя рукою по своимъ густымъ чернымъ волосамъ.

— Эхъ, ты! — сказалъ Шрёдеръ, — да вѣдь такое-то дрянное мѣстишко тебѣ не трудно будетъ и опять найти.

— Только не въ здѣшней гавани, — отозвался финнъ, — а я именно здѣсь-то и долженъ остаться.

— Почему?

— Этого я не могу сказать. Довольно вамъ и то знать, что это я по примѣру отца поступаю.

— А отецъ-то у тебя живъ?—быстро спросилъ его Реймаръ.

— Живъ,—подвердилъ Культа,—живъ!—благодареніе богамъ! А чуть-чуть было не отправился на тотъ свѣтъ...

— Небось все черезъ датчанъ же?—спросилъ Реймаръ.

— А вы почемъ знаете?—съ удивленіемъ отозвался Культа.

— Я такъ предполагаю,—смѣясь, замѣтилъ Реймаръ.—Не правда ли, вѣдь Нильсъ былъ ему вѣрнымъ другомъ?

— Другомъ?—злобно проговорилъ финнъ.—Негодяемъ, предателемъ —хотите вы сказать!

И, помолчавъ немного, дрожащимъ голосомъ добавилъ:

— Добрый господинъ, скажите, знакомы вы съ моимъ отцомъ?

Реймаръ шепнулъ ему на ухо:

— Конечно, если только его зовутъ Петеръ Скитте?

Культа чуть не вскрикнулъ отъ изумленія.

— Такъ вы, можетъ быть, знаете, гдѣ онъ теперь находится?— спросилъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

Реймаръ опять шепнулъ ему:

— Онъ теперь служитъ шкиперомъ на одномъ изъ грузовыхъ судовъ, которыя ходятъ между Новгородомъ и Ладогой—но теперь его зовутъ Ѳомою.

Молодой финнъ схватилъ Реймара за руку, испытующимъ взоромъ посмотрѣлъ ему въ глаза и сказалъ:

— Вы смотрите такимъ добрымъ и хорошимъ человѣкомъ, что, конечно, не выдадите моего отца?

— Мнѣ это и въ голову не приходитъ, тѣмъ болѣе, что твой

отецъ оказалъ мнѣ очень важную услугу, и если онъ не на шутку думаетъ сдѣлаться честнымъ человѣкомъ, то я очень охотно помогу ему въ этомъ.

Юноша горячо поцѣловалъ руку Реймара, затѣмъ провелъ рукою по влажнымъ глазамъ, и сказалъ:

— Говорите, что нужно сдѣлать!—все выполню!

— Ты это сейчасъ узнаешь,—сказалъ Реймаръ,—но сначала довѣрься мнѣ, и сообщи мнѣ, почему ты поступилъ на службу среди народа, который такъ враждебно отнесся къ отцу твоему.

— Скажу — но только другой, кромѣ васъ, не должень этого слышать!—шепнулъ Реймару Культа.

Реймаръ сказалъ Шрёдеру:

— Подождите насъ у входа харчевни, на улицѣ. Мы недолго промедлимъ.

— Понимаю, — кивнулъ Шрёдеръ, съ довольной улыбкой, опорожнилъ свою кружку меду, и вышелъ.

Тогда молодой финнъ близко пододвинулся къ Реймару и началъ такъ:

— Я поступилъ на службу къ Скульсону, чтобы отмстить за моего отца. Я ожидаю только благопріятной минуты, чтобы негодяю Нильсу воздать по его заслугамъ.

— А что тебѣ въ томъ? Вѣдь это же нимало не улучшитъ положенія твоего отца.

— О!—проговорилъ финнъ, блистая очами,—да вѣдь мщенье-то очень сладко!

— А плоды мщенія часто бываютъ горьки, — замѣтилъ Реймаръ.—Нильсъ будетъ наказанъ за свои злодѣянія—въ этомъ будь увѣренъ. Гораздо лучше было бы, еслибъ ты съ отцомъ (а вѣдь ты, кажется, его любишь?) поселился спокойно у себя на родинѣ,—между тѣмъ, какъ при выполненіи твоихъ плановъ о мести, весьма легко можетъ быть, что ты будешь либо убитъ, либо захваченъ и посаженъ въ тюрьму?

Культа задумался, но черезъ минуту утвердительно кивнулъ головой; однако же добавилъ:

— А чѣмъ же мы будемъ жить? То золото, которое отецъ добылъ на морѣ, не надежно.

— Такъ вотъ потому-то именно и начни лучшую жизнь,—сказалъ ему Реймаръ,—окажи мнѣ сегодня ночью вѣрную услугу, а я тебѣ, со своей стороны, помогу купить у тебя на родинѣ маленькій участокъ земли, на которомъ бы ты могъ жить спокойно.

Лицо Культы засіяло отъ радости. Онъ протянулъ Реймару руку и сказалъ:

— Я довѣряю вашему слову. Такъ говорите же, что долженъ я сдѣлать?

— Въ Вордингборгской башнѣ,—сказалъ Реймаръ,— изнываютъ

въ неволѣ много честныхъ людей, моихъ земляковъ, и я хотѣлъ бы ихъ освободить. Мнѣ сказали, что охрана башни и плѣнниковъ поручена твоему хозяину, и что у него хранится ключъ, которымъ отпирается тяжелая желѣзная дверь.

Культа кивнулъ головой и тотчасъ отвѣтилъ:

— Онъ только отворяетъ дверь и приходитъ туда съ береговой стражей, которая и становится въ дверяхъ въ то время, какъ я несу пищу плѣнникамъ.

— А въ какое время дня твой хозяинъ въ послѣдній разъ посѣщаетъ башню?

— Тотчасъ послѣ заката солнца.

— А гдѣ ключи прячетъ?

— На постели, подъ подушкой.

— А въ той ли комнатѣ онъ спитъ, въ которой и день проводитъ?

— Нѣтъ, его спальня съ той комнатой рядомъ.

Реймаръ, ожидавшій послѣдняго отвѣта съ большимъ нетерпѣніемъ, вздохнулъ съ видимымъ облегченіемъ.

— Ну, такъ если у твоего хозяина сегодня вечеромъ соберется веселая компанія, которая и его, и стражу щедро угоститъ виномъ и медомъ, рѣшишься ли ты утащить у него на нѣкоторое время ключи и передать ихъ мнѣ?

Культа подумалъ, подумалъ — и быстро кивнулъ головой.

— Ладно! — сказалъ тогда Реймаръ, — такъ знай же, что я теперь же обѣщаю тебѣ озаботиться о твоемъ отцѣ и о тебѣ. Та шнека, которая около гавани будетъ приготовлена для принятія плѣнниковъ, приметъ на бортъ и тебя, такъ какъ тебѣ, конечно, ужъ ни минуты нельзя будетъ оставаться въ Копенгагенѣ послѣ этого побѣга. Отъ того, кто будетъ править кораблемъ, ты получишь кошелекъ съ золотомъ, и этимъ, на первое время, будешь избавленъ отъ всякихъ заботъ. А затѣмъ, отправишься въ Ладогу, и сообщишь своему отцу, чтобы онъ тамъ ожидалъ моего отвѣта, а ждать ему долго не придется. Согласенъ ли ты на мое предложеніе?

Культа снова пожалъ руку Реймару.

— Ну, такъ пойдемъ и о дальнѣйшемъ переговоримъ съ береговымъ сторожемъ, который ждетъ насъ у выхода.

И финнъ покорно пошелъ по пятамъ Реймара, какъ вѣрный песъ идетъ по слѣдамъ своего господина...

Ночная тишина въ гавани. Береговая стража только-что обошла рундомъ берегъ и вернулась въ свой, построенный на самомъ берегу, блокгаузъ, гдѣ собралась веселая компанія. Кромѣ завѣдывающаго гаванью и его помощниковъ, компанія состояла изъ иноземныхъ корабельщиковъ, которые во время дня успѣли покончить

нагрузку своихъ судовъ, а на слѣдующее утро собирались сниматься съ якоря. Всѣ они, повидимому, были очень довольны своими дѣлами, потому что выказывали себя на отъѣздѣ очень щедрыми, и, уплативъ обычную пошлину, пригласили и управляющаго гаванью и другихъ датскихъ чиновниковъ на попойку, которая и должна была происходить въ блокгаузѣ. Въ запасахъ вина и меда не было недостатка. Особенно охотно угощались всѣ испанскимъ виномъ, густымъ, тяжелымъ и очень крѣпкимъ, какъ могла это замѣтить и береговая стража, возвратившаяся изъ своего обхода. Но и та недолго занималась наблюденіями, потому что весьма охотно приняла свою долю участія въ пирушкѣ...

И вдругъ, среди общаго разгула и веселья, раздался съ надворья пронзительный крикъ:

— Дверь Вордингборской башни взломана! Всѣ плѣнники бѣжали! Сюда на помощь! всѣ сюда!

Крики все приближались, а нѣсколько мгновеній спустя дверь въ блокгаузѣ распахнулась настежь, и на порогѣ ея явились Кнутъ Торсенъ и Нильсъ.

— Они хотятъ насъ захватить съ собою! — кричалъ Кнутъ. — Защитите насъ, спасите насъ!

— Бейте въ набатъ!—приказывалъ Нильсъ.

Но обоимъ датчанамъ легко было приказывать... Хотя неожиданное извѣстіе объ освобожденіи заключенныхъ въ башнѣ плѣнниковъ и быстро отрезвило пировавшихъ дозорщиковъ, однакоже, прошло не мало времени, пока они настоящимъ образомъ пришли въ себя, собрались въ полномъ составѣ и изготовились къ исполненію своихъ обязанностей.

Смотритель гавани бросился въ сосѣднюю каморку, чтобы оттуда захватить ключи, — и вдругъ разразился цѣлымъ потокомъ проклятій и ругательствъ. Онъ сталъ кликать Культу, но напрасно: тотъ не откликался на его зовъ. Между тѣмъ, нѣкоторые изъ сторожей поспѣшили къ набатному колоколу, но оказалось, что онъ не звонитъ, потому что языкъ у него былъ туго обмотанъ паклей. Пришлось поднять тревогу крикомъ и громкими призывами на помощь; сбѣжалось множество народа, зажгли факелы, и съ ними быстро направились къ башнѣ. Взломанная дверь открыта была настежь, и множество слѣдовъ на прибрежномъ пескѣ ясно указывали направленіе, по которому бѣжали плѣнники. Съ ругательствами и проклятіями пошли датчане по этимъ слѣдамъ, которые шли вдоль берега къ гавани и терялись въ прибрежной тинѣ. Нигдѣ никого не нашли, и только тутъ замѣтили, что по волнамъ Норезунда на всѣхъ парусахъ удаляется отъ берега легкое судно, которое успѣло уже отойти, по крайней мѣрѣ, на полморской мили.

— Это судно увозитъ отъ насъ плѣнниковъ! — заревѣли датчане. — Скорѣе въ погоню за нимъ!

Реймаръ напрасно напрягалъ всѣ усилія.

И всѣ бросились въ разсыпную къ гавани, гдѣ вскорѣ нѣсколько шнекъ отвалили отъ берега.

Но уходившее судно уже успѣло настолько выиграть времени, что нагнать его было мудрено.

Между тѣмъ, какъ все населеніе гавани отыскивало на берегу слѣды бѣжавшихъ плѣнниковъ, въ самой гавани разыгралась очень курьезная ночная сцена.

Кнутъ Торсенъ, который, опасаясь преслѣдованій Реймара, укрылся было въ блокгаузѣ, оставшись въ немъ одинъ, вдругъ пришелъ въ ужасъ... Онъ увидѣлъ, что Реймаръ, пользуясь отсутствіемъ стражи, прямо вошелъ въ блокгаузъ, и съ возгласомъ: «Наконецъ-то ты попался мнѣ, негодяй!» — устремился на своего трепещущаго врага. Но тотъ, не теряя ни минуты, распахнулъ окно, выскочилъ изъ него на берегъ и скрылся изъ глазъ Реймара среди мрака. Однакоже, Реймаръ пустился за нимъ въ погоню. Благодаря своему острому зрѣнію, онъ различилъ вдали фигуру Кнута, который поспѣшно отвязывалъ отъ берега одну изъ шлюпокъ, чтобы избѣгнуть погони. Съ тѣмъ проворствомъ, которое придаетъ человѣку только отчаяніе и угрожающая опасность, Торсенъ вскочилъ въ утлый челнъ и направилъ его къ острову Амагеру. Но тотчасъ послѣ того онъ уже придалъ своему челну другое направленіе, увидавъ, что и Реймаръ также послѣдовалъ его примѣру, и гонится за нимъ на челнокѣ. Вслѣдствіе этого датчанину ничего не оставалось болѣе, какъ пуститься наудачу въ Норезундъ, въ надеждѣ на то, что тамъ окажется возможность ускользнуть отъ врага, пользуясь темнотою ночи.

Но осеннее небо, какъ на бѣду, было безоблачно, звѣзды мерцали на немъ ярко, а изъ-за окраины берега показался краешекъ мѣсяца.

— Врешь, не уйдешь!—кричалъ Реймаръ громовымъ голосомъ вслѣдъ Торсену, который гребъ изо всѣхъ силъ.

Но всѣ его усилія къ тому, чтобы скрыться отъ настигавшаго врага, были тщетны. Уйти у него изъ виду онъ никакъ не могъ, потому что вскорѣ мѣсяцъ совсѣмъ поднялся надъ берегомъ и облилъ весь Норезундъ своимъ серебристымъ свѣтомъ.

Остроносые челноки быстро скользили, разрѣзая волны, и Реймаръ радовался, видя, какъ разстояніе между ними все болѣе и болѣе уменьшается; но радость его была нѣсколько преждевременна. Торсенъ гребъ ровнѣе, нежели Реймаръ, а потому и силы Торсена не такъ быстро истощались. Большимъ счастіемъ для Реймара было уже и то, что на морѣ не было большого вѣтра; а то онъ, пожалуй, недалеко бы уплылъ по Норезунду.

Оба челнока приближались къ небольшой бухтѣ, когда поперекъ ихъ пути двинулся отъ берега купеческій корабль. Судя по флагу, по мачтѣ, судно было англійское. Торсенъ сталъ подавать

отчаянные знаки экипажу судна и, что было мочи, направилъ свой челнокъ прямо на него.

— Не примете ли вы меня на бортъ? — крикнулъ онъ кормчему: — За мною гонится какой-то негодяй.

— Мы идемъ прямымъ курсомъ, нигдѣ не останавливаясь, черезъ Каттегатъ, прямо въ Лондонъ, — отвѣчали ему съ борта.

— Все равно! — крикнулъ Торсенъ, — хоть на край свѣта готовъ съ вами ѣхать! Что возьмете съ меня за переѣздъ?

И онъ съ ужасомъ ожидалъ отвѣта, цѣпляясь за судно, такъ какъ челнъ Реймара былъ уже очень недалеко. Капитанъ корабля назначилъ какую-то ничтожную сумму, и вскорѣ послѣ того Торсенъ уже вскарабкался на бортъ судна, которое быстро двинулось по волнамъ, мимо самаго Реймара, напрасно просившаго принять и его также пассажиромъ на корабль. Словно на смѣхъ Реймару, на кормѣ корабля блеснула крупными буквами выставленная надпись: «Надежда»...

Да, надеждой окрылялъ этотъ корабль убѣгавшаго врага! Но каково было положеніе, въ которомъ очутился Реймаръ, объ этомъ мы предоставляемъ судить читателю...

XVII.

Радость и горе.

Наступили рождественскіе праздники. И въ Любекѣ, и въ другихъ ганзейскихъ городахъ, святки въ этомъ году встрѣчены были очень тихо, такъ какъ всюду были заняты приготовленіями къ новой войнѣ съ королемъ аттердагомъ и его союзникомъ, норвежскимъ королемъ Ганономъ.

Въ день святого Мартина, ганзейцы собрались въ Кёльнѣ для заключенія общаго оборонительнаго и наступательнаго союза и для совѣщанія обо всемъ необходимомъ. Если уже и при первой войнѣ съ Вольдемаромъ ганзейскій военный флотъ былъ весьма значителенъ, то нынѣ собранный ими флотъ, какъ по отношенію къ численности судовъ, такъ и по отношенію къ численности экипажей, далеко превосходилъ тотъ прежній флотъ. Совѣщанія привели къ тому, что рѣшено было: вестерлингамъ выйти въ море въ Вербное воскресенье и собраться у входа въ Норезундъ, при Марстрандѣ, одномъ изъ островковъ въ шведскихъ шхерахъ, противъ норвежскаго берега; остерлингамъ — выйти въ море тотчасъ послѣ Пасхи, и собраться близь Геннека, узкаго пролива, отдѣляющаго Рюгенъ отъ небольшихъ островов, лежащихъ на западѣ. Оттуда уже вестерлинги должны были вступить въ

Норезундъ, на соединеніе съ вестерлингами. На покрытіе военныхъ издержекъ открыта была общая подписка.

Союзъ вестерлинговъ и остерлинговъ побудилъ и многіе изъ приморскихъ городовъ, не ганзейскихъ, и при томъ не производившихъ морской торговли на своихъ собственныхъ корабляхъ,— увлечься общимъ теченіемъ и пристать къ ганзейцамъ. Не имѣя возможности оказать имъ въ войнѣ съ аттердагомъ поддержку своими кораблями, эти города обязались доставить извѣстное количество ратниковъ. Союзниками ганзейцевъ, сверхъ того, явились: графъ Голштинскій, герцоги Мекленбургскіе и многіе, недовольные Вольдемаромъ, ютландскіе бароны.

Король Вольдемаръ, черезъ своихъ шпіоновъ (между которыми Нильсъ, попрежнему, занималъ видное мѣсто) узналъ о приготовленіяхъ ганзейцевъ къ войнѣ, и хотя ему даже въ голову не приходило, что ему одновременно объявятъ войну семьдесятъ семь городовъ, въ союзѣ съ нижне-нѣмецкими купцами, однакожа, онъ ясно видѣлъ, что готовится что-то недоброе... Въ этихъ видахъ, онъ отправилъ своего рейхсъ-маршала, Геннинга фонъ-Падебускъ, съ двумя совѣтниками, въ Любекъ, чтобы пригласить ганзейцевъ на съѣздъ въ Копенгагенъ, гдѣ онъ собирался уладить свои несогласія съ приморскими городами.

Но переговоры не состоялись уже потому, что аттердагъ положительно отказался уплатить вознагражденіе за всѣ тѣ ганзейскіе корабли, которые были захвачены по его приказу, не смотря на перемиріе и на полное прекращеніе всякихъ военныхъ дѣйствій со стороны Ганзы. Впрочемъ, даже и выказанное королемъ дѣйствительное миролюбіе едва ли привело бы къ какимъ-нибудь положительнымъ результатамъ, такъ какъ воинственный пылъ ганзейцевъ былъ возбужденъ въ высшей степени. Когда Вольдемаръ узналъ, что предположенный имъ съѣздъ не состоится, то онъ пригрозилъ ганзейскимъ городамъ, что будетъ на нихъ жаловаться и папѣ, и императору германскому, и князьямъ, и баронамъ. Но и это ни къ чему не привело, такъ какъ представители ганзейскихъ городовъ отвѣчали ему: «И мы то же самое думаемъ сдѣлать, да къ жалобѣ нашей думаемъ еще добавить, что датскій король захватываетъ у насъ корабли и похищаетъ наше имущество, не смотря на то, что онъ клялся намъ соблюдать миръ».

Аттердагъ издавна впалъ въ большое заблужденіе: онъ не умѣлъ оцѣнить по достоинству возростающее могущество ганзейскаго союза. И вдругъ, онъ видѣлъ себя вынужденнымъ признать эту силу, такъ какъ извѣстія, отовсюду доставляемыя ему Нильсомъ и его сотоварищами, становились все болѣе и болѣе грозными. Онъ струсилъ, тѣмъ болѣе, что и недовольство готландской знати стало высказываться довольно рѣзко. И вотъ, собравъ всѣ свои сокровища, онъ назначилъ своего маршала правителемъ королевства, снабдилъ его

и остальныхъ членовъ королевскаго совѣта полномочіями для веденія переговоровъ съ ганзейскими городами, а самъ, пользуясь покровительствомъ померанскихъ герцоговъ, ускользнулъ черезъ Померанію къ императору Карлу IV, чтобы молить его о помощи въ настоящемъ своемъ безвыходномъ положеніи. Но и самъ императоръ, въ данномъ случаѣ, ничего иного не могъ сдѣлать, какъ выразить свое неодобреніе противъ враговъ аттердага и снабдить его письмами къ различнымъ германскимъ князьямъ; въ письмахъ этихъ императоръ просилъ князей разобрать распрю «мятежныхъ купцовъ» съ королемъ Вольдемаромъ. Но что проку было въ этихъ письмахъ аттердагу! Князья не имѣли никакой исполнительной власти, и никто изъ нихъ, конечно, и не шевельнулся бы изъ-за того, что императору было угодно написать въ письмѣ.

А, между тѣмъ, настроеніе ганзейцевъ было очень спокойное и очень твердое. Они не предавались никакому воинственному шуму, потому что были увѣрены въ своемъ успѣхѣ. Въ полнѣйшей тишинѣ совершались всѣ приготовленія къ важной борьбѣ, ни мало не мѣшавшія даже обычному ходу торговыхъ дѣлъ. Каждый городъ назначалъ отъ себя своихъ начальниковъ во флотъ. Въ Любекѣ выборъ палъ на двоихъ: Бруно фонъ-Варендорпа и Готтшалька фонъ-Аттендорна. Они значительно увеличили число ратниковъ на судахъ и даже озаботились о томъ, чтобы имѣть въ запасѣ небольшую кавалерію на тотъ случай, если бы пришлось продолжать веденіе войны на датскомъ материкѣ.

Озлобленіе, давно уже питаемое любечанами по отношенію къ аттердагу, возросло еще болѣе и достигло крайняго предѣла, послѣ того, какъ они узнали отъ возвратившихся изъ плѣна матросовъ, какое бѣдственное существованіе пришлось влачить этимъ несчастнымъ въ страшной Вордингборгской башнѣ. Имена ихъ избавителей произносились съ восторгомъ, и Варендорпъ явился на домъ къ Госвину Стеену, чтобы поздравить отца съ новымъ подвигомъ его мужественнаго сына. Такъ какъ старый купецъ былъ не совсѣмъ здоровъ и никого не принималъ, то Варендорпъ передалъ свое привѣтствіе хозяйкѣ дома и ея дочери. Такое утѣшеніе, видимо, было очень кстати, такъ какъ ихъ лица выражали скорбь и печаль.

Въ вечеръ рождественскаго сочельника, въ богатомъ домѣ Госвина Стеена не была зажжена ёлка. Непривѣтная темнота царила во всѣхъ его окнахъ... Но за то, тѣмъ болѣе ярко горѣли немногія восковыя свѣчи на крошечной ёлочкѣ, около которой, въ бѣдной комнаткѣ собрались три счастливца. Всѣ трое сидѣли вмѣстѣ, обнявшись, и съ удивительно-искреннимъ чувствомъ пѣли:

«Христосъ нарождается, —
«Міръ имъ спасается!»

У нихъ не было никакой способности къ пѣнію, голоса были самые обыкновенные, но они въ свое пѣніе влагали сердце и душу,

и глубоко чувствовали все значенiе словъ рождественской пѣсни. Они утратили все свое счастье, весь свой мiръ—злая судьбина ихъ разлучила! И вотъ они снова сошлись всѣ вмѣстѣ, и снова вернулась къ нимъ прежняя веселость, съ которою они встрѣчаютъ Рождество Христово. Всѣ эти три счастливца были очень бѣдны; они не могли другъ друга ничѣмъ подарить, и ёлка ихъ не была украшена и увѣшена никакими дорогими лакомствами, но имъ ничего не было и нужно: они были счастливы, какъ никогда, они были довольны уже тѣмъ, что опять сошлись вмѣстѣ, могли другъ другу смотрѣть въ глаза, обниматься и пожимать другъ другу руки. Глаза ихъ были, правда, влажны отъ слезъ, но—то были слезы радости.

— Неужли это я наяву тебя обнимаю?—спрашивала Марика, съ любовью глядя въ очи своему дорогому Ганнеке.—Иногда мнѣ это счастье кажется сномъ...

— Ахъ, ты моя разлюбезная женушка! Не сонъ это, а сущая явь. Я теперь опять съ вами, и ужъ больше васъ не покину!

При этихъ словахъ онъ и Яна привлекъ въ свои объятiя, и жену обнялъ.

Когда свѣчечки на ёлкѣ догорѣли, Марика зажгла жирникъ и поставила его на столъ. Затѣмъ, она принесла двѣ глиняныхъ тарелки, на которыя Ганнеке положилъ двѣ большiя селедки.

— А вотъ и нашъ рождественскiй ужинъ!—сказалъ онъ съ грустной усмѣшкой.—Разжирѣть мы отъ него не разжирѣемъ, а вкусенъ онъ намъ все же покажется. Эхъ, други мои! Въ Вордингборгѣ у насъ частенько и того не бывало, а вѣдь вотъ выдержали же!

Марика еще разъ крѣпко поцѣловала Ганнеке, и крупныя слезы покатились по ея щекамъ.

— И вы не тревожьтесь, други,—продолжалъ глава семейства,— эта наша нужда не долго продлится: и нашъ Янъ, и я самъ—найдемъ себѣ скорёхонько работу. Я-то, положимъ, думалъ, что мы сразу будемъ приняты на службу къ нашему старому хозяину, однако...

Онъ не договорилъ и печально замолкъ.

— Ступайте завтра еще разъ къ г. Стеену,—сказала Марика, обращаясь и къ мужу, и къ сыну.—Авось васъ къ нему и допустятъ?

И тотъ, и другой отрицательно потрясли головою.

— И ходить не стóитъ, матушка моя,—сказалъ Ганнеке.—Не только самъ г. Стеенъ на насъ за что-то сердится; но даже и дочь, и жена его, которыя всегда бывали къ намъ такъ добры. Я думалъ, что онѣ подпрыгнутъ отъ радости, такъ неожиданно меня увидавши; но оказалось на дѣлѣ, что и онѣ не пожелали меня видѣть, такъ что ужъ я долженъ былъ черезъ Данiэля передать то, что приказалъ мнѣ при послѣднемъ свиданiи г. Реймаръ, когда онъ меня изъ Вордингборгской башни-то освобождалъ.

— А что же онъ тебѣ такое приказывалъ?

— Да, вотъ и немного сказалъ, да въ слова-то свои много вложилъ. Приказалъ онъ своему отцу передать, что ему теперь вполнѣ извѣстно, ка̀къ и въ чемъ его проклятый датчанинъ оклеветалъ, и что, молъ, онъ ранѣе не переступитъ порогъ своего дома, пока онъ похитителя своей чести (такъ и сказалъ, ей-Богу!) не отыщетъ и не вынудитъ дать себѣ удовлетвореніе. Онъ бы, видишь ли, можетъ быть, и больше приказалъ бы сказать, да времени-то не было у насъ. Мы должны были спѣшить на шнеку, которая насъ уже ожидала...

— Ну, и что же ты,—перебила Марика своего супруга,—развѣ не сказалъ старику Даніэлю, что тебя очень это удивляетъ, почему тебя г-жа Стеенъ и дочка ихняя на глаза не пускаютъ?

— Само собою разумѣется, тотчасъ и ему все это высказалъ; но въ томъ-то и дѣло, что этотъ самый Даніэль, который, такъ сказать, близкій мнѣ пріятель былъ всегда,—вдругъ такъ ко мнѣ какъ-то важно и гордо отнесся, такъ свысока на меня глянулъ, что я тотчасъ собралъ паруса и даже совсѣмъ растерялся...

— И такъ странно относятся къ намъ не однѣ Стеены,—вступился Янъ.—Детмары поступили точно также. Они тоже меня къ себѣ не допустили; самъ Детмаръ избѣгалъ меня при встрѣчѣ на улицѣ, супруга его на меня даже не смотритъ, а Елисавета,—добавилъ юноша съ глубокимъ вздохомъ,—той я никакъ не могу повстрѣчать, какъ ни стараюсь!

— Да ты мнѣ объ этомъ ничего не говорилъ до сихъ поръ,—съ удивленіемъ сказала Марика.—Ну, а съ тобою какъ обошлись Детмары, муженёкъ?

— Эхъ, матушка!—сказалъ Янъ, съ нѣкоторымъ смущеніемъ,—сто̀итъ ли этимъ огорчаться? Надо уживаться съ людьми, каковы они есть, а не ждать отъ нихъ чего-то чрезвычайнаго.

— Да ты куда же это рѣчь ведешь?—допрашивала Марика.

— Куда? куда? Ну, вотъ, видишь ли,—началъ Ганнеке,—я пошелъ было къ мейстеру Детмару и толкнулся къ нему въ мастерскую... Такъ у него тамъ дѣла, что ли, очень много было... ну, вотъ онъ и не могъ со мною такъ долго прохлаждаться, какъ бывало прежде...

— Да развѣ же ты въ домѣ-то у нихъ не былъ?

— Какъ не быть? Былъ! И фрау Детмаръ, точно, что приняла меня... этакъ, въ сѣняхъ... да вѣдь ты знаешь, что она никогда не бывала ко мнѣ особенно ласкова... А, впрочемъ, она извинялась, что въ домъ ввести меня не можетъ потому, молъ, у нихъ тамъ разныя приготовленія идутъ—приданое Елисаветѣ готовятъ, которая скоро замужъ выходитъ за господина секретаря...

Янъ вскрикнулъ. На лицѣ его выразилось отчаянье.

— Что сказалъ ты, батюшка? Неужели Елисавета согласилась

быть женою секретаря? О, Боже мой, зачѣмъ долженъ былъ я и это узнать!

Съ этими словами онъ выбѣжалъ изъ дома. Ганнеке опечалился, а Марика опустила глаза. Спустя нѣсколько времени, онъ толкнулъ жену локтемъ и сказалъ:

— Что бы это значило? Я вижу, что Янъ также точно дуритъ, какъ и я самъ дурилъ, когда, помнишь, распустили слухъ, будто ты замужъ выходишь за кума Бульмеринга?

— Да, и я то же самое подумала, — шепнула ему Марика.

— Это, признаюсь, мнѣ по̀-сердцу, что онъ, такой у насъ горячій... Я люблю такую молодежь. Да видно ему и Елисавета ужъ очень полюбилась?

Марика утвердительно кивнула головою. Ганнеке оперся локтями о столъ и положилъ голову на руки, и долго сидѣлъ онъ молча, пока не вернулся въ комнату Янъ. Глаза его были красны отъ слезъ... Послѣ долгаго молчанія, Ганнеке протянулъ сыну руку и сказалъ ему теплымъ, задушевнымъ голосомъ:

— Сыночекъ, у тебя вѣдь еще мы остались!

Янъ закусилъ губу, чтобы не разрыдаться и кивнулъ отцу головою; но двѣ крупныя слезы скатились по его щекамъ.

Мать потрепала его ласково по его густымъ, бѣлокурымъ волосамъ.

— Христосъ нарождается, и міру является!—запѣлъ Ганнеке густымъ басомъ, — и міръ умиляется!

Онъ, правду сказать, и самъ не зналъ, слѣдуетъ ли ему теперь запѣть, а потому и сказалъ:

— Други мои, да вѣдь сегодня-то сочельникъ Рождества, а вѣдь это—изъ праздниковъ праздникъ; слѣдуетъ намъ быть веселыми и благодарить Господа Бога, что онъ еще разъ привелъ намъ свидѣться.

— Батюшка, батюшка мой! — воскликнулъ Янъ радостно, и крѣпко обнялъ отца.

— Вотъ это такъ! — прошептала Марика и, набожно сложивъ руки, подняла глаза къ небу.

— Ха, ха, ха! — добродушно разсмѣялся Ганнеке, — а вѣдь вы, други, самаго лучшаго-то и не замѣчаете: вѣдь вотъ мы сколько времени всякіе пустяки болтали, а ужинъ-то, ужинъ-то нашъ — вѣдь такъ-таки, нисколько не простылъ!

И онъ со смѣхомъ указалъ на селедки, на хлѣбъ, — и жена, и сынъ отъ души стали вторить его веселому хохоту...

XXVIII.

Неожиданный ударъ.

Отошли праздники, и на торговой площади опять закипѣла ежедневная будничная жизнь. Въ праздники подобрались изъ кладовыхъ запасы, и множество женщинъ и дѣвушекъ явились на рынокъ съ своими ручными корзинками, — закупать новые запасы.

Вмѣстѣ съ прочими явилась и Елисавета Детмаръ. Она какъ разъ стояла у мясной лавки и обдумывала какой-бы кусокъ ей выбрать на жаркое, какъ вдругъ чья-то рука легонько коснулась ея плеча. Она быстро обернулась, и перепугалась, встрѣтивши обращенный на нее взоръ ея вѣрнаго Яна.

— Я не хотѣлъ тебя тревожить, прости!—сказалъ ей добродушный парень.—Я только хотѣлъ сказать тебѣ, что я опять въ Любекѣ, и что я не забылъ тѣхъ добрыхъ, ласковыхъ словъ, которыя слышалъ отъ тебя при отъѣздѣ.

Елисавета ничего ему не отвѣчала. Она стояла, опустивъ глаза, и Янъ съ сердечною тревогою смотрѣлъ на ея блѣдное личико, ясно выражавшее, что у ней на сердцѣ было не легко.

— Ты вотъ собираешься вскорѣ замужъ выходить,—продолжалъ Янъ прерывающимся голосомъ, — и такъ какъ я зналъ, что твои родители не пригласятъ меня на свадьбу (да я и не желалъ бы этого вовсе!)... такъ вотъ я хотѣлъ тебя заранѣе поздравить и пожелать тебѣ...

И онъ съ горя не могъ говорить болѣе, и оба молча стояли, потупившись и стараясь всѣми силами сдержать слезы.

Наконецъ Елисавета овладѣла собою, и сказала:

— Это хорошо, что мы съ тобою встрѣтились. Пусть ужъ мать побранитъ меня за это, а я все же должна съ тобою поговорить. Но здѣсь, на виду у всѣхъ, говорить не мѣсто,—пойдемъ со мною въ Гольстенскую улицу.

Янъ послѣдовалъ за нею.

— Ты самъ знаешь,—начала говорить Елисавета,—что доброе дитя должно повиноваться своимъ родителямъ, а потому и я, выходя замужъ за секретаря, исполняю этимъ желаніе отца и матери. Они, конечно, не принудили бы меня къ этому, если бы ты тогда былъ поосторожнѣе...

— Что ты этимъ желаешь сказать? — спросилъ Янъ съ изумленіемъ.

— Ты очень хорошо меня понимаешь, — сказала Елисавета съ ясно-выраженнымъ укоромъ.—Это было очень глупо съ твоей стороны, что ты, раньше времени позволилъ себѣ объ этомъ болтать

съ каждымъ встрѣчнымъ... Потому вѣдь молодому человѣку слѣдуетъ сначала пріобрѣсть какое-нибудь положеніе, да научиться чему-нибудь хорошенько, а ужъ потомъ думать о томъ, какъ свое гнѣздно свить... Вотъ эта твоя болтовня и вооружила противъ тебя моихъ родителей, и они были правы... А я вотъ за все это теперь въ отвѣтѣ,—добавила она слезливо,—и вотъ, чтобы загладить твою глупость, меня вынуждаютъ выйти замужъ за секретаря Беера.

— Клянусь тебѣ всѣмъ святымъ, что изъ всего, тобою сказаннаго, я не могу понять ни единаго слова! Повѣрь же ты мнѣ, наконецъ!

Елисавета утерла слезы и посмотрѣла въ глаза Яну.

— Ты никогда, кажется, не лгалъ,—сказала она,—и потому я должна вѣрить твоимъ увѣреніямъ. Но ты, можетъ быть, позабылъ, что ты тогда говорилъ...

— Ахъ, Боже ты мой, да что же я говорилъ-то?

Елисавета, въ недоумѣніи, покачала головой.

— Да вѣдь ты за это же самое и у г. Стеена мѣсто потерялъ!—сказала она Яну даже съ нѣкоторою досадою.

Янъ изъ себя вышелъ.

— Да пойми же ты, что я этого ничего не знаю! Вѣдь я, какъ ни старался, не могъ добиться, почему именно мнѣ такъ неожиданно отказали отъ мѣста! Скажи ради Бога, почему это могло произойти?

Елисавета глубоко вздохнула, и потомъ сообщила Яну все, что секретарь Бееръ передалъ «подъ секретомъ» ея матери.

Янъ такъ и замеръ отъ изумленія.

— Да быть же не можетъ!—вскричалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія,—вѣдь этакій же негодяй! Да его убить мало! Ахъ, Богъ мой! Такъ вотъ почему меня и Стеенъ отъ себя прогналъ, и родители твои поспѣшили отъ меня отдѣлаться,—и отецъ твой такія загадки мнѣ загадывалъ, при прощаньѣ!.. Но только я никакъ въ толкъ не возьму, Елисавета! Ты вѣдь знаешь, что я хоть и бѣднякъ, да честный человѣкъ, и что я всякой лжи боюсь, какъ огня,—какъ же ты могла хоть на мигъ повѣрить клеветническимъ рѣчамъ этого секретаря?

— Да что же такое?—отвѣчала ему молодая дѣвушка,—вѣдь тутъ клеветы, собственно говоря, не было... И ты, и я—мы, точно, не были противны другъ другу и если бы ты добился какого-нибудь порядочнаго положенія, такъ родители мои, конечно, не отказались бы назвать тебя своимъ сыномъ...

— Да развѣ же изъ-за этого я могъ позволить себѣ хвастать передъ людьми...

— Такъ это все неправда, что про тебя разсказывалъ секретарь?—спросила Елисавета съ видимымъ удовольствіемъ и сердечнымъ облегченіемъ.

— Во всемъ этомъ нѣтъ ни крошечки правды! — воскликнулъ Янъ.—Въ этомъ я тебѣ поклясться могу!

— О, Господи!—произнесла Елисавета, съ чувствомъ, поднимая глаза къ небу.—Ну, такъ мы еще посмотримъ, можетъ быть, все и уладится!

Она еще что-то хотѣла добавить, но ихъ вниманіе было внезапно отвлечено въ сторону.

Невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ Янъ стоялъ съ Елисаветой, собралась кучка народа, и оттуда вдругъ послышались крики и возгласы, выражавшіе изумленіе по поводу чего-то необычайнаго и недавно случившагося.

— Что тамъ такое?—сказалъ Янъ, озираясь.

Изъ кучки собравшихся людей, въ этотъ моментъ, выдѣлился толстенькій, кругленькій человѣчекъ, въ которомъ Янъ узналъ «кума» Бульмеринга. Откуда повелось называть Бульмеринга кумомъ—этого никто сказать не могъ, но только всѣ и всегда называли этого толстяка не иначе, какъ кумомъ. Вотъ почему и Янъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Да что же тамъ случилось, г. кумъ?

— А то случилось, что кажется свѣтъ весь переворачивается,— порывистымъ голосомъ сталъ говорить кумъ, вѣчно страдавшій одышкой—то есть, не совсѣмъ еще перевернулся, но ужъ близко къ тому подошло... Чего-то, чего не случается на бѣломъ свѣтѣ! Просто удивительно! Кто бы могъ это вообразить!—И онъ хлопнулъ Яна по плечу и посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Да я же ничего не знаю, г. кумъ! — замѣтилъ ему смѣясь молодой человѣкъ.

— Ничего не знаешь?—съ изумленіемъ воскликнулъ Бульмерингъ.—Да, да, да! вѣдь я же тебѣ и сказать не успѣлъ. Подумай-ка?—оно, впрочемъ, повѣрить трудно... Сказываютъ люди, будто бы старинная торговая фирма «Госвинъ Стеенъ и сынъ» пріостановила платежи!!

Янъ не нашутку перепугался.

— Этого быть не можетъ!—воскликнулъ онъ, совершенно пораженный извѣстіемъ.

— Вотъ и я то же самое говорилъ,—отвѣчалъ Бульмерингъ.— Однакоже вѣдь секретарь-то Бееръ долженъ же это доподленно знать. Часъ тому назадъ старикъ Даніэль явился въ ратушу, прошелъ въ аудіенцъ-залу, и передалъ бургмейстеру записку отъ своего хозяина и въ той запискѣ именно стояло, что Госвинъ Стеенъ не можетъ болѣе исполнить своихъ обязательствъ и долженъ пріостановить свои платежи. Ну, какъ же? не перевернулся развѣ свѣтъ-то?

И съ этими словами толстякъ поспѣшно двинулся далѣе, чтобы поскорѣе всюду разславить эту интереснѣйшую новость. Другіе

усердствовали не менѣе его, и потому, не много времени спустя, чуть не весь Любекъ узналъ объ этомъ необычайномъ событіи.

Какъ велико было впечатлѣніе, произведенное неожиданнымъ извѣстіемъ — это можно было видѣть по тѣмъ многочисленнымъ группамъ, и кучкамъ людей, которыя собирались всюду, на улицахъ и на площадяхъ, чтобы потолковать о поразительномъ банкротствѣ. При этомъ, очень немногіе высказывались противъ Госвина Стеена. Этимъ онъ обязанъ былъ, отчасти бюргермейстеру Варендорпу, который всѣми силами старался опровергнуть мнѣніе, будто бы Госвинъ Стеенъ былъ втайнѣ сторонникомъ датчанъ; отчасти же, многіе заявляли себя сторонниками старой фирмы и потому, чтоРеймару удалось освободить изъ Вордингборга такое множество томившихся тамъ плѣнниковъ. И выходило на повѣрку, что большинство любечанъ искренно сожалѣли о паденіи старой и почтенной фирмы.

Варендорпъ, посѣтившій Госвина Стеена въ тотъ же день, съ перваго взгляда могъ убѣдиться въ томъ, какія ужасныя мученія долженъ былъ пережить старый представитель фирмы прежде, нежели рѣшился объявить себя несостоятельнымъ. Волосы на головѣ и въ бородѣ Госвина совсѣмъ посѣдѣли, черты лица опустились, и глаза утратили весь свой блескъ; онъ смотрѣлъ разбитымъ, дряхлымъ старикомъ; при появленіи бюргермейстера онъ едва поднялъ голову и заговорилъ съ нимъ совершенно равнодушно.

— Что же вы, пришли вести меня въ долговую тюрьму? Извольте, я готовъ.

— Это было бы позоромъ для нашего города,—сказалъ Варендорпъ,—если бы мы лишили свободы собрата-ганзейца, который очутился въ бѣдѣ не по своей волѣ! Мы знаемъ васъ за честнаго человѣка, которому Любекъ да и весь ганзейскій союзъ много обязаны.

— Такъ зачѣмъ же вы пожаловали? — снова спросилъ Стеенъ.

— Чтобы переговорить съ вами о мѣрахъ, какія слѣдуетъ принять въ данномъ случаѣ.

— Никакихъ мѣръ тутъ принять нельзя. Я просто разворенъ— негодяемъ, не исполнившимъ своего обязательства.

— Одинъ изъ свидѣтелей, которыхъ имена были подписаны подъ утраченнымъ долговымъ обязательствомъ — вернулся изъ плѣна,— сообщилъ бюргермейстеръ. — Когда я сегодня получилъ вашу записку, я тотчасъ же послалъ за Ганнеке, и тотъ подтвердилъ мнѣ ваше показаніе.

— Что же изъ того? Если бы мы даже могли и Іоганна Виттенборга вызвать изъ его могилы, — отвѣчалъ Стеенъ, покачивая головою, — это не поправило бы моего дѣла. Новая война съ Даніей разразится въ ближайшемъ будущемъ, а этотъ Торсенъ покинулъ Визби и переселился въ Копенгагенъ. Я не могу его засадить въ тюрьму, и данныя ему деньги потеряны безвозвратно.

— Ничуть не бывало, если только Богъ благословитъ насъ побѣдою, — возразилъ Стеену Варендорпъ. — Тогда повѣрьте, этотъ Кнутъ Торсенъ не избѣгнетъ моей руки, и будетъ освожденъ не ранѣе, пока не уплатитъ вамъ все до послѣдняго гроша!

Госвинъ Стеенъ засмѣялся горько и злобно.

— Да вы бы сначала справились, господинъ бюргермейстеръ, найдемъ ли у него грошъ-то за душею!

Варендорпъ сѣлъ рядомъ съ Госвиномъ.

— Не поддавайтесь мрачному настроенію вполнѣ,—сказалъ онъ ему кротко.—Или вы дѣйствительно склонны думать, что ваши братья, ганзейцы, такъ васъ и покинутъ на произволъ судьбы и не помогутъ вамъ подняться? Что же это былъ бы за союзъ, въ такомъ случаѣ? Звукъ пустой—не болѣе.

— Я не желаю чужой помощи! — угрюмо возразилъ Госвинъ Стеенъ.

— Почему?

— Не желаю и отвергаю ее, съ тѣхъ поръ, какъ всѣ мои просьбы были отвергнуты однимъ изъ лучшихъ друзей моихъ, съ тѣхъ поръ...

Онъ сдѣлалъ головою отрицательное движеніе. И тотчасъ послѣ того продолжалъ мрачно:

— Жизнь моя не удалась, и я утомленъ ею. Мнѣ хотѣлось бы ничего болѣе не слыхать о людяхъ, и даже въ глаза ихъ не видѣть. Всего охотнѣе ушелъ бы я въ могилу. А впрочемъ, законы у насъ вѣдь строгіе... и почему бы, господинъ бюргермейстеръ, не отрубать головы тѣмъ купцамъ-хозяевамъ, которые доводятъ свою фирму до банкротства? Вѣдь это для многихъ было бы благодѣяніемъ!

— Повторяю вамъ, что вы поддаетесь ужасному настроенію,—сказалъ Варендорпъ.—Я хотѣлъ облегчить вашу участь, и вы съ такимъ упорствомъ отвергаете мою помощь, что...

— Мудрено было бы вамъ оказать мнѣ помощь дѣйствительную,—возразилъ Госвинъ Стеенъ, опуская голову.

Бюргермейстеръ взглянулъ на него вопросительно; но тотъ, только послѣ нѣкотораго молчанія, продолжалъ:

— Вѣдь вы только одни и оказались бы моимъ доброжелателемъ. Друзей у меня нѣтъ!

— А вотъ вы и ошибаетесь! — возразилъ Варендорпъ, возвышая голосъ.—Весь совѣтъ города Любека относится съ почтеніемъ къ вашему имени и даже съ признательностью...

Госвинъ Стеенъ приложилъ даже руку къ уху, какъ бы желая показать этимъ видъ, будто онъ чего-то не разслышалъ.

— Да, да, я правду говорю вамъ,—утверждалъ Варендорпъ.— Ни мои сочлены по городскому совѣту, ни все общество любекскихъ гражданъ—не могутъ запятнать себя неблагодарностью по отношенію къ вамъ. Мужественный подвигъ вашего сына всѣхъ насъ воодушевилъ, и я долженъ вамъ сообщить, что въ нѣсколько часовъ

въ моихъ рукахъ собралось уже нѣсколько сотъ тысячъ марокъ для того, чтобы поддержать васъ.

— Такъ, значитъ, мой позоръ ужъ всѣмъ извѣстенъ!—воскликнулъ Стеенъ, тяжело подымаясь съ мѣста.

— Къ сожалѣнію, долженъ сознаться,—отвѣчалъ Варендорпъ,—что секретарь проболтался и выдалъ служебную тайну. Я привлеку его за это къ надлежащей отвѣтственности.

— Такъ, значитъ, любечане хотятъ мнѣ помочь снова подняться, хотятъ пополнить мои пустые сундуки, — продолжалъ купецъ съ горькой ироніей,—только потому, что сынъ мой избавилъ изъ плѣна столько-то и столько-то ихъ согражданъ? Ну, а если бы этого не случилось,—тогда они бы дали мнѣ преспокойно погибнуть? Такъ этимъ состраданіемъ согражданъ я обязанъ моему сыну? Ха, ха, ха! Да это пресмѣшно. Фу!—я презираю весь свѣтъ!

Бюргермейстеръ не зналъ, что и отвѣчать на это. Съ безпокойствомъ посмотрѣлъ онъ на купца, начиная нѣсколько сомнѣваться, относительно порядка его умственныхъ способностей.

— Я ухожу сегодня отъ васъ, не получивъ никакого отвѣта,—сказалъ онъ, поднимаясь со стула.—Полагаю, что если бы я сообщилъ вашимъ согражданамъ о нашей сегодняшней бесѣдѣ, они были бы очень оскорблены извѣстіемъ, что вы отвергаете ихъ помощь. И самое ваше заявленіе о банкротствѣ, я, въ качествѣ должностнаго лица, не принимаю къ свѣдѣнію. Если только моя просьба можетъ имѣть для васъ какое-нибудь значеніе, то я прошу васъ не отпускать ни вашихъ мальчиковъ, ни приказчиковъ. Пусть дѣло идетъ себѣ спокойно своимъ ходомъ, — поддержите его ради вашего честнаго, мужественнаго сына.

— Ради моего... сына, — повторилъ Госвинъ Стеенъ почти шопотомъ. И онъ зарыдалъ, и закрылъ лицо руками.

Бюргермейстеръ отнесся съ глубокимъ чувствомъ уваженія къ этому приливу чувства, наконецъ, растопившему ожесточенное сердце. Онъ зналъ, что слезы, въ данномъ случаѣ, были лучшимъ смягчающимъ бальзамомъ, — и потому тихонько вышелъ изъ конторы.

Но этотъ благородный человѣкъ не вышелъ изъ дома, а поднялся по лѣстницѣ въ верхній этажъ, чтобы, по возможности, утѣшить плачущихъ супругу и дочь, и пролить лучъ надежды въ ихъ наболѣвшія сердца.

XIX.

Подъ монастырскимъ кровомъ.

Отецъ Ансельмъ сидѣлъ въ своей кельѣ, а противъ него сидѣлъ Реймаръ, который только-что успѣлъ пересказать ему длинную исторію своихъ страданій, и заключилъ ее слѣдующими словами:

— Когда англійскій корабль подхватилъ на бортъ къ себѣ моего врага, я очутился въ отчаянномъ положеніи. Непривычныя къ греблѣ руки мои были до такой степени утомлены, что я даже и думать не могъ о возвращеніи въ Копенгагенскую гавань. Сверхъ того, и самое возвращеніе туда могло быть для меня очень опаснымъ, такъ какъ шпіонъ Нильсъ, во всякомъ случаѣ, зналъ, что я принималъ дѣятельное участіе въ освобожденіи плѣнниковъ. Мѣсяцъ быстро склонялся къ горизонту и это еще болѣе побуждало меня къ тому, чтобы поспѣшить выбраться изъ теченія и причалить гдѣ-нибудь поближе къ датскому берегу. Тамъ я преспокойно и сталъ ожидать разсвѣта. Много кораблей прошло мимо меня, но ни одинъ изъ нихъ не казался мнѣ настолько надежнымъ, чтобы я рѣшился ему довѣриться. Послѣ долгаго ожиданія, я завидѣлъ, наконецъ, вдали, судно подъ флагомъ города Стральзунда. Я поскорѣе отвязалъ свой челнъ и выѣхалъ на встрѣчу кораблю, еще издали дѣлая знаки кормчему. Моя просьба о принятіи меня на бортъ была услышана. Судно шло курсомъ на Эдинбургъ. Я заплатилъ за проѣздъ, надѣясь, что мнѣ нетрудно будетъ изъ Шотландіи пробраться въ Лондонъ, гдѣ я предполагалъ повстрѣчать моего врага, Кнута Торсена. Послѣ долгаго плаванія, я, наконецъ, попалъ въ Лондонъ и, прежде всего, бросился въ гавань—отыскивать тотъ корабль «Надежда», который увезъ отъ меня проклятаго датчанина. Нашелъ я корабль, и обратился къ кормщику съ вопросомъ,—куда дѣвался датчанинъ, котораго они подхватили къ себѣ на бортъ въ Норезундѣ? Тотъ не хотѣлъ было говорить, но золото открыло его уста, и я, такимъ образомъ, узналъ, что Кнутъ Торсенъ еще находится въ Лондонѣ и уже уплатилъ имъ за обратный свой путь, такъ какъ «Надежда» недѣль черезъ шесть должна обратно идти съ грузомъ въ Копенгагенъ. Далѣе нечего и разсказывать, дорогой дядя!

Монахъ взялъ племянника за руку, погладилъ его ласково по головѣ, и сказалъ:

— Много ты пережилъ тяжелыхъ испытаній съ того новаго года, который мы съ тобою здѣсь вмѣстѣ встрѣтили. Но, Богъ милостивъ, онъ и тебѣ укажетъ, наконецъ, тихое и мирное пристанище, гдѣ и твое сердце успокоится.

— Это будетъ только тогда возможно,—сказалъ Реймаръ,—когда будетъ возстановлена моя опозоренная честь.

— Я слишкомъ далекъ отъ міра,—отвѣчалъ отецъ Ансельмъ,—чтобы правильно судить объ этомъ. Однако мнѣ сдается, что братъ мой, Госвинъ, долженъ былъ бы болѣе придать вѣры твоимъ словамъ, нежели заявленіямъ этого датчанина. Тогда бы и всѣмъ было меньше горя и печали. Но что же ты теперь думаешь предпринять?

— Думаю бродить взадъ и впередъ по лондонскимъ улицамъ, съ утра и до ночи, — отвѣчалъ Реймаръ, сверкая взорами, — пока не найду своего врага!

— А тогда что же? — съ напряженнымъ вниманіемъ допрашивалъ его монахъ.

— Тогда.. ну, да дальнѣйшее не надлежитъ слышать благочестивому иноку! Когда же честь моя будетъ удовлетворена, то я опять посѣщу тебя, дядя; а покамѣстъ найду себѣ пріютъ на Стальномъ дворѣ.

Монахъ проводилъ своего племянника горячими пожеланіями успѣха и благословеніями, и Реймаръ, съ того дня, неустанно принялся бродить по лондонскимъ улицамъ, отыскивая Торсена.

Столица Англіи, въ ту пору, какъ мы уже упоминали выше, была очень не обширна. Весь городъ помѣщался на пространствѣ, обстроенномъ древними римскими стѣнами, а на правомъ берегу Темзы едва начинало застроиваться одно изъ старѣйшихъ предмѣстій — Соутверкъ. Всѣхъ жителей насчитывалось въ Лондонѣ не болѣе 35,000 человѣкъ, а потому Реймаръ, рано или поздно, долженъ былъ встрѣтить датчанина.

И дѣйствительно, какъ-то подъ вечеръ, въ сумерки, и какъ разъ противъ монастыря Сѣрыхъ братьевъ, они и столкнулись, однажды, носомъ къ носу.

Кнутъ Торсенъ слишкомъ поздно спохватился, узнавъ своего врага: бѣжать и укрыться отъ него уже не оказывалось ни малѣйшей возможности. Они оба, не говоря ни слова, схватились за мечи и бросились другъ на друга.

Такой поединокъ на улицѣ въ то время не былъ диковинкою. Ночной стражѣ нерѣдко приходилось поднимать по утру тѣла несчастныхъ, убитыхъ во время уличной схватки, поединка или ночного грабежа. Грубые, низшіе слои лондонскаго населенія очень любили поглазѣть на всякія кровавыя уличныя зрѣлища и побоища, и около того мѣста, гдѣ онѣ происходили, обыкновенно очень быстро собиралась толпа праздныхъ зѣвакъ. Само собою разумѣется, что и въ данномъ случаѣ собралось ихъ множество: всѣхъ, еще издали, привлекалъ рѣзкій стукъ мечей.

Торсенъ, по первой схваткѣ съ Реймаромъ, уже зналъ, какъ искусно онъ умѣетъ владѣть оружіемъ, а потому и старался изо всѣхъ силъ защититься отъ него частыми и ложными маневрами.

Но Реймаръ во-время успѣвалъ подмѣтить его уловки, и только болѣе и болѣе кипѣлъ злобою противъ своего противника.

Въ пылу битвы, Реймаръ сообразилъ, что смерть противника не принесетъ ему никакой пользы; напротивъ, для него всего важнѣе было—захватить Торсена живьемъ. Вотъ почему, нападая на него, онъ всѣми силами старался оттѣснить его къ монастырскимъ воротамъ, настежь отворенным, потому что въ это время совершалось вечернее богослуженіе, которое многими изъ лондонскихъ жителей посѣщалось ежедневно.

И Торсенъ, повидимому, сообразилъ, чего именно добивается Реймаръ, а потому и бился отчаянно, нанося ударъ за ударомъ, такъ что Реймаръ едва успѣвалъ ихъ отражать.

Собравшаяся кругомъ толпа зѣвакъ не трогалась съ мѣста и слѣдила за побоищемъ весьма равнодушно; въ ней образовались только двѣ партіи, изъ которыхъ каждая билась объ закладъ за одного изъ бойцовъ и хвалила или осмѣивала ихъ удары.

Одно мгновеніе Реймару грозила серьезная опасность, такъ какъ его противнику удалось припереть любечанина къ стѣнѣ. Молодой человѣкъ очень хорошо понялъ, что ему нельзя ждать пощады отъ Торсена, который имѣлъ явное намѣреніе его ранить на-смерть. Это, конечно, представлялось дачанину единственнымъ способомъ избавленія отъ преслѣдованій неотвязнаго врага.

Вслѣдствіе этихъ соображеній, Реймару ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы покончить битву однимъ ловкимъ ударомъ. Сдѣлавъ ложное уклоненіе корпусомъ направо, онъ въ одинъ моментъ опустился на колѣно и нанесъ Торсену, неожидавшему этой хитрости, такой жестокій ударъ въ бокъ, что битва окончилась разомъ.

Торсенъ грохнулся на землю съ крикомъ:

— Я раненъ на-смерть! Хватайте убійцу!

И кровь хлынула изъ его раны.

Тутъ только толпа заволновалась. Крикъ павшаго въ поединкѣ нашелъ себѣ дикій отголосокъ въ собравшейся черни, которая заревѣла: «Хватайте убійцу! Убійство! Убійство»!

Крики далеко разнеслись во всѣ стороны среди вечерней тишины. Во всѣхъ окрестныхъ улицахъ поднялся шумъ и гамъ, и топотня шаговъ, и безтолковая сумятица. Всѣ бѣжали и спѣшили, всѣ кричали, что въ монастырѣ Сѣрыхъ братьевъ произошло убійство. Толпа рвалась въ узкія монастырскія ворота, и нѣсколько францисканцевъ, вышедшихъ изъ монастыря съ носилками, едва могли пробраться черезъ толпу и дойти до Торсена, лежавшаго безъ движенія. Они положили его на носилки и съ величайшимъ трудомъ, сквозь сплоченную массу народа, внесли его въ монастырь.

Реймаръ исчезъ безслѣдно.

— Гдѣ же убійца?—раздавалось въ толпѣ.

— Онъ укрылся внутри монастыря!—отвѣчали многіе очевидцы поединка.—Мы это сами видѣли!

— Такъ пойдемъ добывать его у монаховъ! — заревѣли въ отвѣтъ сотни голосовъ.

— Монастырь пользуется правомъ своего собственнаго суда внутри монастырской ограды!—послышалось съ разныхъ сторонъ.

— Чего тамъ ждать!? Пусть выдадутъ убійцу, вопила толпа, силою оттѣсняя внутрь ограды тѣхъ монаховъ, которые пытались было затворить монастырскія ворота.

Реймаръ, какъ только увидѣлъ, что его противникъ упалъ, тотчасъ же бросился въ обитель. Извнутри ярко освѣщенной церкви ему слышалось пѣніе монастырскаго хора. Тогда онъ тотчасъ сообразилъ, что ему не слѣдуетъ идти въ келью дяди, и онъ предпочелъ укрыться за колонной, въ томъ темномъ корридорѣ, черезъ который монахи должны были изъ церкви направиться къ своимъ кельямъ. Богослуженіе вскорѣ прекратилось, потому что съ улицы все громче и громче, рѣзче и рѣзче доносились крики яростной толпы. Монахи, перепуганные, поспѣшили разойтись по своимъ кельямъ. При блѣдномъ, мерцающемъ свѣтѣ восковыхъ свѣчей, которыя монахи захватили съ собою изъ церкви, Реймаръ едва могъ узнать своего дядю. Онъ отвелъ его въ сторону, и быстро, въ краткихъ словахъ, объяснилъ ему все случившееся.

Отецъ Ансельмъ перемѣнился въ лицѣ отъ страха. Онъ спрашивалъ у своей совѣсти, можетъ ли онъ, инокъ, дать прибѣжище въ монастырѣ, укрыть отъ правосудія—убійцу, хотя бы даже связаннаго съ нимъ узами родства.

Въ это время съ улицы донеслись возгласы: — «Онъ не убитъ! Давайте сюда скорѣе перевязку»!

Ансельмъ внутренно поблагодарилъ Бога за такое его милосердіе, и взявъ племянника за руку повелъ его туда, гдѣ стоялъ настоятель, передававшій распоряженіе нѣкоторымъ изъ братіи.

Сѣдовласый настоятель выказалъ въ данномъ случаѣ свое великое милосердіе. Онъ разспросилъ Реймара и когда услыхалъ отъ него, что павшій въ поединкѣ датчанинъ и есть тотъ самый, который, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, произвелъ нападеніе на Стальной дворъ и покушался на самую жизнь альдермэна — тогда онъ возложилъ руку на преклоненную главу молодого любечанина, и это должно было служить знаменіемъ того, что онъ согласенъ укрыть его въ обители отъ ярости толпы. А, между тѣмъ, вслѣдъ за носилками съ тяжело-раненнымъ датчаниномъ, вошла и толпа въ монастырскія ворота. Дворъ обители быстро наполнился народомъ,— стали искать Реймара во всѣхъ закоулкахъ. Нѣкоторая часть уличной сволочи пробралась и къ дверямъ монастырскимъ, а тотчасъ вслѣдъ за нею толпа бурнымъ потокомъ хлынула въ ярко-освѣщенную церковь..

